

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

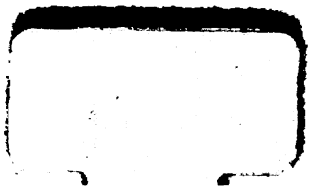
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Digitized by Google

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

501679

ПАНТЕОНЪ

№ 1.

ЯНВАРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

✓ **ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.** Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хвощинс.*
(Часть первая).

✓ **МИХАИЛО ФЛЕНТРАВЕРСОВЪ.** Разсказъ *В. А. Каприцкого.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ. Статья *В. Толбина.*

III. МЕМУАРЫ.

✓ **ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ.** Изданныя *Диккенсомъ*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Тарасъ Бульба,** драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ извѣстной повѣсти *Гоголя.*
2. **Сумасшедшая Актриса или Женитья и Хлороформъ,** водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго.*
3. **Мужъ не мужъ, жена не жена.** Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ гг. *Тарновскаго и Руднева.* (Бенефисъ г-жи *Сосницкой.*)
4. **Лошаръ,** драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. Волларларскаго.*
5. **Тоска и смѣхъ,** драматическій капризъ *его-же.*
6. **Провинціальная гостиница,** комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *И. Карелина.* (Бенефисъ г. *Самойлова.*)
7. **Вришль Ивановичъ Шестреть,** драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника.*
8. **Шваляндъ,** опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арнольда.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причиной успѣха пьесъ въ бенефисъ и паденіе въ слѣдующія представленія и на оборотъ. — Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи *Сосницкой*, вмѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ. — **Замокъ Грантъ.** — Возобновленныя пьесы въ октябрѣ. — *Le démon du Fouger* — **Водевиль.** — Бенефисъ г. *Пейсара.* — «*Дананди.*» — «*Избаиватель.*» — «*Бенвенуто Челлини.*» — *Г. Ружъ* и его бенефисъ. — Пьесы изъ парижской жизни — Новые пьесы въ декабрѣ. — *Королева, кординаль и пажъ.* — Новые водевилы. — *Парижъ смѣющийся и плачущій.* — *Альпійская пастушка.*

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ.

Нѣсколько словъ о *Тюльскомъ театръ.* — Его балетная труппа. — *Г-жа Чинова* въ роли *Сильваны.* — Опера. — Театръ въ *Херсонѣ:* Прїѣздъ труппы г. *Бурицкаго.* — Первые спектакли. — Бенефисъ *Бушено.* — Еще о *Херсонскомъ театръ.* — Новые артисты въ труппѣ *Бурицкаго.* — Театръ въ *Костромѣ.* — *Г. Рыбаковъ.* — *Дочулаевы.*

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 9/з декабра 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ. — Привилегія, данная *Драматической Гимназіи.* — Несчастіе съ театромъ *Водевиль.* — Открытіе *Итальянской Оперы.* — *Отелло.* — *Крувелли,* *Белетти,* *Беттина* и *Кальцолари.* — *Сомнамбула.* — *Г-жа Бельтрамелли.* — Театръ *Комической Оперы:* Первое представленіе «*Удольскихъ Тайнъ,*» оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова гг. *Скриба* и *Жермена Деланина,* музыка *Клаппссона.* — *Лирической театръ:* Первые представленія «*Кидморской Фермы,*» ком. оперы въ 2 д., слова гг. *Деан* и *Вѣстина,* музыка г. *Вернея,* и «*Трубача Гильери*» ком. оперы въ 2 д., слова гг. *Леона* и *де-Бошана,* музыка г. *Сармиенто.* — Письмо изъ *Веймара* о *Берлиозѣ.* — Первый французскій театръ: «*Судаванъ,*» комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. *Мелезвила.* — *Одеонъ:* «*Рашелье,*» драма въ 5 д., въ стихахъ, г. *Пеллиона.* «*Волчье и паденіе Жозефа Придома,*» комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. *Генриха Монье* и *Гюстава Вагза.* — «*Четыре угла,*» комед. въ 1 д., г. *Леона Батю.* — Нѣсколько словъ о *Генрихѣ Монье.* — Театръ *Драматической Гимназіи:* «*Мужъ, которому нечего дѣлать,*» комедія-водевилъ гг. *Фурнье* и *Лорансона.* — «*Матушкинъ смюкъ,*» комедія-водевилъ въ 3 д., гг. *Балра* и *Бьовина.* — Театръ *Разнообразія:* «*Такоибъ,*» водевилъ въ 5 д., гг. *Беро* и *Клервилья.* — Театръ *Веселости:* «*Альпійская пастушка,*» драма въ 5 д. гг., *Шарля Денойе* и *Деннери.*

V. СМѢСЬ.

1. **Отраженіе на сушѣ и моряхъ.** Листки изъ записокъ бывалаго челоѣка. *Собранныя В. Сагиновымъ.*
2. **Самистре.** Плясъ трагедіи, разсказанной артиллерійскимъ капитаномъ, *Наполеономъ Бонапарте.*
3. **Мое знакомство съ Гедманомъ.** Разсказъ изъ путевыхъ записокъ *Э. Скормы.*

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАНІИ

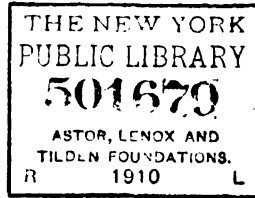
Седоранъ Кочн.

ТОМЪ VII.

ЯНВАРЬ — КНИЖКА ПЕРВАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено' было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Января 24-го 1853.**

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

ВЪ
ВЪ
ВЪ

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ.

ПОВЕСТЬ ВЪ СТИХАХЪ

Н. Д. Звоничской.

I.

Былъ лѣтній вечеръ, и ложились
Чернѣ тѣни. Полосой
Желтели нивы и клубились
Пары надъ свѣтлою рѣкой.
На берегу, склонясь, осины
Шептали что-то; строемъ длиннымъ,
Жужжа тянулись комары.
На небѣ меркнулъ свѣтъ зари.

Вдали пѣснь звонко заливалась
 И колокольчикъ вторилъ ей:
 Между желтѣющихъ полей
 Пыль по дорогѣ поднималась;
 Катился тарантасъ простой
 На тройкѣ рѣзвой и лихой.

Люблю дорогу межъ полями;
 Ромашка, куколь, васильки,
 Колосья съ тонкими иглами
 Такъ мило клонять стебельки
 Въ повозку: сбиты, по дорогѣ
 Печально стелются въ тревогѣ
 И все привѣтливо глядятъ,
 Какъ-будто путника манятъ
 Къ своей краѣ, къ полямъ наряднымъ,
 Къ свободѣ, миру, тишинѣ....
 И сладко такъ бываетъ мнѣ
 Отдать свой умъ мечтамъ отраднымъ...
 Мнѣ дорога всегда одна
 Страны родимой ширина.

Со мной-бы вѣрно согласился
 Прошлый мой. Онъ такъ спѣшилъ,
 Что кони выбились изъ силъ,
 И тарантасъ едва катился....
 Вдали надъ храмомъ крестъ сверкнулъ,
 И тихо въ облакъ тонулъ.

О крестъ родной, село родное!
 Снопъ, трава родныхъ полей!
 Въ васъ что-то кроется бывшее,
 Хранится память прежнихъ дней!
 Холмы, тропинки, долы, нива,
 Не сохранили-ль вы ревниво
 Слѣдовъ младенца, до поры,
 Когда и годы и пиры
 Пройдутъ надъ нимъ, чтобъ-онъ тревожно
 Слѣдовъ младенческихъ искалъ,
 И тайно, горько призывалъ

Былое, шалость, смѣхъ ничтожный,
 Игру, товарищей и страхъ,
 Что ночь заставеть ихъ въ поляхъ....

—
 Былое! тѣню пролетаетъ
 Оно подъ склонами лѣсовъ,
 И жаворонкомъ распѣваетъ
 Надъ пышной озимью луговъ,
 Глядитъ изъ тусклыхъ оконъ дома,
 Скрыпнѣтъ околицей знакомой,
 Играетъ тонкой осокой
 Надъ свѣтлой сонною водой,
 Шумитъ у мельничнаго моста,
 Бросая влаги пыль столбомъ,
 Летаєтъ яркимъ огонькомъ
 По отдаленному погосту ...
 Былое!... Въ этотъ чудный сонъ
 И путникъ нашъ былъ погруженъ.

—
 Домой онъ ѣхалъ. Но къ селенью
 Покуда мчится тарантасъ,
 Съ проѣзжимъ, безъ большихъ вступлений,
 Позвольте познакомить васъ.
 Онъ былъ совѣтникъ титулярный,
 Въ отставкѣ, двадцати-трехъ лѣтъ,
 Хорошъ собой, подчасъ поэтъ,
 Хотя, признаться вамъ — бездарный,
 Помѣщикъ десяти дворовъ
 И звался Николай Петровъ.

—
 Пяти лѣтъ только отъ рожденя,
 Оставшись круглымъ сиротой,
 Достался онъ на попеченья
 И слезы бабушкѣ сѣдой.
 Она его весь день кормила,
 По псалтырю складамъ учила,
 И горько плакала, крестя
 Свое невинное дитя.
 А онъ сестру свою качаетъ
 Бывало въ люлькѣ, самъ не свой,

И вѣжной дѣтскою душой
Утраты раню поминаетъ—
По скорби, по слезамъ другихъ.
Онъ выросалъ смиренъ и тихъ.

Отецъ Иванъ, священникъ строгій,
Заботы бабушки дѣлалъ,
Бранилъ Николу поемного,
И самъ, что зналъ, всему училъ.
Слѣдя глазами мошекъ стаю,
Ребенокъ часто ужъ мечталъ,
Припоминалъ и размышлялъ,
Что значитъ мыслить, самъ не зная,
Покуда птички вѣзвыи летъ
Его раздумье перарветъ.

Хоть бабочка, какъ и мушкетеръ,
Отецъ Иванъ и не любилъ,
Но заводъ крестьянскихъ ребятшекъ
Въ команду Коля отдакъ былъ.
Бывало утренней зарею
Они отправятся гурьбою
По дальнимъ рошамъ и дугамъ;
Стрекозы, гитара, горе вамъ!
Спасаютъ ихъ не состраданье,
Но мысль ребенка, что ихъ пѣнья
И въ ласкахъ не найдетъ замѣнъ
Что жизнь мила для всѣхъ созданий....
Разсорясь съ воинствомъ своимъ,
Онъ уходилъ, осмѣявъ имъ.
Зато, бывало, наслажденье,
Съ какой-то тайною тоской,
Грозы услышать приближенье,
Внимать, какъ громъ гремитъ глухой,
Подъ старой липой укрываться,
Креститься съ страхомъ, любоваться
Небесъ взволнованныхъ огнемъ
И славно мокнуть подъ дождемъ
Или коня поймать, съ отвагой
Его распутать, зануздать.

Вскочить и бѣшено скакать,
Иль броситься въ живую влѣчу,
Подъ ивну мельничныхъ колосъ,
Хоть послѣ разбранить до словъ!

Уроки, шалости, мечтанья,
Забавы съ маленькой сестрой,
Ея причуды и желанья —
И въ томъ проходить годъ, другой;
Помель десятый Николаю,
И утражь къ день десятый маю,
Былъ бабушкой отецъ Иванъ
Пирогъ откушать важно званъ.
Въ гостиной, съ дѣдовскимъ портретомъ,
Съ ковровой мебелью въ чахлахъ,
Пирогъ стоялъ на двухъ столахъ.
Сосѣди собрались при этомъ,
А иняинникъ у дверей
Вертелся, глядя на гостей.

Смущенъ-ли былъ онъ, одинокій
Дитя, ихъ шумнымъ торжествомъ,
Или предчувствіемъ далекимъ,
Но сердце замирало въ немъ.
Послушалъ онъ: всѣ толковали
О немъ, судьбу его рѣшали,
Отвезть въ губернію, отдать
Въ ученье. — «Нечего вамъ ждять,
«Сударыня,» такъ отозвался
Одинъ. «я вамъ скажу, того,
«Немного больше былъ его,
«А ужъ за матушку сражался;
«Сержантомъ былъ въ двѣнадцать лѣтъ.
«Да нынче не таковъ ужъ свѣтъ!»

И въ-сѣдствіе сего рѣшенья,
Что юный *свѣтъ* упряжь и хилъ,
Отецъ Иванъ благословеньемъ
Въ путь Николая наградилъ.
Черезъ недѣлю, въ колымажъ,

Минуя горы и овраги,
 Тащилась бабушка, а съ ней
 И внучекъ — въ городъ. Плачь дѣтей.
 И Лизочки и Николая,
 Утихнулъ скоро. Лизу спать
 Уклала нянька, и гулять
 Ушла, прегромко расцѣвая:
 Господь нѣтъ, можно отдохнуть;
 А Николая занялъ путь.

Далеко-ль, близко-ль, — дотащился...
 Но занимательно-ль для васъ,
 Куда вступилъ онъ, какъ учился,
 Наказанъ былъ-ли, сколько разъ,
 И прочее? — по мнѣ ни мало!
 Извѣстно это все!.. Такъ стало
 Мы можемъ продолжать разсказъ.
 Ахъ, время годы скоро улетаетъ!
 Вотъ дѣти выросли.... Иной
 Уже серьезно размышляетъ
 Кудрявой русой головой...
 Но о послѣдствіяхъ ученья
 Къ чему пустыя разсужденья...
 Нѣтъ одинакихъ двухъ листовъ
 На деревѣ, нѣтъ двухъ головъ
 На столько сходныхъ, чтобы гладко
 Ученье мудрости равно
 Сложилось въ нихъ, и чтобъ оно
 Не потеряло отъ укладки.
 На что намъ знать, вступая въ свѣтъ,
 Доволенъ кто собой или нѣтъ?

Доволенъ-ли наукой пышной,
 Или находить, что она
 Предъ жизнью слишкомъ неподвижна,
 Предъ свѣтомъ истины блѣдна,
 И самъ вдается въ разысканье,
 Или находить, что познанье
 Здоровой физикѣ вредить,
 Смущая сонъ и аппетитъ,

И все спокойно забываетъ,
 Средь вихря свѣта, средь баловъ,
 Цыганъ, балетчицъ, рысаковъ,
 Вполнѣ счастливый, если знаетъ,
 Что онъ въ семьѣ одинъ и есть
 И что наследство не перечесть.

А что до внутренней идеи,
 Стремлений къ истинамъ святымъ,
 Позвольте эти всѣ затѣи
 Оставить для поэмъ другихъ;
 Другіе могутъ вамъ героя
 Представить въ упоеніи боя
 Съ людскою злобой, чернотой,
 Пылая страстною душой
 Къ прекрасному.... Мы ихъ видали!
 Предавъ анаемѣ порокъ,
 На другѣ карточный должокъ
 Они съ слезой въ очахъ писали,
 На смерть за дѣву въ цвѣтѣ дней
 Шли, — справясь: много-ли за ней?...

Мы знаемъ, есть и исключенья.
 На свѣтлой жизненной зарѣ
 Восходитъ облако сомнѣнья,
 Тоски о правдѣ и добрѣ;
 Душа томится, негодуешь,
 Печаль другихъ ее волнуетъ,
 На подвигъ вѣры призвана,
 Боротся, утѣшать она
 Готова... Тутъ всегда случится
 Старикъ отецъ, больная мать,
 Нужда, — и принужденъ молчать....
 Вопль сердца смолкнетъ, покорится;
 Пройдетъ десятокъ лѣтъ, другой,
 И запоетъ онъ въ ладъ съ толпой.

А если нѣтъ?... Но что напрасно
 Считать, чѣмъ скучнаго пѣвца
 Гоняетъ съ сцены хоръ согласный,

Давидовъ ослѣпленъ.

Покуда спешить не пошла?...
Его вѣдѣно-знаете,
Упреки вѣдали, зурганъ
Сближать съ полку и зрѣть
Гармонинъ, оркестръ не радъ,
Да и директоръ не охотникъ
До криковъ этихъ. И домой
Бредеть, подкинувъ голову,
Осмыслить бывшій нашъ разговоръ;
И счастливъ, оставивъ оны, вѣдѣ
Еще приобрести-то оны шуда...

Но каюсь и прошу прощенья
За многословье, — хоть не разъ,
Я знаю, эти отступленья
Еще растянуть мой рассказъ;
Великимъ сладко подражанье!
Герой нашъ поглощалъ познанья,
И въ пятый классъ ужъ поступилъ;
Годичный выпускъ близокъ былъ;
Тутъ добрый человекъ сыскался
И далъ ему благой совѣтъ:
Скорѣе въ университетъ.
Со школой Николай разстался;
Экзамень выдержанъ, живой
Студентъ любитъ Москву,

Въ шестнадцатъ лѣтъ уже свободный,
Своихъ поступковъ вѣстеликъ.
О счастье! Долгий, благородный,
Широкій путь лежитъ предъ нимъ!
Умомъ и слугою напряженнымъ
Внимать восторженно священный
И яснымъ знанія словамъ,
Съ любовью, съ трепетомъ; а тамъ
Унести съ собой ихъ въ уголокъ тѣсный,
Въ свой незатѣвливый пріютъ.
И ночь засыпаетъ долгій трудъ,
Веселый, жаркій и безвѣстный...

Покуда взглянуть день сдвдей
Съ своей заботой и нуждой.

Хоть слезы какъ носить забота,
Умъ давать, сердце леденить,
Но въ годы юности что-то,
Какъ добрый ангелъ, насъ хранить;
Душа все скоро забываетъ.
Тама птичка съ крыльцовъ страшного
Росу холодного дождя.
Сберутся шумные друзья,
Что нужды, что объды — мечтаны,
Что дровъ въ печи давно ужъ нѣтъ!
Решать весело совѣтъ
Принести все лишнее въ закладъ,
Чтобъ какъ-нибудь недалеко
Послушать Сальви изъ райка.

А томъ любовь, луна и дѣвы,
Мечты, ластия пюхнѣ статовъ,
Въ семнадцать лѣтъ возванъ: «Гдѣ вы,
«О сны младенческихъ годовъ!»
И прочая; объятья миру
Иль яковитую сатиру
На все, на дружбу, на людей —
За смѣхъ измѣльжицы своей;
Хоть иногда предметъ страданій
И не имѣть чести знать
Страдальца.... Какъ же не сказать:
Куда ушли вы, дни мечтаній,
И отчего вашъ свѣтлый путь
Какъ будто стыдно вспомануть?...

И Николай жилъ по маленьку,
Велъ счетъ расходу и добру;
Малютки наши деревеньки
Не альдorado, не Перу,
Не золотое дно, — немного
Возьмешь съ нихъ. Лѣтнею дорогой,
Вереть за пятьсотъ пѣшковъ, къ нему

Бывало бабушка Оому
 Съ поклономъ шлетъ, съ благословеньемъ,
 И съ деньгами; но чтобы ихъ
 Не тратилъ для затѣй пустыхъ;
 Къ тому двѣ баночки варенья;
 Въ письмѣ записаны онѣ,
 Въ вѣстяхъ о дворнѣ и роднѣ.

Въ письмѣ всегда сестры приписка.
 Она дрожащею рукой
 Всегда подписывалась низко
 Его покорнѣйшей слугой,
 Перомъ тугимъ, безмѣрно тонкимъ,
 Какъ будто бы зубцомъ гребенки
 Или вязательной иглой,
 Но онъ былъ счастливъ всей душой,
 Письмо нескладное читая,
 Онъ такъ и полетѣлъ бы къ нимъ,
 Къ садамъ душистымъ и густымъ
 Въ затѣнье, въ тѣнь роднаго рая!
 Судьба жъ всегда одно въ отвѣтъ:
 Нельзя! — и такъ прошло пять лѣтъ.

Онъ выпущенъ, онъ кандидатомъ!
 Фортуна, щедрая въ тотъ разъ
 Своимъ участіемъ богатымъ
 Его устроила сейчасъ.
 Въ часъ выпуска, наградъ, прощаній,
 Рукопожатій, восклицаній,
 Изъ посѣтителей одинъ,
 Какой-то важный господинъ,
 Къ нему приблизился...» Я много
 «О васъ наслышанъ...» — молвилъ онъ.
 А Николай ему поклонъ.
 — «Угодно вамъ со мной въ дорогу,
 «Въ Санктпетербургъ, служить при мнѣ?»
 Все это было какъ во снѣ.

На древнихъ изучалъ упорно
 И не вотще нашъ Николай.

Они гласят:» Лови проворно
 Улыбку счастья, как прощай,
 Уж больше не придет. «—Учтиво
 Судьбы подарокъ прихотливый
 Онъ принялъ. Господишь съ звѣздой
 Ему вручилъ тутъ адресъ свой.
 И ночь прощальную съ друзьями
 Герой не могъ отпировать,
 Онъ къ бабушкѣ засѣлъ писать:
 «Я долго не увижусь съ вами,
 «Мой вуть въ далекую страну:
 «Въ ней проживу мою весну!...»

Случалось, заносясь отчасти,
 Невинный юноша мечталъ,
 Что онъ постигъ людей, ихъ страсти;
 Загадку жизни разгадавъ;
 Пройдя вѣковъ и поколѣній
 Историю, онъ какъ вѣкій геній,
 Ужъ зналъ, что въ будущемъ грозитъ....
 Его ничто не удивитъ.
 Что жъ сталося съ нимъ, когда явилася
 Жизнь съ прозой будничней своей,
 Разчетовъ, сплетень, мелочей?

Догъ человѣка объясняя
 Въ расчетъ ихъ не взялъ Цицеронъ...
 Случалось часто, разбирая
 Ихъ пылъ, въ тяжелый полусонъ
 Герой нашъ погружался. Странно
 Все холодило въ немъ. Туманный
 Душа вопросъ себѣ дала:
 Ужели молодость прошла,
 Что въ немъ такъ чувства отупѣли
 И сталъ входить въ привычку трудъ?
 И эти жертвы всѣ ведутъ
 Ужель къ одной лишь цѣли:
 Хвалиться лишней пестротой
 На груди впадой и больной?...

Напрасно призывал онъ тѣмъ
 Своихъ отрадныхъ юныхъ грѣзъ:
 Башакиль, сѣтаныи убѣжденій,
 Благихъ даровъ благихъ небесъ,
 Что изъ пользы общей все творится,
 Что онъ не для себя трудится....
 Прикрыты темные кругомъ
 Его разуверили въ томъ.
 Всѣ себялюбивы кушину
 Честь отдавали и поклоня;
 Онъ чувствовалъ, что зарожень
 И самъ бегавъ общій миру,
 Что подгонялъ его труды
 Крикъ честолюбья и нужды.

Но онъ не сталъ бранить безплодно
 Весь миръ, съ досады на себя,
 И покорялся благородно,
 Порывовъ сердца не губя,
 Сокрылъ ихъ въ чистомъ убѣжденіи,
 Что воззоветъ ихъ въ те мгновенья,
 Когда для подмоговъ рука
 Сильна умъ будетъ и крѣпка...
 Конечно, дѣтскимъ увещаньемъ
 Уступку совѣсти своей
 Прикрылъ онъ, но утѣшась въ ней,
 Мирился онъ съ существованьемъ,
 Чтобъ какъ нибудь глядѣть на свѣтъ:
 Жизнь впередъ вся въ двадцать лѣтъ.

Его отъ горя не избавилъ
 И свѣтъ. Не дружно принять въ немъ,
 На основаньи древнихъ правилъ,
 Дѣлецъ, лишь дышащій перомъ.
 Хоть красота, образованье,
 Приятный умъ безъ притязанья,
 Давали въ обществѣ права
 Герою нашему — молва
 Его не знала. Въ отдаленья
 Поставленный существовать

Онъ роль Молчалина играть
 Не взялся. Много, боясь сомнѣнья,
 Сгубилъ движеній инициалъ,
 Но не былъ страшенъ и смѣленъ.

Онъ понялъ, что судьба на долге
 Тяжелый путь ему дала.
 Что бѣдность—силу, страсть, волю,
 И даже иносеть отнала;
 Но гордый, не хотѣлъ теряться
 Въ толпѣ и жалко пресмыкаться,
 И принималъ, какъ бы на сѣдлѣ,
 Лишь крошки бѣдныхъ утѣхъ.
 Онъ не набьется незнакомый
 Куда нибудь на вечерокъ,
 Нѣтъ кресель — не пойдетъ въ паркъ,
 А лучше проскучаетъ дома,
 Гдѣ пьесы Скриба, Мариво
 Отвѣютъ горе отъ него.

Во всемъ разборчивый, онъ мрачно
 Дни молодые проводилъ.
 Онъ бѣдно жилъ, за то изящно,
 И грустно тѣмъ доволенъ былъ.
 Любилъ-ли онъ? Въ томъ нѣтъ сомнѣнья!
 Но слезъ, страданій, упоеній
 Не доверялъ онъ никому;
 Не звалъ онъ къ сердцу своему
 Друзей, не требовалъ участя,
 Услуги, помощи въ нуждѣ,
 Раздѣла въ тягостномъ трудѣ
 Или утѣшенія въ несчастьи;
 Трудясь и дѣйствуя вполне,
 Душою, жилъ онъ, какъ во снѣ.

Прошли три года. Получаетъ
 Однажды съ почты онъ письмо
 Съ печатью черною. Читаетъ.
 Отъ Лизаньки сестры оно...
 Три мелко писанныхъ страницы.

Покуда онъ служилъ въ столицѣ
 Въ какой-то пансіонъ она
 Была учиться отдана.
 Сестра печально извѣщала,
 Что бабушки на свѣгъ нѣтъ;
 Потомъ желанье и совѣтъ
 Она несмѣло выражала:
 — «Я здѣсь одна. Какъ жить одной?
 «Ахъ, еслибъ были вы со мной!

«Я васъ отягощу собою:
 «Прійхать къ вамъ я не могу;
 «А здѣсь хозяйства не устрою
 «И ничего не сберегу.
 «Когдабъ могли вы согласиться
 «Подъ кровъ родной переселиться!
 «Когда жъ отечество отъ васъ
 «Услугъ потребуеть, у насъ
 «Въ уѣздномъ городѣ, конечно,
 «Найдется служба.» Нашъ герой
 Измѣяль письмо съ тоской нѣмой,
 Съ какой-то болію сердечной,
 На столъ свой головой уналь
 И горько, бѣдный, зарыдалъ.

На завтра онъ въ отставку подалъ,
 Къ сестрѣ пять строчекъ написалъ,
 Тамъ собрался, что нужно продалъ,
 И на почтовыхъ ускакалъ....
 Мы видѣли его. Въ селеньи
 Звонъ колокольчика движенье
 Въ часъ непривычный пробудилъ
 И псовъ мохнатыхъ разъярилъ;
 Огни по окнамъ заходили;...
 Предъ домою среди двора
 Толпятся гелядь. — «Гдѣ сестра,
 «Гдѣ Лиза?» — Братецъ, братецъ, вы-ли?
 Такъ скоро! — «Три дня изъ Москвы....»
 Но тутъ до будущей главы.

II.

Не весело надъ городами
 Поутру солнышку всходить,
 Въ дыму надъ черными трубами,
 Въ пыли по улицамъ сквозить,
 По кровлямъ робко пробираться,
 И, какъ проситель, дожидаться
 У оконъ крѣпко запертыхъ,
 Покуда изъ-за сторъ цвѣтныхъ
 Лѣнливо выглянетъ, зѣвая,
 Усталый жить, усталый спать,
 Готовый солнышку сказать:
 «Сегодня я не принимаю,»
 Однѣ изъ близкихъ, дорогихъ
 Друзей—или вашихъ, или моихъ.

Въ деревнѣ, тамъ другое дѣло:
 Все солнца ждетъ издалека;
 Тамъ ягода въ кустѣ дозрѣла,
 Тамъ въ нѣжной чашечкѣ цвѣтка
 Букашка роется, росой
 Луга сіяютъ, подъ водою
 Играетъ рыба, и дрожитъ
 Въ туманѣ синемъ чудный видъ,
 И ждетъ луча, чтобы открыться
 Со всею прелестью лѣсовъ,
 Долинъ, пригорковъ и холмовъ,
 Чтобъ заблестать и засвѣтиться,
 Какъ-будто искрами огней,
 Крестами дальними церквей.

Какъ спать тутъ? Но въ тотъ день, лѣнливый
 Герой нашъ долго почивалъ.
 Ужъ мужичекъ убралъ всю ниву,
 Обѣдъ изъ кошельа досталъ,
 А Николай едва поднялся,
 Открылъ окно, полюбовался
 Пустыннымъ садомъ, а потомъ

Разсыянно смотрѣлъ кругомъ.
 Ему невѣрилось: онъ дома...
 Старинный домъ, широкій дворъ,
 Цвѣтникъ, бревенчатый заборъ,
 И все какъ-будто бы знакомо,
 А все не то... И страннее, въ чемъ
 Нѣтъ мысли престо ни о чемъ.

Онъ былъ въ томъ скучномъ положеньи,
 Когда любовь съ своей красой,
 Надежда, радость, сожалѣнье,
 Проходятъ смутно надъ душой,
 Скользятъ по ней, но не тревожатъ,
 И сердце сжатое не можетъ,
 Не зная какъ свой часъ убить,
 Смѣяться, думать, слезы лить...
 Вдругъ онъ услышалъ за стѣною
 Преживденный разговоръ:
 Сестра вступала въ жаркій споръ
 Съ своею ключницей съдою
 О странныхъ для него вещахъ —
 О талькахъ что-то, о холстахъ...

И стыдно стало Николаю,
 Что онъ себя заставилъ ждать.
 Одѣвшись, поспѣшилъ онъ въ чай,
 И кстати приказалъ достать
 Подарокъ свой сестрѣ, обнову.
 И восхищеньемъ Лизы снова
 Онъ встрѣченъ былъ, какъ ввечеру;
 Но онъ разглядывалъ сестру
 Съ своимъ вниманьемъ обычнымъ,
 Заботливымъ, хотя и злымъ —
 Не кажется-ль въ ней что другимъ
 Неловно или непринично,
 И чѣмъ въ толпѣ другихъ она
 Могла бы быть статчена?

Собой она прекрасна; это
 Признаетъ всякій, кто на ней
 Взглядъ остановитъ. Въ туалетѣ
 Ситъсь небреженья и затѣй;
 Столичной модѣ подражанье,
 Хоть на столичныя созданья
 Деревня свой покрой кладетъ,
 И какъ-то такъ возсоздаетъ,
 Что не узнаешь. Серьги звонко
 Качались въ розовыхъ ушкахъ;
 Платокъ огромный на плечахъ
 И бархатка на шейкѣ тонкой,
 Межъ двухъ рядовъ простыхъ гранатъ....
 Все это не одобрилъ братъ.

На ней былъ трауръ. Ситецъ чернѣй.
 Измятый, былъ когда-то довь,
 Но прелесть ручекъ двухъ проворныхъ
 Изъ-подъ нескладныхъ рукавовъ,
 Онъ выдавалъ чудесно. Ситло
 И ловко исполняли дѣло
 Рученки эти, хоть не разъ,
 Сама не зная чѣмъ смутясь,
 Она склонялась граціозно
 Къ столу и чашкамъ головой;
 Тутъ черною ея косой
 Полюбовался братецъ грозный,
 Хотя замѣтилъ, что она
 Была дня два не убрана.

Въ рѣчахъ ему пришла охота
 Прислушаться къ ея уму;
 Тутъ два-три сельскихъ оборота
 Пришли не по сердцу ему,
 Сужденья показались узки.
 Заговоря съ ней по-французски,
 Какъ будто ненарочно, онъ
 Былъ точно громомъ пораженъ
 Ошибками, произношеньемъ,
 И пансіонъ въ душѣ своей

Онъ проклялъ... и неловко ей
 Вдругъ стало: эти наблюденья
 Она какъ будто поняла
 Въ морщинахъ братняго чела.

Задумавшись, онъ сталъ скучнѣе,
 Сигару молча зажигалъ;
 Она не знала, какъ скорѣе
 Оставить этотъ скучный залъ
 И ужъ тихонько уходила....
 Братъ оглянулся, очень мило
 Ей въ садъ пройтися предложилъ
 И руку подаль. Онъ сложилъ
 Свой гнѣвъ на милость. Свѣта, шума
 Листовъ и птицъ былъ полонъ садъ.
 Къ тому жъ, что праздновать возвратъ
 Судьей премудрымъ и угрюмымъ;
 Не лучше-ль радости сыскать
 Хоть тѣнь и душу ей отдать?

И въ душу сладкій трепеть вкрался,
 Когда онъ вышелъ на балконъ;
 Но, устарѣвъ, балконъ шатался,
 Цвѣтникъ былъ пустъ и запущенъ;
 Семьями цѣлыми гуляли
 Въ немъ куры; розы доцвѣтали —
 Въ кустахъ забытыхъ — все живой
 И вѣчно-юной красотой.
 Двухъ дѣдовскихъ дубовъ чернѣли
 Обезображенные пни:
 Зимой вымерзли они.
 На кольяхъ мокрые висѣли
 Мотки. Вдали терялся взглядъ
 Въ радахъ смородины и градъ.

Воспоминанья жаръ минутный
 Погасъ въ груди, и Николай
 Глядѣлъ и холодно и смутно
 На этотъ благодатный край,
 Не мысля. Дума улетаетъ

Куда-то, если день сіяетъ
Такъ беззаботно. Онъ стоялъ,
Знакомаго не узнавалъ,
Не слыша, какъ сестра твердила,
Что нуженъ дождикъ для полей,
Что были бѣ яблони сильнѣй
Да осень много повредила,
Что пчелы дурны этотъ годъ,
Что лучше все при немъ поидеть...

На выгонъ вышли чрезъ канаву,
И тутъ герою моему
Полегче стало. Всѣ забавы,
Вся прелесть дѣтства вдругъ ему
Свѣтло припомнились. Съ сестрою
Заговорилъ онъ и порою
Ей нѣжно руку пожималъ.
Надъ нимъ просторно такъ сіялъ
Сводъ неба; будто бы оковы
Съ души спадали, горе, зло,
Смирясь, во тьму свою ушло;
Онъ находилъ живое слово
Для ласки... Онъ сестру обнялъ,
Какъ будто только увидалъ...

Когда же стихнулъ благодатный
И освѣжающій порывъ,
Взглянулъ онъ въ первый разъ отрадно
Кругомъ, сталъ кротокъ и счастливъ;
Сестра, веселое созданье,
Его смѣшила. Онъ въ мечтанья
Пустился, началъ толковать,
Какъ будетъ домъ свой убирать;
О новостяхъ, знакомствахъ, модахъ,
О Петербургѣ рассказавъ,
Потомъ отъ сердца повѣрялъ
Свои успѣхи и невзгоды,
Надежды... Сердцемъ увлеченъ,
Былъ въ первый разъ доврчивъ онъ...

Изящная словесность.

И разговорами своими
 Занявшись, братъ съ сестрою шли
 Дорогой пыльной. Передъ ними
 Какъ будто выросъ изъ земля
 Вдругъ домъ помѣщечій, сосѣдній,
 Кривой, затѣмъ что многолѣтній.
 Завидя бѣлое пальто,
 Окне въ минуту поднято,
 И голова въ платкѣ вперила
 Глаза, и жмурясь, и косясь.
 Изъ братниной руки, смутясь,
 Свою сестра освободила...
 — «Ахъ, братецъ! съ вами мы идемъ
 Подъ ручку; точно съ женихомъ...»

— «Помилуй, Лиза!» Но напрасно
 Онъ сталъ бы Лизу убѣждать:
 Она тѣдила, что опасно
 Сосѣдей близкихъ раздражать
 Такою странной новизною.
 — «Пожалуй, скажутъ, вы съ собою
 Манерь столичныхъ навезли,
 Я загордилась — и пошли...
 Иванъ Ильичъ такой насмѣшникъ;
 Въдъ съ нимъ не будешь жизни радъ, —
 Вотъ я вамъ расскажу...» Но братъ,
 Не слушая, ломалъ орѣшникъ,
 И длинной вѣткой молодой
 Сбивалъ траву передъ собой...

Прогулка кончилась въ молчаньи;
 По-крайней-мѣрѣ, Николай
 Не много говорилъ. Тулянье,
 Хвѣяство, сонъ, обѣдъ и чай —
 Вотъ деревенскій день. И точно,
 Едва пришли они, въ урочный,
 Хоть ранній часъ, обѣдъ накрытъ.
 Герой нашъ былъ, конечно, сытъ;
 Онъ столь подобный въ Плиадъ
 Прочелъ, и тотъ за мнѣ считалъ...

— «А вамъ Ома коверъ постлалъ,
Сказала Лиза, — тамъ, въ прохладѣ,
Въ саду; пойдете отдыхать?»
— Нѣтъ. — «Что же вы?» — Уйду гулять

И онъ ушелъ. Давно извѣстной
Дорогой, между желтыхъ нивъ,
Изытой колеями, тѣсной,
Пошелъ онъ голову склонивъ.
Сверчки во ржи перекликались,
Возы съ снопами повстрѣчались;
Слѣшили всѣ къ сторонкѣ стать,
Чтобы ему дорогу дать,
Его крестьяне шапки сняли.
Онъ началъ тихо говорить,
Что, вотъ, онъ съ ними будетъ жить,
Что любить ихъ. Они молчали,
И лишь съ почтеніемъ тупымъ
Смирненно кланялись предъ нимъ.

Какое вынесъ впечатлѣнье
Изъ этой встрѣчи нашъ герой,
Не знаю. Бѣдное селенье
Внизу чернѣло подъ горой;
И онъ, подумавъ самъ съ собою
Каковъ быть долженъ видъ зимою,
Къ одной избѣ направилъ путь.
Хотѣлъ онъ душу окунуть
Совсѣмъ въ свой новый міръ. Старуху
Нашелъ въ избушкѣ онъ одну.
— «Всѣ въ полѣ» — Я здѣсь отдохну,
Сказалъ онъ, и достало духу
Ему разспрашивать ее:
Что, каково ея житье?

И онъ узналъ, пока насѣдокъ
Подъ печь мальчишка загонялъ,
Что Богъ давалъ старухѣ дѣтокъ
И всѣхъ потомъ опять прибралъ;
Что дворъ ихъ прежде былъ богатый,

Да погорѣли; что въ солдаты
 Былъ отданъ Ваня, старшій внукъ;
 Она-жь осталася при двухъ
 Другихъ еще, — одинъ женился
 И вотъ она при немъ живетъ;
 Съ другимъ же, за прошедшій годъ,
 Такой ужъ видно грѣхъ случился, —
 Работникъ славный, молодой,
 Здоровый, — утонулъ весной.

Онъ тронуть былъ картиной тою,
 Однако, ни одной слезою
 Приправленъ не былъ тотъ рассказъ.
 — «Вамъ что, родной, жалѣть о насъ?
 Видъ мы не ваши.» — И съ стѣпенной,
 Усталой грудью, мой герой
 Разстался съ черною избой,
 Крестясь на образъ освѣщенный;
 На свѣжій воздухъ онъ сбѣжалъ:
 Въ избѣ такъ жарко, что нѣтъ силъ.

И долго Николай подъ сводомъ
 Березъ плакучихъ пролежалъ.
 Вдали, струясь, сверкали воды,
 И красный глинистый обвалъ
 Поросъ широкими листьями
 Травъ полевыхъ; шумѣлъ вѣтвями
 Кленъ гибкій, тонкій, молодой,
 И цвѣлъ кампанулъ голубой.
 Все тихой прелестью дышало,
 И свѣтъ небесъ и шумъ вѣтвей;
 Не подъ огнемъ дневныхъ лучей,
 Природа, мнилось, замрала,
 Иль тайной болью сражена
 Молчала, робкая, она....

Ея покорное молчанье
 Такъ понялъ Николай. Домой
 Пошелъ онъ. Уже дня сіянье
 Блѣднѣло. Онъ нашелъ съ сестрой

Того, кому все ихъ имѣнье
 Поручено было въ правленье,
 Прикащика. Помель совѣтъ,
 Что выгодно для нихъ, что нѣтъ.
 Прикащикъ говорилъ не мало,
 Герой не много понималъ,
 Однако выслушавъ, сказалъ:
 — «Здѣсь Лиза ничего не знала,
 И многое не нужно намъ;
 Во-первыхъ, управитель самъ.

«Онъ лишній въ маленькомъ имѣньи.
 Но я все ближе разсмотрю,
 Свои сведу соображенья,
 И тамъ съ тобой погорю.
 Ступай себѣ.» Дѣлецъ смущенный
 Поклонъ отвѣсилъ, но сраженный
 Лишь въ половину, рѣчь сказалъ,
 Въ которой громко предрекалъ
 Несчастія, бѣды, невзгоду,
 Пожары, падежи и зло,
 Когда оставитъ онъ село
 И пашни. Давъ ему свободу
 Докончить, Николай ушелъ
 Съ сестрой опять за чайный столъ.

Чай конченъ. Лизанька сказала,
 Садясь на шаткую ступень
 Балкона: — «Мнѣ такъ скучно стало,
 Васъ не выдавши цѣлый день.
 Вѣдь мы еще не говорили
 Какъ должно. Сядьте. Вы ходили
 Далеко? Встрѣтили-ль своихъ
 Сосѣдей? Здѣсь одинъ женихъ
 Богатый есть; онъ за оврагомъ
 Живетъ, одинъ и молодой...
 Ахъ, съ нимъ былъ случай пресмѣшной!
 Во-первыхъ, онъ ужасный скряга...
 Мнѣ все вамъ надо рассказать...»
 — Разскажывай; давай болтать.

Огни заката догорѣли.
 Живою, пышною стѣной
 На блѣдней небѣ зачернѣли
 Деревья; далеко ночью
 Пѣлъ соловей. Червякъ свѣтился.
 Левкой измятый распутился
 И въ темнотѣ благоухалъ.
 И Николай въ тишѣ внималъ
 Подробному повѣствованью,
 Кто ихъ собѣди, какъ кто жилъ,
 Въ ладу или въ ссорѣ, кто кутилъ,
 Кто промоталъ все состоянье,
 Кто нажилъ, кто просваталъ дочь,
 Кто самъ жениться бы не прочь...

Рядъ новыхъ лицъ, страстей, понятій,
 Условій, дѣлъ, умовъ, затѣй
 Прошелъ предъ нимъ.

Въ томительной печали
 Онъ слушалъ, слушалъ и не могъ
 Прервать разказа... Только Богъ
 Счелъ эти тяжкія мгновенья
 И зналъ погнбло сколько въ нихъ—
 Для лучшихъ дней—сѣмянъ благихъ
 Любви, довѣрья и прощенья,
 Какъ скуки гордой росла
 И ядовитый плодъ даде...

Жизнь ли это? Неужели
 Всѣ дни отъ свѣтлаго утра
 Безплодно проводить безъ цѣли, —
 Сегодня, завтра — какъ вчера?
 Для развлечения — разговоры
 Пустые, мелочныя ссоры,
 Рядъ сплетень, глупости другихъ,
 Расходовъ счетъ своихъ, чужихъ, —
 И вотъ и все!.. Въ тоскѣ, въ волненьи,
 Тутъ Николай все позабылъ;
 Онъ за руку сестру схватилъ

И прошепталъ ей, — съ выраженьемъ,
 Какому слова не найдешь:
 — «Скажи мнѣ, какъ ты здѣсь живешь?..»

Она смутилась, такъ неожиданно
 Вопросъ тревожный прозвучалъ;
 Онъ какъ-то холодно и странно
 И больно душу ей нзмялъ;
 Ея веселью — осужденье
 Дышало въ немъ. Свое смущенье
 Ей стоило труда скрывать,
 Чтобы съ улыбкой отвѣчать:
 — Какъ я живу? Да какъ жила
 Родные наши, какъ живутъ
 Здѣсь всё. Чудесно дни идутъ.
 Конечно, многіе вѣжали
 Зимой въ городъ на житье,
 Да дорого... Здѣсь все свое...»

Она боялась, чтобъ желанья
 Братъ не прочелъ въ ея словахъ
 Взглянуть на городъ, на собранье, —
 Но это былъ напрасный страхъ.
 Братъ смутно слушалъ, наблюдая,
 Какъ тихо тлѣла, догораа,
 Свѣтла на сырой травѣ.
 Потомъ онъ всталъ. — «Тебѣ и мнѣ
 Пора на отдыхъ, мы устали,
 Сказалъ онъ, Богъ съ тобой, прощай;
 Поди, спокойно почивай
 И просыпайся безъ печали.»
 Тревожно онъ сестру обнялъ
 И какъ отецъ благословлялъ.

Войдя къ себѣ, воспоминаньемъ
 Онъ прослѣдилъ свой день. Сознаньемъ
 Что день не такъ былъ проведенъ,
 Какъ должно бы, терзался онъ;
 Молясь прощенія у Бога

Зато, что горестно роптала,
 Зачѣмъ онъ прелесть жизни взялъ,
 Когда желаній далъ такъ много,
 Зачѣмъ сознанье въ грудь вложилъ
 Что много въ ней любви и силъ!..

На что теперь любовь и силы?
 Что дѣлать имъ въ такомъ кругу,
 Гдѣ счастье мелко такъ, что милымъ
 Дать совѣстно его, врагу
 Отплатить не стоитъ: воздаянье
 Смыслишь обиды!.. А познанья?
 Восторгъ предъ чистой красотой,
 А жажда истины святой?
 Гдѣ мѣсто имъ? Ужель средь братій
 Всегда готовыхъ почивать,
 Попить, покушать, записать
 Все, что повыше ихъ понятій,
 Что невелитъ сонливости ихъ,
 Въ счетъ бредней глухихъ и слышимыхъ?..

Вотъ миръ его! Его пустыня —
 Вотъ кѣмъ она населена!
 Ты, воля твердая, святыня
 Его души, на что нужна?
 Что дѣлать и къ чему стремиться?
 Чѣмъ увлечься, съ кѣмъ дѣлиться
 Надеждой, свѣтлою мечтой?
 Чего надѣяться?.. Какой
 Конецъ всему? Чѣмъ утѣшаться?
 Сестрой?.. Сестра еще дитя,
 И вѣкъ свой проживетъ шутя!..
 И ей ли въ горѣ признаваться,
 И ей ли муку доверять
 Какую вѣкъ ей не понять?..

Есть цѣль: она свѣтла, прекрасна!
 Есть чѣмъ свои наполнить дни:
 Счастливитъ и любить несчастныхъ....

Но онъ такъ бѣденъ, какъ они,
 Кто подвластные! Ничтожны
 Усилья будутъ. Невозможно
 Последний съ бѣднымъ хлѣбъ дѣлать:
 Онъ не одинъ—и надо жить....
 Сестрѣ въ трудахъ, среди страданій
 Нельзя жестокой доли дать....
 Онъ долженъ уши зажимать,
 Чтобы не слышать всѣхъ стenanій,
 Онъ долженъ жить какъ всѣ,—...

Онъ молодъ; дѣла просить руки.
 Согрѣтъ божественнымъ огнемъ
 Всѣмъ сердцемъ понятой науки;
 Онъ любить мѣръ и хочетъ въ немъ
 Добра и правды. Онъ когда-то
 На ихъ алтарь свой вкладъ богатый,
 Всю душу молодую несъ....
 Онъ видѣлъ много золь и слезъ;
 Трудился, какъ работникъ, тайно
 Надѣясь—часъ его придетъ,
 Онъ будетъ силенъ, онъ отретъ
 Тѣ слезы.... Переломъ случайный—
 Конецъ надеждамъ, онъ ничто,
 И все въ грядущемъ отнято!...

О, долго жить еще на свѣтѣ!...
 Зачѣмъ не съдъ онъ, не такой,
 Какъ этотъ прадѣдъ на портретѣ
 Нарядный, грозный и нѣмой!...
 Онъ скупъ на рѣчь былъ, и въ молчаньи
 Предъ нимъ все кланялось. Преданье
 О немъ не смѣеть толковать.
 О, еслибъ внукъ могъ перенять
 Тотъ нравъ!.. Не сталъ бы онъ суровый,
 Вездѣ задувши свѣчки самъ,
 Какъ Лара мрачный, по ночамъ
 Бродить на страхъ своимъ дворовымъ;
 Онъ спалъ бы крѣпко, чтобъ народъ
 Подвать съ зарею для работъ....

— О бабушка! мой донь рождена
 Въ свой часословъ писала ты,
 И вѣрно слезы умиленья
 Крошкы желтыя листы....
 Съ какимъ трудомъ она писала!
 И сколько плачовъ создавала
 Надъ бѣдной дѣтской головою....
 О бабушка, Господь съ тобой!

III.

Читатель мой, поѣтствованье
 Событій одного лишь дня
 Несносно — и томить вниманье;
 Простите, право для меня
 Не легче: рядъ однообразныхъ
 Часовъ, рядъ словъ пустыихъ и правдныхъ,
 Къ нимъ какъ-то умъ мой не придыкъ;
 Писать ихъ тоже, что дневникъ,
 А у кого достанетъ силы
 И свой дневникъ перечитать,
 Чтобы съ вниманьемъ провѣрять,
 Что въ головѣ у насъ бредило
 Тогда-то? — Скукою жъ чужой
 Что насъ томить, читатель мой!

И встати здѣсь я замѣчаю,
 Хотя они у насъ въ ходу,
 Я дневниковъ не понимаю
 И потому и не веду.
 Пусть тотъ, кому дано судьбою
 Пройти замѣтною стезею,
 Или въ общей драмѣ роль играть,
 Или хоть близко увидать
 То, что суда и замѣчанья
 Достойно, — пусть тотъ пишетъ. Трудъ

Деревенский слухи.

Одвигать, примуть и поймутъ,
И можетъ быть, воспоминаенье
Набросятъ истину и свѣтъ
На жизнь другихъ, трудящихся лѣтъ.

Но нашъ дневникъ? Балъ, служба, моды,
Процессы, сплетни, зимній путь,
Споръ карточный, расцвѣтъ природы,
Подъ тощей ивой гдѣ-нибудь
Пикникъ, она, любовь, мечтанья,
Къ природѣ вздохи и воззванья...
И этимъ томы наполнять?
Друзей-ли ими убивать,
Самимъ-ли слогомъ любоваться?
Не думаю, хотя у васъ.

Есть это свойство: на показъ
Мы любимъ какъ-то выставляться
Предъ нашимъ собственнымъ умомъ:
Противорѣчья не найдемъ.

А если, — о благіе боги!
Намъ наше прошлое смѣшно,
Мы стали холодны и строги,
Не вѣримъ многому давно,
Намъ нынче многого ненадо...
Съ какой озлобленной досадой
На эти строки мы глядимъ,
Иль какъ презрительно мы спимъ,
Измявши этотъ лепетъ дѣтскій
Своей премудрой головой...
Мы судимъ зрѣлою душой
И нашей опытностью свѣтской!
Жаль жизни. Лучше позабыть,
Чѣмъ все такъ грозно осудить.

Вываюютъ дни, ихъ грезъ истомы
Листкамъ отрадно довѣрять,
Я знаю. Мой одинъ знакомый,
Всегда готовый осуждать,

Мнѣ говорилъ: — «Перо, чернила —
 «Вездѣ съ собою мы беремъ:
 «Вести дневникъ нашъ до могилы
 «Мы обѣщаніе даемъ...
 «Педантства сколько и кокетства!
 «Что жь дѣлать сердцу?... Вѣрьте мнѣ,
 «Что стоитъ памяти — во снѣ
 «Что сладко намъ приснилось въ дѣтствѣ;
 «Съ любовью сердце оживитъ
 «И безъ бумаги сохранить.

—
 «Что вашъ дневникъ? Тетрадь расхода,
 «Гдѣ вѣчно страшный недочетъ
 «На что намъ знать въ теченіи года
 «Придетъ-ли много или уйдетъ?
 «Въ немъ чаще убыль и страданье....
 «Зачѣмъ-же намъ воспоминанье
 «И настоящее мрачить,
 «Не лучше ль день за днемъ прожить?...
 «Жизнь коротка. Скорѣй забвенье,
 «Чтобъ не тревожилъ насъ собой
 «Рядъ прошлыхъ дней».... Читатель мой,
 Простите это отступление
 И этотъ злой авторитетъ;
 Мое сужденіе не совѣтъ.

—
 День провѣда въ смертельной скукѣ,
 А ночь не безъ тревожныхъ сновъ,
 Не бралъ чернилъ и перьевъ въ руки
 Герой мой, Николай Петровъ.
 Не то, чтобъ не было охоты,
 Но счелъ онъ лучше всѣ работы
 По жатвѣ, по полямъ слѣдить,
 И въ избы черныя входить.
 Игнелъ онъ чисто наслажденіе
 Услышать за своей стѣной
 Сужденіе ключницы съдой
 О новомъ родѣ управленія
 И приговоръ, что изъ того
 Не выйдетъ ровно ничего.

Во все викалъ онъ по немногу
 Онъ въ сердцѣ твердо положилъ
 Свой путь отчетливо и строго
 Свѣршать, по мѣрѣ средствъ и силъ.
 Онъ понималъ, хоть въ другомъ значеннѣ,
 Время минувшихъ поученье:
 «Всего вѣрнѣй господскій глазъ!»
 Онъ видѣлъ дѣло безъ прикрасъ,
 И если часто ошибался
 Всѣмъ на смѣхъ, даже и сестрѣ,
 За то объ истинномъ добрѣ
 Нельзя сказать, чтобъ не старался....
 Но сколько дразгъ и мелочей
 Онъ вынести далъ душѣ своей!

Бывало, всякую услугу
 Онъ не охотно принималъ,
 Другъ приходи, — прогналъ-бы друга,
 Теперь онъ звалъ людей — желалъ
 Заботы, шума и движенья,
 И если бъ врагъ въ уединенье
 Къ нему забрелъ изъ тѣхъ сторонъ,
 Откуда такъ недавно онъ,
 Его-бы Николай, какъ брата,
 Въ свои объятя заключилъ....
 Онъ скуку тяжкую носилъ
 Въ груди отъ утра до заката,
 До сна — и если не ропталъ,
 Такъ оттого, что клятву далъ.

Вглянувъ поближе, прежде милый,
 Его не радовалъ пріютъ,
 Деревня — въ ней природы силы
 Развить обязанъ долгій трудъ;
 Въ землѣ надежда и съ весною
 Выходитъ свѣжею травою
 И вьется въ колосокъ и ждетъ —
 Что небо къ осени пошлетъ?
 Въ землѣ вся жизнь: о ней съ моленьемъ,
 И вся забота, а она

Бываетъ часто такъ бѣдна...
 Конечно, можно съ наслажденьемъ
 Здѣсь лѣтній мѣсяць, даа — прожить,
 Чтوبъ время какъ-нибудь убить.

Но цѣлый вѣкъ, но съ тайной думой,
 Что люди также здѣсь живутъ,
 Что ихъ сѣвга зимой угрюмой
 Въ жилищахъ мирныхъ занесутъ;
 Нѣтъ, съ этой мыслью не сживешься,
 А развѣ, промѣнявъ свой фракъ
 На шлафрокъ, заведешь собакъ
 И тажбой маленькой займешься
 Съ сосѣдомъ — за пять десятинъ, —
 Такъ годъ протянешь не одинъ...

Сосѣди моего героя
 Прекрасно жизнь свою вели:
 Не возмущало ихъ покоя
 Размежеваніе земли;
 Оно имъ призракомъ мелькало
 Вдали; весна весну смѣняла,
 И радуя владѣльца взоръ,
 Какъ будто шахматный коверъ
 Черезполосица пестрѣла.
 Не возмущала также ихъ
 Непрочность всѣхъ вещей земныхъ,
 Безпечность — ихъ цитала, грѣла:
 На старомъ домѣ крышка леть,
 Никто тѣснички не прибѣтъ.

Самолюбиваго остраданья,
 Тревогъ незнани ихъ умы.
 Одни бывали ожиданья:
 Зимой — жаровъ, въ жары — зимы.
 Занятъ ихъ неустойчивы,
 То умолетъ, то всходъ озимый,
 Нѣтъ часа лишняго во днѣ
 И все идетъ по старинѣ.

Былъ, правда, и у нихъ въ приходѣ
 Помѣщикъ, книжки все читалъ,
 Онъ даже рѣчь одну сказалъ
 Объ агрономіи, природѣ, .
 Въ собраньи гдѣ-то; къ-счастью, что
 Его понять не могъ никто.

У ихъ бывали развлеченья;
 Немножко бурно иногда
 Они кончались, къ-сожалѣнью,
 За то ихъ злоба и вражда
 Сномъ, какъ горячка, проходила.
 У одного изъ нихъ учила
 Дѣтей несчастная мадамъ;
 По-русски дѣти пополамъ
 Съ гасконскимъ бойко объяснялись
 Другимъ на диво. Въ зимній день,
 Когда ужъ спать нѣтъ мочи, лѣнь,
 Газеты иногда читались....
 Одинъ другому ихъ дасть,
 Чтобы сберечь пустой расходъ.

Газеты миръ ихъ возмущали,
 Покой ихъ.... Право, я число
 Теряю, сколько золъ, печалей
 Книгопечатанье внесло!

А ужъ газеты!... Сколько споровъ
 И толковъ, и за что; изъ вадоровъ,
 Изъ партій глупыхъ и пустыхъ...
 Какое дѣло намъ до нихъ!
 Что Бонапарте вамъ пріятель?
 А Кавеньякъ за то не милъ,
 Что вашихъ мнѣній не спросилъ?
 Не такъ повелъ себя?... Читатель,
 Простите, можетъ быть, какъ я,
 Вы не политикъ, не судья,

И толки гоните какъ можно
 Подальше отъ своихъ ушей;

Скажу—умно и осторожно!
 И возвращаюсь поскорѣй
 Къ провинціаламъ. Хоть конечно
 Они въ смиреніи сердечномъ
 Читали лишь въ вѣдомостяхъ
 О перестройкахъ, откупахъ,
 Пропажкахъ и тому подобномъ,
 Но если дружескимъ кружкомъ
 Они судили о другомъ —
 То такъ кричали дико, злобно,
 Какъ-будто подступалъ ужъ врагъ,
 И жены прятались въ сѣняхъ...

Однако строгое различье
 Между сосѣдей я кладу;
 Одни — поклонники приличья,
 А тѣ — отстали на бѣду.
 Что съ ними скучно, нѣтъ сомнѣнья;
 Но эти люди далеко
 Всегда отъ насъ и отъ сближенья
 Ихъ очень отучить легко.
 О нихъ довольно. Но другіе,
 Есть люди, тоже не простые,
 Въ домахъ кривыхъ, холодныхъ, грязныхъ,
 Скущцы, лѣнницы, крикуны
 Иль подъ опекой у жены,
 И съ легиономъ скукой праздною
 Рожденныхъ странностей, затѣй,
 Одна другой смѣшнѣй, пестрѣй...

Какъ съ ними жить, когда судьбою
 Иль землемѣромъ съ трехъ сторонъ
 Ихъ выгонятъ съ вашей землею
 Навѣчно крѣпко соединенъ?
 Нельзя же вѣкъ прожить безъ встрѣчи,
 А встрѣтятся, не послушать рѣчи,
 И если дождь — къ себѣ не звать?
 А тамъ ужъ вамъ не сосчитать
 Знакомствъ въ пріятной перспективѣ,

Вась стануть на руках носить
 И приведет вась, можетъ—быть,
 Гулянье по изсохшей нивѣ
 Туда, гдѣ идетъ вась Гигеней
 Съ улыбкой милою своей...

Такихъ сосѣдей изобильно
 Герою моему дала
 Судьба, — настойчиво и сильно
 Она пустытника гнала.
 Онъ убѣгалъ и все напрасно:
 Отъ встрѣчъ остались безопасны
 Одишь свой садъ и огородъ....
 Сосѣдъ на жатвѣ, у воротъ,
 Съ собакой по болоту бродить,
 Съ супругой Лизу навѣстить,
 Днемъ въ холодкѣ въ дѣсу лежить,
 А ночью перепела ловить....
 Тутъ на бѣду благой законъ
 Гостепрѣимства учрежденъ.

Ужъ тутъ приличія оковы,
 Какихъ нѣтъ хуже. Ихъ поднять
 Былъ долженъ Николай; какъ новый
 Огъинъ, онъ не могъ бѣжать
 Черезъ заднее крыльцо. Въ молчаньи
 Выслушивалъ повѣствованье
 Почтенной барыни, о томъ,
 Какъ тесть разбитъ параличемъ,
 Какъ долженъ Николай лечиться,
 Когда съ нимъ, Боже сохрани,
 Случится тоже; какъ они
 Поѣдутъ въ городъ веселиться.
 Тутъ получалъ всегда герой
 Взоръ дѣвы блѣдной и худой.

Потомъ вопросъ:—«А вы когда же
 Свои пустынные мѣста
 Покинете?»—Да скука таже....

— «Конечно, наша жизнь пуста,
 Нашъ шумный свѣтъ душъ унылой
 Отяготительный, немилый,
 Вамъ нуженъ скромный уголокъ,
 Ручей, бесѣдка, вѣтерокъ,
 Чтобъ тихо колыхалъ сирени.
 О, вѣрно вы въ душѣ поэтъ!
 И нуженъ вамъ обширный свѣтъ,
 Балы и сотни развлеченій,
 И высшій кругъ.... ихъ намъ не знать,
 Увы, намъ нечѣмъ васъ занять!...

Гуляя въ сумрачной аллеѣ,
 И съ братомъ и сестрой, втроемъ,
 Она становится смѣлѣе,
 О чувствахъ говорить родномъ....
 Но ужъ темнѣетъ. При прощаньи
 Она лепечетъ: «до свиданья!»
 Бросаясь Лизу цѣловать,
 И просить книжечку почитать,
 Чтобы въ глуши, въ уединеньи,
 Языкъ боговъ не позабыть,
 Чтобъ сердце въ грусти оживить,
 Строкой возвышенныхъ твореній —
 Поэзья жизнь душѣ даетъ....
 Герой ей Вертера несетъ.

Я мысль его не понимаю;
 Быть можетъ, онъ хотѣлъ шалить,
 Но я и шалость извиняю,
 Вѣдь надо какъ-нибудь прожить;
 Онъ прожилъ день свой и прекрасно!
 Но согласитесь, что ужасно
 Забавой пошла и пустой
 Занять свой день, благой судьбой
 Намъ посланный на размышленье,
 Добро, познанье, пользу, трудъ;
 Подумать страшно — что уйдутъ
 Всѣ дни въ бесплодномъ отступленьи

И въ шуткахъ тягостныхъ уму, —
 Не остроумныхъ ко всему...

Читатель строгій и холодный,
 Ужь вы, качая головой,
 Сказали: — «А, болѣзнью модной
 Страдаетъ вѣрно нашъ герой,
 Немножко мода устарѣла:
 Лѣниться, призывая дѣло,
 И пальца не поднимъ, смотрѣть,
 Какъ дѣло начинается тлѣть
 Не тронуть, роптать въ страданьи,
 На немощи души своей,
 На безтолковыхъ злыхъ людей,
 На невозможное желанье,
 Носить въ груди къ чему-то мечь,
 Рыдать.... Всего не перечеть!...

Я соглашаюсь, мой читатель,
 Средь жизни полной, занятой,
 Ничтоженъ и смѣшенъ мечтатель,
 Съ своею лѣнью и тоской;
 Смѣшны идеи, отрицанье
 Безъ положительныхъ познаній,
 Забытыхъ въ школѣ на скамьѣ.
 Когда ихъ крошками въ семьѣ
 Философъ юный щеголяетъ;
 Смѣшно презрѣнїе забавъ,
 Когда онъ, вдоволь поскучавъ,
 Воплнѣ себя вознаграждаетъ,
 Не зная мѣры тѣмъ страстямъ,
 Что прежде осмѣялъ онъ самъ.

Но допустите исключенья:
 Представьте разумъ молодой
 Съ его тревогой и стремленьемъ,
 Съ надеждой свѣтлой и живой,
 Съ познаваемъ полнымъ, съ жаждой воли,

Съ душою любящей до боли,
 Готовой къ дѣлу и борьбѣ...
 Что если-бъ вздумалось судьбѣ
 Отнять у бѣднаго созданья
 Всѣ средства дѣйствовать, зарыть
 Его въ глуши и все твердить
 Днемъ, вечеромъ, въ напоминанье,
 Что онъ напрасно жизни ждетъ,
 Что даромъ молодость пройдетъ?

Ужель досаду, праздность, скуку,
 Осудите премудро вы,
 Ужель наложите вы руку,
 На дѣло мрачное судьбы,
 Ужели эти сожалѣнья,
 Желанья, тихія движенья,
 Невольный ропоть, слезы, сны,
 Вамъ будутъ странны и смѣшны?
 Простите, мой читатель грозный;
 Вы врагъ и возгласовъ и фразъ,
 Быть можетъ холодно, серьезно
 Скорѣй я разувѣрю васъ
 Быть можетъ моему герою
 Хоть состраданье не большое
 Вы согласитесь оказать,
 Я общаюсь — не искать
 Обиды въ вашемъ состраданья,
 Хотя вы сами, можетъ быть,
 Ея не потрудитесь, скрыть,
 Хоть ваше строгое вниманье
 И ваша вѣжливость не разъ
 Сконфузятъ скромный мой рассказъ.

Тотъ годъ въ имѣньи Николая
 Былъ урожай, но онъ съ сестрой,
 Иначе дѣло понимая,
 Сказалъ ей прямо, что зимой
 Она не будетъ веселиться,
 Что надо съ бѣднымъ подѣлиться

Плодомъ томительныхъ трудовъ:
 Обстронить надо мужиковъ,
 Поправить бытъ ихъ и другое,
 Тому подобное, хотъ зналъ,
 Что этимъ Лизу огорчалъ,
 И за нагёренье благое
 Онъ много ждалъ себѣ отъ ней
 И скучныхъ сценъ и скучныхъ дней.

Смирясь, съ сосѣдомъ онъ видался,
 Хотѣлъ сойтися какъ нибудь
 Въ рѣчахъ, ... въ сужденяхъ онъ старался
 Ни чьихъ понятій не толкнуть,
 Но было знать судьбѣ угодно
 Чтѣ все казалось въ немъ несходно
 Съ другими, и сосѣдъ рѣшилъ,
 Что онъ не такъ, какъ люди жилъ,
 Что внуку Авдотья Николавны
 Поприще могъ себя держать,
 Своихъ сосѣдей уважать,
 Что все въ немъ странно и забавно,
 Что онъ франтъ и нелюдишъ
 Ученъ и скученъ, и Богъ съ нимъ!

Въ деревню онъ привезъ творенья
 Любимыхъ авторовъ своихъ;
 Читалъ, но утомляло чтенье
 Уже давно знакомыхъ книгъ,
 Притомъ-же надо, чтобъ хотъ мало
 Насъ виѣшнее располагало
 Къ принятю, къ чувству красоты,
 Въ хозяйствѣ не живутъ мечты.
 Онъ бросился къ живой наукѣ
 Съ любовью, рвеньемъ школьныхъ лѣтъ,
 Но изучать и средства нѣтъ,
 И размышленье вянетъ въ скукѣ,
 И не кого на судъ позвать,
 Чтѣбъ мысль иль мнѣнье провѣрять.

Межь-тѣмъ, какъ осень обрывала
Лѣсовъ пестрѣющій уборъ,
Его душа судьбѣ шептала
Невольный, горестный укоръ :
Жизнь уходила средь бездѣля....
И вспомнилъ Николай веселье,
Съ какимъ онъ путь свой начиналъ....
Но въ скукѣ онъ не замѣчалъ,
Что утѣшенье, — больше, счастье
Не далеко, что трудъ готовъ,
Что онъ легокъ; немного словъ,
Немного ласки и участя,
Его сестра.... Но мы о ней
Разскажемъ послѣ и полнѣй.

II.

МИХАЙЛО ФЛЕЙТРАВЕРСОВЪ.

РАЗСКАЗЪ

В. А. КАПРИЦКАГО.

—
Не родись уменъ, родись счастливъ!
Русская пословица.

I.

У меня былъ школьный товарищъ, по имени Михайло Флейтраверсовъ. Онъ былъ сынъ уѣзднаго медика, о которомъ отзывались какъ о рѣдкомъ медикѣ и какъ о рѣдкомъ человѣкѣ. Онъ поступилъ въ школу не много позже меня. Школа эта была хотя частная, но значительная въ губернскомъ городѣ Х. Въ то время, съ котораго я начинаю мой рассказъ, школы были совсѣмъ не то, что онъ теперь. Тогда были и методы преподаванія иные, и книги иные и преподаватели иные. Мы больше шалили, больше лѣнились, нежели учились. Наша школа слазилась шалунами.

Всѣ мы учились плохо, до поступления Флейтраверсова въ нашу школу. Съ поступленіемъ Флейтраверсова въ нашей школѣ произошелъ переворотъ. Всѣ единодушно съ перваго раза прозвали его *необыкновен-*

нымъ мальчикомъ. И дѣйствительно это былъ необыкновенный мальчикъ. Тихій, скромный, съ самыми счастливейшими способностями и самымъ рѣдкимъ сердцемъ. Ученые для него были забава. Онъ могъ разсказать наизусть слово въ слово каждый заданный урокъ, разъ его прочитавши. Онъ поражалъ насъ своею необыкновенною памятью. Ни въ какія наши дѣтскія игры онъ не вмѣшивался, а только смотрѣлъ на нихъ издали и скучалъ. Его иначе нельзя было представить себѣ, какъ съ книгою въ рукахъ, или съ тетрадью подъ мышкой. Пятнадцать лѣтъ онъ говорилъ по-французски, по-нѣмецки и по-латынѣ.

Математика казалось была по преимуществу любимой наукой Флейтраверсова. Будущая страсть къ умозрѣніямъ выразилась у него въ школѣ страстью къ математикѣ. Когда онъ выходилъ къ доскѣ, бралъ мѣлъ и начиналъ изъяснять и доказывать какую-нибудь алгебраическую или геометрическую задачу, то всѣ вытягивали шею и развѣвали рты отъ удивленія.

На него начали скоро глядѣть какъ на будущую славу нашей школы. Я съ нимъ подружился почти съ того дня, какъ познакомился. Ничто не могло быть противоположеніемъ нашихъ характеровъ. Онъ былъ даровитый и необыкновенный мальчикъ во всѣхъ отношеніяхъ, а я былъ отъявленный шалуунъ и лентяй, вѣчно сидѣвшій на задней скамейкѣ. Спать въ классѣ казалось для меня всегда такимъ неизъяснимымъ наслажденіемъ! и вдругъ Флейтраверсовъ протягиваетъ ко мнѣ руку, знакомится со мной, дружится со мной.

Всѣ удивились. Добродушіе Флейтраверсова было удивительное. Я былъ передъ нимъ чистый и круглый невѣжда, но онъ ни однажды не показалъ мнѣ, что считалъ меня въ чемъ-нибудь невѣждой. Я былъ въ восторгѣ отъ Флейтраверсова, я скоро не могъ дышать уже безъ Флейтраверсова. Но полюбивъ его, я не могъ уже долѣе оставаться неучемъ, и брезгать ученіемъ, которымъ Флейтраверсовъ былъ поглощенъ и которымъ онъ бредилъ ежеминутно.

Нинюгда не забуду, какъ однажды Флейтраверсовъ пришелъ въ классъ съ тетрадкою стиховъ, списанныхъ его рукою. На послѣдней страницѣ строки были еще влажны. Лицо Флейтраверсова было восторженно.

— Слышали-ль вы братцы, спросилъ онъ, что-нибудь про нашего Александра Пушкина?

— Нѣтъ! отвѣчали мы въ одинъ голосъ.... А кто такой Александръ Пушкинъ?

— Это нашъ знаменитый стихотворецъ, который написалъ уже нѣсколько поэмъ, котораго теперь читаютъ, котораго теперь превозносятъ вся Россія, отвѣчалъ онъ торжественно.

Слова его насъ озадачили.

— Вотъ одна изъ его поэмъ, подъ названіемъ «Кавказскій павильонъ», которую я сейчасъ списалъ себѣ, продолжалъ онъ: хотѣте ли я вамъ ее прочту!

— Прочти! прочти! закричали мы.

И Флейтраверсовъ началъ читать.

Трудно представить себѣ то очарованіе, какое произвело на насъ пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ мальчиковъ чтеніе этой поэмы. Флейтраверсовъ вдругъ раскрылъ предъ нами новый очаровательный, поэтический міръ, о которомъ мы до сего и не подозревали. Наши детские умы вдругъ воспламенились. Мы бросились списывать и учить наизусть Пушкина; мы вдругъ все начали бредить Пушкининымъ. Счастливы и благодѣтельный бредъ! Классы наши стали меньше оглашаться криками, зовущими на малость и драку съ жидами. Въ нихъ стали раздаваться поэмы Пушкина, баллады Жуковского и оды Державина, выученныя наизусть. Мы вдругъ стали толковать и судить о русской литературѣ.

Какой переход! какой переворотъ! нашъ учитель словесности былъ человекъ стараго времени. Онъ не могъ читать Пушкина безъ отвращенія; но онъ, надобно отдать ему честь, не осудилъ однакожъ нашей страсти къ Пушкину, а далъ ей полную волю. Онъ зналъ, что изъ этого ничего худого не выдетъ. Онъ только гнѣвался и досадовалъ, что мы, восхищаясь Пушкининымъ и Жуковскимъ, были равнодушны къ Кострову и Сумарокову, его идеаламъ. Досада эта и гнѣвъ оставались, однакожъ, безъ всякихъ послѣдствій. Добрый и престарѣлый нашъ наставникъ, вѣроятно, понялъ, что мы принадлежали уже другому времени и другому поколѣнію, и что насъ уже не можетъ восхищать то, что его вѣсегда восхищало. Онъ былъ доволенъ уже тѣмъ однимъ, что мы сидѣли въ его классѣ чинно, и слушали его внимательно.

Флейтраверсовъ читалъ и Ломоносова, и Сумарокова, и Кострова также точно, какъ Жуковского и Пушкина. Онъ началъ вступать иногда въ разсужденія и пренія съ нашимъ почтеннымъ наставникомъ словесности, о старыхъ и новыхъ нашихъ поэтахъ. Старикъ сердился, когда Флейтраверсовъ говорилъ о Пушкинѣ съ особеннымъ энтузіазмомъ, и ставилъ его поэмы выше Хераскова, Кострова и Сумарокова.

— Какъ, выше Сумарокова! дерзкій мальчишка! выше Сумарокова! На колѣни дерзкій! вскрикнулъ нашъ престарѣлый Карпъ, Карпычъ однажды, выведенный изъ себя, бѣгая по классу. — На колѣни предъ великой тѣнью Сумарокова! предъ тѣнями Кострова и Хераскова!

Флейтраверсовъ сталъ смиренно на колѣни и молча выслушалъ потокъ необыкновенныхъ похвалъ Сумарокову, Кострову и Хераскову, и три потока браней Пушкину, Жуковскому, Батюшкову и другимъ подобнымъ поэтамъ-самозванцамъ.

— Ну что, ты теперь убѣжденъ, что Сумароковъ первый русскій стихотворецъ, которому подобнаго не бывало и не будетъ на Руси? спросилъ нашъ наставникъ, оставивъ и принявъ грозное положеніе предъ Флейтраверсовымъ.

— Нисколько! отвѣчалъ сей послѣдній твердо и спокойно.

— Я прикажу тебя выстѣчь! закричалъ до нельзя разгнѣванный Карпъ Карпычъ.

— Но я и выстѣченный не переменяю мнѣнія моего о Пушкинѣ, отвѣчалъ неустрашимый Флейтраверсовъ.

Карпъ Карповичъ покраснѣлъ. Карпъ Карповичъ чуть не заплакалъ отъ досады, что разгнѣвался на Флейтраверсова такъ жестоко изъ-за тѣни Сумарокова!

— Встань! мой другъ, встань! сказалъ Карпъ Карповичъ, поднимая Флейтраверсова. Отъ нынѣ я буду почитать твоего Пушкина, но съ тѣмъ, чтобы ты не осуждалъ любимаго моего Сумарокова.

Карпъ Карпычъ и Флейтраверсовъ помирились на этомъ условіи. Споры Флейтраверсова съ почтеннымъ Карпъ Карпычемъ можно было назвать борьбою стараго русскаго классицизма съ романтизмомъ — и классицизмъ долженъ былъ уступить.

Подобныя пренія о Сумароковѣ и Пушкинѣ были для насъ наставительныя и поучительныя цѣлыя тогдашнихъ курсовъ и книгъ о словесности. Мы быстро стали развиваться. Въмѣсто прежней страсти къ шалостямъ, къ непослушанію и къ дракамъ съ жидами, въ насъ поселилась страсть къ русской словесности.

У насъ былъ еще учитель нѣмецкаго языка, капитанъ австрійской службы, родомъ богенецъ, по имени Адальбертъ Само, лицо чрезвычайно оригинальное. Онъ носилъ постоянно подъ сюртукомъ красную жилетку. Жилетка этого цвѣта, по его увѣренію, была присвоена однимъ только капитанамъ австрійской службы.

Когда мы бывало расшалились въ его классѣ и разсердили его, то онъ, указавъ намъ пальцемъ на свою красную жилетку, приговаривалъ:

— Эта жилетка краснаго цвѣта! Понимаете ли вы, что значить жилетка краснаго цвѣта? Я іестемъ капитанъ! Псцихо! А то я васъ пальцемъ забіе!

И мы утихали въ одну минуту.

Но обратися къ Флейтраверсову. Дружба моя съ нимъ станови-

засъ каждый день тѣнѣе. Не проходило дня, чтобы мы съ нимъ не читали и не разбирали кого-нибудь изъ нашихъ старыхъ, или новыхъ писателей, не перечитывали журналовъ: «Вѣстника Европы», «Благонамѣреннаго», «Сына Отечества», «Отечественныхъ Записокъ», наконецъ мы стали получать и читать «Московский Телеграфъ!» Не проходило дня, чтобы мы съ нимъ не спорили, не мечтали: я начиналъ чувствовать уже въ себѣ силы спорить съ Флейтраверсовымъ.

Каждый годъ на публичномъ экзаменѣ Флейтраверсовъ получалъ за блистательные успѣхи въ наукахъ и примѣрное благонаравіе похвальный листъ и книгу. Я, который никогда ничего не получалъ и не былъ хвалимъ ни за что, удостоился подѣ концѣ похвалъ за успѣхи мои въ русской словесности.

Мы съ Флейтраверсовымъ стали писать. Онъ писалъ прозой, я писалъ стихами.

— Отчего ты не пишешь прозой? спрашивалъ меня Флейтраверсовъ.

— Я чувствую непреодолимую страсть къ стихамъ, отвѣчалъ я ему.

Флейтраверсовъ дѣлалъ недовольную мину при этомъ, но не возражалъ мнѣ.

Потомъ я, по совѣту Флейтраверсова, бросилъ стихи и взялся за прозу.

— Послушай! сказалъ мнѣ однажды Флейтраверсовъ, — куда ты думаешь идти по окончаніи курса въ нашей школѣ?

— Какъ куда? Въ гусары или въ уланы! отвѣчалъ я: это дѣло у меня уже рѣшеное!

— Какъ въ гусары?

— Куда же ты мнѣ идти прикажешь? спросилъ я его въ свою очередь, съ удивленіемъ.

— Въ университетъ! ступай въ университетъ!

— Но въ университетѣ надо знать по латынѣ, а я по латынѣ знаю очень плохо.

— Учись!

— Но въ университетѣ идти надобно знать еще кое-что.

— Учись!

— Но въ университетѣ идти надобно знать многое, чего я не

знаю.

— Учись! Твоя наука не пропадетъ!

— Для чего же я буду столько учиться?

— А для того только, чтобы учиться. Неужели ты не понимаешь,

что вѣтъ ничего на свѣтѣ выше науки? Что наука есть трудъ и дѣлѣ съ тѣмъ высшее наслажденіе. Неужели ты думаешь иначе? Ежели только такъ, то я тебя гораздо выше ставилъ, нежели ты есть.

Мнѣ стало досадно.

— Но мой отецъ, сказалъ я, и слышать не захочетъ, чтобы я шелъ въ университетъ; мать моя ждать не дожидается, когда я надѣну гусарскій ментикъ, шпору и чикчиры съ лампасами.

— Убѣди своего отца, убѣди мать; докажи имъ, что тебя не занимаютъ ни шпору, ни чикчиры, ни лампасы, а занимается паука; что тебѣ суждено быть не гусаромъ, а ученымъ, а литераторомъ!..

— Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь могу быть литераторомъ? спросилъ я въ недоумѣніи, полагая, что Флейтраверсовъ шутитъ.

— Будешь! непременно будешь литераторомъ!

— Я буду литераторомъ!!!

— Да, да! Ты будешь литераторомъ! отвѣчалъ Флейтраверсовъ.

На лицѣ его было написано, что онъ вовсе не шутитъ, а дѣйствительно убѣжденъ, что я буду литераторомъ.

Флейтраверсовъ вдругъ опрокинулъ все мысли въ моей головѣ вверхъ ногами.

Три дни я думаю о томъ, какъ быть? Идти ли мнѣ въ университетъ, или не идти? И наконецъ я рѣшился идти.

Когда я объ этомъ сказалъ Флейтраверсову, то онъ меня обнялъ и трижды поцѣловалъ.

— Но какъ теперь сказать моему отцу, что я хочу быть литераторомъ?.. Онъ на меня разгнѣвается, сказалъ я: какъ сказать моей матери, что меня не занимаютъ уже ни ментикъ, ни шпору, ни лампасы? она подумаетъ, что я съума сошелъ.

— Убѣжденіе собственное есть великая вещь; коли ты убѣдишь самъ въ пользѣ университета, то убѣдишь въ этомъ отца своего и мать.. Объясни имъ, что такое значитъ литераторъ и что такое значитъ литература!.. Я увѣренъ, что говоря объ этомъ предметѣ, ты будешь краснорѣчивъ и что они не устоятъ противъ твоего краснорѣчія.

Какъ Флейтраверсовъ сказалъ, такъ и сбылось; хотя съ трудомъ, но я убѣдилъ отца моего и мать не препятствовать мнѣ идти въ университетъ.

Я началъ учиться и учиться день и ночь. Я началъ учиться по латынѣ. У меня, вмѣсто прежней блестящей перспективы, вдругъ, пожелтѣло и померкло въ глазахъ,

Нашъ окончательный экзаменъ приближался. Я учился и готовился трудно, Флейтраверсовъ шутя.

Я сидѣлъ надъ Цицерономъ и грызъ себѣ пальцы съ досады, что не могъ проглотить всего Цицерона разомъ, а долженъ былъ глотать во кусочку и по кусочку. Это мнѣ надоѣло хуже горькой рѣдки.

Входитъ Флейтраверсовъ.

— Моча нѣтъ! воскликнулъ я. Эта латынь меня вгонить въ гробъ. Какъ я сожалею, что промѣнялъ гусарскаго коня на латынь.

Флейтраверсовъ вспыхнулъ отъ негодованія.

— Я мечталъ быть гусаромъ; я думалъ гарцовать на лихомъ конѣ; я хотѣлъ быть первымъ мазуристомъ въ арміи, и былъ бы... я мечталъ уже о побѣдахъ надъ дамскими сердцами — а ты, а ты лишилъ меня всего этого! О Флейтраверсовъ! Флейтраверсовъ!

Я замолчалъ.

— Продолжай! продолжай! воскликнулъ Флейтраверсовъ.

— Отецъ мой былъ гусарь; мать моя вышла за него замужъ потому только, что онъ былъ гусарь, а я долженъ былъ ее увѣрять, что я не рожденъ гусаромъ, а литераторомъ!.. Бѣдная мать моя заплакала, когда я ей объ этомъ сказалъ. Она воображала видѣть сына своего сияющаго золотомъ, гарцующаго на конѣ... говорящаго дамамъ комплименты — и теперь она должна видѣть этаго самаго сына прикованнаго къ книжкѣ!!!... и бормочущаго по латыни!.. Я хотѣлъ владѣть мечемъ, я хотѣлъ быть воинномъ, а не латвнистомъ... О Флейтраверсовъ!

— Все ли ты сказалъ? спросилъ Флейтраверсовъ, когда я остановился.

— Все!

— Ты мнѣ говоришь о мечѣ, о мазуркѣ, о шпорахъ, а я тебѣ говорю о наукѣ. Мы толкуемъ совершенно о различныхъ предметахъ. Мазурка мазуркой, а наука наукой. Твоя мать желала бы видѣть тебя гарцующаго на конѣ; но гарцовать на конѣ не значитъ уже все. Чтобъ быть человѣкомъ достойнымъ уваженія неужно непременно умѣть гарцовать на конѣ. Посади Ньютона гарцовать на верблюда, онъ будетъ и на верблюдѣ сіять! Не верблюдъ тутъ важенъ, а тотъ, кто сидитъ на верблюдѣ! Александръ Великій завидовалъ Диогену, сидящему въ бочкѣ. Гарцованье не есть великая важность, а наука есть великая важность. Что такое наука? Наука есть тотъ великій древній оракулъ, къ которому приходили поклоняться величайшіе мудрецы древности, къ которому приходилъ поклоняться и самъ Александръ Македонскій, укротитель Буцефала. Наука есть для человѣка

все. Умъ человѣческій стремится въ безконечность — вотъ его поприще! И что значить передъ такимъ умомъ человѣкъ, гаркнувшій на конѣ! А? Что ты на это скажешь?

Я замолчалъ, потому-что мнѣ было трудно тягаться съ Флейтраверсовымъ, когда онъ начиналъ философствовать.

— А знаешь ли, Флейтраверсовъ, началъ я черезъ минуту, что отвѣчалъ мнѣ отецъ, когда я ему сказалъ, что я не хочу быть гусаромъ, а хочу быть литераторомъ? Онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ: ты волея, мой любезный сынъ, быть чѣмъ тебѣ угодно, но только на ученость и литературу нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія.

— Я бы желалъ, чтобы твой отецъ поговорилъ объ этомъ предметѣ съ моимъ отцомъ. Мой отецъ былъ сынъ деревенскаго дьяча, учился въ семинаріи, потомъ въ кievской Академіи, потомъ въ московской Медицинской Академіи. Я бы тебѣ желалъ когда-нибудь прочесть письма моего дѣда, деревенскаго дьячка, къ своему сыну о просвѣщеніи и пользѣ наукъ.

Ты учишься медицинѣ, писалъ онъ моему отцу; ты учишься доброй наукѣ, научающей врачевать тѣлесныя наши немощи. Но ты научись врачевать не только тѣлесныя человѣческія немощи, но и душевныя. Тогда ты будешь истинный лекарь. Раны душевныя горче ранъ тѣлесныхъ. Раны душевныя отчего происходятъ? Отъ невѣднія!.. Будь у людей вѣднія!.. Научись врачевать души! Но нужно для этого, мой сынъ, чтобы и ты имѣлъ душу. У тебя есть душа, я это знаю, потому-что я отдалъ тебѣ мою душу! Стоя на крыльцѣ я часто думаю о тебѣ, сынъ мой, и сокрушаюсь сердцемъ о томъ, зачѣмъ я не молодъ; зачѣмъ я не могу, взявши котомку на спину, отправиться въ Москву, чтобы сѣсть рядомъ съ тобою на ученческую скамейку. Зачѣмъ Богъ не удостоилъ просвѣтить меня во многомъ, во многомъ, чего я не понимаю! Какъ подумаю, то выходитъ, что я завидую тебѣ. Я въ жизнь мою не сдѣлалъ ничего добраго, но я сдѣлалъ одно доброе дѣло, что отдалъ тебя въ науку.

— Вотъ какъ рассуждалъ дѣдъ мой, деревенскій дьячекъ, она укажь! Такъ рассуждалъ объ нихъ мой отецъ, и такъ научалъ онъ и меня рассуждать.

Флейтраверсовъ замолчалъ. Я ему не возражалъ больше, потому-что онъ убѣдилъ меня окончательно въ томъ, что наука есть дѣло полезное для человѣка.

— Положимъ, я буду литераторомъ; положимъ, что это дѣло уже

рѣшено; но ты, чѣмъ ты будешь и для чего ты себя готовишь? — спросилъ я вдругъ Флейтраверсова.

— Чѣмъ я буду? Для чего я себя готовлю? — повторялъ Флейтраверсовъ, озадаченный моимъ вопросомъ. — Я буду, можетъ-быть, ничѣмъ!

Я не понималъ этого отвѣта. Этотъ отвѣтъ былъ тогда выше моего понятія.

Наступилъ наконецъ нашъ окончательный, школьный экзаменъ. Флейтраверсовъ шелъ на всѣ экзамены, не готовясь. Вотъ наступилъ день торжественнаго акта, день публичнаго экзамена! Я боялся публички и всего публичнаго и тѣхъ минутъ, когда на васъ устремляются вдругъ тысячи глазъ. Флейтраверсовъ напротивъ. Флейтраверсовъ оживлялся при видѣ публички. Онъ только при видѣ ея входилъ, казалось, въ настоящую свою сферу.

Вотъ наконецъ начали появляться въ залу посѣтители. Нашъ почтенный директоръ засуетился. Вдругъ входитъ въ залу господинъ высокаго роста, старикъ лѣтъ шестидесяти, сухой, тонкій, съ согнутою спиною, съ морщиноватымъ, худощавымъ лицомъ, но съ блестящими юношескими глазами. Онъ остановился и сталъ искать кого-то глазами. Директоръ со всѣхъ ногъ, вѣстѣ съ учителями, бросился къ этому господину.... и началъ упрашивать его занять мѣсто впереди; но онъ отъ этой чести отказался.... и избралъ себѣ мѣсто подлѣ порога.

— Кто этотъ господинъ, около котораго директоръ нашъ такъ сильно суетится? — спросилъ я Флейтраверсова.

— Гдѣ?

— Вонъ!

— Ахъ! — вскрикнулъ Флейтраверсовъ, вдругъ поблѣднѣвъ и покраснѣвъ, и не отвѣчая мнѣ на вопросъ, бросился самъ навстрѣчу этому господину.

Но въ залу вдругъ вошелъ губернаторъ съ прочимъ губервскимъ начальствомъ; заиграла музыка, раздался голосъ директора: — Смирно лѣтъ! по мѣстамъ!

И Флейтраверсовъ долженъ былъ вернуться назадъ.

Господинъ, при видѣ котораго Флейтраверсовъ вдругъ поблѣднѣлъ и покраснѣлъ былъ отецъ его, котораго онъ давно уже не видѣлъ и котораго онъ не ожидалъ сегодня видѣть.

Начался экзаменъ. Началось торжество Флейтраверсова. Его вызвали первымъ. Директоръ всталъ съ своего мѣста, и обратившись къ публикѣ сказалъ: что Флейтраверсовъ есть первый ученикъ нашей школы, что Флейтраверсовъ есть рѣдкій ученикъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что если

кому-нибудь из присутствующих будет угодно, для удостовѣренія въ его познаніяхъ, предложить, свои вопросы, то это будетъ ему и гг. преподавателямъ пріятно, а Флейтраверсову сдѣлаетъ честь!

Флейтраверсовъ стоялъ, опустивъ голову къ землѣ.

Въ угожденіе директору, Флетраверсова вдругъ осыпали со всѣхъ сторонъ вопросами. Флейтраверсовъ отвѣчалъ на всѣ вопросы быстро, находчиво, иногда остроумно и совершенно не по ученически. Тутъ-то публика увидѣла и поняла, кто такой былъ Флейтраверсовъ!

Но что-же дѣлалъ въ это время отецъ его, сидѣвшій въ другомъ концѣ залы?... можно вообразить!

Шумъ рукоплесканій оглушалъ поминутно отвѣчающаго. Прочіе воспитанники и я, мы были почти забыты; публика занималась однимъ Флейтраверсовымъ, публика уже тотѣла однимъ имъ заниматься. Глядя въ это время на моего друга, на его торжество, на его превосходство надъ нами, я понималъ, что Флейтраверсовъ есть будущій геніальный человѣкъ, который прославитъ нашу школу, который прославитъ, можетъ-быть, Россію!...

Публика была въ восторгѣ отъ него.

По окончаніи экзамена, двое изъ преподавателей сказали рѣчи, одинъ по-латынѣ, а другой по-гречески. Публика не понималъхъ, но слушала съ величайшимъ вниманіемъ.

Наконецъ, по знаку, данному Директоромъ на кафедре всходитъ Флейтраверсовъ.. Это было неожиданно не только для публики, но и для насъ, потому-что мы не знали, что Флейтраверсовъ будетъ говорить рѣчь на актѣ. Лица присутствующихъ съ любопытствомъ обратились къ необыкновенному оратору. Онъ взомелъ на кафедру, взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его отецъ.... и вдругъ закрылъ лицо свое платкомъ.... видно было, что слезы текли по его лицу.... Черезъ минуту онъ открылъ свое лицо... Въ рукахъ его не было ничего писаннаго. Казалось, онъ хотѣлъ импровизировать. Не только публика, но даже мы, его товарищи, смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Флейтраверсовъ началъ:

«Мои товарищи и я благодаримъ, васъ, почтеннѣйшіе посѣтители, за то, что вы не отказались сегодняшній день посѣтить этотъ малый храмъ наукъ, чтобы своимъ присутствіемъ и участіемъ поощрить наши слабые успѣхи. Вы источникъ нынѣшней нашей радости и нашего торжества. Ваше вниманіе для насъ благотворно, какъ благотворны капли дождя молодымъ растеніямъ. Ваше вниманіе согрѣло и оживило въ сердцахъ нашихъ сѣмена.... которые со-временемъ должны принести плодъ».

Громъ рукоплесканій покрылъ снова оратора.

«Благодаримъ тебя, добрый нашъ начальникъ и директоръ... и слезы блеснули въ глазахъ Флейтраверсова. Благодаримъ тебя... того, котораго любящее, отеческое сердце намъ однимъ только вполнѣ извѣстно; который прежде всѣхъ радовался нашимъ малѣйшимъ успѣхамъ и больше всѣхъ горевалъ о неуспѣхахъ; о которомъ память останется всегда незабвенна въ сердцахъ нашихъ!»

Новыя рукоплесканія перебили слова оратора.

«Благодаримъ васъ, наши наставники, за передачу намъ вашихъ познаній. Всякая крупинка познаній, почерпнутая изъ вашихъ устъ для насъ безцѣнна.

«Благодаримъ васъ, наши любезнѣйшіе родители, которые заботитесь объ насъ и мечетесь... и съ глазами, полными слезъ, ораторъ обратился къ ту сторону, гдѣ сидѣлъ его отецъ.

Старикъ не выдержалъ; онъ глядѣлъ на своего сына и слезы струей текли по его лицу.

Ораторъ продолжалъ: «Позвольте мнѣ, почтеннѣйшіе посѣтители, предъ вами принести сыновнюю благодарность моему родителю, который руководилъ моею воспитаніемъ... который руководилъ моею душою!»

И ораторъ будучи не состоянъ продолжать дальше, сбѣжалъ съ своею кассею и бросился на шею отцу.

Всѣ слушатели были тронуты до глубины слезъ этою необыкновенною сценою.

Но черезъ три секунды ораторъ вновь взбѣжалъ на кафедру.

«Мы были-бы неблагодарны, сказалъ онъ, еслибы мы при этомъ забыли долгъ благодарности нашей Государю, образъ котораго (ораторъ указалъ на портретъ Государя), напечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Онъ присутствуетъ здѣсь.... онъ все видитъ, онъ все слышитъ, что здѣсь происходитъ, что происходитъ въ нашихъ сердцахъ!.... Онъ на насъ смотритъ и насъ благословляетъ!»

Десятикратный громъ рукоплесканій потрясъ стѣны зданія.

«А благодарность Богу? Богу вседѣющему, всевѣдущему!... Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! Благодаримъ Тебя, Господи, за то дыханіе жизни, которое Ты вдохнулъ въ насъ! — Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится Имя Твое; да придетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго, яко Твое есть царство и сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, во вѣки вѣковъ, аминь!» — сказалъ Флейтраверсовъ съ воздвигнутыми къ небу руками и съ глазами, утопавшими въ слезахъ.

Всѣ слушатели до одного человѣка, директоръ, наставники наши, всѣ мы, его товарищи, утопали въ слезахъ.

Флейтраверсова сняли на рукахъ съ каведры. Общій восторгъ и умилеиіе были неописаны.

Мы отправились съ Флейтраверсовымъ въ университетъ.

II.

Мы прибыли въ Харьковъ и вступили въ Университетъ; но прежде нежели я стану рассказывать о вступленіи нашемъ въ Университетъ, я долженъ рассказать объ одномъ приключеніи, случившемся съ нами на дорогѣ въ столицу Украины. Мы съ Фрейтраверсовымъ, по условію, съѣхали въ Кременчугъ. Здѣсь мы взяли троешника и поѣхали дальше на тройкѣ. Троешникъ нашъ былъ обоянецъ и назывался Кузьма Дормидонтовъ. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей между русскими троешниками, колесящими по бѣлу свѣту.

Онъ изколесилъ полъ-свѣта, онъ перебывалъ не только повсѣхъ русскихъ городахъ и городишкахъ, но онъ былъ въ Персіи, былъ въ Бухарѣ, былъ въ прусскомъ городѣ Берлинѣ, былъ въ саксонскихъ городахъ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ; былъ въ голландскомъ городѣ Саардамѣ, и видѣлъ мѣсто, гдѣ нашъ царь Петръ корабль себѣ строилъ и своими руками бревна тесалъ. Рассказываютъ, что шепы, которыя летѣли отъ этихъ бревенъ, говорилъ Дормидонтовъ, хранятся и цѣнятся голландцами наравнѣ съ брилліантами. Я не могъ нигдѣ достать для себя, ни одной такой шепы; я бы самъ берегъ и хранилъ ее, какъ брилліантъ, и дѣтямъ своимъ завѣщалъ хранить. Вѣдъ царь Петръ въ лаптяхъ ходилъ, сударки мои, въ лаптяхъ ходилъ!

Дормидонтовъ былъ не умолкаемъ. Онъ намъ пѣлъ пѣсни; онъ намъ говорилъ сказки. Онъ намъ говорилъ про свои похождения. Но о Дормидонтовѣ я нехочу теперь распространяться; я о немъ расскажу когда-нибудь въ другое время.

Дормидонтовъ везъ насъ постоянно рысью; но вдругъ обыкновенная рысь ему надоѣдала и онъ пускалъ свою тройку во всю прыть. Пробѣжавъ такимъ образомъ во всю прыть версты три, онъ оставлялъ снова своихъ лошадей бѣжать рысью, приговаривая при этомъ: тише ѣдешь дальше будешь! Пословица эта ему однакожъ не шла; по всему видно было, что ему тихо не ѣхалось!

Въ двои сутки мы проѣхали болѣе двухъ сотъ верстъ. Приѣзжаемъ въ большое казачье село Люботинъ.

— Здѣсь мы, сударики мои, покормимся, оказалъ Дормидонтовъ. Здѣсь у меня есть знакомая хозяйка козачка, Матрена Чупруниха, бѣсъ — баба! Лица, какъ пестъ, но хозяйка такая, что трехъ мужичинъ, особливо нашихъ обоянцевъ, за ездѣе заткнетъ, и не пикнуть. Я люблю такихъ бабъ! А дочка-то у нея, сударь мой, дочка, что ваши барышни! Ваши барышни ей и въ подметку негодятся! —

и Дормидонтовъ вдругъ повернулъ во дворъ къ своей знакомой Матрени Чупрунихѣ.

— «Здорово Чупруниха!» крикнулъ Дормидонтовъ съ облучка, заидя хозяйку.

— Здравствуйте, здравствуйте, Дормидонтовъ! — отвѣчала Чупруниха, сражая платокъ на головѣ.

— «Я къ тебѣ съ гостями, съ господами! съ молодыми ребятами, которые ѣдутъ въ Харьковъ уму-разуму набираться. А ты также глуца, какъ и была?» —

Чупруниха коварно улыбнулась.

Мы вошли въ чистую и свѣтлую хату. Въ хатѣ на стѣнахъ висѣли картины и портреты, писанныя масляными красками, рукою какого-нибудь бродячаго украинскаго маляра. На одномъ портретѣ было подписано: *Морозенко, що веде висько хорошенько!* на другомъ *Свайдачний зъ люлькою*, и тому подобныя подписи.

— Може хочете чого покушати, панчичьки? спросила Чупруниха, отворивъ къ намъ двери изъ боковой комнаты.

— И очень хотимъ! отвѣчали мы.

Въ минуту Чупруниха принесла и поставила намъ на столъ: горячихъ варениковъ, сметаны, малороссійскаго сала, малороссійскую колбасу и въ заключеніе миску меду.

Мы принялись все это уплетать.

Вдругъ въ ушахъ нашихъ раздался звонкій голосъ:

— Чи не хочете, паничи, ягідъ? — мы подняли головы.

— Чи не хочете, паничи, ягідъ? повторилъ тотъ же голосъ, звонкій и пѣжный, какъ голосъ соловья.

На порогъ стояла дѣвушка лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ полной миской красной лѣсной клубники въ рукахъ.

Мы были поражены необыкновенною красотой этой дѣвушки.

Предстанте себѣ полуовальное, удивительно очерченное, смуглое лицо, которое лѣтній зной и загаръ уже болѣе не могли засмуглить; черные глаза, но какіе глаза! которые горѣли, какъ два яркіе черные

бриллианта! Къ этимъ глазамъ прибавте двѣ плутовскія, коварныя ямочки на обѣихъ щекахъ; и къ этому розовыя уста, съ двумя рядами зубовъ ослѣпительной бѣлизны; и къ этому ставъ, который вы свободно могли бы обнять вашими руками, и черную широкую косу, обвивавшую голову, и къ этому вѣнокъ на головѣ и короткую юпочку, обхваченную краснымъ поясомъ и босую ножку, обутую въ красныя черевички, и эту улыбку, эту улыбку! и вы будете имѣть портретъ дѣвушки, которая стояла на порогѣ, передъ нами.

Это была прекрасная Маруся, дочь казачки Чупрунихи, о которой намъ говорилъ Дорнидонтовъ.

— Чи не хочете, панички, ягидь? —

— Хотимъ! хотимъ! — отвѣчали мы, опомнившись отъ остолененія.

И Маруся прыгнула къ намъ и поставила на столъ миску дѣсной пахучей клубники.

— Чи не хочете сливокъ да ягидь? —

— Сливочки? Да, давай намъ сливокъ, давай намъ сливокъ! давай намъ побольше сливокъ! — воскликнулъ Флейтраверсовъ.

Маруся шмыгнула изъ хаты, и черезъ три минуты воротилась и поставила передъ нами на столъ цѣлой горшокъ сливокъ.

Мы сидѣли съ Флейтраверсомъ на двухъ противоположныхъ концахъ длиннаго стола.

Когда Маруся поставила на столъ горшокъ сливокъ и сказала! — Вотъ вамъ, панички, и сливки! — то мое ретивое забилось и не выдержало.

Я мигнулъ Флейтраверсову. Флейтраверсовъ мигнулъ мнѣ. Мы поняли другъ-друга. Мы вдругъ, въ одно мгновеніе, вскочили съ своихъ мѣстъ, прыгнули къ Марусѣ и поцѣловали ее, онъ въ одну щеку, а я въ другую.

Она вскрикнула, вспрыгнула и исчезла изъ глазъ.

Мы стали съ Флейтраверсомъ другъ передъ другомъ, думая, что это передъ нами сонъ совершается! Какъ намъ обогнуть въ голову въ одно и тоже время могла придти мысль поцѣловать Марусю! мы сами удивлялись.

Не прошло пяти минутъ вслѣдъ за этимъ, какъ въ хату къ намъ съ пламенѣющимъ лицомъ и съ поднятыми вверхъ руками вбѣжала Чупруниха.

Я состраху бросился вонъ изъ хаты и оставилъ Флейтраверсова одного на жертву страшной Чупрунихѣ.

Выбѣжавъ на дворъ, я сталъ на дворѣ у окна, чтобы быть свидѣтелемъ, что будетъ происходить между Флейтраверсомъ и Чупрунихой.

«Що се вы наробили? га?» вскричала Чупруниха, подбѣжавъ къ Флейтраверсову.

— Мы ничего не робили, отвѣчалъ Флейтраверсовъ, блѣдный, но спокойный и неустрашимый, какъ всегда.

«Вы поцѣловали мою дочку?»

— Поцѣловали! я не могу сказать, чтобы мы не поцѣловали.

«Какъ вы смѣли, какъ вы осмѣлились цѣловать мою дочку?»

— Да такъ, матушка, пришла храбрость!

«Ахъ вы шибенники! ахъ вы шмаркачи, школяри! Цѣловать мою дочку! Цѣлуйте чужихъ дочекъ. Почему вы непременно мою дочку вдумали цѣловать?»

— Потому, что дочка твоя чудная красавица, такая красавица, какихъ я отъ роду моего не видывалъ! — отвѣчалъ Флейтраверсовъ съ энтузіазмомъ.

Браво! Флейтраверсовъ, браво! думалъ я про себя. Флейтраверсовъ непременно сухъ изъ воды выйдетъ.

«Красавица, да не для васъ, шибенниковъ! Да какъ вы только могли поцѣловать мою дочку?» повторила Чупруниха съ большимъ гнѣвомъ и большимъ крикомъ.

— А такъ! товарищъ мой, который отъ тебя убѣждалъ и я, сговорились — поцѣлуемъ! и поцѣлуемъ! и подкрались къ твоей дочкѣ и поцѣловали: онъ въ одну щеку, а я въ другую.

«Ахъ ты сякой, ахъ ты такой! закричала вдругъ Чупруниха, и схвативъ со стола горшокъ со сливками, пустила прямо Флейтраверсову горшкомъ въ голову.

Къ счастью горшокъ разбился на лету и только облилъ Флейтраверсова съ головы до ногъ густыми сливками.

Ха! ха! ха! раздался въ дверяхъ голосъ коварной Маруси.

Ха! ха! ха! послышался густой басъ Дормидонтова.

Глядя на моего товарища, облидаго съ ногъ до головы сливками и на замазанное лицо его, и на голову, побѣлѣвшую отъ сливокъ, я самъ не могъ удержаться, чтобы не захохотать.

— Напрасно ты такъ гнѣваешься, напрасно ты такъ гнѣваешься! — говорилъ Флейтраверсовъ, отирая ротъ, лицо и глаза.

«Ну, чтобы ты сказалъ, продолжала разгнѣванная хозяйка, еслибы я, Чупруниха, вдругъ бросилась къ тебѣ, обняла и поцѣловала?»...

— Поцѣлуй! отвѣчалъ мой товарищъ, съ такою прелестною наивно-стью, что его рѣшительно можно было за это поцѣловать! — Поцѣлуй! Ты поцѣлуй меня, а я поцѣлую твою дочку.

Чупруниха плюнула на слова Флейтраверсова и выскочила вонъ изъ хаты.

Черезъ секунду она отворила изъ стѣной дверь и сказала, моему товарищу: «Вонъ изъ моего дому! Теперь дочку мою нельзя будетъ въ люди показывать! вонъ изъ моего дому! Не платите мнѣ ни копейки не за сметану, ни за сливки; я не хочу съ васъ ничего, только убирайтесь вонъ!»

И Чупруниха скрылась, хлопнуль сильно за собою дверьми.

— Уѣдемъ! сказалъ я Флейтраверсову входя въ хату.

— Я не уѣду, до-тѣхъ-поръ, пока не поцѣлую еще разъ прелесную Марусю! отвѣчалъ Флейтраверсовъ.

— Ты хочешь опять поднять на себя бурю и гнѣвъ Чупрунихи!—

— Пусть будетъ, что будетъ, а я не поѣду.

— Но ты послѣ этого происшествія Марусю уже не поцѣлуешь.—

— Поцѣлую!

— Посмотримъ, какъ ты поцѣлуешь!—

Вдругъ въ это самое мгновеніе въ окнѣ, изъ-за котораго я предѣ этимъ взираль на сцену, происходившую между Флейтраверсовымъ и Чупрунихой, показалась голова Маруси.

Въ два прыжка Флейтраверсовъ выпрыгнуль изъ хаты, и за третьимъ прыжкомъ очутился лицомъ къ лицу съ прекрасной Марусей.

Прелестная казачка хотѣла бѣжать, но Флейтраверсовъ загородилъ ей дорогу.

Вдругъ—послышался голось Дормидонтова. «Ай да баринъ! Его не уймешь ни громомъ, ни бурей! Ну какъ этого молодца не разцѣловать!»

Я изумился храбрости Флейтраверсова; храбрости, которой я въ немъ доселѣ и не подозревалъ.

Прелестная казачка металась въ разныя стороны и отбивалась, но Флейтраверсовъ всякій разъ являлся передъ нею, лицомъ къ лицу, какъ грозная и неумолимая тѣнь!

Прелестная Маруса съ біющимъ сердцемъ, съ раскраснѣвшимися отъ стыда щеками не знала, что дѣлать.

У Флейтраверсова тоже раскраснѣлись щеки и билось сердце.

Жаль, что я былъ не живописецъ, чтобъ нарисовать эту безподобную борьбу прелестной казачки съ храбымъ и сумасшедшимъ Флейтраверсовымъ.

Казачка хотѣла наконецъ закричать.

— Коли ты закричишь, сказалъ Флейтраверсовъ, то мать твою

убить меня на этомъ мѣстѣ. Тогда я поцѣлую тебя насильно. Но я не хочу тебя поцѣловать насильно; я хочу, чтобы ты позволила мнѣ поцѣловать тебя добровольно.

Маруса была очарована умоляющимъ и нѣжнымъ голосомъ Флейтраверсова. Она опустила глаза въ землю и опустила руки, и осталась недвижима.

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя добровольно! — сказалъ Флейтраверсовъ, взявъ ее за обѣ руки.

Маруса не отняла отъ него своихъ рукъ. Лицо ее горѣло, грудь колыхалась, ноги дрожали...

— Позволь мнѣ поцѣловать тебя нѣжно и пламенно, такъ, какъ никто тебя уже больше не поцѣлуетъ! — повторилъ Флейтраверсовъ голосомъ, въ которомъ звучала удивительная нѣжность. Позволь мнѣ быть на верху блаженства! Позволь!

И Флейтраверсовъ, держа ее за руки, наклонился къ ея лицу и начелгулъ на немъ продолжительный и страстный поцѣлуй.

— Теперь прощай, Маруса! Я тебя теперь никогда не забуду! — сказалъ Флейтраверсовъ.

И бросился въ кибитку, которая стояла уже запроженная за воротами.

Дориндонтовъ ударилъ по лошадамъ. Черезъ нѣсколько минутъ и оглянулся и Флейтраверсовъ оглянулся. Маруса стояла на томъ же мѣстѣ, какъ прикованная, какъ очарованная, и смотрѣла намъ въ слѣдъ.

Но нашъ слѣдъ скоро престылъ.

Флейтраверсовъ цѣлую слѣдующую ночь не спалъ и метался и бредилъ Марусей.

Ахъ Маруса, Маруса! говорилъ онъ во снѣ. Уйдемъ, уйдемъ, Маруса! уйдемъ отъ твоей матери, сердитой Чудрушки! Улетимъ въ дали, волшебныя края! Твоя мать не договоритъ насъ. Я тебя понесу, какъ верышко, на моихъ рукахъ!

III.

Мы вступили въ Университетъ. Здѣсь начинается совершенный переломъ въ жизни Флейтраверсова. Изъ положительнаго человека онъ вдругъ сдѣлался меланхолическимъ и мечтательнымъ.

Мы жили розно, но всегда дружно, и чѣмъ дальше все дружавъ. Не проходило дня, чтобъ мы съ нимъ не видались. Флейтраверсовъ былъ математикъ и шелъ по математикѣ, и вдругъ онъ предался нѣмецкой философiи. Нѣмецкая философiя тогда всеиъ кружила головы.

На третiй день моего вступленiя въ Университетъ я былъ въ гостяхъ и услышала слѣдующiй разговоръ о нѣмецкой философiи.

Разбирали Канта.

— Кантъ былъ математикъ и въ одно и тоже время философъ!— сказалъ одинъ безпорядочно одѣтый и безпорядочно причесанный господинъ.

— Но отчего онъ сдѣлался преимущественно философомъ, а не математикомъ? спросилъ другой.

— Оттого, что никогда не выѣзжалъ изъ маленькаго своего городка Кенигсберга и жилъ, погруженный только въ самаго себя.

— Погруженный въ самаго себя! Погруженный въ самаго себя!— подхватили слушатели

— Я не могу представить себѣ, добавилъ одинъ изъ нихъ: человека погруженнаго въ самаго себя. Я могу только представить себѣ черепуху, погруженную съ самую себя. —

Ха! ха! ха! ха!

— Да какъ же онъ могъ судить и рядить о натурѣ, глядя только на ту натуру, которая была у него передъ носомъ?—

— Онъ былъ самъ великая натура! отвѣчалъ защитникъ Канта.

— Какая же это такая натура? —

— Нѣмецкая философская натура! Нѣмецъ съ материнскимъ молокомъ уже впиваетъ въ себя философскiя идеи обо всемъ? У него отецъ философъ, мать философка, сестры философи. Къ тому же это былъ Кантъ, философъ по преимуществу, который глядѣлъ на природу, какъ на раскрытую книгу и читалъ....

— И читалъ и ничего не понималъ! —

— Ха! ха! ха! ха!

— Но философъ Платоль, по Аристотелю, Цицеронъ странствовали, и много странствовали, чтобы научиться мудрости...—

— То Платонъ, а то Кантъ! воскликнулъ защитникъ Канта. Истинные философы рождаются только въ одной Германiи.

Эти сужденiя были для меня новы и интересны; онѣ мнѣ потомъ пригодились.

Даже толковали о русской исторiи, о русскихъ сказкахъ и о русскихъ богатыряхъ! И о томъ, чего ожидаетъ исторiя наша отъ этихъ русскихъ богатырскихъ сказокъ. Нѣкоторые счита ли эти русскiя сказки кладомъ для нашей исторiи.

Это была для меня истинная новость!

Далѣ, въ небольшомъ кружкѣ толковали объ астрономіи. О кометѣ Энке. О новыхъ космическихъ облакахъ, открытыхъ Гершелемъ въ созвѣздіи Анры.

Я былъ пораженъ всѣмъ тѣмъ, что я вокругъ себя видѣлъ и слышалъ. Чтобъ все это постигать, надо учиться, думалъ я, и мысль о назначеніи влукъ, мысль, которой я прежде никакъ разжевать себѣ не могъ, вдругъ блеснула въ моемъ умѣ и стала ясна, какъ день.

Теперь мнѣ стало понятно, что такое просвѣщеніе и что такое негнѣство!

Оглянувшись вокругъ себя теперь, я понялъ: гдѣ я? что я?

Я предался ученью со всѣмъ жаромъ и пыломъ молодаго человека, любившагося въ науку. Посвящая себя исключительно изученію литературы, я обратился къ этому предмету и началъ съ римскихъ классиковъ. Черезъ двѣ недѣли я былъ уже совершенно поглощенъ хлѣбными классцизма. Занятія эти доставили мнѣ неисчерпаемое удовольствіе и вознаградили меня стократно за тѣ препятствія и неудачи, какія я встрѣтилъ, принимаясь въ первый разъ за Цицерона. Предо мною раскрылся Римъ во всемъ своемъ древнемъ величій и славѣ. Римскій сенатъ! Величественныя фугуры Регула, Фабія, Сципіона, Катона, Цицерона рисовались предо мною, какъ живыя. Я восхищался этими великими фигурами человѣческими.

Я писалъ моеи маменькѣ, что я перебрелся духомъ въ древній Римъ, что я обитаю теперь въ древнемъ Римѣ.

«Какія ты дѣлаешь глупости, дитя мое!» отвѣчала оно мнѣ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. «Ты не пошелъ ни по отцѣ, ни по мнѣ. Не могу придумать, по комъ ты пошелъ!»

Я писалъ моему отцу, что я благословляю небо за пробудившуюся во мнѣ страсть къ наукамъ, къ литературѣ и къ латыни.

Отецъ мнѣ отвѣчалъ:

«Вздоры затѣваешь! Зачѣмъ нашему брату, русскому доброму помѣщику, латыни! Развѣ ты съ мужиками хочешь говорить по латынѣ? Они тебя сочтутъ за сумашедшаго, и сосѣди наши тоже! Ты хочешь быть литераторомъ, но литераторъ, по моему, тоже, что мотъ, что шланца, что картежникъ и тому подобное.»

«Былъ у насъ, позабылъ фамилію—голякъ, весельчакъ я страстный ошникъ поить и поѣсть на чужой счетъ. У него никогда гроша за душою не было. Но онъ былъ стихотворецъ и удивительный мастеръ рассказывать сказки, которыя самъ же выдумывалъ. Его прозвали

за это Вральманомъ! Его всѣ любили, но вѣстѣ съ тѣмъ это былъ человекъ, надъ которымъ всѣ смѣялись. Наконецъ, даже въ разговорахъ стали его именовать Вральманомъ; тогда какъ его фамилія была совершенно иная. Вральманъ часто говорилъ о литературѣ. Онъ восхищался также литературой, какъ ты, точь-въ-точь! Должно полагать, что онъ былъ въ душѣ большой литераторъ. Ты также, какъ по всему видно, будешь большой литераторъ. Такъ ты стало-быть пошелъ по стопамъ Вральмана! Нѣтъ тебѣ на это моего родительскаго позволенія — такъ и запиши! А тамъ какъ знаешь!»

Можно вообразить, съ какимъ стѣсненіемъ сердца читалъ я это письмо моего отца.

Но обратимся къ Флейтраверсову.

Флейтраверсовъ здѣлался задумчивъ, мало говорилъ, такъ что мы часто, въ часы нашихъ бесѣдъ, просиживали съ намъ молча, какъ статуи, чего прежде никогда не бывало.

Флейтраверсовъ влюбленъ! Флейтраверсовъ жестоко влюбленъ! думалъ я про себя.

Мы стали видѣться, по этой причинѣ, нѣсколько рѣже.

Разъ онъ меня встрѣтилъ на лекціи и спросилъ, чѣмъ я занимаюсь?

— Римской литературой! — отвѣчалъ я.

— Гм! Римской литературой! повторилъ онъ.

— Я читаю теперь de'Officiis.

— А! de'Officiis!»

— А ты? Чѣмъ ты занимаешься и что ты читаешь? спросилъ я, въ свою очередь, Флейтраверсова.

— Я? я занимаюсь, отвѣчалъ онъ, помолчавъ и подумавъ не много, какъ бы не желая профанировать предо мною того слова, которое онъ хотѣлъ произнести: — я занимаюсь теперь нѣмецкой философій!»

Я не понялъ тогда всей важности этого Флейтраверсова отвѣта. Я не зналъ тогда, что этимъ тяжкимъ словамъ онъ изрекалъ будущую свою судьбу. Бѣдный Флейтраверсовъ! бѣдный Флейтраверсовъ!

Тогда была всеобщая страсть къ нѣмецкой философій. Все бредило нѣмецкою философій. Нѣмецкая философія смущала всѣ умы. Какая это была печальная страсть! Я скоро вамъ скажу, Гг. читатели, почему это была печальная страсть. Я расскажу вамъ цѣлую исторію объ этой страсти. У меня стрѣляетъ въ ушахъ, у меня зеленеетъ въ глазахъ, у меня ноги и руки дрожатъ, когда кто-нибудь теперь произнесетъ передо мною слово: *нѣмецкая философія!* Этому роду припадокъ въ простонародіи называютъ болячкой. Я получалъ болячку отъ нѣмецкой философій! Я имѣлъ однажды глупость прочитать Канта!

Одинъ докторъ, ученикъ Ганемана, на основаніи *similia similibus*, совѣтовалъ мнѣ, чтобы выечиться отъ этой болячки, прочитать въ другой разъ Канта; но я соглашусь лучше умереть, чѣмъ прочитатъ въ другой разъ Канта.

Извините меня, мои читатели и мои читательницы, если читатели и читательницы у меня будутъ — за это неприятое отступленіе.

Бѣдный Флейтраверсовъ! тебя уже несло водоворотомъ въ пропасть, въ глубокую и темную пропасть, но ты этого и не подозрѣвалъ, и я этого тогда не подозрѣвалъ.

Нѣмецкая философія казалась мнѣ самому тогда верхомячьею человѣческой мудрости.

Черезъ день послѣ нашего свиданія на лекціи, я пришелъ къ Флейтраверсову; на столахъ, на стульяхъ, у него лежали груды книгъ.

— Что это такое? — спросилъ я.

— Это нѣмецкіе философы! отвѣчалъ мнѣ Флейтраверсовъ.

Я взглянулъ на эту кучу книгъ съ глубочайшимъ почтеніемъ. Тутъ-то мудрость! думалъ я про себя: тутъ-то мудрость!

Я съгъ. Флейтраверсовъ началъ ходить по комнатѣ, закинувъ на спину руки.

— Умозрѣніе! умозрѣніе! началъ онъ. Умозрѣніе только отличаетъ человѣка отъ скота. Человѣкъ умозрѣніемъ только можетъ жить. Человѣкъ умозрѣніемъ можетъ жить въ вѣкахъ. Человѣкъ умозрѣніемъ можемъ предупреждать вѣка. Онъ можетъ предвидѣть умозрѣніемъ далекое, далекое будущее. Человѣкъ не можетъ жить однимъ настоящимъ. Настоящее бываетъ често печально!

Флейтраверсовъ остановился въ задумчивости. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ въ это время о Марусѣ. Я слушалъ Флейтраверсова съ напряженнымъ вниманіемъ. Онъ обладалъ удивительнымъ даромъ говорить и обворожать своею рѣчью и своимъ голосомъ.

— Настоящее бываетъ часто печально! повторялъ онъ. Человѣкъ можетъ найти счастье только въ самомъ-себѣ, въ собственномъ своемъ духѣ. Духъ нашъ есть источникъ тѣхъ наслажденій, которыхъ люди обыкновенные ищутъ внѣ себя — ищутъ, какъ ищейки, и не находятъ! Стремленію духа человѣческаго нѣтъ границъ, нѣтъ предѣловъ — наслаждаться духомъ, я могу свободно. и кто можетъ запретить мнѣ наслаждаться духомъ!»

Опять ему на умъ пришла Маруся, подумалъ я.

— Человѣку недостаетъ только крыльевъ, чтобъ улетѣть, улетѣть. Стремленіемъ своего духа... на высоту... и взглянуть оттуда на землю, покинуть землю съ тѣмъ, чтобы не возвращаться больше къ ней ни-

когда! Ах, еслибы человеку были даны эти крылья!.. Эти крылья! Но эти крылья когда-нибудь выростутъ, — выростутъ у него; тогда прощай земля! Теперь человекъ можетъ возноситься туда, къ тѣмъ далекимъ, блаженнымъ странамъ только духомъ своимъ. Что же онъ тамъ видитъ? Онъ видитъ тамъ, какъ шевелятся, какъ вращаются, какъ кружатся вокругъ одного общаго центра, вокругъ одной общей идеи безконечныя міры!.. Онъ слышитъ тотъ шумъ, который производятъ эти міры своимъ вращаніемъ, — онъ слышитъ каждый звукъ, который издаетъ каждое небесное тѣло, и какъ эти звуки потомъ сливаются и соединяются въ одну общую великую, непрерывную, безконечную гармонию! Онъ слышитъ эту музыку! Онъ слышитъ эту музыку!»

Флейтраверсовъ остановился, глядя на меня и вопрошая меня взоромъ — подумалъ ли я, что онъ говоритъ? Онъ глядѣлъ на меня, какъ вдохновенный...

Своимъ видомъ и своею рѣчью онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Мы разстались, я ушелъ домой, но фигура и вдохновенное лицо Флейтраверсова, говорящаго о великой гармоніи міровъ, долго рисовалась еще предо мною.

Черезъ мѣсяцъ я сталъ замѣчать, что Флейтраверсовъ началъ небрежно одѣваться и небрежно причесываться. Мы встрѣтились съ нимъ въ университетѣ.

— Ты очень измѣнился, сказалъ я моему товарищу, замѣтивъ вдругъ необыкновенную его блѣдность и впалыя щеки.

— Я не чувствую въ себѣ никакой перемены, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Я слышалъ, что ты вочи напролѣтъ просиживаешь надъ книгами. Ты такъ повредишь свое здоровье.

— Поврежу мое здоровье! повторилъ онъ иронически. Я никогда не думаю о моемъ здоровьи.

— Что ты новаго читалъ у твоихъ философовъ? — спросилъ я, желая навести разговоръ на его любимый предметъ.

— Мои философы мнѣ часто леденятъ кровь своими противорѣчіями! — вдругъ вырвалось изъ устъ Флейтраверсова.

— Такъ вотъ оно что! подумалъ я.

— Но это только кажущіяся противурѣчія, добавилъ онъ: кажущіяся противурѣчія! Нѣтъ такихъ противурѣчій, которыхъ нельзя было бы согласить...

— Чѣмъ?

— Критикой чистаго разума! О, какое это наслажденіе!

— А Маруся? — воскликнулъ я.

— Маруся! Маруся! — сказалъ Флейтраверсовъ, горько улыбаясь. Я на Марусю смотрю теперь а priori!

— А priori! подумалъ я: такъ вотъ оно что! И съ этой минуты я сталъ смотрѣть уже на философію подозрительно, и наблюдать за Флейтраверсовымъ.

Другъ мой дѣлалъ быстрые шаги въ философію, но меня эти шаги всрадовали.

На Флейтраверсова друзья его начали смотрѣть уже какъ на философа, на будущаго философа, на будущую баестящую звѣзду, идущую слѣдомъ за философскими свѣтилами Германіи.

Между-тѣмъ Флейтраверсовъ, окруженный вниманіемъ профессоровъ и чувствуемъ своихъ товарищей, вмѣсто того, чтобы торжествовать отъ своихъ успѣховъ и быть счастливымъ и довольнымъ и веселымъ, дѣлалъ все печальнѣе и печальнѣе. Отчего это? Я вамъ скажу. Его вдругъ окружило облако тумана, въ который онъ погрязалъ все больше и больше. Мнѣ было ясно, откуда этотъ туманъ происходитъ. Я пытался вывести его на прежній свѣтъ, но напрасно. Я начиналъ говорить Флейтраверсову о Марусѣ, и призывалъ образъ ея для разсѣянія и разлеченія его, но и это было напрасно. Онъ продолжалъ слѣдить надъ своими книгами дни и ночи напролѣтъ. Мнѣ пришла наконецъ мысль сжечь эти книги; но я раздумалъ потомъ и не сжегъ. Флейтраверсовъ наконецъ погрузился совершенно въ Кантову и Шеллингову философію. Ужъ онъ больше ни о чемъ не говорилъ, какъ о Кантѣ, Шеллингѣ и Hegelѣ. Вотъ отчего была его печаль.

Туманная нѣмецкая философія имѣеть, между-прочимъ, какъ я замѣтилъ, еще тотъ ужасный недостатокъ, что она не питаетъ умъ, а застокаетъ и ослабляетъ его.

Бѣда слабому уму, который предается философіи; бѣда сильному уму, который предается ей совершенно. Флейтраверсовъ предался ей совершенно. Онъ ничего не могъ дѣлать въ половину, и отъ того... Но я не хочу предупреждать событій.

Мы уже вышли изъ Университета.

Флейтраверсовъ отлично учился, онъ былъ выпущенъ кандидатомъ. Я тоже. По окончаніи курса, онъ совершенно предался своей несчастной страсти, которая затягивала его все глубже, какъ тинистое болото.

Однажды я пришелъ къ нему.

Онъ сидѣлъ въ задумчивости, облокотясь на сочиненія Канта.

Онъ не замѣтилъ моего прихода. Я сѣлъ молча.

— Гм! Гм! Какая мысль! Какая великая мысль! говорилъ онъ

про себя. Громъ! свистъ! Тысяча смертей! Трупы.... Пожаръ.... Слава!... Герои!... И мирный трудъ... Любовь.... Философія! Какая великая мысль!»

И вдругъ онъ оглянулся.

— А! ты здѣсь; хорошо, что ты пришелъ; я хочу съ тобою поговорить, сказалъ онъ. Слыхалъ ли ты о сочиненіяхъ Канта?

— Слыхалъ!

— Ты его не читалъ?

— И не намѣренъ читать.

— Мы съ тобой дѣти одной школы, но не однихъ мыслей. Ты, кажется, пошелъ по ложному пути.

— Я улыбнулся.

— Тебя не занимаетъ ничто великое!

— Меня занимаетъ то, что мнѣ доставляетъ удовольствіе.

— Что же тебѣ доставляетъ удовольствіе?

— Поэзія!

— Поэзія — мечта! Я самъ восхищался поэзіей, когда я былъ ребенкомъ. Теперь поэзія меня не восхищаетъ. Прости, поэзія!

— А Маруся! воскликнулъ я.

— Маруся!... этотъ чудный образъ! Онъ меня цѣлнялъ. Въ удивительные часы ночи онъ медкалъ передо мною!... То исчезалъ, то опять являлся. Однажды ночью я слышу голосъ, который будить меня: встань! встань Флейтритверсовъ! Какъ ты крѣпко спишь! Я проснулся. И вижу передо мною стоитъ Маруся, но уже не та Маруся! щеки ея поблекли, вѣнокъ на головѣ ея завялъ, руки дрожали отъ холоду, красныя черевички износились. Ты ли это? спросилъ я. Я, паньчъ! отвѣчала она. Какъ ты крѣпко спишь! Какъ ты сладко спишь! Я пришла съ тобою повидаться. Я пришла тебя спросить, зачѣмъ ты лишилъ меня сна? Ты меня поцѣловалъ. Зачѣмъ ты меня поцѣловалъ? Развѣ я твоя невѣста? развѣ ты мой женихъ? Зачѣмъ ты лишилъ меня сна твоимъ поцѣлуемъ? Когда всѣ уснутъ, когда мать моя уснетъ, я встану и брожу вокругъ дома, какъ ночное привидѣніе. Но это передъ тобою стоитъ не ночное привидѣніе, а сама Маруся, Чуруникина дочка; та Маруся, которую ты поцѣловалъ вотъ сюда въ лицо, помнишь? Посмотри, что ты сдѣлалъ со мною твоимъ поцѣлуемъ! Ты мнѣ неровня; ты паньчъ! Я пришла тебя спросить; хочешь ли ты сдѣлаться простымъ козакомъ и на мнѣ жениться? Коли хочешь, то ты будешь несчастливъ...

счастливъ! — Ты будешь счастливѣйшій человекъ! Я року тебѣ сына, такого же козака, какъ и ты самъ! Я назову его твоимъ именемъ! А коли не хочешь, то ты будешь горемыка! Бѣдный, бѣдный горемыка!... Бѣдный! И ни накомъ не женишься, коли на мнѣ не женишься. Даю тебѣ годъ на размышленіе. Черезъ годъ, въ этотъ самый день, въ этотъ самый часъ я приду къ тебѣ за отвѣтомъ. — И съ этимъ словомъ она исчезла. Это былъ сонъ! Но какой ужасный сонъ! Что ты скажешь объ этомъ снѣ?

— Я думаю объ этомъ снѣ тоже, что и обо всѣхъ подобныхъ снахъ, которые намъ снятся, — отвѣчалъ я, съ притворнымъ равнодушіемъ.

Флейтраверсовъ былъ встревоженъ. Я далъ себѣ слово больше не напоминать ему о Марусѣ.

— Я записалъ день, я записалъ часъ, въ который Маруся явилась ко мнѣ. 15 сентября 1830 года, въ полночь. Черезъ годъ въ это самое время она придетъ ко мнѣ за отвѣтомъ. Придетъ ли она за отвѣтомъ?

— Послушай, другъ мой, ты хотѣлъ со мною, кажется, поговорить, когда я вошелъ, не объ этомъ, сказалъ я, желая обратить вниманіе Флейтраверсова на другой предметъ.

— Да, да! Но у меня теперь въ головѣ все такъ переищшалось.

— Ты хотѣлъ, кажется, со мной поговорить о сочиненіяхъ Канта.

— Да, да! Но я поговорю съ тобой объ этомъ въ другой разъ.

И онъ пошелъ ходить по комнатѣ, повторяя про себя: ты будешь бѣдный горемыка! бѣдный... бѣдный!

— Да, я вспоминалъ, что я хотѣлъ тебѣ сказать, воскликнулъ вдругъ Флейтраверсовъ, остановившись предо мною. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать!

И онъ началъ излагать предо мною, со всеми подробностями, сочиненіе Канта.

— Что ты объ этомъ думаешь? а? спросилъ меня Флейтраверсовъ, окончивъ трактацию.

— Я думаю, что это есть чистѣйшая фантазія! несбыточная фантазія!

— Несбыточная фантазія! Ты такъ думаешь?

— Такъ думаю!

— Но какова идея! Какова идея!

— Что мнѣ въ этихъ идеяхъ! Идеи и фантазіи въ поэзіи я пони-

идею; но фантазія въ наукѣ для меня непостижима. Положи мнѣ эту идею на тарелку, тогда я ее пойму.

— Положить тебѣ идею на тарелку! Положить тебѣ въ ротъ идею!

— Пожалуй, въ ротъ еще лучше.

— Сенсуальность! грубый сенсуальность! Матеріальность!

— Пусть и сенсуальность! Но почему же мнѣ не быть сенсуалистомъ, когда меня природа создала такимъ!

— Стыдись! ты человѣкъ!

— Такъ что же? Развѣ люди все одинаковы. Людей недаромъ сравниваютъ, смотря по ихъ характеру, съ различными животными: инаго со львомъ, инаго съ тигромъ, инаго съ орломъ, инаго съ цаплей, инаго съ зайцомъ, инаго съ осломъ. Въ этихъ сравненіяхъ есть много правды.

— Которое же изъ этихъ животныхъ ты бы желалъ избрать своимъ прототипомъ? спросилъ Флейтраверсовъ съ насмѣшкою.

— Я избралъ бы арабскаго коня! Люблю это поэтическое животное. Люблю его больше зато, что онъ не философствуетъ подъ сѣдокомъ, а повинуется уздѣ, и отъ того-то онъ и не спотыкается.

— Гусарь! Чистый гусарь! Истинная гусарская философія! Гусарь! можешь ли ты меня понимать? Гусарь! можешь ли ты понимать идеи Канта?

— Не могу! И не берусь зато, чего не могу!

— «Кантъ былъ человѣкъ, который открылъ новую ясную науку-субъективный идеализмъ!»

— Это для меня все равно, что Satur, agero, tenet, opere, rotas, abscatabra!

— «Satur, agero!.. воскликнулъ Флейтраверсовъ съ негодованіемъ.

— Что же это такое — субъективный идеализмъ? спросилъ я.

— Я тебѣ объясню! — И Флейтраверсовъ началъ мнѣ объяснять, что такое субъективный идеализмъ.

Я напередъ зналъ уже, что это такое!

Вы не знаете мои читательницы, что такое субъективный идеализмъ? И не знайте!

Изъ объясненій Флейтраверсова я понялъ только то, что рѣчь его, всегда ясная, живая и краснорѣчивая, сдѣлалась непонятною.

— Ты понялъ теперь, что такое субъективный идеализмъ? спросилъ меня Флейтраверсовъ.

— Понялъ! отвѣчалъ я.

— Надѣюсь, ты теперь, продолжалъ онъ, не поставишь Канта и Фихте на одну доску съ теми людьми, которые считаютъ человѣка

машной, пишущей ноги для хождения, руки для хватанія, зубы для жеванія... машинной, не думающей о дальнѣйшемъ. Надѣйся, ты въ нихъ разумѣешь людей; которые сдѣлали великое открытіе, которые въ человѣкѣ открыли другаго человѣка, невѣдомаго, неподозрѣваемаго... Кто же такой этотъ человѣкъ?

— А кто такой?

— Я!!! вскрикнулъ Флейтраверсовъ, поднявъ свою голову гордо и высоко вверхъ.

— Ты? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Я! повторилъ онъ. Мое я, человѣческое я. *Ячество! великое ячество!*

— Ячество?! Дурачество! дурачество! чистое дурачество! воскликнулъ я.

Флейтраверсовъ назвалъ меня профаномъ, котораго надобно образумить, и продолжалъ дальше.

— Прежніе философы принимали меня, тебя, Сидора, Ивана, Петра за людей действительныхъ, между-тѣмъ какъ это только люди кажущіеся.

— Люди кажущіеся?

— Люди кажущіеся. Истинный человѣкъ для нихъ былъ неизвестенъ; надобно было открыть этого истиннаго, новаго человѣка.

— Новаго homo?

— Новаго homo!

— Кто же такой этотъ новый homo?

— Человѣческое я!

— Неужели это я было прежде неизвестно?

— Неизвестно. Оно было поглощено объективностію.

— Чудеса!

— И вотъ рождается Кантъ, направляетъ критическій взглядъ на человѣка и открываетъ это я. *Ячество! Человѣческую самость, сущносамость, самосуцность!* Понятно?

— Понятно! — Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! подумалъ я. Понятно!

— Когда Кантъ открылъ человѣческое я и поставилъ его на свое мѣсто, тогда все сдѣлалось ясно, и науки и искусства, и мораль, и всѣ предметы. Тогда всѣ ученые, всѣ художники, всѣ ремесленники начали черпать идеи и жизнь, истинную жизнь, изъ натуральнаго источника, изъ нѣдръ философіи. Что было прежде не ясно сдѣлалось ясно, то было прежде непонятно сдѣлалось понятно. Человѣкъ выросъ. Всѣ предметы, его окружающіе, представились ему въ настоящемъ своемъ

свѣтъ. Онъ сдѣлался центромъ всего его окружающаго. Тогда онъ по-
нималъ, что онъ и что не онъ; что я и что не я!

— Какая мудрость!!—

— Все предметы тогда выстроились, можно сказать, въ ряды и по-
шли мимо него церемоніальнымъ маршемъ, дѣлая ему честь и фронтъ.

— И дома и магазины пошли церемоніальнымъ маршемъ, и фонар-
ные столбы и мосты?

— И фонарные столбы и мосты. Но не тѣ фонарные столбы и
мосты, которые мы видимъ, а идеальные мосты, а идеальные столбы,
абстракты столбовые. Человѣкъ научился дѣлать абстракты. Какое
совершенство ума человѣческаго! Человѣкъ научился дѣлать абстрактны!
Въ абстрактѣ вся сила, вся сущность.

Не люблю не слушай, а лгать не мѣшай! думалъ я про себя.

— Абстрактъ есть идея. Въ каждомъ предметѣ, который ты видишь
передъ собою, есть своя идея, которая составляетъ его сущность.
Въ этой свѣчѣ, въ этомъ подсвѣчникѣ, въ этой палкѣ есть своя идея,
которая составляетъ ихъ сущность. Видъ и форма предметовъ, видъ и
форма этого подсвѣчника, этой палки ничего не значатъ. Онѣ могутъ
измѣняться до бесконечности, но сущность останется одна и таже. Какое
совершенство ума человѣческаго, который умѣлъ все это постигнуть!
Не форма предмета важна и составляетъ его сущность, а идея.
Внѣшнія формы суть только феномены, призраки, ничто...

— Что же есть *что*? спросилъ я, выведенный изъ терпѣнія этою
гадательей.

«Истинное *что* всякаго предмета есть его идея; вселенная есть ни-
что иное, какъ міръ идей, міръ идей, которыя надобно умѣть пони-
мать. Видимые предметъ исчезаютъ, погибаютъ, сокрушаются, уничто-
жаются, а идеи никогда не уничтожаются, идеи вѣчны. Въ чемъ те-
перь заключается сущность предметовъ ты видишь самъ. Вотъ въ чемъ
заключается субъективный идеализмъ.

Я молчалъ.

— Какъ ты думаешь, мой любезнѣйшій, продолжалъ Флейтраверсовъ,
на чемъ вертится весь міръ?

— На чемъ?

— На одной идеѣ.

— На какой идеѣ?

— На идеѣ, или, лучше сказать, на конечномъ гегелевомъ син-
тезѣ. Какъ это просто и ясно!

— Такъ міръ вертится на гегелевомъ синтезѣ? спросилъ я.

— Да, да, на гегелевомъ синтезѣ. А знаешь ли ты, что такое гегелевъ синтезъ?

— Я предполагаю, что это такое!—отвѣчалъ я, пожавъ Флейтраверсову торопливо руку, и схвативъ моръ фуражку, выбѣжалъ на улицу.

На улицѣ шелъ страшный ливень, но мнѣ сдѣлалось такъ невыносимо слушать Флейтраверсова, что я скорѣе рѣшился идти подъ страшнымъ ливнемъ и промокнуть до костей, чѣмъ воротиться назадъ его слушать.

Флейтраверсовъ скоро погрузился совершенно въ абстракты; уже онъ ничего больше не выдавалъ, кромѣ однихъ абстрактныхъ.

Все ему стало представляться нѣ много видѣ, въ превратномъ видѣ.

Однажды, мы съ ними отправились въ театръ. Давали Отелло о Дездемону. Всѣ мы плакали, а Флейтраверсовъ хохоталъ и хохоталъ до упаду. Въ театрѣ вдругъ поднялся хохотъ.

— Слышишь—ли ты этотъ хохотъ? спросилъ меня Флейтраверсовъ. Слышишь—ли этотъ трагическій хохотъ?... Этотъ хохотъ, раздрающій душу? Вотъ истинный плачъ!..

Пьеса кончилась. Мы вышли. На дорогѣ я замѣтилъ, что мой товарищъ шелъ домой безъ шинели и безъ фуражки; по справкѣ оказалось, что онъ позабылъ въ театрѣ свою фуражку и свою шинель.

На другой день Флейтраверсовъ пришелъ ко мнѣ.

— Все видимое есть призракъ! сказалъ онъ, затворяя дверь. Ты и я ничто—ное, какъ одни призраки! Жизнь наша призракъ! Всѣ эти формы, всѣ эти разнообразныя формы, которыя ты видишь вокругъ себя, кто ихъ произвелъ?

— А кто?

— Я!

— Ты произвелъ?

— Я! Еслибы я ихъ не произвелъ, то бы ихъ и не было!

Всѣ дальнѣйшіе мои разговоры съ Флейтраверсовымъ были на эту тему. Состояніе его было печально. Безъ грусти, безъ тяжелой грусти я не могъ смотрѣть на него. Онъ безпрестанно толковалъ о кантовскихъ идеяхъ, о гегелевскихъ идеяхъ, о философскихъ идеяхъ, о небыточныхъ идеяхъ. Здоровье его видимо разрушалось.

Черезъ недѣлю я пошелъ навѣстить моего товарища. Онъ сидѣлъ сложа руки и опустивъ голову на грудь, блѣдный какъ смерть.

— Что съ тобою? ты боленъ? спросилъ я встревоженный.

— Я боленъ, я очень боленъ! Вчера у меня была Маруса.

— Ты воображаешь! ты все воображаешь, ты разстроилъ въ конецъ свое воображеніе.

— Садись, я тебѣ расскажу. Вчера было 15 сентября 1831 года. Вчера у меня была Маруся. Цѣлый этотъ день я былъ безпокоенъ. Насталъ вечеръ, настала ночь. На меня нашла тяжкая тоска. Ты не понимаешь, что такое тяжкая тоска! Въ домъ наконецъ все улеглось и погрузилось въ сонъ. Когда все погрузилось въ сонъ, то на меня нашло еще большее безпокойство. Вдругъ слышу на дворѣ залаяла собака. Потомъ собака перестала лаять. Потомъ слышу кто-то отворяетъ наружныя двери... входитъ въ сѣни, вступаетъ на лѣстницу, идетъ по лѣстницѣ, ступаетъ по коридору, подходитъ къ моимъ дверямъ, отворяетъ дверь и устремляетъ на меня два неподвижные глаза. Я не боюсь, но эти глаза навели на меня страхъ. Черезъ минуту передо мной стояла Маруся, но уже не прежняя Маруся, а одна только тѣнь Маруси.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ! сказала она.

Я молчалъ.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ! повторила она.

Я молчалъ.

— Я пришла къ тебѣ за отвѣтомъ!

Я молчалъ, потому-что я не могъ пошевелить, языкомъ.

— Ты мнѣ не даешь никакого отвѣта; я знала напередъ, что ты мнѣ не дашь отвѣта, но я пришла за тѣмъ, чтобы только сдержать свое слово. Ты, можетъ быть, меня не узнаешь? Я Маруся, я та самая Маруся, которую ты поцаловалъ и сказалъ, что никогда ее не забудешь. Ты меня не забылъ и я тебя не забыла. Знаешь-ли ты мою судьбу? Моя судьба вотъ какая: завтра я умру; послѣзавтра меня одѣнутъ, нарядятъ, цвѣтами голову уберутъ и положить въ гробъ. На третій день меня похоронятъ. Когда меня похоронятъ, тогда я ужъ не приду къ тебѣ болѣе за отвѣтомъ; тогда отвѣтъ твой ужъ ни къ чему, не послужитъ. Я пришла съ тобой въ послѣдній разъ повидаться и проститься. Прощай, прощай, мой коханку, мой милый коханку, на вѣки прощай! И будь счастливъ, и будь счастливъ! сказала она и зарыдала. Я плачу, но не о себѣ плачу, я о тебѣ плачу. Ты не будешь счастливъ! ты не будешь счастливъ! ты не будешь счастливъ не потому, что ты на мнѣ не женился, а потому, что такъ тебѣ на роду написано. Мы съ тобой родились подъ такой планетой! Моя планета уже погасла! И твоя планета гаснетъ, уже гаснетъ и скоро совсѣмъ догаснетъ. Но ты останешься живъ—ты будешь жить безъ твоей планеты. Ты не знаешь, что значить жить безъ своей планеты? Видаль ли ты тѣмъ пере-

кати-поле? Въ степи растетъ трава, которая называется перекати-поле. Куда-бы ты ни шелъ, откуда-бы ты ни шелъ — эта трава тебя нагонитъ и перебѣжитъ черезъ дорогу и покатится, покатится колесомъ. . . Потомъ остановится и начнетъ катиться назадъ, опять черезъ дорогу — какъ будто она кого-нибудь ищетъ. Потомъ вдругъ остановится и начнетъ кружиться на одномъ мѣстѣ. . . и все кружится и все кружится! Кто это перекати-поле? Это заблудшая человеческая душа, которая живетъ безъ планеты, которая потеряла свою планету! Прощай! —

И съ этими словомъ она исчезла.

Флейтраверсовъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и продолжалъ бредить о томъ, что Маруся сегодня уже умерла, что Марусю завтра переносить, что Марусю онъ убилъ.

Грустно и безмолвно я смотрѣлъ на бѣднаго моего друга. Цѣлую ночь онъ просидѣлъ въ одномъ положеніи, бредя объ одномъ и томъ-же. Я отъ него уже не отходилъ. На другой день докторъ сказалъ, что у Флейтраверсова воспаленіе въ мозгу. Онъ заболѣлъ смертельно. Въ жару онъ вдругъ вскакивалъ съ своей постели и кричалъ, что въ домѣ пожаръ, что домъ горитъ, и что онъ самъ горитъ, и просилъ потушить огонь, который его пожираетъ; или хватался за голову и кричалъ, что голова его горитъ, что отъ головы его можетъ загорѣться домъ, можетъ сдѣлаться пожаръ, и требовалъ дать знать объ этомъ пожарной командѣ.

Его обложили льдомъ съ головы до ногъ и давали ему поминутно глотать ледъ. Это героическое средство помогло. Флейтраверсовъ послѣ этого пролежалъ еще мѣсяцъ въ постелѣ и наконецъ всталъ; онъ всталъ, но прежнія его физическія силы уже не возвратились.

Мы скоро съ нимъ разстались. Онъ уѣхалъ къ отцу на родину, по предписанію докторовъ, а я уѣхалъ въ Петербургъ.

Съ-этихъ-поръ мы уже съ нимъ не видались.

IV.

Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Много могучихъ сосенъ и дубовъ положано съ-тѣхъ-поръ бурями и повалено на землю. . . И не встать имъ вновь и не выпрямлять своихъ вершинъ!.. Такъ что-жь? изъ мѣстъ ихъ выросли новые дубы, выросъ новый высокоствольный дѣсь!.. Про старые нѣтъ и помину. На томъ мѣстѣ, гдѣ они росли

и зелетъли, зеленеть и шуметь новый лѣсъ... но придетъ и его очередь! Много водъ рѣками унесемо съ-тѣхъ-поръ въ море, но уменьшился-ли отъ этого ихъ источникъ? Нисколько. Нѣдра земли неистощимы. Силы ея, можетъ-быть, только еще въ зачатіи. Въ нѣдрахъ ея кишать миллионы новыхъ, будущихъ зарожденій; миллионы новыхъ жизней и новыхъ смертей... И что значить предъ ними наша жизнь и наша смерть? Менѣе нежели ничто. Жизнь наша есть единый, быстротечный мигъ. На что-же человекъ употребляетъ иногда этотъ единый мигъ? На сущіе пустяки. Смѣшно сказать, какіе мы еще дѣти!

Какъ бы то ни было, а прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ Флейтраверовымъ. Я разстался съ тайнымъ предчувствіемъ, что я его больше не увижу. Нѣкоторое время мы были съ нимъ въ перепискѣ. Онъ мнѣ писалъ:

15 марта 1832 года.

Видный міръ для меня не существуетъ. Я живу среди моихъ идей. Ты не любишь идельнаго міра. Для тебя идеи отвлеченной не существуетъ. Ты бы желалъ прежде дотронуться до нее своей лапой, или лизнуть ее языкомъ, чтобъ ее понять. Но лапа и идея двѣ вещи розныя. Все для меня существуетъ только а priori. Люди кричатъ, люди плачутъ, люди страдаютъ для меня только а priori. Въ-самомъ-дѣлѣ они не кричатъ не плачутъ, не страдаютъ—это одинъ только оптический обманъ. Понимаешь-ли ты меня? Понимаешь-ли ты меня?— Нѣтъ не понимаешь!

2 іюля 1833 года.

Какое прекрасное существо женщина въ идеалѣ, но какое оно несовершенное существо на самомъ дѣлѣ. Глядя на прекраснѣйшій бюстъ женщины, я чувствую, что могу любить ее только а priori; я могу обожать ее только мышленіемъ. Когда я объ этомъ сказалъ однажды моему отцу, то онъ въ отвѣтъ только покачалъ головой. Отъ чего онъ покачалъ головой?

1 августа 1834 года.

Я читаю Спинозу. Спиноза былъ жидъ, но жидъ, о которомъ христіанскіе философы сказали, когда онъ умеръ: *inrugam animam et extremum spiritum plaude effavit!* Еслибы Спиноза былъ живъ, я бы отправился теперь къ нему и записался въ его ученики. Онъ былъ выше Канта.

13 января 1835 года.

Я началъ заниматься теперь алхиміей и читаю алхимиковъ; читаю Раймонда Люллиа, Альберта Великаго.

15 іюля 1835 года.

Одинъ человекъ плачетъ, другой хохочетъ! Онъ иронически хохочетъ. Этотъ хохотъ я понимаю! Меня сегодня звали на балъ; но какую фигуру буду я представлять на этомъ балѣ, коли я похожъ на совершеннаго мертвеца. Мнѣ кажется, что балы и пляски слѣдовало бы устроить на кладбищахъ. Тамъ только танцующіе будутъ часто спотыкаться — то-то и хорошо! Я не понимаю, какое удовольствіе человекъ находить въ пляскѣ, и можетъ-ли онъ плясать отъ души. На улицѣ, передо мною, на цѣпи пляшетъ теперь медвѣдь. Вотъ онъ — такъ пляшетъ отъ души!

3 октября 1835 года.

Отецъ мой, превосходнѣйшій изъ людей захвѣралъ. Пишу тебѣ объ этомъ, какъ объ важномъ для меня событіи.

5 октября 1835 года.

Отецъ мой умеръ!

3 января 1836 года.

Я хочу рассказать тебѣ о печальномъ событіи, которое случилось со мною. Но я такъ убитъ, что я едва могу держать въ рукѣ перо, чтобъ написать тебѣ объ этомъ. Слушай! На третью почъ послѣ похоронъ моего отца я сидѣлъ въ моей комнатѣ одинъ и думалъ о томъ, существуетъ ли какая-нибудь связь между міромъ живыхъ и міромъ умершихъ, между-тѣмъ міромъ и этимъ міромъ; прерывается ли эта связь, или непрерывается. Могутъ ли тѣни, или души усопшихъ приходять навѣщать живыхъ. Объ этомъ было много писано про и contra. Я слышалъ разсказъ моей старой няни о томъ, какъ однажды моя покойная мать явилась къ ней ночью, и погрозила пальцемъ за то, что она строго взыскивала съ меня за мои шалости. Этотъ грозившій палецъ моей матери не давалъ ей покою. Потомъ я вспомнилъ разсказъ стараго фельдшера, служившаго при моемъ отцѣ, который разсказывалъ, какъ однажды въ турецкую компанію умершіе въ одномъ госпиталѣ отъ молдавской лихорадки, встали ночью съ земли и отправились прямо къ квартирѣ другаго фельдшера, и окруживъ квартиру фельдшера, начали требовать тѣло его на растерзаніе;

и как бѣдный фельдшеръ, вскочивъ съ постели, хотѣлъ бѣжать, но побѣжавъ къ окну и увидѣвъ цѣлую толпу мертвецовъ передъ собою такъ испугался, что тутъ же, стоя на ногахъ, и окоченѣлъ. Я самъ былъ этому очевидцемъ, свидѣтелемъ, сударь! — добавлялъ фельдшеръ.

Многое, что намъ кажется сверхъестественнымъ, можетъ быть очень естественно. Въ природѣ дѣйствительно, какъ говорилъ Горацио, есть много вещей, о которыхъ наши философы и неподозрѣваютъ. Почему-бы, напримѣръ, не могла ко мнѣ явиться тѣнь моего отца? думалъ я. Почему-бы онъ не могъ навѣстить меня и утѣшить меня хоть одной улыбкой, хотя одной холодной улыбкой! Мнѣ казалось только странно, отчего въ народѣ вкоренилось повѣрье, что появленіе покойника предвѣщаетъ непременно бѣду, или несчастіе. Не одинъ ли это ложный страхъ? Такъ разсуждалъ я самъ съ собою.

И вдругъ, слышу, въ мою дверь кто-то постучался. На городской колокольнѣ пробило 12 часовъ. Никто не могъ посѣтить меня въ эту часть. Стукъ въ двери повторился слышишь.

— Кто тамъ?—спросилъ я.

— Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта, въ мою дверь раздался стукъ:
Тукъ! Тукъ!

— Кто тамъ?—спросилъ я громче.

Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта въ мою дверь раздался стукъ два раза:

Тукъ! тукъ!

— Кто тамъ?—спросилъ я въ третій разъ.

Отвѣта не было; но вмѣсто отвѣта мнѣ отвѣчали тремя ударами въ дверь.

Странно! Кто бы это такой? Иду, отворяю дверь и вижу передо мной стоять черная, неподвижная тѣнь моего отца. Лицо его было мрачно.

— Ты ли это?—спросилъ я его дрожащимъ голосомъ.

Отецъ мой кивнулъ головою, но такъ кивнулъ, что у меня ноги подкосились.

Онъ дѣлалъ знакъ рукою, чтобъ я ему далъ дорогу. Я отступилъ назадъ. Онъ вошелъ въ комнату и пошелъ прямо къ моему столу, на которомъ у меня лежало собраніе нѣмецкихъ философовъ и моя рукопись, надъ которою я трудился нѣсколько лѣтъ: *О распространеніи нѣмецкой философіи между дикихъ народовъ, въ особенности между Киргизами и Черкесами*. Это была плодъ глубокаго изученія философіи Канта, Шелинга и Гегеля.

Мой отецъ посмотрѣлъ на мой книги и на мою рукопись и покачалъ головою.

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и такъ страшно покачалъ головою, что я долженъ былъ схватиться за стулъ, чтобы не упасть.

Потомъ онъ сѣлъ въ кресло и далъ знать рукою, чтобы и я сѣлъ противъ. Мы сѣли другъ противъ друга, какъ двѣ неподвижныя тѣни. Я хотѣлъ ему сказать наконецъ, что онъ меня пугаетъ. Я хотѣлъ съ нимъ заговорить; но онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я не говорилъ. Онъ далъ мнѣ знакъ движеніемъ головы, что между нами уже всѣ разговоры кончились, что дальнѣйшія слова будутъ уже напрасны.

Между-тѣмъ на столѣ догорѣла свѣча; я хотѣлъ зажечь другую свѣчу, но онъ далъ знакъ, чтобы я не трогался съ мѣста.

Мы остались теперь въ темной комнатѣ сидѣть вдвоемъ другъ противъ друга.

Что же будетъ дальше? подумалъ я.

Но какъ ни было въ комнатѣ темно, а я ясно различалъ фигуру моего отца, которая шевелилась во мракѣ передо мною.

Наконецъ онъ всталъ, вышелъ въ сѣни, воротился оттуда съ какою-то ношею и опустилъ эту ношу со стукомъ на землю.

Не гробъ ли это свой онъ принесъ съ собою? подумалъ я.

Онъ зажегъ лучину, и я увидѣлъ, что это была ноша дровъ, которые онъ началъ складывать посреди комнаты въ видѣ костра, при свѣтѣ лучины.

Невыразимый трепетъ овладѣлъ мною. Что изъ этого будетъ?

Потомъ онъ зажегъ лучиною этотъ костеръ. Костеръ вспыхнулъ и запылалъ.

Онъ обошелъ вокругъ пылавшаго костра; потомъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали мои нѣмецкіе философы и моя рукопись, надъ которой я трудился столько лѣтъ, и схвативъ все это въ одинъ охабокъ швырнулъ все въ огонь. Костеръ запылалъ и затрещалъ. Наконецъ запылала моя рукопись.

— Моя рукопись! моя рукопись! закричалъ я, бросаясь спасти изъ огня мою рукопись.

Но неумолимая тѣнь моего отца загородила мнѣ дорогу и съ такимъ гнѣвомъ посмотрѣла на меня, и съ такимъ гнѣвомъ застучала ногами, что во мнѣ застучали всѣ кости.

Огонь пылалъ и озарялъ черную и грозную тѣнь моего отца; а столъ передъ нимъ, какъ мертвецъ, испугавшійся мертвеца.

Мнѣ казалось, что онъ глядѣлъ на меня и внутренно хохоталъ.

Когда все брошенное на костеръ, и книги, и моя рукопись, надъ которой я столько лѣтъ трудился, сгорѣло и обратилось въ пепелъ —

онъ подошелъ ко кнѣ и захохоталъ... но какъ захохоталъ! хохотъ этотъ и теперь рождается еще въ моихъ ушахъ!... и исчезъ!

Я хотѣлъ все это принять на другой день за сонъ, но это былъ не сонъ!

Черезъ день, 4 января, 1856 года.

Когда ты получишь мое письмо, то запиши, что Флейтраверсовъ не существуетъ уже на свѣтѣ. Я бы желалъ, чтобы ты, получивъ это письмо, мои послѣднія строки, бросилъ всё свои дѣла и отправился въ Казанскій соборъ отслужить по мнѣ панихиду. Воображаю тебя на этой панихидѣ!... Когда священникъ запоетъ: упокой Господи душу усопшаго раба твоего Михаила!... то ты будешь плакать... ты будешь плакать! ты можешь—быть заплачешь навзрыдъ. О комъ этотъ человѣкъ такъ плачетъ? спросить посторонній богомолецъ, котораго ты потревожишь своимъ плачемъ. О комъ?... ты знаешь о комъ! Такъ кончилъ я жизнь!

Я плакалъ на взрыдъ, читая это письмо Флейтраверсова. Я получилъ его 13 января 1836 года, въ 10 часовъ вечера. Это письмо его было послѣднее.

Прошло много лѣтъ съ-тѣхъ-поръ. Каждый годъ 13 января въ 10 часовъ вечера я служилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду о душѣ Флейтраверсова. На этой панихидѣ стояли только священникъ, дьячекъ и я. Я читалъ молитвы и пѣлъ за дьячка. Когда же священникъ начиналъ поминать раба Божія Михаила и молиться о душѣ его, то у меня вырывались и лились слезы, среди чтенія или среди пѣвнн. Тогда дьячекъ меня выручилъ и продолжалъ дальше пѣть и читать самъ.

V.

Прошло еще десять лѣтъ Я. былъ на пути изъ Петербурга въ Одесу. Переѣзжаю Днѣпръ. На меня вдругъ повѣяло степнымъ воздухомъ. Какой упительный воздухъ! Я услышалъ запахъ степныхъ цвѣтовъ.... Я услышалъ голосъ степнаго жаворонка; онъ вдругъ взвился надъ моею годовою, и зацѣлъ, и зацѣлъ, какъ великороссійскіе жаворонки не поютъ! Я въѣхалъ въ херсонскія степи. Степи эти моя родина. Степной жаворонкъ меня встрѣтилъ, какъ роднаго.... онъ узналъ меня! Я его также

узналъ, а бы его узналъ по голосу среди тысячи другихъ жаворонокъ. О степь! степь! Какъ сладко дышать твоимъ воздухомъ. Кто дышалъ хоть разъ твоимъ воздухомъ, тотъ знаетъ, что значить упоенье. Передо мной безпредѣльная даль; передо мной вдругъ открылась безконечность. Я вперяю взоръ мой въ безконечность. Горизонтъ вокругъ меня становится все шире и шире. Я окидываю и измѣряю глазами цѣлое безконечное пространство. Понимаю вполне тоску бедуина, жельца и владыки безпредѣльныхъ степей, вдругъ переселеннаго въ душный и смрадный городъ. Пустынный арабъ и бедуинъ никогда не будутъ горожанами. Степь была ихъ колыбель и будетъ ихъ могила. Пустынному бедуину наша цивилизація не понятна. Онъ худъ и тощъ, но онъ силенъ и стремителенъ, какъ тигръ. Онъ идетъ на льва. Онъ худъ и тощъ, но онъ бодръ и неутомимъ, какъ его конь. Его палить жой, его кружить удушливый вихорь, на него налетаетъ степной ураганъ, но онъ не даетъ себя одолѣть ни зною, ни вихрю, ни урагану. Онъ торжествуетъ надъ ними и поетъ свою завѣтную пѣснь. Бедуинъ худъ и тощъ — вы скажете, что онъ питается однимъ воздухомъ. Да, да! онъ питается однимъ воздухомъ и сытъ. Онъ питается однимъ воздухомъ, и счастливъ! А вы, г-нъ философъ, который ѣдите и пьете за десятерыхъ, вы счастливы? Оттого, что вы ѣдите и пьете за десятерыхъ, у васъ желудокъ не варитъ. А коли у васъ желудокъ не варитъ, — у васъ хандра! Хандра! Эта ужасная вещь, хандра! Спросите бедуина о хандрѣ, знаетъ ли онъ хандру? Отъ того, что у васъ хандра, отъ того въ вашей головѣ вѣчный туманъ.... Отсюда и ваши туманныя идеи, г-нъ философъ! Но попробуйте вспрыгнуть на арабскаго коня.... Пронеситесь на немъ верстъ двѣсти безъ сѣдла и безъ уздечки, дойдите тѣмъ воздухомъ, которымъ дышитъ арабъ, почерпните того кнуцаго воздуха, который черпаетъ Арабъ въ нѣдрахъ пустыни, и ваша философскія идеи разлетятся, какъ прахъ!... У васъ въ головѣ зароятся другія идеи!

Я въхалъ въ херсонскія степи. Я родился на этой степи. Мой предокъ былъ жельецъ этихъ степей. Мой архипредокъ за три тысячи лѣтъ до этого былъ скивъ, который кочевалъ на этихъ самыхъ степяхъ. О мой почтенный предокъ, екивъ! подумалъ я, узналъ ли бы ты во мнѣ теперь своего потомка? Исторія ничего не говоритъ о моемъ предкѣ: что онъ былъ за человекъ, какъ назывался и какого онъ былъ праву. Но кто бы онъ ни былъ, а я знаю навѣрное, что онъ умозрѣнникъ не занимался и питалъ къ нимъ скинское отвращеніе, которое отъ потомковъ къ потомкамъ черезъ пятьсотъ поколѣній передалъ и мнѣ.

Я бы желалъ имѣть черепъ моего предка скива, а бы желалъ

нить его костякъ! Дорого бы я далъ за эти сквѣскіе остатки! По его черепу, по его костяку я бы узналъ, какую роль онъ игралъ въ этихъ степяхъ, въ какихъ драмахъ онъ участвовалъ. По этимъ костякъ я бы прочиталъ всю его исторію. Можетъ-быть, онъ былъ человѣкъ знаменитый!

Мои почтовые лошади ичятся, мой возокъ летитъ, какъ стрѣла, по степи.

Степь эта и въ другомъ отношеніи любопытна. Она была прежде не такова. Здѣсь было нѣкогда царство звѣрей исполиновъ. Изъ глины и известняковъ, составляющихъ нынѣшнюю степную почву, кучами вырываютъ кости медвѣдей, кости гіенъ, которыхъ теперь тутъ нѣтъ и слѣда. Стало-быть нѣкогда здѣсь росли лѣса и можетъ-быть исполинскіе лѣса. Гдѣ-же они теперь? Исчезли. Какими сульбами исчезли? неизвѣстно. Здѣсь жили прежде стада исполинскихъ быковъ (*bos latifrons*), исполинскихъ оленей (*ceruus megaceros*); здѣсь жилъ динотерій (ужасный звѣрь); здѣсь жилъ эласмотерій, исполинскій прототипъ нынѣшней русской лошади; наконецъ здѣсь жили носороги, мамонты и мастодонты! эти исполинскія животныя всѣ были травоядныя. Какая же трава должна была здѣсь расти, чтобы прокормить этихъ животныхъ! Никакого нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь было самое роскошное, самое исполинское растительное царство, ибо въ одномъ только такомъ царствѣ могло развиваться царство мамонтовъ и мастодонтовъ. Какая-же причина ихъ истребленія? Весьма натуральная. Земля стала меньше производить для нихъ корму, меньше и меньше, покуда она наконецъ совсѣмъ перестала ихъ кормить. Но человѣку данъ умъ, дана наука. Онъ можетъ на голой скалѣ выростить для себя хлѣбъ. Онъ можетъ землю обратить въ хлѣбъ. Онъ можетъ огонь обратить въ воду, чтобы напиться; онъ можетъ воду обратить въ огонь, чтобы обогрѣться. Таковъ умъ человѣка! Исторія наша есть ничто иное, какъ рядъ побѣдъ человѣка надъ стихіями. Каждый Божій день онъ празднуетъ новыя побѣды; издаетъ новыя и новыя побѣдныя кланки надъ стихіями. Вотъ его завоеванія! Человѣкъ поработитъ себѣ вѣтры и бури, и рано-ли, поздно-ли заставитъ вѣтеръ поднять себя и понести какъ птицу по воздуху.... тогда прощай земля! какъ говорилъ Флейтраверсовъ.

Вотъ въ чемъ дѣло, а не въ умозрѣніи.

Почтовые мои лошади ичятся, возокъ мой летитъ, какъ стрѣла, по степи.

Я проѣхалъ уже десять станцій. Настала ночь. Южное небо озарилось милліонами звѣздъ. Не можешь оторвать глазъ отъ этихъ звѣздъ. Наступила тишина. Степь пѣма и глуха, какъ могилы! Какая это огро-

изла могла прошедшаго! Стѣнь перемѣнялась; вмѣсто исполнскихъ быковъ и страшныхъ мастодонтовъ на ней гуляютъ теперь мирныя стада мериносовъ. Местодонтъ былъ представитель того времени, меринось есть представитель нашего времени. Земля постепенно шла къ своему совершенству. На землѣ, какъ на настоящей сценѣ, картины беспрестанно измѣняются: однѣ фигуры исчезаютъ, другія являются. Въ свою очередь и эти фигуры исчезнутъ...

— Помелъ! помелъ, ямщикъ!

— Эй! съ горки на горку, дасть баринъ на водку! закричалъ ямщикъ на лошадей.

И лошади, ради того, что баринъ дасть ямщику на водку, помчались стремглавъ.

Я погрузился опять въ мечтанія. Время ночи есть время мечтаній. Во время ночи, когда живые предметы исчезаютъ предъ вами, какъ тѣлеса привидѣній, когда всякій живой звукъ исчезаетъ, начинается пробуждаться голосъ вашей души... Вы не можете ему сказать: замолчи! Предъ вами невидимый чтець начинаетъ читать вслухъ вашу исторію, ваши дѣла, ваши тайны, ваши тайныя помысленія; высказываетъ, что у васъ на сердцѣ; что шевелится въ немъ, что въ немъ шевелилось; чѣмъ оно страдаетъ; чѣмъ оно страдало; что оно любило, кого любило; кого не любило! Начинаетъ вызывать по именамъ лица... можетъ-быть такія лица, которыя бы вамъ не хотѣлось чтобъ ихъ вызвали. Предъ вами возникаетъ мѣръ ночныхъ фантомовъ!

Мнѣ вдругъ пришелъ на умъ Флейтраверсовъ. Флейтраверсовъ погибъ! Будь онъ математикъ, будь онъ астрономъ, будь онъ физикъ, будь онъ хвизикъ, онъ былъ бы нѣмецкій ученый; но онъ сдѣлался философъ и погибъ. Нѣмецкіе философы мечтаютъ, какъ поэты. Поэты сдѣлаютъ пегасовъ и фантазируютъ, сидя на пегасахъ; но философы презбрегаютъ пегасами. Они сдѣлаютъ мухъ и комаровъ, и фантазируютъ, сидя одинъ на мухѣ, другой на комарѣ, и полагаютъ, что они могутъ парить... потому только, что у мухи и у комара есть крылья!... Въ нѣмецкой философіи нѣтъ и не было ничего твердаго и постояннаго. Это настоящая избушка на курьей ножкѣ. Одинъ кричитъ: избушка! избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! и избушка поворачивается передомъ. Другой кричатъ: избушка, повернись назадъ! стань къ лѣсу передомъ, а ко мнѣ задомъ! и избушка повинуется и становится къ лѣсу передомъ, а къ нему задомъ. Избушка пляши! и избушка пляшетъ. Избушка провалилась сквозь землю! и избушка проваливается. И то мѣсто, гдѣ была избушка, осталось пусто.

Возокъ мой вдругъ остановился.

— Прівітали! сказала ящичкѣ. Я васъ лихо докатилъ!—

А я и не замѣтилъ, какъ онъ меня докатилъ.

— Баринъ на водочку!

Я далъ ему гривенникъ на водку, и ящичкѣ обрадовался, какъ будто-бы онъ получилъ милліонъ.

Я вошелъ въ станціонный домъ. Мнѣ хотѣлось отдохнуть. Вхожу въ станціонную комнату. Къ ней примыкала другая боковая комнатка. Въ этой боковой комнаткѣ, за столомъ, на которомъ мерцалъ салный огарокъ, сидѣлъ станціонный писарь. Ему принесла мою подорежную; онъ развернулъ ее, прочиталъ, что-то пробормоталъ и началъ вписывать ее въ свою книгу.

— Послушай писарь! — сказалъ я.

— Что прикажете ваше высокоблагородіе? отвѣчалъ писарь, вытянувшись предо мною, и готоваясь — какъ казалось бѣжать стремглавъ куда я прикажу.

— Я хочу здѣсь ночевать.

— Слушаю-съ!

— Можно-ли здѣсь что-нибудь поѣсть?

— Что прикажете?

— Что-нибудь: хлѣба, масла, стаканъ чаю.

— Не прикажете-ли шампанскаго?

— Богъ съ тобой! Но неужели здѣсь есть шампанское?

— Есть, сударь!

— Кто-же тутъ торгуетъ шампанскимъ?

— Господинъ хозяинъ.

— А кто твой хозяинъ?

— Содержатель станціи, Борохъ Мошковичъ.

— Жидъ?...

— Жидъ! — повторилъ писарь иронически. — А что вы разумѣете, милостивый государь, подъ этимъ словомъ? — жидъ! — продолжалъ онъ, перемѣняя совершенно прежній тонъ. — Жидъ! думаете вы, жидъ! Но Спиноза былъ тоже жидъ! — воскликнулъ писарь совершенно уже не по-писарски.

Это восклицаніе и выраженіе, съ которымъ оно было сдѣлано, меня удивили.

Я вошелъ въ писарскую комнату и подошелъ къ огню, чтобъ при свѣтѣ его ближе рассмотреть лицо господина писаря.

Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти. Лицо его и лобъ были открыты морщинами. Узкій подбородокъ, выдавался впередъ. Лицо его не имѣло никакого выраженія, или имѣло глухое выраженіе, но голова его

была похожа на голову Сократа! На головѣ не осталось ни одного волоска. Это былъ одинъ только голый черепъ съ свѣтящимися глазами

На немъ былъ сюртукъ изъ толстаго сѣраго сукна съ заплатами на локтяхъ, но на этомъ сюртукѣ не видно было ни пятнышка. Шея была повязана какою-то тряпичей, но изъ-за этой тряпицы выказывался воротъ рубашки, бѣлой, какъ снѣгъ. Съ головы до ногъ въ этомъ старикѣ было что-то странное, то привлекающее, то отталкивающее; какое-то смѣшеніе противоположностей.

Брови писаря насупились. Онъ казался былъ недоволенъ тѣмъ, что я его со вниманіемъ рассматривалъ....

— Такъ ты знаешь жидя Спинозу? Ты его читалъ?... спросилъ я съ любопытствомъ.

— О какомъ Спинозѣ—вы говорите?

— О философѣ Спинозѣ!

— Я философа, Спинозу зналъ лично! сказалъ писарь.

Онъ произнесъ эти слова такъ утвердительно, такимъ тономъ, что я готовъ былъ повѣрить, что онъ лично зналъ Спинозу. Въ лицѣ его выразилось что-то неестественное.

— Кто вы такой?—спросилъ я, глядя на него съ особеннымъ любопытствомъ.

— Я?... я Блудный Сынъ! милостивый государь! — сказалъ онъ, уставивъ на меня блестящіе глаза.

— Вы Блудный Сынъ?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да; вы видите передъ собою Блуднаго Сына. Вы видѣли картину Сальватора Розы, Блудный Сынъ? Сальваторъ Роза писалъ эту картину съ меня. Вы не вѣрите? Я вамъ расскажу еще не такіа чудеса. Я получилъ отъ отца моего страшное богатство, и я расточилъ это богатство, какъ Блудный Сынъ. Могли-ли вы подозревать во мнѣ бѣснаго Креза?

Ха! ха! ха!

Ха! ха! ха!

— Такъ вы были Крезъ?

— А вамъ кажется это невѣроятно? Я былъ Крезъ! Но что всего удивительнѣе—и не былъ ни гуляка, ни пьяница, ни мотъ, ни картежникъ; я ни одному нищему не далъ ни гроша, а богатство мое разлетѣлось, какъ дымъ! Я все расточилъ.

— Какъ-же вы его расточили?

— Я искалъ философскаго камня, сударь! Я принадлежу къ тѣмъ жидямъ, которые отыскивали философскій камень!

— И вы нашли философскій камень?

— Нашелъ! Я нашелъ философскій камень! Но чего это мнѣ стоило! Двѣ драхмы съ половиной! чего это мнѣ стоило! Вотъ на что я расточилъ и обратилъ въ дымъ мой сокровища

— Но вы нашли философскій камень, а это стоитъ крестовыхъ сокровищъ! сказалъ я.

— Игра не стоила свѣчь, сударь! Игра не стоила свѣчь! отвѣчалъ писарь, голосомъ, въ которомъ слышалось отчаяніе.

— Расскажите же мнѣ исторію вашего философскаго камня, если это не тайна, продолжалъ я съ удвоеннымъ любопытствомъ.

— Я не для того трудился, чтобъ дѣлать изъ этого тайну. Я трудился для науки. Я хотѣлъ сдѣлать важное открытіе. Я убилъ мою жизнь и все мое состояніе на философскіе опыты. Я сидѣлъ передъ одной ретортою 365 дней и 365 ночей сряду, пока она не лопнула. Я перепробовалъ все известныя намъ 60 элементовъ. Я жегъ мерзгалъ, лилъ, переливалъ, перегонялъ, возгонялъ, и изъ этого ничего не вышло. Я убивалъ уже остатки моихъ силъ и моего состоянія, и напрасно! Я приходилъ въ отчаяніе. Я хотѣлъ наконецъ отдать мою душу дьяволу, какъ отдалъ ее Фаустъ, чтобы только достать философскій камень. Я началъ уже звать къ себѣ дьявола на помощь. Вдругъ является предо мною тѣнь Альберта Великаго.

— Бѣдный смертный! слабый смертный! сказалъ онъ мнѣ. Ты ищешь философскаго камня. Ты ложнымъ путемъ искалъ философскаго камня. Знаешь ли ты, какъ отыскать философскій камень?

— А какъ?

— Очень просто. Вотъ тебѣ рецептъ.

— Я развернулъ рецептъ дрожащими руками и началъ его читать: добудь драхму чистаго фосфору изъ костей, полдрахмы сѣры изъ крови и драхму краснаго ртутнаго порошку и двѣ драхмы съ половиною твоего собственнаго мозгу; положи все это въ фарфоровую реторту, закупорь реторту герметически и положи ее на огонь. Кажи эту реторту 64 часа непрерывно. Къ концу третьихъ сутокъ ты услышишь въ ретортѣ громъ и свистъ, изъ реторты будутъ вырываться молніи, ты сиди терпѣливо, не шевели пальцамъ, и жди. Въ ретортѣ будетъ происходить борьба противоположныхъ, враждующихъ стихій: сѣры, ртути и фосфора съ твоимъ мозгомъ. Образуется гремучій составъ. Потомъ когда громъ утихнетъ, сними реторту съ огня, дай ей постепенно охладиться; потомъ разбей реторту... и получишь блестящій кристаллъ, въсомъ въ пять драхмъ; это будетъ чистѣйшій философскій камень.

— Все это хорошо, но какимъ образомъ добыть двѣ драхмы съ половиною моего собственнаго мозгу? спросилъ я Альберта Великаго.

Но Альберта Великаго уже не было передо мною.

Я задумался. Нужно было двѣ драхмы съ половиной моего собственного мозгу!

Но я думалъ недолго. Я добылъ сѣры, фосфора, превратилъ обыкновенную ртуть въ красный ртутный порошокъ, недоставало только жого мозгу. Я раскрылъ себѣ черепъ и досталъ двѣ драхмы съ половиной моего собственного мозгу! Теперь у меня въ головѣ мозгу мѣтъ двумя драхмами съ половиной. Но я трудился для науки. Я жертвовалъ ей моею мозгомъ.

Я съ судорожнымъ участіемъ слѣдилъ за необыкновеннымъ разсказомъ старика и за его фізіономіей, которая дѣлалась мрачнѣе и мрачнѣе.

— Я сдѣлалъ все, какъ было сказано по рецепту. Я сидѣлъ 62 часа передъ ретортой безъ пищи и сна. Наконецъ въ ретортѣ поднялся громъ и свистъ; изъ реторты начали вылетать электрическія искры и поражать меня ударами. Будто тысячи раскаленныхъ иглъ вдругъ пронизывали мое тѣло отъ мозгу до конца пальцевъ. Изъ меня самого начали вылетать огненные искры и пламя. Наконецъ все кончилось. Я снялъ реторту съ огня, далъ ей охладиться, разбилъ ее и получилъ философскій камень

— Это былъ блестящій кристаллъ чистаго золота, вѣсомъ въ пять драхмъ. Сколько матеріалу по вѣсу было употреблено, столько получено: но я превратилъ сѣру, фосфоръ и ртуть въ золото. Какая находка! Не правда ли? Я снова сталъ Крезъ! Я могъ теперь лить вокругъ себя золото неисчерпаемою рукою. Я могъ теперь быть благодѣтелемъ ближнихъ! Я прыгалъ отъ радости, какъ сумасшедшій! Но къ сѣрѣ, къ фосфору я добавилъ двѣ съ половиной драхмы моего собственного мозгу!.. Какъ вы думаете объ этомъ, ваше высокоблагородіе? Двѣ драхмы съ половиною моего мозгу!.. А?..

На лицѣ у меня выступилъ холодный потъ отъ словъ и голоса, съ которыми они были произнесены.

— Я употребилъ такой матеріалъ, какого другіе философы не употребляли... Какой матеріалъ! Пять драхмъ золота и только! Пять драхмъ обыкновеннаго золота. Но я истратилъ на него матеріалъ, который стоилъ въ миллионъ разъ дороже! Я умѣлъ теперь превращать простыя вещества въ золото, но какія эти простыя вещества! Въ этомъ кускѣ золота находился мой мозгъ, сударь, мой мозгъ! Каково?

На лицѣ разсказчика изобразился ужасъ.

Онъ привелъ меня самого въ ужасъ.

— Вы хотите знать, что было дальше? Я вамъ скажу, что было дальше. Исторія моего философскаго камня будетъ поучительна для васъ. Въ моей головѣ сдѣлалось мозгу меньше на двѣ драхмы съ половиной. Я лишился этихъ частицъ. Двѣ драхмы съ половиной, много ли тутъ! Но это можетъ быть были лучшія и благороднѣшія мои частицы. Съ-тѣхъ-поръ я сдѣлался калекой, умственнымъ калекой, сударь мой! Умственнымъ калекой! Когда я чувствовалъ въ себѣ прежде силы Голиафа! Я бы могъ быть Голиафомъ!

И старикъ выпрямился предо мною и поднялъ высоко свою голову, какъ-будто бы онъ хотѣлъ изобразить собою фигуру Голиафа. Я и теперь еще Голиафъ, но уже не настоящій Голиафъ... а только блуждающая его тѣнь!

— Въ природѣ нѣтъ того, чего ищутъ наши философы. Я это испыталъ. Я это отлично испыталъ..!

— Но ваше испытаніе послѣ этого кончилось. Вы перестали хотѣть гоняться за пустыми мечтами, сказалъ я.

— Нѣтъ не кончилось. Еслибы я умеръ послѣ этого, то бы конечно все кончилось, но я не умеръ. Я, какъ Вѣчный Жидъ, не умираю. За этимъ начинается исторія моихъ походовъ. Слушайте, слушайте!

Я пошелъ бродить по свѣту. Я пошелъ въ Римъ, но въ вѣчномъ городѣ я не нашелъ уже тѣхъ великихъ мудрецовъ и учителей, съ которыми бы я хотѣлъ побесѣдовать и раздѣлить мои мысли, мои сомнѣнія. Они мучались всю жизнь и сошли въ могилу. Послѣ Галилея, послѣ Джіордано Бруно уже тамъ не было другаго Галилея, ни другаго Джіордано Бруно. Вѣчный городъ былъ пустъ для меня, какъ могила. Я встрѣчалъ тамъ однихъ мертвецовъ. Изъ Рима я пошелъ дальше. Я пришелъ въ Парижъ. У меня сердце сжалось отъ тоски, когда я взглянулъ на бѣсную Парижъ. Шумъ, бѣготня, громъ, крикъ, свистъ!.. Я ушелъ изъ Парижа, и пришелъ въ Лондонъ. Въ Лондонѣ меня приняли за подозрительнаго челоуѣка и отправили обратно на твердую землю. Я выдавалъ себя за бѣднаго философа, ищущаго истины... меня принимали за бродягу и гнали всюду вонъ... allez vous en! кричали вѣжливые французы. Weg! weg! вопили добродушные нѣмцы, завидя меня: weg! Я шелъ дальше. Я уходилъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ городъ, преслѣдуемый крикомъ: Weg! weg! Я началъ пугаться уже своей собственной тѣни. Я кричалъ уже своей собственной тѣни: Weg! weg! Geh weg!

Я пришелъ въ Гагу. Слушайте! Слушайте! Я пришелъ въ

Гау. Въ Гагѣ жилъ и умеръ Великій Спиноза; здѣсь онъ умеръ, или какъ говорили объ немъ христіянскіе философы: *impugnat animam et extremum spiritum plaude efflavit*. Я отыскалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Онъ былъ запертъ на запоръ. Въ городѣ ходили вѣсти, что въ этомъ домѣ по ночамъ бродить какой-то духъ и поднимаетъ шумъ и гамъ!.. Чей же это могъ быть духъ, какъ не духъ Спинозы?

Я упрасялъ, чтобы мнѣ открыли домъ. Я хотѣлъ поклониться тѣни великаго человѣка, такого же страдальца, какъ и я. Онъ также искалъ философскаго камня. Мы были дѣти одной матери, только онъ былъ старшій братъ, а я младшій братъ.

Я вошелъ въ домъ. Вхожу въ комнату, въ которой умеръ Спиноза; но едва я переступилъ за порогъ этой комнаты, какъ съ постели, на которой Спиноза испустилъ послѣднее дыханіе, *extremum spiritum efflavit*, поднялся скелеть... только одинъ голый черепъ, почернѣвшій отъ времени и голыя кости... Онъ былъ обезображенъ, но въ своемъ безобразіи онъ казался передо мною красавцемъ.

— А! Здравствуй! закричалъ онъ ко мнѣ на встрѣчу, поднимаясь съ постели: — *Salve! Salve amice!*

— Здравствуй! Ты еще здравствуешь? — отвѣчалъ я, подавая ему мою руку.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку. Моя рука стала холодна, какъ ледъ.

— Я давно тебя ждалъ, я начиналъ уже беспокоиться, что не дождусь тебя, продолжалъ онъ: что ты не придешь посѣтить меня. — Зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ раньше?

Я слушалъ его, признаться, не безъ волненія; но скоро мое волненіе затихло потому, что моя кровь застыла... я превратился самъ въ мертвеца; я никогда не забуду этихъ минутъ.

Глядя на выраженіе, которое вдругъ приняло лицо рассказчика, у меня самого оледенѣла кровь.

— Садись сказалъ мнѣ скелеть указывая на стулъ.

Я сѣлъ.

Онъ сталъ передо мной.

— Ты бѣдный философъ, началъ онъ: ты бѣдный мой братъ! Ты пошелъ по моимъ стопамъ. Я шелъ по терніямъ, я шелъ по голымъ скаламъ, я шелъ по непроходимымъ дорогамъ — ты пошелъ по моимъ стезямъ. Я хотѣлъ тебѣ сказать, я хотѣлъ крикнуть тебѣ: не ходи по этой стезѣ — ты заблудишься! Я хотѣлъ идти и загородить тебѣ дорогу, но я тутъ запертъ!.. я не могъ тебѣ помочь. Я видѣлъ, какъ ты шелъ, какъ ты быстро пошелъ; я считалъ твои шаги, я прислушивался къ шуму твоихъ шаговъ; я увидѣлъ, какъ ты остановился

напоследок, я увидалъ наконецъ, какъ ты заблудился!... Какое горе! Какое горе! А между-тѣмъ ты бы могъ идти не заблуждаясь!... Мой вѣкъ былъ другой вѣкъ: мы были бѣдные пловцы среди океана; мы были утопающіе, хватавшіеся за щепки, за соломенки. Ты въ свой вѣкъ могъ быть великій, гордый пловецъ.... Ты могъ плыть въ открытое море, открывать новыя земли, новыя океаны, новыя міры; а ты держался старыхъ, опасныхъ береговъ, пока твой корабль не разбился о скалы.... Горе тебѣ, мой бѣдный братъ! Горе тебѣ! Если бы у меня были глаза, я бы заплакалъ много слезъ о тебѣ.... Но теперь слезы тебѣ не помогутъ!

Я заплакалъ!

— Не плачь! Слезы теперь не помогутъ. Ты могъ плыть въ далекія, волшебныя края... а ты погнался по болотамъ, за блудящими огнями, за философскими идеями, какъ дитя за мотыльками. Что такое твоя идея?... блудящій огонь.... мыльный пузырь, начиненный гремучимъ воздухомъ. Но что остается отъ этого? Пустота!... вѣчная, безотрадная пустота! Все, что германскіе философы создавали, обратилось въ прахъ! Они хотѣли построить храмъ изъ философскихъ идей.... изъ соломинокъ!... Какой жалкій матеріалъ! Они хотѣли поставить куполь, на тоненькихъ соломенкахъ...

Я самъ былъ философъ, я самъ заблуждался; но могла меня образумила. Пора бы философамъ перестать заблуждаться.

Чѣмъ занимаются философы? Идеями, отвлеченными идеями! Но что такое отвлеченная идея? Мечта! Фантомъ! Призракъ, иначе основанный. Идея тогда только не фантомъ и не мечта если она есть результатъ опытовъ и экспериментовъ. Философія есть домъ призраковъ и фантомовъ. Она населила міръ призраками. Если хоть одно основаніе въ умозрительной философій, которое бы не было опровергнуто? Если хоть одна истина, которая была бы принята безъ возраженій? Что же это за наука?

Ты слышишь признаніе стараго философа, раскаявшагося въ своихъ заблужденіяхъ!

Есть ли философъ, который бы не противорѣчилъ самому-себѣ? Есть ли философы, которые бы наконецъ подъ бременемъ тысячи противурѣчій, не впали въ скептицизмъ. А скептицизмъ есть уже безуміе. Что это за наука? Что это за люди?

— Философію называютъ великой наукой, но истинную науку вывести можно только изъ экспериментовъ, а философія ставитъ себя выше всѣхъ экспериментовъ а между-тѣмъ умозрительная философія есть дѣтская забава. Пора серьезнымъ философамъ перестать забавляться. О Кантъ,

И станціонный писарь, стоя передо мной, хохоталъ тѣмъ же самымъ ужаснымъ хохотомъ.

— Мы захохотались съ Спиновою досыта.

— Но успокойся!... сказалъ мой собесѣдникъ.

Успокойся! Я ждалъ тебя къ себѣ, чтобъ тебя утѣшить, чтобъ тебя успокоить.

Но слова его однакожь раздирали мою душу.

— Утѣшься! повторялъ онъ. Я хочу тебя утѣшить! Я доставлю тебѣ утѣшеніе, котораго ты и не предполагаешь, я доставлю тебѣ истинное утѣшеніе.

Я глядѣлъ на философа съ изумленіемъ, не понимая, какое утѣшеніе онъ мнѣ можетъ доставить въ моемъ отчаяніи.

— Я тебя утѣшу! Вотъ чѣмъ я тебя утѣшу, продолжалъ онъ, вынимая изъ-подъ своего изголовья зеркало и поднеся его къ своимъ глазамъ. Смотри! воскликнулъ онъ, въ это волшебное зеркало!

Я взглянулъ въ зеркало!..

— Видишь-ли? видишь-ли? — спросилъ онъ, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ и потирая руки отъ удовольствій.

Я былъ пораженъ удивительнымъ зрѣлищемъ, я былъ пораженъ такимъ зрѣлищемъ, ваше высокоблагородіе!..

И глаза рассказчика вдругъ заблистали такимъ восторгомъ, такимъ восхищеніемъ, какъ бы заблистали глаза нищаго, вдругъ нашедшаго золотой кладъ.

— Я не могъ оторвать глазъ отъ волшебнаго стекла, отъ волшебнаго зрѣлища.

— Какое зрѣлище! какое зрѣлище! воскликнулъ я.

— Каково? каково! Неправда-ли я говорилъ, что я тебя утѣшу? — отвѣчалъ мой чудесный собесѣдникъ.

— Видишь-ли ты ясно? видишь-ли ты все? — повторилъ онъ.

— Вижу! вижу! отвѣчалъ я.

— Устремляй глаза все дальше и дальше!

— Какое зрѣлище! какое неописанное зрѣлище!

— Окинь глазами весь шаръ земной: моря, земли, горы, материни, океаны!

— Вижу, вижу!

— Окинь теперь глазами различныя государства!

— Вотъ Россія, вотъ Франція, вотъ Египетъ, вотъ Индія, вотъ Китай!

— Смотри теперь на людей: на *бллое* племя, на *желтое*, на *красное*, на *черное*.

— Вотъ всё эти народы у меня передъ глазами.

— Что же ты видишь, что же ты читаешь на ихъ лицахъ?

— На ихъ лицахъ я читаю... Но я, Ваше Высокоблагородіе, все скажу вамъ, что я прочиталъ на ихъ лицахъ. Это моя тайна, извините меня.

— Ты теперь удовлетворишь свое любопытство? — спросилъ меня Спиноза.

— Позволь мнѣ посмотреть еще на одинъ предметъ! отвѣчалъ я.

— Знаю, на какой ты предметъ смотришь; у тебя слезы на глазахъ отъ восторга. Взгляни теперь въ это зеркало на самого себя! — взгляди пристально!

— Ахъ! я вижу самого себя, я вижу самого себя! Я бессмертенъ! я бессмертенъ! воскликнулъ я, роняя изъ рукъ зеркало.

— Ты бессмертенъ! Мы бессмертны! Душа человѣческая не умираетъ! воскликнулъ Спиноза. Земное наше страданіе ничто въ сравненіи съ нашимъ бессмертіемъ! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь!

— Аминь! подхватилъ я.

— Аминь! Аминь! повторилъ Спиноза.

— Теперь желаніе мое исполнилось. Теперь прощай! сказалъ онъ, наконецъ: иди съ миромъ! Да будетъ миръ съ тобою. Теперь ты мудрецъ!

Онъ пожалъ мою руку, я пожалъ его руку, и мы расстались.

Теперь мнѣ все разъяснилось.

Съ тѣхъ поръ въ моей душѣ водворился миръ и спокойствіе. Вотъ когда и какимъ-образомъ я узналъ Спинозу лично, добавилъ стационарный писарь, окончивъ свой рассказъ.

— Но рассказъ мой еще не кончился, ваше высокоблагородіе! Изъ Гаги я отправился въ Кенигсбергъ. Я посѣтилъ Канта въ Кенигсбергѣ. Философія Канта теперь мнѣ представлялась въ уморительномъ видѣ. Какіе уморительныя сцены были у меня Кантомъ! Я думалъ найти въ немъ мудреца, а я нашелъ въ немъ ребенка, который пускаетъ мыльные пузыри... Я не хотѣлъ выводить этого почтеннаго чловѣка, въ старости лѣтъ, изъ его заблужденій и хвалилъ напропалую его философію. Но онъ замѣтилъ, что мои похвалы были не чистосердечны, что я лицемерилъ. Это стало ему досадно. Я его увѣрялъ, что мои сужденія переживутъ вѣка и дойдутъ до отдаленнѣйшаго потомства. Онъ видѣлъ самъ,

что я лгу; я увѣрялъ, что я говорилъ по убѣжденію и посовѣсти, но онъ мнѣ не вѣрилъ и сердился. Я хотѣлъ, а онъ сердился. Это было уморительно.

Однакожь онъ вызвалъ меня на откровенность, увѣряя, что онъ не будетъ сердиться, чтобы я ни говорилъ и какъ бы ни отзывался о его философіи.

Я поддался этому вызову и началъ излагать передъ нимъ смыслъ и значеніе его философіи.

Кантъ пришелъ въ ужасъ.

Но я уже, начавъ, не могъ остановиться. Я разобралъ его ученіе по буквамъ. Я началъ вызывать изъ мрака этой философіи на сцену всѣ идеи; идея за идеей, фантомъ за фантомомъ. Передъ нами вдругъ предстала толпа фантомовъ. Это была самая уморительная фантазмогорія.

— Подите къ чорту! Zum Teufel! Zum Teufel! закричалъ старый добрый Кантъ на этихъ чудовищъ.

— Мы твои дѣти! мы твои дѣти! отвѣчали фантомы въ одинъ голосъ. Куда намъ дѣваться? Кто насъ приметъ?

— Къ чорту! къ чорту! Васъ приметъ Фихте, васъ приметъ Шеллингъ, васъ приметъ Гегель! Къ чорту! къ чорту!

Вы можете представить себѣ, какъ я хотѣлъ отъ этой сцены....

И станціонный писаръ, вспоминая объ этой сценѣ, помиралъ со смѣху.

Когда я наконецъ сказалъ Канту мое послѣднее слово о его философіи, то онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками, вскрикнулъ и Канта не стало.

Я былъ, сударь, убійцей Канта!

Потомъ я воротился въ мое отечество. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ мой домъ, былъ выстроенъ новый домъ. Кругомъ меня были все новые и незнакомые мнѣ люди, чуждые лица. Я былъ бѣдный горемыка. Никто во мнѣ не принималъ никакого участія, да и къ чему бы мнѣ послужило это участіе? Мое тѣло сдѣлалось слабо и немощно, но въ душѣ моей водворилось спокойствіе и даже веселіе...

Чтобы имѣть дневное пропитаніе, я опредѣлился церковнымъ сторожемъ къ одной церкви, потомъ я сталъ звонаремъ, теперь я служу, слава Богу, станціоннымъ писаремъ.

Этиъ и кончилися мои житейскія пожежденія; что-будеть дальше, то пусть и будетъ! Какъ посьешь, такъ и пожнешь.

— Кто вы такой? — спросилъ я этого необыкновеннаго станціонера писара, когда онъ окончилъ свой рассказъ.

— Кто я такой? я вамъ рассказывалъ, кто я такой.

— Какъ ваше имя?

— Какъ мое имя? а какъ-бишь мое настоящее имя? У меня были разны имена. Меня называли *философомъ!*.. Подъ этимъ названіемъ подразумѣвалось все и мое имя, и чинъ, и фамилія. Потомъ когда я служилъ церковнымъ сторожемъ меня называли *Сторожемъ-Философомъ*; потомъ когда я былъ звонаремъ называли *Звонаремъ-Философомъ*; теперь меня называютъ *Писаремъ-Философомъ*, или просто *Старичкомъ-Весельчакомъ!* Но мое имя ни то, ни другое, ни третье; мое настоящее имя... А знаете-ли какъ мое настоящее имя? Знали-ли вы когда-нибудь, хотя по слуху, про нѣкоего Михайла Флейтраверсова, кандидата философіи?

— Зналъ!

— Такъ я и есть самъ онъ, Михайло Флейтраверсовъ, кандидатъ философіи! ваше высокоблагородіе!

— Ты Флейтраверсовъ? — вскрикнулъ я съ удивленіемъ.

— Да, Флейтраверсовъ! Чему же вы удивляетесь?

— Но въ тебѣ и тѣни нѣтъ прежняго Флейтраверсова!

— Я былъ прежде гусеница, а теперь я сталъ мотылькомъ!.. Бышій Флейтраверсовъ теперь сдѣлался уже другой Флейтраверсовъ, но все же Флейтраверсовъ!

— Коли ты Флейтраверсовъ, то ты долженъ знать, кто я!

— Вы? Кто такой вы? Вы человекъ чиновный, баринъ... ваше высокоблагородіе!

— Ты не знаешь меня, своего стараго однокашника?

— Вы мой однокашникъ? Развѣ вы были когда-нибудь гусеницей?

— Полно другъ мой! полно! Вглядись въ меня хорошенько!

Флейтраверсовъ началъ въ меня пристально вглядываться.

— Кто же я? узналъ?

— Узналъ! о я васъ узналъ! Вы... На лицѣ на вашемъ написано, что вы честолюбецъ... честолюбецъ!.. который... однимъ словомъ честолюбецъ! А что такое честолюбецъ? Это звѣрь кошачей породы.

У васъ медь на устахъ, а подъ ногтемъ ядъ для всякаго желающаго... Въ душѣ вашей я вижу червяка, который васъ гложетъ, но вмѣсто того, чтобы выкинуть этого червяка, вы его дѣлаете... это ваша задушевная мысль о... но вы сами знаете о чемъ! Этотъ червякъ есть вашъ ядоль. О я васъ знаю, сударь!... я васъ знаю какъ дважды два. Я васъ понимаю.

— Но ты сумасшедшій, если ты меня такъ понимаешь.

Флейтраверсовъ вдругъ побагровѣлъ.

— Я сумасшедшій? сумасшедшій! вскрикнулъ онъ: кто вамъ сказалъ, что я сумасшедшій? Я никогда не былъ сумасшедшимъ! Ужъ не въ первый разъ я слышу слова: онъ, дескать я, съумасшедшій! Если я, то послѣ этого всякій есть сумасшедшій! Скорѣе вы, милостивый государь, который считаетъ себя умникомъ, есть сумасшедшій! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я служу здѣсь писаремъ, меня никто не называлъ, такъ какъ вы называете, сумасшедшимъ! Я сумасшедшій! воскликнулъ Флейтраверсовъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я сумасшедшій! Я теперь сумасшедшій! повторилъ онъ, и зарыдалъ... слезы градомъ полились по его лицу.

Мнѣ горько стало, что я неумышленно нанесъ огорченіе моему старому другу... тронувъ его чувствительную струту. Глядя на него, я самъ не могъ удержаться, чтобы не заплакать.

Флейтраверсовъ вдругъ закрылъ глаза руками и опрокинулся на стулъ полумертвый.

Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ подлѣ него.

Черезъ нѣсколько времени онъ очнулся. Я его перенесъ и уложилъ въ постель. Когда я замѣтилъ, что пульсъ его началъ биться правильнѣе и тише и что онъ внѣ всякой опасности, я его оставилъ и кинулся въ свою постель.

Но я не могъ заснуть спокойно. Сонъ мой былъ одинъ изъ тѣхъ сновъ, которые не успокаиваютъ человека, а усугубляютъ его безпокойство.

По утру я проснулся.

Солнце полнымъ блескомъ свѣтило въ окна. За окномъ щебетала ласточка, распѣвали веселыя птицы.

Въ открыто окно на меня пахнулъ утренній воздухъ, и я вдохнулъ въ себя этого воздуха столько, сколько его могло помѣститься въ моихъ легкихъ, и моей душѣ сдѣлалось отраднѣе.

Поднимаю голову и открываю глаза,

У двери ведущей въ боковую комнату, стоялъ Флейтраверсовъ. На немъ былъ тотъ-же самый старый сюртукъ съ заплатками. Онъ стоялъ, сложа руки и смотрѣлъ на меня умильными глазами.

— Здравствуй Флейтраверсовъ! сказалъ я.

— Здравствуй Каприцкій! отвѣчалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучала нѣжность.

Въ этомъ нѣжномъ и мелодическомъ голосѣ я узналъ голосъ прежняго моего друга и одноклассника.

— Такъ ты меня узналъ!

— Какъ тебя не узнать! я узналъ тебя какъ скоро увидѣлъ.

— За чѣмъ же ты мнѣ не признался?

— Не смѣлъ! отвѣчалъ онъ.

— Не смѣлъ!

Я покачалъ головою. Мы глядѣли другъ на друга молча. Мы оба молча вспоминали бывшее и сравнивали это бывшее съ настоящимъ. Флейтраверсовъ не хотѣлъ признаться мнѣ въ томъ, что онъ Флейтраверсовъ!!

— Панфила! Панфила!—закричалъ я моему слугѣ.

Панфила вбѣжалъ, протирая глаза.

— Одѣваться!

Панфила бросился къ моему платью и вдругъ оторопѣлъ.

— Кто вамъ, сударь, чистилъ платье нынче и сапоги?—спросилъ онъ, поднимая съ полу одинъ сапогъ и рассматривая его съ любопытствомъ. Сапогъ блестѣлъ какъ зеркало; Панфила увидѣлъ въ немъ свое изображеніе. Съ-тѣхъ поръ, какъ онъ чистилъ мнѣ сапоги онъ въ первый разъ увидѣлъ въ нихъ свое изображеніе, такъ ясно, какъ въ зеркалѣ.

— Кто вамъ чистилъ, сударь, сапоги? повторилъ онъ.

— Развѣ не ты?

— Нѣтъ сударь! отвѣчалъ онъ съ видомъ челоуѣка, нежелающаго признаться себѣ того, что ему не принадлежало.

— Кто же чистилъ? спросилъ я въ свою очередь съ любопытствомъ. Флейтраверсовъ улыбнулся.

Улыбка эта не скрылось отъ глазъ моего Панфили. Она не скрылась также и отъ моихъ глазъ.

— А знаете ли, сударь, кто чистилъ ваши сапоги? Я догадываюсь, шепнулъ Панфила мнѣ на ухо.

— А кто?

— Вотъ этотъ писарышка. Онъ вѣрно хочеть, чтобы вы дали ему гривенникъ на водку.

— Хорошо! хорошо!

— Панфила, кивнуувъ Фрейтраверсову головой въ знакъ того, что ему будетъ гривенникъ.

— Теперь ступай, Панфила, сказалъ я, сдѣлавъ на скоро мой туалетъ. Придешь, когда я тебя позову.—

— Панфила вышелъ.

— Когда Панфила вышелъ, я спросилъ Флейтраверсова, неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ чистилъ мнѣ сапоги?

— Почему же нѣтъ! Если это самое я дѣлаю для моего хозяина, Бороха Мошковича, то почему я не могу этого для тебя сдѣлать? Панфила твой никогда не чистилъ тебѣ сапогъ съ такою любовію, какъ нынче чистилъ я.

На это мнѣ нечего было ему отвѣчать.

На столъ былъ принесенъ самоваръ.

Мы сѣли съ Флейтраверсовымъ за столъ и разговорились о старинѣ.

— Помнишь-ли то, помнишь-ли другое, помнишь-ли третье? спрашивалъ я.

— Помню! отвѣчалъ онъ.

— Помнишь-ли Карпъ Карпыча! Помнишь-ли нашего капитана и его красную жилетку?

— Мнѣ смѣшенъ былъ Карпъ Карпычъ, мнѣ смѣшенъ былъ нашъ капитанъ, а теперь я самъ смѣшнѣ ихъ!

— Помнишь-ли университетъ и наши споры и наши несогласія? помнишь-ли Марусю?

Флейтраверсовъ заплакалъ.

— Помнишь ли, какъ ты предсказывалъ, что я буду литераторомъ?

— И что же? Изъ тебя навѣрное вышелъ литераторъ.

— Нѣтъ!

— Нѣтъ? а почему нѣтъ?

— Потому что я не чувствую въ себѣ призванія къ литературѣ?

— Да, безъ призванія плохо!

— Чтобъ быть станціоннымъ писаремъ надобно также имѣть признание сказалъ я!—

— Подъ окномъ раздался колокольчикъ. Пріѣхали новые пріѣжіе. Фрейтраверсовъ побѣждалъ прописывать подорожную.

— Послушай Фрейтраверсовъ! сказалъ я, когда онъ снова съѣзжалъ меня: мнѣ кажется, что тебѣ можно было бы переѣхать должность станціоннаго писаря на что-нибудь другое.

— Переѣхать! на что же переѣхать? Я получаю три цѣлкомся въ мѣсяцъ жалованья, на всемъ на готовомъ; сытъ, обутъ, чего же больше? Я... я счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ!

Я взглянулъ въ лицо Флейтраверсову и прочиталъ на немъ, что онъ дѣйствительно считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, и не захотѣлъ мѣшать его счастью.

Между-тѣмъ подъ окномъ вновь зазвенѣлъ колокольчикъ. Флейтраверсовъ побѣждалъ прописывать новую подорожную. Въ комнату, гдѣ входился я, вошелъ хозяинъ станціи, Борохъ Мошковичъ. Я спросилъ его изъ любопытства, давно-ли служить у него Флейтраверсовъ и какъ онъ служить?

— Онъ служить здѣсь другой годъ. Что-же касается до его поведения, то я не могу имъ хвалиться. Позже всѣхъ ложится, раньше всѣхъ встаетъ, всѣмъ доволенъ, исправенъ до невозможности, и хмѣльнаго въ ротъ не беретъ. У него кажется тутъ немного недостаетъ...

И Борохъ Мошковичъ стукнулъ себя пальцомъ по лбу.

— Но это не мѣшаетъ! Онъ у насъ не только писарь, онъ у насъ мастеръ на все. Онъ портной, онъ столяръ, онъ коноваль, что хотите. Кроме того маракуеть по-французски. Онъ учитъ дѣтей монхъ по-французски. И при всемъ при этомъ хмѣльнаго въ ротъ не беретъ! Этакіаго человѣка со свѣчей не найдешь.

— Какъ-же вы его нашли?

— Счастье!

Счастливыцы.... подумалъ я, разумѣя подъ ними Бороха Мошковича и друга моего Флейтраверсова, на котораго я пятнадцать лѣтъ тому назадъ иначе не смотрѣлъ, какъ на гениальнаго Флейтраверсова!

Черезъ четверть часа кибитка моя стояла уже у порога. Панфилакой вѣждалъ сказать, что все готово.

— Прощай Флейтраверсовъ! крикнулъ я ему въ другую комнату, гдѣ онъ записывалъ въ книгу десятую подорожную.

— Прощай; прощай!—отвѣчалъ онъ, поспѣвая ко мнѣ на встрѣчу.

Мы встрѣтились на порогѣ. Онъ пожалъ мою руку, я пожалъ его руку. Мы взглянули другъ на друга и быстро повернулись въ противоположныя стороны. Онъ побѣжалъ къ своему столу дописывать подорожную, а я бросился къ своей кибиткѣ.... въ кибитку, и маршъ!.... и новѣсти конецъ!

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ.

Статья В. Толбина.

Начало испанских художествъ, и въ особенности живописи, должно искать въ единственномъ ихъ источникѣ—христіанской религіи. Чтобы убедиться въ этомъ стоить только взглянуть на какой-нибудь изъ каинтиковъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, на которыхъ ясно отразилась вся народная жизнь, все дѣянія, чувства и убѣжденія того времени. Эти гіероглифы своего рода, которыхъ частное значеніе исчезло среди хода вѣковъ, суть ничто-иное, какъ символическая поэзія ирринейскихъ племенъ, порожденная ихъ вѣрою и религіозною любовью. Облекая эту поэзію въ видимыя формы, творчество изсѣкало ее изъ камня, вырѣзывало на деревѣ, передавало на полотнѣ и пергаментѣ, и преимущественно украшало ею стѣны и капители храмовъ.

Францискъ Пачеко (Pacheco), писатель и вѣстѣ художникъ семнадцатаго вѣка, которому, въ особенности предъ прочими писателями, обязана исторія испанскихъ художествъ полнотою и достоверностію свѣдѣній, служащихъ въ настоящее время лучшими источниками, въ своемъ

мистическомъ сочиненіи «Разсужденіе о живописи», даетъ ясное понятіе о первобытномъ направленіи испанской живописи, которую очень многіе упрекали въ пластичности, матеріализмѣ и даже въ отсутствіи самобытности.

Производя происхожденіе живописи, какъ и вообще всѣхъ человѣческихъ знаній, отъ Бога, Пачеко, называетъ живопись «*безмолвнымъ письмомъ одного всеобщаго міроваго языка*», и слѣдя за развитіемъ художествъ у евреевъ, халдеевъ, египтянъ, грековъ и римлянъ, старается доказать, что во всѣхъ художествахъ всѣхъ этихъ народовъ, артистическое творчество всегда проявляется какъ символизациа религиозныхъ идей. Эту же самую мысль онъ прилагаетъ и къ испанскимъ художествамъ, и съ восторгомъ говоритъ объ ихъ оригинальности, національности и отсутствіи вліянія на нихъ какого-бы то ни было чужеземнаго элемента. Причина этой особенности, незамѣчавшейся въ исторіи художествъ другихъ западныхъ народовъ, покажется очевидною, если принять въ соображеніе обстоятельства, сопровождавшія развитіе живописи въ Испаніи.

Занятая, во все продолженіе среднихъ вѣковъ, постоянною борьбою съ маврами, нахлынувшими въ ея предѣлы, Испанія не имѣла почти никакихъ сношеній съ остальною Европой, и только одинъ Римъ, по своему религиозному значенію, имѣлъ на нее косвенное вліяніе, ограничивавшееся, впрочемъ, по большей части, только одними совѣтами и наставленіями, относящимися до территоріальнаго управленія, и декретами о сопротивленіи распространенію исламизма. Оставаясь такимъ-образомъ вѣрно своимъ древнимъ убѣжденіямъ, Испанія, несмотря на все желаніе Императора Карла V, соединить всѣ подвластные ему народы въ одну общую монархію, не подчинилась ни германскому, ни итальянскому вліянію, какъ не подчинилась вліянію мавританскому. Вельможи, ученые и художники имперскіе не могли водворить ничего чужеземнаго на ея упорной почвѣ, точно также, какъ не могли найти въ ней для себя ни малѣйшаго отголоска новаго ученія и идея протестантизма, волновавшія всѣ германскія владѣнія Карла V. Наплывъ чужеземцевъ не произвелъ никакого переворота ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ испанцевъ, и испанскія искусства, попрежнему, оставались запечатлѣннымъ знаменіемъ того простодушія, которое заповѣдали испанцы-предки испанцамъ-внукамъ.

Богъ и міръ высшій, святители и ихъ великіе подвиги были единственною сферою испанской живописи.

Подобно нашимъ славянскимъ иконописцамъ и итальянскимъ художникамъ четырнадцатаго вѣка, испанскіе художники приготовлялись къ

искусствъ произведеній,—которыя почти все ограничивались картинами священнаго содержанія,—постомъ и молитвою. Между такими благодетельными артистами особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи Вакентій Хуаннесъ и Людовикъ де Варгасъ. Такое набожное обличеніе сохранилось очень долго, и притворъ тому служить также, гораздо позже Хуанеса и де Варгаса, славный испанскій живописецъ Мурильо.

Изъ артветическихъ древнихъ біографій, относящихся къ 1680 году и сохранившихся въ королевской мадритской публичной бібліотекѣ, можно видѣть указанія на благочестіе Мурильо.

«Мурильо, говорится въ одной изъ нихъ, жившій не подалеку отъ церкви Святаго Креста, Santa Cruz (въ Севильи) часто ходилъ къ ней, «молиться предъ запрестольною картиною, написанною Педро Кампаной, «изображающею «Спятіе Спасителя со креста». Однажды, ключарь этой церкви, желая запереть главные двери и найдя Мурильо, погруженнаго въ тихое созерцаніе, спросилъ у колѣнопреклоненнаго художника о причинѣ такого долгаго, непонятнаго ему пребыванія предъ этою картиною».

Пораженный живостью изображеній и высоко-скорбнымъ предметомъ картины, Мурильо отвѣчалъ ключарю:

— Мнѣ все кажется, что я могу дожидаться той отрадной минуты, когда эти святые мужи снимутъ съ мучительнаго креста пречестное тѣло моего Господа!

Искусство живописи, которое Лука Джордано,—неаполитанскій художникъ, вызванный въ 1692 году, Карломъ II, для украшенія Эскуріала, — говоря о картинахъ Веласкеца, — такъ справедливо называетъ «*Богословіемъ, изображеннымъ на полотнѣ кистью и красками*», — съ самаго начала своего появленія пользовалось въ Испаніи большимъ уваженіемъ, и люди, посвятившіе себя его изученію, приобретали отъ правительства многія, исключительныя предъ прочими сословіями, права и преимущества. Новый королевскій декретъ, изданный въ 1600 году, подтвердилъ эти старинныя привилегіи, и искусство живописи было объявлено — «*искусствомъ свободнымъ, а живописцы, «и вообще художники, скульпторы и архитекторы, освобождены отъ всякихъ служебныхъ обязанностей и общественныхъ повинностей и налоговъ*». Покровительствуемая такимъ образомъ королями вощраемая вельможами, душоуенствомъ и богатыми частными людьми, испанская живопись шла быстро къ усовершенствованію. Но прежде, чѣмъ приступить къ обзорѣ двухъ важнѣйшихъ въ исторіи испанскихъ художествъ вѣковъ, XVI и XVII, необходимо прослѣдить времена, нѣ

предшествовавшимъ, и дать хотя малое понятіе объ эпохѣ младенческаго состоянія испанской живописи.

Художества, ремесла и науки, какъ и люди и даже цѣлыя поколѣнія, имѣютъ свою, какъ-бы свыше предначиненную имъ судьбу. Однимъ достается въ удѣлъ извѣстность и слава, съ самаго начала ихъ появленія; другимъ долго суждено оставаться въ неизвѣстности, несмотря на все ихъ заслуги, всю важность и неоспоримую пользу и достоинства. Эта истина подтвердилась и на испанской живописи, которая въ-продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не обращала на себя того вниманія, котораго истинно заслуживала. Но благодаря новѣйшимъ ученымъ изысканіямъ, послѣдовательная исторія и судьба художествъ пиринейскаго полуострова, еще до очень недавняго времени темная, ограничивавшаяся весьма немногими извѣстными именами, прояснилась, и болѣе четырехсотъ живописцевъ, замѣчательныхъ своими мастерскими произведеніями, могутъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ барономъ Тейлоромъ, поставить испанскую школу на ряду со школою итальянскою, считавшеюся во главѣ всехъ прочихъ живописныхъ европейскихъ школъ.

Искусство живописи, собственно говоря, появляется въ Испаніи только въ тринадцатомъ столѣтіи, и въ одной рукописи того времени, сохранившейся въ королевской мадритской публичной библиотекѣ, заключающей въ себѣ разные счета, поданные королю дону Санчо IV, между 1291 и 1293 годами, есть одно мѣсто, которое указываетъ, что тогда уже существовало даже званіе королевскихъ живописцевъ, и одному изъ нихъ, именно, какому-то — *«Родригу Эстевану, живописцу короля, выдано было изъ положеннаго ему его величествомъ годичнаго жалованья, сто мараведисовъ»*. До тринадцатаго-же вѣка, все искусство живописи ограничивалось лишь однимъ раскрашиваніемъ миниатюръ и заглавныхъ листовъ и страницъ въ разныхъ рукописяхъ.

Самымъ древнимъ памятникомъ такого живописнаго испанскаго искусства почитается раскрашенная рукопись, находящаяся въ мадритской библиотекѣ, относящаяся къ десятому вѣку. Въ этой же библиотекѣ есть также другая рукопись, написанная и раскрашенная какимъ-то Вигиллой, миниатюрнымъ живописцемъ или, лучше сказать *раскращикомъ* (il tintinador), бывшимъ священникомъ въ монастырѣ Св. Мартына Альбальды. Рукопись эта, какъ видно изъ ея предисловія, оконченная 25-го мая 976 года, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые декреты и постановленія верховнаго совѣта и украшена многими рисунками, изображающими портреты короля дона Санчо-Толетата, короля дона Рамира Наварскаго, королеви довы Урраки и самаго Вигиллы. Кромѣ этихъ портретовъ, листы рукописи разрисованы орнаментами и разными арабесками, которыхъ краски,

несмотря на продолжительность времени, нисколько не потеряли ни своей вероубыточной свѣжести, ни своей яркости. Вигиллѣ помогали въ этомъ трудѣ, — пояснить заглавіе, — два другіе художника, нѣкто Саррадино и Гарнія. Но кто они были, рисовали ли по обязанности, какъ живописцы короля, или были нанимаемы самимъ Вигиллой, этого изъ предисловія рукописи не видно.

Къ подобнымъ памятникамъ первоначальнаго испанскаго рисовальнаго искусства, принадлежитъ также библія, хранящаяся въ соборной севильской библіотекѣ и составляющая одну изъ ея самыхъ драгоценныхъ библиографическихъ рѣдкостей. Библія эта, относящаяся къ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія, написана и разрисована какимъ-то Пабло де-Памплоня, для короля дона Алонзо-Мудраго, по его приказанію. Кромѣ своего достоинства, какъ рѣдкая древность того вѣка, она замѣчательна какъ образецъ художественной композиціи своего времени. Предъ какою новою главою этой библіи находится нарисованный, раскрашенный красками, серебромъ и золотомъ листъ, поясняющій своимъ рисункомъ краткое содержаніе текста, составляющаго послѣдующую главу.

Богѣ совершеннѣйшихъ, по искусству, памятниковъ живописи, относящихся къ двѣнадцатому и тринадцатому столѣтію, нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не сохранилось до нашего времени.

Между-тѣмъ потребность живописи и ея усовершенствованія была, кажется, до того ощутительна въ-теченіе этихъ двухъ столѣтій, что въ концѣ четырнадцатаго вѣка появляются въ Испаніи уже и многосторонне художники. Живописецъ Жерардо Старинно, родомъ изъ Флоренціи, ученикъ Антоніо Венеціано, вызванный ко двору короля дона Хуана-Первого, нѣсколько позже Делло, также изъ Флоренціи, и Рочель, изъ Фландріи, прибывшіе ко двору короля дона Жуана-Второго, такъ много, своими произведеніями и практикою, способствовали успѣхамъ испанской живописи, что почти въ это же самое время испанскій художникъ Хуанъ Альфонзо, уроженецъ толедскій, росписалъ съ замѣчательнымъ искусствомъ главный алтарь въ толедскомъ соборѣ.

Въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія появляются въ Испаніи уже и художественныя, живописныя школы, имѣвшія сильное вліяніе на распространеніе вкуса къ живописи и на измѣненіе композиціи и правильность рисунка.

Живописецъ Хуанъ Санчесъ де-Кастро основалъ, около 1458 года, въ Севильѣ, школу живописи, пользовавшуюся въ свое время большою извѣстностію, имѣвшую множество послѣдователей, которыхъ произведенія все очень сходны между собою манерою, художественностию

отдѣлки, композиціею рисунка, колоритомъ и необыкновенною окончательностію исполненія.

Хуанъ Санчесъ де-Кастро замѣчательнѣе многими религіозными картинами и между-прочими огромною картиной, болѣе натуральной волнучины, изображающею «Благовѣщеніе Господне», которую онъ написалъ по заказу монастыря Св. Исидора дель Сатро, въ Севильѣ, для главнаго алтара собора.

Исполненіе этой картины, которое такъ справедливо осуждаетъ Францискъ Пачеко въ своемъ «Разсужденіи о живописи» за его аксесуары, можетъ дать точное понятіе о томъ, какъ далеки были еще живописцы отъ истиннаго изящества, какъ мало понимали настоящее значеніе изображаемыхъ ими предметовъ, и какъ были невѣжественны въ отношеніи исторической вѣрности избраннаго ими сюжета. Распространяясь о недостаткахъ картины Санчеса де-Кастро, Пачеко останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на изображеніи костюмовъ.

Пачеко много говоритъ, по этому случаю, о правилахъ, какими должны руководствоваться художники, чтобы не впадать въ грубыя ошибки при писаніи предметовъ историческихъ, и основываясь на теологическихъ истинахъ, научаешь, какъ должно изображать священные предметы съ тою точностію и тою исключительною особенностію, какія должны быть имъ приличны и свойственны. Такъ, чистыхъ духовъ, небожителей, Пачеко предписываетъ изображать всегда юными, съ бѣлокурыми или свѣтлорусыми, вьющимися кудрями, съ радужными крыльями, съ дѣтски-безмятежнымъ и кроткимъ лицомъ, окруженнымъ сіяніемъ; а духовъ зла, демоновъ, писать подъ видомъ хищныхъ и нечистыхъ животныхъ, какъ то : змѣевъ, драконовъ, василисковъ, вороновъ, коршуновъ, львовъ, жабъ, петошрей и т. д.

Почти въ одно время съ Санчесомъ де-Кастро жилъ Инглесъ, написавшій съ большимъ искусствомъ главный алтарь въ церкви бунтрагской больницы и составившій себѣ огромную извѣстность множествомъ финиальныхъ портретовъ, между которыми особенно замѣчательны, по оконченности отдѣлки и тщательности аксесуаровъ, портреты фамили Варривозъ Сантильаны, сохранившіеся до-сихъ-поръ въ королевской мадритской картинной галлерей. По словамъ Пачеко, портреты Инглеса отличаются впрочемъ болѣе сходствомъ, чѣмъ истинною художественностію.

Послѣ Инглеса является вдругъ нѣсколько великихъ художниковъ, таковы: Антоніо дель Ринконъ, получившій отъ короля дона Фердинанда титулъ живописца всѣхъ католическихъ королей, и пожалованный имъ кавалеромъ ордена Св. Якова Компостельскаго;—Педро Берругетта, придворный живописецъ короля дона Филиппа-Красиваго, отецъ знаменитаго

Алонзо Берругетта, очень сходного въ своихъ произведеніяхъ съ итальянскимъ художникомъ Перруджино; — Инниго де-Комонтесъ, Діего Лопецъ, Альваръ Перрець де-Виллодо, Алонзо Санчесь и Лудовикъ де-Медина, расписавшіе алькадскій университетъ, и многіе другіе живописцы, искусству которыхъ аррагонскій и кастильскій соборы обязаны лучшими своими картинами, фресками и другими, какъ живописными, такъ и скульптурными украшениями.

Къ этому же времени принадлежитъ живописецъ Хуанъ де-Боргона, жившій въ Толедо и имѣвшій въ этомъ городѣ свою живописную школу.

Антонио дель Ринконъ родился въ Гвадалаксарѣ, городѣ старой Кастиліи, въ 1446 году. Полагаютъ, что онъ учился въ Италиі, у живописца Андрея дель Кастаньо, или у Доменика Гирландайо. Ринконъ былъ первый испанскій художникъ, покинувшій существовавшую до него въ живописи готическую манеру письма и усвоившій въ своихъ произведеніяхъ приемы и правила, болѣе близкія къ природѣ и болѣе ей своеобразныя. *Лица въ его религиозныхъ картинахъ проникнуты сильными выраженіемъ и отмѣчены особеннымъ, приличнымъ каждому изъ нихъ характеромъ; драпировка его легка и всегда искусно расположена; рисунокъ довольно правдивъ.* Ринконъ особенно отличался въ портретной живописи, и самыми лучшими его произведеніями въ этомъ родѣ почитаются портреты, списанные имъ съ короля дона Фердинанда и королевы донны Изабеллы, находящіяся въ церкви Св. Хуана de Los Reyes, въ Толедо.

Ринконъ умеръ въ 1500 году, въ Мадридѣ, осыпанный почестями и милостями короля, оставивъ преемникомъ своей знаменитости живописца Хуана де-Боргону.

Хуанъ де-Боргона постоянно занимался живописью отъ 1495 до 1530 года; имя его тѣсно соединено со всеми великими произведеніями испанскаго искусства его времени — съ соборомъ толедскимъ, паранамфомъ алькадскимъ и съ знаменитою серебряною трапезою мадритскаго собора, исполненною золотыхъ дѣлъ мастеромъ Генрихомъ Арфомъ, нѣмецкимъ уроженцемъ, по рисункамъ, составленнымъ Боргоною и голландскимъ живописцемъ Кошеномъ. Трапезу эту, кромѣ вычеканенныхъ на ней рисунковъ, украшали еще двѣсти пятьдесятъ маленькихъ литыхъ статуй и богатые барельефы. Боргона извѣстенъ также множествомъ написанныхъ имъ портретовъ и фресковъ, какъ масляными, такъ и водяными красками. Большая часть портретовъ Боргоны, сохранившаяся въ Испаніи въ монастыряхъ, извѣстныхъ частныхъ и публичныхъ живописныхъ галереяхъ, изображаетъ кардиналовъ, еписко-

повь и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ, современныхъ ему, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, по заказамъ, дѣланнымъ ему отъ различныхъ монастырей. Лучшими изъ таковыхъ портретовъ почитаются портреты кардинала Сиснероса и архіепископа толедскаго Монтано, сдѣланные *al fresco*, а изъ писанныхъ масляными красками — портреты кардиналовъ Фонтески и дель Круца.

Боргона получалъ за свои картины и портреты суммы неизмѣрно значительныя для того времени, и въ 1511 году приобрѣлъ сто шестьдесятъ пять тысячъ мараведисовъ за пятнадцать картинъ, представляющихъ предметы изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Комонтесъ и Виллодо получали сто тысячъ мараведисовъ за свои фрески. До этихъ художниковъ, плата за живописныя произведенія была далеко не такъ значительна, и изъ содержанія нѣкоторыхъ рукописей, сохранившихся въ королевской мадритской библиотекѣ, отъ тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка, видно, что король донъ Санчо, за превосходно исполненное скульптурное произведеніе, наградилъ художника только пенсіономъ въ сто восемь мараведисовъ, а въ 1380 году, король донъ Хуанъ Первый, за гробницу отца своего, короля дона Генриха Втораго, почтавшуюся образцовымъ произведеніемъ своего времени, заплатилъ лишь четыре тысячи мараведисовъ.

Не менѣ Боргоны пользовался въ это время извѣстностію живописецъ Фердинандъ Галлегосъ, уроженецъ Саламанкскій, учившійся въ школѣ Алберта Дюрера. Всѣ произведенія его, особливо многочисленныя копіи, сдѣланныя имъ съ картинъ этого нѣмецкаго живописца, такъ сходны манерою и колоритомъ съ манерою Дюрера, что трудно различить копіи отъ оригинала. Изъ многихъ картинъ, сохранившихся послѣ Галлегоса, самыми лучшими почитаются: изображеніе святой Дѣвы съ младенцемъ, святой Андрей Первозванный и мученіе святого Христофора, находящіяся въ соборной саламанкской церкви.

Но между-тѣмъ, несмотря на такія утѣшительныя явленія, испанская живопись въ началѣ пятнадцатаго столѣтія представляетъ еще очень мало благоприятныхъ результатовъ. За исключеніемъ поименованныхъ художниковъ, по прочимъ картинамъ, сохранившимся отъ того времени, можно очень ясно видѣть, въ какомъ еще дѣтскомъ состояніи находились тогда испанскія художества, и въ особенности живопись. *Въ картинахъ пятнадцатаго столѣтія видно рѣшительное незнаніе перспективы и совершенное отсутствіе гармоніи въ группированіи фигуръ. Изображенныя на этихъ картинахъ лица и положенія фигуръ чужды всякой мысли, всякаго смысла и выраженія. Чтобы сколько-нибудь пояснить значеніе нарисованнаго предмета, ху-*

художники очень часто прибѣгали къ страннымъ и смѣшнымъ средствамъ, замѣчаемымъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ англійскихъ каррикатурахъ и нашихъ глубочайшихъ суздальскихъ рисункахъ, а именно: живописцы изображали выходящую изъ губъ фигуру письменную легенду, поясняющую, что каждая изъ нихъ думала, или готовилась предпринять. Иногда художники дѣлали еще болѣе: — сами подписывали подъ своими картинами, что желали они изобразить.

Пачеко приводитъ этому многіе примѣры. «Представьте себѣ, говоритъ онъ, двѣ фигуры, одну женскую, другую мужскую, одинаковыхъ фizioномій; женскую стоящую на балконѣ, мужскую на землѣ, превышающую головою перила балкона, подъ которымъ находится дверь. Обѣ онѣ окружены деревьями, которыхъ вершины доходятъ лишь до плеча кавалера. На вѣтви одного изъ деревъ сидитъ птица, сравнительно походя на орла, умѣстившагося на тонкой жерди, и подъ всѣми этими надпись: злополучный довъ Діего клянется доннѣ Антоніи, запертой ревнивымъ мужемъ отъ его взоровъ, что онъ никогда не перестанетъ любить ее. Онъ удаляется съ смертію въ груди; безчувственная природа глуха къ его страданіямъ, и одинъ только соловей своими сладкими глоссами вливаетъ нѣкоторую надежду въ его душу. Представьте себѣ все это добавляетъ онъ, и вы будете имѣть точное понятіе о той испанской живописи начала пятнадцатаго столѣтія, которая не подпала еще подъ строгую ферулу художественныхъ школъ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія всѣ такіе грубые недостатки начинаютъ видимо исчезать, и несмотря на то, что фигуры, изображаемыя на картинахъ, продолжаютъ еще сохранять свою статуальную неподвижность и походитъ какъ бы на готическія, ничего не выражающія колонны, въ нихъ уже начинается проглядывать изученіе анатоміи, и ихъ контуры и положенія гораздо правильнѣе и естественнѣе.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, — возбужденная, какъ бы гальванизмомъ, великими совершившимися въ немъ событіями, подвинувшими далеко впередъ всѣ знанія человѣческія, — открытіемъ Америки и изобрѣтеніемъ типографическаго печатанія, а также присутствіемъ многихъ извѣстныхъ италіянскихъ художниковъ: Павла Рубенса, Тиціана Вечелли, Луки Джордано, Павла Веронезе, Іакова Типторето и многихъ другихъ, призванныхъ императоромъ Карломъ V и королями Филиппомъ II и Филиппомъ III, на украшенія Эскуріала и главныхъ дворцовъ, — испанская живопись ощущаетъ новыхъ, славныхъ дѣателей искусства живописи. Въ главѣ ихъ является Лудовикъ де-Моралесъ, прозванный *el divino*, какъ на все замѣчательное искусство, такъ и потому, что онъ писалъ картины одного священнаго содержанія.

Моралесъ родился въ Бадахосѣ, главномъ городѣ Эстремадуры, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и, всего вѣроятно, учился первоначально въ Вальядолидѣ или въ Толедо, имѣвшихъ множество хорошихъ учителей и извѣстныхъ своими художественными школами.

По словамъ Паломинно * Моралесъ былъ ученикомъ Педро Кампаны, современника и соотечественника Алберта Дюрера, прожившаго двадцать лѣтъ въ Римѣ и двадцать лѣтъ въ Севильѣ и отличавшагося въ своихъ картинахъ сильнымъ выраженіемъ лицъ, строгостію композиціи и изумительною силою своей свѣто-тѣни (Кампана умеръ въ Брюсселѣ, въ 1580 году). Это сказаніе Паломинно не можетъ быть вѣроятно, потому-что, когда Педро Кампана прибылъ въ Испанію изъ Бельгіи, въ 1548 году, Моралесъ былъ уже извѣстенъ многими замѣчательными картинами, нанесанными имъ для бадахосской соборной церкви и имѣющими на себѣ надпись, означающую 1546 годъ.

Все произведенія Моралеса отличаются особенностію, незамѣтно въ произведеніяхъ другихъ современныхъ ему живописцевъ, именно, строгимъ германскимъ стилемъ, который онъ признавалъ лучшимъ и естественнѣйшимъ. Сильное выраженіе лицъ его фигуръ, строгость композиціи и ясный характеръ предмета, угловатыя и тяжелыя складки драпировки, щепетильная тщательность въ отдѣлкѣ мелочей, замѣтныя во всѣхъ картинахъ Моралеса, имѣютъ большое сходство съ темъ манерою, которою отличаются картины художниковъ голландской и фламандской школъ, Фанъ Эйка, Геммелнига, Луки Лейденскаго и Алберта Дюрера.

Между многими картинами Моралеса, сохранившимися до настоящаго времени и признанными за подлинно имъ писанныя, болѣе прочихъ предметовъ повторяется у него одинъ предметъ, это — поясной образъ страждущей Богоматери, *matre dolorosa*, держащей въ рукахъ своихъ бездыханнаго Спасителя. Произведеніе это почитается однимъ изъ самыхъ удачныхъ и лучшихъ произведеній Моралеса. Холодное прикосновеніе смерти развитое по блѣдымъ чертамъ Искупителя, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе того невозмутимаго душевнаго спокойствія, которое

* Веласко донъ Анисело, Антоніо Паломинно родился въ 1663 году и былъ придворнымъ живописцемъ короля Филиппа V. Его можно назвать испанскимъ Вазари. Онъ собралъ и издалъ жизнеописанія всѣхъ испанскихъ художниковъ, и кромя этого важнаго труда извѣстенъ въ отношеніи испанскихъ художествъ многими живописными произведеніями, доказывающими его изобрѣтательность, твердость въ рисункѣ и основательное знаніе свѣто-тѣни и колорита. Онъ умеръ около 1735 года, въ глубокой старости, оплакиваемый художниками какъ писатель и какъ художникъ. Образцовыя картины Паломинно находятся въ Валенціи, въ церкви Святаго Іоанна del Mercado, въ часовнѣ del Purisima въ этомъ же городѣ, и въ часовнѣ картезіанскаго монастыря, въ Гренадѣ.

служило ученикамъ Его предвѣстіемъ Его славнаго воскресенія, торжественность и глубина страданій Пресвятой Матери Божественнаго Мученика, и гармонія остальныхъ частей картины, выполнены бойкою и смѣлою кистию, съ одинаковою художественностію, во всѣхъ экземплярахъ, находящихся и въ церкви босоногихъ кармелитокъ въ Авилѣ, и въ церкви Святой Екатерины Зафра въ Гренадѣ, и въ бадахосскомъ соборѣ и въ церкви Святаго Августина тоже въ Бадахосѣ. Кромѣ этихъ картинъ, замѣчательны картины Моралеса: Святая Вероника, въ церкви босоногихъ тринитаріевъ, Ессе Ното, въ церкви Спасителя; Спаситель несущій крестъ, сопровождаемый Богородицею и Іоанномъ Крестителемъ, проливающимъ слезы, въ томъ же городѣ; Спаситель, несущій крестъ, и Іоаннъ Креститель, въ мадритскомъ соборѣ, и кромѣ этихъ картинъ, найдется много картинъ Моралеса въ соборной часовнѣ въ Севильѣ.

Моралесъ умеръ въ Бадахосѣ, въ 1586 году, въ глубокой старости. Онъ отличался дѣятельностію и трудолюбіемъ, а между-тѣмъ, несмотря на многочисленныя заказы, получаемыя со всѣхъ сторонъ, жилъ въ крайней бѣдности. Онъ уже почти совершенно ослѣпъ и не могъ поддерживать себя живописью, когда король Филиппъ II, проѣзжая, по возвращеніи своемъ изъ Лиссабона, въ 1581 году, чрезъ Бадахосъ, пожелалъ видѣть Моралеса и посѣтилъ его убогое жилище.

— Ты очень бѣденъ, сказалъ король, пораженный видомъ сильнаго недостатка и растроганный тяжкимъ физическимъ страданіемъ того, чье имя разносилось по всей Испаніи, а картины украшали стѣны почти всѣхъ публичныхъ зданій.

— Да, государь, отвѣчалъ Филиппу Моралесъ: но что еще хуже, я очень старъ!

Король назначилъ Моралесу пожизненный пенсіонъ, приказавъ выдать ему по триста дукатовъ въ годъ.

Моралесъ недолго жилъ послѣ этой неожиданной помощи, и умеръ, пять лѣтъ спустя, почти въ такомъ-же недостаточномъ положеніи въ законѣ нашелъ его король. Моралесъ оставилъ послѣ себя сына, котораго картины не имѣютъ большаго достоинства, и многихъ учениковъ, изъ которыхъ картины которыхъ очень часто приписываютъ самому Моралесу, по чрезвычайному ихъ сходству съ его манерою. Между ними особенно извѣстенъ Хуанъ Лабрадоръ, по удивительной живости и искусству, съ какими онъ умѣлъ писать цвѣты, плоды и деревья, такъ, что въ этомъ отношеніи не было ему никогда равнаго. Картины Лабрадора отличаются строгою точностію и необыкновенною оконченностію. Онъ родился въ Эстремадурѣ, и умеръ въ 1600 году, въ глубокой старости.

Перое мѣсто на поприщѣ художествъ этого времени, носилъ Моралесъ

са, принадлежить Викентію Хуанесу: основавшему въ Валенсіи школу живописи и сходному, какъ по своей манерѣ, такъ и по изображаемымъ имъ предметамъ, съ этимъ своимъ знаменитымъ современникомъ. Какъ Моралесь, Викентій Хуанесь писалъ только картины религіознаго содержания, и всѣ онѣ носятъ на себѣ какой-то странный отпечатокъ. Въ композиціи рисунка, въ выраженіи лицъ замѣтно проявленіе какой-то грусти, глубокаго внутреннаго созерцанія и набожности. Хуанесь, также какъ и Моралесь, отличался самою тщательною отдѣлкой аксессуаровъ, и въ особенности волосъ, такъ что, смотря на его картины, можно кажется сосчитать на каждой нарисованной имъ головѣ или бородѣ, волосокъ по волоску.

Манера и стиль Хуанеса робче и нерѣшительнѣе, чѣмъ у Моралеса, а колоритъ сильно напоминаетъ тотъ, которымъ отличаются произведенія римскихъ школъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обучался первоначально въ Италиі, въ мастерской какого-нибудь извѣстнаго художника, хотя и нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній какого именно. Паломинно увѣряетъ, что Хуанесь былъ ученикомъ Рафаэля Санціо, но этотъ maestro папы Урбана, умершій въ 1520 году, никакъ не могъ быть учителемъ Хуанеса, умершаго въ 1579 году, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, и слѣдовательно, родившагося въ 1522 году.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Хуанеса почитается «Спаситель, идущій на распятіе», написанный имъ для часовни Св. Франциска де Вогга въ валенскій соборъ, по чудесному выраженію лица Спасителя, нѣжности письма (le touché) и по необыкновенно тщательной отдѣлкѣ аксессуаровъ. Кроме этой картины, высоко цѣнятся его Св. Францискъ, написанный для монастыря Св. Себастіана, въ натуральную величину, —образъ Спасителя въ валенской часовнѣ Св. Петра и Мученіе Св. Агнесы, находящееся въ двухъ экземплярахъ, въ монастырѣ валенскихъ августинцевъ и въ монастырѣ кармелитовъ, въ которомъ находится также, донынѣ всеми испанцами уважаемая его картина Зачатіе Господне, на которой Богоматерь изображена имѣющею подъ ногами своими, луну а надъ головою Святаго Духа, въ видѣ голубя.

Рисунокъ въ картинахъ Хуанеса правленъ, но лишецъ энергій, колоритъ его холоденъ и однообразенъ. и только одна нѣжность кисти и неподражаемое выраженіе кротости, замѣчаемое на всѣхъ написанныхъ имъ лицахъ, могутъ искупить эти недостатки Хуанеса.

Нѣкоторые испанскіе критики, явившіеся уже слишкомъ строгими къ Моралесу, котораго Францискъ Пачеко упрекалъ даже въ незнаніи правилъ первоначальнаго рисованья, поставили Хуанеса въ главѣ всѣхъ испанскихъ живописцевъ шестнадцатаго столѣтія, и Паломинно, между

многими преувеличенными въ честь его похвалами, нисколько не стѣсняется утверждать, что будто Хуанесъ не только равнялся съ Рафаелемъ, но даже иногда, во многомъ, и превосходилъ его.

Хуанесъ имѣлъ двухъ дочерей, Доротеею и Маргариту, также занимавшихся живописью и исполнившихъ много хорошихъ картинъ, и единственнаго сына, Хуана Викентія, которому не рѣдко приписывали произведенія его отца, и между-прочимъ, «Св. Іоанна Крестителя, проповѣдующаго въ пустынѣ пришествіе Спасителя». Лицо Іоанна поражаетъ выраженіемъ восторга и вѣры, написанными кистью выше-человѣческой. «Взглянувъ на него, говоритъ баронъ Гейлоръ, такъ кажется и видишь преясъ собою того Претечу-пророка, который выигрался еще въ чревѣ, чувствуя приближеніе матери своего Господа, несмотря на то, что рисунокъ далеко не удовлетворяетъ ни колориту, ни выраженію лица Крестителя». И въ-самомъ-дѣлѣ, въ очень многихъ картинахъ Хуана Викентія Хуанеса замѣтно очень неудовлетворительно изученіе чело-вѣческой природы.

Въ одно время съ этими тремя живописцами были извѣстны Христофоръ Заріеніена, уроженецъ валенскій и ученикъ Тиціана, и Вароламей Гонзалесъ, живописецъ короля Филиппа III. Всѣ картины Заріеніены, по стилю и колориту, такъ сходны съ произведеніями его учителя, что многіе, въ-поослѣдствіи, ошибались и приписывали огромныя картины, сдѣланныя Заріеніеною для королевскаго монастыря Св. Мигуэля de los Reyes, въ Валенсіи, самому Тиціану. Гонзалесъ извѣстенъ болѣе своими портретами, которые, говоритъ Паломинно, отличались такою живостью, что смотря на нихъ издали, казалось, будто изображенныя на нихъ лица поводили глазами и шевелили губами. Изучая основательно портретную живопись, Гонзалесъ избрѣлъ даже правила, по которымъ можно было схватывать сходство съ перваго разу; но въ чемъ состояли эти правила, которымъ успѣшно слѣдовали его ученики, по словамъ Паломинно, онъ не объясняетъ.

Къ этому-же времени принадлежитъ Антоніо Мокедано. Онъ родился въ Антекверѣ, городѣ королевства гренадскаго, учился первоначально у Цезаря Арбазія и потомъ у живописцевъ Юлія и Александра, выѣзжавшихъ императоромъ Карломъ V изъ Италіи, для украшенія Альямбро. Всѣ картины Мокедано замѣчательны правильнымъ рисункомъ и колоритомъ, особенно его фрески, въ которыхъ мало было въ Испаніи равныхъ ему живописцевъ. По своимъ многочисленнымъ работамъ и по званію хорошимъ живописцамъ, образовавшимся въ его школѣ, Мокедано имѣлъ важное вліяніе на успѣхи живописи того времени. Но между-темъ, несмотря на общую извѣстность Моралеса, Хуанеса и Мокедано,

боже всѣхъ ихъ способствовало развитію и совершенству живописи, особенно въ томъ, что касается до безукоризненной оконченности и строгости выполненія изображаемыхъ предметовъ, Хуанъ Фернандесъ Ксменесъ Наварретъ, извѣстный между своими современниками подъ прозваніемъ вѣаго живописца (*el tundo*).

Хуанъ Фернандесъ Ксменесъ Наварретъ родился въ Лограно, городъ старой Кастиліи, около 1526 года. Въ—слѣдствіе тяжелой болѣзни постигнутой имъ на третьемъ году возраста, Наварретъ совершенно ослѣхъ, и не имѣя возможности слышать звуки человѣческаго голоса, сдѣлался немымъ. Всѣ чувства его сосредоточились тогда въ зрѣніи, и онъ съ самой ранней молодости началъ выказывать сильное призваніе къ живописи. Часто, за неимѣніемъ карандаша, бѣдный ребенокъ долженъ былъ довольствоваться однимъ углемъ, и рисовалъ все, что ни попадалось ему на глаза, со сходствомъ и правильностью, замѣчательными для его лѣтъ. Разсматривая многочисленные рисунки маленькаго Хуана, изображавшіе окружающую мѣстность, лица людей, съ которыми онъ былъ часто въ сношеніи, и видя изъ этихъ эскизовъ огромныя способности, отецъ Наваррета поспѣшилъ отправить его въ монастырь *della Estrella* (звѣзды), принадлежавшій монахамъ ордена Св. Іеронима, гдѣ тамошній монахъ, Францискъ Виценте, началъ давать первые рисовальные уроки будущему великому живописцу Испаніи. Достигнувъ юношескаго возраста, Наварретъ отправился въ Италію, посѣтилъ Римъ, Флоренцію, Неаполь, Миланъ, Венецію, и учился нѣсколько лѣтъ въ мастерской Тициана и у многихъ другихъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ того времени. Когда король Филиппъ II предпринялъ перестройку Эскуріала, извѣстность Наваррета была уже такъ велика, что онъ былъ вызванъ въ Мадридъ, наименованъ, въ 1568 году, королевскимъ живописцемъ и назначенъ главнымъ надсмотрщикомъ и распорядителемъ почти всѣхъ художественныхъ работъ. Наварретъ написалъ для эскуріальскаго монастыря восемь картинъ, изъ которыхъ три погибли во—время бывшаго тамъ пожара, а остальные пять, спасенныя отъ пламени, находились въ Мадридѣ, въ королевскомъ дворцѣ, и одна изъ нихъ, самая лучшая, находилась въ Парижѣ, въ галереѣ бывшаго главнокомандующаго французскою арміею въ Испаніи, маршала Сульта. Картина эта, привлекавшая въ Эскуріалѣ многочисленную толпу, изображаетъ Рождество Спасителя, и замѣчательна необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ Наварретъ освѣтилъ изображенныя на ней лица троинымъ, различнымъ освѣщеніемъ — мерцаніемъ, распространеннымъ вокругъ сонма ангеловъ, сіяніемъ, окружающимъ Божественнаго Младенца, и блескомъ отъ факела, находящагося въ рукахъ Св. Іосифа. Богже всего заслуживаетъ вниманія въ этой

картинъ группа пастырей, до того поражающая своею живостью, что Тицианъ Болонскій, по словамъ Пачено, останавливаясь предъ нею въ Эскуриалѣ, каждый разъ восклицалъ съ восторгомъ: Oh, gli belli pastori! Oh, gli belli pastori!

Въ 1576 году, король Филиппъ II приказалъ выдать Наваррету пять сотъ дукатовъ, за новую, нарисованную имъ для эскуриальскаго монастыря картину, изображающую Авраама, прислуживающаго за утразею тремъ ангеламъ. Окончивъ эту картину, Наварретъ заключилъ контрактъ съ монахами монастыря святаго Лаврентія, и обязался имъ нарисовать тридцать двѣ большія картины духовнаго содержанія, изъ событій Ветхаго и Новаго Заветовъ, но преждевременная смерть, постигшая его въ 1579 году, дала ему возможность окончить только восемь изъ этихъ картинъ. Живописцы, Алонзо Санчесъ Коёлло (Cüello), уроженецъ португальскій, ученикъ Рафаэля Урбино, прованный португальскимъ Тицианомъ, и Лудовикъ де-Карабахаль, уроженецъ толедскій, монахъ монастыря святаго Іоанна Крестителя де-Монпегто, избраны были для окончанія остальныхъ картинъ, частію уже начерченныхъ самимъ Наварретомъ.

Наварретъ былъ самымъ восторженнымъ поклонникомъ своего искусства, и у многихъ испанскихъ биографовъ сохранилось извѣстіе о сильномъ и продолжительномъ спорѣ его съ королемъ Филиппомъ II, по случаю картины Тициана «Тайная вечеря», купленной для Эскуриала. Картину эту хотѣли помѣстить въ рефекторіи монастыря, и такъ какъ она оказывалась немного широка для того простѣнка, на которомъ должна была помѣщаться, то король приказалъ обрѣзать лишнее полотно. Событія объ участи, готовящейся произведенію его учителя, нѣмой живописецъ, казалось, восторжествовалъ надъ своимъ физическимъ недостаткомъ, и не обрѣтая въ устахъ своихъ явственныхъ словъ, самыми трогательными и убѣдительными тѣлодвиженіями просилъ у короля, какъ величайшей милости, позволить ему нарисовать съ картины Тициана, копію самую точную и въ такихъ точно размѣрахъ, которые были необходимы для того, чтобы она могла помѣститься въ назначенномъ ей мѣстѣ. Наварретъ обязывался кончить свою работу недалѣе какъ въ шесть мѣсяцевъ, и въ залогъ вѣрнаго исполненія своего обѣщанія отдавалъ голову. Но несмотря на все его убѣжденія и готовность взойти даже на плаху въ случаѣ промедленія одного только дня, нетерпѣливому Филиппу показался срокъ продолжительнымъ, и образцовое произведеніе италіанскаго maestro было обрѣзано, къ глубокому приискорбію его ученика. Приписывая это увѣчье картины совѣтамъ перваго королевскаго секретаря Переса, приведенный въ негодованіе Наварретъ тотчасъ же нарисовалъ большую картину, въ которой изобразилъ Пе-

реша въ видѣ падача, съ такою удивительною живостію и искусствомъ, что портретъ началъ привлекать въ мастерскую живописца многочисленную толпу, и королю, любившему Наваррета, стоило большого труда заставить уничтожить эту картину и примирить обоихъ противниковъ.

Всѣ произведенія Наваррета отмѣчены смѣлостію рисунка, правильною строгостію композиціи, сильнымъ и мрачнымъ колоритомъ и, какъ выражаются о своемъ нѣмомъ живописцѣ испанцы, ему одному свойственною отважностію стилиа — *bravura de estilo*. Манера Наваррета въ особенности отличается искуснымъ расположеніемъ свѣто-тѣни и тоу истинно художественною смѣтливостію, съ какою онъ умѣлъ освѣщать, прилично и эффектно, каждую изъ написанныхъ имъ фигуръ. Эти достоинства, которыми онъ превосходитъ всѣхъ другихъ современныхъ ему художниковъ, приобретенныя имъ въ венеціанскихъ школахъ, доставили Наваррету, отъ испанцевъ, вполне заслуженное названіе испанскаго Тиціана.

Оставя по себѣ, на память потомству, множество картинъ, разсыянныхъ по всей Испаніи, Наварретъ сохранилъ испанцамъ и собственное изображение. Нанисанный имъ съ себя портретъ поражаетъ какъ сходствомъ, такъ и необычайною живостію. Вся фигура Наваррета будто выходитъ изъ рамки, каждая черта дышитъ, глаза точно свѣтятся и самыя губы нѣмага, кажется, каждую минуту готовы открыться и что-то проговорить.

Лопе де-Вега Карпю, испанскій писатель и поэтъ, жившій въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, сочинилъ къ этому портрету Наваррета, въ похвалу ему, слѣдующіе стихи :

No quiso el cielo que hablase
Porque, con mi entendimiento,
Diese mayor sentimiento
A las cosas que pintase,
I tanta vida les di
Con el pincel singular
Que como ne pude hablar,
Hice que hablasen por mi!

что значить въ переводѣ :

« Небу не благоугодно было наградить меня даромъ слова, для того, чтобы я одною своею понятливостію придавалъ болѣе чувства всѣмъ нарисованнымъ мною предметамъ. И я придалъ имъ, моею удивительною кистію, столько жизни, что, не умѣя говорить, заставилъ ихъ самихъ говорить за меня. »

Кромѣ Наваррета, Испанія имѣла еще одного глухо-нѣмага живописца, Алонзо дель Арю, прозваннаго *el Sordido de Pereda* (глухой изъ Переды). Онъ родился въ Мадридѣ, учился у живописца Антоніо Пе-

рады, и особенно былъ извѣстенъ портретною живописью. Прочія его произведенія, въ историческомъ родѣ, не такъ удачны, хотя во всѣхъ нихъ видѣнъ изящный рисунокъ, необыкновенная яркость красокъ, и въ особенности всегда удачное расположеніе фигуръ. Бóльшая часть картинъ, написанныхъ Арко, находятся въ Мадридѣ, въ которомъ онъ расписалъ одну всю часовню Богородицы de la Novena. Огромныя картины его, Успеніе и Зачатіе Богородицы, написанныя имъ на первыхъ порахъ его художественнаго поприща, для мадритскаго монастыря босоногихъ тринитаріевъ, цѣнятся очень высоко всѣми знатоками художествъ конца семнадцатаго вѣка.

Алонзо Санчесъ Келло, окончившій недописанныя картины Наваррета, имѣлъ сильное вліаніе на распространеніе живописи въ Испаніи, по своему огромному художественному кредиту и тому уваженію, которое оказывалъ ему король Филиппъ II, и почти цѣлая Европа, какъ за его произведенія, отличающіяся нѣжностію письма и разнообразіемъ композиціи, такъ и за многихъ прекрасныхъ художниковъ, образовавшихся подъ его руководствомъ. Изъ числа ихъ особенно замѣчательны: Христоферъ Лопецъ, придворный живописецъ Дона-Жуана III, короля португальскаго, и Жуанъ Пантоха де ла Круць, превосходный портретистъ и замѣчательный историческій живописецъ, заступившій мѣсто Целло при королѣ Филиппѣ II. Лучшія картины Целло, религіознаго содержанія, изображающія святыхъ: Лаврентія, Евгенія, Георгія, Великомученицы Елѣтерины и Агнесы, находятся въ главномъ алтарѣ эскуріальскаго монастыря, а замѣчательнѣйшія изъ историческихъ картинъ въ мадритскомъ соборѣ и главныхъ приходскихъ церквахъ этого же города. Целло умеръ въ 1590 году, оставивъ послѣ себя болѣе шестидесяти тысячъ дукатовъ, сумму огромную для художника, по тогдашнему времени.

Не менѣе Алонзо Санчеса Целло пользовался въ Испаніи извѣстностію другой ноздвѣйшій ему живописецъ того же имени, донъ Клавдій Целло, уроженецъ мадритскій, ученикъ живописца Франциска Рини. Портретная и историческая живопись, кромѣ архитектуры, которую онъ также занимался съ большимъ успѣхомъ, была главнымъ его занятіемъ. Изучая тщательно произведенія Тиціана, Рубенса, Вандика и Рафаэля, Клавдій Целло сдѣлался однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ колористовъ своего времени, и былъ одаренъ такимъ живымъ воображеніемъ и такою изобрѣтательностію, что могъ, нисколько не затрудняясь, написать одну и ту же сюжетъ различно нѣсколько разъ. Удостоенный милостію цари и общимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, предпочитавшихъ его картины картинамъ другихъ современныхъ ему живописцевъ, Клавдій Целло былъ уже назначенъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ

живописныхъ работъ, предполагаемыхъ въ Эскуриалъ, когда прибытіе папъ Италія Луки Йордана уничтожило все его надежды. Признавая гласно превосходство Йордана и несамодовольный отъ природы Цёлло былъ между-тѣмъ сильно оскорбленъ преимуществомъ, которое отдалъ чужеземцу, и всеобщими ему похвалами, прежде нежели онъ успѣлъ взяться за кисть. Онъ отказался отъ всѣхъ придворныхъ заказовъ и занялся исключительно своею живописною школою, которая почиталась самою знаменитою въ свое время и образовала много хорошихъ живописцевъ, изъ числа которыхъ извѣстнѣйшими были: Себастьянъ Муноцъ и Фредерикъ Ардеманъ, имѣвшіе оба званіе корелевскихъ живописцевъ. Между многими произведеніями Клавдія Цёлло, сохранившимися въ Сарагосѣ и Саламанкѣ, и портретами его, находящимися въ мадритской церкви Святаго Андрея, очень близко подходящими своею манерою къ прекрасной манерѣ Веласкеца, особенно замѣчательнъ куполъ, расписанный имъ въ мадритской часовнѣ императорской коллегіи Карла V de santo Christo. Но обратимся опять къ послѣдательной исторіи испанской живописи.

Въ-теченіе шестнадцатаго столѣтія, въ испанской живописи произошло довольно оцутительный переворотъ, и къ ея самобытному направленію начинаютъ примѣшиваться, у нѣкоторыхъ художниковъ, элементы чужеземные. Такъ Моралесъ поддался вліянію германскому; такъ Жоаннесъ ввелъ въ свои произведенія элементъ римскій; такъ Францискъ Рибальта, уроженецъ валенскій и ученикъ Аннибала Каррача, образовавшій въ школѣ своей многихъ хорошихъ живописцевъ, и сынъ его, Жуанъ Рибальта, до того усвоили себѣ манеру и стиль школы Рафаэля, что самые опытные итальянскіе художники того времени часто обманывались и принимали картины Рибальты, привезенныя изъ Испаніи въ Римъ, за произведенія самаго Рафаэля, какъ по характеру ихъ композиціи, такъ и по колориту. Но кромѣ этихъ двухъ иностранныхъ элементовъ, германскаго и итальянскаго, на произведеніяхъ испанскихъ художниковъ начали отражаться еще и многіе другіе, и готовить новую эпоху для испанской живописи.

Знаменитый Алонзо Берругеть (Берругате, какъ называютъ его нѣкоторые), другъ извѣстнаго итальянскаго художника Андреа дель Сарто и ученикъ славнаго Микеля Анджело Буонаротти, какъ и онъ бывшій въ одно и тоже время и живописцемъ и архитекторомъ и скульпторомъ, распространилъ въ испанской живописи новый смѣлый и возвышенный стиль. Въ-продолженіе своей долгой и славной восьмидесятилѣтней жизни Алонзо Берругеть наполнилъ своими картинами почти все большіе испанскіе города: Толедо, Гренада, Сарагосса, Мадридъ, Севилья, Сала-

Ланса, Сеговия, Вальдолидъ и другіе, могли равно собиратьъ однихъ передъ другими его замѣчательными живописными произведеніями, его статуями и его архитектурными постройками. Самыя цѣнныя и уважаемыя произведеніемъ Берругета считается его огромная картина, представляющая Преображеніе Спасителя на горѣ Сионѣ, находящаяся въ соборной толедской церкви, въ которой, кромѣ ея, находятся его Святая Леокадія, Святая Евгенія и многіе сюжеты, замѣшанные нѣкогда Воллага и Новато Завѣтовъ. Изъ архитектурныхъ содѣлій Берругета осталось въ Испаніи дворца Парде и возобновленный мадридскій дворецъ Альгамбра, поражающіе соразвѣрностію частей, легкостью стила и той нравственно художественнаго воображенія, которое распустилъ Берругетъ на ихъ внутреннее украшеніе.

Берругетъ родился въ Наредесѣ де Нева, въ 1468 году, и умеръ, по свидѣтельству однихъ, въ Толедѣ, а по словамъ Паломинно, въ Мадридѣ, въ 1543 году, осыпанный почестями отъ императора Карла V, котораго онъ былъ первымъ придворнымъ живописцемъ, и окруженный дѣльствомъ, славой и уваженіемъ всѣхъ классовъ испанскаго народа. Изъ многихъ учениковъ Берругета, кромѣ Зурбарана, составляющихъ собою отдѣльную эпоху въ испанской живописи, извѣстны были, въ свое время, Жуанъ Моннегро, извѣстный также подъ именемъ Жуана де-Талдо, и Бласъ де-Прадо.

Жуанъ Моннегро родился въ Мадридѣ и, какъ Берругетъ, былъ и живописцемъ и скульпторомъ и архитекторомъ. Высокимъ талантомъ усердствованія, онъ уѣхалъ время отъ Берругета въ Италію, и въ короткое время оказалъ такіе замѣчательные успѣхи, что ему впрямую было расписано нѣкоторыя части въ церкви Святаго Петра въ Римѣ. Монахъ о прованскомъ исполненіи порученный ему заказомъ и прозвание *valliante sbrano*, данное ему итальянцами, обратилъ на него вниманіе Филиппа II. Моннегро былъ вызванъ въ Испанію, чтобы украсить своими картинами и статуями монастырь эскуриальскій и присутствовать при постройкѣ его базилики, которой внутренность вся возведена по его рисункамъ. Онъ блистательно оправдалъ возваніе, полученное имъ въ Италію, и кромѣ картинъ, оставилъ на память позднѣйшимъ испанскимъ художникамъ часть колоссальныхъ статуй древнихъ испанскихъ королей, украшающихъ переднюю фасадъ храма Святаго Лаврентія эскуриальскаго, и четырехъ Евангелистовъ, окружающихъ фонтанъ на главномъ эскуриальскомъ дворѣ. Другой ученикъ Берругета, Бласъ де-Прадо, извѣстенъ болѣе своими пейзажами и несоблюденными неумениемъ, съ какими онъ умѣлъ писать цвѣты. Призваніе его къ изображенію цвѣтовъ было такъ велико, что во всѣхъ своихъ вре-

чемъ немногихъ, сохранившихся послѣ него картинахъ историческаго и религіознаго содержанія, онъ сыпалъ ихъ какъ весна, по словамъ Паломино. Изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній де-Прадо, по изящному вкусу и оконченности, почитается портретъ дочери марокскаго императора, находящійся въ мадритскомъ королевскомъ дворцѣ, сдѣланнй по приказанію Филиппа II въ самомъ Мароко, куда де-Прадо ѣздилъ въ-сопровожденіи многочисленной свиты.

Примѣру Берругета слѣдовали и многіе другіе современные ему испанскіе художники, и самый извѣстный изъ нихъ, Гаспаръ Беццера, также учившійся въ Италіи у Вазари и даже, можетъ-быть, у Микеланжелло, образовалъ въ своей школѣ многихъ хорошихъ живописцевъ и скульпторовъ. Какъ и Берругеть, живописецъ, скульпторъ и архитекторъ, Беццера родился въ Бездѣ, маленькомъ андалузскомъ городкѣ, въ 1520 году, и былъ въ свое время болѣе извѣстенъ какъ замѣчательный скульпторъ и превосходный знатокъ анатоміи и рисунка, нежели какъ живописецъ. Между самыми лучшими его скульптурными произведеніями считается статуя Богородицы, сдѣланная имъ для испанской королевы Валуа, дочери короля Генриха II, украшающая церковь мадритскаго монастыря Святаго Франциска Пауло.

Паломино, любящій примѣшивать иногда, въ своихъ жизнеописаніяхъ испанскихъ художниковъ, много чудеснаго, рассказываетъ, что когда Беццера дѣлалъ эту статую и никакъ не могъ придумать ей величественнаго положенія, вдругъ услышалъ, въ просонкахъ, надъ своею работою, чей-то трехкратный голосъ, который говорилъ ему:

— Проснись, Беццера, встань, посмотри на головню, горящую въ твоемъ каминѣ, и возьми ее себѣ за модель!

Изумленный Беццера исполнилъ сказанное со всею точностію и статуя его получила всеобщее одобреніе знатоковъ и привела королеву въ восторгъ.

Множество картинъ и скульптурныхъ произведеній Беццеры находятся, болѣею частью, въ Мадридѣ, въ церкви кармелитокъ, въ рагунѣ этого же города, въ Бургосѣ и Саламанкѣ. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1570 году, въ полномъ цвѣтѣ силъ, не достигнувъ еще пятидесяти лѣтъ.

Потребность въ живописныхъ произведеніяхъ сдѣлалась въ это время до того ошутительна въ Испаніи, что каждый мало-мало замѣчательный городъ началъ заводить свои живописныя школы, изъ которыхъ вышли многіе извѣстные въ свое время живописцы. Болѣе прочихъ извѣстны: Германдъ Дочадо, монахъ ордена босоногихъ кордовскихъ кармелитовъ, прозванный Францискомъ Пачеко *доблестнымъ живо-*

писцемъ, Педро Нунецъ, Діего Поло, Григорій Бауза, Францискъ Варела, Францискъ Коллантесъ, превосходный пейзажистъ, Донъ-Жуанъ Гальванъ, Мицьеръ Пабло, имѣвшій свою живописную школу въ Сарагоссѣ, Жуанъ де-Ареллано, замѣчательный искусствомъ писать цѣты и плоды, отецъ и сынъ дель-Марко, отличные батальные живописцы, и многіе другіе. Но всѣ эти школы, въ самомъ непродолжительномъ времени, затмила школа севильская, сдѣлавшаяся, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, центромъ всѣхъ живописныхъ школъ и рассадникомъ всѣхъ изящныхъ искусствъ и художествъ.

Севильская школа быстро стремилась къ своему совершенству и вводила въ испанскую живопись новыя формы, новыя условія, безъ которыхъ уже не предполагалось истиннаго художественнаго достоинства, и новую жизнь.

Живописецъ Лудовикъ де-Варгасъ первый преобразовалъ въ Севильи готическій стиль, упорно господствовавшій до него въ искусствахъ во всей Андалузій, и далъ испанской живописи новое направленіе.

Лудовикъ де-Варгасъ родился въ Севильи, въ 1528 году, и обучался живописи, какъ полагаютъ, въ Римѣ, у живописца Перино дель Ваго, по причинѣ разительнаго сходства, какъ въ манерѣ, такъ и колоритѣ, замѣчаемаго въ картинахъ, написанныхъ обоими этими художниками.

Если вѣрить свидѣтельству Паломіно, то Лудовикъ де-Варгасъ провель въ Испаніи двадцать-восемь лѣтъ, постоянно и прилежно занимаясь своимъ искусствомъ, которое сдѣлалось наконецъ его исключительною страстью. По другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, Варгасъ провель первоначально въ Римѣ семь лѣтъ, и потомъ возвратился въ Севилью, въ которой засталъ двухъ фламандскихъ художниковъ, Антонія Флореса и Педро Кампану. Сравнивая свои произведенія съ произведеніями этихъ живописцевъ, онъ понялъ, что ему предстоитъ еще много трудовъ и изученія природы и манеры итальянскихъ художниковъ, чтобы стать съ ними на ряду, и снова уѣхалъ въ Италію. Трудолюбіе его увѣнчалось успѣхомъ, и по возвращеніи вновь на родину, де-Варгасъ уже не могъ опасаться соперниковъ, и до того сдѣлался извѣстенъ своими картинами, что извѣстный, въ то время, живописецъ въ Севильи, Перецъ де-Алезіо, римскій уроженецъ и ученикъ Микела Анжело, избѣгалъ съ нимъ всякаго состязанія.

Варгасъ писалъ почти для однихъ церквей, и изъ картинъ его болѣе прочихъ замѣчательны: Спаситель, несущій крестъ, находящаяся въ севильскомъ монастырѣ кармелитокъ, позади главнаго олтаря, и Адамъ и Ева, написанные для соборной церкви. Нога Адама, на этой картинѣ,

представляемая въ ракурсѣ (сокращеніи) почитается верховъ совершенства живописи и рисунка. Перенъ де-Алезіо, рассматривая эту картину де-Варгаса, не могъ скрыть своего восторга, и сказалъ окружающимъ его ученикамъ:

— За одну ногу эту я бы отдалъ не только мои картины, которыми вы видите въ этой же церкви и которыя до-сихъ-поръ заслуживали всеобщее одобреніе, но и всю свою прошедшую и будущую славу!...

Кромѣ историческихъ картинъ священнаго содержанія, Варгасъ, писалъ и много портретовъ, изъ которыхъ портретъ герцогини Алкала, находящійся въ публичной мадритской картинной галлерей признается однимъ изъ лучшихъ и можетъ считаться достойнымъ кисти самаго Рафаэля или самаго Рубенса.

Варгасъ отличался строгою, совершенно христіанскою, отшельническою жизнію, и послѣ его смерти нашли въ его молельной многія орудія покаянія, употребляемыя католиками, какъ-то бичи, власяницу и прочая. Многочисленныя картины его, писанныя какъ масляными, такъ и клеевыми красками, равно какъ и его фрески, ясно отражаютъ на себѣ его строгонабожный характеръ. Лица изображаемыхъ имъ фигуръ проникнуты выраженіемъ чувства и граціи, положенія ихъ всегда благородны и носятъ на себѣ отпечатокъ сильнаго характера и серьезности. Картины Варгаса могли бы служить образцами художественнаго совершенства, еслибъ въ нихъ не было замѣтно совершеннаго незнанія правилъ перспективы и недостатка основательнаго изученія главныхъ законовъ измѣненія и преломленія лучей свѣта и постепенности перелива и свѣта тѣней.

По словамъ Пачеко и еще другаго испанскаго біографа, Моргадо, Лудовикъ де-Варгасъ умеръ въ 1568 году, въ Севильи. Изъ учениковъ его извѣстны Алонза Васкецъ, уроженецъ севильскій, отличавшійся отъ прочихъ живописцевъ того времени тѣмъ, что на картинахъ своихъ изображалъ совершенно обнаженныя фигуры,—явленіе очень рѣдкое въ испанской живописи,—свидѣтельствующія о превосходномъ его званіи анатоміи, и картезианецъ Педро Францискъ Галеасъ, котораго Францискъ Пачеко, въ своемъ «Разсужденіи о живописи» ставитъ на ряду съ самыми лучшими живописцами севильской школы, хотя послѣ него и не осталось въ публичныхъ мѣстахъ картинъ, которыя бы могли подтвердить этотъ лестный отзывъ Пачеко. Въ этомъ случаѣ Пачеко должно вѣрить на слово, потому-что Галеасъ писалъ картины не для публики, а для немногихъ изъ своихъ друзей, и потому онѣ остались достойнымъ людей частнымъ.

Кромѣ Лудовика де-Варгаса, былъ въ Испаніи еще другой живописецъ того же имени, Андрей де-Варгасъ, умершій въ 1674 году, котораго картины часто смѣшиваютъ, по сходству ихъ въ письмѣ (*touché*), вкусу и одинаковому расположенію группъ, съ картинами его учителя Франциска Камилло, но онъ не имѣетъ большой важности въ исторіи испанской живописи, хотя нѣкоторыя его картины и находятся въ Мадридѣ, въ часовнѣ Христа Спасителя de la Piedad, и въ монастырѣ босоногихъ тринитаріевъ въ томъ же городѣ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти де-Варгаса, именно въ 1580 году, началъ пользоваться въ Севильи большою извѣстностью Лудовикъ Фернандецъ, ученикъ Патрікія Какеса, придворнаго живописца королей Филиппа II и Филиппа III, вывнаннаго изъ Флоренціи для росписанія королевинной галлерей во дворцѣ Pardo, гдѣ онъ изобразилъ во многихъ картинахъ всю исторію цѣломудреннаго Іосифа. Испанская живопись болѣе прочихъ извѣстныхъ учителей обязана Фернандецу. Въ мастерской его образовалось цѣлое поколѣніе замѣчательныхъ художниковъ, составлявшихъ лучшее украшеніе живописнаго искусства того времени. Таковы были Пахеко, зять Фернандеца, Геррера Старый и Жуанъ и Августинъ дель Кастильо, которые составляютъ какъ бы переходъ отъ шестнадцатаго вѣка къ семнадцатому, и которые, въ свою очередь, образовали въ мастерскихъ своихъ Мурильо, Веласкеца, Алонзо Кано, Педро де Мойа, Кордобу и почти всѣхъ прочихъ извѣстныхъ живописцевъ, имена которыхъ неразлучно соединены со славою испанской живописи, и свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состояніи художествъ того времени.

Фернандецу предшествовалъ другой не менѣе его знающій свое искусство наставникъ, Педро де-ласъ Кусвасъ, школа котораго надѣлила Испанію живописцами — Леонардо, Жуаномъ Ринальде, Антонио Перейрой, Антонио Ариасомъ, донъ Жуаномъ Карренно, Жуаномъ Монтера де-Роксасомъ, Симономъ Малемъ и Францискомъ Бургосомъ.

Францискъ Пахеко, котораго сочиненія о живописи вообще, и въ особенности критическія разсужденія объ испанской живописи долгое время пользовались неоспоримымъ авторитетомъ, имѣлъ огромное мнѣніе на усовершенствованіе живописи, какъ искусствомъ направлять и руководить художниковъ, такъ и своею личною огромною практикой. Онъ усовершенствовалъ техническую процедуру живописи, особливо живописи клеевыми красками, изобрѣлъ новый способъ искусно и прочно раскрашивать статуи и барельефы, которые съ давнихъ временъ всегда почти раскрашивались въ Испаніи. Пахеко родился въ Севильи, въ 1571 году, и уже въ 1598 году приобрѣлъ изъ

вѣстность своею картиною, нарисованною имъ на одной изъ сторонъ великолѣпнаго погребальнаго катафалка Филиппа II. Несмотря на все свое искусство которое онъ приобрѣлъ въ школѣ Фернандеса, Пачеко желалъ еще болѣе усовершенствоваться, и поѣхалъ въ Италію, изучать произведенія Рафаэля; но и этого казалось ему еще недостаточно. Онъ возвратился въ Испанію и поѣхалъ по всѣмъ городамъ, чтобы еще, что-нибудь заимствовать изъ картинъ лучшихъ своихъ соотечественниковъ. Поселившись, наконецъ, въ Толедѣ, Пахеко сблизился тамъ съ живописцемъ Францискомъ Греко, ученикомъ Тиціана, написавшимъ много сочиненій о живописи, скульптурѣ и архитектурѣ, и Викентіемъ Кордучо, флорентинскимъ урожденцемъ, придворнымъ живописцемъ королей Филиппа III и Филиппа IV. Эти художники, имѣвшіе также свои художественныя школы, передали ему свою методу живописи, и развили въ немъ желаніе сдѣлаться самому образователемъ молодыхъ живописцевъ.

Между многими картинами, оставшимися послѣ Пахеко, особенно замѣчательны его эпизоды изъ исторіи Дедала и Икара, написанные имъ для друга его, герцога Альбы, въ которыхъ ракурсы фигуръ поразительны своею естественностію; потомъ шесть картинъ религіознаго содержанія, въ севильскомъ монастырѣ кармелитовъ, и портретъ, списанный имъ съ Микеля Сервантеса, коніи съ котораго находятся во многихъ извѣстныхъ художественныхъ галереяхъ Европы. Онъ умеръ въ Севильи, въ глубокой старости, въ 1644 году.

Вся жизнь и всѣ произведенія Пачеко тѣсно соединены со всѣми важными вопросами объ испанскихъ искусствахъ, точно также какъ жизнь и произведенія другаго ученаго художника, его современника и друга Пабло де-Цеснедеса, скульптора и живописца, архитектора и поэта, лингвиста и антикварія, философа и литератора, который оставилъ послѣ себя многія сочиненія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, касающіеся самыхъ разнородныхъ предметовъ.

Пабло де-Цеснедесъ родился въ Кордовѣ и былъ самъ себѣ обязанъ своимъ художественнымъ образованіемъ, и всѣ его живописныя произведенія, какъ масляными красками, такъ и фрески, извѣстны не только въ Испаніи, но и во всей Италіи, отличаются точностію, строгимъ рисункомъ, сильнымъ выраженіемъ лицъ, превосходнымъ знаніемъ перспективы, яркостію колорита и искуснымъ расположеніемъ свѣтѣтѣни. Самыя лучшія картины Цеснедеса находятся въ Кордовѣ, и особенно замѣчательна изъ нихъ картина, изображающая Тайную Вечерю, по выраженію кротости и величія въ чертахъ Спасителя и лукавому лицу Иуды; обѣ фигуры какъ-будто выходятъ изъ полотна. Кроме этой

картины, сохранились еще большія картины Песнедеса въ монастырѣ святой Клары «Дѣвы мученицы» и святой Іоаннъ креститель, и великомученица Екатерина, въ иезуитской коллегіи въ Севильѣ. Песнедесъ умеръ въ Кордовѣ, въ 1608 году.

Изъ школы Песнедеса вышли многіе хорошіе живописцы, изъ которыхъ особенно извѣстны: Жуанъ Пенадоза, уроженецъ андалузскій, картины котораго, впрочемъ очень дурно сохранившіяся, находятся въ Кордовѣ; Жуанъ Лудовикъ Замбрано, отличавшійся необыкновенною граціею и точностію выполненія и сходный по своей манерѣ съ маперою Рафаэля Урбиню; Христофоръ Вела, писавшій большею частью веселые предметы, въ родѣ Теньера и Остада, и Антоніо де-Контрерасъ, уроженецъ кордовскій, украсившій этотъ родной свой городъ многими прекрасными картинами.

Вѣсть съ Пахекю и Песнедесомъ пользовались извѣстностію живописцы Педро Орренте, Лудовикъ Тристанъ и Жуанъ Майво.

Педро Орренте родился въ Мурціи, учился у живописца Бассана, и былъ строгимъ послѣдователемъ венеціанской школы. Картины его отличающіяся вѣжностію письма, искуснымъ расположеніемъ группъ, свѣжестію колорита и правильнымъ рисункомъ,—многочисленны и разсыяны по всей Испаніи. Забчательнѣйшія изъ нихъ, по своей величинѣ и оконченности, суть: «Страшный судъ» и «Жизнь Спасителя и Богоматери», написанныя во многихъ картинахъ, находятся въ мурційскомъ монастырѣ святаго Іеронима; святыя Іаковъ и Себастьянъ, въ валенской часовнѣ los Pies de la Sen; мученія святаго Іакова-рудоконя и знаменитая въ Испаніи картина «Святая Леокадія, выходящая изъ гроба», въ Толедо; Поклоненіе волхвовъ и апостолъ Ѳома невѣрующій воскресенію Спасителя, въ кордовской церкви San Eulogio. Орренте умеръ въ Толедо, въ 1643 году. Изъ учениковъ Орренте извѣстны Христофоръ Гарція Саллиронъ и Пауло Понтосъ,

Самую замѣчательною картиною Тристана почитается Тайная Вечеря, сдѣланная имъ для толедскаго монастыря de la Silla. Паломино рассказываетъ, что за картину эту, написанную Тристаномъ еще тогда, когда онъ былъ ученикомъ у Доминика Греко, монахи не хотѣли заплатить условленныхъ двѣсти дукатовъ, и находя, что цѣна слишкомъ мала для такого посредственнаго произведенія, обратились къ Греко съ просьбою усовѣстить своего ученика. Греко призвалъ Тристана, и самъ палку началъ осыпать его ударами, приговаривая:

— Такъ-то ты позоришь свое искусство, и такъ, стало-быть, мало признаешь въ себѣ дарованія, что берешься писать за двѣсти дукатовъ

то, за что мнѣ дали бы пятьсотъ дукатовъ, еслибы я намаралъ такъ дурно, какъ ты!

Капуцины поняли намекъ Греко и сѣмшили выдать Тристану деньги, опасаясь, чтобы онъ не удвоилъ цѣны послѣ учительскаго наказанія.

Всѣ картины Тристана отличаются необыкновеннымъ вкусомъ и правильностію рисунка, такъ-что знаменитый живописецъ Веласкецъ де-Сальва предпочиталъ его манеру манерѣ Пачеко, и всегда ставилъ за образецъ своимъ ученикамъ. Большая часть картинъ Тристана находится въ главныхъ толедскихъ монастыряхъ, и высоко цѣнятся въ настоящее время. Тристанъ умеръ въ Толедо, въ 1649 году, оставивъ послѣ себя многихъ учениковъ, между которыми особливо былъ извѣстенъ Хуанъ Хиривосъ, расписавшій съ Варфоломеемъ Кардепой всю внутренность главной церкви монастыря Santa Maria d'Atoha, въ Мадридѣ.

Хуанъ Майно, также ученикъ Доменика Греко, монахъ монастыря святаго Петра мученика въ Толедо, соединялъ въ своихъ картинахъ всѣ главныя требованія искусства живописи, и ни одинъ изъ современныхъ ему художниковъ не могъ съ нимъ равняться въ строгой правильности рисунка, оконченности и чистотѣ вкуса, такъ что каждая изъ его картинъ можетъ смѣло почитаться за образцовое произведение. Замѣчательное дарованіе Майно доставило ему мѣсто учителя рисованья при инфантѣ Филиппѣ IV, который хотѣлъ его осѣлать и богатствомъ и почестями, но Майно отказался отъ всего, и умеръ простымъ монахомъ въ своемъ монастырѣ, въ 1654 году. Лучшія его картины находятся въ его монастырѣ, въ саламанкской духовной коллегіи и во дворцѣ Buen-Retiro, гдѣ всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе его батальная картина, на которой изображенъ герцогъ Оливарецъ, показывающій солдатамъ, для возбужденія ихъ мужества, портретъ короля Филиппа IV, написанный въ миниатюрѣ, со сходствомъ и искусствомъ изумительнымъ.

Не менѣе Пачеко, Пабло де Цеенедеса, Орренте, Тристана и Майно, знамениты ученики Пачеко: Феррера и Алонзо Кано.

Феррера, прозванный Старымъ, Неггега el Viejo, родившійся въ Севильѣ, въ 1588 году, котораго эксцентричность и буйный характеръ Паживоно называетъ изъ вѣжливости *кипучимъ*, «писалъ не такъ, какъ писали прочіе художники», говоритъ Бермудецъ. «Онъ начиналъ и кончалъ свои картины въ состояніи какого-то буйнаго расположенія и невѣроятной ярости—*inscritable furor*; вмѣсто карандашей, угля или мѣла, онъ рисовалъ контуры тростникомъ (*cañas*), а писалъ, вмѣсто кистей,

большини шетками». Этотъ характеръ Герреры отразился на всѣхъ его произведенияхъ и наложилъ на нихъ такой неподражаемый и оригинальный отпечатокъ, что между его картинами и картинами всѣхъ другихъ испанскихъ художниковъ, ни его, ни послѣдующаго времени, нельзя найти ничего общаго. Бермудецъ рассказываетъ, что однажды, когда жестокое обращеніе и буйный нравъ Герреры разогнали изъ его мастерской всѣхъ учениковъ, онъ замѣнилъ ихъ служанкою, которая должна была дѣлать ему подмалевку, послѣ чего Геррера самъ приступалъ уже къ работѣ, выводилъ на сырыхъ краскахъ линіи, чертилъ фигуры, обозначалъ группы, располагалъ свѣтъ и тѣни и такъ оканчивалъ всю картину.

Всѣ картины Герреры отличаются сильною энергіею и удивительною силой кисти, и никогда, ни въ одномъ произведеніи Караваджо и Риберы, двухъ великихъ практическихъ художниковъ, незаметно такого правильного рисунка, отчетливости выполненія и той оконченности, какими изобилуютъ всѣ картины Герреры. Жизнь его не прошла безъ приключеній. Увлеченный, вѣроятно, привычкою гравировать на мѣди, онъ часто отклонялся отъ прямаго своего назначенія, и подозрѣваемый однажды въ дѣланіи фальшивой монеты, угрожаемый стыдомъ и заточеніемъ, принужденъ былъ, для избѣжанія преслѣдованія, укрыться въ стѣнахъ іезуитской коллегии святаго Гермингильда. Дальновидные іезуиты не отказали ему въ убѣжищѣ, и онъ, ласкаемый ими, расписалъ, въ знакъ благодарности за гостепріимство, бесплатно, несмотря на все свое сребролюбіе, главный алтарь ихъ церкви. Король Филиппъ IV, проѣзжая, въ 1624 году, чрезъ Севилью, посѣтилъ соборъ гермингильдской іезуитской коллегии и замѣтилъ въ немъ картины Герреры. Восхищенный ихъ совершенствомъ, онъ даровалъ Геррерѣ прощеніе, приказавъ ему замѣтить: «что человѣку, обладающему такимъ замѣчательнымъ дарованіемъ, никогда не слѣдуетъ употреблять его во зло».

Послѣ многочисленныхъ заказовъ, исполненныхъ въ Севильи, Геррера переехалъ, въ 1650 году, въ Мадридъ, въ которомъ и умеръ шесть лѣтъ спустя. Дѣти его, не имѣя силъ сносить порывы его зашвыбаваго и сумасброднаго характера, принуждены были наконецъ бѣжать изъ родительскаго дома. Дочь постриглась въ монахини, а сынъ, Францискъ Геррера, прозванный *Молодымъ*, *Perroera el Moso*, удалился въ Италію, похитивъ у отца значительную сумму денегъ.

Францискъ Геррера учился въ Римѣ, въ различныхъ школахъ, и готовился быть архитекторомъ, не переставая, въ тоже время, писать особеннаго рода картины, извѣстныя въ Италію подъ названіемъ *bottegoni*, и изображающія разныя яса, внутренность кухни, столовые и прочіе

тому подобные предметы, въ томъ самомъ родѣ, которымъ прославилъ себя голландскій живописецъ Снейдерсъ. Геррера въ особенности отличался искусствомъ изображать разныхъ рыбъ, за что и получилъ между италіявцами названіе *lo Spagnolo dei pesci*. По смерти отца, Францискъ возвратился въ Мадридъ, въ которомъ, черезъ четыре года, въ 1660 году, наименованъ былъ королевскимъ живописцемъ и назначенъ вторымъ директоромъ севильской художественной академіи, президентомъ которой былъ Мурильо, и наконецъ главнымъ начальникомъ и распорядителемъ всѣхъ архитектурныхъ проектовъ.

Кромѣ изображенія предметовъ кухни и рыбъ, Францискъ Геррера писалъ также картины историческаго и религіознаго содержанія, и многія изъ нихъ, по своему колориту, искусному расположенію свѣто-тѣни, нѣжности письма и тщательности отдѣлки, могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими произведеніями испанской живописи. Паломинно описываетъ Герреру человѣкомъ самого самолюбиваго, гордаго и заносчиваго характера, соединеннаго съ ѣдкимъ художественнымъ остроуміемъ. Однажды, говоритъ онъ, герцогъ Оливарецъ поручилъ купить Геррерѣ нѣсколько картинъ изъ продававшейся картинной галлерей, и оставшись недовольнымъ его выборомъ, просилъ, неблагопріятно отзываясь о его вкусѣ, другаго художника выбрать картины. Узнавъ объ этомъ и видя, что вторыя картины далеко уступаютъ въ достоинствѣ купленнымъ имъ, Геррера пожелалъ отметить, и тотчасъ-же нарисовалъ большую картину, изображающую обезьяну, сидящую въ саду, наполненномъ самыми лучшими цвѣтами и хватающую рѣпейникъ, вмѣсто пышныхъ розъ и сочныхъ граватъ. Онъ уже несъ свое произведеніе въ подарокъ герцогу, когда одинъ изъ друзей его, донъ Антоніо Сото-Майоръ, успѣлъ его отговорить отъ поступка, который могъ имѣть очень дурныя послѣдствія.

Геррера оставилъ послѣ себя множество картинъ, изъ которыхъ лучшими почитаются: святой Францискъ, въ севильскомъ соборѣ; святой Гермингильдъ, въ мадритской церкви босоногихъ кармелитовъ; святой Викентій, въ церкви аррагонскаго госпиталя, святой Юсифъ, съ младенцемъ Иисусомъ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ; святая Анна пророчица, преподающая уроки Богоматери, святой Мартынъ, отдающій свою одежду нищему, и Христосъ, изнемогающій подъ бременемъ креста—въ мадритской соборной церкви. Францискъ Геррера слѣдовалъ манерѣ Тиціана и Рубенса. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1685 году, оставивъ преемникомъ основанной имъ школы ученика своего Матео де Торреса, уроженца города Эспинозы де los Monteras, который, по своему правильному рисунку, прекрасному колориту, знанію расположенія свѣто-тѣни и глубокому изученію произведеній лучшихъ италіанскихъ мастеровъ, совер-

можно сходять съ своимъ учителемъ, какъ въ исторической, батальной и портретной живописи, такъ и въ пейзажахъ.

Въ одно время съ Геррерами, отцомъ и сыномъ, славился однофамилецъ изъ донъ Себастьянъ Геррера Барнуэво, живописецъ, скульпторъ и архитекторъ; Антонио Геррера, отецъ его, былъ первымъ его наставникомъ и развилъ въ немъ тѣ огромныя способности къ живописи, которыя потомъ онъ усовершенствовалъ въ школѣ Алоизо Кано, и изучая Тициана, Пала Веронеза и Тинторета. Всѣ картины Герреры Барнуэво отличаются вкусомъ, яркостію красокъ и правильностію рисунка. Въ Мадридѣ, въ которомъ находится большая часть его картинъ и статуй, до сдѣ-норъ тщательно хранится, въ національномъ музеумѣ, сдѣланная изъ восковой фигура, въ натуральную величину, нисколько не уступающая лучшимъ произведеніямъ Микель Анжело. Геррера слѣдовалъ имперіи венеціанской школы, и почиталъ ее лучшею и естественнѣйшею.

Теперь слѣдуетъ сказать о второмъ ученикѣ Пачеко, Алоизо Кано, чьего имя соединено съ именами самыхъ знаменитыхъ живописцевъ, когда-либо имѣла Испанія. Создавая его, природа, кажется, соединила въ немъ всѣ свои совершенства, образовавъ изъ него прекраснаго живописца, замѣчательнаго скульптора и хорошаго математика. Алоизо Кано родился въ Гренадѣ, въ 1600 году, и первоначальное свое художественное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца своего, Мигуэля Кано, предназначавшаго его къ архитектурнымъ занятіямъ. Не вѣрставая прилежно заниматься черченіемъ плановъ, Алоизо пристрастился къ живописи, и уже изъ первыхъ его рисунковъ можно было угадать въ немъ будущаго великаго художника. Не желая препятствовать природнымъ склонностямъ сына, донъ Мигуэль послалъ его въ Севилью, къ Франциску Пачеко, въ мастерской котораго онъ восемь мѣсяцевъ съяственно занимался рисованіемъ, и потомъ перешелъ, какъ утверждали нѣкоторые, къ Хуану дель Кастильо, у котораго окончательное усовершенствовался и не желая стѣсняться болѣе ни чьими наставленіями, посѣщилъ создать что-нибудь самъ, и первая его картина была признана всѣми за образцовое произведеніе. Съ этой попытки, талантъ Алоизо Кано началъ развиваться въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что, въ нѣтъ еще двадцати трехъ лѣтъ, онъ расписалъ трапезу главной не-бразилской церкви съ необыкновеннымъ искусствомъ и кромѣ-того сдѣ-алъ три изваянія, въ натуральную величину, изъ которыхъ одно изобра-жало Богоматерь съ Спасителемъ на рукахъ, а два другія Апостоловъ Петра и Павла. Изваянія эти были такъ хорошо выполнены, что слава Алоизо разнеслась повсюду, и со всѣхъ-сторонъ спѣшили художники, что бы снять съ нихъ копіи, особливо съ изображенія Богородицы, изумлявшаго

самых опытных и взыскательных скульпторов. Но Алонзо не удовольствовался этою минутою славой; онъ желалъ еще большаго совершенства, и поспѣшилъ въ Мадридъ, подъ покровительство герцога Олвароца. Тамъ, разсматривая картины великихъ итальянскихъ художниковъ, находящіяся въ Эскуриагъ и дворцахъ королевскихъ, онъ часто приходилъ въ невольный восторгъ и громко высказывалъ свое удивленіе.

— Къ чему стремлюсь я, говорилъ онъ ученикамъ своимъ, и сколько у меня должно быть самонаблѣнности, когда мнѣ недостаточно двухъ жизней, чтобы создать что-нибудь подобное!

И онъ съ неутомимостію научалъ манеру и письмо своихъ идеаловъ, вникалъ въ малѣйшія подробности, такъ наблюдательно, что если не превосшелъ Рафаэля, Веронеза и Тиціана, то, по крайней мѣрѣ, сталъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Художественныя заслуги Алонзо Кано доставили ему, въ 1638 году, званіе королевскаго живописца и мѣсто учителя рисованія при принцѣ донѣ Карлосѣ Австрійскомъ, а извѣстность и неоспоримое искусство—столько заказовъ, что нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго города въ Испаніи, въ которомъ бы что-нибудь не было написано Алонзо Кано.

Всѣ произведенія Кано отличаются облужанностію предмета, необыкновенною правильностію рисунка, нѣжностію пенья, яркимъ колоритомъ, неистощимымъ воображеніемъ, вкусомъ и глубокимъ знаніемъ расположенія свѣто-тѣни. Лучшими картинами Алонзо Кано почитаются: Чудо святаго Исидора, въ церкви святой Маріи, въ Мадридѣ; — Святой Францискъ, которому ангелъ показываетъ сосуль съ прозрачною водою, символъ чистоты, которою долженъ быть проникнутъ слугитель Божій, приступаая къ алтарю, въ церкви святаго Іакова; — добрый пастырь, великомученица Екатерина, воплощеніе и плачущая Марія Магдалина, въ соборной мадритской церкви.

Эта послѣдняя картина написана во вкусѣ Корреджіо, и до того схожа съ манерою этого живописца, что итальянскіе художники, посѣщавшіе въ послѣдствіи Испанію, очень долго не соглашались вѣрить, чтобы она принадлежала Алонзо Кано.

Алонзо Кано умеръ въ Гренадѣ, въ 1676 году, въ глубокой старости, образовавъ въ своей школѣ множество учениковъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: скульпторъ донъ Педро Мена, прекрасными статуями и барельефами котораго украшены почти всѣ испанскіе города; донъ Педро Атаназіо, многія картины котораго находятся въ Гренадѣ и въ Кордовѣ; Франциско Каро, написавшій, во многихъ картинахъ, для часовни святаго Исидора, въ Мадридѣ, всю жизнь Богородицы; Алонзо де-Масса, замѣчательный своею изобрѣтательностію и необыкновенною

разнофигуръ; Мигуэль Цезарь; Амбросій Мартиненъ, лучшія картины котораго находятся въ королевскомъ монастырѣ святаго Иеронима, въ Гренадѣ, и наконецъ, донъ Хуанъ Нино де-Гевара. Гевара родился въ Мадридѣ, и съ самой ранней молодости жилъ въ Малагѣ, гдѣ вступилъ въ школу Мигуэла Манрика, фламандскаго уроженца и ученика Рубенса, отъ котораго впрочемъ скоро перешелъ къ Алонзо Кано и оказалъ такіе замѣчательные успѣхи, что въ непродолжительномъ времени сравнялся съ своимъ учителемъ. Гевару сравниваютъ съ Мурильо, и многіе даже отдають ему преимущество въ рисункѣ. Всѣ картины Нино Гевары замѣчательны изяществомъ рисунка, хотя и отыскаются иногда манерою фламандской школы, приобретенною имъ въ школѣ перваго его учителя, необыкновенною бойкостью кисти, свѣжестью мазка и разнообразіемъ композиціи. Лучшими картинами его почитаютъ: «Воодвиженіе Креста», находящаяся въ Малагѣ, по множеству изображенныхъ на ней лицъ по необыкновенному вкусу композиціи и по глубокому историческому изученію одеждъ и аксессуаровъ; «Торжество Милосердія», представляющая лица всѣхъ замѣчательныхъ людей, подвизавшихся на поприщѣ благотворительности; Распятіе Спасителя, Вознесеніе Господне и Успеніе Богородицы, въ малагскомъ соборѣ Христа Спасителя, и кромя-того еще много другихъ картинъ, какъ въ Мадридѣ, такъ въ Кордовѣ и Гренадѣ. Нино Гевара умеръ въ родномъ своемъ городѣ, въ 1698 году, шестидесяти семи лѣтъ, оставивъ послѣ себя въ Малагѣ живописную школу, изъ которой, къ удивленію, не вышло ни одного замѣчательнаго живописца, или, по-крайней-мѣрѣ, имена ихъ неизвѣстны и непереданы намъ ни однимъ испанскимъ биографомъ.

Время, въ которое жили Геррера Старый, Геррера Молодой и Алонзо Кано, было самымъ благопріятнымъ временемъ въ исторіи испанскихъ художествъ, и къ числу живописцевъ, раздѣлявшихъ всеобщую извѣстность съ Геррерами и Кано, принадлежатъ также современники ихъ Зурбаранъ.

Францискъ Зурбаранъ родился въ Фуэнте де Кантосъ, маленькомъ городѣ провинціи Эстремадуры, около 1598 года, отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ Зурбарана былъ земледѣлецъ. Первоначальное художественное свое образованіе получилъ Зурбаранъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ испанскихъ биографовъ, въ томъ числѣ Бермудеса, въ родномъ своемъ городѣ, подъ руководствомъ одного изъ многихъ и лучшихъ учителей Моралеса el divino (какого именно, неизвѣстно), а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, перешелъ въ Севилью, въ мастерскую живописца Леоса Реоласа, фламандца и ученика Тиціана, поддерживавшаго блистательно соперничество съ Пачеко, Геррерой и де-Кастелья и слѣдовавшаго манерѣ, принятой венеціанскими школами. Продолживъ сопер-

менно своему искусству Зурбаранъ дѣлалъ изумительные успѣхи, и имѣлъ только двадцать семь лѣтъ, уже успѣлъ составить себѣ славу огромными картинами, написанными имъ, въ 1633 году, для церкви святаго Апостола Петра, въ Севильи. Въ 1633 году онъ получилъ званіе королевскаго живописца, а въ 1650 украсилъ дворецъ Buen-Retiro изображеніемъ подвиговъ Геркулеса, а также и королевскіе замки del Campo и la Baveda de la Pieza, многими большими картинами, доставившими ему лестную похвалу короля Филиппа IV, образованнаго любителя и покровителя своихъ отечественныхъ художествъ.

Испанскій писатель Бермудецъ, оставившій, какъ Пачеко и Паломинно, много замѣчательныхъ свѣдѣній объ испанской живописи и испанскихъ художникахъ, говоритъ, что когда Зурбаранъ, кончивъ послѣднюю свою картину въ Buen-Retiro, подписывалъ подъ нею свое имя и званіе королевскаго живописца, Филиппъ IV, приблизившійся незамѣтно къ нему въ эту минуту, ласково положилъ руку на плечо живописца и сказалъ ему:

— Прибавь же, однако, Зурбаранъ, къ этой подписи: «и король живописцевъ!»

Счастіе со всѣхъ сторонъ улыбалось Зурбарану, но онъ вскорѣ встрѣтился съ богатою дѣвушкою, донною Леонорою, изъ извѣстной испанской фамиліи де лосъ Йордера, на которой женился по любви, впалъ въ какую то болѣзненную задумчивость, и недовольный жизнію, отрицая въ себѣ даже художественное дарованіе, удалился на житье въ свой родной городъ, Фуэнте де-Кантось, и рѣшился никогда болѣе не дотрогиваться до кисти.

Молва объ этой странной рѣшимости вскорѣ разнеслась повсюду и достигла Севильи. «Испуганные севильскіе жители, говоритъ Паломинно, изумленные его неожиданнымъ и непонятнымъ для нихъ удаленіемъ, сѣдѣвши послать къ нему депутацію изъ самыхъ знатнѣйшихъ городскихъ жителей, чтобы склонить его переимѣнить намѣреніе. Краснорѣчіе, съ которымъ они высказали Зурбарану все, что они въ немъ теряютъ, глубоко его тронуло и онъ, убѣжденный ихъ словами, согласился возвратиться.»

Бермудецъ, который долѣе прочихъ говоритъ о Зурбаранѣ, не подтверждаетъ однакоже достовѣрности этого разказа, и только пишетъ, что Зурбаранъ, послѣ тяжкой нравственной болѣзни, снова переехалъ изъ Фуэнте де-Кантось въ Севилью.

Возвратясь въ Севилью, Зурбаранъ, несмотря на свой проткій и миролюбивый характеръ, не могъ избѣжать неприятностей. Неожиданная ссора вынудила его выдти на поединокъ, кончившійся смертію его противника. Филиппъ IV, любившій Зурбарана и знавшій всю его славу,

ную жизнь, принявъ въ уваженіе всё обстоятельства, предшествовавшія ссорѣ, простилъ его и приказалъ только удалиться на покаяніе въ кордовскій монастырь ордена братьевъ проповѣдниковъ. Въ этомъ—то монастырѣ написалъ Зурбаранъ свою знаменитую коллекцію мучениковъ въ Восточной Индіи, въ числѣ которыхъ болѣе прочихъ замѣчательны своею оконченностію и сильнымъ выраженіемъ фисіономіи, Святой Бруно, бесѣдующій съ папою Урбаномъ II, и Святой Гуго, представляющій для цѣлованія крестъ монахамъ. Обѣ эти картины сдѣланныя, имъ по заказу монаховъ севильскаго монастыря Святой Маріи de los Cuevas, во-время испанской кампаніи Наполеона перевезены въ Парижъ, въ галерею маршала Сульта, которая въ настоящее время распродана въ разныя столичныя живописныя галереи главныхъ европейскихъ государствъ.

Число картинъ, написанныхъ Зурбараномъ, говоритъ Паломини, такъ велико «que ragesen по тепег пшето» «что онѣ кажутся неисчислимыми», и ими наполнены всё церкви Андалузіи и особенно Севильи, между-тѣмъ какъ, по какой-то неизъяснимой странности, публичный мадритскій королевскій живописный музей имѣетъ только четыре картины Зурбарана, съ которыхъ сдѣланы прекрасныя литографіи Фридриховъ Мадраузо, живописцемъ испанской королевы Христины.

Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Зурбарана почитается его Юдифь, написанная имъ для монастыря босоногихъ кармелитовъ въ въ Херлѣ. Кромѣ этой картины, высоко цѣнятся: Святой Антоній и Святой Апостолъ Павелъ, написанные въ 1636 году, по заказу босоногихъ кармелитовъ въ Кордовѣ; Поклоненіе пастырей, написанное для короля Филиппа III, и исторія жизни и дѣяній Святого Петра Ноласкаго, изображенная во многихъ картинахъ, для монаховъ севильскаго монастыря Святого Спаса милостиваго.

Всѣ произведенія Зурбарана, котораго Паломини, пристрастный очень часто въ своихъ сужденіяхъ о испанскихъ художникахъ, упрекаетъ во многихъ художественныхъ недостаткахъ и говоритъ, что онъ не былъ замѣчателенъ ни въ одномъ родѣ живописи, отячачются, по словамъ прочихъ художественныхъ историковъ Испаніи, необыкновеннымъ искусствомъ, съ какимъ онъ умѣлъ располагать *пятна* (массы свѣта и тѣней) въ картинѣ, освѣщеніемъ фигуръ и также удивительнымъ разнообразіемъ, легкостію и неподражаемою сквозистостію драпировки.

«При взглядѣ на религиозныя картины Зурбарана, говоритъ Бермудецъ, становится какъ—то и страшно и радостно. Удивленному зрителю такъ и кажется, что онъ видитъ передъ собою тѣхъ благочестивыхъ отшельниковъ первыхъ временъ христіанства, которые силою воли,

борьбою съ плотію и страстями и всѣми возможными мірскими лишеніями приобрѣли себѣ неотъемлемое право на небесное наслѣдіе Божіе».

И въ-самомъ-дѣлѣ, ни въ одномъ живописномъ произведеніи итальянскихъ школъ, съ конца пятнадцатаго столѣтія, не замѣтно такой глубоко-христіанской композиціи и такой нравственности идей, какими отличаются всѣ картины Зурбарана. Предметы, чаще всего повторяющіеся у Зурбарана и, кажется, болѣе имъ любимые суть монахи различныхъ орденовъ и внутренніе виды древнихъ испанскихъ монастырей съ ихъ мрачнымъ и однообразнымъ видомъ, переданныя такъ отчетливо и съ такими мелкими подробностями, что всматриваясь вниательно, самъ, кажется, чувствуешь себя среди ихъ уединенныхъ стѣнъ. Испанцы называютъ Зурбарана своимъ Караваджіо, и многіе изъ ихъ писателей, забывая о Мурильо, приписываютъ ему первому мысль объ учрежденіи севильской художественной академіи, не основываясь впрочемъ ни на какихъ положительныхъ фактахъ. Зурбаранъ умеръ, по словамъ Паломинно, котораго впрочемъ ошибочныя свѣдѣнія часто изобличаются позднѣйшими ему писателями, въ 1662 году, въ Мадридѣ, а по словамъ Бермудеца въ Севильи, въ 1679 году, что кажется, гораздо достовернѣе. Зурбаранъ имѣлъ многихъ учениковъ и между прочими Антоніо дель Кастильо, двухъ Поланкосовъ, Іосифа де-Сарабіо, подражавшаго Рафаэлю, Варнаву де-Айлу, лучшія картины котораго находятся въ капуцинскомъ севильскомъ монастырѣ и составляютъ часть церковнаго иконостаса, и Иеронима де-Бовадилья, уроженца антекварскаго, которому не доставало только безукоризненной правильности рисунка, чтобы быть однимъ изъ самыхъ великихъ живописцевъ своего вѣка. Въ прочихъ отношеніяхъ, какъ-то, въ изяществѣ композиціи, нѣжности письма и живости колорита, онъ не имѣлъ себѣ равнаго, такъ что самъ Мурильо, сознавая его превосходство предъ собою въ этомъ отношеніи, часто прибѣгалъ къ его совѣтамъ и кисти. Бовадилья писалъ болѣею частью перспективные виды и маленькія историческія картины, которыя покрывалъ такимъ сухимъ и прозрачнымъ лакомъ, что онѣ казались зеркальными. Тайну составленія этого лака, котораго не замѣтно ни на одной изъ картинъ, ни испанской, ни итальянской школы, онъ унесъ съ собою въ могилу, не желая, чтобы кто-нибудь могъ быть съ нимъ схожимъ хотя въ лакированіи своихъ произведеній. Бовадилья умеръ въ 1680 году, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ родился,

Разсматривая вниательно картины Зурбарана и картины его учениковъ, можно замѣтить, что изображенныя ими фигуры очень мало обнажены и одрашированы почти съ головы до ногъ. Эта особенность, пріятная также во всѣхъ живописныхъ и скульптурныхъ произведеніяхъ

старинных испанских школ, заставляла многих сомневаться въ знаніи испанскими художниками анатоміи человѣческаго тѣла. Но въ этомъ предположеніи можно скоро разувѣриться, если внимательно всмотрѣться въ тѣ части тѣла, которыя изображены были художниками обнаженными. Такъ; напримѣръ, въ знаменитой картинѣ Мурильо, представляющей старика, разбитаго параличемъ, обнаженное плечо страждущаго почитается всѣми знатоками за чудо изображенія человѣческой мускулатуры. Тоже превосходное знаніе анатоміи замѣтно въ картинахъ и другихъ испанскихъ живописцевъ, а равно какъ и во всѣхъ скульптурныхъ произведеніяхъ, какъ семнадцатаго, такъ и предыдущихъ столѣтій. Но между-тѣмъ, несмотря, что всѣ статуи покрыты длиною драпировкой, подъ этою драпировкой явственно можно различить контуры правильныхъ и превосходно выполненныхъ человѣческихъ формъ. Болѣе другихъ испанскихъ скульпторовъ отличаются въ этомъ отношеніи скульпторы, Берругетъ, составившій себѣ огромную славу *прозрачностью* своихъ мраморныхъ драпировокъ, если такъ можно выразиться; Германцъ Доменикъ Бельтрандъ, котораго статуи часто принимаются иностранцами за произведенія Микель—Анжело, и Торрижіано Торрижіани, умершій около 1552 года, въ севильскихъ темницахъ инквизиціи, голодною смертію, за то, что не получая условленной платы, разбилъ на части статую, заказанную ему для одного изъ севильскихъ монастырей. Обломокъ руки, сохранившійся отъ этого скульптурнаго произведенія Торрижіани, исполненнаго въ натуральную величину, до-сихъ-поръ еще сохраняется въ королевскомъ мадритскомъ музеумѣ и служитъ моделью живописцамъ. Превосходное знаніе анатоміи этимъ испанскимъ скульпторамъ можно повѣрить по его мраморнымъ и бронзовымъ обнаженнымъ статуямъ, находящимся донинѣ въ Римѣ, во дворцѣ Forgo Borgia. Слѣдовательно, упомянувъ еще при этомъ о знаменитомъ Андрѣ Везаліѣ * блистательно распространившимъ въ Испаніи науку анатоміи, несмотря на преслѣдованіе инквизиціи, обычай не выказывать обнажен-

* Андрей Везаліи (Vesalius) родился въ 1513 году, въ Брюсселѣ, гдѣ отецъ его былъ аптекаремъ при дворѣ императора Максимилиана. Везаліи учился сперва въ Лувенѣ, потомъ въ Парижѣ, и наконецъ, окончилъ свое образованіе въ Падуѣ, гдѣ преподавалъ публичныя лекціи анатоміи. Въ 1543 году онъ былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ императора Карла V и потомъ сына его Филиппа II, у котораго онъ пользовался особенною довѣренностію, за излеченіе сына, дон Карлоса, отъ тяжкаго головнаго ушиба, полученнаго имъ еще въ дѣтствѣ. Везаліи началъ первый разсѣкать трупы въ Испаніи, и обвиненный инквизиціею въ убійствѣ, даже безбожій, единственно только Филиппу II обязанъ былъ своимъ спасеніемъ. Возвращаясь изъ Палестины обратно въ Испанію, Везаліи погибъ въ кораблекрушеніи близъ острова Занта, въ 1561 году. Анатомическія сочиненія его изданы въ Лейденѣ, въ 1725 году, съ гравированными рисунками и портретомъ автора, нарисованнымъ Тицианомъ.

ныхъ формъ тѣла, должно, кажется, приписывать не къ незнанію испанскими художниками анатоміи, а скорѣе всего къ ихъ религіозному направленію и той артистической скромности, которую они наследовали отъ своихъ предшественниковъ, подвизавшихся на попрціѣ живописи въ среднихъ вѣкахъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, стоить только взглянуть, не только на испанскія, но даже на германскія старинныя художественныя произведенія, чтобы убѣдиться, что обнаженное тѣло всегда являлось какъ-бы изображеніемъ грѣха и нравственнаго паденія. Святые мужи, люди извѣстные своею мудростію и заслугами и важнѣйшіе сановники, всегда представлялись облеченными въ длинныя, цѣломудренныя одежды, и только одни падшіе духи, демоны, символы зла и коварства, и извѣстные злодѣи изображались обнаженными, какъ бы являющими плоть свою на всеобщее поруганіе. Гораздо позже уже, когда искусство опять обратилось къ покинутымъ образцамъ идолопоклонническимъ и снова устремило взоръ свой на произведенія древней Греціи, и подъ предводительствомъ Рафаэля, стало вновь обрабатывать почву языческой образованности, обнаженное тѣло опять начинаетъ являться первенствующимъ, какъ въ картинахъ, такъ и въ статуяхъ, и занимаетъ всюду главное мѣсто.

Эта исключительная принадлежность всѣхъ художественныхъ произведеній семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка замѣтна, какъ въ дышавшихъ нѣгою произведеніяхъ школъ Рубенса, Джордано и Юлія Романо, такъ и въ произведеніяхъ чувственной школы времени Людовика XV. Матерія снова подавила духъ, и существа міологическаго міра—нимфы, фавны и полубоги, снова воскресли въ изображеніяхъ лицъ и предметовъ, вятыхъ даже изъ современнаго общественнаго быта. Это вновь принятое странное направленіе живописи не можетъ, впрочемъ, показаться удивительнымъ, если только вспомнить, что художники того времени не были уже нисколько прежними созерцательными отшельниками, вдохновлявшимися единственно чтеніемъ духовныхъ книгъ и великими описанными въ нихъ подвигами и событіями. Художники того времени жили вельможами, предаваясь всѣмъ соблазнамъ и удовольствіямъ, которыя доставляли имъ огромныя получаемыя ими средства. Рафаэль съ своими жейщинами и пажамъ, Челлини—флорентинскій, съ своими неподражаемыми приключеніями, рассказанными имъ самимъ и повторенными другими, Тиціанъ и Аретинъ и многіе другіе художники, видѣвшіе предъ собою только одну землю съ ея наслажденіями и мало помышлявшіе о нравственномъ мірѣ, немало способствовали введенію въ искусство этого небывалаго въ немъ эротическаго элемента.

На испанскую живопись это новое направление итальянских художеств имѣло очень мало вліянія, и всѣ ея художники, даже жившіе очень долго въ Италіи, — чему примѣромъ можетъ служить извѣстный Рибера, прозванный Эспаньолетомъ, — за исключеніемъ очень немногихъ, или прежнею дорогою, указанною имъ ихъ предшественниками и прославленною ихъ произведеніями. Сохраненію этого древняго направленія испанской живописи и невведенію въ нее элемента зроческаго много способствовали самый характеръ испанскаго народа, мрачный и серьезный, упорно преданный старинѣ и поддерживаемый въ своихъ строгихъ правахъ вліяніемъ инквизиціи.

Итальянцы утверждали долгое время, что Рибера родился въ Неаполитанскомъ королевствѣ, въ Галлиполи, и упорно называли его своимъ соотечественникомъ; но метрическія книги, отысканныя въ—послѣдствіи времени въ *Ксавитль*, нынѣшнемъ Санто-Филиппо, въ Валенціи, доказали, что Рибера родился въ этомъ городѣ, 12 января 1588 года. Отецъ его, испанскій дворянинъ, проведеній большую часть своей жизни въ арміи, предназначалъ и Риберу къ военной службѣ, но, между-тѣмъ, желая и кое-какъ образоватъ его, послалъ въ валенскій университетъ. Живя въ Валенсіи, Рибера познакомился съ однимъ изъ учениковъ живописца Рибальты, ученика Аннибала Каррачи, началъ брать у него срисовывать рисунки, сдѣланные имъ въ школѣ его учителя, и такъ пристрастился къ живописи, что бросивъ университетскія занятія, самъ поступилъ въ мастерскую Рибальты. Огромная способность къ живописи и замѣчательные успѣхи Риберы заставили его отца переменить свое намѣреніе; онъ рѣшился сдѣлать сына художникомъ, и отправить въ Италію, для окончательнаго усовершенствованія съ старшимъ своимъ сыномъ, служившимъ въ испанской кавалеріи въ Неаполѣ. Начавшіяся вскорѣ военныя дѣйствія разлучили Риберу съ братомъ, и тѣмъ поставили его въ самое затруднительное положеніе. Безъ всякихъ средствъ къ существованію, не зная итальянскаго языка, Рибера не потерялся, и перенося тягостныя лишенія, кое-какъ добрался до Рима, въ которомъ существовалъ лишь тѣмъ, что пошлетъ ему для пропитанія случай. Не надѣясь на счастье будущаго дня онъ работалъ безъ устали цѣлый день, гдѣ случится, а ночевалъ, за неизбѣжимъ квартиры, на улицахъ, на голой землѣ, или подъ навѣсами древнихъ картинковъ.

Отчетливость рисунковъ Риберы, попавшихся какъ-то въ руки Кардинала Борджіа, и граціозность ихъ отдѣлки, обратили его вниманіе на этого испанца. Кардиналъ принялъ Риберу въ число своихъ придворныхъ служителей, предоставивъ ему полную свободу заниматься живо-

писью во всякое время. Освобождаясь отъ тягостей нищеты, Рибера сдѣлался безпеченъ, по цѣлымъ днямъ бродилъ по городу, зѣвая на проходящихъ, и совершенно позабылъ о живописи; но вскорѣ разсудокъ и природное влеченіе къ труду и искусству показали ему всю ничтожность и пустоту такой жизни. Онъ сбросилъ съ себя блестящую одежду, пренебрегъ ежедневными пиршествами, и снова пошелъ, покрытый прежнимъ рубищемъ, вести прежнюю жизнь, перебываясь день за день и питаясь тѣмъ, что давали ему товарищи въ обмѣнъ его рисунковъ.

Изучая послѣдовательно произведенія Рафаэля, Каррачей, Микель Анжело и Корреджіо, Рибера, будучи двадцати двухъ лѣтъ, уже успѣлъ усвоить себѣ манеру и стиль этихъ художниковъ, и прибавить къ нимъ свою собственную манеру; а между-тѣмъ, несмотря на все свое искусство, едва могъ себя поддерживать. Отчаявшись поправить дѣла свои въ Римѣ, онъ отправился въ Неаполь, не имѣя другой рекомендаціи, кромѣ своего блестящаго дарованія. Онъ жилъ въ Неаполѣ нѣкоторое время въ самой ужасной нищетѣ, куда одинъ богатый купецъ не принялъ въ немъ сильнаго участія. Портретъ, заказанный Риберѣ, послужилъ началомъ этому счастливому знакомству. Наумленный необыкновеннымъ искусствомъ молодого художника и движимый чувствомъ уваженія къ его дарованію, купецъ этотъ предложилъ Риберѣ квартиру въ своемъ домѣ, и наконецъ выдалъ за него свою дочь, считавшуюся первою красавицею Неаполя. Съ-этихъ-поръ началось счастье Риберы; слава и извѣстность не замедлили за нимъ послѣдовать.

Однажды, когда Рибера выставилъ для просушки на солнце свою картину, изображавшую *одного изъ мучениковъ варфоломеевской ночи*, предъ окномъ его собралась такая толпа, что вице-король неаполитанскій приказалъ освѣдомиться о причинѣ такого сборища, нежелалъ видѣть картину и пригласилъ къ себѣ художника. Рибера былъ тотчасъ же назначенъ придворнымъ живописцемъ съ назначеніемъ значительнаго содержанія, и избранъ членомъ римской художественной академіи. Многочисленные заказы отъ частныхъ людей, различныхъ монастырей и испанскаго короля являлись ежедневно, и картины Риберы все болѣе и болѣе входили въ славу, особливо его двѣ картины: Снятіе со креста, сдѣланная имъ для картезіанскаго монастыря, и его мадона Вianca. Между-тѣмъ, несмотря на богатство, на сильныя связи и дружбу съ самыми знатными неаполитанскими вельможами и на свое гостепримство и привычку давать ежедневныя празднества, приверженность Риберы къ труду была такъ велика, что онъ проводилъ иногда за работою цѣлые дни, безъ пищи и питья, забывая все окружающее. Такое напряженное трудолюбіе разстро-

вазо видимо его здоровье, и родные и друзья его принуждены были нанять особеннаго служителя, котораго вся обязанность заключалась въ томъ, чтобы напоминать Рибера, «что онъ уже работалъ столько-то часовъ.»

Вазари, между-прочими свѣдѣніями, собранными о Рибера, рассказываетъ, что однажды двое неаполитанскихъ дворянъ, занимавшіеся алхіміею, пришли къ нему съ предложеніемъ взять его въ часть своей прибыли, если онъ согласится ссудить ихъ извѣстною суммою денегъ, необходимую имъ, для добытія химическимъ процессомъ золота. Рибера отвѣчалъ имъ, что тайна дѣлать золото ему уже давно очень хорошо известна, и примѣтивъ на лицахъ ихъ выраженіе сильной недовѣрчивости, добавилъ, что если имъ угодно придти къ нему на слѣдующее утро, онъ имъ откроетъ свою тайну. Когда искатели философскаго камня явились на другой день, въ назначенный часъ, они застали Рибера сидящаго за работою. Художникъ извинился и просилъ ихъ немного подождать. Проходилъ часъ за часомъ, и алхимики начали уже выказывать сильное нетерпѣніе, когда Рибера окончилъ свою работу, и позвавъ слугу, отдалъ ему только что оконченную картину, приказывая отнести ее къ извѣстному куцу и получить отъ него четыреста дукатовъ. По возвращеніи посланнаго Рибера разсыпалъ по столу золото и сказалъ своимъ посѣтителямъ:

— Господа! вы видѣли мой химическій процессъ, и вотъ передъ вами чистое испанское золото. Согласитесь, что такое количество градь ли можетъ доставить вамъ ваша алхимія, въ столь короткое время!

У Риберы были двѣ дочери рѣдкой красоты, которыя часто служили ему моделями во многихъ его картинахъ. Одна изъ нихъ вышла замужъ за перваго испанскаго министра при неаполитанскомъ дворѣ. Пазолино, въ своихъ жизнеописаніяхъ испанскихъ художниковъ, говоритъ, что Рибера умеръ въ Неаполѣ, въ 1656 году, восьмидесяти семи лѣтъ, окруженный богатствомъ и славою.

Во всѣхъ произведеніяхъ Риберы столько неподражаемаго, хотя и мрачнаго колорита и столько сильнаго эффекта, что, несмотря на все стараніе, многіе замѣчательные художники не могли съ нимъ сравниться и усвоить себѣ его манеру письма. Рибера особенно былъ искусенъ въ изображеніи стариковъ, лица которыхъ, несмотря на множество рѣзко изображенныхъ морщинъ, все проникнуто необыкновенною живностію и граціею, а любимыми его сюжетами были предметы страшные и меланхолическіе, въ которыхъ онъ могъ выказывать свое

знаніе анатоміи и мускулярной системы; повтому—то онъ, болѣею частью, писалъ то Иксіоновъ, то Танталовъ и Пигмалионовъ, а въ религиозныхъ картинахъ мучениковъ первыхъ временъ христіанства и ихъ истязанія. Лучшими картинами Риберы, изъ находящихся въ Испаніи, почитаются: Зачатіе, Рождество Спасителя, Іоаннъ Креститель, ласкающій агнца, всѣ въ натуральную величину — въ Эскуриалѣ; Поклоненіе пастырей — въ королевской мадритской галлерей; Святая Изабелла, лицо которой онъ списывалъ съ одной изъ своихъ дочерей, и которое, по требованію монахинь, было переписано живописцемъ Клаудіо — въ мадритскомъ монастырѣ святой Изабелы. Кромѣ этихъ картинъ, множество картинъ Риберы, изображающія святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Павла пустытника, святаго Августина, Себастіана, и многихъ другихъ испанскихъ мучениковъ, во многихъ экземплярахъ разсыяны по всѣмъ провинціямъ и главнымъ городамъ Испаніи. Кромѣ своей извѣстности какъ живописецъ, Рибера славился какъ искусный граверъ, и множество гравюръ его, вытравленныхъ крѣпкой водкой, свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ дарованіи и въ этомъ искусствѣ. Прочіе рисунки и эскизы, оставшіеся послѣ его смерти, сдѣланные имъ перомъ съ изумительнымъ искусствомъ и бойкостію, выгравированы, въ—послѣдствіи времени, извѣстными художниками Востерманомъ, Боржіани, Келлеманомъ и Ланомъ. Особенно, въ этихъ рисункахъ Риберы, обращаютъ на себя вниманіе головы и лица, по своимъ смѣлымъ и труднымъ оборотамъ и по сильному выраженію. Болѣею часть этихъ лицъ были лица разбойниковъ, съ развѣданными или высколоченными волосами, оттушеванныя иногда бѣлымъ, иногда краснымъ карандашомъ, что придаетъ имъ еще болѣе выразительности. Подлинники съ которыхъ гравировали Востерманъ, Боржіани, Келлеманъ и Ланъ, очень рѣдки и немногіе изъ нихъ находятся въ королевскомъ мадритскомъ музеумѣ.

Современникомъ и соотечественникомъ Риберы былъ Энрикъ, прозванный *de las Marinas*, какъ и онъ жившій постоянно въ Италіи и какъ и онъ, умершій вдали отъ Испаніи. Энрикъ былъ чуть ли не единственнымъ испанскимъ художникомъ, посвятившимъ себя исключительно одной морской живописи. Онъ родился въ Кадиксѣ. Живописныя окрестности этого города и величественная перспектива береговъ рано развили въ немъ страсть къ живописи, къ изображенію волнъ въ различномъ ихъ состояніи, начиная отъ легкой зыби, пробѣгающей по ихъ поверхности, до сильной бури; такъ что не было ни одного живописца, современнаго ему, въ Европѣ, который бы могъ съ нимъ равняться. Многочисленныя картины его, изъ которыхъ лучшія находятся въ ко-

ролевской мадритской академіи, въ Римѣ и во Флоренціи, до того полны жизни, движенія и неподражаемой сквозности, что не остается желать ничего лучшаго. Самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Энрика de las Matinas почитается его видъ кадикскаго порта, по своей величинѣ, множеству фигуръ и предметовъ, сильному эффекту и превосходно выполненной перспективѣ. Энрикъ умеръ въ Римѣ, въ 1670 году, посреди сборовъ на родину, гдѣ ему сдѣлано было много заказовъ королемъ Филиппомъ IV.

Живописцы Хуанъ де-Тоledo, Антонио дель Кастильо, Антонио Переда, донъ Хуанъ де-Вальдесъ, Веласкецъ де-Сильва и Варроломей Мурильо заканчиваютъ собою семнадцатое столѣтіе, — самую блестящую эпоху испанскихъ художествъ.

Хуанъ де-Тоledo, уроженецъ города Лорка, въ Мурціи, учился первоначально у отца своего, Мигуэля Тоledo, а потомъ въ Италіи, въ мастерской Микель-Анжело, и наконецъ у Аннело Фалькони. Тщательное изученіе антиковъ и произведеній лучшихъ итальянскихъ живописцевъ, находившихся во дворцахъ римскихъ, развило его природное дарованіе. Возвратившись въ Испанію, Тоledo поселился на нѣкоторое время въ Гренадѣ, и занялся писаніемъ ночныхъ фарсовъ, сраженій, морскихъ вѣловъ, и наконецъ занялся единственно одною историческою живописью. Картины его, отличавшіяся вкусомъ, веселостію избираемыхъ имъ сюжетовъ, и живою, разнообразною композиціею, доставили ему вскорѣ такую извѣстность, что онъ вытребованъ былъ въ Мадридъ, по повелѣнію короля, для украшенія церкви мадритской доминиканской коллегіи d'Atocha. Житіе Св. Фомы, которое онъ написалъ въ куполѣ этой церкви, почитается образцовымъ его произведеніемъ. Кромѣ этой церкви, Тоledo расписалъ куполъ женскаго мадритскаго монастыря дона Жуана de Alarcon и украсилъ стѣны церкви картинами «Зачатіа», «Св. Троицей» и огромной картиной, больше натуральной величины, «Воскресенія Христа Спасителя», замѣчательной множествомъ помѣщенныхъ въ ней лицъ. Всѣ произведенія Хуана де-Тоledo отличаются нѣжностію письма, искуснымъ расположеніемъ группъ и дѣвственностію идеи. Кромѣ Мадрита, есть еще большія историческія картины Тоledo, религіознаго содержания, въ Мурціи: «Успеніе Богородицы» въ іезуитской коллегіи братьевъ Св. Евгенія, и въ Алькалѣ de Henarez «Преображеніе Господне». Тоledo умеръ въ Мадридѣ, въ 1665 году.

Изъ числа художниковъ, не покидавшихъ никогда Испаніи, Антонио дель Кастильо занимаетъ первое мѣсто, какъ по строгой правильности рисунка, сильному, многообразному выраженію лицъ своихъ фигуръ, такъ и по благородству идеи и превосходному изученію человѣческой

натуры, которыми отмѣчены всѣ его картины. Кастильо не доставало только граціи и живости колорита итальянской школы, чтобы стать наряду съ самыми знаменитыми, не только испанскими, но и итальянскими художниками. Получивши образованіе сперва въ мастерской отца своего, Августина дель Кастильо, а потомъ Зурбарана, Кастильо не могъ изучить той манеры, которою такъ прославились Рубенсъ, Тиціанъ и Рафаэль, великіе колористы своего времени, и сознавая самъ этотъ свой недостатокъ, пустился путешествовать по всей Испаніи, чтобы копируя съ картинъ, извѣстныхъ своимъ колоритомъ, приобрести то, чего ему доставало. Работая прилежно во всѣхъ городахъ, въ которыхъ только случалось ему останавливаться, Антонио дель Кастильо прибылъ наконецъ въ Севилью, гдѣ находился Мурильо, въ самомъ разгарѣ своей художественной славы. Рассказываютъ, что когда Кастильо увидѣлъ однажды одну изъ картинъ Мурильо, привлекавшую многочисленную толпу, яркостію красокъ, онъ отступилъ въ ужасѣ, и сказалъ окружающимъ его друзьямъ :

— Кастильо остается теперь только умереть, потому—что слава, которою онъ до-сихъ-поръ пользовался, кончена!

Онъ успѣшилъ оставить Севилью и возвратился въ родной свой городъ Кордову, давно имъ покинутый, впалъ въ глубокую задумчивость, и вскорѣ умеръ, въ 1672 году.

Нѣкоторые испанскіе биографы, и въ томъ числѣ Бермудецъ, добавляютъ, что увидя картину Мурильо, Кастильо почувствовалъ къ нему какую-то безотчетную ненависть, и при всякомъ удобномъ случаѣ, старался, какъ только могъ вредить его славу.

Кастильо оставилъ послѣ себя множество картинъ, которыя, по своей рѣдкости, очень дорого цѣнятся любителями. Самыми замѣчательнѣйшими картинами Кастильо почитаются : «Обрѣтеніе честнаго животворящаго Креста» и «Раскаавшійся разбойникъ», находящіяся въ больницѣ Назарееянина въ Севильи; «Распятіе Христа» въ главной залѣ бывшаго инквизиціоннаго зданія въ Толедо; Апостолы Петръ и Павелъ, Святой Викторъ и «Успеніе Богородицы» въ часовнѣ испанскихъ проповѣдниковъ (Los Haganjos) и «Св. Филиппъ и Яковъ», въ Кордовѣ.

Изъ школы Кастильо вышло очень много хорошихъ живописцевъ, изъ которыхъ особенно извѣстны: Педро Антонио, уроженецъ кордовскій, далеко превзошедшій въ колоритѣ своего учителя, и донъ Хуанъ де-Альфарио, прославившійся своими портретами, сходный своею манерою съ манерою Вандика, и въ-особенности своими миниатюрами. Изъ большихъ масляныхъ картинъ Альфарио болѣе прочихъ почитается, по оконченности и величинѣ, его картина «Воплощеніе», находящаяся въ кордовскомъ мо-

настырь босоногих кармелитокъ. Альфаро умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, унесъ съ собою въ могилу самыя блестящія надежды. Манера дона Антоніо Переды, художника, какъ и Кастильо, непокидавашаго никогда Испаніи, очень сходна съ манерою венеціанскихъ школъ. Композиція картинъ Переды богата и полна жизни; все у него движется, все какъ-будто говоритъ и дышитъ; рисунокъ смѣлъ, рѣшителенъ и полонъ граціи; позы фигуръ всегда глубоко обдуманы; колоритъ отличается необыкновенною свѣжестью. Перэда родился въ Вальядолидѣ, въ 1599 году, и чувствуя съ самыхъ молодыхъ лѣтъ сильное призваніе къ живописи, спѣшилъ въ Мадридъ, и вступилъ въ мастерскую Педро де-Лосъ Куваса, но недовольный его методою обученія и манерой, вскорѣ перешелъ къ живописцу Хуану Кресенціо, у котораго и усовершенствовался. Копируя съ картинъ лучшихъ итальянскихъ художниковъ, находящихся въ Эскуріалѣ и королевскихъ дворцахъ, онъ сдѣлался искуснымъ во всѣхъ родахъ живописи, въ пейзажной, исторической, и въ-особенности въ томъ родѣ, которымъ изобилуетъ фламандская школа. Не умѣя ни читать, ни писать, а между-тѣмъ, сознавая, что образованіе необходимо живописцу, чтобы быть вѣрнымъ изображаемымъ имъ историческимъ сюжетамъ, Перэда собралъ себѣ художественный кабинетъ, почитавшійся однимъ изъ первыхъ въ Испаніи; въ его время, и тамъ, окруженный эстампами, оригинальными рисунками, статуями и картинами лучшихъ живописцевъ Европы, проводилъ цѣлые дни. Къ этому художественному кабинету онъ присоединилъ всѣ извѣстныя сочиненія, касающіяся до живописи, скульптуры, архитектуры и перспективы, и желая писать какой-нибудь историческій предметъ, заставлялъ своихъ учениковъ, или знакомыхъ, читать ему то, что ему было нужно для исполненія его картины. Долговременные изустные уроки эти образовали изъ него одного изъ самыхъ ученыхъ и остроумныхъ художниковъ, какихъ, когда-либо, видѣла Испанія. Перэда умеръ въ Мадридѣ, въ одинъ годъ съ Кастильо, въ 1672 году, шестидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду.

Лучшими картинами Переды почитаются: его огромная историческая картина, изображающая маркиза Санта-Круца, подающаго помощь осажденнымъ Генуэзцамъ, сдѣланная для дворца Buen-Retiro; Спаситель, окруженный сонмомъ праведниковъ, въ церкви капуцинскаго монастыря Сантаго Антонія *del Prado*, въ Мадридѣ, и, кромѣ этихъ картинъ, много другихъ, пользующихся извѣстностью, въ городахъ: Толедо, Гренадѣ, Вальядолидѣ и Мурціи.

Донъ-Хуанъ Вальдесъ, также какъ и Кастильо и Перэда, никогда не видалъ образцовыхъ художественныхъ твореній римскихъ и венеціанскихъ школъ, и единственно самому себѣ обязанъ своимъ образованіемъ;

и потому всѣ его картины нисколько непохожи манерою на произведенія какой бы то ни было школы, хотя и отличаются тѣмъ же тонкимъ вкусомъ, благородствомъ идеи композиціи, правильностью рисунка, нѣжностью письма и яркостью колорита, какими отмѣчены картины первоклассныхъ итальянскихъ художниковъ. Ни одинъ живописецъ испанскій не изучилъ такъ вѣрно человѣческой природы, и никто отчетливѣе и выразительнѣе его не передавалъ на полотно тѣхъ многообразныхъ душевныхъ ощущеній и страстей, которыя волнуютъ человѣка. Всѣ лица его фигуръ, изображенныя имъ въ одномъ и томъ же душевномъ состояніи, такъ разнообразны, что сравнивая одинъ и тотъ же написанный имъ предметъ въ другихъ картинахъ, нельзя найти ни малѣйшаго сходства съ какииъ бы то ни было подобнымъ же сюжетомъ. Севильская художественная академія, признавая превосходство Вальдеса передъ прочими его современниками, избрала его, по смерти Мурильо, своимъ президентомъ, и много была ему обязана своимъ усовершенствованіемъ.

Вальдесъ умеръ въ Севильи, въ 1691 году, въ глубокой старости. Большая часть лучшихъ картинъ его находится въ Севильи и Кордовѣ.

Въ числѣ именъ испанскихъ живописцевъ этого періода нелькаютъ и нѣкоторыя женскія имена, между которыми болѣе прочихъ извѣстны имена Софонисбы Августіолы, по превосходно исполненнымъ миниатюрнымъ портретамъ королевской фамиліи и другихъ знатнѣйшихъ испанскихъ фамилій, и Луизы Рольданъ, ученицы отца своего, живописца Хуана Рольдана, которой многія историческія картины, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія, находятся во дворцѣ Buen-Retiro и въ мадритской соборной церкви.

Но весь этотъ семнадцатый вѣкъ, изобиловавшій столькими дарованіями и какъ бы сосредоточивавшій въ себѣ все, что только испанскія художественныя силы могли произвести лучшаго, только два живописца, Веласкецъ де Сильва и Мурильо, отмѣтили въ Европѣ своимъ существованіемъ и далеко разнесли славу испанскихъ художествъ. Прочіе художники, немного или даже нисколько неуступавшіе имъ въ дарованіи и искусствѣ, оставались за ними, какъ-будто въ тѣни, возбуждали восторгъ только однихъ испанцевъ, и лишь въ недавнее время, благодаря историческимъ изслѣдованіямъ и безпристрастной критикѣ нашихъ современниковъ, получили свою справедливую долю славы и извѣстности.

Diego Веласкецъ (Don Diego Rodriguez de Silva y Velasquez), ко-

того ныне называют Джакомо, заслужившій отъ современныхъ ему художниковъ прозваніе «*главы и князя всѣхъ испанскихъ живописцевъ*», родился въ Севильѣ, въ 1599 году. Мать его называлась Геронима Веласкецъ, а отецъ, донъ Родригезъ де-Сильва, происходилъ по прямой линіи отъ знатной и древней португальской фамиліи этого имени. Испанія должна быть много обязана дону Родригезу за то, что, восторжествовавъ надъ предрасудками, господствовавшими тогда въ высшемъ испанскомъ сословіи, онъ позволилъ своему сыну развить свои природныя наклонности и образовалъ изъ него художника. Давши предвзрительно сыну прекрасное домашнее образованіе, донъ Родригезъ отправилъ его потомъ въ мастерскую Герреры Старого, пользовавшагося тогда въ Севильѣ большою извѣстностью; но вскорѣ буйный нравъ и грубыя привычки Герреры едва не отняли у Веласкеца всякую охоту заниматься живописью. Робкій и кроткій Веласкецъ, никогда не пользовавшійся цвѣтущимъ здоровьемъ, не могъ привыкнуть къ выходкамъ Герреры, и съ сожалѣніемъ долженъ былъ покинуть своего учителя, дарованіе котораго онъ глубоко уважалъ и успѣлъ уже усвоить себѣ наперу, сильно отразившуюся на первыхъ его произведеніяхъ. Чувствуя, что собственныхъ его силъ и стараній будетъ недостаточно для окончательнаго усовершенствованія, Веласкецъ вступилъ къ Франциску Пачеко, котораго школу Паломинно называетъ «*Золотою кляткою живописи, академіей, и уби. жищемъ, открытымъ для всѣхъ лучшихъ дарованій Севильи.*»

Неутомимое прилежаніе и успѣхи, оказываемые Веласкецомъ, обратили на него особенное вниманіе Пачеко, и онъ приложилъ особенное стараніе, чтобы способствовать развитію рѣдкой понятливости и плодотворнаго воображенія своего ученика. Въ послѣдствіи времени, когда первыя выставленныя картины Веласкеца обратили на него общее вниманіе, эти два знаменитые художника сблизились еще тѣснѣе, и Веласкецъ сдѣлался зятемъ Пачеко. Чтобы оправдать блестящія надежды, которыя полагалъ на него Пачеко, молодой художникъ удвоилъ свое прилежаніе и исключительно предался изученію человѣческой природы, съ изумительнымъ успѣхомъ. Нанявъ къ себѣ въ услуженіе молодого севильскаго крестьянина, Веласкецъ сдѣлалъ изъ него натурщика, и заставляя служить себѣ моделью во всякое время, то пугалъ, то изумлялъ его, то заставлялъ плакать или смѣяться, и передавалъ на полотно всѣ разнообразныя душевныя ощущенія, которыя замѣчалъ на лицѣ своего слуги. Кромѣ этихъ этюдовъ съ живой природы, Веласкецъ занимался въ тоже время рисованіемъ всего того, что болѣе поражало его взглядъ, и такимъ-образомъ, съ рѣдкою отчетливостью писалъ пейзажи,

животныхъ, внутренность жилищъ, портреты, и составлялъ картоны для историческихъ картинъ и картинъ de genre..

Но между-тѣмъ первое направленіе, данное его таланту, привычка брать себѣ моделью все, что ни попадалось ему на глаза, совершенное незнаніе образцовыхъ произведеній италіанской школы, привязанность его къ манерѣ Герреры Старого, который болѣе всего искалъ только одной точности, не заботясь о граціи, положили на первыя произведенія Веласкеца какой-то общій, вульгарный отпечатокъ, напоминающій произведенія фламандской школы. Таковы были его картины: «el Aguador de Sevilla», изображающая сторожа у источника, подающаго пить мальчику, замѣчательная впрочемъ по смѣлости рисунка и граціозности композиціи, «Поклоненіе Пастырей», и «двое гулякъ, Bagachos» въ которой неподражаемо изображена грубая эпопея пьянства. Этими картинами начинается извѣстность Веласкеца. Впрочемъ Веласкецу не суждено было долго оставаться только однимъ прекраснымъ, матеріальнымъ подражателемъ натуры; и его идеи приняли другое направленіе при видѣ картинъ художниковъ италіанской школы и работъ Людовика Тристана, ученика Доминика Греко, останавливавшася на время въ Севильѣ. Веласкецъ въ одну минуту понялъ, чего ему не доставало въ живописи, и не колеблясь оставилъ Севилью и переселился въ Мадридъ, въ которомъ онъ уже былъ многимъ извѣстенъ. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ 1622 году, имѣя только двадцать-три года, и поселился въ домѣ двухъ богатыхъ мадритскихъ дворянъ дона Людовика и доня Мельхиора д'Альказаръ, доставившихъ ему всевозможныя средства и у которыхъ онъ написалъ своей первый знаменитый портретъ съ дона Луиджи Гонговы. Дарованіе Веласкеца доставило ему вскорѣ новое покровительство Хуана де Фонтекса, одного изъ первыхъ грандовъ короля Филиппа IV. Это первое пребываніе въ Мадридѣ впрочемъ не было продолжительно, и Веласкецъ, уступивъ требованію жены и тестя, долженъ былъ возвратиться въ Севилью, въ которой онъ пробылъ также недолго. Донъ-Хуанъ де Фонтекса снова вытребовалъ Веласкеца въ Мадридъ, въ которомъ обѣщалъ ему богатство и почести, пенсіонъ отъ министра, герцога Оливареца, и входъ къ королевскому двору. Оливарецъ исполнилъ все, что обѣщалъ, и Веласкецъ, въ знакъ своей благодарности, написалъ съ своего знаменитаго мецената портретъ, представляющій его на полѣ, между двумя противными арміями. Въ это же почти время Веласкецъ написалъ портретъ съ кардинала Фонсеку, съ нѣкоторыхъ первокласныхъ грандовъ, съ инфантовъ и съ самаго короля Филиппа IV, котораго онъ представилъ верхомъ, въ полномъ вооруженіи. Картина эта, написанная Веласкецомъ въ натураль-

ную величину, почитающаяся за одно из образцовых его произведений, доставила ему званіе перваго королевскаго живописца и денежную награду въ триста золотыхъ дукатовъ. Вскорѣ послѣ этихъ работъ Веласкецъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ живописцами Киксесомъ, Кардуго и Анжело Нарди, къ начертанію эскиза исторической картины, представляющей «Изгнаніе марвовъ изъ Испаніи въ царствованіе Филиппа III,» которая должна была украшать королевскую залу. Рисунокъ Веласкеца былъ предпочтенъ прочимъ, и кромѣ цѣны за прекрасное исполненіе заказа, Веласкецъ былъ наименованъ королевскимъ камергеромъ и главнымъ придверникомъ Эскуриала. Съ этихъ поръ началось для Веласкеца то блистательное поприще, которому такъ завидовали всѣ современные ему художники, считавшіеся также живописцамъ короля.

Въ 1628 году, прибывъ въ Мадридъ Рубенсъ, посланникомъ англійскаго двора, и скорѣ дружба соединила его съ Веласкецомъ, болѣе нежели ихъ officialныя обязанности. Разсматривая вмѣстѣ съ Веласкецомъ образцовыя произведенія, украшавшія галереи Пардо и Эскуриала, Рубенсъ постоянно говорилъ объ Италиі, прославляя Рафаэля и Микеля Анжело, и все болѣе и болѣе поселялъ въ душѣ испанскаго живописца желаніе увидѣть Римъ и Венецію. Филиппъ IV, нежелавшій разстаться съ своимъ любимцемъ, наконецъ долженъ былъ уступить его просьбамъ, и Веласкецъ, снабженный четырьмястами дукатами, жалованьемъ за два года впередъ и званіемъ уполномоченнаго короля, отплылъ изъ Барцелоны въ ту страну, о которой онъ слышался столько чудеснаго.

Прибывъ въ Венецію, Веласкецъ началъ съ восторгомъ изучать Титторета и Тиціана, но возникшая война между Франціею и Испаніею, за наследство престола, принудила его оставить этотъ городъ и переехать въ Римъ, въ которомъ онъ былъ принятъ съ особеннымъ вниманіемъ папою Урбаномъ VIII. Помѣщенный въ самомъ Ватиканѣ, Веласкецъ могъ во всякое время свободно удивляться и изучать всѣ лучшія картины, которыми были украшены: храмъ Св. Петра и Павла и залы первосвященническаго дворца. Онъ воспользовался своимъ помѣщеніемъ и срисовалъ карандашомъ, «Послѣдній Судъ, Микель-Анжело и «Ложи» Рафаэля, и кромѣ этаго, въ продолженіе своего годичнаго пребыванія въ Римѣ, несмотря на другія живописныя работы, которымъ онъ посвящалъ почти все время дня, Веласкецъ написалъ свой портретъ, который послалъ онъ къ своему тестю Пачеко, «Кузницу Вулкана» и «Братя Іосифа, показывающіе Іакову одежду его сына», картины, высокоцѣнимыя въ Испаніи по своимъ рѣдкимъ художественнымъ достоинствамъ.

Между-тѣмъ годовое отсутствіе Веласкеца показалось слишкомъ

продолжительнымъ Филиппу IV, и онъ, поручивъ ему купить въ Римъ и Венеціи нѣсколько картинъ Тинторета, Тиціана, и эскизъ картины «Рай Веронеза, назначилъ ему самъ послѣдній срокъ, въ который онъ долженъ былъ непременно прибыть въ Мадридъ и занять мѣсто свое при дворѣ. Успѣвъ посѣтить Неаполь и навѣстить въ немъ своего соотечественника Риберу, Веласкецъ прибылъ къ назначенному сроку въ Мадридъ, гдѣ король принялъ его съ большою милостію, и объявилъ, что во все продолженіе его путешествія онъ не позволялъ ни одному изъ своихъ живописцевъ списывать съ себя портрета, дожидаясь единственно его. Картины, писанныя Веласкецомъ по прибытіи изъ Италіи, почти всѣ, по этому случаю, изображали исключительно Филиппа IV, въ разныя минуты его торжества, или представляли особъ его семейства и знатныхъ вельможъ испанскаго двора, которыхъ портреты заказывалъ Веласкецу самъ король для своихъ дворцовъ. Милости Филиппа IV къ Веласкецу увеличивались съ каждымъ днемъ, и желая подражать своимъ предшественникамъ, Филиппу II и Филиппу III, и слыть также, какъ они, самому знатномъ живописи и художникомъ, король очень часто посѣщалъ мастерскую Веласкеца и оставался тамъ по нѣсколько часовъ сряду. Паломнио говоритъ, что въ одно изъ такихъ посѣщеній, видя, что Веласкецъ доканчивалъ свой собственный портретъ, король взялъ у него изъ рукъ кисть, и сказавъ:

— Дай я самъ прибавлю къ твоему портрету аксессуаръ, который необходимъ, чтобы придать ему болѣе сходства, пририсовалъ орденъ Св. Іакова Компостельскаго, большаго креста, котораго тогда-же Веласкецъ былъ назначенъ кавалеромъ.

Черезъ десять лѣтъ Веласкецъ снова посѣтилъ Италію. Желая основать въ Мадридѣ, по примѣру Севильи, художественную академію, Филиппъ IV поручилъ своему любимцу закупить для нея въ Римѣ и въ Венеціи, статуи, картинъ и снять слѣпки съ лучшихъ антиковъ. Къ этому времени принадлежитъ портретъ, снятый Веласкецомъ съ папы Иннокентія X, который произвелъ въ Римѣ такой-же общій восторгъ, какой производилъ портретъ папы Льва X, писанный Рафаэлемъ, и портретъ Павла III, Тиціаномъ. Исполнивъ блистательно возложенное на него порученіе, Веласкецъ, былъ осыпанъ новыми милостями, назначенъ гофмаршаломъ и сопровождалъ Филиппа IV къ французской границѣ, для свиданія съ французскимъ королемъ Людовикомъ XIV, прибывшимъ для встрѣчи своей невѣсты, инфантинны Маріи Терезіи, въ 1660 году, 7 іюня. Возвратившись въ Мадридъ, Веласкецъ умеръ въ этомъ-же году, шестидесяти одного году.

Всѣ произведенія Веласкеца отличаются вѣжностью письма, разно-

образить композицій, благородствомъ вкуса, яркими колоритомъ, и вообще напоминаютъ собою манеру Караваджіо, улучшенную въ знаніи человѣческой природы. Во всѣхъ нихъ замѣтна энергія древнихъ произведеній Греціи, правильность римскихъ школъ и граціозность венеціанскихъ. Замѣчательнѣйшія картины Веласкеца: Іосифъ, проданный своими братьями, Aguador del Sevilla, Изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи, Вулканъ, Венера и Марсъ (превосходная по выраженію чувства удивленія и вѣстѣ смущенія на лицѣ Вулкана), начатая и оконченная въ Римѣ, находится во дворцѣ Buen-Retiro; Братья Іосифа, показывающіе его окровавленную одежду Іакову, Торжество Богородицы, обѣ въ натуральную величину, въ Эскуриалѣ; торжественное вшествіе Филиппа IV въ Лериду, Королева Изабелла Бурбонская на конѣ и герцогъ Оливарецъ верхомъ между двумя арміями, въ мадритскомъ королевскомъ дворцѣ Torre de-la-Parada, всѣ въ натуральную величину, и кромѣ-того множество картинъ въ мадритскомъ соборѣ, главныхъ церквахъ мадритскихъ и другихъ главныхъ городахъ Испаніи.

Въ Луврской галерей, въ Парижѣ, изъ извѣстныхъ картинъ Веласкеца, есть его собственное семейство, почитающееся однимъ изъ образцовыхъ произведеній, портретъ инфантинны Маргариты, дочери Филиппа IV, портретъ Маріи-Анны Австрійской и многіе портреты принцевъ австрійскаго дома, начиная съ Филиппа I до Филиппа IV. Въ собраніи испанскихъ картинъ С.-Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа, между многими картинами Веласкеца особенно замѣчательны по своей окончности: Смерть Св. Іосифа, портреты папы Инокентія X, Короля Филиппа IV, герцога Оливареца и смѣющийся мальчикъ (вѣроятно, одна изъ первыхъ картинъ Веласкеца, списанная имъ съ его севильскаго натурщика — слуги).

Изъ многихъ учениковъ Веласкеца болѣе другихъ извѣстны: Іаковъ Лудена, умершій въ молодыхъ лѣтахъ и очень сходный манерою съ своимъ учителемъ, Варфоломей Романъ, учившійся сперва у Викентія Карлучо, сходный манерою съ Рубенсомъ, — Мацо Мартинецъ, зять Веласкеца, прославившійся болѣе всего батальными картинами, изображеніемъ различныхъ охотъ, а также изумительнымъ искусствомъ, съ которымъ онъ дѣлалъ копіи съ картинъ извѣстныхъ итальянскихъ художниковъ, — Николо де-Виллацисъ, расписавшій всю церковь босоногихъ триптаріевъ въ Мурціи, — Францискъ Палаціосъ и Хуанъ Парейя, который въ особенности предъ прочими заслуживаетъ вниманія.

Хуанъ Парейя, Мавръ по происхожденію, родился въ Севильи и былъ невольникомъ Веласкеца, и потому то Веласкецъ, изъ уваженія, которое питалъ къ своему искусству, никакъ не хотѣлъ, чтобы Парейя уча-

ся живописи, и только въ знакъ особенной своей снисходительности къ видной страсти своего невольника къ искусствамъ, позволялъ ему натирать краски, натягивать и грунтовать полотно, и мыть кисти. Блѣдный Мавръ, сознавая въ себѣ иное, высшее призваніе, исполнялъ свою обязанность съ затаеннымъ отвращеніемъ, и каждый разъ, когда Веласкеца не было дома, или когда онъ полагалъ, что за нимъ не присматриваютъ, принимался чертить, срисовывать съ картинъ своего господина, и иногда осмѣливался даже дотрогиваться до его кистей и палитры. Часто, удаваясь на темный чердакъ, служившій ему комнатою, Парейя проводилъ цѣлыя ночи, рисуя остатками мѣла или угля, которые ему удавалось припрятать незамѣтно, разными фигуры и другіе предметы, видѣнные имъ днемъ. Страсть его къ живописи, по мѣрѣ его успѣховъ возрастая съ каждымъ днемъ, и не имѣя возможности рисовать самъ, онъ безотлучно находился позади кресель Веласкеца, внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ его руки, за каждою чертою и тѣнью, проведенною на картинѣ, стараясь что-нибудь подмѣтить, чтобы потомъ перенести въ головѣ на свой чердакъ. Превосходная память, безиредѣльная любовь къ живописи и непремѣнное желаніе сдѣлаться когда-либо художникомъ—многое способствовали ему уловить манеру Веласкеца и приобрѣсти то знаніе, которое получается только чрезъ долгое, матеріальное упражненіе.

Наконецъ страсть Парейи превратилась въ какой-то болѣзненный зудъ, не давала ему ни минуты покоя, и окончательно пересилила болѣзнь быть строго наказаннымъ за ослушаніе воли своего господина. Парейя нанисалъ на своемъ чердакѣ украдкою нѣсколько картинъ, выбралъ изъ нихъ лучшую, и ждалъ терпѣливо только счастливаго случая, чтобы какъ-нибудь умилостивить Веласкеца и показать ему, какъ много могло потерять искусство, такъ сильно имъ уважаемое, отъ ложныхъ понятій, что мавру не должны доставаться на долю извѣстность и слава.

Случай этотъ скоро представился!

По возвращеніи изъ Рима, Веласкець ожидалъ къ себѣ, въ назначенный день, въ мастерскую, Филиппа IV.—Парейя зная, что Король имѣлъ привычку оборачивать всѣ картины, поставленныя рисункомъ къ стѣнѣ, и между неоконченными картинами Веласкеца и его учениковъ, ловко поставилъ и свою только-что оконченную картину, надъ которою онъ провелъ много бессонныхъ ночей, между страхомъ быть открытымъ и наказаннымъ, и надеждою со славою окончить свое произведеніе, чтобы имѣть въ немъ единственнаго за себя ходатая предъ непреклонною волею Веласкеца.

Чего ожидалъ Парейя, то случилось! Оборнувъ и осмотрѣвъ нѣс-

когда картину, Король съ удивленіемъ и восторгомъ остановился предъ произведеніемъ Парейи, и показывая немѣте его удивленному Веласкецу на прекрасный, правильный рисунокъ, на граціозность композиціи, яркій колоритъ и тщательную оконченность картины, спросилъ его, кто написалъ такое образцовое произведеніе: онъ самъ, или кто-нибудь изъ его учениковъ?

Всѣ молчали, переглядывались, и никто не могъ угадать таинственнаго художника. Тогда блѣдный и трепещущій Парейа бросился къ ногамъ Филиппа IV, и умоляя и его и Веласкеца о милосердіи, признался, какъ-будто въ какомъ страшномъ преступленіи, въ употребленной вѣщности: прося прощенья въ ослушаніи приказанія своего господина и benefactora, Парейа, въ трогательныхъ словахъ, прерываемыхъ рыданиями, высказалъ свою непреодолимую страсть, свой мучительный недугъ къ живописи, и все, что онъ перенесъ, чтобы окончить эту свою картину, и все, на что онъ готовъ рѣшиться и претерпѣть, лишь бы его не отнимали такъ безжалостно отъ любимаго занятія

Тронутый Король, осыпая похвалами дарованіе Парейи, предложилъ Веласкецу богатый выкупъ за его невольника.

— Государь, отвѣчалъ Веласкецъ, дружески поднимая Мавра: священную для меня волю вашего величества опередила уже высшая воля, имя Божеская! Съ той самой минуты, когда взглядъ мой упалъ на эту картину, я уже созналъ, что буду преступникомъ, если лишу мое отечество такого замѣчательнаго художника. Я уже болѣе не господинъ Парейи, по его лучший другъ и заботливый наставникъ!

Веласкецъ сдержалъ свое слово, и Парейа нашелъ въ немъ точно и истиннаго друга, предупреждавшаго все его нужды, и заботливаго наставника, который, предпочтительно предъ прочими своими учениками, старался посвятить его во все таинства живописи и способствовать теми средствами къ развитію его природнаго дарованія. Проникнутый чувствомъ благодарности, Парейа не пожелалъ однако воспользоваться даромъ ему свободою, и постоянно жилъ у Веласкеца, прислуживая ему въпрямую, и даже послѣ смерти Веласкеца оставался слугою у его вѣри.

Парейа особенно былъ искусенъ въ портретной живописи, и такъ былъ сходенъ во всемъ съ Веласкецомъ, что, не имѣя вѣрныхъ данныхъ, трудно иногда бываетъ отличить портреты Парейи отъ портретовъ его учителя. Онъ умеръ въ Мадридѣ, въ 1670 году, семидесяти лѣтъ. Картины и портреты Парейи, болѣею частію, были писаны для частныхъ людей, и потому Паломини не указываетъ ни на одно публичное зданіе, которое бы украшалось произведеніями Парейи.

Кроме Веласкеда-де-Сильва былъ въ Испаніи еще одинъ современный ему живописецъ этого же имени—Веласкецъ Минайа, писавшій исключительно однихъ звѣрей, птицъ, плоды и цвѣты. Онъ былъ главнымъ конюшимъ при Испанской Королевѣ, и почитался въ свое время хорошимъ живописцемъ, котораго картины находили себѣ многихъ охотниковъ.

Последнимъ представителемъ славной эпохи испанской живописи былъ Мурильо. По словамъ Паломино, Варфоломей-Эстебанъ Мурильо родился въ Пиласѣ, небольшомъ городкѣ, близъ Севильи, въ 1613 году, а по другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ самой Севильи, 1 января 1618 года. Дѣтство его было грустно, окружено всякаго рода лишениями. Замѣчательныя способности къ живописи, выказанныя имъ съ самой ранней молодости, рѣшили отца его, человека бѣднаго, немѣвшаго никакихъ средствъ, дать ему хотя какое-нибудь образованіе, сдѣлать Мурильо художникомъ, и потому, когда ему наступило шестнадцать лѣтъ, онъ отданъ былъ въ ученіе къ дальнему своему родственнику Хуану дель-Кастильо. Прилежный и понятливый мальчикъ, скоро преодолѣлъ первыя трудности рисованія, и блистательно воспользовался уроками своего учителя, который, по всей справедливости, почитался превосходнымъ рисовальщикомъ, а между-тѣмъ колоритъ его оставался безцвѣтнымъ и сухимъ, какъ колоритъ всѣхъ художниковъ флорентійской школы, послѣдователемъ которой былъ также и Кастильо. Но вскорѣ самъ случай помогъ Мурильо измѣнить манеру и стиль своего учителя, слѣдуя которому, онъ никакъ бы не могъ въ-послѣдствіи заслужить названіе «главы испанскихъ колористовъ» и стать наряду съ Веласкедомъ—«главою всѣхъ испанскихъ живописцевъ». Денежныя дѣла требовали присутствія Кастильо въ Кадиксѣ, и онъ уѣхалъ изъ Севильи, къ большому сожалѣнію Мурильо, лишившагося въ немъ единственнаго руководителя. Предоставленный собственнымъ своимъ способностямъ, не имѣя никакихъ средствъ не только къ образованію, но и къ жизни, Мурильо принялся рисовать маленькіе образа, хоругви, и продавать ихъ испанскимъ мореходцамъ, отправлявшимся въ Америку, къ новообращеннымъ въ христіанскую вѣру жителямъ Мексики и Перу. Такого рода работы погубили бы всякій другой талантъ, а между-тѣмъ Мурильо единственно имъ обязанъ былъ развитіемъ своего дарованія, навыкомъ и первою, новою своею манерою—яркостію колорита. Во-время этихъ поденныхъ работъ, чуждыхъ всякаго творчества и идеи, проѣзжалъ чрезъ Севилью въ Гренаду, возвращаясь изъ Лондона, живописецъ Педро де-Мойа, ученикъ Вандика. Мурильо увидѣлъ его произведенія, и приведенный ими въ восторгъ, поспѣшилъ принять ихъ за образецъ художественнаго совершенства. Но присутствіе Педро де-Мойи въ Се

нны не было продолжительно, и Мурильо вторично остался без наставника, которого советы начинали уже видимо действовать на прежнее направление Мурильо. Глубоко пораженный этимъ отъездомъ, который онъ почиталъ для себя видимымъ несчастіемъ, Мурильо былъ нѣкоторое время въ неизвѣстности, что оставалось ему предпринять. Вдругъ блестящая мысль мелькнула въ головѣ его и вывела изъ безнадежности. Онъ рѣшился посѣтить Италію! Оставалось только найти средство къ исполненію этого предпріятія, отъ котораго Мурильо многого ожидалъ себѣ въ будущемъ. Но гдѣ и какъ найти эти средства? Блестящія мечты должны были рушиться, и будущность, полная славы, обратиться въ одинъ пустой и напрасный сонъ. У Мурильо не было ни знакомыхъ, ни друзей, ни покровителей, которые бы могли оказать ему помощь. Находчивость и твердая рѣшимость Мурильо нашли возможность преодолѣть всѣ препятствія непреодолимые, для другихъ людей съ менѣе желѣзныхъ характеромъ. Мурильо накушилъ полотна, нагрунтовалъ его, разрѣзалъ на маленькіе кусочки, и началъ писать образа, пейзажи, люди, цвѣты, разныхъ животныхъ и тому подобное, продалъ ихъ всѣ гуртомъ, и такимъ-образомъ получилъ порядочную сумму.

Первая преграда къ славѣ рушилась; не сказывая никому о своихъ замыслахъ, Мурильо, простился съ Севильею, и чтобы не дѣлать лишнихъ расходовъ, пошелъ пѣшкомъ въ Мадридъ, не будучи еще вполне увѣренъ, какъ онъ изъ него проберется въ Италію. Прибывъ въ Мадридъ, по какому-то счастливому случаю онъ нашелъ дорогу къ Веласкесу, и открылъ ему все, что таилось въ его душѣ. Этотъ вельможа-художникъ, котораго многіе испанскіе биографы несправедливо упрекали въ зависти къ таланту Мурильо, отклонилъ его отъ такого далекаго и убыточнаго путешествія, доставилъ ему возможность изучать произведенія Тиціана, Рубенса, Веронеза, Вандика, Микель-Анжело и Тинторетта, не выходя изъ Мадрита, и не жалѣлъ ни совѣтовъ, ни наставленій, ни денегъ, чтобы развить гениальныя способности своего молодого соотечественника.

Три года провелъ Мурильо въ Мадридѣ, постоянно посѣщая Эскуріаль и залы королевскихъ дворцовъ, и изучая, подъ руководствомъ Веласкеса, всѣ лучшія произведенія, собранныя въ-продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, въ особенности же колористовъ, Тиціана, Рубенса и Вандика

Въ 1645 году Мурильо возвратился въ Севилью, въ которой не обратилъ на него никакого вниманія, и только черезъ годъ, художественная выставка, украшенная его картинами: Вдохновеніе монаха, Милостыня Санъ-Діего и Смерть святой Клары, сдѣланными для се-

сильскаго монастыря Святаго Франциска, открыли его забытымъ соотечественникамъ присутствіе въ ихъ городѣ знаменитаго художника. Все дивились его произведеніямъ, и никто не цѣнилъ, гдѣ могъ онъ приобрести, въ такое короткое время, ту превосходную манеру, въ которой соединялись стили Риберы со стилемъ Вандина и Веласкеца? Картины Мурильо привлекли всеобщее вниманіе, и поставили его выше всѣхъ прочихъ живописцевъ Севильи, хотя въ этихъ картинахъ надъ ихъ самобытностію видимо еще преобладали гений и вліаніе Веласкеца.

Съ-этихъ-поръ счастье начало улыбаться Мурильо, онъ получилъ многочисленные заказы отъ разныхъ монастырей, и скорѣе жаждалъ на богатой и знатной дѣвушкѣ, Беатрисъ де-Кабрера, принесшей въ даръ только его одному дарованію, свое имя и свое состояніе.

Въ 1655 году Мурильо написалъ святаго Леандра и Святаго Исидора, оба болѣе натуральной величины, которыя окончателно упрочили за нимъ громкую славу. Напрасно будетъ приводить здѣсь нѣкоторые мнѣнія, которыми зависть и жалкая посредственность хотѣли унизить достоинство Мурильо, доказывая, что онъ никогда не писалъ ничего возвышеннаго, что въ идеѣ его всегда слишкомъ много матеріальнаго, что рисункъ его немного правильнѣе рисунки живописцевъ шестнадцатаго столѣтія, и т. п. Произведенія Мурильо сами могутъ уничтожить эти мелкія нападенія.

Въ 1667 и 1668 году онъ росписалъ главный предѣлъ севильской соборной церкви, подновилъ фрески, составленные Павломъ де-Цеснедесею, и сочинилъ рисунокъ для купола монастыря монаховъ францискайскаго ордена. Увида этотъ рисунокъ вблизи, монахи были искужены его грубымъ исполненіемъ, но Мурильо, не отвѣчая ни слова на все ихъ замѣчанія, требовалъ только, чтобы огромный картонъ его былъ поставленъ на назначенное ему мѣсто. Францискашцы едва согласились исполнить это требованіе.

Едва только картина достигла извѣстной высоты, лица изображенныхъ на ней фигуръ стали дѣлаться шѣжнѣ, драпировка легче и воздушнѣе, тѣни, тоны и полутоны начали гармонизоваться и соединяться въ одно граціозное цѣлое. Достигнувъ своего назначеннаго мѣста, картина была найдена всеми превосходною, а ликъ Богородицы, противъ котораго болѣе всего возставали францискашцы, показался написаннымъ нечеловѣческою рукою. Монахи должны были сознаться, что не могутъ имѣть ничего лучшаго, но оскорбленный Мурильо не хотѣлъ слушать никакихъ похвалъ, объявилъ, что оставляетъ картину себѣ, и францискашцы, чтобы сохранить ее, должны были удвоить условленную плату.

Время между 1670 и 1680 годами было самымъ блестящимъ вре-

лесить славы Мурильо. Въ 1674 году онъ кончилъ свои большія знаменитыя картины: Святую Елисавету Королеву Венгерскую, — Блуднаго сына, — Христосъ, насыщающій хлѣбомъ и рыбами, — Авраамъ, принимающій къ себѣ трехъ ангеловъ, — Моисей, изсѣкающій изъ утеса воду, и Спасителя въ Гессеманской купели. Почти въ это же самое время Мурильо написалъ свою знаменитую картину — Святаго Петра, Младенца Иисуса, раздающаго хлѣбъ бѣднымъ, и кромѣ того двадцать-три картины, немого меньше натуры, которыя были ему заказаны севильскими монахами капуцинскаго ордена, и которыя были, говорятъ, перевезены въ Америку.

Удовлетворивъ многочисленныя заказы въ Севилья, Мурильо отправился въ Кадиксъ, въ которомъ онъ исполнилъ, для главнаго алтаря монастыря капуциновъ, свое образцовое произведеніе — Обрученіе Великомученицы Екатерины.

Работая надъ этой картиною, Мурильо упалъ съ подмостковъ, и такъ сильно разшибся, что не могъ продолжать; и картина была окончена ученикомъ его Менесесомъ Озорю. Паденіе это разрушило здоровье Мурильо, и онъ, претерпѣвая нестерпимыя мученія, былъ перевезенъ въ Сепилью, въ которой и умеръ послѣ продолжительныхъ страданій, въ рукахъ любимаго своего ученика, кавалера Нуноа де-Виллавицио, 3-го апрѣля 1682 года, шестидесяти-четырехъ лѣтъ.

Съ рѣдкимъ художественнымъ дарованіемъ, Мурильо соединялъ слѣдующія благородныя качества. Молодые художники всегда могли быть увѣрены въ его дружбу, покровительство и въ его желаніи служить имъ всѣми своими знаніемъ и опытностію. Прежде было уже сказано, сколько обязанъ Мурильо Севилья своею академіею, при основаніи которой онъ долго долженъ былъ бороться съ горделивымъ упорствомъ Хуана Вальдеса Леаи и съ завистью Герреры Молодаго, и въ которой онъ первый завелъ публичное обученіе съ живою натурою. Исчисляя всѣ достоинства Мурильо, Дарру (Dargoux), въ своихъ замѣткахъ о немъ говоритъ, что кромѣ своей знаменитости, какъ историческаго живописца, Мурильо считался также какъ и превосходный пейзажистъ, и добавляетъ, что первоначально весь фонъ и задній планъ его картинъ былъ писанъ неистиннымъ итальянскимъ художникомъ Ирриартомъ, которому Мурильо, видѣвъ его пейзажи, писалъ на его пейзажахъ фигуры. Однажды, когда они условились вмѣстѣ писать картину, между ними возникъ споръ, кто первый изъ нихъ долженъ начать. Мурильо требовалъ, чтобы началъ Ирриартъ, — Ирриартъ настаивалъ въ противномъ. Друзья поспорили, и Мурильо одинъ написалъ и пейзажъ, и фигуры, и съ-тѣхъ-поръ уже не требовалъ ни чьей помощи.

Картинами Мурильо наполнены почти все главныя города Испаніи

и лучшія картинныя галереи остальной Европы. Въ Севильи, въ монастырѣ Святаго Франциска, находятся одиннадцать большіхъ его картинъ, изображающія разныя событія изъ жизни братій этого ордена. Въ больницѣ Милосердія сохраняется его Святой Іоаннъ, несущій нищаго и вселомоществуемый ангеломъ, — Елисавета Венгерская, — Моисей, разсыпавшій жезломъ утесъ и Чудо пяти хлѣбовъ. Въ севильскомъ соборѣ: Святой Леандръ и Исидоръ, Зачатіе Богородицы и портретъ каноника Фаустина Нивеца, представленнаго съ собачкою въ рукахъ; въ капуцинскомъ монастырѣ Святаго Фомы Вильневскаго: Бѣгство Іосифа въ Египеть и Тайная вечера; въ августинскомъ севильскомъ монастырѣ, картинами Мурильо украшена вся трапеза; въ Кадиксѣ предсмертная его картина — Обрученіе Великомученицы Екатерины; въ Гренадѣ, въ женскомъ монастырѣ del Angelo, Добрый пастырь, изображенный младенцемъ; въ Кордовѣ — Зачатіе Богородицы; въ Мадридѣ, въ часовнѣ женскаго кармелитскаго монастыря Святой Анны, поясной образъ святаго Іосифа и Младенца Спасителя; въ англійской національной галерей, между многими небольшими картинами Мурильо, находится одна изъ лучшихъ картинъ его, изображающая испанскаго нищаго мальчика, и наконецъ въ С. Петербургскомъ Императорскомъ Эрмитажѣ, между восемнадцатью картинами Мурильо небольшой величины, красуется знаменитое произведеніе его — Поклоненіе пастырей и Мученіе святаго Петра Доминиканца, въ натуральную величину.

Со смертію Веласкеца и Мурильо, испанская живопись снова пришла въ упадокъ, и хотя ученики Веласкеца и особенно ученика Мурильо — Антолинецъ, учившійся первоначально у мадритскаго живописца Франциска Риччи (Ricci), Виллавиценціо, Тобаръ, Менезесъ Озоріо, Охойа и нѣкоторые другіе и продолжали напоминать своими произведеніями знаменитыхъ своихъ учителей, но слава ихъ никогда не переносилась за границы Испаніи. Къ среднѣ восемнадцатаго столѣтія имена и этихъ дѣятелей искусства мало по-малу исчезаютъ, такъ-что къ концу восемнадцатаго вѣка едва ли можно было насчитать десять, двѣнадцать именъ, съ которыми бы была соединена громкая извѣстность, покуда Францискъ Гойа не пробудилъ испанскую живопись изъ ея летаргіи, и не придалъ ей новыхъ силъ.

Францискъ Гойа (Goya, у Lucientes) родился въ Арагоніи, въ 1760 году, и двадцать лѣтъ постоянно занимался живописью. Живописецъ религіозный, историческій и картинъ *de genre* (*), портретистъ

* Техническое непереводаемое слово, означающее картины не историческаго содержанія, представляющія предметы изъ свѣтской жизни.

и граверь, Францискъ Гойа, имя котораго произносится каждымъ испанцемъ съ уваженіемъ и гордостію, извѣстенъ въ остальной Европѣ болѣе своими остроумными и ѣдкими карриатурами на современные ему нравы, и особенно на министра Годоя, князя Мира. Сынъ бѣдныхъ родителей, Гойа самъ себѣ былъ обязанъ всѣмъ, и первоначальнымъ художественнымъ образованіемъ, и путешествіемъ въ Италію, въ которую онъ добрался съ большимъ трудомъ. Возвратившись изъ Рима, онъ тотчасъ-же былъ наименованъ королевскимъ живописцемъ, и скоро приобрѣлъ всеобщую извѣстность.

Какъ въ произведеніяхъ, такъ и въ жизни Гойа, отразились произведенія и жизнь испанскихъ живописцевъ среднихъ вѣковъ. Какъ Геррера Старшій, онъ былъ замѣчательнъ своими странностями и артистическими причудами. Рассказываютъ, что живя въ своей богатой виллѣ, недалеко отъ Мадрита, Гойа въ минуты отдыха собиралъ въ чашку всѣ краски, снятыя имъ съ палитры, съ силою бросалъ ими въ бѣдую стѣну, и изъ образовавшихся пятенъ воспроизводилъ картины изъ современнаго быта. Такъ расписалъ онъ всѣ свои стѣны, и такимъ же способомъ, почти одною ложкою и платанною щеткой, мало прибѣгая къ обыкновеннымъ кистямъ, написалъ извѣстную картину «Истребленіе французовъ мадритскою чернію».

Картины Гойи многочисленны. Вся внутренность церкви Святаго Антонія Флоридскаго, въ окрестностяхъ Мадрита, украшена его работою; Валенсія также полна его произведеніями, и не было въ его времени одной знатной испанской фамиліи, которая бы не имѣла хотя одного портрета, написаннаго имъ. Въ мадритскомъ королевскомъ музеумѣ помѣщены самыя лучшія произведенія Гойи; изъ нихъ особенно замѣчательны портретъ Карла IV, портретъ королевы верхомъ на лошади, въ натуральную величину и пикадоръ на травлѣ быковъ. Кромѣ этихъ картинъ, въ мадритскомъ королевскомъ музеумѣ находятся нѣсколько его картинъ, принадлежащихъ къ живописи, которую называютъ *de genre*.

Безпрестанныя пасквильныя картины Гойи, его ѣдкій саркастическій характеръ и его личная вражда съ многократно осмѣяннымъ имъ Годоемъ были причиною удаленія его отъ двора и наконецъ и изъ самой Испаніи. Онъ умеръ въ изгнаніи, въ Бордо, около 1830 года, въ бѣдности, будучи глухимъ и слѣпымъ, семидесяти лѣтъ отъ роду.

Преемникомъ его извѣстности и званія королевскаго живописца сдѣлался Лопецъ де-Валенціо, слава котораго никогда впрочемъ не равнялась той славѣ и той извѣстности которыми пользовался Францискъ Гойа.

Въ настоящее время лучшимъ живописцемъ въ Испаніи считается

Фредерикъ Мадрацо, которому въ недавнѣе время поручено было исправленіе всѣхъ древнихъ и попорченныхъ картинъ, находящихся въ королевской мадритской галлерей. Мадрацо слѣдуетъ манеръ французской школы. Славу Мадрацо разделяютъ Эспанель, хотя въ произведеніяхъ обаятъ, замѣчательныхъ эффектностію, мало характера и оригинальности.

Именами этихъ двухъ послѣднихъ художниковъ, мы оканчиваемъ бѣглый очеркъ испанской живописи. Слѣдовало бы, въ прибавленіе, указать мѣста, въ которыхъ находятся произведенія собственно испанскихъ художниковъ, и обозначить многочисленныхъ ихъ имена, но это вывело-бы насъ изъ границъ журнальной статьи.

Кромѣ Эскуріала, Буэж-Ретиро, Мадрита, Гренады, Кордовы, Бургоса, Кадикса, Толдо, Саламанки, Саргоссы, Севильи, Валенсіи, Вальядолида и нѣкоторыхъ другихъ известныхъ городовъ Испаніи, большая часть образцовыхъ произведеній испанскихъ живописцевъ была перевезена, послѣ испанской компаніи Наполеона, въ Парижъ, въ галлерей маршала Сульта, бывшаго главнокомандующимъ въ Испаніи. По смерти маршала, въ недавнее время, галлерей его назначена была въ продажу, и нѣкоторыя изъ лучшихъ ея картинъ куплены, въ нынѣшнемъ году, профессоромъ Бруни, для С. Петербургскаго Императорскаго Эрмитажа.

МЕМОАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

ИЗДАВНЫЯ ДИККЕНСОМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Много прошло лѣтъ съ того времени, когда мы впервые почувствовали особенное уваженіе и любовь къ клоунамъ * и возымѣли непре-

Для большинства нашихъ, русскихъ, читателей, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что пантомима и ея типическія дѣйствующія лица, (большою частью заимствованныя у итальянцевъ, какъ напримеръ арлекинъ, панталонъ, и другіе), въ особенности же старинный клоунъ, играютъ очень важную роль на англійской сценѣ. Даже большіе театры ставятъ себя долгомъ давать пантомимы, потому-что отсутствіе ихъ возбуждало бы ропотъ во всей публикѣ. Клоунъ пантомимы имѣеть нѣкоторое сродство съ Шекспировскимъ клоуномъ: тотъ и другой — шутъ, юмористъ; но комизмъ пантомимнаго клоуна степенью ниже. Онъ всегда занимаетъ подчиненную роль, нѣчто въ родѣ слуги у арлекина или панталона, всегда переходитъ отъ одного къ другому. Плутство и воровство врожденными ему свойства. Если онъ въ услуженіи у арлекина, то содѣйствуетъ ему въ похищеніи коломбинн, и при

одолжное желаніе знать, какъ они живутъ, что дѣлаютъ и какъ смотрятъ въ сцены. Еще въ дѣтствѣ докучали мы роднымъ и знакомымъ безконечными разспросами объ этихъ дивныхъ существахъ, — о томъ, всегда ли они такъ паки на жареныхъ сосиски и на другія лакомства, и откуда берутся у нихъ на этотъ предметъ деньги? Не случается ли имъ сидѣть въ тюрьмѣ за воровство, или оно имъ всегда прощается за то, что они воруютъ такъ мало и только ради шутки? Отчего они всегда такъ румяны, и гдѣ они живутъ? Любознательность наша по всемъ этимъ статьямъ и по тысячѣ другихъ была ненасытна; и притомъ она не ограничивалась одними клоунами, а простиралась также на арлекиновъ, панталоновъ и коломбинъ, которые все представлялись намъ существами дѣйствительными, неоставлявшими во весь круглый годъ тѣхъ странныхъ образовъ и ролей, въ которыхъ мы ихъ видали. Какъ часто помышляли мы о томъ, какъ должно быть приятно имѣть синьора панталона опекуномъ, и высшее блаженство на землѣ полагали въ женитьбѣ на коломбинѣ!

И до-сихъ-поръ живъ въ нашей памяти тотъ необъятный восторгъ, въ который перенесла насъ пантомима, прѣхавшая во-время ярмарки,

этомъ разѣ двадцать переодѣвается. Все, что онъ ни дѣлаетъ, смахиваетъ на карикатуру и фиглярство. Шутовскими выходками осмѣиваетъ онъ все дѣйствія панталона; когда арлекинъ проскакиваетъ сквозь луну, онъ присѣдаетъ на корточки, какъ-будто хочетъ сдѣлать тоже, но отступаетъ; если у него что украдутъ, онъ показываетъ гримасами и жестами, что воръ-вѣрно кто-нибудь изъ почтовыхъ господъ въ партерѣ и въ ложахъ, и такъ далѣе. Конечно, не все клоуны одинаковы; но хороший клоунъ непременно долженъ быть импровизаторомъ, и вѣрнѣе вся его роль, съ начала до конца, состоитъ изъ импровизацій на всевозможныя темы, которыя онъ почерпаетъ изъ современныхъ происшествій, изъ общественныхъ толковъ, изъ пустого случая, отовсюду. Понятно, что для этого онъ долженъ обладать врожденнымъ комическимъ талантомъ. У Гримальди, комизмъ клоуна былъ въ высшей степени облагороженъ. «Джозефъ Гримальди», говоритъ одинъ критикъ, по поводу книги Дикенза, «былъ самый гениальный и забавный изъ всехъ клоуновъ, когда-либо потѣшавшихъ Джонъ Буля, и самую природою назначенъ для театра. Никто никогда не производилъ большаго эфекта на англійской сценѣ. Въ частной жизни онъ былъ человѣкъ съ магнитъ, любившимъ сердцею, честнымъ, благороднымъ и скромнымъ. Высшія сословія уважали его и охотно принимали въ свои дома; для среднихъ и низшихъ классовъ, богѣ благодарныхъ, онъ былъ кумиромъ. И не даромъ: онъ доставлялъ имъ много приятныхъ минутъ, потому-что на сценѣ невозможно было быть забавнѣе его. Ничто въ мірѣ не могло сравниться съ подвижностью его лица, особенно рта: онъ раскрывалъ его до баснословной ширины, давая ему всевозможныя направленія: глаза у него дѣйствовали совершенно независимо другъ отъ друга, такъ что однимъ онъ поднималъ, между-тѣмъ какъ другой выпучивался впередъ. Также свободно дѣйствовали онъ бровями, а все члены тѣла обладали такою гибкостью, которая сдѣлала бы честь любому акробату. Своимъ голосомъ онъ выдѣлялъ удивительнымъ образомъ; нѣтъ и говорить по поводу самыхъ тонкихъ дискантовъ, теноровъ или самыхъ густыхъ басовъ. Говорилъ онъ свободно и внятно, а мимика его могла совершенно замѣнить слово».

Прим. Пер.

изъ Ричардсоновыхъ * фурахъ, въ тихій, укромный городокъ, въ которомъ мы имѣли счастье взрости. Мы помнимъ, какъ насъ, съ двумя десятками другихъ мальчиковъ, повели смотрѣть эти чудеса, предварительно надѣвъ намъ чистыя манишки съ плоскими воротничками, и умывъ намъ, по возможности, руки. Съ какою гордостью стояли мы на подъѣздѣ и смотрѣли на глазбьющій на насъ народъ, между-тѣмъ какъ учитель отсчитывалъ двадцать четыре раза по девяти пенсовъ одному толстому господину въ готическомъ окнѣ, съ каймою разноцвѣтныхъ фонарей надъ головою. Кажется и теперь видимъ передъ собою, на балконѣ ближайшаго балагана, даму въ пестромъ нарядѣ, покрытомъ блестками и галунами, стоявшую на одной ногѣ на огромномъ конѣ, съ зеленымъ парасолемъ въ рукѣ. И по-прежнему разбѣгаются наши глаза, въ ожиданіи, не увидать ли опять тѣже чудеса; и сердце опять бьется радостью, какъ въ то время, когда мы вручали засаленный билетъ арлекину, который, стоя у дверей въ своемъ нарядѣ изъ квадратовъ всевозможныхъ цвѣтовъ, очень милостиво пріѣтствовалъ каждому изъ своихъ малолѣтнихъ посѣтителей парюю ласковыхъ, ободрительныхъ словъ.

Но и это все было ничтожно передъ наслажденіями, ожидавшими насъ внутри балагана, когда, въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ опилокъ и апельсиновыхъ корокъ, который для нашихъ дѣтскихъ носовъ былъ во сто разъ пріятнѣе всякихъ розъ и фіалокъ, по окончаніи первой пьесы и послѣ того, какъ влюбленная чета была соединена, злой духъ укрощенъ, баронъ убитъ, и всѣ дѣйствующія лица раскланялись, полные радости, восторга, — началась самая пантомима. Никакія слова не выразятъ величія и торжественности первой сцены, въ которой злой и хитрый черноморъ, державшій въ плѣну прекрасную царевну, стоялъ передъ огромною кабалистическою книгой и читалъ ее подъ глухіе звуки какого-то незнакомнаго инструмента; никакія слова не выскажутъ того чувства, которое овладѣло нами, когда этотъ злодѣй, волшебною силою, превосходившею собственную его силу, на глазахъ нашихъ былъ превращенъ въ клоуна! Какое было намъ дѣло до того, что вся сцена имѣла три сажени въ длину и столько же въ глубину? мы этого не видѣли. Зрѣніе, слухъ, всѣ наши способности поглощались пантомимой. Потомъ, когда пьеса кончилась ** и убитый баронъ вышелъ на авансцену, поло-

* Ричардсонъ посѣщалъ ярмарки съ небольшою группою, и вездѣ ставилъ свой балаганъ, который выставлялъ нѣсколько тысячъ человекъ и больше. Его называли просто директоромъ, the showman, потому-что никто не могъ съ нимъ спорить. Многие знаменитые артисты начали свое поприще у него, напримѣръ Кляшъ. *Примѣч. Пер.*

** Ричардсоновы мелодрамы и пантомимы продолжались иногда не болѣе четверти часа; въ тѣхъ публики выходила, и сдѣлалась новою толпою, сдѣланнымъ смотрѣть туже пьесу.

живъ руку на сердце, изъявить глубую благодарность мистра Ричардсона за благосклонное вниманіе публики, и объявить, что слѣдующее представленіе начнется черезъ четверть часа, — что могло бы сравниться съ досадою и изумленіемъ, выразившимися на лицѣ барона при видѣ шутника клоуна, который высунулъ голову изъ-за занавѣса и просилъ зрителей «не вѣрить этому мошеннику, потому-что онъ что ни скажетъ, все совретъ!» Одинъ только клоунъ могъ возбудить такой гомерическій хохотъ, какой послѣдовалъ за этими словами; одинъ клоунъ могъ вырвать изъ устъ нашего учителя восторженное сознаніе, что это лучшая шутка, какую онъ когда-либо слышалъ!

Мы давно лишились этого клоуна, хотя онъ еще живъ, и мы недалѣе, какъ наканунѣ прошлой Варооломеевской ярмарки, встрѣтили его у одного ресторана, гдѣ онъ уплеталъ здоровый ростбифъ; но мы съ прискорбіемъ увидѣли, что онъ передался на сторону неклассической драмы, ибо онъ пріѣхалъ въ каретѣ, принадлежавшей Кларкову цирку. Мы утратили того клоуна и ту пантомиму; но любовь наша къ нимъ нисколько не измѣнилась. Въ тѣ дни, когда даются новыя пантомимы на двухъ большихъ и двадцати или тридцати малыхъ театрахъ столицы, мы съ прежнимъ волненіемъ и прежнею жадностью пожираемъ двухъ аршинныя афиши, описывающія крупнымъ краснымъ и чернымъ шрифтомъ всѣ декорации, превращенія и прочая; и подобно другимъ великимъ и маленькимъ людямъ готовы стать на колѣни на улицѣ, чтобы дочитать афишу до послѣдней строчки. Съ прежнимъ жаромъ и восхищеніемъ читаемъ мы въ воскресныхъ театральныхъ газетахъ, за недѣлю до представленія, объявленія о приготавливаемыхъ зрѣлищахъ, и вѣримъ ямъ также простодушно, какъ въ тѣ времена, когда двадцатилѣтній опытъ не доказалъ намъ, что всѣ подобныя объявленія въ Англіи — одна ложь.

При такой любви къ пантомимамъ не удивительно, что одно извѣстіе о томъ, что Гримальди, величайшій изъ клоуновъ, оставилъ записки о своей жизни, привело насъ въ какое-то лихорадочное состояніе, продолжавшееся до-тѣхъ-поръ, пока мы не прочитали рукопись. Почти весь послѣдній годъ своей жизни Гримальди посвятилъ составленію этихъ записокъ; это было почти исключительнымъ его занятіемъ и главнымъ его удовольствіемъ, и, какъ можно было ожидать, записки его вышли очень объемисты. Рукопись свою онъ отдалъ мистру Томасу Эджертону

Если же во-время представленія набиралось у входа достаточное количество новыхъ любителей, и они начинали изъявлять нетерпѣніе, Ричардсонъ давалъ знакъ актерамъ, и они распорядились такимъ-образомъ, чтобы окончить пьесу въ пять минутъ. *Прим. Пер.*

Уильму, для просмотра и передѣлки для изданія. Мистръ Уильксъ, хорошо знакомый съ Гримальди и окружавшими его людьми, сократилъ записки, исключилъ изъ нихъ многое непредставлявшее интереса для публики, прибавлялъ кое что, слышанное имъ отъ самого Гримальди. Между-тѣмъ какъ онъ занимался этимъ, другъ его умеръ. Издатель купилъ у мистра Уилькса рукопись, съ согласія мистра Ричарда Гьюза, душеприкащика Гримальди, и притомъ съ правомъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнiю, что редакторъ и счелъ обязанностью объяснить, чтобы устранить всякое сомнѣнiе въ подлинности предлагаемыхъ записокъ. Что касается его участія въ нихъ, оно можетъ быть объяснено въ двухъ словахъ. Издатель поручилъ ему пересмотрѣть и исправить рукопись, придать изложенiю болѣе связи и живости. Гримальди, конечно, писалъ въ первомъ лицѣ; но послѣ значительныхъ сокращенiй и измѣненiй, сдѣланныхъ подъ собственнымъ его надзоромъ, почти всѣ особенности его изложенiя исчезли. Поэтому редакторъ разсудилъ, что лучше будетъ совершенно откинуть эту форму, и вообще сдѣлать всѣ измѣненiя, какія могли способствовать къ плавности и единству изложенiя, не касаясь только фактовъ и образа мыслей. Вообще, онъ вовсе не имѣлъ въ виду *сочинить книгу*: ничего не прибавлялъ къ рукописи, а только убавлялъ и сокращалъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ сохранилъ даже многословіе старика, потому что самое это многословіе показываетъ, что Гримальди, съ особенною любовью вспоминалъ о тѣхъ или другихъ эпизодахъ своей прошедшей, особенно юношеской жизни.

Февраль, 1838.

Бозъ.

ГЛАВА I.

Речесловная Гримальди, его рожденiе и первые дебюты.— Строгость отца.— Исторiя графа Дорби и парика.— Копилка и награда за доброе дѣло.— Комедiя, разыгранная старымъ чудакомъ, для испытанiя дѣтей.

Дядь Джозефа Гримальди, съ отцовской стороны, былъ очень извѣстенъ во Францiи и въ Италiи, какъ отличный балетный танцовщикъ. Необыкновенная его ловкость и сила заслужили ему прозванiе «Желтѣной ноги» (*Jambe de fer*). Дидинъ, въ своей Исторiи театра, расска-

зываетъ по этому поводу много любопытныхъ анекдотовъ; множество другихъ сохранилось по преданію. Вотъ одинъ, вполне достовѣрный. Въ одномъ представленіи, въ которомъ онъ танцевалъ съ особеннымъ энтузіазмомъ, можетъ-быть по случаю присутствія турецкаго паша, сидѣвшаго съ своею свитою въ крайней ложѣ, онъ сдѣлалъ такой необычайный прыжокъ, что задѣлъ за люстру, висѣвшую у входа, разбилъ ее, и осколокъ стекла полетѣлъ прямо въ лицо пашѣ. Турокъ считъ это оскорбительнымъ для своей особы и подалъ формальную жалобу королю, который приказалъ Желѣзной-ногѣ публично просить прощенія у паша; что Гримальди и исполнилъ въ надлежащей формѣ, къ великой потѣхѣ своей, публки и вообще всѣхъ, кромѣ оскорбленнаго лица. Это важное дѣло кончилось остроумными куплетами.

Первый Гримальди, пріѣхавшій въ Англію, былъ сынъ Желѣзной-ноги и отецъ Джозефа. Онъ пріѣхалъ въ 1760 году, въ качествѣ придворнаго зубнаго врача королевы Шарлотты. Родился онъ въ Генуѣ, и пользовался нѣкоторою извѣстностью въ зубоврачебномъ искусствѣ; но потомъ любовь къ отцовскому искусству превозмогла; вскорѣ по прибытіи въ Англію, онъ испросилъ у королевы увольненіе отъ возложеннаго на него званія и принялся за преподаваніе танцевальнаго и фехтовальнаго искусствъ; впрочемъ не отказался совершенно отъ прежней практики, и при случаѣ пользовалъ своихъ учениковъ. Какъ во времена менуэтовъ и котильоновъ танцваніе составляло науку несравненно болѣе хитрую и сложную, чѣмъ нынче, то молодыя поколѣнія знатныхъ и богатыхъ домовъ доставляли Гримальди достаточно работы и доходовъ. Поговаривали, что свое мѣсто при дворѣ онъ утратилъ вслѣдствіе невѣжества и непочтительности, оказанныхъ имъ передъ нѣкоторыми придворными; но сынъ его всегда очень горячо вступался за честь отца, и между прочимъ доказывалъ неосновательность обвиненія, ссылаясь весьма убѣдительно на милостивое покровительство, которое постоянно оказывали имъ обоимъ и король и королева.

Гримальди достигъ значительной славы на новомъ своемъ поприщѣ, такъ что былъ даже ангажированъ на старый Дрюриленскій и на Садлервельзскій театръ, какъ балетмейстеръ и первый танцоръ-буффъ, и скоро сдѣлался, въ этомъ двойномъ амплуа, любимцемъ публики, которая почти еженедѣльно требовала представленія пантомимы, чтобы посмотреть на ея героя, синьора Гримальди. Въ частной жизни онъ славился честностью и благотворительностью; въ немалую честь ставили ему также то, что никто никогда не видалъ его пьянымъ; сынъ его съ гордостью упоминалъ о послѣднемъ обстоятельствѣ, и былъ совершенно правъ, потому-что это добродѣтель довольно рѣдкая въ Англіи

между вѣдѣйшими драматическими артистами; тогда-же она была дѣломъ, почти неслыханнымъ между театральными знаменитостями.

Изъ сохранившихся анекдотовъ о Гримальди отцѣ, видно, что онъ былъ чудакъ и эксцентрикъ первой руки. Однажды, напримѣръ, купилъ онъ домъ съ садомъ въ Ламбетскомъ предмѣстьи, и поселился тамъ въ самую глухую зиму; ему очень хотѣлось видѣть, каковъ будетъ садъ лѣтомъ, и не имѣя терпѣнія ждать настоящаго лѣта, онъ сочинилъ себѣ лѣто, оставивъ садъ искусственными кустами и цвѣтами и навѣшавъ на всѣ деревья поддѣльные листья и плоды. Весьма странную черту въ его характеръ составляла необыкновенная боязнь четырнадцатаго числа каждаго мѣсяца. По мѣрѣ приближенія этого дня становился онъ безволеенъ, скученъ, угрюмъ и раздражителенъ; только что роковой мѣсяцъ проходилъ, онъ дѣлался опять другимъ человекомъ, и съ радостью восклицалъ ломаными англійскимъ языкомъ: — «А! вотъ я опять сиюкоенъ на цѣлый мѣсяцъ!» И замѣчательно, что онъ родился, крещенъ, женился и умеръ *четырнадцатаго* марта.

Гримальди былъ подверженъ болѣзненнымъ припадкамъ хандры и раздражительности, и ужасно боялся смерти. Онъ зачастую по цѣлымъ часамъ бродилъ по кладбищамъ, размышляя о томъ, отъ какихъ болѣзней умерли похороненные подъ этими гробницами, каковъ былъ ихъ смертный часъ, и сколько изъ нихъ могли быть погребены живо. Всего болѣе пугала его, всю жизнь, мысль, что и его могла постигнуть такая участь — быть погребеннымъ живо. Поэтому онъ даже сдѣлалъ распоряженіе въ своемъ духовномъ завѣщаніи, чтобы до закрытія его гроба ему отрубали голову, что и было исполнено въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей.

И замѣчательно, что та-же смерть, преслѣдовавшая его въ досужіе часы, бывшая вѣчнымъ предметомъ его мрачныхъ думъ и мучительныхъ опасеній, составляла въ то-же время содержаніе его любимыхъ сценъ въ современныхъ пантомимахъ. Въ числѣ другихъ подобныхъ сценъ изобрѣтена имъ для клоуна знаменитая сцена скелета, которая въ свое время восхищала публику, и порой представляется донинѣ. Фактъ замѣчательный, какъ его ни толкуй: тѣмъ-ли, что ипохондрики особенно склонны смѣяться надъ тѣми именно предметами, которые втайнѣ смѣдають изъ тоскою или страхомъ, подобно тому, какъ вѣрующіе въ привидѣнія громче и смѣлѣе всѣхъ кричатъ, что они этому не вѣрятъ; или тѣмъ, что эти мрачныя, удручающія размышленія и видѣнія до того овладѣли душою страдальца, такъ неотступно тѣснились въ его фантазію, что самый смѣхъ его являлъ такой-же мрачный и таинственный оттѣнокъ.

18 декабря 1779 года, то есть въ годъ смерти Гаррика, въ Стангопъ-Стритъ, у Клеръ-маркета, то есть въ той части города, гдѣ тогда, какъ и нынче, жила большая часть актеровъ, по близости отсюда театровъ, родился Джезефъ Гримальди, или старикъ Джо, какъ его звали въ-послѣдствіи. Отцу его было тогда уже за семьдесятъ; тѣмъ не менше черезъ два года родился ему другой сынъ, единственный братъ Джозефа.

Мальчикъ недолго оставался въ этомъ безпомощномъ состояніи, которое составляетъ общій нашъ удѣлъ въ дѣтствѣ. Ему не было еще двухъ лѣтъ, когда отецъ вывелъ его на сцену стараго Дрюриленскаго театра. Пьеса, въ которой онъ въ первый разъ явилъ свой скороспѣлый талантъ, была знаменитая пантомима «Робинсонъ Крузо»; отецъ игралъ Робинсона, а сынъ маленькаго клоуна. Не говорить нечего, что успѣхъ послѣдняго былъ громадный; его тотчасъ ангажировали, назначивъ ему жалованья пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю, и съ тѣмъ, чтобъ каждый годъ онъ бралъ новую, болѣе трудную роль. Онъ сталъ любимцемъ не только публики, но и самихъ артистовъ; за кулисами и въ уборной въ немъ души не слышали, и называли его умненькимъ Джо; прозвище Джо онъ сохранилъ на всю жизнь.

Въ 1782 году онъ дебютировалъ и на другомъ театрѣ, на Садлервельскомъ, въ трудной роли обезьяны, и съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ амплуа клоуна на дрюриленской сценѣ. И тутъ также поступилъ онъ немедленно въ число постоянныхъ членовъ труппы, и пробылъ въ ней, за исключеніемъ одного только сезона, двадцать девять лѣтъ, то-есть, до конца своего артистическаго поприща.

Съ принятіемъ этихъ двухъ ангажементовъ началась для него истинно труженническая жизнь, ибо ему безпрестанно приходилось играть на обонхъ театрахъ въ одинъ и тотъ же вечеръ, почти въ одно и тоже время: задача трудная и для взрослога, а тѣмъ болѣе для ребенка. Можно положительно сказать, что если онъ когда-либо въ жизни получалъ значительные доходы, то они были куплены цѣною столь же значительныхъ умственныхъ и тѣлесныхъ напряженій. Молодые люди, пошпаненные на драматическомъ искусствѣ, неумолимые посѣтители публичныхъ и домашнихъ театровъ, жаждущіе сами поступить на сцену, потому-что, по ихъ мнѣнію, такъ легко и пріятно быть актеромъ, не подозреваютъ всѣхъ заботъ, трудовъ, напряженій, горестей и лишений, изъ которыхъ слагается жизнь болѣею части драматическихъ артистовъ.

Мы уже говорили, что старикъ Гримальди былъ чудакомъ; особенно непріятно проявлялись нѣкоторыя изъ его причудъ въ воспитаніи сына.

Мальчикъ, привыкая на сценѣ ко всякаго рода балагурствамъ и проказамъ, былъ вездѣ и всегда тотъ же клоунъ, тотъ же балагуръ и проказникъ, что на театрѣ. Актеры и актрисы за кулисами подстрекали его, и онъ отпускалъ свои проказы столько же для ихъ потѣхи, сколько для удовольствія публики. Однако это тщательно скрывалось отъ отца, который, какъ скоро что-нибудь подобное доходило до его свѣдѣнiя, задавалъ маленькому Джо здоровую таску, потому поднималъ его за волосы и относилъ въ уголъ, со строгимъ наказомъ, чтобы онъ не смѣлъ трогаться съ мѣста. Наказъ однако имѣлъ силу только въ присутствiи грознаго старика. Съ уходомъ отца, слезы высыхали на лицѣ маленькаго шалуна, и онъ еще съ болѣею живостью принимался за свои балагурства, сопровождая ихъ тѣми уморительными кривляніями и гримасами, которыя имѣли въ послѣдствiи такой успѣхъ на сценѣ. Это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока не раздавалось предостереженіе: — Джо, Джо, отецъ идетъ! — Въ одно мгновеніе мальчикъ былъ опять въ углу, плакалъ и всхлипывалъ, какъ-будто не переставалъ плакать съ ухода старика. Эта сцена скоро стала одною изъ любимыхъ забавъ за кулисами, и маленькаго шалуна начали иногда напроасно пугать приходомъ отца, чтобы только видѣть какъ онъ побѣжитъ въ уголъ. Это имѣло для него горестныя послѣдствiя, потому что, замѣтивъ обманъ, онъ пересталъ вѣрить предостереженіямъ, и въ слѣдствіе того подвергался чаще прежняго побоямъ и таскамъ отъ своего строгаго, но въ душѣ предобрѣйшаго отца, какъ самъ Гримальди о немъ отзывался.

Однажды, когда онъ былъ уже одѣтъ для своей лучшей роли, маленькаго клоуна въ «Робинсонѣ Крузо», и размалеванъ совершенно на подобіе отца, въ чемъ отчасти заключался комизмъ роли, старикъ привелъ его въ уборную, поставилъ въ обычный уголъ, и строго приказавъ ему не трогаться съ мѣста, вышелъ. Въ это время вошелъ случайно одинъ изъ тогдашнихъ постоянныхъ посѣтителей актерскихъ уборныхъ, графъ Дерби, и позвалъ мальчика, котораго заплаканное лицо не вышло съ его нарядомъ. Въ отвѣтъ на приглашеніе лорда, Джо сдѣлалъ преуморительную рожу, но остался въ углу. Графъ Дерби застался и ждалъ объясненія этой сцены.

— Онъ не смѣетъ выйти изъ угла, потому-что отецъ его поколотить, сказала мисъ Фарренъ, за которою графъ Дерби въ то время ухватился, и которая стала въ послѣдствiи его женою.

— Поколотить! повторилъ лордъ, — и Джо сдѣлалъ еще болѣе уморительную рожу въ подтвержденіе словъ мисъ Фарренъ.

— А я такъ думаю, что онъ не такъ боится отца, какъ вы полагаете, сказалъ лордъ, смѣясь: — поди сюда, голубчикъ!

Съ этими словами онъ показалъ мальчику полукрунъ. Джо, зная цѣну деньгамъ, выскочилъ изъ угла, съ необыкновенною живостью схватилъ монету и хотѣлъ бѣжать назадъ, но графъ удержалъ его за руку.

— Послушай, Джо! сказалъ онъ; сними парикъ, брось его въ огонь, и я дамъ тебѣ еще полукрунъ.

Сказано, сдѣлано. Парикъ полетѣлъ въ каминъ, при всеобщемъ хохотѣ, а мальчикъ пустился прыгать на одной ножкѣ по комнатѣ, съ полукруномъ въ каждой рукѣ; но между-тѣмъ какъ онъ радовался, а графъ ташилъ щипцами изъ каминна полубогорѣвшій парикъ, явился отецъ, въ полномъ костюмѣ Робинсона. Счастье было для маленькаго Джо, что графъ Дерби всѣми силами вступился за него; бѣшенный отецъ готовъ былъ положить его на мѣстѣ. Самое даже ходатайство лорда не спасло несчастнаго отъ нѣсколькихъ здоровыхъ пинковъ. Слезы ручьями катились по густо намалеваннымъ щекамъ и смыли краску, такъ что мальчикъ не только не походилъ на клоуна, но и вообще не было на немъ человеческого лица. Немедленно за тѣмъ онъ долженъ былъ выйти на сцену, и страшно взбѣсился отецъ увидѣвъ его обезображенную рожу, между-тѣмъ какъ между зрителями она возбуждала оглушительный хохотъ. Старикъ, еще болѣе взбѣшенный этимъ хохотомъ, тутъ же схватилъ несчастнаго и принялся тузить его; ребенокъ разорвался благимъ матомъ, а публика ну хохотать и аплодировать еще усерднѣе прежняго, принимая все это за новую сцену, введенную въ пьесу. На слѣдующій день всѣ газеты не могли надвинуться истинѣ и естественности, съ какими талантливый малютка разыгралъ свою роль, и приписывали всю честь преподавательскимъ способностямъ отца.

Но самымъ жестокимъ наказаніемъ для мальчика было то, что добрый отецъ отобралъ у него такъ дорого доставшіяся деньги и опустилъ ихъ въ свой карманъ, куда точно такъ же опускалось и жалованіе Джо. Впрочемъ съ достопамятнаго дня сожженія парика, графъ Дерби давалъ ему полукрунъ каждый разъ, какъ встрѣчалъ его, и мальчикъ былъ не мало огорченъ, когда лордъ женился на мисъ Фарренъ и пересталъ ходить за кулисы.

На Садлервельскомъ театрѣ былъ онъ столько же любимъ, какъ и на Дрюилевскомъ. Актеръ Кингъ, главный акціонеръ перваго и директоръ втораго, очень уважалъ его и нерѣдко дарилъ ему гиней, для покупки деревянной лошади, тележки или другой какой-либо игрушки.

Въ одно изъ представлений пьесы, въ которой Джо дебутировалъ на Садлервельзскомъ театрѣ, произвелъ онъ необыкновенный эффектъ тѣмъ, что одно сопровождавшее его всегда счастье спасло его отъ невозможности впрелъ явиться на сцену. Онъ представлялъ обезьяну, и во все продолженіе пьесы былъ около клоуна, своего отца. Въ одной сценѣ клоунъ, держа его на цѣпи, и вытянувъ руку, съ неизвѣрной быстротою кружилъ на воздухѣ. Однажды цѣпь оборвалась, и Джо отлетѣлъ въ самый конецъ партера, но по какому-то чуду упалъ въ объятія одного изъ зрителей, и такимъ-образомъ не разшибся до полусмерти.

Къ числу лицъ, оказывавшихъ маленькому Джо особенную благосклонность въ этотъ періодъ его жизни, принадлежала знаменитая чета каватныхъ танцоровъ, мистръ Риджъ и его жена, прозванные маленькимъ чертенкомъ и прекрасною испанкою. Они часто дарили его деньги, которыя отецъ постоянно отбиралъ отъ него и клалъ въ особенную небольшую копилку, на которой было написано имя маленькаго Джо. Тщательно закрывъ коробку, отецъ отдавалъ мальчику ключъ, говоря: — «Смотри, Джо, вотъ это будетъ твоимъ добромъ, когда я умру». Однако Джо лишился и этой кассы и всего своего достоянія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Такъ какъ свѣточная пантомима на Дрюриленскомъ театрѣ рѣдко являлась долѣе четырехъ недѣль, представленія же Садлервельзскаго театра начинались послѣ Пасхи, и у маленькаго Джо былъ почти четыре мѣсяца свободныхъ, то отецъ посылалъ его на это время въ Путней, въ учебное заведеніе одного мистра Форда, о добротѣ и благорасположеніи котораго Грималди до самой старости вспоминалъ съ благодарностью. Многіе изъ его тогдашнихъ школьныхъ товарищей посвятили себя также театру, но ни одинъ не избралъ пантомимы: обстоятельство довольно удивительное, потому-что по необыкновенной живости и увлекательному юмору Джо слѣдовало ожидать, что всѣ его товарищи пойдутъ съ нимъ въ клоуны.

Въ 1782 году, на свѣткахъ, явился онъ въ своей второй роли на Дрюриленскомъ театрѣ, въ пьесѣ «Арлекинъ младшій, или заколдованный поясъ». Онъ представлялъ демона, котораго злой чернокивничикъ преслалъ противодѣйствовать силѣ арлекина. Джо имѣлъ и тутъ такой же успѣхъ, какъ въ прежней роли; съ этого же времени началась его вѣчная слава, которая потомъ постоянно росла съ его лѣтами, развивая его силъ и успѣхами. Въ слѣдующемъ году, занявъ онъ на Дрюриленскомъ театрѣ, кромѣ роли обезьяны, которую исполнялъ на садлервельзской сценѣ, еще роль кошки. Костюмъ его имѣлъ одно важное неудобство, а именно, что будучи зашитъ въ него, онъ ничего не видѣлъ. Такимъ-

образомъ онъ набрелъ однажды на локъ, открытый для изображенія колодца, и провадился на сорокъ футовъ глубины. Правда, что онъ переломилъ себѣ ключицу и получилъ нѣсколько ушибовъ; однако остался живъ. Его отнесли домой, отдали на попеченіе врача, и къ окончанію сезона на Дрюриленскомъ театрѣ онъ такъ уже оправился, что вскорѣ за тѣмъ могъ играть на Садлервельзскомъ театрѣ.

Лѣтомъ старикъ Гримальди позволялъ сыну, въ награду и въ знакъ особеннаго благоволенія, гостить, черезъ воскресенье, по цѣлому дню, у своего дѣда съ материнской стороны, который, какъ онъ говорятъ самъ, жилъ въ Гольбордѣ, въ Ньютоновской улицѣ, занимался оптовой торговлею мясомъ, и до самой смерти, то-есть лѣтъ шестьдесятъ, держалъ большую бойню въ Блумсбери*. Джо былъ въ большой милости у дѣда; его тамъ кормили сладкими, ласкали, миловали, такъ что онъ всегда съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, назначеннаго для этого важнаго посѣщенія. Отецъ съ своей стороны очень желалъ, чтобы Джо, въ этихъ торжественныхъ случаяхъ, поддержалъ честь семейства. Поэтому для одного изъ этихъ визитовъ, послѣ многихъ и долгихъ размышленій и совѣщанія съ портнымъ, маленькаго клоуна нарядили такимъ образомъ: на него надѣли зеленый кафтанъ, съ такимъ же множествомъ размазанныхъ цвѣтовъ, каковымъ его отецъ украсилъ свой бамбетскій саль; подъ кафтаномъ лоснился шелковый камзолъ непогрѣшимой бѣлизны; исподнее платье, изъ тонкаго зеленого сукна, обшито богатымъ галуномъ; было подвязано подъ колѣномъ, и за нимъ слѣдовали бѣлые шелковые чулки и башмаки съ блестящими пряжками. Этотъ костюмъ дополнялся кружевными жабо, галстухомъ и манжетками, треугольною шляпою, крошечнымъ часами съ брилльантами, — вѣроятно изъ театральнаго гардероба, — и тростью, которою Джо владелъ такъ ловко и смѣло, что хоть бы взрослому клоуну.

Передъ отправленіемъ, отецъ, по обыкновенію, сдѣлалъ инспекторскій смотръ его костюму, изъявилъ свое совершенное удовольствіе, поцѣловалъ мальчика, потребовалъ у него ключа отъ его копилки, вынулъ изъ нея гинею, и сказалъ: — «Слушай, Джо, теперь ты настоящій джентльменъ; вотъ тебѣ гинея, положи ее въ карманъ!» Затѣмъ

* Такое родство было вѣдь весьма важно для семейства Гримальди; ибо какъ не часто случается въ Англіи, что знатные и богатые люди женятся на актрисахъ, но дочери зажиточныхъ и почтенныхъ родителей весьма рѣдко идутъ на театръ, а особенно въ тѣлоуподвижницъ. Лондонскій же оптовой мясникъ являлся довольно значительное. Намъ помнится, что дочь одного такого мясника имѣла 40000 фунтовъ (около 250.000 руб. сер), приданого, и вышла за нынѣшняго лорда де Монтеорда, потомка одной изъ древнѣйшихъ семей въ королевствѣ. *Пр. Пер.*

онъ подтвердилъ ему увѣщаніе, быть непремѣнно дома къ восьми часамъ вечера, и отпустилъ его, не позволивъ никому его провожать, такъ какъ онъ былъ настоящій джентльменъ и слѣдовательно совершенно въ состояніи самъ присмотрѣть за собою.

Появленіе маленькаго Джо въ этомъ костюмѣ на улицѣ произвело необыкновенный эффектъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ лицо публичное. Одинъ мальчишка кричалъ: — «Эй, вотъ идетъ маленькій Джо!» — «Убирайся съ твоимъ Джо! перебилъ другой: это идетъ обезьяна!» — «Вотъ выдумалъ! подхватилъ третій: это медведь разрядился на балъ!» — «Всѣ вы врете! ревелъ четвертый; это кошка отправляется на посидѣлки!» Между-тѣмъ взрослые и болѣе разумные прохожіе также останавливались, смѣялись отъ души и говорили, что странно такъ пускать малютку одного по улицамъ, да еще въ такомъ нарядѣ. А Джо шелъ себѣ, ни о комъ не заботясь и отпуская по временамъ самыя уморительныя гримасы, пока не наткнулся на сидѣвшую на мостовой женщину, которой жалкая наружность уже собрала около нея многочисленную толпу зѣвакъ. Мальчикъ остановился подобно другимъ, и былъ такъ тронутъ разсказомъ о ея бѣдствіяхъ и страданіяхъ, что опустилъ руку въ карманъ, вынулъ изъ него единственную свою гинеею, сунулъ ее въ руку несчастной, и еще важнѣе прежняго пошелъ своей дорогой. Толпа, назѣвавшись вдоволь на старуху, и видя новый предметъ для своего любопытства, тронулась вслѣдъ за мальчикомъ, который смѣло шелъ впередъ, со свитою, тянувшейся на двѣ улицы и провожавшею его кликами удивленія и смѣиха. Это торжественное шествіе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣчался ему одинъ пріятель старика Гримальди, который взялъ мальчика на руки, несмотря на его сопротивленіе, посадилъ его въ свой экипажъ и отвезъ къ дѣду, гдѣ онъ провелъ весь день къ великому удовольствію своему и своихъ родныхъ.

Вечеромъ, когда онъ пришелъ домой, отецъ взглянулъ на часы и хвалилъ и поцѣловалъ его за исправность, освидѣтельствовалъ его карманъ, который оказался въ совершенномъ порядкѣ, и наконецъ потребовалъ ключа отъ копилки и гинеею. Мальчикъ сначала не подумалъ объ утреннемъ происшествіи, обшарилъ всѣ карманы, но они были пусты; наконецъ онъ припомнилъ свой поступокъ, бросился на колѣни передъ отцомъ, разсказалъ ему все случившееся и просилъ прощенія.

Отецъ сначала не зналъ что сказать и дѣлать, потому-что самъ много тратилъ денегъ на благотворительность. Минуту или двѣ смотрѣлъ онъ на сына въ нерѣшительности, потомъ собрался съ духомъ

и сказалъ отрывисто: — «Это тебѣ не обойдется безъ здоровой потасовки; теперь ступай спать!»

Къ числу причудъ старика, — и въ этомъ случаѣ не къ самымъ милымъ, — принадлежало то, что онъ всегда строго держалъ слово, хотя бы между обѣщаніемъ и исполненіемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ; впрочемъ, въ дѣлѣ наказанія такое отсрочиваніе, было у него системою. Такимъ-образомъ прошло мѣсяца четыре, или пять, и мальчикъ во все это время не подавалъ новаго поводу къ неудовольствію, какъ однажды отецъ неожиданно велѣлъ ему готовиться къ экзекуціи. Мальчикъ горько заплакалъ и жалобно спросилъ, за что? — «А гинемо-то ты забылъ?» сказалъ старикъ; и дѣйствительно высѣкъ его такъ больно, что Джо не забылъ этого до послѣдняго дня жизни.

Семейство Гримальди состояло въ это время изъ мужа и жены, маленькаго Джо и его единственнаго брата, Джона Бауптста, трехъ или четырехъ служанокъ и одного негра, который исправлялъ должность слуги и величался «чернымъ Самомъ!»*

Старикъ Гримальди былъ хлѣбосолъ и любилъ хорошо принимать гостей. Онъ рѣдко обѣдалъ одинъ, а въ нѣкоторые торжественные дни, напримѣръ въ Рождество, имѣлъ обыкновеніе давать большіе званые обѣды, для каковыхъ важныхъ случаевъ вынимались изъ сундуковъ и выставлялись на удивленіе гостямъ отличный серебряный сервизъ и другіе драгоценные предметы. Однажды, когда столъ былъ накрытъ для большаго обѣда и блисталъ всѣмъ своимъ великолѣпіемъ, оба мальчика прокрались въ столовую съ чернымъ Самомъ, и дѣтскіе глазенки ихъ разбѣжались отъ восторга при видѣ такого богатства.

— Что! сказалъ негръ: хорошо? Вотъ, когда стара барынь умреть, всѣ эта хороши вещи принадлежать вамъ.

Замѣчаніе негра произвело сильное впечатлѣніе на обоихъ мальчиковъ, особенно на меньшаго, Джона, который, по молодости лѣтъ, вѣроятно, не такъ мрачно смотрѣлъ на смерть, какъ отецъ; онъ залопалъ въ ладоши, и безъ малѣйшаго признака сожалѣнія объ отцѣ, вскричалъ, какъ онъ будетъ радъ, когда всѣ эти богатые вещи будутъ принадлежать ему.

Разговоръ на этомъ и остался. Негръ отправился по своимъ дѣламъ, дѣти принялись играть, и никто уже не думалъ объ этомъ случаѣ, кромѣ отца, который случайно подслушалъ восклицаніе сына. Нѣсколько дней былъ онъ особенно задумчивъ, и наконецъ рѣшился, для

* Сам уменьшительно — отъ Samuel, Самуилъ.

испытанія чувствъ сыновей, прибѣгнуть къ средству, которое могло придти въ голову только подобному ему чудаку, вѣчно терзавшему свое воображеніе мыслями о смерти, и привыкшему видѣть такіе случаи на сценѣ. Онъ вздумалъ именно притвориться мертвымъ: велѣлъ одѣть себя въ саванъ, положить себя въ гостиной, притворивъ ставни, и потомъ осторожно объявить дѣтямъ, что отецъ ихъ скоропостижно скончался и ввести ихъ въ комнату.

Джонъ, будучи моложе и менѣе опытенъ въ жизни, нисколько не показалъ горести; онъ видѣлъ въ смерти отца только освобожденіе отъ побоевъ и книгъ, радовался, что серебро и другія богатства отца будутъ принадлежать ему, прыгалъ по комнатѣ, пѣлъ, щелкалъ пальцами, и говорилъ, что онъ очень радъ смерти отца.

— Ахъ ты негодный мальчишка! вскрикивалъ Джо: неужели ты вовсе не любишь нашего добраго, шлага отца? Ахъ, чего-бы я не далъ, чтобы видѣть его опять живымъ!

— Та-та-та-та! возразилъ Джонъ: полно тебѣ хныкать, дуракъ ты такой! Теперь и часы съ кукушкой и все принадлежитъ намъ однимъ.

Это было уже не въ терпѣжъ покойнику. Онъ вскочилъ со стола, отворилъ ставни и принялся нешлюсердно драть меньшаго сына; между тѣмъ, какъ Джо, боясь такой-же участи, убѣжалъ и забился въ чуланъ, гдѣ негръ отыскалъ его, спящаго, часа два спустя; онъ отнесъ его въ отцу, который все это время искалъ его съ безпокойствомъ, и принялъ его необыкновенно нѣжно, какъ добраго и истинно любящаго сына.

Въ это время, до 1788 года, Джо быть ангажированъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ поступилъ первоначально, какъ на Дрюриленскомъ, такъ и на Садлервельскомъ театрѣ

ГЛАВА II.

1788 — 1794.

Двѣдательная смерть отца. — Его завѣщаніе и банкротство душеприкащика. — Благоуспѣшная поступокъ учителя Форда и актера Роутона. — Покровительство Шеридана. — Бруна и забавы Грималди. — Ловля наѣзкомыхъ. — Мистрисъ Джорданъ. — Прাকлюченіе на постояломъ дворѣ. — Первая любовь.

Изъ разныхъ печатныхъ свидѣтельствъ видно, что отецъ Грималди умеръ въ 1787 году; въ запискахъ же его сына говорится въ кн-

скольких мѣстахъ, что онъ умеръ 14 марта 1788 года, отъ водяной, на восемьдесятъ седьмомъ году жизни, и погребенъ на кладбищѣ Эксмут-стритской часовни, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе бродить и пускаться въ свои мрачныя размышленія о смерти. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ опредѣлилъ всю свою движимость и драгоценныя вещи продать съ публичнаго торга, вырученныя деньги присоединить къ его капиталамъ, составлявшимъ до 15,000 фунтовъ стерлинговъ, и раздѣлить поравну между обоими сыновьями, по достиженіи ими совершеннолѣтія. Душеприкащиками онъ назначилъ мистра Кинга, о которомъ говорено выше, и нѣкоего мистра Джозефа Гопвуда, кружевнаго фабриканта, имѣвшаго очень значительное состояніе, кромѣ своей богатой фабрики. Мистръ Кингъ отказался отъ возложеннаго на него порученія; мистръ Гопвудъ внесъ весь капиталъ сиротъ въ свое торговое предпріятіе, черезъ годъ обанкрутился, бѣжалъ изъ Англіи, и съ-тѣхъ-поръ не было о немъ ни слуху, ни духу. Такихъ-образомъ сироты лишились всего своего имущества, и принуждены были содержаться своими трудомъ и помощью добрыхъ людей.

Къ чести друзей старика Гримальди и въ доказательство уваженія и благорасположенія, которыми пользовались его вдова и сыновья, надо сказать, что помощь немедленно явилась имъ со всѣхъ сторонъ. Мистръ Фордъ, учитель Джозефа, вызвался держать его бесплатно въ своемъ пансіонѣ, и даже усыновить его. Мать однако не приняла этого предложенія. Съ другой стороны, Шериданъ, бывший въ то время директоромъ Дририленскаго театра, возвысилъ жалованье Джозефа до одного фунта въ недѣлю, а матери его, съ дѣтства бывшей танцовщицею на этомъ театрѣ, позволялъ принять другой ангажементъ, на Садлервельскомъ театрѣ, что она и исполнила, такъ что ея жалованіе удвоилось, ибо оба театра, значительную часть года давали представленія въ одно и тоже время.

Дирекція Садлервельскаго театра, на которомъ Джо, вскорѣ по смерти отца, продолжалъ играть по прежнему, была не такъ щедра. Его содержаніе было сбавлено съ пятнадцати шиллинговъ въ недѣлю на три, а на всѣ представленія его матери было отвѣчено, что если она недовольна этою перемѣною, то сынъ ея властенъ предложить свои драгоценныя услуги любому другому театру. Какъ ни ничтожна была предложенная плата, обойтись безъ нея было невозможно, и Джо три года оставался на Садлервельскомъ театрѣ на трехъ шиллингахъ въ недѣлю, имѣлъ присмотръ за кладовою, помогалъ то плотнику, то декоратору, однимъ-словомъ, работалъ вездѣ, гдѣ помощь его могла быть полезна.

Длившись всего своего достоянія, семейство Грималди должно было изменить свой образъ жизни, и переѣхало на болѣе скромную квартиру, въ домъ одного знакомаго, мистра Бэйли, гдѣ и прожило нѣсколько лѣтъ. Джона нельзя было уломать принять постоянный ангажментъ, потому что у него было одно желаніе въ душѣ, — ѣхать въ море, — и онъ ненавидѣлъ театръ. Изрѣдка однако носылали за нимъ, когда въ представленіи на Дрюриленскомъ театрѣ нужны были дѣти, и платили ему по шиллингу за вечеръ. Но его неохота была такъ явна, что актеръ Роутонъ, около этого времени купившій отъ мистра Книга Садлервельзскій театръ, принявъ участіе въ его склонности и доставилъ ему мѣсто на кораблѣ Остъ-Индской Компаніи, готовившемся къ отплытію.

Джонъ былъ внѣ себя отъ радости; но восторгъ его былъ скоро разрушенъ открытіемъ, что для экипировки его требовалось пятьдесятъ фунтовъ, и что мать не имѣла возможности снабдить его такою суммою. Мистръ Роутонъ устранилъ и это затрудненіе, и съ готовностью, мисстро увеличивавшему цѣну благодаренія, далъ ему деньги, безъ всякой росписки, сказавъ только: — «Помни, Джонъ, что ты долженъ возратить мнѣ эти деньги, когда дослужишься до капитана».

На третій день послѣ того, Джонъ, простившись съ родными, отправился на свой корабль; но когда узналъ, что корабль долженъ былъ простоять еще недѣлю или полторы, ему не стало терпѣнія ждать: бросивъ всѣ свои пожитки, онъ переплылъ къ стоявшему по близости военному кораблю, снимавшемуся съ якоря, записался въ его экипажъ каютника, иодъ вымышленнымъ именемъ, уѣхалъ, и потомъ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни духу.

Джозефъ, въ это время, не былъ празденъ. Каждое утро долженъ былъ онъ отправляться изъ Дрюрилена въ Садлервельзъ, на репетиціи, которыя тогда бывали въ десять часовъ. Къ двумъ часамъ возвращался онъ въ Дрюриленъ, обѣдать; за тѣмъ, ровно къ шести часамъ, то-есть въ началу представленія, слѣдовало ему поспѣть опять на Садлервельзскій театръ, гдѣ онъ бывалъ занятъ до одиннадцати часовъ почти безъ перерыву, потому что переодѣвался разъ двадцать и болѣе.

Такъ прошло для него нѣсколько лѣтъ, которыхъ однообразіе ознаменовалось только постоянно возрастающими успѣхами его въ искусствѣ и увеличеніемъ публички. Это обстоятельство, конечно, не осталось безъ вліянія и на его доходы. Въ 1794 году его содержаніе на Дрюриленскомъ театрѣ было утроено, а на Садлервельзскомъ оно въ это время возросло отъ трехъ шиллинговъ до четырехъ фунтовъ въ недѣлю. Все это время онъ жилъ съ матерью въ домѣ мистра Бэйли. Хозяинъ меж-

ду-тѣмъ умеръ, а дочь его вдовы, часто провожая мистрисъ Грималди на Садлервельскій театръ, познакомилась съ мистромъ Робертомъ Фербротеромъ (Fairbrother); которой также игралъ на обоихъ театрахъ, вышла за него замужъ, и затѣмъ мистрисъ Байли приняла его въ часть въ свою скорняжную торговлю; въ этомъ ремеслѣ повезло ему гораздо лучше, чѣмъ на театрѣ.

Грималди зарабатывалъ не одну гинею отъ мистра Фербротера, помогая ему въ досужіе часы въ выдѣлкѣ мѣховъ; нерѣдко также, бывая у дѣда, онъ помогалъ ему рубить и отбивать говядину, потому только, что не могъ четверти часа просидѣть безъ дѣла. Онъ не говоритъ, не тутъ ли онъ развилъ на практикѣ искусство и ловкость, съ какими онъ въ-послѣдствіи, на театрѣ, укорачивалъ жаркія и пироги, присылаемыя для жаренія и печенія въ его пекарню, и придумывалъ разныя ухищренія для того, чтобы прибавить вѣсу говядинѣ; впрочемъ, для чести булочнаго и мяснаго цеховъ, мы готовы согласиться, что нравственные понятія, приписываемыя имъ этимъ почтеннымъ торговцамъ, были чистымъ вымысломъ*.

При такихъ разнообразныхъ занятіяхъ, находилъ онъ время и для развлеченій. Онъ держалъ голубей, охотился за насѣкомыми и составилъ собраніе разныхъ бабочекъ и букашекъ, въ 4000 экземплярахъ; это собраніе, говоритъ онъ, стоило ему много времени, денегъ и труда, но какъ страстный энтомологъ, онъ былъ вознагражденъ за все это съ лихвою. Еще на старости, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ эти охоты, и называлъ то или другое мѣсто въ Kentѣ, или въ Surrey, гдѣ онъ нашелъ какую-нибудь замѣчательную козявку. Были у него двѣ особенно любимыя букашки; одну онъ называлъ кембервельской красавицей, по причинѣ ея необыкновенной уродливости; другую дартфордской лазоревкой; послѣдней онъ имѣлъ множество экземпляровъ, которые онъ успѣлъ собрать только послѣ большихъ усилій.

Ловля ихъ происходила въ іюнѣ мѣсяцѣ. Такъ какъ онъ каждый вечеръ игралъ на Садлервельскомъ театрѣ, то могъ пуститься на охоту только по окончаніи спектакля. Возвратившись домой и поужинавъ, онъ отправился около полуночи въ Дартфордъ, за пятнадцать миль отъ Лондона; прибывъ туда въ пять часовъ утра, онъ отдохнулъ и позавтракалъ у одного пріятеля, Брукса, потомъ отправился рыскать по по-

* Арлекинъ и клоунъ, въ пантомимахъ очень часто являются сначала лабочниками или ремесленниками, напримѣръ булочникомъ и его подмастерьемъ. Грималди былъ особенно забавенъ въ въ этой роли, когда отрывалъ по кусочку отъ каждаго принесеннаго для пекенія паштета и пудинга, по общему обычаю лондонскихъ булочниковъ. *Прим. пер.*

днѣ. Въ первый день охота его была не совсѣмъ удачна: онъ поймалъ ему только дартфордскую лозоревку; впрочемъ на первый разъ былъ доволенъ и этою поживою, возвратился къ пріятелю, простился съ нимъ въ часъ по полудни, а въ пять былъ уже въ Лондонѣ, и одѣвшись и выпивши чаю, поспѣшилъ въ театръ. Не должно было терять времени, если онъ хотѣлъ дополнить свою коллекцію, потому что пора лозоревокъ коротка. По окончаніи пантомимы и ужина, онъ опять отправился въ Дартфордъ, и на этотъ разъ наловилъ ихъ штукъ двадцать, тщательно прикололъ ихъ булавками, и къ четыремъ часамъ по полудни былъ уже въ Лондонѣ. Но добыча его еще далеко не доходила до опредѣленнаго числа экземпляровъ; поэтому онъ очень обрадовался, узнавъ, что пантомима на этотъ день была назначена для начала спектакля, такъ, что ему можно было выѣхать изъ Лондона въ девять часовъ, и въ часъ быть въ Дартфордѣ, гдѣ онъ поужиналъ и легъ спать, истощенный двумя бессонными ночами. Слѣдующій день былъ воскресенье, и ему не нужно было возвращаться въ городъ. Все утро онъ провелъ на ловлѣ лозоревокъ, наловилъ ихъ больше, чѣмъ ему было нужно; потомъ, просидѣвъ нѣсколько часовъ у пріятеля, къ ночи отправился въ городъ; на слѣдующее же утро, вставъ въ восемь часовъ, устрѣлъ къ двѣнадцати выучить новую роль и быть на репетиціи.

Мы полагаемъ, что такіа упражненія, при воздержной жизни, не мало содѣйствовали развитію въ Гримальди той физической силы, глубокости и ловкости, безъ которыхъ онъ не могъ бы дойти до такого совершенства въ своемъ искусствѣ. Впрочемъ не одна страсть къ энтомологіи побуждала его къ этимъ утомительнымъ нутешествіямъ; тутъ была другая, болѣе сильная причина: именно то, что онъ обѣщалъ подарить коллекцію насекомыхъ одной изъ самыхъ милыхъ женщинъ своего вѣка, несчастной мистрисъ Джорданъ *. И дѣйствительно, въ первый день слѣдующаго сезона, послѣ репетиціи пьесы «Какъ самъ уедна», въ которой мистрисъ Джорданъ въ первый разъ исполняла роль Розалинды, онъ поднесъ ей два ящика наколотыхъ на булавки бабочекъ и булавокъ. Рассказывая, съ какимъ стараніемъ и искусствомъ онъ составлялъ эту коллекцію, желая угодить первой красавицѣ своего времени, Гримальди всегда съ нѣкоторою гордостью прибавлялъ, что мистрисъ Джорданъ

* Мистрисъ Джорданъ прославилась столько же своимъ талантомъ, какъ и романтическими обстоятельствами своей жизни. Она была превосходная комическая актриса, съ пріятнымъ голосомъ, и особенно отличалась на сценѣ своею неотразимою веселостію. Незадолго передъ смертію, къ разнымъ душевнымъ страданіямъ присоединились долги, въ которые она впадала изъ-за своей доверчивости и благосклонности; она принуждена была бѣжать въ Францію, гдѣ и умерла въ крайней нищетѣ и умиренномъ расстройствѣ. *Прим. пер.*

была восхищена ею неменьше его самого, отвезла оба ящика домой, в своей каретѣ, и потомъ, при первой встрѣчѣ съ нимъ, порадовала его сердце сообщеніемъ, что его королевское высочество, герцогъ Кларенсъ, изволилъ смотрѣть коллекцію, и сказать, что онъ никогда не видѣлъ ничего лучшаго въ этомъ родѣ.

Единственнымъ спутникомъ Гримальди въ этихъ прогулкахъ, кромѣ его дартфордскаго пріятеля, былъ Робертъ Гомери, болѣе извѣстный подъ прозвищемъ пріятеля Боба, бывшій въ то время на Садлверельскомъ театрѣ, а потомъ, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, восхищавшій публику мелкихъ театровъ столицы. Онъ еще живъ, по-крайней-мѣрѣ былъ живъ не такъ давно, и жилъ капиталистомъ въ Батѣ. Гримальди любилъ рассказывать одно маленькое приключеніе, случившееся съ ними обоими.

Однажды они, вдвоемъ, съ ранняго утра до поздняго вечера гонялись за насѣкомыми, и возвращались съ богатой добычею, но порядкомъ утомившись и проголодавшись.

- Бобъ, сказалъ наконецъ Гримальди, я голоденъ.
- И я тоже, подхватилъ Бобъ.
- Вотъ тутъ, кажется, трактиръ, замѣтилъ Гримальди.
- Какъ нельзя болѣе кстати! сказалъ Бобъ.

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ, то-есть въ *своевременномъ* явленіи трактира, Гримальди былъ не такъ убѣжденъ, какъ его пріятель. Трактиръ былъ на видъ весьма приличный, да на бѣду въ карманѣ у него не было ни мѣднаго гроша, и онъ крѣпко сомнѣвался, чтобы карманъ пріятеля былъ въ лучшемъ состояніи.

— Войдемъ, сказалъ Бобъ:—уже становится позднячко. Ты заплачини!

— Нѣтъ, нѣтъ, плати ты!

— Съ большимъ удовольствіемъ, еслибъ только были у меня деньги!

Гримальди сдѣлалъ преуморительную гримасу, и принялся обшаривать всѣ карманы, одинъ за другимъ; потомъ снялъ шляпу, обыскавъ ее,—нигдѣ не было и слѣда денегъ.

Между-тѣмъ пріятели приближались къ трактиру, погруженные въ печальныя размышленія о безденежьи, какъ вдругъ Гримальди увидѣлъ, что-то блестящее подъ деревомъ, поднялъ и съ разными мимическими изъясненіями радости, вскричалъ:—«шесть пенсовъ, шесть пенсовъ!»

Лицо голоднаго пріятеля прояснилось, но не на долге.—«Это просто обрѣзокъ жести!» сказалъ онъ, нахмурившись.

Гримальди перевертывалъ на все стороны, цотиралъ и осматривалъ находку, и утверждалъ, что это настоящія деньги, пріятель сомнительно и печально покачивалъ головой.

— Вотъ что мы сдѣлаемъ! сказалъ Гримальди: мы войдемъ въ трактиръ и спросимъ хозяина. Эти люди больше насъ посмотрѣлись на деньги и съ перваго взгляда отличать настоящую монету отъ жестиаго обрѣзка. Бобъ согласился съ предположеніемъ спутника; они пошли къ трактиру, не переставая спорить о достоинствѣ находки. Должно замѣтить, что мелкое серебро было въ то время такъ дурно и такъ истерто, что такіа сомнѣнія возникали очень часто и рѣшать ихъ было дѣло не совсѣмъ легкое.

Трактирщикъ, толстенькій, веселый человѣчекъ, стоялъ на порогѣ своего заведенія и съ кѣмъ-то разговаривалъ. Наружность и дома и хозяина была такъ пріятлива и заманчива, что когда наши пріатели подошли къ нимъ на нѣсколько шаговъ, Гомери не могъ удержаться чтобы не шепнуть Гримальди, что не благоразумнѣе ли будетъ сначала спросить хлѣба и сыру, а потомъ уже приступить къ хозяину съ великимъ вопросомъ? Гримальди кивнулъ въ знакъ согласія, и они вошли въ гостиницу и велѣли подать себѣ хлѣба, сыру и кружку пива. Когда оба утолили голодь, Гримальди взялъ пенни, который неожиданно отыскался у него въ карманѣ, и бросилъ жребій о томъ, кому идти разсуживаться. Жребій палъ на Гримальди; онъ съ важностью пошелъ къ трактирщику, и съ преуморительною торжественностью положилъ передъ нимъ на столъ сомнительную монету, прося его взять что ему слѣдуетъ.

Точно такъ, сэръ, сказалъ хозяинъ, засяотрѣвшись не на деньги, а на комически торжественную фигуру Гримальди.

— Вѣрно-ли? спросилъ Гримальди.

— Вѣрно, сэръ, покорнѣйше благодарю, отвѣчалъ трактирщикъ, не взглянувъ даже на монету, и опуская ее въ карманъ.

Гомери не спускалъ глазъ съ Гримальди, а Гримальди все съ тою же важностью и торжественностью отошелъ отъ прилавка и вышелъ изъ дому съ своимъ пріателемъ, который едва удерживался отъ смѣху.

— Такого счастья я не видалъ еще никогда! сказалъ Гримальди: эти шесть пенсовъ пришли намъ такъ кстати!

— То-есть этотъ жестиаой обрѣзокъ! подхватилъ Гомери. Но Гримальди сталъ опять утверждать, что это были настоящія деньги; онъ и до самой старости непоколебимо отстаивалъ это убѣжденіе, основываясь на томъ, что онъ послѣ того неразъ бывалъ въ томъ же трактирѣ, и

хвалить никогда не жаловался. Впрочемъ, достоинство находилъ никогда не было дешево болѣе положительнымъ и достовѣрнымъ образомъ.

Въ началѣ 1794 года Гримальди съ матерью наняли небольшой домикъ въ шесть комнатъ, съ садомъ, въ Пентонвилѣ. Часть дома они сдали въ наемъ мистру Люксу и его женѣ, артистамъ Садлервельзскаго театра, и прожили такимъ-образомъ три года; между-тѣмъ жалованье Гримальди постоянно увеличивалось, такъ что онъ начиналъ считать себя почти независимымъ человекомъ. Но послѣ возобновились, по обыкновенію, представленія на Садлервельзскомъ театрѣ; Гримальди произвелъ фуроръ въ новой роли, и слава его начала быстро возрастать. Къ этому времени принадлежитъ новое знакомство, имѣвшее на нѣсколько лѣтъ большое и счастливое вліяніе на его жизнь. Вотъ какъ оно образовалось.

Въ тѣ дни, когда бывали репетиціи на Садлервельзскомъ театрѣ, мать Гримальди отправлялась въ театръ съ утра и проводила тамъ весь день, обѣдала въ уборной и занималась шитьемъ. Сначала она это дѣлала по необходимости, живя слишкомъ далеко отъ театра; когда же переселилась ближе, въ Пентонвилъ, продолжала по старой привычкѣ. Рядомъ съ театромъ былъ домъ одного изъ главныхъ его владѣтелей мистра Гьюза, который тутъ и жилъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Мисъ Мери Гьюзъ, старшая его дочь, была очень милая дѣвушка. Она очень уважала и любила старушку Гримальди и не упускала случая, чтобы прѣдти побесѣдовать съ нею; приходила въ театральную уборную часа въ три или четыре, съ работою, и просиживала до шести, то есть до того времени, когда начинали съѣзжаться прочія актрисы. Около пяти часовъ являлся самъ Гримальди, выпить чашку чаю съ матерью, и также оставался въ уборной до шести. Такимъ образомъ молодые люди познакомились, а отъ знакомства нетрудно было перейти и къ болѣе нѣжнымъ отношеніямъ.

На другой день послѣ своего блестящаго успѣха въ новой роли, отправившись въ обычный часъ въ уборную, Гримальди случайно сошелся съ своею жилицею, мистрисъ Люксъ, которая была кастеляншею при театрѣ. Она осыпала его поздравленіями и похвалами, которыя онъ выслушалъ съ явнымъ нетерпѣніемъ, потому-что ему было бы гораздо пріятнѣе услышать одно слово отъ мисъ Гьюзъ, которая была тутъ же, чѣмъ безконечную рѣчь мистрисъ Люксъ. Промучивъ его съ часъ времени, она наконецъ умолкла, чтобы перевести духъ, какъ случается съ самыми неутомимыми ораторами. Мисъ Гьюзъ воспользовалась этой минутой, робко подняла глаза и съ некоторымъ смущеніемъ сказала,

что мистръ Гримальди, по ея мнѣнію, прекрасно исполнилъ роль, такъ хорошо, что едва ли кто былъ въ состояніи сравниться съ нимъ.

Надо сказать, что дорогою къ Садлервельзскому театру, Гримальди обдумалъ свой образъ дѣйствія, и рѣшилъ, что если мисъ Гьюзъ ставитъ извѣдать его игру, онъ отвѣтитъ ей ловкими и остроумными complimentомъ, въ которомъ тонко намекнетъ на свои чувства. Онъ даже придумалъ множество такихъ complimentовъ, которые казались ему весьма удачными; но когда мисъ Гьюзъ заговорила, онъ совершенно растерялся, не могъ произнести ни одного слова, скорчилъ преуморительную рожу, покраснѣлъ, смѣшался, отвѣсилъ самый неловкій поклонъ, и пошелъ къ дверямъ, чтобы удалиться. Въ эту минуту было шесть часовъ, и онъ столкнулся въ дверяхъ съ прѣѣхавшими артистками. Онъ всегда былъ ихъ любимцемъ и баловнемъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, самыя бойкія и веселыя проказницы, какія бывають въ каждой труппѣ и въ каждомъ обществѣ, поздравивъ его сначала съ вчерашнимъ успѣхомъ, принялись водничать надъ нимъ.

— «Джо такой уже великій человекъ и пользуется такою всеобщою милостью, что пора ему завестись пріятельницей,» сказала одна.

Джо взглянулъ на мисъ Гьюзъ, и покраснѣлъ пуще прежняго.

— «Правда! подхватила другая. — Что скажете, Джо, если вамъ предложатъ на выборъ одну изъ насъ?»

Джо такъ смутился и сдѣлалъ такую смѣшную рожу, что всѣ расхохотались.

— «Если не ошибаюсь, сказала тутъ мистрисъ Люисъ, — Джо давно уже подарилъ свое сердце!»

Джо между-тѣмъ стоялъ какъ вкопанный, не смѣя ни сказать слова, ни даже поднять глаза; всего досаднѣе и больнѣе было ему то, что мисъ Гьюзъ слышала эти сказки и могла имъ повѣрить. Наконецъ онъ собрался съ силами и вышелъ, принялся еще тщательнѣе обдумывать свое положеніе, и пришелъ къ тому заключенію, что прелестная мисъ Гьюзъ произвела неизгладимое впечатлѣніе на его сердце, что онъ не можетъ жить безъ нея, никогда не женится на другой, и будетъ невыразимо несчастенъ, если она не пойдетъ за него; онъ вывелъ еще множество другихъ заключеній въ такомъ же родѣ, которыя у молодыхъ людей всегда выводятся изъ любимыхъ послылокъ. Съ этимъ открытіемъ вторглось въ его душу множество сомнѣній и опасеній. Разность общественнаго положенія его и его возлюбленной представлялась ему непреодолимой преградой къ исполненію его желанія: какое имѣлъ онъ право предполагать, что мисъ Гьюзъ питала къ нему болѣе нѣжное чувство, чѣмъ простое участіе къ сыну любимой и уважаемой знакомки? Эти размышленія ввергли его въ

такую бедную печали и душевнаго страданія, какой только может имѣть самый горячій влюбленный. Онъ лишился заботы и сна, лишился своей прежней веселости; стали во всей его наружности показываться болезненные признаки, которые могли бы возбудить безпокойство и въ другихъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе у пациента, котораго вся будущность, всѣ надежды зависѣли преимущественно отъ сохраненія невозмутимой веселости и неосчерпаемаго юмора.

ГЛАВА III.

1794 — 1797.

Счастливое сзатовство. — Несчастный случай и Гримальдиово патурапіе. — Новые драматическіе успѣхи. — Вторженіе воровъ.

Можно себѣ представить, что такая внезапная переиѣна въ чело-вѣкѣ, до того времени отличавшемся веселостью, не могла укрыться отъ вниманія окружавшихъ его, и особенно матери, которая наблюдала его со всею заботливостью и нѣжностью своего родительскаго сердца. Поизяно и то, что всѣ старались угадать причину переиѣны, но никто не могъ напасть на истину. На всѣ разспросы друзей, онъ отвѣчалъ только, что ему не здоровится, что трудное амплуа и новыя роли истощили его силы, и т. п. Всего удивительнѣе и непонятнѣе казалось его матери то, что онъ уже не показывался въ уборную, гдѣ бывалъ прежде каждый день, а пилъ чай дома, передъ отправленіемъ въ театръ, или на пилъ его вовсе. Причиною тому было то, что онъ не могъ переносить шутокъ и насмѣшекъ проказницъ актрисъ въ присутствіи мисъ Гьюзъ; тѣмъ болѣе что его смущеніе иногда очень забавляло хорошенькую Мери, а ему легче было не видать ее, чѣмъ быть предметомъ ея смѣха.

Такъ прошло нѣсколько недѣль, пока добрые люди не взяли горячо за дѣло.

Кажды, во-время представленія, Гримальди вошелъ зачѣмъ-то въ чѣмъ безъ и противъ всякаго ожиданія, вмѣсто старушки мистрисъ мени, она на-чалъ мисъ Гьюзъ. Когда дѣвушка, въ такихъ случаяхъ, съ самыми неу-которое волненіе, влюбленный становится смѣлѣе; но въ минутѣ, резко и видно было и признака волненія, она очень оспойно

сказала: — «Джо, что значить, что васъ не видать уже двѣ недѣли? гдѣ это вы пропадали? отчего вы не приходили къ чаю?»

Дружескій тонъ, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, нѣсколько ободрилъ влюбленнаго, однако онъ тщетно силился что те сказать; языкъ его поворачивался на одно только слово: «Я нездоровъ».

— «Нездоровъ!» подхватила дѣвушка, и съ выраженіемъ такого искренняго и теплаго участія, что это одно слово перевернуло душу Гримальди; а какъ онъ дѣйствительно былъ не совсѣмъ здоровъ, и нервы его были въ очень раздраженномъ состояніи, то онъ тщетно старался принять веселый видъ; слезы брызнули изъ его глазъ. Въ первую минуту дѣвушка очень удивилась, но потомъ сказала съ глубокимъ состраданіемъ: — «Я вижу, что вы въ-самомъ-дѣлѣ больны; вы ужасно перемѣнились: что такое съ вами? ради Бога, скажите, что съ вами?»

Между-тѣмъ молодой человѣкъ, наследовавшій всю болѣзненную раздражительность отца, только безъ дурной ея стороны, упалъ въ кресла, шкакалъ какъ ребенокъ, и съ трудомъ могъ выговорить нѣсколько словъ, въ которыхъ ничего нельзя было понять. Мисъ Гюзъ старалась его успокоить, а въ ту же минуту вошла мистрисъ Люисъ, и застала юную чету въ этомъ сантиментальномъ положеніи. Гримальди показалось, что онъ разыгралъ преслѣдственную сцену; онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ уборной.

Мистрисъ Люисъ, будучи пожилою женщиною и, слѣдовательно, гораздо опытнѣе въ подобныхъ дѣлахъ, чѣмъ наши молодые люди, ничего не сказала о томъ, что видѣла, но обдумала эту сцену про себя, и на слѣдующее утро ласково подошла къ Гримальди, когда онъ, послѣ мучительной, бессонной ночи, одиноко и уныло бродилъ по саду, перебирая и преувеличивая въ мысляхъ всѣ сомнѣнія и опасенія, грозившія разбить въ пухъ самую дорогую его надежду. — «Боже мой, Джо, что такое съ вами? сказала добрая старушка: — на что это похоже, Джо? да на мисъ лица нѣтъ! что съ вами?»

Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво; но какъ онъ имѣлъ безграничное довѣріе къ ея разсудительности и добротѣ, она же была мастерица своего дѣла, то кончилось тѣмъ, что онъ ей во всемъ сознался, ваявъ однако съ нею слово молчать. Мистрисъ Люисъ тотчасъ вызвалась быть посредницею, обѣщала выведать расположеніе мисъ Гюзъ и пообѣщала ему написать къ ней письмо, чистосердечно изложивъ въ немъ свои чувства; это письмо она бралась, въ случаѣ благоприятнаго результата, передать ей на слѣдующее утро.

Григальди провелъ всѣ свои свободные часы въ этотъ день за сочиненіемъ письма, причемъ, разумеется, испортилъ и изорвалъ не одинъ листъ бумаги. Наконецъ онъ удовлетворительно окончилъ это трудное дѣло, хотя письмо, по его мнѣнію, все еще не выражало и половины того, что должно бы выразить. Затѣмъ онъ отправился въ театръ, — но не вошелъ въ уборную, — и сыгралъ свою роль съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ когда-либо. Переодѣвшись со всевозможною поспѣшностью, онъ отыскалъ мистрисъ Люисъ, и она дала ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за этотъ день, которыхъ результатъ казался ей весьма благоприятнымъ, а ему очень сомнительнымъ.

Мистрисъ Люисъ воспользовалась первою минутою, когда случилась одна съ мисъ Гюзъ, чтобы заговорить объ удивительной переимѣнѣ Джо; на что мисъ Гюзъ отвѣчала, что она сама давно это замѣтила, и сказала это такимъ тономъ, по мнѣнію мистрисъ Люисъ, какъ будто желала продолжать разговоръ, но не знала какимъ-образомъ. — «Что съ нимъ такое? спросила она наконецъ.

— «О, я уже все провѣдала, мисъ Мери! Онъ влюбленъ.

— «Влюбленъ!»

— «Да, влюбленъ по уши. Я еще не видала молодаго человѣка, который любилъ бы такъ пламенно!»

— «А кто же эта счастливица? спросила мисъ Гюзъ, рассматривая, повидному совершенно равнодушно, какую-то лежавшую передъ нею вещь».

— «Это тайна, отвѣчала мистрисъ Люисъ. Я знаю ея имя; но она еще не знаетъ, что онъ ее любитъ; я должна завтра вечеромъ передать ей письмо, въ которомъ онъ откроетъ ей свое сердце».

— «Мнѣ было бы очень любопытно узнать ея имя!»

— «Я обѣщала ему не болтать; впрочемъ, если вы непремѣнно хотите знать ея имя, я могу, пожалуй, посвятить васъ въ эту тайну, не нарушая слова. Я покажу вамъ адресъ письма».

Мисъ Гюзъ сказала, что ей это будетъ очень пріятно, и вскорѣ затѣмъ вышла изъ комнаты, сговорившись насчетъ времени свиданія.

Григальди не находилъ во всемъ этомъ такихъ причинъ радоваться и надѣяться, какія видѣла мистрисъ Люисъ. Онъ отправился домой, легъ въ постель, но не могъ заснуть. На слѣдующее утро, когда мистрисъ Люисъ ушла съ его письмомъ въ Садлервельзскій театръ, онъ былъ въ такомъ сильномъ волненіи, что не зналъ, какъ перенести этотъ день. Въ пять часовъ онъ былъ уже въ театрѣ, и осѣдомлялся объ участи письма. — «Я не успѣла еще передать его, сказала мистрисъ Люисъ:

ступайте сами въ уборную; вы найдете ее тамъ, и попытайтесь прочесть на ея лицѣ, равнодушна ли она къ вамъ или нѣтъ».

Онъ отправился въ уборную. Мисъ Гюзъ была очень блѣдна, и глаза ея были заплаканы. Промельгъ часть; — она поспѣшила въ комнату повѣренной, и съ живостью спросила, гдѣ письмо Джо.

— «У меня», отвѣчала мистрисъ Люисъ съ лукавою улыбкою.

— «Такъ покажите же; мнѣ ужасно хочется знать, кто та, отъ которой зависить счастье Джо.

— «По совѣсти, я боюсь показать его вамъ, не спросивъ позволенія Гримальди.

— «Добрая, милая мистрисъ Люисъ, покажите! Еслибъ вы только знали, какъ я мучусь со вчерашняго вечера?» вскричала мисъ Гюзъ; потомъ, немного помолчавъ, прибавила съ сильнымъ волненіемъ, что она съ ума сойдетъ, если эта неизвѣстность продолжится.

— «Помилуйте, мисъ Мери, зачѣмъ вамъ сходитъ съ ума! Возможно ли, чтобы вы были такъ неразумны, что сами полюбили Джозефа? Ну, если вы хотите непременно, вы увидите письмо, только съ условіемъ: общайте, что вы сами замодвите у этой особы доброе слово за бѣднаго Гримальди».

Мисъ Гюзъ колебалась; потомъ однако, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сказала, что постарается, и мистрисъ Люисъ вручила ей письмо. Едва она успѣла прочесть адресъ, какъ бросилась, или скорѣе унала, въ объятія доброй старушки.

Гримальди былъ въ это время на сценѣ, и старался сыграть роль, какъ можно лучше, потому-что зналъ, что всѣ его надежды могли основываться только на его усиліяхъ и успѣхахъ. Передъ окончаніемъ первой пьесы, онъ слышалъ, что кто-то вошелъ въ ложу мистра Гюзъ, — взглянулъ, — это былъ предметъ его думъ.

— Она вѣрно уже получила письмо и рѣшила мою судьбу! подумалъ онъ, и лихорадка пробѣжала по его тѣлу. Онъ отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы знать, въ какомъ положеніи было дѣло. Его роль требовала, чтобы онъ въ эту минуту подошелъ къ самому оркестру, къ ложѣ, въ которой сидѣла Мери; она ему кивнула и улыбнулась. Не въ первый разъ кивала и улыбалась она ему; но на этотъ разъ ея дружескій взглядъ привелъ его въ такое волненіе и въ такую радость, что онъ забылъ, что говорилъ и что вокругъ него дѣлалось. Никто не жалелъ, чтобы онъ забылъ или перепуталъ роль; изъ этого онъ заключилъ, что выполнялъ свое дѣло, какъ слѣдовало, но какимъ-образомъ? — ^{разу-} ^{прохо-} ^{обудьте} никогда не могъ постичь.

Замѣчательно, что во всю свою жизнь, даже въ тѣ лѣта, когда другіе люди бываютъ еще дѣтьми, Гримальди былъ убѣжденъ, что счастье и несчастье, радость и горе, удача и неудача идутъ всегда объ-руку. Такии-образомъ, въ минуту счастья онъ всегда готовился къ какой-нибудь неудачѣ или неприятности. Въ своихъ запискахъ онъ часто говоритъ объ этомъ, и придаетъ этому большую важность. И дѣйствительно, въ тотъ самый вечеръ провалились подмостки, на которыхъ стояло десять чело-вѣкъ, въ томъ числѣ и онъ. Ему сильно придавило плечи, такъ-что его пришлось отнести домой. Ему тотчасъ оказали медицинскую по-мощь; но онъ провелъ всю ночь въ сильныхъ страданіяхъ, которыя од-нако къ утру уменьшились, благодаря чудесному дѣйствию одного нати-ранія, которое онъ всегда держалъ наготовѣ для подобныхъ случаевъ. Это средство завѣщалъ ему отецъ, а въ-послѣдствіи, когда многіе при-иѣры доказали его пользу, онъ подарилъ рецептъ одному извѣстному хирургу, мистру Чамберлейну, который, въ благодарность, назвалъ это средство Гримальдиевымъ натираниемъ, и въ короткое время разбогатѣлъ отъ его продажи.

Когда Гримальди выносили изъ театра, онъ сохранилъ достаточно присутствія духа, чтобы послать за мистрисъ Люисъ, и попросить ее съ возможною осторожностью увѣдомить мисъ Гюзъ о его паденіи; по-тому-что она еще до того ушла домой.

Мы не намѣрены долго останавливаться на этомъ періодѣ жизни Гримальди, хотя старикъ всегда съ особенною любовью вспоминалъ вре-мя, когда онъ узналъ всѣ высокія душевныя качества той, которую онъ любилъ такъ искренно, и которой взаимная любовь сохранилась неиз-гладимо въ его памяти. На другой день послѣ своего паденія, когда онъ сидѣлъ на диванѣ съ подвязанной рукой, мисъ Мери пріѣхала про-вѣдать его; радуясь, что онъ отдѣлался такъ дешево, и желая ему ско-раго поправленія, она откровенно созналась ему въ любви; такъ-что онъ въ эту минуту считалъ себя счастливѣйшимъ изъ всѣхъ людей, или скорѣе юношей, потому-что ему было всего шестнадцать лѣтъ. Одно только нарушало его радость. Мисъ Гюзъ твердо и непоколебимо отказывалась отъ всякой переписки и всякихъ сношеній съ нимъ безъ вѣдома родителей. И не удивительно, что это нѣсколько огечалило и обезпокоило его, когда вспомнишь, что мистръ Гюзъ былъ чело-вѣкъ въ гатый, а Гримальди не имѣлъ ничего, кромѣ своего таланта. Онъ Люисребилъ всевозможное стараніе, чтобъ переимѣнить намѣреніе своей такоиъ ленной; но всѣ его убѣжденія привели только къ тому, что она въ пять немедленно открыла свою любовь матери, на доброту и скром-ность ея. -торой можно было положиться. Она такъ и поступила; а мис-

грязь Гьюзъ, боявъ, что отъ ея рѣшенія зависѣло счастье дочери, не сталъ противиться, и замѣтила только, что по чрезвычайной молодости какъ Мери, такъ и своего жениха, еще рано было думать о сватбѣ. Мистру Гьюзу тайна эта была открыта, только три года спустя.

Этотъ періодъ былъ счастливейшимъ въ жизни Гримальди. Почти каждый день выдавался онъ съ своею милою Мери, въ присутствіи своей или ея матери, и по воскресеньямъ почти постоянно проводилъ весь день въ ея обществѣ. Слава его быстро утверждалась и возрастала; съ каждою новою ролюю приобрѣталъ онъ новыхъ почитателей въ публикѣ. Однимъ словомъ, онъ жилъ въ счастіи и довольствѣ.

Гримальди съ матерью и ихъ жильцы, мистръ и мистрисъ Люксъ, занимали въ это время одни цѣлый домъ, и не имѣли даже прислуги, потому-что ихъ служанка отпросилась на побывку въ деревню, а они не хотѣли нанимать другой на нѣсколько недѣль. Однажды, въ половинѣ августа, была назначена на Садлервельскомъ театрѣ ночная репетиція, послѣ представленія. Эти ночныя репетиціи представляютъ много неудобствъ, и потому онѣ бывають только, когда трудная пьеса должна быть поставлена въ короткое время. Въ настоящемъ случаѣ предстояло дать черезъ нѣсколько дней новую пьесу, которой актеры не успѣли еще хорошенько разучить, поэтому и была назначена ночная репетиція, которая, по расчету, должна была продолжаться до четырехъ часовъ утра. Мистеръ Люксъ вышелъ послѣдній изъ дому, заперъ дверь, привнесъ ключъ и отдалъ его Гримальди.

По окончаніи спектакля директоръ объявилъ артистамъ, что онъ призналъ удобнымъ отложить представленіе новой пьесы еще на недѣлю, и что, слѣдовательно, ночную репетицію можно отменить. Артисты быстро разошлись по домамъ. У Гримальди еще было двѣо на четверть часа; поэтому его мать и мистрисъ Люксъ ушли впередъ, а онъ пошелъ потомъ съ Люксомъ и двумя другими пріятелями.

Подходя къ дому, мистрисъ Гримальди и ея жильца съ удивленіемъ увидѣли, что садовая калитка была отворена; первая замѣтила, что это вопростительная небрежность со стороны мистра Люкса. Пентонвилъ тогда считался еще предмѣстемъ, и именно въ это время его опустошала очень дерзкая шайка воровъ. Нѣкоторые изъ самыхъ отчаянныхъ членовъ ея были повѣшены, другіе сосланы; но это не удерживало болѣе счастливыхъ ихъ товарищей отъ новыхъ и еще болѣе смѣлыхъ выходовъ. Еще болѣе удивились хозяйки найдя дверь дома отпертою, и когда, осторожно отворивъ ее, увидѣли свѣтъ въ корридорѣ. Обѣ, разувѣются, принялись кричать и звать на помощь. Въ эту минуту проходилъ случайно знакомый, и предложилъ имъ свои услуги. «Побудьте

здесь съ мистрисъ Люксъ, сказала мистрисъ Гримальди, а я войду, и закричу, если будетъ нужна помощь».

Затѣмъ она смѣло прошла корридоръ, спустилась внизъ, въ кухню, посиѣнно высѣкла огня, и увидѣла, что кухня совершенно обобрана. Она возвратилась къ дверямъ въ то самое время, какъ Гримальди съ своими спутниками подходилъ къ дому, и сообщила имъ свое неприятое открытіе. Тотчасъ было рѣшено сдѣлать строгій осмотръ по всему дому, потому—что въ немъ могъ еще скрываться кто—нибудь изъ воровъ, застигнутый врасплохъ. Къ хозяевамъ и гостямъ присоединились еще два ночные сторожа, принятые въ эту почетную должность, какъ водилось обыкновенно въ тѣ времена, по старости лѣтъ и неспособности къ трудной работѣ. Такимъ—образомъ весь отрядъ вступилъ въ дождь, жидины съ аханіемъ и оханіемъ, мужчины съ проклятіями и ругательствами. Въ домѣ повсюду былъ безпорядокъ, но воровъ не оказалось; шкафы, комоды и сундуки взломаны и обобраны; все было унесено, не исключая большаго платка, который мисъ Гюзъ сама вышила для будущей свекрови. Гримальди и его пріятель мистръ Кингъ вооружились бичомъ и заржавѣлымъ палашомъ, и предоставивъ остальнымъ хныкать надъ пустыми сундуками, сами отправились осмотрѣть садъ, который съ боку отдѣлялся отъ смежнаго сада заборомъ фута въ четыре вышины, а сзади заборомъ футами двумя выше перваго, отъ огромнаго поля.

Ночь была темная; они долго шарпили по всему саду, и никого не находили. Гримальди взобрался на болѣе высокій заборъ, и посмотрѣвъ черезъ низшій, увидѣлъ человѣка, готовившагося соскочить съ забора сосѣдняго сада въ поле. Воръ, —не подлежало сомнѣнію, что это былъ одинъ изъ воровъ, — увидѣлъ Гримальди, и принявъ его за одного изъ своихъ товарищей, остановился и тихо обликнулъ его: «Беть! беть! ты ли?»

— Я! отвѣчалъ Гримальди, приближаясь; и воръ, услышавъ чужой голосъ, едва успѣлъ соскочить съ забора, какъ Гримальди со всѣмъ силой хватилъ его палашомъ. Воръ ужасно вскрикнулъ отъ боли, и упалъ; но тотчасъ же вскочилъ опять на ноги, и пропалъ въ темнотѣ. Гримальди закричалъ своему пріятелю, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ въ калитку, а самъ соскочилъ въ поле и погнался за бѣглецомъ, но пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, запнулся на лежавшую на травѣ корову, и уцалъ. При этой невольной пантомимической штукѣ, онъ могъ бы тяжело ранить себя собственнымъ оружіемъ, еслибъ театральныя упражненія въ фехтованіи не научили его безопасно носить оружіе.

Поспать еще несколько времени понапрасну, прители отирались до-мой. По осмотрѣ палаша, онъ оказался въ крови.

Между-тѣмъ явился констебль, и взявъ съ собою двухъ ночныхъ сторожей, отправился на поискъ, общая взять воровъ, живыхъ или мертвыхъ,—и отыскать похищенное имущество.

Гримальди принялся утѣшать дамъ и разставлять по мѣстамъ вещи, которыхъ воры не успѣли захватить. Ему тотчасъ попался на глаза платокъ, подаренный его матери ея futureю невѣсткою. Онъ поднялъ его, и изъ него тяжело выпала на полъ маленькая античная коробка. Мать всплеснула руками и съ живостью вскричала, еще громче, чѣмъ когда узнала, что домъ ограбленъ: «Мои деньги, мои деньги!»

— Что случилось, того не передѣлать! говорили со всѣхъ сторонъ: подумайте о бѣдной мистрисъ Люисъ, которая пострадала не меньше васъ.

Сравненіе было не совсѣмъ вѣрно, потому-что въ коробкѣ, которая подъ платкомъ какъ-то ускользнула отъ глазъ воровъ, было тридцать семь гиней; у мистрисъ же Люисъ было украдено все рѣшительно, и потому понятно что она просидѣла весь ужинъ повѣсивъ голову, и что ни увѣщанія друзей, ни утѣшенія старушки Гримальди, которая ободрилась послѣ того, какъ нашла свою коробку съ гинеями, не могли разсѣять ея горя. Послѣ ужина, друзья удалились, а хозяева принялись за надлежащія приготовления ко сну. Эти приготовления имѣли свою смѣшную сторону: оказалось, что никто не рѣшался ночевать одинъ въ комнатѣ, и наконецъ было рѣшено всѣмъ провести ночь вмѣстѣ. Въ гостиную притащили тюфяки, на которыхъ расположились дамы, не раздѣваясь; мистръ Люисъ усѣлся въ кресла, а Гримальди въ другія; послѣднему, по общему соглашенію, досталось помѣститься аванпостомъ, у двери и лицомъ къ ней, для чего онъ зарядилъ два пистолета, обтеръ палашъ, и разложилъ всѣ эти оружія около себя.

Нѣсколько времени было тихо, и всѣ начали уже дремать, какъ вдругъ у задней двери, выходящей въ садъ, раздался громкій и продолжительный стукъ. Всѣ вскочили и взглянули другъ на друга. Дамы вскрикнули бы, еслибъ отъ страху не отнялись у нихъ языки; мужчины вѣроятно расхохотались бы, еслибъ тоже чувство не сковало ихъ ртовъ, такъ что они не могли согнуть ихъ даже въ простую улыбку. Всѣ были увѣрены, что воры возвратились за остальною добычею. Гримальди первый ободрился, и обращаясь къ Люису съ самою уморительною гримасою, сказалъ: «Я сторожу здѣсь; такъ ужъ вы, дружище, ступайте поспать, что это тамъ за шумъ!»

Мистръ Люисъ очевидно былъ не совсѣмъ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Онъ подумалъ, бояливо взглянувъ на жену, и отвѣчалъ, что онъ охотно сдѣлалъ бы угодное мистру Гримальди, но не чувствуетъ въ себѣ рѣшимости идти къ дверямъ. Затрудненіе было наконецъ разрѣшено приговоромъ общаго совѣта, который опредѣлялъ: мистру Люису идти въ коридоръ, а Гримальди тихонько пробраться наверхъ, и изъ окна рекогносцировать непріятеля. Такъ и было сдѣлано. Стукъ за дверьми между-тѣмъ все продолжался и становился сильнѣе. Гримальди, вооруженный двумя пистолетами и палашомъ, и болѣе похожій на Робинсона Крузоа, чѣмъ онъ когда-либо бывалъ на театрѣ, въ ролѣхъ матроса, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, или маленькаго клоуна, взглянулъ въ окно и окликнулъ стучавшихся такимъ голосомъ, въ которомъ слышны были и безпокойство, и желанія побудить сосѣдей къ принятію участія въ предстоявшихъ переговорахъ. Это было часу въ третью ночи. Въ полусвѣтѣ занимавшейся зари онъ различилъ двухъ человекъ, несшихъ что то, повидному очень тяжелое, но не могъ разглядѣть, что именно. Во всякомъ случаѣ это не могло быть огнестрѣльное оружіе, и эта мысль нѣсколько успокоила его.

— Эй! кто тамъ? закричалъ онъ, выставляя сколько возможно на видъ пистолеты и палашъ. «Что тамъ такое?»

Отворяйте же! отвѣчалъ одинъ изъ стучавшихся; наслыу то мы васъ добудились! ужъ думали, что придется идти домой не достучавшись!

— А какая вамъ нужда будить насъ?

— А за имуществомъ-то!

— Зачѣмъ?

— Ну, да за украденнымъ имуществомъ! Мы обшарили все поле; и нашли!

Дверь тотчасъ отворилась, и ночные сторожа внесли два огромные мѣшка, которые были немедленно разобраны. Они заключали всѣ похищенные вещи, до послѣдней бездѣлушки, и въ придачу разныя отмычки, долота, клещи, подпилки, и другіе снаряды для взлома домовъ. Ночные сторожа были отпущены съ десятью шиллингами на брата и безконечными изъявленіями благодарности, а хозяева съѣли за завтракъ гораздо веселѣе, чѣмъ сѣлились наканунѣ за ужинъ.

Само-собою разумѣется, что пошли самые разнообразныя толки о томъ, кто бы могли быть воры. Имъ очевидно было извѣстно о ночной репетитиці, назначенной на Садлервельзскомъ театрѣ, и они усѣли бы счастливо убраться съ добычею, еслибъ не была репетитица неожиданно отиѣнена. До отъѣзда служанки не было ни одного воровскаго покушенія на домъ, и хозяйки почти готовы уже были подорѣзать ее; одна-

но, подумавъ хорошенько, нашли это подозрѣніе неосновательнымъ, потому-что дѣвушка была дочь честныхъ родителей; ее дядя сорокъ лѣтъ состоялъ старшимъ портнымъ при театрѣ, а тетка когда-то была въ услуженіи у Гримальди, и служила вѣрно и честно. Сама же она получила хорошее воспитаніе, была въ домѣ уже пятый годъ, и всегда служила честно. Но кто бы ни были воры, слѣдовало защитить домъ на будущее время, и потому немедленно былъ призванъ плотникъ, и велѣно ему придѣлать къ дверямъ двойныя задвижки и крѣпкіе запоры. Несмотря на эти мѣры предосторожности, женщины долго не могли оправиться отъ страха и долго еще дрожали отъ малѣйшаго стуку, или шороху, послѣ сумерокъ. Одинъ изъ театральныя сторожей, дежурившій только послѣ одиннадцати часовъ, былъ приглашенъ стеречь домъ въ отсутствіе служанки; онъ являлся каждый вечеръ и уходилъ не прежде одиннадцати часовъ, то-есть когда хозяева возвращались сами.

Служанка также не мало удивилась и испугалась, когда, пріѣхавъ изъ деревни, узнала о сдѣланномъ въ ея отсутствіе покушеніи. Однако, когда ее спросили, не будетъ ли ей страшно оставаться одной, она объявила, что не боится воровъ и будетъ сидѣть дома одна, только бы ей позволили разводять огонь въ каминѣ въ комнатѣ мистра Лисса, чтобы воры думали, что господа дома, да дали бы ей большую трюфетку, чтобы созывать сосѣдей на помощь въ случаѣ опасности. Желаніе ея было исполнено, и сверхъ-того дано на водку ночному сторожу, котораго будка стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, чтобы онъ усердно всматривалъ за нимъ, и въ случаѣ нужды немедленно шелъ на помощь.

Воры не удовольствовались тѣмъ, что потаскали все, что казався имъ годнымъ, но оставили по себѣ еще другую память; взломавъ шкафъ въ кабинетѣ Гримальди, они безпощадно уничтожили богатое собраніе насѣкомыхъ, кромѣ разныхъ моделей, рисунковъ, красокъ. Для вторичнаго составленія такого собранія потребовались бы самому вѣстому и опытному собирателю нѣсколько лѣтъ труда, а чтобы купить его, надо было издержать, по-крайней-мѣрѣ, двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Это несчастіе отбило навсегда у Гримальди охоту къ энтомологіи, и на слѣдующій же день онъ подарилъ одному пріятелю небольшой ящикъ насѣкомыхъ, уцѣлѣвшій какъ-то изъ всего собранія, и цѣлый ящикъ для ихъ ловли.

По прошествіи нѣкотораго времени, принятые мѣры предосторожности совершенно успокоили жильцевъ, а недѣли черезъ двѣ они забыли всякій страхъ, тѣмъ болѣе, что воры, думали они, встрѣтивъ такую неудачу въ первомъ своемъ покушеніи, едвали рѣшатся на второе. На первый взглядъ, заключеніе было, пожалуй, довольно основательное; да

воры как не опасались. Напротивъ того, на третій же день по возвращеніи служанки, они сдѣлали вторичное нападеніе на домъ, о чемъ будетъ рассказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

1797 — 1798.

Второе покушеніе воровъ. — Бѣсѣда Гримальди съ мистромъ Тротомъ, военная хитрость и успѣхъ ея въ третье нападеніе. — Магнетическая сила пантомимъ и великолѣпныхъ спектаклей. — Поездка въ Гревендъ и Чатамъ. — Неприятная встрѣча съ небожителями и другомъ и пріятное путешествіе, какового можно пожелать всѣмъ путешественникамъ.

Два вечера прошли безъ всякихъ тревогъ. На третій, въ то время, какъ служанка работала на кухнѣ, ей послышался шумъ за дверью, выходящею въ садъ, какъ-будто ее пытались взломать. Она тихонько вышла въ коридоръ, и увидѣла, что замочная ручка сильно двигалась вверхъ и внизъ: кто-то сильно толкалъ дверь. Въ первую минуту страха она принялась кричать; но это нисколько не испугало воровъ; напротивъ того, они удвоили свои усилія, такъ что, какъ въ послѣдствіи оказалось, сорвали дверь съ петель. Еслибъ она подалась нѣсколькими минутами раньше, служанку, безъ сомнѣнія, зарѣзали-бы. Но дѣвушка скоро опомнилась, подбѣжала къ передней двери, поспѣшно отворила ее, и подняла такой шумъ своею трещоткою, что немедленно сбѣжался сторожа и почти всѣ сосѣди. По всему дому и саду былъ сдѣланъ обыскъ, но воры успѣли убѣжать.

Это второе покушеніе воровъ было такъ смѣло и нагло, что ужасъ хозяевъ возобновился еще съ большею силою противъ прежняго. Всю ночь были въ домѣ караульные; всѣ дрожали отъ страху и приходили въ отчаяніе. На слѣдующее утро положено было принять новыя мѣры для обороны дома: обѣ двери были укрѣплены какъ крѣпостныя ворота, а Гримальди отправился въ Геттонъ-гарденъ, въ окружное полицейское правленіе, просить о помощи и защитѣ. При этомъ полицейскомъ управленіи находился въ то время опытный и смысленный сыщикъ, по имени Тротъ, который не рѣдко командировался для помощи къ дежурившимъ въ театрѣ констеблямъ, когда ожидалось особенно большое стеченіе народа. Когда Гримальди пришелъ въ правленіе, Тротъ вывелъ къ нему навстрѣчу и сказалъ, что самъ только собирался къ нему.

— Такъ вы уже слышали? спросилъ Гримальди.

— Больше только слышалъ, въ этомъ еще мало было бы толку!

— Такъ что жъ? схватили воровъ?

— Покажите мнѣ еще; до-сихъ-поръ они у меня проходили сквозь пальцы. Когда они взяли за промыселъ, въ шайкѣ было человекъ двадцать по-крайней-мѣрѣ. Изъ нихъ человекъ шестнадцать или семьнадцать получили должное наказаніе, а что осталось изъ шайки, вотъ тѣ-то и были у васъ. Должно полагать, у нихъ въ Пентонвилѣ гдѣ-нибудь притонъ. Они чуть ли не хуже всѣхъ воровъ, что ни есть въ Лондонѣ; — на все готовы, ничего не боятся!

Эти свѣдѣнія были вовсе неутѣшительны. Тротъ замѣтилъ безпокойство Гримальди, и продолжалъ. — Будьте спокойны, сэръ. Эти разбойники хотятъ только отмстить за то, что первая ихъ попытка окончилась такъ неудачно.

— Это ужасное положеніе! вскричалъ Гримальди.

— Гмъ! — вѣрю! особенно когда вспомнишь, что у нихъ угроза никогда не остается безъ исполненія. Но будьте спокойны, мистръ Гримальди.

— Они вчера были опять...

— Знаю; и сообщу вамъ еще тайпу: они будутъ опять въ нынѣшнюю ночь.

— Какъ, опять? нынче?

— Такъ вѣрно, какъ то, что я здѣсь стою и говорю съ вами; и если у васъ въ домѣ мало народу, и вы не надѣетесь съ ними справиться...

— Всего, кромѣ меня, три женщины и одинъ мужчина!

— Ну этого мало, — безъ сомнѣнія, слишкомъ мало.

— Моя мать умретъ со страху!

— До бѣды не далеко! у меня тоже покойница матушка, — царство ей небесное! — скончалась въ-слѣдствіе подобнаго испуга.

Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго, и Гримальди смотрѣлъ на Трота безпокойнымъ, вопрошающимъ взоромъ; Тротъ подумалъ немножко, и сказалъ, что кажется, ему пришла въ голову хорошая мысль.

— Какъ же вы полагаете поступить? спросилъ Гримальди. Скажите, я вамъ буду безконечно благодаренъ; я готовъ на всякое пожертвованіе.

— Объ этомъ и не говорите. Отдайтесь только совершенно въ мои руки, и я спасу васъ и ваше имущество, и поймаю воровъ.

Тротъ пошелъ съ Гримальди на его квартиру, въ одну минуту обо-
зрѣвъ се своимъ оравнымъ взоромъ, и объявилъ, что ручается за пол-
ный успѣхъ своего плана, если только всѣ его распоряженія будутъ

исполнены въ точности. — Нужно будетъ, продолжалъ отъ съ важностью, обращаясь къ собравшимся обитателямъ дома, необходимо нужно будетъ изъ нижняго этажа все вынести, что не запирается плотно, или не заложено наглухо, и предоставить домъ въ полное мое распоряженіе на одну ночь или, по-крайней-мѣрѣ, на все время, пока дорогіе гости не будутъ провожены съ надлежащимъ почетомъ.

Всѣ приказанія его были въ точности исполнены, и въ пять часовъ пополудни онъ явился опять, принять ключи дома. Хозяйка отправилась, по обыкновенію, въ театръ, оставивъ мистра Трота одного въ домъ, потому-что даже служанка была отослана къ сосѣдямъ.

Онъ старался по возможности не подходить къ окнамъ, а въ сумерки осторожно и безъ шума впустилъ черезъ садъ двухъ товарищей. Одинъ изъ нихъ замкнулъ и заложилъ болтами и засовами кухню, выходившую на улицу, въ подвальномъ этажѣ; другой заперся и укрѣпился такими же болтами въ жилыхъ комнатахъ верхняго этажа, а самъ мистръ Тротъ расположилъ главную квартиру въ покояхъ нижняго этажа. Наружная дверь въ садъ была также заперта и укрѣплена болтами; дверь же на улицу только замкнута.

Долго ничто не нарушало глубокой тишины, а гарнизону, безъ сомнѣнія, это время казалось еще длиннѣе, потому-что онъ оставался въ темнотѣ. Наконецъ раздался тихій стукъ въ наружную дверь съ улицы. Въ домъ ничто не шелохнулось, и стукъ нѣсколько разъ повторился громче и смѣлѣе. Еще нѣсколько минутъ спустя, дверь съ улицы была отперта отмычкой; въ корридорѣ сталъ раздаваться шорохъ двухъ паръ мужскихъ ногъ; гости тщательно заперли и заложили за собою дверь, потомъ вытащили изъ-подъ платья два глухіе фонаря, и пошли на верхъ. Найдя дверь верхняго этажа запертою и крѣпко заложеною, они спустились опять внизъ, и попытались пробраться въ тѣ покои, гдѣ поселился Тротъ. Онъ между-тѣмъ приложилъ ухо къ замочной щели и отъ души смѣялся дуракамъ. Встрѣтивъ и тутъ отпоръ, воры сошли въ подвальный этажъ, и порядкомъ удивились, что одна кухня была заперта, а другая настѣжъ. Они заглянули въ послѣднюю, и затѣмъ возвратились въ первый этажъ.

— Сегодня, намъ кажется, никто не придетъ помѣшать, сказалъ одинъ, всходя по лѣстницѣ: — такъ не станемъ же тратить времени! Но взгляни ка, братъ, сюда!

— Чтó тамъ такое? спросилъ другой.

— Взгляни только на эту дверь; чтó за здоровые болты, да перекладина! и замки всѣ патентованные! Вѣдь все это сделано со вчи-

решаю никакого посещения. Далге пришлось бы намъ тутъ поработать, и отступить ни съ чѣмъ!

— Да-ка отворимъ, оно вѣрнѣе; неравно припрутъ насъ съ той стороны, такъ было бы куда удрать, по вчерашнему!

— Легко сказать отворить! Только пропасть времени уьемъ понапрасу, да поднимемъ такой шумъ, что всѣхъ сосѣдей разбудимъ. Давай лучше скорѣй приниматься за дѣло; сегодня вѣдь нѣтъ ночной ренетции!

Оба засидѣлись и рѣшились начать съ комнаты, въ которой заперся Троть: нигомъ отомкнули замокъ, посредствомъ отмычки, и стали толкать дверь, но болты крѣпко держались.

— Тыфу, пропасть! вскричалъ одинъ, всею тяжестью тѣла напирал на дверь: — не подается, ты тутъ себя хоть тресни!

— Такъ начнемъ съ той кухни, что отворена, сказалъ другой: тотъ рязъ мы въ ней нашли порядочную поживу. Пойдемъ!

— А скажи, Томъ, хотѣлось бы тебѣ узнать, кто тебя намени такъ относивалъ палашомъ?

— Еще бы не хотѣть! Узнай я только, кто это былъ, да чтобы нѣтъ на мѣстѣ провалиться, еслибъ я заставилъ долго себя ждать, и не отпустилъ ему за себя! Пойдемъ къ дѣлу!

Они пошли внизъ, а Троть, потихонько отдернувъ болты, кошкою вкрався за ними по корридору, до наружной двери, замкнулъ ее и опустилъ ключъ въ карманъ; потомъ, остановившись на площадкѣ подвальной гѣстицы, сталъ съ душевнымъ удовольствіемъ прислушиваться къ извѣщеніямъ удивленія воровъ, когда они принялись отворять шкафъ за шкафомъ, ящикъ за ящикомъ, и нигдѣ ничего не находили. — Вотъ-то вричка, все новытаскано! сказалъ одинъ; тыфу пропасть! чтобъ это такое значило?

Троть выстрѣлилъ изъ пистолета холостымъ зарядомъ и послѣшно удалился въ свою крѣпость. Это былъ сигналъ, по которому его два компаньона должны были выйти изъ своихъ убѣжищъ. Воры бросились сметливо наверхъ, къ выходу; но дверь была заперта, и ихъ безъ труда схватили, связали, и отвели съ торжествомъ въ безопасное мѣсто.

Вскорѣ затѣмъ возвратились сами хозяева, и приняли квартиру отъ оставленнаго для того полицейскаго служителя. Гримальди на другое утро вѣшалъ опять въ Геттонъ-гарденъ, гдѣ въ первый разъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ лицо воровъ. Онъ и полицейскіе подали свои объясненія, личность воровъ была удостовѣрена, и мирный судья отдалъ приказъ о содержаніи ихъ въ тюрьмѣ, до слѣдующихъ засѣданій ассизнаго суда. Гримальди долженъ былъ дать подяску и залогъ въ томъ, что не отступится отъ иска. При производствѣ процесса, присяжные

единогласно признали подсудимых виновными, и они были сосланы въ каторжную работу.

Этотъ анекдотъ бросаетъ яркій свѣтъ на состояніе Лондона и его окрестностей, въ этотъ отношеніи, въ концѣ прошлаго вѣка. Дерзкіе, неустрашимые разбойники, разбѣжавшіе прежде верхами по большимъ дорогамъ, уже давно перевелись; но грабительскія шайки другого рода, не столь сильныя и многочисленныя, опустошали столицу и предѣлы съ такою дерзостью, о какой мы не можемъ составить себѣ и понятія. Въ наше время случай въ родѣ рассказаннаго доставилъ бы на три мѣсяца пищи всѣмъ журналамъ, а Лондонъ и всѣ окрестности, на тридцать миль вокругъ, всплеснули бы руками отъ удивленія и ужаса, услышавъ, что одни и тѣже люди отважились три раза возобновлять нападеніе на одинъ и тотъ же домъ.

При слѣдствіи открылось, что два сучаченные вора были послѣдніе изъ всей шайки, и это извѣстіе успокоило и очень обрадовало пентонвильскія жителей, избавивъ ихъ отъ опасенія, чтобы не отыскались новые мстители за судьбу товарищей. Несмотря на то, Гримальди и его мать не могли уже вполне примириться съ своею квартирою, которая все еще наводила на нихъ какой-то страхъ. Сверхъ-того, Гримальди разсудилъ, что пора наконецъ думать о женитбѣ, и не отчаявался уже, какъ прежде, въ согласіи отца его невѣсты, съ-тѣхъ-поръ какъ-мать-ея была за него. Поэтому онъ рѣшился искать другой квартиры, и устроить ее сообразно съ своими настоящими средствами. Онъ разсчитывалъ, что мистръ Гьюзъ будетъ сговорчивѣе, когда увидитъ, что женихъ можетъ ввести молодую въ квартиру, если не богатую, то все-таки приличную и красивую, и держать ее почти на такой же ногѣ, какъ она привыкла жить въ родительскомъ домѣ. Поэтому онъ объявлялъ домохозяину о своемъ намѣреніи отказать, и обошелъ, въ сопровожденіи миссъ Гьюзъ, всѣ свободныя квартиры по сосѣднимъ улицамъ, отыскивая такую квартиру, которая пришлась бы по вкусу обоимъ. Пентонъ-стритъ былъ въ то время для Пентонвильскаго предѣстья тоже, что Сентъ-Джемъ-стритъ въ болѣе аристократическихъ частяхъ города, и потому онъ былъ очень доволенъ, найдя въ этой улицѣ удобную и приличную квартиру, которую онъ отдѣлалъ совершенно по вкусу и назначенію миссъ Гьюзъ.

У него было много свободного времени для мечтанія о будущемъ своемъ счастьи и для надзора за отдѣлкою новой квартиры, потому что на Садлервельскомъ театрѣ представленія прекращались въ концѣ октября, а на Дрюилейскомъ должны были начаться только къ Рождеству; да и тогда не предвидѣлось много занятій для Гримальди, развѣ только директоры вдумали бы поставить новую пантомиму. Но директоры

несколько лѣтъ уже забывали, и на этотъ разъ предполагали также забыть пантомиму великолѣпнымъ спектаклемъ. По мнѣнію Гримальди, эта перемѣна была не къ лучшему, а скорѣе къ худшему. Съ незапамятныхъ временъ никакой театръ не могъ обойтись безъ святочной пантомимы, и публика ожидала ее, какъ необходимаго условія; праздникъ былъ бы не въ праздникъ. Великолѣпные спектакли, въ родѣ «Раула, синей бороды», «Рыцарскихъ вѣжовъ», «Лодожки» и тому подобнаго, давали очень хорошіе сборы, однако сомнительно было, чтобы эти сборы подходили къ тому, что доставляли пантомимы на Ковентгарденскомъ театрѣ. По-крайней-мѣрѣ такъ должно заключить изъ примѣра Дрорленскаго театра, который счелъ наконецъ нужнымъ возвратиться къ пантомимамъ, и совсѣмъ бросилъ великолѣпные спектакли.

Гримальди участвовалъ во всѣхъ этихъ мьесахъ, начиная съ «Синей бороды»; но въ нихъ было мало работы, къ особенному его удовольствію, потому—что онъ предпочиталъ общество миссъ Гюзъ всѣмъ рукоплещаямъ публики.

Къ концу февраля новая квартира была готова и Гримальди напомнилъ миссъ Гюзъ, что пора назначить день свадьбы, тѣмъ болѣе, что по случаю непостановки пантомимы, онъ совершенно свободенъ. Она отвѣчала, что за нею остановки не будетъ, какъ скоро онъ испроситъ согласіе ея отца. Этотъ отвѣтъ не вполнѣ удовлетворялъ Гримальди, частью потому, что это значило отсрочивать его счастье на неопредѣленное время, частью же потому, что задача была для него весьма легкая. Онъ возразилъ, что невозможно обратиться къ мистру Гюзу, такъ какъ онъ выѣхалъ изъ Лондона.

— Тѣмъ лучше, сказала миссъ Гюзъ: я знаю, что ты никогда не соберешься съ духомъ объясниться съ нимъ лично; такъ напиши ему; онъ будетъ отвѣчать непременно съ первою почтою.

Мистръ Гюзъ былъ въ это время въ Эксетерѣ. Гримальди сочинилъ съ великимъ трудомъ сообразное обстоятельствомъ посланіе, представилъ его на разсмотрѣніе миссъ Гюзъ, и по утвержденіи ея переписалъ и отправилъ на почту. На другой день Мери поѣхала въ Гревендъ, погостить у одной подруги. Ни въ какое время разлука съ нѣсткою не могла быть такъ тягостна для бѣднаго Гримальди; ей общество было нужно для того, чтобы успокоивать его и поддерживать его надежды. Прошло пять дней, а онъ не получалъ отвѣта отъ ея отца, и готовъ былъ впасть въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ никакого занятія, которое насильно отрывало бы его отъ мрачныхъ думъ и тревогъ. Зато, какъ обрадовался онъ, получивъ отъ Мери приглашеніе съѣздить на слѣдующее воскресенье по Темзѣ въ Гревендъ. Онъ совер-

шилъ поѣздку удачно и въ довольно короткое время, что было въ те времена особеннымъ счастьемъ, потому-что тогда по Темзѣ ходили только парусныя суда, пассажиры же были въ совершенной зависимости отъ прилива и отлива, вѣтра и погоды, и должны были довольствоваться тѣмъ, что достигали мѣста назначенія, не взыскивая за лишнее время, потраченное на проѣздъ. Мери ожидала его на пристани; она объяснила ему, что сообщила тайну своему брату, стоявшему съ полкомъ въ Чатамъ, и что они проведутъ день у него.

— «Джозефъ, сказала она, когда они вѣхали вдвоёмъ въ Чатамъ и носѣ первыхъ привѣтствій, необходимыхъ между женихомъ и невестой; Джозефъ, расскажи же мнѣ все, какъ было. Что пишетъ отецъ?»

— «Отъ него еще нѣтъ отвѣта!»

— «Нѣтъ еще? странно! Его все знаютъ, какъ самаго аккуратнаго человѣка!»

— «Я однако не получилъ отъ него ни строчки!»

— «Такъ напиши въ другой разъ, Джо, и безъ отлагательства. Сегодня ужъ будетъ поздно, а надо писать завтра, непременно. Его молчаніе удивляетъ меня.»

— «И меня также.»

— «Должно полагать, что онъ былъ занятъ какимъ-нибудь необыкновенно важнымъ дѣломъ, когда получилъ твое письмо, и что ему некогда было писать.»

Они мысленно объяснили себѣ молчаніе мистра Гьюза согласно собственнымъ желаніямъ, и затѣмъ, оставивъ этотъ предметъ въ покоѣ, провели день очень пріятно въ обществѣ молодаго Гьюза; вечеромъ возвратились въ Гревендъ, а въ одиннадцать часовъ Гримальди былъ уже на пути въ Лондонъ. Миссъ Гьюзъ обѣщала воротиться въ городъ въ слѣдующую субботу.

Въ каютѣ Гримальди неожиданно встрѣтился съ мистромъ Кливомъ, кассиромъ Садлервельзскаго театра. На театрѣ водятся соперничества и вражды, точно также какъ въ бальной залѣ, въ школѣ и вездѣ. Кливъ враждовалъ съ Гримальди, — не за себя конечно, потому-что между-ними собственно не было ничего общаго, — а за одного мистра Гартленда, котораго слава совершенно померкла передъ славой Гримальди; онъ былъ также въ садлервельзской трушѣ пантомимнымъ и мелодраматическимъ актеромъ, и по отзывамъ самаго Гримальди, былъ артистъ дѣльный и съ большимъ дарованіемъ. Мистръ Кливъ ненавидѣлъ Гримальди изъ дружбы къ Гартленду, такъ что эта встрѣча была довольно непріятна; еслибъ онъ только увидѣлъ съ нимъ миссъ Гьюзъ, непременно вышелъ бы какія-нибудь сплетни.

— «Вы ли это, Гримальди? Какими судьбами вы здесь?»

— «Такими же судьбами, какъ вы сами и всѣ другіе пассажиры: яду назадъ въ Лондонъ.»

— «Это я вижу; но какое дѣло привело васъ въ Гревзендъ.»

— «Собственно въ Гревзендѣ не было у меня никакого дѣла; а какъ сошелъ съ пакетбота, такъ тутъ же поѣхалъ въ Чатамъ.»

— «Гмъ! вотъ оно какъ!»

Кассиръ скорчилъ очень недовольное лицо, изъ котораго ясно было видно, что онъ весь день рыскалъ по Гревзенду, желая выслѣдить Гримальди. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ: — «А я такъ думаю, что вы были приглашены въ Гревзендъ на обѣдъ, къ одной молодой особѣ.»

Гримальди тотчасъ догадался, что кассиръ провѣдалъ о пребываніи ниссъ Гьюзъ въ Гревзендѣ и собственной его поѣздкѣ, и что онъ послѣдовалъ за нимъ съ благонамѣренною цѣлью что-нибудь подсмотрѣть и передать попринадлежности. Онъ былъ очень радъ, что Кливъ не выдалъ его съ *молодою особою*, и предоставивъ сплетника собственнымъ размышленіямъ, отправился на палубу, предпочитая свѣжесть ночи холоду, который наводила на него бесѣда кассира.

На палубѣ оставалось одно свободное мѣсто, на скамейкѣ, занимаемой однимъ сосѣдомъ, его женою, сестрою жены и подругою послѣдней, молоденькою и хорошенькою дѣвушкою, закутанною въ огромный непромокаемый плащъ. Гримальди сѣлъ подлѣ нея. Сосѣдъ, любившій позабавиться и пошутить, видя, что Гримальди дрогъ отъ холоду, пригласилъ подругу невѣстки подѣлиться съ сосѣдомъ плащемъ, котораго хватить на двоихъ. Дѣвушка покраснѣла по уши и засмѣялась; но послѣ некотораго колебанія сняла съ руки правый рукавъ, подала его Гримальди, и они завернулись оба въ одинъ плащъ, какъ на рынкахъ называютъ исполнскія шинели. Такъ совершили они всю поѣздку, и Гримальди всегда увѣрялъ, что это весьма пріятный способъ согрѣваться въ дорогѣ, въ чемъ мы, съ своей стороны, не станемъ ему противорѣчить. «Смѣйтесь, смѣйтесь, говорилъ онъ хохотавшимъ пассажирамъ; мы и сами смѣялись бы, еслибъ было чѣмъ отогрѣть себя изнутри, какъ этотъ плащъ согрѣваетъ снаружи!»

— «А чего бы вы пожелали для этой цѣли? спросилъ сосѣдъ.»

— «Чего бы лучше французской водки!»

— «Будь вы не простой клоунъ, а арлекинъ, и то не могли бы удачнѣе накододать*, сказалъ сосѣдъ, веселый, румяный толстякъ,

* Хорошая павтомима не можетъ обойтись безъ волшебства. Какал-нибудь ося или

поднимая обѣими руками большую и тяжелую фляжку. Того только не доставало. Ночь была холодная, но тихая и лунная, и прошла скоро и приятно. До пристани было еще далеко, когда занялась заря; фляжка была опорожнена, сосѣд спалъ, Гримальди уютно сидѣлъ въ одномъ плацѣ съ хорошенькомъ спутницею, а жена сосѣда и ея сестра болтали и смѣялись безъ умолку.

Они разстались на пристани; сосѣд съ своею семьею уѣхалъ въ наемную карету, и поѣхалъ домой, а Гримальди отправился въ Гресчерчъ-стритъ, въ почтовую контору. Контора была еще закрыта; онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, не хотѣлъ тревожить домашнихъ, и потому рѣшился прошататься нѣсколько часовъ по этой части города, которая была ему мало знакома.

добрый волшебникъ, превращая арлекина, снабжаютъ его волшебнымъ, хотя и деревяннымъ мечомъ, которымъ онъ, какъ герой пантомимы, превращаетъ все, къ чему прикоснется.

Прим. пер.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Тарасъ Бульба, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ известной повѣсти *Гоголя*.

Сумасшедшая актриса или женихъ и хлороформъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго*.

Мужъ не мужъ, жена не жена, оперета въ двухъ дѣйствіяхъ гг. *Тарновскаго и Руднева*.

(*Бенефисъ г-жи Сосницкой.*)

Лекарь, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Вонлярлярскаго*.

Тоска и смѣхъ, драматическій капризъ, *его-же*.

Провинціальная гостинница, комедія водевилей въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Н. Карелина*

(*Бенефисъ г. Самойлова.*)

Ермилъ Ивановичъ Костровъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника*.

Дебютъ г-жи Котовской.

Пивалидъ, опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арлолда*.

Мы не говорили о послѣднихъ бенефисахъ Александринскаго Театра по весьма простой причинѣ: о нихъ почти нечего сказать. Пьесы, данныя въ бенефисъ госпожи Сосницкой, выдержали нѣсколько представленій, но это еще не доказываетъ, что они могутъ выдержать даже

спасходительную критику. Видѣли мы въ этотъ бенефисъ драму въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ громкимъ заглавіемъ «Тарасъ Бульба», но не узнали въ ней ни Гоголевой повѣсти, ни героя ея. Передѣлыватель выхватилъ изъ повѣсти, наудачу, нѣсколько эпизодовъ, кое-какъ связалъ ихъ, да и пустилъ на сцену, а имя Гоголя и В. А. Каратыгинъ, игравшій роль Тараса Бульбы, сдѣлали остальное.

За тѣмъ видѣли мы водевилъ г. Крестовскаго, не даровитаго беллетриста, знакомаго читателямъ «Пантеона», а Крестовскаго — водевиллиста, не живущаго съ первымъ ничего общаго. Водевилъ его называется «Сумасшедшая актриса, или женихъ и хлороформъ»; въ немъ молоденькая актриса, желая отдѣлаться отъ стараго жениха, притворяется сумасшедшей, а когда старый женихъ узнаетъ, что она не въ самомъ дѣлѣ сошла съ ума, а только притворяется, она усыпляет его посредствомъ хлороформа, и увѣряетъ свою мать, что онъ пьянъ. Мать отказываетъ старому жениху и выдаетъ дочь за молодого лекаря. Благодаря прекрасной игрѣ г-жи Самойловой 1 и г. Самойлова, этотъ незамысловатый водевилъ имѣлъ успѣхъ. Игра актеровъ спасла, въ этотъ же бенефисъ, еще одну пьесу, а именно оперетту гг. Тарновскаго и Руднева «Мужъ не мужъ, жена не жена».

Бенефисъ г. Самойлова былъ оставленъ гораздо лучше, литературнѣе; онъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду бенефисовъ нынѣшняго года. Читатели «Пантеона» знакомы уже съ двумя изъ пьесъ этого бенефиса, съ драмой «Лекарь», напечатанной въ послѣдней нашей книжкѣ прошедшаго года, и съ небольшою комедіей «Тоска и Смѣхъ», названной авторомъ капризомъ и напечатанной въ этой книжкѣ. Оставляемъ судъ надъ этими пьесами другимъ журналамъ и нашимъ читателямъ. Что касается до водевиля «Провинціальная гостиница», третьей пьесы того-же бенефиса, то мы предпочитаемъ вовсе умолчать о ней, изъ снисхожденія къ ея автору, который въ первый разъ, если не ошибаемся, выступилъ на драматическое поприще. Притомъ же у насъ впереди разборъ новой драмы Н. В. Кукольника, требующій всего нашего вниманія.

Появленіе новой пьесы г. Кукольника почитается у насъ замѣчательнымъ событіемъ; о пьесѣ говорятъ заранѣе, ее ждутъ съ нетерпѣніемъ, а на первое ея представленіе трудно бываетъ достать мѣсто. Что причиною такого успѣха драмъ г. Кукольника, — одно-ли достоинство его пьесъ, или и еще какія-нибудь обстоятельства?

Сомнѣваться въ дарованіи г. Кукольника нельзя, равно какъ нельзя сомнѣваться и въ томъ, что достоинства его драмъ много содѣйствуютъ ихъ успѣху, но столько-же, если не болѣе, содѣйствуетъ ихъ успѣху

отсутствіе соперничества. Пробрѣгите весь репертуаръ русскаго театра и за послѣдніе два, три года, и вы едва-ли начтете пять, шесть пьесъ, которыя заслуживаютъ вниманія, которыя могли-бы выдержать даже снисходительную критику. Въ журналахъ было напечатано нѣсколько комедій, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ несомнѣнныя литературныя достоинства, но на сценѣ, за исключеніемъ двухъ, трехъ пьесъ г. Тургенева, болѣе литературныхъ, нежели сценическихъ, мы изъ нихъ не видали ни одной. Не очевидно-ли, послѣ этого, что успѣхъ драмъ г. Кукольника основанъ не на одномъ ихъ достоинствѣ. Отсутствіе соперничества поставило г. Кукольника на первое мѣсто, а первенство всегда имѣетъ преимущество доставлять успѣхъ. Но критика не должна, подобно публикѣ, ослабляться этимъ первенствомъ; у искусства есть свои нерушимые законы, основанные на идеѣ истины и изящества, на основаніи которыхъ и должна она судить о произведеніяхъ искусства, устраниая отъ себя всякія постороннія вліянія.

Какъ бы то ни было, а дарованіе у г. Кукольника есть, и это дарованіе давно оцѣнено по достоинству, что ни говори почтенный баронъ Брамбеусъ, представившій недавно г. Кукольника непонятнымъ и угнетеннымъ у насъ писателемъ. Дарованіе г. Кукольника оцѣнено даже до такой степени, что мы не считаемъ, нужнымъ повторять здѣсь этой оцѣнки, а только осмѣлимся замѣтить почтенному Барону, что онъ самъ, смотритъ на него съ совершенно ложной точки зрѣнія. Онъ объявлялъ; въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», что Н. В. Кукольникъ принадлежитъ къ триумвиратѣ, произведшему, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, *переворотъ въ русской литературѣ*. — Какой триумвиратъ и какой переворотъ? спросите вы съ удивленіемъ. — Триумвиратъ этотъ, говоритъ баронъ Брамбеусъ, состоялъ изъ Н. В. Кукольника, К. П. Брюлова и Библиотеки для Чтенія, а переворотъ, совершанный ими, состоитъ въ томъ, что они возбудили реакцію противъ французскаго романтизма, подражаніе которому преобладало тогда въ нашей литературѣ. Каковъ парадоксъ! Такихъ не писывалъ почтенный Баронъ и въ прежнее время своего литературнаго поприща О Брюловѣ и «Библиотека для Чтенія» — ни слова, это не наше дѣло, но за Н. В. Кукольника мы вступились, и спросимъ почтеннаго Барона, каковы это образомъ онъ открылъ, что Н. В. Кукольникъ противодействовалъ у насъ вліянію французскаго романтизма? Баронъ приводитъ въ примѣръ «Альфу и Адбону» и «Эвелину де Вальероль»; да, помилуйте, господинъ Баронъ, c'est de l'Alexandre Dumas tout pur. А Торквато Тассо, Джуліо

* См. отдѣлъ критики въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» текущаго года.

Мости и весь рядъ романтическихъ драмъ г. Кукольника?... Баронъ Брамбеусъ жалуется далѣе, что первыми недоброжелателями г. Кукольника были литераторы, самые плохіе, по его мнѣнію, судьи новыхъ произведеній литературы. — Какую разницу видитъ баронъ Брамбеусъ въ сужденіи о новомъ и старомъ произведеніи литературы (разница есть, но онъ нисколько не пояснилъ ее, а это, для ясности его статьи было необходимо); да и самъ-то онъ, судящій и судившій о всяческой литературѣ, развѣ не литераторъ?

Теперь къ дѣлу, т. е. къ новой драмѣ г. Кукольника. Прежде всего бросается въ ней въ глаза переворотъ, совершившійся въ драматическомъ направленіи автора. Это третій съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ пишетъ драмы. Первые изъ нихъ, носившія названіе *драматическихъ фантазій*, не имѣли въ себѣ ничего сценическаго и не предназначались для театра. Потомъ стали появляться драмы, писанныя для сцены, но въ которыхъ авторъ не хотѣлъ подчиниться извѣстнымъ театральнымъ условіямъ, необходимымъ для успѣшнаго представленія драматическаго произведенія. Наконецъ, г. Кукольникъ, надѣявшійся, вѣроятно, основать новую школу въ драмѣ, пересоздать условія сцены и требованія публики, увидѣлъ бесполезность своихъ попытокъ, и, отказавшись, отъ второй своей манеры, перешелъ къ третьей, теперешней, т. е. подчинился припятъ на театрѣ условіямъ и сталъ отливать свои драмы въ общепринятую формы. Эта попытка удалась ему совершенно, и прошлогодній успѣхъ «Деньщика» оправдалъ его. Вслѣдъ за «Деньщикомъ» является «Костровъ», и приноситъ новое торжество. Но мы боимся, чтобъ это не увлекло г. Кукольника слишкомъ далеко и не ввело бы его въ несправильный промахъ. Поэтъ — въ *драматическихъ фантазіяхъ*, нововодитель — и преобразователь во второй группѣ драмъ своихъ, онъ теперь становится въ уровень со всѣми, безусловно подчиняется устарѣвшей драматической рутинѣ, дѣлается угодникомъ публики. Вотъ на это последнее обстоятельство и хотѣли мы обратить вниманіе г. Кукольника.

Театръ существуетъ для публики, говорятъ у насъ, слѣдовательно, литераторъ, пишущій для театра, долженъ прежде всего имѣть въ виду публику. Справедливо, — но съ извѣстной точки зрѣнія. Драматургъ долженъ необходимо думать о томъ, чтобъ понравиться публикѣ, но не долженъ жертвовать искусствомъ своимъ ея прихотямъ. Есть возможность примирить требованія искусства съ требованіями публики; скажемъ болѣе, есть возможность подчинить себѣ публику. Правда, на это необходимо дарованіе, но у г. Кукольника нѣтъ недостатка на немъ.

При томъ-же не надо выпускать изъ виду и того, что публика —

хамелеонъ безпрестанно мѣняющій цвѣтъ; трудно угодить всѣмъ подойти подъ всѣ ея цвѣта, и тотъ, кто рѣшится принять на себя этотъ проклятый трудъ, рано или поздно истощитъ всѣ силы свои и низведетъ свой талантъ до послѣдней степени. Въ публикѣ есть зерно, другая, истинная публика, *status in statu*, разумное меньшинство—на него то долженъ смотрѣть писатель, имъ дорожить, а не большинствомъ, которое въ дѣлѣ искусства, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ, часто ошибается. Неспорно, что у насъ труднѣе, нежели гдѣ-нибудь, отыскать это зерно, потому-что, при соперничествѣ русскаго театра съ нѣсколькими существующими у насъ иностранными, театральная публика разрознена, раздѣлена; но всеже это не невозможно.

Г. Кукольникъ статья, къ сожалѣнію, слишкомъ ревностнымъ угодиномъ большинства; благодаря дарованію, онъ еще довольно удачно миритъ эту угодлиность съ требованіями истины и изящества, но уже и теперь у него много уступокъ, недостойныхъ его дарованія. Онъ созналъ, что пишущій для театра долженъ, отчасти, (только отчасти) имѣть въ виду актеровъ, но, имѣя въ виду, во чтобы то ни стало угодить публикѣ, онъ и тутъ впалъ въ ошибку. Г. Кукольникъ знаетъ, напримѣръ, что В. А. Каратыгинъ отлично декламируетъ; что публика очень любитъ В. А. Каратыгина, и г. Кукольникъ старается, въ слѣдствіе этого, вставлять въ свои пьесы, во чтобы то ни стало, одну, двѣ, три сцены, часто вовсе неидущія къ дѣлу, но дающія В. А. Каратыгину случай выказать свое декламаторское искусство, какъ-будто этия и ограничиваются его дарованіе. Позвольте впрочемъ разсказать вамъ новую драму г. Кукольника, и вставлять наши замѣчанія въ разсказъ, по мѣрѣ надобности. Начнемъ съ того, что завязка не нова и не оригинальна.

Госпожа Молодкова, не желая отставать отъ людей знатныхъ, къ которымъ себя причисляетъ, потому-что мужъ ея имѣлъ рангъ бригадиря, а сама она удостоилась однажды, на охотѣ, услышать нѣсколько словъ изъ устъ Императрицы Елисаветы Петровны, разстроила свое цѣліе и вошла въ неоплатные долги. Чтобъ поправить дѣла, она придумала женить сына на дочери главнаго своего кредитора, господина Барсучкина, человѣка необразованнаго но очень богатаго. Но сынъ бригадирши, Аркадій, влюбленъ въ подругу своего дѣтства, Людмилу Сельскую, которую бригадирша хочетъ выдать за самого Барсучкина. Аркадій отказывается сначала повиноваться матерн, но узнавъ о плохомъ положеніи ея дѣлъ, которое она до-тѣхъ-поръ отъ него скрывала, рѣшается пожертвовать собою. Людмила также соглашается покориться, узнавъ, что Аркадій женится. Притомъ-же Молодкова была благодѣ-

тельницей Людмилы, брошенной въ дѣтствѣ матерью, воспитала ее, и потому Людмила; убѣжденная въ равнодушія Аркадія, приносить себя въ жертву, чтобъ заплатить Молодковой долгъ свой.

Барсучкинъ, разбогатѣвшій неизвестными, но, по всей вѣроятности не совсѣмъ честными средствами, очень желалъ-бы попасть въ знать. И чего, чего онъ для этого не дѣлаетъ.

Богатъ то я богатъ! Да что въ томъ толку?...
Хотѣлъ титулъ барона или графа
Себѣ купить... У насъ не продають;
Ну, а титулъ вѣмецкій не годится.

Ужъ я-ль не знатенъ?! Домъ, не домъ — дворецъ:
Пройдешься, будто станцію проѣхалъ.
Собачки, — и у тѣхъ свои покон.
Гдѣ только могъ, въ гостиномъ, въ магазиннахъ,
Скупилъ картины; всюду ихъ навѣшалъ;
Антиковъ больше сотни заказалъ,
Вездѣ наставлялъ; зимній садъ завелъ;
Въ простыхъ садахъ — *фанталы, ражюирры,*
Тіагръ домашній; пѣвчіе; *оркестеры;*
Чего ужъ кажется: свои *цыгане.*
Всѣхъ смуглыхъ судомоекъ отобралъ,
Фалетера приставилъ въ запѣвалы;
Ревутъ отлично... Знатокъ въ восторгѣ!

И дворянъ, какъ у самыхъ знатныхъ баръ.
Свой *додторъ, секлетаръ* и *библетекаръ,*
Кухмистеръ, интендантъ и *камендиреръ,*
Пандуры, гайдуки и скороходы,
Арапы, карлики, шуты и дуры!...

По колымажной части: золотыя
Кареты, и колясы, и линей,
И всѣхъ мастей — шестеряки. Живу
Какъ самый знатный баринъ. Ъзжу въ клобъ;
Играю въ ломберъ, фишка по червонцу;
И въ партіи съ сіятельными только.

Даю обѣды, *фейверки,* балы,
По вторникамъ и пятницамъ — спектакли...
Ну чортъ ихъ знаетъ, чѣмъ ужъ я не знатенъ?!...

А туалетъ?... На мнѣ парикъ — парижскій:
Смерть жарко, въ потъ бросаетъ, а таскаю. —
Очки ношу, хоть вижу очень зорко;
Но мода, — я слѣпотствую по модѣ.

А дочка? Подъ брильянтами крахтитъ.
Дубокъ, не штофъ на платьяхъ; кружева;
Учитель намозолилъ ей языкъ
Французскими нужнѣйшими словами!

Ну, словомъ, все какъ слѣдуетъ... И что-жь?
Все, кажется, не достаетъ чего-то.
Въ гостяхъ — не свой. Войдешь — и оробѣешь.
Чуть знатный... шепъ такъ сама и гнется...
Оглянешься кругомъ... нигдѣ поддержки...

Нѣтъ, безъ родства, неловко между знати!...
И я распорядился мастерски:

Первѣйшаго изъ первыхъ жениха
Для Голендухи подобралъ. Голышъ,
Зато фамиліи ужасно древней;
Отличной репутаціи по службѣ;
Бонтонъ смертельный, разумъ министерскій;
А ужъ на дамъ московскихъ, такъ чума.
Замужнія и вдовы, и дѣвицы
Въ Аркадія повально влюблены:
Будь денъга, онъ въ посланники заѣздетъ.

Вотъ у меня невѣста... не по вкусу.
Я въ женщинѣ люблю, чтобъ была булка,
Пыщъ, дутикъ, вотъ, какъ Лёночка, актрерка...
Ну, а моя Людмила Львовна — тѣнь,
Хлысть сухопарый, жидкая такая,
И рожа кислая... Что ставешь дѣлать?
Зато отецъ... извѣстный человекъ,
И генералъ, и кавалерій вуча,
Извѣстенъ Государынѣ самой;
Со всею министеріей знакомъ.
Суворовъ у него въ гостяхъ бываетъ.
Что тутъ невѣста? Вадоръ! Тутъ важень тестя:
Протекція, тутъ связи, ходъ дѣламъ...
Того гляди, и зять такого теста
Чинюкъ получить, или крестикъ схватить.

Самъ удивляюсь, какъ мнѣ Богъ послалъ
Узнать, чего никто въ Москвѣ не знаетъ.

О чемъ и Молодкова и Людмила
И не мечтаютъ. Вотъ сюрпризъ имъ будетъ,
Когда узнаютъ. Вѣдьсятъ, да поздно.

Вы видите, что г. Барсучкинъ распорядился не дурно: самъ онъ женится на Людмилѣ, дочери генерала, происхожденіе которой никому еще въ Москвѣ неизвѣстно; а дочь свою Голендуху, зрѣлую дѣву, всю залитую въ шелкъ и брилліанты, знающую нѣсколько словъ по французски, но въ сущности не болѣе, какъ глупую невѣжду, прочитъ за Аркадія Молодкова. Онъ такъ увѣренъ въ успѣхъ своихъ замысловъ, что посылаетъ за Костровымъ, чтобъ заказать ему стихи на случай свадьбы. Костровъ, котораго отыскали въ его любимомъ Царегородскомъ трактирѣ, является, въ полной увѣренности; что за нимъ прислалъ какой-нибудь вельможа. Но узнавъ, съ какою *птицей* имѣетъ дѣло, онъ ставитъ Барсучкина въ самое затруднительное положеніе: смѣется надъ его чванствомъ, надъ очками, которыя тотъ носитъ изъ подражанія моднымъ людямъ, заставляетъ называть себя по имени и отчеству, и наотрѣзъ отказывается написать стихи:

Какъ аго въ голову тебѣ могло
Прийти: Ермакъ Иванычу Кострову,
Какъ сапоги, заказывать стихи?!
Вельможи, мой любезнѣйшій, родятся;
А нѣтъ, такъ въ этотъ самъ по ступенямъ
Восходить государственной заслугой!
Изъ золота не отольешь вельможи,
И не найдешь такого Нигмалона,
Чтобъ знатность далъ болвану зототому.

Понятно, что эти выходки, на которыя Костровъ былъ великій мастеръ, не нравятся Барсучкину, и что Барсучкинъ приказываетъ выгнать Кострова и свести его въ харчевню. Но съ Костровымъ сладить не легко.

Руки коротки! (*отвѣчаетъ онъ, грозъ кулакомъ*) Шалунъ!
Стихи заказывать Кострову!

Сядь за указку, азбуку возьми!
Убей свои богатства на ученье;
Великими заслугами отчизнѣ
Въ чинъ знатный—родъ свой темный возведи!
Тогда зови насъ, труженниковъ Феба,
И какъ Шуваловъ, Бецкій, Разумовскій,
Какъ Панинъ, Чернышовы, Безбородко,
Какъ Строгановъ, Демидовъ, Бѣлосельскій,
Какъ мой безсмертный богатырь, Суворовъ,

Съ привѣтной лаской истаго вельможи,
 Подай мнѣ ядру—и Костровъ въ харчевнѣ
 За здравіе твое стаканчикъ стукнетъ,
 И—олимпійскія полюбуются пѣсни!

Костровъ, какъ видите, не полюбилъ Барсучкина съ перваго раза, но узнавъ, что онъ женится на Людмигѣ Сельской, *это первой любви* нашего сантиментальнаго поэта, дѣвушкѣ, которую онъ училъ русской словесности, къ которой писалъ стихи, — Костровъ начинаетъ не завидѣть Барсучкина и объявляетъ себя открытымъ врагомъ его. Онъ счастъ-бы радъ жениться на Людмигѣ, чтобъ снасти ее отъ Барсучкина.

.... Да есть препова
 Въ карманѣ—ни копѣйки!...

Сцена Кострова съ Барсучкинымъ ведена авторомъ мастерски, живо, увлекательно; но сцена объясненія съ Людмилой намъ не понравилась, потому-что Костровъ является въ ней слишкомъ смѣшнымъ. Его сантиментальность доходить до карикатуры, до шутовства.

Между-тѣмъ является генералъ Сельскій, отецъ Людмилы. — Онъ шестнадцать лѣтъ не видалъ дочери. Сельскій, разсорили, съ своею женою, бросилъ ее и уѣхалъ въ армию, гдѣ шестнадцать лѣтъ сряду принималъ участіе во всѣхъ битвахъ. Жена его умерла въ бѣдности подбросивъ дочь свою Людмилу Молодковымъ. — Сельскій явился теперь за Людмилой, совершенно невинной въ проступкѣ матери; онъ не долженъ былъ бы покидать ее, тѣмъ болѣе, что имѣлъ полное и законное право взять ее; но это *licentia dramatica*, которую г. Кукольникъ счелъ себя въ-правѣ допустить, не смотря на видимую ея натаанутость. — Сельскій хочетъ увезти свою дочь, думая, что ее выдаютъ за Барсучкина насильно; но Людмила объявляетъ ему, по требованію Молодковой, что сама дала слово Барсучкину. Тогда Сельскій рѣшается разстаться со своею дочерью, потому-что видитъ въ ней кокетку, продающую себя за богатство, дѣвушку безъ сердца и правилъ.

Передъ возвращеніемъ въ армию, Сельскій отиравается къ Кострову, чтобъ отдать ему письмо Суворова; это знаменитый отвѣтъ его на посвященіе Оссіана. Костровъ въ восторгѣ. Онъ принимаетъ генерала за простаго фельдъегеря, но потомъ узнаетъ свою ошибку и начинаетъ распрашивать его о своемъ чудо-богатырѣ. Генералъ удовлетворяетъ его любопытство и рассказываетъ ему, между прочимъ, о втурнѣ Измаила. Выписываемъ сцену разсказа, вставленнаго не со-всѣмъ кстати, но превосходно читаемаго В. А. Каратыгиннымъ.

ГЕНЕРАЛЪ *(постепенно одушевляясь)*.

Эхъ, братецъ, батюшка Ермиль Ивановичъ!
Грешить въ великолѣпныхъ вашихъ одахъ
Великая какая-то побѣда;
Да *Измаила* нѣтъ, слышь, *Измаила!*
Нѣтъ мелочей, подробностей священныхъ,
Мгновеній тѣхъ торжественно-ужасныхъ,
Которыми Суворовъ — *Измаиль*
Въ исторіи такъ ярко отчеканилъ...

ЛУКА.

Нѣтъ перцу *измаильскаго*, съѣдаешь?

ГЕНЕРАЛЪ.

Громадная твердыня *Измаила*
Надъ арміей какъ-будто надвѣвалась!
Мы плакали, осаду оставляя;
Рышникъ, Очаковъ на груди болтались,
Мы не привыкли отступать; мы были,
Какъ дѣти. — Холодъ, голодъ и болѣзни
Перенесешь, а стыдъ — не свой братъ... Вдругъ
Курьеръ: Суворова Фельдмаршалъ проситъ
Взять *Измаиль*... Вотъ, братъ, найди стихи!
Черуны у Зевеса вырви!.. Мало!
Чай за Москвой «ура» слышали наше!
Мы цѣловались, словно въ свѣтлый праздникъ.
Вотъ — бѣлый конь! На немъ — знакомый всадникъ!
За нимъ донскихъ полсотни казаковъ...
Точь въ точь скворцы на саранчу спустились.

Мы на *Измаиль*!

Всѣ оглянулись! будто сговорились,

И, какъ одинъ, ослабили лукаво.

КОСТРОВЪ *(съ возрастающею живостью и участіемъ)*.

Тѣфу пропасть! Чай у Турки — лихорадка!...

ГЕНЕРАЛЪ.

Взглянулъ и онъ. «Что дѣти, видишь, крѣпость?»

• И ровъ глубоковъ, и высока стѣна;

• А мы возьмемъ! Намъ матушка Царца

• Велѣла безпремѣнно взять его!...»

Давай Царьградъ! Съ тобой мы все возьмемъ!...

А взять то какъ? Не крѣпость, чертовъ дворъ:

Кругомъ — шесть верстъ; валъ — ростомъ — въ три сажени;

Ровъ — глубиной и шириной — шесть сажень;

Бойницы, бастионы, двѣсти пушекъ,

Да войска тысяча сорокъ; въ томъ числѣ

Семинадцать тысячъ янычаръ однихъ;

Всѣ гарнизоны: съ Кишин, съ Бендери
И съ Хотинѣ, и съ Аккермана, — тутъ же:
Пашей — десятка два, Капланъ Гирей,
И — старый котъ, — самъ Сераскиръ Мегметъ!
А насъ то? Тридцать тысячъ... только, счетомъ...
На половину — молодцы — Кавани,
Съ подрубленною пикой, пѣшимъ строемъ,
Идутъ стѣной за старую пѣхоту.
Вотъ чудеса! Поэзія войны!..
Какъ ты ее стихами въ оду влѣпишь?

КОСТРОВЪ (съ нетерпѣливостью).

Да отвяжись ты, братецъ, со стихами!
Разсказывай пожалуй! Что жъ Суворовъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Что? Рвы копать! Давай фашины и лѣстницы!
И ну учить насъ штурму по ночамъ.
Самъ, собственной рукой, фашину мечеть,
Самъ лѣстницу несетъ и приставляетъ,
Самъ лезетъ вверхъ и дѣйствуетъ штыкомъ..
Солдаты, что за курицей цыплята...
Смекаютъ на лету. Вотъ срокъ приспѣлъ.
Совѣтъ военный. Пять минутъ. Платовъ
Махнулъ рукой и крикнулъ: «штурмовать!»
Суворовъ подскочилъ, разцѣловалъ
Товарищей, и пишетъ Сераскиру:
• Суворовъ съ войскомъ здѣсь! Двадцать-четыре
• Часа на размышленіе для слачи
• И — воля!...

КОСТРОВЪ.

Узнаю безсмертнѣй штиль!

ГЕНЕРАЛЪ.

• Но первый выстрѣлъ мой — уже неволя!
• Штурмъ — смерть!

КОСТРОВЪ.

Ухъ, лихо! Что же Сераскиръ!

ГЕНЕРАЛЪ.

Обидѣлся. Вреть что-то по-турецки.

КОСТРОВЪ.

Ахъ, онъ болванъ! Какъ-будто онъ не зналъ,
Что въ армию пріѣхалъ самъ Суворовъ!

ГЕНЕРАЛЪ

Зналь, да не сладся...

КОСТРОВЪ.

Экой сумасшедшій!

ГЕНЕРАЛЪ.

Ночь на Давилинъ день! О кто опишетъ
Безмолвное величіе твое?!

Весь день играла музыка изъ пушекъ:
Вдругъ смолкло все; пустыня; ни гу-гу!
Чась третій ночи... Вдругъ шиинтъ ракета.
За ружья!.. Опрометью на мѣста!..
Другая!.. Мы построились!.. стоимъ
А командиръ насъ дразнить: Нѣтъ сигнала.
Не видно зги; декабрь, а жарко! Духъ
Захватываетъ, такъ на приступъ тлетъ...
Хлопъ третья! Грянуло: Ура, Суворовъ!

Тутъ огненная крѣпости громада
За правду смахивала на Везувій!
Ужъ точно адъ пасть огненну разинулъ.
А намъ, спасибо, стало посвѣтлѣй!

Съ Дуная на флотилія де-Рибасъ!
А съ нимъ: Морковъ, Чепега и Арсеньевъ;
Потемкинъ съ Ласси, Львовымъ и Меклюбомъ;
Самойловъ, а подъ нимъ графъ Безбородко;
Кавакъ Шатовъ, Орловъ, и нашъ Кутузовъ...
Главнокомандующій на холмѣ
Передъ иконой молится походной,
Съ нимъ Тизенгаузенъ, Чернышевъ, Волковскій
Да иностранные большіе гости
Въ ученикахъ: Принцъ Гессенъ-Филипсталскій,
Принцъ Карлъ де-Линъ и герцогъ Ришельё...

КОСТРОВЪ.

Богъ съ ними! Ты гдѣ былъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Извѣстно — гдѣ
Я шель съ Кутузовымъ, въ шестой колоннѣ.
Узналъ насъ Сераскиръ! Завыли пушки;
Въ глазахъ рабить отъ ядеръ и картечи.

КОСТРОВЪ.

Фу, важно!

ГЕНЕРАЛЪ.

Ровъ!.. Залпъ... Рибопьеръ — упалъ.
 Всѣхъ озадачила смерть Рибопьера;
 Какъ-будто оконтузилъ всю колонну...

Кутузовъ хватъ солдатское ружье
 Да въ ровъ! За нимъ рванулись офицеры,
 За нами хлынула и вся колонна...
 И лѣстница взбѣжала изъ штыковъ,
 И по штыкамъ на валъ взоселъ Кутузовъ!

КОСТРОВЪ.

Какъ: первый?!

ГЕНЕРАЛЪ.

Первый!

КОСТРОВЪ

Ахъ ты, молодець!!.

ГЕНЕРАЛЪ.

Взойти не что, да устоять на жѣстѣ!..
 Суворовъ самъ замѣтилъ, какъ намъ жутко.
 Къ намъ кто-то прискакалъ, на валъ взобрался,
 Да и кричить: Кутузова — Суворовъ
 Назначилъ Измаильскимъ Комендантомъ!

КОСТРОВЪ.

Ахъ, умница, хитрецъ — мудрецъ изъ сказки!
 Вѣдь выкинулъ же аховскую штуку!
 Ну, что жъ Кутузовъ?..

ГЕНЕРАЛЪ.

Крикнулъ: Съ нами Богъ!
 И Турокъ вылетѣлъ изъ бастіона...

КОСТРОВЪ.

Туда ему дорога, бусурману!
 Ну, ну! Рассказывай, голубчикъ, дальше!
 Ну, а другіе..

ГЕНЕРАЛЪ.

И другіе — тоже!
 Япунскаго полковника убили,
 Команды нѣтъ. Что жъ? Полковой священникъ
 Взялъ крестъ; перекрестилъ солдатъ — и самъ
 На Турку ринулся...

КОСТРОВЪ.

Не стало Турки!
Вотъ гдѣ поэзія!.. Ахъ, дальше, дальше!

ГЕНЕРАЛЪ.

Платовъ все видѣлъ, больно осерчалъ,
Самъ лѣстницу приставилъ! Крикнулъ: Братцы
За мною! Съ нами Богъ и Катерина!

КОСТРОВЪ.

Я такъ и вижу, какъ онъ Турокъ жарить!
Ну!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Разсвѣло! Глядимъ — глазамъ не вѣримъ!
Шесть верстъ кругомъ — російскія знамена!

КОСТРОВЪ.

Даль Измань!..

ГЕНЕРАЛЪ.

Нѣтъ, братецъ, погоди!
Что приступъ намъ? Горячая похлебка,
Въ мигъ расклевали, принялись за кашу:
Домъ, ханъ, пекаря, баня, лавка, погребъ,
Истокъ для грязи — всюду сунестать!
Въ упоръ стрѣляютъ. Кипятокъ — фонтаномъ.
Вся мостовая поднялась на воздухъ.
Какъ злыя львицы — женщины дерутся

КОСТРОВЪ.

Ахъ, дуры, дравнать! ..

ГЕНЕРАЛЪ.

Раздразнили, братецъ!
Пошла рѣзня, покось ужасной смерти!
Мы семь часовъ по улицамъ косили...
Домъ каждый брали штурмомъ; льется кровь...
Но вотъ — летать!

КОСТРОВЪ.

Суворовъ?

ГЕНЕРАЛЪ.

Стой!

КОСТРОВЪ.

Ура!

ГЕНЕРАЛЪ.

Съ коня долой и на колѣни!

КОСТРОВЪ.

Браво!

ГЕНЕРАЛЪ.

Мы отмолились, встали и — опять ..

КОСТРОВЪ.

Ура?

ГЕНЕРАЛЪ.

Нѣтъ! Пушки!

КОСТРОВЪ.

Пушки? Молодцы!.

ГЕНЕРАЛЪ.

Паль Измаилъ къ стопамъ Императрицы!

И дружно нашей Матери великой,

Хоръ въ двадцать тысячъ грянулъ... *(Забывался, поетъ).*

Многа лѣта!

КОСТРОВЪ

(за нимъ поетъ).

Многа лѣта!

ЛУКА *(пристаетъ къ нимъ и емльсть поютъ).*

Многа лѣта!

КОСТРОВЪ *(по окончаніи пѣнія, бросался на шею къ генералу).*Ай, любо! Дай себя поздравить, братецъ! *(Бросается и обнимаетъ Луку).*

Эта сцена имѣетъ огромный успѣхъ, благодаря превосходной декламациі В. А. Каратыгина и отличной игрѣ г. Самойлова.

Выслушавъ рассказъ, Костровъ вспоминаетъ наконецъ, что пора спросить, какъ зовутъ гостя. Меня зовутъ Сельскимъ! Костровъ объясняетъ отцу Людмилы положеніе его дочери и истинныя отношенія ея къ Барсучкину и Молодковой: Сельскій клянется спасти Людмилу.

Но дѣла влюбленныхъ принимаютъ, между-тѣмъ, очень плохой оборотъ: Аркадій Молодковъ, чтобъ спасти себя и Людмилу, рѣшается поставить на карту 800 рублей казенныхъ денегъ, довѣренныхъ ему, какъ полковому казначею, и проигрываетъ ихъ. Аркадію грозятъ стыдъ и наказаніе, но Костровъ спасаетъ его. Онъ только что получалъ 1000 рублей отъ Императрицы, за поднесеніе шести первыхъ пѣсень Изаиды; встрѣтившись съ Аркадіемъ въ трактирѣ, онъ выпытываетъ у него его тайну и отдаетъ ему только что полученныя имъ деньги. Аркадій

не выполнѣ признался Кострову, и сказалъ, что онъ потерялъ казенныя деньги, а не проигралъ; Костровъ отсчиталъ 800 рублей, бросилъ ихъ Аркадію, говоря, что нашелъ ихъ, и пустился бѣжать.

Людмила убѣжала изъ дому Молодковой и пришла просить помощи у отца, который, на этотъ разъ принимаетъ ее подъ свою защиту, и чтобы избавить ее отъ Барсучкина и Молодковой, предлагаетъ жениться на Голендухѣ. Барсучинъ, который не смѣлъ даже мечтать о такомъ счастьи, соглашается на все: отдаетъ Сельскому вексель Молодковой и отказывается отъ Людмилы, которая выходитъ за Аркадія. Разумѣется, что Костровъ играетъ въ этой развязкѣ не послѣднюю роль, и на радости самъ разноситъ всѣмъ шампанское, не забывая и себя.

Драму эту, какъ видите, гораздо удобнѣе бы назвать комедіей, но дѣла не въ названіи.

Мы указали на главныя, по нашему мнѣнію, недостатки направленія г. Кукольника; укажемъ теперь на достоинства его драмы. Первое мѣсто между ними занимаетъ лицо Кострова, задуманное вѣрно, написанное мастерски. Есть и въ немъ черты, которыя непохожи, но о нихъ послѣ, а теперь разберемъ это оригинальное лицо.

Ершилъ Ивашевичъ Костровъ, по однимъ, сынъ государственнаго крестьянина Вятской губерніи, по другимъ сынъ дьячка, получилъ начальное образованіе въ вятской семинаріи, потомъ въ московской Духовной Академіи, наконецъ въ Московскомъ Университетѣ, гдѣ въ 1778 году получилъ степень бакалавра. Поэтому сдѣлался онъ въ самое невыгодное для себя время: во-время подражаній Ломоносову. Подражаніе убило въ немъ самостоятельность, а меценатство заставляло писать оды на торжественные случаи. Эти оды составляютъ преобладающую часть его собственныхъ произведеній. Гораздо больше у него переводовъ, которые заслуживаютъ большаго вниманія, а что касается до его лирическихъ стихотвореній, то число ихъ незначительно, а достоинство ничтожно. Лучшее изъ его лирическихъ стихотвореній напоминаетъ одинъ старинный французскій романсъ, и мы думаемъ даже, что оно взято изъ этого романса. Мы приведемъ здѣсь и стихотвореніе и романсъ, потому-что никому изъ біографовъ и критиковъ Кострова это сходство не было, по видимому, извѣстно.

На листочкѣ алой розы
Я старалась начертить
Милу другу, въ знакъ угрозы,
Что не буду вѣкъ любить.
Чѣмъ бы онъ меня ни льстилъ,
Что бы мнѣ не говорилъ.

Чуть окончить я успѣла,
 Вдругъ повѣялъ вѣтерокъ.
 Онъ унесъ съ собою листокъ —
 Съ нимъ и клятва улетѣла.

Дѣйствительно это очень не дурно для времени, въ которое писалъ Костровъ, но мысль стихотворенія, по всей вѣроятности, принадлежитъ не ему. Судите сами; вотъ куплетъ изъ французскаго романа:

J'avais juré d'aimer Rosine,
 Je l'écrivis étourdiment
 Sur une feuille d'églantine.
 Souffla le vent
 Il emporta la feuille et le serment.

Несмотря на недостатокъ самостоятельности въ произведеніяхъ Кострова, ему принадлежитъ довольно почетное мѣсто въ исторіи нашей литературы, какъ переводчику Гомеровою Илиады (восьми съ половиною песенъ) и Оссіана. Трудъ этотъ въ-самомъ-дѣлѣ замѣчательнъ, хотя и утратилъ для насъ большую часть своихъ достоинствъ; но въ то время онъ долженъ былъ имѣть огромное значеніе и высоко поставить Кострова во мнѣніи всѣхъ любителей и покровителей отечественной словесности. Императрица Екатерина II удостоила принять посвященную ей Илиаду, пожаловала переводчику 1000 рублей (по мнѣнію другихъ 2000) и приглашала его къ своему столу; Суворовъ возилъ Оссіана съ собою во всѣхъ походахъ, называлъ Кострова не иначе, какъ по имени и отчеству, и отвѣчалъ на присылку Оссіана письмомъ въ стихахъ; блистательный Потемкинъ пожелалъ познакомиться съ Костровымъ и пригласилъ его къ обѣду, на который были приглашены многіе изъ знатнѣйшихъ людей того времени. Все это показываетъ, какъ высоко цѣнили трудъ Кострова, потому-что, хотя онъ былъ, правда, очень умный, острый и находчивый человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большой чудакъ, верха и чрезвычайно ревностный поклонникъ Бахуса. Чтобы дать понятіе о характерѣ и привычкахъ Кострова, мы приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ его біографіи, напечатанной во второй части «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли», составленнаго Бантышъ-Каменскимъ; эти выписки покажутъ намъ, въ тоже время, вѣрно-ли представлялъ Кострова г. Кукольникъ въ драмѣ своей.

Увѣряютъ, будто Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ въ молодыхъ лѣтахъ, сыгралъ слѣдующую шутку надъ Костровымъ: послѣдній, каждый день, бесѣдовалъ съ Музою и Бахусомъ. Поддерживая его въ веселомъ расположеніи, Дмитріевъ увезъ оригинала изъ Москвы, откуда Костровъ никогда не выѣзжалъ; поилъ его дорогою, и совершивъ путешествіе

выпустилъ на другой день, своего полупьянаго спутника на улицу. Гдѣ я? — произнесъ Костровъ, съ удивленіемъ. Я не узнаю Москвы! Онъ находился въ С. Петербургѣ. Здѣсь Князь Таврическій изъявил желаніе познакомиться съ переводчикомъ *Илиады*. Прошло нѣсколько дней, пока его совершенно протрезвили. Надобно было сварялить: битье дѣломъ занялся Дмитріевъ вмѣстѣ съ своими двоюродными зрятьями Бекетовыми. Всѣ они, особливо первый, были ростомъ выше Кострова: одинъ изъ нихъ подарилъ ему бархатный кафтанъ, другой камзолъ, и такъ далѣе. Можно представить себѣ забавную фигуру нашего стихотворца въ такомъ составномъ нарядѣ! Но Костровъ не гонялся за модами, не бравовалъ портныхъ, и отправился напудренный и въ чужой одеждѣ къ фельдмаршалу. Послѣ продолжительнаго ожиданія, былъ онъ, наконецъ, введенъ въ кабинетъ свѣтлѣйшаго. Роскошный князь Тавриды покоился въ огромныхъ вольтеровыхъ креслахъ. Костровъ отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Вы перевели Гомерову Илиаду? — спросилъ его Потемкинъ, потомъ пристально посмотрѣлъ на него, и удовлетворивъ свое любопытство, кивнулъ головою. Костровъ отвѣчалъ другимъ неловкимъ поклономъ. Тѣмъ кончилась аудіенція. Переводчикъ *Илиады* вышелъ изъ кабинета, съ поспѣшностію пробирался сквозь толпу поклонниковъ, смотрѣвшихъ на него съ завистию и удивленіемъ, но былъ остановленъ адъютантомъ фельдмаршала и слышалъ утѣшительныя слова: *что свѣтлѣйшій примашаетъ его къ своему обѣденному столу*. Невозможно описать изумленія удостоенныхъ одинакой съ нимъ чести: комическая фигура Кострова обратила на себя общее вниманіе, но нашъ провинціальный секретарь*, сидѣвшій въ концѣ огромнаго стола, оставляя всѣхъ и каждаго въ покоѣ, начиная съ хозяйки, занимался только собственнымъ угощеніемъ: не пропускалъ ни одного блюда, ни одного напитка, опорожнилъ бутылки, стоявшія передъ нимъ и, потомъ, когда всѣ встали съ своихъ мѣстъ, началъ писать вензеля по княжескимъ паркетамъ, едва не пересчиталъ ступеней огромнаго крыльца, не помнялъ, какъ былъ посаженъ въ экипажъ, нанятый для него заботливыми друзьями, какъ возвратился въ свою квартиру. Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Москвѣ, пригласила Кострова къ обѣденному столу, возложивъ это порученіе на Ивана Ивановича Шувалова. Слабость нашего поэта была извѣстна Меценату: онъ призвалъ его къ себѣ, велѣлъ одѣть на свой счетъ и убѣждалъ непременно явиться къ нему въ трезвомъ видѣ, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. Настаетъ день и часъ; Шуваловъ безпрестанно посылаетъ за Костровымъ; но его нигдѣ не находятъ; великодушный вельможа отправляется одинъ къ Государынѣ и оправдываетъ стихотворца приключившеюся, будто, ему болѣзнію. Недѣли черезъ двѣ является Костровъ къ Шувалову. Не стыдно-ли тебѣ, Ермиль Ивановичъ — говорить, съ добродушіемъ, послѣдній — что ты никакъ не можешь бросить свой кабакъ? Побывайте-на, Иванъ Ивановичъ, въ

* Въ этотъ второй оеидерскій чинъ Костровъ былъ произведенъ въ 1782 году и умеръ въ томъ же чинѣ.

кабакъ — отвѣчалъ Костровъ: — такъ не то запоете De gustibus non disputandum est * — возразилъ Шуваловъ, съ кроткою улыбкою. На языкѣ Кострова пить съ воздержаніемъ, значило такъ, чтобы держаться на ногахъ. Однажды шелъ онъ изъ трактира съ Верецагинъ **, такъже поэтъ, который, пивши не съ воздержаніемъ, пошелъ на четверенкахъ. Верецагинъ! — закричалъ ему Костровъ — не по чину, не по чину! Въ другое время, послѣ обѣденнаго стола у Барина ***, Костровъ такъ унылся, что, сидя на канане, опрокинулъ голову свою на спинку. Одинъ изъ присутствующихъ тутъ, желая подшутить надъ нимъ, спросилъ его: Что, Ермилъ Ивановичъ, у тебя мальчики въ глазахъ! И самые глупые! — отвѣчалъ поэтъ. Еще два анекдота, доказывающіе душевную доброту и остроуміе Кострова: Въ 1787 году, Императрица пожаловала ему тысячу рублей новыми ассигнаціями за переводъ Иліады. Онъ тотчасъ отправился съ этими деньгами въ Цареградскій трактиръ. Тамъ, куря трубку, съ стаканомъ въ рукѣ, мечталъ: Завтра полечу въ Питеръ: это не Москва! Стоить только явиться прилично. Моя лира знакома Императрицѣ. Теперь я попалъ на путь торный. Костровъ не профессоръ, не учитель; но что!.. Можетъ-быть онъ будетъ?.. Тогда съѣлъ подлѣ него офицеръ, на лицѣ котораго яркими красками была начертана глубокая печаль. Костровъ предложилъ ему любимый свой напитокъ и, къ удивленію, получилъ отказъ; спрашивалъ: о чемъ онъ такъ сильно горюетъ? Оставьте меня — отвѣчалъ съ досадою офицеръ, — я несчастенъ! Но сердобольный Костровъ продолжалъ свои настоянія, и офицеръ, выведенный изъ терпѣнія его вопросами, отвѣчалъ съ сердцемъ: Что о томъ говорить, чему нельзя пособить! Я бѣдный человекъ, а теперь самый несчастный: потерялъ казенныхъ денегъ восемьсотъ рублей и долженъ переменить швагу на тесакъ! Услышавъ это, Костровъ сказалъ: Я напелъ ваши деньги и не хочу воспользоваться ими. Съ этими словами, положилъ онъ на столъ восемьсотъ рублей передъ удивленнымъ офицеромъ, и тотчасъ ускользнулъ изъ трактира: но служители знали Кострова и благодѣтельный подвигъ его сохранился для потомства.

* О вкусахъ не должно спорить.

** Верецагинъ, Иванъ, изъ духовнаго званія, былъ прежде студентомъ философіи въ Троицкой Семинаріи, потомъ перешелъ въ Московскій Университетъ. Онъ сочинилъ нѣсколько лирическихъ стихотвореній и торжественныхъ одъ, напечатанныхъ въ 1771 и 1775 годахъ.

*** Федоръ Григорьевичъ Каринъ, поручикъ, кромѣ нѣкихъ разныхъ стихотвореній, сочинилъ: *кровоучительныя правила*, печат. въ 1770 году; *два торжественныя слова*: на заключеніе мира съ Портою и на открытіе Владимірскаго Намѣстничества, изд. 1775 г.; *Письмо къ Николаю на смерть Сумарокова*, заключающее въ себѣ разсужденіе о Словесности вообще и о Россійскомъ языкѣ, напеч. 1778 г., и *Россійскую Грамматику*, которая осталась въ рукописи. Онъ перевелъ нѣсколько *Панегирисовъ Гомера* и Россійскую трагедію *Ифигенію*, издан. въ Москвѣ 1790 года; скончался въ 1800 году.

Намъ кажется, на основаніи этихъ выписокъ, что г. Кукольникъ повялъ лицо Кострова вѣрно и изобразилъ его въ своей драмѣ довольно отчетливо. Многіе изъ зрителей осуждали автора, что онъ ни разу, въ продолженіе всей драмы, не показалъ Кострова пьянымъ, но это обвиненіе кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ, а идеализція личности Кострова, вполнѣ извинительной. Вообще, лицо Кострова лучше всего остальнаго въ драмѣ, хотя есть въ ней и другія лица очерченныя бойко. Бригадирша Молодкова, Барсучкинъ, Голендуха, типы не новые, но г. Кукольникъ умѣлъ ихъ сдѣлать занимательными и комическими. Прочія лица блѣдны и ничтожны, а лицо генерала Сельскаго, какъ читатели могли сами замѣтить изъ драмы, неестественно и натянуто.

Остается сказать нѣсколько словъ объ исполненіи и постановкѣ. Играютъ пьесу отлично; трудно желать лучшаго исполненія. Первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ г-ну Самойлову, *создавшему* роль Кострова въ полномъ, художническомъ смыслѣ этого слова; если есть въ его игрѣ нѣкоторыя несообразности, то винить въ этомъ должно не его, а положеніе роли въ пьесѣ, не всегда вѣрное истинѣ. Мы считаемъ роль Кострова одной изъ лучшихъ ролей г-на Самойлова. Г-нъ Максимовъ также игралъ эту роль, игралъ недурно, но далеко не такъ, какъ Самойловъ, который глубже вдумался въ роль. Это не укоръ г-ну Максиму, одному изъ добросовѣстнѣйшихъ артистовъ нашихъ, исполняющему съ равнымъ стараніемъ всѣ свои роли; роль Кострова не такъ удалась ему, какъ г-ну Самойлову, для котораго она была писана — вотъ и все. Она досталась г-ну Максиму по случаю болѣзни г-на Самойлова.

Г-нъ Сосницкій прекрасно исполнилъ роль Барсучкина, а г-жа Сосницкая — роль бригадирши Молодковой. Г. Каратыгинъ 1, постоянно возбуждаетъ рукоплесканія разговоромъ о штурмѣ Измаила, роль же его, какъ мы уже сказали, такъ неестественна и натягута, что изъ нея ничего нельзя сдѣлать. Г-жа Самойлова 2 — Людмила, г. Григорьевъ 1 — деньщикъ Лука, и г. Максимовъ (котораго замѣнялъ г. Степановъ) Аркадій Молодковъ, сдѣлали все, что могли изъ своихъ ролей.

Постановка драмы заслуживаетъ полную признательность; особенно понравились намъ двѣ декорации: *кабинетъ Барсучкина*, писанная г. Шастовымъ, и *картинная галлерей* въ домѣ Барсучкина, съ анфиладой освѣщенныхъ комнатъ, видныхъ въ растворенныя двери галлерей, писанная г. Сѣрковымъ.

Музыка къ этой пьесѣ набрана изъ сочиненій Кошловскаго, бывшаго директоромъ музыки въ 1799 году, и написавшаго, между—про-

чень, нѣсколько славившихся въ свое время *польскиизъ*, которые употреблены здѣсь въ дѣло.

Слѣдуетъ упомянуть еще о дебютѣ г-жи Котовской, актрисы Виленскаго театра, въ драмѣ «Материнское благословеніе». Дебютъ былъ неудаченъ, потому-что въ произношеніи г-жи Котовской слышенъ польскій выговоръ, а игра ея принадлежитъ къ старой школѣ, вышедшей на нашей сценѣ изъ употребленія, но сохранившейся еще въ нашемъ нѣмецкомъ театрѣ.

Кстати о нѣмецкомъ театрѣ, о которомъ мы говоримъ очень рѣдко, знаа, что онъ не интересуеъ нашихъ читателей. — Нѣмецкая труппа поставила небольшую оперу Ю. К. Арнольда, «Инвалидъ», имѣвшую заслуженный успѣхъ. Ю. К. Арнольдъ извѣстенъ многими композиціями, между-прочимъ, музыкой на балладу Жуковского «Свѣтлана», исполненную нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Александринскомъ театрѣ. Новое произведеніе его отличается многими достоинствами, особенно же оркестровкой, и нѣкоторыми нумерами, изъ которыхъ заслуживаютъ упоминовенія: прекрасный квартетъ (теноръ, сопрано, баритонъ и басъ) и *хоръ спорящихъ женщинъ*. Увертюра также недурна. Желательно видѣть эту оперетту на русской сценѣ, но мы советуемъ г. Арнольду переделать либретто, немного длинное и мало занимательное.

II.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причины успѣха пьесъ въ бенефисъ и паденіе въ слѣдующія представленія, и на оборотъ. — Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи Сосницкой, вѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ. — «Замокъ Грантъ». — Возобновленные пьесы въ октябрѣ. — *Le démon du Feu* — *Воденный*. — Бенефисъ г. Пейсара. — «Дананди». — «Избавитель». — «Бенвенуто Челлини». — Г. Руже и его бенефисъ. — Пьесы изъ парижской жизни. — Новые пьесы въ декабрѣ. — «Королева, карнавалъ и панъ». — Новые водевилы. — «Парижъ ситющийся и плачущій». — «Альпійская вѣстунка». — *Марія Серато*.

Мы въ долгу передъ читателями, и запоздали немого съ нашей лѣтописью французскаго театра, остановившейся на октябрѣ мѣсяцѣ. Много было въ это время новостей на Михайловскомъ театрѣ, и если мы не торопились отдавать объ нихъ отчетъ, то потому только, что намъ случалось иногда по нѣскольку разъ смотрѣть эти новости, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія, прислушаться къ суду публики, посмотреть сопровождается ли иная пьеса успѣхъ, встрѣтившій ее при первомъ представленіи, слабѣетъ онъ, или увеличивается. Какъ ни странно подобное явленіе, но оно дѣйствительно существуетъ и на Михайловскомъ театрѣ, хотя гораздо рѣже, нежели на Александринскомъ, и труднѣе объясняется. На обоихъ театрахъ сценическія новости являются обыкновенно въ бенефисы, но въ русскихъ спектакляхъ бенефисная публика бываетъ часто вовсе не та, какъ во всѣдневныхъ и воскресныхъ, тогда какъ въ публикѣ Михайловскаго театра вовсе незаметно этого различія. Когда на александринской сценѣ нравится въ бенефисѣ пьеса, не производящая потомъ никакого впечатлѣнія, или, что случается еще чаще, — бенефисная пьеса встрѣчается публикою очень неблагоприятно и холодно въ первое представленіе и съ громкими аплодисманами во второе, — причина этому заключается именно въ различіи публики. Случается это же на французской сценѣ, и мы ничему другому не можемъ приписать подобнаго явленія, какъ тому, что въ первыхъ представленія, на которыя собирается обыкновенно гораздо больше зрителей, сужденіе меньшинства можетъ очевидно разниться съ сужденіемъ большинства.

Музы
иногда
и въ

Публика, посѣщающая русскіе спектакли, многочисленнѣе той, которая смотритъ французскія пьесы. Вотъ еще причина, по которой даже слабыя русскія пьесы собираютъ иногда нѣсколько разъ сряду много зрителей. Кроме того, что на пьесы есть своя мода, какъ на фасонъ шляпки и длину жилета, но часто любопытство зрителей возбуждается самимъ названіемъ пьесы, именемъ автора, знакомымъ на другомъ поприщѣ, разными толками и случаями, возбуждаемыми усердствующими пріятелями автора, — и по этому привычная публика русскихъ спектаклей часто смотритъ по нѣскольку разъ плохую пьесу, покажется въ не пересмотрать ее. Каждый, разумеется, не доволенъ пьесой, но считаетъ своею обязанностью разъ посмотретьъ ее, а это собраніе недовольныхъ составляетъ все-таки многочисленную публику, и авторъ плохой пьесы имѣетъ поводъ указывать на хорошій сборъ, какъ на доказательство успѣха пьесы... Впрочемъ, въ чемъ не находятъ утѣшенія авторское самолюбіе! Если пьеса торжественно падаетъ на александринской сценѣ, (а были дѣйствительно паденія замѣчательныхъ пьесъ) авторъ и тутъ имѣетъ право сказать, что современная публика не понимаетъ его, какъ не понимали въ свое время Шекспира. Какъ и въ чемъ найти настоящее мѣрило сценическаго успѣха? Вотъ вопросъ, едва ли не затруднительнѣе вопроса Гамлетоваго, и мы не беремся за разрѣшеніе его по многимъ причинамъ, изъ которыхъ первая та — что это не относится къ обзорѣию нашего французскаго театра.

Не принадлежа къ обычнымъ посѣтителямъ Александринскаго театра, мы бываемъ въ немъ однакоже въ дни первыхъ представленій замѣчательныхъ произведеній, имѣющихъ литературное достоинство.

Въ бенефисѣ г-жи Сосницкой давали *Тараса Бульбу*, драму, взятую изъ удивительной повѣсти Гоголя. Одно имя Бульбы и Гоголя должно было привлечь въ театръ многочисленную публику, но театръ былъ пусть на половину, а изъ прекрасной повѣсти вышла такая непрекрасная пьеса, что намъ стало жаль и Гоголя, и передѣлывателя пьесы. Признаемся, что насъ поразила эта особенная способность въ хорошей вещи сдѣлать дурную, мы просидѣли въ чрезвычайно грустномъ расположеніи, котораго не могли разсѣять слѣдующія пьесы бенефиса. Несмотря однакоже на неудававшійся бенефисъ, его повторили цѣлкомъ нѣсколько разъ сряду, потому только, что всякому русскому человѣку хотѣлось узнать, что вышло изъ *Тараса Бульбы* на Александринской сценѣ.

Почти подобная же исторія произошла и на французской сценѣ съ драмою Огюста Мале, сотрудника знаменитаго Александра Дюма, нанизаннаго половину его романовъ, съ «Зажкомъ Грантье». Въ первое пред-

ставленіе драма эта возбудила въ публикѣ неудовольствіе, и въ одні сценѣ даже смѣхъ; потомъ ее смотрѣли нѣсколько разъ, именно для того, чтобы убѣдиться, такъ ли дѣйствительно странна эта драма, какъ въ публикѣ говорили объ ней. А все-таки въ этомъ убѣждался довольно долго. Трудно дѣйствительно повѣрить, чтобы *Маке*, человѣкъ безъ всякаго сомнѣнія съ дарованіемъ, написалъ такую пустую пьесу, а главное, написалъ ее съ такимъ незнаніемъ сцены и сценическихъ условій. Это едва ли не первая пьеса, которая очень дурно ведена. Обыкновенно, во французскихъ пьесахъ слабость идеи и содержанія выкупается умѣньемъ вести пьесу и поддерживать интересъ въ зрителѣ. Въ «*Замкѣ Грантье*» нѣтъ даже этого послѣдняго условія. Интрига пьесы двойна самымъ непріятнымъ образомъ: половина дѣвствующихъ лицъ обманываетъ одного мужа; другая половина хлопочетъ объ отысканіи клада, зарытаго въ замкѣ, и эти двѣ идеи до того не вѣжутся одна съ другою, что изъ драмы можно бы легко сдѣлать двѣ пьесы, изъ которыхъ каждая, отдѣльно взятая, могла бы быть лучше своего цѣлага. Не говоримъ уже о томъ, что герои этой драмы минутно умираютъ и опять оживаютъ; одного изъ нихъ даже взрываетъ на воздухъ при осадѣ Филиппбурга, и онъ все-таки является въ послѣднемъ актѣ, чтобы соединиться съ героиней, обманувшею своего мужа, который великодушно уступаетъ ее своему сопернику. Подобными сценами и несообразностями французскіе драматурги впрочемъ нѣрѣдко угощаютъ нашу публику, и она, долготерпѣливая и многомилостивая, легко можетъ быть встрѣтила бы снисходительно, за неимѣніемъ лучшаго, подобныя сцены, но ей рѣшительно не понравилась, можетъ-быть очень смѣлая и новая мысль господина *Маке*, только ужъ никакъ не эстетическая:

Гораздо болѣе понравились публикѣ данный вскорѣ послѣ этого водевиль *Черезъ окна* (Pas les fenêtres), содержаніе котораго мы рассказывали въ Обозрѣніи Иностранныхъ Театровъ, и возобновленныя пьесы: *Сказки королевы Наварской* (Les contes de la reine de Navarre) самое нелѣпое произведеніе Скриба, по искаженію историческихъ лицъ и событій, самое умное по языку и самое интересное по ходу дѣйствія; *Дьвица де ла Сеглиеръ* (Mlle de la Seiglière), одна изъ лучшихъ комедій всего французскаго репертуара; *Г-жа де Совъ* и *г-жа де Нанжис* (Mme de Sauves et Mme de Nangis) прекрасная комедія покойнаго Фредерика Сулье, взятая изъ эпохи междуусобныхъ войнъ при Генрихѣ IV; *Чувствительная струна* (La corde sensible) водевиль, въ которомъ герой хочетъ отыскать эту струну, дающую побѣду надъ женщиной, въ сердцѣ гризетки; *Нужно, чтобы дверь была открыта или*

заперта (Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée) драматическая поговорка Альфреда де Мюссе, съ которой открылся рядъ поговорокъ, наводившихъ и французскую, и русскую сцены; *Два способа* (Les deux manières) быть счастливымъ въ супружествѣ, старинная, но умная комедія; *Г-жа Бертранъ и дѣвица Ратонъ* (M-me Bertrand et m-lle Raïon), очень милый водевилъ, написанный на тему басни, въ которой кошка таскаетъ изъ печи для обезьяны каштаны и внушенный знаменитою пьесою Скриба, гдѣ дѣйствуютъ господа Бертранъ и Ратонъ на магическомъ поприщѣ.

Эти двѣ новыя пьесы и семь данныхъ въ первый разъ въ нынѣшнелъ сезонѣ составляютъ все богатство октября мѣсяца, въ которомъ было дано четырнадцать французскихъ спектаклей.

Ноябрь, напротивъ, изобиловалъ новостями. Перечислимъ ихъ по порядку появленія на французской сценѣ.

Бьсенокъ (Le démon du foyer) новая двухъ-актная комедія Жоржъ-Занда, неизвѣстная большаго успѣха въ Парижѣ и непоправившаяся дѣлшею публикѣ. Извѣстная писательница романовъ въ послѣднее время написала очень много пьесъ, потому—что этотъ родъ литературы приноситъ больше выгодъ. Немудрено, что при скоромъ производствѣ пьесъ, многія изъ нихъ, какъ напримѣръ *Les vacances de Pandolphe* и *Le démon du foyer* вышли очень слабы. Послѣдняя пьеса содержитъ въ себѣ мало занимательную исторію одного итальянскаго артистическаго семейства, въ которомъ одна избалованная молодая дѣвушка дѣлаетъ разныя пакости, даже не совсѣмъ невинныя. Странно, что создавъ одинъ изъ лучшихъ типовъ артистическаго міра Лукрецію Флоріани, Жоржъ-Зандъ написала тотчасъ же послѣ романа подъ этимъ же названіемъ и изъ того же быта, другой: *Le chateau des Désertes*, очень плохой, и пьесу еще плоше, всего два раза явившуюся на нашей сценѣ, несмотря на превосходную обстановку.

Изъ трехъ водевилей—данныхъ вмѣстѣ съ этой комедіей въ бенефисъ Лемонья, лучше прочіихъ: *Мизантропъ и Овернецъ* (Le misanthrope et l'Anvergnat), доказывающій впрочемъ старую истину, что не всегда можно говорить правду; *Йоркъ собачье имя* (York, le nom d'un chien), хотя и написанъ Октавомъ Фелье, но не выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ водевилей. Содержаніе его вертится на собачѣ, которую очень любитъ одна дама и которую то спасаютъ, то топить, въ угоду или на зло этой дамѣ. Еще слабѣе водевилъ *Доппанд-донпанд* Амедея Ашара. Возобновленъ также въ это время водевилъ *La petite cousine*, игранный не разъ въ переводѣ и на нашей сценѣ.

Вторымъ бенефисомъ этого мѣсяца былъ бенефисъ г. Пейссара, режиссера Французской труппы, человека весьма усерднаго, старательнаго и знающаго свое дѣло, но угощающаго публику всегда весьма плохими пьесами въ свой бенефисъ, хотя, вопреки общепринятому правилу, бенефисы его бывають полны народу. И на этотъ разъ главною пьесою его бенефиса былъ фарсъ *Маленькія Данаиды* (*Les petites Danaïdes ou 99 victimes*) вовсе неинтересный и даже совершенно непонятный для нашей публики. Это пародія на французскую оперу *Данаиды*, которую мы никогда не слышали, пародія скучная, пустая, которую не могли разогрѣть ни живыя картины Олимпа и Тартара, ни даже Данаиды съ ихъ женихами. Водевиль *Красная куропатка* (*La perdrix rouge*), игранный въ этотъ же вечеръ, также довольно пустъ. Это тысяча первая исторія мужа, разошедшагося со своею женою и опять влюбляющагося въ нее, когда ближе узнаеть ее. Сцена: *Tire la ficelle ma femme!* сыгранныя г. Леменилемъ, написана по образцу *Titi à la représentation de Robert-le-diable, La mère Michel aux Italiens* и другихъ фарсовъ, гдѣ одинъ артистъ читаетъ передъ публикой монологъ, въ которомъ, за отсутствіемъ смысла, есть много каламбуровъ.

Лучшею пьесою этого бенефиса была старинная трехактная комедія, *Избавитель* (*Un sauveur*) игранная гдѣтъ пятнадцатнать тому назадъ въ русскомъ переводѣ. Это довольно трогательная и оригинальная исторія любви одного глухо-нѣмаго къ знатной дамѣ, которую онъ спасъ изъ воды. Пьеса оканчивается, разумѣется, бракомъ, но по крайней-мѣрѣ глухо-нѣмой не получаетъ мгновенно дара слова, какъ-бы слѣдовало въ мелодрамѣ. Г. Бертонъ былъ очень хорошъ въ роли глухо-нѣмаго, г-жа Вольнисъ въ роли его матери, г. Верне въ роли стараго танцовальнаго учителя. Пьеса очень понравилась публикѣ.

Въ слѣдующій бенефисъ, г-жи Мальвины, шла драма Поль-Мериса *Бенвенуто Челлини*, имѣвшая большой успѣхъ и принадлежащая дѣйствительно къ замѣчательнымъ явленіямъ современной французской драматургіи. Несмотря на то, что драма почти цѣликомъ взята изъ романа Александра Дюма *Асканіо*, и что въ ней много изсканныхъ и даже невозможныхъ эффектовъ, самое положеніе дѣйствующихъ лицъ предумано такъ счастливо, что драма нравится почти противъ воли, затрепывая въ сердцѣ каждаго зрителя струны, которыя легко отзываются на призывъ искуснаго писателя. Пьеса основана на любви извѣстной герцогини д'Этампъ къ ученику Бенвенуто Челлини Асканіо и на усиліяхъ Челлини спасти Асканіо отъ этой любви, потому что любовь герцогини пагубна. Къ этой главной пружинѣ драмы примѣшано множество эпизодовъ,

между которыми одинъ: отлитіе статуи Юпитера, написать съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца и чрезвычайно интереснѣе. Самое лицо заманчиваго золотыхъ дѣлъ мастера, хотя и нѣсколько идеализированное въ вѣстѣ,—вышло очень рельефно и занимательно. Его окружаютъ другія историческія лица, также прекрасно очерченныя: Карлъ V. Францискъ I, герцогиня д'Этампъ, Прево Парижа; множество историческихъ анекдотовъ и изрѣченій еще болѣе оживляютъ драму, написанную превосходно и вполне знакомящую зрителя съ характеромъ эпохи, въ которую жилъ Челлини, оставившій намъ такія любопытныя записки о своихъ вѣкахъ и своихъ похожденияхъ. Драма разыгрывается превосходно на нашей сценѣ.

Водевилъ: *Trois amours de pompiers* и *Ether, magnetisme et hatchis* довольно забавны. Въ первомъ кухарка, у которой три обожателя изъ пожарной команды. Близорукій хозяинъ напрасно старается сохранить миръ и спокойствіе между всеми этими людьми; во второмъ довольно учтиво осмѣиваются нинимыя чудеса животнаго магнетизма и упоеніе зѣра и кашинша. Напрасно только авторы этого водевиля вывели на сцену зѣбрь, теперь уже нигдѣ и въ никакихъ случаяхъ не уастрѣблемый и вполне замѣненный хлороформомъ.

Последній бенефисъ въ ноябрѣ принадлежалъ г. Руже и былъ вообще послѣднимъ бенефисомъ его въ Петербургѣ. Впрочемъ, вся публика раздѣляетъ съ нами сожалѣніе о томъ, что этотъ даровитый артистъ оставляетъ нашу сцену. Не помнимъ ни одной роли, которую г. Руже сыгралъ—бы слабо, во все продолженіе своего десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, онъ почти во всѣхъ роляхъ былъ прекрасенъ. Съ неподдѣльнымъ комизмомъ въ этомъ артистѣ соединяется столько чувства, что аналуа его врядъ-ли можетъ быть вполне замѣнено другимъ актеромъ, и отъѣздъ его оставить въ нашей превосходной труппѣ назамѣнную пустоту.

Всѣ три пьесы бенефиса Руже были взяты изъ парижской жизни и представляли вѣрныя картины этого города, играющаго такую важную роль въ исторіи Западной Европы. *Экономіи г. Кабашара* (*Le économiés de m-g Sobochard*) впрочемъ довольно пустой водевилъ, но комедія *Три квартала* (*Les trois quartiers*) и *Воспоминанія молодости* (*Les souvenirs de la Jeunesse*) очень живы и занимательны. Въ первой пьесѣ заключаются похождения одного господина, влюбляющагося попеременно въ хорошенькихъ обитательницъ трехъ кварталовъ; во второй—картина жизни молодыхъ людей, дѣлающихся черезъ шесть лѣтъ степенными людьми. Въ особенности эта послѣдняя пьеса полна жизни, веселости, остроумія и чувства, и напоминаетъ *La vie de Bohème* Мюрге,

хотя и не оканчивается такъ печально. Пьеса эта разыгрывается съ такимъ увлеченіемъ и согласіемъ, что публика съ удовольствіемъ смотритъ на эту веселую картину парижской жизни.

Четырнадцать новыхъ пьесъ и одна возобновленная драма даны были въ пятнадцать спектаклей французской труппы, въ-продолженіе этого мѣсяца.

Въ декабрѣ бенефисы начались прощальнымъ бенефисомъ г. Готи, также отслужившаго свои десять лѣтъ и собирающагося оставить нашу сцену. Этому старательнаго артиста также жаль, какъ Руже, хотя послѣдній нужнѣе для нашей труппы и выше по дарованію. Изъ четырехъ пьесъ, данныхъ въ бенефисъ Готи, только одна имѣла успѣхъ. Это *Королева, кардиналъ и папъ* (Reine, cardinal et pape) комедія г. Ансело. Если мы скажемъ, что королева эта Анна Австрійская, кардиналъ—Ришелье, и что въ интригу пьесы вмѣшанъ, сверхъ-того англійскій посланникъ—герцогъ Букингемъ, то всякій, знакомый съ исторіею, хотя бы по романамъ Дюма, узнаетъ, что пьеса основана на извѣстномъ анекдотѣ съ эвгильетами Анны Австрійской. Папъ служитъ здѣсь только для того, чтобы, оказавъ услугу королевы присканіемъ другаго эвгильета, въ замѣнъ похищеннаго по наущенію Кардинала,—заклѣчь пьесу, если не счастливой, то, по-крайней-мѣрѣ, удовлетворительной развязкой. Жаль только, что пьеса написана сухимъ языкомъ, какъ вообще всѣ произведенія Ансело.

Остальныя пьесы бенефиса Готи были очень слабы. Пьеса Теофиля Готье *Заколдованная трехуголка* (Le tricorne enchanté) написана прекрасными стихами, но содержаніе ея ниже всякой арлекинады. Какого-то дурака увѣряютъ, что надѣвъ заколдованную шляпу, онъ сдѣлается невидимымъ, и, пользуясь этимъ, надуваютъ его и выдаютъ за-мужъ его питомицу, на которой онъ самъ собрался жениться. *Репетиція оперы серія* (La prova d'una opera seria) старое повтореніе избитаго сюжета, основаннаго на капризахъ примадонны и протекціи, которую оказываютъ имъ директоры театровъ. Но слабѣ всѣхъ пьесъ произведеніе самаго г. Готи, *Парижъ и Петербургъ*, съ сюжетомъ самымъ неправдоподобнымъ, наскучавшая зрителямъ до нельзя и о которой мы считаемъ излишнимъ сказать даже нѣсколько словъ!

Въ бенефисъ г-на Дешана дали пьесу, понравившуюся публикѣ петербургской и получившую въ Парижѣ моральную премію. *Парижъ плачущій и Парижъ смѣющійся* (Paris qui pleure et Paris qui rit). Это опять сцены изъ парижской жизни, довольно интересныя, но отрывочныя и непроникуемыя никакою общою идеей, такъ, что половину изъ восьми дѣйствій этой пьесы можно легко исключить, и пьеса ничего не потеряетъ отъ этого. Въ ней заключаются исторія двухъ бра-

новъ, несчастнаго—по расчету, и счастливаго—по любви, какъ будто въ жизни не случается этого наоборотъ. Въ драмѣ есть и сумасшедшая, и мужъ обманутый, но счастливый, и рестораны съ отдѣльными кабинетами, и качели, и масляница, и кладбище отца Лашеза, и мертво, куда приносятъ записывать новорожденныхъ младенцевъ, есть много эффектовъ, много слезъ и смѣха; есемотришь даже съ удовольствіемъ, но она ничего не оставляетъ ни въ сердцѣ, ни въ памяти.

Другая пьеса этого бенефиса: Grande représentation au bénéfice de Berlinquot, фарсъ въ родѣ Titi. Плохой актеръ, которому дали бенефисъ, выбираетъ себѣ роль Оросмана въ трагедіи Заира, а называетъ ее на афинѣ Tragedie très gentille, dans la quelle m-me Rachel aurait du jouer le principal rôle. Публика кидаетъ въ него мочеными яблоками, и онъ рассказываетъ въ длинномъ монологѣ о своемъ несчастіи. Все это это довольно смѣшно хотя, и не остроумно.

Въ бенефисъ г-жи Лемониль шла трех-актная комедія какого-то господина Пельтье-Вольмеранжа: *Pauline ou les freres à l'épreuve*. Несмотря на прекрасную обстановку этой пьесы, она не имѣла никакого успѣха, и ея содержаніе до того избито, что въ наше время какъ-то странно смотрѣть подобную пьесу. Дядюшка выдаетъ себя за мертваго, для того, чтобы испытать своихъ племянниковъ и узнать, который изъ нихъ болѣе любитъ его. Что можетъ быть старѣе подобнаго сюжета! Языкъ пьесы сухой, и сама она очень скучна.

Quand on va cueillir la poisette очень миленькій водевилъ, хотя не много длинный. Одного крестьянина, довольно жаднаго и скупаго, какъ большая часть крестьянъ, его крестный отецъ, колдунъ, заставляетъ идти въ лѣсъ въ известное время и увѣряетъ, что онъ тамъ найдетъ кладъ. Въ то же время является туда и крестьянка, которую тотъ же колдунъ увѣряетъ, что она найдетъ въ лѣсу мужа. Молодые люди, встрѣтятся, сначала сеорятся, потомъ влюбляются другъ въ друга, и пьеса оканчивается свадьбой.

Но главной пьесой бенефиса была пяти-актная драма: *Альпійская пастушка* (La bergère des Alpes), возбуждавшая много толковъ, заставлявшая плакать не одну чувствительную зрительницу. Мы почитаемъ эту пьесу лучшею въ нынѣшнемъ сезонѣ. Содержаніе ея довольно оригинально и ново: лавина засыпаетъ въ Альпійскихъ горахъ бѣдную пастушку и парижскаго донди, и онъ долженъ пробыть въ этой хижинѣ слишкомъ три мѣсяца, глазъ-на-глазъ съ неопытной дѣвушкой. Молодой человекъ не переноситъ этого искушенія, хотя у него есть невѣста, которую онъ любитъ. Вся пьеса служитъ только развитіемъ этой идеи

и основывается въ борьбѣ долга съ условиями свѣта и общества. Ведена эта драма превосходно, кромѣ нѣсколькихъ сценъ, написанныхъ для одного эффекта. Разыграна она въ совершенствѣ, и вѣроятно будетъ еще долго привлекать въ театрѣ многочисленную публику.

Въ пятнадцать французскихъ спектаклей этого мѣсяца было сыграно девять новыхъ пьесъ. Всего съ апрѣля мѣсяца было дано сто восемь французскихъ спектаклей, въ которые сыграно сто шесть новыхъ и возобновленныхъ пьесъ, почти по одной новой пьесѣ въ каждый спектакль, — богатство и разнообразіе репертуара изумительныя!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Вскользь словъ о тифлисскомъ театрѣ. — Его балетная группа. — Г-жа Чинова въ роли Сильфиды. — Опера. — Театръ въ Херсонѣ: Приѣздъ труппы г. Буринцаго. — Первые спектакли. — Бенедиктъ Бушено. — Еще о Херсонскомъ театрѣ. — Новые артисты въ труппѣ Буринцаго. — Театръ въ Костромѣ. — Г. Рыбаковъ. — Докучаевы.

Вотъ что намъ пишуть изъ Тифлиса о его театрѣ и театральныхъ новостяхъ:

«Теперь можно смѣло и съ удовольствіемъ сказать, что изъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ въ Россіи, по великолѣпію зданія, по обстановкѣ и составу труппы, театръ тифлисскій, безъ сомнѣнія, послѣ варшавскаго, занимаетъ первое мѣсто. До-сихъ-поръ, онъ не имѣлъ своей постоянной балетной труппы; теперь, благодаря заботливости дирекціи, есть и она, хотя составленная пока только еще изъ четырехъ персонажей, которые, разумѣется, не могутъ знакомить зрителей съ цѣлыми балетами, но дарятъ насъ отдѣльными изъ нихъ сценами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г-жи Чинова и Павлова скоро сдѣлаются любимцами тифлисской публики. Первая изъ нихъ много общается въ будущемъ, и ея первый дебютъ въ «Сильфидѣ» выказалъ всю ея легкость, бойкость и грацію. Второй дебютъ въ той же роли совершенно расположилъ публику въ ея пользу. Г-жа Павлова не такъ хороша въ роляхъ, требующихъ отчетливой художественности въ исполненіи, но зато она восхитительна въ комедіяхъ»

Испани и Итали;—характерныя танцы, которые она исполняетъ въ-стѣ съ г-мъ Монохинымъ, — ея непремѣнное назначеніе. Она владѣетъ большою развязностью, граціею и прекрасною наружностью. Г. Монохинъ танцоръ, въ искусствѣ котораго подмѣчается много практики и большое изученіе своего дѣла.

Но главное наше сценическое наслажденіе заключается теперь въ оперѣ. Итальянскіе гости, въ числѣ которыхъ тифлисская публика встрѣтила двухъ, трехъ старыхъ знакомыхъ, общаются намъ бездну удовольствій, истинно артистическихъ. Въ слѣдующемъ письмѣ расскажемъ объ этихъ удовольствіяхъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о составѣ труппы и первыхъ ея дебютахъ. Въ главѣ пріѣзжихъ артистовъ, безспорно, должно поставить г-на и г-жу Рамони — баритонъ и prima-donna; за ними г. Рици — теноръ, двѣ сестры Вазоли — сопрано и контраalto; потомъ старые знакомцы: Г-жи Миноци и Фискети и гг. Вилла, Викки и Бони. Нѣкоторые изъ этихъ артистовъ дебютировали въ трехъ операхъ: Норма, Эрпани и Лукреція. Пальма первенства въ этихъ дебютахъ принадлежитъ г. и г-жѣ Рамони. Въ нихъ мы уже встрѣчаемъ артистовъ опытныхъ, изучившихъ свое дѣло и сцену. Голосъ г. Рамони болѣе отвѣчающій низкому тенору и въ чисто-баритонныхъ партіяхъ — нѣсколько слабъ... Но этотъ недостатокъ вырывается отчетливостью исполненія партій и умною игрою пѣвца. Г-жа Рамони будетъ лучшимъ украшеніемъ нашей оперы; это можно заключить по первому ея появленію на сцену... Она обладаетъ голосомъ гибкимъ, свѣжимъ и большою опытностію. Сестры Вазоли впервые выступили на сценическое поприще только у насъ въ Тифлисѣ. Одна робость и еще несамодуверенность мѣшала имъ въ первые дебюты выказать всю полноту и свѣжесть прекрасно и тщательно обработанныхъ голосовъ. О другихъ артистахъ скажемъ въ свое время—считая, впрочемъ, не лишнее замѣтить, что въ настоящій сезонъ мы прослушиваемъ оперы полныя и, по возможности, удачно обставленныя; чему, разумѣется, много помогаютъ хоры, безъ которыхъ, до пріѣзда нашихъ хористокъ и хористовъ, сцена много сиротѣла.

ТЕАТРЪ ВЪ ХЕРСОНѢ.

Долго въ Херсонѣ царствовалъ всеобщій сплинъ; долго въ общественной жизни не было никакого стремленія къ удовольствіямъ; а если нѣкоторые и желали веселиться, то составляли отдѣльные кружки и

вселились, какъ говорится, тихомольемъ. Правда, стеченіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ могло постепенно уничтожить гулянья, собранія, театръ и всѣ другія проявленія общественнаго развлечения... Жизнь въ Херсонѣ приняла другое направленіе: заиграла музыка, закружились танцоры, и первое развлеченіе пожилыхъ людей — преферансъ занялъ авторитетъ въ обществѣ нетанцующихъ. Жизнь въ Херсонѣ сдѣлалась гораздо шумнѣе и свѣтлѣе, и для того, чтобы вполне удовлетворялось наше скромное желаніе удовольствій полныхъ, намъ не доставало только спектаклей.

Наконецъ, съ пріѣздомъ антрепренера Бурмицкаго, осуществилось и это желаніе. По зову длинныхъ афишъ, почти весь городъ стремится въ театръ и съ трудомъ, кое-какъ, размѣщается въ ложахъ и креслахъ.

При первомъ представленіи зрители не замѣчали безталантности актеровъ, отъ удовольствія, что неблагоклонная, до того времени, какъ Мельпомена, наконецъ помирилась съ нами, и рѣшилась снисзойти къ нашей нуждѣ, пославъ въ Херсонъ своихъ служителей. Притомъ, еслибы публика и замѣтила слабости актеровъ въ исполненіи ролей, она бы снисходительно смотрѣла на ихъ игру, для того собственно, чтобы поощрить и удержать ихъ въ городѣ на будущее время. Bravo! и рукоплесканія сыпались щедро со-всѣхъ-сторонъ, и вызовамъ не было конца. Явились театралы, которые не замедлили абонировать ложи и кресла на всѣ представленія; заговорили журналы, закричали фельетонисты: у насъ есть театръ, есть спектакли! — Этого, можно сказать, всеобщій восторгъ вполне показываетъ, какъ нетерпѣливо желала публика сценическихъ удовольствій.

Но несмотря на все, этотъ общій восторгъ скоро исчезъ... чего, впрочемъ, избѣжать было невозможно, ибо съ одной стороны частое повтореніе однихъ и тѣхъ же пьесъ, въ родѣ: «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши — плачемъ», или «Тѣнь прародительницы», а съ другой — слабое ихъ исполненіе, скоро заставили зрителей зѣвать и скучать немилосердно. Съ отбытіемъ съ нашей сцены Горева-Тарасенкова и Олотниковой, двухъ драматическихъ талантовъ, театральная зала, во время представленія драмъ, оставалась совершенно пустою, и лишь-только афиша объявляетъ о драмѣ или трагедіи, билеты въ театральную кассѣ далеко до половины не разобраны. Но случай поправляетъ обстоятельства, и между-тѣмъ даритъ публику неожиданнымъ и приятнымъ подаркомъ, именно: одна изъ послѣднихъ афишъ объявляетъ, что во вторникъ, 2 декабря, въ бенефисъ г-на Бумона, любимаго нашего козика, будетъ представлено, въ первый разъ: «Героя преферанса»,

или душа общества», оригинальная комедія-водевиль, сочиненіе г-на Григорьева. «Что и деньги безъ-ума, или горны на чердажъ», водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Соловьева; а въ заключеніе: «Къ намъ прѣехала первая танцовщица, или я вамъ Гамлета сыграю», интермедія съ танцами, въ одномъ дѣйствіи, соч. Ермолова, въ которой всѣ участвовавшіе персонажи будутъ танцовать каррикатурный кадрилъ; а г-жа Ижорская протанцуетъ solo.

За выборъ этой пьесы, мы обязаны г-ну Бушено, и ничуть не антрепренеру, потому-что, какъ видно было, г Бурмицкій мало знакомъ съ нашими водевильнымъ репертуаромъ; онъ понялъ, что драмы имѣютъ огромное преимущество передъ комедіями, но, кажется, не могъ сообразить, что къ этому нужно имѣть актеровъ съ драматическими талантами, а у него нѣтъ ни одного такого. Успѣхъ этой аффиши былъ таковъ же, какъ и успѣхъ перваго объявленія. Театральная зала наполняется огромнымъ стеченіемъ зрителей; билеты разобраны, и г-нъ бенефициантъ пользуется полнымъ сборомъ. Хотя нѣкоторые изъ зрителей рѣшились быть посѣтителями спектакля потому только, что встрѣча съ знакомыми и разговоръ съ ними могли доставить нѣсколько минутъ пріятныхъ; но ожиданія этихъ нѣкоторыхъ не состоялись.... Взвилась занавѣсъ, и передъ зрителями—Александръ Андренчъ Прикупка (Востоковъ). Натуральная игра актера скоро привлекаетъ всеобщее вниманіе къ сценѣ; это вниманіе заинтересовываютъ и другіе исполнители: Бушено въ роли Андрея Андреевича Прикупки, Петровъ въ роли Козыревича и Воляковъ въ лицѣ Минуса. Раздается браво, и мы хохочемъ отъ души. Правда, небольшой комплектъ труппы много вредилъ ходу этой пьесы, но игра актеровъ совершенно уничтожала такой недостатокъ. Чтобы вполне оцѣнить игру, нужно было видѣть Богдана Богдановича Пася (Чернявскій), въ то время, когда онъ объясняетъ приказаніе его превосходительства, и при этомъ досаду Андрея Прикупки и его жены; потомъ изумленіе и гнѣвъ игроковъ при чтеніи письма къ Минусу, и наконецъ нападеніе оскорбленныхъ на моднаго франта съ кезыной бородкой, — сцены, которыя вполне могутъ показать не только стараніе, но и въ нѣкоторой степени истинныя комическія способности исполнителей. Особенно были хороши Бушено и Чернявскій. Востоковъ, какъ водевильный актеръ, прекрасенъ. Жаль только, что игрѣ г-жи Бурмицкой много вредятъ излишніи ужимки и прыжки. Петровъ былъ хорошъ. Объ игрѣ его можно сказать, что онъ бываетъ на мѣстѣ только въ роляхъ старыхъ солдатъ, по справедливости, это его амплуа, и къ нему никакъ нельзя отнести выраженія: «золотая посредственность, куда не поставь, вездѣ хорошъ», потому-что въ нѣкоторыхъ роляхъ, какъ мы видѣли, онъ нелухъ.

Для публики подобныя спектакли новы, а потому она старалась отблагодарить актеровъ. Вызваны были слѣдующіе персонажи: Бушено, Бурмицкая, Чернявскій, Востоковъ, Ижорская и Волковъ. Дай Богъ, чтобы подобныя спектакли повторялись почаще.

АЛЕКСѢЙ АФАНАСЬЕВЪ.

ИЩЕ О ХЕРСОНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Скажемъ еще два-три слова объ актерахъ, вновь поступившихъ въ труппу господина Бурмицкаго. Между ними первое мѣсто принадлежитъ *А. А. Померанцеву*, этотъ актеръ можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ людей, которые съ удивительнымъ самоотверженіемъ отказываются отъ многихъ выгодъ жизни и жертвуютъ всѣмъ, чтобы стать на дорогу своего призванія.

Онъ служитъ сценѣ до десяти лѣтъ, приобрѣлъ значительную извѣстность прекраснаго исполнителя малороссійскихъ ролей, особенно въ приволжскихъ губерніяхъ. Его амплуа — драматическіе резонеры. — На херсонской сценѣ онъ является съ іюля настоящаго года; дебютъ его (Чурпунъ, въ *Москаль-чаровникѣ*) далъ самое выгодное мнѣніе о его сценическихъ средствахъ; роль городничаго (въ *Ревизорѣ* Н. В. Гоголя) имѣла утвердила это мнѣніе. Мы видѣли его во многихъ роляхъ, и нигдѣ игра его удовлетворительна. Г-нъ Востоковъ, молодой человекъ съ порядочнымъ образованіемъ, съ сценически-богатою наружностью, выполняетъ роли молодыхъ людей; онъ вмѣстѣ и писатель: нѣсколько водевилей, оригинальныхъ и переводныхъ, принадлежатъ ему; да изъ нихъ мы видѣли на нашей сценѣ. Болѣе замѣчательная роль въ его исполненіи, — это *Подколесинъ* (въ *Женитьбѣ*, Гоголя). Г-нъ *Ижорскій* не имѣлъ еще возможности высказаться вполне: приговоръ ему ограничивается словомъ — *порядочный актеръ*. Г-жа *Виноградова-Ижорская*, его жена, миловодная воспитанница московской театральнаго школы, восхищаетъ нашу публику качучами, разными характерными танцами и ловкими solo, и пр. Изрѣдка мы видимъ ее и въ водевиляхъ. *Мамоновъ* — машинистъ; онъ владѣетъ своимъ искусствомъ, какъ артистъ: при самыхъ ничтожныхъ матеріальныхъ средствахъ, обстановка пьесъ (напримѣръ, *Петро Дандини*, *Весьма такъ имюли, что съ ротъ, то спасибо*, и проч.) удовлетворяла самымъ строгимъ требованіямъ вкуса.

Остается сказать о выбывших из труппы: въ г-нѣ Горевъ-Тарасенковѣ и г-жѣ Охотниковой, труппа и публика потеряли лучших исполнителей. Жалѣемъ отъ души; многіе изъ постоянныхъ посѣтителей спектаклей желали бы, конечно, хоть изрѣдка выносить изъ театра болѣе серьезныя впечатлѣнія, чѣмъ обыкновенно предлагаютъ водевильчики и проч. Учрежденіе дирекціи было бы благотвѣтельно во всѣхъ отношеніяхъ для актеровъ, и для зрителей.

В. ПИГРИСКУЛЬ.

ТЕАТРЪ ВЪ КОСТРОМѢ.

Въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года нашъ городъ, въ другое время такъ бѣдный удовольствіями, оживился прїѣздомъ прошлогодней труппы артистовъ, подъ управленіемъ г. Соловьева. Но какъ я теперь навѣрное узналъ, г. Соловьевъ отнюдь не управляетъ труппой въ такомъ смыслѣ, какъ это обыкновенно принято; онъ ничто иное, какъ простой антрепренеръ, казначей, что угодно, только не режиссёръ. Роли раздаются, а разбираются полюбовно, каждый актеръ выбираетъ то, что ему нравится и что по силамъ. Поэтому не удивительно, если иногда являются маленькія несообразности, ибо ничто такъ неспособно преувеличивать свои достоинства, какъ сценическое самолюбіе.

Зимній сезонъ нашъ открыли, — чѣмъ вы думаете? — «Гамлетомъ»; роль коего, какъ гласила афишка, будетъ играть артистъ Рыбаковъ.

Признаюсь, я мало ожидалъ удовольствія отъ подобнаго представленія, по весьма понятнымъ причинамъ; но мнѣ очень пріятно сознаться въ моей ошибкѣ — пьеса шла, какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе сценическіе и матеріальныя недостатки провинціального театра. Г. Рыбаковъ имѣетъ весьма хорошую наружность, но уже слишкомъ полонъ и старъ для такихъ ролей, какъ Гамлетъ! Многіе артисты никакъ не хотятъ понять, что роль эта, какъ условіе *sin qua non* — требуетъ молодости и, если нещедренности, то, по крайней мѣрѣ самого умѣреннаго тѣлосложенія; какъ-то непріятно видѣть мечтательнаго, страдающаго, занятаго постоянной мыслью Гамлета толстымъ пожилымъ, съ изряднымъ басомъ и довольно старымъ лицомъ, между

тѣмъ, какъ събарить Клавдій являлся по большей части щедушнымъ, худымъ, съ постной физиономіей. По впечатлѣнію, произведенному первымъ актомъ, нельзя было многого ожидать отъ г. Рыбакова: игра его была натянута и до крайности неестественна; сцена съ тѣмъ же произвела никакого эффекта, потому-что Гамлетъ очень равнодушно и передъ нею декламировалъ, а сама тѣмъ была уже черезъ-чуръ смѣшна и чрезвычайно походила на святочныхъ наряженцевъ. Но за то въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ игра Рыбакова была одушевлена и естественна, Гамлетъ какъ-будто переродился. Въ особенности сцена его съ матерью (въ 4 дѣйст.) шла чудесно и была сыграна единодушно. Какое сильное и доходящее до глубины души значеніе придавъ онъ этимъ, на бумагѣ ничего незначущимъ словамъ «покойной ночи, королева»! Оглушительныя рукоплесканія были ему наградою, и, надо признаться, вполне заслуженною. Его нѣсколько разъ вызывали послѣ каждого дѣйствія, исключая перваго, въ которомъ игра его рѣшительно никого не удовлетворила.

Одно только странно: Клавдій, Гертруда и Гамлетъ всегда выходили на сцену съ непокрытыми головами, а остальные персонажи, напротивъ, являлись всегда въ баретахъ и шляпахъ, и не снимали ихъ даже во время разговоровъ съ королемъ или принцемъ. Не могу разгадать, при какомъ дворѣ могли водиться такія диковины. Полоній (г. Бѣляевъ) былъ очень хорошъ и заслужилъ полную благодарность публики. Клавдій, король датскій (г. Моницъ) былъ, такъ-сказать, не въ своей тарелкѣ, поэтому игра его вовсе не соответствовала характеру занимаемаго имъ лица. Лазръ (г. Докучаевъ) игралъ съ одушевленіемъ и любовію, какъ вообще во всѣхъ роляхъ. Офелія (г-жа Алинская-Докучаева) пропѣла довольно искусно свою арію, а сцена ея помѣшательства была одной изъ лучшихъ во всей трагедіи.

Вообще трагедія шла хорошо, благодаря игрѣ г. Рыбакова и большей части актеровъ; публика была довольна, чему докательствомъ служить то, что при повтореніи «Гамлета», театръ былъ полонъ—черезъ край.

Превосходенъ былъ г. Рыбаковъ еще въ роляхъ *Роберта Драгенсола*. «Фрегатъ Надежда», и *Доверстона Отецъ и дочь*, или «Судиселднй въ лѣсу».

Но тутъ и весь циклъ его представленій. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ Ивановъ-Новгородъ, куда его ангажировали на два года. Скажемъ безпристрастно: Рыбаковъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ актеровъ, и еслибъ онъ началъ и продолжалъ свое поприще на одномъ изъ столичныхъ театровъ, то въ настоящее время былъ-бы украше-

нїемъ и славою русской сцены. Въ немъ много собственного постиженія и есть внутренний огонь, котораго не достаетъ у многихъ знаменитостей.

Въ *Водевиль съ переодѣваньемъ*, хотя пьеса сама по себѣ не-лѣпа, какъ и всѣ водевили, гдѣ переодѣванье служитъ основой всего дѣйствія, г-жа Алинская-Докучаева прекрасно выполнила роли цыганки и старой тетки; куплеты она пѣла премило, съ такою мимикою и выразительностію, что едвали кому уступить въ ихъ исполненіи. Она прекрасная актриса, и одна, своею игрою, оживляетъ самыя скучныя пьесы, которыя безъ нея на нашей сценѣ канули бы на вѣкъ въ Лету, не возбудивъ ни малѣйшаго сочувствія. Пьесамъ, въ которыхъ участвуетъ она, ея мужъ и г. Садовскій, заранѣе можно предсказать у насъ успѣхъ.

Г. Докучаевъ хотя еще молодой человѣкъ, но съ замѣчательнымъ талантомъ и прекрасною паружностію. Роли вертопраховъ, волокитъ, шалуновъ,—его сфера; онъ ихъ играетъ ловко, развязно, безъ утрировки, но всегда съ увлеченіемъ и теплотою *Ив. Петр. Шестаковскій* (*Водевиль съ переодѣваньемъ*) вышелъ у него живымъ типомъ и съ самыхъ серьезныхъ губъ срываетъ невольныя улыбки. Онъ всегда заинтересуетъ васъ своею личностію, потому-что не играетъ, а весь переживаетъ, вдумывается въ свои роли. Каждой старается онъ придать особый колоритъ, и представить, лицо вѣрно списанное съ природы. Роли: *Минуса* въ «Игрѣ преферанса», *Подколесина* въ «Женидьбѣ», *Орелина* въ «Рецептъ для исправленія мужей» и проч. служатъ доказательствомъ его дарованія, и доставили ему и его женѣ, которая особенно хороша въ роли *Троепольской*, въ пьесѣ, «Дебютъ Троепольской» заслуженную любовь и уваженіе всей публики. *Генрихъ*, «Дѣвица отшельница», выполненъ былъ имъ прекрасно, а въ *Робенъ*, «Записки демона» онъ увлекъ всѣхъ прекраснымъ исполненіемъ роли и эффектною костюмировкою.

Г. Садовскій, котораго одушевленная игра такъ скоро прославила, шагаетъ впередъ съ каждымъ днемъ; игра его округляется, веселость его не поддѣльна, а потому и заразительна; манеры его становятся все развязнѣе и пріятнѣе. Очень понравился онъ въ роляхъ: *Кочкарева*, «Женидьба» *Фефелова* «Рецептъ для исправленія мужей», *Садовника* «Гусарская Стоянка», *Жака Силлоне* «Много шуму изъ пустяковъ» *Шумскаго* «Дебютъ Троепольской», *Кавалера де-Лараньера*. «Записки Демона» и проч. гдѣ не разъ морилъ зрителей до слезъ своимъ неподдѣльнымъ комизмомъ. Онъ рѣшительно Мартыновъ нашей сцены и соперничать съ нимъ кому-нибудь здѣсь будетъ.

трудно; публика такъ къ нему привыкла, такъ привязалась, что онъ любимецъ всѣхъ и каждаго.

Г-жа Маіорова, о которой я въ послѣднемъ своемъ письмѣ забылъ сообщить вамъ, уже дама не первой молодости, но играетъ съ душой, обдуманно и всегда старается выикать въ смыслъ своей роли, что составляетъ не маловажное достоинство всякой актрисы. *Азафья Тихонова* въ «Женитьбѣ» была ею исполнена съ большимъ искусствомъ; ловка и жеманство переданы ею, какъ нельзя лучше. *Варвара Афанасьевна* «Рецептъ для исправленія мужей», *Аврора Силломе* «Много шуму изъ пустяковъ», *Пулькина* «Герон преферанса» и проч., принадлежать къ лучшимъ ея ролямъ, особенно послѣднія двѣ, въ которыхъ у нея вырвались неподражаемо хорошіе моменты.

Г-жа Дробикова, въ роли *Юнкера Лелева* «Гусарская стоянка», была очень мила и ловка; жаль, что она рѣдко является въ роляхъ, болѣе способныхъ выказать талантъ актрисы.

«Сцена изъ мертвыхъ душъ», о капитанѣ *Копѣйкинѣ*, рѣшительно ушла на нашей сценѣ; когда занавѣсъ опустился, во всей залѣ воцарилась мертвая тишина; таже самая участь постигла и «Харьковского жениха», пьесу, имѣющую такой постоянный успѣхъ въ Петербургѣ. Причины такихъ явленій мы предоставляемъ разрѣшить нашимъ литературнымъ физиологамъ.

Въ заключеніе, я не могу не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Бенефисъ ни-что иное, какъ мѣрка, по которой узнается степень привязанности публики къ артисту, или, наоборотъ, бенефисъ служить мѣриломъ и доказательствомъ таланта въ артистѣ. Вѣдь не станеть же публика любить бездарнаго и скучнаго актера. А если это предположеніе не подлежитъ спору, то спрашивается: почему гг. бенефицианты избираютъ въ своихъ бенефисахъ такіа пьесы, въ которыхъ главная роль обыкновенно принадлежитъ собрату, менѣе любимому? Публика посвящаетъ бенефисы изъ благодарности за удовольствіе, оставленное артистамъ; почему-же онъ почитаетъ себя въ-правѣ въ этотъ день играть не роль хозяина, а постороннаго лица?

Бенефисы ставятся у насъ на сцену на скорую руку, и къ несчастію, отличаются тѣмъ, что никто почти не знаетъ своей роли. Исключеніемъ изъ этого дурнаго обычая служатъ бенефисы четы *Докучаевыхъ*; *Докучаевъ* въ своемъ бенефисѣ («Записки демона») самъ игралъ главную роль, и сыгралъ ее прекрасно.

Недавно сцена наша оживилась пріѣздомъ двухъ танцовщицъ, бывшихъ воспитанницъ московскаго театральнаго училища: гг. *Гольтъ* и

Петровой. Обѣ еще молоды, но танцуютъ порядочно, особенно г-жа Петрова—премилое граціозное созданіе.

Г. Молдуано, извѣстный ветеранъ всѣхъ фокусниковъ, далъ здѣсь три представленія, въ которыхъ обнаруживалъ большую ловкость, и вознагражденъ былъ тѣмъ, что у него всегда было множество посѣтителей.

И. ГРИНБЕРГЪ.

Кострома,

3-го января 1853 года.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА; отъ 9/3 декабря 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ.—Привиллегія, данная Драматической Гимназій.—Несчастіе съ театромъ Водевиль.—Открытіе Итальянской Оперы.—Отелло.—Крувелль, Белетти, Беттини и Кальцолари.—Сомнамбула.—Г-жа Бельтрамелли.—Театръ Комической Оперы: Первое представленіе «Удольскихъ Тайнъ», оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова гг. Сирра и Жермена Делавина, музыка Клапписсона.—Лирической театръ: Первые представленія «Кильморской Фермы», ком. оперы въ 2 д., слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Верне, и «Трубача Гильери» ком. оперы въ 2 д., слова гг. Левена и де-Боплана, музыка г. Сармиенто.—Письмо изъ Веймара о Берлиозѣ.—Первый французскій театръ: «Султанъ», комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. Мелезвиль.—Одеонъ: «Ришелье», драма въ 5 д., въ стихахъ, г. Пелліона «Величіе и паденіе Жозефа Придома», комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. Генриха Монье и Гюстава Ваца.—«Четыре угла», комед. въ 1 д., г. Леона Батю.—Нѣсколько словъ о Генрихѣ Монье.—Театръ Драматической Гимназій: «Мужъ, которому вѣчегъ дѣлать», комедія-водевиль гг. Фурнье и Лорансена.—«Матушкинъ сынокъ», комедія-водевиль въ 3 д., гг. Балра и Бьевилля.—Театръ Разнообразія: «Таконіѣ», водевиль въ 5 д., гг. Бери и Клервилля.—Театръ Веселости: «Альпійская пастушка», драма въ 5 д. гг., Шарля Деное и Деннери.

Для начала, позвольте васъ увѣдомить, что большіе парижскіе театры, по случаю провозглашенія имперіи, перемѣнили свои названія: Большая Опера называется теперь *Императорской Академіей музыки*; Комическая Опера *Императорскимъ театромъ комической оперы*; господа общники Перваго Французскаго Театра получили титулъ *Актеровъ Е. В. Императора* — Comédiens ordinaires de S. M. l'Empereur. Прочіе театры остались при прежнихъ названіяхъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ получаютъ денежныя вспоможенія отъ казны, subventions.

Театръ «Драматической Гимназій» получилъ новую привиллегію, а именно,—право представлять трехъактные комедіи въ стихахъ и прозѣ. Отъ вполнѣ заслуживаетъ этого, потому-что директоръ его, г. Монтigny, много сдѣлалъ для драматической литературы и для драматическаго искусства вообще. Сцена «Драматической Гимназій» первая познакомила публику съ драматическими произведеніями Жоржа Занда, Бальзака и

Альфреда де-Мюссе; на ней играютъ: Роза Шери, Брессанъ, Жоффруа и много другихъ отличныхъ артистовъ. Не надо при этомъ забывать, что «Драматическая Гимназія» подарила Первому Французскому Театру много первоклассныхъ артистовъ, между прочими гг-жь Алланъ и Вольнясь; что знаменитая Рашель начала свое поприще на ея доскахъ; что въ настоящее время, наконецъ, есть въ этомъ театрѣ молодой артистъ, Дюпьи, сынъ извѣстной актрисы того-же имени, котораго отвергъ Первый Французскій Театръ, а «Драматическая Гимназія» приняла, доказавъ этимъ, что смыслить въ дѣлѣ искусства болѣе господъ общниковъ Перваго Театра, потому что Дюпьи оказался отличнымъ артистомъ, и рано или поздно будетъ призванъ на отвергнувшую его сцену. Извѣстно также, что Эмиль Ожье отдалъ недавно «Драматической Гимназіи» пьесу, которую предназначалъ для Перваго Французскаго Театра. Теперь эту пьесу можно будетъ играть безъ передѣлокъ и безъ вставки бесполезныхъ куплетовъ, какъ это дѣлалось до-сихъ-поръ. Было время, когда подобная привилегія надѣлала бы много шума, теперь-же всё находятъ ее справедливою. Это огромный шагъ впередъ, потому что еще не такъ давно существовало негнѣное убѣжденіе, что одинъ только Первый Французскій Театръ имѣетъ право и возможность играть комедіи въ стихахъ.

Съ театромъ «Водевиля» случилось нѣчто совершенно другаго рода: его обокрали, да обокрали, и престраннымъ образомъ. А все Бельгійцы, которымъ мало произведеній французскихъ беллетристовъ, ученыхъ и другихъ, перепечатаваемыхъ въ Брюсселѣ въ ущербъ французскимъ литераторамъ и книгопродавцамъ; теперь они вздумали подрывать театры и драматурговъ. Дѣло въ томъ, что въ Брюсселѣ давали недавно пьесу, назначенную для «Водевиля» и еще на немъ неизгранную. Какимъ образомъ она досталась? Вѣроятно подкупивъ переписчика, который переслалъ въ Брюссель копию. Этотъ поступокъ возбудилъ негодованіе во всей французской журналистикѣ. Пьеска называется *Le barometre des amours* — Барометръ любви, и не имѣла въ Брюсселѣ успѣха.

Всѣ хотя немного знакомые съ закулиснымъ міромъ знаютъ, что рѣдкую пьесу можно считать окончателно отбѣланною, если она не прошла чрезъ нѣсколько репетицій. Соревнованіе и желаніе поскорѣе попасть на очередь заставляють писателей торопиться; они представляютъ очень часто пьесы, набросанныя слегка, съ тѣмъ, чтобы довершить ихъ во-время репетицій. Въ-слѣдствіе этого случается, что пьеса до того измѣняется въ промежутокъ времени между первой репетиціей и представленіемъ, что ее нельзя бываетъ узнать. Прибавляютъ и выкидываютъ цѣлыя сцены, вводятъ новыхъ лицъ, выкидываютъ и вставляютъ

въ куметы, и т. д. Одинъ изъ авторовъ известной пьесы «Les Saltimbanques», покойный Дюмерсанъ, не разъ рассказывалъ своимъ друзьямъ о множествѣ превращеній, которымъ подвергся этотъ водевиль до перваго представленія.

Какъ-же назвать, послѣ этого, поступокъ брюссельскаго театра, который произвольно овладѣлъ чужой пьесой и поставилъ ее безъ согласія и совѣтовъ авторовъ? Quousque tandem!... восклицаютъ парижскіе журналы. Дѣйствительно, страсть Бельгійцевъ къ контрафакціи хотъ кого выведеть изъ терпѣнія. Но насъ, въ Петербургѣ, все это, можетъ-быть, вовсе не занимаетъ, а потому перехожу къ болѣе интересной новости.

У насъ есть, наконецъ, опять Итальянская Опера! Это трудное предпріятіе взялъ на себя г. Корти; говоримъ трудное, потому-что оно поглотило въ два сезона 300,000 франковъ, а по другимъ—полъ-миліона. Впрочемъ, г. Корти человекъ опытный; онъ управлялъ уже двумя итальянскими сценами, въ Бергамо и въ Миланѣ, и потому можно надѣяться, что онъ преодолѣетъ всѣ предстоящія ему препятствія. Препятствій этихъ много. Ему нужно, во-первыхъ, составить себѣ новую публику, потому-что, за исключеніемъ небольшого числа дилеттантовъ, прежняя публика Итальянской Оперы не существуетъ. Она приобрѣла новыя привычки, которыя трудно будетъ передѣлать. Одни живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, другіе перешли къ Большой Оперѣ, жившій абонементъ которой увеличивается съ каждымъ днемъ.

Прежняя публика Итальянской Оперы ѣздила въ театръ въ-слѣдствіе рутины; ее занимали не пьесы, которыя она знала наизусть, но артисты. Ѣздили въ Оперу и для того еще, чтобы *людей посмотреть и себя показать*. При началѣ сезона, эта публика не думала о репертуарѣ, а справлялась объ артистахъ, и если въ програмѣ стояли любимыя имена Рубини, потомъ Маріо, Лаблаша, Тамбурины, Ронкони, Гризи, Персіани, то она тотчасъ-же посылала деньги кассиру, не заботясь объ остальномъ. Женщины начинали готовить уборы, стараясь презойти одна другую роскошью и вкусомъ; собирались въ Оперу какъ на выставку, на которой выдаются преміи за красоту и изящество. Они еще менѣе мужчинъ думали о репертуарѣ; для нихъ даже артисты имѣли второстепенный интересъ.

Но артисты эти были такъ превосходны, что къ нимъ пристращались, и каждый изъ нихъ имѣлъ ревностныхъ приверженцевъ. А когда, въ октябрѣ 1848 года, публика увидѣла, что ни одинъ изъ нихъ не возвращается, что всѣ они предпочли Парижу Петербургъ, зала Итальянской Оперы внезапно опустѣла. Напрасно, въ прошедшемъ году, знаменитый

Ломлей, снявшій этотъ театръ, прибѣгалъ ко всѣмъ ухищреніямъ, которыя подсказывала ему его опытность, они не поѣшали ему обанкрутиться. Желая возвратить въ театръ его прежнюю блестящую публику, онъ вздумалъ было печатать на билетахъ, что необходимо пріѣзжать въ бальныхъ костюмахъ; но и это не помогло. Продолжали одѣваться просто, а если появлялись изрѣдко бальные костюмы, то на нихъ указывали съ насмѣшкой, говоря: *это даровой билетъ*.

Такъ вотъ какія затрудненія предстоятъ нашему новому импрессарию, г. Корти! Мы впрочемъ за него надѣемся.

Открытіе Итальянскаго Театра произошло 16 ноября, оперою Россини «Отелло». Хотя въ тотъ-же день было назначено чрезвычайное представленіе въ «Комической Оперѣ», публика собралась многочисленная; было много хорошенеккихъ женщинъ и богатыхъ нарядовъ. Мы не принадлежимъ къ числу фанатическихъ почитателей нѣмецкой музыки, которые съ презрѣніемъ отзываются о музыкѣ итальянской, и желали-бы предать огню театръ Комической Оперы, потому только, что исполняемая въ немъ музыка недовольно серьезна. Мы избрали себѣ девизомъ, въ этомъ отношеніи, извѣстный стихъ:

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.

Всѣ роды хороши, за исключеніемъ скучнаго, и слѣдуемъ за вкусомъ публики, истиннѣе которой никогда не ошибается. Нельзя сомнѣваться, что итальянская музыка заключаетъ много истинно прекраснаго и высокаго, потому-что вся Европа любитъ ее. Неужели-же Паззелло, Чимароза, Россини, МеркадANTE и Верди—люди бездарные? Неужели всѣ тѣ, которые восхищаются ихъ произведеніями, люди безъ вкуса и смысла? Россини болѣе другихъ несчастливо случилось во Франціи, и сверхъ-того, ему удалось осчастливить одного француза, переводчика его оперъ, который нажилъ этимъ около 400,000 франковъ. Но возвратимся къ г. Корти.

Онъ ангажировалъ четырехъ извѣстныхъ уже Парижу и любимыхъ имъ артистовъ, которые дебютировали въ «Оттелло»: Софію Крувелли, гениальную пѣвицу, превосходную въ страстныхъ роляхъ; басса Беллетти, съ которымъ познакомилъ насъ г. Ломлей; тенора Кальцолари, не всегда удачно исполняющаго первыя роли, но превосходнаго въ роляхъ второстепенныхъ; наконецъ, Беттини, тенора съ большими физическими средствами, дебютировавшаго въ первый разъ въ 1847 году, на театрѣ Большой Оперы, въ «Робертѣ Брюсъ» (Donna del Lago) и тогда уже оцѣненнаго по достоинству однимъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ критиковъ, а именно г. Луи Денойе, писавшимъ въ то время въ газетѣ *Siècle*

Надо вамъ сказать, что, несмотря на краснорѣчивое заступничество Луи Денойе, Беттини не посчастливилось въ 1847 году; онъ пѣлъ на чужомъ ему языкѣ, былъ еще молодъ, неопытенъ и не привыченъ къ сценѣ. Вы можете изъ этого понять, что ему предстоялъ довольно трудный подвигъ: побѣдить предубѣжденіе публики. Встрѣтили его молча; но скоро, замѣтивъ, что онъ выигралъ во всѣхъ отношеніяхъ, привѣтствовали его нѣсколькими, довольно слабыми впрочемъ, аплодисманами, значительно усилившимися послѣ дуэта съ Яго, который заставилъ повторить, какъ въ блистательныя времена Рубини и Тамбурины, Маріо и Ронкони.

Беллетти былъ хорошъ въ роли Яго, но мы невольно вздохнули о Тамбурини и Ронкони. Г. Кальдолари очень удовлетворительно исполнилъ второстепенную роль Родриго, а Арнольди, также игравшій некогда въ Большой Оперѣ, подъ именемъ Арно, довольно счастливо справился съ ролью Эльмиро, ролью, правда, ничтожной, но страшной, потому-что мы помнимъ въ ней Лаблаша.

О госпожѣ Крувелли, игравшей роль Дездемоны, мы скажемъ въ двухъ словахъ: она превзошла Джулію Гризи и почти сравнялась съ Малибранъ. Выше этой похвалы трудно что-нибудь придумать, но она не преувеличена.

Затѣмъ давали «Сомнамбулу», въ которой дебютировала г-жа Бельтрамелли, въ роли Амины. Г-жа Бельтрамелли еще очень молода, но ей soprano довольно обширенъ и приятенъ. Ей аплодировали, особенно въ третьемъ дѣйствіи; въ первыхъ двухъ она была слабѣе и замѣтно робѣла. Мы поговоримъ о ней подробнѣе въ будущемъ письмѣ, равно какъ и о новой для насъ оперѣ Верди, «Луиза Мюллеръ», передѣланной изъ извѣстной трагедіи Шиллера «Коварство и Любовь». Эта опера уже репетируется и, вѣроятно, скоро появится на афишѣ.

Въ «Большой Оперѣ» не было въ послѣднее время ничего новаго, за исключеніемъ Россиніевой оперы «Моисей», которая переведена на французскій языкъ, и имѣла, въ этомъ новомъ видѣ своемъ, большой успѣхъ.

Театръ «Комической Оперы» поставилъ новую трехъ-актную оперу гг. Скриба и Жермена Делавиня, музыка Клапписсона, «Удольфскія тайны». Произведеніе, подписанное такими именами, не могло не имѣть успѣха, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что его встрѣтили и прощали рукоплесканиями. Хотя оба либреттиста видимо старались оставить всю честь успѣха композитору, составивъ для него поэму, которая возводила ему выказать все свое дарованіе, мы должны однакоже отдать справедливость искусству и знанію сцени гг. Скриба и Делави

ня. «Удольфскія тайны» имѣютъ общаго съ извѣстнымъ романомъ г-жи Радклифъ одно только названіе. Дѣйствіе происходитъ въ Даніи, въ царствованіе Карла XII, короля шведскаго. Мы въ Удольфскомъ замкѣ, старомъ, полуразрушенномъ зданіи, обитаемомъ только привратникомъ Тобернемъ я его племянницей Евой. По увѣренію Евы, подземелья замка населены привидѣніями, которыя гремятъ по ночамъ цѣпами и производятъ, вообще, такой шумъ, что какой ни будь храбрець, а ночью не уснешь. Однажды является въ замокъ дѣвушка, бѣдная сиротка, ушедшая изъ Копенгагена, чтобъ избѣжать преслѣдованій одного молодаго челоуѣка, котораго она любитъ, но за котораго не можетъ выйти замужъ, по причинѣ разлінія состояній и положенія въ свѣтѣ. Христина явилась въ замокъ для исправленія должности чтицы при графинѣ Сусаннѣ, которая назначила ей тамъ свиданіе. Вотъ тутъ-то и начинаются тайны. Ева отворяетъ шкафъ, чтобъ повѣсить въ него мантилью Христины; вдругъ!— какъ вы думаете, кто выходитъ изъ шкафа?—графъ Норби, тотъ самый, отъ котораго бѣжала Христина. Но какимъ образомъ онъ попалъ туда?

Графъ Норби удаллся изъ Копенгагена, чтобъ избѣгнуть казни, на которую его осудили вмѣстѣ съ роднымъ и двоюроднымъ его братьями, за поединокъ. Надо вамъ сказать, что между Удольфами и Норби существуетъ точно такая-же вражда, какъ между Монтекки и Капулетти. Чтобъ положить конецъ этой кровавой враждѣ, король приказалъ женить одного изъ сыновей стараго графа Норби на графинѣ Сусаннѣ, единственной наслѣдницѣ имени Удольфовъ. Уже три мѣсяца какъ Сусанна овдовѣла; мужъ ея былъ убитъ въ стычкѣ Датчанъ со Шведами. Съ этой минуты взаимная ненависть Удольфовъ и Норби воскресла еще съ болѣею силою.

Графъ Удольфъ пріѣзжаетъ въ замокъ вмѣстѣ съ Сусанною. Можно представить его бѣшенство, когда онъ узнаетъ, подъ одеждою матроса, заклятаго врага своего, одного изъ участниковъ въ поединкѣ, въ которомъ погибъ его сынъ. Въ качествѣ губернатора провинціи, графъ Удольфъ хочетъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, если онъ не согласится жениться на вдовѣ своего брата. Только съ этимъ условіемъ простить онъ его и его сообщниковъ. Сначала графъ Норби колеблется, изъ любви къ Христинѣ, но потомъ соглашается.

Здѣсь-то начинается цѣлый рядъ таинственныхъ обстоятельствъ, одно другаго необъяснимѣе. Сначала похищаютъ графиню и увлекаютъ въ подземелье, а потомъ ея мужа, который идетъ оспаривать свою жену у привидѣній. Впрочемъ долго было-бы рассказывать о всѣхъ необъяснимыхъ вещахъ, приключающихся въ Удольфскомъ замкѣ; ска-

жемъ только, что первый мужъ Сусанны живъ и скрывается въ подземельи, вѣсть съ королевой Ульрикой, претендующей на шведскій престолъ. Въ замкѣ существуетъ повѣрье, что статуя родоначальника фамили Удольфовъ сходитъ съ своего пьедестала всякій разъ, какъ въ замкѣ случается какое-нибудь несчастное приключеніе, и вручаетъ кому-нибудь изъ присутствующихъ его смертный приговоръ. Графъ и королева хотятъ воспользоваться этимъ повѣрьемъ. Они дѣйствительно, употребляютъ его въ свою пользу, и дѣло кончается тѣмъ, что графъ Норби, обрадовавшись встрѣчѣ съ братомъ, уступаетъ ему жену, а самъ жонглируетъ на Христинѣ.

Партитура «Удольфскихъ тайнъ» написана, какъ уже сказано выше, г. Клаписсономъ, композиторомъ, талантъ котораго не нуждается въ похвалахъ; онъ написалъ уже нѣсколько оперъ, имѣвшихъ заслуженный успѣхъ; изъ нихъ «Gibby la Cornemuse», представленная на театрѣ Комической Оперы, и «Jeanne la Folle», предпоследнее его произведеніе, представленное на сценѣ Большой Оперы, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не упоминаемъ о множествѣ мелкихъ сочиненій, также отличающихся оригинальностью и прелестью мелодій.

Новое произведеніе г. Клаписсона не уступаетъ прежнимъ; оно изобилуетъ мелодіями, отличающимися оригинальностью и доказывающими въ композиторѣ глубокое знаніе музыки. Г. Клаписсонъ особенно хорошо пишетъ вокальные номера своихъ партитуръ, а это, въ настоящее время, немаловажное достоинство. Оркестровка его блестяща и прѣтита, хотя иногда слишкомъ шумна. За исключеніемъ этого недостатка, общаго почти всемъ современнымъ композиторамъ, она заслуживаетъ полную похвалу.

Этой пьесой ограничиваются новости «Комической Оперы», и потому мы переходимъ къ Лирическому Театру, поставившему, въ последнее время, двѣ новыя пьесы. Во первыхъ:

«Кильморскую ферму», комическую оперу въ двухъ дѣйствіяхъ, слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Варнея. — Либретто этой новой оперы принадлежитъ къ разряду наивныхъ: въ немъ преобладаютъ сельскіе нравы.

Макъ-Иводъ (дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи) любитъ миссъ Сусанну (опять Сусанна!). Миссъ Сусанна любитъ Макъ-Ивода. Но фермеръ Бобъ также любитъ Сусанну. Сверхъ-того, Пегги, сестра Боба, любитъ Торнепса, а Торнепсъ любитъ деньги и сытный столъ. Только это и узнаете вы изъ перваго акта. Во второмъ дѣйствіи Бобъ попрежнему любитъ Сусанну, точно такъ-же какъ Пегги любитъ Торнепса; но Макъ-Иводъ, который сдѣлался — было, чтобъ понравиться

молоденькой фермершѣ, пастухомъ, снова надѣваетъ свой бархатный казакинъ, и женится... на своей кузинѣ Элифи. Сусанна приходитъ въ отчаяніе, а Бобъ, все еще непереставшій любить ее, предлагаетъ себя вмѣсто Макъ-Ивода. Сусанна сначала задумывается, но думаетъ не долго, и отдаетъ Бобу свою руку. — Вотъ и все! Какъ вамъ нравится? Музыка еще лучше, и потому мы о ней умолчимъ.

Второю новостію Лирическаго Театра была:

«Трубачъ Гильери», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова гг. Левена и де-Боплана, музыка г. Сармиенто.

При поднятіи занавѣса представляется дикое горное ущелье въ Испаніи. Въ глубинѣ его шумитъ водопадъ; нѣсколько тощихъ деревьевъ дѣлятся по кремнистымъ уступамъ горъ. Показываются нѣсколько французскихъ солдатъ изъ арміи Вандома; они отстали отъ главнаго корпуса, сбились съ пути, и бродятъ, отыскивая товарищей, подъ лучами палящаго солнца, изнемогая отъ усталости и голоду. Къ счастью, съ ними маленькій трубачъ Гильери, который поддерживаетъ ихъ духъ и бодрость. Они останавливаются, дѣлаютъ смотръ своимъ ранцамъ, и не найдя въ нихъ ни сухаря, принимаются пѣть, чтобъ заглушить голодь. Кончивъ пѣсню, солдаты замѣчаютъ, что это средство, предложенное Гильери, никуда не годится, потому-что въ желудкахъ ихъ стало еще пустѣе прежняго. Въ слѣдствіе этого отправляются искать хоть плодовъ, чтобъ утолить голодь. Между-тѣмъ является молодой человекъ, по имени Фабрицій, и хорошенькая Зина, — страстно другъ въ друга влюбленные и безжалостно преслѣдуемые. Зина — воспитанница дона Реболосо, который хочетъ выдать ее за дону Каскарелло, стараго, больнаго и очень смѣшнаго алькада. Чобъ избавиться отъ опекуна, жениха и старой гувернантки своей Леонарды, Зина убѣжала съ Фабриціемъ. Они вытаскиваютъ изъ походнаго мѣшка жаренаго цыпленка и располагаются на травѣ завтракать; въ этомъ положеніи застаютъ ихъ французскіе солдаты, возвратившіеся изъ своихъ поисковъ съ пустыми руками. Можете представить себѣ удивленіе влюбленной четы и радость солдатъ! Испанцы дѣлятся завтракомъ съ французами, а Зина, вмѣсто закуски, угощаетъ ихъ балладой, въ которой воспѣвается какая-то страшная пропасть. Эта застольная пѣсня очень не нравится французамъ, которые выслушиваютъ ее однакоже до конца. Вдругъ раздаются выстрѣлы! Солдаты снова уходятъ, чтобъ приготовиться къ оборонѣ, а вмѣсто нихъ являются опекунъ Зины и ея гувернантка Леонарда. Любовники скрываются въ пещеру, а Фабрицій бросаетъ Зинину мантилью на край пропасти, чтобъ заставить Реболосо подумать, что его воспитанница погибла. Леонарда первая замѣчаетъ

мантлью, и приходитъ въ величайшее отчаяніе; Реболозо слѣдуетъ сначала ея примѣру, но разсудивъ, что имущество Зины будетъ теперь принадлежать ему, онъ переходитъ отъ отчаянія къ радости. Между тѣмъ возвращаются солдаты, таща на плечахъ огромные ящики, которые тотчасъ же принимаются разбирать, надѣясь найти въ нихъ что-нибудь съѣсное. Но вмѣсто пищи, они находятъ въ ящикахъ платье, цѣлый приборъ странствующаго шарлатана, стклянки съ одеколономъ, зубнымъ эликсиромъ и тому подобное. Что дѣлать со всею этою дрянью? Гильери совѣтуетъ надѣяться въ платье шарлатана и пробраться, въ этомъ нарядѣ, во французскую армию. Всѣ одобряютъ мысль трубача, раздѣляютъ между собой гардеробъ и собираются пуститься въ путь. Этимъ кончается первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи, Гильери и его товарищи дурачатъ испанцевъ, въ особенности же стараго Реболоза. Леонарда находитъ своего мужа, котораго уже болѣе пятнадцати лѣтъ считала погибшимъ. Фабрицій женится на Зинѣ, а Гильери удостоивается общей благодарности, за искусство, съ которымъ устроилъ всѣ дѣла и вывелъ всѣхъ изъ затрудненія.

Вы видите, что во всемъ этомъ очень мало новаго. Либретто г. Лавена и де-Боплана блѣдный сколокъ съ комедіи Бомарше; Реболоза списанъ съ Бартоло, Фабрицій съ Альмавивы, Гильери съ Фигаро, а Зина съ Розины. Но нельзя сказать, чтобъ либретто было плохо, потому-что авторы его мастера своего дѣла и знаютъ сцену.

Г. Сарментио, авторъ музыки, родомъ италіанецъ; онъ недавно пріѣхалъ въ Парижъ, и это первый его опытъ. Музыка его не лишена достоинствъ, хотя въ ней много заимствованій.

Этимъ ограничиваются наши музыкальныя новости, но мы считаемъ долгомъ присоединить къ нимъ извѣстіе объ успѣхѣ за границей одной французской оперы, а именно «Бенвенуто Челлини». Авторъ ея, г. Берлиозъ, былъ у васъ, въ Петербургѣ, и потому вы, вѣроятно, не безъ удовольствія прочтете о его успѣхѣ.

«Нашъ дворъ, пишутъ изъ Веймара одной газетѣ, продолжающей под-держивать, съ достойнымъ удивленія постоянствомъ, великія и благородныя преданія, его прославившія, далъ на-дняхъ нѣсколько музыкальныхъ праздниковъ по случаю представленія «Бенвенуто Челлини», оперы Берлиоза. Успѣхъ этой оперы былъ такъ великъ, что самъ Берлиозъ не могъ желать большаго. Поставленная другомъ Берлиоза, г. Листомъ, который выказалъ при этомъ весь свой вкусъ, все свое глубокое пониманіе музыки и страстную любовь къ ней, опера была поставлена два раза сряду на придворномъ театрѣ, при самыхъ вос-

«торженныхъ рукоплесканіяхъ. Въ оба раза театръ былъ совершенно «полонъ, потому—что много наѣхало народу изъ Іены, Брауншвейга, «Ганновера, Лейпцига и другихъ сосѣднихъ городовъ. Въ первое пред- «ставленіе, публика такъ настойчиво вызывала автора послѣ третьяго «дѣйствія, что директоръ упросилъ его показаться. Второе представле- «ніе, происходившее, такъ-же какъ и первое, подъ управленіемъ при- «дворнаго капельмейстера Диста, было блистательно не менѣе перваго. «Потомъ у насъ былъ концертъ, въ которомъ, подъ дирекціей самаго «Берліоза, была исполнена его симфонія «Ромео и Джульетта» и два «первыя акта изъ его Фауста. Этого было, можетъ-быть, слишкомъ «много для обыкновеннаго концерта, однакоже, несмотря на поздній часъ «ночи, публика заставила повторить нѣсколько нумеровъ. Мы увѣре- «рены, что Берліозъ никогда не забудетъ этого вечера, въ который его «осыпали всевозможными изъявленіями сочувствія и удивленія. Вей- «марская академія пѣнія въ первый разъ присоединилась, въ этотъ ве- «черъ, къ артистамъ театра, для исполненія хоровъ. Большая часть «дамъ любительницъ, имѣющихъ хорошіе голоса и познанія въ музыкѣ, «также участвовали въ концертѣ, по окончаніи котораго великій гер- «цогъ прислалъ Берліозу орденъ *Благо-Сокола*. На слѣдующій день «былъ обѣдъ при дворѣ; представитель Франціи, г. де-Талейрапъ, при- «сутствовалъ на этомъ обѣдѣ, и благодарилъ его высочество за милости «его къ Берліозу. Наконецъ, всѣ веймарскіе артисты и множество лю- «бителей дали Берліозу обѣдъ въ городской ратушѣ (Stadt-Haus); за «обѣдомъ послѣдовалъ балъ, во-время котораго артисты поднесли герою «праздника серебряный капельмейстерскій жезлъ, а въ три часа утра «пошли провожать его на путевой дворъ желѣзной дороги, и напутство- «вали его восторженными криками»...

Вы порадуетесь, вѣроятно, вмѣстѣ съ нами за нашего общаго зна- комца Берліоза, и затѣмъ позвольте возвратиться къ главному пред- мету нашего письма, къ парижскимъ театрамъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ написанъ водевиль, подъ назва- ніемъ: «Докторъ Робень». Это было въ то несчастное для «Драмати- ческой Гимназіи» время, когда Общество драматическихъ писателей пре- слѣдовало этотъ театръ своею ненавистью и объявило, что не будетъ давать ему ни одной пьесы. Богъ знаетъ, какихъ геройскихъ усилій стоила эта война знаменитому директору «Драматической Гимназіи», Пуарсону. Всѣ были увѣрены, что театръ его умретъ отъ недостатка драматической пищи, а между-тѣмъ, онъ живъ и здоровъ до-сихъ-поръ.— А! вы думаете, что у меня нѣтъ пьесы, сказалъ г. Пуарсонъ, такъ погодите же! И такъ напугалъ своею стойкостію драматическихъ пиате-

лей, что они не на шутку трусили, а г. Суарсонъ могъ съ честью удалиться съ поля битвы, уступивъ театръ нынѣшнему его директору, г. Монтивья. Тогда-то былъ написанъ *Докторъ Робень*, замѣчательный еще и потому, что знаменитый Буффѣ простился въ немъ съ «Драматической Гимназіей». Эта пьеса принадлежитъ перу г-на де-Премаре, который тогда только еще начиналъ свое поприще, а теперь ставить пьесы свои на сцену Перваго Французскаго Театра, и считается однимъ изъ лучшихъ критиковъ. Пьеса его основана на извѣстномъ происшествіи съ знаменитымъ англійскимъ актеромъ Гаррикомъ. — Молодая, знатная дѣвушка влюбляется въ Гаррика, который вылечиваетъ ее отъ любви, прикидываясь развратнымъ и порочнымъ человѣкомъ. Онъ самъ любитъ ее, но жертвуетъ собой, потому-что знаетъ, что родители дѣвушки никогда не простятъ ей любви къ актеру и что, слѣдовательно, она будетъ съ нимъ несчастна. — Эту пьесу играли также и на Пале-Рояльскомъ-театрѣ; а теперь поставили въ Первомъ Французскомъ; но только теперь пьеса называется «Сулливанъ», по имени главнаго дѣйствующаго лица, которое замѣнило въ ней Гаррика, и принадлежитъ уже не г-ну де-Премаре, а г-ну Мелезвилью, который имѣетъ полное право называть ее своею, потому-что передѣлалъ ее, такъ-сказать, съизнова.

«Одеонъ» поставилъ три новыя пьесы; первая по времени, «Ришелье», драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, написана г-номъ Пеллюномъ, молодымъ, только-что начинающимъ литераторомъ. Она имѣла большой и вполне заслуженный успѣхъ, но его затмилъ успѣхъ другой пьесы: «Величіе и паденіе Жозефа Прюдома». Эта пяти-актная комедія написана Генрихомъ Монье, въ сотрудничествѣ съ Гюставомъ Ваэномъ.

«Одеонъ» служилъ постоянно цѣлью для нападеній всѣхъ и каждаго; вѣтъ водевилиста, начиная съ г-на Скриба, который не считалъ бы обязанностью остроить и смѣяться надъ нимъ; а между-тѣмъ, «Одеонъ» продолжаетъ жить, и скажемъ болѣе, приносить пользу искусству. Для него писали: Казиміръ Делавинь, Альфредъ де-Виньи, Эмиль Ожье, Понсаръ, Жоржъ-Занда; онъ первый познакомилъ французскую публику съ «Волшебнымъ-стрѣлкомъ» Вебера; онъ популяризовалъ во Франціи многія изъ произведеній Россіи. За что же нападаютъ на «Одеонъ»? Правда, и у него были черныя дни, но были и дни свѣтлые, когда киста его продавались на вѣсь золота, какъ, напримѣръ, въ первыя представленія «Лукреціи» Понсара, «Франсуа найденыша» Жоржа-Занда, и т. п. Теперь опять наступили свѣтлые дни, благодаря комедіи гг. Генрика Монье и Гюстава Ваэца. Мы расскажем вамъ ея исторію,

потому-что у нея есть уже исторія, хотя представлена она въ первый разъ 23 ноября.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Генрихъ Монье былъ живописцемъ, но убѣдившись, что живопись плохо кормитъ, рѣшился поступить на сцену и перенести на нее, вмѣстѣ съ собой; типы и карикатуры, которые карандашъ его рисовалъ въ минуты бездѣлья и безденежья, не для публики, а для друзей. Всѣ, знавшіе Генриха Монье поближе, были заранѣе увѣрены въ его успѣхѣ — и не ошиблись. Онъ составилъ канву для пьесы «Импровизованная фамилія», двое литераторовъ ее обработали, и Парижъ чуть было не умеръ отъ смѣху. Генрихъ Монье самъ игралъ въ пьесѣ, и являлся, попеременно, — то скептическимъ старикомъ-волокитой, настоящимъ сколкомъ съ типовъ временъ регентства, — то г. Прюдомомъ, смѣшнымъ и напыщеннымъ человѣкомъ, съ самодовольствомъ рассказывающимъ, что онъ «Жозефъ Прюдомъ, профессоръ чистописанія, ученикъ Брава и Сентъ-Омера, экспертъ, признанный присутственными мѣстами», — то старой экономкой, то, наконецъ, торговцемъ волами — лицомъ, заимствованнымъ у Карла Вернѣ. Успѣхъ этой пьесы былъ великъ, но болѣе всего понравилось въ ней лицо г. Прюдома, типъ чисто-французскій, взятый прямо изъ французской жизни и потому сдѣлавшійся скоро народнымъ. Это подало поводъ къ составленію новой пьесы: «Г. Прюдомъ путешествуетъ!» имѣвшей еще болѣе успѣхъ, который не можетъ, однакоже, сравниться съ успѣхомъ послѣдняго превращенія г. Прюдома въ пятиактную комедію.

Къ-сожалѣнію, г. Прюдомъ, какъ мы уже сказали выше, типъ чисто-французскій, типъ исключительный, недоступный пониманію тѣхъ, кто не близко знакомъ съ жизнію, изъ которой онъ выхваченъ, и потому мы не будемъ рассказывать вамъ исторію о его величій и паденіи. Притомъ же надо видѣть въ роли Прюдома самого Генриха Монье, безъ котораго пьеса потеряетъ пятьдесятъ процентовъ.

Другое дѣло — комедія г. Леона Батю: «Четыре-угла»; ее рассказать легко, а понять еще легче. Извольте прислушаться.

Господинъ Добрѣ, опекунъ молоденькой Октавіи, уѣхалъ въ Америку, поклявшись Гортензій ***, прекрасной, но чрезвычайно кокетливой вдовушкѣ, что будетъ любить ее вѣчно. Этотъ отъѣздъ привелъ въ отчаяніе Октавію, которая тайно любила своего опекуна; но такъ-какъ со времени отъѣзда Добрѣ прошло уже три года, то Октавія начинаетъ утѣшаться, потому-что время залечиваетъ, какъ извѣстно, самыя тяжкія сердечныя раны, особенно въ молодыхъ лѣтахъ. Много содѣйствовало утѣшенію Октавіи общество веселой Гортензій, а еще болѣе частыя посѣщенія одного очень красиваго юноши, котораго зовутъ

Дориагомъ. Надо вамъ сказать, однако же, что Гортензія принимаетъ эти посѣщенія на свой счетъ, хотя Доріонъ рѣшился уже просить руки Октавіи.

Между-тѣмъ возвращается Добрѣ. Трехлѣтнее пребываніе въ Америкѣ значительно охладило его любовь, но видъ Гортензіи напоминаетъ ему данную имъ передъ отъѣздомъ клятву. Дѣлать нечего! — онъ готовъ сдержатъ обѣщанное. Впрочемъ Гортензія не напоминаетъ ему о этой клятвѣ; она даже очень недовольна его возвращеніемъ, потому-что рассчитывала на Доріона. Октавія, напротивъ того, такъ рада возвращенію своего опекуна, что отказывается Доріону. Вы уже, вѣроятно, угадали развязку: Октавія выходитъ за Добре, а Доріонъ женится на Гортензіи. — «Одеонъ» могъ бы и не ставить этой одноактной комедіи, особенно въ настоящее время, когда у него нѣтъ недостатка въ хорошихъ пьесахъ.

Говорятъ, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а между-тѣмъ у насъ есть неоспоримыя доказательства противнаго, а именно, комедія-водевиль гг. Фурнье и Лорансена «Мужъ, которому нечего дѣлать», данная на театрѣ «Драматической Гимназіи». Г. Деклюзодъ, вѣря въ вышеприведенный нами парадоксъ, хочетъ основать на немъ свое супружеское счастье, то-есть, ничего не дѣлать и быть, въ слѣдствіе этого, счастливымъ. Женившись на мадемузэль Адели, онъ подалъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно домашней жизни, и постоянно сидитъ дома. Но это приводитъ его къ послѣдствіямъ, совершенно неожиданнымъ: онъ ужасно надоѣдаетъ своей женѣ.

Молодая вдова, Валентина, подруга его жены, объясняетъ ему опасность его положенія. Тогда онъ объявляетъ женѣ, что назначенъ смотрителемъ желѣзной дороги, хотя это и неправда. Дѣло кончается тѣмъ, что Валентина, чтобъ спасти пріятельницу, дѣйствительно выходитъ замужъ, а Деклюзодъ не въ шутку получаетъ мѣсто смотрителя желѣзной дороги, и даетъ себѣ слово не выходить въ отставку..

Кромѣ этой маленькой пьески, давали еще на театрѣ «Драматической Гимназіи», трехъ-актную комедію-водевиль гг. Баяра и Бьевиля «Матушкинъ сынокъ», имѣвшую большой успѣхъ.

На театрѣ «Разнообразія» производитъ фигуго пятиактный водевиль гг. Антони Бери и Клервиля «Таконнѣ», въ которомъ удивительно хорошъ Фредерикъ Леметръ. Таконнѣ былъ очень любимый, или, какъ говорятъ у насъ, очень популярный актеръ, и пьеса гг. Бери и Клервиля есть ничто иное, какъ драматизированная его біографія.

Въ первомъ дѣйствіи мы видимъ Таконнѣ въ его мастерской; онъ столяръ и собирается жениться на молодой торговкѣ, Жаннѣ Пико.

До свадьбы уже недалеко, но этой свадьбѣ не бывать. Одинъ неблаговоспитанный банкиръ, баронъ Камюзе, оскорбилъ Жанну; Таконнѣ чтобъ отомстить за свою невѣсту, идетъ въ театръ, съ твердымъ намѣреніемъ освиетать актрису Люиззи, къ которой Камюзе неравнодушенъ. Но увидавъ актрису, Таконнѣ самъ въ нее влюбляется. Чтобъ сблизиться съ нею, онъ бросаетъ свое ремесло и дѣлается машинистомъ. Люиззи узнаетъ о любви Таконнѣ и не оскорбляется ею, потому-что неограниченная любовь мужчины всегда льститъ самолюбію женщины. Но бѣдный Таконнѣ попадаетъ въ страшный просакъ: заглядѣвшись на предметъ своей страсти, онъ остается на сценѣ послѣ поднятія занавѣса, въ-слѣдствіе чего его лишаютъ мѣста машиниста. Настойчивый Таконнѣ дѣлается тогда актеромъ.

Третье дѣйствіе происходитъ въ домѣ Люиззи. Всѣ говорятъ объ успѣхахъ Таконнѣ, на театрѣ Николѣ. Этотъ театръ, былъ тогда въ большой модѣ, и самое лучшее общество не стыдилось посѣщать его. Однажды Таконнѣ, играя одну изъ своихъ лучшихъ ролей, замѣтилъ въ ложѣ Камюзе, и такъ осмѣялъ его, что Камюзе выпросилъ позволеніе посадить его въ тюрьму. Таконнѣ бѣжалъ и случайно, а можетъ-быть и нарочно, попалъ къ Люиззи. Нарядившись въ блестящій костюмъ, онъ учитъ драматическому искусству актеровъ королевскаго театра, которыхъ встрѣчаетъ въ гостиной предмета своей страсти, но является полиція и уводитъ его въ тюрьму.

Въ четвертомъ актѣ Таконнѣ находится въ самомъ затруднительномъ положеніи; онъ получилъ свободу, но узналъ, что бывшая невѣста его продолжаетъ любить его и принесла, для его освобожденія, множество жертвованій. Таконнѣ колеблется между нею и Люиззи. О! еслибъ она была актриса, говоритъ онъ: тогда бы я не задумался. Жанна узнаетъ о желаніи Таконнѣ, дебютируетъ, дѣлается съ перваго раза любимицей публики и, въ то же время, такою женою, о какой мечталъ Таконнѣ.

Намъ остается разказать объ одной пьесѣ, имѣвшей невѣроятный успѣхъ, объ «Альпійской пастушкѣ», драмѣ въ пяти дѣйствіяхъ, гг. Шарля Денюе и Денери, игранный на театрѣ «Веселости».

Въ одной изъ безчисленныхъ долинъ въ швейцарскихъ Альпахъ, пріютилась небольшая деревушка, по имени Сень-Дидье. Замѣчательна ли она въ историческомъ, промышленномъ или какомъ-нибудь другомъ отношеніи, право не знаемъ, но въ ней есть трактиръ для путешественниковъ, и случилось въ ней, скоро послѣ паденія Наполеона, то-есть въ первые годы возстановленнаго правительства Бурбоновъ, очень трогательное происшествіе.

Въ одно прекрасное утро прибыли въ Сентъ-Дидье пять путешественниковъ : герцогиня Шатогонтье, ея внучка Леонія, внукъ Фернандъ, компаньонка Гортензія и капитанъ Дюкло, бывший адъютантъ Фернандова отца, убитаго при Ватерлоо. Все это общество было очень весело, за исключеніемъ капитана Дюкло. Капитанъ любитъ Леонію, а Леонія любитъ своего двоюроднаго брата Фернандо, за котораго герцогиня хочетъ выдать ее за-мужъ : вотъ отъ чего грустенъ капитанъ Дюкло. Но пока путешественники отдыхаютъ въ трактирѣ, мы познакомимъ васъ съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ нашего разсказа, съ альпійской пастушкой.

Ее зовутъ Повреттой, и это имя нельзя какъ болѣе идетъ ей. У Повретты нѣтъ ни семьи, ни даже собственной хижины; мать ея умерла въ бѣдности, не оставивъ своей дочери ничего, а отецъ, служившій въ войскахъ Наполеона, ушелъ въ походъ на Россію, и съ-тѣх-поръ не подавалъ о себѣ вѣсти. Повретта зарабатываетъ себѣ пропитаніе тяжкими трудами; она пасетъ стада на горахъ. Лѣтомъ ей хорошо среди швейцарской природы, которую она любитъ всею душой, но зимой жизнь ея ужасна. Ежегодно, передъ наступленіемъ ненастнаго времени, она прощается со своей деревней, и цѣлыя три мѣсяца живетъ вдали отъ людей, потому-что снѣжныя лавины, ниспадаая съ горъ, засыпаютъ ея хижину и овчарню, такъ что она въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ не видитъ никого, кромѣ овецъ и вѣрной собаки своей Мирбó.

Скоро должно наступить ненастное время; Повретта спустилась съ горы въ деревню, попросить, чтобъ ей поскорѣ доставили зимній запасъ, потому-что внезапная перемена погоды предвѣщала скорое паденіе снѣжныхъ лавинъ. Она повстрѣчала молодую дѣвушку на одной изъ самыхъ узкихъ нагорныхъ тропинокъ, у самой пропасти. Дѣвушка, непривыкшая къ альпійскимъ путямъ и слишкомъ понадѣявшаяся на свои силы, оступилась, и навѣрное погибла бы, еслибъ Повретта не подошла во-время, и не спасла бы ее отъ вѣрной смерти. Эта дѣвушка, внучка герцогини Шатогонтье, Леонія. Она не знаетъ какъ благодарить Повретту, а Повретта никакъ не можетъ понять, за что ее благодарить, и отказывается отъ денегъ. Ея поступокъ кажется ей очень простымъ и естественнымъ, а денегъ ей не нужно.

— Такъ возьми же вотъ эту бумажку, говоритъ Леонія, на ней написанъ мой адресъ, и если тебѣ будетъ когда-нибудь нужна моя помощь, то приходи ко мнѣ; возьми еще вотъ это кольцо, благословенное Царемъ, и носи его на память обо мнѣ, сестра моя.

Повретта увѣрена, что умереть среди своихъ родныхъ горъ, которыя любитъ и ни за что не рѣшится покинуть, но беретъ и бумажку и

кольцо, потому—что полюбила уже Леонію, отъ которой въ первый разъ слышала сладкое имя сестры. Повретта возвращается въ свою подыблачную хижину, гдѣ проживеть три мѣсяца съ своими овцами и собакою Мирó, но она не такъ весела и безпечна, какъ прежде, ей грустно прощаться съ людьми, потому—что между ними остается Леонія, сестра ея. Скоро вся толпа, провожавшая Повретту, скрывается изъ глазъ, и только изрѣдко долетаютъ далекіе и отрывистые звуки пѣсень проводниковъ.

Едва успѣла Повретта удалиться, какъ пришелъ къ трактиру старый солдатъ; изношенная одежда его покрыта пылью, лицо блѣдно и худо. Видно, что онъ прошелъ далекій путь и перенесъ много трудовъ и лишеній. Онъ проситъ у трактирщика кусокъ хлѣба и стаканъ воды.

— Мнѣ не стыдно просить здѣсь, говоритъ онъ, потому—что здѣсь моя родина. Двадцать лѣтъ тому назадъ, ушелъ я за знаменами Наполеона, былъ въ Россіи, попался въ плѣнъ, но получилъ, наконецъ, свободу и пѣшкомъ прошелъ Россію и Германію, чтобъ увидѣть родню и мою добрую Катерину.

— Но кто же ты? спрашиваетъ его удивленный трактирщикъ.

— Я Морисъ, мужъ Катерины Морисъ, которую прижму сейчасъ къ моему сердцу. Вонъ ея хижина. Я отдохнулъ; спасибо вамъ; пойду къ моей старухѣ, которую оставилъ молоденькой? Узнаетъ-ли она меня?

Бѣднякъ не зналъ, что его жена давно уже успокоилась на сельскомъ погостѣ, не дождавшись мужа.

Тяжело стало старику, но ему оставалось еще утѣшеніе; жена родила ему дочь, нѣсколько дней послѣ его ухода въ походъ, и дочь эта — Повретта. Несмотря на усталость, старикъ снова беретъ свой посохъ, упрощиваетъ Фернанда, отправляющагося посмотрѣть на обрядъ благословенія на зиму стада, взять его съ собою, и идетъ къ своей дочери. Дорогой застаютъ ихъ буря, они сбиваются съ пути и расходятся. Фернандъ первый приходитъ къ хижинѣ, но не застаютъ уже ни церемоніи, ни поселянъ, его встрѣчаетъ одна только Повретта. Она принимаетъ его въ своей хижинѣ и предлагаетъ проводить, но его въ ту самую минуту, когда они собираются пуститься въ путь, раздается страшный гулъ, и огромная лавина, сорвавшаяся съ ближней вершины, покрываетъ хижину, и на всю зиму запираетъ въ ней Фернанда и Повретту. Морисъ также приходитъ наконецъ къ хижинѣ, но можетъ только издали благословить дѣтя свое.

Три мѣсяца, проведенные въ совершенномъ отдаленіи отъ всякаго общества, сближаютъ, разумѣется, молодыхъ людей: Фернандъ полюбилъ Повретту, которая также полюбила Фернанда. Но когда наступаетъ

всего, и пѣвники выходятъ изъ—подъ снѣжнаго своего дома, никто не встрѣчаетъ Повретту съ ласкою и привѣтомъ, какъ бывало прежде; три мѣсяца, проведенные съ Фернандомъ, погубили ее въ мнѣніи ея односельца. Принужденная удалиться изъ Сень-Дидье, Повретта идетъ просить помощи у Леоніи.

Между-тѣмъ Леонія чуть не умерла отъ тоски по Фернандѣ, котораго она считала погибшимъ; только Дюкло, по-прежнему влюбленный и безкорыстный, поддерживаетъ въ ней жизнь надеждою, что Фернандъ возвратится.

Старикъ Морисъ также переселился въ Гренобль и живетъ въ домѣ герцогини Шатогонтье, въ ожиданіи писемъ изъ Сень-Дидье. Онъ и дѣйствительно получаетъ письмо, но вмѣсто радостнаго извѣстія о его дочери, оно приноситъ ему вѣсть о мнимомъ позорѣ ея.

Скоро является и Фернандъ. Его пріѣздъ воскрешаетъ Леонію, но самъ онъ, какъ замѣчаетъ Дюкло, не очень радъ свиданію съ своей невестой; онъ чѣмъ-то озабоченъ и задумчивъ. Дюкло спрашиваетъ его о причинѣ задумчивости и узнаетъ, что онъ любитъ Повретту и желалъ бы жениться на ней? Дюкло увозитъ его на время въ Парижъ, зная, что его признаніе можетъ убить Леонію.

Между-тѣмъ Повретта, продавъ понапрасну Фернанда, рѣшается идти просить помощи у Леоніи; Леонія принимаетъ ее какъ сестру, одѣваетъ ее въ свои платья, поселяетъ въ своемъ домѣ. Она какъ ребенокъ рада приходу пастушки, старается развеселить и занять ее, показываетъ ей свою свадебную корзинку. Повретта забываетъ на время свое горе; но разбирая свадебную корзинку, находитъ въ ней портретъ Фернанда. Это портретъ моего жениха! — говоритъ ей Леонія.

Повретта рѣшается бѣжать изъ дому своей соперницы; но старикъ Морисъ ее останавливаетъ. Онъ только-что получилъ письмо изъ Сень-Дидье и проситъ ее прочесть его. Трепещущая Повретта читаетъ свое осужденіе и не смѣетъ признаться Морису, что она дочь его.

Въ четвертомъ дѣйствіи, Фернандъ, повинувшись чувству долга, хочетъ переговорить съ своей невестой наединѣ. Возвратившись домой поздно вечеромъ, онъ входитъ въ комнату Леоніи, застаётъ ее безъ огня, молящуюся, и признается ей въ любви своей къ Повреттѣ. Но можете представить себѣ его удивленіе, когда онъ узнаетъ Повретту въ той, которую принималъ за Леонію. Повретта счастлива, что Фернандъ не пересталъ любить ее, такъ счастлива, что готова на все, даже на самопожертвованіе, но не знаетъ на что рѣшиться.

Является Морисъ. Она падаетъ къ его ногамъ и спрашиваетъ, что ей дѣлать? Исполняйте долгъ, отвѣчаетъ онъ ей! Вы не можете быть же-

ною графа Шатогонтье. а потому должны оставить этотъ домъ. — Бѣдная дѣвушка склоняетъ голову и уходитъ. Фернандъ хочетъ за ней послѣдовать, но ему попадаются на встрѣчу герцогиня и Леонія, которыя его останавливаютъ.

Герцогиня ничего не замѣчаетъ. Она воображаетъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, и хочетъ даже побранить своихъ внуковъ, что они скрываютъ отъ нея любовь свою. Она видитъ доказательство ихъ скрытной любви въ кольцо, которое на пальцѣ у Фернанда, и которое принадлежитъ Леоніи.

Это кольцо, данное Повреттѣ Леоніей, объясняетъ послѣдней все; Морисъ также догадывается, что Повретта дочь его.

Въ пятомъ дѣйствіи, Повретта уходитъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, изъ дому. Дюкло положилъ въ ранецъ солдата тысячу франковъ.

Несмотря на удаленіе Повретты, Фернандъ рѣшился не жениться на своей кузинѣ. Тогда герцогиня прибѣгаетъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Она говоритъ своему внуку, что выѣдетъ изъ замка, ему принадлежащаго, и будетъ жить трудами Леоніи, потому что не хочетъ быть обязаной неблагодарному. Разстроганный Фернандъ соглашается на все. Леонія пишетъ письмо на имя короля, извѣщая его о своемъ бракѣ, а Дюкло немедленно отправляетъ его, къ величайшей радости герцогини.

Въ это время снова являются Морисъ и Повретта; они пришли возвратить деньги, которымъ имъ хотѣли заплатить за ихъ несчастіе. Дюкло въ отчаяніи. Но тутъ сцена перемѣняется. Леонія соединяетъ Фернанда съ Повреттой и объявляетъ своей бабушкѣ, что въ письмѣ къ королю она написала не Фернандово имя, а имя Дюкло, который тронулъ ее своею безкорыстною любовью и постоянствомъ...

Повторяемъ, эта драма имѣла огромный успѣхъ.

Слѣдовало бы рассказать вамъ о драмѣ «Кучеръ Жанъ», знаменитаго Бушарди, но въ ней больше ужасовъ, нежели здраваго смысла, и потому мы о ней умалчиваемъ, равно какъ и нѣсколькихъ мелкихъ пьесакъ, данныхъ въ послѣднее время на бульварныхъ театрахъ и не заслуживающихъ большаго вниманія.

АН. БОЛАНТЕРА.

СМѢСЬ.

СТРАНСТВОВАНІЯ ПО СУШѢ И МОРЕМЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БЫВАЛАГО ЧЕЛОВѢКА,

СОБРАННЫЕ В. САВИНОВЫМЪ.

МИХАЙ ЛОГИНОВИЧЪ.

Воспоминаніе мнѣваго. — Какъ Михай Логиновичъ извѣщалъ моего батюшку о моемъ разлѣкѣ — Потомъ, какъ онъ меня нѣжилъ. — Пора учиться! — Мы ѣдемъ за французскіе и итальянскіе. — Сняюшкины. — М-ше Нестлейнъ и м-гъ Бажатель. — Батюшка и тѣмъ. — Кондиря. — Макарь Макарычъ Остроумовъ. — М-гъ Бажатель схотѣлся. — Пропали: немъ, деньги и французъ. — Военные планы Сняюшкина. — Укрѣпленіе. — Амалия Карлова въ волчьей амѣ. — М-гъ Бажатель. — Михай Логиновичъ дѣлаетъ подвигъ. — Два слова о банкотѣ прошедшемъ.

40810

Путники, которымъ достанется проскакать на почтовыхъ, въ пѣшкомъ, или съ удобствами и комфортомъ проѣхать воишь тотчасъ старинный и средній Крымъ — до Бахчисарая, до, встревоженный и итьемъ при однихъ и тѣхъ же впечатленіяхъ. Но, поно вырываетъ меня безмятежной, выжженной солнцемъ пустыни къ ясному плахо выбритаго къ прекрасной декораціи южнаго берега

къ створой Аксиналь,

сти — поразительны! Тамъ... голая безмолвная степь... безъ мазанки, безъ признака жилья, безъ пріюта; здѣсь татарскія селенія, виноградники, встрѣча проѣзжихъ и путешественниковъ — общаются много разнообразія... Въ-самомъ-дѣлѣ, когда я оставилъ Бакчисарай и взглянулъ направо и налево — мысль моя сдѣлалась какъ-то свободнѣе, сердце, такъ много испытывшее въ минувшіе два дни, готово было отдохнуть... Но исторія этихъ минувшихъ двухъ дней, воскрѣшая во всей полнотѣ своей въ моей памяти — заставила забыть и роскошную природу южнаго берега и его чистое, октябрьское небо. Я потрузилась въ воспоминанія, которыя, теперь, остановясь въ сѣверной свободкѣ — Севастополя, записываю съ логическою точностію. Не часто намъ случается — такъ ясно и подробно заглядывать въ свое младенчество и въ свою юность, съ которыми миновалось столько безпечности, столько счастья — невозмущеннаго ни невзгодами возраста, ни встрѣчами — гдѣ много болѣть душа и сердце, вынося бездну испытаній и грусти. Я былъ несказанно радъ этимъ прекраснымъ минутамъ, перечувствовавъ въ нихъ — все, что миритъ насъ съ жизнію въ серьезный разсвѣтъ ея, и, что такъ лѣгчаетъ нашу старость. Брошенный въ прошедшее — я встрѣтилъ его, какъ ласку матери, — какъ первую любовь и радъ былъ ему, потому что въ эти минуты возвратился къ моей семьѣ, къ первымъ днямъ жизни, къ моему младенчеству и юности.

Подробно разсказать всего нѣтъ возможности; запишу, что помню*.

Я родился въ деревнѣ. Батюшка въ это время ремонтировалъ лошадей для полка, въ которомъ служилъ — и когда возвратился домой, несказанно былъ обрадованъ тѣмъ, что наконецъ у него есть давножданное потомство. Первый поздравившій его съ рожденіемъ сына, былъ, впоследствии мой добрый дядька, Михѣй Логиновичъ, старый и вѣрный слуга отца. Еще далеко звонкая брччка отца моего недотрала до себя, какъ усердный Михѣй Логиновичъ — остановилъ саврасенныхъ и пренизко поклонился своему барину.

— Что случилось Логиновичъ? спросилъ отецъ, замѣчая усталое и встревоженное лицо своего слуги.

— Очень хорошо, батюшка Василій Петровичъ, едва переводя языкъ поспѣваій...

— Такое — говори!

— Благонеплучно... Съ прибылью, ваше высокоблагочестивѣе...

- Съ какою прибылью?
- Не пугайтесь... все благополучно! Такъ-таки и кончилось все благополучно... разрѣшились... поздравляю ваше высокоблагородіе...
- Но... кто же и чѣмъ!
- Съ сердечнымъ умиленіемъ, скажу батюшка баринъ, что матушка барыня, изволили произвѣсти — мальчика-съ... отлично хорошаго сложенія... здоровенькаго, словомъ — подарили васъ сыномъ...
- Какъ! Давно ли, Логиничъ!
- Позапрошлый день, выхолить, около — полуночи.
- Ну... и что же — все благополучно!
- Безъ всякихъ выхолить неприятностей... Все благополучно...
- И жена здорова?
- Сегодня собственноручно мнѣ деньги на расходъ выдавали и сами двѣ банки варенья отправили къ сосѣдкѣ Марьѣ Петровнѣ Синюшкной.
- Спасибо Логиничъ, спасибо! сказалъ батюшка... Ну, садись со мною... Поторопимся.

Не переставая разсказывать о красотѣ, полнотѣ и прекрасномъ сложеніи новорожденнаго, Михай Логиничъ, взабрался на козлы брички и, нетерпѣливый отъ природы, самъ завладѣвъ возжами — погналъ саврасенькихъ до барскаго дома.

Я уже сказалъ, что батюшка былъ весьма радъ моему появленію на свѣтъ и потому, въ день его пріѣзда домой, я рѣшительно былъ разлученъ съ мамкой. Отецъ не спускалъ меня съ рукъ и, уже совершенно измученный своимъ восторгомъ, крикомъ новорожденнаго и дальнѣйшій переѣздомъ, только къ полночи передалъ меня на руки моей няньки.

Служба не позволяла батюшкѣ часто посѣщать свой домъ и я, можно сказать, росъ подъ надзоромъ и на рукахъ моего почтеннаго Мхива Логинича, ласка и попеченія котораго превосходили часто ласку матери и старухи Аксиньи, Всегда мирный и ничѣмъ невозмутимый Михай Логиничъ въ это время — велъ безпрестанную вражду съ моею старою нянькою.

Бывало стоило мнѣ только вскрикнуть, чтобы на мой вопль тотчасъ же явился Михай Логиничъ. Какъ теперь помню, встревоженный и старательный вбѣгалъ онъ въ дѣтскую и почти насильно вырывалъ меня изъ рукъ няньки, приглубивая своего любимца у плохо выбритаго подбородка.

— Что! — въ сердцахъ говаривалъ онъ, обращаясь къ старой Аксиньѣ,

ужь и одного-то тебѣ унянчить не въ могу... А-ахъ ты лапотъ истоптанная!..

— Да, вотъ... поди ты снаровлявъ, некатать! Попытай... унячай его... Капризный, словно съ норовомъ...

— Съ норовомъ! Только и умѣшь: шить, шить!.. А нѣтъ, чтобы приголубить ребенка, да, хоть бы сороку-ворону сказать... Кричать! а почему знаемъ, что здоровъ онъ, или нѣтъ... можетъ-быть, и зубочки прорѣзываются...

— Экъ — опомнись! Не въ десять же рядовъ у него растутъ зубы.. Ужъ ребенку шестой годъ скоро минеть.

— Молчи... шестой! Нѣтъ въ тебѣ, выходить, никакого хорошаго пожеланія... Не мамка ты — коровница, — прости Господи!

При этомъ Михѣй Логиновичъ значительно потряхивалъ головою, бралъ колоду масляныхъ картъ и садился со мною у стола, принимаясь строить домики. Несмотря на то, что подобныя развлечения повторялись нѣсколько разъ на дню, я былъ совершенно доволенъ присутствіемъ моего дядьки и особенно его прибаутками.

— А вотъ и выстроили, батюшка баринъ — Николай Васильевичъ, говаривалъ онъ; вишь ты какіе хоромы!.. Высокіе—рукой не достать, со свѣтелкой, да съ пристройками, — а вотъ это и скотный дворъ—поодаль, — продолжалъ Михѣй Логиновичъ, пристроивая еще двѣ карты... Туда Аксинью — пошлемъ! добавлялъ онъ, искоса поглядывая на мою старуху...

— Анъ самъ туда пойдешь! сердито отзывалась мамка.

— Анъ — и непойду... А, вотъ, какъ мы выростимъ съ батюшкой Николаемъ Васильевичемъ, такъ и скажемъ: зачѣмъ ты насъ не берегла старая... Ступай-ко, ступай...

— Спасибо!.. Это за то, что я безсонныя ночиньки у его выбки просиживала!

— Дремавши... знаемъ... Вотъ и скажемъ: нехорошая мамка, не берегла насъ... Ступай ты на скотный...

— Учи, учи — барчука — быть злыденемъ; бери грѣхъ на душу!

— Какой грѣхъ. За что грѣхъ?.. Злому-братъ—злое; доброму-доброе... Вотъ что! Береги насъ, сами сбережемъ тебя... А ты что? Лежебокъ — только! Да! А это-выходить, корнилецъ нашъ рстетъ... Приголубь насъ теперь — приголубимъ тебя послѣ...

— Ну, ужъ Логинычъ!.. Богъ тебѣ судья...

— Что Богъ судья... Неправду — говорю, что-ли?

— Вѣстимо неправду!

— Ой ли? А для чего же мы у тебя угомону незнаемъ?

Ну-ко скажи?

— Да ужъ такой есть!

— Такой! Вотъ еще на насъ и небыллцу заводись...

— А что же онъ у меня не плачетъ... На все споровка, да умънье, голова... Вотъ, погляди, мы и разсмѣемся... Дунь, батюшка баринъ,— дунь... Свали карточки!..

Въ этомъ случаѣ Михай Логиничъ совершенно торжествовалъ, исполнѣ достигая своей цѣли, потому-что разрушить его карточные хоромы было для меня великимъ наслажденіемъ.

— А! видишь? самодовольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сурово спрашивалъ онъ, — мы теперь смѣемся... а!

Затѣмъ добрый дядька начиналъ рассказывать свою остроумную сказку:

— Вотъ, батюшка баринъ, скажу тебѣ сказочку хорошую... Прислушай: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ, выходитъ, государствѣ; за тридцать земель—на горѣ стояла ель, а на ели той торчала—молчала.... Ну, вначаль ли батюшка—Николай Васильевичъ, сказку съначала?

— Скажи Логиничъ, скажи! отвѣчалъ я.

И неутомимый Логиничъ до сотни разъ повторялъ все одно и тоже, убаюкивая меня наконецъ—своими прибаутками.

Такъ я росъ въ родной усадьбѣ, лагая карточные хоромы, лакомясь вареньемъ, а подчасъ и дергая хвосты цѣтухамъ! Минуло мнѣ семь лѣтъ, когда въ третій только разъ, во время моего малолѣтства, батюшка, получивъ отпускъ, пріѣхалъ погостить въ своемъ семействѣ. Последняя его разлука съ нами была очень продолжительна и потому добрый отецъ не скрывалъ своей душевной радости, встрѣтивъ во мнѣ бойкаго и уже взрослого малютку.

— Ну, Николаша, сказалъ онъ — съ нѣжностью потрепавъ меня по щебѣ, когда мы уѣхали около самовара... Какъ учишься? А... Что-жъ молчишь? Тебя спрашиваю: хорошо-ли ты учишься?

Подобнаго вопроса мнѣ еще до-сихъ-поръ никто не предлагалъ, да и никто, даже самъ Михай Логиничъ,—остававшійся въ эту минуту у дверей столовой, никогда не намекалъ мнѣ ни на азбуку, ни на нумерацию.

— Да еще, батюшка баринъ, Николай Васильичъ—не изволили начитаться-съ.... робко отозвался мой дядька.

— Какъ! спросилъ отецъ, сурово взглянувъ на матушку, — такой большой мальчишка и не учится, еще и за указку не брася.... Да,

благодѣтели мои—что-же вы мнѣ, пастуха вырастить хотите, недоросля!... Нѣтъ, ужъ извините, этому не бывать....

— Эхъ, Василій Петровичъ, съ упрямомъ перебила матушка,—ну, статочное-ли дѣло семилѣтняго ребенка наукой мучить — за грамату сажать....

— Э! матушка, Пелагея Николаевна.... Такъ вотъ вы какъ-съ... По вашему — этому молодцу понадобится букварь вмѣстѣ съ бритвами.... Хорошо-съ!... Не хочу, чтобы онъ тутъ обованнися... Сваряжай его, жена!...

— Сваряжать! Господи помилуй! Куда это?

— Въ полкъ, со мною.—На моихъ глазахъ—онъ и самъ будетъ—видѣть въ оба, а тутъ изъ него, душа мнѣ говорить, слѣпца сдѣлаютъ! Такъ-то! Не сдѣлаю ученымъ, да дальше носа будетъ что-нибудь видѣть! говорилъ батюшка. У насъ въ полку есть писарь Винокуриковъ—онъ его мнѣ выстрогаетъ.... Пройдетъ съ нимъ отъ аза до ижицы, на счетахъ кости бить научить, а исторію—артельный дядька послѣ раскрадетъ,—города самъ узнаетъ, какъ пошагаетъ изъ губерніи—въ другую.... Десять заповѣдей самъ растолкую, а потомъ «присягу» — А для солдата этаго за глаза—довольно....

Такая рѣчь, высказанная батюшкою тономъ рѣшительнымъ—и противу обыкновенія, — спокойнымъ — заставила прослезиться и матушку и Михея Логиновича.

— Последняго дѣтшица, последнее утѣшеніе — хочешь отнять у меня—Василій Петровичъ, сказала первая ... Вотъ и Костю, моего голубчика, также взялъ, да увезъ.... выучилъ, подъ ружье отдалъ, потомъ подъ черкеса послалъ.... только и видѣли....

— Царство ему небесное, набожно перекрестясь, сказалъ отецъ—удостоилъ Господь! — Костя умеръ честною смертію, какъ дай Богъ умереть мнѣ и Николашѣ.... А ты чего старый дуракъ хнычешь? продолжалъ онъ, обращаясь къ Михею Логиновичу.

— Съ вашего позволенія, батюшка баринъ, ужъ Николая то-бы Васильевича, по гражданской пустили....

— Въ цифирки — небойсь!

— Ужъ выучили-бы, отецъ и благодѣтель,—воспитали-бы сколько животовъ нашихъ хватило.... Нужный человекъ, матушкинъ кормилецъ.... Сами, ваше высокоблагородіе, захирѣли отъ ранъ; хворую долю, что ни на есть кажныи день прихватываете, дому не видите.... Ну, что будетъ наша барыня безъ опоры, — какъ грѣхъ случится.... Такъ сказать: безъ мужнины въ домъ?... Хоть ихъ пожалѣли-бы.... Подумайте, батюшка баринъ!

— Да, не бойсь — на васъ понадѣяться! нѣсколько ситѣчась, отозвался отецъ.

— Ужь повѣрьте совѣсти, батюшка баринъ!

— Да я все отдамъ, все что имѣю, подхватила моя добрая мать; вѣдь подумай: онъ у насъ одинъ.... Выучу его всему, всему! На разные деаленты.... и француза найму и нѣмку.... Семинариста для латины и русскаго краснословія возьму.... Въ университетъ пошлю!... Сжалсь ты надъ дѣтищемъ, Василій Петровичъ.

— Гм! Да, вѣдь это все такъ предполагается только? — отозвался батюшка, въ раздумьи пробарабанивъ по столу.

— Нѣтъ.... будетъ такъ! Завтра-же отправлюсь за совѣтомъ къ Марьѣ Петровнѣ Синюшкиной: она своихъ дѣтей воспитывала, и меня научить, какъ это дѣло устроить.... Завтра-же будетъ у меня и французъ и нѣмка....

— Ну, ладно, ладно.... Увидимъ! Еще надо будетъ поразсмотрѣть, что это за народъ — въ передѣлку которымъ ты прочишь нашего Николашу, сказалъ батюшка.... Знаемъ мы этихъ французовъ!... Хорошо.... Извольже, Пелагея Николавна,—завтра отправляться къ Синюшкиной.... Смотри, чтобы дѣло устроилось до моего отъѣзда.... а нѣтъ — такъ не взыщи — только и видѣла своего ненагляднаго.... въ казарму!

Такая скорая уступка и перемена въ мысляхъ со стороны батюшки ясно доказывали, что добрый отецъ желалъ только пострадать чадолубивую матушку и скорѣя усадить меня за указку. Во всякомъ случаѣ, усердный Михай Логвиновичъ, на этотъ разъ, отвѣсилъ чрезвычайно низкій поклонъ моему отцу, а матушка, предложивъ ему выкушать передъ чаемъ араматической наливки, съ любовью и слезами поцѣловала меня въ голову.

На другой день рано утромъ я былъ разбуженъ громкимъ говоромъ, раздававшимся подъ окнами надворнаго флигеля.

— Что тамъ случилось, Михай? спросилъ я моего усерднаго ментора, никогда меня неопекавшаго.

— Это дворовые шумать, батюшка, отвѣчалъ онъ... барыню въ дорогу снаряжаютъ...

— А развѣ маменька ѣдетъ?

— Вместе съ вами и со мною — къ Синюшкинымъ... вотъ только чаеванье кончимъ, да и отправимся; такъ ужъ непременно угодно Василью Петровичу: вѣхъ боярская воля: стало-быть такъ надо.

Дѣйствительно, вооруженный неизмѣнною трубкою, батюшка уже стоялъ на крыльцѣ, наблюдая за хлопотами лакѣевъ и горничныхъ.

Громадный дормезъ, рыжій отъ времени, мѣстами зеленый отъ плесни,

былъ вытасканы изъ сарая, пара малорослыхъ лошадокъ, впряженныхъ въ его оглобли, понуривъ косматую шею, флегматически помахивали хвостами — отгоняя докучныхъ слѣпней. Въ тоже время ящикъ дормеза наполнялся узлами съ пирогами и жареной курицей, тутъ же, на всякій случай припрятали двѣ бутылки съ квасомъ, баночку съ огурцами и другую съ вареньемъ. Въ полдень, напутствуемые приказаніемъ батюшки незасаживаться въ гостяхъ — мы тронулись и дормезъ нашъ, перепикачиваясь съ божу на бокъ, медленно потянулся песчанымъ проселкомъ. Михѣй Логиновичъ, воссѣдая на вершинѣ громадныхъ козель, и при этой okazji не переставалъ заботиться о моей особѣ. Онъ, то предлагалъ матушкѣ — откинуть кожаный, разукрашенный ремнями и стеклами навѣсъ дормеза, думая защитить меня тѣмъ отъ солнечнаго зноя, — то въ каждой встрѣчной тучкѣ видѣлъ грозу и проливной дождь; иногда на ухабѣ и рытвинѣ, при остановкѣ лошадей, собиравшихся съ силами, обращался ко мнѣ съ вопросомъ: не хочетъ ли батюшка баринъ кваску испить? — и наконецъ, завидѣвъ соснякъ — нашель, что здѣсь не худо бы было остановиться и покормить курочкой Николая Васильевича.

Привалъ былъ сдѣланъ; курица съѣдена, квасъ выпить и мы отправились дальше... Путешествіе совершилось безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій и, только, кучеръ Сенька, задремавши на солнцѣ — потерялъ съ ноги опору. Возникшая была по этому случаю тревога на козлахъ тотчасъ же прекратилась, когда мы завидѣли усадьбу Слюшюкинскихъ. Десятка два избъ — цвѣта обертки покойнаго «Телеграфа» съ своими зубастыми частоколами и плетнями — неправильными группами раскидывались на берегу озера; справа отъ нихъ, въ гору, подымались пашни, прорѣзанныя торною дорогою, которая тянулась къ барскому дому, поставленному на холмѣ. Это не были каменные палаты, какіе мы не рѣдко встрѣчаемъ нынѣ... Путешественникъ встрѣтилъ бы въ барскомъ зданіи Слюшюкинскихъ — крошечный редутъ, со всеми удобствами жилья, построеннаго крѣпко — на долгую службу. Главный флигель господскаго строенія, выдвинутый на самую площадку холма, саженей четырнадцать по фасаду, украшенный въ тоже время рѣзнымъ крыльцомъ — представлялъ рисунокъ зданія одноэтажнаго и плоскаго, съ претензіями на арабесковыя украшенія оконъ и окопечностей крыши; даже, самыя трубы на немъ прикрывались рѣзными флюгарками въ образѣ пѣтуховъ, естрѣльцовъ и самоваровъ. По сторонамъ его, дѣлая тупые углы, тянулись анбары и службы, образуя такимъ-образомъ обширный дворъ, поросшій травой, осиною и липой. Деревянная рѣшетка, въ многихъ мѣстахъ оскалившая пригнутые ржавые гвозди — служила оградой этого мирнаго пріюта, мирныхъ смоленскихъ помѣщиковъ. Мужики и бабы,

возвращавшіеся въ это время съ работъ — встрѣчали съ почтительнымъ поклономъ нашъ дормезъ, который, наконецъ, на среднѣхъ подъемахъ въ гору, увязъ въ песокъ по самыя ступицы и сталъ. Несмотря на сильныя и краснорѣчивыя увѣщанія соннаго Сеньки, малорослыя лошадки не трогались съ мѣста. Теперь, какъ прежде отъ сѣбней, онѣ только отмахивались хвостомъ отъ его увѣщаній.

— Ну, встали, какъ встали... Хоть зарѣжь! Ну, вы!.. Нейдутъ, прахъ ихъ возьми! сказалъ Сенька, бросивъ возжи и спрыгнувъ на землю.

— Нѣтъ ужъ голова, тутъ не совладать, замѣтилъ Михай Логвиновичъ, повторяя маневръ кучера... Вотъ обождемъ крестьянъ, — авось изъ бѣды-бѣдущей выручатъ.

Между-тѣмъ, изъ оконъ барскаго дома, вѣроятно, замѣтили несчастное крушеніе нашего экипажа, вставшаго на мель у самой гавани, — потому, что не прошло и трехъ минутъ, какъ управитель Синюшкиныхъ, а за нимъ и самъ Иванъ Матвѣевичъ, обладатель нагорной усадьбы, явились къ намъ на помощь. Послѣ сотни восклицаній, вопросовъ о здоровьи и въ родѣ: «какъ васъ Богъ милуетъ? Да, какъ это вы дорогие мои собрались къ намъ!» Иванъ Матвѣевичъ, объявилъ, что Марья Петровна поспѣшила въ туалетъ войти и, что онъ почтетъ себя много счастливейшимъ, если удостоится любезнѣйшей Пелагеѣ Николаевнѣ сопутствовать до дому, предложивъ ей свою руку...

Надо замѣтить, что Иванъ Матвѣевичъ отличался особеннымъ добродушіемъ, и въ тоже время самую утонченную галантерейностію. Обращеніе этого стараго премьеръ-маіора напоминало юнаго франта временъ очаковскихъ, который побывалъ въ Парижѣ.

Матушка оставила бричку, я тоже, и всѣ мы — отправились къ рѣшеткѣ, украшенной ржавыми гвоздями. Дормезъ остался на попеченіи Митѣя Логвиновича и Сеньки, которымъ была обѣщана скорая подмога.

Едва мы миновали дворъ, какъ Марья Петровна, окруженная толпою своихъ взрослыхъ ребятъ, въ пыльномъ капотѣ и съ невзмѣннымъ на рукѣ ридикюлемъ, встрѣтила матушку на крыльцѣ. Разумѣется, я тотчасъ же былъ пріѣтствованъ громкимъ крикомъ моихъ товарищей, оставшись съ ними на дворѣ.

— Вотъ Николя, славно сдѣлалъ, что пріѣхалъ къ намъ сегодня, сказалъ старшій сыночекъ Ивана Матвѣевича; мы, братъ, всѣ трое, послѣ завтра... тютю!

— Какъ это тютю? спросилъ я.

— Прощай... ѣдемъ въ Петербургъ, въ корпусъ...

— Мы ужъ всему дома выучились, подхватилъ другой... Грамма-

тику Меморсаго знаемъ... ариметику... и по-нѣмецки и по-французски...

— Врешь, врешь! перебилъ старшій, по-нѣмецки и по-французски ничего не знаемъ...

— Какъ же, а вѣдь у васъ есть французъ, учитель!.. спросилъ я.

— Ну, такъ что жъ? Онъ, братъ такой добрый, что никогда намъ, ничего не задавалъ, да ничего съ нами и не дѣлалъ...

— А вотъ и неправда... Онъ намъ змѣи дѣлалъ, мячики шилъ... Славный такой! Вотъ бы Николая тебѣ у него учиться... И книгъ даже не нужно!.. Право! Онъ говорить: безъ книгъ лучше...

— Да мы за нимъ и прѣехали, отвѣчалъ я.

— Ага! Такъ вѣрно и Амалію Карловну отъ насъ возьмете... Нѣмцу-то?

— Не хорошая... Ужъ не то, что господинъ Божатель... на кофѣна иногда ставитъ... и знаешь, въ другой разъ, за уши... да брать мы не подавались...

— Ну, это только ты одинъ, замѣтилъ старшій, а со мною она всегда была ласкова.

— Съ тобою! Знаю отчего... Ты умѣешь ее задобривать.

Серьезный разговоръ нашъ о добродѣтеляхъ М-ше Нестлейнъ и М-г Бажатель длился недолго, мы занялись играми и, спустя часъ, были позваны къ обѣду, который у Синюшкиныхъ, по случаю нашего прѣзда, въ этотъ день повторился въ другой разъ.

За столомъ я сосредоточилъ все мое вниманіе на двухъ особахъ: на тощемъ и высокомъ французѣ, который каждую минуту, желая здоровья, то хозяину, то хозяйкѣ — обращался къ бутылкѣ, и на Амалію Карловнѣ, сіявшей необыкновенно яркимъ румянцемъ. М-г Божатель часто поглядывалъ на меня съ особенною любовью, въ глазахъ Амаліи Карловны я такъ же читалъ пріязнь и расположеніе.

Когда разговоръ между моею матушкою, Амаліею Карловною, Иваномъ Матвѣвичемъ и его супругою сдѣлался общимъ, М-г Божатель, передавая мнѣ сладкій пирожокъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Что, душенька, сказалъ онъ: вы хотите учиться?

— Хочу-съ, отвѣчалъ я.

— Прекрасно, душенька: учиться необходимо, особенно европейскимъ языкамъ... Французскому, напримѣръ. Полезно знать его, очень полезно!.. Вонъ, посмотрите, какъ нашъ Петя... все знаетъ... Петенька!.. какъ по-французски... салфетка?

— Салфетка-съ?

— Ну-да... Ну!.. Serviette?... Такъ вѣдь?

— Такъ-съ...

— А! видите... Ну, а рабиновка?... *Liqueur faite de sorbes*... Такъ, такъ! продолжалъ М-г Бажатель, дѣлая вопросы, и самъ отвѣчая на нихъ... Прекрасно! Видите, все знаютъ... И вы все будете знать. Вы, душевѣнка, хотите у меня учиться?

— Хочу-съ.

— Вы умникъ: учиться надо, а я учу... такъ легко, что вы и сами не догадаетесь, когда успѣли узнать все... Ни книгъ, ничего не надо... О, да мы съ вами далеко пойдемъ... Я вижу: у васъ отдѣльныя способности... Мы съ вами будемъ скоро объясняться по-французски.

Изъ словъ М-г Бажателя я легко могъ заключить, что матушка уже успѣла переговорить съ моими будущими наставниками.

Дѣйствительно, на другой день, мы отправились домой, а за нами, въ трясучей бричкѣ, — Амалия Карловна и французъ...

Батюшка встрѣтилъ прїѣзжихъ гостей въ парадныхъ комнатахъ и въ своемъ маіорскомъ сюртукѣ. Въ то время, вообще, на воспитателей своихъ дѣтей наши отцы имѣли обыкновеніе смотрѣть, какъ на людей чрезвычайно жалкихъ и далеко поставленныхъ ниже ихъ, не смотря на то, что имъ платили не въ мѣру много, разумѣется, въ последнемъ случаѣ я говорю о французахъ и иѣмцахъ. Но все-таки съ ними не церемонились, разсуждая и говоря прямо: «вотъ тебѣ мусье—деньги, квартира, водка, вино и Оомка на посылки, а ты, братъ, учи моего Николашу, да смотри за ухо его не тронь: нашалить или чего недоучить, заупрямится, мнѣ скажи!» Батюшка поступилъ совершенно обратно. Съ большими церемоніями принявъ будущихъ воспитателей своего дѣтства, онъ обворожилъ ихъ ласковымъ обхожденіемъ, особенно М-ше Нестлейнъ...

Какъ теперь помню эту встрѣчу моего отца съ ученымъ французомъ и жеманною Амаліею Карловною.

— Очень радъ васъ видѣть, сказалъ имъ батюшка... Прошу садиться.

Гости сѣли.

— Вы уже, кажется, кончили воспитаніе дѣтей Ивана Матвѣевича? началъ онъ, обращаясь къ господину Бажателю.

— Кончили, съ пренизкимъ поклономъ отвѣчалъ послѣдній, и, бочкади, г. маіоръ, — съ большимъ усмѣхомъ... Вы имѣ, что угодно дайте теперь: хоть самаго ученаго французскаго автора... Такъ-таки, не заикнувшись, отъ доски до доски и переведутъ его...

— Даже, если угодно прямо на нѣмецкій языкъ, робко зашѣла Амалія Карловна.

— Да-съ, хоть пожалуй и на нѣмецкій.... Старшій и на итальянскій можетъ.... я съ нимъ и этимъ предметомъ немного занимался.

— А! такъ вы изучили итальянскій языкъ?

— О, помилуйте ... да языкознаніе страсть моя.... я знаю двадцать одинъ живой и четырнадцать мертвыхъ языковъ.

Амалія Карловна съ изумленіемъ посмотрѣла на своего сотрудника. Батюшка былъ удивленъ, неменѣе ея и меня.

— Какіе же это мертвые? спросилъ онъ.

— Да тѣ, на которыхъ не говорятъ...

— Однако!

— Да мало ли ихъ.... Много съ.... Очень много.... Напримѣръ: вавилонскій, ассирійскій, древне-еврейскій.... халдейскій, варяжскій, хазарскій и проч. и проч.

— Стало-быть, вы обладаете чрезвычайно острою памятью....

— Какъ же-съ.... за мою удивительную память имѣю десять премій отъ европейскихъ академій наукъ, въ томъ числѣ шесть медалей.... Скажу вамъ правду, что мнѣ ужъ узелка завязывать не надо.... на-примѣръ, хронологію,—исторію—я знаю, какъ день своего рожденія.... Все вамъ по пальцамъ перечту, ни въ одной цифрѣ не ошибусь ...

Изумленіе слушателей росло съ каждымъ словомъ; мосе Бажатель, пользуясь случаемъ, лгалъ безъ умолку. Наконецъ, оказалось, что будущій мой наставникъ знаетъ все.

— Скажите, пожалуйста, перебилъ его батюшка, что же васъ заставило поселиться въ Россіи и оставить свое отечество, которому бы вы принесли столько пользы и гдѣ бы могли занять весьма видное мѣсто?

— Зависть.... интриги, г-нъ майоръ, — неблагодарность соотечественниковъ заставили меня отказаться отъ моей родины.... Теперь я совершенно доволенъ моимъ званіемъ домашняго учителя и погруженъ въ тайны науки — не мечтаю ни о славѣ, ни о почестяхъ, ни даже о золотѣ.

— Давно вы въ Россіи?

— Съ Аустерлицкаго дѣла, гдѣ команда конно-егерями, въ чинѣ полковника, я былъ взятъ въ плѣнъ, и съ-тѣхъ-поръ остался въ Россіи, полюбя ее, какъ вторую родину....

При этомъ званіи, въ которое мосе Бажателю угодно было пожаловать себя, добрый и честный отецъ мой почтительно приподнялся насвоемъ стулѣ и протянулъ свою руку гостю.

— Думая радуюсь, сказалъ онъ, что воспитаніе моего сына, могу поручить человѣку много-образованному и заслуженному. Только, извините меня, продолжалъ онъ, я буду съ вами откровененъ.... Много цѣна и уважая вашъ умъ, вашу необыкновенную ученость—я при моемъ весьма ограниченномъ состояніи, не могу обѣщать вамъ много за ваши полезныя труды....

— О, помигуйте, г. майоръ, отозвался ученый, — просвѣщать чужие сердца и умы, для меня наслажденіе, это страсть моя? и потому я не ищу выгодъ и наживы, но ищу только средствъ къ существованію.... Я совершенно готовъ на тѣ же условія, на какихъ пять лѣтъ прожилъ у г. Синюшкина.

— А позвольте узнать — въ чемъ заключались эти условія?

— Во-первыхъ, я получалъ двѣ тысячи жалованья, столъ.... съ разными принадлежностями, разумѣется, квартиру.... Къ этому прибавилось два ружья хорошей работы, постоянный ремонтъ пороху, да при вступленіи, мнѣ еще была куплена удочка.... Вотъ и только.... Условія весьма умеренныя.

— Такъ, такъ! проговорилъ батюшка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по кабинету и снова останавливаясь передъ конноегерскимъ полковникомъ.

— Извольте видѣть, сказалъ онъ: удочку, два ружья и пожалуй порохъ — я вамъ дамъ.... все это есть.... Но, не хочу скрывать отъ васъ, что въ моемъ имѣніи нѣтъ ни дичи, ни рыбы....

— Ничего, замѣтилъ мосье Бажатель—я могу познакомиться съ вашими сосѣдями и навѣщать ихъ лѣса и пруды.

— Столъ, вино и квартиру вы также получите, продолжалъ батюшка, но что касается до двухъ тысячъ жалованья, то это много....

— Много! Двѣ тысячи, много?

— Весьма много....

— За то, что я образую умъ и сердце вашего дитяти? Да, вѣдь, господинъ майоръ, — вы встрѣчаете во мнѣ человѣка, отъ котораго ваше дѣтище получитъ европейское образованіе.... Если вамъ угодно, за эти деньги, я буду читать ему и философію и химію и.... и санскритскій языкъ!

— Куда ему, когда онъ еще русской азбуки не знаетъ!

— Да! ну, ужъ русская азбука — не мое дѣло.... нѣтъ, нѣтъ, майоръ, не скупитесь....

— Не запрашивайте много.... У Синюшкиныхъ вы занимались съ тремя сыновьями, у меня съ однимъ, и потому я вамъ предложу только шесть сотъ рублей.... Больше, извините меня, не могу!—Мосье Бажатель, кажется, не ожидалъ такого результата. Понадѣясь на свое

Увѣстливость, онъ былъ совершенно пораженъ—и потому долго не могъ рѣшиться на отвѣтъ, поглядывая, то на Амалию Карловну, съ трепетомъ ожидавшую рѣшенія своей участи, то на батюшку, равнодушно раскуривавшаго въ эту минуту свою трубку.

— Ну, г. маіоръ, извольте, шестьсотъ рублей, сказалъ онъ тономъ особеннаго радушія... И то соглашаюсь на эту микроскопическую цѣну, потому только, что чувствую къ вашему семейству какое-то странное душевное влеченіе....

— Благодарю васъ.... И все-таки не прихвастну рублемъ больше шестисотъ....

— Извольте! Что съ вами дѣлать.... Такъ-шесть-сотъ рублей жалованья, два ружья, порохъ, удачка, квартира и столъ...

— Такъ точно.

— Согласенъ.

Кончивъ съ французомъ, батюшка обратился къ нѣмкѣ.

— Ну, а вы сударыня, сказалъ ояъ.... Ваши условія?

— Тѣже самыя, какъ и условія — Мг Бажатель?

— Какъ! вамъ также нужны два ружья и удочка?

— О, включая этихъ предметовъ....

— Ну, а деньги?

— Шесть сотъ рублей?

— Много. Вамъ могу я предложить четыреста...

— Помните, возразила Амалия Карловна.... Это не слышанно дѣшевая цѣна...

— Да вѣдь и трудъ-то не великъ, матушка; ну, будь онъ еще дѣвочка при этомъ батюшка указалъ на меня, тогда, другое дѣло, на вашу долю выпало-бы больше хлопотъ, на то что вамъ?.. Нѣмецкій-то языкъ... Не великая прешудрость!.. Съми матушка училась.... знаешь! Просто за просто кончатся-ка Амалия Карловна четырея стами, да съ завтрашняго утра, съ Богомъ, принимайтесь и за дѣло.

М-ше Нестлейнъ долго старалась отстоять еще нѣсколько рублей, но батюшка былъ непреклоненъ и Амалия Карловна, которой будущее, за окончаніемъ воспитанія дѣтей Синюшкина, не представляло ничего отраднанаго и выгоднаго, скоро изъявила свое согласіе...

Такимъ образомъ отъ Аксиньи и «Блага бычка» Михея Логиновича я перешелъ на руки француза и нѣмки. Разставаясь съ ними въ этотъ вечеръ, батюшка приговаривалъ, что даетъ имъ надо мною полную власть и, что если я буду лѣниться, то М-г Бажатель можетъ иногда, смотря по величинѣ вины моей, и выгнать съ меня. Это, какъ можно было замѣтить, особенно понравилось великому ученому; онъ разразился

какою-то латинскою фразою и вышелъ, за нимъ, съ паробалтскими киксенами, последовала и Амалия Карловна.

Долго оставался на порогѣ мой батюшка, слѣди удалившихся гостей....

— Странно, сказалъ онъ наконецъ въ раздумьѣ и, какъ-бы забывая мое присутствіе. У этого господина конно-егера чрезвычайно pozorительная физиономія.... Право! Попадись онъ самъ въ Аустерлицкую дѣлѣ, такъ я бы, не знаю... кажется не запретилъ бы мнѣ гренадерамъ познакомиться съ нимъ поближе и покороче.... Однакожъ, продолжалъ онъ, — Сидюшкинъ, старый служака и человекъ опытный, а могъ съ нимъ ужиться пять лѣтъ и, какъ кажется, остался совершенно доволенъ наставникомъ своихъ дѣтей... Ну, ладно! Во всякомъ случаѣ главный надзоръ за Николашей, а вмѣстѣ и за французомъ, я поручу Остроумову; онъ хотя и молодой человекъ, да русскаго воспитанія и человекъ обстоятельный! видна птица по полету!

Батюшка еще не кончилъ раздумывать вслухъ, какъ въ передней комнатѣ раздались чьи-то тяжелые шаги, и вслѣдъ за тѣмъ на порогѣ столовой показался молодой человекъ.

Доброта и откровенность выражались на блѣдномъ и изхудаломъ лицѣ незнакомца, густые, свѣтлорусые волосы, зачесанные назадъ, кудрявыми косичками, падали на сюртукъ его. Низкий поклономъ пришлецъ встрѣтилъ батюшку.

— А! Макарь Макарычъ... вскричалъ послѣдній, милости просимъ, любезнѣйшій... Что, изъ городу?

— Сейчасъ только.

— Садись, братъ, садись! Ну, теперь ты совѣмъ!

— Совѣмъ и со всѣмъ моимъ хозяйствомъ.

— Да! въ-самомъ-дѣлѣ, гдѣ же твое добро-то?

— Не велико оно и все вмѣщено вотъ въ этомъ уздѣ.

— Какъ все... И платье и хозяйство?

— Любя науку и трудъ, я какъ истинный мудрецъ, заключилъ мое богатство въ книги и на нихъ издерживаю мой послѣдній грошъ.

— Хорошо, хорошо Макарь Макарычъ! Но вѣдь это все для ума; а намъ же братъ, что-нибудь и для тѣла. Впрочемъ, продолжалъ батюшка, дружески ударивъ мудреца по плечу... Все у насъ будетъ съ тобою, только займись Макарь Макарычъ поприземнее съ моимъ сыномъ.... Выучь его уму разуму, добру да полезному знанію...

— Ужъ будьте спокойны: рачительно займусь этимъ дѣломъ.

— Такъ вотъ тебѣ и питомецъ твой...

— А! отозвался Макарь Макарычъ, взявъ меня за руку. Я вижу въ немъ малютку, съ дарованіемъ, сказалъ онъ.

— Слышишь, Николаша, сказалъ батюшка, обращаясь ко мнѣ: полюби Макара Макарыча, слушайся его добрыхъ совѣтовъ и учись прилежно. Теперь ужъ полно.... Пора бросить игрушки, а надо приняться за книги. Ну, заключалъ онъ, обращаясь къ гостю... Съ Богомъ, Макарь Макарычъ, начинай завтра.. А теперь иди-ко, отдохни... Спроси Михѣя Логиновича, онъ тебѣ укажетъ, гдѣ отведено твое помѣщеніе...

На другой день въ семействѣ нашемъ явились три новыя и разнообразныя лица. Не буду рассказывать тѣхъ сценъ, какими ознаменовалась встрѣча Макара Макаровича съ ученымъ французомъ и Амалією Карловною. Скажу только, что Діогенъ не полюбилъ Мг Бажателя съ перваго на него взгляда. Послѣдній мало заботился объ этомъ нерасположеніи и, оказывая всевозможное вниманіе Амаліи Карловнѣ, повидимому, былъ чрезвычайно доволенъ, когда батюшка, чрезъ нѣскольکو дней снова отправился въ полкъ.

Съ его отъѣздомъ вниманіе ко мнѣ француза и нѣмки совершенно исчезли. Одинъ только Макарь Макаровичъ усердно занимался своимъ дѣломъ. Амалія Карловна постоянно рыдалась и съ утра до поздняго вечера рассказывала матушкѣ о своей милой Курляндіи, а Мг Бажатель являлся только къ обѣду: цѣлые дни и ночи почтенный наставникъ мой проводилъ въ полѣ, гдѣ за неимѣніемъ дичи, велъ ожесточенную войну съ воробьями и воронами. Поведеніемъ его болѣе всѣхъ оставался недоволенъ Михѣй Логиновичъ...

— Вотъ, часто говаривалъ онъ, обращаясь къ Макару Макаровичу, какъ посмотришь, на этого Бажателя? такъ право незадумавшись скажешь, только и проку—то въ немъ, что пугаетъ вороновъ на нашихъ огородахъ.... Просто, взялъ бы метлу, да со двора, какъ негодную рождю, за ворота бы и вымелъ!

— Такъ, такъ, отвѣчалъ Макарь Макаровичъ: никакого вниманія нѣтъ къ своему пенату... А за деньгами первый.

— Эге!... да еще какъ, Макарь Макаровичъ! впередъ отдай! Вотъ онъ народъ—то какой.... А за что, примѣрно сказать? за то, что дармоѣдничаетъ...

Однако, не смотря на непріязненныя взгляды Михѣя Логиновича и Макара Макаровича, мосье Бажатель не разставался ни съ своею удочкою, ни съ ружьемъ; изрѣдка онъ удостоивалъ заняться со мною, но съ появленіемъ Макара Макаровича или Амаліи Карловны тотчасъ же оставлялъ меня, являясь передъ ними, что отнимаетъ у нихъ нѣсколько пріятныхъ часовъ бесѣды съ ихъ умнымъ ученикомъ.

Михѣй Логиновичъ долго крѣпился и наконецъ написалъ батюшкѣ челобитную, прося его забавить насъ отъ француза, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство разлучило насъ съ мосье Бажателемъ.

Однажды утромъ въ началѣ весны 1812 года, испуганный и взволнованный Сенька явился къ матушкѣ и упалъ ей въ ноги, прося пощеванія.

— Что случилось? Что ты сдѣлалъ? спросила матушка.

— Бѣда стряслась кормилица-барыня.... Взмилуйся, ни душой ни тѣломъ не повиненъ въ бѣдѣ-бѣдущей...

— Да что такое?... Встань! Ну, говори.

— Коня со двора свели, матушка барыня, Буланчика, любимаго верховаго коня барскаго.

— Какъ, когда?

— Нынче ночью, матушка барыня... и съ сѣдломъ!...

Между-тѣмъ, какъ Сенька рассказывалъ о пропажѣ, въ комнату къ матушкѣ вбѣжала Амалія Карловна въ такомъ отчаянномъ и растрепанномъ видѣ, что при первомъ на нее взглядѣ легко могло родиться сомнѣніе въ цѣлости ея разсудка. Платье ея было въ беспорядкѣ, волосы тоже, глаза заплаканны, лицо на этотъ разъ оставалось безъ обычныхъ прикрасъ. За нею слѣдовалъ Михѣй Логиновичъ также встрѣженный.

— Да, ужъ повѣрьте, матушка Амалія Карловна... у насъ такого гѣла никогда не случалось, говорилъ онъ.

— Такъ что же! Кто же? кричала Амалія Карловна... Чужихъ тѣсь нѣтъ!...

— Ну, да ужъ только не нарекайте на нашу дворню, народъ честный, и на художества не способенъ....

— Что еще случилось? спросила испуганная матушка.

— Ограбили! меня обокрали.... У васъ обокрали! рыдая и почти въ яркомъ сказала Амалія Карловна. Последнія мои деньги... Все мое жеровище, тысячу рублей, которые я скопила со всѣми лишениями... Ахъ, Курляндія! Курляндія... не видать мнѣ тебя богѣе. Палагея Николаевна!.... Спасите меня... Я умру отъ горя... Прикажите обыскать всѣхъ людей... Это они виноваты.

Матушка успокоивала бѣдную женщину, какъ могла, — обещая употребить всѣ старанія, чтобы отыскать и вора и пропажу. Въ это время, когда объяснялись странныя событія минувшей ночи, Макарь Макаичъ, прежде всѣхъ узнавшій о горѣ Амаліи Карловны, явился тутъ же.

— Не клеветникъ я, сказалъ онъ, и безъ истиннаго убѣжденія не веду ни на кого злаго нарѣканія; а теперь, по многомъ изслѣдованіи

и по внимательномъ обсужденіи, я напалъ на слѣдъ вора. Это вѣрно господинъ Бажатель!...

— Возможно ли! вскричала Амалия Карловна, всплеснувъ руки.

— Вотъ ужъ это я такъ и зналъ... Онъ всегда воромъ смѣтрѣлъ, замѣтилъ Михай Логиновичъ.

— Неправда, неправда! этого быть не можетъ!... продолжала Амалия Карловна... Идите къ нему, идите!

— Да онъ бѣжалъ, замѣтилъ Макарь Макаровичъ, похитивъ изъ конюшни коня... Да! въ комнатѣ его, по моему обыску, оказалось: одна забытая перчатка и брошенный на полъ разломанный ларецъ....

— Съ перламутромъ! вскричала Амалия Карловна.

— Да, отвѣчалъ Макарь Макаровичъ: и въ этомъ ларцѣ я только нашелъ баночку съ какимъ-то пурпуровымъ порошкомъ, да нѣсколько кусковъ сахару.

Противу такихъ доводовъ невозможно было спорить. Они ясно убѣдили Амалию Карловну признать разломанный ларецъ своею собственностью... Досада и изумленіе были общи. Всѣ знали француза за вѣтреннаго и безпутнаго челоуѣка, даже за большаго лѣтяга, но никто не предполагалъ, чтобы онъ рѣшился на такой безсовѣстный поступокъ.

— Догнать его! замѣтилъ Макарь Макаровичъ...

— Куда, отецъ и благодѣтель, возразилъ Михай Логиновичъ... Гдѣ вы его сыщите? Богъ его вѣдаетъ, куда и въ какую онъ сторону кинулся...

— Но, вѣдь тысяча, моя тысяча! всхлипывая проговорила Амалия Карловна.

— Да!... вѣдь тысяча, Михай Логиновичъ, подхватилъ Остроумовъ.

— Что жъ, матушка... Тысяча не такъ тяжела, чтобы конь присталъ на первыхъ парахъ... Я чай, господинъ Бажатель теперь отишалъ ужъ верстъ двадцать-пять... ищи его, какъ вѣтеръ въ полевъ!

Еще собравшіяся лица много и долго разсуждали о продолжкѣ жизни ученаго наставника, какъ матушкѣ доложили о пріѣздѣ Ивана Матвѣевича Синюшкина. Надо сказать, что жантильный майоръ въ отставкѣ, назначенный въ дѣлахъ на Дунаѣ и на берегахъ Днѣпровскаго Липана, прежде того еще прихварывалъ и падагрой, а потому онъ чрезвычайнорѣдко оставлялъ свою усадьбу и только какой-нибудь экстренный случай, случай особенной важности могъ принудить Ивана Матвѣевича на двадцати-верстный переѣздъ. Появленіе майора не мало удивило и всѣхъ, и, разумеется, болѣе всѣхъ матушку.

Между тѣмъ, показавшееся въ дверяхъ лицо Ивана Матвѣевича, си

совершенно спокойно; оно даже улыбалось, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ привыкло улыбаться всѣмъ дамамъ, молодымъ и старымъ. После обоюдныхъ привѣтствій. майоръ, которому были предложены спокойныя кресла, — первое свое вниманіе обратилъ на наше общество, выраженіе лицъ котораго ясно ему сказывало, что въ домѣ не все здорово...

— Какъ, спросилъ онъ: такъ вамъ, матушка, Пелагея Николаевна... ужъ все извѣстно?

— Все, все! вскричала Амадія Карловна.... Этотъ народъ настоящіе грабители!...

— Да, вы... на счетъ француза! спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Именно, именно! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— А вы развѣ что-нибудь знаете? спросила матушка.

— Какъ же... Помилуйте... За тѣмъ то я къ вамъ и пріѣхалъ. Шалать они, крѣпко шалать!

— Да еще какъ шалать-то, замѣтилъ Михай Логгиновичъ.... И мешки взялъ, и коня барскаго увелъ.

— Кто? тревожно спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Французъ, ваше высокоблагородіе, все онъ же.

— Шкатулку и коня?... Да что вы это говорите?...

— А, вотъ просто запросто, отозвался Макаръ Макаровичъ: сегодня ночью, пользуясь иракомъ и общимъ усыпленіемъ, господинъ Бажатель рѣшился на хищеніе, и у Амадіи Карловны взялъ изъ ларца тысячу рублей, а съ барской конюшни свелъ коня, и обратился въ бѣгство...

— Ахъ, чортъ возьми... то-есть... того.... Извините, Пелагея Николаевна.... Такъ онъ, выходитъ шпионъ!.... Вѣдь знаете ли, сударыня, такая штука.... Ужасъ! просто нашествіе иноплеменныхъ... оказалъ майоръ, прицолпнувъ по ручкѣ кресель своею табакеркою.

— Что вы говорите?

— Да.. вы не пугайтесь... Это такъ, ничего,.. Не то, чтобы известіе... Ну, а... такъ сказать не хорошо... Только вы не пугайтесь!... Не благополучно, мы благоденствуемъ... Ничего!...

— Но, говорите, ради Бога. — успокойте насъ! сказала матушка...

— Да за тѣмъ то я пріѣхалъ, чтобы васъ успокоить... Это моя обязанность, мой долгъ... Миѣ поручено васъ успокоить.

— Поручено!?

— Да... Дворянскій предводитель... просилъ, съ очевиднымъ заинтересованіемъ сказалъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Такъ стало-быть бѣда грозитъ цѣлому уѣзду?

— Не то, что бѣда, а совѣтуютъ быть осторожнымъ... Не ровная

часъ, матушка... Понимаете?... Да вы успокойтесь... вѣдь это ничего, такъ только : одно предостереженіе... Извольте видѣть... Вотъ и мужъ вашъ пишетъ мнѣ тоже, чтобы я васъ успокоилъ.

— Мужъ! сказала матушка, понимая теперь совершенно, съ какими порученіемъ явился Иванъ Матвѣевичъ, и стараясь сколько возможно сохранить наружное спокойствіе...

— Послушайте, Пелагея Николаевна... Вы не пугайтесь, началъ было майоръ, — право дѣло еще не такъ страшно, и... Богъ милостивъ...

— Будьте откровенны, Иванъ Матвѣевичъ, перебила матушка: какова бы ни была вѣсть, которую вы хотите передать мнѣ : я твердо и спокойно ее выслушаю...

— Ну-съ, такъ стало-быть, дѣлать нечего! съ рѣшительнымъ видомъ сказалъ майоръ, пожавъ плечами. Дѣлать видно нечего... повторилъ онъ. Не умѣлъ я, старый балажникъ, молодецки приняться за порученіе... Такъ вотъ... на, пришелъ, да все съ перваго слова и бракъ! На хочу скрывать болѣе, да признаться, и не умѣю... Ужъ я, извольте видѣть, почтеннѣйшая Пелагея Николаевна, и дорогой-то, ѣхавши къ вамъ, все раздумывалъ : какъ бы половче, да полегче, такъ сказать, не съ разу... не могъ, не сумѣлъ. Просто вамъ сказать... война!

— Съ французскою націею, выходитъ съ Наполеономъ?... спросилъ Макарь Макарычъ.

— Съ нимъ, именно съ нимъ, неугомоннымъ... И война, долженъ вамъ объявить—сердитая, бойкая!.. Французы перешли наши границы...

— Какъ! супостаты въ нашей отчизнѣ! съ негодованіемъ вскричалъ Остроумовъ.

— Они въ Витебскѣ... Изъ главной квартиры — я получилъ, Пелагея Николаевна — письмо отъ вашего мужа, которымъ онъ просилъ меня приготовить васъ къ этой печальной вѣсти, налагая въ тоже время пріятную намъ обязанность, сколько могу, быть вашимъ защитникомъ... Назначеніе его по службѣ было такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ даже проститься съ вами... Долго я медлил... теперь пришло время, и надо быть откровеннымъ... А вотъ и письмо къ вамъ. Съ этими словами Иванъ Матвѣевичъ подалъ матушкѣ запечатанный пакетъ.

Кромѣ неизбѣжныхъ утѣшеній, которыми батюшка успокаивалъ наше небольшое семейство, въ письмѣ было высказано еще и то, чтобы матушка совершенно повиновалась совѣтамъ стараго майора. «Тяжелыя послѣдствія войны, при настоящихъ обстоятельствахъ, — неизбѣжны, сказалъ онъ... надо ждать всего и ко всему быть готовымъ... Воля Божія — молись Ему, береги себя и сына. Если непріятель будетъ въ

нашихъ сторонахъ, собери какіе есть пожитки, что найдется цѣннаго, и отправляйся къ сестрѣ въ Воронежъ; если же, чего Боже сохрани, ты не успеешь этого сдѣлать — то переселяйся въ усадьбу къ Ивану Матвѣвичу; его мѣстѣ въ глуши и въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, да онъ же старый волкъ и костлявъ — его не скоро проглотятъ... Между прочимъ прикажи Логинычу отобрать изъ двора и изъ мужиковъ народъ повиднѣе и отошли ихъ къ майору; онъ ихъ обстругаетъ — быть-можетъ и пригодятся: теперь каждый человѣкъ нуженъ на службу отечеству... При отпускѣ рекрутовъ обмундировывай ихъ какъ можно скорѣе.. не скупись, отдай послѣднее — это долгъ нашъ! Береги мнѣ сына и молись за меня.»

— Вотъ-съ и слезки показались! сказалъ Иванъ Матвѣвичъ, обращаясь къ матушкѣ, которая въ эту минуту дочитала письмо... А еще общали, любезнѣйшая Пелагея Николаевна — твердо перенести все! Успокойтесь, дорогая моя... Богъ милостивъ! Не въ первый разъ отпускалъ вамъ мужа — на славное дѣло... Вѣдь ужъ былъ и подъ шведомъ, перевѣдался и съ туркой... Живъ — слава Богу! Надо же кому-нибудь остаться живымъ, а быть-можетъ нашими молитвами чугуная или тамъ какая ни на есть свинцовая и обочтется Николаемъ Петровичемъ... Такъ-то?

— Какъ Богу угодно... Его святая воля! сказала матушка, повидному успокоенная нѣсколько словами гостя.

— Да вотъ неприятная вѣсть: врагъ перешелъ наши границы! замѣтилъ Макарь Макаровичъ, когда матушка оставила комнату.

— Ну такъ что-жь? Развѣ у насъ рукъ нѣтъ... Да, покажишься они здѣсь: такъ я имъ съ моими мужиками такихъ бѣдъ настряпаю, что ай-до любо будетъ! вскричалъ майоръ, почти помолодѣвшій десятию годами при мысли о встрѣчѣ съ врагомъ... въ дреколя, въ рогатины и топоры ихъ! Просто таки за просто, залагу гдѣ ни на есть съ моею дворнею въ оврагѣ при дорогѣ... Бей! Нѣтъ тебѣ пардону: не ходи къ намъ незваный! Вотъ какъ у насъ... да такъ и будетъ!

— Да такъ и надо! отозвался Макарь Макаровичъ, разгоряченный словами майора... И самъ готовъ сию минуту идти въ солдаты!

— Ай-да, отецъ и благодѣтель, Макарь Макаровичъ!.. Не ждалъ такой удали, отозвался Иванъ Матвѣвичъ... Обойми меня—дорогой мой!

— Иду! иду! восторженно повторилъ Остроумовъ, — крѣпко поцѣловавъ обнявшаго его майора.

— Но, погоди... Куда же ты пойдешь?

— Куда? Да до перваго русскаго полка... Ужъ найду своихъ.

— Ну, а мой совѣтъ пообождалъ бы немножко...

— Нѣтъ, нѣтъ! Хочу, жажду ратовать!

— Да, братецъ, голубчикъ — Макарь Макарычъ, эта оказія отъ насъ не уйдетъ и поколотить врага мы всегда успѣемъ... Видишь-ли... скажу... по секрету только... вы смотрите... Дамашъ нигугу!..

Тутъ Иванъ Матвѣевичъ, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Французъ... недалеко отъ Смоленска...

— Эва! Какъ мѣтнулъ, окаянный! замѣтилъ Михѣй Логиновичъ.

— Подъ Смоленскомъ! отступая шага на два, повторилъ Остроумовъ.

— То-есть — не далеко... Ну, понимаешь... Этакъ вѣдь, братъ, и къ намъ пожалуетъ... Такъ стѣбитъ-ли ходить къ нему на поклонъ... Милости просимъ сюда...

— Именно, именно! Команъ-ву-потриву, скажемъ, прибавилъ Михѣй Логиновичъ. Неужодно-ли такъ сказать, понюхать, выходить — нашей порошники.

— Ну, вотъ — тото и есть... Вѣдь и здѣсь молодцы нужны... Мой планъ вотъ каковъ...

— Внимаю, внимаю — говорите! сказалъ Макарь Макарычъ.

— Прошу прислушать, началъ майоръ: если, говорю я, врагъ будетъ подъ Смоленскомъ, то будетъ и у насъ; ждать надо, что сюда забредетъ какой-нибудь отрядъ, быть-можетъ, просто нѣсколько бродягъ, которымъ придетъ охота попользоваться хотя мужицкими лаптями... По одиночкѣ они насъ переберутъ, какъ мухъ, и потому намъ надо и бить ихъ, и отставать себя вѣстѣ...

— Да, совокупно! подхватилъ Макарь Макарычъ.

— Нигдѣ такъ удобно и, быть-можетъ, счастливо, продолжалъ майоръ, не отстоимся мы, какъ въ моей усадьбѣ, и именно въ моемъ домѣ. Окопаемъ гору, укрѣпимся за частоколомъ, сберемъ и вашихъ и моихъ ребятъ, вооружимъ ихъ, чѣмъ Богъ послалъ, да и за дѣло!

— Такъ что-жь это, смѣю спросить ваше высокоблагородіе, продолжилъ Михѣй Логиновичъ: я что то въ толкъ не возьму, неужто же мы только и будемъ отлеживаться въ усадьбѣ?..

— И... нѣтъ, братецъ! зачѣмъ отлеживаться?.. Будемъ со своими ребятами повавѣдываться и на большую дорогу и по окрестностямъ, гдѣ встрѣтимъ супостата по силамъ...

— Дѣло, дѣло, г. майоръ! подхватилъ Макарь Макарычъ, весело потирая руки.

— Ну, да! Все своимъ порядкомъ... Повятно! На случай же, если не въ моготу придетъ, вотъ тогда и засядемъ въ свою берлогу, да и начнемъ отгрызаться... Не скоро укусятъ... Запасъ сдѣлаемъ большой, и смѣло отстоимся... У меня же ребята такъ подготовлены, что хоть

сейчасъ подь ружье... Головорѣзы, охулки на руку не положить, и стрѣлки такіе, только укажи кого зацѣпить, какъ пить дать — свинцомъ прихлыстнуть... А между-тѣмъ, главное-то... и семьи наши безопасны, да если и въ сосѣднихъ деревняхъ въ набѣтъ придарятъ, намъ и туда можно... мы всегда въ сборѣ, всегда на-готовѣ... Понимаете? А? самодовольно заключилъ маіоръ, которому всѣ эти планы напоминали его славную молодость, проведенную въ чистомъ полѣ.

Михѣй Логиновичъ и Остроумовъ изъявили полное удивленіе къ военскимъ способностямъ и тактическимъ соображеніемъ стараго маіора...

Матушку не трудно было убѣдить оставить свою усадьбу и перебраться къ Ивану Матвѣвичу.

Вся слѣдующая ночь прошла въ хлопотахъ, въ связываніи узловъ и въ сборѣ пожитковъ. На другой день, рано утромъ шесть экипажей, нагруженныхъ нашимъ хозяйствомъ и цѣнными вещами, отправлялись, вмѣстѣ съ нами, въ усадьбу Синюшкина. За бричками, предводимыми Макаромъ Макарычемъ — слѣдовали двадцать отборныхъ молодцовъ, назначенные въ распоряженіе маіора. Подъѣзжая къ его усадьбѣ, Остроумовъ не могъ удержаться отъ восторженнаго восклицанія, при видѣ той джераціи, которая на самомъ дѣлѣ осуществляла планы Ивана Матвѣвича. Вся его небольшая деревенька, раскиданная за озеромъ, имѣла теперь видъ импровизированнаго укрѣпленія... Передъ избами, выдвигались пять или шесть подвижныхъ бойницъ, отъ нихъ вправо — цѣтина, пролежавшая между правымъ берегомъ озера и болотами единственная дорога къ крестьянскимъ избамъ, запырлась двойнымъ рядомъ телегъ, — у которыхъ, вооруженные длинной викой и ружьемъ, расхаживали двое молодцовъ.. Направо, по другую сторону озера, какъ я уже сказалъ прежде, тянулась песчаная дорога, окаймленная мелкимъ кустарникомъ и поднимавшаяся въ гору, до хоромъ воинственнаго хозяина. Здѣсь, при укрѣпленіи рѣшетчатаго фаса барскаго дома, Иванъ Матвѣвичъ, казалось, истощилъ всѣ свои фортификаціонныя способности. Кроме множества волчьихъ ямъ, которыя еще не были — фальшиво заграблены, по всей площадкѣ передъ домомъ тянулся глубокій ровъ, черезъ него перекидывался живой мостикъ, готовый разсыпаться при первомъ шагѣ на него Крылопскаго лжеца... За рѣшетку, куда мы въѣхали съ большимъ трудомъ и опасностями, боясь, прежде жданыхъ враговъ, провалиться въ волчьи ямы — выдвигались тѣже тесовыя бойницы...

Внимательный хозяинъ встрѣтилъ насъ на дворѣ. Лицо его сіяло особеннымъ удовольствіемъ; онъ быстро повертывался изъ стороны въ другую, самодовольно поглядывая на воинственную обстановку своего дв-

дуга. По всему можно было заключить, что майоръ находился въ своей сферѣ.

— Ну, что... каково? спросилъ онъ наконецъ, когда матушка скрылась на террасѣ.

— Чудо, диво!.. велегѣе и резонъ! отозвался Макаръ Макаровичъ... Съ точностію ученою созиждено все это...

— Ну, еще не все, дорогой мой Макаръ Макаровичъ... еще надо одну штучку, такъ, сказать, приспособить...

— Какую же... я, по истинѣ, нахожу во всемъ полноту и совершенство...

— Вотъ то и есть... дѣло мастера боится, дорогой мой... Ну-ко, извольте — окинь глазомъ... Смекни — чего недостаетъ.

Макаръ Макаровичъ повелъ кругомъ внимательнымъ глазомъ, задумался на минуту, и нерѣшительно отвѣчалъ:

— Да чего жъ-бы еще кажется.... Право не знаю.

— А ну, однако.... Смѣкни-ка!

— Ужъ развѣ, по моему уразумѣнію, такъ-сказать гадательно нахожу.... что здѣсь недостаетъ.... пушки, Иванъ Матвѣевичъ....

— Пушки! Эку пулю слилъ отецъ и благодѣтель.... Да, гдѣ намъ желкопомѣстнымъ воинамъ еще и орудіями заводиться.... на кой намъ прахъ пушки....

— Да, да! отозвался Остроумовъ, стараясь тономъ сочувствія заглядывать своей промахъ... И конечно, зачѣмъ намъ пушки.... мы можемъ и камнемъ ибѣтать во врага....

— У.... разумѣется.... Камнемъ его! Ну, а все-таки вотъ и недогадаться чего нѣтъ! А?

— Право, не понимаю, что-же еще тутъ быть должно....

— Не вѣдаешь?... А на крышѣ-бы, взпримѣрь?

— Что-же на крышѣ.... флагъ, что-ли?

— Башни, батюшка, башни!...

— А! такъ-сказать, обзорница?

— Ну да; съ которой-бы можно было обозрѣвать всю окрестность, вотъ что!... Она-то у меня теперь и дѣлается.... Пойдемъ все покажу.... Да, а ну позволь-ка, продолжалъ Иванъ Матвѣевичъ замѣчая присутствіе прибывшихъ съ нами крестьянъ. Эти молодцы-то

— Эти, ваше высокоблагородіе, — отозвался съ поклономъ Микъ Логиновичъ....

— Бравый народъ.... Бравый! Ну, что, православные, продолжалъ Синюшкинъ: вотъ извольте видѣть, къ намъ идетъ врагъ, половина насъ, дома наши жечь да грабить....

— Слышали, напасть—кормилецъ! слышали! отозвались ратные....

— То-то.... слышали.... Ну, такъ какъ вы того, на счетъ этого думаете? А?

— Да, что думать, вашескоблагородіе, отозвался одинъ изъ молодыхъ парней.... Нехорошо это выйдетъ....

— Не надо-ть бы себя въ обиду дать!... подхватилъ другой.

— То есть, примѣрно сказать врагъ замахнется, а ты его ударь, ударить а ты его и приголубь..

— Вѣстимо, кормилецъ.... Для чужь и не накостылять нехрыстю загревку.... Что мы ему некрещеные достались.... Либо што безголосые, безъ откляку! замѣтилъ тотъ-же говорунъ.

— Да, да! такъ! Ай да Сенька — ухо! подмигнувъ, сказалъ Михай Логиновичъ....

— Вотъ теперь, ребята, я васъ и спрошу: срълять-то вы умѣете? слова началъ майоръ.

— Для-ча — не стрѣлять? Было дѣло.... стрѣливали, вашеское благородіе.

— Ну, а если этакъ, примѣрно сказать, иному прочему, на коня бы посадить пришлось?

— И то могнмъ-сь.

— Bravo! Видите, Макарь Макаровичъ.... затѣи-то у меня какого рода.... У насъ и разѣзды будутъ. Хорошо, ребята, — хорошо! Что-же касается до рукопашной, то я васъ знаю, ребята.... и на случаѣ подрагъся, ужъ и не прошу....

— И не просите, вашеское благородіе, промолвилъ передовой, рослый и здоровый мужикъ.... Только встрѣлся-бы намъ незваный, такую ему баню истопимъ, съ вашего позволенія, что и на предки не пожалуетъ....

— Да, говорятъ, замѣтилъ другой, самъ батюшка Царь молвилъ, чтобы дескать всѣ, малъ и великъ, поголовно шли на врага:

— Правда, братцы—правда! Идите теперь съ Богомъ въ деревню, а вечеромъ мы вамъ и службу укажемъ.

Мужики разошлись, а Сянушкинъ, Остроумовъ и Михай Логиновичъ отправились обозрѣвать укрѣпленіе. Съ этаго дня въ усадьбѣ Ивана Матвѣевича начались безпрестанныя воинскія упражненія. Неумоимый майоръ обучалъ своихъ ратниковъ стрѣльбѣ, строю, дѣлалъ тревоги, и въ двѣ съ небольшимъ недѣли онъ уже распоряжался такими молодцами, что въ случаѣ дѣйствительной нужды — смѣло могъ понадѣяться на ихъ отважность и на снаряжку своихъ ратниковъ.

А между-тѣмъ слухи о приближеніи непріятеля съ каждымъ днемъ

получали болѣе и болѣе вѣроятности. На первое августа отрядъ казаковъ и гусаръ, изъ корпуса Раевского, бивуакировалъ въ нашей усадьбѣ.... Со втораго Макарь Макаровичъ—простился съ нами, и благословленный старымъ маіоромъ, съ двѣнадцатью конными и хорошо вооруженными молодцами, отправился на повскъ. Два дни не было никакой вѣсти о нашихъ ратникахъ, наконецъ — къ удѣшенію Ивана Матвѣевича, Сенька завидѣлъ съ вышки возвращающійся отрядъ въ полномъ составѣ и невредимый. Въ то-же время послышались отдаленные залпы орудій, которые скоро слились въ одинъ протяжный гулъ, изрѣдко превращавшійся въ страшный раскатъ грома. Пальба не умолкала до поздней ночи. Мы всё были на ногахъ.... Дамы находились въ совершенномъ ужасѣ. Амалія Карловна рѣшительно обезпамятѣла.... И когда, вечеромъ, успокоенные совершеннымъ молчаніемъ, мы собрались въ столовой — всё были изумлены отсутствіемъ мадамъ Нестлейнъ.... Бросились искать ее, обошли садъ, дворъ, амбары — Амалія Карловна не было.

Это обстоятельство поставило въ недоумѣніе все наше небольшое общество. Никто не могъ разгадать, куда бы могла пропасть крупная Амалія Карловна. На этотъ счетъ было сдѣлано нѣсколько предположеній, и наконецъ, всё остановилось на мнѣніи маіора: онъ думалъ, и даже утверждалъ, что мадамъ Нестлейнъ съ испугу спряталась гдѣ-нибудь на чердакѣ, или въ подвалѣ, или на сѣновалѣ, расположенномъ надъ амбаромъ.

— Будьте покойны, добавлялъ онъ: нѣмка отседется и придетъ.... Пропастъ ей не-куда. Всего лучше, займемся дѣломъ: Пока будемъ чай пить — не угодно ли вамъ, Макарь Макаровичъ, слать коротенькій рапортъ командиру редута, маіору Сньюшкину, о результатѣ вашей экспедиціи.

— Два дня и двѣ ночи бродилъ я въ окружныхъ поляхъ и кустарникахъ, сказалъ Макарь Макаровичъ, но не встрѣтилъ ни одного врага, а сегодня, назарѣ, слышавъ выстрѣлы — невольно посвѣшилъ въ усадьбу, думая—что въ ней присутствій мое нужнѣе.

— Такъ, такъ! отозвался маіоръ. Слѣдовательно, вы нигдѣ не замѣтили непріятеля....

— Все осмотрѣлъ понемногу, и ничего не видалъ....

— Ну, а выстрѣлы-то съ которой стороны вы слышали?

— Со стороны Смоленска.

— И порядочная была жарня?

— Безъ умолку.... Гадательно, что цѣлые леіоны сразились....

Въ эту минуту зады озеромъ раздался выстрѣлъ, за ограномъ бар-

скаго дома отвѣчали тѣмъ же, и скоро, по вѣстму нашему укрѣпленію загудѣла перестрѣлка, которой вторилъ за озеромъ набатный колоколъ:

— Что это.... Неужели ужъ гости! вскричалъ маіоръ.... Скорѣй, скорѣй друзья! Логинычъ, береги барынь.

Маіоръ и Макарь Макаровичъ въ ту же минуту выбѣжали на дворъ, гдѣ уже исправные ратники стояли подь ружьемъ....

— Огня! Фонарей! кричалъ Иванъ Матвѣевичъ... Ну, что случилось? спросилъ онъ, когда освѣтили дворъ и когда смогла перестрѣлка.

— Не можемъ знать, батюшка баринъ....

— Да кто стрѣлялъ?...

— Насъ вызвалъ Сенька.

— Сенька, для чего ты стрѣлялъ?...

— Да Макарь, кажись, началъ, аля кто другой, только вонъ первая свиснула изъ правой бойницы....

Началось слѣдствіе, и оказалось, что всю эту перепалку началъ сапожникъ Макарь.

— Ты выстрѣлялъ? спросилъ маіоръ, обращаясь къ нему.

— Я, вашеское благородіе, а за мною и всѣ прочіе, по эвтому же случаю и набать ударили....

— Да для чего же ты поднималъ тревогу?

— А какъ же.... Вѣстимо, вѣдь сказано было, что часовой отъ своего мѣста ни на одинъ шагъ, а коли что приключится, стрѣляй изъ ружья....

— Экіе олухи, олухи! Ну, такъ что же у тебя случилось....

— А, какъ же.... вонъ, эвотколь, шаговъ на пять отъ меня, кто-то ввалился въ яму, ну и кричить: помогите! Вѣстимо, какъ тутъ немочь.... я и выстрѣлялъ; думалъ, что Сенька смекаетъ, а онъ и тово, а отъ него и другіе приняла.

— Въ ямѣ, говоришь ты? спросилъ Макарь Макарычъ; да кто-жь бы это?

— А, Богъ его вѣдаетъ.

— Патеро за мной! сказалъ маіоръ.... Маршъ!

Калитка была отперта, и маіоръ, сопровождаемый Макаромъ Макаровичемъ и пятью вооруженными крестьянами, быстро, какъ только позволила ему болѣзнь, перебѣжавъ мостикъ, подошелъ къ указанной волчьей ямѣ.

— Возьмико ребята на прицѣлъ.... Посвѣти!

Курки щелкнули и пять ружейныхъ дулъ, освѣщенные фонаремъ, склонились надъ ямой... Въ тоже мгновеніе громкій вѣнлъ испуга раз-

дался въ ямъ, и любопытные взглянувъ въ нее, къ общему изумленію, вмѣсто зааркаеннаго врага, встрѣтили умоляющій взглядъ и испуганное лицо Амаліи Карловны....

— Матушка сударыня! да какъ это вы сюда попали.... Еще спасибо, кажется, Богъ милославъ, безъ вреда! вскричалъ майоръ.

— Спасите! Спасите, Иванъ Матвѣевичъ! отозвалась Амалія Карловна, стараясь протолкнуть вверхъ руки.

— Да, какъ не спасти.... свой человѣкъ.... Помогите ей, братцы.... Эхъ, матушка, добавилъ Синюшкинъ, когда мадамъ Нестлейнъ была возвращена нашей усадьбѣ.... Трамбовку-то, такъ-сказать, мы испортили! Да какъ это вы туда попали?

Оказалось, что Амалія Карловна, испуганная отдаленными выстрѣлами и мыслію о приближеніи враговъ, рѣшилась бѣжать въ кустарникъ, гдѣ думала найти вѣрное спасеніе и гдѣ просидѣла въ оврагѣ до самой ночи. Когда выстрѣлы смолкли, она нѣсколько успокоенная, нашла болѣе выгоднымъ провести ночь подъ кровлею Синюшкина, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, и стала взбираться на гору. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рва, одинъ изъ сторожевыхъ, замѣтивъ приближающагося человѣка, такъ страшно рывкнулъ подъ ухо Амаліи Карловны: «Кто идетъ? Говори — убью!» что несчастная, не справясь еще отъ перваго страха, съ ужасомъ и крикомъ: спасите, спасите! метнулась всторону и прямо полетѣла въ яму. Тутъ-то и послужился Макаръ. Это событіе доставило матерьяла для разговора на цѣлую ночь.

Слѣдующій день никто не смыкалъ глазъ. Канонада — подъ городомъ возобновилась.... Иванъ Матвѣевичъ послалъ Сеньку поразвѣдать, а между-тѣмъ продолжалъ готовиться къ встрѣчѣ враговъ. Человѣкъ скоро привыкаетъ ко всему. Точно также, трое сутокъ прислушиваясь къ неумолкаемымъ выстрѣламъ, общество наше, разумѣется, говорю продавъ, на четвертый день совершенно равнодушно вязало чулки подъ разтворенными окнами, въ которыхъ нерѣдко дрожали, стекла при страшныхъ, хотя и отдаленныхъ отъ насъ запахахъ орудіи. Поздно вечеромъ того дня явился Сенька. Приходъ его былъ давно ожидаемъ, а потому все взоры обратились къ вошедшему.

— Ну, что Сеня? спросилъ Иванъ Матвѣевичъ.

— Да что, вашеское благородіе... вѣдъ право слово наслу утекъ.

— Какъ? Случилось развѣ что-нибудь?

— А вотъ извольте видѣть, я вамъ доложу все попорядку, т. е. какъ оно было выходить...

— Ладно, говори, да только околесной не надо.

— Для-ча околесную; такъ-таки прямымъ манеромъ все и выскажу, какъ на столъ выложу...

— Ну, ну!

— Выходить, вашеское благородіе, — позавчера отправился я, непоудличавши... никого, такъ себѣ, не встрѣлъ и добрался до Кваскова... Тутъ съ вашего позволенія, на утро у меня страхъ и руки и ноги отнялъ; словно онѣмѣлъ весь... Такъ вотъ меня ужасть и прогвоздила съ головы до пятъ... ядры, знаете, свищуть... пыль, дымъ... Просто, въ самую-то что ни на есть сумятницу попалъ... Вотъ я и тягу и назадъ, опять въ Квасково... Думаю, приказано развѣдать, ну, дескать, и надо развѣдывать. Просидѣлъ я, примѣрно сказать, у пріятели Фомы Иванова до другаго вечера... Погляжу, народъ-то православный собралъ пожитки, да и въ лѣсъ. Чтѣ это, говорю, какая болѣсть приключилась? А вотъ, говорятъ, обожди, увидишь... Смоленскъ взять. Французъ идетъ. Дѣло было къ ночи... Нечего грѣха тавть, не больно охотно собрался я въ дорогу; одному-то какъ-то не повадно... Да дѣлать нечего: всѣ уходятъ, думаю, и намъ пора пришла. Задалъ овсеца соврасому, заѣдалъ быстроногаго... иноходчикъ вѣдь, вашеское благородіе... ну, и пустился. Ночь, примѣрно сказать, застигла меня на распутьи... и я зашлутался. Брошусь вправо, или нень или колода, сворочу налѣво — гладь проселокъ потерялъ, а столбовой держаться не пера, трушу, прязательно вашей милости сказать... Такъ мучился я до сегодня; конь было началъ уставать, да лиха бѣда дорога найдена... Ну, думаю, соврасый тащи хоть черезъ силу, овсеца пересыплю. И самого, грѣха тавть нечего, маленько прошибло... слышу, что вотъ просто отъ голода пухну, съ вашего позволенія. Да ничего, молъ — и до фатеры теперь не далеко, вытерпимъ, чтѣ дѣлать-то!.. взялъ, да съ голодухи и затапулъ *«Въ сарафанъ кума, во кумашномъ она....»* Вдругъ цапъ... Пафъ! Пафъ!...

— Чтѣ-о! выстрѣлъ? тревожно спросилъ Иванъ Матвѣвичъ.

— Еще и не одинъ, а два... Мой саврасенькій чебурахъ на всѣ четыре ноги, а я, вѣстимо дѣло, подъ него... Ну, думаю, Сенька, придется твоей хозяйкѣ на все село голосить. Вотъ и рванулся было я изъ-подъ коня, а ужъ саврасенькій храпитъ, и шею вытянулъ... погляжу кругомъ, а около меня, какъ лѣсъ выросъ... Человѣкъ пятнадцать ляходѣвъ, да такія рожи, съ вашего позволенія, батюшка Иванъ Матвѣвичъ, что у меня въ глазахъ зелено стало. Вытащили они меня изъ-подъ сѣдла, нечего грѣха тавть, дали и треуха раза два... вотъ я и ободрился. Погляжу, у одного хара такая знакомая, что будто бы вотъ тельно вчера съ нимъ цѣловался. Другіе-то, знаете, такъ непо-

христіанскому что-то заговорили, а одинъ просто по нашему, по русскому, и говорить: Сенька, веди насъ въ усадьбу къ Свиношанину, мы же, говорить, заплутались. А ты, я говорю, нешто нашъ... почему ты меня знаешь! — Маршъ, говорить, нетолкуй, прикладомъ пришибу.

— Ахъ, прахъ побереи! вскричалъ Иванъ Матвѣевичъ, да кто жь-бы это былъ, что даже и мою фамилію назвалъ?..

— Кому же больше, какъ не г. Бажателю... Разбойникъ, это онъ! съ невыдержаннымъ негодованіемъ отозвалась Амалія Карловна.

— А что думаете: вѣдь пожалуй... Ну, ну, продолжай, Семень.

— Вотъ-съ... дѣлать него, повели меня молодца, какъ борзую на сворѣ... Иду, оглянусь, а къ затылку мнѣ такъ и наровяты свинцовый пластырь примазать... только я небудь промахъ, проплуталъ съ молодцами до поздней ночи, завелъ недруговъ въ болото, да и юркнулъ въ кусты...

— Молодецъ! Молодецъ!

— По мнѣ, изволите видѣть, пули три свиснули въ догонку, да обочились... Я на уходъ... они за мной... я вправо, влѣво... завелъ гостей въ такой омутъ, что и самъ думалъ изъ него не выберусь; однако Богъ милувалъ, утекъ.

— Далеко-ли-же, по твоему разсчету, ты ихъ оставилъ?

— Отъ усадьбы-то, вашеское благородіе?

— Да.

— Верстахъ въ десяти будетъ... Да куда имъ, шрвалятся тамъ въ окна.

— Ну, нѣтъ, любезный, не шути! отозвался Иванъ Матвѣевичъ: если съ ними въ-самомъ-дѣлѣ этотъ измѣнникъ Бажатель, то онъ найдетъ дорогу: ему въ окрестности каждая тропинка знакома; онъ вѣдь и дневалъ и ночевалъ въ кустахъ, гоняясь за бекасами... Однако ничего... Спасибо, что съумѣлъ уйти и предупредить. Мы сейчасъ разрядимся.

При этомъ майоръ, несмотря на просьбы жены и матушки, не покидать ихъ, разпорядился такъ: въ усадьбѣ на плотинѣ, у телегъ, оставилъ только четверыхъ молодцовъ, за рвомъ, въ домѣ десять, поручивъ ихъ командирству Михѣя Логиновича, а самъ съ остальными и съ Макаромъ Макаровичемъ, раздѣлясь на два отряда, рѣшился идти на поискъ, увѣренный, что непременно встрѣтитъ бродягъ.

Мы дѣти, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ настоящей опасности

ств, съ большимъ любопытствомъ заглядывались на вооруженіе, которое раздавалъ своей храброй дружинѣ храбрый Иванъ Матвѣевичъ.

Наконецъ майоръ простился съ нами, вспрыгнулъ на сѣдло, и отправился къ болотамъ. Макарь Макаровичъ съ своимъ отрядомъ направился къ большой дорогѣ.

Въ тоскливомъ ожиданіи и страхася каждую минуту нечаяннаго нападенія, дамы наши, то забирая насъ съ собою, уходили въ самые отдаленные углы кухни, или спускались въ подвалы, или на нѣсколько мгновеній появлялись на террасѣ. Михай Логиновичъ, съ важною осанкою, стараясь казаться совершенно равнодушнымъ и готовымъ на всякую встрѣчу, павлиньимъ шагомъ расхаживалъ у рѣшетки. Заглядывая въ бойницы, онъ безпрестанно повторялъ: не дремать, ребята! Поднимай голову вверхъ, протѣжно обкликалъ Сеньку, поставленнаго на вышку, часто повторяя ему неизмѣнное: Посматривай!.. Наконецъ, подходя къ террасѣ, онъ же, неусыпный и внимательный Михай Логиновичъ, обращаясь къ дамамъ, медленно снималъ съ руки кожаную рукавицу, потомъ также флегматически приподнималъ свой картузъ и говорилъ. Успокойтесь, матушки-барынки: все благополучно; выходить, по моему главному расчету; такъ-сказать, ничего не будетъ!

Дѣйствительно тяжелая долгая тьма ночи, которая показалась намъ тогда цѣлымъ вѣкомъ, пачала разсѣиваться, и скоро, къ нашему удовольствію, а особенно къ радости Сеньки, легко уже было различить всѣ предметы версты на двѣ въ окружности. Свѣтъ дня имѣеть удивительное вліяніе на моральныя силы человѣка... Душа и сердце, какъ бы они ни были робки, при первомъ проблескѣ зарн ободряются... Такъ точно и моя матушка, вмѣстѣ съ Амалією Карловною и Марьею Петровною, вздохнули свободно отъ полноты изнуренной души, когда полуосонное лицо и вся фигура Михѣя Логиновича, украшенная ружьемъ и кинжаломъ, вырисовалась въ глазахъ ихъ, во всемъ своемъ богатырскомъ величій.

Марья Петровна приказала подать кофе. Столъ вынесли на террасу. Оставалось приняться за фрыштикъ, какъ громкій крикъ: Французъ! Французъ! раздавшійся на вышкѣ, будто упавшая къ ногамъ нашимъ молнія лишила насъ всякой смѣлости и возможности двинуться съ мѣста. Страхъ былъ до того великъ, что Амалія Карловна, почти въ безпомоществѣ, схватила кофейникъ, стараясь спрятать его, очевидно отъ враговъ, куда-нибудь подалеже. Между-тѣмъ, ясно можно было разглядѣть человѣкъ двѣнадцать французскихъ солдатъ, показавшихся со стороны гѣсъ. Забросивъ, съ прикинутыми штыками, свои ружья на плеча,

они безопасно стали подниматься въ гору. Въ эту минуту четыре выстрѣла раздалась за телегами на плотинѣ, и одинъ изъ солдатъ упалъ, повидимому, раненный на смерть. Въ толпѣ враговъ сдѣлалось замѣшательство и они, по знаку передоваго, кинулись къ телегамъ...

— Наши бѣгутъ... бѣгутъ! Ахъ разбойники... спасовали, бѣгутъ! крикнулъ, Сенька.

— А, вотъ я ихъ уже... барину скажу! отозвался оторопѣвшій Михай Логиновичъ, въ то время, какъ четверо защитниковъ плотины дѣйствительно пустились на уходъ, къ толпѣ бабъ и мальчишекъ, собравшихся на берегу озера...

Однако враги не преслѣдовали бѣгущихъ, и очевидно, отдѣлявъ изъ своей партіи человекъ пять; на случай предупрежденія новой засады, стали быстро подниматься къ барскому дому...

— Сюда идутъ... къ намъ! къ намъ! крикнулъ Сенька.

— А? Къ намъ! Вотъ мы ихъ! отвѣчалъ Михай Логиновичъ... Стрѣлай ребята!.. или нѣтъ... Постой! Обожди...

— Да чего ждать-то? спросилъ Макаръ... Руки чешутся, я право свисну...

— Ну... пожалуй, валяй! Не подпускай ихъ только близко...

— Что-жь командуи, Михай Логиновичъ!

— Да что тутъ командовать... Валяй безъ команды... Дуй въ голову, да и баста...

— Пали, ребята! крикнулъ Макаръ, и бойницы одѣлись дымою, пули свиснули перекрестнымъ дождемъ на встрѣчу французамъ...

На террасѣ между нами раздался общій крикъ ужаса, и всѣ бросились, кто куда могъ. Между-тѣмъ, вотъ что случилось въ наше отсутствіе...

Встрѣтивъ ружейный залпъ, враги съ крикомъ угрозъ и проклятій, положивъ штыкъ на руку, бросились ко рву...

Тутъ только Михай Логиновичъ вспомнилъ, что по отъѣздѣ Смирничкина и Остроумова, онъ забылъ снять мостикъ...

— Батюшки! Батюшки свѣты! Завопилъ мой дядька... то вѣдь мость лежитъ... стрѣлай! пали! въ топоры ихъ...

Но уже было поздно. Ловкіе егеря живо перебрались черезъ ограду, штыками опрокинули бойницы и съ народомъ, кинувшись на Михай Логиновича.

— Чтѣ вы, душегубы... Чтѣ вамъ надо? вскричалъ старикъ, хватившись за кинжалъ...

— Ни съ, нѣста, старый колпакъ... вскричалъ передовой солдатъ добрыхъ знакомыхъ не узнаешь!..

— А! разбойникъ Бажатель... шпатулка канальская. Песъ смерлящій!

— Э! братъ, да ты еще браниться! Смотри... ты видишь, что у насъ хватить рукъ завязать тебѣ языкъ въ узелъ... Тутъ онъ обратился къ своимъ, и передалъ имъ, на непонятномъ для Михѣя Логиновича мартѣи, какое-то приказаніе.

Двое товарищей Бажателя взвели курии ружей и выжили впередъ опрокинутыхъ бойницъ, грозя прострѣлить каждую высунувшуюся оттуда голову.

— Ну, видишь, пріятель, продолжалъ французъ, помощи тебѣ ждать нестуда... А тѣ, что за озеромъ, намъ нестрашны: ихъ стерегутъ пять молодцовъ... Ну, говори, гдѣ баринъ?

— Господь здѣсь нѣтъ никого... я только одинъ? отвѣчалъ Михѣй Логиновичъ.

— Лжешь, старикъ!

— А чтѣ нѣтъ за надобность обманывать тебя? Вонъ ужъ третій день, какъ они увѣхали изъ усадьбы.

— Ну, хорошо... Намъ ихъ не надо! Скажи ко, гдѣ ихъ добро... Тамъ серебро, кой-какія хорошія вещицы?

При этомъ вопросѣ отчаянная и рѣшительная мысль мелькнула въ головѣ Михѣя Логиновича.

— Вотъ въ этомъ амбарѣ... все складено... Да неужли ты насъ ограбишь, господинъ Бажатель... Насъ, чью хлѣбъ-солъ ѣлъ?

— Рассказывай тутъ... Давайко ключъ!

— Чтѣ дѣлать... Доля невольная... Изволь, пойдемъ, все укажу; но только съ тѣмъ, чтобы ты крестьянскаго и волоса не тронулъ.

— Убирайся ты со своими лапотниками... Есть чтѣ у нихъ взять... Ну, поворачивайся... Живо! Время дорого...

— Позволь же... вѣдь надо засвѣтить фонарь... Тамъ темно...

— А гдѣ у васъ фонарь? Я пошлю: сыщутъ...

— Да для чего далеко ходить... въ каждой бойницѣ есть по фонарю... Эй! Макарь! давай фонарь...

Макаръ высунулъ свою голову, и видя, что ни одно ружейное дуло не угрожаетъ ему, спокойно вылезъ изъ своего заключенія...

— На! проклятый измѣнникъ! сказалъ онъ, подавая Михѣю Логиновичу фонарь.

Между-тѣмъ, въ ту минуту, какъ французы принялись добывать огонь, — старикъ успѣлъ что-то шепнуть на ухо Макару.

— Ну, теперь все готово... Ступай впередъ! сказалъ Бажатель, весьма неделикатно толкнувъ Михѣя Логиновича.

Старикъ повиновался... отперъ амбарную дверь и переступилъ порогъ ея: за нимъ слѣдовали и всѣ французы, не замѣчая того, что отчаянный Макаръ остался за дверью... Едва только послѣдній изъ враговъ, скрылся въ амбарѣ, какъ дверь, быстро захлопнутая удалцомъ, была заперта на ключъ, который въ ту же минуту полетѣлъ въ ровъ...

— Ребята бей ихъ! крикнулъ Макаръ, кидаясь на близъ стоящаго къ нему врага.

Крестьяне ободрились, ударили въ приклады; и смяли сторожевыхъ...

Еще на дворѣ не кончилась эта моментальная схватка, а уже полное восторга и удовольствія лицо Михѣя Логиновича, показалось въ сквозномъ окнѣ сѣнника, расположеннаго надъ амбаромъ... старику, который рѣшительно готовъ былъ пожертвовать собою — посчастливилось. Едва только онъ замѣтилъ, что грабители заперты, какъ, не теряя ни минуты, потушилъ огонь въ фонарѣ, и пользуясь темнотою, бросился къ лѣстницѣ, вѣдающей на сѣноваль. Взбѣжать на верхъ и приводить лѣстницу для бодрого и рѣшительнаго старика было дѣломъ одного мгновенія.

— Знай нашихъ! Звѣрка въ ловушкѣ... Спасибо, Макарушка, за помощь! Кричите! Ругайтесь — волки некормленные, а ужъ шкуру-то потянемъ съ васъ! говорилъ Михѣй Логиновичъ, спускаясь на землю, въ то время, какъ отчаянные удары прикладами градомъ сыпались на дверь анбара...

— А, вотъ и наши! А вотъ и батюшка Иванъ Матѣевичъ! крикнулъ Сенька, равнодушный зритель всего происходившаго передъ его глазами.

Дѣйствительно, храбрый маіоръ подоспѣлъ во-время Пятеро французовъ, занявшихъ входъ у плотины, при появленіи Ивана Матѣевича — обратили тылъ. Заключенные въ амбарѣ были съ большими церемоніями и торжествомъ обезоружены, и какъ военно-плѣнные переданы по принадлежности, не исключая и ученаго м-г Бажателя, которому жестоко досталось, въ день его пораженія, отъ Амалии Карловны...

Вотъ единственная и замѣчательная сцена изъ достопамятной эпохи, которую я живо помню. До занятія Москвы непріателемъ и въ несчастное его отступленіе намъ болѣе не удавалось съ нимъ встрѣчаться... Разъ только неугомонному Макару Макаровичу, — гдѣ-то, на проселочной дорогѣ, довелось порубиться съ мародерами, чему очень завидовалъ Иванъ Матвѣевичъ.

Кончилисъ ужасы, какими было полно время нашествія врага на Россію; мы снова перебрались въ свою усадьбу, гдѣ, послѣ долгой разлуки, обняли батюшку... Израненный — не долго жилъ онъ, и умирая, поручилъ меня попеченіемъ матушки и надзору добраго Михѣя Логиновича... Съ нимъ-то я странствовалъ вездѣ... На его глазахъ снова принялся за книгу, и на его же глазахъ кончилъ университетское образованіе. Матушка умерла на второй годъ моего отъѣзда изъ деревни. Крѣпко возставааъ старикъ, когда я объявилъ ему мое желаніе ѣхать на Кавказъ... Но я настоялъ на своемъ, и теперь мы въ дорогѣ. И вотъ тысяча встрѣчъ, которыя-то волнуютъ сердце, то глубоко залагають на вещь — послѣднее обстоятельство... встрѣча съ Таничкой... кажется, не скоро растанется съ моею душою... И дѣйствительно, какая бездна причинъ задуматься объ этой встрѣчѣ. На дорогѣ, на станціи, въ самую грустную минуту дорожныхъ тревогъ, встрѣчается прекраснѣйшая дѣвушка, какихъ еще не рисовало мое воображеніе. Изъ разсказовъ ея добраго старика отца и слугъ, я узнаю, съ замирающимъ отъ горя сердцемъ... что эта миленькая, хорошенькая Таничка — почти лишена разсудка, — потерявъ своего жениха... И вдругъ откровенный папаша несчастной дѣвушки разсказываетъ, что я чрезвычайно похожъ на того, кого такъ страстно любила дочь его... Въ-самомъ-дѣлѣ... это же самое на другой день высказывается и во всѣхъ словахъ, во всемъ обращеніи Танички со мною... Цѣлый день, даже два я былъ счастливъ... А теперь!.. Бѣдная Таничка — она плакала, разставаясь со мною; она почти рыла — готова была просить меня, чтобы я ѣхалъ съ ними въ Пятигорскъ... И радъ бы, да служба, да Михѣй Логиновичъ...

Но чего не случается... Еще быть-можетъ встрѣчусь!

ДАМШЕТТО.

ПЛАНЪ ТРАГЕДИИ, РАЗСКАЗАННЫЙ АРТИЛЕРІЙСКИМЪ КАПИТАНОМЪ

НАПОЛЕОНОМЪ БОНАПАРТЕ.

Въ двухъ миляхъ отъ Марсели находится прекрасное имѣніе, принадлежавшее прежде семейству императора Наполеона, гдѣ молодой Бонапарте началъ, можетъ-быть, впервые задумываться надъ своею будущастью.

У подошвы дикихъ горъ раскинуть превосходный пейзажъ, который, кажется, ждетъ только гениальнаго живописца, чтобъ перейти на полотно. Вездѣ огромныя деревья, голыя скалы, пропасти, и между ними рѣдкія растенія, роскошныя цвѣты блестятъ яркими красками, и все это оживлено вѣчнымъ ропотомъ морскихъ волнъ.

Въ этомъ очаровательномъ убѣжищѣ семейства Клари, Бонапарте мечталъ о тронѣ на Востокѣ, который разрушился при осадѣ Сень-Жанъ д'Акра. Странно, что Наполеону суждено было видѣть всегда передъ собою горы. Начиная съ вулкановъ Аяччіо до св. Елены, передъ нимъ промелькнули горы Марсельскія, ущелья Оліульскія, Альпы, Сень-Бернаръ, Сипплонъ, островъ Эльба, цѣлая жизнь усѣянная потухшими вулканами.

Надалеко отъ дома возмывается самое благородное, и величественное дерево, произведенное природою — кедръ финикійскій. Невозможно считать, даже приблизительно, два рожденія этого исполина, потому-что очень легко ошибиться нѣсколькими столѣтіями. Страшно подумать, сколько происшествій, сколько переворотовъ пропеселось надъ лѣнъ старымъ кедромъ. Ароматы растений и морской вѣтеръ набальзамировали его, какъ мумію, жизнь остановилась въ его жилахъ, корни давно высохли, но кедръ все еще стоитъ твердо, играетъ съ бурями, улыбается солнцу и любитъся на море.

Однажды, въ лѣтній вечеръ 1794 года, подъ кедромъ собралось веселое молодое общество и вздумало разыгрывать шарады. Начали импровизировать костюмы греческіе и турецкіе, изъ золоченой бумаги начали дѣлать каски, булавы и шлемы, изъ шалей мантии и тоги. Одна дѣвушка, прекрасная какъ грація, нарядилась Ифигеніей и вдругъ закричала :

— Вотъ идетъ мой братъ, артиллерійскій капитанъ. Онъ, вѣрно, хочетъ проститься съ нами передъ отъѣздомъ въ Тулонъ.

Въ аллеѣ показался молодой человекъ, блѣдный и худощавый, съ правильными и благородными чертами. Въ его глазахъ выразилось столько твердости и силы, что актеры, незнавшіе его, немного смутились, потому-что онъ засталъ ихъ за дѣтскими играми. Одинъ изъ молодыхъ людей, одѣтый греческимъ героемъ, снялъ даже свой золотой шлемъ и съ комическою важною поклонился гостю. Летиція Бонапартъ представила всѣмъ своего сына и импровизованные артисты обступили молодого человека, какъ бы дожидаясь позволенія продолжать игру.

— Вы играете въ шарады? спросилъ артиллеристъ.

— Точно такъ, капитанъ, отвѣчалъ греческій герой. Мы уже представляли турецкаго генерала, которыхъ, какъ вы знаете, зовутъ ага и египетскую статую *Мемнона*. Теперь остается только представить *Агамемнона*.

Говорящій это вѣрно не подозрѣвалъ, что передъ нимъ стоитъ будущій Агамемнонъ.

Такъ-какъ шарада была уже отгадана, то и не стоило оканчивать ее. Все общество бросило костюмы и столпилось подъ кедромъ. Молодой артиллеристъ сѣлъ возлѣ своей матери и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ пристально, что многіе опустили глаза.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ я пріѣхалъ съ моимъ семействомъ въ

Марсель, сказалъ онъ: меня занимаетъ одна мысль, одно воспоминаніе о Сампјетро де-Бастелика, который былъ мой соотечественникъ и котораго я уважаю за его необыкновенный характеръ и твердость. Сегодня, въ одной изъ старыхъ улицъ, я нашелъ древній домъ, въ которомъ, по моему мнѣнію, должна была происходить страшная драма. Я увѣрилъ себя, что въ этомъ домѣ жилъ Сампјетро, и хотя наша эпоха пристрастилась къ идилліи, съ-тѣхъ-поръ, какъ во Франціи всюду сцены ужаса, я искалъ вездѣ сюжета для трагедіи.

— Ты хочешь написать трагедію, братецъ, спросила красавица, похожая на оживленную греческую статую.

Но капитанъ не обратилъ вниманія на слова сестры и продолжалъ.

— Я искалъ сюжета изъ нашей исторіи, а что можетъ-быть выше корсиканскихъ героевъ, съ твердою душою, съ непреклонною ненавистью. Сампјетро одинъ изъ такихъ героевъ, и съ нимъ не можетъ сравниться мавръ Шекспира.

Всѣ въ молчаніи придвинулись къ молодому оратору и жадно слушали его импровизацію.

— И такъ, сегодня, продолжалъ онъ, я мечталъ о Сампјетро и его странной судьбѣ и бродилъ по улицамъ Марсели. Вдругъ, поднявъ голову, я остановился въ удивленіи. Передо мною былъ домъ времени Генриха II, съ рѣзвыми украшеніями, узкими окнами и фантастическими фигурами по угламъ. Я подумалъ, что, можетъ-быть, въ этомъ домѣ жила жена Сампјетро и ждала мужа. Она была богата и принадлежала къ одному изъ древнихъ семействъ въ Корсикѣ, стало-быть, очень возможно, чтобы этотъ домъ, который и въ 1555 году былъ однимъ изъ лучшихъ въ городѣ, принадлежалъ Ванниѣ Орнано. Непреодолимое любопытство влекло меня къ этому древнему жилищу и я пошелъ на лѣстницѣ.

— Кого вамъ надобно? спросила меня какая-то женщина.

— Ваннину Орнано, жену Сампјетро, отвѣчалъ я.

— Здѣсь нѣтъ такой женщины.

— Кто же живетъ въ первомъ этажѣ?

— Первый этажъ пусть, послѣ колдуна Готфрида, котораго сожгли.

Эти слова поразили меня. Тутъ жилъ колдунъ, но прежде его могъ жить и страшный Сампјетро, потому-что есть роковая жилища, назначенныя судьбою для необыкновенныхъ гостей. Я попросилъ позволенія осмотрѣть эту квартиру; мнѣ отвѣчали, что она не заперта, и чтобы я отворилъ дверь и осматривалъ все, что мнѣ угодно.

«Я вошелъ въ большую врачную комнату, на обояхъ которой были представлены сцены изъ рыцарской жизни. Особенно привлекъ мое вниманіе рыцарь, проколовшій себя своею шпагою. Это еще болѣе утѣрило меня, что въ этой комнатѣ происходила страшная трагическая сцена, двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Декорація для моего послѣдняго акта была готова. Я со вниманіемъ осмотрѣлъ полъ комнаты, дотронулся до стѣны, къ которой прислонялась дрожащая Ванна, избѣгая холоднаго взгляда своего мужа. Двѣ тѣни предстали предо мною и воскресили прошедшее.

«Вы, можетъ-быть, не знаете героя моей трагедіи — я вамъ разскажу его біографію. Сампјетро родился въ селеніи Бастелика, близъ Аяччіо, отъ бѣдныхъ родителей, и любилъ Францію столько же, сколько ненавидѣлъ Геную. Исторія поставила его на ряду съ искуснѣйшими полководцами своего времени. Съ тремястами Корсижанцевъ онъ освободилъ крѣпость, защищаемую десятью тысячами германцевъ и отличился при Пони, Ландреси и Серизоли. Потомъ онъ вознамѣрился, освободить Корсику отъ ига Генуэзской республики подчинить ее власти Франціи. Цѣлый годъ онъ завоевывалъ, шагъ за шагомъ, холмы за холмомъ; и принудилъ наконецъ генуэзцевъ переплыть море. Но торжество его было непродолжительно, потому-что непріатели возвратились съ безчисленными силами. Чтобъ спасти Корсику отъ разорительной войны, онъ рѣшился начать мирные переговоры и отправился въ лагерь генуэзцевъ, вытребовавъ прежде охранный листъ. Однако, несмотря на эту предосторожность, непріатели его схватили и заключили въ крѣпость Бастію. Ненависть его къ Генуи увеличилась до того, что онъ убилъ бы своею рукою того корсижанца, который не раздѣлялъ его чувствъ. Генрихъ II съ трудомъ выхлопоталъ, чтобъ Сампјетро даровали свободу. Онъ вышелъ изъ крѣпости и сталъ просить руки самой богатой невѣсты Корсики, Ванны Орнано. Красавица съ гордостью отдалась герою, но только что молодые супруги собрались ѣхать во Францію, Сампјетро узналъ, что генуэзскій сенатъ раскаялся въ своемъ великодушіи, и подослалъ подкупленныхъ убійцъ, слѣдить за каждымъ шагомъ героя. Это новое преслѣдованіе не могло увеличить ненависти корсижанца, потому-что она наполняла уже всю его душу, но онъ рѣшился отмстить. Отправивъ жену въ Марсель, онъ остался въ отечествѣ, посреди дикой природы и храбрыхъ горцевъ, которые любили его истинно, и горячо чувствовали обиды, нанесенныя имъ полководцу. Сампјетро началъ собирать партизановъ и внушалъ имъ непримиримую ненависть къ Генуи и привязанность къ Франціи; во мругъ ужасная вѣсть поразила героя. Онъ узналъ, что жена его,

жившая въ Марсели, начала переговоры съ генуэзскими сенаторами, прося у нихъ, чтобы они пощадилъ ея мужа. Этому униженію не могъ перенести Сампietro, и черезъ недѣлю онъ вошелъ въ комнату, которую я осматривалъ сегодня утромъ.

— Здѣсь будетъ развязка моей трагедіи. Капитанъ Бонапарте остановился на минуту и посмотрѣлъ на свою мать. Эта женщина, съ правильными чертами, напоминала древнюю Корнелію. Глаза Корсиканки блестяли негодованіемъ, слыша о поступкѣ Ванины. Артиллеристъ улыбулся.

— Простите Ванину, матушка, сказалъ онъ: она была мелада и неопытна, и думала, что можно примирить Сампietro съ его врагами. Я видѣлъ въ Корсикѣ ея портретъ. Она не похожа на своихъ пылкихъ, смуглыхъ соотечественницъ. Ванина была блѣлая красавица, съ кроткимъ лицомъ, которое выражало столько доброты и достоинства, что всякій готовъ былъ пасть предъ нею на колѣна. При томъ же она хотѣла вернуться въ отечество, которое любила и которое всѣ мы, корсиканцы, не можемъ забыть, какъ бы далеко ни забросила насъ судьба. Я самъ не могу забыть впечатлѣній молодости. Не знаю, что ждетъ меня въ будущемъ, но если и меня, какъ Сампietro, непріатель, заключивъ на какой-нибудь скалѣ, лишитъ солнца и воздуха, то я найду въ груди своей новый міръ, новое утѣшеніе. Я буду жить прошедшимъ. Возвратимся однакоже къ моей трагедіи.

Ванина съ крикомъ радости встрѣтила своего мужа и хотѣла броситься въ его объятія, но Сампietro оттолкнулъ ее и она задрожала, встрѣтивъ холодный, презрительный взглядъ мужа.

— Передъ вами изгнанникъ, сказалъ онъ хладнокровно, голова котораго оцѣнена, и вы знаете кѣмъ.

— Чѣмъ болѣе вы несчастливы, тѣмъ болѣе жена ваша должна любить васъ.

— Моя жена торгуетъ моей честью.

— Что вы говорите.

— То, что въ Генуѣ знаютъ теперь всѣ: Сампietro унижился до того, что умоляетъ о прощеніи.

— Развѣ вы просили о помилованіи?

— Я просилъ прошенія у генуэзцевъ! вскричалъ Сампietro. Понимаешь-ли ты, что говоришь, Ванина!

— Ты пугаешь меня, другъ мой.

— Развѣ ты забыла, что генуэзцы настроили замки на нашихъ теръ и студа грозно собираютъ дань съ нашего отечества. Ты не видишь нѣтъ жестокости, низости, коварства. Они взяли меня измѣною, скормили цѣвни, мучили меня, и теперь подкупили убійцъ, которые сидятъ за мною, чтобы получить плату за мою голову. Ты забыла все это, жена Сампietro!

— Нѣтъ.

— И ты думала, что послѣ этого я буду просить генуэзцевъ!

— Стало-быть мы навсегда простились съ Корсиккою?

— Развѣ изгнаніе такъ тяжело для тебя, Ванина.

— Съ тобою я пойду на край свѣта.

— Но Гемуя, можетъ-быть, благосклонно приметъ просьбу Ванины, сказалъ Сампietro съ принужденною улыбкою. Генуэзцы такъ великодушны.

— Да, мой другъ, отвѣчала молодая женщина, обманутая улыбкой мужа: сенатъ сжалятся надъ нами... Вспомни Данте; онъ говоритъ «гнѣбъ чужбины горекъ для изгнанниковъ».

— Притомъ же у Ванины есть могущественные друзья. Орнано, Дорія ей родня; они легко могутъ уговорить сенаторовъ и спасти несчастнаго Сампietro.

— Что еслибы это случилось, проговорила въ смущеніи Ванина, выходя къ мужу, еслибы сенатъ подписалъ твое прощеніе...

— По просьбѣ вѣжной жены, не такъ ли? проговорилъ Сампietro, стараясь удержать свой гнѣвъ.

Но молодая женщина не подозрѣвала, какая буря происходила въ душѣ корсиканца, и продолжала:

— Я вижу, что ты все знаешь, мой другъ, я не могу больше скрываться, и признаюсь, что прощеніе твое подписано Дожемъ.

— Подписано мое безчестіе, закричалъ Сампietro, и ты, жена моя, ты выхлопотала это. Благодарю!!

— Боже мой! что ты хочешь дѣлать!

Мавръ Отелло, это выдумка, венеціанская легенда. Корсиканецъ обзавѣлъ своей женѣ, что должно наказать ее, а самъ любилъ ее до безумія. Онъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на блѣдное, но прекрасное лицо женщины, которую долженъ былъ наказать за измѣну. Онъ далъ бы тысячу жизней, чтобъ искупить ея преступленіе. Но слова *генуэзская республика, прощае те враговъ отечества бесчестіе*, подняли такую бурю въ груди корсиканца, что ему должно было смыть, чтобъ не запятнать свое имя въ исто-

рик Сампiero рѣшился сдѣлать это, но прежде сталъ на колѣна передъ Ванною, взялъ ея руки и осыпалъ ихъ поцѣлуями, не сводя глазъ съ прекраснаго лица молодой женщины. Казалось, что любовь взяла верхъ надъ мщеніемъ. Надежда ожила въ сердцѣ Ванны, и она упала на грудь мужа, отвѣчая на его ласки и стараясь улыбаться. Сампiero плакалъ съ отчаянія... Но мщеніе свершилось...

— Мнѣ больше правится Отелло Шекспира, сказалъ одинъ слушатель. Если вы, капитанъ, хотите написать трагедію изъ этой исторіи, то дайте Сампiero какого-нибудь соперника, разумѣется, знатнаго генуэзца. Тогда будетъ понятно, что вашъ герой, подозрительный какъ супругъ, и оскорбленный какъ патріотъ, рѣшился на страшное мщеніе.

— Тогда Сампiero будетъ походить на другихъ людей, отвѣчалъ молодой артиллеристъ, и никто не узнаетъ, на что способно сердце корсиканца, наполненное мщеніемъ.

— Позвольте замѣтить, капитанъ, сказалъ другой собесѣдникъ, занимавшій роль Агамемнона, что въ вашей трагедіи всего одна сцена нѣтъ ни развязки, ни дѣйствія.

— Я вижу, что публикѣ очень трудно угодить, отвѣчалъ Бонапарте. Вы требуете постепеннаго развитія и хода дѣйствія. Это очень скучно. Я отказываюсь отъ славы автора, и отправлюсь лучше къ осадѣ Тулона.

Молодой артиллеристъ дѣйствительно бросилъ свой планъ и трагедію Сампiero; онъ занялся другими работами, которыя обратили на него вниманіе всего свѣта, и скоро возвысили его на степень славы и могущества.

(Voleur)

МОН ЗНАКОМСТВО СЪ ГОФМАНОМЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

(Посвящается С. А. В. ...му).

Какъ въ литавры барабанилъ дождь въ кожаный верхъ нашихъ экипажей, когда мы остановились въ Берлинѣ, передъ гостинницею in den zwei Gracien «двухъ грацій.»

Мнѣ предстоялъ не маловажный подвигъ — выгрузить изъ экипажа беззлечимаго подагрика, графа Б.....

Совершивъ эту многотрудную операцію въ качествѣ домашняго врача, вѣтющаго привилегію на титулъ «l'ami de la maison», — я отворалъ другой экипажъ....

Какъ двѣ птички, выпорхнули изъ него двѣ дочери графа, едва-едва вышедшія изъ дѣтства.

Это были такія миленькія, такія хорошенькія брюнетки.

Я помню, въ Римѣ, одинъ старый художникъ, увидя ихъ, поклоняся, что самъ «il grano Canova» разбилъ бы модель, по крайней мѣрѣ, «двухъ грацій,» передъ этими образцами идеальной красоты и граціи.

Я не считалъ нужнымъ спорить съ этимъ восторженнымъ художникомъ; можетъ-быть, онъ былъ правъ.

Старшей графинѣ, Розаліи, было пятнадцать лѣтъ, вторая, Зинаида, была годомъ моложе. Младшая графиня съ быстротою итальянской руды взлетѣла вверхъ по лѣстницѣ и исчезла въ безконечной перспективѣ....

Я повелъ Розалію съ гувернанткой на скользкія ступени крыльца.

Гувернантка была довольно оригинальная миссъ.... Я называлъ ее миссъ «Чортвней», несмотря на то, что она, могильнымъ голосомъ, каждый разъ напоминала мнѣ, что надо произносить ея имя Чаурдуней; она не постигала причины моихъ постоянныхъ ошибокъ, не постигала, что я не въ состояніи былъ выворотить весь ротъ наизнанку, для приданія должной нѣжности этому гармоническому имени; даже не постигала и того, что ей было около пятидесяти лѣтъ. Впрочемъ, миссъ Чортвней была самая скромная миссъ: репертуаръ ея разговора ограничивался тремя, четырьмя фразами въ день. Молодые графини отъ души любили миссъ Чортвней, за то, что она постоянно не оставляла своей комнаты.

На первой ступенькѣ лѣстницы, Розалія остановила свои дивные, жгучіе глазки на вывѣскѣ гостинницы.

— Васъ удивляетъ этотъ девизъ! — сказалъ я: но съ той минуты, какъ вы и ваша сестра остановились въ этой гостинницѣ, ничто не можетъ быть справедливѣе этой вывѣски....

— Послушайте, мосьё Скорни! я докажу на васъ добрымъ Берлинцемъ, что вы контрабандой вывели изъ Варшавы самые невозможительные комплементы.

— За это я отомщу вамъ: я тоже сдѣлаюсь девицникомъ, и докажу, что вы, вопреки всѣмъ таможеннымъ постановленіямъ, привезли сюда столько самыхъ опасѣйшихъ зажигательныхъ веществъ, запрятанныхъ подъ длинными рѣсничками, что ихъ достаточно для взрыва всей молодежи Германіи.

— Пойдите скорѣе, мисъ Чаурдуней, мосьё Скорни самый злой человекъ: онъ скоро и у васъ отыщетъ какую-нибудь контрабанду....

— Ввозъ антиковъ не воспрещенъ, сказалъ я на языкѣ Данта, чтобы скромная миссъ Чортвней не покраснѣла отъ удовольствія.

Серебряный смѣхъ Розаліи разсыпался по лѣстницѣ, со всѣми его модуляциями. Она бросилась на помощь къ отцу, который на каждой ступенькѣ рационально обдумывалъ, съ старымъ камердинеромъ — какъ бы поудобнѣе переставить ногу на слѣдующую ступеньку.

Я пошелъ отыскивать въ экипажѣ мой дорожный портфель, съ шутевыми записками.

Росъ между женскими атрибутами, я услышалъ голосъ Розаліи.... Выглянувъ изъ кареты, я увидѣлъ въ раскрытомъ окнѣ гостиницы, какъ въ готической рамѣ, прелестную головку графини.

— Чтѣ вы отыскиваете, мосьё Скорни? вскричала она, высунувши свой очаровательный бюстъ.

— Свое сердце! отвѣчалъ я, тономъ самой отчаянной наивности.

Между нами завязался было интересный разговоръ, но въ комнатѣ раздался болѣзненный голосъ графа; онъ вопіялъ противъ сквознаго вѣтра: Розалія закрыла окно.

Графъ и миссъ Чортвней не понимали итальянскаго языка, на которомъ я говорилъ всегда съ графинями, но добрый отецъ радовался, что онъ имѣютъ въ немъ постоянную практику.

Дивныя были эти двѣ сестры! розовыя, рѣзвыя, невинныя шалуни, съ совершеннымъ незнаціемъ свѣта, и въ то же время изумительно ученыя: ихъ воспитывалъ послѣ смерти матери какой-то знаменитый педагогъ, который безъ церемоній объяснялъ имъ самыя отвлеченныя вещи, какъ бы говорилъ съ студентами академіи.

У нихъ не было ни родныхъ, ни знакомыхъ; по-крайней-мѣрѣ, большой графъ никого не принималъ.

Несмотря на совершенное удаленіе отъ общества, въ нихъ турнирять, въ каждомъ движеніи, проглядывали грація и благородство. Живыя, какъ ртуть, горячія, какъ пирофоръ, онѣ обнаруживали столько чувства, столько энергіи, что изъ нихъ можно было бы сдѣлать дюжины двѣ постовъ нашего времени. И эти трепещущія полнотою жизни созданія были окружены развалинами... Начиная съ отца, въ домѣ графа все носило отпечатокъ тѣвнiя.

Графъ думалъ только о подарѣ, и мучимый сплиномъ, замире похоронилъ себя въ кабинетъ. Его лечилъ одинъ мой знакомый докторъ, бывший прежде моимъ профессоромъ. — Наслуча возиться съ упрямымъ старикомъ, онъ рекомендовалъ ему мою особу, какъ средство для развлеченія и какъ врача, который безпрестанно будетъ слѣдить за ходомъ его болѣзни. Я перешелъ въ домъ графа; онъ полюбилъ меня, и я принялъ опеку надъ его сплиномъ и недагрю. Первымъ моимъ пожеланіемъ было достать фортепяно; я не могъ жить безъ музыки, и увидѣлъ графа, что музыкальные звуки будутъ имѣть большое вліаніе на его здоровье. Въ-самомъ-дѣлѣ, при первыхъ звукахъ старой, танцовальной музурки, которую сыгралъ я, — постоянно сдвинутыя брови графа начали расходиться; на лицѣ его блеснуло воспоминаніе удалой молодости; старикъ очевидно повеселѣлъ.

Вскорѣ, я выкопалъ цѣлую коллекцію балльной музыки, въ архивѣ одного стараго музыканта, и началъ этой ископаемой музыкой магнетизировать слухъ моего пациента. Въмѣсто сомнамбулизма, у него появилась охота рассказывать балльные похождения, когда онъ, въ мундирѣ ротмистра, злодѣйски закручивалъ усы, рисуясь на паркете салонѣ, съ очаровательными паненками...

Этого результата, моею меломаніи ожидалъ я, но не съ такимъ терпѣніемъ, какъ того, что въ графиняхъ разовьется страсть къ музыкѣ... Онѣ обладали удивительной полнотою голоса; мнѣ хотѣлось — разумѣется, изъ музыкальной филантропіи — разработать этотъ серебристый рудникъ и, какъ художнику, отлить драгоценный матеріалъ въ формы, выгнанные моимъ поэтическимъ воображеніемъ...

Я принялся сверлить маленькія, хорошенькія ушки графинь мотивами итальянскихъ оперъ; я замиралъ, я таялъ на финалахъ, какъ порція мороженого на горячемъ языкѣ разгоряченнаго артиста... Всѣ искусственныя козны, которыя геній музыки внушалъ итальянцамъ, подъ скромнымъ названіемъ *экспрессіо* — были пущены въ дѣло... Я пѣлъ тогда... и не умѣю сказать какъ сладко и упомптельно!

Четыре ручки дочерей графа такъ сильно обвилась около шеи папаша и до-тѣхъ-поръ висѣли на ней, пока онъ далъ согласіе, чтобы снѣгоръ Скороин, началъ учить ихъ музыкѣ. Уроки начались. Графини были въ восхищеніи; онѣ отъ души благодарили меня за то, что я ввожу ихъ въ новый, чудесный міръ звуковъ, о которомъ онѣ такъ часто мечтали...

Музыка увлекла ихъ; онѣ не хотѣли ничѣмъ заниматься, кромѣ музыки, за то и успѣхи были невѣроятные. Прошло менѣе года, и я почти начиналъ раскаяваться, что научилъ ихъ владѣть такимъ оружіемъ, отъ котораго нѣтъ обороны, нѣтъ защиты; древніе герои боялись его пуще огня и меча: это — пѣніе, сиренъ!

Графинямъ нужна была практика... Но на комъ же имъ попробовать это оружіе, которое я такъ хорошо выточилъ? Разумѣется, на мнѣ, грѣшномъ!

Кто же будетъ мишенью этихъ звуковъ, которые глубже пули проникаются въ сердце бѣднаго слушателя? Все-таки я, — больше никого нѣтъ!..

А въ ту минуту, когда звуки, дрожащіе лихорадкою страсти, решеваютъ душу самой пѣвицы, и кровь заревоиъ начнетъ сквозить въ прозрачныя щеки, а глаза, залитые влагою чувства, будутъ искать чьего-нибудь участія, — на комъ же они должны остановиться... Останутся

на мгнѣ, и все на мгнѣ! А моя грудь вовсе не похожа на фортепьянную крышку, къ тому же, и жилы совсѣмъ другаго свойства съ металлическими струнами инструмента... Хотя, въ то время я былъ довольно солиднымъ человѣкомъ, прожившимъ уже на свѣтѣ двадцать три года и три мѣсяца, но все-таки тогда еще не существовало общества страхованія отъ огня... Я былъ въ явной опасности!

Молодая графиня такъ свыклась со мною, что, кажется, считала меня даже существомъ одинакаго съ ними пола... Онѣ почти отняли меня у отца, и завладѣли мною, какъ энциклопедическимъ лексикономъ, въ которомъ безпрестанно рылись, удовлетворяя жаждѣ своего любознания...

Иногда, зачитавшись долго вечеромъ, я не могъ проснуться въ обыкновенное время, — палубы прибѣгали къ моей двери и начинали будить меня съ разными комическими вариантами.

Розалія, облекшись однажды въ халатъ, очки и колпакъ своего отца, басомъ напѣвала мнѣ сонному на ухо — реквиѣмъ, а Зинаида, съ выведенными усами, въ моемъ плащѣ и фуражкѣ, аккомпанировала ей на скрипкѣ, такими фальшивыми, пронзительными звуками, что я вкочилъ, какъ полуумный, принявъ мучителя — скрипача, за камердинера, которому я позволялъ учиться на моей скрипкѣ. Послѣ такихъ предѣлокъ, шлуны исчезали, какъ китайскія тѣни, и цѣлый день заливался безконечнымъ смѣхомъ.

Слишкомъ годъ время явлюсь для меня быстрымъ, игривымъ, разнообразнымъ мотивомъ, не омраченнымъ ни однимъ звукомъ диссонанса, ни однимъ аккордомъ, которой бы заставилъ задуматься, мечтать, или забиться сердце скорѣе обыкновеннаго...

Розалія, Зинаида и я составляли постоянное трио: мы разыгрывали и вариировали одну и ту же тему; изъ этого видно, что у насъ была одна гармонія, одинъ тонъ, одинъ тактъ; все шло такъ хорошо, такъ стройно, но вотъ бѣда, — вдругъ обѣ сестры вздумали фантазировать!.. каждая заиграла свое, и вообразите, что за звуки: въ нихъ заключены всѣ страсти драматической музыки!..

Я былъ въ ужасномъ положеніи: та и другая фантазерка хотѣла, чтобъ я ей аккомпанировалъ. Но посудите сами, возможно ли аккомпанировать — двумъ, разомъ? Если я пристану къ одной, что жъ будетъ дѣлать другая? Вы думаете замолчать? Стало-быть, вы не знаете левскихъ фантазій!..

Время летѣло, — я не рѣшался сдѣлать выбора. Та и другая сто-

рона дѣлали мнѣ такіе удивительные знаки, какіхъ нельзя отыскать ни въ одной музыкальной школѣ.

Я молчалъ, я казался слѣпымъ.

Розалія стала задумываться, полюбила уединенныя прогулки въ безконечныхъ аллеяхъ заглохшаго сада. Она тосковала, бѣдненькая! Однажды, встрѣтивъ ее въ саду, я подаль ей руку; молча, мы прошли нѣсколько шаговъ, она остановилась, вздохнула, хотѣла что-то сказать, на глазахъ у ней наворачивались слезы; долго, долго она смотрѣла на меня... мнѣ было неловко... Я слышала, какъ прерывалось ея дыханіе... Глаза мои были опущены... Вблизи слышались чьи-то шаги, — Розалія замѣтно вздрогнула, какъ пробудившись послѣ тяжкаго сновидѣнія. Я заглянулъ ей въ глаза, и никогда не забуду ихъ выраженія... Розалія тихонько пошла отъ меня.

— Васъ ожидаетъ графъ, сказалъ старый камердинеръ.

Я кивнулъ головой и не трогаясь съ мѣста. Мнѣ было душно! Я вздохнулъ — и вздохнулъ такъ неловко, что почувствовалъ, будто у меня въ груди все тронулось съ мѣста...

— Быть хулу, быть бѣдамъ! прошепталъ я слова Гамлета. Мы всѣ больны! Графъ отъ зѣвоты скоро вывихнетъ челюсти, Зинаида и Розалія почти не говорятъ другъ съ другомъ, я... колпакъ, колпакъ мнѣ! и такой колпакъ, въ который-бы я могъ весь спрятаться. Есть одно средство, которое всѣмъ намъ поможетъ! Сегодня же пропину его графу! Скорѣй въ Италію, въ Парижъ! Намъ нужно пять разсѣяніе, купаться въ немъ, или мы всѣ очумѣемъ!

Я думалъ, что трудно уговорить старика принять это средство, но, къ моему удивленію, графъ охотно согласился, и вотъ мы побѣдили черезъ Пруссію, и какъ видите, остановились въ Берлинѣ, въ гостиницѣ «Двухъ Грацій». Съ этого мѣста начался мой разсказъ о молодыхъ графиняхъ; теперь услышите о знакомствѣ съ Гофманомъ.

Отыскавъ мой портфель и выйдя изъ кареты, глаза мои наткнулись на удивительную вывѣску, прибитую надъ дверьми, противъ нашей гостиницы.

На вывѣскѣ была изображена скрипка, обставленная крестообразно бутылками; вверху нарисовано какое-то крылатое существо, вѣроятно гений... внизу написано: «вишній погребъ».

— Зачѣмъ эта скрипка очутилась надъ вишнимъ погребкомъ? Скажите одолженіе, растолкуйте мнѣ этотъ девизъ? спросилъ я у одной проходившей мимо меня честной физиономіи. Честная физиономія по-

смотрѣла на меня такими глазами, какъ будто я спросилъ ее: «Зачѣмъ солнце очутилось на небѣ?»

— Вы, вѣроятно, пріѣзжіи, если не знаете, что это любимый погребъ Гофмана.

— Какъ Гофмана! неужели того самаго Гофмана, поэта, музыканта, литератора и, и...

Честная фізіономія утвердительно кивнула головой и пошла далѣе.

Въ минуту я очутился у глубокой канавы, чрезъ которую былъ переброшенъ узенькій мостикъ, ведущій къ дверямъ погреба. Странно, подумалъ я: здѣсь не позаботятся о перилахъ на дорогѣ изъ погреба... Это дѣлаетъ честь нѣмецкой трезвости!

Отворивъ двери погреба, я былъ встрѣченъ человѣкомъ, который смѣло могъ претендовать на формы кувшина: такая же коротенькая шейка, такая же выпуклость со всѣхъ сторонъ туловища; и на этой шейкѣ, какъ огромный арбузъ, покоилась голова, самой отчаянной флегмы. Я умалчиваю о сизомъ носѣ этой фигуры, который живописно перегнулся черезъ нижнюю губу.

— Кто владѣтель этого погреба? Я чуть было не сказалъ—носа.

— Это я самъ, Іоганъ Окзофтъ; а вотъ это мой портретъ, напечатанный углемъ, рукою знаменитаго Эрнста Амедея...

— Гофмана? — договорилъ я, подошедши къ бѣлой стѣнѣ, на которой во весь ростъ, эскизомъ, бойко набросана была вся корпуленція Іогана Окзофта. Сходство было разительное!

Дивны были эти черты въ художественномъ значеніи! Каждый небрежно брошенный штрихъ, каждая какъ-будто неправильная черта, прорезываемая ангажомъ молніи въ быстромъ эскизѣ, были на своемъ мѣстѣ и рѣзко обличали могучую руку генія; въ каждомъ натискѣ угля можно было замѣтить пылкую, тревожную душу Гофмана. Гофмана называли чудакомъ даже нѣмцы! Зато этотъ чудакъ разнеславлялъ всю Германію. Весьма немногіе понимали его, да и какъ можно было понять его, когда онъ самъ рѣдко понималъ себя... Въ его головѣ бродилъ густой фантастическій туманъ, проявлявшійся, то чудовищными миражами видѣній сверхъестественныхъ, то склоняясь музыкальными тучами, гремѣлъ такими звуками, что ему приходилось лутко. Какой-то могучій, неотразимый геній побуждалъ его передавать людямъ то, что бродило въ горячей головѣ его, и Гофманъ схватывалъ то палатру, то скрипку, то свое волшебное перо... Но этихъ средствъ ему было недостаточно, чтобы выразить то, что онъ чув-

ствоважь, выражать невыразимое... Измученный, истерзанный, невольный своими творениями, бѣднякъ упалъ духомъ, и тяжелая масса силъ наваливалась на грудь его. Въ эти минуты, Гофманъ приходилъ въ бѣшенство: палитра летѣла подъ столъ, скрипка — въ уголь, а толстая тетрадь, плодъ бессонныхъ ночей, разлеталась по полу, расщипанная въ мелкіе лоскутья. Стараясь заглушить мысли, раздражающія болѣзненно мозгъ его, Гофманъ убѣгалъ въ этотъ погребъ, какъ онъ говорилъ, побесѣдовать съ духами... Въ это время, чудакъ ничего не бралъ въ руки, кромѣ скрипки и огромнаго стакана, на которомъ онъ нацарапалъ кремнемъ голову смѣющагося демона. Тогда поклонники его талантовъ сбѣгались въ этотъ погребъ, ловить его неподражаемыя музыкальныя импровизаціи, которыя сыпались неслышанными звуками изъ его чарующей скрипки, обглоданной крысами. Гофманъ не замѣчалъ, что его слушаютъ; иначе, онъ бросилъ бы скрипку.

И такъ, я усѣлся за столъ въ этомъ погребѣ, въ которомъ стѣны были пропитаны звуками чудовищныхъ фантазій Гофмана, а столы его чудовищнымъ пуншемъ.

Мнѣ захотѣлось попробовать этого пунша.

— Г. Окзофтъ! цѣль ли у васъ любимый стаканъ Гофмана?

— О, я скорѣй потеряю мою голову, нежели этотъ стаканъ!

— Хорошо, такъ сдѣлайте же мнѣ въ немъ пуншъ, такой, какъ дѣлали Гофману.

— Donner Wetter! да развѣ кому-нибудь можно пить этотъ пуншъ кромѣ г-на Гофмана? Знаете-ли вы, какъ онъ готовится?... Знаете-ли какой стаканъ...

— Знаю, знаю: въ Варшавѣ, одинъ знакомый Гофмана рассказывалъ мнѣ все его происхожденіе.

— И вы хотите выпить цѣлый стаканъ?

— Разумѣется; я никогда не пью что полъ-стакану и жду какъ можно скорѣе моего пунша. Понимаете-ли, г. Окзофтъ?

— Понимаю.

Минутъ черезъ пять, Окзофтъ поставилъ предо мною стаканъ... Вы удивились бы, взглянувъ на этого исполина!

Окзофтъ, отойдя въ сторону, уставляя на меня свои глаза, величиною въ жилетную пуговицу: въ нихъ, шевелилась насѣшка; приподнятые углы губъ, какъ-будто выговаривали: я посмотрю, какъ ты задохнешься отъ этой норціи.

Это удивило мое самолюбіе за живое: я хотѣлъ доказать, съ упрямостію англійскаго туриста, что обращаю такое-же вниманіе на этотъ стаканъ, какъ на бывшую у меня въ рукахъ сигаретку, хотя въ него входила цѣлая бутылка рома. Края этого историческаго стакана были толщиною въ большой палецъ. Фантастическая рожа, которая была на немъ выпарана, тоже насмѣшливо оскаливала зубы.

Я пригнѣнулъ равнодушно этого гѣлленъ-пунша, и принужденъ былъ протереть глаза, чтобы скрыть пробившіяся слезы... Мнѣ показалось, будто у меня въ горлѣ проволокали шилу.

— Г-нъ Окзофтъ, сколько вы подлили воды въ этотъ стаканъ?

— Воды, ни одной капли! одинъ горячій ромъ, сахаръ и сокъ, выжатый изъ свѣжаго лимона; но вы сказали, что знаете...

— Разумѣется знаю! Я потому и спрашиваю, не вздумалось-ли мнѣ изуродовать пуншъ г. Гофмана?

— О, какъ я смѣю портить гѣлленъ-пуншъ! Однажды, составляя его г-ну Гофману, я, забывшись, смочилъ водою сахаръ, что-же вы думаете: узналъ—и весь стаканъ вылилъ мнѣ за пазуху. Поэтому-то я и сонливаюсь, можете-ли вы выпить этотъ стаканъ! прибавилъ онъ съ самодовольною улыбкою.

— Стаканъ останется, г. Окзофтъ; объ остальномъ не беспокойтесь.

Пуншъ простылъ; но не простыло мое упрямство выпить эту страшную пропорцію рома. Черезъ десять минутъ, въ стаканѣ начало сквозить дно. Въ это время фигура г. Окзофта показалась мнѣ въ двухъ мѣсяцяхъ.

Это оптическое явленіе было для меня совершенно ново, потому что никогда не случалось со мною въ то время, когда я могъ выпить только по шести стакановъ обыкновеннаго пунша, извѣстнаго подъ названіемъ «меридіана».

Окзофтъ, выпустивши нѣсколько междометій, пошелъ къ своей конторкѣ, читать газету и дымить противнымъ кнастеромъ, а я, забывая все тревожное, погружался въ «*dolce far niente*».

Дверь скринула; на порогъ явился сѣрый, поношенный смуртукъ, облекающій фигуру ниже обыкновеннаго роста, съ рельефными чертами лица, глѣзъ сорока пяти, и съ глазами цвѣта потемнѣвшей поляризованной стали, которые, казалось, смотрѣли на что-то далекое, невидимое...

Окзофтъ засуетился, вскочивъ съ своего мѣста.

Посѣтитель медленно подвигался впередъ, не обращая вниманія ни на меня, ни на поклонны Окзофта; мускулы его доброй физиономіи были въ движеніи; казалось, онъ страдалъ лихорадкою. Незнакомецъ устоялъ въ отдаленномъ углу погреба.

Черезъ нѣсколько минутъ тихо вошли человекъ шесть молодыхъ людей. Въ походкѣ и въ физиономіяхъ ихъ была замѣтна принужденная осторожность; они дѣлали другъ-другу какіе-то непонятные мѣткіе знаки, и наконецъ, перешоптываясь, заняли мѣста.

— Не Гофманъ-ли это? подумалъ я. Этотъ высокой, выпуклый лобъ обѣщаетъ что-то необыкновенное. Глаза этихъ молодыхъ людей съ такимъ вниманіемъ слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ; но что всего удивительнѣе: Окзофтъ не спрашиваетъ «что угодно» этимъ посѣтелямъ; всѣ, какъ-будто боятся нарушить молчаніе...

Окзофтъ! сказалъ больной посѣтитель слабымъ, груднымъ голосомъ.

— Что вамъ угодно, г. Гофманъ?

— Развѣ я ничего не говорилъ тебѣ?

— Нѣтъ?

— Мимъ! я забылъ! Мимъ чего-то хотѣлось...

— Вотъ онъ, вотъ онъ! тотъ человекъ, котораго давно жаждалъ видѣть душа моя! чуть не вскричалъ я, пожирая глазами Гофмана.

Скорѣй-же рекомендоваться ему.... скажу, что я уважаю... не только его геній, даже его стаканъ, который, въ видѣ факта, стоитъ предо мною....

Я хотѣлъ встать, чтобъ подойти къ Гофману, но этотъ маневръ оказался неисполнимымъ.... Средній сгибъ моего тѣла получилъ такую тяжесть какъ-будто въ него было налито нѣсколько пудовъ свинца.

Но это ничего! такой человекъ, какъ Гофманъ, вѣроятно, не обратитъ вниманія, въ сидячемъ-ли положеніи находится его поклонникъ или нѣтъ.

Попробуемъ, какъ-то поднимется языкъ?

Но и этотъ проектъ, я не привелъ въ исполненіе, вспомнивъ, что слабая, мягкая частичка нашего тѣла первая начинаетъ фальшивить, когда мы... то-есть когда у насъ беременна голова. Притворюсь спящимъ! чудесная мысль! Соннаго не зацѣпять вопросомъ....

А какъ удобно наблюдать!... Къ тому-же, я не рискну сказать что-нибудь недостойное моего я... Это я такъ вытянулось въ моемъ воображеніи, что едва-ли кто могъ достать его рукою,

Установивъ на столѣ локти, я опустилъ на ладони мою голову.

— Кто этотъ молодой человекъ? спросилъ Гофианъ у Окзофта.

— Я думаю, что прїѣзжій! отвѣчалъ Окзофтъ: онъ долго любовался книжъ портретомъ, потомъ спросилъ вашъ стаканъ.

— Ого! ужъ не вздумалъ-ли онъ отвѣдать гѣлленъ-пунша, къ которому, кромѣ меня и доктора Риттера, никто не смѣлъ прикоснуться? Такъ и есть, онъ пилъ его! Остатки доказываютъ это! Этотъ пуншъ составлялъ мою репутацию, продолжалъ Гофианъ съ комическою важностію, а теперь... увъ! этотъ юноша, съ такою цѣломудренною физиономіею, у котораго еще сталъ не лизала подбородка, осмѣлился перелить въ себя это бездонное озеро, и не теряя равновѣсія; задремалъ на берегу его, какъ-будто, надъ какой-нибудь элегіей.... Sic transit gloria! Горе тебѣ, докторъ Риттеръ! горе и мнѣ! Нашу славу выпилъ этотъ мальчикъ.

При этихъ словахъ мой носъ, за которымъ давно водился порокъ гордости — приподнялся значительно кверху.

— Г. Окзофтъ! воскликнулъ Гофианъ, со всѣми признаками огорченія: я буду пить горькую чашу.... наполни мой стаканъ, но не подкладывай сахару: я хочу почувствовать всю горечь дыма улетѣвшей славы.... Кстати, набей табакомъ мою фаму; пусть облака дыма будутъ ея живымъ изображеніемъ.

Гофианъ подаль Окзофту фарфоровую трубку, сдѣланную въ видѣ летящей женщины, у которой откинута назадъ нога служила вмѣсто чубука.

Горячій ромъ и трубка были поданы.

— Какъ жаль, сказалъ онъ, поднося къ губамъ свой чудовищный стаканъ,—что въ желудокъ ведетъ такая узкая дорога: потеряешь терпѣніе, пока взойдетъ туда этотъ толстякъ!

Но толстякъ сдѣлалъ только три небольшія остановки и исчезъ въ приливной Гофиана, оставивъ у входа пустую оболочку.

— Г. Окзофтъ! сказалъ Гофианъ, голосомъ, принимающимъ одушевленіе: толстякъ говоритъ, что ему *одному* скучно въ моемъ желудкѣ: вступись послать туда еще такога-же молодца. Кстати: здорова-ли моя любимица?

— О! а берегу ее пуще моей Каролинхенъ, отвѣчалъ Окзофтъ, съ особеннымъ уваженіемъ: она у меня виситъ вотъ въ этомъ шкафѣ, вмѣстѣ съ превосходными любскими колбасами!

Могчальные посѣтители разразились громкимъ хохотомъ. — «Вина,

г. Окзофтъ! — кричали они — будьешь нить здоровье той, что висеть въ шкафу!»

— Подай сюда повѣшенную, — закричалъ Гофманъ, — моя любовь оживить ее!

Окзофтъ принесъ скрипку.

Въ глазахъ Гофмана блеснулъ какой-то фосфорическій свѣтъ: «Тебя слѣдовало-бы повѣсить на ея мѣсто; пощупай, злодѣй! она—дса мю-края....»

— Это ничего! возразилъ Окзофтъ: можно обереть.

Пока продолжалась прозаическая чистка скрипки и смычка, пока скрипѣли колки, натягивая сырыя струны, нетерпѣнiе мое достигло до болѣзненнаго раздраженiя: я готовъ былъ дать отрѣзать себѣ одно ухо, чтобы только другимъ — услышать поскорѣе игру Гофмана, который, между-прочимъ, успѣлъ проглотить еще полстакана горячаго рома.

Наконецъ, всѣ эти мытарства кончились, и вотъ — какъ теперь вижу — Гофманъ отбросилъ лацканъ своего сюртука, рванулъ галстухъ, у котораго концы передвинулись къ правому уху, и лѣвая сторона подбородка прищемила скрипку....

Словно ураганъ закрутилась прелюдiя; поднимаясь все выше и выше, она схватывала на лету бездну модуляцій, кружила ихъ, перепутывала съ летучими мыслями. Этотъ музыкальный сифонъ росъ, росъ, и наконецъ рассыпался брызгами стакатто.

Гофманъ бросилъ скрипку.

— Тысячу молнiй! закричалъ онъ, глядя на свои синеватые пальцы, — теплота не проникла еще въ эти деревянныешки!... надо поддать пару! Съ нѣкотораго времени, я совершенно превратился въ паровую машину: не могу ничего мыслить, ничего исполнять безъ этого адекаго пара!

Допивъ остальное въ стаканѣ, онъ опять взялъ скрипку. Звукъ раздался.... но это были уже не прежнiе звуки, буйные, бѣшеные, это былъ какой-то мотивъ, проникнутый эстетической теплотою души; двойныя ноты, сливающимися лигою, пѣли, какъ два юныя чистыя существа, передающiя другъ-другу скромнымъ шопотомъ завѣтныя тайны сердца, только что начинающаго чувствовать.

Я дивился чистотѣ, мягкости, отчетливости исполненiя, и не могъ постигнуть, какъ эта ужасная масса рома не затопила способностей этого человѣка?

Гофманъ продолжалъ фантазировать. Его фантазіи рождались въвѣсть съ звуками, онъ не игралъ ничего чужаго... и если бралъ въ руки скрипку, то игралъ не иначе, какъ экспромтомъ. Самъ Паганини удивлялся его импровизаціямъ.

Звуки мотива, начатаго «въ vol шівог», начали колебаться; смычекъ дѣлалъ арнеджію... Мнѣ казалось, я вижу прихотливое колебаніе волнъ, искрившихся бриллиантами переломленныхъ лучей солнца. Эти звуки качивали, убаюкивали мой слухъ, до-тѣхъ-поръ, пока рѣзкій акордъ «въ г. b. мажоръ, съ малюю септимою, не швырнулъ каданса и мысли фантазіи; мракъ диссонансовъ охватилъ ее... началась буря... Басъ издавалъ какія-то страшныя завыванія; валды прыгали зигзагами молній; казалось, эта буря колебала мои вежды; даже лицо Окзофта приняло выраженіе—испуганнаго бульдога.

Гроза приходила къ концу... мракъ сталъ разсѣиваться; фантазіи какъ будто озарилась свѣтомъ проглянувшаго солнца; безчисленные голоса птицъ зашебетали ему привѣтствіе... послышался рожокъ тирольскаго пастуха... горное эхо стало перебрасывать его звуки... они дѣлались слабѣе, слабѣе и наконецъ замерли въ воздухѣ.

Я заснулъ.

Рука, потрясающая мое плечо, вывала меня изъ усыпленія.

— Gnädiger Herr, gnädiger Herr! милостивый государь, милостивый государь! кричалъ Окзофтъ надъ моимъ ухомъ: я хочу заперать погребъ... двѣнадцатый часъ!

— А гдѣ же г. Гофманъ? спросилъ я, протирая глаза.

— О! его уже давно нѣтъ...

Нетвердымъ шагомъ побрелъ я къ двери, которую Окзофтъ давно уже принялъ на себя трудъ отворить.

— Берегитесь, — проговорилъ онъ, — тамъ, знаете — узенькій мостикъ... безъ перилъ...

— Знаю, знаю! покойной ночи, г. Окзофтъ!

Дверь погреба заперлась; я подошелъ къ знакомому мостику. Голова моя была тяжела, какъ сорока-восьми-фунтовое ядро.

— На этомъ проклятомъ мосту надо быть осторожнымъ, — проговорилъ я, летя въ канаву, болѣе четырехъ аршинъ глубиною.

Ударившись ногами во что-то упругое, эластическое, я отскочилъ, какъ резиновый мячикъ.

— Два оркестра вѣдѣтъ! пронычалъ близъ меня хриплый голосъ.

Кто это осмѣливается нарушать сонъ мирнаго гражданина? Развѣ мое брюхо турецкій барабанъ, что въ него можетъ ударять всякая дубина?

— Знаете-ли вы, честный гражданинъ этого канала, отвѣчалъ я, — что на грубости, достойныя дубины, отвѣчаютъ тоже дубиною... но на этотъ разъ я готовъ просить извиненія у вашего брюха, хотя вовсе не имѣлъ намѣренія беспокоить его. Законы тяготивія тѣмъ...

— Довольно, довольно! прахъ побери Ньютона и его законы тяготенія! Если у васъ не сломаны руки, то дайте какую-нибудь: мы познакоимся. Вы, вѣроятно, никогда не дѣлали знакомствъ въ такомъ скромномъ мѣстѣ; здѣсь даже болтливыя лягушки не осмѣиваются громко квакать... Извините нескромный вопросъ: вы вѣрно были недалеко... въ погребѣ? Я тоже былъ тамъ, и хотѣлъ, наполнившись парами, улетѣть, какъ аэростатъ — въ небо, и уже выбрался благополучно изъ погреба, но вспомнилъ дорогою, что позабылъ тамъ мою богиню славы — трубку, хотѣлъ я сказать!..

— Богиню славы, говорите вы! такъ стало-быть вы — Гофманъ?

— Почему вы это думаете?

— Какъ почему? Я видѣлъ самъ, какъ вы сосали ногу этой богини! Вы вѣрно замѣтили меня, я спалъ въ погребѣ у Окзофта.

— Развѣ вы ясновидящій, когда, спавши, могли замѣтить мою трубку?

Я рассказалъ Гофману, что принудило меня притвориться спящимъ, и какъ наконецъ его волшебные звуки, въ-самомъ-дѣлѣ убавили меня.

Гофманъ смѣялся отъ души.

— Вашъ геній, продолжалъ я, — заманулъ меня въ этотъ погребъ; ваша скрипка — заставила полетѣть душу за облака... а вашъ стаканъ пособилъ моему тѣлу — полетѣть — сюда, по особенной симпатіи, чтобъ имѣть удовольствіе отрекомендоваться вамъ!

— И чудесно отрекомендовались!.. Будемъ друзьями господинъ... господинъ... извините, я не знаю вашего имени.

Я сказалъ свое имя; также сказалъ, что воажирую съ графомъ Б...

— Съ графомъ Б...! вскричалъ съ изумленіемъ Гофманъ, — это одинъ изъ лучшихъ друзей моихъ!.. Въ былое-время, мы съ нимъ весело проводили время... Онъ нажилъ — чудесную подагру!.. Ну, что его миленькія малютки? — Лѣтъ шесть, какъ я не видалъ ихъ! Какъ онъ любилъ меня, какъ любилъ мою скрипку! Я думаю, какъ выросли! какъ

похорошли! Ихъ головки много обѣщали въ будущемъ! Я, какъ теперь вижу ихъ правильные, античные контуры, съ такими колючими глазками...

— Молодые графини здѣсь, г. Гофманъ! Онѣ часто вспоминаютъ объ васъ!

— Милые амурчики! кричалъ Гофманъ, котораго голосъ вдругъ принялъ всю нѣжность итальянскаго амогосо. Еслибы вы знали, какъ я привалялся къ нимъ, когда гостилъ нѣсколько мѣсяцевъ у графа. Я никогда не могъ отказать имъ, когда онѣ умоляли меня играть, или пѣть швейцарскіе мотивы, которые имъ такъ нравились. Мнѣ стоило только зайти въ своей комнатѣ, и эти малыutki летѣли ко мнѣ, какъ молодые ласточки, услышавшія призывъ матери. Я любилъ въ нихъ отутетвіе дѣтской застѣнчивости и совершенное незнаніе приличій, которыми еще съ колыбели научаютъ дѣвочекъ... Зато, ни одна цивилизованная кошка не умѣла такъ вкрадчиво приласкаться, какъ онѣ ласкались ко мнѣ! О! я хочу, я долженъ ихъ сейчасъ видѣть! ихъ обнять, обнять добраго графа!

— Вы позабыли о маленькихъ препятствіяхъ, г. Гофманъ! Первое — надобно кого-нибудь попросить выгрузить насъ изъ этой грязной канавы, а потомъ, огнемъ и водою уничтожить слѣды нашей смугло-гидравлической экскурсіи... а, вотъ кстати кто-то идетъ: я закричу...

— Тсъ! что вы хотите дѣлать? Завтра-же фельетонистъ, какой-нибудь грязной газеты обрадуется, найдя новый матеріалъ для назидательной статейки, подъ названіемъ: путешествіе г-на Г... въ канавѣ такой-то улицы, близъ погреба г. Окзофта, для ученыхъ наблюденій, касательно «паденія въ грязь, съ данной высоты»... Говорю вамъ, — пусть радуется одинъ настоящій виновникъ этого похищенія, — зчтъкъ-же давать случай радоваться его жалкимъ копіямъ? Погодите лишнего, скоро мимо насъ, то-есть, надъ нами — пойдетъ ночной сторожъ этой улицы; я тотчасъ узнаю его по звуку дубины, на которую онъ опирается. Я неоднократно путешествовалъ на его плечахъ до моей квартиры — разумѣется ночью! — Онъ совершенно лишень возможности въ чемъ-нибудь проболтнуться: потому-что цѣлый день спитъ и принимается за свое занятіе — когда заснутъ всѣ другіе. Только одна незамѣнная его спутница — дубина можетъ поспорить съ нимъ въ скромности.

Какая чудесная ночь! — продолжалъ онъ: смотрите, вонъ — созвѣздіе Плеядъ швырнуло намъ огненное яблоко!.. Обжора воздухъ проглотить его!

— Наши тѣла, — продолжалъ Гофманъ, глядя на звѣздное небо: какъ тѣла этихъ планетъ, имѣютъ свои орбиты, свои аспекты; ваша орбита — задѣла мою, и вотъ у насъ знакомство. Намъ говорить: аспекты планетъ имѣютъ вліяніе на человечество: аспекты великихъ людей всегда имѣли его.

— Темно! подумалъ я.

Авторъ «Кота Мура» умолкъ. Широкія полосы свѣта, выбѣгавшія изъ оконъ гостинницы «Двухъ Грацій», ударили въ бѣлой плитнякъ, которыми была одѣта канава, и отражаясь отъ него, падали на лицо Гофмана, то волнистою рябью свѣта и тѣни, то матовою блѣдностію.

Изъ гостинницы, долетѣлъ до насъ звукъ — раскрываемаго окна.

— Это онъ! невольно вскричалъ я, думая о графиняхъ.

— Вы какъ постъ, восклицаете мѣстоименіями, сказалъ Гофманъ: не явились-ли вамъ какіе-нибудь признаки — стелющіе, дрожащіе, волюющіе?

— Нѣтъ! призраки боятся учениковъ Эскулапа! Мнѣ только послышался звукъ раскрываемаго окна, въ гостинницѣ, гдѣ квартируютъ графини...

— Неужели онъ въ этой гостинницѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ? И вы мнѣ не сказали этого! — Чудесная мысль! — Попробуемъ силу моего прежняго заклинанія, которое вызывало ихъ изъ — неринъ и подушекъ.

Гофманъ запѣлъ швейцарскую арію:

Steh' nur auf, steh' nur auf
Du schöner Schweizer Bub!

Я изумился: гдѣ взялъ Гофманъ этотъ чистый грудной теноръ! Въ финалахъ, подражающихъ горному эхо, онъ переходилъ почти въ контральто, разумѣется, фистулою. Гласисъ канавы какъ нельзя лучше служилъ резонансомъ прихотливымъ звукамъ мелодіи. Я не постигалъ, какъ могло ущѣлтъ горло Гофмана отъ лавы его пунша? Чародѣй, этотъ Гофманъ!

Черезъ нѣсколько минутъ, у насъ надъ головами послышались голоса Розалии и Зинаиды, заглушающія слабый голосъ Войцеха, стараго графскаго камердинера, который умолялъ ихъ возвратиться въ гостинницу.

— Это онъ, это Амедей! Мы слышали его голосъ: мы должны его видѣть! Боже мой, неужели онъ здѣсь въ этой канавѣ?...

— Здѣсь, мои милыя излютки! И тысячу разъ счастливъ, что вы, изъ этой могилы слышали голосъ вашего стараго друга! О, еслибы, ревнивая глубина не удерживала меня такъ крѣпко въ своихъ объятіяхъ, я бы уже обнималъ васъ, мои несравненные!

— Ахъ! нашъ добрый Амедей! какая встрѣча! какъ это вы сюда попали?

— Мой духъ, вознесшійся сегодня выше назначенныхъ ему предѣловъ, былъ сверженъ, какъ Люциферъ, въ эту преисподнюю. Но мой товарищъ говоритъ: будто это произошло отъ законовъ тяготѣнія тѣлъ. Позвольте мнѣ отъ него передать вамъ почтеніе: сегодня, онъ во второй разъ теряетъ языкъ.

— Еще бы не потерять! возразилъ я: когда найдешь такую рѣдкость, какъ вы, г. Гофманъ. Я по сю-пору не могу понять, во снѣ, или на яву мнѣ слышатся голоса графинь?

— И вы здѣсь, сеньоръ Эмиліо! вскрикнула Розалія.

Я имѣлъ причины думать, что послѣ этого восклицанія, туча сарказмовъ пронизаетъ меня миллионами иглъ насмѣшекъ, но я ошибся: въ голосъ Розаліи было замѣтно живое участіе, даже грусть.

— Это ужасно! продолжала она: неужели эта гадкая канавка хочетъ отнять у насъ все, что мы...

— Любимъ? договорилъ Гофманъ.

— Ну да, да! любимъ! подтвердили обѣ сестры.

— Посмотримъ, какъ *глубока* ваша любовь, сказалъ Гофманъ: сравнится-ли она *глубиною* хоть съ этими каналами?

— Вы не вѣрите! не вѣрите нашей дружбѣ! кричала Зинаида, топая ножкою: и вы то-же, сеньоръ Эмиліо? Вы не отвѣчаете? О если бы была лѣстница, я сейчасъ спустилась бы къ вамъ и доказала...

— Donner Wetter! Этотъ господинъ вѣрно расположился ночевать у меня въ погребѣ! Милостивый государь! я уже два раза принимался будить васъ: мнѣ давно пора запирать погребъ, говорилъ Окзофтъ, очень чувствительно раскачивая всю мою корпуленцію.

Я сталъ осматриваться.

Предо мною улыбались двѣ рожи: одна принадлежала Окзофту, другая фантастическому существу...

Не бойтесь! послѣдняя была нацарапана на Гофмановомъ стаканѣ.

— Я долго не рѣшался потревожить вашъ сонъ, потому-что вы что-то бредили, на непонятномъ мнѣ языкѣ, продолжалъ Окзофтъ.

— Да, я видѣлъ во снѣ Гофмана и кой-что еще... но такъ живо такъ осязательно.

— Это обыкновенное дѣйствіе гѣлленъ-пунша: покойникъ Гофманъ за это и любилъ его; онъ всегда подливалъ въ этотъ пуншъ настойки изъ какихъ-то грибовъ.

— Вѣрно изъ мухоморовъ, подумалъ я.

— Этой настойки осталось у меня цѣлая бутылка, и такъ какъ вы приказали сдѣлать вамъ такой-же пуншъ, какой пилъ г. Гофманъ, то я и подлилъ вамъ двадцать капель его настойки.

— Благодарю васъ, г. Окзофтъ: эти капли познакомили меня съ Гофманомъ.

Возвратившись въ гостиницу, я рассказалъ графинямъ о моемъ фантастическомъ знакомствѣ съ Гофманомъ.

Гофманъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ другомъ графа Б... онъ неоднократно гостилъ у него въ домѣ. Графини очень хорошо помнятъ этого эксцентрическаго человѣка.

Э. Скорин.

СОВРЕМЕННОЙ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Жизнь Соль-Манъ-Заррима о сочиненіяхъ Жавъ-Жака Руссо. — ТРАГЪДІЯ, ФУННА ЗИКОСТА. — Алгиса Марсъ. — Арабскій Россій. — Римская пьеса. — Отношеніе своему государю и народонаселенію въ Парижѣ и Лондонѣ. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Новая воздушная машина. — Дюпотопный дандиство. — ДИВНЫЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ. — Альбомъ гадскаго дворе. — Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Рововыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская повесть. — Пожары въ Константинополѣ. — Обманутый бриллиантъ. — Печальный случай. — Кристальный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судьбы. — Старинная ошибка въ правописаніи — Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышъ отъ торговли опиумомъ. — Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными. — Восточный городъ на колѣяхъ. — Новая блестящія моды. — Разговоры милліонеровъ. — Сомнѣнія омишленія погов. — Воспитаніе девицъ въ Сѣверной-Америкѣ. — Константинопольскій бazaar.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Недавно вышелъ въ итальянскій переводъ одного арабскаго сочиненія, заслуживающаго общее вниманіе: «Сольванъ-эль-Мота», — итальянскій переводъ Микеламари. Авторъ этой книги — Ибнъ-Цаферъ жилъ въ первой половинѣ вѣка, и лучшее его сочиненіе «Сольванъ-эль-Мота» было обнародовано въ 1159 году, а въ 1172 умеръ онъ отъ горя и нужды.

Арабская литература процвѣтала въ Сициліи, какъ при магометаняхъ, такъ и при христіанскихъ владѣтеляхъ. Только по смерти короля Рожера въ 1154 году начала она упадать. Тамъ было много поэтовъ, историковъ, географовъ, астрологовъ, медиковъ и ботаниковъ, но Ибнъ-Цафера всѣ они уже истребили и въ Палермѣ оставили только должностные придворные поэты. Ибнъ-Цаферъ родился въ Сициліи, но желая избежать владычества христіанъ, переселился въ Испанію, надеясь, что званіе писателя вездѣ ему доставитъ хлѣбъ. Онъ перекочевалъ изъ страны въ страну, былъ почти вездѣ, тамъ царство-

валъ исламизмъ: въ Малой Азій, Сиріи, Египтѣ, но нигдѣ не нашелъ постоянного убѣжища. Ибнъ-Цаферъ былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей своей эпохи. Въ то время, какъ онъ обнародовалъ «Сольванъ-эль-Мото», онъ уже написалъ двадцать-пять сочиненій. По обычаю тогдашняго времени посвящалъ онъ свои произведенія какому-нибудь владѣтелю, который по достоинству сочиненія награждалъ автора. Изъ жизнеописанія Ибнъ-Цафера можно, однакоже, удостовѣриться, что и тогда званіе писателя было самымъ слабымъ обезпеченіемъ въ жизни. Не имѣя успѣха въ одномъ мѣстѣ, Ибнъ-Цаферъ переселялся въ другое. Такимъ-образомъ прибылъ онъ въ Гафу, мѣстопребываніе Абуль-Феды, гдѣ нашелъ хорошій пріемъ и гдѣ ему назначено было годовое содержаніе. Здѣсь написалъ онъ нѣсколько сочиненій. Впрочемъ жалованье его было такъ недостаточно, что онъ не могъ содержать своей дочери, и принужденъ былъ выдать ее за челоуѣка низкаго происхожденія, — что у магометанъ считается большимъ стыдомъ.

Вскорѣ случилось съ нимъ большое несчастіе. Зять увезъ его дочь въ другую землю, и продалъ ее невольницею. Этотъ ударъ свелъ отца въ могилу.

Ибнъ-Каллиранъ, написавшій биографію Ибнъ-Цафера, говоритъ, что онъ былъ низкаго роста, весьма неблаговиденъ и что судьба гнала его во всю жизнь. Высокій умъ и способности заставляли его еще болѣе чувствовать несчастія, придавая вмѣстѣ съ тѣмъ твердость переносить ихъ.

Арабскіе писатели всѣ чрезвычайно его хвалятъ. Имаделдинъ, современникъ его, называетъ его *имамомъ* (учителемъ) своей эпохи, говоря, что «онъ удивительно объяснялъ коранъ, былъ прекрасно образованъ, одушевленъ любовью къ наукамъ, и что тѣ, которые приходили утолять жажду въ источникъ его познаній, не могли оторваться отъ наслажденія читать его произведенія». Похвала такого писателя должна служить порукою въ достоинствѣ его сочиненія.

Въ предисловіи своемъ къ «Сольванъ-эль-Мото», Ибнъ-Цаферъ объясняетъ названіе своей книги. *Сольванъ* — множественное число слова *Сольванакъ*, означаетъ кору дерева, употребленіе котораго, по мнѣнію арабовъ, прогоняло тоску влюбленныхъ. Одинъ арабскій поэтъ говоритъ :

Употреблене сольвана
Не даетъ спокойствія душѣ моеи;
Къ-чему мнѣ всѣ богатства міра,
Когда недостаетъ ея.

Въ этой книгѣ Ибнъ-Цаферъ приводитъ сперва поученія корана, вѣрченія Магомета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своею ученостію и набожностію; потомъ обращаетъ онъ эти поученія на обстоятельную жизнь, представляя ихъ въ видѣ басенъ, анекдотовъ, разсказовъ. Хотя большая часть его поученій основана на фатализмѣ магометанъ, но жадно они примѣнены къ настоящей жизни, то и пригодны для ~~многихъ~~ ~~всѣхъ~~ народовъ.

Вот некоторые изъ его афоризмовъ :

«Если съ тобою случится какое-нибудь несчастіе, никогда не говори: еслибъ я сдѣлалъ то и то... но всегда воскликни: такъ угодно Богу, а что Ему угодно, пусть то и совершится».

«Кому другіе не довѣряютъ, тотъ уже вполнну побѣжденъ».

«Лучше погибнуть въ огнѣ, чѣмъ жить въ безчестьи».

«Съ вѣтерпѣннѣе переносить неудачу, значить быть благодарнымъ къ добру, которое еще можетъ случиться съ нами въ будущемъ Мужество въ несчастіи добродѣтель великихъ душъ».

«Самые несчастные люди въ свѣтѣ — влюбленные старики.»

Рассказы въ «Сольванѣ» чрезвычайно перепутаны, такъ что ихъ очень трудно отдѣлать одинъ отъ другаго.

Вышелъ уже и англійскій переводъ этого сочиненія.

Лондон Сен-Марка-Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — Известный французскій писатель строго-охранительной партіи Сенъ-Маркъ-Жирарденъ окончилъ въ прошломъ году публичныя лекціи о Жанъ-Жакѣ Руссо, читавшіяся въ Сорбоннѣ и заслужившія полное одобреніе всѣхъ благомыслящихъ людей, уважающихъ только некоторые сочиненія этого писателя. Извлекаемъ изъ этихъ лекцій, печатаемыхъ въ журналѣ «Revue des deux Mondes», замѣчательнѣйшія черты, относящіяся къ теоріи искусства, оперѣ и некоторымъ другимъ статьямъ Руссо, вмѣстѣ съ краткимъ очеркомъ некоторыхъ событій его жизни.

Научая со вниманіемъ жизнь Жанъ-Жака Руссо, прежде всего насъ поражаетъ безпрестанное противорѣчіе и разногласіе между имъ и его вѣкомъ. Сравненіе сдѣлаетъ эту мысль еще яснѣе. Посмотрите на Вольтера: въ частной его жизни вездѣ видна покорность общественнымъ условіямъ. Онъ всегда остается сыномъ своего вѣка, представителемъ окружающаго общества. Онъ былъ литераторомъ въ литературномъ вѣкѣ, свѣтскимъ человекомъ въ салонномъ обществѣ. Воспитывался онъ у иезуитовъ, въ институтѣ Людовика XIV Въ юношескомъ возрастѣ является онъ соискателемъ академической преміи. Потомъ онъ сочиняетъ трагедіи. Форма его сочиненій всегда сообразна съ этикетомъ и требованіями вѣка. На старости поселяется онъ въ своемъ феррейскомъ-замкѣ, и вся Европа посѣщаетъ его. Пріѣзжая въ Парижъ, онъ принимается Академіею съ отворстыми объятіями.

У Руссо, напротивъ, ничто не подходитъ ни ко времени, ни къ нравамъ — ни жизнь его, ни мысли. Онъ человекъ съ умомъ, а судьба дѣлаетъ его лакеемъ, который служить за столомъ. Это печальное униженіе растравляетъ его гордость. До тридцати-шести лѣтъ пресмыкается онъ во мракѣ и нуждѣ, ведя жизнь бѣдняка, женатаго на трактирной служанкѣ. Чтобы добиться извѣстности въ XVIII вѣкѣ, надобно ему было нанастъ на свой вѣкъ. По одному академическому вопросу бросаетъ онъ перчатку вызова этой академіи. Будучи литераторомъ и въ литературномъ вѣкѣ, онъ обнаруживаетъ внутреннюю болѣзнь тогдашней литературы.

Начавъ однажды эту борьбу, Руссо уже неутомимо продолжаетъ ее. Напрасно строятъ ему домъ въ Монморанси и уединенное убѣжище въ Эрменвиллѣ; напрасно Юмъ выхлопоталъ ему пенсію отъ англійскаго короля, — Руссо отвергаетъ все это, отъ недовѣрчивости, неблагодарности, гордости, а болѣе всего оттого, что онъ никогда не принадлежалъ ни своему вѣку, ни обществу. Пишетъ-ли онъ жизнь свою, выражаетъ-ли свои мысли, — онъ вездѣ видимо нарушаетъ свѣтскіе обычаи.

И однакоже, несмотря на это безпрестанное несогласіе съ установленными обычаями, Руссо платитъ самую блистательную дань той неутомимой необходимости порядка и повиновенія, которая составляетъ врожденное чувство человѣка.

Безпокойная и скитальческая жизнь утомляетъ Руссо. Здравый смыслъ, преобладающій надъ всѣми ошибками его воображенія, надъ всѣми заблужденіями жизни, говоритъ ему, что человѣку нуженъ законъ и порядокъ, и что онъ не можетъ обойтись безъ нихъ.

Кто жилъ, тотъ чувствовалъ и испыталъ многоразличныя приключенія. Всякій и надѣялся, и сомнѣвался въ жизни. Вотъ почему рассказы изъ частной жизни всегда занимательны. Самый безвѣстный человѣкъ интересуется насъ, если только онъ вѣрно передаетъ впечатлѣнія своего сердца и голосъ совѣсти.

Въ этихъ рассказахъ первая глава, то-есть молодость, всегда лучшая. Но чтобы ее хорошо написать, надо самому быть уже немолодымъ. Жанъ-Жакъ Руссо, на пятьдесятъ-четвертомъ году, написалъ свои «Признанія». (Confessions). Молодость, рассказываемая старостью, украшается сожалѣніями.

Кто рассказываетъ о своей молодости, о періодѣ удовольствій и заблужденій, часто примѣшиваетъ къ разсказу вымыселъ, передаетъ событія такъ, какъ бы желалъ, чтобы они случились, а не такъ, какъ они дѣйствительно были. Руссо въ своихъ «Признаніяхъ» сознается, что память часто ему измѣняла. «Я описывалъ, говоритъ онъ, все какъ было, а когда забывалъ, то придумывалъ самое натуральное объясненіе, но никогда не писалъ противнаго тому, что могло случиться. Я придавалъ иногда истинѣ украшенія; но никогда не вставлялъ вѣсто нея ложь, чтобы скрыть свои пороки, или присвоить себѣ необычныя добродѣтели».

Увлечательность разсказовъ Жака Жака Руссо о своей молодости происходитъ не отъ занимательности событій, но отъ его личныхъ впечатлѣній. Последнія всегда интереснѣе происшествій. Напрасно писателей романовъ такъ истощаютъ свое воображеніе на вымыслы. Они бы могли нравиться гораздо легче. Пусть только они выражаютъ чувства съ истинною и живостию. Въ этомъ-то и состояло искусство Руссо. Онъ говоритъ о событіяхъ для того только, чтобы описывать свои впечатлѣнія. Если онъ при самомъ началѣ жизни бѣжалъ изъ отечества и перемѣнилъ вѣроисповѣданіе, то страсть къ искательству приключеній ослабилась въ умъ его этотъ поступокъ. Онъ могъ въ одинъ день перенести изъ Аннеси въ Женеву, — но провелъ въ дорогѣ три дня. «Всякій замокъ обѣщалъ моему воображенію какое-нибудь приключеніе».

не; я не смѣлъ никуда ни постучаться, ни войти; я былъ очень робокъ. Но у каждаго окна, изъ котораго могли меня видѣть, я пѣлъ пѣсни до усталы, — и очень удивлялся, что никакая дѣвушка или дама не является на мой прекрасный голосъ, и не слушаетъ моихъ умныхъ пѣсней, которыя я выучилъ отъ своихъ товарищей, и пѣлъ удивительно хорошо».

Въ этихъ описаніяхъ юности видна иронія, видѣтъ старикъ, но во всѣхъ воспоминаніяхъ молодости есть увлеченіе и прелесть. Руссо описываетъ напримѣръ, какъ пріятно путешествовать пѣшкомъ.

Мнѣ легко было идти, — говорить онъ: — желанія юности, очарованія надеждъ, блистательные проекты наполняли мою душу. Всѣ окружающіе меня предметы ручались, повидимому, въ будущемъ моемъ счастьи. Въ домахъ воображалъ я всеневные праздники; на лугахъ — веселыя игры; по берегамъ рѣки — гулянье, купанье, рыбную ловлю; на деревьяхъ — сочныя плоды; подъ тѣнью деревъ — сладостныя свиданія; на горахъ — фермы, молоко, спокойствіе, простоту, свободу идти, куда глаза глядятъ. Все, что встрѣчало мои взоры, приносило сердцу неизъяснимое удовольствіе.»

Руссо, на старости дѣтъ, и въ прозѣ былъ поэтомъ. Когда же онъ былъ молодъ, и писалъ стихи, онъ вовсе былъ не поэтъ. Первые его оперы и комедіи въ стихахъ дурны. — Чтобъ быть поэтомъ, мало имѣть воображеніе, надобно умѣть выражать ощущаемыя чувства. Всѣ куски мрамора могутъ произвестъ статую, но только рѣзецъ художника создаетъ изъ нихъ образцовое произведеніе. Только слогъ автора вызываетъ поэзію изъ души, — а слогъ плодъ труда. Жанъ-Жаку Руссо много надобно было трудиться, чтобъ достигъ до выраженія того, что онъ ощущалъ.

Жизнь каждаго человѣка составляетъ поэму, которую онъ не умѣетъ только разсказать. Въ ней всегда есть нравственный вопросъ, котораго онъ не можетъ только рѣшить. Какой моральный вопросъ заключается въ жизни Жанъ-Жака Руссо? Онъ глава школы, которая почитаетъ чувствительность высшимъ правиломъ жизни. Кто руководствуется чувствительностію, тотъ не можетъ заблуждаться, или, по-крайней-мѣрѣ, заблужденія его безвредны. Эта школа думаетъ, что сердце человѣка всегда исполнено доброты. Эта важная ошибка. Оно не добро, а равно чувствительно, какъ къ добру, такъ и къ злу. Г-жа Скюдери въ своихъ сентиментальныхъ разговорахъ опредѣляетъ чувствительность — гнѣвностію души. Опредѣленіе неясно и неточно. Чувствительность больше принадлежитъ матеріальнымъ чувствамъ. Юность и жаръ кровяного содѣйствуютъ ей. Люди, чувствительные въ тридцать дѣтъ, дѣлаются эгоистами и жестокосердыми въ шестьдесятъ. Кромѣ нравственной слабости, чувствительность имѣетъ и другое неудобство: она слишкомъ наполнена очарованіями, то-есть, ложными мечтами. Она вводитъ въ заблужденіе, увѣряя человѣка, что онъ дѣйствительно имѣетъ силу этихъ чувствъ, которыхъ впечатлѣніе ощущаетъ. Обманувшись въ себѣ, человѣкъ легко обманываетъ и другихъ. Изъ обманутаго онъ становится шарлатаномъ.

Чувствительные люди во многомъ похожи на женщинъ: они не въ состояніи господствовать надъ событіями своей жизни. Надобно, чтобы кто-нибудь другой руководилъ ими,—или случай и страсти будутъ ихъ вожатыми. Къ несчастію, Руссо съ самой молодости оставилъ родительскій домъ и отечество, все, что могло имъ руководить, — и вѣсто этихъ спасительныхъ руководителей, нашелъ только г-жу Варренсъ. Слѣдственно, въ дѣтствѣ — романы, а въ юношескомъ возрастѣ женщина-философа, — то-есть, такая, у которой нѣтъ уже добродѣтелей своего пола и нѣтъ еще качествъ мужчинъ, — однимъ-словомъ, ложныя, а не истинныя правила нравственности, — встрѣтили Руссо при началѣ его жизни. Съ краснорѣчивымъ раскаяніемъ сожалѣть онъ потому, что не сдѣлался гравѣромъ, какъ этого хотѣлъ его отецъ; однакоже онъ нигдѣ не раскаивается въ любви своей къ г-жѣ Варренсъ.

Женщина всегда болѣе, нежели мужчина, обязана подчиняться свѣтскимъ условіямъ. Тягость исполненія ихъ всегда облегчается любовью и привязанностію. Она не можетъ жить одна; она создана для семейной жизни; она средоточіе этой жизни, если не начало; она сердце семейства, если не голова. Если она выступитъ изъ этой сѣеры, — то погибаетъ отъ огорченій, или раздражительности нравовъ. Женщина-философа имѣетъ претензію жить внѣ семейства и обойтись безъ него. По нравственной системѣ исключаетъ она, какъ слабости, всѣ естественныя качества своего пола, необходимѣйшія для скрѣпленія союза семействъ. Такъ г-жа Варренсъ забыла, что скромность служить въ женщинѣ ручательствомъ во всѣхъ прочихъ чувствахъ, какъ у мужчины чувство чести. Какъ ни старается Жанъ-Жакъ Руссо прикриты шарматскія приключенія, но рассказъ видимо обнаруживаетъ его замѣшательство: нѣтъ ни чистоты, ни гордости въ чувствахъ. Послѣдующія вромшества доказали, что онъ и въ этой любви былъ обманутъ. Послѣ побѣдокъ его въ Женеву, Лионъ, Монпелье оказалось, что мѣсто его занято и что онъ сдѣлался чужимъ въ этомъ домѣ.

Онъ оставляетъ это жилище, сдѣлавшееся ему несвоякимъ, — и отправляется въ Парижъ, гдѣ поселится въ улицѣ Корье, близъ Сорбонны. Тутъ онъ познакомился съ Терезою, трактирною служавкою, немѣвшею ни ума, ни красоты, и женился на ней. Что его прельстило? Онъ былъ робокъ и бѣденъ, Тереза была кротка и добра; — вотъ что было основаніемъ продолжительной ихъ дружбы.

Вотъ вся исторія чувствительной половины жизни Руссо. Она печальна. Посмотримъ теперь на писателя.

Молодые люди воображаютъ, что всякому дарованію стоитъ только показаться, чтобы слава и счастье встрѣтили его съ отверстыми объятіями. Но въ исторіи мы, напротивъ того, видимъ, что гениій долженъ долго бороться, много страдать, прежде нежели свѣтъ признаетъ его достоинство. Люди нелегко вѣрятъ гениямъ. Постоянство всего нужно гению. Чтобы блеснуть года на два, — но это станетъ многихъ дарованій; они быстро входятъ въ моду — и также скоро предаются забвенію. Гениі терпѣливы и трудолюбивы. Слава ихъ упрочивается временемъ.

Начальное поприще Жанъ-Жака было тугостию и безвѣстною. Онъ уѣхалъ изъ Шармента съ пятнадцатью лундорами въ карманѣ и новою системою для списыванія нотъ. Въ Парижъ явился онъ сперва, какъ музыкантъ. Академія наукъ не приняла его системы нотъ, хотя академики и хвалили его разсужденіе, написанное по этому предмету. Прокторторы принимали его равнодушно, или разсѣянно. Пятнадцать лундоровъ быстро истратились. Онъ спокойно ждалъ, когда они кончатся, предаваясь гнѣву и мечтамъ, какъ однажды аббатъ Капель сказалъ ему:

— «Музыканты и ученые не принимаютъ вашей metody, — обратитесь къ дамамъ. Можетъ-быть, вы лучше успѣете у нихъ. Въ Парижѣ ничего не дѣлается безъ женщинъ.»

Руссо послушался; началъ являться къ свѣтскимъ дамамъ; влюбился въ одну изъ нихъ; написалъ любовное объясненіе — и былъ ею протнанъ. Впрочемъ, женщины выхлопотали ему мѣсто секретаря у графа Монтегю, назначеннаго посланникомъ въ Венецію. Ему дали тысячу франковъ жалованья.

Черезъ два года онъ поссорился съ Монтегю, возвратился въ Парижъ, чтобъ жаловаться на него, — и не имѣлъ успѣха.

Вскорѣ потомъ италіанская группа приняла его маленькую пьесу: Нарциссъ. Она доставила ему свободный входъ въ театръ, — и больше ничего. Онъ отправился въ это время въ замокъ Шенонсо — и участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ г-жи Эпидей. Тогда любили домашніе спектакли, — и Руссо игралъ комедіи. Шестъ мѣсяцевъ училъ онъ роль — и во-время представленія не зналъ изъ нея ни слова. Послѣ этого ему уже не давали ролей. Это говоритъ самъ Руссо, но г-жа д'Эпидей рассказываетъ объ этомъ иначе.

«Мы играли новую комедію сочиненія Руссо: *L'engagement téméraire*. Самъ авторъ игралъ въ ней роль. Хотя это и комнатная пьеса, но она имѣла большой успѣхъ. Сомнѣваюсь впрочемъ, чтобъ она на театрѣ удалась, — однако же авторъ ученый, хотя и странный человекъ. Онъ говоритъ комплименты безъ всякой учтивости, или, по-крайней-мѣрѣ, не показывая вида ея. Онъ, повидимому, не знаетъ свѣтскихъ обычаевъ во видю, что умный человекъ. Онъ лицомъ смуглъ и глаза его одушевлены. Когда онъ говоритъ и когда смотришь на него, — онъ кажется хорошъ собою, но когда послѣ вспоминаешь о немъ, то всегда со смѣшной стороны.»

Въ этомъ обществѣ Руссо рассказывалъ свои несчастія и ссоры съ посланникомъ. По рассказамъ его всѣ находили, что у него чувствительное сердце и героическая душа.

Посреди этихъ пустыхъ занятій готовилъ онъ свою *Рѣчь о художествѣхъ и литературѣ*.

Руссо рассказываетъ, что если въ этой рѣчи онъ возсталъ противу наукъ и художествъ, — то это было слѣдствіемъ вдохновенія. Идя въ Венецію, навѣстить Дидеро, Руссо перелистывалъ дорогою газету: *Journal de France*. Ему попалась на глаза задача лижонской Академіи: *содѣйствовало ли успѣхъ наукъ и художествъ къ очищенію нравовъ?*

«Вдругъ, — говоритъ онъ, — умъ мой озаренъ былъ внезапнымъ свѣ-

воинъ. Тысячи новизнъ идей представились мнѣ такъ ясно, что я пришелъ въ самозабвенность. Голова моя была въ совершенномъ чадѣ. Сердце разрывалось, я задыхался на колыбѣ, и долженъ былъ броситься подъ одно дерево. Ночаса пролежала я тутъ въ самомъ ослепломъ волненіи, — и когда всталъ, весь мой камзолъ былъ смоченъ слезами, которые я пролилъ бессознательно.»

Вся эта исторія очень чувствительна. Жагарцъ рассказываетъ однокороче дѣло иначе. Руссо пришелъ къ Дидеро въ Венсеннъ и рассказать ему о вопросѣ, заданномъ лижонскою Академіею.

— Что жъ ты намъ ренъ слѣдуетъ?—спросилъ Дидеро у Руссо.

— Я думаю, что успѣхи въ наукахъ и искусствахъ очищаютъ нравы.

— Глупости!—исправилъ Дидеро. Докажи противное—и ты заслужишь много шума.

Вотъ почему Руссо, по словамъ Жагарца, бросился въ нарядокъ чтобы написать что-нибудь необыкновенное.

Въ Римѣ, при Августѣ, въ самую лучшую эпоху образованности, поэты и историки вопиютъ противу упадка нравовъ и злоупотребленія наукъ и художествъ, объясняя этотъ упадокъ утонченностію простѣщенія. Они безпрестанно выставляютъ варварство выше простѣщенія. Гораций расхваливаетъ Скинговъ и добродѣтели ихъ. Трогій Помпей, или Юстинъ также ставитъ Скинговъ выше Грековъ, говоря, что первые добродѣтельны въ своемъ невѣжествѣ, а другіе порочны со своими науками. Тацитъ описываетъ нравы германцевъ такъ, что на каждомъ шагу горько упрекаетъ Римлянъ.

Когда Готы одурачили Грецію, всѣ библіотеки спаслись отъ истребленія только тѣмъ, что одинъ изъ полководцевъ варваровъ сказалъ, что эту дрянь надобно оставить непріателямъ, которые книгами отаращиваются отъ военныхъ занятій и приучаются къ сидячей и бездѣйственной жизни.

Когда Карлъ VIII, почти не обважая меча, завоевалъ Неаполитанское королевство и часть Тосканы, то царедворцы приписали эти неслыханныя успѣхи тому, что итальянскіе принцы и дворяне занимались больше ученостію, нежели войною.

При этомъ нападеніи Руссо не только слѣдовалъ своей врожденной зависти, — но хотѣлъ приобрести успѣхъ, полезный собственно для себя. Философы имѣли большое вліяніе въ свѣтѣ; царедворцы и богачи ласкали ихъ. Но у нихъ были и непріатели. Къ этой-то партіи присталъ Руссо. Принцъ Конти, герцогъ Люксембургоній, г-жа Вуэло сдѣлались его покровителями. Не одна Рвчъ доставила ему эти протекціи, но и другія сочиненія. Рвчъ въ особенности расположила къ нему тѣхъ людей, которые не любили философовъ. Замѣтимъ и въ этомъ равенство между Руссо и Вольтеромъ. Руссо вовсе не умѣлъ сохранять своихъ покровителей и употреблять ихъ въ свою пользу. Вольтеръ умѣлъ быть, гдѣ было нужно, волонтиеромъ и волонтиеромъ.

Слѣдственно, сатирическія выходы Руссо на нѣкоторые современныя знаменитости между философами не должно приниматьъ за одну вещь. Эти нападки доказывали, что новѣйшіе философы и философія были себѣ противника, у котораго есть своя партія, и что Руссо можетъ сдѣлаться опаснымъ врагомъ для каждаго.

Современники сперва не поняли ученія Руссо, потому-что видѣли только одну сторону его. Они привязались къ тому, что нравилось по влости и остроумію,—а именно къ сатирѣ на литераторовъ и литературу.

Оспаривать пользу наукъ и художествъ—значитъ оспаривать всѣ основанія воспитанія, которыми уже столько лѣтъ руководствуется Европа и которыя служили правиломъ Аѳинамъ и Риму. Тѣлесныя упражненія болѣе занимали мѣста въ воспитаніи древнихъ, нежели у насъ. Дурно-ли поступали древніе народы? Руссо говоритъ, что да!—и что мы еще хуже поступаемъ: мы думаемъ только о развитіи умственномъ, забывая тѣлесныя упражненія. Отъ этого рождаются утонченные и самолюбивые умы, слабыя тѣла и съ ними слабыя души. Какъ мечамъ не нужны шелковыя ножны, такъ и крѣпкимъ душамъ не нужно слабое тѣло. Если Жанъ-Жакъ Руссо востаетъ противу низвѣжнаго воспитанія, ослабляющаго тѣло, подъ предлогомъ сдѣлать гибкимъ умъ, если онъ хочеть возстановить точное равновѣсіе между физическою и умственною силою,—съ нимъ можно согласиться. Въ Германіи, въ 1811 и 1812 годахъ, профессоръ Янъ говорилъ молодымъ студентамъ, сокрушавшимся объ игѣ Франціи, тяготѣвшимъ надъ ихъ отечествомъ:

— Упражняйтесь въ гимнастикѣ, и не занимайтесь философіею. Укрѣпайте тѣло свое для войны, если хотите возвратить независимость Германіи. Умѣйте держать въ рукѣ тяжелые мечи, а не одиѣ япиги.

Янъ былъ правъ. Молодые люди, окрѣпшіе въ гимнастическихъ упражненіяхъ, содѣйствовали тогда къ освобожденію Германіи. Но научая ихъ дѣйствовать ружьемъ и саблею, онъ не говорилъ имъ, чтобъ съечь книги и тетради. Совѣтуя укрѣплять тѣло, онъ не требовалъ, чтобъ они подавили способности ума и сдѣлались звѣрями.

Исполнить Пасси говорить, что при отступленіи французовъ изъ Россіи, офицеры лучше выдерживали непогоды, нежели солдаты. Они не такъ скоро терали бодрость; нравственная сила поддерживала физическую. Руссо правъ, требуя, чтобъ заботились о тѣлѣ; онъ неправъ, желая, чтобъ пренебрегали развитіемъ ума.

Руссо ссылается на Монтеня; но тотъ смѣется надъ педантами, а не надъ учеными. Въ смѣтѣ много дураковъ безъ латинскаго и греческаго языка. Неужели, для того, чтобъ не быть смѣшнымъ, достаточно быть невеждою. Монтень справедливо смѣется надъ педантами: они безвольны. Но въ каждомъ сословіи, въ каждомъ ремеслѣ есть педанты. Они бываютъ въ салонахъ и будуарахъ, превращая въ искусство и ремесло всякое удовольствіе и даже моду. Литература должна

возвышать умъ и дѣлать его способнымъ къ благороднымъ наслажденіямъ, а не подавлять его.

Зато, что Руссо напалъ на науки и литературу, напали и на него со всѣхъ сторонъ. Сперва началась брань и насмѣшки, какъ и всегда, а потомъ уже и разсужденія. Пренія, которыя онъ выдерживалъ противъ своихъ противниковъ, гораздо любопытнѣе его *Речи*. Сущность ея парадоксы и риторика, — но въ преніяхъ онъ благоразуменъ, знаа, что это единственное средство быть сильнымъ. Всѣ его разсужденія о слишкомъ большомъ развитіи наукъ и литературы въ XVIII вѣкѣ очень основательны, потому-что въ нихъ нѣтъ парадоксовъ.

Варварство, предшествовавшее просвѣщенію, также невѣжественно, какъ и слѣдующее за нимъ, но первое невѣжество невинности, а второе злѣрства. Два поэтическія созданія олицетворяютъ и то и другое: Павелъ и Виргинія Бернардена де-Сенъ-Пьера изображаетъ первобытную невинность; Калибанъ Шекспира одичалость. Павелъ и Виргинія чисты, какъ золотой вѣкъ, Калибанъ-же видитъ образованность и остается злѣремъ, перенимая тогчасъ-же одни пороки матросовъ. Вотъ что дѣлается изъ образованности, переходящей въ варварство. И для этого не нужно искать Калибановъ на пустынныхъ островахъ. Они вездѣ найдутся. У всѣхъ просвѣщенныхъ обществъ есть свои дякари, и по несчастію, они перенимаютъ у образованныхъ людей одни пороки. Одинъ путешественникъ, видѣвшій Востокъ и предпринимаемый тамъ реформы въ законахъ и нравахъ, сказалъ: «Это все тѣже дякари, только они ѣдятъ вилами».

Ученіе Руссо выражаетъ одни сожалѣнія, но не указываетъ на средства къ исправленію. Онъ вздыхаетъ о первобытной простотѣ и невѣжествѣ. Но какъ этого состоянія уже нельзя возвратить, то что остается дѣлать? «Ничего», отвѣчаетъ Руссо; «какъ только сожалѣть объ участи человѣка».

Речь о наукахъ и художествахъ надѣлала много шуму и вывела Руссо изъ неважности. Въ своихъ «Признаніяхъ» говоритъ онъ, что искренно сожалѣеть объ этомъ и что успѣхъ этотъ былъ причиною его несчастій. Впрочемъ въ 1750 году онъ вовсе не отвергалъ пріобрѣтенной имъ славы: онъ, напротивъ, старался объ этомъ, участвуя въ конкурсахъ Академій и распространяя свои связи въ свѣтѣ, который старался удивить странностію своихъ идей и привычекъ. Уже гораздо позже, тогда какъ онъ сдѣлался извѣстнымъ и знаменитымъ, вздыхалъ онъ возвратиться въ неизвѣстность и сожалѣлъ о ней.

Въ эту эпоху своей жизни оставилъ онъ всѣ украшенія въ одеждѣ, надѣлъ круглый парикъ, шпагу и выбралъ себѣ ремесло потнаго копинста.

«Я рассчитывалъ, говоритъ онъ, что пріобрѣта, какъ литераторъ, нѣкоторую извѣстность, всега буду имѣть много работы, какъ переписчикъ нотъ. Увы! оказалось, что одно занятіе мѣшало другому. Сдѣлавшись моднымъ писателемъ, я уже возбуждалъ всеобщее любопытство. Всѣ хотѣли познакомиться со мною, или хотя посмотрѣть на страннаго чловѣка, который не искалъ ни чьего знакомства и желалъ жить со-

койно и независимо. Комната моя безпрестанно наполнялась людьми, которые под разными предлогами отнимали у меня все время. Дамы употребляли тысячи хитростей, чтоб заманивать меня на свои обиды. Чѣмъ грубѣе я отказывался, тѣмъ неотвязчивѣе становились онѣ. Я хотѣлъ пытаться ремесломъ монимъ: публика не хотѣла этого. Придумывали разные средства, чтобы вознаграждать меня за потерянное время; я долженъ былъ, какъ полишинель показываться всѣмъ и всякому. Нѣтъ ничего унижительно и ужасно подобнаго положенію. Я рѣшился отказываться отъ всѣхъ большихъ и малыхъ подарковъ. Это еще увеличило число докучныхъ лицъ».

Все, что Руссо рассказываетъ здѣсь о себѣ,—жалкая комедія. Сдѣлаться ремесленникомъ, въ тоже время рассчитывая на литературную известность, не чистая ли это комедія XVIII вѣка, который однакоже охотно даетъ себя въ обманъ, отправляясь къ потному кошину, чтобы видѣть литератора, и платя ему за свое любопытство.

Въ это время Руссо не былъ еще мизантропомъ. Онъ даже говоритъ, какъ бы льстя женщинамъ, что только онѣ могутъ укрощать дикихъ вѣтрей. Г-жа Креки дѣйствительно укротила на нѣкоторое время это философическія выходки. Многія дамы старались привязать Руссо къ себѣ, не разъ въ его жизни, но напрасно.

Такимъ образомъ Руссо, стараясь быть мизантропомъ, продолжалъ въ своихъ сочиненіяхъ слѣдовать по первому пути, то-есть, нападала на простѣщеніе. Она работала для Энциклопедіи, для академій, но всадъ бранилъ художества и литературу, стараясь возратить людей къ первобытной простотѣ и добродѣтели. Корсиканская Академія предложила для конкурса слѣдующій вопросъ: «Какая добродѣтель всего лучше героизмъ, и у какихъ именно героевъ ее не доставало».

Этотъ вопросъ, довольно похожій на загадку, внушилъ Руссо дурную Рѣчь, которая только тѣмъ любопытна, что онъ продолжаетъ въ ней нападать на литературу. Онъ говоритъ, что характеристическая черта героизма состоитъ въ *дѣятельности*, и опираясь на это опредѣленіе, нападаетъ на Сократа и Платона, потому-что Сократъ видѣлъ несчастія своего отечества, и только сожалѣлъ о нихъ, а Травибулъ преректилъ ихъ; Платона онъ порицаетъ потому-что тотъ только риторствовалъ при дворѣ Діонисія, а Тимолеонъ освободилъ Сиракузы.

Что же хочетъ этимъ сказать Руссо? Что дѣятельность полководцевъ полезнѣе покорства философамъ? Кто жъ въ этомъ сомнѣвался? Другая идея его въ этой Рѣчи вѣрнѣе. «Сила героя (говоритъ онъ) часто оставляетъ людей благословлять его дѣйствія, потому-что онъ участвуетъ ихъ покорствовать законамъ».

Сочиняя рѣчи для академическаго конкурса, Руссо брался писать и за другихъ лицъ, которыхъ хотѣли быть литераторами, не имѣя къ тому дарованій. Онъ написалъ надгробное слово въ честь герцога Орлеанскаго по заказу аббата Дарси. Этотъ Дарси хотѣлъ быть проповѣдникомъ, и однажды, желая произнести панегирикъ въ честь Людовика IX, обратился къ Вольтеру, а теперь, для надгробнаго слова герцогу Орлеанскому, прибѣгнувъ къ Руссо. Но и тотъ и другой доказали

что, писавши для Дарю, они всера не такъ писали, какъ сами для се-
бя. Рѣчь Дарю надъ гробомъ герцога очень плоха.

Важнѣйшее сечиденіе Руссо въ продолженіе этой эпохи было:
Лель о политической экономіи, написанная для Энциклопедіи. Въ ней
ментѣ парадоксы, неведи въ прежнихъ его произведеніяхъ, но по-
пытно видѣть его мнѣніе и систему. Онъ не принадлежитъ ни къ шко-
лѣ Гроціуса, ни Монтескья; онъ не заботится ни о исторіи, ни о пра-
вахъ, и обычаяхъ гражданскихъ обществъ; онъ держится только си-
стемы древнихъ писателей, и старается, чтобъ политическая экономія
была основана на нравственности.

Но оставимъ пустые софизмы Руссо о политической экономіи,
и расскажем о другихъ произведеніяхъ его той-же эпохи, а именно:
о первомъ представленіи оперы «*Деревенскій колдунъ*». (*Devin de village*)
и «*Мысли о французской музыкѣ*».

Пребываніе Руссо въ Венеціи приоткрыло его къ итальянской му-
зыкѣ. Онъ написалъ оперу: «*Les Muses galantes*», но она не имѣла
успѣха. Онъ сдѣлалъ вторую попытку, — и *Devin de village* имѣлъ ве-
лчайшій успѣхъ. Разсказъ самаго Руссо о первомъ представленіи этой
оперы въ Фонтенбля, въ присутствіи короля, составляетъ очень любо-
пытный эпизодъ. Очарованіе успѣха, удовлетворенная гордость, нево-
лесть его при дворѣ, и усилія, чтобъ неказаться строгимъ философомъ,
все это представляетъ другую, забавнѣйшую комедію.

«Я былъ одѣтъ въ этотъ день тонне также, какъ и въ другіе: съ
большою бородою и въ дурно причесанномъ парикѣ. Это непріятіе
почтало я мужествомъ, — и съ нѣкоторою гордостью явился въ залу,
куда должны были вскорѣ прибыть король, королева и весь дворъ.
Когда все было освѣщено и я увидѣлъ себя въ этой толпѣ разодѣ-
тыхъ вельможъ, мнѣ стало какъ-то неловко. Я спросилъ самъ себя:
мое-ли чутъ нѣсто? и едва смѣлъ дать себѣ отвѣтъ. Я стараюсь обо-
дриться, — и успѣлъ въ этомъ. Къ удивленію, всѣ были ко мнѣ ласковы.
Я приготовился къ любопытству, насмѣшкамъ, — но всеобщее смисхож-
деніе заставило меня снова смутиться. Я однако-же вскорѣ успокои-
лся. При первыхъ сценахъ оперы услышалъ я шопотъ небольшо-
ваго удовольствія; и чѣмъ далѣе, тѣмъ выраженіе это дѣлалось
сильнѣе и благопріятнѣе. Вокругъ меня всѣ говорили: «Какъ это мило!
Какъ трогательно! Всякій звукъ идетъ къ сердцу!» — Удовольствіе, до-
статочное мною другимъ, тронуло меня самаго до слезъ». Забѣлтъ
при этомъ, какъ измѣняется вкусъ нѣфлики. Когда эту оперу возобно-
вили въ Парижѣ въ 1823 году — она упала, — и какой-то шутникъ, въ
довершеніи паденія, бросилъ на сцену старинный парикъ.

Въ это же самое время возникла знаменитая борьба и споры между
приверженцами итальянской музыки и французской. Руссо принялъ
живѣйшее участіе въ этихъ распряхъ. Вотъ, что онъ разсказываетъ
объ этомъ:

«Въ нѣсколько времени до представленія «*Деревенскаго колдуна*»
прибыла въ Парижъ итальянская оперная группа. Подвѣненіе ея от-
крыло уши французамъ. Тотчасъ-же составились двѣ партіи. Одна

всегда собиралось со стороны ложи королевы и называлась *уломъ королевы*, а другая подъ королевскою ложею, и прозвана *уломъ короля*. Grimm первый началъ войну, разбранивъ французскую оперу *Омфалу* (слова Ламота, музыка Детуша). Но это еще были не большія сшибки. Руссо увлекъ объ партіи въ генеральное сраженіе своимъ *Письмомъ о французской музыкѣ*. Это не только диссертация о музыкальномъ искусствѣ, но и анализъ французскаго языка. Руссо сдѣлалъ вопросъ, музыкальный ли это языкъ? У него нѣтъ просодіи, — или, что еще хуже — есть, но дурная, неопредѣленная, невѣрная. А какъ всякая музыка соответствуетъ духу языка той націи, гдѣ сочиняется, то французская музыка и должна быть такая-же, какъ просодія языка. Исчисливъ очень остроумно и дѣльно всѣ хорошія качества французскаго языка въ краснорѣчій и всѣ недостатки для музыки, Руссо заключаетъ слѣдующими словами:

«Доказать, что во французской музыкѣ нѣтъ ни метра, ни мелодіи, что французскій языкъ не что иное, какъ безпрестанное лаянье (*aboïement*), несносное для всякаго непривычнаго уха; что гармонія этой музыки груба, безъ выраженія и совершенно ученическая; что французскія аріи — вовсе не аріи, а речитативы, — я заключаю, что у французской нѣтъ музыки и не можетъ быть, — а если когда и будетъ, — то тѣмъ хуже для нихъ.»

Въ «Лексиконѣ Музыки» (*Dictionnaire de Musique*). Руссо продолжаетъ эту войну. Въ немъ бездна статей, составляющихъ чистыя пасквили. Напримеръ, въ словѣ *кричать* сказано: «значить до того усиливать голосъ, что звуки уже не музыкальны, а производятъ крикъ. Французская музыка требуетъ, чтобъ ее выкрикивали: въ этомъ весь ее характеръ». При словѣ *гелій*, — авторъ впадаетъ въ декламацию, и говоритъ, что музыкальный гений долженъ заставлять вздыхать, тосковать, плакать, рыдать; когда же не въ состояніи достигнуть этого, — то пусть пишетъ французскую музыку. При словѣ *копінстъ* — Руссо, разумѣется, спѣшитъ говорить о себѣ. «Странное дѣло», восклицаетъ онъ, «я литераторъ, а всегда говорилъ о литературѣ очень дурно. Я композиторъ французской музыки, а люблю одну италіанскую. Я описалъ всѣ пороки общества, когда былъ счастливъ въ немъ. Теперь, какъ дурной музыкальный копінстъ, долженъ я показать: что значить быть хорошимъ.»

И однакоже, когда Руссо называетъ себя дурнымъ копінстомъ, не вѣрите ему. Онъ страхъ какъ самолюбивъ на этотъ счетъ. Вотъ послѣдній анекдотъ по этому поводу, рассказанный г-жею д'Эппиней.

«Вчера была маленькая ссора между Гриммомъ и Руссо. Оба шутили, но если я не ошибаюсь, Руссо сильно страдалъ. Руссо принесъ г-ну д'Эппиней списанную для него музыку, — и тотъ спросилъ его, въ состояніи ли онъ написать въ двѣ недѣли еще столько же экзекушеровъ.»

— Можетъ-быть въ состояніи, а можетъ-быть и нѣтъ, — отвѣтилъ Руссо. Это будетъ зависеть отъ расположенія духа, времени и *шарманки*.

— Ну, такъ напишите мнѣ только шесть, — сказала д'Эпштейн, потому-что мнѣ надобно имѣть нѣсколько экземпляровъ.

— Пожалуй, — отвѣчалъ Руссо, — только шести экземпляровъ будетъ слишкомъ мало въ сравненіи съ остальными, которые вы захотите переписать другому; и однакоже они будутъ не хорошо переписаны, потому-что лучше меня мудрено написать.

— Вотъ самолюбіе! — вскричалъ Гриммъ. — Еслибъ ты сказала, что въ твоихъ сочиненіяхъ нѣтъ ни одной ошибки противу языка, всѣ бы повѣрили этому, но въ перепискѣ нѣтъ, боюсь объ закладъ, что есть невѣрности.

Руссо покраснѣлъ и замолчалъ. Когда же Гриммъ дѣйствительно нашелъ ошибку, Руссо еще больше покраснѣлъ, и весь вечеръ былъ печалень.

Довольно самолюбиво, если даже не съ шарлатанствомъ говорить Руссо о дѣйствіи, которое произвело его: *Письмо о французской музыкѣ*.

«Это была критическая эпоха парламентскихъ ссоръ. Вдругъ появилась моя брошюра, — и всѣ прочіе споры были забыты. Всѣ бросились защищать французскую музыку. Произошло всеобщее возстаніе, — но только противу меня». Впрочемъ Гриммъ подтверждаетъ почти эти слова.

Обвинять ли Руссо въ его самолюбіи и заблужденіяхъ? Надобно, къ оправданію его, сказать, что большая часть и того и другаго принадлежитъ его современникамъ. За *Речь*, весьма слабую, его вдругъ повсюду прославили и превознесли. За незначущую оперетку — всѣ придворныя дамы осыпали его самыми восторженными похвалами. За *Письмо о французской музыкѣ* — едва не поставили его въ ряду первыхъ знаменитостей — и все это въ-продолженіе трехъ лѣтъ. Изъ ничего — провозгласили его великимъ человѣкомъ. Кого бы не ослѣпилъ этотъ быстрый переходъ отъ мрака къ неожиданному блеску. Руссо возгордился и имѣлъ полное право на это. Онъ былъ упоенъ своими неожиданными, чрезвычайными успѣхами, — и чашу упоенія поднесла ему вся тогдашняя Франція. Современники произвели во Франціи больше сумасшедшихъ, нежели природа и богъанъ.

II. ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Актриса Марсъ. — Многіе умные люди порицаютъ похвалы и уваженіе, которыми окружаютъ театральныхъ знаменитостей въ блистательное время ихъ таланта. Другіе сожалеютъ напротивъ, что публика скоро забываетъ заслуги и успѣхи великихъ артистовъ на сценѣ, привязываясь къ новымъ любимцамъ. Актриса Марсъ можетъ служить лучшимъ примѣромъ этого непостоянства публики. Какіе восторги и по-

талы встрѣчали знаменитую артистку во-время ея драматическаго поприща и какъ хладнокровно забыли объ ней, когда она оставила сцену!

Къ счастью, критика не всегда одного мнѣнія съ публикою, и если во-время представленія самолюбіе артиста часто бываетъ совершенно уломтворено, то послѣ спектакля критика старается отравить это наслажденіе, и не скупится на замѣчанія, насмѣшки и сравненія. Часто и она превозноситъ талантъ; но въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ, не можетъ удержаться, чтобы не сдѣлать какого-нибудь замѣчанія, которое все-таки доказываетъ артисту, что онъ далекъ отъ совершенства, и что и въ немъ есть недостатки, несмотря на приговоръ толпы.

Стало-быть театральная слава самая непрочная и недолговѣчная. Послѣ нея не остается часто и воспоминанія!

Когда-же публика забываетъ совершенно своихъ прежнихъ любимцевъ и обращается къ новымъ свѣтиламъ, тогда, на оборотъ, театральная критика дѣлается восторженною и старается возвысить репутацію таланта, который сама прежде унижала. Она называетъ забытыми писаза, чтобъ ими уничтожать молодые таланты, и говоритъ имъ, что они никогда не возвысятся до дѣвницы Марсь, точно также какъ говоритъ Марсь, что она не можетъ сравниться съ актрисою Контъ. Будущія поколѣнія услышатъ, безъ сомнѣнія, вѣчныя похвалы неподражаемой Рашель.

Критика всегда была такова, да никогда и не переимѣнится. Она твердитъ молодымъ талантамъ старыя имена, въ началѣ поприща уверяетъ ихъ неопытною и незваніемъ сценическихъ преданій, а когда эти недостатки исчезаютъ современемъ, критика очень учтиво замѣчаетъ, что безъ очарованій молодости нельзя увлекать и одушевлять публики. Въ 1810 году Марсь было около тридцати лѣтъ и она была въ полномъ развитіи и блескѣ своего неподражаемаго таланта, но журналы уже начали подсмѣиваться надъ тѣмъ, что она въ свои *юченныя* лѣта играетъ роли молодыхъ героинь, и совѣтовали ей перейти на амплу *кокотокъ*. Несмотря на это, великая актриса соудала роль Эммы въ *Fille d'honneur* черезъ десять лѣтъ послѣ этихъ колкихъ замѣчаній; потомъ въ 1822 году сыграла съ необыкновеннымъ успѣхомъ *Валерію*, и наконецъ, въ 1839, вышла въ роли *Mademoiselle de Belle-Isle!*

Надобно замѣтить, что сама Марсь чрезвычайно заботилась о журнальныхъ статьяхъ, гдѣ разбирали ея талантъ, и была ласкова и великодушна со всѣми мелкими фельетонистами. Правда, она не уважала ихъ, и ласкала только, когда они были ей нужны, не обращая потомъ на нихъ никакого вниманія. По этому случаю, рассказываютъ одинъ любопытный анекдотъ.

Во-время реставраціи былъ одинъ театральнй фельетонистъ, который обѣдалъ каждый поведѣльникъ у знаменитой актрисы, потому-что и тогда театральные обзоры выходили въ этотъ день. Въ-продолженіе десяти лѣтъ писатель не пропуская ни одного поведѣльника

и считался домашнимъ человекомъ у артистки, которую ежедневно осматривалъ печатно самыми восторженными похвалами. Однажды, въ субботу, фельетонистъ поссорился съ издателемъ журнала и, разувѣвшись, тотчасъ-же получилъ отставку. Марсъ узнала объ этомъ случайно на другой день, и тотчасъ-же послала своему десятилѣтнему почитателю слѣдующую записку:

«Дѣвица Марсъ предупреждаетъ Г. Д., что въ понедѣльникъ она отозвана и не можетъ принять его».

Ясно, что бѣдный Д. былъ для артистки не человекомъ и не другомъ, а просто фельетонномъ, распространяющимъ ея славу. Какъ часто и другія лица не артистическаго круга приглашаютъ на свои обѣды людей, не потому что они ихъ уважаютъ или любятъ, а потому только что они имъ нужны.

Если при жизни Марсъ фельетонъ иногда позволялъ себѣ слишкомъ строгія сужденія и невѣжливыя замѣчанія, зато послѣ ея смерти всѣ журналы забили торжественный гимнь въ честь великаго таланта превосходной артистки. Недавно еще фельетонисты съ ожесточеніемъ уличали талантъ великаго Дюпре, стараясь доказать сначала, что у него только одинъ голосъ, во ни малѣйшаго драматическаго таланта; а потомъ эти-же самые писатели превозносили игру артиста и сожалѣли, что у него нѣтъ голоса. Впрочемъ, современное поколѣніе не такъ строго. Оно скорѣе приходитъ въ восторгъ и не замѣчаетъ микроскопическихъ недостатковъ въ великихъ артистахъ. Притомъ-же и публика уже не такъ доверчива и не такъ слѣпо вѣритъ сужденіямъ театральнымъ критиковъ.

Недавно одинъ умный и почтенный человекъ говорилъ:

«Я не читаю больше театральныхъ фельетонновъ, потому-что они только мешаютъ мнѣ наслаждаться и портятъ всѣ мои впечатлѣнія. Во-время представленія новой пьесы мнѣ случается иногда плакать, иногда смѣяться, но фельетонъ всегда доказываетъ, что трогательная пьеса — глупа, а смѣшная не можетъ заставить улыбнуться, и я, слѣдственно, остаюсь въ дуракахъ. Къ счастью, многіе раздѣляютъ мое мнѣніе и не всегда вѣрятъ журналу».

Эти замѣчанія о современной критикѣ не боѣе однакоже какъ необходимо предисловіе къ жизни актрисы, которую уже нѣсколько разъ описывали и восхваляли, и которая во-время своего продолжительнаго поприща и послѣ него доставила такъ много пищи для критикъ и фельетонновъ.

Но обыкновенно надобно было-бы начать съ года и числа рожденія дѣвочки Марсъ, но въ этомъ-то и несогласны всѣ ея біографы, потому-что свидѣтельство о ея крещеніи потеряно. Полагаютъ, что великая артистка родилась въ декабрь 1778 года, въ одинъ день съ герцогиней Ангулемской, и оправдываютъ это тѣмъ, что отецъ дѣвочки Марсъ, Момель сказалъ, слыша въ этотъ день колокольный звонъ и шумно встрѣтилъ:

«Вотъ какъ радуются всѣ, что у меня родилась дочь!».

Другіе утверждаютъ, что она родилась 9-го февраля 1779 года.

Маленькая Ипполита росла и училась подъ присмотромъ своего отца, Мовселя, замѣчательнаго актера и драматическаго писателя, и матери, актрисы Марсь, которая изъ провинціи перешла на Театръ Республики. Не сохранилось ни одного анекдота изъ дѣтства Ипполиты. Вѣроятно только, что малютка рано полюбила сценическое искусство, хотя и не отличалась особенными способностями. Въ четырнадцать лѣтъ она дебютировала на театрѣ Монтансіе (Разнообразія), въ роли Колена, маленькаго брата Жокриса, въ пьесѣ *Отчаянныя Жокриса*, соч. Дорвиньи. Роль ея состояла изъ нѣсколькихъ фразъ, но всѣ замѣтили, съ какой наивностью и простотою она представила маленькаго крестьянина, и предсказали ей блестящую будущность.

Черезъ годъ она играла въ Федо наивныя роли, (*les ingenuités*) и называлась уже не малюткой Марсь, а дѣвицей Марсь. Потомъ она вступила на Театръ Республики, сдѣлавшійся въ-послѣдствіи *Французскимъ Театромъ*.

Первые дебюты Марсь были блистательные. Актриса Конта охотно уступила ей свои роли и перешла на амбуа *кокетокъ*, которое въ-послѣдствіи передала той же самой Марсь, сдѣлавшейся достойною ея наслѣдницей.

До 1800 года она создала много ролей, но театральные архивы погибли во-время революціи, какъ многіе другіе важнѣйшіе документы.

Съ 1800 по 1838 извѣстно, что она создала и сыграла *сто восемь* ролей, какъ показано въ реестрахъ Французскаго-Театра. Любопытно пробѣжать этотъ реестръ. Большую частью встрѣчаются въ немъ неизвѣстные и забытыя имена, но которыя производили большое впечатлѣніе на тогдашнюю публику. Во всякомъ случаѣ это множество ролей доказываетъ гибкость таланта великой актрисы, которая могла изображать всѣ роды сочиненій, и составила извѣстность нѣкоторыхъ жѣнкихъ поэтовъ, которые безъ нея остались бы въ вѣчномъ мрагѣ. Правда, что во-время сорокалѣтняго поприща Марсь написано было для нея много слабыхъ и дурныхъ пьесъ, державшихся на сценѣ только ея чуднымъ талантомъ, а послѣ нея упавшихъ безвозвратно; вотъ почему нѣкоторые старики такъ безжалостно нападаютъ на современную драматическую литературу, и со вздохомъ говорятъ: Въ старину умѣли писать хорошія комедіи, и дѣвица Марсь отлично играла роль Анжелики въ *Семейномъ собраніи*, или Доримены въ *Нервительномъ!*

А между-тѣмъ обѣ эти комедіи очень плохи, и тоже самое можно сказать о большей части драмъ и водевилей, составляющихъ репертуаръ Марсь. Хорошія пьесы пережили ее, и роли изъ нихъ составили и увѣковѣчили ея славу. Лучшія ея роли были: миссъ Макдональдъ въ *Эдуардъ въ Шотландіи*, Бетти въ *Молодости Генриха IV*, г-жи Бельмонъ въ *Слѣдствіи Маскерада*, Эмили въ *Плащъ*, Розы Вольмаръ въ *Сердитой молодой женщинѣ* и г-жи Давидъ въ *Школѣ Стариковъ*.

Однако надобно замѣтить, что хотя она создала эти роли и играла ихъ превосходно, но современникамъ болѣе всего нравилась въ роляхъ

стариннаго репертуара, которыя, по ихъ мнѣнію, никто уже не можетъ играть послѣ незабвенной Марсъ.

Мольеръ, Реньяръ, Мариво, Бомарше — вотъ безсмертные писатели, которыхъ она передавала съ такой прелестью, что грустно послѣ нея видѣть въ этихъ роляхъ неопытныхъ ученицъ.

Недавно давали на Французскомъ-Театрѣ комедію: *Игра любви и случая*, эту превосходную бездѣлку, гдѣ каждая фраза дышетъ остроуміемъ. Всѣ хохотали надъ глупостью Паскина, чванствомъ Лизеты и наивностью Сильвіи. Однако нѣкоторые почтенныя лица оставались серьезны, и задумчиво слѣдили за игрою Сильвіи, вспоминая, вѣроятно, прежнюю несравненную Сильвію, которая называлась дѣвицею Марсъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, кто можетъ не только сравниться, но даже приблизиться къ тону и манерамъ г-жи Марсъ, когда она играла знатную даму? Всякій былъ увѣренъ, что она создана для этихъ ролей, но потомъ мнѣніе перемѣнилось, когда она играла ловкую и лукавую Сусанну въ *Свадьбѣ Фигаро*. Знаменитый критикъ Жюль Жаненъ былъ тоже очень грустенъ въ это представленіе, и когда его спросили, отчего онъ не смѣется въ комедіи Мариво, онъ отвѣчалъ:

«Мнѣ грустно отъ того, что я долженъ надолго отказаться отъ пьесъ стараго репертуара. Марсъ оставила по себѣ такое живое воспоминаніе, что никто уже не можетъ нравиться послѣ нея. Чтобъ играть пьесы, въ которыхъ она прославилась, надобно подождать, чтобъ современники ея въ публикѣ совершенно забыли ее, или смѣнились новымъ поколѣніемъ, или чтобъ на сценѣ не показывались тѣ, которые играли вмѣстѣ съ нею, какъ напримѣръ Самсонъ, Мирекуръ и другіе. Теперь же мнѣ больно смотрѣть на новую Сильвію, и я лучше уйду, не дожидаясь конца комедіи».

Однако, несмотря на отзывъ Жюль-Жанена и на задумчивость старѣеихъ ричковъ, комедія Мариво была разыграна въ этотъ вечеръ превосходно, и молодые люди, невидавшіе старушку Марсъ были въ восторгѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ Самсонъ былъ очень веселъ, г-жа Брोगанъ жива, Брендо нѣженъ, г-жа Авансъ остроумна; чего же больше. Никто не могъ найти въ нихъ малѣйшаго недостатка, Но въ душѣ стариковъ раздавался еще чудный, мелодическій голосъ дѣвицы Марсъ, который умѣлъ трогать и удивлять, и вотъ почему они равнодушно слѣдили за расчитанной игрою молодой и талантливой Сильвіи.

Въ-самомъ-дѣлѣ это одна изъ тѣхъ ролей, которыя послѣ Марсъ недоступны для современныхъ актрисъ. Развѣ явится для комедіи такой же превосходный талантъ, какъ у Рашели для трагедіи. Словомъ, если можно допустить совершенство въ драматическомъ искусствѣ, то одна Марсъ была совершенна.

Впрочемъ и это не удивительно. Роли Селимены въ *Мизантропѣ*, Арамнты въ *Ложной довѣренности*, Сильвіи въ *Игрѣ любви и случая*, Генриетты въ *Ученыхъ женщинахъ*, Графини въ *Завѣщаніи*, Сусанны въ *Свадьбѣ Фигаро*, Викторины въ *Невольномъ Философѣ*, г-жи Клервиль въ *Неожиданномъ пари*, Эмилии въ *Плащѣ*, г-жи Бельмонъ въ *Сладостивнѣ маскарада*, — всѣ эти роли Марсъ играла въ-продолженіе

двѣдцати лѣтъ, стало-быть могла постигнуть всѣ ихъ тонкости, могла изучить всѣ эфекты, всѣ остроты, понять мысль автора, разгадать всѣ оттъѣнки изображаемаго характера, и придать ему еще болѣе рельефности и полноты.

Случается, что авторы не успѣваютъ или не сумѣютъ изобразить всѣ тонкія, почти непримѣтныя черты женскаго характера, и опытная актриса, создающая роль, обязана сама отыскать и отмѣтить нѣжныя оттъѣнки, остающіеся потомъ принадлежностью этой роли.

Марсъ не только создавала, но даже оживляла роли въ старыхъ комедіяхъ, точно также, какъ Рашель оживила передъ нами лица трагедіи, которыя иначе нельзя себѣ представить, какъ только въ такомъ видѣ, какъ она ихъ изображаетъ.

Въ Селименѣ, напримѣръ, Марсъ изобразила такъ вѣрно и живо свѣтскую кокетку, которая принимаетъ у себя лучшее общество великаго вѣка, отличающееся изысканными манерами и умными разговорами. Это былъ настоящій кумиръ общества, по уму, любезности, ловкости, граціи. Ея вѣрѣ былъ скипетръ, передъ которымъ склонялись ея поклонники, и по ея желанію они выражали ей свое уваженіе, любовь, или удивленіе. Въ послѣднемъ дѣйствіи она выслушиваетъ упреки тѣхъ, которыхъ одурачила, но дѣлаетъ это съ гордостью, съ достоинствомъ. Она съ пренебреженіемъ глядитъ на этихъ мелкихъ людей, которыхъ можетъ опять привлечь къ своимъ ногамъ однимъ словомъ, однимъ взглядомъ.

Играя Эльмиру въ *Тартюфѣ*, она понимала, что жена Оргона не можетъ быть женщиною высшаго круга, и потому выказывала больше простоты, хотя ей было это и трудно, потому-что она сроднилась съ ролями свѣтскихъ кокетокъ, и сохранила ихъ манеры, любезность и тонъ даже въ домашней жизни.

Это всегдѣшнее достоинство внушало всѣмъ окружающимъ ее столько уваженія и даже страха, что служители ея не смѣли къ ней подойти и обезпокоить ее, хотя она всегда была съ ними добра, снисходительна и ласкова.

По этому случаю рассказываютъ слѣдующій анекдотъ:

У г-жи Марсъ служилъ поварь, къ которому она была весьма благосклонна за его усердіе и долговременную службу. Онъ до того уважалъ свою госпожу, что никогда не могъ рѣшиться сказать ей ни слова, а если она сама заговаривала съ нимъ, то онъ краснѣлъ, смущался и бормоталъ непонятныя слова. Если же случалось, что онъ видѣлъ ее въ роли Селимены или Араминты, то робость его возрастала, и онъ долго не смѣлъ поднять на нее глазъ. Однажды плита въ кухнѣ испортилась и надобно было ее починить. Стоило только сказать нѣсколько словъ г-жѣ Марсъ, но поварь недавно видѣлъ ее въ одной изъ лучшихъ ролей, и потому обратился къ мадамъ Жюльенъ, другу артистки, и которая изъ привязанности къ ней занималась ея хозяйствомъ.

Мадамъ Жюльенъ, желая подшутить надъ ребячествомъ стараго по-

вара, объявила, что не знаетъ какъ быть съ плитою и что надобно согласіе г-жи Марсь, чтобъ позвать печника.

Старикъ не смѣлъ просить пріятельницу своей госпожи взяться за эти хлопоты, и самъ также не рѣшился заговорить съ театральной парницей, которой онъ едва осмѣливался хлопать въ театрѣ.

Нѣсколько разъ доходилъ онъ до комнаты г-жи Марсь и приготовлялъ свою рѣчь, но робость останавливала его, и онъ сказалъ во второй разъ госпожѣ Жюльенъ, что плиту надобно починить.

— Я тебѣ сказала, мой другъ, что не могу этимъ распорядиться, отвѣчала домоправительница, смѣясь. Стыдись! Въ твои ли дѣла быть застѣнчивымъ, какъ дѣвушка.

— Чтѣ жъ мнѣ дѣлать, сударыня, если я при моей госпожѣ не могу выговорить ни одного слова.

— Не можешь говорить, такъ напиши просьбу.

— Ахъ какая мысль! Благодарю васъ. Какъ это я прежде не догадался. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ комедіяхъ всегда пишутъ письма, когда не смѣютъ говорить; подать письмо совсѣмъ не страшно. Только... чтѣ же я напишу! Моя госпожа привыкла къ такимъ прекраснымъ разговорамъ и письмамъ... а я не сочинялъ никогда ничего.

— Напиши просто, что надобно поправить плиту, и все тутъ:

— Какъ же! ворчалъ старый поваръ, оставшись одинъ съ своими костюмами: развѣ можно говорить съ нею просто! Нѣтъ, тутъ надобно подумать, да и подумать, какъ приличнѣе написать ей, что надобно позвать печника.

Цѣлую недѣлю сочинялъ старикъ свое письмо, передѣлывалъ его двадцать разъ и бредилъ о немъ во снѣ. Его не развлекали ни соусы, ни пирожки; всѣ въ домѣ думали, что поваръ пишетъ эпическую поему.

Наконецъ онъ явился съ радостнымъ лицомъ въ госпожѣ Жюльенъ, которая давно уже забыла о его плитѣ, и подавъ ей письмо.

— Чтѣ это? спросила она.

— Мое письмо къ барынѣ. Извольте прочесть.

— Не надо, любезный, отвѣчала домоправительница, думая, что посланіе очень длинное: я увѣрена, что ты сочинилъ хорошо.

— Вы будете довольны мною. Притомъ-же письмо не длинно и просто, какъ вы мнѣ совѣтовали.

— Прочти же мнѣ самъ.

Тогда старикъ развернулъ большую бумагу и прочелъ, декламируя, какъ стихи:

— Сударыня, необходимо починить плиту въ кухнѣ, потому-что кастрюли качаются на ней, какъ птички на вѣткѣ. Остаюсь съ всенижайшимъ почтениемъ вашъ покорный поваръ...

— Какъ вы находите мой слогъ, сударыня, хорошо ли я выразился?

— Очень... хорошо... проговорила госпожа Жюльенъ, удерживаясь съ трудомъ отъ хохота.

— Я хотѣлъ подобрать рѣшмы, но никакъ не могъ сдѣлать этого въ такое короткое время.

— Зачѣмъ, мой другъ, и такъ хорошо, сказала подруга актрисы и убѣжала, чтобъ посмѣяться на свободу и рассказать все Ипполитѣ.

Этотъ анекдотъ долго забавлялъ общество великой актрисы.

Впрочемъ не смѣли очень громко смѣяться надъ поваромъ, потому-что, если онъ не умѣлъ сочинять, то хорошо стряпалъ, а это нравилось всѣмъ почитателямъ отеля Ларошфуко, гдѣ жила г-жа Марсъ.

Вся исторія жизни артистки заключается въ списокѣ ея ролей, который находится въ реестрахъ французской комедіи. Послѣ амплуа de *junes premières* она перешла на роли кокетокъ и благородныхъ геронь, какъ и всѣ актрисы.

Г-жа Марсъ имѣла свое собственное политическое мнѣніе, и о ея приверженности къ Имперіи рассказываютъ много анекдотовъ, извѣстныхъ уже давно. Во-время реставраціи она перевесла много неприятностей.

Вообще послѣдніе годы ея театальной жизни прошли въ безпрестанныхъ неудовольствіяхъ.

Послѣ преслѣдованій за фѣлки, зависть и ненависть отыскивали другое средство огорчать великую актрису. Маленькіе и большіе журналы впадали на нее съ ожесточеніемъ, и не находя недостатковъ въ ея игрѣ и дикціи, упрекали ее за то, что она не молода и не хочетъ уступать молодымъ актрисамъ своихъ ролей, хотя сама смѣшна въ нихъ. Послѣ журнальныхъ статей посыпались на нее безыменныя письма, которыя она сама не читала, но которыя собирала госпожа Жюльенъ. Эти легкіе и низкіе нападки еще болѣе разстраиваютъ и убиваютъ, чѣмъ открытая, благородная вражда. Несмотря на всѣ предосторожности ея друзей, она находила подобныя письма и пасквили въ своей каретѣ и даже въ уборной театра.

Притомъ же обвиненія противъ г-жи Марсъ были совершенно несправедливы. Въ 1834 году она сама приготовляла дѣвицу Плесси и играла съ ней въ *Passion secrète*; въ 1835 она согласилась играть съ г-жею Дорваль, въ Анжело, роль, которая совершенно не шла къ ея средствамъ; наконецъ въ 1839, она сама начала драматическое воспитаніе превосходной артистки, дѣвицы Довъ, которая сдѣлалась бы достойною преемницею славы и таланта той, которая называла ее дочерью, еслибы не промѣняла сцену на счастливую семейную жизнь.

Въ 1841 году г-жа Марсъ, почти вынужденная оставить театръ, подала въ отставку. Она явилась послѣдній разъ 30 марта, и играла Эльвиру въ *Тартюфъ* и Сильвію въ *Ирѣ любви и случая*. Въ это представленіе случилось происшествіе, о которомъ всѣ сожалѣли. Въ то время, какъ занавѣсъ падалъ, къ ногамъ Сильвіи бросилъ кто то вѣнокъ черныхъ нимфотелей. Разумѣется старались объяснить, что печальные дѣла брошены съ цѣлью доказать, что театръ въ траурѣ; но вѣнокъ этотъ произвелъ страшное впечатлѣніе на великую артистку, и съ этой минуты здоровье ея разстроилось и она видимо ослабѣвала.

Вскорѣ послѣ этого, 15-го апрѣля, г-жѣ Марсъ дали прощальный *benefice*, въ которомъ она играла въ послѣдній разъ Селимену и Аранжину и который составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ театра. Ее встрѣ-

тиль громъ рукоплесканій. При окончаніи же спектакля, когда ее вызвали, всѣ зрители встали съ своихъ мѣстъ, мужчины хлопали и кричали, дамы бросали букеты и плакали. Даже сама артистка растрогалась и со слезами просталась со своими товарищами и почитателями. Этотъ вечеръ вознаградила ее за печальный вѣнокъ.

Съ этой минуты жизнь ея была однимъ страданіемъ. Ей мало было круга друзей. Она привыкла къ дѣятельности, къ шуму театра. Она родилась на сценѣ и желала бы умереть на ней.

Однако объ ней все еще помнили и послѣ ея отставки, потому-что во-время похоронъ незабвенной артистки ее провожали на кладбище отца Лашеза всѣ знаменитости Парижа. Надъ могилой ея говорили рѣчи, бросали вѣнки, и плакали неподдѣльными слезами. Тутъ была пѣвица Даморо-Чинти, современница славы Марсь, г-жа Роже де-Бовуаръ, ея любимая ученица, бывшая дѣвица Дозъ, и много другихъ знаменитостей.

Надобно бы сказать нѣсколько словъ о частной жизни великой актрисы и о ея характерѣ, но у нея почти не было другой жизни, кромѣ театальной. Долго жила она въ своемъ домѣ въ улицѣ Ларошфуко, но ее обокрали тамъ два раза; она рѣшилась продать его и перѣехала въ улицу Лавуазье, гдѣ и умерла.

У нея украли, кромѣ брильянтовъ, великолѣпный золотой вѣнокъ, составленный изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, на которыхъ написаны были названія сыгранныхъ ею ролей.

Въ 1827 году у нея былъ маскарадъ, о которомъ долго говорили въ Парижѣ. Это былъ великолѣпный праздникъ, на который собрались всѣ парижскія знаменитости. Съ нимъ можетъ только сравниться балъ, данный въ 1832 году Александромъ Дюма.

Говорили тоже, что г-жа Марсь такъ прилежно изучала свои роли, что запиралась въ кабинетѣ и не пускала къ себѣ никого въ это время. Смѣемъ увѣрить, что она иногда учила роли при всѣхъ, слушая, разговаривая и работая. Какъ умная и опытная актриса, она часто прибавляла нѣсколько выраженій къ своей роли, или передѣлывала нѣкоторыя фразы. Въ *Анжело*, когда Катарина падаетъ къ ногамъ Тизбы и проситъ пощады, она вскричала съ презрѣніемъ:

— Не смѣйте дотрогиваться до меня!

И эти слова были включены въ роль. Въ *Mademoiselle de Belle Isle* она должна была говорить: какъ я счастлива! и долго не могла найти выраженія для этихъ словъ. Часто дома и на репетиціи она вдругъ вскрикивала: какъ я счастлива! и потомъ сердилась, что все это выходило не такъ.

Въ разговорѣ г-жа Марсь была очень остроумна и напоминала маркизу Креки. Ее обвиняли въ ироніи и злости, потому-что она часто однимъ словомъ выражала свое мнѣніе или сужденіе, и всегда вѣрно, но нѣсколько не зло. Разумѣется, что остроумное замѣчаніе ея переходя отъ одного къ другому, часто украшалось и измѣнялось, такъ что наконецъ становились въ-самомъ-дѣлѣ злыми. Умные люди поймутъ однако, что еслибы Марсь была злая женщина, то надъ гро-

бомъ ея не плакали бы такъ горько, не только друзья, но всѣ которые ее знали и слѣдовательно успѣли полюбить.

Африканскій Ресцѣй въ Лейпцигѣ. — Альдриджъ, чернокожій актеръ (о которомъ мы уже сообщали нашимъ читателямъ), приводитъ теперь въ удивленіе Лейпцигъ. Въ одной англійской биографіи, которую онъ самъ о себѣ составилъ, сообщены слѣдующія свѣдѣнія: Предки его были владѣтелями одного племени Фуласовъ на рѣкѣ Сенегалѣ. Миссіонеры, прибывшіе туда, старались просвѣтить отца его. Они уже убѣдили царствовавшего тогда дѣда его, чтобъ плѣнниковъ, забираемыхъ на войнѣ, не продавать, а вымѣнивать, но прочіе предводители племени не согласились на это, — и произошла междоусобная война. Посреди этихъ волненій дѣдъ былъ убитъ, а отецъ нынѣшняго актера, при содѣйствіи миссіонеровъ, уѣхалъ въ Америку и поступилъ тамъ въ учебное заведеніе.

Въ послѣдствіи Альдриджъ (отецъ) сдѣлался теологомъ. Но когда узналъ, что предводитель, низвергшій дѣда его, убитъ, то захотѣлъ возратить отнятое у него достоинство, дабы ввести между африканскими племенами просвѣщеніе и христіанство. Съ молодою женою, на которой онъ женился въ Америкѣ, воротился онъ на берега Сенегала, — но успѣхъ не соответствовалъ его ожиданіямъ. Началась новая война — и партія просвѣщенія была побѣждена. Альдриджъ съ трудомъ спасся. Въ это время родился и Альдриджъ нынѣшній актеръ — и девять лѣтъ скитался съ родителями въ Африкѣ, посреди величайшихъ опасностей и нуждъ. Наконецъ имъ удалось бѣжать въ Америку.

Здѣсь Альдриджъ (отецъ) приобрѣлъ всеобщее уваженіе въ прежнемъ своемъ духовномъ званіи, — и 27 сентября 1840 года умеръ. У сына его былъ единственный братъ, который недавно былъ убитъ въ одномъ игорномъ домѣ въ Новомъ-Орлеанѣ, — и какъ убитый былъ вѣгрь, то, по тамошнему обыкновенію, произведено даже никакого судебного слѣдствія объ убійствѣ... Объ артистическомъ поприщѣ Альдриджа общающіе сообщать въ послѣдствіи.

Римская пѣвица. Въ Римѣ славится теперь одна пѣвица, какъ превосходнымъ голосомъ, такъ красотою и знатнымъ происхожденіемъ. Это княжна Маріетта Пикколомини. Родители ея и родственники истощили всѣ усилія, чтобъ удержать ее отъ поступленія на сцену, — но напрасно. Родители покорились наконецъ своей участи, но родня, и въ томъ числѣ дядя, кардиналъ Пикколомини, все еще не успокоились. Послѣдній общалъ увеличить ея приданое десятью тысячами скуди, если она оставитъ сцену, но молодая пѣвица объявила, что гораздо лучше умереть, нежели отказаться отъ артистическаго поприща.

Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — Въ то время, какъ въ Лондонѣ на два милліона жителей двадцать три театра, въ Парижѣ на милліонъ жителей двадцать шесть театровъ, въ которыхъ ежедневно бываютъ по тридцати-четыре тысячи посѣтителей. Сверхъ-того въ Парижѣ сто-пятьдесятъ-шесть увеселительныхъ заведеній, въ которыхъ бываетъ пѣніе, драматическія представленія или танцы, и въ которыхъ ежедневно собирается до двадцати-четыре тысячъ человѣкъ. Въ Парижѣ живутъ отъ восьми до девяносто писателей и композиторовъ, изъ которыхъ каждый поставилъ уже на сцену одну, или нѣсколько пьесъ.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Новыя воздушныя машины. — Уже нѣсколько лѣтъ ученые стараются вмѣсто паровъ употреблять одинъ нагрѣтый воздухъ. Эта важная задача для мореходства рѣшена теперь, какъ кажется, въ двухъ мѣстахъ, а именно, въ Америкѣ и въ Германіи.

Американскій изобрѣтатель Эриксонъ строитъ теперь судно, называемое *Килорическимъ кораблемъ*, — и можетъ-быть, оно уже готово въ настоящее время. Воздухъ, нагрѣтый небольшою печкою, долженъ въ большихъ цилиндрахъ (какъ и паръ) имѣть два противоположныя теченія. Достигая до проволочной сѣти, называемой *регенераторомъ* (какъ въ Девіевой лампѣ), воздухъ вдругъ остываетъ, сгущается и приводитъ въ движеніе рычагъ, находящійся надъ регенераторомъ.

Выгоды этого новаго способа состоятъ въ сбереженіи мѣста, топлива и расходовъ, дѣлая сверхъ-того всякій взрывъ невозможнымъ.

Германское изобрѣтеніе принадлежитъ амтману Прену, который посвятилъ на это цѣлую жизнь, пожертвовавъ всѣмъ своимъ имуществомъ. Сперва онъ хотѣлъ получить въ Англии привилегію на свое изобрѣтеніе, но это требовало продолжительныхъ проволочекъ и 350 фунтовъ стерлинговъ платы за патентъ. Онъ сообщилъ свое изобрѣтеніе Макферсону и Стефенсону, которые вполне одобрили его и выдали ему свидѣтельство въ томъ, что изобрѣтеніе достигаетъ своей цѣли. Послѣ этого обратился онъ къ берлинскому министерству, — но тогда былъ несчастный 1848 годъ, и представленіе его оставлено безъ отвѣта. Зато Гумбольдтъ, Ренгольдъ и Шумахеръ нашли открытіе совершенно удовлетворительнымъ. Больше ничего онъ не могъ добиться. Горе убило его. Онъ умеръ, оставя вдову и семерыхъ дѣтей въ крайней бѣдности.

Кильскій профессоръ Карстенъ, разсматривавшій изобрѣтеніе Прена, нашелъ, что оно не только теоретически совершенно вѣрно, но и въ практическомъ примѣненіи вполне удовлетворительно. Онъ обратился къ датскому правительству, и просилъ о покупкѣ изобрѣтенія.

Въ такомъ положеніи находится это дѣло. Послѣдствія еще неизвѣстны.

допотопный ландшафтъ. — Недалеко отъ Баденскаго озера, близъ деревни Эннингенъ, на Рейнѣ, открыты на южной сторонѣ Шинбергской горы слои мергельнаго шифера, которые еще въ началѣ прошедшаго столѣтія возбудили вниманіе естествоиспытателей изобиліемъ разныхъ органическихъ остатковъ допотопнаго міра. Нынѣ произведены тамъ новыя разработки, и найдены пятьдесятъ-пять породъ растительнаго царства. Сверхъ-того одинъ мастодонтъ, одна лисица, пара зайцевъ, слѣды птицъ, тринадцать породъ рыбъ (нынѣ несуществующихъ), двѣ черепахи, двѣ змѣи, колоссальная лягушка, три породы жабъ и большая саламандра. Больше же всего найдено насѣкомыхъ, мухъ, клоповъ, саранчи, жуковъ (102 породы).

Нѣсколько тысячъ лѣтъ прошло со дня существованія всѣхъ этихъ животныхъ. Но можно себѣ вообразить, что тогда окрестности этого озера представляли совершенно другой ландшафтъ, населенный чудовищными животными, которыхъ породы давно уже исчезли съ лица земли.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.

Альбомъ гангскаго двора. — Въ Нью-Йоркѣ вышелъ недавно литографическій, красивый альбомъ, въ которомъ находятся всѣ портреты Сулука, его семейства и всего двора. Портреты писаны итальянскимъ живописцемъ Корради, по приказанію Сулука, — и одинъ взглядъ на нихъ можетъ удостовѣрить зрителя въ чрезвычайномъ ихъ сходствѣ.

Первая картина альбома представляетъ императорскій гербъ Гаити, около котораго французская надпись; (всѣ девизы и подписи альбома французскіе). Гербъ состоитъ изъ коронованнаго орла на двухъ пушкахъ, лежащихъ крестъ-на-крестъ. Щитъ герба поддерживаютъ два льва. Надъ щитомъ корона, съ крестомъ надъ нею и съ надписью: *Dieu, ma patrie et mon érée.*

Вторая картина изображаетъ празднество коронаціи на Марсовомъ-полѣ въ Портъ-о-Пренсѣ, 11 апрѣля, гдѣ Сулукъ и супруга его (бывшая прежде рыбкою торговкою) коронуются. Передъ ними стоятъ на колѣняхъ весь дворъ и наследникъ ихъ Бобо. Главный викарій и двадцать духовныхъ лицъ помазываютъ Сулука на царство и возлагаютъ на него корону. Англійскій и французскій консулы участвуютъ при этой церемоніи со всѣми высшими сановниками.

Третья картина представляетъ перемоніальное шествіе коронаціи. Карета Сулука въ восемь лошадей ѣдетъ мимо рядовъ пѣхоты, которая—на картинѣ—вся одинаково одѣта и вооружена. (По частнымъ же писемъ войско это представляло чрезвычайно пеструю толпу: кто въ мундирѣ, кто въ сюртукѣ, кто въ одной рубашкѣ, кто съ палкою вмѣсто ружья, кто въ башмакахъ, а кто и босикомъ, въ томъ числѣ и офицеры).

Четвертая картина представляет самого Фаустина I на тронѣ, съ короною и скиптромъ. Нарядъ его блеститъ драгоценными камнями. Черное лицо имѣетъ самое неприятное выраженіе, глаза впали. Живописецъ не полюбилъ ему нисколько.

На пятой картинѣ императрица Аделина, тоже въ коронѣ и великолепной одеждѣ; руки, шея и грудь обнажены и покрыты драгоценностями. Фигура ея вполне соответствуетъ прежнему ея званію.

На шестомъ листѣ принцесса Олива, дочь Сулука. Она пріличіе одѣта, нежели мать ея, и довольно недурна для негритянки.

На седьмомъ листѣ два портрета: принцъ Іоаннъ-Іосифъ, герцогъ Пор-де-пе, бригадный генералъ, кавалеръ ордена почетнаго легіона 1-й степени и военнаго ордена св. Фаустина (братъ императора); другой портретъ: принцъ Невиль-Іосифъ, генералъ-маіоръ, кавалеръ тѣхъ же орденовъ (сынъ принца Іосифа). Оба во всѣхъ орденахъ.

№ 8. — Его превосходительство, герцогъ Марешъ, оберъ-камергеръ и генералъ адъютантъ, кавалеръ тѣхъ же орденовъ, генералъ-лейтенантъ. Фигура совершенно дикаго негра.

№ 9. — Дюфрешъ, герцогъ Тобкоронъ, военный министръ, морской и иностранныхъ дѣлъ, оберъ-гофмаршалъ. (Дюфрешъ — бѣлый. Онъ французъ).

№ 10. — Генералъ-маіоръ Луи-Этьенъ-Фелисите де-Саломо меньшей, герцогъ Сенъ-Луи де-Зюль, — министръ финансовъ и торговли. Довольно доброе и умное лицо.

№ 11. — Делава, графъ де-Сенъ-Марсъ, великій канцлеръ, генералъ-маіоръ и генералъ-адъютантъ.

№ 12. — Лучшее лицо всей коллекціи. Это чистый негръ съ толстыми губами, плоскимъ носомъ, большими глазами и шерстью на головѣ вмѣсто волосъ. Виль де-Любенъ, графъ Истювилъ, бригадный генералъ и генералъ-адъютантъ, губернаторъ столицы Портъ-о-Пренса.

Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Близъ Чанти-Буна, въ Сіамѣ, чрезвычайное множество дикихъ слоновъ, тигровъ и пресмыкающихся. Въ числѣ послѣднихъ вреднѣе и злѣе всѣхъ кобра-капелла, а послѣ нея бѣлые муравьи.

Какъ-скоро муравьи устроятъ себѣ муравейникъ, то прежде нежели онъ отвердѣетъ отъ солнца, змѣя кобра вторгается въ него и располагается въ немъ свое жилище. Муравьи тотчасъ же все оставляютъ муравейникъ, а Индусы, которые всегда караулятъ это переселеніе, дѣлаютъ въ тотъ же день около муравейника закрытую изгороду изъ терновника, такъ-что змѣя не можетъ уже выйти, не переранивъ себя иглами. Но вмѣсто того, чтобъ уморить змѣю съ голода, Индусы, на суевѣрью своему, начинаютъ всякой день носить змѣѣ молоко, яйца и другой пищи, такъ-что кобра вскорѣ привыкаетъ къ этому роду пищи и выходитъ навстрѣчу своимъ поклонникамъ. Нисколько не чуствуя

исъ ихъ, ова при нихъ же съѣдаетъ приносимые припасы и потомъ удаляется во внутренность муравейника.

Реконья сабли. — Когда Наполеонъ вступилъ въ Каиръ (22 июня 1798 года), городское начальство поднесло ему три драгоценныя восточныя сабли, которыхъ рукоятъ блистала алмазами, а ножны осыпаны были жемчугомъ.

Возвратясь въ Европу, подарилъ онъ одну изъ этихъ сабель корпусному генералу Нею, а другую Мюрату. Этимъ подаркамъ завидовали тогда многіе, зная, что Наполеонъ высоко цѣнитъ эти сабли. Когда послѣ аудиенціи, на которой Ней получилъ этотъ подарокъ, саблю стали всѣ разсматривать, взялъ ее въ руки и караульный офицеръ бывшего овернского полка — и видъ этотъ произвелъ на молодого человека сильное впечатлѣніе.

Прошли годы, и всѣ забыли объ этихъ сабляхъ, только Ней и Мюратъ не разлучались съ ними ни на минуту. Послѣ стодневнаго царствованія Наполеона въ 1815 году, Ней, предвидя, что онъ подвергнется строгой отвѣтственности за свое поведеніе, уѣхалъ на Ульканскія воды, гдѣ ожидалъ паспортовъ для отъѣзда въ чужіе края. Вдругъ получено было приказаніе взять его подъ стражу. Онъ скрылся въ замокъ Босникъ, къ одному родственнику жены своей, — и долго никто не зналъ мѣста его убѣжища.

Однажды, разсматривая портретную галерею замка, услышалъ онъ шумъ пріѣхавшаго экипажа, и спѣшилъ удалиться поскорѣе въ свою комнату, но въ торопяхъ забылъ въ загѣ свою саблю, съ которою никогда не разставался.

Пріѣхавшій гость былъ полковникъ королевскихъ войскъ, тотъ самый офицеръ овернского полка, который тринадцать лѣтъ тому назадъ разсматривалъ саблю Нея. Едва онъ ее увидѣлъ, какъ вскричалъ:

— Здѣсь въ замкѣ или самъ Наполеонъ, или Ней!

Напрасно приступили къ нему съ просьбами, чтобъ онъ умолчалъ объ этомъ происшествіи; долгъ присяги требовалъ, чтобъ онъ тотчасъ же донесъ обо всемъ, явились жандармы — и Ней безъ сопротивленія сдался.

Участь его извѣстна.

По странному стеченію обстоятельствъ оба владѣльца этихъ сабель, Мюратъ и Ней были разстрѣляны въ томъ же году: одинъ въ октябрѣ, другой въ декабрѣ. Владѣтель третьей сабли окончилъ жизнь на островѣ Св. Елены.

Письмо изъ пасты тигра. — Грейгъ, офицеръ 26 ость-индскаго полка, и в (именно одинъ англичанинъ) отпросились въ отпускъ на два съ половиною мѣсяца, чтобъ поохотиться за тиграми, пантерами и медвѣдями. Мы вышли 19 марта, съ толпою музыкантовъ. Музыка эта состояла изъ большого барабана, большого колокола, четырехъ малень-

кихъ барабановъ и пары пистолетовъ, изъ которыхъ безпреставно стрѣляли. Звуки этой музыки служили для того, чтобы выгнать звѣря изъ лѣса. Если и этого было недостаточно, то двадцать, тридцать человекъ крикуновъ дополняли этотъ концертъ; но охотниковъ было только двое.

Запасъ оружія простирался у насъ до десяти дуствольныхъ ружей и пары пистолетовъ. По причинѣ дождей, не могли мы охотиться до 22 числа, но въ этотъ день, пройдя часа два, пріискали прекрасную и безопасную стоянку. Музыканты и крикуны стали подгонять къ намъ звѣрей. Не пошло двадцати минутъ, какъ Грейгъ шепнулъ мнѣ:

— Тигръ бѣжитъ.

И мы вмѣстѣ выстрѣлили изъ двухъ дуствольныхъ ружей. Всѣ четыре выстрѣла попали. Тигръ слѣлалъ ужасный скачекъ и исчезъ въ лѣсу.

Вскорѣ появился другой, молодой тигръ, величиною съ большую собаку, и Грейгъ тотчасъ же убилъ его. Надобно было теперь отыскать большаго тигра. Это легко дѣлается на слонахъ, но мы охотились пѣшкомъ. Съ четверть часа искали мы тигра по слѣдамъ крови. Я отдался отъ Грейга шаговъ на семь и наклонился къ одному кусту, но вдругъ раздался ужасный ревъ... Я почувствовалъ страшную боль, и очутился въ пасти тигра, который шаговъ десять пробѣжалъ по лѣсу, держа меня въ зубахъ. Онъ схватилъ меня почти за самое горло, такъ что голова моя касалась его щеки... Вдругъ раздался выстрѣлъ — и тигръ упалъ, не выпуская меня однако же изъ пасти. Это былъ Грейгъ, который, подбѣжавъ, спустилъ курокъ пистолета прямо въ ухо звѣрю.

Тутъ осторожно подошелъ, онъ и освободилъ меня изъ пасти звѣря. Взглянувъ на убитаго тигра, Грейгъ въ утѣшеніе мое сказалъ, что пуля прошла двумя дюймами выше головы моей. Дрогнулъ рука — и спаситель мой раздробилъ бы мнѣ черепъ.

Мы сняли шкуру въ видѣ трофея. Она была въ 12 футовъ длинны. Мы были въ пятидесяти шагахъ отъ лагеря, — и Грейгъ велѣлъ нести меня на носилкахъ до ближайшаго города Джаата.

По счастью, вся окрестность повиновалась Грейгу съ подоботсрастіемъ, потому что онъ въ прошломъ году освободилъ область отъ тигра, разорвавшаго уже двадцать четыре человекъ и доѣдавшаго одну женщину въ ту минуту, какъ былъ убитъ.

Изъ лагеря же выслали мнѣ въ Джаатъ паланкинъ съ 12-ю носильщиками. Раны мои были болѣзненны, но не опасны. Я помню, что родители мои всегда говори обо мнѣ, что у меня чрезвычайно слабая комплекція. Теперь докторъ сказалъ, что еслибъ у меня не была такая желѣзная натура, я погубъ бы непременно.

Египетская повѣсть. — Англійскій путешественникъ сэръ Джонъ рассказываетъ повѣсть, сообщенную ему однимъ египетскимъ феллахомъ и составляющую какъ-будто отрывокъ изъ «Тысячи одной ночи».

Въ четырехъ мпяхъ отъ города Танты находилась нѣкогда деревня Кафръ-Геммиръ, (деревня Ословъ). Жители ея такъ глупы, что не умѣютъ счесть своихъ ногъ. Ихъ нарочно за два часа до полудня созываютъ на молитву, чтобъ они не опоздали. Прежде они были еще глупѣе. Однажды, когда ихъ муэдзинъ осипъ, они весь день пролежали въ постели, думая, что солнце не вставало.

Въ это время явился между ними горбатый мальчикъ. Одна изъ женщинъ нашла его подъ деревомъ спящимъ, и не понимая, какъ онъ могъ придти къ нимъ, вообразила себѣ, что его принесли птицы. Она стала разсиранивать ихъ объ этомъ, но вороны отвѣчали ей: каръ, каръ! воробьи: при, при, а голуби: куру, куру!

Женщина присѣла къ горбатуму мальчику и сказала:

— Маленькое, кривое существо! На своихъ ли ты пришелъ погахъ, или прѣхалъ на верблюдѣ, лошади, быкѣ, или ослѣ? Встань и скажи: откуда ты? и какъ тебя зовутъ?

Она потолкала его по тотъ, не открывая глазъ, продолжалъ храпѣть. Это храпѣнье приняла она за отвѣтъ.

— Храхра! — вотъ странное имя, сказала она со смѣхомъ, и еще разъ толкнула его, по тотъ все храпѣлъ.

— Вѣрно родители бросили его за то, что онъ безобразенъ; возьмуко я его къ себѣ, оттого, что у него пресмѣшное имя.

Дѣйствительно, она взяла его въ свой домъ, и онъ у нея выросъ. Храхра сдѣлался очень честолюбивъ, но чувство это всегда употреблялъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ.

Однажды шейхъ Эль-Беледъ взялъ у крестьянки, вскормившей Храхра, вмѣсто своего безхвостаго барана, другаго, очень красиваго. Горбуны началъ его зато бранить и сказалъ, что когда онъ будетъ шейхомъ, то за каждую ногу взятаго барана потребуетъ по быку, за каждое ухо по ослу, за каждый глазъ по козѣ и за каждый зубъ по барану.

— Какъ! вскричалъ шейхъ, ты меня хочешь сглазить! Ты завидуешь моему мѣсту?

Онъ велѣлъ его отколотить палками по пятамъ, и отправилъ домой; Храхра обѣщаль, что за каждый полученный ударъ дастъ въ свою очередь по пятидесяти.

Вскорѣ Храхра, почувствовавшій въ себѣ расположеніе къ купеческому званію, отправился въ Каиръ, испытать счастья. Онъ посадилъ въ корзину двѣ дюжины куръ, выпросивъ, какъ милостыню, чтобъ его взяли на лодку, плывшую въ этотъ городъ, куда и прибылъ благополучно. Но здѣсь попалъ онъ въ шайку воровъ, которые отняли у него куръ, платье, и вытолкали на улицу, гдѣ онъ со страха спрятался въ колодецъ. Поутру увидѣлъ его изъ окна одинъ житель, и вытащивъ изъ колодца, привелъ къ себѣ, обмылъ, накормилъ, одѣлъ и заставилъ разсказать свои приключенія, надъ которыми отъ всей души смѣялся. Когда онъ окончилъ разсказъ, хозяинъ сказалъ:

— Человѣкъ съ твоими дарованіями и твоей красотой здѣсь въ Каирѣ не на своемъ мѣстѣ. Ты бы лучше воротился въ деревню и

тамъ занялся торговлею; я слышалъ, что твой кафѣрь-гемиръскіе земляки почитаютъ, что вся мудрость состоитъ въ бородѣ. Я тебѣ дамъ мазь, отъ которой у тебя она выростетъ, какъ у муфти. Это лучшее средство составить себѣ счастье, и гораздо дѣйствительнѣе, нежели продавать куръ и прятаться въ колодецѣ.

Храхра поблагодарилъ своего благодѣтеля, и съ данною ему мазью воротился въ свою деревню, гдѣ объявилъ, что привнесъ съ собою чудную мазь. Но къ удивленію его, всѣ надъ нимъ тамъ стали смѣяться. Съ грустью онъ воротился въ домъ свой, и свѣтъ ему опротивѣлъ; однако въ тотъ же самый день стали къ нему приходить разные люди за мазью. Сперва прислалъ шейхъ, потомъ цирюльникъ, потомъ содержатель кофейнаго дома, — но всѣ потихоньку. Къ вечеру продалъ онъ уже весь свой товаръ, а покупщики всѣ намазали свои подбородки, и легли спать съ увѣренностію, что къ утру прибавится у нихъ на столько же ума, сколько выростетъ волосъ. Каково же было удивленіе поутру, когда они, ощутивъ свои бороды, почувствовали, что всѣ волосы ихъ отпали отъ подбородка, который сдѣлался гладокъ, какъ ладонь; жены ихъ начали надъ ними смѣяться; они бросились на улицу, и тамъ ихъ встрѣтилъ всеобщій смѣхъ. Но какъ почти все народонаселеніе деревни воспользовалось привезенною мазью, то и рѣшились всѣ, посмѣявшись вдоволь надъ своею легковѣрностію, наказать горбуна. Его схватили и притащили къ шейху, гдѣ собрались уже всѣ старѣйшины.

При видѣ безбородыхъ лицъ, горбунъ самъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Онъ смѣется надъ оскверненіемъ нашихъ бородъ, закричали они. Онъ заслуживаетъ смертную казнь. Зашьемъ его въ мѣшокъ и бросимъ въ рѣку, чтобъ его и въ поминѣ не было.

Это предложеніе было всѣми принято. Несмотря на сопротивленіе Храхра, его положили въ мѣшокъ, перекинули на спину осла и повезли къ рѣкѣ.

Но какъ до нея было далеко, то около полудни всѣ остановились для отдыха, и расположась около мѣшка, уснули. Въ это время старикъ гналъ мимо большое стадо барановъ. Ему странно показалось, что цѣля толпа спитъ около одного мѣшка. Изъ любопытства подошелъ онъ къ мѣшку и въ одно отверстіе увидѣлъ глазъ Храхра.

— Вотъ странность! сказалъ онъ. Въ первый разъ еще вижу мѣшокъ съ глазами.

Тихо спросилъ онъ этотъ глазъ, что это значить? Тогда глазъ превратился въ ротъ, который и отвѣчалъ, что онъ несчастный Храхра, котораго везутъ къ пашѣ, чтобъ насильно женить его на дочери пашы.

— Какъ!—вскричалъ старикъ (имѣвшій въ продолженіе своей жизни тридцать три жены). Развѣ ты не доволенъ этимъ счастьемъ?

— Да такъ недоволенъ, что отдалъ-бы все имѣніе, чтобъ найти вмѣсто себя охотника.

— Пожалуй, я займу твое мѣсто, — отвѣчалъ пастухъ: я еще не

старь. У меня осталось во рту два зуба,—а одинъ глазъ у меня еще очень хорошо видитъ; только боюсь, что они не согласятся взять меня мѣсто тебя.

— Скажи только, что тебя зовуть Храхра. Это волшебное имя, за которое меня и взяли. Оно должно принести счастье пашѣ. Развяжи мѣшокъ и выпусти меня.

Пастухъ выпустилъ Храхра, подарилъ ему все свое стадо, и просилъ завязать мѣшокъ покрѣпче, чтобъ его не узнали.

Вскорѣ потомъ стража проснулась, и взявлив мѣшокъ на осла, продолжала дальше путь, до прибытія къ рѣкѣ. Тутъ они, раскачавъ мѣшокъ, бросили въ воду бѣднаго старика, въ ту самую минуту, какъ онъ мечталъ о свиданіи съ дочерью пашаи.

На другое утро Храхра спокойно воротился въ деревню со своимъ стадомъ барановъ. Всѣ изумились и испугались; они думали, что онъ успѣлъ на нихъ принести жалобу пашѣ, и собрались къ горбуну выпросить прощевіе.

— Бездѣльники! вскричалъ онъ. — Зачѣмъ вы меня бросили въ такое мѣсто рѣки, на днѣ котораго пасутся одни бараны.— Еслибъ вы подальше меня кинули, тамъ цѣлыя стада верблюдовъ и воловъ, я-бы теперь былъ богатѣйшимъ человѣкомъ.

Эти слова заставили жителей задуматься. Они составили между собою совѣтъ и рѣшили, чтобы изъ всякаго семейства зашить въ мѣшки по одному человѣку и бросить въ рѣку подальше, чтобъ тотъ могъ забрать тамъ верблюдовъ и словъ.

Въ тотъ-же день исполнили они свой планъ — и перетопили всѣхъ молодыхъ людей деревни.

Цѣлую недѣлю ждали они потомъ возвращенія ихъ со стадами, наконецъ начали безпокоиться объ ихъ участи, и пришли совѣтоваться съ горбуномъ.

— Вы вѣрно бросили ихъ на то мѣсто, гдѣ пасутся стада верблюдовъ, и не дали имъ съ собою веревокъ. Имъ нечѣмъ связать ихъ....

Жители употребили всѣ свои деньги на покупку веревокъ, которыя и побросали въ рѣку. Но прошла недѣля; прошелъ мѣсяцъ, — а ни сталъ, ни веревокъ, ни молодыхъ людей не было видно. Догадались, что горбунъ съ ними сыгралъ дурную шутку. Всѣ возстали на него и хотѣли убить,—но онъ ушелъ и вторично отправился въ другую деревню, гдѣ правилъ староста или шейхъ. Магомедъ, которому было очень скучно. Однажды позвалъ онъ своего помощника и сказалъ ему:

— Мнѣ скучно, Абдалла, найди мнѣ человѣка, который-бы развеселилъ меня, или сказалъ что-нибудь необыкновенное.

Абдалла долго искалъ, но ничего не нашелъ, и поѣхалъ дальше. Въ этотъ самый день горбунъ ѣхалъ въ эту деревню. Абдалла увидѣлъ его—и разсѣялся надъ его безобразіемъ.

— Постой!—сказалъ онъ, подумавши. Вѣдь если я засмѣялся, такъ и шейхъ, можетъ-быть, сдѣлаетъ тоже. Эй! проѣзжіи! хочешь получить сто червонныхъ?

— Ой много! — отвѣчалъ Храхра. Мнѣ здѣсь однажды старуха

предлагала одинъ червонецъ за какую-то услугу, а потомъ украя у меня все платье. Такъ за твои сто червонныхъ ты, вѣрно, потребуешь съ меня головы моей?

Но Абдалла успокоилъ его, — и они отправились къ шейху, который сидѣлъ, угрюмо смотря на всѣхъ. И въ этотъ день не случилось нигдѣ ничего особеннаго и все было благополучно. Абдалла не смѣлъ нарушить молчанія, — а Храхра спрятался за дверь.

Выглядывая изъ-за нея по временамъ, обратилъ онъ на себя вниманіе шейха, и сталъ дѣлать ему знаки, что хочетъ поговорить съ нимъ наединѣ. Шейху показались эти знаки и гримасы забавными, — но онъ все молчалъ. Тутъ Храхра погрозилъ ему кулакомъ и опять продолжалъ дѣлать тѣ-же знаки. Наконецъ Магомедъ всталъ и пошелъ изъ залы. Храхра не дождался его выхода, и пошелъ впереди его, дѣлая по прежнему разные знаки, и покачивая своимъ горбомъ изъ стороны въ сторону. Такимъ образомъ дошли они до средины деревни.

Здѣсь горбунъ остановился и далъ знакъ шейху, чтобъ онъ наклонился къ нему, и послушалъ, что тотъ скажетъ на ухо. Шейхъ исполнилъ это желаніе, — и Храхра съ важностью спросилъ его:

— Былъ ты, шейхъ, когда-нибудь въ Дамаскѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Магомедъ.

— Ну, и я тоже, не былъ, — сказалъ Храхра....

Эта неожиданная глупость до того насмѣшила шейха, что онъ хотѣлъ до истерики. За это велѣлъ онъ взять къ себѣ горбуна, полюбилъ его, и черезъ нѣсколько времени, по его ходатайству, горбунъ былъ сдѣланъ — вафръ-геммирскимъ шейхомъ, — и на этомъ мѣстѣ исполнилъ все, что обѣщадъ сдѣлать, бывши еще бѣднымъ крестьяниномъ, и управлялъ спокойно деревнею до своей смерти

—

Пожары въ Константинополѣ. — Сочинитель *Босфорскихъ сценъ* описываетъ слѣдующимъ образомъ пожары въ Константинополѣ:

Пожары составляютъ предметъ ежедневныхъ разговоровъ турецкаго общества. Безъ нихъ не очемъ было-бы говорить. Когда горитъ въ Перѣ, или Галатѣ, Турки съ удовольствіемъ смотрятъ на ту сторону пролива, говоря, что для богатыхъ джауровъ это ничего не значитъ. Цероты съ такимъ-же равнодушіемъ смотрятъ, когда горитъ въ столицѣ. Если загорится въ фанариотской части, — франки и турки не заботятся о несчастіи, постигшемъ грековъ.

Когда хотятъ очистить, украсить какую-либо часть города, когда носильщикамъ и работникамъ мало заработка, — то происходитъ тотчасъ-же пожаръ. Въ прошломъ году хотѣли устроить третій мостъ черезъ гавань, но хозяева близъ лежащихъ домовъ не хотѣли продавать ихъ; сдѣлался пожаръ, и триста домовъ сгорѣло. Здѣсь заранѣе почти знаютъ, въ какомъ кварталѣ будутъ пожары.

Диванъ, служащій и постелью, коверъ, жаровня для угольевъ, кофейникъ и трубки: — вотъ вся домашняя утварь восточнаго семейства.

Какъ скоро раздается сигналъ пожара и загораютъ въетовыя пушки, турокъ складываетъ все свое имущество въ мѣшки, всегда приготовленные на подобный случай, и очень спокойно выходитъ изъ своего дома, оставляя его напроизволь судьбы. Какъ счтается, турокъ и не думаетъ противиться ярости огня. Такъ угодно Аллаху,—говорить онъ,—я спокойно смотрю на разрушеніе своего дома.

При томъ же у турковъ нѣтъ и средствъ гасить нежаръ. Маленькія пожарныя трубы, очень дурно и слабо дѣйствующія, являются, правда, на плечахъ носильщиковъ, но онѣ принадлежатъ частнымъ людямъ, которые продаютъ свои услуги за дорогія деньги. Трубы не прежде дѣлутся съ мѣста, понуда не условятся въ цѣнѣ и не заплатятъ впередъ звонкою монетою (ассигнацій не принимаютъ). Воденосы поступаютъ точно также. Они не прежде явятся съ водою, откуда въ резервуары ихъ не высыпано нѣсколько мѣшковъ серебра,—такъ что въ нихъ иногда больше денегъ, нежели воды.

Кромѣ-того, морскіе солдаты бѣгаютъ съ яриками, и больше наносятъ ими вреда людямъ, нежели помогаютъ тушить пожаръ.

Наконецъ является папа съ невзобъянною свитою, въ числѣ которой всегда служитъ съ трубкою табуку. Но въсюе распоряженій, смотреть онъ спокойно на нежаръ и поворотъ: Машаллахъ!

Очень забавную роль играютъ носильщики. Они помогаютъ спасать имущество погорѣлыхъ. На нихъ нагружаютъ вещи и привязываютъ веревкою одного къ другому, а хозяинъ идетъ впереди и держитъ концы этой веревки. Такимъ-образомъ ни одному изъ нихъ нельзя скрыться. И однако-же, несмотря на эту предосторожность, много градутъ.

Обманутой бриллиантщицѣ.—Къ одному берлинскому бриллиантщику пошелъ однажды въ лавку молодой, цѣтотельски одѣтый человѣкъ.

— Вы вѣрно меня не узнали? Конечно! я прежде былъ въ военной службѣ... мундиръ, усы... все это напоминаетъ эвизионію. Меня зовутъ Н; я вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьи. Но когда я у маѣ прежде часто покупалъ разныя бездѣлки, то и теперь зашелъ за этими же. Помогите мнѣ выбрать невесты моей, графинѣ, хорошенькой подарокъ. Въ цѣнѣ мнѣ, вѣрно, сойдемся.

Ювелиръ былъ очень радъ, и разложилъ передъ покупателемъ свои вещи... Вдругъ мимо она идетъ другой молодой человекъ. Покупщикъ бѣжитъ и стучитъ во окно. Другой посетитель заходитъ.

— Здравствуй, баронъ.

— Ва! это ты, Фрицъ! Давно-ли въ Берлинѣ?

— Сведѣба, братецъ...

— Слышишь... Славная, богатая партія.. Графиня твоя вѣкъ съуми сводила... Счастливецъ, поздравляю.

— Спасибо... заходи пожалуйста...

— Непременно.—Что, вѣрно подарки покупаетъ для невесты? Смотри-же не скупись; она стоить сокровищъ великаго могола.

— Помоги мнѣ покуда выбрать, что-нибудь получше.

— Съ охотою...

Послѣ тщательныхъ розысковъ и прицѣнокъ, наконецъ выбрали вещей на 2000 талеровъ.

Когда дѣло дошло до уплаты, женихъ зааузался и сказалъ:

— Послушайте,—вѣдъ женщины капризны... вдругъ, что-нибудь не понравится, такъ мнѣ бы не хотѣлось даромъ бросать деньги... Вотъ вамъ двѣсти талеровъ задатку... я схожу и покажу сперва вещи будущей моей тещѣ... Это здѣсь черезъ два дома, а баронъ останется у васъ въ закладъ вмѣсто меня, покуда я вернусь...

Ювелиръ согласился. Женихъ ушелъ,—и баронъ началъ разговаривать съ хозяиномъ о разныхъ городскихъ новостяхъ. Наконецъ, когда все переговорили, баронъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Ну, ужъ извините, любезный другъ. А мнѣ некогда; жена вѣрво заговорила теща,—и я не могу здѣсь долѣе ждать...

Ювелиръ былъ однако-же неговорчивъ и не согласился отпустить барона. Слово-за-слово произошла ссора, крикъ...

Вдругъ вошелъ въ лавку служитель полиціи, и спросилъ, что за шумъ. Хозяинъ ему рассказалъ все дѣло...

— А много-ли вы задатку получили?—спросилъ полицейскій.

— Двѣсти талеровъ.

— Мнѣ кажется, что я этихъ господъ знаю... Покажите задаточныя деньги.

— Вотъ онѣ... четыре облигаціи по 50 талеровъ.

— Такъ и есть. Господинъ баронъ! (сказалъ онъ, обратясь къ заложнику), извольте слѣдовать за мною...

— Что это значитъ?..

— Вамъ объяснить это комиссаръ... отдайте мнѣ эти деньги онѣ фальшивыя, и мы черезъ васъ тотчасъ-же отыщемъ вашего друга... Пожалуйте... не заставляйте употребить неприятныя средства...

Баронъ покорился судьбѣ и отправился на дрожжахъ съ полицейскимъ, который сказалъ ювелиру, чтобъ тотъ черезъ полчаса, или раньше, пришелъ къ комиссару.

Увы! Когда хозяинъ пришелъ туда, открылось, что всѣ три лица: женихъ, баронъ и мнимый полицейскій, были воры. О нихъ никто не зналъ,—и съ-тѣхъ-поръ никто не видалъ.

Исчальный случай. На-дняхъ случилось въ лондонскомъ зоологическомъ саду Реджентс-Парка печальное происшествіе. Смотритель за-вѣдывающій, Гостингъ, принесъ имъ пащу,—и въ излишней самонадѣянности взялъ одну изъ самыхъ ядовитыхъ змій, *кобра-камеллу*, и обнялъ ее около своей шеи. Змѣя укусила его въ лицо. Изъ раны потекло много крови. Смотритель повѣлъ свою неизбежную участь, отвесъ змѣю въ кѣтку, ея и позвалъ директора зоологическаго сада, который тотчасъ-же отправилъ его въ госпиталь. Черезъ часъ несчастный умеръ. Онъ вовсе не страдалъ. Свойство яда этой змѣи было наркотическое—и онъ умеръ въ летаргій.

Кристалльный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Дворецъ этотъ, отстраиваемый для всемірной выставки въ нынѣшнемъ году, будетъ, также какъ и лондонскій, состоятъ изъ одного стекла и желѣза. Но вмѣсто формы ланцетнаго креста, внутренность его будетъ походить на греческій. На пересѣченіи двухъ главныхъ галлерей будетъ возвышаться куполъ въ 128 футовъ. Снаружи все зданіе будетъ представлять правильный восьмиугольникъ. Длина каждой стороны восьмиугольника составитъ 150 футовъ при ширинѣ 5-ти дюймовъ. На каждомъ углу будетъ возвышаться башня въ 8 футовъ діаметра и 75 высоты. Галлерей будутъ въ два этажа. Ширина обѣихъ главныхъ галлерей 45 фут. 8 дюймовъ вышина 67 фут. У трехъ главныхъ входовъ устраиваются балконы значительной величины. Все зданіе будетъ занимать площадь въ 112,009 квадратныхъ футовъ (англійскихъ), слѣдственно, около седьмой части кристаллаго дворца въ Гейдъ-Паркѣ.

Это будетъ величайшее зданіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Церковь св. Троицы въ Нью-Йоркѣ имѣетъ 189 фут. длины и 85 вышины; ратуша 216 фут. длины, 105 ширины и 85 вышины. Вашингтонскій Капитолій 382 ф. длины, а куполъ 120 ф. вышины. Какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь, кристалльный дворецъ строится частнымъ обществомъ. Для плана зданія былъ составленъ конкурсъ. Явились девять составителей, а въ томъ-числѣ строитель гейдъ-парискаго дворца. Избранный планъ составленъ датчаниномъ г. Карстенееномъ, и именованъ Гильдемейстеромъ.

Человѣческія судьбы. — На дняхъ задержанъ былъ въ Парижѣ одинъ молодой человекъ, Жюльенъ Д., разбивавшій одну фальшивую монету. Онъ вконецъ успѣлъ доказать совершенно свою невиновность, но при допросахъ оказалось, что вся жизнь его состоитъ изъ самыхъ странныхъ событий. Въ 1845 году, будучи круглымъ сиротою, нахъ онъ въ Бретани стадо морозъ. Одинъ ученый, производившій въ этой странѣ геологическія изслѣдованія, встрѣтилъ его и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Остроуміе мальчика и ясность отвѣтовъ его изумили ученаго. Мальчикъ могъ производить въ умѣ самыя трудныя арифметическія счисленія.

Ученый взялъ его съ собою и сталъ о немъ заботиться; молодой человекъ съ своей стороны тоже помогалъ ему во многомъ. Вдругъ благодѣтель умеръ, — и юноша опять остался безъ всякой помощи въ Парижѣ. Чтобы не умереть съ голода, онъ долженъ былъ сдѣлаться поденщикомъ у каменщиковъ.

Недавно, при починкѣ одного водопровода, инженеры заспорили между собою о количествѣ воды, которую будетъ давать фонтанъ водопровода. Одинъ изъ мастеровъ каменщиковъ, слушавшій нѣсколько времени этотъ споръ, сказалъ одному изъ ученыхъ:

— Наврасно вы ломаете себѣ голову. У меня есть работникъ, который вамъ въ минуту скажетъ все это навѣрное.

Жильена позвали — и дѣйствительно онъ тотчасъ же рѣшилъ спорный вопросъ. Инженеры не довольствовались однимъ выраженіемъ

удивленія. Они единогласно представляли объ этомъ доносеніи своему начальству, и рекомендовали молодаго человѣка самымъ усерднымъ образомъ.

Черезъ нѣсколько дней городской совѣтъ назначилъ Жюльену ежегоднаго пособія по 1200 франковъ. Съ этими средствами принялся онъ за учебы (до-сихъ-поръ не умѣлъ онъ даже читать) — и дѣлаетъ удивительные успѣхи во всѣхъ наукахъ.

— Старинная ошибка въ правописаніи. — Нѣкто французъ Галло обнаружилъ брошюру, въ которой доказываетъ, что имя знаменитой Юанны Д'Аркъ должно писать просто *Даркъ* (безъ апострофа). Самъ авторъ принадлежитъ къ потомкамъ брата героини. Онъ живетъ въ Нанси, гдѣ и вышла его книга: *Examen critique de l'histoire de Jeanne Darc*. Дѣйствительно имя *Д'Аркъ* доказывало бы дворянское происхожденіе, тогда какъ орлеанская дѣва была дочерью простаго крестьянина въ Домрени (въ Шампани), гдѣ она долгое время была служанкою въ трактирѣ. Главнымъ доказательствомъ приводимой авторомъ ореографіи служитъ патентъ Карла VII, которымъ семейство героини возведено въ дворянское достоинство, и въ которомъ имя ея ясно написано *Даркъ*.

Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Хотя Шиллера и часто называютъ поэтомъ молодости, но онъ не любилъ танцевъ, къ которымъ молодые люди чувствуютъ такъ часто сильное влеченіе. Въ недавно напечатанныхъ письмахъ его къ г-жѣ Вольпогенъ говоритъ онъ (въ 1788 году) слѣдующее: Хотя удовольствія друзей моихъ ни въ и дороги; но я не люблю, когда они проводятъ свое время на балахъ. Не знаю почему, но я терпѣть не могу баловъ. Безъ тайнаго страха не могу я смотрѣть на существа, дорога я моему сердцу, которымъ несутся съ какою-то самоабвеніемъ между рядами другихъ людей, которыхъ я терпѣть не могу. Здѣсь уже ни родственница, ни сестра, ни невіста не принадлежатъ вамъ, а первому повзвѣшему танцору.

Барышъ отъ торговли опиумомъ. — Барышъ получаемый, ежегодно Остъ-Индскою Компаніею отъ торговли опиумомъ, простирается до шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ.

Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными. — Недавно одинъ зажиточный англичанинъ приговоренъ былъ судомъ лондонской полиціи къ трехъ-мѣсячному тюремному заключенію, зато, что онъ кошку свою зажарилъ живую. Она повадилась бѣгать въ другой домъ, и чтобъ наказать ее, онъ повѣсилъ ее надъ горящимъ очагомъ, и покуда кошка въ мученіяхъ испускала крики, онъ спокойно пилъ чай.

— Высочайшій геродъ на землѣ — это Сенъ де-Насто въ Перу; онъ лежитъ въ 13,720 футахъ надъ уровнемъ моря и почти на сѣверной широтѣ.

ни Андскихъ горъ. Дневъ температура въ немъ довольно теплая, но вѣчно всегда холодно. Жители этого города преданы сильной страсти къ игрѣ. У нихъ ежедневно разыгрываются лотереи.

Новая блестящая мода. — Никогда еще роскошь дамскаго туалета не была такъ сильна, какъ въ нынѣшнее время въ Парижѣ. Она даже переходитъ въ странность. Возвращеніе къ временамъ Имперіи остановилось однакоже, и возвышеніе талій кончилось, какъ и акціи желѣзныхъ дорогъ. Но модѣ хотѣлось бы коснуться и до другихъ предметовъ. Нѣкоторыя дамы не только восстанавливаютъ простую пудру, — это уже не новая попытка, но пробовали ввести даже равную роскошную пудру, — а именно: серебряную и золотую пыль: — первую для блондинокъ, а вторую для черноволосыхъ. Въ этой блестящей пудрѣ видѣли до десяти дамъ въ италіянскомъ-театрѣ. Видъ былъ прелестный, — и красота дамъ много выигрывала отъ этого. Онѣ похожи были на Данай, только что осыпанныхъ дождемъ Юпитера. Отцанъ и пухлякъ однакоже не очень нравится эта мода. До-сихъ-поръ выдвигали они просто наполеондоры на туалетъ дочерей и женъ, — а теперь надобно будетъ превращать эти монеты въ пыль, чтобы посыпать ею волосы.

Разговоры милліонеровъ. — Извѣстно, что знаменитый сѣверо-американскій банкиръ Агуада оставилъ по смерти тридцать шесть милліоновъ франковъ. Когда Ротшильдъ узналъ объ этомъ, то сказалъ: «Вѣднѣй карнизъ, я думалъ, что дѣла его въ лучшемъ положеніи.» Недавно случилось подобное же происшествіе. Для обсужденія одного огромнаго предпріятія составилось засѣданіе банкировъ и капиталистовъ, — и ю-юре впріямъ о предложенномъ предметѣ надобѣлъ всѣмъ чрезвычайно одинъ провинціальный банкиръ, безпреставно твердившій: «Позвольте однако же! Надѣюсь, что я имѣю право сказать свое мнѣніе. Вѣдь я здѣсь представляю цифру въ милліонъ.» — Наконецъ Ротшильдъ потерялъ терпѣніе, и сказалъ ему: «Да замолчите, сударь, съ вашимъ драгннмъ милліономъ.»

Семейства англійскихъ поэтовъ. — По случаю кончины единственной дочери Бейрона, замѣчаютъ въ англійскихъ газетахъ, что семейства знаменитѣйшихъ поэтовъ Англій всѣ имѣли печальную участь. Шекспиръ и Мильтонъ умерли бездѣтны — и имена ихъ исчезли. У Аддисона была одна дочь, которая умерла не замужемъ. У Кольриджа и дочь и сынъ умерли бездѣтными. Тоже было съ обоими сыновьями и дочерью Вальтеръ-Скотта. Боттлеръ, Прейоръ, Попе, Гей, Томсонъ, Грей, Куперъ, Коллинсъ, Гольдсмитъ — были не женаты.

Воспитаніе дѣвушекъ въ сѣверной америкѣ. — Въ этой землѣ матери даже бѣднѣйшихъ ремесленниковъ учатъ дочерей своихъ не уступать въ гордости самымъ богатымъ дѣвушкамъ. Оттого-то и увидите вы на лицѣ каждой изъ нихъ главное чувство характера ихъ — гордость. Впрочемъ

последній долларъ отдають родителям на наряды дочерей. Въ то время, какъ сыновья бѣгаютъ оборванцами по улицѣ, сестры ихъ гуляютъ въ шляпкахъ, съ зонтиками и муфтами. Предметы воспитанія дѣвушекъ весьма обширны. Самыхъ бѣдныхъ учатъ: читать, писать, арифметику, географію, исторію и тому подобное. Въ богатыхъ пансіонахъ преподають астрономію, ботанику, химию и философію, однихъ-словомъ, ихъ учатъ всему, кромѣ предметовъ хозяйства, домашней жизни и будущаго обязанности супруги и матери. Окончивъ курсъ, дѣвушка нѣдѣлю дома не занимается, но только читаетъ, наряжается и ѣздитъ по гостямъ. Мѣсяце возго занимается оиѣ кухней, потому-что сталъ сѣверо-американецъ совершенна просто и однообразенъ. О шитьи и вышиваньи дѣвушки не имѣють понятія. Одно только странно при этомъ: почти каждая изъ нихъ сама стираетъ свое бѣлье.

Константинопольскій базаръ.— Прочтя все, что написано объ удивительной жизни женщинъ на Востоку, ничто не удивитъ такъ путешественника съ недавняго взгляда, какъ константинопольскій базаръ и чрезвычайное множество гуляющихъ тамъ женщинъ. Завернутыя въ свои бѣлые покрывала, прогуливаются оиѣ въ жесткихъ туфляхъ по рынку, чтобъ украдкою бросить любопытный взглядъ на прохожаго. За ними всегда идетъ служитель, или негританка. Больше всего любятъ оиѣ посѣщать магазинныя шалеи и женскихъ работъ, чтобъ выбирать тамъ товары для своихъ нарядовъ. Часто заходятъ оиѣ въ кондитерскія, гдѣ угощаютъ себя разными сластями. Самые богатые магазинныя продавщицы на базарѣ привлекають своею наружностію. Кушцы прихвально сарывать свои богатства, — и кто хочетъ видѣть брилліанты и другіе драгоценныя камни, тотъ долженъ войти во внутреннія комнаты хозяина. Видѣвшіе эти магазинныя говорятъ, что въ нихъ заключаются огромныя богатства.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Предлѣя изброгаю. — Художественная выставка въ Училищѣ живописи и вапія, и нѣкоторыя впечатлѣнія, ею вызванныя. — Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосѣича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ. — Еще выставка картинъ, зѣтринецъ, панорама и проч. — Новая колокольня Страшнаго монастыря. — Библиографическія вѣзвістія: продолженіе прежнихъ вѣданій, новыя книги, новое изданіе. — Газеты и «Москвитянинъ» № 21. — Театры: оживленіе ихъ, *Выходная женитба* и остальные новыя пьесы русской и французской сцены; новыя балеты. — Два слова о двухъ концертахъ. — Обращеніе къ читателю.

... Еще промель мѣсяць, какъ не бесѣдовали мы съ вами, читатель!

Мѣсяць! тридцать дней, — около пятидесяти театральныхъ представленій, — не одинъ десятокъ въ первый разъ игранныхъ пьесъ, — двадцать пять нумеровъ одной газеты, — тринадцать нумеровъ другой газеты, книжка журнала, — съ дюжину, если не болѣе, волюмовъ и брошюръ, впервые увидавшихъ свѣтъ Божій, — два-три концерта, — аффиши, — объявленія, новые товары, нѣсколько маскератовъ, морозъ и оттепель, — три-четыре бала, семьдесятъ-семь слуховъ, сто-одна сілетня, и наконецъ, выставка художественныхъ произведеній въ Училищѣ живописи и вапія, — и еще выставка картинъ, — и еще выставка рѣдкихъ картинъ, — кажется, еще выставка картинъ славныхъ мастеровъ, — и еще зѣтринецъ съ зѣврыми, которыхъ нѣтъ нигдѣ на всемъ земномъ-шарѣ!.. Подумаешь, чего-чего тутъ нѣтъ? Подумаешь, мало-ли на шеѣ, въ памяти, на письменномъ столѣ корреспондента «Пантеона»? Мало-ли что, въ-продолженіе мѣсяца, видѣлъ, читалъ и слышалъ онъ, чего не видалъ, не читалъ и не слышалъ нигородный, а быть-можетъ иной и московскій, читатель?... Но что изъ всего видѣннаго, слышаннаго, прочитаннаго корреспондентомъ, должно, что можетъ попасть въ «Московскій Вѣстникъ»? Увы! очень немногое! Еще еслибы удалось привести въ дѣйствіе давнишнее правило: «Non multa, sed multum»... А то...

Отчего-бы, однакожь, и намъ не принадлежать къ тому счастливому сонму жизненныхъ фланёровъ, которымъ дано отъ судьбы и легко восхищаться всѣмъ, начиная отъ новой драмы до пары свѣжихъ перчатокъ, начиная отъ нанмохнатѣйшаго жилета шерстью вверхъ и папирosiцы съ женскимъ изображеніемъ до журнальной программы, — и съ искусствомъ Тита-Ливія подчинять свои ощущенія вѣчнокруглой фразѣ? Тогда, какъ пріятно бы пѣлось про «несравненные таланты», «восхитительные наряды», «замѣчательныя повѣсти», «оглушительныя рукопшесканія», «сочувствіе публики», «общую извѣстность», и прочее, и прочее... Тогда, къ этимъ вседневному явленіямъ таланта, ума, изобрѣтательности, общественныхъ удовольствій, которыми снабжаетъ лѣтописца современность, и которыми онъ, въ свою очередь, долженъ продовольствовать другихъ, можно-бы было всегда прилечь самую достовѣрную исторію каждаго обычая, каждаго зданія, каждой мѣстности, каждой квадратной сажени земли:—доказать, буде нашлась-бы охота, что тамъ, гдѣ вчера быстроглазая француженка смотрѣла на васъ въ окно изъ-за баттарей парижскихъ шляпокъ, американскихъ перьевъ и кашмировъ, нѣкогда, положимъ, хоть триста лѣтъ тому назадъ, день въ день и часъ въ часъ, кузнеца Митюху Криваго уходилъ до смерти конь лихаго опричника Тимофея Обыдника; что на томъ самомъ креслѣ... нѣтъ, на томъ самомъ квадратномъ аршинѣ земли, гдѣ стоитъ въ кондитерской кресло, на которомъ вы имѣете привычку глотать каждое утро чашку шоколата и взглянуть на «Journal roug rigé» и «Punch»,—самъ... ну, положимъ, хоть Илья Муромецъ, столько то лѣтъ, мѣсяцевъ, дней, часовъ и минутъ тому, десять разъ напился воды изъ деревяннаго, даже некрашеннаго ковша, и десять разъ отеръ могучій лобъ полою!.. Но, съ другой стороны, что же изъ этого слѣдуетъ? Что, позвольте спросить, доказали-бы вы, если-бы и въ-самомъ-дѣлѣ доказали непреложность сихъ двухъ «достопадныхъ былинъ»?.. Источникъ, къ которому приходилъ когда-то Петрарка пить и бесѣдовать съ Лаурой, и писать советы, славится теперь гораздо менѣе этимъ поэтическими воспоминаніями, нежели близостію трактира, гдѣ угощаютъ путешественниковъ удивительною форелью, которою Англичане почитаютъ даже долгомъ объѣдаться до несваренія желудка: Sic transit gloria mundi! Что-же вы думаете, встань сейчасъ изъ земли Петрарка, за что бы онъ ухватился, приди къ Воклюзскому ключу? Разумѣется, за форели .. Ну, такъ... я рѣшительно не знаю, къ чему бы привелъ меня послѣдній аргументъ; но дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось привязать къ нему какъ-нибудь слѣдующее: куда-бы хорошо, еслибъ фельетонистъ могъ быть немножко Шампольономъ, и графомъ де Сен-Жермень, и Каліостро, и въ то же вре-

ни претеемъ современности, то-есть, и знать исторію своего города— больше и подробнѣе, нежели знаетъ ее кто-либо, и читать прошедшее во его остаткамъ—лучше, нежели цыганка читаетъ на ладони будущее, и уиѣть ловить животрепещущій элементъ всякаго современнаго событія—будто бы за хвостъ рыбку, вспрыгнувшую надъ поверхностію воды!... Не правда-ли, куда-бы хорошо было распорядиться въ прошедшемъ, какъ въ своей комнатѣ, подобно, хоть-бы, почтенному де-Сен-Жерменю, который, въ 1840 г. *, сидя въ Фонтенблѣ за чашею пунша съ однимъ изъ французскихъ писателей, шутя, оглянулся назадъ въ прошлое Фонтенблѣ, будто въ длинный корридоръ, немножко прищурился и сталъ представлять своему собесѣднику, какъ бы гостей, съѣхавшихся на блестящій вечеръ: Людовика IX, Генриха IV, Людовика XIII, Людовика XIV; Габріель, госпожу де-Мѣнтонъ, Катерину Медичи, Анну Австрійскую и Марію-Луизу, Бенвенуто-Челлини и Франциска I, Христину Шведскую и Принатиччіо, Сюлли и Людовика XV, Карла-Пятаго и Наполеона I,—и представлять ихъ не въ томъ неоживленномъ и натанутопъ видѣ, въ какомъ болѣею частію являются они на зовъ строгой Кля, но людьми живыми, со всѣми страстями, съ полнымъ отпечаткомъ ихъ характеровъ... Куда бы хорошо, во-вторыхъ, имѣть всегда подъ рукою или надъ письменнымъ столомъ такое волшебное стеклышко. такой реверсёръ, въ которомъ бы вся мимо-несущаяся жизнь дня отражалась своею интереснѣйшею и живописнѣйшею стороною, и тутъ-же, рядомъ, стенографическую машинку, которая, принявъ отъ первой все, уже расположенное и сгруппированное, клала-бы новости на бумагу, съ гнрностію дагерротипа!...

— Помилуйте!—прерываетъ читатель, развѣ есть или былъ хоть одинъ фельетонистъ, одаренный тѣми счастливыми данными, которыя вы здѣсь исчислили? развѣ всѣ фельетонисты не пробавлялись и не пробавляются всегда безъ разбора всѣмъ, что ни подвернется подъ перо, т. е. на болѣею половину мелочами? развѣ можно представить себѣ фельетониста ученаго? развѣ, сверхъ-того, не у каждаго фельетониста свое bove, свой конекъ, очень хорошо извѣстные читателю? развѣ...

—Остановитесь! я питаю такое глубокое уваженіе къ фельетонистамъ вообще, русскимъ въ особенности, и нѣкоторымъ изъ послѣднихъ по преимуществу, что еслибы рѣшился возражать на одно первое замѣчаніе ваше, такъ долженъ бы спорить безъ конца. Достаточно, на этотъ

* Я полагаю, всѣмъ извѣстно, что графъ де-Сен-Жермень умеръ въ концѣ прошлаго года.

разъ, напомнить вотъ, что: фельетонисты есть прекрасные; есть прекрасные фельетонисты и на Руси; несмотря даже на увѣренія одного изъ хорошихъ русскихъ фельетонистовъ, будто-бы русскаго фельетона никогда не существовало—я, съ своей стороны, стою на томъ, что самъ насмѣшникъ прекрасный фельетонистъ: не ученъ онъ, не всегда занимателенъ, но чего стоить его знакомство съ графомъ д'Орсэ, чего стоить его ароматическія сигары и его стройная ножка, которую онъ такъ кокетливо выставляетъ и на прогулкѣ, и въ гостиной... и въ своихъ фельетонахъ! За эти достоинства, кто не проститъ ему его свѣтской неловкости, его болтовни и его французскаго жаргона, сбивающаго немножко на смѣсь съ нижегородскимъ? Есть и еще прекрасные фельетонисты на Руси: такіе, что, говоря словами Осипа (въ «Ревизорѣ»), «расскажутъ тебѣ, что всякая звѣзда на небѣ значить»; такіе, что и небывалое разложить передъ вами какъ на рукѣ; наконецъ, мало ли еще какіе!

И такъ, напрасно неудовольствіе на русскихъ фельетонистовъ. Если не всё они знаютъ, что говорятъ, если не всё думаютъ о томъ, о чемъ говорятъ, если не всё помнятъ, что говорили, все-таки, всё они говорили, говорятъ и будутъ говорить, и ихъ читали, читаютъ и будутъ читать—а болѣе этого и не нужно.

Но мое горе, о которомъ хлопочу я, совсѣмъ иное. Мнѣ, изволите видѣть, опасенъ весь сонмъ фельетонистовъ. Куда угнаться мнѣ за ними, моими славными петербургскими собратіями! Гдѣ для меня счастливыя условія ихъ развитія,—гдѣ вся эта петербургская жизнь, такъ и подмывающая, такъ и вдохновляющая?... Что московскій фельетонистъ въ сравненіи съ ними, этими гигантами мелкой печати и узкихъ столбцовъ? И поневолѣ хотѣлось бы тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, о которыхъ размечтался я на первыхъ страницахъ...

Но пора къ дѣлу: я высылаю передъ читателемъ—безъ дальнѣйшаго уже предисловія—мѣшокъ моихъ впечатлѣній за послѣдній мѣсяцъ утекшаго въ вѣчность года! Будемте соединенными силами выбирать изъ нихъ.

Съ пятнадцатаго ноября началась выставка въ здѣшнемъ Училищѣ живописи и ваянія, которая должна продолжаться до перваго января.

Нѣсколько бѣднѣ своей предшественницы, нынѣшняя выставка все-таки не лишена положительнаго интереса. Не нужно говорить, что изъ двухъ отдѣловъ, отдѣла живописи и скульптуры, первый занимаетъ и болѣе мѣста и большее число рукъ. Извѣстное дѣло: если въ порядкѣ первоначальнаго происхожденія искусство скульптура и предшествовала живописи, такъ тамъ, гдѣ оба эти искусства начинаютъ развиваться въ новѣйшее время, живопись непременно должна опередить

культуру; тысяча—одно основаніе этого неизбежнаго закона не требуетъ и комментарий; ясно само—собою, что на художественной выставкѣ дѣшняго Училища, онъ менѣе могъ измѣнить себя, чѣмъ гдѣ либо.

Такъ прежде о произведеніяхъ живописи:

Имена гдѣ: академикомъ Рабуса и Мокрицкаго, — художникомъ Фелицына, Наваховича, Пуговошникова, Саврасова, Мейера, Стрѣлковскаго и Воробьева, — ученикомъ Астрахова и Малова останавливаютъ насъ наиболѣе въ этомъ первомъ отдѣлѣ.

Г-нъ Рабусъ является съ своимъ *Видомъ храма Василія Блаженнаго*. Линейная и воздушная перспектива, тщательная до мелочности отдѣлка подробностей — вотъ несомнѣнныя достоинства этой картины г. Рабуса, какъ и его прежнихъ произведеній. Но впечатлѣніе холодно. Передъ вами, можетъ-быть, прекрасный учитель — и нѣтъ художника.

Г-нъ Фелицынъ читаетъ передъ зрителемъ ту нескончаемую страницу искусства, которая носить въ заглавіи заманчивое слово «женщина», — читаетъ ее съ увлеченіемъ, и какъ видно, не со вчерашняго дня. «Передъ купаньемъ», «Послѣ купанья», «Воспоминаніе о милымъ», «Женщина въ домино» и нѣкоторыя другія, болѣе или менѣе свидѣтельствуютъ о пониманіи своего предмета, о врожденномъ и довольно уже развитомъ чувствѣ женственности и граціи, и о теплой любви къ избранной спеціальности. Какъ мила, при всей своей незатѣйливости (быть-можетъ, именно по своей незатѣйливости), эта дѣвушка «Послѣ купанья!» Какъ мягки выраженія всѣхъ фигуръ у г. Фелицына! Болѣе твердаго рисунка — вотъ чего слѣдуетъ желать этому художнику. Отсутствіе изысканности въ позахъ, простота изображаемыхъ эпизодовъ и обстановокъ — составляютъ также достоинства его работъ, которыя, въ соединеніи съ упомянутыми выше, оставляютъ въ зрителѣ самое благоприятное воспоминаніе.

«Русалка», г. Наваховича, со всею зеленою, служащею ей и ковромъ и наметомъ, дышетъ свѣжестью дѣсной прохлады, которая такъ и манитъ васъ, такъ и отрезвляетъ. Очень строгій глазъ, пожалуй, доберется до того, что славянская нимфа немножко пококетничала, слегка воспользовавшись довольно новымъ косметическимъ изобрѣтеніемъ — *soin-cream* и *poudre de riz*; но тотъ же глазъ долженъ будетъ сознаться, что если «Русалка» воспользовалась самымъ изобрѣтеніемъ, такъ не пренебрегла и современнымъ стараніемъ скрыть его приложеніе. Это не гладко однакоже, всѣхъ ея тѣлесныхъ недостатковъ, и тѣ, которые зависѣли отъ недовольно основательнаго изученія художникомъ анатоміи, производятъ съ цѣлымъ картины невыгодное разногласіе. Чтобы не утра-

тять пріятное впечатлѣніе, получаемое отъ работъ г. Наваховича, должно стоять передъ ними не слишкомъ долго.

Передъ пейзажами г. Саврасова, напротивъ, чѣмъ дольше стоять, тѣмъ лучше. Двѣ его «*Стены*», то-есть, двѣ картины, на которыхъ онъ изобразилъ степь, громко говорятъ въ пользу художника, какъ исполнителя, и неменѣе внятны русскому сердцу — по мысли. Этотъ безбрежный просторъ, это необозримое поле, которое раскинулось ровнемъ да гладью — вы найдете только въ нашей Малороссіи, или на берегахъ Волги. И нельзя не сказать :

«Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!»

Мягкость теплыхъ горизонтовъ и вся прелесть вечероваго освѣщенія въ ту минуту, когда уже спускается на землю сумракъ — повяты г. Саврасовымъ прекрасно, и съ технической стороны переданы такъ же. Видно, что г. Саврасовъ глубоко чувствуетъ русскую природу и поэзію роднаго пейзажа. И какъ хорошо дѣлаетъ онъ, что не романтизируетъ. Что г. Саврасовъ прислушивался къ русской пѣснѣ — настоящей и безъискусственной, не салонной и не театральной — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но да читаетъ онъ почаще Кольцова, и да восприметъ всю живительную струю отъ благодатнаго родника, которая льется въ стихотвореніяхъ Кольцова : исполненный его, г. Саврасовъ сдѣлается гордостью русской школы.

«*Итальянскій видъ*», г. Меера, удовлетворительный въ цѣломъ, особенно замѣчательнъ по освѣщенію.

«*Старушка*», г. Пуговошникова, полуфигура въ юлроста, — русская старушка, вся въ черномъ и въ черной же повязкѣ, вяжущая чулокъ, очень недурна. Другая «*Старушка*», въ натуральный ростъ, г. Каверина, мало уступаетъ первой.

Изъ акварелей гг. Стрѣлковскаго и Воробьева, занимающихся преимуществу портретною частію, понимается, при небольшихъ размѣрахъ, предпочтеніе приходится на долю г. Воробьева : кисть бойкая, смѣлая и вѣрная, — рисунокъ прекрасный. Г. Стрѣлковскій удивительно отчетливо работаетъ миниатюру на кости и умѣетъ придавать ей жизнь, которую не часто встрѣчаешь въ работахъ этого рода. Портретъ работы г. Никитина, женская полуминиатюра въ ростъ, весьма замѣчательнъ, какъ трудъ диллетанта.

Ученики Училища живописи и ваянія, Астраховъ и Маловъ, представляютъ самыя отрадныя явленія : первый, какъ жанристъ, второй — какъ воздѣлыватель противоположной отрасли — идеальнаго. «*Мучной лабазѣ*»,

г. Астрахова, — такая живая натура, которая втрѣбе, нежели на полотнѣ подъ рукою даровитаго юноши, могла бы отразиться развѣ въ уменьшающѣмъ зеркалѣ. Четыре фигуры : два играющіе въ шашки купца — бородачи и два зрителя, сидящій посѣтитель и стоящій свидѣлецъ, — котъ, умывающійся на скамеечкѣ, вся декорація, служащая фономъ, съ принадлежащими къ ней въ дѣйствительности мелочами : все это такъ вѣрно, такъ живо, что я не знаю право, позволено ли желать болѣе правды въ изображеніи. Ближайшій къ зрителю планъ декораціи — верхъ искусства воспроизведенія жертвой природы. Возьмите хорошій очеркъ изъ нашего простаго быта у гг. Даля или Григоровича — и вотъ вамъ pendant къ цѣлому «*Мучнаго лабаза*». Акварельный Эскизъ г. Астрахова чрезвычайно боекъ. Зато «*Семикъ*», тоже акварель, несравненно слабѣе. Неужели г. Астраховъ не видалъ семика въ Марьиной рошѣ — и воздуха Марьиной роши? Откуда эти лиловые, итальянскіе тѣни?... Пусть г. Астраховъ приглядывается еще пристальнѣе къ русской натурѣ, и живой, и мертвой, (воздухъ и пейзажъ, шрочемъ, кажется совсѣмъ не его дѣло) пусть смотритъ на игру г. Садовскаго, пусть читаетъ русскихъ народныхъ писателей, и мы, можетъ-быть, доживемъ до того дня, когда намъ придется привѣтствовать въ г. Астраховѣ русскаго Гогарта, только Гогарта болѣе мягкаго, чѣмъ настоящій Гогартъ, болѣе мягкаго на столько, на сколько русскій юморъ теплѣе юмора англійскаго и голландскаго, на сколько міросозерцаніе русскаго юмора человѣчнѣе и глубже міросозерцанія величайшихъ юмористовъ туманной Британіи.

Страшно произносить подобныя предположенія! — пожалуй, замѣтитъ здѣсь иной Иногородный Подписчикъ, поклонникъ всяческой англоманіи. Зато, сладко думать, что они могутъ сбыться — отвѣчаетъ корреспондентъ «*Пантеона*».

Г. Маловъ съ любовью копируетъ Манса. Его «*Мадалина*» передъ распятіемъ и черепомъ, достаточно полна того идеальнаго выраженія, котораго требовалъ сюжетъ. Но колоритъ страненъ, особенно дѣтъ тѣла не удовлетворяетъ васъ: подумаешь, сверхъ всѣхъ красокъ наложенъ слой мѣла.

Чтобы и пополнить, и хотя нѣсколько привести въ систему сказанное нами о выставкѣ, — летучія замѣтки, гдѣ все безпорядокъ и отрывочность, — я попытаюсь набросать еще главнѣйшія общія черты.

Черта, дѣлающая честь скромности художниковъ и неприязни къ сознанію ими своихъ средствъ, это отсутствіе на выставкѣ сюжетовъ слишкомъ серьезныхъ: меньше, значить, требуетъ зритель и больше остается доволенъ. Портретовъ — ремесленной стороны искусства —

немного, причѣмъ нелишнее запомнить, что портреты, исполненные масляными красками, художникомъ Тороповымъ, очень схожи и живы. Внутренней перспективѣ посвящено достаточное количество картинъ, имѣющихъ почти исключительно предметомъ виды изъ русскихъ монастырей и церквей. Въ этомъ отдѣлѣ, между произведеніями разнаго достоинства, первое мѣсто принадлежитъ «*Церкви Гефсиманскаго скита, близъ Троицкой Лавры*». Мертвая природа рисуется мало, но имѣетъ даровитаго представителя въ лицѣ г. Щеголева, учителя Строгоновской школы; его «*Столъ ружейнаго охотника*» смотритъ такъ весело и бойко. Нѣсколько копій съ Моллерова «*Портрета Гоголя*, болѣе или менѣе удовлетворительны. Вообще же копій болѣе всего съ Брюлова, Калама, Бергема, Айвазовскаго и Манса. Брюловъ оказывается труднее; Бергема списываютъ уже очень удачно, также, какъ и Манса; Калама чѣмъ болѣе будутъ изучать наши художники, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ, и для насъ; не менѣе полезно учиться и у Айвазовскаго, такъ чудно изучившаго только двѣ специальности — цвѣтъ моря и воздуха. Я и забылъ сказать выше о г. художникѣ Соколовѣ, ученикѣ покойнаго К. П. Брюлова: «*Эскизъ изъ Пушкинскихъ Цыганъ*» и два портрета, принадлежащіе ему, были бы вездѣ пріятнымъ украшеніемъ.

Но вотъ слабая сторона выставки, о которой нельзя не упомянуть: это, во-первыхъ, численная бѣдность ея русскимъ жанромъ, во-вторыхъ, странное пониманіе живописцами русскаго быта и русскаго вида — характера того и другаго. Разузнется, это общее замѣчаніе нисколько не задѣваетъ гг. Саврасова и Астрахова, напротивъ того, ярче еще представляетъ ихъ достоинства, — но въ отношеніи къ прочимъ изображеніямъ, такъ или иначе взятымъ изъ русскаго быта или изъ русской природы, оно остается во всей своей силѣ. Я беру три разнообразныя приѣбра: «*Зиму*», г. художника Лобова, «*Тройку*», г. художника Рыбинскаго, и «*Внутренность крестьянскаго сарая*», г. художника Грибкова. Передъ «*Зимой*» вамъ холодно не русскимъ холодомъ, не тѣмъ, который согрѣлъ бы васъ въ картинѣ, — и думается невольно, что г. Лобовъ никогда не стоялъ лицомъ къ лицу съ русскимъ снѣгомъ, русскою вьюгою и русскою зимою, а рисовалъ свою *Зиму* съ одной изъ тѣхъ раскрашенныхъ литографій, которыя, если помните, въ дни моды на оклеиваніе коробочекъ, столиковъ и стеклянныхъ ширмочекъ, привозились на святую Русь огромными альбомами, преимущественно изъ Дюссельдорфа. Въ Москвѣ, и по-сѣверное время, нѣтъ въ иномъ домѣ перевода разнымъ *милымъ* памятникамъ этой несчастной *артистической* эпидеміи. «*Тройка*», г. Рыбинскаго.

другое дѣло. Складъ ямской лошади схваченъ очень хорошо; тройка какъ бы списана съ настоящей природы — но и только. Лошади вымыты, сбруя какъ-будто сейчасъ изъ лавки, а ужъ ящикъ, въ которомъ надурна, впрочемъ, поза, точно прямо изъ бенефиснаго дивертислава. Ко всему этому, и кисть г. Рыбинскаго еще слаба. Фигурѣ лица и въ особенности драпировкѣ рубашки, у него какъ-будто служила моделью картонная кукла въ картонномъ же одѣяніи. Г. Грибковъ изображаетъ «*Внутренность крестьянскаго сарая*» вотъ какъ: на переднемъ планѣ крестьянинъ, сидя на землѣ, стрижетъ овцу, — мальчикъ возится тутъ же съ ягненкомъ; на второмъ планѣ — двѣ женщины: одна, сидя, держитъ крынку, другая, стоя, льетъ въ нее молоко, — въ сторонѣ дѣвочка высыпаетъ соръ изъ подола въ лохань. Противъ этого размѣщенія и самой обстановки сказать нечего; но зачѣмъ же все безъ исключенія — и лица, и фигуры, и костюмы, вѣрные сами-по-себѣ, — и зѣбри, и декорация съ ея подробностями, напримѣръ, бороной — зачѣмъ все это выглажено, завито и напомажено? Взгляните на бороду крестьянина, на шерсть овцы и ягненка, на рубашки, сарафаны и проч., — откуда на нихъ — мало сказать этотъ праздничный — этотъ театралный колоритъ? Случалось-ли видѣть художнику что-нибудь подобное въ натурѣ?..

Диковинное дѣло! — повторю я замѣченное мною прежде — живописцы, которые берутся за русскую жизнь (не говоримъ о рѣдкихъ исключеніяхъ) непременно хотятъ прикрасить ее, и г. Грибковъ только представитель цѣлаго направленія современной школы живописи, совершенно противоположнаго направленію литературной школы, той, которая иногда ни зачѣтъ не покажетъ вамъ предмета или лица изъ нашей народной жизни, не вывалявъ его предварительно въ сажѣ! И спрашиваетъ себя: неужели Русскій не видалъ русской природы? Или хотѣлъ-бы г. Рабусъ, неужели, когда онъ писалъ храмъ Василія-Блаженнаго, ни разу не потрудился взглянуть на русскую телегу и не замѣтить, что въ нее запрягается въ Москвѣ лошадь, а не верблюдъ?..

Изъ работъ любителей недурны нѣкоторыя — г-жи Юліи Гагенъ, особенно «*Монахъ нищенскаго ордена*»... Какъ заблудились сюда же лагерротипы и фотографіи, мимоходомъ сказать, и сами-то по себѣ плохія, недоумѣваю. До фотографіи Даутендея не достигаетъ ни одинъ изъ московскихъ экспонентовъ.

Всѣхъ картинъ на выставкѣ болѣе двухъ-сотъ.

Произведенія скульптуры не составятъ и половины этого числа. Въ этомъ отдѣленіи обращаютъ на себя вниманіе работы гг. учениковъ Милославскаго, Фадѣева и одиннадцатилѣтняго Севрюгина; отличается

это всѣхъ «*Львица и газель*», прекрасная миниатюрная группа г. свободного художника Иванова (которому принадлежит «*Мальчикъ, качающийся въ бань*», до-сихъ-поръ не выставленный), уже заказанная изъ бронзы г. П. С. Шиловскимъ, — и красуется «*Бюстъ Гоголя*», г. Рамазанова. Здѣсь же выставлены весьма интересные рисунки барельефовъ, исполняемыхъ г. Рамазановымъ для скульптурной залы Пирѣцкой виллы гр. С. С. Уварова. Эти рисунки, числомъ четыре, изображаютъ: Музыку, Скульптуру, Живопись и Архитектуру. Строгая простота замысла, счастливое размѣщеніе фигуръ, грація и легкость цѣлаго — вотъ обыкновенныя черты композицій г. Рамазанова, и въ настоящемъ случаѣ они ему не измѣнили нисколько. Взгляните на рисунки, и вы увидите всю разницу между г. Рамазановымъ и г. Логановскимъ. Разстояніе приблизительно то же, что отъ Моцарта до Сальери. Мнѣ въ особенности нравится Музыка.

Чтобы этотъ бѣглый обзоръ выставки Училища живописи и ваянія, въ которомъ никто, надѣюсь, не найдетъ претензій на полный отчетъ о ней, сдѣлать дѣйствительно такимъ отчетомъ, нужно было-бы присесть очень многое.

Я-же, съ своей стороны, не умѣю сказать о ней ничего больше, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи, минуя многія забавныя, а иногда, признаться, и грустныя сужденія о предметахъ выставки, представить здѣсь, однакоже, отрывочекъ изъ одного недавняго разговора, имѣвшаго темою и выставку, и нѣкоторыя другія событія московской современности.

Въ одинъ изъ послѣднихъ, довольно сносныхъ дней минувшаго декабря, весь полный впечатлѣній, которыя возбудили во мнѣ гг. Саврасовъ и Астраховъ, — словомъ, очень довольный своимъ утромъ, я прямо съ выставки, часу въ третьемъ, зашелъ съ однимъ пріятелемъ къ Педотте, — въ единственную въ Москвѣ кондитерскую, гдѣ можно спросить что-нибудь, кромѣ конфетъ и гдѣ можно найти газеты. Вѣроятно, оттого, — замѣчу въ скобкахъ, — въ эту кондитерскую ходятъ очень мало — я пошанъ на консеквентности.

Вошедши, мы вынули по сигарѣ, спросили по чашкѣ кофе и ушли каждый, кто за что вздумалъ.

Въ комнатѣ, кромѣ насъ, былъ одинъ только посѣтитель — господинъ съ кисло-прѣсной физиономіей, одѣтый весь въ замѣчательно яркіе цвѣта. Кисло-прѣсная физиономія поглощала пирожки и съ любовью смотрѣлась въ зеркало, рѣшительно не отходя отъ него.

Это, не знаю ужъ почему, показалось мнѣ интереснѣе, нежели

фельетонъ г. Жюля Жанена съ его вѣчными цитатами изъ Энеиды и Горція,—и я сталъ наблюдать—какъ подобаешь фельетонисту.

— Ба, ба, ба! Карпъ Федосѣичъ, или Иванъ Сергѣичъ, или Петръ Егорычъ, — непомню, право, имени, произнесло, обращаясь къ моему Нарциссу, новое вошедшее лицо, очевидно съ дороги. А я только—что вошелъ въ Москву. Какъ я радъ! Ну, скажите-ка, что новенькаго? Все, я чай, знаете.... Варваръ! Порхаетъ себѣ по Москвѣ — не то, что мы, заѣзжіе.

Кисло-прѣсная фізіономія благосклонно посмотрѣлся въ зеркало и махнулъ рукой.

— Новаго, какъ взмъ сказать? новое—то есть, да все какъ-то....

— Ну, вотъ выставка, наприимѣръ; теперь у васъ художественная выставка; я ее и не увижу: завтра-же лечу въ Петербургъ — дѣлишки разные завязались....

— Не многое теряете....

Влетѣло третье лицо.

— Карпуша, здорова!... Ты какимъ образомъ?—обратилось третье лицо къ пріѣзжему.

— Да вотъ, братецъ, пріѣхалъ и ѣду. Впрочемъ, погоди, послѣ скажу. А вотъ пусть-ка онъ порасскажетъ про ваши новости, а ты, моя новостьда, помолчи.

— Онъ тебѣ расскажетъ? Ну, ну, пусть. А мы будемъ поправлять свечатки.

— Вы все съ своими любезностями!—нѣсколько обиженный замѣтилъ кисло-прѣсная фізіономія, благосклонно оглядывая свой туалетъ и небрежный костюмъ собесѣдника.

— Я васъ слушаю — сказалъ пріѣзжій.

— О бюстѣ Гоголя говорили, говорили — началъ нашъ цѣнитель: какъ вы думаете, смѣшно просто! Во-первыхъ, непохожъ....

— Послушай, Карпуша, Карпъ ты мой....

— Непохожъ, во-первыхъ. Во-вторыхъ, просто гримаса: вообразите себѣ человѣка, у котораго одна половина лица смѣется, а другая плачетъ; и какое-же тутъ случайное выраженіе?

— Да ты видѣлъ-ли его?—спросилъ названный непосѣдою. А тебѣ—обратился онъ къ пріѣзжему — вотъ что скажу: успѣешь, сходи посмотреть, купи.... непременно купишь: вещь капиталная! Онъ-же, шутникъ въдѣ: видѣлъ онъ не работу Рамазанова, а куклу, что вертится у Антона и Невилля... Ахъ, ты, забавникъ этакой!

Кисло-прѣсная фізіономія благосклонно взглянулъ на себя въ зеркало, безстрастно продолжалъ.

— Что-жъ тамъ хорошаго? *Зимля вьюга* Малова....

— Плохая картинка, очень плохая!—перебилъ упрямый антагонистъ.

— *Семикъ* Астрахова....

— Гдѣ-жъ ты видѣлъ такой *Семикъ*? Нешто въ театрѣ?

— *Видѣ Кремля* Черкасова....

— Schwach!...

— Ну, въ отдѣлѣ портретной живописи, штучки, знаете, въ ролѣ русалокъ, дѣвушекъ съ тамбуриномъ, съ плодами и съ маской....

— Какъ, какъ! повтори! До смерти люблю категоричность.

— Это изъ какой книжки слово?—остроумно спросилъ кисло-прѣсная физиономія, и опять благосклонно оглянувъ себя въ зеркалѣ, флегматически продолжалъ: — Ну, изъ ваянія, *Львица съ газелью* и *Амуръ на львѣ*....

— Тутъ общее *левъ*, понимаю: оттого ты ставишь рядомъ работу десятилѣтняго ребенка и произведеніе художника, который....

— Тамъ пойдутъ бюсты Александра Македонскаго, Юпитера Олимпійскаго, Ахиллеса, и другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ физиономій.

— Что ясно, то ясно! Но во-первыхъ, нѣтъ бюста ни одного изъ нихъ, а только головы, надъ которыми — этими, по твоему, болѣе или менѣе извѣстными физиономіями, — всякій благоразумный учитель заставляетъ учиться учениковъ, потому что изъ этихъ головъ, или этихъ физиономій каждая—типъ опредѣленнаго рода красоты и воплощеніе опредѣленной идеи искусства. Ты этого не домекаешь, Карпуша?

— Отстань, пожалуйста, съ своими глупостями....

Пріѣзжіи замѣтно болѣе уже вѣрля новому оратору, который продолжалъ, однакоже, болѣе обращаясь къ кисло-прѣсной физиономіи.

— Что ты видѣлъ изъ произведеній новой скульптуры?

— Какъ что?.. Все видѣлъ...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, напримѣръ...

— Напримѣръ, имѣешь ты понятіе о «Бабочникѣ» Пименова?

— Нѣтъ...

— Видалъ ты что-нибудь Ставассера?..

— Нѣтъ, кажется, не видалъ...

— Ну, въ Италіи ты не былъ: имѣешь-ли понятіе, хоть по рисункамъ, о Бартолини?

— Нѣтъ...

— Постой, не видалъ-ли хоть рисунка съ группы Фракаррон «Икаръ и Дедалъ» — рисунокъ-то не рѣдкость?

— Не видалъ, братецъ...

— Нечего дѣлать: не видалъ—ли, наконецъ, хоть чего Кановы?..

И въ Москвѣ есть Кановы...

— Кампионы! какъ же видѣлъ, видѣлъ — у него еще па бѣгу пара въ дышлѣ призъ взяла...

— Ну, другъ сердечный, сказалъ предлагавшій всѣ эти вопросы: я вижу, съ тобой объ этихъ вещахъ толковать тоже, что воду толочь. Кампионы и Канова! пойми ты, это также не все—равно, какъ, напримеръ, извини меня, ты и герцогъ Девонширъ, или, если хочешь, какъ Гунгль и Верди...

— Ты ужь пойдешь, — сладко замѣтилъ кисло-прѣсная физиономія.

— Ну а еще что новенькаго? — спросилъ пріѣзжій, видимо жедая не оскорбить Карпа Федосѣвича.

— Благородное Собранье перестроено — отвѣчалъ, съ неизмѣннымъ спокойствіемъ, Карпъ Федосѣвичъ — роскошныя козетки, нѣжное благоуханіе цвѣтовъ, тихій плескъ фонтана (кисло-прѣсная физиономія терялъ понемногу первую половину своего эпитета и колорита), увлекательныя звуки Сакса, таинственный полусумракъ и, наконецъ, тихое шептаніе какой-нибудь таинственной маски...

— Поцѣлуй меня, невинная душа! — воскликнулъ негодяй: — mille-fleurs ты мой, ручеекъ ты мой! Каково журчить!.. Радуюсь твоему маршчию, и даже въ немъ привѣтствую успѣхъ, но не мастеръ я насылать пустую комнату порожденіями моей лѣнивой фантазіи, не розовой, въ этомъ отношеніи, какъ твоя. Но рассказывай, рассказывай. Ты мнѣ доставляешь величайшее удовольствіе; я—таки слоняюсь по Москвѣ, молжень сказать, съ самоотверженіемъ, но что-бы ты ни сказалъ, все для меня ново...

— Картины Фельдштейна, въ домѣ Грузинскаго Царевича, замѣчательная вещь!

— Панорама—то? Помилуй, да ты шутишь, вѣрно?.. Я тебѣ скажу про эту панораму — обратился онъ къ пріѣзжему: — захожу я часу въ четвертомъ какъ—то: —показывается панорама, изволишь видѣть, съ двухъ часовъ. Толкнула меня въ дверь какая—то неблагообразная особа, боясь, видно, чтобъ я не отнял у нея полтинника, который она съ меня выскала. Вхожу. Мракъ совершенный и ни души. Впрочемъ, лобъ я себѣ чуть—чуть не разбилъ о ламповщика, который вскочилъ освѣщать панораму. Минуты черезъ двѣ, при прогрессивно—распространявшейся вони отъ масла и скипидара, маленькій мальчишка схватилъ меня за руку и подвелъ къ стеклышку, которое пришлось мнѣ противъ самой лампочки: оттого я его невдругъ отыскалъ въ этой тьмѣ кромешной...

«Извольте смотрѣть. Гибель французскаго корабля *Медуза* на Эгейскомъ морѣ отъ англійскаго пороха.» Смотрю: бѣлое пятно на пламенномъ фонѣ... Прекрасно, думаю. Дальше, дѣлаю шагъ дальше: что-то падаетъ мнѣ на голову, потомъ что-то льется на меня, все кажется мнѣ зеленымъ въ эту минуту, — и я, разумѣется, испаряюсь. «Куда же, позвольте, не все», — кричить мальчишка, удерживая меня за пальто. Вѣрю, братецъ, вѣрю, говорю — и удаляюсь.

Карпъ Федосѣвичъ не возражалъ, но спросилъ себя прожковъ и опять посмотрѣлся въ зеркало.

— Такъ ужъ теперь я буду рассказывать, — сказалъ врагъ замѣчательныхъ картинъ г. Фельдштейна. Къ счастью, облило меня не масломъ, а водой — и я могъ, en haute conscience, продолжать мою экскурсію по области московскихъ новостей. Надо вамъ сказать, господа, что, по случаю, что-то тяжелое, упавшее мнѣ на голову, только помню мою шляпу: есть звѣзды для фланеровъ! Попалъ я, поэтому, и въ звѣринецъ... синьора... синьора Караба... Бириби... да, Бернабо. Слово презабавный: танцуетъ нѣкоторые новѣйшіе танцы, право, не хуже инаго московскаго льва. Страусы, два тигра, красоты, что называется, непостижимой — такъ бы, вотъ, кажется, и отлилъ ихъ въ бронзу; медвѣдю черному какой-то господинъ, какъ только вошелъ, далъ пососать палець, а медвѣдь сосалъ какъ щенокъ: господинъ-ли храбрець, медвѣдь-ли трусъ — для меня покрыто мракомъ неизвѣстности. Бѣлый медвѣдь довольно желтъ, но, сколько я замѣтилъ, не сговорчивъ. Впрочемъ, вообще всѣ эти заморскіе и приморскіе гости съ большимъ душкомъ... Уфъ! дайте мнѣ киршвассера рюмочку!

Ораторъ проглотилъ содержаніе рюмочки и продолжалъ:

— Ну, какія же еще у насъ новости? Да, картины у г. Дубле. Не стоятъ звѣринца, а чего стоитъ каждая сама по-себѣ, про то вѣдаетъ Зевесъ; — имена, впрочемъ выставлены громкія. По-моему, конфеты г. Дубле лучше этихъ картинъ, которыя, однакожъ, можно бы взять, еслибы онъ давалъ ихъ, напримѣръ, въ видѣ сюрприза къ фунту конфетъ, или пуду своего искусственнаго гуано... Выставлялъ тоже картины какой-то г. Винкельманъ, который увѣрялъ даже, что онъ родня знаменитому эстетіку. Я ему повѣрилъ, и въ-слѣдствіе этого, даже принялъ изъ его рукъ, и старался всѣми средствами закурить, сырѣйшую и сквернѣйшую сигару, которою онъ, ужъ не знаю какихъ видовъ, кажется, хотѣлъ купить мое расположеніе къ славной нехудожественной коллекціи... Все это, — заключилъ рассказчикъ, — обращаясь къ пріѣзжему, — можешь, по пріѣздѣ во своемъ, или куда...

хоть печатать. Съ подлиннымъ вѣрно. Выстрадаю, братецъ, понизася; изъ жизни, изъ жизни! О прочемъ тамъ, — продолжалъ онъ, — о портныхъ, ресторанахъ, сапожникахъ, куаферахъ ужъ пусть тебѣ новѣствуетъ Карпуша: это его специальность. Пожалуй, расскажетъ онъ тебѣ и о театрахъ, о музыкѣ, о литературѣ. На это онъ тоже имѣетъ неоспоримыя права, а именно: онъ седьмой годъ все ухаживаетъ за одной фигуранткой, — сочинилъ романсъ, который никто не положилъ на музыку, — и создалъ надписи для папиросокъ Гальнбека, которыя бы, конечно, его обезсмертили, еслибы въ здѣшнемъ мирѣ, и папиросы, какъ многое, не были врахъ и тлѣніе...

— Послушай, однакожъ... перебилъ Карпъ Федосѣичъ, благожеланно смотря въ зеркало...

Я вышелъ...

Продолжаю теперь мой собственный отчетъ...

Интересную архитектурную новость, очень еще свѣжую, составляетъ новизна колокольня Страстнаго-монастыря, выстроенная по плану и подъ надзоромъ талантливаго Быковскаго. Прекрасное зданіе, совершенно-увѣстное по стилю. Теперь на колокольнѣ поставлены и часы.

Здѣсь уже къ слову сказать о выходѣ тринадцатой тетради пятого года «Русской старины», издаваемой г-мъ Мартыновымъ. Я не знаю, въ какой мѣрѣ изслѣдователя русской старины, въ родѣ г. Забѣлина, удовлетворяются текстомъ г. Снегирева, но что касается до изображеній въ «Русской старинѣ», они не могутъ не нравиться. Въ нынѣшнемъ выпускѣ получаемъ: «Церковь въ селѣ Медвѣдковѣ, церковь въ селѣ Леосовѣ, церковь въ селѣ Тайнинскомъ» (два вида) — все это относится къ московской губерніи — и «Часовню близъ Переяславля Залѣскаго», мѣдвѣдковской губеніи. Но предпріятіе г. Мартынова, кажется, не нуждается ни въ похвалахъ, ни въ поощреніяхъ.

Изданіе «Подробнаго плана Москвы по частямъ», подъ распоряженіемъ г. оберъ-полиціймистра, благополучно продолжается.

Какія же вообще библиографическія новости?

Джонъ Ло, или финансовый кризисъ Франціи въ первые годы регентства, И. К. Бабста. Это сочиненіе, въ которомъ ученый, быть-можетъ, найдетъ немного новаго, зато прочтется съ большимъ удовольствіемъ каждымъ образованнымъ человѣкомъ. Одно мастерское изложеніе достаточно рекомендуетъ новый трудъ г. Бабста.

Изъ прочихъ новыхъ книжекъ литературнаго наименованія, есть маленькій романъ г. Крылова, — заглавіе, виновать, совсѣмъ изъ

ума вонъ,—который, заурядъ, можно пробѣжать въ деревнѣ, и два другіе романчика, тоже довольно-миниатюрные, которые мнѣ было очень тяжело читать въ городѣ.

Изъ этой пары, *Приялоротное зелье*, романъ въ трехъ (микроскопическихъ) частяхъ, неизвѣстнаго автора, кончается, какъ и продолжался, весьма романтически:

«Гусарь выигралъ пари и получилъ отъ блондинки вышитую ермолку.

«Недалеко отъ П*, между дикими скалами, есть долина. Рѣдкій изъ любопытствующихъ не посѣщаетъ ее. Не знаю, почему она носитъ названіе: *долины смерти*. На ней разбросано нѣсколько могилъ, въ числѣ ихъ есть одна, на которой положенъ камень.

«Рассказываютъ, что вихорь часто вѣется около этого камня, и кругомъ взвиваетъ облака пыли. Окружные жители творятъ знаменіе креста, когда имъ случается проходить мимо этой могилы, и пугаютъ ею своихъ дѣтей».

Какія ужасы! Впрочемъ, я догадываюсь: дѣло, просто, идетъ о кладбищѣ. Но чтѣ значить быть романтикомъ! Изъ «кладбища» непременно выйдетъ «долина смерти», изъ «женщины» — «сосудъ любви», изъ «мужчины» — «кинжалъ страсти», изъ «мѣсяца» — «стражъ ночнаго безмолвія или «фонарь любящихся», изъ «дворняшки» — «вѣрный церберъ», и такъ далѣе до безконечности. Недурно бы издать особенный лексиконъ русскихъ романтиковъ, разумѣется, сравнительный съ персидскимъ языкомъ. Если найдется желающій воспользоваться этою мыслию, я предлагаю поставить тридцать-три тысячи триста-тридцать-три выраженія — безденежно.

Другой романъ, оригинальный, какъ онъ называетъ себя, «Богатая невѣста и московскіе сваты, или ахъ денежки, денежки!» тоже неизвѣстнаго автора, въ четырехъ — по счастью — дважды микроскопическихъ частяхъ, имѣетъ совершенно-противуположное первому стремленіе: это реализмъ, самый реальный. Вслѣдствіе того, дѣйствующія лица его всё безъ исключенія грязноваты; кисть же автора обличается съ первой странички во всемъ своемъ блескѣ.

ЧАСТЬ I.

Глава I.

ИНТЕРЕСАНЫ.

- О деньги! полезны вы для всѣхъ:
- И для воюющихъ, и для живущихъ мирно;
- И услаждение для тѣхъ,
- У конхъ брюхо жирно...

«На этомъ основномъ грунтѣ я созидаю свой разсказъ. Въ одно июльское утро восемьсотъ-сороковыхъ годовъ нашего столѣтiя, шель, не теряя времени, по московской Садовой-улицѣ, человекъ среднихъ лѣтъ, то-есть, сорока или съ чѣмъ-нибудь, худощавый, уже поблеклый, однакожь свѣжій и бодрый, съ масляными, желтоватыми глазами, простонародной походкой, въ степенномъ изъ чернаго сукна сюртукѣ, нерядочно уже поношенномъ...»

Und so weiter.

...Вышелъ, не помню который, выпускъ изданiя г. Уагтина: «Библиотека романовъ, повѣстей, путешествiй, записокъ и прочихъ издѣлiй».

...Является третьимъ изданiемъ (?) изданiемъ «Свѣршй армикъ», повѣсть для дѣтей кн. В. В. Львова.

...Нѣкто выпустилъ въ свѣтъ такую брошюру: «Оранулъ сунружской жизни, или бракъ и любовь, совѣтникъ для всѣхъ желающихъ быть счастливыми въ брачномъ состоянiи». Я полагаю, это должна быть сатира, которая, лѣтъ черезъ тысячу, убьется, пожалуй, и Ювеналовы: тогда, безъ сомнѣнiя, и смыслъ ея разгадается.

... Въ «Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиции» была помещена довольно бойкiй этюдъ г. Кокорева — «Кухарка». Но неужели нельзя обойтись безъ грязноватаго колорита? Или г. Кокоревъ думаетъ, que c'est là le chic du genre? Напрасно.

...Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» есть нѣсколько чрезвычайно-полезныхъ и интересныхъ матерiаловъ для русской исторiи.

...Въ 21 № «Москвитянина», вышедшемъ въ ноябрь...

Но, позвольте. Замѣтили ли вы, читатель, что въ моемъ предпринятомъ «Вѣстникѣ», выставивъ въ заголовкѣ «17 № Москвитянина», я не сказалъ объ этой книжкѣ ничего?.. Это произошло не случайно. Навѣтъ книжку я считалъ себя, по обыкновенiю, обязаннымъ. Не говорить о ней было нечего. Повѣсть г. Писельскаго М-г *Баммаковъ*, о которой было сказано въ прошломъ числѣ, въ № 17 только и читалась. Замѣчательнѣйшее же послѣ нея: «Наблюденiя надъ русской литературой и журналистикой» г. Эрнста Бамбурова, и оцѣна не-

приличнымъ дѣлать предметомъ литературнаго и журнальнаго разговора. Эти вещи, впрочемъ, полезно иногда печатать для поученія потомковъ, какъ «памятникъ заблужденій вѣка».

Возвращаюсь къ послѣднему № «Москвитянина», 21-му.

Я открываю сегодня прежде всего «Критику и библиографію».

Вотъ что говоритъ г. Филиповъ:

«Извѣстно всемъ несчастное направленіе отечественной критики, господствовавшее у насъ въ прошломъ десятилѣтіи: журналы, получившіе въ то время, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, особенное вліяніе на публику, казались, поставили себѣ цѣлью мыслить о вещахъ назворотъ, то-есть, хорошее звать дурнымъ, дурное — хорошимъ. Мы говоримъ это безо всякаго намѣренія шутить: съ этимъ согласится всякій, кто только отважится порыться въ старыхъ критическихъ дрягяхъ. Несмотря на то, эта критика, какъ мы сказали, имѣла вліяніе и увлекла за собой толпу, по причинамъ, которыя уяснить было-бы очень полезно для общества. И нельзя сказать, чтобъ въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ этого вліянія. Нѣтъ! Въ самыхъ важныхъ вопросахъ нашей литературы многое остается до-сихъ-поръ запутаннымъ и *сбитымъ*; вышеупомянутая критика сообщила весьма-значительному количеству читателей превратнѣйшія понятія о лучшихъ представителяхъ нашей литературы. Объ этомъ писано было много истинно-прекраснаго и спасительнаго, въ то же время, благородными и самостоятельными критиками, но ложь, какъ и всякое зло, имѣетъ своего рода силу и обаяніе, свои минуты торжества. Всякая попытка возстановить поруганную истину имѣла значеніе только для немногихъ, которые и безъ того признавали и цѣнили ее; несвоевременность была причиною тому, что самая безстыдная неглѣзность имѣла возможность уничижать чистый и здравый смыслъ».

Баста!

Нынѣшняя серьезная критика, петербургская критика, — московская все еще зарождается, — вѣроятно не удостоитъ вниманія этой забавной иносказательной выходки.

Критикъ, разбирающій «Отечественныя Записки», говоритъ:

«Современнику» вѣразъ уже замѣчали въ «Москвитянинѣ», что онъ смотритъ на литературу слишкомъ легко и беззаботно, «От. Зап.» можно иногда упрекнуть въ другомъ: онъ подчасъ любитъ озадачивать своихъ читателей такими учеными статьями, которыя, имъ очень хорошо извѣстно, прочтутся очень немногими, но зато придаютъ журналу чрезвычайно серьезный видъ».

Это говоритъ, замѣтите, ученый журналъ по поводу интереснѣйшихъ и

важных статей г. Егупова «О средних дѣнахъ и проч.», о которыхъ была рѣчь въ «Пантеонѣ». Этого ужъ не истолкуешь иносказательно.

Не слѣдуетъ ли скорѣе отнести къ разряду трудно и мало пониженныхъ журнальнымъ читателемъ статей, статью г. барона Пешинга «Иванъ-царевичъ, народный русскій богатырь», помѣщенную въ 21 № «Москвитянина»?

Г. Григорьевъ, русскій фельетонистъ по части Шекспира, по обыкновению, отдѣлываетъ «Пантеонъ». Защищаться противъ него опасно, такъ онъ сердитъ. Что бы сказалъ, однакоже, г. Филаретъ Шаль, если бы присягнулъ ему такой приговоръ, что онъ, Филаретъ Шаль, какъ извѣстно, знаменитость въ ряду французскихъ критиковъ, но чисто-французская знаменитость. Онъ мастеръ говорить, но не мастеръ думать? Жаль что г. Шаль не читалъ г. Григорьева по части Шекспира. Можетъ-быть, это и повело-бы къ какой-либо почтительной антикритикѣ со стороны автора статей «Англійскій театръ до Шекспира»...

Хотите ли образецъ такъ-называемаго «на распашку» въ литературѣ, пробѣгите на досугѣ «Феничку», рассказъ г. Меженина: превосходный фронтисписъ къ проектированной мною въ прошломъ письмѣ «Галереѣ женщинъ» Москвитянина. Выписывать — страшно: спишешь, пожалуй, всю «Феничку». И право, стоило бы того.

Извѣстный поэтъ, г. Бергъ, рассказываетъ съ идиллическимъ простодушіемъ и высоко-изящною граціею, какъ онъ прокормилъ двухъ воросать — Васку и Машку. Статья его—«Опыты прокармливанія разныхъ животныхъ» есть приобрѣтеніе и для психической зоологіи, и для литературы.

Изъ стихотвореній нынѣшней книжки «Москвитянина», взгляните-ка вотъ на эти:

«Молодой дѣвухѣ».

Не надыхусь я, право, вами,
 Не налюбуюсь я на васъ!
 Душа полна, когда я съ вами,
 Тоскливо, пусто мнѣ безъ васъ.
 При васъ слетаетъ съ сердца холодъ,
 Встаю душою ото сна:
 Я вновь здоровъ, счастливъ и молодъ,
 Вновь сладкихъ грѣзъ душа полна.
 Полна возвышенныхъ стремленій.
 Васъ нѣтъ, и я уже не тотъ:
 Ползетъ мнѣ въ душу рой сомнѣній,
 Житейскихъ мелочныхъ заботъ».

— Что это вы дѣлаете? слышу издаи меня.

Оглядываюсь. За мною стоитъ одинъ мой бывшій школьный товарищъ, въ настоящее время... какъ-бы вамъ сказать, провинціальный честолюбецъ.

— Списываю, для статьи въ «Пантеонъ», изъ «Москвитянина» прекрасные стихи г. С. З.

— Покажите.

Онъ прочелъ, и произнесъ рѣшительно.

— Если такъ, не угодно ли вамъ послать въ «Пантеонъ» образчикъ моихъ стихотвореній. Судя потому, что вы говорите о стихотвореніи г. С. З., я увѣренъ, что ваша редакция не захочетъ сдѣлать несправедливость, и напечатаетъ всѣ мои стихотворенія и поэмы.

— Помилуйте! — отвѣчалъ я, — это никакъ не отъ меня зависитъ...

Но несносный собесѣдникъ меня не слушалъ, клякнулъ своего лакея, который бѣжитъ за нимъ вездѣ съ чемоданомъ его произведеній, — развернулъ одну претолстую тетрадь, и сказалъ :

— Пишите.

— Зачѣмъ, помилуйте? Лучше въ другой разъ.

— Пишите.

Я повиновался невольно, будто подъ вліяніемъ необоримой магической силы :

•Городъ нашъ не многолюдеиъ,
Хоть и знаменитъ,
Зодчества дарами скудеиъ,
И въ травѣ стоитъ.
Въ немъ двѣ улицы прямыя,
Двадцать—двѣ кривыяъ,
Есть панели насыпныя,
Нѣту мостовыяъ.
Въ немъ палатъ не очень много,
Но пѣвнеть взоръ,
И почтовая дорога
И гостиный дворъ.
Подъ горою площадь, лавки,
Мутная рѣка,
Инвалидъ, на случай лавки,
Тоня рыбака;
Кузницъ рядъ необозримый,
Караульный ломъ,
И курганъ необъяснимый
Съ камнями — на немъ;
Три трактирныхъ заведенъя,
А харчевенъ шесть,
И манежъ для развлеченъя :
Молодежи есть !

— Не довольно ли на первый случай?—умоляющимъ голосомъ остановилъ я моего честолюбца, который, было, ужъ расходился не на шутку.

— Пусть по вашему! сказалъ-онъ : только ужъ сообщите, что это — начало поэмы, въ которой слишкомъ семь тысячъ стиховъ, — что у меня готово еще семь поэмъ, и что я согласенъ ставить стихи, когда только угодно и во всѣ журналы : пишу же я, прошу замѣтить, изъ славы, и таланта своего не продаю.

— Что съ вами дѣлать! Да судать же читатель и редація «Пантеона» образчикъ поэзи неизвѣстнаго до-сихъ-поръ поэта : можетъ-быть, его стихи и въ-самомъ дѣлѣ не хуже прекраснаго стихотворенія г. С. З. Я говорю : можетъ-быть, самъ же я, право, судить не рѣшаюсь; мои понятія о поэзи какъ-то спутались въ последнее время. Очень нравились мнѣ «Ифигенія въ Тавридѣ»—г. Щербины, переводъ изъ Байрона —г. Мина, и нѣкоторыя изъ стихотвореній г-жи Хвоцинской... но г. Григорьевъ сдѣлалъ въ послѣдней книжкѣ «Москвитянина» такіе реприманды г-жѣ Хвоцинской, что я начинаю подозрѣвать въ себѣ даже совершенное отсутствіе чувства поэзи.

«. . . Перехожу къ ноябрьскимъ спектаклямъ.

Но прежде исчисленія новостей, два слова о главной новости, объ общей новости, очень пріятной, очень утѣшительной. Знаете ли, что въ прошломъ мѣсяцѣ наши театры, говоря относительно, чрезвычайно начали оживать, болѣе, чѣмъ обыкновенно въ ноябрѣ, и оживать — ливитесь-ка !—безъ особенныхъ балетовъ или иныхъ пьесъ à grand spectacle?

А причины вотъ какія. До-сихъ-поръ велось у насъ такое правило : понравилась пьеса, — давать ее разъ за разомъ; два-три балета за зину; разъ въ мѣсяцъ пьесы Гоголя и «Горе отъ ума», воскресныя пьесы; прибавьте къ этому бенефисы, обыкновенно дорогіе по цѣнамъ и бѣдныя по содержанію, и вы получите въ итогѣ à-peu-près то, чѣмъ долженъ былъ пробавляться московскій театраль, — не считая оперъ и французскаго спектакля. Все это велось давно, и разнообразилось только пріѣздами петербургскихъ и иностранныхъ гостей. Нынѣ принялись за архивъ, и съ достойнымъ всякаго уваженія знаніемъ дѣла, начали вновь вымывать на сцену нѣкоторыя старыя произведенія. Такимъ-образомъ, кромѣ пьесы «Великодушіе, или рекрутскій наборъ», — покойнаго Н. Ильина, возобновленной впервые для бенефиса г. Садовскаго, мы видѣли, «Бобыля» (комед. въ 5-ти дѣйств.) — Плавильщикова, и еще должны увидѣть : «Недоросля», «Благородный театръ», «Своя семья, или замужня невѣста» (князя А. Шаховскаго), и нѣкоторыя другія. Точно также ходили слушать большой театральннй оркестръ, по поводу «Невѣсты-лунатика» и «Севильскаго цирюльника». Все это должно не произвести благопріятнаго вліянія на театръ и на публику.

Театръ долженъ былъ наполняться болѣе обыкновеннаго, потому-то кому же могло не улыбаться разнообразіе спектаклей? А сверхъ-того, развѣ мало людей, у которыхъ съ иною, давно неугранвою пьесою связано то или другое воспоминаніе, которое возобновить никто не прочь? Да я скажу вамъ про себя. Не принадлежа далеко къ числу людей старыхъ, тѣхъ, я разумѣю, которые живутъ только въ прошломъ, и отъ души желая нашему театру всевозможныхъ успѣховъ на пути, указываемомъ современными, новѣйшими требованіями искусства, — я первый считаю себя счастливымъ, когда бываетъ мнѣ дано оживить мои раннія сценическія впечатлѣнія, съ которыми, поднимается, въ душѣ цѣлый рой самыхъ сладкихъ видѣній, самыхъ милыхъ образовъ. Была, когда-то пьеса «Розальба, или маскарадъ», первое театральное представленіе, удержавшееся у меня въ памяти. И не повѣрите, чего не далъ бы я, чтобы взглянуть на «Розальбу, или маскарадъ!»... Сдѣлайте скачокъ на двадцать лѣтъ впередъ отъ нынѣшняго дня: тогда спросите у театраловъ 1848 — 1849 г., что бы они дали, чтобы посмотреть «Пахиту» и pas-de-manteaux!...

Вы теперь знаете, стало-быть, причину оживленія нашего театра, главную-то, по-крайней-мѣрѣ, кромѣ самого времени года.

Сценическія новости, каковы-бы ни были онѣ, перечестъ все-таки нужно.

Вотъ онѣ: *Западня, или хотѣлъ поймать, да самъ попался!* вод. въ 1 д. соч. (?!) С. Соловьева;—*Моя дочь вышла замужъ*, вод. въ 1. д., подраж. франц.—К. Тарновскаго и Ѡ. Руднева;—*Дилеттантъ 5-го яруса*, ориг. шутка въ 1 д.;—*Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ*, ориг. ком. въ 5 д., въ стихахъ и съ 4 интери., соч. Б. Федорова;—*Дитя тайны*, шутка-вод. въ 1 д. съ франц.;—*Прикажете, я вамъ расскажу про Роберта?* рассказъ съ пѣніемъ въ 1 д.;—*Дѣвъ камелии*, сцены, взятыя изъ жизни, роль комедіи, въ 1 д., соч. кн. Кугушева.

Послѣ пьесы *Западня, или хотѣлъ поймать, да самъ попался*, нѣкоторые зрители утверждали, что они, конечно, попались, но что и авторъ, если думаетъ, что не попался, такъ ошибается. *Моя дочь вышла замужъ* — передѣлка французской пьесы »J'ai marié ma fille», несравненно-болѣе... неудачная, нежели передѣлка той-же пьесы, исполненная г. П. Федоровымъ и помѣщенная въ «Пантеонѣ». *Дилеттантъ* и *Чудныя встрѣчи*, сколько помнится, извѣстны нашимъ читателямъ. *Дитя тайны* пусть останется тайною для всѣхъ. *Дѣвъ камелии*, можетъ-быть, и взяты изъ жизни, можетъ-быть и вѣтъ; но вѣрно, что это не лучшее изъ заимствованій кн. Кугушева. *Пре-*

кажете, я сама расскажу про Роберта? при известномъ расположеніи духа и физиономіи г. Живокина, можетъ много заставить разсѣяться, но ужь позвольте не распространяться, какъ и почему.

Въ числѣ новостей я обязанъ помянуть еще дебютъ г-жи Ленской, въ роли Маріи, въ «Материнскомъ благословеніи». Г-жа Ленская явилась, была принята какъ, вѣроятно, и сама не ожидала.

Но что за странное начало для сценическаго поприща вся эта мелодраматическая роль Маріи, роль вся изъ эффектовъ, какъ и самая пьеса?

Хореографическая новинка одна: *Фламандская красавица* (La jolie fille de Gand); большой балетъ въ 2 д. и 7 картинахъ. Онъ данъ въ бенефисъ г-жи Санковской 1-й... Г-жи Баркова, стройная, какъ пальма, и прекрасная,—и Панова (М.), миниатюрная, но тоже прекрасная,— вотъ что было лучшаго въ *Фламандской красавицѣ*, кромѣ ея новостности и нѣкоторыхъ нумеровъ музыки.

Новыя пьесы французской сцены слѣдуютъ здѣсь по порядку: *Le domino noir*, op.-com. en 3 a., p. Scribe, musique d'Auber. — *L'échelle des femmes*, com.-vaud. en 2 a., p. Dennery et Decourcelles. — *Le chapeau de paille d'Italie*, com.-vaud. en 5 a., p. Marc-Michel et Labiche. — *La fille d'Hoffmann*, com.-vaud. en 1 a., p. Bayard et Varner. — *Chasse au lion*, com. en 1 a., p. Gustave Vattier et Emile de Najac. — *La queue du diable*, v. fant. en 3 a., p. Clairville et Jules Cordier. — *Jusqu'à minuit*, com.-vaud. en 1 a., p. Dartois et Besseville. — *Le cabaret de Lustucru*, com.-vaud. en 1 a., p. Etienne Arago. — *L'aventurière*, com. en 5 a., p. Emile Augier. — *Un serment*, com.-vaud. en 1 a., p. Latouche. — *Les suites d'un premier lit*, com.-vaud. en 1 a., p. Labiche et Marc-Michel. — *Titu ou la représentation de Robert le diable*, com., paroles d'Ambroise, mus. d'Eugène Dèjazet. — *Mademoiselle de Choisy*, c. v. en 2 a., p. St. Georges et Lopes. — *Les Reines des bals publics*, f.-v. en 1 a., p. Delaporte et Gaston de Montbeau. — *Les incertitudes de Rosette*, c.-v. en 1 a., p. Ernest Serret. Пьесы, безспорно и какъ на подборъ, все болѣе или менѣе бойкія; причемъ гдѣ фарсъ, такъ ужь не прогибайтесь, пущено во-всю; гдѣ комедія — иѣстами водевиль, не исключая и давно-прославленной пьесы Ожье—*L'aventurière*; зато гдѣ водевиль, такъ ужь действительно водевиль, т. е. живая, легкая, не задумывающаяся и не унывающая французская жизнь. Протей французской труппы теперь здѣсь г. Поль-Жене: онъ играетъ и въ комедіи, и въ водевилѣ, и въ фарсѣ; онъ-же будетъ играть и серьезно-драматическую роль; и паясать польку, да еще какъ! Не заключайте изъ этого, чтобъ я хо-

тѣль подтрунить надъ г. Поль-Жене: его дарованіе одно изъ почтенныхъ дарованій, а по своей многосторонности—удивительно. Комикъ-же онъ очень-хорошій. Le domino poig такъ извѣстно, что говорить о немъ нечего.

...Концертамъ, вы знаете, когда еще быть? Однако, уже было два концерта: гитариста, г. Конрада Соколовскаго, и г-жи Генриетты Саломонъ. О г-жѣ Саломонъ, хорошей исполнительницѣ классической музыки, «Московскому Вѣстнику» придется, вѣроятно, поговорить въ слѣдующій разъ, потому-что она обѣщаетъ музыкальныя утра, въ подражаніе петербургскимъ утрамъ г. Контскаго. Что-же касается до г. Соколовскаго, являшагося здѣсь впервые въ 1846 г., и тогда уже обратившаго на себя вниманіе, то должно сказать, что это—виртуозъ замѣчательный, и теперь въ особенности. Гитара, эта испанская балаалайка,—гитара, на которой Испанцы-самоучки разыгрываютъ свои boleros и tigarras, гитара, которая и у насъ на Руси пользуется чрезвычайно двусмысленнымъ кредитомъ, подъ рукою г. Соколовскаго поетъ и... плачетъ, да, гдѣ нужно, и плачетъ. Вслѣдъ за нѣкоторыми французскими и нѣмецкими артистами, вслѣдъ за Соромъ, Агуадо, Гуэрта, Каркасси и нѣкоторыми другими, г. Соколовскій приспособляетъ гитару къ оркестру—очень удовлетворительно, а въ своихъ solo вызываетъ искреннія рукоплесканія. Одну ошибку сдѣлалъ онъ въ своемъ концертѣ—что не сдѣлъ повыше, отчего много-бы выигралъ.

..Чѣмъ же еще дополнить мой сегодняшний бюллетень?

Да ужъ довольствуйтесь, въ видѣ дополненія, вышеприведеннымъ разсказомъ молодого человѣка, врага замѣчательныхъ картинъ г. Фельштейна. Скептикъ онъ, этотъ молодой человѣкъ, — какъ говорилъ милый Карпъ Федосъвичъ,—но, скажу вамъ теперь по секрету, взглядъ его до вольно близко сходится съ моимъ взглядомъ, и ко всему шибъ сказанному я не нахожу возможнымъ прибавить что—нибудь особенное.

И вотъ мы, шутя-шутя, достигли съ вами до послѣдней бесѣды за прошлый годъ.

Наступилъ новый 1853 годъ, и хотя я встрѣчаюсь съ вами не въ первые дни его, но несмотря на то, спѣшу поздравить васъ, благосклонный читатель! Желаю вамъ счастья, денегъ, славы, любви! Читатель, я поднимаю бокалъ! А вы? неужели откажетесь выпить за здоровье русской литературы, за миръ и дружбу фельетонистовъ, критиковъ и журналовъ... и за дальнѣйшій успѣхъ нашего Вѣстника!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ? — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — Первая книга «Отечественныхъ Записокъ». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтъ изъ дней*. В. Крестовскаго. — Переводъ Иліады. — Г. Ордынский и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Усѣченныя прилагательныя, странныя выраженія, тривіальности и провинциализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словаря для возникновенія перевода Иліады. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Заблуда. — В. А. Жуковскій. — *Русская Литература въ 1852 году*. — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость Отечественныхъ Записокъ. — Г. Небольсинъ. — Иностранная Литература и Сибирь. — Сюрпризъ къ Новому году. — Десятая книга Сыма Отечества. — Повѣсть о молодомъ человѣкѣ, написанная молодой дѣвицей. — Смерть В. А. Воилярскаго.

Начиная второй годъ бесѣды съ читателями о русской журналистикѣ, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о нашемъ Вѣстникѣ, въ отвѣтъ на нѣкоторые замѣчанія журналовъ. Весьма немногіе отдали справедливость Вѣстнику; остальные или прешли важнымъ молчаніемъ наши статьи, или назвали ихъ подражаніемъ фельетонамъ другихъ журналовъ. Мы благодаримъ уже тѣ періодическія изданія, которыя оцѣнили труды наши и добросовѣтность при обзорѣ современныхъ журнальныхъ произведеній. Тѣмъ, которые не говорятъ ничего о Вѣстникѣ, онъ, къ несчастію, не могъ отвѣчать тѣмъ же, взявши на себя однажды обязанность — говорить обо всемъ, что является замѣчательнаго въ нашихъ журналахъ, хотябы замѣчательно-слабого и не эстетическаго.

Тѣмъ же, кто обвиняетъ насъ въ подражаніи, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, чтобы доказать несправедливость подобныхъ обвиненій.

Для этого намъ необходимо прежде всего опредѣлить значеніе нашего Вѣстника, дать ему мѣсто въ ряду статей, имѣющихъ цѣль обозрѣніе русскихъ журналовъ. Въ послѣднее время въ нашей литературѣ распространился такъ-называемый фельетонъ, то есть, легкая, веселая, остроумная болтовня, — или, по-крайней мѣрѣ, *долженствоваша быть таковою*. Начавши съ толковъ о погодѣ, о пирожкахъ Иалера, разпыхъ лавочкахъ, и тому подобныхъ не-литературныхъ предметахъ, фельетонъ мало-по-малу перешелъ въ область искусствъ, литературы, эстетики, заговорилъ о важныхъ предметахъ, иногда продолжая перемишивать философскіе вопросы съ промышленными объявленіями, иногда отдѣляя литературу и науку отъ коммерціи, но толкуя по привычкѣ о первыхъ тѣмъ же тономъ, какъ и о послѣдней. Такого рода фельетонъ завладѣлъ, въ послѣднее время, почти всеми русскими журналами, и мы должны бросить бѣглый взглядъ на фельетонъ всехъ нашихъ періодическихъ изданій, чтобы видѣть, въ какой степени нашъ Петербургскій Вѣстникъ похожъ на другіе фельетоны.

Въ настоящее время, старѣйшій фельетонъ принадлежитъ безспорно «Сѣверной Пчелѣ». Всякая Всячина, являющаяся по субботамъ, и Заѣтки, выписки и корреспонденція—по средамъ, говорятъ обо всемъ и между-прочимъ о литературѣ, но только—между прочимъ, потому-что собственно литературный фельетонъ, являющійся, къ сожалѣнію, въ неопредѣленные сроки, принадлежитъ другому лицу, г-ну К***, который разбираетъ только нѣкоторыя произведенія нашей словесности, не говоря ни слова о журналахъ. Въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» фельетоновъ и фельетонистовъ не перечесть: тамъ являются фельетоны и ученые, и промышленные, и объ удовольствіяхъ общественной жизни, и чисто литературные, и театральные, и критическіе, и съ разборами журналовъ, и еще другіе, которые не подходятъ ни подъ какой разрядъ. При такомъ обиліи фельетонистовъ, сверхъ-того часто измѣняющихся и смѣняющихся, немудрено, что одинъ фельетонъ, впадая въ область другаго, противурѣчить своему собрату и говорить объ одномъ и томъ же предметъ вовсе не то, что было сказано нѣсколько времени тому назадъ. Газета, конечно, выигрываетъ отъ этого въ отношеніи разнообразія, которое многіе предпочитаютъ единству. Но о журнальныхъ явленіяхъ газета эта, — заслуживающая впрочемъ полнаго вниманія, — говоритъ непостоянно и какъ-будто мимоходомъ, останавливаясь только на томъ, что всего болѣе занимаетъ читающую публику. «Отечественн.

ннѣ Записки», помѣщая на своихъ страницахъ самыя полныя разборы почти всѣхъ выходящихъ въ Россіи книгъ, о русской журналистикѣ говорятъ немного, вскользь, пропуская иногда не только отдѣльныя статьи въ журналахъ, но и цѣлые нумера, перескакивая отъ одного журнала къ другому, безъ всякой видимой надобности, умалчивая, неизвестно почему, о замѣчательныхъ явленіяхъ журналистики и распространяясь о другихъ, менѣе важныхъ. Къ тому же, подобныя обзоры являютя въ этомъ журналѣ весьма не регулярно.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» утвердиль теперъ свое мѣстопробываніе глава новомодныхъ фельетонистовъ, переѣхавшій туда изъ «Современника» Иногородный Подписчикъ, съ иностраннымъ взглядомъ на русскую литературу и иноземнымъ способомъ выраженія. Объ этомъ фельетонистѣ мы говорили много въ прежнихъ статьяхъ, и потому читатели наши знаютъ, какъ далеки отъ справедливой критической оцѣнки статьи Иногороднаго подписчика, обращающагося съ публикой и писателями самымъ нецеремоннымъ образомъ, говорящаго иногда такіе вещи, какихъ, по счастью, не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ его писемъ.

Мѣсто Иногороднаго Подписчика въ «Современникѣ» заступилъ его подражатель Новый Поэтъ, съ которымъ также знакомы по нашимъ статьямъ читатели «Пантеона». Тонъ фельетонновъ этого поэта немногимъ скромнѣе тона Подписчика; у перваго такая же претензія на бонтонность и свѣтскость, какъ у послѣдняго на любезность и энциклопедичность; и тотъ и другой говорятъ о себѣ больше, чѣмъ о разбираемыхъ ими журналахъ, изъ всѣхъ силъ стараются быть остроумными, и оба не достигаютъ цѣли. Разница между ними еще та, что Поэтъ пишетъ стихи, а Подписчикъ только любитъ ихъ, что нисколько не мѣшаетъ ему не знать даже механизма стихосложенія, и серьезно доказывать, что спросить въ стихахъ: «проглянетъ-ли завтра солнце»?—значитъ не знать астрономіи; кромѣ-того, Поэтъ пишетъ статьи гораздо короче Подписчика, хотя и акуратно каждый мѣсяць, а Подписчикъ исчезаетъ по временамъ на цѣлые полгода пить Нарзанъ, тогда какъ Новый Поэтъ не пьетъ наравнѣ.

Быль недавно между современными фельетонистами еще одинъ, вымкнвшійся сентенціями и афоризмами, но статьи его болѣе не появляются.

Читатели лучше всего увидятъ сами: похожъ ли нашъ Вѣстникъ на всѣ названныя нами фельетоны. Мы не говоримъ вовсе о себѣ и стараемся какъ можно рѣже говорить, въ статьяхъ о журналистикѣ, о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ петербургскихъ журналовъ. Цѣль наша — представить по возможности полный обзоръ всѣхъ замѣчательныхъ ста-

тей этихъ журналовъ, разобрать критически ихъ достоинства и недостатки. Мы не пропускаемъ ни одного нумера, ни одного произведенія, хорошаго, или дурнаго, безъ того, чтобы не отмѣтить его на нашихъ страницахъ хоть нѣсколькими строками. Само собою разумѣется, что мы не можемъ говорить подробно о каждой статьѣ нашихъ журналовъ, да и врядъ ли кто потребуетъ этого. Въ такомъ случаѣ разборъ могъ бы выдти больше разбираемой статьи, не послуживъ ровно ни къ чему. Легко можетъ быть, что мы ошибаемся въ нашихъ сужденіяхъ, но думаемъ, что высказываемъ ихъ съ полною добросовѣстностію, не имѣя пристрастія ни къ одному изъ нашихъ изданій, не руководствуясь никакими условіями, кромѣ эстетическихъ требованій изящнаго. Мы считаемъ критическую оцѣнку произведеній дѣломъ серьезнымъ, требующимъ уваженія къ этому дѣлу отъ того, кто за него берется, и если иногда позволяемъ себѣ легкія шутки надъ слабыми произведеніями, то потому только, что есть произведенія, которыя нельзя разбирать серьезно, какъ есть люди, которыхъ скорѣе можно убѣдить насмѣшкой, чѣмъ силлогизмомъ. Ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы мы играть словами и забавлять читателей наборомъ фразъ, вовсе неидущихъ къ дѣлу. Рецензентъ долженъ прежде всего приобрести довѣріе читателей, потому-что не можетъ на каждомъ шагу цитатами доказывать справедливость своихъ положеній: необходимо, чтобы ему вѣрили и на-слово, когда онъ произноситъ приговоръ какому-нибудь произведенію.

Слѣдовательно, статьи наши нельзя ни въ какомъ случаѣ назвать фельетономъ, а тѣмъ менѣе фельетономъ подражательнымъ, потому-что разборовъ, подобныхъ нашимъ, нѣтъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи, и если ихъ нельзя отнести къ строго-эстетической, серьезной критикѣ, то они еще дальше отъ фельетона. Самое названіе, впрочемъ, вполне характеризуетъ ихъ: статьи эти *Вѣстникъ петербургской журналистики* — ни больше, ни меньше. Цѣль ихъ очень проста и ясна, и мы желали бы, чтобы наши фельетонисты также просто и ясно сознавали цѣль своихъ фельетоновъ....

Переходимъ теперь къ первымъ книжкамъ петербургскихъ журналовъ, и начинаемъ обычный разборъ ихъ съ того журнала, который явился раньше прочихъ своихъ собратьевъ и который мы всегда почитали лучше, разнообразнѣе, дѣльнѣе и серьезнѣе прочихъ.

Первая книга «Отечественныхъ Записокъ» по наружности ничѣмъ не отличается отъ прошлогоднихъ, также какъ не отличается отъ нихъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Если и бываетъ иногда, что одни нумера этого журнала слабѣе другихъ — чего иногда нельзя избѣжать, — то разница эта чисто случайная и не-

обуславливается никогда началомъ, окончаніемъ года, лѣтними мѣсяцами или какими-нибудь другими уваженіями, принимаемыми иногда въ расчетъ другими журналами. «Отечественныя Записки» утвердились такъ прочно въ нашей публикѣ, что имъ не нужно пускать пыль въ глаза первымъ номеромъ, съ тѣмъ, чтобы остальные одиннадцать мѣсяцовъ этотъ номеръ служилъ всѣмъ прочимъ какимъ-то недостижимымъ идеаломъ.

По отдѣлу беллетристики первая книга «Отечественныхъ Записокъ» очень богата; этотъ отдѣлъ занимаетъ почти полъ-книги; въ немъ помѣщена первая часть романа г-жи Т. Ч. «Дина», писательницы съ большимъ дарованіемъ, о которой мы поговоримъ когда кончится романъ; продолженіе романа Самюэля Варрена — *Тяжба*; первые три рапсодіи Пляды, въ переводѣ г. Ордынскаго, и небольшой рассказъ «Нѣсколько лѣтнихъ дней» — другой дамы писательницы, печатающей свои произведенія подѣ псевдонимомъ В. *Крестовскаго*.

«Нѣсколько лѣтнихъ дней» небольшой, но чрезвычайно граціозный рассказъ. Поэты давно уже называли весну и лѣто порою любви. Въ эту поэтическую пору одна дѣвушка — Варенька, гостившая у своей родственницы, отъ нечего дѣлать, влюбляется въ гувернера своего двоюроднаго брата. Въ этоже время останавливается у нихъ-же, проездомъ, ея подруга — Соня. Варенька робка; она не знаетъ даже, дѣйствительно-ли ей нравится Артеминъ (гувернеръ), или она обратила на него вниманіе отъ скуки, оттого, что кромѣ его не было никого подлѣ нея, — или наконецъ просто оттого, что въ это время стояли прекрасные лѣтніе дни. Она признается своей подругѣ, что просто хотѣла-бы наполнить чѣмъ-нибудь эти несносные, долгіе, жаркіе дни. Соня берется начать комедію съ гувернеромъ, съ тѣмъ, чтобы подруга продолжала ее послѣ. Комедія начинается, чѣмъ бы она кончилась — знаетъ одна судьба, но Соня остается у подруги только три дня, къ тому же Артеминъ человекъ опытный; онъ понимаетъ, что имъ забавляются; Соня тоже замѣчаетъ, что Артемина не легко обмануть притворной привязанностью. Она уѣзжаетъ недовольная комедіею, которую сама затѣяла, унося, можетъ-быть, въ сердцѣ затаенную досаду несбывшихся мечтаній, непонятнаго чувства, которое ей самой высказывается смутно, неопредѣленно. Но еще болѣе недовольна и Артеминымъ, и своею подругою, и цѣлымъ свѣтомъ бѣдная Варенька. Холодно простилась она со своею подругой, а послѣдній разговоръ съ Артеминымъ убилъ въ ней окончательно всякое чувство. Онъ ясно и смѣясь высказалъ ей, что женщины, изъ врожденнаго кокетства, принимаютъ иногда на себя маску чувства и играютъ любовью, какъ мячикомъ, но что онъ очень хорошо

понимаетъ эти маневры, и если допускалъ себя обманывать, то для того только, чтобы доставить себѣ удовольствіе спросить подъ конецъ, какъ Фигаро въ комедіи Бомарше: кого-же здѣсь обманываютъ? Послѣ этихъ словъ Варенька конечно не продолжаетъ разговора, и зерно любви и чувства, которое могло бы распусться пышнымъ цвѣткомъ, умираетъ безплодно въ ея сердцѣ.

Мы представили только блѣдный очеркъ этого поэтического разсказа, въ которомъ все такъ неполно и такъ глубоко, такъ недосказано и въ тоже время такъ ясно. На этихъ немногихъ страницахъ высказано столько мысли и чувства, что ихъ стало бы на многотомный разсказъ. Это, если хотите, не тщательно отдѣланная картина художника, а скорѣе эскизъ, набросанный смѣло и широкою кистью, въ которомъ видна однакоже рука художника. Характеры героинь разсказа, Вареньки и въ особенности Соня, очерчены превосходно въ нѣсколькихъ сценахъ; даже второстепенныя лица, какъ тетюшка Вареньки и ея кузень прекрасно изображены въ нѣсколькихъ словахъ. Мы бы желали только, чтобы Артемиѣ высказался нѣсколько яснѣе и опредѣлительнѣе. О его характерѣ у читателя остается довольно смутное понятіе. Почему этотъ человекъ такъ хорошо понимаетъ съ перваго слова, что съ нимъ играютъ комедію? отчего онъ не увлекается и не хочетъ увлекать? Дѣйствительно ли онъ лицо холодное, эгоистическое, неспособное чувствовать, — или только хочетъ казаться такимъ? На эти вопросы повѣсть не даетъ отвѣта, а намъ кажется, что она вышла бы полнѣе, еслибы Артемиѣ былъ очерченъ такъ-же рельефно, какъ Соня. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ видѣ этотъ разсказъ займетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ, и «Отечественныя Записки», напечатавъ его, положили прекрасное начало своему беллетристическому отдѣлу 1853 года. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать изъ него нѣсколько мыслей, составляющихъ основную тему разсказа:

Женщины особенно любятъ сострадать; вѣчно чувствуя или воображая себя угнетенными, онѣ рады встрѣтить существо обиженное, также какъ рады, даже случайно, встрѣтить въ зеркалѣ свое отраженіе. Тогда (можетъ-быть, чтобы оправдаться предъ собою, можетъ-быть потому, что всякая женщина болѣе или менѣе выросла въ романтическихъ идеяхъ) эгоизмъ ихъ видитъ въ этомъ состраданіи что-то возвышенное, называетъ его сродствомъ душъ, и радуется тому, что имѣетъ предлогъ находить въ себѣ неисчерпаемые источники любви и силы. Послѣднее особенно важно. Въ женщинахъ, можетъ-быть, нѣтъ страсти выше страсти покровительствовать, защищать и спасать. Это ихъ идея, надежда, стремленіе и цѣль, и онѣ думаютъ, что достигаютъ ее, часто поступая какъ дѣти; часто, чтобы утѣшать себя, дополняя дѣйствія

тельность—мечтами, которыя создаетъ ихъ воображеніе... Такъ бѣдняки всегда видятъ себя во снѣ богатыми....

Жаль одного. Начавъ сострадать, казалось бы, съ очель чувствительной цѣлю, женщины, — должно-быть по врожденной хлопотливости, обрацають чувство въ дѣло и продолжаютъ и оканчивають его съ одной цѣлю: какъ-нибудь занять время, котораго у нихъ всегда слишкомъ много. Эгоизмъ ихъ, прикрытый громкими и игривыми фразами, проглядываетъ наружу, потому-что, заботясь о другихъ, утѣшительницы болѣе всего хлопочуть о томъ, чтобъ имъ самимъ было не скучно утѣшать и заботиться.

Къ сожалѣнію, тоже можно сказать и о любви. Это чувство вообще и чаще всего является въ видѣ прихоти, въ видѣ необходимости заняться, подѣ благовиднымъ предлогомъ, что время потрачено не напрасно, что тратя его — чувствовали, слѣдовательно были людьми.... Къ тому же, что можетъ быть занимательнѣе всѣхъ этихъ маленькыхъ волненій, приключеній, ожиданій, такъ хорошо наполняющихъ часы, которые безъ того было бы некуда дѣвать? Главное чувство этого занятія состоитъ въ желаніи заняться какъ можно сильнѣе, не оставить себѣ ни минуты на размышленіе, въ стараніи прожить свой день не заглядывая дальше, и главнѣйшее, — въ совершенной беззаботности о предметѣ любви, хорошо-ли ему, что онъ любимъ, лишь бы вамъ самимъ не надобно любить....

Принято утверждать, что это любимая забава мужчинъ; должно сказать однако, что это еще болѣе занятіе женщинъ. На безлюдья, въ скукѣ, мужчина еще, можетъ-быть, развеселится чѣмъ-нибудь другимъ; женщина непременно будетъ искать поклонника, будетъ стараться употребить время съ пользою.... Мы даже видѣли эти слова, написанныя, какъ девизъ, какъ афоризмъ, рукою одной молодой дѣвушки на вотахъ другой молодой дѣвушки.

И эта забава такъ необходима, такъ вошла въ привычку у женщинъ, онѣ принимаютъ за нее такъ свободно и расстаются съ нею такъ легко, что.... что онѣ потеряли право жаловаться, если даже ихъ истинное чувство будетъ встрѣчено сомнѣніемъ; а въ дурной часъ, можетъ-быть, и насмѣшкой.

Остается только разобрать, должны-ли правыя, то есть тѣ, которыя въ самомъ дѣлѣ истинно полюбить, отвѣчать за вины неправыхъ и выносить сомнѣнія и насмѣшки только потому, что съ перваго взгляда кажется, будто и онѣ забавляются, какъ забавляются виноватыя?...

Самый важный трудъ, начатый въ первой книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», безпорно, новый переводъ Иліады въ прозѣ. Переводы г. Ордынскаго уже извѣстны читателямъ. Это весьма опытный знатокъ греческаго языка и классической древности, и статьи его о древнемъ мірѣ были замѣчены всѣми любителями Элады и языческаго Рима, хотя въ то же время справедливо находили въ статьяхъ его въ некоторомъ рѣдкѣ сухость въ изложеніи, и мѣстами даже тяжелый слогъ. Теперь

г. Ордынскій задумалъ перевести Илиаду простонароднымъ и вѣстѣ съ тѣмъ эпическимъ языкомъ. Мысль эта не новая; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Сенковскій утверждалъ, что Илиаду иначе перевести нельзя и не должно, и даже приводилъ примѣры тому, какъ надобно переводить ее. Гекзаметръ г. Сенковского, писанный языкомъ простонародныхъ сказокъ, переходилъ однакоже въ тривіальность, и переводчикъ съ намѣреніемъ употреблялъ самыя низкія выраженія, чтобы придать болѣе комизма и юмора своему переводу. Тонъ перевода г. Ордынского гораздо приличнѣе и благороднѣе; но достигнулъ ли новый переводчикъ своей цѣли, дѣйствительно ли языкъ его перевода точно такой, какимъ должно переводить Гомера — въ этомъ мы позволяемъ себѣ усомниться, хотя и отдаемъ полную справедливость труду и познаніямъ г. Ордынского.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Гомера надо переводить, подходить какъ можно ближе къ самому простому, разговорному, всѣмъ понятному, пожалуй даже простонародному языку, но гдѣ границы между выраженіями простонародными и тривіальными, общеупотребительными и низкими? какъ найти черту, перейдя за которую, народное слово дѣлается уже площаднымъ, простота обращается въ неестественность, въ грубость, въ изысканность? Всякій пойметъ, что нужно огромное дарованіе, чтобы выбирать выраженія простыя и вѣстѣ съ тѣмъ не площадныя, чтобы сохранить постоянно строгое благородство языка, даже въ изображеніи самыхъ обыкновенныхъ предметовъ. А противъ этого г. Ордынскій грѣшитъ чуть не на каждомъ шагу, что мы постараемся доказать.

Прежде всего спросимъ мы его: съ какою цѣлью разсыпалъ онъ въ своемъ переводѣ такое множество чисто простонародныхъ выраженій, неупотребляющихся никогда въ самомъ простомъ всѣдневномъ разговорѣ? Странно было бы думать, что наши простолудныя будутъ читать Илиаду. Эпосъ Гомера слишкомъ далекъ отъ ихъ понятій, взгляда на жизнь, условій и требованій общества, въ которомъ они живутъ; у нихъ нѣтъ ничего общаго съ древнимъ міромъ, и для того, чтобы полюбить его, принять въ немъ участіе, мало обыкновеннаго образованія свѣтскаго человѣка, мало даже ученаго образованія, но не направленнаго именно въ эту сторону. Есть и въ нашемъ кругу много очень образованныхъ лицъ, съ огромными дарованіями въ разныхъ родахъ, для которыхъ Гомеръ непойнтень и незанимателенъ. Если г. Ордынскій хотѣлъ познакомить съ Гомеромъ людей образованныхъ, то для того, чтобы объяснить имъ Гомера, вовсе ненужно было переводить его сказочнымъ, простонароднымъ языкомъ, и языкъ этотъ тѣмъ тяжелѣе у г. Ордынского, что

сблживается часто съ эпическимъ и употребляетъ выраженія, выпадающія въ другую крайность, въ такъ называвшійся нѣкогда *высокій слогъ*, столько же неупотребительный въ языкѣ обыкновенномъ, какъ и слогъ низкій.

Стало-быть, по нашему мнѣнiю. г. Ордынскій ошибся, прибѣгнувъ въ своемъ переводѣ къ языку *простонародному*, тогда какъ ему слѣдовало бы говорить только *простымъ* языкомъ. Разница между этими способами такъ невелика, что стоило бы уничтожить только нѣкоторыя выраженія, — и вообще какъ говорится: поизгладить мѣстами слогъ, чтобы переводъ вышелъ вполне безукоризненный. Примеры лучше всего объясняютъ наше мнѣнiе.

Вотъ переводъ первыхъ стиховъ *Илиады*:

«Воспой, богиня, гнѣвъ Ахилла *Пелеевича*, пагубный гнѣвъ! тѣмъ бѣдъ онъ надѣлалъ Ахеямъ, много могучихъ душъ богатырскихъ *спровадилъ* къ Анду, а тѣла ихъ досталось въ добычу псамъ и воронамъ; была же на то воля Зевеса. Такъ было съ тѣхъ поръ, какъ *повздорили* князь *Атреевичъ* и свѣтъ Ахиллъ.»

Читатель видитъ, какъ немного надо сдѣлать измѣненiй въ этой фразѣ, чтобы она вышла безукоризненною: вмѣсто слова *спровадилъ* поставить — *отправилъ*, вмѣсто *повздорили*, поссорились, выбросятъ не нужную частицу *же*; выраженiе *свѣтъ-Ахиллъ* замѣнить прилагательнымъ, хотя тѣмъ же *свѣтлый*, и вмѣсто *Атреевичей* и *Пелеевичей* ввести уже давно принятыхъ и освященныхъ употребленiемъ *Атридовъ* и *Пелидовъ*, звучащихъ для русскаго уха лучше этихъ окончанiй по-отчеству, которымъ довольно ихъ вседневнаго употребленiя. Право надобно, чтобы какой-нибудь Иванъ Ивановичъ отличался отъ Агамемнона Атреевича.

Стараясь, быть простонароднымъ. г. Ордынскій впадаетъ часто въ высканность и натянutosть. Къ чему, напримѣръ, эти усѣченныя окончанiя, понятныя въ стихахъ, но неумѣстныя въ прозѣ, эти *быстры-корабли*, *черна-кровь*, *жирны-бедра*, *скорь корабль*, *крѣпкодушны-Ахеи*, *миль товарищъ*? Зачѣмъ, въ приведенной нами выше фразѣ называть Агамемнона *княземъ*, также, какъ потомъ Апполона и даже самого Зевеса? Конечно, это подстрочный переводъ слова *υἱ*; но бѣдъ Гомеръ употребляетъ выраженiя *αυξ.*, *ατι υ.*, *βασιλευς* какъ синонимы, тамъ, гдѣ метръ стиха требовалъ одного изъ этихъ словъ, — для чего же держаться въ прозѣ подобной точности, заставляющей только улыбнуться при названiи князя Зевеса?

Приведемъ теперь еще нѣсколько странныхъ выраженiй перевода, изъ которыхъ многія даже противны свойству русскаго языка, какъ

напримѣръ, эпитетъ Апполона: *Далековержець*. Русскій человекъ поврѣменно спроситъ послѣ этого чего? «*Ладно обутые Ахей*, — война и ява *доммають* Ахеевъ; — *стобычье*, корабли *скулистые*, Пелеевичу за бѣду стало, — осерчалъ я, люто побили ихъ, не хоти спорить, славомъ *кчась*, *миле* тебѣ втай отъ меня дѣла вершить, напушусь на тебѣ, наложу руки не оборныя, ты мнѣ больше противѣшь, сошвырнулъ съ перога, сробѣла честнѣ Гера, гдѣ сыпалъ, когда одолить его сонъ, учинился возвратъ Ахеймъ, не хоти перечить, корабли много уключенныя, *кчась* крыльями, голосъ некрушмый, честнѣ-дѣвица, гостепрїимецъ, мечъ сѣреброгводный, зычный витїя,» — употребленіе выраженїя *чаю* вмѣсто думаю, — все это, понашему мнѣнію, напрасныя и изысканныя *простонародности*, тѣмъ болѣе неумѣстныя, что рядомъ съ ними употребляются выраженїя книжныя: *сколь* я выше тебѣ, смѣхъ *негаскмый*, *востанъ* воини, *клянуся симъ* жезломъ, розоперстная заря, и т. п. Очень часто употребляетъ г. Ордынскій эпитетъ *неподобный*, въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ встрѣчается у Кирши Давилова; но мало ли какихъ словъ нѣтъ у Кирши Давилова, неужели ихъ необходимо употреблять, перевода Илиаду? Эпитетъ *выводное* море также не совсѣмъ удаченъ, *слезы лючи* изысканно; эпитетъ *строителей* народовъ — темень и гораздо удобнѣе могъ бы замѣненъ *устроителями*; Зевсъ *гремящій*, а не *гремучій*, потому-что Зевсъ не порохъ; волна *багрцовая*, вмѣсто багряная; что за выраженїе: тосковалъ по *бою-битю*. Если переводчикъ объясняетъ слово *волоока* — ивѣющая большіе глаза, что совершенно справедливо, то и слѣдовало переводить *ведѣ* такимъ же образомъ этотъ эпитетъ, а не называть Геру то волоокой, то волоокою, какъ Аонну то сѣроглазой, то сѣроокой. Нѣкоторыя выраженїя заставляютъ даже улыбаться, хотя переводчикъ очевидно метилъ въ этихъ случаяхъ на красоту слога, напримѣръ: «*распѣвали* музы по очереди гласомъ прекраснымъ.» Выраженїе *громецъ* Гефестъ также изыскано, какъ и употребленїе вмѣсто олицетвореннаго сна названїя *Морока*. Вмѣсто одѣться, облечься, переводчикъ постоянно употребляетъ слово: *оболокнуть*, *оболокнуться*. Выраженїя: а *нута-ка*, а *ну-ко*, такъ такъ-то, *ахти* — безъ всякой нужды встрѣчаются очень часто; употребленїе мѣстоимѣнїя — что, вмѣсто *который*, и *таковой*, вмѣсто *какой*, *каково* — вмѣсто *какъ*, также напрасно; выраженїя: *вправѣ* блистать молніей нельзя употребить вмѣсто: *блистать* съ правой стороны; *грануть* отовсюду вѣтры вояческіе — также странное выраженїе; къ чему говорить: *уйти отъ труда* Ареева — вмѣсто: *уйти отъ кары* Арея. *отростель* — вмѣсто *отрасль*? Что значитъ: «*умѣнье* строить коней и мужей *щитниковъ*»? Зачѣмъ такая изысканность во фразѣ: «*теперь*

ужь его содержала черна-земля? Зачѣмъ, вмѣсто побочный сынъ, употребить совершенно неизвѣстное слово *сурасъ*, найденное въ какихъ-то очеркахъ Сибири? Замѣтимъ, что подобныхъ провинциализмовъ у г. Ордынскаго очень много: онъ говоритъ, *атара* вмѣсто стадо, *супарли* — Амазонки, *яловець* — гребень на шлемѣ; *юро*, вмѣсто слѣдъ судна на водѣ. Чтобы понимать Гомера въ его переводѣ, надо изучить Областной Словарь мѣстныхъ русскихъ нарѣчій.

И подлѣ подобныхъ провинциализмовъ снова появляются образчики высокаго слога: Птелей злачный, наикрасивѣйшая изъ дочерей, ярь въ битвѣ копейной, топоръ нерушимый, ливень несказанный, перемѣшанные съ *сутолокой*, *серебробучальнымъ*, *сподручныи*, *страшное суностатство*, *чаялъ отмстить лиходью*, *глубоки корабли*, *вышивала разныя удачи богатырскія*, *лучше бы мнѣ смерть люта яжмилась*, *вдругожды*, *свѣтъ-Елена долополая*, *бирючи почестные*, *смѣшали въ чашку вина*, *слово нѣкое*. (При этомъ очень любопытно примѣчаніе, въ которомъ переводчикъ говоритъ, что употребилъ *нѣкой* вмѣсто какой-то, потому, что такъ говорится въ Псковской губерніи), *мозгъ на земь потечеть*, *второй мануцался съ мѣдью Атреичъ Менелай*, *смѣшки-любящая Афродита помутими душу Елень*, *паридовъ жеребій*, *Илій вътрисый*, *отпрыскъ отъ воды Стига*, *отче Зевесъ супротивъ тебѣ нѣтъ другога бога пагубнѣе...*

Останавливаемся на этомъ, замѣтивъ, что перечислили только главнѣйшія странности перевода трехъ первыхъ рапсодій. Какъ ни много подобныхъ выраженій у г. Ордынскаго, но исправить ихъ, замѣнить другими очень легко. Найдеть ли онъ это нужнымъ, согласятся ли читатели съ нашимъ мнѣніемъ, это другой вопросъ. Мы считали только своею обязанностью высказать это мнѣніе, изъ уваженія къ такому труду, какъ переводъ *Илиады*.

Не можемъ также не замѣтить, прощаясь съ этимъ трудомъ до слѣдующей книжки «Отечественныхъ Записокъ», что намъ кажется страннымъ правописаніе г. Ордынскаго въ нѣкоторыхъ греческихъ словахъ: такъ онъ пишетъ *Стигъ* вмѣсто *Стиксъ*, *Паридъ* вмѣсто *Парисъ*, *Каллаювъ* вмѣсто *Калхасъ*, *Тесей* вмѣсто *Тезей*, *Илій* вмѣсто *Иліонъ*; *Гелій*, *Аргъ*, *Родъ*, вмѣсто *Геліосъ*, *Аргосъ*, *Родосъ*. Замѣнять *фитомъ* греческую *тету* старая попытка, никогда у насъ непринимавшаяся, потому-что тогда слѣдовало бы переименовать множество словъ, получившихъ давно уже право гражданства въ русскомъ языкѣ, какъ *театръ*, и др. Также исторія была и съ буквою (ъ) *эта*, которою хотѣли замѣнить русскимъ звукомъ *и*; имя *Париса* также очень обрусѣло и за-

мѣнять его Паридомъ, и даже, еще чаще, Александромъ, не зачѣмъ. Что же касается до отбрасыванія окончаній собственныхъ греческихъ именъ *осъ* и *омъ*, въ этомъ случаѣ переводчикъ противорѣчитъ самъ себя. Пишетъ же онъ самъ: Итонъ, Антронъ, Мееонъ, Олизонъ наконецъ Агамемнонъ, Апполонъ—отчего же ему не хочется писать *Илиомъ*, какъ пишетъ вся Европа? Развѣ *Илій* благозвучнѣе? Въ именахъ: Аргосъ, Гелиосъ Родосъ, *осъ* точно такое же родовое окончаніе, какъ и *омъ*. Можетъ-быть усѣченныя окончанія и правильнѣе, но *usus turgidus* ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить ихъ, потому-что они освящены вѣковою давностью. Вѣдь переводить же и самъ г. Орданской Илиаду Гомера, тогда какъ имя *Омиръ* гораздо правильнѣе?..

Изъ ученыхъ статей этой книги «Отечественныхъ Записокъ» первое мѣсто принадлежитъ статьѣ г. Забѣлина: *Домашній бытъ русскихъ царей прешняго времени*, заключающей въ себѣ, по возможности полную и подробную картину семейной жизни нашихъ государей до петровскихъ временъ. Каждая строка этой статьи имѣетъ высочайшій интересъ для историка и археолога, и обнаруживаетъ въ авторѣ огромныя познанія, добытыя постояннымъ, настойчивымъ трудомъ.

Мы гораздо менѣе довольны статьею о Василии Андреевичѣ Жуковскомъ со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности. Много высказано въ ней дѣльныхъ замѣчаній, но со многими положеніями автора нельзя согласится вполне, и сколько намъ кажется, сама длиннота статьи, очень многословной, мѣшаетъ ея ясности и опредѣлительности. Мѣстами, слогъ этой статьи кажется намъ также уже слишкомъ возвышеннымъ. Вотъ для примѣра первая строка статьи:

«Девятнадцатый вѣкъ, столь щедро надѣляющій исторію новыми, неожиданными судьбами, вступая въ свой путь, пріѣтствовалъ нашу умственную жизнь приношеніемъ ей начатковъ новой животворной силы».

Опредѣленіе поэзіи въ этой статьѣ кажется намъ слишкомъ широко и неточно: «Поэзія прежде всего есть *чувство* вѣчной истины и благоговѣнное вѣрованіе въ разумный, божественный порядокъ жизни». Не думаемъ также, чтобы о переводахъ Жуковскаго можно было выразиться такимъ образомъ:

«Всѣ они прешли сквозь его сердце, и восчувствованные, возрожденные его любовью, въ прекрасномъ словѣ страны имъ чуждой, стали плотію отъ плоти и костію отъ костей его». Задачу поэзіи авторъ опредѣляетъ слѣдующими, не совсемъ понятными для насъ, словами: «Низводить дѣйствительность до идей, и тѣже самыя идеи облакать въ новую, сообразную съ ними дѣйствительность, и сходную съ первою, и несходную, сходную законами, несходную совершенствомъ и полнотою».

явленій». Не понимаемъ также мысли, что Жуковскій связанъ прагматически съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ исторіи нашей поэзіи. Въ фразѣ: «въ полуночномъ мракѣ сверкаетъ мгновенный, двусмысленный свѣтъ» вмѣсто слова *двусмысленный* очевидно должно быть употреблено таинственный. Слѣдующая за этимъ отъѣвка риторическаго лиризма, господствовавшая нѣкогда въ нашей литературѣ, написана прекрасно; но сравненіе Жуковскаго и Пушкина съ прекрасными видами и очаровательной мѣстностью, кажется намъ нѣсколько изысканнымъ. Разбирая стихотвореніе: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», авторъ соглашается съ тѣмъ, что лица, выведенныя авторомъ, очерчены единообразно и краски ихъ блѣдны, но не находитъ этого въ портретахъ главныхъ дѣятелей войны. Думаемъ, что даже приведенная имъ въ примѣръ строфа довольно слаба. Чтó значитъ выраженіе:

Мы тверды: вождь нашъ перешелъ
Путь гибели и чести.

И можно ли сказать въ послѣднемъ стихѣ, вмѣсто: Богъ отмститъ за насъ—Богъ намъ мщенье?

Статья о русской литературѣ въ 1852 году почти вся занята разборомъ фельетоновъ Иногороднаго Подписчика и Новаго Поэта; все это очень длинно, а главное все это вовсе не литература. «Львы въ провинціи» и повѣсти г. Писемскаго разобраны очень вѣрно, и объ нихъ мы говорили почти тоже самое въ свое время; о другихъ замѣчательныхъ явленіяхъ прошлаго года сказано немного, и читатель, болѣею частью отсылается къ прежнимъ разборамъ этихъ явленій. Замѣтимъ также автору этой статьи, что онъ напрасно причисляетъ «Вѣстникъ Пантеона» къ подражателямъ «Иногороднаго Подписчика» и называетъ самый журналъ *уклончивымъ*. «Пантеонъ» не уклонялся никогда ни отъ какаго вопроса, касающагося до литературы, но высказывая всегда прямо свое мнѣніе обо всѣхъ явленіяхъ, не стѣснялся никакими отношеніями, чего мы не можемъ сказать объ «Отечественныхъ Запискахъ». Еще недавно имѣли мы случай доказать это, по поводу разбора очень слабой книги «Литературные досуги», о которой журналъ этотъ отозвался весьма уклончиво; а теперь, въ этой самой статьѣ о русской литературѣ, видимъ другой, еще болѣе рѣзкій примѣръ уклончивости. «Отечественныя Записки», весьма рѣдко печатающіе стихи, сдѣлали въ прошломъ году исключеніе для весьма замѣчательныхъ стихотвореній г-жи Хвощинской. Потомъ Новый Поэтъ и «Москвитянинъ» сказали, что этимъ стихотвореніямъ придаютъ уже слишкомъ много важности, «Москвитянинъ» сказалъ даже прямо, что хвалить ихъ могутъ только люди безъ

вкуса, — и «Отечественныя Записки», вѣроятно, боясь прослыть за журналъ безъ вкуса, благоразумно умолчали, при разборѣ поэтическихъ произведеній прошлаго года, объ этихъ дѣйствительно прекрасныхъ стихахъ. Какъ же это назвать иначе, какъ не уклончивостью? Слишкомъ тридцать страницъ этой статьи заняты разборомъ русскихъ фельетоновъ.

Библиографическая хроника этой книги не велика, «Смѣсь» также, но въ послѣдней есть очень интересная, примѣчательная статья П. И. Небольсина: Разказы Проѣзжаго, въ которой авторъ выводитъ на сцену любопытное лице Меценатина, больного, капризнаго, оригинальнаго старика, сдѣлавшаго однако же множество важныхъ пожертвованій въ пользу наукъ и сильно заботящагося о процвѣтаніи отечества. Одно только не совсѣмъ понравилось намъ въ этой статьѣ: авторъ ея очень холодно говоритъ объ этомъ лицѣ, во всякомъ случаѣ заслуживающемъ полного уваженія и оказавшемъ даже пособіе самому автору, поэтому мы и хотѣли бы найти въ авторѣ немножко побольше теплоты и сочувствія къ старику, у котораго, безъ сомнѣнія, много странностей, но странности эти не должно было бы взвѣшивать, выставять и анализировать съ юпитеровскимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Меценатину можно извинить всѣ его слабости, или, по-крайней-мѣрѣ, не обрисовывать ихъ съ такимъ анатомическимъ равнодушіемъ. Пріятно найти умъ въ человѣкѣ, но, еще пріятнѣе найти въ немъ сердце....

Чрезвычайно интересны три статьи въ Иностранной Литературѣ. Біографіи Шанфора и Шеллея являются чуть ли не въ первый разъ на русскомъ языкѣ, и весьма хорошо составлены, но еще замѣчательнѣе разборъ и переводъ «Пѣсни о Роландѣ», эпической поэмы XI столѣтія, въ которой столько первокласныхъ красотъ, что надо удивляться, почему она не столько извѣстна, какъ заслуживала этого.

Новости наукъ, искусствъ и литературы и петербургскія замѣтки также очень занимательны.

О первыхъ книжкахъ «Современника» и «Библіотеки для Чтенія» поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, а теперь скажемъ, что около новаго года появилась десятая книга «Сына Отечества». Во второй половинѣ этой книги, посвященной не политикѣ, а собственной литературѣ, есть очень хорошая статья: Гальанизмъ и практическія его приложенія, и начало французской повѣсти Амедея Ашара. Есть тоже въ этой книгѣ немножко смѣси и бібліографіи, есть даже русская повѣсть, разказъ молодаго человѣка, написанный, какъ сказано въ примѣчаніи, молодой дѣвчонкой. Въ этой повѣсти молодой человѣкъ, пріѣхавшій по дѣламъ въ удавный городъ и приготовившійся тамъ скучать, не скучаетъ потому-

что встрѣтятъ очень маленькую дѣвочку, Надю, и достойныхъ ея родителей. Повѣсть очень интересная и поучительная,

Упомянемъ еще о потерѣ, которую въ началѣ нынѣшняго года понесла наша литература въ лицѣ г. Волярлярскаго, писателя съ большимъ дарованіемъ, хотя и торопившагося писать въ послѣднее время. У насъ не такъ много писателей, чтобы подобныя потери были нечувствительны для русской литературы. Г. Волярлярскій могъ сдѣлать еще много хорошаго, начавъ писать весьма недавно. Отъ души пожалѣемъ объ немъ и о читателяхъ, которыхъ у него было не мало.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія: по Волгѣ, въ Америку и во всеѣ страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта.

Все журналы! Развѣ книги совсѣмъ вывелись на Русь? — Поищите, отнюдь не вывелись — онѣ, по-прежнему выводятся, если не влохновеніемъ, то искусственно, какъ цыплята въ паровыхъ печахъ. Вотъ цѣлая груда всевозможныхъ форматовъ, отъ четвертой до шестнадцатой доли листа, съ цифрою только что наступившаго 1853 года. Но «Пантеонъ» будетъ бесѣдовать съ вами лишь о тѣхъ книгахъ, которыя, прямо или косвенно, сопрясаются съ искусствомъ, съ собственной литературою*, и, по давней слабости своей къ театру, начнетъ съ извѣстныхъ, непосредственно ему посвященныхъ...

Первое изъ нихъ называется *Театраль*... Кто изъ столичныхъ жителей, и даже изъ обитателей губернскихъ городовъ, не бывалъ хоть разъ въ жизни «театраломъ»... иной въ первой молодости, другой въ послѣдней старости... третій всю жизнь театральствуетъ или театраль-

* Петербургскій Вѣстникъ, въ составъ котораго входятъ общественная жизнь и новости столицы, литература, музыка и другія искусства, естественно, не можетъ быть исключительной (въ короткій срокъ) работою одного лица. Нѣсколько литераторовъ принимаютъ участіе въ составленіи этого неизбежно-многосложнаго фельетона. Сужденія о современной журналистикѣ и — отзывы о новыхъ книгахъ принадлежать двумъ разнымъ лицамъ, что и считаемъ не лишнимъ пояснить, чтобы мнѣнія одного не приписывались другому, и каждый отвѣчалъ, передъ публикой и истиной, за себя. Еслибъ когда, случайно, и встрѣтилось какое-либо частное несоходство во взглядѣ и убѣжденіи, то, въ спорномъ дѣлѣ искусства, это знало служить на пользу истины.

ничаютъ, возится до гроба съ своими сценическими или закулисными воспоминаніями... Самые интересные типы этого вечерняго міра, подъ солнцемъ люстры—настоящее *центральное* солнце, изобрѣтенное г. Медлеромъ—интереснѣйшіе типы партера—энтузіастъ сѣдовласый и диллетантъ безбородый—юноша, который ровно ничего не понимаетъ и *не видитъ*, какъ не безъ основанія должно заключать по вставленному въ глазъ его стеклышку, безпрестанно обращаемоу во всѣ стороны, съ цѣлю обратить на себя, въ свою очередь, всеобщее вниманіе. Онъ вертится, юлитъ, нарядно бѣгаетъ по рядамъ, критикуетъ, уничтожаетъ славу, вызываетъ хлопасть, шикаетъ... потомъ ѣдетъ на ванькѣ ужинать къ Дюсо или Доминику, гдѣ продолжаетъ спорить, горячиться... поздно возвращается домой, на утро опаздываетъ въ должность, за чтó израдно, и совершенно справедливо, моетъ ему голову солидный набольшій, давно уже, недовольный его изложеніемъ и правописаніемъ, доказывающими, что онъ съ большимъ рвеніемъ изучилъ оперныя либретто, нежели грамматику Греча ..

Очень ошибетесь вы, если по этому приступу, предположите, что названная выше книжка *Театралъ* — сочиненіе сатирическое, или одна изъ тѣхъ шаловливыхъ физиологій, которыми такъ обильна новѣйшая французская литература... Быстрога взгляда на изящную, но строгую обертку, на оглавленіе и первыя строки текста достаточно будетъ для убѣжденія васъ въ томъ, что вы имѣете дѣло съ «театраломъ» степеннымъ и очень умнымъ: въ этой красиво напечатанной книжкѣ не острять, не шутять, не пустословять, а обстоятельно сообщаютъ *факты*, кратко, но удовлетворительно, языкомъ правильнымъ и чистымъ, безъ малѣйшей задоринки, съ необыкновенною точностью корректуры, чтó, сказать мимоходомъ, въ настоящее время, составляетъ большую рѣдкость, почти диковинку, въ книгахъ, а въ журналахъ и подавно, и въ чемъ развѣ только послѣдніе могутъ быть извинены слишкомъ срочною поспѣшностью и многосложностью своего изготовленія...

Содержаніе рассматриваемой монографіи слѣдующее: бѣглый очеркъ исторіи петербургскихъ театровъ; нынѣшній ихъ составъ; труппы — русская драматическая, оперная и балетная; французская, нѣмецкая, итальянская; помѣщеніе и распредѣленіе здѣшнихъ театровъ, и наконецъ, театральное училище.

Нельзя лучше дать понятіе о сжатости, простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытой щеголеватости выраженія этой полуброшюры, полукнижки, какъ сдѣлавъ изъ нея малую-толику интересныхъ выписокъ:

«Приступая, начинаетъ авторъ, къ обзорнѣю исторіи и нынѣшняго состоянія всенародныхъ зрѣлищъ въ нашей столицѣ, не имѣемъ надобно-

ств пускаться въ изслѣдованія и оцѣненія сѣдой старины. Пройдемъ молчаніемъ и драмы монастырскія въ Кіевѣ, Ростовѣ, Москвѣ, подражанія зрѣлищамъ средневѣковой католической Европы, и страстиа бурасковъ. Упомянемъ мимоходомъ о представленіяхъ московскихъ семнадцатаго вѣка, какъ *Алаферму голову отсекли*, и на *органѣхъ играли немцы и дворовые люди баярина Матвѣева на филодахъ и струментдахъ*, и тѣшили зрителей всякими потѣхами разными. Въ комнатахъ царевны Софіи Алексѣевны парадворцы и знатныя дѣвицы играли комедіи Мольера, и есть преданіе, что она сама сочинила драму. Петръ Великій уважалъ драматическое искусство, въ Парижѣ былъ на французскомъ театрѣ, и пожаловалъ золотую тѣлагу славному актеру Барону, но не могъ находить удовольствія въ потѣхѣхъ фарсахъ, которыми прѣзрѣніе нѣмцы старались забавлять московскую публику, переводя ихъ на русскій языкъ, подъ странными заглавіями, напримеръ: *о Францаискъ, король Эларкомъ* и *о Мирандалл, смѣш его*, и проч.

«Русскому театру суждено было возникнуть и процвѣсть въ новой столицѣ Россіи. Первый театръ въ С. Петербургѣ устроенъ былъ стараніями сестры Петра Великаго, царевны Наталіи Алексѣевны. Актеровъ было десять, а музыкантовъ шестнадцать человекъ, всѣ изъ русскихъ. Представленія этого театра открывались, въ особомъ, построенномъ для того деревянномъ домѣ, трагедіей, въ которой немалая роль имѣла азіанія Шакширова: содержаніе ея замечательно было изъ величавыхъ мѣтежей, потушенныхъ правительствомъ, и трагическое дѣйствіе не обходилось безъ шута. Жаль, что всѣ эти опыты драматической поэзіи нешли совершенно. Не знаемъ о дальнѣйшей участи этого театра. Осталась память о народныхъ зрѣлищахъ, представлявшихся во праздники молодыми людьми, цирюльниками, конюшенными служителями и тѣмъ подобн., въ открытыхъ балаганахъ, даъ которыхъ нередко дѣлали и гроза непогоды и зрителей и дѣйствующихъ.

«Въ 1730 году, по вступленіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, усилились пышность и великолѣпіе двора.» Въ томъ же году «справдось италянская опера. Въ 1735 и 1740 годахъ выписаны были актеры нѣмецкіе и французскіе. Театръ былъ устроенъ во дворѣ; нѣкогда вводили были по чинамъ зрителей, безъ всякой платы» (стр. 1—2).

Далѣе объявляется начало собственно русскаго театра, возникшаго, подъ вліяніемъ Сумарокова и покровительствомъ Императрицы Елисаветы Петровны, въ Сухопутномъ (нынѣ Первомъ) кадетскомъ корпусѣ, который воспитывалъ столько замѣчательныхъ людей на всѣхъ поприщахъ: полко-

водцевъ, министровъ, дипломатовъ... прозаиковъ и поэтовъ, въ томъ числѣ писателей драматическихъ—Хераскова, Ефимьева, Озерова, Крюковского, Булгарина, и нѣкоторыхъ другихъ.

Такъ-какъ постепенное развитіе народнаго театра нашего извѣстно уже изъ учебниковъ, стариннаго альманаха «Талин» и многочисленныхъ, довольно подробныхъ по этому предмету статей редактора «Пантеона», то не представляется надобности въ копотливомъ извлеченіи изъ настоящаго историческаго очерка, составленнаго преимущественно для той части современной молодежи, которая, пылая страстію къ сценѣ, не заглядываетъ ни въ учебники, ни въ старинные альманахи, ни въ драматическіе журналы прежнихъ лѣтъ. По этому достаточно будетъ напомнить читателю лишь кое-что главное.

Давнымъ давно вы знаете исторію Волкова и его импровизированнаго ярославскаго театра*, гдѣ впервые *дѣйствио* обнаружился сценическій геній Дмитревскаго (Нарыкова). Говоримъ «дѣйствио», потому что онъ и Поповъ играли тамъ женскія роли. Ярославская труппа вѣтребована была ко двору. Правительство понимало, сколько отъ сцены зависитъ ходъ образованности и нравовъ, и 30 августа 1756 года, послѣдовалъ именной указъ объ «учрежденіи Россійскаго театра». — «На содержаніе его опредѣлено было въ годъ *по пяти тысячъ рублей*» (стр. 5). Изъ этого легко заключить, съ одной стороны, объ относительной по времени цѣнности денегъ, съ другой—о младенческомъ состояніи первоначальной мѣлпомены нашей, блиставшей однако памятными дониндѣ дарованіями Волкова, Дмитревскаго, Шумскаго, Попова... Съ небольшимъ черезъ три года наступитъ столѣтній юбилей—со дня официальнаго открытія русской сцены, и желательно, чтобы 30-е августа 1856 г. ознаменовалось представленіемъ, достойнымъ тѣмъ попеченіи и щедротъ, какими постоянно возвышалась эта изящная и великодушная отрасль народнаго просвѣщенія. Быть-можетъ, въ эти три года успѣютъ вдругъ явиться у насъ и новые Фонъ-Визинны, Озеровы, Грибовдовы, Гоголи. Но пока сбудется эта пріятная надежда, обратимся къ старинѣ...

Въ 1758 г. представлена была *первая русская опера* «Цефаль и Прокрисъ», Сумарокова. Въ царствованіе Екатерины усилено содержаніе театра; лучшія иностранныя пьесы переводились на русскій языкъ; Майковъ, Княжнинъ и другіе—писали комедіи и трагедіи; высокій сатирическій умъ Дениса Ивановича произвелъ «Недоросля» и «Бригадира», поколебавшихъ степныя предубѣжденія, и благородному классу

* См. «Пантеонъ», 1840 г. статьи О. А. Кони «А. Дмитревскій».

изувичшихъ блатородныя понятія. Въ 1783 году открытъ новопостроенный Большой каменный театръ, съ умѣренною для всей публики платою за входъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, сцена, кромѣ Дмитревскаго и Шумскаго, красовалась Плавильщиковымъ, Крутицкимъ, Черниковыми, Сандуновыми, Рахмановой, Воробьевымъ, и наконецъ знаменитымъ Яковлевымъ. «Въ Москвѣ театръ постоянно установился въ 1776 году». Сама Екатерина сочиняла для театра, и стихи къ ея «пьесамъ писалъ статься-секретарь Государыни, умный и даровитый Александръ Васильевичъ Храповицкій».

Въ исходѣ девяностыхъ годовъ замѣчательнѣйшимъ явленіемъ была «Ябеда», Капниста, недавно возобновленная, но не имѣвшая прежняго успѣха, потому что нынѣ нѣтъ уже прежнихъ подъячихъ, и все, въ этомъ смыслѣ, приняло другія формы, такъ что даже и комедія Грибоедова, съ своими Молчаливыми и Фамусовыми, начинаетъ становиться позднимъ анахронисмомъ, древне-московскаго колорита.

Одновременно съ обличеніемъ Капнистомъ ябеды канцелярскаго (по точному выраженію разсматриваемой книжки, въ комедіи этой, «рѣзкимъ образомъ выставлены были злоупотребленія старинныхъ подъячихъ»), — «водворился на нашемъ театрѣ нестоимый Коцебу» (стран. 7). Другими словами, вкусъ публики, со времени перваго свѣтскаго писателя нашего, Кантемира, воспитанный преимущественно на холодныхъ и жѣлчныхъ сочиненіяхъ сатирическихъ, сталъ замѣтно обнаруживать наклонность къ нѣжному, чувствительному, трогательному и страстному, развитую въ послѣдствіи Карамзиннымъ, Жуковскимъ, Батюшковымъ, ихъ подражателями и послѣдователями. Отъ сухаго, педантскаго, искусственнаго и ложнаго, каковы, наприм., были наши оды на разные случаи, или стихотворенія, обращаемыя къ милостивцамъ, и публика, и писатели, мало-по-малу начали переходить къ животрепещущимъ, истиннымъ чувствамъ сердца человѣческаго, — и вотъ, вмѣстѣ съ симпатическимъ талантомъ Коцебу, который зналъ сердце челоѣка и умѣлъ затрогивать слабыя его струны, разгадка успѣха: «Ненависти къ людямъ и раскаянія», «Сына любви», «Самопожертвованія», «Гуситовъ подъ Наумбургомъ». Векоръ замѣчательнѣйшимъ представителемъ новаго направленія, патетическаго и глубоко-сердечнаго, хотя и не во все чуждаго стариннаго реторисма, въ оковахъ тяжеловатой версификаціи, явился Озеровъ. Плакали, слушая Эдипа и Антигону, въ совершенствѣ выраженныхъ Шушеринымъ и Семеновою (Катериной Семеновою). Тезей игралъ Яковлевъ.

Между-тѣмъ, какъ, вообще въ литературѣ нашей, чувствительное впадало тогда въ сантиментальное или приторное, на сценѣ изгнм-

ніи сладости и слезливости не могли надолго утвердиться, благодаря умному еротиводѣйствію князя А. А. Шаховскаго. Въ «Новомъ Стернѣ» своемъ, онъ удачно трунилъ надъ безпричинною плаксивостію и снѣжнымъ выдыханьемъ....

«Собственно русской оперы, говоритъ авторъ, не было до Кавоса... На пустое и безтолковое либретто «Князь невидимка», написалъ онъ оперу, нѣвшую долгое время заслуженный успѣхъ, и украсилъ свою музыку народную оперу Крылова «Илья богатырь»... Между прочимъ, играли Багдадскаго Калифа, Лодоиску, Деревенскія пѣвицы; но болѣе всего привлекали представленія Русалки, одушевляемыя

* Съ этимъ мнѣніемъ мы несогласны: До Кавоса были оперы русскія: «Анита», Михаила Попова, игранная въ первый разъ въ Сарскомъ Селѣ въ 1772 г.; въ томъ-же году «*Собственно колдунья*», а которой сказано: «музыка составлена съ голосомъ русскихъ пѣсень, приносящая большое удовольствіе»; «*Гостимый дворъ*», опера въ 3 дѣйств., слова и музыка Матинскаго, крѣпостнаго человѣка гр. Ягужинскаго. Матинскій этотъ, котораго имя еще нашей современной публикѣ неизвѣстно, былъ очень замѣчательный человѣкъ, хорошо учился, писалъ легко стихами, и получилъ солидное музыкальное образованіе въ Италіи, куда его посмалъ гр. Ягужинскій на свой счетъ. Вотъ что пишутъ современники объ его оперѣ, представленной въ 1774 г.: «Успѣхъ сочинителя оной оперы, забавное зрѣлище и нарядный спектакль въ російскихъ древнихъ нравахъ, приносятъ честь сочинителю. Театръ представляетъ по обычаю російскому древнему подъяческую нарядную свадьбу. Характеръ жонки, играющій Московскаго Россійскаго театра актеръ, г. Залышкинъ, совершенно обращаетъ на себя вниманіе публики, принося ей забавное зрѣлище. Часто сія пьеса представляется на російскихъ театрахъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Когда въ первый разъ отдана была на театръ сочинителемъ въ Санктпетербургѣ содержателю театра Книперу, то была представлена разъ до пятнадцати краудъ и никакая пьеса не дала ему столько прибутку, какъ она». — Далѣ слѣдуютъ оперы: «*Перерожденіе*» съ муз. изъ русскихъ пѣсень, въ 1777 г.; «*Мельникъ колдунъ*» Аблесимова, музыка Соколовскаго (въ 1779 г.); «*Несчастіе отъ кареты*» въ 2 д., Княжнина, муз. Пашкевича (въ 1779 г.); «*Погодь съ непремѣнныхъ квартиръ*», въ 3 д., Аблесимова, музыка Эккеля, въ 1781 г.; «*Добрыя солдаты*», соч. Хераскова, муз. Раунаха, придворнаго капелмейстера, въ 1780 г.; «*Эбтеньчицы*» опера въ 3 д., Княжнина, музыка камермузыканта Булана, въ 1783 г.; «*Матросскія шутки*», въ 2 д., сочинен. на русскомъ языкѣ нѣкимъ любителемъ литературы, музыка капелмейстера Себастьяна Жоржа (въ 1780 г.); «*Миленка*», соч. Хераскова, муз. капелмейстера кн. П. М. Волковскаго, Ѳ. Г.; — «*Новое семейство*», Визмитинова, музыка капелмейстера Фрейлиха (въ 1781 г.); «*Опекунъ-учитель или Любовь хитрые злодеицы*», слова и музыка Н. Николава (въ 1782 г.); «*Скупой*» Княжнина, муз. Пашкевича; «*Тунисскій паша*», въ 2 д., слова Матинскаго, муз. Пашкевича; «*Храбрый и смѣлый витязь Архидильчъ*» въ 5 д.; «*матери вѣта*» какъ говоритъ лѣтописецъ — изъ старинныхъ русскихъ сказокъ и пѣсень. Въ первый разъ представлена была въ Санктпетербургѣ съ *наивеликолепнѣйшими* декораціями 1787 году, въ октябрь мѣсяцѣ. «*Счастливая толл*», въ 4 д., соч. Горчакова, музыка Стабигера (1785 г.); объ ней сказано: «часто представляется на Московскомъ театрѣ; публикою принята съ отливною благосклонностію. Едвали изъ русскихъ оперъ подобно была похвалена всѣми другая». — И наконецъ того-же автора и того-же композитора опера въ 4 д., «*Ляббаба*», которая держалась на сценѣ еще долго и послѣ появленія первыхъ оперъ Кавоса.

Редакторъ.

геніяльною игрою Воробьева, не уступавшаго лучшимъ итальянскимъ буффамъ.

На страницѣ 10-й объясняется вліяніе князя Шаховскаго, завѣдывавшаго долгое время репертуаромъ, и участіе въ драматическихъ трудахъ лицъ высшаго общества. Для сцены писали тогда, кромѣ самаго князя Шаховскаго, Озерова, Крюковскаго (*Пожарскій*), Крылова (*Модная ласка* и *Урокъ дочкамъ*, которыя однакожъ доселѣ не научились), — Гвѣдичъ, Маринъ, Ф. Ф. Коконкинъ, графъ Потемкинъ, Шапошниковъ, Лобановъ. Актеры и авторы образовывались взаимно. *Гермъ отъ ума*, Грибоѣдова, оканчивается историческій этотъ перечень и взглядъ, не касающійся подробностей, обходящій даже краткую, отличительную характеристику драматическихъ писателей. Объ актерамъ говорится нѣсколько болѣе. На долю нинѣхъ достаются и биографіи, чрезвычайно искусно втиснутыя въ нѣсколько строчекъ, причѣмъ самый придирчивый критикъ не въ-правѣ сказать, что здѣсь для краткости выпущенъ смыслъ. Эта книжка красна именно тѣмъ, что въ ней больше смысла, нежели словъ: тутъ цѣлая программа для обширнаго творенія, для многочисленныхъ разсужденій и отвлеченностей. О Дмитревскомъ узнаете (если не знали прежде), что онъ въ 1765 году ѣздилъ въ чужіе края, познакомился тамъ съ Лекенемъ и Гаррикомъ, а по возвращеніи въ отечество избранъ былъ въ члены Россійской Академіи, управлялъ театральною школою, въ 1787 году вышелъ въ отставку, но отъ времени до времени продолжалъ еще играть, въ Эрмитажѣ и на публичномъ театрѣ — до 30 августа 1812 года, когда онъ въ послѣдній разъ вышелъ на сцену въ драмѣ: *Всѣобщее ополченіе*. Про Сторожева свѣдаете, что онъ, неподражаемый въ роляхъ слугъ, женатъ былъ на дочери Дмитревскаго, который, вмѣсто приданнаго, сыгралъ въ его бенефісѣ роль Зопира, въ «Магометѣ». Но вотъ, лучше, три четыре лица, на выдержку, для убѣжденія васъ, что эти лаконическія биографіи не безличны:

«Сила Николаевичъ Сандуновъ, родомъ изъ грузинскихъ дворянъ, получившій хорошее воспитаніе, былъ сначала въ гражданской службѣ, но увлекшись страстію къ театру, сдѣлался, на двадцатомъ году жизни, актеромъ: онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ роли слугъ и подъячихъ; по характеру ролей, былъ онъ разнообразенъ до невѣроятности. Онъ образовался въ Москвѣ и поступилъ на петербургскую сцену; вѣдомъ, женившись на Елисаветѣ Семеновнѣ Урановой, воротился въ Москву, и пользовался исключительно благосклонностію тамошней публики; оставилъ сцену по какимъ-то неудовольствіямъ, и скончался въ 1817» (стр. 13).

«*Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ* (родился въ 1773 году, въ С. Петербургѣ, умеръ 3 ноября 1817 года), купеческій сынъ, былъ въ молодости сидѣльцемъ въ лавкѣ гостинаго двора. Посѣтивъ однажды театръ, онъ восхитился игрою Дмитревскаго, и лишь только позволили обстоятельства, бросилъ коммерцію, и поступилъ на сцену. Прекрасный ростъ, правильное, выразительное лицо, пламенное чувство и грохкій, гибкій голосъ, доходившій до сердца слушателей — все составляло въ немъ великаго актера, и еслибъ онъ въ молодости получилъ хорошее образованіе, а въ послѣдствіи руководствовался примѣрами великихъ артистовъ, и слушался голоса критики, а не вопля глупой толпы, то, конечно, сдѣлался бы первостепеннымъ актеромъ, наравнѣ съ Гаррикомъ и Тальмою. Самое блистательное его время было при появленіи трагедій Озерова (1803 — 1809); онъ торжествовалъ въ роляхъ Синава, Росслава, Фингала, Дмитрія Донскаго, Пожарскаго, Гамлета, Танкреда, Отелло, бургомистра въ «Гусситахъ», незнакомца въ «Ненависти къ людямъ», и тому подобное. Лучшею ролью своею самъ онъ почиталъ Юдая въ «Говеліи». Изъ литературныхъ произведеній его извѣстны нѣкоторыя лирическія (стр. 13 — 14).

О Воробьевѣ, ученикѣ Мартини и Маркетти, говорится, что «такого буффа у насъ никогда не бывало».

«*Елисавета Семеновна Сандунова* (до замужства Уранова), славившаяся въ молодости подъ именемъ Лизаньки, первая пѣвица, образовавшаяся въ школѣ Сарти, Паизьелло, Чимарозы и другихъ итальянскихъ композиторовъ, а въ драматическомъ родѣ учившаяся у Дмитревскаго, восхитала Петербургъ въ девяностыхъ годахъ, переведена была въ Москву, а послѣ 1812 года опять играла въ Петербургѣ» (стр. 17).

«*Нимфодора Семеновна Семенова*, даровитая актриса, замѣтельная красавица и пріятная пѣвица въ опереттахъ Мегюля, Боалье, и тому подобн., была очень хороша въ «Сандриллионѣ», въ «Швейцарскомъ Семействѣ» и т. п.» (стр. 18).

Какъ видите, это все еще объ отжившихъ, старинныхъ представителяхъ и представительницахъ русской сцены. Современные артисты, всѣ, безъ исключенія, очерчены въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ, безъ особенныхъ критическихъ изслѣдованій свойствъ ихъ таланта.

«Французскій театръ, — продолжаетъ почтенный «Театраль», повидимому обнимающій собственными воспоминаніями болѣе полутора вѣка, — существовалъ у насъ со временъ Императрицы Елисаветы Петровны, и въ царствованіе Екатерины II былъ въ самомъ блистательномъ состояніи. Въ трагедіяхъ отличались Офренъ (*Rival Aubertin*),

рекомендованный Государыней Вольтеромъ и пользовавшійся ея вниманіемъ и благосклонностью, и Флоридоръ; актрисы Лесаажъ и Гюеъ. Въ комедіяхъ: актеры Дорсевиль, Бурде, Дельпи, Фастіе; актрисы Добуръ, Мишленъ, Дюфуа. Дмитревскій склонилъ было Лекена и госпожу Клеронъ поступить на петербургскую сцену, но французское правительство не позволило имъ выѣхать изъ Франціи. Въ оперѣ французской, въ концѣ XVIII вѣка, отличалась пѣвица и актриса Шевалье. Французская труппа возобновлена была въ 1802 году. Извѣстнѣйшіе актеры того времени были: Деглинъ (въ трагедіяхъ), Дюкруаси, Фрожеръ, Талонъ (въ комедіяхъ) госпожи Вальвиль (въ драмахъ), Туссенъ (въ комедіяхъ, въ роляхъ субретокъ). Въ оперѣ блистали: пѣвицы Филисъ-Андіе, талантъ необыкновенный, Филисъ-Бертенъ и Мессъ; пѣвцы Сент-Леонъ, Дюмушель и Мессъ. Въ 1809 году играла въ трагедіяхъ знаменитая Жоржъ, бывшая тогда въ цвѣтѣ юности и таланта. Съ 1812 года (по причинамъ военнымъ и политическимъ) французскаго театра у насъ не было. Онъ возобновился въ 1819 году, изъ немногихъ прежнихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ отличалась актриса Туссенъ-Мезьеръ, дочь режиссера Мезьера и актрисы Туссенъ. Къ нимъ присовокупились нѣкоторые новые сюжеты, и между-прочимъ хорошіе актеры Сент-Феликсъ, Дорваль и пѣвецъ Брисъ. Французскій театръ возрасталъ и мало-по-малу обогачался новыми хорошими артистами. Назовемъ Женъеса, Альфонса Атрюкса, Дюфура, Бурде, Стоклейта, Мере, г-жъ Данжевилъ, Маліо, Бурбіе и Бра (Bras), несравненную въ роляхъ старухъ. Въ 1837 году оживили сцену Алланъ съ женою. Въ послѣднее время заслужили особенную благосклонность публики Брессанъ и комикъ Поль-Минне. Прочіе, находящіеся еще на нашей сценѣ, исчислены будутъ ниже. Скажемъ по правдѣ, что существованіе въ Петербургѣ хорошей французской труппы ни мало не мѣшаетъ успѣхамъ артистовъ русскихъ, а напротивъ служило имъ полезнымъ примѣромъ, и возбуждало соревнованіе! Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что Жоржъ была во многомъ образцомъ для К. С. Семеновой».

«Нѣмецкій театръ, продолжаетъ авторъ, есть существенная необходимость города, въ которомъ живутъ до сорока тысячъ нѣмцевъ. Первая нѣмецкая труппа, преплохая, поселилась въ С. Петербургѣ въ 1763 году, и играла въ бѣдныхъ костюмахъ, въ недостроенномъ домѣ (князя Голицына, въ Морской), варварскія пьесы тогдашняго нѣмецкаго репертуара. Особы вышаго круга ѣздили въ этотъ театръ, чтобъ посмѣяться надъ артистами. Потомъ отвели этой труппѣ брошенный театръ, выдали гардеробъ, и она тѣшила зрителей средняго состоянія. Въ 1783 году, тогдашній директоръ театра, Петръ Ивановичъ Меллессино, выписалъ изъ

Германіи превосходнѣйшихъ актеровъ того времени, но такъ какъ эта труппа обзавелась очень дорого, то и была распущена въ 1794 году.

Далѣе объявляется, что въ 1794 году прибыла въ здѣшнюю столицу странствующая труппа актрисы Тилль, принятая потомъ на службу дирекціи, и что «изъ этого общества составился *нынѣшній* нѣмецкій театр». Читатели, конечно, не примутъ послѣднихъ словъ буквально: безъ сомнѣнія, всѣ члены той странствующей труппы давно уже не существуютъ. Наименовавъ замѣчательнѣйшихъ прежняго времени актеровъ этой сцены, «Театраль» прибавляетъ: «на нѣмецкомъ театрѣ появляются вербально артисты отличныхъ талантовъ и съ европейскою славой, въ качествѣ *зоологовъ*; пробывъ здѣсь мѣсяца два и болѣе, возвращаются на родину. Таковы были, между-прочими, знаменитый комикъ Вурль, два Девриента, Кригеръ, который имѣлъ такой неожиданный успѣхъ въ Петербургѣ, что сожалѣя оттого съ ума»... такъ опасны всѣ нечаянности; вѣстная неудача сокрушаетъ медленно, какъ чахотка воракалѣтскаго челоуѣка, — шумный успѣхъ убиваетъ съ разу славы или экзальтированныя головы... но мы дерзаемъ думать, что одна сценическая зависть вслепала на Кригера такую странную причину сумасшествія: онъ былъ актеръ, имѣвшій успѣхъ повсюду, одинъ изъ первыхъ талантовъ Германіи — стало-быть разсудку его подобныя неожиданности не могли быть въ диковину.

Возвращаясь къ итальянской оперѣ, существовавшей у насъ «уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія», обстоятельное обозрѣніе доводитъ до свѣдѣнія читателей, что «первою пѣвицею въ ней была мать извѣстнаго путешественника Казановы*, и буффомъ знаменитый Педрилло. Между-тѣмъ не было у насъ настоящаго итальянскаго театра: проходило иногда нѣсколько лѣтъ, что публика наша не слыхала генеридскихъ соловьевъ. Императрица Екатерина сама не находила удовольствія въ музыкѣ**, но для великолѣпія своего двора, для удовольствія любителей искусства, содержала превосходную итальянскую труппу... Капельмейстерами были знаменитые композиторы: Чимароза,

* Котораго потомокъ показываетъ теперь у насъ ученыхъ обезьянъ и собакъ. Sic transit gloria mundi.

** Въ этомъ имъ обильнѣе усомниться. Екатерина не любила, можетъ-быть, заморскихъ оперъ, но она любила музыку, и всими средствами старалась развить музыкальное чувство въ русскомъ варетѣ. Она сама писала оперы, поощряла русскихъ композиторовъ, указывала имъ на націоналыя источники музыки, отыскивала музыкалыя таланты даже въ простомъ народѣ, доказательствомъ чему служитъ знаменитый скрипачъ Гандошка, соперникъ Дадца и Родо. При ней, можно сказать, сложилась настоящая народная русская опера.

Павіелло, Сарти, Мартини.. Въ 1803 году возобновила итальянскую труппу частный содержатель Казаassi: но публика не оказывала къ оперѣ большого участія, и она прекратилась года черезъ три. Въ 1827 году Театральная Дирекція устроила вновь итальянскую оперу, которая продолжалась до 1831, и хотя она, по замѣчанію автора, «была не первостепенная, но водворила любовь и вкусъ къ пѣнію, познакомила насъ съ твореніями Россіи, Беллини и другихъ новыхъ композиторовъ, которые до того извѣстны намъ были по слабымъ отголоскамъ и переводамъ на русской и нѣмецкой сценѣ» (стр. 22—23).

Начало у насъ балета изыскательный «театраль» отнести къ 1738 году. Танцмейстеръ Ланде обязался выучить танцованію и пантомимамъ по двѣнадцати мальчиковъ и дѣвочекъ, изъ сиротъ и бѣдныхъ. Молодые танцоры назывались не по прозвищамъ, а по именамъ. Больше всего славилась изъ нихъ Дуня и Тимошка (Бубликовъ)... Въ 1801 году поступилъ въ балетмейстеры знаменитый хореграфъ Карлъ Дидло. Онъ образовалъ нашъ прекрасный корь-де-балетъ, многихъ превосходныхъ артистовъ изъ воспитанниковъ театральной школы, и поставилъ на сцену, съ невѣдомою до того роскошью и изяществомъ, множество балетовъ... Такимъ образомъ, достигли мы достопамятныхъ временъ Евгенія Онѣгина, который, въ первой главѣ народнаго романа, разочарованно восклицаетъ:

«Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ!»

Колосова (мать А. М. Каратыгиной), Истомина, воспитанная двумя одноименными гениальными поэтами, двумя Александрями Сергѣевичами, Телешова, Иконина, Лихутина — вотъ перлы хореграфическаго искусства этого времени; къ нимъ должно еще присоединить умершую въ первомъ разцвѣтѣ, на семнадцатой веснѣ своей привлекательной весны — Давылову, «ученицу пріѣзжавшаго сюда въ 1809 году знаменитаго французскаго артиста Дюпора», того самого, по поводу котораго, одному бездарному стихотворцу, имѣвшему притязаніе на всеобъемлемость фернейскаго мудреца, какой-то острякъ адресовалъ эпиграму:

Скажу тебѣ, пинтъ, скажу я не въ укоръ,
Ты плясешь какъ Вольтеръ, а пишешь какъ Дюпоръ

Но что значитъ наша холодная исторія, наше бездушное извлеченіе, въ сравненіи съ двумя вдохновенными строфами Пушкина, тоже «театра», въ свое молодое и прекрасное время русской сцены? Вы знаете

ихъ навзустъ, но они нехотя припоиняются, къ услажденію нашего сухаго перечня:

Волшебный край! Тамъ, въ стары годы,
 Сатиры смѣлой властелинъ
 Блесталъ Фонъ-Визинъ
 И перемчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны данн
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ молодой Семеновою дѣлилъ;
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля гений величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой.
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулись,
 Младые дни мои неслись...
 Мои богини! Чтѣ вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же-ль вы? другія ль дѣвы,
 Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу-ль ввось я ваши хоры?
 Уарю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И устремивъ на чуждый свѣтъ.
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушной,
 Безмолвно буду я звать
 И о быломъ воспоминать...

(Евг. Опл., Гл. I, строфы XVIII — XIX).

Историческая часть занимаетъ въ разбираемой книжкѣ только 24 страницы, зато около ста посвящено настоящему. «Мы (говоритъ авторъ) считаемъ начало новѣйшаго, цвѣтущаго состоянія с.-петербургскихъ театровъ съ той поры, когда появились таланты, украшающіе нашу сцену въ нынѣшнее время. Эта эпоха совпадаетъ съ поступленіемъ Императорской театральной дирекціи въ вѣдомство министерства Императорскаго Двора, ознаменованнымъ въ управленіи ея единствомъ цѣли и преобладаніемъ любви къ изящному, величественному и благородному, повлеченіемъ на всѣхъ петербургскихъ театрахъ талантовъ, заслужившихъ, по справедливости, европейскую славу. Особенно возвысились и процвѣли наши театры со времени управленія ими нынѣшняго директора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Михайловича

Гедесова. Отечественные таланты нашли въ немъ просвѣщеннаго и ревностнаго покровителя. Первые европейскія знаменитости соревнуютъ на сценахъ нашихъ театровъ. Итальянская наша опера лучшая въ Европѣ. Французскій театръ не уступаетъ парижскому. Нѣмецкій равно можетъ соперничать съ хорошими театрами Германіи. Въ балетѣ, при блистательныхъ талантахъ русскихъ, красовались постепенно Талиони, Фанни-Эльслеръ, Карлотта Гризи. Оркестры отличаются участіемъ превосходныхъ талантовъ, полнотою и совершенствомъ исполненія Декорационная часть возведена на высокую степень. Костюмы и вообще вся монтировка спектаклей ознаменованы изяществомъ, великолѣпиемъ и строгимъ наблюденіемъ указаній исторіи и археологіи» (стр. 25—26).

Затѣмъ подробно разсматривается личный составъ каждой труппы отдѣльно. Удачнѣйшія и любопытнѣйшія характеристики выпали на долю итальянскихъ, въ-особенности же французскихъ и нѣмецкихъ артистовъ, болѣе оживленныя и разнообразныя, не чуждыя хотя краткихъ, но отчетливыхъ біографическихъ свѣдѣній, при оцѣнкѣ талантовъ, довольно удовлетворительной. Объ отечественныхъ, какъ выше упомянуто авторъ отзывается, болѣею частью, съ видимою уклончивостію, въ общихъ, близкихъ и сходныхъ между собою выраженіяхъ, подводя разнохарактерныя дарованія подъ какой-то стереотипный уровень. Это понятно: болѣе опредѣлительная и точная ихъ оцѣнка была бы нѣсколько щекотливою въ книгѣ спеціальнаго свойства. Впрочемъ нѣкоторые обозначены явственнѣе. Вотъ для образца:

«Петръ Ивановичъ Григорьевъ, весьма полезный артистъ въ комедіяхъ и водевиляхъ, особенно искусно представляющій типъ русскаго солдата. Онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ, нравящихся среднему классу, въ которыхъ умѣлъ угодить господствующему вкусу публики; изъ нихъ болѣе всѣхъ имѣла успѣха «Житейская школа», одолженная тѣмъ въ-особенности превосходной игрою артистовъ, часто спасающихъ своимъ дарованіемъ самыя слабыя и неудачныя произведенія.»

Семенъ Яковлевичъ Марковецкій, воспитанникъ театральнаго училища, молодой артистъ съ большимъ дарованіемъ, въ комическихъ роляхъ простаковъ, крестьянъ; и т. п. Кромѣ комисма, въ этомъ молодомъ и много общающемъ артистѣ есть неподдѣльное чувство, часто трогающее зрителей до слезъ въ такъ-называемыхъ драмахъ-водевиляхъ. Равно отчетливо и добросовѣстно исполняетъ онъ и незначительныя бенефисныя роли.

«Катерина Николаевна Жулева, воспитанница театральнаго училища, молодая артистка на тѣ же роли; какъ Н. В. Самойлова, имѣетъ

пріятный голосъ и счастливую сценическую наружность; въ игрѣ ее много чувства и простоты. Приобрѣтя больше сценической опытности, и укрѣпивъ голосъ, можетъ современемъ замѣнить Н. В. Самойлову.—

Марья Дмитріевна Дюръ (до замужества Новицкая), нѣкогда знаменитая танцовщица и пантомимная актриса, сводившая съ ума весь Петербургъ въ нѣмецкой оперѣ «Фенелла», теперь играетъ благородныхъ матерей и пожилыхъ женщинъ средняго круга.

«Ирина Семёновна Сандунова, полезная и умная артистка на роли комическихъ старухъ, обладаетъ, сверхъ-того, замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ: она написала нѣсколько повѣстей и театральныхъ пьесъ, имѣвшихъ заслуженный успѣхъ. (Стр. 32, 33, 36—38).

Въ свѣдѣніяхъ объ артистахъ итальянскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ любопытны, между-прочимъ, показанія настоящихъ, до-сценическихъ фамилій нѣкоторыхъ и кой-какія обстоятельства, или подробности, касающіяся времени, предшествовавшаго поступленію ихъ на сцену съверной Пальмиры. Но жители ея такъ знакомы со всѣми личностями всѣхъ петербургскихъ труппъ, а многогородные такъ часто слышатъ въ «Пантеонѣ» оцѣнку здѣшнихъ артистовъ и артистокъ, что мы считаемъ совершенно излишнимъ какія-либо дальнѣйшія извлеченія изъ современной части «Театрала»; историческую-же достаточно исчерпали въ главныхъ чертахъ, и намъ остается сдѣлать послѣднее дополненіе, относительно прежняго помѣщенія петербургскихъ театровъ....

Прежде уже было сказано о первоначальныхъ, съ 1735 года, представленійхъ, устроенныхъ въ Зимнемъ Дворцѣ, куда могъ входить безъ платы всякій порядочно-одѣтый человекъ.

«Въ-послѣдствіи передѣлывали для помѣщенія театральныхъ залъ манежи: сперва въ домѣ герцога курляндскаго Бирона, потомъ у Казанскаго моста; послѣдній сгорѣлъ въ 1749 году. Въ 1750 г. выстроенъ былъ большой театръ, деревянный, на Царицыномъ лугу, близъ Лѣтнаго сада, гдѣ теперь находится домъ Принца Ольденбургскаго. Въ 1759 г. театръ былъ переведенъ въ зданіе Лѣтнаго Дворца, у нынѣшняго Полицейскаго моста, гдѣ теперь домъ Коссыковскаго. Съ 1745 до 1778 г. былъ небольшой театръ въ Ново-Исакиевской улицѣ, въ нынѣшнемъ зданіи почтамта. Въ 1779 г. построенъ небольшой деревянный театръ на Царицыномъ лугу, близъ берега Мойки (гдѣ стоялъ въ-послѣдствіи монументъ Суворова); этотъ театръ сломанъ въ началѣ 1797 г. Послѣ бывшаго въ 1766 г. большого каруселя, построенный для того большой амфитеатръ перенесенъ былъ на порожнее мѣсто между Мойкою и Никольскимъ (нынѣ Крюковымъ) каналомъ; на немъ представлялись народныя игры. Въ 1783 г. амфитеатръ былъ сле-

назъ, и на его мѣстѣ сооруженъ нынѣшній Большой Театръ. Въ 1801 г. построенъ малый театръ, деревянный, г-номъ Казасси, для представленій итальянской труппы, и потомъ купленъ въ казну». Этотъ театръ имѣлъ достоинство акустическое: отсюду было хорошо слышно и видно.

«Онъ сломанъ въ 1832, и на его мѣстѣ явился нынѣшній Александринскій. Нѣмецкій театръ долгое время былъ въ домѣ Кушалева, противъ Зимнаго Дворца, гдѣ нынѣ Главный Штабъ. Въ 1825 г. построенъ деревянный театръ у Чернышева моста, гдѣ нынѣ зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ сгорѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи. Еще существовалъ деревянный театръ, подъ именемъ *Нового*, въ залѣ бывшаго цирка, у Симеоновскаго моста; онъ сломанъ въ 1833 году» (стр. 116—117)

Всякой разсудительный человѣкъ пойметъ, что отъ подобнаго дѣланья; фактическаго обозрѣнія странно было бы требовать романтической занимательности, или отборныхъ красотъ беллетрическаго изложенія. Это карманная, кабинетная, будуарная книжка для справокъ — соединеніе архива съ описью настоящаго, которое современемъ также обратится въ архивное достояніе, и послужитъ, съ другими данными, обстоятельными матеріалами къ исторіи петербургской сцены. Такова, конечно, ни болѣе, ни менѣе, была и цѣль автора. Если и найдутся незначительныя обмолвки въ именахъ, цифрахъ — а ихъ здѣсь такое множество — то каждый обязанъ простить этого рода погрѣшность, можетъ быть и типографскую: такъ легко ошибиться въ показаніяхъ, гдѣ главную, почти единственную роль играютъ имена, цифры и вѣщности, роль трудную, амиду благодарное!

Разсмотрѣнный сценическій альманахъ или календарь украшенъ литографированными: 1) видами театровъ Большаго и Александринскаго; 2) портретами: В. В. Самойловой, Карлотты Гриси, Пальмиры Аннано, Леонтины Вольписъ, Анны Берндорфъ и Лаблаша (изъ каждой труппы, слѣдственно, взято по одному сюжету) и 3) планами театровъ Большаго, Александринскаго, Михайловскаго и Цирка, съ означеніемъ ярусовъ всѣхъ мѣстъ въ ярусахъ и партерахъ. Остается выбрать лучшее, съѣсть и наслаждаться...

Во, прежде, позвольте пригласить васъ на «*Дѣтскій театръ и зрѣніа картины*», предлагаемая г. Ал. П.

О предисловіи! За что напали и нападаютъ на васъ? И кто же? ~~Литературныя~~ рецензенты... которые безъ предисловія, собственнаго и авторскаго, шагъ ступить не могутъ. Что до меня, пишущаго «сн» гдѣ-нибудь строки, а безъ ума отъ введеній: я въ нихъ черпаю умъ и

смыслъ, когда не могу добраться до того и другаго въ текстѣ. Буду откровеннѣе, прямодушнѣе моихъ собратій: я не всегда и задаю себѣ напрасный трудъ лазить въ глубину текста... чтобъ не сломать свою шею, и чтобъ бѣдный мой умъ не зашелъ за разумъ... мнѣ достаточно, съ нѣкоторымъ вниманіемъ, пересмотрѣть, или, что—называется, перелистовать книгу, и я быстро освѣдомляюсь, съ кѣмъ имѣю честь бесѣдовать, на сколько градусовъ у почтеннаго г. сочинителя поднята голова, какъ у доброй мортиры, готовой выстрѣлить. Не думайте, чтобы, подобно «Новому Поэту», я гордо и надменно приписывалъ это устройству головы, покоящейся на моихъ согбенныхъ плечахъ, относилъ такую догадливость къ счастливымъ своимъ способностямъ и необычайнымъ талантамъ... о нѣтъ! Это просто дѣло рутинны, навыка, двадцати-двухлѣтняго опыта пересматривать новыя книги и писать на нихъ, съ позволенія вашего, критики. Скромный и смиренный, я очень хорошо понимаю, что всякій талантъ есть условный даръ природы, и что отъ самого человѣка зависятъ только ученіе, трудъ, доброе намѣреніе. При такомъ кроткомъ взглядѣ на предметъ, критика можетъ иногда дозволить себѣ невинное ратоборство съ посредственностію, вооруженною страшными претензіями, но отнюдь не должна отваживаться на крутые приговоры и выходки противъ произведеній безоружныхъ, открыто объявляющихъ всякое отсутствіе неумѣренныхъ притязаній. Послушайте, напримѣръ, какъ робко, стыдливо и благородно предисловіе издателя *Дѣтскаго театра*:

«При устройствѣ его, говоритъ онъ, постоянно встрѣчаются затрудненія въ выборѣ пьесъ, какъ по содержанію своему и сценическому интересу, такъ и по другимъ обстоятельствамъ удобныхъ для дѣтскаго возраста, хотя бы и съ участіемъ въ нихъ взрослыхъ. Это затрудненіе часто разрушаетъ планы *устраивать* спектакли, которые участникамъ, желающимъ угодить родителямъ, роднымъ и начальникамъ, всегда приносятъ большое удовольствіе, и радуютъ тѣхъ, для кого они *устраиваются*. *Настоящее* собраніе пьесъ для дѣтей средняго и меньшаго возраста издается съ цѣлью, по возможности, устранить этотъ дѣйствительный недостатокъ. Въ *настоящее* время уже доказано, что трудно писать для дѣтскаго возраста, и потому авторъ проситъ *снисходительной* оцѣнки своему труду; пусть благая цѣль, побудившая издать это собраніе *дѣтскихъ пьесокъ*, будетъ защитою и ходатаемъ за него предъ публикою».

У какого же неумолимаго критика достанетъ, послѣ этой просьбы, невеликодушной рѣшимости трунуть пля острить надъ «дѣтскими пьесками», притомъ не неграмотно и старательно составленными? Развѣ, что онъ не прочтаетъ предисловія...

Большая часть этихъ дѣтскихъ пьесокъ являются въ печати впервые: нѣкоторыя же изъ нихъ были уже помѣщены въ разныхъ изданияхъ, а всѣ написаны, въ разное время, для представленія въ частныхъ домахъ. Содержаніе двухъ только заимствовано — одной изъ Беркена, другой изъ повѣсти Евгенія Фoa. Авторъ, съ новымъ извиненіемъ, присовокупляетъ, что «предлагаемыя пьески, при представленіи, не казались зрителямъ скучными и заслуживали одобреніе». Имѣя въ виду, что при выборѣ пьесъ для домашняго спектакля, требованія бывають различны, издатель усердствовалъ придать разнообразіе своему театру. Въ немъ есть пьески на два, на три, четыре и болѣе дѣйствующихъ лицъ; «въ нѣкоторыя для представленія нужно однихъ только мальчиковъ, въ другія дѣвицъ; есть и такія, гдѣ требуется участіе и тѣхъ и другихъ. Басни, разговоры и нѣкоторыя изъ пьесъ предназначаются для дѣтей мѣньшаго возраста; но въ иныхъ, для исполненія ролей (для чего жъ бы иного?), нужны также и взрослые». Предоставляя выборъ самимъ участникамъ, издатель, впрочемъ, ничѣмъ не отличилъ пьески, назначенныя въ пользу малолѣтнихъ, отъ сочиненій, посвященныхъ юношеству, или, какъ онъ выражается, «*взрослымъ*» дѣтямъ, которые, сказать между нами, охотнѣе пойдутъ посмотрѣть «Ермила Кострова», русскую сватьбу г. Сухонина, водевилъ или драму взрослога писателя, и не чуждые музыкальнаго развитія, заслушаются итальянской оперы, вмѣстѣ съ паченкой и маменькой заглядятся на роскошную постановку балета...

Недовѣрчивое предисловіе оканчивается опасеніемъ автора «за смѣлость изложить въ разговорахъ безсмертныя произведенія роднаго баснописца, и для связи, сдѣлать въ нихъ небольшія вставки; но (,) въ защиту себя, онъ позволитъ (кому?) сказать, что его попытка дать возможность представить въ дѣйствіи басни И. А. Крылова *увѣличалась*, при представленіи ихъ *милыми малютками*, полнымъ успѣхомъ, что авторъ относитъ *единственно* къ занимательности вѣчно-юныхъ произведеній нашего славнаго баснописца». И авторъ не ошибается въ такомъ «отнесеніи»: лучшія пьески его репертуара принадлежать «вѣчно-юному» и «славному» баснописцу нашему; благодаря ихъ драматической или разговорной формѣ, къ нимъ оставалось только прилѣпить названіе дѣйствующихъ лицъ, какъ, напримѣръ, сдѣлано въ «Дѣтскомъ театрѣ» съ извѣстною баснею о римскомъ огурцѣ. Два разговаривающіе въ ней лица наименованы: одинъ — *приятелемъ*, другой — *путешественникомъ*. Впрочемъ мысль обратить на сцену нѣкоторыя изъ этихъ неподражаемыхъ басенъ — мысль очень счастливая. Не только «*милыя малютки*», но и настоящіе, отличившіе актеры могли-бы не безъ пользы и удо-

вольствія для слушателей декламировать, въ два или три лица, глубоко-знаменательныя иносказанія покойнаго «дѣдушки».

Желая облегчить устройство домашняго театра, издатель приложилъ рисунки и описаніе удобнѣйшаго, простѣйшаго способа къ образованію комнатной сцены, а въ другой статьѣ объяснилъ постановку живыхъ картинъ, предложивъ самыя ихъ сюжеты и краткое истолкованіе послѣднихъ. Въ первомъ способѣ, по-словамъ автора, «нѣтъ ничего новаго: это тотъ-же (,) прежній ширмовый театръ, о которомъ давно уже у насъ было печатано». Но авторъ, какъ сказано выше, очень скромнѣе, и двумя строками ниже — вы узнаете, что его сцена отличается отъ ширмоваго театра тѣмъ, что при *совершенной* простотѣ, легкости и быстротѣ, она представляетъ *совершенную* сцену.... въ чемъ тутъ дѣло, любопытнымъ надлежитъ освѣдомиться непосредственно изъ описанія и рисунковъ.... Что касается постановки, въ комнатѣ, живыхъ картинъ, то это несравненно проще, вовсе не сложно и легко объясняется безъ длиннаго описанія и чертежей: «всего удобнѣе, говоритъ авторъ, избрать дверь, находящуюся посрединѣ стѣны зала и соединяющую его съ гостиною или другою комнатою (я полагаю, столовою, потому-что всякая постановка или экзерциція возбуждаетъ аппетитъ). Въ такомъ случаѣ рама двери будетъ служить рамою живой картинѣ. Для этой цѣли дверь закладывается снизу досками, или завѣшивается какой-нибудь темною матеріею, на аршинъ вышины». Я, «многоопытный» библиографъ, но совершенно неопытный театралъ, долженъ вамъ, съ нѣкоторою однако робостью, признаться, что сію минуту въ неизобрѣтательной головѣ моей мелькнуло, какъ мнѣ самолюбиво кажется, не чуждое остроумія, изобрѣтеніе *самонаилегчайше-упрощеннѣйшей* по этой части системы, отвергающей всякую «темную матерію»: стоить только живописно стать въ любой двери — и косяки ея изобразятъ раму, а вы лично — живую картину, во всей ея красотѣ и неоспоримости. — Я сейчасъ пробовалъ этотъ способъ, и онъ мнѣ совершенно удался, что нѣсколько развлекало меня въ моей скучной работѣ. Съ меньшимъ неудовольствіемъ возвратился я къ письменному столу, началъ перелѣстывать объ части «Дѣтскаго театра», и даже одну пьесу, первую въ порядкѣ помѣщенія (она-же первая и по достоинству), прочиталъ сплошь, до конца, что дѣлаетъ честь и автору, и мнѣ. Комедія эта титулуется *Маленькій музыкантъ*, «Дѣтство Моцарта» тожъ. Маленькій Моцартъ голоденъ, сестрица его также, паневка и маненька равномерно. Сестрица, большая разумница, утѣшаетъ братца, будущаго гениа музыки, проситъ его взять терпѣніе въ зубы, вмѣсто хлѣба, и притомъ *авторъ* чesки доказываетъ, что ѣсть необходимо ежедневно — такая ужъ саман-

ка у людей — маленькій Моцартъ сначала какъ-будто сомнѣвается въ этой могущественной истинѣ, но вопль желудка подь-конецъ убѣждаетъ его въ ея непреложности... волшебю является благодѣтельная особа — павенка и мамеька получаютъ бифтексъ съ картофелемъ аля-метръ-дотель и пожарскія котлеты, при бутылкѣ вина, а дѣтямъ присланы игрушки и конфекты... Разумѣется, что всѣ довольны, а главное сыты, и, что еще важнѣе, устраивается карьера знаменитаго маэстро.... И поучительно, и трогательно, и забавно!... Смѣю увѣрить васъ, что эта наивная комедія немногимъ уступаетъ нѣкоторымъ изъ пьесъ для взрослыхъ, о которыхъ «Пантеонъ» печально иногда докладываетъ вамъ въ своей театральнѣй хроникѣ...

Вы, конечно, не потребуете отъ «Вѣстника», чтобы онъ разекалъ вамъ содержаніе и прочіихъ пьесъ Д. Т. — Ихъ не мало. — *Испытаніе наксіонерки*, *День Саши*, *Любопытство* — комедіи; *Сильная*, *Кадетъ*, *Восковая кукла*, *Великодушіе* — драмы; *Отгадай по музыкѣ* — представленіе (?); *Исправленіе* — водевиль; *Братъ и Сестра* — семейная сцена; *Золби* — историческій анекдотъ; *Трубочистъ и Хлѣбникъ*, *Два Пріятели*, *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, *Кулець*, *Демьянова уха*, *Лжець* — разговоры, и еще разныя разности. Басенное содержаніе давно вамъ извѣстно, а сюжеты остальнаго безъ труда угадаете по заглавіямъ. Не дурны и замысловаты взаимныя юмористическіе укоры «Трубочиста» и «Хлѣбника».

Хлѣбникъ. — Постой, братъ, дѣло не о томъ.

О ремеслахъ мы говорили.

И все до-сихъ-поръ не рѣшили

Чье лучше? Согласись, мое:

По крышамъ я, какъ ты, не лажу.

Въ трубахъ не вычищаю саму

И не глотаю я ея (ее)...

Трубочистъ. — За то я воздухомъ дышу

Не въ подземельѣ, а подъ небомъ,

Какъ ты, отъ жару не пышу,

Залезши въ печку вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Подняться къ верху мнѣ легко,

Высоки-ль дома, или низки.

Хлѣбникъ. — Ты заберешься высоко,

Да какъ слетишь, вѣдь крыши склизки!

Сюжеты для живыхъ картинъ, между-прочимъ, слѣдующіе: *Жмурки или танцклассъ*, *Фортуна и Нищій*, *Велисарій*, *Диогенъ и Александръ Македонскій*, *Эдипъ и Антигона*, *Орлеанская дѣва*,

Отдача въ рекруты, Вльцій Олегъ, ужаленный змѣею, выползшей изъ черепа коня его, *Ермакъ и Мегметъ Куль* (то сей, то оный на бокъ гнется); *Ломоносовъ*, оставляющій родительскій дождь, и тому подобное: — Есть и нѣсколько раскрашенныхъ, къ этимъ сюжетамъ, литографіекъ, и ноты для пѣнія куплетовъ, и, въ довершеніе, обертка, съ пуповою завѣскою, подъ лирой позлащенной, къ коей летящія куплоны подносятъ ослабленные лица Демокрита и Геракланта, если не ошибаюсь, — между-тѣмъ какъ внизу амуры мѣньшаго размѣра, сиди, играютъ въ дудочку, а дѣти пляшутъ по оной... Впрочемъ томины издавы исправно, чистенько, и могутъ быть не бесполезны, согласно своему назначенію.

Исторія театра, прошедшаго и современнаго, театръ дѣтскій, живыя картины, музыка маленькаго Моцарта, драматическіе разговоры и водевильные куплеты — такъ ошеломили меня, что мнѣ кажется, будто бы я, не сходя съ кресла, высидѣлъ въ душной залѣ три лѣтніе бенефиса; голова моя кружится, въ ухахъ трещитъ, въ глазахъ меркнетъ, поминицу ломить... а Федоръ Алексѣевичъ немилосердо торопитъ меня на срокъ, не входя великодушно въ разсужденіе, что я изнываю подъ бременемъ ожидающихъ еще моего разбора четырехъ фолиантовъ. Нѣтъ! какъ угодно... пусть опоздаетъ выходомъ первая книжка «Пантеона», пусть подписчики осаждаютъ двери его конторы, — я отправляюсь немножко поразсѣяться, пофланерствовать, вдохнуть въ себя свѣжую струю январскаго мороза, — и беру съ собою, въ дорогу, *великолюбымъ «Дамскій Альбомъ»* (стихи и прозу, на трехъ языкахъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ), изданный Шрейдеромъ...

Въ минуту этой благородной съ моей стороны рѣшимости, ко мнѣ входитъ молодой пріятель, любезный сосѣдъ мой, Саша. — «Вы все и вѣчно работаете?» — Какъ быть? это моя профессія: не всѣ родятся съ незавиднымъ правомъ, возможностью и расположеніемъ ничего во всю жизнь не дѣлать; и самое развлеченіе, въ моихъ глазахъ, тогда лишь имѣетъ цѣну, когда наступаетъ послѣ труда и утомленія. Но сегодня я окончилъ работу — хочу отдохнуть: ведите, везите меня куда-нибудь. — «Прекрасно; я за тѣмъ собственно и зашелъ къ вамъ. Зима наконецъ взяла свое; санная дорога снова установилась, медвѣжьи шубы вынуты изъ шкафовъ, троечные извозчики приободрились, пикники, загородныя поѣздки опять устраиаются; пятнадцать градусовъ мороза согрѣло лѣтнимъ вдохновеніемъ извѣстнаго чародѣя... разосланы заманчивыя афиши...» — А, злодѣй! вы импровизируете пародію на фельетоны, и я угадываю ваше приглашеніе. Мнѣ все-равно, лишь бы изъ-за письменнаго стола вырваться. Одно только условіе: этотъ рес-

конный альбомъ ѣдетъ съ нами. — «Что за фантазія?» — Бываютъ фантазіи болѣе дикія, въ чемъ увѣрить васъ онъ лично и непосредственно. Мы будемъ развлекаться и, вмѣстѣ, сочинять критику. — «Идетъ».

Черезъ полчаса, «лихая тройка», не считая сильной хромоты козленной, «мчалась» насъ уже по Суворовскому мосту. Еще четверть часа —

И бѣлоснѣжныя равнины
Вокругъ насъ стлался въ тиши;
Березы, липы и рябины
Торчали въ садовой глуши...
Бездушной вечера порою,
Увыль и мраченъ былъ нашъ путь,
Огни мелькали надъ Неввою,
А вѣтеръ дулъ намъ прямо въ грудь.
Красворѣчиво мы молчали —
Удобства не было, рѣчамъ...
Лошади злой рысцою бѣжали
Къ пустыннымъ Излера Водамъ...

Вы, статья-можетъ, находите, что библиографія моя нѣсколько «непринужденна» и «бойка», какъ «Замѣтки и размышленія Новаго Поэта о русской журналистикѣ»; но смѣю увѣрить васъ, что я никому не изображаю, что фельетоны и критики, въ прозѣ и стихахъ, писались другими гораздо ранѣе фельетониста «Современника» который прельстился ими уже въ тѣ дни, когда «другіе» бросили эту забаву и принажились за дѣло...

...Ничто не ново подъ луною...

Я оставляю минутную шаловливость, и обращаюсь именно къ дѣлу. На форму вы не смотрите: она не помѣщаетъ сущности — я сколько кирки, столько же обстоятеленъ и точенъ...

Въ залахъ, гѣтнею порою столько многолюдныхъ и шумныхъ, было почти совершенно пусто и порядочно холодновато. Въ одной, очень недурно, догрывалъ какую-то заунывную симфонію оркестръ, числомъ музыкантовъ положительно превосходившій число слушателей, въ теплыхъ шапкахъ и мѣховомъ одѣяніи. Въ другой, вскорѣ запѣли тирольцы, не тѣ именитые, которые, въ прошедшемъ году, при полномъ разцвѣтѣ деревьевъ, окуренныхъ табакомъ, и въ павильонѣ, какъ плющемъ, обитомъ живыми цвѣтами, восхищали дилетантовъ, — а тирольцы земліе, съ простуженнымъ горломъ и нѣсколькими сиповатыми оттого голо-

сами. Молодой мой другъ невнимательно прочелъ афишу, ошибся днемъ, и мы поехали на простой вечеръ, безъ всякихъ блистаній и затѣй, даже довольно темный и куда-какъ незатѣйливый... При такомъ разочарованіи оставалось отдохнуть отъ несовѣсть-прятнаго путешествія и пообогрѣться; мы потребовали теплую комнату, наверху, велѣли затопить въ ней каминъ, или что-то въ родѣ камня, и расположились около этого полубивачнаго костра. — Я избралъ кушетку и взялъ со столыка кѣмъ-то забытую тамъ, замѣчательную новую книгу: «Очерки Волжскаго Низовья», П. И. Небольсина, которой однакожь не находилось въ числѣ изданій, присланныхъ ко мнѣ изъ главной конторы «Пантеона», и началъ потому перелистывать эту любопытную новость. Саша помѣстился подлѣ въ креслахъ, и, въ свою очередь, сталъ разсматривать привезенный нами алюминированный «Дамскій альбомъ», такимъ образомъ составлявшей, въ тотъ вечеръ, единственную на «Водахъ» алюминіацию, единственную, неподражаемую въ своемъ родѣ... Отъ времени до времени взглядывая на моего юнаго сосѣда, чтобы угадать впечатлѣніе, какое на него производитъ «роскошный сюрпризъ» г-на К. Шрейдера, я угадалъ нѣчто иное. Неправильныя, но выразительныя черты лица его (говорится о Сашѣ) намекали на слѣдующую, безмолвную его мысль: »комфортъ недостаточенъ; пылающія сырыя подлѣнья плохо меня согрѣвають... пріѣхали въ *увеселительное заведеніе*, и сидимъ голодные, какъ маленькій Моцартъ (еще дома я сообщалъ пріятелю объ этой комедіи: онъ любитель литературы и самъ кое-что пописываетъ)... до чаю я не охотникъ, китайская настойка!... а вотъ хорошо было бы, еслибъ... Онъ поднялъ голову, глаза наши встрѣтились, онъ улыбнулся, я разсмѣялся, и мы поняли другъ-друга. — »Не спросить-ли...» — Шампанскаго? досказалъ я, привставъ съ кушетки, и признесъ сей поучительный для молодежи спичъ: Послушай, Саша! шампанское я не люблю. Настоящее эпернейское рѣдкость; Шампанія очень не объемистый округъ, в виноградной его производительности, конечно, не достааетъ для удовлетворенія жажды цѣлой Европы. Тысячу разъ уже печатно доказывали, что «просвѣщенная», но довѣрчивая Европа зачастую угощается *нѣмецкимъ шампанскимъ*, или даже своими мѣстными издѣліями, правильнѣе поддѣліями, которыя вредны здоровью. Всѣ эти мнимые клико, редереры и другія фирмы, сочиняемыя виноторговцами, въ мелкихъ типографіяхъ, изготовляющихъ всякіе ярлыки и ярлычки, всѣ эти горько-кислосладкія, якобы, *шампанскія* обыкновенно причиняютъ головную боль, ослабленіе всего организма, и, главнѣйше, расстройство пищеваженія... ты же трусишь холеры! — Саша поблѣднѣлъ: онъ страшно боялся

смерти; ему еще такъ весело жить!—Я спросилъ бы добраго лафиту; но въ такомъ случаѣ, придется пить тебѣ одному: ты знаешь, я не терплю краснаго вина — это моя необъяснимая антипатія. И такъ, пошрмимся на шато-д'икемъ?— «Идетъ! это тоже вино съ *шмкомъ*, любимое Тамарина, героя моднаго романа». — Что мнѣ до Тамарина; я остановился на шато-д'икемъ гораздо прежде, именно въ тѣ годы, когда Тамаринъ терзалъ еще не женскія сердца, а букварь... но чтобы ты не подумалъ, что я скупъ, какъ Гарпагонъ Мольера, или Плюшкинъ Гоголя, велмиъ принесть бутылочку высшей цѣнности, подороже твоего «редерера»... Я тоже иногда люблю задать тону, не хуже напримѣръ «Новаго Поэта», который, вамъ уже извѣстно, наканунѣ новаго-года, угостилъ друзей лукулловскимъ ужиномъ, въ замысловатомъ «Кошмарѣ» январской книжки «Современника»...

Дорогую бутылочку принесли, два стакана наполнились блѣдно-вишневой, нѣжно-ароматическою влагою. Саша, воодушевившись, проливалъ юное вдохновеніе свое, а частію и шато-д'икемъ, на цвѣтныя страницы «Дамскаго альбома», между-тѣмъ какъ я внимательно занялся чтеніемъ математическихъ, точныхъ «Очерковъ Волжскаго Низова», чтобы выиграть у себя время и какую-нибудь извлечь пользу изъ неудавшейся поѣздки... Мы передавали другъ-другу свои бѣглыя, отрывочныя замѣчанія. . и я былъ бы самымъ угрюмымъ, несноснымъ педантомъ, еслибъ не удержалъ здѣсь всей неискусственной простоты и пестроты этой оригинальной, но тѣмъ не менѣе до педантизма добросовѣстной критики... какъ и не можетъ быть иначе въ пріятельской бесѣдѣ... драматическая же форма такъ свойственна «Пантеону».

Саша. — Сколько, однакожъ, хлопотъ это стояло!... Корешковый переплетъ, съ блѣднымъ розаномъ на лицевой сторонѣ; раскрашенные «оригинальные» рисунки; чистые листы, бѣлые и цвѣтные, для вписыванія альбомныхъ нѣжностей; старые, давно-извѣстные стихи знаменитыхъ поэтовъ и новыя вирши неизвѣстныхъ сочинителей; проза писательницъ, о существованіи которыхъ мы не имѣли еще удовольствія слышать... претензіи на остроуміе и чувствительность....

Я.—Это ничего не стоитъ... «Рѣка Волга раздѣляетъ Низовую сторону на двѣ части. нагорную и луговую... земли по нагорному берегу именуется просто Волжскою степью, а земли по луговому берегу Луговою степью, или степью Заволжскою»... Это народныя названія, вѣрно опредѣляющія Низовую-сторону... «Куда ни обрати взоръ, всюду встрѣчаешь здѣсь только безбрежную, ровную, грустную и однообразную голую степь»... такова почти вся сѣверная часть Каспійскаго прибрежья.

Саша (читая): «Художникъ, на первомъ листѣ этого дамскаго альбома представилъ корзину съ цвѣтами. Что онъ хотѣлъ сказать? и понимаю его мысль.» Женщины всего болѣе похожи на цвѣты... одной красоты мало... она только обращаетъ на себя вниманіе, но не заслуживаетъ любви (*красота не заслуживаетъ любви?*)... на красивый цвѣтокъ скорѣе взглянуть, это правда; но, взглянувъ, начать нюхать, и если нѣтъ аромата, его (ароматъ?) бросать въ траву и затоптать ногами. Тоже самое бываетъ и съ женщинами»... Бѣдныя женщины! «Дамскій альбомъ», поднесенный вамъ въ видѣ сюрриза, грозитъ затоптать васъ. Какъ это угодливо, любезно, ловко, и сколько галантерейности въ этомъ прозаическомъ отрывкѣ, подписанномъ: «Матильда В.»—Другая статеечка, еще галантерейнѣйшая, подъ заглавіемъ *Изъсеровскіе вечера* (кстати о нихъ здѣсь, не мѣстѣ), выдана за произведеніе «Аннеты Б.» Разумѣется, что это вымышленныя имена: ни Матильды В., ни Аннеты Б. не отличишь нигдѣ, на всемъ земномъ полушаріи: онѣ поселились, вѣроятно, въ воображеніи какого-нибудь досужаго *сочинителя*...

Я.—Безъ всякаго сомнѣнія. Умный отецъ, мужъ, братъ непремѣнно посоветовали бы г-жамъ Матильдамъ и Аннетамъ печатать такіа странныя, хотя и совершенно невинныя вещицы. Альбомъ падаетъ къ празникамъ, когда, въ-торопяхъ, все покупаютъ для подарковъ. Вотъ и разгада....

Саша.—Позвольте; проза не даетъ еще понятія о литературномъ достижествѣ этого альбома. Выслушайте восхитительную стихотворную «страницу изъ альбома упздной барышни»:

• Въ альбомъ пишу дрожа рукою;
Я знаю невозможно словомъ
Сказать (,) съ какою вы душою...
Какъ розанчикъ вы хороши,
Вы безподобны; какъ Венера,
Стройны, какъ горлая Армида,
Легки (,) какъ милая Сильфида;
Но вашихъ прелестей гдѣ мѣра?
О! сколько, сколько въ васъ души!

Александръ В. .

Но что всего курьезнѣе, это три примѣчанія къ стихотворенію г-на Александра В.—1.) «Кто безподобенъ, какъ Венера, того уже нельзя сравнивать съ розанчикомъ. Венера хороша, а розанчикъ ужъ—фа!» 2) «Извѣстно, что Сильфида не милая, а воздушная; и этого не зная, а стихи пописываетъ». 3) «Хорошо, да жаль, что не обавлено»

именно сколько души: пять фунтовъ, а въ десять аршинъ; чѣмъ мѣрить?»...

И. — И прекрасно, что альбомъ самъ себя критикуетъ. Онъ не въ-правѣ будетъ поствовать на критику журналовъ, которые обязаны предупредить публику объ этомъ литературно-художественномъ явленіи: наружный видъ его можетъ вовлечь въ заблужденіе — пестро, много картинокъ, отличная бумага, ноты.... Съ перваго взгляда легко ошибиться....

Саша. — Пожалуй; почти что такъ! Но второй, третій взглядъ разоблачаетъ спекуляцію. Картинки, болѣею-частью, страшная безвкусица, и не соотвѣтствуютъ содержанию текста....

И. — Успокойтесь! Вы еще, какъ вижу, не привыкли обращаться съ печатнымъ; горячитесь, негодуете. Во всѣхъ литературахъ въ мірѣ крайности неизбежны; съ-тѣхъ-поръ, какъ литература сдѣлалась промышленностью, комерціей, превосходное, порядочное, слабое и жалкое печатаются одними и тѣми же типографскими буквами. Въ утѣшеніе вамъ, я прочитаю страницу, другую (89—91), изъ «Очерковъ Волжскаго Низовья». Авторъ описываетъ кочеванье.... «Какъ только снѣгъ со степи сойдетъ, татары посемейно выходятъ на кочевку. Это случается около половины марта, и сопровождается слѣдующими обстоятельствами. Къ воротамъ двора выкатываютъ арбы и впрягаютъ въ нихъ по парѣ воловъ или по верблюду. На арбы накладываютъ: на переднюю—кибитку и котлы, на вторую—другую кибитку, если она случится у сельянистаго (?) татарина; на третью, четвертую и пятую, и т. д., иногда штукъ до десяти—разный домашній скарбъ, утварь, сундуки и прочія принадлежности домовитата хозяйства. По данному отъ главы семьи знаку, повѣздъ двигается въ путь. Впереди гонять весь скотъ—сначала лошадей, потомъ рогатую скотину, за ними козъ и овецъ. Каждое отдѣленіе замыкаютъ погонщики. За ними слѣдуютъ внагльвивыя арбы, въ которыя сажаютъ ребятшекъ; бабы и дѣвки садятся тоже всегда въ арбы; бабы же и погоняютъ упряжку. Шествіе замыкаютъ мужичны верхомъ на лошадяхъ, а у кого нѣтъ лошади, тотъ и пѣшкомъ идетъ; бѣдные люди впрягаютъ въ арбы, вмѣсто воловъ, послѣднюю коровѣнку... Надобно самому испытать всю прелесть лѣтнихъ перекочевокъ по степи (,) и узнать цѣну благотѣтельнаго вліянія ихъ на здоровье человѣка, чтобы вполне понять ту истину, что только крайняя бѣдность и нищета могутъ заставить номада отказаться отъ этого счастья и, изъ одной только нужды, искать хлѣба на чужой сторонѣ. Пока есть у него ветхая, еле держащаяся кибитка, пока есть головъ лошадекъ для повтора мелкаго скота, степной житель не станетъ до-

бровольно лишать себя отрадной кочевки, и отвыкать отъ того, съ чѣмъ сроднились его и обычаи предковъ, и ограниченность житейскихъ потребностей, и условія климата, и характеръ общественныхъ занятій его племени, и насущная необходимость самому спастись отъ духоты живыхъ покоевъ, раскаленныхъ знойнымъ солнцемъ, и откормить немногочисленные табуны и стада—единственный источникъ его благосостоянія... Выходъ на кочевку хотя и составляетъ радостное событіе, однакожъ у Карагашей онъ не сопровождается особеннымъ праздникомъ. Все ограничивается только тѣмъ, что семья зарѣжетъ лишняго барана, мужчины побольше напьются айрана, ребятишки поплотнѣ набьютъ себѣ желудки, дѣвки и молодыя бабы покрасивѣ приодѣнутся; но ни пѣсенъ, ни плясокъ тутъ не бываетъ».

Саша. — Но вы еще не кончили собственно о Низовѣ позвожскомъ?

Я. — И трудно кончить. Для этого необходимо изучить всю первую главу «Очерковъ», что и совѣтую тебѣ сдѣлать надосугѣ, дома, когда ты приобрѣтешь эту полезную книжку, съ приложеннымъ къ ней чертежомъ: она пополнитъ твои географическія, топографическія и статистическія свѣдѣнія о любопытномъ, оригинальномъ краѣ нашего обширнаго отечества. Впрочемъ, вотъ, въ короткихъ словахъ, намекъ на природу и особенности Низовья, обильнаго пустырями, солончаками, сыпучимъ пескомъ, и бѣднаго — проточною водою....

Саша. — Какъ? Страну, омываемую широкою Волгою съ бесчисленными ея притоками, вы называете безводною?

Я. — Не я, а самъ почтенный авторъ. И онъ, кажется, правъ. Онъ говоритъ: «слова эти, конечно, покажутся парадоксомъ для того (не тому-ли), кто лично незнакомъ съ краемъ и вообще не охотникъ стравляться съ географическими картами».... Правда, «разливъ Волги бываетъ такъ великъ, что сліяніе всѣхъ побочныхъ ея рукавовъ въ одно общее съ коренною Волгою русло представляетъ огромный водный потокъ, отъ тридцати до сорока верстъ ширины. Но что же есть тамъ еще, кромѣ этой гигантской массы воды? Что представляютъ пространства, на нагорной сторонѣ до рѣкъ Сарпы и Кумы, а на луговой, до Узена и дальше, вплоть до самаго взморья? — Голую, сухую, степь, на которой, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, всѣ тощія злаки почти совсѣмъ пожигаются. Зима здѣсь обыкновенно короткая, морозы слабые, снѣгъ некрѣпокъ, санный путь весьма непродолжителенъ.... съ іюня наступаетъ жара нестерпимая....» (стран. 2 — 3). Мало того, что въ этой сторонѣ, мѣстами нѣтъ воды — нѣтъ тамъ и тѣни, гдѣ, томимый жара

лю, ты ногъ бы, подъ вѣтвистымъ деревомъ, укрыться отъ палящихъ, сожигающихъ лучей. Безводе и безлѣсье! (стран. 7 — 9.)

Саша (подливая себѣ шато-д'якема, придвигаясь къ потухающему полубамбину и продолжая разсматривать «Художественный» альбомъ). — Картинка, изображающая какой-то пейзажъ, съ группами, сидящими подъ огромными деревьями (это, видно, не въ Низовой-сторонѣ)... вдали, по дорогѣ, кавалькада — а рядомъ старинные стихи: «*Братья, рюмки наливайте... лейся черезъ край вино!*»... Это въ дамскомъ альбомѣ?

Я. — Опять горячишься. Я буду унимать тебя статистикой. — «Настоящее народонаселеніе Низовой стороны весьма разнообразно. Кромѣ русскихъ и армянъ, тутъ обитаютъ татары разныхъ наименованій: Юртовскіе, Кундровскіе, татары Бухарскаго, Гялянскаго и Агржанскаго дворовъ, туркмены, каракалпаки, калмыки и киргизы». Вся книга, въ десяти главахъ, какъ я убѣждаюсь и бѣглымъ ея пересмотромъ, подробно, при умной сжатости оживленнаго разсказа, сообщаетъ читателю основательную характеристику этого смѣшаннаго, частію осѣдлаго, частію кочеваго народонаселенія, краткую исторію каждаго племени, его прежній и настоящій бытъ, средства къ существованію, или промышленность, оригинальные нравы, мѣстные обычаи, описаніе одежды мужчинъ и женщинъ, обрядовъ, религіозныхъ и общественныхъ, анекдотическіе случаи — однимъ-словомъ, все относительно избраннато предмета и дробныхъ его подраздѣленій...

Саша. — Птицы, плоды, въ наипестрѣйшихъ рисункахъ, разсужденіе объ «истинномъ счастіи» въ ужаснѣйшихъ виршахъ... гамбургская полька... вѣтъ-ли и лимбургскаго сыру?.. Восхитительнѣйшій альбомъ! Увы, у меня не имѣется такой спиходительной кузницы, которой я дерзнулъ бы поднести его...

Я. — Очерки Низовья вѣрно изображаютъ армянъ, отдають полную справедливость высокимъ и нравственнымъ качествомъ юртовцевъ, красотѣ ихъ женъ и дочерей, музыкальнымъ и даже литературнымъ наклонностямъ этого племени...

Саша. — Припоминаю стихъ Грибоѣдова: «Тутъ все есть...» Добрался я наконецъ до элегіи и философіи. Дамскій альбомъ совѣтуетъ красавицамъ чаще посѣщать кладбища, дабы постигнуть суетность и переходчивость земную... предостерегаетъ смѣлыхъ барышень кастельно катанья въ лодкѣ, на каковой конецъ сочинена и картинка, представляющая бѣдственную погябель двухъ яликовъ въ бурныхъ водахъ Финскаго залива...

Я (читая вслухъ). — «Племена, пребывающія въ первобытныхъ формахъ патриархальнаго управленія, обыкновенно славятся гостеприимствомъ.»

Кунаревскіе татары тоже гостепріимны. Добродѣтель эта выражается у нихъ тѣмъ, что, вошедшаго въ кибитку гостя хозяинъ непременно приглашаетъ сѣсть (,) и напоить его, или накормить. Если гость бѣденъ—ему дадутъ чашку айрана; если онъ близкій знакомецъ—нальютъ кирпичнаго чая, а если онъ и не коротко знакомъ, но человекъ или богатый, или нужный—для него непременно зарѣжутъ кургашка» (стран. 106). Совершенно также, какъ и у ночевыхъ племенъ. Люди вездѣ люди,—и въ общихъ, основныхъ свойствахъ человѣческой природы, обитатель степей, занимающійся скотоводствомъ, и просвѣщенный горожанинъ, щеголяющій орловскимъ рысакомъ, неизбѣжно сходятся. Все различіе только въ формахъ и во внѣшности. Не должно быть слишкомъ взыскательнымъ къ слабостямъ, но-крайней-мѣрѣ безвреднымъ. На этомъ основаніи, не пощадить ли намъ и пресловутый «альбомъ»?

Саша. — Еще одну минуту. Позвольте испить до дна...

Я. — Да вѣтъ это не шато-д'икемъ. Послушай, лучше, вѣчто въ альбома казычскихъ дамъ. Онѣ «одѣваются въ ситцевые или шелковые *бешметы*; опоясываются шелковымъ поясомъ; носятъ также и *терлики*, просторныя платья съ стоячимъ воротникомъ, поверхъ котораго вынускаются длинныя воротнички бѣлой рубахи. Терлики обшиваются позументами и шелковыми лентами, а дѣлаются изъ нанки, ситца, шелка, газета, парчи или бархата. Для верховой ѣзды вѣкоторыя падѣваютъ *цегдыкъ*, тотъ же терликъ, но безъ рукавовъ, а съ распашными спереди и сзади полами. Носовыя платки—необходимость *щеголей обомъ половъ*, точно также, какъ и кольца, по дѣвицы носятъ ихъ на мизинцахъ, а замужнія женщины на безымянныхъ пальцахъ. Дѣвицы косъ напередъ не вынускаютъ, а *существеннѣйшее* (?) отличіе ихъ отъ замужнихъ состоитъ въ томъ, что онѣ носятъ родъ корсетовъ, начиная стягивать грудь съ-тѣхъ-поръ, когда формы начинаютъ округляться: условія казычской скромности требуютъ, чтобъ у дѣвицы на груди никакихъ возвышенностей замѣтно не было» (стран. 196).

Саша. — А вотъ, наконецъ, и я, въ моемъ альбомѣ нашелъ нѣчто, относительно удачнѣйшее... Плохая, хотя и яркочѣтная картина изображаетъ «блестательный» балъ, а текстъ гласитъ: «балы выдуманы для веселья, отъ чего же часто бываетъ на нихъ скучно? Вопросъ рѣшается просто. Тебѣ, Антовина, скучно на балѣ, потому что ты хочешь быть царицею бала—или первую—а мѣсто уже отдано другой, которая и красивѣе (,) и любезнѣе (,) и образованнѣе (,) и больше тебя... Вамъ, Машинька, скучно потому, что не пріѣхалъ Александръ, для котораго вы такъ старательно вышили подушку съ двумя вышитыми голубками. Вамъ, Людмила»...

Я. — И такъ-далѣе... Ну, поздравляю тебя, дебютантъ-критикъ, если это признаешь удачнѣйшимъ?

Сама, немного въ досадѣ, что нѣсколько промахнулся, сталъ шипать свой только-что пробившійся усъ и, казалось, собирався вышпистить ее на несчастномъ альбомѣ. «Тройка скачетъ, тройка мчится, — и въ стихахъ, тутъ перепечатанныхъ, и на украшающей ихъ картинкѣ» — произнесъ онъ вполголоса... — А наша меранеть (прибавилъ я), нетерпѣливо бьетъ копытами, исключая коренной, у которой, кажется, недостаетъ двухъ копытъ. — И страницы безъ нумераціи» — продолжалъ онъ, начиная уже придраться къ альбому, и забывая, что въ подобныхъ изданіяхъ, съ пробѣлами, нумераціи и не бываетъ. — Оставимъ критику и безмолвныя, не журчащія «Воды». Эксцентрическій альбомъ, съ нами сюда залетѣвшій, и книга, случайно здѣсь попавшаяся, достаточно рассмотрѣны... шато-д'икомъ выпить, огонь въ каминѣ погасъ, вѣстѣ съ нашимъ вдохновеніемъ. Пора во-свясся...

Когда мы сошли съ верху, въ запахъ не слышалось уже ни унылой сивфоніи, ни сиповатаго пѣнія тирольцевъ, а была совершенная темень и тишь, хотя въ настроенный лѣтними здѣсь затѣями слухъ, отдаленнымъ, фантастическимъ эхомъ, и вторгалось нестройное завыванье кыганскаго хора... Черезъ нѣсколько минутъ, передъ нами снова разстлались снѣговыя поляны; вѣтеръ стихъ; блѣдный, полужаслоняемый облакомъ мѣсяцъ печально озарялъ серебристую, но мертвенную окрестность, и трудно было узнавать въ ней столь знакомое петербургскимъ жителямъ загородье, которое, впрочемъ, скоро опять оживится, зазеленѣтъ... конечно, не для всѣхъ, въ прошедшемъ году совершавшихъ обычный въ Новую-деревню путь... На берегу застывшей Карповки, слѣва, подлѣ каменнаго дома (гдѣ столько лѣтъ красовалась вышка: «лашпы съ коловратнымъ движеніемъ»), мелькнула скромная, не чуждая прежнимъ сотрудикамъ «Сына Отечества», сѣренькая дачка автора «Стрѣльцовъ» и кроткаго журналиста, благо разумно промѣнявшаго періодическую славу на спокойное, безмятежное уединеніе...

Спустя четверть часа, наша порядкомъ отдохнувшая тройка домчала насъ до городского берега Невы, а потомъ и Фонтанки... Добровольный дебютантъ-критикъ отпавился спать, а вашъ покорнѣйшій слуга, «обязанный» бібліографъ, волею-неволею, присѣлъ еще къ письменному столу, продолжать литературный отдѣлъ «Петербургскаго Вѣстника»...

Благодареніе Аполлону, остаются только три тома... но какіе томы! ихъ одною рукою не поднимаешь, въ одинъ вечеръ не проглотить, какъ съѣсть устрицъ, — за то можешь наслаждаться цѣлый годъ: книги дѣльныя, instructivныя и занимательныя!

Но что за странность? Два огромные тома «*Живописнаго путешествія въ южную и сѣверную Америку*» означены цифрами: первый — 1839, второй (или, какъ напечатано на заглавномъ листѣ, второй) — 1853 года, и къ русскому переводу этой извѣстной французской компиляціи сочли излишнимъ написать хотя маленькое предисловіе, которое объясняло-бы *тринадцатилѣтній* интервалъ между выходомъ одного, давно забытаго, и появленіемъ другаго, нынѣшняго тома. А въ эти тринадцать лѣтъ, новые путешественники и наука сдѣлали кой-какія новыя изслѣдованія, открытія, политика произвела нѣкоторыя измѣненія въ географическихъ границахъ и статистическихъ данныхъ областей южной Америки, такъ что въ старомъ описаніи могутъ встрѣчаться непріятные анахронизмы, требующіе поправокъ, оговорокъ, прииѣчаній. Это было-бы обязанностью русскаго издателя... а кто издатель — также неизвѣстно. Одни критики называютъ книгопродавца Печаткина, другіе г. Плюшара. Въ самомъ имени переводчика возникло недоразумѣніе. На оберткѣ обоихъ томовъ сказано: «переводъ П. И. Корсакова». Но заслуженнаго литератора, носившаго эту почетную фамилію, звали Петромъ Александровичемъ, и его давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Остался-ли по смерти его полный перевод втораго тома; переведенъ-ли этотъ томъ, или, по-крайней-мѣрѣ, оконченъ другимъ лицомъ, и кѣмъ именно? — все это вопросы, разъясненіе которыхъ служило-бы для публики немаловажнымъ ручательствомъ въ достоинствѣ и *современности* перевода, то-есть, въ исправленіи и дополненіи его согласно новѣйшему положенію Америки. Отъ насъ, русскихъ, въ особенности петербургскихъ жителей, теперь она уже не такъ далеко, какъ за тринадцать лѣтъ тому: стоить только заглянуть въ панораму Миссисипи, и, повторяя сказанное въ ноябрской прошлаго года книжкѣ «Пантеона», — зрителю покажется, «будто онъ на пароходѣ плыветъ по гигантской рѣкѣ, и мимо, его мелькають калифорнскія розсыпи, дѣвственные лѣса, пустыни, села и цвѣтущіе города «Новогрѣта. Со времени приступа къ французскому изданію полезной впрочемъ компиляціи г. Алкида д'Орбиньи, возбужденной успѣхомъ Дюмонъ-Дюрвилева «Путешествія вокругъ свѣта», прошло чуть-ли не около двадцати лѣтъ, а въ-продолженіе этого срока мы столько прочитали объ Америкѣ въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, что едва-ли разсматриваемое твореніе, безъ сказанныхъ исправленій и дополненій, не будетъ отнесено иными, слѣдующими за наукою читателями — къ числу явленій, нѣсколько запоздалыхъ. Что предпріятіе д'Орбиньи — трудъ не самостоятельный, а именно, надлежитъ повторить еще разъ, компиляція — это подтверждаетъ самое заглавіе обоихъ томовъ: «*извлечено*

изъ путешествій Коломба, Лазъ-Казаса, Овiedo, Гомара (слѣдуетъ еще исчисленіе *сорока-трехъ* именъ, оканчивающееся словами: «и проч. проч.») редакторами Живописнаго путешествія вокругъ свѣта».

Тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, неизвѣстному издателю должно послать спасибо, хотя за то, что вышель наконецъ и второй томъ этого давняго путешествія въ Америку, безъ чего поддички на первый остались-бы немного въ накладѣ. Не уклонившись отъ замѣчаній, какихъ требовала справедливость и точность библиографическая, можно и должно воздать книгѣ подобающее хваленіе. Если въ ней и не оказывается современнаго, животрепещущаго интереса, то историческаго у нее никто не отниметъ, а свѣдущій читатель, съ небольшимъ трудомъ, отмѣтитъ на поляхъ ея измѣненія, указываемыя временемъ и политическими обстоятельствами. Форма описанія, какъ знаетъ онъ уже по первому тому русскаго перевода, или по французскому подлиннику — повѣствовательная: объ Америки изображены здѣсь не въ сухомъ, дидактическомъ изложеніи, а въ самомъ заманчивомъ, разнообразномъ разсказѣ многочисленныхъ путешественниковъ — путешественниковъ ученыхъ (каковы, напримѣръ, Гумбольдтъ, Франклинъ, Пари), странствователей полуроманическихъ, туристовъ-авантюристовъ, непосѣдъ всякаго характера и покроя. Но этотъ пестрый, увлекательный разсказъ *многихъ* — свѣренъ, провѣренъ, избавленъ отъ противорѣчій, или повтореній, приведенъ въ отчетливое единство и строгую систему умными, просвѣщенными редакторами французскаго подлинника. Противъ русскаго перевода нечего сказать невыгоднаго: мѣстами онъ очень хорошъ, мѣстами послабѣе, но не дуренъ, и лишь кое-гдѣ попадаются незначительныя задоринки, неважныя погрѣшности. Множество недурныхъ гравюръ разцвѣчаетъ компактный текстъ; издаче книги вообще чистое и не некрасивое — ему недостаетъ только, какъ уже упомянуто, современныхъ исправленій и дополненій... чему подаютъ примѣръ третій томъ истинно роскошнаго и великолѣпнаго *«Живописнаго сборника замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія»*. Несутоимный и старательный издатель его, А. А. Плюшаръ, съ полною добросовѣстностію исполняетъ свою обязанность передъ публикою. Представляя на судъ ея этотъ превосходный томъ, редакція говоритъ: «сѣбѣмъ надѣяться, что онъ послужитъ доказательствомъ постояннаго стремленія къ усовершенствованію изданія. Въ первомъ томѣ Сборника было помѣщено 86 статей на 375 страницахъ, во второмъ 32 на 352 страницѣ, а въ третьемъ 24 статьи заняли 397 страницъ. Постепенное уменьшеніе числа статей произошло отъ того, что редакція заботилась *обработывать* каждую изъ нихъ сколько возможно тщательнѣе и полнѣе,

чтобы читатели могли получить объ описываемыхъ предметахъ достаточно полныя и разностороннія свѣдѣнія. Такимъ-образомъ многія относящіяся къ одному предмету мелкія статьи, разсыпанныя по разнымъ иностраннымъ иллюстрированнымъ изданіямъ, нерѣдко сливаются въ «Живописномъ сборникѣ» въ одно стройное описаніе, и дополняются необходимыми свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. При этой системѣ, естественно, представляется возможность придать статьямъ бѣльшій интересъ, не лишая общій составъ изданія того разнообразія, какое предположено въ его программѣ. «Относительно исправленія и пополненія нѣкоторыхъ статей, редакція обращалась къ извѣстнымъ нашимъ специалистамъ, между прочими, къ заслуженному профессору Медико-Хирургической Академіи, доктору П. Ѳ. Горянинову, профессору ботаники въ здѣшнемъ Университетѣ И. О. Шиховскому и ученому синологу З. Ѳ. Леонтьевскому. Прекрасными рисунками третій томъ Сборника богаче двухъ первыхъ, и притомъ многіе рисунки вырѣзаны на деревѣ въ Петербургѣ, а нѣсколько изъ нихъ и вновь сняты съ натуры... Такъ именно и должны быть ведены подобныя изданія, на которыя «Пантеонъ», какъ журналъ литературно-художественный, постоянно будетъ обращать преимущественное вниманіе.

И, при сей okazji, «Пантеонъ» могъ бы — разумѣется, не въ отдѣлѣ летучихъ сообщеній «Петербургскаго Вѣстника» — представить читателямъ своимъ чрезвычайно-любопытныя и занимательныя извлеченія или сокращенія изъ третьяго тома «Сборника». Хотя основаніемъ большаго части статей его и служитъ литература заграничная, но ихъ составъ изъ разбросаннаго тамъ и сямъ матеріала, и самое ихъ изложеніе, изящное по формѣ, обдуманное въ сущности содержанія — придаетъ имъ достоинство оригинальности и самобытности. Послѣ описанія по фаздкѣ въ Новую-деревню, вашъ слуга употребилъ цѣлыя два дня собственно на прочтеніе этой книги, отъ которой нельзя оторваться, и уже мечталъ ухитриться, — въ двухъ, трехъ страничкахъ, дать хотя приблизительное о ней понятіе, какъ новый набѣгъ того же любезнаго сосѣда совершенно разрушилъ это, откровенно сказать, неудободостигаемо е намѣреніе.

«Возитесь съ страшными фоліантами, ломать голову надъ тѣмъ, чего никто не оценитъ, когда весь городъ сидитъ къ легкому и дешовому наслажденію? Нѣтъ, ужъ извините, я не допущу, чтобъ вы, изъ неблагодарной любви къ литературѣ, мучили себя такъ жестоко!» тараторилъ онъ, закуривая папироску.

— Но *сегодня* необходимо кончить статью... было ему отвѣтъ.

«И вы ее кончите, то-есть, и за васъ кончу... *черезъ...*»

эффектно, неожиданнымъ оборотомъ... я все придумалъ... только не упрямьтесь...

— О щеглота, о юные гени! Вы способны загонять любого стараго воробья или воркуна литературнаго...

«Ничуть не питаю въ себѣ такихъ самоувѣренныхъ замысловъ: но о пѣвчихъ птичкахъ вы вспоминали кстати. Не медля ни минуты, собирайтесь послушать удивительнаго соловья...»

— Вѣрно, въ пассажѣ? Прошлою зимою, тамъ, въ-самомъ-дѣлѣ, чудно пѣлъ одинъ.

«Безъ вопросовъ и распросовъ. Время дорого; минуты, повторяю, сочтены. Съ первымъ полумракомъ сумерекъ, нѣжный пѣвецъ умолкнетъ надолго, и быстро отлетитъ къ дебрямъ дѣпровскимъ...»

Нельзя было устоять противъ такой восторженной и пѣвучей фразы. Не заглядывая нѣсколько дней въ афиши и газеты, я все еще не догадывался, въ своемъ библиографическомъ затмѣннн, и меня притомъ слутывалъ недавннй прїѣздъ г-жи Вiардо, которая, какъ молва уже разнесла отъ бель-этажей до чердаковъ, восхитительно пѣла русскаго соловья въ «Севиальскомъ Цирюльничкѣ»...

Это было въ воскресенье, 11 января. Итальянская и Михайловская улицы дрожали подъ экипажами. Мы не успѣли къ началу, и застали уже первый антрактъ. Партеръ и хоры, въ-слѣдствіе пониженныхъ цѣнъ, немного оставляли пустыхъ мѣстъ. Публика жужжала; одни сидѣли, другіе прохаживались, третьи разговаривали группами. Кто прн-ымъ видѣтъ залу Дворянскаго Собранія во-время вечернихъ баловъ и ночныхъ маскарадовъ, на того, при смѣшеннн двухъ свѣтовъ, дневнаго и гасоваго, она производитъ особенное впечатлѣніе. Провинціалъ, никогда въ ней не бывавшій и нечаянно здѣсь очутившійся, на мгновение, статья-можетъ, невольнo бы ошибся: эти кристаллыя люстры съ множествомъ искусственныхъ свѣчъ, издающихъ мерцающее, ослабленное туманными волнами натуральнаго освѣщенія, пламя; эти грандіозныя колонны, амфитеатръ обитыхъ краснымъ сукномъ скамеекъ, высокій потолокъ, и все остальное могло бы родить поэтическую фантазію...

«Я сдерживаю слово, и диктую вамъ», сказалъ острый щегленокъ. «Дома вы запишете, въ четверть часа. Я прочтала Сборникъ прежде васъ, и отъ доски до доски. Слушайте: *Мадридъ и тамошніе кра-мы*, 13 главъ; *Остзейскія губерніи*... въ эти статьи, увѣряютъ, вкралось нѣсколько обмолвокъ, и совѣтуютъ г. Плюшару исправить ихъ, при выдачѣ 4-го тома; издатель, конечно, приметъ совѣтъ, если редація убѣдится въ дѣйствительности погрѣшностей... *Встрѣча Ру-*

бенса съ Тассомъ, 8 главъ — въ пятой встрѣчается и Мишель-Монтанъ... *Очерки Китая*, 7 главъ, очень интересныхъ, особенно главы о воспитаніи и о домашнемъ бытѣ китайцевъ и объѣдахъ ихъ супруговъ и отцовъ... *Англичане во-своихъ-хъ*, обширная, еще болѣе любопытная статья, въ семи отдѣлахъ, которые знакомятъ съ умнымъ Джонъ-Булемъ до короткости тѣсной дружбы. Это, и еще другія, не такъ бросающіяся въ глаза статьи — болѣе или менѣе заимствованія: но есть нѣсколько и чисто-русскихъ...»

— Что это? Кажется, птичка сюда залетѣла? вполголоса провизнесъ подлѣ насъ вѣкто, съ весьма простодушной физиономіей...

Дѣйствительно, послышались робкіе, тихіе звуки, похожіе на пѣніе птички, на трепетаніе мягкихъ крылышекъ. Общее вниманіе, также развлеченное растабарами, повидимому, обманулось не лучше наивнаго господина: въ секунду воцарилось въ залѣ ненарушимое молчаніе... я быстро выхватилъ изъ рукъ Саши желтую афишу концерта, и въ третьемъ номерѣ прочиталъ: «le rossignol, fantaisie sur un motif d'Alabieff, avec piano, comp. par Ap. de Kontski». И скоро волшебный смычокъ его точно запѣлъ соловьемъ — не передаваемое печатными буквами — да и не наше библиографическое дѣло...

«Оригинальная статья слѣдующія», продолжалъ мой щегленокъ, когда, передъ новымъ антрактомъ, прекратились рукоплесканія: «*Самоеотверженіе русскаго моряка...* мичмана Домашенки, который спасая простаго матроса погибъ, вмѣстѣ съ нимъ, самъ. За то благородные товарищи воздвигли ему памятникъ (въ Кронштатѣ). Передъ нимъ, на рисункѣ, задумчиво стоитъ флотскій офицеръ, съ другой стороны проходитъ статскій съ дамою, и рѣзвится молоденькая дѣвушка. Это напоминаетъ стихи Пушкина:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...

Подвигъ Домашенки рассказалъ съ чувствомъ г. Блокъ, которому также принадлежитъ и замѣчательная біографія адмирала Лазарева. Г-нъ И. Маннъ подарилъ въ Сборникъ Бетговена... Ахъ, изъ переводныхъ, я пропустилъ Мольера!..»

Но тутъ уже нельзя было пропускать ни звука: Контскій снова явился передъ оркестромъ Кажинскаго, и все опять замолкло, все жадно внимало этой чародѣйственной скрипкѣ. И что жъ, когда она потомъ заключила знаменитымъ венеціанскимъ карнаваломъ, Паганини,

вошли *остроумные* критиканы. Какъ это жалко и не остро! Нѣкій сонный джентельменъ, съ лорнетомъ въ глазу, раскачиваясь на стулѣ, полупеталъ своему сосѣду: «Назовите мой приговоръ — приговоромъ осла соловью (въ баснѣ Крылова), а я все-таки скажу:

Его безъ скуки слушать можно...
Но сердце у меня не билося тревожно!»

Правда, вдохновенный артистъ, снисходительно угодая вкусу большинства, избралъ для этого прощальнаго, передъ отъѣздомъ своимъ въ Кіевъ, концерта, пьесы, болѣею частію, виѣшняго, механическаго эффекта: но кто не знаетъ, что смычокъ единственнаго ученика Никола Паганини умѣетъ трогать за живое, извлекать слезы, волновать душу...

Къ чести щегленка нашего, должно прибавить, что онъ хотя тоже довольно вѣтренный молодой человекъ, далеко не раздвѣляя нѣтъна ириваннаго суды, и въ такой степени увлекся игрою Контскаго, что вовсе забылъ даже упомянуть о *лучшей*, важнѣйшей статьѣ Сборника, о біографіи В. А. Жуковскаго, составленной П. А. Плетневымъ, въ которой маститый поэтъ мастерски изображенъ, такъ сказать, отъ безвѣстной колыбели до увѣчаннаго лаврами гроба, и въ внимательномъ, съ задушевнымъ участіемъ, слѣдите за этою тихою, созерцательною жизнью...

Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ своихъ «Пантеонъ» надѣется подробнѣе познакомить читателей съ любовнымъ и симпатическимъ произведеніемъ П. А. Плетнева, а въ другой рассмотреть и полное собраніе сочиненій здравствующаго поэта нашего, нувелиста и драматурга, Н. В. Кукольника, который теперь, по кончинѣ Жуковскаго, имѣетъ авторъ Тасса, имѣетъ все справедливое притязаніе наследовать лиру незабвеннаго переводчика Шиллера и Гомера (Одиссея); нынѣшній же бібліографическій перечень свой Петербургскаго Вѣстника заключаемъ указаніемъ еще на одно художественное изданіе. Содержаніе *Палатной книжки* извѣстно всемъ, но съ каждымъ новымъ годомъ она украшается новыми превосходными гравюрами. Въ нынѣшней (1853 г.) въ тринадцать. Между-прочимъ, онѣ изображаютъ «гренадеровъ въ сраженіи подъ Остроленкою; сложеніе оружія Гергеемъ; драніи замка въ Ревелѣ; царскіе терена въ Кремлевскомъ дворцѣ; прощаніе невалда съ сыномъ, отправляющимся на службу». Композиція рисунковъ и гравировальное ихъ исполненіе выше всякой похвалы...

III. МУЗЫКА.

Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Виардо-Гарціи въ особенности. — Добыть ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвица Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауреръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контскаго. — Еще фантази. — Воспоминанія изъ Дона Паскале и новая мазурка Контскаго. — Новый инструментъ, изобрѣтенія г. Кажинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ приютовъ и г. Балье. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штеръ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новые музыкальныя изданія.

Искусство пѣнія принадлежитъ къ самымъ сложнымъ, и требуетъ отъ жрецовъ своихъ самыхъ рѣдкихъ качествъ. Сколько трудностей и техническихъ препятствій долженъ преодолѣть пѣвецъ, сколько терпѣнія потратить, чтобы послѣ долгаго и тщательнаго ученія достигнуть возможности управлять голосомъ, и придавать ему то выраженіе, которое необходимо для воспроизведенія чувствъ, имъ ощущаемыхъ. Этотъ звукъ, вылетающій изъ гортани пѣвца, въ которомъ дышетъ и живетъ его душа, который рѣзко и живо отражаетъ всѣ оттѣнки страсти, и увлекаетъ, восторгаетъ слушателя, былъ, какъ брилліантъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, подверженъ дѣйствію пилы гранильщика. Очищенный, блестящій человѣческій голосъ, этотъ благороднѣйшій инструментъ, не нуждается ни въ какомъ пособіи, и передавая вѣсть съ мелодіей и слова, выражающія мысль поэта, дѣйствуетъ прямо на сердце и душу человѣка. Поэтому-то пѣніе и занимаетъ такое важное мѣсто въ музыкѣ. Но одна техническая обработка голоса и строгое изученіе всѣхъ таинствъ искусства пѣнія — не составляютъ еще пѣвца драматическаго. Отъ него требуется душа воспримчивая и сообщительная, требуется глубокое поэтическое постиженіе и оригинальный способъ выраженія. Такихъ пѣвцовъ и пѣвицъ очень не много, и одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, безспорно, занимаетъ г-жа Виардо-Гарціа, превосходная актриса, гениальная пѣвица, первая изъ современныхъ оперныхъ героинь, послѣ знаменитой и неподражаемой Жени Линдъ.

Г-жа Виардо долго была любимицей нашей публики: она почти развилась и образовалась на петербургской сценѣ, и отсюда неслась ея громкая слава по Европѣ. Появленіе ея вновь въ составѣ нашей Итальянской Оперы составляетъ эпоху въ нашемъ музыкальномъ мірѣ, и возбуждало живѣйшій восторгъ во всѣхъ настоящихъ любителяхъ искусства.

Г-жа Виардо-Гарціа оларена обширнымъ, пріятнымъ и гибкимъ голосомъ; она съ удивительною легкостію и смѣлостію преодолеваетъ всякую трудность.

Но кромѣ прекраснаго инструмента, голосъ ея — по преимуществу симпатическій, невольно овлаждающій слушателемъ и увлекающій его до восторга. Она одинаково поетъ всѣ партіи и всѣ роды. Живая, веселая въ роли *Розины* въ «Севильскомъ цирюльникѣ», кокетка въ *Нимф* «Любовный найдютокъ», страстная въ *Дездемонѣ* въ «Отелло», г-жа *Віардо* соединяетъ въ себѣ всѣ качества и всѣ недостатки гениевъ: тщеславіе, увлеченіе, восторженность, блескъ и неровность. Въ талантѣ ея заключаются самыя разнородныя влеченія и самыя рѣдкія качества великихъ пѣвцовъ Италіи. Никто, какъ она, не обладаетъ такою дивною способностью соединять съ такимъ рѣдкимъ совершенствомъ страсти трагическія съ легкими вдохновеніями комизма, и въ этой-то двойственности находится оригинальность ея дарованія, основа ея вліятельности и успѣха и права на повсемѣстную славу.

Много говорили о предстоящемъ пріѣздѣ г-жи *Гарціи*, много толковали о распространившемся слухѣ, что она утратила свой серебристый голосъ; но какъ удивился Петербургъ, когда прежняя любимица его явилась передъ нимъ съ замѣчательнымъ усовершенствованіемъ, не только въ голосѣ, но и въ самой методѣ пѣнія. Правда, произошла перемѣна въ ея голосѣ, но перемѣна благотѣльная: она дѣйствительно утратила двѣ верхнія ноты сопрано, но зато приобрѣла столько же нижнихъ контрастныхъ. Стало-быть діапазонъ не только не утратился, но сдѣлался еще болѣе замѣчательнымъ и рѣдкимъ.

Перечислять восторги публики, при первомъ ея появленіи на сценѣ, мы предоставляемъ другимъ словоохотнымъ фельетонистамъ; скажемъ только, что восторгъ былъ основательный и пріемъ вполне заслуженный.

Но кромѣ г-жи *Гарціи*, гостить у насъ еще одна извѣстная дѣвица: *Клара Добре*, принявшая на себя, нѣсколько недѣль тому, по случаю внезапной болѣзни г-жи *Маррай*, роль королевы въ оперѣ «Гвельфы и Гибеллины». Неожиданное появленіе услужливой гостьи произвело на публику пріятное впечатлѣніе, которое вскорѣ перешло въ большой восторгъ. Прекрасная наружность, пріятный голосъ, отличная метода и отчетливая игра г-жи *Добре*, приобрѣли ей самый радушный пріемъ. Посылались громкіе аплодисманы, раздались шумныя браво, и Петербургъ доказалъ, что умѣетъ цѣнить, какъ истинный талантъ, такъ и рѣдкую угодливость пріѣзжей артистки.

Недостатокъ подробныхъ свѣдѣній не позволяетъ намъ распространяться о г-жѣ *Добре*, и мы можемъ подѣляться съ читателями нашими только тѣмъ, что извѣстно намъ самимъ.

Дѣвица *Клара Добре*, воспитанница парижской Музыкальной Консерваторіи, получила первую премію лирической декламации и пѣнія, и

поступила на сцену тамошней Большой Оперы, гдѣ находилась до-сихъ-поръ, и долгое время пѣла вмѣстѣ съ Марію. Въ 1844 году удостоилась она получить отъ комитета Общества музыкальныхъ артистовъ лавровый вѣнокъ, съ дипломомъ за подписью директоровъ, барона Тайлора и Габелека, и въ томъ же году выбрана членомъ парижской королевской Академіи изящныхъ искусствъ. Въ 1845 году г-жа Добре была назначена въ солстни (membre solo) Общества концертовъ королевской Музыкальной Консерваторіи, и получила похвальный листъ отъ Французскаго Института (Institut de France). Слѣдующимъ сообщитъ выписку Баденъ-Баденской-газеты отъ 1842 года, № 125. Сначала газета объявляетъ объ исполненіи Stabat Mater Россви подъ управленіемъ г. Панюфки, а потомъ говорить: «Соло, хоры и оркестръ соревновали между собою въ достойномъ выраженіи мыслей знаменитаго композитора. Слушатели, уже подготовленные религіозной интродуціей, векоръ были совершенно покорены изящнымъ вкусомъ тенора, г. Ронди, благороднымъ и вѣрнымъ голосомъ г. Обергофера, и одушевленнымъ пѣніемъ г-жи Добре и Катеньки Гейнефетеръ; далѣе газета объявляетъ, что праздноство это, устроенное въ колоссальномъ размахѣ стараніями г. Бенюзека и Панюфки, во всѣхъ отношеніяхъ было достойно, какъ имени Россви и творенія его, такъ и избраннаго общества слушателей, и успѣхомъ своимъ обязано соединенію талантовъ, каковы г-жа Добре, Катенька Гейнефетеръ и гг. Ронди и Обергоферъ. «Успѣхъ г-жи Добре» — продолжаетъ газета — «былъ совершенный», отнынѣ имя ея извѣстно Европѣ, потому-что при праздноствѣ этомъ присутствовало европейское общество.»

Вотъ слава, которая предшествовала прибытію въ Петербургъ г-жи Добре. Надѣмся, что пребываніе ея здѣсь не останется безъ пріятныхъ для насъ послѣдствій. На дняхъ даетъ она въ залѣ Дворанскаго Собранія большой концертъ, въ которомъ примутъ участіе лучшіе артисты Итальянской Оперы и извѣстный арфистъ г. Джонъ-Томасъ (см. Пантеонъ за 1852 г. № 12). Судя по приему, оказанному г-жѣ Добре, при неожиданномъ появленіи ея на сценѣ нашего театра, надо ожидать большаго стеченія публики въ ея концертъ, о которомъ дадимъ читателямъ въ свое время подробный отчетъ. Теперь же перейдемъ къ двумъ концертамъ, бывшимъ въ-теченіе этого мѣсяца.

10-го января былъ въ залѣ Лихтенталя концертъ Рубинштейна, въ которомъ принимали участіе гг. Всеволодъ Мауреръ и Шубертъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Пантеона» высказали мы уже живіе слова о талантѣ г. Рубинштейна. Мы совѣтовали ему не увлекаться самою

дѣлностию и не считать себя уже совершеннымъ маэстро, а учиться, учиться и учиться. И теперь мы можемъ только повторить сказанное.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Рубинштейнъ является талантомъ самобытнымъ и многостороннимъ; идеи его отличаются свѣжестью и богатствомъ. Къ несчастію, проскакиваютъ иногда въ его композиціяхъ мѣста, которыя свидѣтельствуютъ объ отсутствіи серьезнаго и ученаго направленія, объ увлеченіи къ подражанію, а главное, объ уевліяхъ—не быть—а каваться оригинальнымъ. Оригинальность—есть присущее гению свойство, она выливается сама-собою, находитъ звуки и форму въ глубинѣ души, изъ которой беретъ источникъ. Достигнуть ея насильственными средствами нельзя, и всякое усиліе въ этомъ отношеніи будетъ только оригинальничаньемъ, и повредитъ творенію. Но можно надѣяться, что всѣ эти недостатки молодости исчезнутъ въ нашемъ юномъ артистѣ съ лѣтами.

Въ концертѣ своемъ г. Рубинштейнъ исполнялъ двѣ сонаты своего сочиненія, и вполне удовлетворилъ слушателей своею ровною, легкою и чистою игрою, безъ примѣси фокусъ-покусовъ современныхъ вьяннистовъ.

Первая соната, въ *ré majeur*, писанная для фортепьяно и виолончеля, довольно слабое произведеніе, и украшалась только превосходною игрою г. Шуберта. Композиторъ, какъ пьянистъ, обратилъ болѣе вниманія на техническую часть, которую обдѣлалъ весьма изящно, и совершенно пренебрегъ содержаніемъ, отъ чего и произошла безцвѣтность этой пьесы. Музыкальная идея выдержана въ ней только въ одномъ *Allegro*, черезъ что вся соната не имѣетъ общаго характера.

Вторая соната, въ *la mineur*, хотя немного натянута, но зато полна свѣжести и оригинальности. Въ особенности понравилось превосходно написанное и изящно исполненное *скерцо*, въ которомъ главная мысль повторяется въ игривой формѣ, и придаетъ всему легкость и блескъ.

Участвовавшій въ этой сонатѣ Всеволодъ Мауреръ—замѣчательный артистъ. Легкая игра его полна пѣвучести и чувства; онъ избѣгаетъ тщательно всякаго ухищренія, не выдѣлываетъ на инструментѣ своихъ изъяснительскихъ и гимнастическихъ штукъ, напротивъ, инстинктивно разгадываетъ мысль автора, и передаетъ ее полными звуками и въ такомъ духѣ, въ которомъ-бы композиторъ самъ передалъ ее. А это, въ настоящее время, рѣдкое качество въ солистѣ. Теперь гг. солисты во все не уважаютъ композиторовъ, и часто пренебрегаютъ ихъ идеями, чтобъ только удивить слушателей легкостью, гибкостью и проворствомъ пальцевъ и смычка. Этого рода игра очень похожа на *немстоцилму* *бумыллу* Германа, изъ которой онъ всякому наливаетъ по нѣскольку кашель того ликера, какаго потребуетъ любитель, но которую, вѣрно,

никто не поставилъ-бы на лукулловскій столъ, потому-что, въ сущности, она пуста.

«Музыка, гдѣ ты?» приходится часто повторять при исполненіи пьесъ, гдѣ каждый тонъ выводится до совершеннѣйшей ясности, гдѣ точно сохранены размѣры темпа, но гдѣ нѣтъ ни малѣйшаго чувства. А. музыки, производящей на человѣка никакого впечатленія, мы не понимаемъ и не признаемъ. Музыка должна говорить сердцу и затрогивать душу, а не удивлять глаза. Чтобъ удивляться гибкости, изворотливости и ловкости человѣческихъ членовъ, мы ходимъ къ акробатамъ, наѣздникамъ и гимнасткамъ. Надо же, чтобы художникъ, артистъ, берущій элементы своего творчества изъ души и имѣющій претензію дѣйствовать на душу, чѣмъ-нибудь отличался отъ этихъ господъ.

Но артисты живутъ въ духѣ времени. Масса слушателей восхищается, аплодируетъ ихъ труднымъ трелями, флажолетамъ, арпеджіямъ, гаммамъ, прыжкамъ и сальто-мортале смычка, но что чувствуютъ истинные поклонники искусства! До нихъ артистамъ дѣла нѣтъ, они не составляютъ большинства.

Повторяемъ: усовершенствуйте инструментъ, чтобъ въ совершенствѣ передавать совершенную музыку, но только не на показъ! Признаемся, намъ кажется страннымъ, что находятся рецензенты, которые упрекаютъ публику въ томъ, что она восхищается музыкой, а объ исполненіи и не думаетъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, выразился на дняхъ г. Раппопортъ. Но это неосновательно; на повѣрку выходитъ совершенно наоборотъ: публика напротивъ, смотритъ на музыку, какъ на второстепенность, а преимущественно занимается исполненіемъ! Это доказалъ восторгъ, съ которымъ приняли въ концертѣ г. Контскаго фантазію его на романсъ Алябьева «Соловѣй», въ которой нѣтъ ничего музыкальнаго, а одно простое подражаніе чириканью птицъ, да и то вовсе не соловья. Чириканье это передается г. Контскимъ превосходно—арпеджіями и гаммами, но у всякаго невольна вырывается вопросъ: музыка, гдѣ ты?»

Впрочемъ, мы уже однажды сказали, что капризы и фантазерство позволительны артистамъ, и если аплодируютъ каскаду, изображенному журчаньемъ мелкаго ручейка, то почему бы и не аплодировать соловью, являющемуся въ видѣ придорожника. Такова фантазія артиста, а мы не намѣрены входить въ психологическій разборъ фантазіи. Значеніе ея слишкомъ разнообразно, и мѣняется смотря по наклонности людей. Попробуйте только сказать, что фантазія есть цѣлый горизонтъ красоты, распространяющійся далеко за предѣлы видимаго, и доступный только избраннымъ любимцамъ природы, или что фантазія все то, что

востыщаетъ насъ безсознательно, все, что мы любимъ и желаемъ въ противность себѣ, все, что заставляетъ насъ мечтать и задумываться— и хорошъ закричать:

Красавцы: — это любовь!

Люди положительные: — Калифорнія!

Журналисты: — подписчики!

Игроки: — Семь въ червяхъ!

Содержатели библиотекъ: — абоненты!

Маркеры: — жолтый въ среднюю и карамболь по красному!

Концертясты: — сборъ!

Фельетонясты: — новости, зрѣлища, происшествія!

И такъ далѣе, до безконечности.

Réminiscences изъ оперы «Донъ Пасквале», соч. Ковтскаго, исполненные имъ самимъ, съ аккомпаниментомъ оркестра, понравились намъ болѣе всѣхъ прочихъ нумеровъ этого концерта.

Въ этой пьесѣ г. Ковтскій весьма удачно выбралъ лучшія мѣста изъ оперы Дондети, которой Лаблашъ придалъ такое патетическое значеніе, и очень искусно слялъ ихъ съ собственными игривыми идеями. Все это облечено въ прекрасную форму, не наполнено излишними трудностями, и притомъ отличается блистательнымъ характеромъ. Въ особенности хорошъ конецъ, въ темпъ-вальса, и, можемъ сказать, образуетъ одинъ изъ лучшихъ вальсовъ, которые удалось намъ слышать. Новая мазурка г. Ковтскаго премиленькая пьеса, немного въ родѣ Шопеновской въ do majeur. Макнавен, поэма давно извѣстная Петербургу, а потому и не къ чему говорить о ней. Недостатокъ глубокихъ мыслей замѣняется въ ней искусной, блестящей и эффектной инструментовкою, очень живо напоминающей манеру итальянца Маэти.

Все было исполнено въ концертѣ этомъ превосходно; жаль только, что г. Кажинскій, слишкомъ увлекаясь артистическимъ жаромъ, ввелъ въ оркестръ лишній инструментъ, о которомъ, вѣроятно, и во снѣ не случилось ни Веберу, ни Герольду, когда они окрестрировали свои увертюры. (Въ концертѣ этомъ исполнены были увертюры изъ «Оберона» и «Цампы».) Г. Кажинскій былъ тактъ палочкой своей о пульсиръ, и такимъ образомъ не только управлялъ оркестромъ, но и самъ принималъ участіе въ исполненіи на вновь изобрѣтенномъ имъ деревянномъ барабанѣ. Не знаемъ, какъ онъ, но публика была очень недовольна этимъ нововведеніемъ, и часто изъясляла явные признаки нетерпѣнія.

Но что всѣ эти концерты въ сравненіи съ тѣми, которыми предстоитъ намъ насладиться въ скоромъ времени. Мы хотѣли говорить о

предстоящихъ концертахъ въ пользу Дѣтскихъ Приютовъ и г. Балфа (см. № 11 Пантеона за 1852 годъ).

Нигдѣ филантропія не развита въ такой степени, какъ у насъ въ Россіи; нигдѣ не имѣетъ она столь христіанскаго направленія. Филантропія у насъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя гнѣзятся въ темныхъ лабиринтахъ утопій. Тѣ общають много въ теоріи, но ничего не даютъ на практикѣ, и довольствуются однимъ шумомъ и чувствительными рѣчами, произносимыми съ пафосомъ въ засѣданіяхъ. И громко и неубыточно! Наша филантропія находится въ тѣсныхъ границахъ разума; она не многорѣчива, а пропитана истиннымъ духомъ христіанскаго смиренія и милосердія. Мы, народъ сѣверный, говоримъ немного, но дѣйствуемъ, и врядъ ли найдется въ какомъ бы то ни было государствѣ столько различныхъ богоугодныхъ заведеній, какъ въ Петербургѣ:

Но изъ всѣхъ подобныхъ учрежденій, самое трогательное, самое благотворительное, несомнѣнно—Комитетъ Дѣтскихъ Приютовъ, вѣчно дѣятельный, безъ усталы стремящійся распространить кругъ своихъ дѣяній и доставить приютъ, надзоръ и воспитаніе бездомнымъ малюткамъ, вѣрившимъ его отеческому попеченію. Такъ и нынѣ устраиваетъ Комитетъ Дѣтскихъ Приютовъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, три пражескуа, въ самомъ роскошномъ и изящномъ видѣ.

Первое будетъ состоять изъ концерта, другое изъ разныхъ увеселеній.

Въ концертѣ Комитета Дѣтскихъ Приютовъ примуть участіе лучшие артисты нашей Итальянской Оперы и извѣстнѣйшіе любители и любительницы искусствъ, числомъ до пятидесяти. Концертъ будетъ колоссальный; составъ и управленіе вѣрено одному изъ опытнѣйшихъ музыкантовъ теоретиковъ нашего времени, г. Сигизмунду Штерну. Г. Штернъ итавскій уржеденецъ, съ юности посвятивъ себя изученію музыки, и обладая прекраснымъ талантомъ игры на скрипкѣ, отправился, для усовершенствованія, за границу. Здѣсь однако предался онъ совершенно изученію теоріи, и, глубокой мыслитель, издавъ, въ 1850 году, въ Парижѣ, новую методу музыки. Сочиненіе это, Manuel général de Musique à l'usage de l'enseignement élémentaire du chant, des instruments et de la composition, par Sigismond Stern, approuvé par l'Institut de France, Académie des Beaux Arts et adopté par le Conservatoire de Musique, отличается совершеннымъ отсутствіемъ трудной и ни къ чему не ведущей терминологіи, и заключаетъ въ себѣ новый взглядъ на искусство. Метода эта удивительно упрощаетъ и облегчаетъ изученіе музыки, чѣмъ лучшимъ доказательствомъ служить принатіе ея въ руководствѣ парижской Музыкальной Консерваторіи, первой въ мірѣ. У насъ же

метода продается въ домѣ Голландской-церкви, въ музыкальномъ магазинѣ Брандуса и комп., и продается весьма дешево. Экземпляръ, украшенный изображеніями всѣхъ инструментовъ, для чего избраны портреты учениковъ Консерваторіи, и заключающій въ себѣ полный лексиконъ всѣхъ *nomens* различныхъ инструментовъ, стоить только 2 р. 50 к. серебромъ.

Поручивъ управленіе и составъ концерта такому заслуженному артисту, какъ г. Штернъ, Комитетъ Дѣтскихъ Пріютовъ хотѣлъ доказать желаніе свое доставить публикѣ возможность, за благотворительность свою, — насладиться истинно изящнымъ вечеромъ.

4-го февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія, данъ будетъ концертъ г. Бальфе. Онъ составленъ изъ всѣхъ образцовыхъ произведеній этого знаменитаго композитора, и несомнѣнно произведетъ эпоху въ музыкальныхъ лѣтонисяхъ Петербурга. Вѣроятно, услужливый и пророчій Musée Musical поторопится познакомить публику покороче со всѣми пьесами, которыя будутъ исполнены въ этомъ концертѣ.

Въ этомъ магазинѣ вышли нынѣ въ свѣтъ три романа: «Ноктюрнъ», «Разлюбила красна дѣвица» и «Спой, сыграй и поцѣлуй». Романы эти замѣчательны тѣмъ, что это первыя сочиненія сына покойнаго народнаго романсера нашего, Александра Егоровича Варламова. Они доказываютъ, что творческой огонь не улетѣлъ съ душою композитора; онъ вновь воспламенился въ сердцѣ сына его, Григорія, который обѣщаетъ быть достойнымъ преемникомъ таланта своего отца!

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Оригинальность «Пантеона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Гилью. — Стихи къ г-жѣ Вольнисъ. — Общественныя увеселенія. — Горы и музыка. — Театральные слухи и вѣсти. — Дагеротипы г. Левшицаго. — Юбилей торговаго дома гг. барона Штиглица и Ко.

«Пантеонъ» имѣетъ оригинальность выходить не послѣ перваго числа каждаго мѣсяца, какъ всѣ прочіе русскіе журналы, а въ двадцатыхъ числахъ; оригинальность какъ нельзя болѣе понятная, но очень невыгодная для перваго мѣсяца въ году.

Въ остальные мѣсяцы, «Пантеонъ» играетъ съ прочими журналами въ лотерею, и вѣроятности выигрыша равны для всѣхъ сторонъ: выходя послѣ пятнадцатаго числа, онъ можетъ предупредить своихъ товарищей разсказомъ о происшедшемъ въ общественной жизни Петербурга въ первые двѣ недѣли мѣсяца, точно также, какъ его товарищи предупреждаютъ его разсказомъ о происшествіяхъ двухъ послѣднихъ недѣль; но въ январѣ другое дѣло. Январемъ у насъ начинается годъ, къ первому января отлагается обыкновенно все, что ни задумано для увеселенія, пользы, утѣшенія общества, и потому собрать наши въ другихъ журналахъ имѣютъ полную возможность разузнать обо всемъ ранѣе насъ, и, слѣдовательно, обо всемъ разсказать; такъ, что намъ останется идти по ихъ слѣдамъ, *sur leurs brisées*, какъ говорятъ французы. Но какъ бы ни было, а я пишушій эти строки хочеть быть сегодня оригинальнымъ, то-есть, только вскользь упомянуть о томъ, что уже сказано его собратіями, а повѣдать вамъ о томъ, чего они еще не успѣли разсказать, или не удостоили своимъ вниманіемъ.

Одного намъ только жаль,—а именно праздниковъ по случаю совершившагося столѣтія Морскому Кадетскому Корпусу: иллюминаціи, великолѣпнаго бала, устройства залы, которымъ занимался талантливый г. Вальцъ, спектакля въ Александрійскомъ Театрѣ, даннаго для моряковъ и состоявшаго исключительно изъ пьесъ морскаго и военнаго содержанія. Обо всемъ этомъ много написано. Впрочемъ, по пристрастію нашему ко всему, что относится къ театру, мы не можемъ удержаться, чтобъ не сказать хотя нѣсколько словъ о спектаклѣ.

Давали «Дѣдушку русскаго флота», «Русскаго моряка»; въ которомъ игралъ г. Петровъ и пѣлъ «пѣснь въ честь русскаго флага», музыка которой написана г. Кажинскимъ, наконецъ «Солдата Балагура». Театръ, наполненный моряками, представлялъ чрезвычайно оригинальное и небывалое зрѣлище; мундиры и веселыя, счастливыя лица придавали залѣ Александрійскаго Театра торжественный и вѣсть радостный видъ. Нельзя описать восторга этой публики въ ту минуту, когда вывели на сцену *Дѣдушку русскаго флота*; не рукоплесканія и не обыкновенное театральное *bravo* раздались тогда, но какой-то побѣдный кликъ, вырвавшійся изъ глубины сердецъ, потрясъ своды залы. И все, что намекало въ этотъ вечеръ на состояніе нашего флота, все, что затрогивало чувство къ родинѣ, находило потрясающій отголосокъ въ зрителяхъ. Этотъ вечеръ будетъ долго памятенъ Александрійскому Театру.

По случаю этихъ праздниковъ написано, какъ мы уже сказали, множество фельетоновъ, статей, даже книгъ, безъ сомнѣнія, всѣмъ

прочитанныхъ, и потому мы переходимъ къ другимъ явленіямъ нашей общественной жизни.

Въ послѣднихъ дняхъ прошедшаго года было литературное утро, о которомъ не считаемъ себя въ правѣ умолчать. Оно было дано въ залѣ Второй Гимназіи, господиномъ Гилью. Нужно-ли вамъ говорить, кто такой господинъ Гилью? Вы его навѣрное знаете. Онъ пріѣхалъ къ намъ музыкантомъ, флейтистомъ, и мы были отъ него въ восторгѣ, потому-что онъ флейтистъ отличный; но въ одно прекрасное утро, флейта г. Гилью умолкла, по неизвѣстной намъ причинѣ, и восторгъ замѣнился равнодушіемъ. Не предшествовало-ли, впрочемъ, равнодушіе молчанію флейты, и не было-ли оно даже причиной этого молчанія—хорошенько не помнимъ—но дѣло статочное. Въ Петербургѣ также много людей страстныхъ поклонниковъ новаго, довольно равнодушныхъ къ своему и враговъ всего, что не ново; слѣдовательно, очень можетъ-быть, что Петербургѣ охладѣлъ къ г. Гилью потому, что онъ поселился въ немъ, сдѣлался *своимъ*, пересталъ быть *новостію*. Впрочемъ г. Гилью, какъ мы убѣдились, не любитъ забвенія; онъ отъ времени до времени пытался напомянуть 'о себѣ неблагодарному Петербургу. Г. Гилью былъ литераторомъ и печаталъ критическія статейки объ искусствѣ, потомъ былъ журналистомъ и издавалъ художественный журналъ «L'Artiste russe»; но французскія статейки не могли имѣть у насъ значенія, а журналъ жилъ не долго. Всѣ эти неудачи не лишили однакоже г. Гилью бодрости: онъ сдѣлался преподавателемъ французскаго языка и, какъ кажется, избралъ благой путь. Въ этомъ-то качествѣ учителя и далъ онъ, въ послѣднихъ дняхъ прошедшаго года, литературное утро, о которомъ мы хотимъ здѣсь разсказать.

Литературное утро г. Гилью состояло въ декламаци и чтеніи поэтическихъ произведеній и краткомъ вступленіи, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на искусство декламаци и чтенія, взглядъ, впрочемъ, не новый и потому избавляющій насъ отъ отчета о немъ. Но особенно замѣчательно было это утро тѣмъ, что, за исключеніемъ двухъ стихотвореній Ламартина, одного—Виктора Гюго и одного—Віоло, всѣ остальные принадлежатъ поэтамъ, живущимъ въ Петербургѣ. Да, въ Петербургѣ есть французскіе поэты, и на утрѣ г. Гилью мы познакомились съ четырьмя изъ нихъ: съ гг. Перро, Лепэ, Энглесомъ (Heingleis) и Певжономъ. Если сказать правду, такъ изъ нихъ (сколько мы можемъ судить о нихъ на основаніи нашего недавняго и неблизкаго знакомства съ ними) только одинъ г. Перро заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Г. Лепэ владѣеть стихомъ, онъ издавалъ даже въ Парижѣ, до пріѣзда своего

въ Россію, книжку довольно звучныхъ и гладкихъ стихотвореній, но кто-же, въ настоящее время, не пишетъ такихъ стиховъ? За одинъ механизмъ стиха нельзя еще назвать поэтомъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ, въ г. Лена и нѣкотораго дарованія.

Что касается до г. Энглеса, то мы знакомы съ нимъ по одному только переводу его оды «Богъ.» Переводъ этотъ—*вольный*, но это не бѣда, а бѣда въ томъ, что переводъ блѣденъ, хотя г. Гилью и объявлялъ своимъ слушателямъ, что онъ можетъ стать на ряду съ подлинникомъ. Шутка сказать, на ряду съ подлинникомъ! Впрочемъ, вотъ вамъ одна изъ первыхъ строфъ, судите сами:

Toi qui remplis de ta puissance
Tous les espaces, tous les temps,
Triple personne, unnique essence,
Etre des êtres existants;
Esprit, source, origine, cause
De tout esprit, de toute chose,
Invisible, quoiqu'en tout lieu
Soutenant tout par ton empire,
Vivant dans tout ce qui respire,
Enfin Toi que nous nommons Dieu!

Г. Пензонъ занимается поэзію какъ дилеттантъ, и мы говорить о немъ не имѣемъ права, но за то съ особеннымъ удовольствіемъ поговоримъ о г. Перро.

Г. Перро (Jules Joseph Pergault) служитъ лекторомъ французской словесности въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ; прежде онъ былъ лекторомъ въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, а до того, если не ошибаемся, занимался преподаваніемъ въ домахъ частныхъ лицъ. Г. Перро много путешествовалъ, долго жилъ на Востокѣ, особенно въ Египтѣ, и вообще, онъ человекъ бывалый и знающій. Впрочемъ, это уже біографическія подробности, а мы имѣемъ право говорить о г. Перро только какъ о поэтѣ.

Г. Перро написалъ очень много, но никогда, если не ошибаемся, ничего не печаталъ; онъ поэтъ изъ любви къ поэзій и искусству, но это не мѣшаетъ ему имѣть весьма замѣчательное дарованіе, которому немного равныхъ, въ настоящее время, въ его отечествѣ. Особенно замѣчательнъ онъ какъ переводчикъ, и намъ привелось читать нѣкоторыя

изъ его переводовъ съ русскаго, которые мы очень-бы ждали видѣть въ печати. Стихи его звучны и сильны, они изобилуютъ картинами и мыслями. Въ стихотвореніи, читанномъ г. Гилью, г. Перро прощается съ музою, и очень напрасно, потому-что это прощаніе показываетъ, сколько еще въ немъ свѣжихъ, крѣпкихъ силъ. Оно произвело очень сильное впечатлѣніе, хотя въ немъ есть нѣкоторыя длинноты и повторенія, ловко впрочемъ скрытыя искуснымъ чтеніемъ г. Гилью. Особенно сильное впечатлѣніе произвело одно мѣсто, въ которомъ поэтъ, сожалѣя объ утраченныхъ силахъ, о протекшей невозвратно юности, проситъ музу возвратитъ ему бывшее, со всѣми его обманами и ослѣпленіями. Онъ проситъ ее, чтобъ она послала ему возможность внимать чужимъ вдохновеніямъ, если онъ уже не можетъ вдохновляться самъ, и вспоминаетъ при этомъ о вдохновенныхъ актерахъ, которые приводили его въ восторгъ въ молодости, особенно-же о Леонтинѣ Фе, вытѣшней госпожѣ Вольнвѣ.

Такъ какъ госпожа Вольнвѣ, неожиданная этого обращенія, находилась въ залѣ, то вы понимаете, что эффектъ былъ громадный. Рукоплесканія долго не умолкали, а артистка ужасно смутилась. Приводимъ здѣсь это обращеніе, въ полномъ убѣжденіи, что оно будетъ прочтено съ удовольствіемъ:

Du breuvage immortel si mes lèvres sevrées
 Pour chanter se rouvrent en vain,
 Laissez moi me suspendre aux lèvres inspirées
 Qui répètent le chant divin;

Que je revive encore ce temps ou Léontine
 Sans son casque de cheveux noirs,
 L'éclair dans le regard, le Dieu dans la poitrine,
 Amante ou reine au désespoir,

Faisait courir d'un mot des frissons dans la foule.
 Sa pâleur inondait mes traits;
 Quand son geste calmait ou soulevait la houle,
 J'étais artiste — je pleurais!

De le France, sa mère, elle est encor l'image
 Par sa beauté, par son honneur;
 Elle en porte les traits sur son visage
 Et le soleil d'or dans son coeur.

Elle a gardé sa grace, elle a gardé sa flamme,
 L'éclair brille encore dans ses yeux;
 En vain je me réchauffe aux rayons de son âme:
 Elle est jeune — et moi je suis vieux!

Не смѣемъ переводить этихъ стиховъ, чтобъ не повредить красотѣ подлинника.

Что касается до г. Гилью, то онъ, мы должны отдать ему справедливость, читаетъ и декламируетъ очень хорошо, хотя и не безъукоризненно; впрочемъ мы и не имѣемъ права требовать совершенства: и въ солидъ есть пятна, говорить извѣстная аксіома. Мы слышали, что г. Гилью собирается дать еще одно такое-же утро и открыть курсъ чтенія и декламациі. Въ добрый часъ; дѣло хорошее.

Разсказывать-ли вамъ объ общественныхъ увеселеніяхъ, которыхъ очень много: о музыкальныхъ вечерахъ и катаньяхъ съ горъ у Излера на *Минеральныхъ водахъ*, о такихъ-же вечерахъ и катаньяхъ въ Екатерингофѣ, на Крестовскомъ и Петровскомъ Островахъ? Во всемъ этомъ очень мало новаго, мало пищи для пера, какъ сказалъ бы иной литераторъ двадцатыхъ годовъ. Ну—съѣдутся, на тройкахъ съ бубенчиками, въ каретахъ, въ скромныхъ одиночныхъ санкахъ, слушаютъ польки и вальсы, катаются съ горъ при свѣтѣ разноцвѣтныхъ фонарей, кушаютъ котлеты и ростбифы (у Излера и въ Екатерингофѣ), пельмени и вафли (на островахъ), пьютъ шампанское (у Излера) и мѣтѣ аристократическіе напитки (на островахъ). Вотъ и все. Но это увеселенія загородныя, extra muros; въ городѣ онѣ разнообразнѣе. Въ городѣ, не считая стараго и давно-извѣстнаго, есть во-первыхъ, *панорама Миссисипи*, потомъ панорама Берлина, наконецъ, театръ обезьянъ. Панорама Миссисипи вещь очень замѣчательная, по мысли; это панорама *демократическая*. Вы спокойно сидите въ креслахъ, а можете представить себѣ, что плывете по рѣкѣ, на пароходѣ, потому-что берега Миссисипи, съ прибрежными городами и селеніями, вилами, садами, рощами, однимъ словомъ, со всей прибрежной обстановкой этой царицы *североамериканскихъ рѣкъ*, пробѣгающей нѣсколько тысячъ миль, проходитъ мимо

застъ. Это спокойное, чрезвычайно удобное, дешевое путешествіе продолжается часа два съ небольшимъ. Другая панорама иного рода: городъ Берлинъ вырѣзанъ изъ дерева, въ миниатюрномъ видѣ, со всѣми улицами и зданіями; вы видите его сверху, à vol d'oiseau, и можете представить себѣ, что глядите на него изъ гондолы воздушнаго шара. Видѣть съ Берлиномъ показывается также точно такая-же панорама Санъ-Суси, лѣтней резиденціи королей прусскихъ.

Что касается до обезьянъ, дающихъ представленія въ концертномъ залѣ Пассажа, то это одно изъ самыхъ забавныхъ и любопытныхъ зрѣлищъ. Они вошли въ большую моду и привлекаютъ ежедневно множество любопытныхъ. Въ день бываетъ два представленія, и народу постоянно много. Обезьяны и собаки, лошади и козы дѣлаютъ такія штуки, что поставятъ въ тупикъ любого клоуна. Представленіе открывается обѣдомъ нѣсколькихъ большихъ обезьянъ. Изъ большихъ замѣчательнъ павіанъ, называемый въ афишѣ Кокомъ; онъ большой обжора, пьяница, и, какъ кажется, охотникъ до музыки, потому-что безпрестанно киваетъ головой и дѣлаетъ разныя движенія подь музыку. Затѣмъ слѣдуетъ драматическая сцена «Дезертеръ изъ любви». За тѣмъ слѣдуютъ: pas de trois трехъ собакъ; вальсъ одной собаки; сцена двухъ рекрутъ, исполняемая обезьянами; гимнастическія упражненія трехъ пуделей; упражненія такъ-называемой *высшей школы*, исполняемыя огромной собакой; гимнастическія упражненія козы; поѣздъ обезьяны въ коляскѣ, везомой двумя пуделями, съ кучеромъ и лакеемъ обезьянами и проч., и проч. Особенно замѣчательно третье отдѣленіе представленія, состоящее изъ упражненій обезьянъ на маленькихъ лошадакахъ (пони); лошадки дрессированы превосходно, а обезьяны дѣлаютъ на нихъ такія же штуки какія дѣлаются наѣздниками въ циркахъ. Животныя гг. Орбана и Казановы доведены до невѣроятнаго проворства и ловкости, такъ и кажется, что они заговарятъ; но признаемся, ихъ искусство произвело на насъ непріятное впечатлѣніе. Мы удивлялись, но не могли улыбаться, подобно большинству, потому-что мысль о томъ, сколькихъ ужасныхъ страданій и немилосердыхъ побоевъ стоило бѣднымъ животнымъ ихъ искусство, не допускала насъ до улыбки. Мы скорѣе готовы были заплакать, охотно сознаемся въ этомъ, хотя многимъ, вѣроятно, это *скотолобіе* покажется смѣшнымъ. Повѣрьте, въ этомъ чувствѣ нѣтъ ничего смѣшнаго. Блаженъ, кто и скотовъ милуетъ... Впрочемъ, найдутся, мы увѣрены, между нашими читателями и такіе, которые будутъ намъ сочувствовать. Года два или три тому назадъ, былъ напечатанъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ статей г. Порошина, имѣвшихъ цѣлю подвинуть на хорошее обращеніе съ животными; эти ста-

тъя имѣли много читателей, возбудили споры, толки, и уѣтъ доказан, что затронули важный вопросъ. Въ Англіи существуютъ особенныя представленія касательно обращенія съ животными, и недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, тамъ призывали въ судъ извѣстнаго воздухоплавателя Поатевена, за то, что онъ поднялся на воздухъ верхомъ на лошади, привязаной къ воздушному шару.

Много новаго было въ театральномъ мірѣ: новая драма Н. В. Кукольника и дебютъ актрисы вѣденскаго театра Котовской, прїѣздъ г-жи Віардо, дебютировавшей въ «Севильскомъ Цирюльникѣ». О новой драмѣ и о г-жѣ Котовской рассказано уже вамъ въ другой статьѣ, а мы скажемъ хотя нѣсколько словъ о нашей несравненной Розинѣ—Віардо. Чудная, чудная Розина! ее никто не могъ замѣнить у насъ и мы встрѣтили ее съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Достать билетъ на представленіе госпожи Віардо почти такъ-же трудно, какъ увидѣть въ небѣ звѣзды, не вооруженнымъ глазомъ, среди бѣлаго дня. Первый ея выходъ въ роли Розины былъ безирерывнымъ рядомъ овацій, можно было оглохнуть отъ грома рукоплесканій, когда она, въ сценѣ *урокъ пѣнія*, пропѣла Алябьевскаго *Соловья*; слова Бартоло, Лаблаша, *certo bella voce!* возбудили такой-же громъ. Великое спасибо Дирекціи Театровъ за этого соловушку.

Ждемъ оперы «Юзюиъ Лейденскій», съ музыкой изъ Мейрберова «Пророка», и Вердіева «Риголетто»; но это, пока, немного, какъ ожидаемъ, основанныя на довольно-достоверныхъ прочемъ слухахъ.

На Михайловскомъ театрѣ ставятъ «Diane de Mirmande», прекрасную драму Эмиля Ожье; она пойдетъ въ бенефисъ г-жи Вольнисъ.

На Александринскомъ давали недавно, въ бенефисъ г. Максимова, «Бенвенуто Челлини», очень эффектную драму, въ которой былъ очень хорошъ В. А. Каратыгинъ, и съ которой мы надѣемся поближе познакомиться читателей «Пантеона». Сверхъ-того, переведены для русской сцены двѣ большія пьесы: «Габріель», комедія Эмиля Ожье, стихами, и «Швейцарская пастушка», о которой рассказано въ письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ этой же книжкѣ «Пантеона». Н. В. Кукольникъ написалъ еще новую, историческую драму, въ стихахъ «Азовское сидѣнье»; о ней говорятъ много хорошаго, но когда дадутъ ее — не знаемъ.

Ну что сказать вамъ еще новаго? — «Пантеонъ» готовитъ новую галлерею портретовъ; но вы это уже знаете.

Желаю о портретахъ. Бывали-ль вы (обращаемся къ Петербур-

свѣтъ читателямъ) въ мастерской нашего русскаго художника дагерротипота С. А. Левицкаго? Если нѣтъ, такъ совѣтуемъ побывать. Г. Левицкій радушно и предупредительно принимаетъ всѣхъ посѣщающихъ его. Отдавая полную справедливость г. Даутандю, искусство котораго наши читатели имѣли много случаевъ оцѣнить, мы считаемъ должемъ упомянуть здѣсь о г. Левицкомъ, какъ потому, что онъ нашъ соотечественникъ, такъ и потому, что вполне заслуживаетъ вниманіе. Его дагерротипы прелесть. Г. Левицкій изучилъ это дѣло какъ ученый и художникъ, и довелъ его до высокой степени совершенства. Дагерротипы его не просто дагерротипы, но художественныя произведенія. За то, въ ясный день, въ мастерской г. Левицкаго бываетъ тѣсно отъ множества желающихъ *изобразить себя*. Въ Парижѣ, гдѣ г. Левицкій имѣлъ нѣкоторое время, дагерротипы его обратили на себя вниманіе Академіи.

Намъ остается рассказать вамъ о событіи, болѣе семейномъ, правдѣ, нежели общественномъ, но которое имѣетъ большое значеніе для Петербурга: о празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея торговаго дома барона Штиглица. Этотъ домъ, извѣстный во всемъ коммерческомъ мірѣ, играетъ слишкомъ важную роль въ торговой жизни нашего отечества, чтобъ мы имѣли право умолчать о его семейномъ, такъ-сказать, праздникѣ. Притомъ-же Штиглицы, покойный основатель торговаго дома, баронъ Любимъ Ивановичъ, и сынъ его, нынѣшній хозяинъ фирмы, Александръ Любимовичъ, столько сдѣлали добра, столько осушили слезъ, что праздникъ торговаго дома Штиглица есть праздникъ для всѣхъ благодѣтельствованныхъ ими, число которыхъ очень велико. Еслибъ мы не боялись оскорбить скромности Александра Любимовича, то могли-бы рассказать много, очень много прекраснаго и трогательнаго, извѣстнаго впрочемъ не намъ однимъ; но истинная благотворительность не любитъ огласки. Дѣла говорить громче словъ, и одинъ *Образцовый крикъ Барона Штиглица* краснорѣчивѣе всего, что мы могли бы сказать. Итакъ, перейдемъ къ юбилею. Не принадлежа къ числу знакомыхъ барона, мы не могли, не имѣли права присутствовать на юбилей, и потому заимствуемъ описаніе его изъ «Северной Пчелы», въ надеждѣ, что почтенная Редакція этой газеты не будетъ на насъ за это сѣтовать.

«1-го января нынѣшняго года, совершилось пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія извѣстнаго во всей Россіи и въ Европѣ торговаго дома барона Штиглица. Естественно явилась мысль отпраздновать достойнымъ обра-

зомъ этотъ день, замѣчательный въ лѣтописяхъ русскаго коммерческаго міра.

Полутру, въ двѣнадцать часовъ, всѣ служащіе въ конторѣ этого знаменитаго торговаго дома явились къ барону Александру Любимовичу Штиглицу. Одинъ изъ среды ихъ произнесъ рѣчь, въ которой сильно и краснорѣчиво выразилъ благодарность къ покойному основателю дома, барону Любиму Ивановичу, и чувства искреннѣйшей преданности нынѣшнему хозяину. Баронъ Александръ Любимовичъ отвѣчалъ съ свойственною ему скромностью, приписывая весь успѣхъ торговаго дома покойному своему родителю; рѣчь его была безъ всякаго изысканности, но очень дѣльная, и шла прямо къ сердцу.

Послѣ произнесенія рѣчей, трое изъ главныхъ сотрудниковъ барона Штиглица поднесли ему, на память объ этомъ торжественномъ днѣ, серебряную вазу превосходной отдѣлки.

Прочіе служащіе въ конторѣ поднесли барону золотую на этотъ случай вычеканенную медаль, на которой съ одной стороны изображены портреты основателя дома, барона Любима Ивановича, и его сына, нынѣшняго владѣльца дома, а на другой сторонѣ представленъ геній торговли и промышленности, съ лавровымъ вѣнкомъ въ одной рукѣ, и съ рогомъ изобилія въ другой. Медаль эта была вложена въ богатый футляръ, на которомъ изображенъ былъ гербъ фамиліи Штиглица, и выставлены годы: 1803, 1826 и 1853; первый указываетъ на эпоху основанія торговаго дома, второй на пожалованіе фамиліи Штиглица баронскаго Россійской Имперіи достоинства, а третій на день пятидесятилѣтняго юбилея. Медаль замѣчательна не по одной благородной мысли, которая внушала гг. служащихъ у барона Штиглица: исполненіе ея также заслуживаетъ похвалу, какъ и чувство, внушившее ее.

Потомъ одинъ изъ родственниковъ барона пропѣлъ стихи на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненные имъ на этотъ случай. Въ нихъ коротко, но живо были выражены благодарное воспоминаніе о покойномъ Л. И. Штиглицѣ, и сердечная привязанность къ его сыну. Замѣчательна музыка, нарочно сочиненная къ этимъ стихамъ. Друзья и пріятели барона похвалили послѣднія строфы хоромъ, и эта лирическая сцена произвела чрезвычайно пріятный эффектъ.

Послѣ того праздникъ изъ семейнаго превратился въ общій. Стыдилось множество гостей, желавшихъ отъ души поздравить юбиляра. На этотъ случай рижскій биржевой комитетъ прислалъ въ С. Петербургъ

банкира Стефани, съ письменнымъ поздравленіемъ, въ кошель, отъ лица рижскаго купечества, благодарилъ за содѣйствіе, оказанное торговому дому Штиглица рижской торговлѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.

Въ шесть часовъ начался обѣдъ, на которомъ присутствовали друзья дома и всѣ служащіе въ конторѣ. За обѣдомъ самые откровенные и искренніе тосты подавали поводъ къ рѣчамъ дѣльнымъ и занимательнымъ. Въ концѣ обѣда, позванъ былъ артельщикъ Андрей Алексѣевъ, который служить торговому дому почти съ самаго его основанія, то есть, около пятидесяти лѣтъ. Его длинная, сѣдая борода, внушающая почтенію, показывала, что онъ уже довольно пожилъ на свѣтѣ. Дѣйствительно, ему теперь семьдесятъ лѣтъ. За здоровье его пили всѣ гости, каждый съ нимъ чокался. Баронъ Александръ Любимовичъ приветствовалъ его отъ души; Алексѣевъ отвѣчалъ по своему, просто, но сильно, со слезами, вспоминая о покойномъ своемъ благодѣлѣ, родителѣ нынѣшняго дома знаменитаго торговаго дома. Сцена была трогательная и умиленная; она возбуждала множество воспомнаній, и множество самыхъ утѣшительныхъ, самыхъ сладкихъ мыслей о будущемъ!»

На вечеръ никого не звали, но пріѣхали многіе члены дипломатическаго корпуса, многія знатныя особы и извѣстные негоціанты. Совершенно неожиданно составился балъ, тѣмъ болѣе оживленный, что къ нему вовсе не готовились, и начали танцовать безъ особенныхъ приготовленій. Вечеръ этотъ имѣлъ всю прелесть неожиданности. Балъ кончился ужиномъ, за которымъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ С. Петербургскаго биржеваго комитета произнесъ рѣчь, превосходно принаровленную къ обстоятельствамъ этого дня. Онъ показалъ, какъ умно, дѣльно и добросовѣстно велся и теперь ведется торговый домъ барона Штиглица. Рѣчь эта можетъ служить лучшимъ панегирикомъ уму и таланту Александра Любимовича, который мастерски ведетъ самыя трудныя коммерческія предпріятія

Такъ кончился праздникъ, незабвенный для друзей и почитателей этого дома. Онъ навсегда останется въ сердцахъ ихъ. Въ этотъ день баронъ Александръ Любимовичъ не ограничился однимъ весельемъ: *много сдѣлано для многихъ*. Всѣ служащіе въ конторѣ его награждены въ возможной степени; но мы не имѣемъ права рассказывать о благодѣяніяхъ этого дня; скажемъ только, что старинный слуга, артельщикъ Андрей Алексѣевъ, также не былъ забытъ при этомъ случаѣ, и будущая его участь обезпечена. Одного не доставало въ этомъ торжествѣ: самого незабвеннаго основателя дома. За то все было имъ полно.

Маржорный бисетъ его былъ поставленъ благодарнымъ сыномъ на возвышеніи, великолѣпно украшенномъ цвѣтами; все и все обращалось къ этому намятнику теплой, живѣйшей любви. Никто не забылъ старца, основателя торговаго дома, честнѣйшаго и добрѣйшаго человека, благотворителя ближнихъ и ревнителя просвѣщенія.

Очень любопытно было бы издать брошюрку объ огромныхъ предпріятіяхъ бы торговаго дома Штиглица и о сдѣланныхъ, какое онъ всегда оказывалъ торговлѣ и промышленности. Въ ней нашлось-бы много статистическихъ данныхъ, которыя показали-бы, какъ занимательны операціи этого торговаго дома въ исторіи русской коммерціи; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ доказалъ-бы, что не даромъ такъ радостно и торжественно праздновали пятидесятилѣтній юбилей его блистательнаго существованія!

Теперь перейдемъ къ немаловажной части нашей общественной жизни, къ прихотливымъ установленіямъ, называемымъ

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Мода у насъ властвуетъ во всемъ, въ постройкѣ домовъ (и теперь, мимоходомъ сказать, она очень изящна), въ мебели, въ экипажахъ, въ убранствѣ комнатъ и наконецъ въ самыхъ костюмахъ мужчинъ и нарядахъ женщинъ.

Она представляла бы обширное поле нашему фельетону, еслибы мы рѣшились говорить о всѣхъ частяхъ ея, вникать во все подробности малѣйшихъ ея измѣненій, въ мелкіе оттѣнки ея прихотливыхъ капризовъ, но на это развелось у насъ слишкомъ много специальныхъ листковъ, изъ которыхъ мы особенно рекомендуемъ нашимъ читателямъ журналъ «*Моду*», издаваемый изящно и притомъ очень полный по своей части. Мы-же присвоимъ себѣ право заняться только важнѣйшимъ предметомъ, источникомъ всѣхъ прихотей моды, главною ея дѣлю и конечнымъ результатомъ, словомъ, прекраснымъ поломъ. Дамскій нарядъ вещь слишкомъ важная въ проявленіяхъ общественной жизни, чтобы не обращать на него должнаго и почтительнаго вниманія.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ установилась у насъ зима, то-есть, съ первыми января мѣсяца, моды дамскія приняли у насъ опредѣленный характеръ. Платья балныя и для прогулокъ играютъ между ними первенствующія роли.

Вотъ главнѣйшіе наряды, которые бросились намъ особенно въ глаза и обращали на себя всеобщее вниманіе на послѣднихъ балахъ и утреннихъ зрѣлищахъ.

Первый нарядъ. — Платье легкое шелковое, съ тремя широкими воланами. Корсажъ—кофта, съ открытой грудью и широкими отворотами, въ видѣ шали. Напередѣ онъ соединяется широкимъ бантомъ изъ атласной ленты подъ цвѣтъ платья. Рукавчики полу—длинные, венеціанскіе, съ разрѣзомъ внутри. Какъ воланы, такъ отвороты и края рукавовъ и кофты, украшены нашитымъ узоромъ, состоящимъ изъ мелкихъ крестиковъ, вырѣзанныхъ изъ узкой бархатной ленты. Кроющаго—тоже они обшиты мелкою сборкою изъ атласной ленты, подъ цвѣтъ платья.

Головной уборъ состоитъ изъ широкой ленты, ватканной серебромъ, съ длинными, ниспадающими съ обѣихъ сторонъ на плеча концами. Надъ ушами, немножко назадъ, прикалываются шу, изъ мелкихъ перьевъ, которыхъ концы украшены серебряною или золотой канителью.

Браслеты безъ каменьевъ.

Второй нарядъ.—Платье изъ бѣлаго гласе, выложенное бархатными полосками, широкими книзу, и суживающимися кверху. Корсажъ, съ широкими отворотами, въ видѣ шали. Открытая грудь корсажа, короткіе рукавчики, края отворотовъ и низъ талии украшены бахромою изъ голубой синели или шелку. Юю же обшита и края трехъ широкихъ волановъ на юбкѣ.

Головной уборъ изъ ленточныхъ розанчиковъ, въ видѣ вѣнка, который надъ ушами, съ обѣихъ сторонъ, оканчивается большими бантами, съ висящими двумя длинными концами.

Третій нарядъ. — Шляпка бѣлая, атласная, внутри и снаружи отделанная мелкою блондою, съ перьями. Подвязки у шляпки изъ плотныхъ и чрезвычайно широкихъ лентъ. Такъ—называемый *Шведскій костюмъ*, состоящій изъ очень широкой бархатной юбки, и такой же амазонки, съ иллирійскими рукавами, которые книзу шире и отъ локтя имѣютъ разрѣзъ. Амазонка вся кругомъ и рукава, начиная отъ разрѣзовъ, обшиты соболемъ; юбка внизу также обшита соболемъ въ два ряда. Въмѣсто соболя, многія дамы употребляютъ также горностаи. Широкіе двойные подрукавники изъ кружева.

Четвертый нарядъ. — Шляпка бархатная, съ фаншоною, обшитою чернымъ кружевомъ. Поля внутри подбиты бѣлымъ атласомъ, украшены мелкими цвѣтами и бантиками изъ ленты. Двойныя подва-

зубки. Платье изъ пу-де-соа, съ тремя воланами, въ двѣ полосы обшитыми моаромъ, подъ цвѣтъ. Корсажъ à la polonoise. Мантиль-плащъ, изъ бархата, съ широкою бахрамою и нашивками изъ атласнаго рюло.

Пятый парадъ. — Открытое платье изъ затканной матеріи дамъ, или тяжелаго моаре; передъ атласной съ затканными цвѣтами. Лифъ вырѣзной; весь лифъ кругомъ и передъ юбки отдѣланы гирляндомъ изъ цвѣтовъ и зелени. Рукава самыя короткіе. Открытый передъ корсажа перехваченъ тремя золотыми аграфами. Вверхъ изъ перламутра, выложенный золотомъ, вѣка Людовика XV. Букетъ. По браслету на каждой рукѣ. Уборка волосъ съ цвѣтами.

Всѣ шляпки работы М-ше Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, противъ Англійскаго-магазина.

Уборка волосъ — Мг. Вотье, на Невскомъ Проспектѣ, въ домъ Голицына.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- СНОРИН.** Trois nocturnes célèbres (1 p.) Trois valse brillantes (1 p. 50 к.)
- ДОЛЛЕР.** Fantaisie sur l'opéra: Le Prophète (1 p. 43 к.) Fantaisie sur l'opéra: Norma (75 к.) Nocturne célèbre, op. 24. Nouvelle edition (60 к.)
- ПЕССА.** Trois morceaux de Salon. 1 p.
- ВИЕРТ.** Grand air d'Adolar de l'opéra: Euryanthe (75 к.) Invitation à la danse de Weber, arrangée pour être jouée dans les concerts (1 p. 50 к.) Marche-Hongroise (1 p.) Masurka et Polka (1 p.) Air de Balse, chantée par M-me Viardot-Garcia 1 p.
- КАЛКБРЕННЕР.** Adagio et Rondo concerto (1 p. 50 к.) Le Rêve. Grande fantaisie (1 p. 15 к.) Le Fou. Fantaisie brillante 1 p. 15 к.
- МАУЕР СМ.** Romance, italienne (60 к.) Rondo brillant (H dur) 1 p. 50 к.)
- КЕНДЛСОН-ВАТНОЛО.** Lied ohne Worte (60 к.) Rondo capriccioso (85 к.) Capriccio brillant 1 p. 50 к.
- НЕУЕР.** Carnaval de Venise 85 к.
- СЕНЬКОФФ.** Tarantelle op. 34 (1 p.) Menuet de Mozart (50 к.) Feuille d'Album 30 к.
- ВИАДЕР.** C. M. Momento capriccioso 60 к.

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

- АКСЕНОВЪ С.** Новый альбомъ, состоящій изъ 12-ти пѣсень съ варіаціями (3 p.) Air varié de Maurer (40 к.) Попури изъ русскихъ пѣсень (85 к.)
- БОРКОВЪ В.** Пять любимыхъ цыганскихъ пѣсень (60 к.) Два вѣтца соч. Бертини (40 к.) Романсъ Варламова: Осѣдаю коня (40 к.) 24 Любимыя русскія и малороссійскія пѣсни (2 p.) Русская пѣсня «Душечка дѣвица», соч. А. Даргомыжскаго (60 к.) Серенада изъ оперы: Севильскій цирюльникъ, для двухъ гитаръ (60 к.) Ноктурна изъ оперы: Донъ Пасквале, для двухъ гитаръ (60 к.)
- КАЛЕНДЕРЪ** Отрывки изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ (Freyschütz) 85 к.
- ПЕТРОВЪ С.** Этюдъ, соч. Габербира (70 к.)
- САРИКОВЪ В.** Фантазія на любимый романсъ: «Бывало, бывало» соч. Вильгорскаго (75 к.) Вальсъ Шопена (Melancolique) (40 к.)
- СИГА А.** Русскія пѣсни: Не бѣлы свѣги, Охъ болитъ и Малютка племъ нося (60 к.) Варіаціи на пѣсню: Вѣтка (60 к.) Фантазія посвящ. Лунину (75 к.) Три малороссійскія пѣсни: Ихавъ, ихавъ. Ой маты маты, И шумитъ (50 к.) Большая фантазія на мотивы изъ оперы: Волшебный стрѣлокъ (1 p. 50 к.) Варіаціи на вальсъ Галенберга (60 к.) Полька-Мазурка Гунг'ля (40 к.)

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

- РОДИ. КРИМЪТЪ И ЗАМЪ.** Лучшая и самая употребительная школа для скрипки, съ приложеніемъ скрипичнаго грифа, по которому начинающій ясно можетъ видѣть, гдѣ и на какой именно струнѣ извлекаются всѣ возможные тоны. На русскомъ языкѣ, 3 р. с.
- СИХРА А.** Полная школа для семиструнной гитары. Третье, исправленное изданіе, съ похожимъ портретомъ автора. На русскомъ языкѣ, 3 р.
- ЛИ Ф.** Лучшая и самая полная школа для виолончеля, съ многими примѣрами, упражненіями и этюдами. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Принятая консерваторіями Парижа и Лейпцига и приспособленная къ самоученію, 4 р.
- ФУКСЪ И.** Генераль-Басъ, или новая метода, содержащая главные правила музыкальной композиціи и руководство къ практическому примѣненію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ двойнаго контрапункта, канона и фуги, съ примѣрами и упражненіями. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Второе, исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе, 7 р.

Всѣ эти новости можно получать:

въ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕПАНОВСКАГО

въ Большой Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, дѣи и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворены со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящемъ почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ италіанскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно,

ВЪ МАГАЗИНѢ И. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ
Паскаля, № 11.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО:

- BERNARD.** Polka-Mazurka de salon. Morceau caractéristique (60 к.) Romances de Warlamoff transcrites. Liv 3 (1 p.)
- BYER.** Les Huguenots. Bouquet de mélodies 1 p.
- BAISCHL.** Marche caractéristique. op. 37 (75 к.)
- FIELD.** Andanté inédit (avec portrait) 75 к.
- FRACKMANN.** Andante (30 к.) Polka (50 к.)
- WITTSCHALK.** Le bananier. Chanson nègre (60 к.)
- HEBE.** La Californienne. Polka brillante (75 к.)
- ЮДИСКА.** Feuillet d'album. Nocturne (50 к.) Les heureux. Fantaisie—étude (60 к.) L'agréable, valse (75 к.) Seconde mazurka, (85 к.)
- DE.** Impromptu (50 к.) La capricieuse. Polka 50 к.
- WILLAK.** Illustrations russes: № 1. Romance de Dargomijsky, op. 65 (75 к.) № 2. Romance de Glinka, op 66 (1 p.) № 3. Romance de Warlamoff transcrites, op. 67, (75 к.)
- LABER.** Deuxième chant du marin (60 к.)
- LEWY.** Gand galop. de concert, op 34, (1 p.)
- LEHT.** Rascoszy-marche hongroise (75 к.)
- MAUER.** Romance italienne (60 к.)—Nocturne (50 к.)
- MEHNER.** Les champs. Pastorale (1 p. 15 к.)
- ЮДИСТРИН.** Cracovienne (1 p.) Mazurka (85 к.) Deux. mélodies (75 к.) Polonaise 85 к.
- SCHEER.** «Тяжело, не стало силы». Fantaisie sur la romance favorite de Warlamoff (1 p.)
- SCHELOFF.** Caprice sur des thèmes hongrois, op. 31 (1 p. 50 к.) Souvenir de Moscou, chant du pêcheur op. (85 к.) Impromptu-Polka avec portrait op. 33 (1 p.) Feuille d'album (38 к.) Menuet de Mozart (50 к.)
- TRAZBERG.** La fille du regiment. Fantaisie op. 68 (1 p. 70 к.)
- VOGT.** Etude d'amateurs (50 к.) Polka de salon 75 к.
- VOSE.** La juive. Grande fantaisie (1 p.) Ernani, Grande fantaisie (1 p.) Rosalie-Redova (1 p. 15 к.)
- WEL.** Chanson polonaise (50 к.)

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- LES FLEURS.** Cinquième album de danses nouvelles pour 1853. Contenu: № 1. Tischler, Cavallerie — Polka-Marche № 2. Strauss (fils), Ball-Quadrille — № 3. Bilsa, Valse — № 4. Liadoff, Блондинка полька — № 5. Mazurka favorite de Varsovie—№ 6. Laade, Кадриль Благороднаго Собранія.—№ 7. Strauss, Harmonie Polka—№ 8. Wallerstein, Polka-Mazurka—№ 9. Bernard, valse des fleurs—№ 10. Laade, Bon-vivant-Polka—№ 11. Ossipoff, Mazurka de bal—№ 12. Labitzky, Galop sans fin, съ красивымъ заглавнымъ листкомъ, въ переплетѣ. Цѣна 3 р. за пересылку за 2 ♂-

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- АРХАНГЕЛЬСКІЙ.** На сѣверѣ дикомъ. Романсъ (40 к.)
БЕРНАРДЪ. Воспоминаніе (40 к.) Сельская красавица (40 к.)
ВАРИАНОВЪ. Романсы на два голоса; Ты скоро меня позабудешь (60 к.) Для чего ты лучъ востока (85 к.)
ВИЛЬГОРСКІЙ (Графъ М. Ю.) Колокольчикъ. Пѣсня (40 к.)
ГАВРИЦКИНЪ. Пастушеская любовь (40 к.)
ГЯНКА. О милая дѣва! Романъ (85 к.)
ГОЛИЦКИНЪ. (Кн. Л.) О спой еще! (40 к.) На молодость твою (40 к.)
ГУРИНОВЪ. Романсы и пѣсни: № 23. И скучно и грустно (40 к.) № 26. Какъ смотрю на него (40 к.) № 27. Мнѣ не забыть тотъ взглядъ (40 к.)
ДАРГОМОНШСКІЙ. Романсы и пѣсни: № 42. Восточный романсъ (40 к.) № 43. Застольная пѣснь (60 к.) № 44. Минувшихъ дней очарованья (75 к.) № 45. Кудри (60 к.) № 46. Охъ, тихъ, тихъ, ти! Пѣсня (50 к.)
ДРОКОЛЬДЪ. Не отходи отъ меня (50 к.) Черныя очи 40 к.
РУБИНШТЕЙНЪ. Шесть романсовъ на два голоса: № 1. Ночь. № 2. Горныя вершины. № 3. Тучи. № 4. Горлица и прохожій. № 5. Ангель. № 6. Прощаясь, въ аллеѣ сидѣли. 2 р.

РУКОВОДСТВО.

Къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію и составленное *Юсифомъ Гунже*, извѣстнымъ учителемъ Генералбаса. Цѣна 3. р. с.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ 2 процента уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, кромѣ того ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувелистъ*» (годъ XIV), которая содержитъ въ себѣ: *Mayer*, Allegro vivace — *Kuhlé*, Nocturne — *Lewy*, Galop de concert — *Hertz*, — Marche mexicaine — *Unger*, Mélodie polonaise — *Talexu*, Wanda — Polka-Mazurka — *Meyer*, Mejer-Polka — *Brunner*, Lucrezia Borgia. Divertissement, *Burgmüller*, Rondo turc — *Дарьомыжскій*, Охъ, тихъ, тихъ, ти. Пѣсня — *C-te Wielgorsky*, Romance — Музыкально-литературное прибавленіе.

Годовая цѣна подписки 10 р с., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.

Тутъ-же поступилъ въ продажу, только что вышедшій въ свѣтъ, изданію изданный:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ

АРІЯ, РОМАНСОВЪ И КУПЛЕТОВЪ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПЬЕСЪ, ПѢТЫХЪ НА СЦЕНѢ.

Содержаніе. 1. **ЛЮБИ ТЫЯ.** Романсъ Федорова, музыка *Вителларо*. 2. **ИТЕРЬ ЧУДНАЯ СТОЛИЦА,** куплеты Кони, музыка *Живокими*. 3. **УПРЕКЪ.** Романсъ Федорова, музыка *Тальберга*. 4. **СВАДЬБАЯ КОРЗИКА.** Арія Федорова, музыка *Дютча*. 5 и 6. Дѣ пѣсни изъ **РУССКОЙ СВАДЬБЫ,** музыка *Дютча*. 7. **ВОПРОСИ И ОТВѢТИ.** Рондо гр. Сологуба, музыка *Толстаго*. 8. **ФИГУРАНКА,** куплеты Г'. 9. **ФОКУСЪ-НОКУСЪ,** куплеты Кони, музыка *Вителларо*. 10. **НЕВѢСТА,** куплеты Зотова, музыка Г'. 11. **УДИ ЛЮДИ ВИДЕ** и 12. **РОМАНСЪ,** музыка капельмейстера *Жосса*.

Цѣна 3 р. с. съ пересылкою 3 р. 50 к. с.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ТОМЪ II.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ТОСКА И СМѢХЪ.

КАПРИЗЪ.

ВАСИЛІА ВОЛЯРЛЯРСКАГО.

Дѣйствіе происходитъ въ Павловскѣ, лѣтомъ.

Гостиная; на аррьер-сценѣ большая отворенная дверь въ садъ; близъ двери сидитъ на кушеткѣ графиня, передъ нею на столѣкъ работа и книга; направо фортепьяно; на лѣвой сторонѣ, ближе къ публикѣ, сидитъ въ креслахъ Павелъ Захаровичъ, въ рукахъ у него Journal pour rire! — Вечеръ. При податіи занятъса слышенъ громкій смѣхъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы всегда такъ смѣялись?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*глубоко вздыхая*). Ухъ! всегда, мой другъ.

ГРАФИНЯ. И вамъ не совѣстно?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Теперь нѣтъ, но прежде, когда былъ молодъ, признаюсь, случалось приходиться только что не въ истинное отчаяніе.

ГРАФИНЯ. Вѣрю.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Представь себѣ, бывало въ театрѣ, или просто въ большомъ обществѣ, всѣ чинно сидятъ, разговариваютъ изъ полголоса; тогда, мой другъ, было не то, что теперь: говорили старшки, а молодые слушали; и когда слушали, не разваливались на диванѣхъ, не клали ногу только—что не на сосѣдей; покойная баба, — стога была старуха, — подзоветъ бывало за чѣмъ-нибудь, такъ разовѣ шесть перочинныхъ въ лицѣ, прежде чѣмъ дойдешь; не знаешь, куда руки дѣвать; хорошо если подвернется шляпа, ну вертишь, бошь шляпы же бѣда! — вотъ и подзоветъ, а тутъ какъ на грѣхъ такой какой-нибудь съ косякомъ, взглянешь, — фыркнешь, да ни съ того ни съ сего и лопнешь со смѣху, — характеръ такой; ну и поведутъ на атресоль!..

ГРАФИНЯ. Не доканчивайте, mon oncle; послѣдствія грустныя!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Положимъ, что грустныя, а все-таки, мой другъ, искреннюю и постоянную веселость я всегда предпочиталъ постоянной тоскѣ.

ГРАФИНЯ. Это на мой счетъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Можетъ—быть.

ГРАФИНЯ. Но виновата-ль я, что здѣсь случилося?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Гдѣ же весело?

ГРАФИНЯ. Не знаю, придумайте.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помилуй, гдѣ мнѣ, и какое средство?

ГРАФИНЯ. Трудно, вы видите, такъ виновата я?

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А казалось, чего бы лучше?—дача прелестъ, погода ясная, Гунгль неподражаемъ, молодежи множество, всѣ веселятся отъ души.

ГРАФИНЯ. Какая тоска!

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Тоска тебѣ здѣсь, — поѣжай за границу.

ГРАФИНЯ. Съ кѣмъ?

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Со мною пожалуй; спутника менѣе скучнаго не найдемъ, — ручаюсь.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, mon oncle, вы слишкомъ веселы, вотъ что и скучно.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. По-крайней-мѣрѣ откровенно выражаюсь.

ГРАФИНЯ. Простите, мнѣ лѣнь говорить неправду.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*малая рукою*). Отъ души прощаю, и ужъ конечно не поѣду съ тобою; гдѣ мнѣ? А вотъ, мой другъ, что, по моему мнѣнію, остается сдѣлать.

ГРАФИНЯ. Любопытно.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. О первомъ твоёмъ замужествѣ говорить не буду, ты была слишкомъ молода, мужъ былъ слишкомъ старъ, умеръ и Богъ съ нимъ. Выданъ за другаго.

ГРАФИНЯ. За кого же,

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Мало ли?

ГРАФИНЯ. Однако?

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. За князя Чудина. Собою виденъ, нилъ блестящее; лучшаго мужчины не знаю.

ГРАФИНЯ. Мужъ красавецъ, — фи!

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь урода?

ГРАФИНЯ. Я ничего не хочу.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А ничего, такъ Богъ съ тобою; кого же винить и на что жаловаться? Право дивное дѣло, неостыжливое, — вотъ вѣкъ, вотъ люди! Спроси у нихъ, дай на выборъ все, все, — продумаютъ до старости... не выберутъ ничего... Нѣтъ, попорчена натура, искаженъ вкусъ, взглядъ не тотъ, чувства притушились, — право такое что-нибудь произошло! Въ наше время выдерживали молодежь, водили на атресоль — правда!

ГРАФИНЯ. Mon oncle!

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не тревожься, подробностей описывать не буду, а умолчать не могу, что всѣ вы пренесчастныя созданія. Ну какъ не пользоваться тѣмъ, что ниспослала судьба на одну твою го-

лову, Елена? — богатство есть, молодость въ полномъ разгарѣ, красота — еще какая! ты прехорошенькая! (*Графиня повертывается спиной*). Прелесть — клянусь!

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы нестерпимы.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А ты несносна, — повѣрь, ума не приложу.

ГРАФИНЯ. И не нужно!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не нужно, не нужно, говоришь, — такъ не мѣтай же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, смѣяться, когда хочется.

ГРАФИНЯ. Только не громко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не ручаюсь, чтобы могъ, — впрочемъ попробую... Ахъ — неисправная ты! (*Вздыхая, беретъ за чтеніе журнала. Послѣ нѣкотораго молчанія, графиня встаетъ съ кушетки, садится за фортепьяно и беретъ нѣсколько аккордовъ; въ это время Павелъ Захаровичъ заливается ковымъ смѣхомъ; графиня перестаетъ играть и молча смотритъ на дядю*). Прости меня, мой другъ, не буду, право не буду; ну что же дѣлать, глупо, самъ вижу, что вздору смѣюсь, а не могу, никакъ не могу. (*Хочетъ; графиня пожимаетъ плечами*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь я уйду?

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Запрусь въ мою комнату и ужъ тамъ дохохочу.

ГРАФИНЯ. А вы, mon oncle, воображаете, что четырехъ стѣнъ достаточно, чтобы...

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Какъ четырехъ стѣнъ? неужто мало четырехъ... все-таки слышно?

ГРАФИНЯ. Увы!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ну, — въ такомъ случаѣ надлежитъ изобрѣсти новое средство, болѣе дѣйствительное.

ГРАФИНЯ. Я назначаю на это премію.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нашелъ! Дай мнѣ что-нибудь очень серьезное, и возьми этотъ листокъ.

ГРАФИНЯ. Но не смѣтаетесь ли вы, mon oncle, надъ моею тоскою, а я ничего серьезнѣе не знаю, какъ она.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, есть кромѣ твоей тоски много вещей; первая — вотъ она. (*Беретъ газету*) «Полицейская газета»; прекрасна... ну, теперь прости смѣхъ. — Начну съ продажей, — во-первыхъ, недержанная пролетка, — спросить у дворника Ивана во Второй Адмиралтейской; потомъ, квартира со всеми удобствами — двѣ комнаты, то есть, безъ кухни, разумеется, безъ кокошетъ.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы будете читать громко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А что?

ГРАФИНЯ. Я такъ спрашиваю.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты этого не хочешь?

ГРАФИНЯ. А какъ вы думаете? (*Павелъ Захаровичъ кланяется и мятаясь читаетъ тихо; въ это время графиня, поклонясь, также беретъ книгу и садится на кушетку;—минутное молчание, послѣ котораго Павелъ Захаровичъ вдругъ радостно вскрикиваетъ, графиня содрогается*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я, кажется, вскрикнулъ?

ГРАФИНЯ. И ужасно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Опять виновать, но какъ же не брехать, госуда: Зоринскій въ Петербургъ.

ГРАФИНЯ. Кто?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Зоринскій, Дмитрій Зоринскій, сынъ Николая Афанасьевича.

ГРАФИНЯ. Слышу въ первый разъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помилуй, мой другъ, дѣтми играли вы вѣсть, прекрасный мальчикъ; съ его отцемъ служилъ я тридцать лѣтъ, чудесный человекъ былъ покойникъ.

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же кричать, mon oncle?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Сказалъ уже виновать; а какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть молодого; впрочемъ, неужели онъ не догадается зайти къ намъ въ домъ? Не можетъ-быть. Все-таки напишу ему про всякій слушай, пошлю нарочнаго по жѣлезной дорогѣ. (*Звонитъ, слуга входитъ*). Дай бумаги и чернилъ. (*Слуга уходитъ*) Какъ я радъ, какъ я радъ! Вотъ человекъ, давно его не видалъ, правда, а общалъ быть порядочнымъ. — Вотъ, еслибы тебѣ, мой другъ, ему понравиться!

ГРАФИНЯ (*съ удивленіемъ*). Чтѣ, mon oncle?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я говорю, что сынъ не можетъ не походить на отца, и подобный мужъ, — но ты, я вижу, смѣешься?

ГРАФИНЯ. А вы говорите серьезно? — Чтѣ же, mon oncle, мы оба исправляемъ отъ своихъ недостатковъ. (*Слуга приноситъ бумагу и чернила и подаетъ Павлу Захаровичу, который, написавъ записку, складываетъ ее и отдаетъ слугѣ*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*случь*). Ступай сію минуту въ Петербургъ. Въ гостиницѣ Кулева, такъ кажется? (*Смотритъ съ листкомъ*) такъ точно, отыщишь Зоринскаго Дмитрія Николаевича, и отдашь ему эту записку отъ меня, — слышишь?

СЛУГА. Слушаю-съ.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да скажи, что омидаю его непремѣнно, непремѣнно, — понимаешь?

СЛУГА. Понимаю—съ.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ступай же — да поскорѣе. (*Слуга уходитъ*). Богъ мой, какъ я счастливъ, какъ я радъ! и сколько хорошаго напомнить мнѣ Дмитрій; какъ весело жилали мы съ отцемъ, и сколько плановъ строили! Стояли съ полкомъ въ Зубцовѣ, домъ его вотъ этакъ, а мой — такъ, сойдемся бывало чуть свѣтъ, и начнется хохотъ. Веселый былъ.

ГРАФИНЯ. Воображаю, какъ вамъ было весело.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да нѣтъ, да теперь нѣтъ и молодежи такой, все измѣнилось: надъ дружбою, надъ товариществомъ смѣются, а тогда — придетъ въ полночь, разбудить, спросить: спишь? Сплю, а что? Вставай, говорить, ѣдемъ. — Ёдемъ, отвѣчаю; не спрашиваешь, куда везеть, зачѣмъ везеть, и спать хочется, а ѣдешь; — въ другой разъ и не хочешь, и какъ не хочешь, а ѣдешь все-таки! Славнее было время, славные люди! (*Вздыхаетъ*). Покойный отецъ твой, какъ теперь слышу, говаривалъ намъ съ Николаемъ Афанасьевичемъ: вотъ дожждаться бы, какъ Леночка выростетъ, да выростетъ и Дмитрій... сколько плановъ!

ГРАФИНЯ. Планы, топ осле?

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да, соединить васъ, т. е. тебя съ Дмитріемъ. Но къ сожалѣнію, онъ пристрастился къ морю, старики умерли, и все разстроилось.

ГРАФИНЯ (*иронически*). Какъ я несчастлива!

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Впрочемъ молодой человекъ не общалъ съ дѣтскими тѣмъ, что нравится теперешнимъ женщинамъ.

ГРАФИНЯ. А именно?

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Онъ не хорошъ, не танцуетъ, не любитъ общества, не болтаетъ вздора, не любезничаетъ какъ современные львы, не носитъ гривы, и больше занимается головою, чѣмъ ногами...

ГРАФИНЯ. Сколько рѣдкихъ достоинствъ!

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты и его не жаднишь?

ГРАФИНЯ. Напротивъ, топ осле, все, что вы говорите про Заринскаго, мнѣ нравится; всѣ эти свойства выходятъ изъ общей рамки свѣтскихъ молодыхъ людей, которые, по совѣсти, страхъ какъ присмотрѣлись.

НАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, онъ не по тебѣ. Куда! объ этомъ и думать теперь нечего; я знаю, Дмитрій не женится, не таковъ человекъ.

ГРАФИНЯ. Жаль! (*Смѣется*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Страсть къ странствованіямъ, къ непрерывной перемѣнѣ мѣстъ, заглушила въ немъ всѣ прочія страсти.

ГРАФИНЯ (*хохочетъ*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ба, ты смѣешься?

ГРАФИНЯ. Чтобъ не заплакать, топ once!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. О чемъ?

ГРАФИНЯ. О невозможности выйти за мужъ за сына Николая Афанасьевича, друга вашего.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Новая насмѣшка, а я съ глуша и не повяль сначала; впрочемъ, чему-бы ни смѣяться, а смѣяться все лучше. Олдко семь часовъ, пора въ вокзалъ. Ты не поѣдешь никуда?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, топ once, лѣнь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Напрасно.

ГРАФИНЯ. Право лѣнь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Какъ хочешь, а вечеръ дивный, гуляющихъ толпы, приѣхало вѣрно много изъ Петербурга и Царскаго, отышутся знакомые; позвать кого-нибудь? (*Встаетъ*).

ГРАФИНЯ. Ко мнѣ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да.

ГРАФИНЯ. Зачѣмъ? Имъ будетъ скучно, а мнѣ вдвое!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*пожимая плечами*). Ты пренесчастливое существо.

ГРАФИНЯ. Немножко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Право пренесчастливое (*Уходитъ*).

ГРАФИНЯ (*одна*). Несчастливая! нѣтъ, а скучно, ужасно скучно, однообразно все. Les hommes sont trop aimables pour ne pas être stupides! Право, какъ только войдетъ любой, такъ и хочется сказать: вы скажете мнѣ непременно то-то. Скучно слушать, а отвѣчать еще скучнѣй. (*Звонитъ—слуга входитъ*). Не принимать никого. (*Слуга уходитъ*). Бѣдный дядя, къ какимъ героическимъ способамъ не прибѣгаетъ онъ, чтобы развлечь, разсѣять меня; я ему издоѣла, вѣрно! (*Беретъ работу*). Вчера привелъ новаго претендента, съ талією танцорки, съ лицомъ правильнымъ, какъ треугольникъ, и съ выраженіями подобными: ahugi, apultatif, rebarbatif и аросгурпһique, какво? Прибавьте ко всему этому прическу а l'anglaise, перчатки jaune navette, cravate а l'enfant и проч. и проч., осаждающее насъ съ утра до вечера. Боже мой, но кто же изъ нихъ не таковъ? И подобнымъ созданіямъ позволитъ сказать себѣ: je vous adore! Избави Богъ! (*Дѣлаетъ гримасу*) А здѣтъ Чудингъ, этотъ живой экстрактъ изъ всѣхъ приторностей, этотъ ятлану-

ты! каленбуръ, одѣтый по журналу, — и смѣть называться мужчиной! Неужели Ledy Ravena не расхохоталась бы, смотря на лучшій букетъ современныхъ вздыхателей, неужели... тоска, ужасная тоска!

СЛУГА. Дмитрій Николаевичъ Зоринскій, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ Я приказала не принимать.

СЛУГА. Они спрашиваютъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Скажи въ вокзалѣ (*Слуга хочетъ идти*). Впрочемъ про-
си. (*Слуга уходитъ*) Еще испытаніе.

(*Зоринскій, одѣтъ просто, но со вкусомъ*).

ЗОРИНСКІЙ. Неужели Елень? Какъ вы переѣхались!

ГРАФИНЯ (*едва привставая*). Мг. Зоринскій!

ЗОРИНСКІЙ. Вамъ сказалъ? — узнать меня вы не могли. Гдѣ-жъ Павелъ Захаровичъ?

ГРАФИНЯ. Онъ въ вокзалѣ, я пошлю за нимъ.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ хотите, впрочемъ конечно лучше: въ 10 часовъ имъ нужно быть въ Петербургѣ (*Садится*).

ГРАФИНЯ (*звонитъ и говоритъ вошедшему слугѣ*). Отыщи Павла Захаровича и скажи, что ожидаемый имъ гость пріѣхалъ. (*Слуга уходитъ*).

ЗОРИНСКІЙ. А онъ ждалъ меня?

ГРАФИНЯ. Случайно вычиталъ имя ваше въ листкѣ пріѣзжихъ.

ЗОРИНСКІЙ. Тѣмъ лучше; сюрпризовъ не терплю. Вы же неразлучны съ дядюшкою вашею?

ГРАФИНЯ. Съ минуты потери мужа.

ЗОРИНСКІЙ. Да, графиня, я слышалъ какъ-то, не помню отъ кого именно... но надѣюсь, что послѣдствія несчастія, то есть первая грусть успѣла уже...

ГРАФИНЯ. Подобныя потери не забываются.

ЗОРИНСКІЙ. Голь!

ГРАФИНЯ. Всю жизнь!

ЗОРИНСКІЙ. Не случалось убѣдиться въ этой истинѣ, впрочемъ можетъ быть.

ГРАФИНЯ. Вы же, М-г Зоринскій, по прежнему вѣчный странникъ?

ЗОРИНСКІЙ. Больше чѣмъ когда-нибудь.

ГРАФИНЯ. А попалъ къ намъ въ Россію?...

ЗОРИНСКІЙ. Чтобы сдѣлаться членомъ Яхтъ—Клуба.

ГРАФИНЯ. Потомъ.

ЗОРИНСКІЙ. Плыву на югъ, — люблю Пурвантъ; ничтожный городокъ среди померанцевой роши, въ снѣгахъ Пиреней; надъ нимъ вѣчно голубое небо, подъ нимъ лазуревый заливъ, — дышать легко.

ГРАФИНЯ. Почему же не предпочтете вы Неаполь?

ЗОРИНСКИЙ. Въ немъ много людей.

ГРАФИНЯ. Вы византроецъ?

ЗОРИНСКИЙ. Нѣтъ, графиня; просторъ, природа и вѣчное движеніе, вотъ мои элементы, люблю ихъ какъ друзей.

ГРАФИНЯ. Вы счастливы.

ЗОРИНСКИЙ. Почти.

ГРАФИНЯ. Зачѣмъ это слово?

ЗОРИНСКИЙ. Не достасть чего-то.

ГРАФИНЯ. А именно?

ЗОРИНСКИЙ. Товарища; васъ можетъ быть!

ГРАФИНЯ (съ удивленіемъ). Меня?

ЗОРИНСКИЙ. Да, васъ, графиня, или вообще существа, которому я могъ бы сказать, что я счастливъ.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Но безъ любви, даже безъ симпатіи.

ЗОРИНСКИЙ. Какъ безъ симпатіи, почему безъ симпатіи?

ГРАФИНЯ. Товарищъ вашъ, надѣюсь, долженъ прежде всего васъ покривить.

ЗОРИНСКИЙ. Конечно.

ГРАФИНЯ. А это легко, М-г Зоринскій?

ЗОРИНСКИЙ. Говоря про васъ, полагаю легко.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Неужели надобно благодарить?

ЗОРИНСКИЙ. Кого? меня? за что же?

ГРАФИНЯ. За любезность, за выборъ.

ЗОРИНСКИЙ. О нѣтъ, я сказалъ правду.

ГРАФИНЯ. Въ такомъ случаѣ, М-г Зоринскій, остается узнать, точно такъ ли скоро понравитесь вы мнѣ?

ЗОРИНСКИЙ. Смотря, графиня....

ГРАФИНЯ. Однако.

ЗОРИНСКИЙ. Если цѣль ваша быть совершенно счастливою, то впрямь рѣшенье.

ГРАФИНЯ. И...

ЗОРИНСКИЙ. Со мною вы будете счастливы.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Право?

ЗОРИНСКИЙ. Безъ всякаго сомнѣнія.

ГРАФИНЯ. Доказательства!

ЗОРИНСКИЙ. Очень ясны: во-первыхъ — я не ревнивъ.

ГРАФИНЯ. Тѣмъ хуже.

ЗОРИНСКИЙ. Это почему?

ГРАФИНЯ. Значитъ вы неспособны любить.

ЗОРИНСКІЙ. А вы, графиня, этого бы желали?

ГРАФИНЯ (смѣясь). Можетъ—быть.

ЗОРИНСКІЙ. Даю вамъ честное слово.

ГРАФИНЯ. Въ чемъ?

ЗОРИНСКІЙ. Въ томъ, что буду любить.

ГРАФИНЯ. Merçi.

ЗОРИНСКІЙ. Потому, наскучить женѣ я не могу, — страсть моя: не в вообще природа; страсть эта такъ велика, что большую часть времени посвящаю ей.

ГРАФИНЯ. Тѣмъ хуже.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ?

ГРАФИНЯ. Соперницѣ ненавижу.

ЗОРИНСКІЙ. Вы резкими.

ГРАФИНЯ. Ужасно!

ЗОРИНСКІЙ. Тѣмъ лучше; это свойство въ женщинахъ нѣрное ручательство за ихъ состоянство. — Повѣрьте, графиня, мы будемъ счастливы.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Но вкусы наши, М-г Зоринскій? а странусь, различіе вкусовъ...

ЗОРИНСКІЙ. Напримѣръ?

ГРАФИНЯ. Вы любите Пурвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Очаровательный край, графиня; вѣчная весна такъ дышетъ ароматомъ.

ГРАФИНЯ. Мнѣ нужны люди, свѣтъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю мѣръ цѣлый.

ГРАФИНЯ. Мнѣ общество необходимо.

ЗОРИНСКІЙ. Всѣ націи къ услугамъ вашимъ.

ГРАФИНЯ. Вы слишкомъ уступчивы, большой парокъ.

ЗОРИНСКІЙ. До сей минуты, графиня, мы только согласны.

ГРАФИНЯ. Не понимаю.

ЗОРИНСКІЙ. Я согласенъ помочь вамъ искать то, чего не достаетъ ни полнаго вашего счастья.

ГРАФИНЯ. И вы способны были бы сдѣлать это?

ЗОРИНСКІЙ. Сдѣлать больше, графиня, довѣрять вамъ свое.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, вы эгоистъ.

ЗОРИНСКІЙ. И основываете вы это предположеніе?

ГРАФИНЯ. На всемъ.

ЗОРИНСКІЙ. А именно?

ГРАФИНЯ. Слушайте: на вопросъ мой, счастливы ли вы вполнѣ? вы

отвѣчали: почти,—и не достаетъ вамъ товарища... меня можетъ—быть!..
Вы это сказали?

ЗОРИНСКІЙ. И подтверждаю, графиня.

ГРАФИНЯ. Какою же цѣною хотите вы купить у меня это почти?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною того, что не достаетъ для полнаго моего счастья.

ГРАФИНЯ. То есть?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною полнаго счастья, графиня.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, игра словъ, игра же наша должна была бы быть серьезнѣе.

ЗОРИНСКІЙ. Я чрезвычайно серьезно готовъ любить васъ, графиня.

ГРАФИНЯ. Капризь.

ЗОРИНСКІЙ. Онъ первый у меня въ этомъ родѣ!

ГРАФИНЯ. Но кто же поручится, что онъ же будетъ и послѣдній въ этомъ родѣ?...

ЗОРИНСКІЙ. Вашу руку, графиня, и я повѣрю.

ГРАФИНЯ. Все это чрезвычайно мило, но до сей минуты, зашѣйте, мы говоримъ только про васъ однихъ.

ЗОРИНСКІЙ. А про васъ, графиня, говорили мы съ отцемъ моихъ вашихъ дядею въ—продолженіе всей моей молодости...

ГРАФИНЯ. Да, я слышала; но вы уѣхали....

ЗОРИНСКІЙ. Съ полною надеждою на будущность, на васъ, графиня!

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, я не знала васъ тогда; океанъ дурной повѣренный въ любви; вы поставили его между нами, онъ молчалъ....

ЗОРИНСКІЙ. Вы вышли замужъ, графиня, и этому же океану повѣрилъ я мое отчаяніе, — но онъ молчалъ... вы и этого не знали.

ГРАФИНЯ (*посль нѣкотораго молчанія*). М-г Зоринскій, разговоръ нашъ принялъ странный оборотъ; мы знакомы такъ недавно...

ЗОРИНСКІЙ. Позвольте, графиня, предложить вамъ всю мою жизнь для продолженія знакомства.

ГРАФИНЯ. Вы будете раскаиваться.

ЗОРИНСКІЙ. Раскаиваюсь уже, что не сдѣлалъ этого раньше.

ГРАФИНЯ. Во мнѣ тьма недостатковъ.

ЗОРИНСКІЙ. Они примирять меня съ собою.

ГРАФИНЯ. На жизнь смотрю я съ странной точки; вы будете недовольны мною.

ЗОРИНСКІЙ. Какое мнѣ дѣло, графиня, и смотря всю жизнь на одну васъ; я буду доволенъ, — повѣрьте,

ГРАФИНЯ. А противорѣчія?

ЗОРИНСКІЙ. Ихъ быть не можетъ.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, и первое....

ЗОРИНСКІЙ. Что же, графиня?

ГРАФИНЯ. Я не ѣду въ Курвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю Лондонъ,

ГРАФИНЯ. Согласна, но вы въ немъ не избѣгнете людей, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Лондонъ пусть, съ утра до ночи все на выставкѣ... она же васъ не привлечетъ.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Не ручаюсь, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Повѣрьте, не любовытна; хотите, я покажу вамъ ее во всей подробности, и сами убѣдитесь.

(За кулисами слышенъ голосъ Павла Захаровича).

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? *(Павелъ Захаровичъ входитъ съ распростертыми объятіями).* Другъ, Дмитрій! вотъ спасибо, самъ вспомнилъ, самъ захватилъ, знать не измѣнился къ старымъ друзьямъ *(Обнимаетъ его)* А я, сознаюсь, усумнился, ужъ вѣкъ таковъ; думалъ, и взглянуть не захочетъ на старика, — послалъ нарочнаго въ Петербургъ.

ЗОРИНСКІЙ. Напрасное сомнѣніе, Павелъ Захаровичъ, чувства мои къ вамъ наследственныя, а наследствомъ кто же не дорожить и въ нашъ вѣкъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Еще разъ спасибо *(Снова цѣлуетъ)*; а вѣдь точь въ точь покойный Николай Афанасьевичъ; чѣмъ больше смотрю, тѣмъ грустнѣе становится... Эхъ! былъ человекъ—то какой... ну да не вернешь! *(Утираетъ глаза).* Надолго ли же ты къ намъ, Дмитрій Николаевичъ?

ЗОРИНСКІЙ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Павелъ Захаровичъ, увы, спѣшишь, — время всемірной выставки, дня три, четыре пробудемъ, больше нельзя, опоздаемъ!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Только—то? Напрасно же, другъ, и свидѣлся; ненавижу разставаній.

ЗОРИНСКІЙ. Кто же велитъ, Павелъ Захаровичъ? Ѣдемъ съ нами, — не правда ли, Елень? *(Графиня хохочетъ, а Павелъ Захаровичъ, смотря на племянницу съ изумленіемъ).*

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Елень! Елень! брависсимо!

СЛУГА (вбѣгаетъ). Князь Чудинъ.

ГРАФИНЯ. Богъ мой, какая тоска! отказать.

СЛУГА. Они вошли, они въ прихожей, ваше сіятельство.

ЗОРИНСКІЙ. Такъ скажи князю, что намъ некогда, что мы говоримъ о вещахъ серьезныхъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Слугъ меловко, вѣдь гость этотъ претендентъ

(Обращаясь къ графинь); а позволъ мнѣ его сроводить. *Подождите?*
ГРАФИНЯ. Пожалуйста, шоп опсе; но что же вы ему скажете?
 Вѣдь онъ узнаеть, что мы не одии.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я скажу, мой другъ, что у тебя жонка.

ГРАФИНЯ. Мой опсе!

СЛУГА. Прикажете принять?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*случь*). А безъ этой причины разувѣтса
 принять.

(*Зоринскій беретъ шляпу и пресерьозно кланяется графинь.*)

ГРАФИНЯ. Вы же куда, М-г Зоринскій?

ЗОРИНСКІЙ. Въ Пурвантъ, графиня; для одиночества нѣтъ лучше
 уголка!

ГРАФИНЯ. А Лондонъ, а наши пазны?

ЗОРИНСКІЙ. А князь, графиня? Что дѣлать съ княземъ?

ГРАФИНЯ (*съ нетерпѣливомъ*). Съ княземъ? Ахъ, Боже мой, какъ это
 скучно! Ну сдѣлать его шаферомъ. (*Протягиваетъ Зоринскому руку*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Шаферомъ?... (*случь*) Проси!

СОЛДАТЪ-БАЛАГУРЪ

ДРУЖБА-ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА-СЛУЖБОЙ.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Соч. П. И. Григорьева 1-го.

(Музыка для кукольного составлена изъ русскихъ пѣсень и романсовъ).

ПИСАНО ДЛЯ ИРКУТСКАГО НОВАГО ТЕАТРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

БОРИСЪ ИГНАТЬЕВЪ, староста деревни ***

АЛЕШКА

ГАВРИЛКА } его смышля, молодые ямщики

СЕНЬКА

ДОРОВІЙ АНТИНЪ, замѣточный мужицкъ

ШАВРУША, его дочь

НАТАЛЬЯ, крестьянка

ВАСИЛІЙ, сирота, вскормленный въ домѣ Дороева

ЯКОВЛЕВНА, старая вдова, родная сестра Дороева

ДЕМЬЯНЪ САВЬЕЛЬЕВЪ ШУНИНЪ, ~~отецъ~~ замѣститель, промѣ-
вающій въ домѣ Дороева

1. }
2. } старые ямщики
3. }

Станціонный смотритель

Крестьяне, крестьянки, молодые и старые ямщики.

Г. Самойловъ.

Г. Мартыновъ 1.

Г. Марковский.

Г. Зубровъ.

Г. Фальсег.

Г-жа Левкьева.

Г-жа Подобьдова

Г-жа Леопова.

Г-жа Шеллдова.

Г. Григорьевъ 1.

Г. Сосновскій.

Г. Семеновъ.

Г. Григорьевъ 2.

Г. Славикъ.

Театръ представляеть видъ деревни, гдѣ почтовая станція. Виднѣ, на возвышеніи, лежитъ почтовая дорога, и по среднѣ, на возвышеніи же, верстовой столбъ. Направо со сцены домъ Бориса староста, съ надписью: *Староста*. Влѣво домъ Колодезъ, противъ колодезъ пристройка, означающая кладовую и сарай, даже другіи избы. Пяльце со сцены домъ Дороселъ, двухъ-этажный, деревянный же, подлѣ дома деревенская лавка съ разными вещами, какъ-то: хомуты, дуги, кнуты, кушаки, баранки, орѣхи, пряники, булги, сайки и проч. и проч.; за лавкой другія избы.

I.

БОРИСЪ, старый старикъ, съ палкой и въ рубахѣ, и **ДОРΟΣЕИ**, въ каштанѣ, выходятъ изъ лавки, разговаривая между собою. Видно, по большой дорогѣ, иногда мелькають мимо деревни рокошіе.

ДОРΟΣЕИ. Оно вѣстимо такъ, Борисъ Игнатьичъ... свое дѣтище всякому мило....

БОРИСЪ. То-то же вотъ и онѣ... другому люди, со стороны-то, кажутся, ничего... Изъ троихъ сыновей, одного, говорятъ, сдать въ конуртѣ старость не жалко! А я говорю: да! ладно вамъ зубы-те точить! ребята-то моя вещь пожениться хотять, а коли, говорю, у меня они не работаютъ въ молѣ, такъ лѣто и зиму извозомъ деньгу промышляють! вотъ оно што! А какая тройка у каждаго парня? станціонный бантъ: что на сто верстѣ такихъ коней не същешь.

ДОРΟΣЕИ. Такъ, такъ, дѣло ты говоришь...

БОРИСЪ. Еще-бы те не дѣло! Да и для чужь и-молѣ староста, коли не сумѣе съвѣтъ робать отъ очереди избавить? такъ-ли?

ДОРΟΣЕИ. Дѣло говоришь! ей-ей дѣло! коли можно, такъ чужь съвать.

БОРИСЪ. Да ужъ съ управляющимъ дѣло наше покончено какъ слѣдуетъ : сотнягой цѣлковыхъ ему поклонился, и онъ говорить : бери, Борисъ, кого знаешь *негодяицхъ*, а я, говорить къ барину отпущу, и дѣло будетъ въ шляпѣ! Управляющій у насъ человекъ *наипочтеннѣйшій*, свое дѣло знаетъ! Баринъ живетъ въ Питерѣ, въ вотчину не ѣздитъ, занять службой, ну, а намъ авто и на руку!....

(На голосъ : *Шли наши ребята*)

Пусть элме люди насъ порочать и бранять
А съ управляющимъ всегда живу я въ ладъ!
Вѣдь коли дѣло есть, и множество хлопотъ,
Такъ онъ за хлопоты ужъ не хотя беретъ!
Онъ, знаешь, и барину, што можно перешлетъ,
А экономію себѣ въ карманъ кладетъ.
Какъ ни толкуй объ немъ, а молвишь наконецъ :
Тамъ волки сыты всѣ, гдѣ много есть овецъ !

ДОРООЕЙ. Чтѣ тутъ толковать-то? Вѣстину, мной управляющій и возьметъ съ тебя, и ни на копѣйку добра не сдѣлаетъ.

БОРИСЪ. То-то и оно! Ну, такъ смотри же Дороеей, твой сирота Васютка, какъ малый безотвѣтный, бездомный, пойдетъ въ очередь за мово Алешку ; а за Гаврюшку мово самъ управляющій взялся поставить парня изъ другой деревни. И слышь-ты, какъ только авто дѣло покончимъ, Гаврюшку мово женимъ на твоей крестницѣ Наталѣ, а Алешку на твоей Маврушкѣ! смѣкаешь? (*Въ это время входитъ Васютка съ дугой и возжами и тихо приближается къ дому Дороеей*).

ДОРООЕЙ Гм.... какъ не смѣкать?... Только все раздумье меня беретъ.... Васютка парень работающій, сирота круглый, я его приютить, вырастить, хотѣлъ тоже было, женить... Конечно онъ мнѣ чужой, да все какъ-то жалъ расстаться съ парнемъ... Да и сестра-то у меня за него больно стоитъ...

БОРИСЪ (*строго*). Чтѣ жъ ты? на понятный дворъ, штоли? смотри! кончай лучше полюбовно, не то мы тебя, съ управляющимъ со свѣта Божьяго скинемъ! Слышишь Дороеей? берегись, и лавочку твою запрети! не ломайся! и дочушекъ своихъ пристройми, и старосту успокоими. Ну, поидемъ-ка ко мнѣ въ избу, выпьемъ на радости, и дѣло пойдетъ на ладъ. (*Беретъ его подъ руку*).

ДОРООЕЙ. Оно такъ... для че не выпить... Выпить можно... Только, все жалъ Васютки... Важный помощникъ въ домѣ ; безъ него мнѣ тяжело будетъ ..

БОРИСЪ. Эхъ! ты! а Демьянъ-то Савельичъ Щукинъ у тебя за что даромъ проживаетъ? Онъ-те всяку работу справить! Мужичина коренастый, вынесъ службу въ кавалеріи, такъ ужъ наша деревенская работа ему нипочемъ! Онъ же не имѣеть ни кола, ни двора, взять былъ изъ нашей деревни одинокимъ; какъ теперь возьмутъ твоего Васютку, такъ радешенекъ будетъ за даровой хлѣбъ работать что тебѣ потребуется, Такъ ли? ась?

ДОРОВЕЙ. Оно, такъ, вѣстимо... Изворотиться бы можно, но... поди-ка, а моя сестра свое поеть.

БОРИСЪ.

(Ахъ, по мосту, мосту).

Эхъ, нече, Доровеюшко,
О вздорѣ такъ тужить,
Пойдемъ, пора намъ сватушко
Хлѣбнуть в закусь!
А коль ты воли сестриной
Боишься, Доровей,
Такъ я-же, съ ней, какъ староста,
Улажу поскорѣй!
Хоть я слыву незнающимъ,
Да сила-то не въ томъ....
2 { Коль лажу съ управляющимъ,
Такъ баба — ни почемъ!

(Уходятъ оба въ домъ старосты).

II.

ВАСЮТКА *(одинъ, покачавъ головою, говоритъ)* Да! вотъ-те бабушка и юрьевъ-день! Ну, ужъ коли староста супротивъ меня пошелъ, значить прощай моя головушка! А я-то, какъ радѣлъ для Доровея Антипыча!... Нѣтъ! ни что видно не беретъ! Яковлевна хоть и общала мнѣ свою помощь, да видно и ей тяжело тягаться съ старостой. И кавалеръ Савельичъ готовъ за меня вступиться, да не вѣрится... Что онъ счѣтетъ, коли самъ живетъ на чужомъ хлѣбѣ, изъ милости? Нѣтъ! пропало! все пропало! *(Обращаясь къ дому Доровея)*. Прощай, Мавруша! прощай моя голубушка!

Ахъ, ты, участь моя горкая!
Сиротство мое бездомное!

Не знать мѣ въ жизни радости,
Вѣкъ придется гонять!
Долженъ согнуться я во младости,
Слезы проливать!

Ахъ, прощай на вѣкъ,
Душа дѣвица,
Разлучаютъ насъ
Злые вороги!
Знать приходится
Дѣбру мелодію
Жить безъ участн,
Одинокому!

(Съ энергіей).

Такъ и быть! пойду
Въ службу Царскую!
Тамъ, авось, найду
Себѣ счастье!
Буду вѣкъ служить
Вѣрой, правдою!
Тамъ не буду знать
Одиночества!
Тѣсенъ домъ не свой,
Горекъ хлѣбъ чужой,
Лучше свой добыть
Службой честною!
Или выслужусь,
Такъ какъ многіе,
Иль умру въ бою
Смертью славною!!

III.

ВАСИЛІЙ и ЯКОВЛЕВНА, выходятъ въ душегрѣбъ, съ ведромъ.

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! што ты это горло-то дерешь? ась? или вы-
киль, што-ли?

ВАСЮТКА. Нѣтъ, Яковлевна, ты знаешь, что я хмѣльнаго въ ротъ
не беру... я это такъ, промежь себя... сейчасъ пріѣхалъ, да тутъ
услыхалъ кое-что... такъ съ горя, знаешь, и затынулъ — что на умъ
пришло!

ЯКОВЛЕВНА. То-то! смотри у меня! я тебя вотъ какъ, коли вду-
нешь перенимать у Борисовскихъ робятъ! (*Показываетъ кулакъ*).

ВАСЮТКА. Эхъ, не грози, старуха! Сыновья старосты мнѣ не указъ!
Пусть ихъ живутъ подъ отцовскимъ крылышкомъ, я у нихъ ничего не
перейму, да и завидовать же стому! Мое дѣло ужъ почти кончено!
Прощай, Яковлевна!

ЯКОВЛЕВНА (*сердито*). Што? што? да ты никакъ изъ-подъ моей воли наровнишь? Ахъ, ты черномазый! смотри у меня! Я-те обрешу по своему! Пикнуть не смѣй, коли я говорю! не то, вѣдь я тебя знаешь... чѣмъ ни попаало. (*Подаетъ ему ведро*). На-ко! зачерпни воды..

ВАСЮТКА. Изволь, въ послѣдній разъ! (*Доставая воду изъ колодца*). Эхъ! была не была! Прощай, Яковлевна!

ЯКОВЛЕВНА. Што? развѣ ты опять вѣдешь?

ВАСЮТКА. Да! прощай добрая, старушка! Благодарю за хлѣбъ за соль! не поминай лихою, — коли добромъ поминуть не хочешь.

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! слышь не дури! говори у меня перидомъ! што-такое? ась?

ВАСЮТКА. Да, то, названная матушка, что меня староста Борисъ, какъ бездомнаго, сдаетъ въ солдаты за своего сына, и Доросей Антипычъ тутъ не смѣетъ поперечить.

ЯКОВЛЕВНА (*съ досадою*). Што? што? ахъ, они пустыя бероды! Да кто имъ позволить поступать такъ беззаконно? Коли Доросей не смѣетъ разинуть рта, такъ я смѣю!! Да я и управляющему-то не смущу! На мой ротокъ не накинуть платокъ! Я вдова, мнѣ жалѣть нечего! Коли имъ очередь, такъ онъ изъ своихъ робятъ и сдавай кого слѣдуетъ! а ты мой вскормленникъ! мой второй сынъ! ведешь себя честно! работаешь прилежно, и долженъ за другаго... нѣтъ! не бывать этому! Да я на всю деревню вой подыму! Я къ барину писать стану, все шашни Бориса наружу выведу! и хоть умру, а отстою тебя! да! жива не буду, коли не отстою! (*Цѣлуетъ его*).

ВАСЮТКА.

(На голосъ: *Не ищи ты мнѣ матушка*).

Полно, полно матушка,

Не жалѣй меня!...

Съ вами распрощаюся

Скоро, скоро я!

Полно жъ такъ печалиться

И въ залогъ любви

Сироту — приемыша

Въ путь благослови!

Чѣмъ мнѣ вѣкъ здѣсь маяться,

Горе, зло сносить,

2 { Лучше съ честью, съ славою
Родинѣ служить!

ЯКОВЛЕВНА (*рыдая*). Охъ-охъ! Васютка, не говори такъ! не выдержи! охъ... ничего не видя сердечушко надрывается!.. (*Воружъ при-*

ходить въ негодование). Врутъ-же они, океанские! гдѣ они? гдѣ Дороев? я ему докажу! я ему такъ вцѣплюсь въ бороду, что ни одного волоса не останется!

ВАСЮТКА. Полно гнѣваться-то... онъ пошелъ выпить къ старостѣ.

ЯКОВЛЕВНА. Ну, ладно-же! придетъ домой, такъ я ему задамъ! выношу всю правду-матку! Слушай, Вася: Демьянъ Савельичъ коротко знаетъ нашего барина и служилъ съ нимъ, говорятъ, въ одной конницѣ, такъ надо намъ попросить Демьяна, чтобъ онъ написалъ къ барину про всѣ наши старосты. Слышишь?

ВАСЮТКА. Ладно, попросить можно, да будетъ-ли толкъ?

ЯКОВЛЕВНА. Авось, Богъ милостивъ. Онъ теперича работаетъ у насъ въ огородѣ; Наталья и Мавруша твоя побѣжали къ нему, чтобъ также упрости его написать всю правду матку-барину!

ВАСЮТКА (*обрадовавшись*). Неужто? Значить голубушка Мавруша-то не хочетъ со мной разставаться?

ЯКОВЛЕВНА. И! куда! спать и видѣть быть за тобой! а какъ ночью староста заговорилъ мнѣ объимъ о своихъ робятахъ, такъ онѣ и ухомъ не ведутъ, разомъ убѣжали къ Демьяну Савельичу. Пойдемъ-ка пока въ избу, ты еще, съ приѣзда то подяко не ѣлъ ничего? Пойдемъ, я тебѣ сготовила слобную ватрушку, а какъ Савельичъ съ дѣвками придетъ съ огорода, мы всѣ вмѣстѣ и попросимъ его писать къ барину.

ВАСЮТКА. Ахъ, Яковлевна, какая ты добрая; ты мнѣ мила какъ родная мать!

ЯКОВЛЕВНА. Да ужъ не дамъ тебя въ обиду! а коли чуть твои злодѣи пристанутъ, такъ я и старостѣ глаза выцарапаю, и брата Дороева безъ бороды оставлю! Тащи воду, пойдемъ! (*Уходитъ въ домъ*).

ВАСЮТКА (*съ ведромъ идетъ и смотритъ вдаль*). Ладно! Ахти! да вонъ никакъ наши дѣвушки ведутъ домой Савельича... такъ и есть... Дай Богъ, кабы онѣ уломали его писать къ барину. (*Уходитъ за Яковлевной*).

IV.

МАВРУША, ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ ЩУНИЦЪ и НАТАЛЬЯ, ведутъ его подъ руки и веселыми ласкаютъ. У него въ рукахъ лопата, на немъ старая военная куртка, на головѣ фуражка.

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

(*Ты поди мол коровушка домой*).

Ахъ, вы, дѣвушки, что-жъ это за резонъ?

Не грѣшно-ль вамъ инвалида брать въ полонъ?

Полно, полно вамъ о вадорѣ толковать,
 И турусы на колесахъ подпускать.
 Всѣ напрасны ваши ласки и слова,
 У меня одна на плечахъ голова;
 Я служака былъ усердный и прямой,
 Архиплутики не знаю никакой!
 Коль Васютку въ рекрута берутъ отъ васъ,
 Такъ ужъ свято надо выполнять приказъ!
 Такъ-ли, сякъ-ли, говори, или разсуждай,
 Служба требуетъ! молчи и исполняй!
 И Васютку какъ сформируютъ въ строю
 Такъ до жицы узнаетъ службу всю!
 Служба — править, чистить, мостъ, бережить,
 Дурака — на умъ, на разумъ наведеть!
 Но за то, вездѣ одна молва и толкъ:
 Красота и загляденье каждый полкъ!
 И ужъ къ намъ теперь, ни носа—ни ноги,
 Не показывай заморскіе враги!

МАВРУША. Эхъ, Демьянъ Савельичъ! Ты намъ совсѣмъ не то
поешь—то...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*весело*). Знаю, знаю, смекаю вѣдаю, понимаю, что у васъ своя пѣсня на умѣ! Вамъ бы только скорѣй подцѣпить суженаго—ряженаго, дурачка немазаного? Эхъ, вы голубушки не-заглядныя, плутовски-нарядныя! Куда ужъ вы больно затѣйливы! Мнѣ писать къ вашему барину? Соваться не въ свое дѣло? Вооружаться на самого старосту, идти грудью противъ Дороея Антипыча, который меня калѣку пріютилъ и кормить? Нѣтъ! Смирно! Этого не möglich, дѣлушки! Надо быть дуракомъ пополамъ съ олухомъ, чтобъ поднимать оружіе противу такихъ бородатыхъ, достопочтенныхъ людей!

НАТАЛЬЯ. Да послушай, Демьянъ Савельичъ! За что жъ сестру-то отдадутъ за сына старосты Алешку, когда ей больно полюбился нашъ Василій?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*Маврушъ*). Больно полюбился! Да неужто ужъ такъ полюбился, что... и во снѣ мерещится? и на яву грезится? а? говори прямо, Мавруша! Не финти, не юли, а что называется: лужу на ладошку!

МАВРУША (*глубоко вздохнувъ*). О-охъ! И не спрашивай, Савельичъ! жить безъ Василья, все-равно, что не жить на свѣтѣ!

(Гурилева: Ты пойдешь мол радость).

Онъ и самъ того не чаетъ,
 Что я брежу имъ во снѣ!

Сердце такъ и замираетъ,
 Какъ подходитъ онъ ко мнѣ!
 А когда онъ скажетъ слово,
 И умильно поглядитъ....
 Оживетъ сердечко снова!
 И душа заговоритъ!
 А какъ съ нами въ хорободѣ
 Станетъ пѣть, или плясать,
 Такъ при всемъ честномъ народѣ
 Рада я дружка обнять!
 Съ нимъ, я рада-бъ повѣнчаться,
 И всю жизнь его любить!
 Если-жъ намъ велеть разстаться....
 Такъ ужъ лучше и не жить!!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*крутя усы, подсмльвается*). Эге! Вотъ какъ! Значитъ, молодець—то на твое сердечко накинулъ уздечку? Ловокъ Васютка! ловокъ! (*Наталь*). Ну, а ты, Наташа, радость наша? И у тебя чай заварилась каша? Чай и твои сердечныя дѣлишки ужъ на второмъ взводѣ? Только спустить курокъ, такъ и пойдетъ пифъ! пафъ! Знай усѣвай только подбирать раненыхъ, да увѣчныхъ? А? такъ ли?

НАТАЛЬЯ. Э, нѣтъ, Демьянъ Савельичъ! Я только боюсь, чтобъ отецъ не выдалъ меня такъ-же за старостина Гаврюшку. Онъ мнѣ больно не по сердцу!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*передразнивая ее*). Ишь—ты! Больно не по сердцу!.. Эко нынче времячко пришло; ужъ и въ крестьянскомъ быту вербуютъ нынче жениховъ тоже по сердцу! то-есть, какъ говорятся: уму дрились, просвѣтились, понанитерились; всякой давай, чтобъ женихъ хоть будь молокососъ, да чтобы по сердцу пришлось, а кто не по сердцу — въ обозъ! (*Ей, съ насмльшкой*). Да полно, еще есть-ли у тебя у самой—то сердчишко? Такъ, я чай кое-что, около того?

НАТАЛЬЯ. Эва! Слава тебѣ Господи! Да что жъ я по-твоему? не человекъ штó-ли?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Да Богъ знаетъ, голубушка... Ваша лѣвичья натура только такъ, смахиваетъ маленько на что-то въ родѣ человека, а по книжному *разсужденію*, женское племя сврѣчь....

НАВРУША. Эхъ, Демьянъ Савельичъ! Ты съ нами ужъ что-то хитро и премудро калякаешь, мы и въ толкъ не возьмемъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*крутя усы*). Тото-же! Все гвардейская служба наостригла! У насъ не то, что у васъ; бывало чего не пой-

мень, такъ тебя вахмистръ такъ вразумительно прищипнётъ, что въ другой разъ глядишь въ оба-даа, смекать за тронхъ, работаешь за четверыхъ, да такъ, что дослѣ одному либо, и лошади легче, и вахмистру по сердцу, да и одному эскадронному командиру раздолье благодарствуй!

МАРГУША. Все такъ, но вступишь ты въ война-то дѣло... Въдъ преле у насъ теперь только на тебя и надежда.

ПАТЯЛЯ. Да, да, Савельичъ, голубчикъ! Заставь гдѣчно Бога молить!

МАРГУША. Нашъ баринъ тебя знаетъ, ты, говоронишь, служишь съ нимъ вмѣстѣ, такъ напиши ему грамотку объ нашихъ горѣ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (весело). Эхъ, вы, любушки-голубушки! написать не устать, да дисциплина-то не позволяетъ! Сверхъ-того: вамъ-то удружишь, а себя раззоришь! А въдъ у меня здѣсь своего-то добра: ни кола, ни двора! Куда-жъ я грѣшные стопы направлю, какъ староста меня вытуритъ изъ деревни за мои продѣлки? (*Оглядываясь*). Живя здѣсь цѣлое лѣто, конечно, я много подмѣтилъ проказъ на заказъ. Прикащикъ съ старостой Борисомъ такъ производятъ дѣла, какъ словно лѣшіе на болотѣ! И прѣзжай самъ баринъ, такъ я бы ему подалъ такую исправную рапортичку, что чудеса въ рѣшетѣ! Но теперь я молчокъ! Тише воды, ниже травы... и вижу, да не вижу! Молчокъ!

(На голосъ: *Ивушка, ивушка зеленал*)

Субординація
 Мнѣ зажимаетъ ротъ!
 А береженаго
 И Богъ-то бережетъ!
 Хоть о прикащикѣ
 Идетъ молва — что воръ!
 Но отъ баталіи
 Я на попятный дворъ!
 Будь онъ изъ нашихъ-лихъ,
 Я выпрашку-бы даю!
 Ужъ онъ-бы финикусь
 И стыдъ и честь узнаю!
 Кавалерійскимъ-бы
 Манерцемъ парня вздую!...
 Все волчье поприще
 Невольно-бъ вспомнужу!
 А здѣсь мнѣ воля нѣтъ,
 Такъ лучше не проси...
 Вонъ, близокъ локоть-то,
 Подико-сь, укуси! (*Наклонившись прикасаясь*)
 (*За спиной слышны колокольчики*).

НАТАЛЬЯ (*смотрятъ*). Ахти! Алёшка, Гаврюшка и Сенька, всё вдругъ съѣхались.... Убѣжимъ, Мавруша!

МАВРУША. Убѣжимъ! а то съ своими баласами они надоѣдаютъ хуже горькой рѣдьки. Демьянъ Савельичъ, пойдемъ съ нами въ избу, тамъ и тетка Яковлевна потолкуеть съ тобою...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мои красавицы! Я вамъ право не помога, и ссориться не хочу ни съ кѣмъ. Пришлите только кваску напиться, а про между-прочимъ, я покалякаю съ вашими женихами ящичками; надо кое-что повывѣдать, чтобы знать, какъ вамъ и мнѣ дѣйствовать въ случаѣ неминуемой бѣды. (*Усаживается около дома Дороева*).

МАВРУША И НАТАЛЬЯ. Ну, ладно! ладно! (*Уходятъ обѣ въ домъ*).

V.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ, одинъ.

Ну, Демьянъ, держи уши на караулѣ, а гдѣ нужно, гори и чорта въ стугѣ! Попался я здѣсь между двухъ огней! ретироваться стыдно.... на драку лезть самому глупо, надо бить лучше навѣрняка.... Ну, да авось выдержимъ сраженіе съ честію!... Молодой баринъ знаетъ Демьяна Савельева какъ свой эскадронъ, авось пойметъ меня и выручитъ. (*Наталья подаетъ черезъ окно Савельичу кружку квасу*).

VI.

ДЕМЬЯНЪ, восторонъ, **АЛЁШКА**, **ГАВРЮШКА** и **СЕНЬКА**. Двое одѣты ящичками, только разе; **СЕНЬКА** въ пестрой рубахѣ, безъ шапки. Всѣ трое спорятъ между собою.

СЕНЬКА.

(Зеленая роца всю ночь прошумѣла).

Нѣтъ отстаньте, братцы!
Што вы пристааете?...

АЛЁШКА и **ГАВРЮШКА**.

Сенька! помоги-же!
Мы весь день въ работѣ!

СЕНЬКА (кричитъ одну ноту).

Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

АЛЕШКА и ГАВРЮШКА.

Вмѣстѣ. } Сенька! не ломайся!
 Вышь, мы какъ устали....
 И невѣсть-то нашихъ
 Нонче не видали!

СЕНЬКА.

Мнѣ-то што за дѣло?
 Вамъ велеть жениться,
 А меня неволать
 Съ лошадьми возиться!...

(Также.) Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!...

АЛЕШКА и ГАВРЮШКА.

Коль помочь не хочешь,
 Мы-те приохотимъ!

(Хватаютъ его, онъ вырывается и бѣжитъ къ Демьяну Савельичу).

СЕНЬКА.

Помоги, Савельичъ!
 Братцы лезуть драться....

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

На одну — двумъ силамъ
 Грѣхъ вооружаться!
 Одного, хоть двое
 Поколотятъ хватски,
 Только не по формѣ,
 Да и не по братски!

АЛЕШКА. Эхъ, Савельичъ! и ты еще заступаешься за этаго увальня!

ГАВРЮШКА (Савельичу). Да знаешь ли ты, что онъ намъ воть ничаво не помогаетъ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Моя хата съ краю, я ничего не знаю.... а только замѣтилъ вамъ, братцы, что двоимъ бить одного неблагородно.... (Отходитъ отъ нихъ).

АЛЕШКА. Благогородно! да што намъ зтаво олуха гладить по головѣ, штоль? (Сенькѣ). Слышь, Сенька! пошелъ, проводи лошадей-те.

СЕНЬКА. Што лаешься? сзъм проводи! я што-ль бздилъ то?

ГАВРЮШКА. Да вѣдь ты, болванъ! ничаво не дѣлаешь?

СЕНЬКА. Самъ знаю, што ничаво не дѣлаю.... а табѣ што?

ГАВРЮШКА. Табѣ што! А мы съ Алехой сейчасъ вонъ дележанъ привезли!

АЛЕШКА (показывая ему въ лубину направо). Да! ишь ты какова рожна двадцать верстъ волокли? И сами-то сморилъ, и шестерка ишь вся въ мылѣ? Пошелъ! поводи коней! не то, во сей часъ пойду отцу нажалюсь!

СЕНЬКА (передразнивая его). Отцу! поди, жался.... много возьми! отецъ-то еще задаетъ взымъ, зачѣмъ лошадей-те такъ взяли....

ГАВРЮШКА (хочетъ идти). Э! Да вотъ ностой! я пойду за отцомъ, онъ его оттреплетъ по своейски!..

СЕНЬКА (струсивъ). Ну, ну, полно стращать-то, иду.... иду....

АЛЕШКА (кричитъ). Ну, идешь, такъ пошелъ!

СЕНЬКА (передразнивая). Пошелъ! вѣстимо, коли пошелъ — такъ иду!

ГАВРЮШКА. Олухъ! такъ иди же скорѣй, коли пошелъ!

СЕНЬКА. Ну, што лаешься! ну и пошелъ! не помыкай, свое дѣло знаемъ!

АЛЕШКА. Знаешь ты свое дѣло, лѣнтяй! только въ бабки, да въ городки играть, только вотъ и знаешь!

СЕНЬКА. Да! ты больно много знаешь! только кулеровъ-те, да дележаны возить знаешь.... эка важность! я и самъ бы могъ эвто....

ГАВРЮШКА. Да! ты поди ка свези, такъ и узнаешь.

АЛЕШКА Да! ты ужъ у отца одну тройку-то сморилъ, бздимиш лѣтошный годъ съ господамъ.

СЕНЬКА. Лѣтошный годъ! Не я, сморилъ, дорога сморила, тако безвремяе было!

АЛЕШКА. Тако безвремяе! Ну што врешь-то? съ дуру потянулъ чортъ проселкомъ, когда можно было большой дорогой по сажѣ!

СЕНЬКА (дразня). Да! по сажѣ! да сашой-те выходило дальше.

ГАВРЮШКА. А лучше штоль вышло, что обогнулъ сашу-то? тройку-те зарѣзалъ, а она отцу стоила полтораستا рублевъ!

СЕНЬКА. Да! важность большая! У отца-те денегъ много!

АЛЕШКА. Много! пра тебя, штоль? ну, ну, поди, знай въ дѣлу-те! нече лаяться, пошелъ!

СЕНЬКА. Я не лаюсь, дьявогъ! вы лаетесь, да бдите меня, ни за што, ни про што.

ГАВРИОНКА (толкая). Ну, ну ползи лѣнтай! не то вѣдь вожжей попробуешь! слышь Сенька?

СЕНЬКА. Тронь-кась! самъ сдачи дамъ! Эхъ вы, туда-же япщичкую должность справляютъ.... эка, подужашъ, важна должность. *(Уходитъ)*.

VII.

ТЪ-ШЕ, вѣст СЕНЬКА.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (подсмльвался). Ай-да ребяташии! видно, что родные вы братья, дружно живете! ласковыя рѣчи рѣкой льются! любо-дорого послушать....

АЛЕНКА. Да по нашему, Савельичъ, нельзя иначе; мы вѣдь не то што ссорились, а такъ себѣ, съ малости привычка такая....

ГАВРИОНКА. Вѣстимо, за што ссориться, а промежь себя нельзя-же не разговаривать....

АЛЕНКА. Извѣстно, ужъ наше дѣло такое, мужики значить.... такъ на штанциі не ужто стануть промежь собой черемониться.

ГАВРИОНКА. Вѣстимо, и не стоить званія толковать—то объ вѣтомъ. Скажи-ко лучше, Демьянъ Савельичъ, што подѣлываютъ ваши ненаглядныя зазнобушки?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Да мало-ли что!.... что отецъ да тетка прикажутъ, то и дѣлають.

ГАВРИОНКА. Вѣстимо дѣло.... а што? была у нихъ нонче рѣчь объ насъ? што бантъ обо мнѣ Наталья?

АЛЕНКА. А Маврушка, какъ то-есть, про меня тово.... на счетъ, знаешь.... эвтаго, какъ рѣчь вѣдетъ?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ. Да изло-ли что говорится у насъ?... что бантъ за охота узнавать, да развѣдывать?

АЛЕНКА. Какъ, што за охота? вѣдь ты знаешь, что намъ батька безпремѣнно хочеть поженить насъ скорѣе? За меня просить у Доросея Мавру....

ГАВРИОНКА. А за меня, слышь, прочать Наталью.

АЛЕНКА. Я, сказалъ: што, пожалуй, не прочь....

ГАВРИОНКА. И я, пожалуй, тово.... съ моимъ удовольствіемъ....

АЛЕНКА. Мавруша, дѣвченка нешто, славная....

ГАВРЮШКА. И Наталья не што, приняла мнѣ по сердцу...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬНИЧЪ. Эхъ, вы братики сударики! жениться небось охочи, а служить—нѣтъ мочи! полноте дурить!—пустяки болтать, чужой вѣкъ забывать. Аль вы забыли, что нынче ваша очередь въ рюкруа идти? ась?

АЛЕШКА (испугавшись). Вотъ—те на! намъ въ некрута идти? Нѣтъ Савельничъ, мнѣ и такъ хорошо....

ГАВРЮШКА. Да и я не хочу, мнѣ и такъ ладно!...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬНИЧЪ. Разумѣется, — да кто-же за васъ пойдетъ? Вѣдь вся деревня знаетъ, что очередь—то ваша? Васъ у отца три сына....

АЛЕШКА. Да ужъ отецъ у насъ знаетъ, кого за насъ поставить на службу; онъ и управляющему сказалъ, што я совсѣмъ не гожусь въ солдаты.

ГАВРЮШКА. А я и отродясь не годился.

АЛЕШКА. Куда намъ! Солдатомъ—те быть больно трудно говорить, не то, што наше дѣло—на тройкѣ ѣздить.

ГАВРЮШКА. Да! нады—тъ, говорить — поди—ка маршировать, да съ ружьемъ возиться; куды намъ! да мы до сѣдыхъ волосъ съ братомъ не обучились—бы этому дѣлу.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬНИЧЪ. Врете, братцы! только кто попади, тамъ у насъ выучатъ разомъ, такъ, что мѣсяца черезъ четыре и самъ себя не узнаешь!

АЛЕШКА. Што ты?

ГАВРЮШКА. Во-отъ!?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬНИЧЪ. Право такъ!

(Скорый кавалерійскій марш).

Чтобы жить не баловаться,
И полезнымъ быть,
Молодому парню надо,
Долгъ велить служить!
Служба насъ выводитъ въ люди,
Лишь служи умно!
А безъ службы вѣкъ малчить
2. Стыдно! и грѣшно!

Въ нашемъ царствѣ православномъ
Будетъ добрый плодъ,
Какъ на службѣ обрусѣетъ
Каждый нашъ народъ!
Кто имѣетъ уваженье?
Нутка, распроси:
Тотъ, кто служить вѣрно, честно
2. На святой Русси!

Кто въ чинахъ, въ крестахъ и слагъ?
 Счастливъ и богатъ?
 Тотъ, кто истинный служака
 Съ маковки до пятъ!
 И не даромъ говорится
 На Руси у насъ:
 Дружба-дружбой, служба службой
 2. Это общій гласъ.

Такъ, чтобъ съ пользой отличиться!
 Маршъ впередъ! за мной!
 Въ службу, братцы! смѣло въ службу!
 Въ Царскій славный строй!
 Кто святой присягъ вѣренъ,
 Отличать какъ разъ:
 Въ службѣ, въ дѣлѣ, днемъ и ночью,
 2. Богъ и Царь за насъ!!

А вѣдь теперь, вы оба по правдѣ сказать—что такое? такъ себя, мужичье-дурачье, безъ толку и разума, безъ сметки, безъ оглядки, живете, даромъ хлѣбъ жуετε, языкъ у васъ мелеть, голова не разумѣетъ, душа ничего не смѣетъ, сирѣчь безъ лести сказать: дрянъ вы насущная! А попадитесь вы оба въ солдатскую школу на выправку, такъ разомъ васъ, вотъ какъ вы есть, изъ ничего людьми сдѣлають! ей-Богу! вычистятъ, выскоблятъ, сгорбилися—выпрямятъ, не понялъ—разжуютъ, не смекнулъ—втолкують, не стойшь—поставатъ, не пошелъ—ходу прибавятъ, сформируютъ, обмундируютъ, словомъ, такъ переварятъ, что будешь на взглядъ, отъ затылка до пятъ, чисто русскій солдатъ!

ОВА (почесывая затылки). Вотъ! што ты?!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬНЪЧЪ. Ей-же, ей такъ! военная дисциплина просто напросто чудеса творить изъ нашего брата!

(На голосъ: Какъ за рѣчкѣйской слободушка).

ГАВРЕНКА.

Хоть и такъ оно.... да страшно бросить домъ!...

АЛЕНКА.

Нѣтъ, Савельнчъ, въ шекрутѣ мы не пойдъ емъ

ГАВРЕНКА.

Вдругъ, того гляди въ страженіе пошлютъ,

АЛЕНКА.

Да, забави Богъ, ни за што и нубють!

Изычная словесность.(На голосъ : *Вдоль по улице!*)**Д. САВЕЛЬИЧЪ.**

Вадоръ ! въ сраженьи жизнь чудесная всегда !
 А убьютъ, тогда не ваша ужь бѣда !
 Да, трусливый пусть хоть ляжетъ не боецъ,
 Дуракомъ однимъ поменьше и конецъ !

ГАВРИШКА (*опляшъ плямя какъ сначала*).

Нѣтъ, Савельичъ, мы ужь лучше поживемъ....

АЛЕНКА.

Не заманишь насъ въ солдаты калачомъ !

ГАВРИШКА.

То ли дѣло, здѣсь безъ горя проживать ?

АЛЕНКА:

Да часекъ въ харчевнѣ сидя попивать !

ГАВРИШКА (на голосъ : *Вдоль по улице!*).

Здѣсь профвзній дастъ на водку, нль на чай....

АЛЕНКА.

Такъ и знай себѣ : по всѣмъ по тремъ качай !

Д. САВЕЛЬИЧЪ.

Славно братцы ! васъ не тронь, да не замай,
 А другой за васъ служи, не унывай !

VIII.**ТЭМЪ, БОРИСЪ И ДОРОЖИЙ** входятъ на веселѣ, поютъ и приплясываютъ.(На голосъ : *Какъ у насъ во садочкѣ!*).**БОРИСЪ** (*облает Дорожея*).

Вотъ какъ мы подгуляли !

Сговорились, да взяли

Выпили ! (Вн),

(Внѣсть) Чарочку выпили !

Всѣ дѣла порѣшили !

Выпили закусили !

Ай-люди выпили !

(Внѣсть.) Люшницъки выпили !

БОРИСЪ.

Показалили важно!

А штобъ было кураждо,

(Вмѣств.) { Тягнули! выпили
Чарочку выпили

(Подходя къ Д. Савельеву съ угрозою).

Эй! солдаты! што жъ зѣвасшь?

Шанки што не ломаешъ?

(Вмѣств.) { Видишь, мы выпили!
Ай-голи, выпили!

(Пригласивъ оба).

БОРИСЪ (смысловами). Вотъ какъ у насъ! здорово робята! што? ахъ съ дележаномъ прѣехали?

САА. Съ дележаномъ. (Дороговю, низко кланяясь) Здорово, Дорогой Антипычъ!...

ДОРОГОЙ. Добраго здоровья, робатушки. (Борису) Ну, Борисъ, такъ какъ же намъ поладить съ бабани-то?

БОРИСЪ. Да ужъ тово... ужъ коли за што взялся староста Борисъ, такъ всѣ у меня берегись. (Подходя снова къ Савельеву) Да што-жъ ты и впрямь служба, сидишь и никакова тово, нижайшаго почтенія не отдаешъ старостѣ? ась? у меня смотри тово... за неуважительность, а славао турну по шеѣ! Слышь-ты?

ДИМИТЪ САВЕЛЬЕВЪ (снявъ фуражку, кланяется). Эхъ, дядюшка Борисъ! помилуй, не гнѣвись... готовъ тебѣ отдать поклонъ при всемъ честномъ народѣ, да видишь, вонче я работалъ въ огородѣ, рѣпу сѣялъ, да капусту сажалъ, а вотъ теперъ и самъ какъ грибъ усьяся... право не лгу, просто встать не могу! и спина-то болитъ, да и въ ногѣ пуля сидитъ... а то, какъ-бы тебя не уважить... всталъ бы, отдалъ бы честь, да не знаю ей-ей, какъ и въ избу пролестъ, бабы наши звали поѣсть... (Притворяясь хворымъ, встаетъ). О-хо-хо! какъ-нибудь поднимусь... на авось поллетусь... охъ! видно не забудешь вѣкъ нашей поговорки: укатали коня крутыя горки! (Уходитъ въ избу).

IX.

ТѢМЪ. врозь ДИМИТЪ САВЕЛЬЕВЪ.

ОТЪЛКУЮ
"чекъ" вась ш
ай! 10

БОРИСЪ. Ага, кавалеръ испужался! тото же! у меня, ... зоронъ про меня ямщики пѣсню сложили. (Напльвая).

Эй, робята, берегись;
Ходить староста Борисъ!

АЛЕНКА (*съ-полголоса*). Дороеей Антипычъ! ну, што? какъ вы съ баткой того порѣшили?

ГАВРЮШКА (*также*). Дороеей Антипычъ! не томъ думи, разекъ помодвиль бы насъ и дѣло въ шлагъ!

ДРОЕЕЙ (*тихо*). Молчокъ, робятушки! Батка вангъ взялся и съ Васюткой, и съ сестрой, и съ дочушками порѣшить все разекъ.

БОРИСЪ (*кричитъ въ окно къ Дороею*). Эй! гдѣ вы тамъ? Выходи сюда! Яковлевна! Васютка бездомный! Слышь староста зоветь! шевелись! ей! вы!

ДРОЕЕЙ (*также кричитъ*). Сестра! аль оглохла? подь сюда! Васютка! а Васютка!

X.

ТѢМЪ И **ВАСИЛІЙ**. ПОТОМЪ **ЯКОВЛЕВКА** въ окнѣ.

ВАСИЛІЙ. Я здѣсь, Дороеей Антипычъ! Чтò прикажешь?

ДРОЕЕЙ (*отходя*). Не мое, братъ, дѣло приказывать, слушка-сь вонъ старосту...

АЛЕНКА (*Василью*). А ты, Васютка, я чай, все тамъ въ избѣ около Мавруши балясничашь? Смотри, Васютка!

ВАСИЛІЙ (*грубо*). А тебѣ што? ну, смотрю!..

БОРИСЪ (*повелительно*). Алешка! ишкини! Васютка! слумай старосту!

ВАСИЛІЙ. Слушаю, дядя Борисъ, чтò прикажешь?

БОРИСЪ (*треплетъ его по плечу и гладитъ по головѣ*). А вотъ оно што: я просилъ управляющаго, чтобъ онъ тебя, того... не трогалъ, что ты хошь и сирота молъ, да Дороею хорошей помощникъ, но управляющій и слышать тогò не хочеть! всѣхъ, говорить, бобылей вѣкъ изъ деревни! имъ, говорить, жалѣть некого, оставлять въ дому нечего; всѣхъ, говорить, въ некрутѣ у кого ни кола ни двора! (*Глядя его по головѣ*) Вотъ оно што! Такъ прощай, голубчикъ! А штобъ ты не еррилъ монхъ робать, што идешь за нихъ на службу, такъ получишь отъ меня сто рублевъ серебряныхъ! слышь, Васютка? такъ съ Богомъ! завтра дѣстерыхъ повезуть въ городъ, такъ прощай и не разговаривай!

ВАСИЛІЙ (*помолчавъ*). Вотъ оно чтò! Я ужъ это зналъ, что староста Борисъ на свой ладъ дѣло обрабатываетъ.

ГАВРЮШКА (*смыясь*). Хе! хе! Да ужъ у насъ батка свое дѣло знаетъ...

АЛЕШКА. Еще бы! Онъ у насъ собѣ на умъ, даромъ што выпилъ.
БОРИСЪ (съ урзозой). Гаврюшка! иишки! Алешка! слышь молчи, да повагчивай!

ВАСИЛІЙ (Доросю). Доросей Антипычъ! ты тоже молчишь? знать мое дѣло здѣсь, пронашее? такъ што-ли? говори прямо, не вснужаешь...

ДОРΟΣЕЙ (не зная, что сказать). Какъ быть, Васютушка... дѣло мое подчиненное... сила и солему ломить... радъ бы радостью... да вѣдь ты мнѣ не сынъ родной... самъ знаешь...

ВАСИЛІЙ. Знаю... знаю... (Съ одушевленіемъ) Ну, да была не была! Ступай моя голова, коли судьба такова! Спасибо, Доросей Антипычъ, за хлѣбъ за соль — за ни съ квасомъ! Жаль только Маврушу люкннуть, она помретъ съ тоски о бѣдномъ Васютѣ!

АЛЕШКА. Объ эвтомъ не безпокойся, братъ! Какъ я женись на ней, такъ жалиться не будетъ!

ВАСИЛІЙ (грубо). Ты женишься? эхъ, ты, мурло неуклюжее!

АЛЕШКА. Ну што лаешься, черномазый?

БОРИСЪ (кричитъ). Робята! при мнѣ шутите полегче!

ГАВРЮШКА. Да чаво молчать, коли онъ задираетъ? Алешка-то вѣдь сынъ твой, какое-жъ у него неуклюжее мурло? Досадно знать, што въ некрута берутъ? да такъ тебѣ и надить! давно пора!

ВАСИЛІЙ (скрывая досаду). Дядя Борисъ! вели лучше молчать своимъ робатамъ, а то вѣдь я ихъ обонихъ оттаскаю такъ, что и дома не скажутся!

БОРИСЪ. Ну, ну, Васютка! не озарипчатъ! робята! (Алешкѣ) Молчокъ!

АЛЕШКА (Василью). Оттаскаешь! Ну-ка, лѣшій, попробуй, оттаскай! У насъ кулаковъ своихъ нѣтъ што-ль? (Оба грозятъ Василью).

БОРИСЪ. Робята! сказалъ, при мнѣ шутить полегче! Васютки! оставь ихъ! плюнь на моихъ робятъ...

ВАСИЛІЙ. Эхъ! ужъ я плевалъ да не помогаетъ! Видно надо будетъ съ ними распрощаться поплотнѣе... (Яковлевна показывается въ окнѣ и слушаетъ).

БОРИСЪ (подходя къ Доросю). Такъ вотъ оно какъ! Ну, Антипычъ, снаряжай же въ дорогу Васютку, а я теперь потолкую резоннымъ манеромъ съ твоей сестрой; она у меня разомъ язычекъ-те прикуситъ!

ЯКОВЛЕВНА (свѣсившись изъ окна). Што? што? снаряжать, Васютку? меня урезонить, мнѣ язычекъ прикусить? Смотри, Борисъ! даромъ, что ты староста, я-те сама такъ урезоню кочергой, што только

пыль войдетъ! Не закрой меня... я хонь вдова беднѣнная, самѣн, а ужь въ ного видѣлась, такъ натѣнусь до сыта!

БОРИСЪ (*подшучивая*). Ну, ну, Яковлевна... не блажи боже телу, но ери боже разуму! Подъ-ка, подь къ намъ... покажемъкъ обь напощемъ дѣла...

ЯКОВЛЕВНА. Ахъ, ты грѣшная душа! (*Дорожю*) А ты што породь ничь уни-то развѣсилъ? радь, што онъ поднесъ тебѣ чарачку? пошелъ въ избу!

ДРОЖИЙ. Ну, мамла помандовать!

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! тащи Дорожю домой!

ВАСИЛИЙ. Вотъ, Яковлевна, Дорожю нѣтъ не отодь, не свать, мое дѣло покончено! Богъ съ вами! (*Уходитъ*).

ЯКОВЛЕВНА. Васютка! куда! постой! (*Скрывается*).

БОРИСЪ (*сыновьямъ*). Робята! не спускайте его съ глазъ, штобъ онъ не далъ тѣгу изъ деревни.

ГАВРИШКА. Небось, батька, у насъ не уйдетъ... мы темя свое дѣло знаемъ!

АЛЕНКА. Мы его заманимъ въ харчевню, да поможимъ на чудо угостимъ чайкомъ съ квасаркой! (*Алешка и Гавришка убѣгаютъ вслѣдъ за Васильемъ*).

XI.

ТѢМЪ, КРОМЪ ВАСИЛИЯ, АЛЕНКИ И ГАВРИШИ: ИХОДЪ ЯКОВЛЕВНА.

ДРОЖИЙ (*струсивъ*). Ну, староста, штобъ намъ того... сестра вѣдь у меня бѣдовая баба! я ужь сробѣлъ!..

БОРИСЪ. Эхъ, ты! волковъ бояться, такъ и въ лѣсъ не ходитъ! вотъ я ее!..

ЯКОВЛЕВНА (*съ сильнымъ гнѣвъ*). Куда вы, злодѣи, утѣли изво Васютку? Староста! если ты Бога не боишься, такъ отъ меня будемъ горько плакать! Мнѣ терять нечего, я одна голова, всѣ твои грѣшныи дѣла расскажу! слышь-ты? Пойдемъ къ управителю! Другая нама деревна отсюда въ трехъ верстахъ, я-те туда сама поташу! (*Съ силой тащитъ его за руку*). Да и ему отню всю правду-матку! На обь деревни вой подыму! Пойдемъ, варварь!

БОРИСЪ (*перемльмигъ томъ, старается отпихивать свою руку*). аба! стой! погоно! погоди! экъ распустила горло-то!

ЯКОВЛЕНА (*свѣтитъ Дорожея*). И тебя, странный грѣбъ, потому на расправу! вступился за моего Васютку!

ДОРОЖЕЙ. Матушка-сестрица!..

(*Въ окнѣ высовывается Демьянъ Савельевъ и что-то жужжитъ, за сценой слышны колокольчики*).

XII.

ТАКЪ, станціонный **СМОТРИТЕЛЬ** и за нимъ вскорѣ нѣсколько **ВИДЕНЦОВЪ**.

СМОТРИТЕЛЬ. Эге! что за шумъ, а драки нѣтъ? хе! хе! хе!

БОРИСЪ. Да, посмотрите-ка, г. смотритель: два мужика съ одной бабой не сладятъ!

СМОТРИТЕЛЬ. Староста! ты ужъ и съ бабами-то есоринься? худо дѣло! Яковлевна! куда это ты ихъ волочешь?

ЯКОВЛЕНА. Къ управляющему г. смотритель! Штобъ онъ насъ разсудилъ, коли у него есть какая-нибудь совѣсть. Ну, што, такіе они нонче, оба обиды чинять, што хоть не живи на свѣтѣ! Борисъ мнѣ своихъ робить выгораживаетъ, а насъ лишаетъ послѣдней подпору! Пусть разсудятъ, честно ль поступаетъ староста?

БОРИСЪ (*съ крикомъ*). Молчи! глупая баба! Никому нѣтъ дѣла, што приказано управляющимъ! а я поступаю по его приказу!

ЯКОВЛЕНА. Да ты подкупишь управляющаго! Ты вонъ и изво дурака брата обморочилъ, да застрашалъ; всѣ наши мужики отъ тебя плачутъ!

СМОТРИТЕЛЬ. Въ-самомъ-дѣлѣ, староста, нельзя же весь вѣкъ кутить — да мутить, пожалуй выведутъ наружу ваши щани, тогда хорошаго-то будетъ немного, а дурное-то все наверхъ всплыветъ.

БОРИСЪ (*замосчиво*). Управляющій и я, мы здѣшнее начальство! Мы всѣхъ въ дугу согнемъ, кто будетъ озорничать, или прекословить! (*Обращаясь къ Демьяну Савельичу*). Такъ-ли, Савельичъ? вѣдь не должны смѣть идти противъ начальства? говори!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (*въ окнѣ*). Я молчокъ! всякъ-сверчокъ знай свой местокъ!

СМОТРИТЕЛЬ (*обращаясь къ Шужину*). А, Демьянъ Савельичъ! а я негъ искать тебя! У меня письмо къ тебѣ отъ здѣшняго помѣщика, прямо изъ Питера, съ нарочнымъ! (*Уводитъ съ собою*).

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ. А! неужто? Милости просиять, дорогой востовой. (*Скрывается*).

(*Нѣсколько ящичковъ входятъ, приближаясь къ дому Дорогова*).

БОРИСЪ (*удивленный*). Штѣ? штѣ? (*Задумывается*).

ЯКОВЛЕВНА (*обрадовавшись*). Къ Савельчу? отъ нашего барина?.. Ахъ, батюшки-свѣты! ахти-миѣ... штѣ такое? (*Убѣгаетъ туда же*).

ДОРОГОВЪ (*оробѣвъ*). Къ Демьяну Савельчу, отъ барина?.. Прошай, староста! (*Бѣжитъ за сестрой*).

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ (*второму*). Слышите, братцы? съ нарочнымъ отъ барина письмо-те?

ВТОРОЙ ЯЩИКЪ (*третьему*). Да... и видно, тово штѣ ни наестъ значить... коли самъ смотритель понесъ къ Демьяну Савельчу.

ТРЕТИЙ ЯЩИКЪ. Ужъ вѣстимо, што не просто, а тово... Демьянъ-то Савельчъ, вишь, служилъ въ одной кавалеріи съ нашимъ баринномъ.

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ (*указывая на Бориса*). Глянь-ко, глянь, ребята: староста Борисъ вонъ и носъ повѣсилъ...

ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ЯЩИКИ. Да... да... эхъ кабы, тово!..

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ. Мудрено... старый волкъ свое дѣло знаетъ.

БОРИСЪ (*подходитъ къ ящичкамъ, всматривается въ нихъ*). Ребята!.. Слышали? отъ барина письмо!

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ. Да, слышали, письмо...

БОРИСЪ. Съ нарочнымъ, ребята!

ВТОРОЙ ЯЩИКЪ. Да... то-то и оно...

БОРИСЪ (*разводя руками*). И не ко миѣ... не къ управляющему!..

ТРЕТИЙ ЯЩИКЪ. Да... значить, оно не тово, штобы...

БОРИСЪ. Вишь-ты, прямо къ вахмистеру! а?

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ. Да... вишь-ты какъ!

БОРИСЪ (*встревоженный*). Ребятухи! такъ тово... какъ вы, эвто смекаете? ась?

ВТОРОЙ ЯЩИКЪ. Да, коли правду сказать, такъ... тово... почему знаешь, чего не знаешь?

БОРИСЪ. Оно, конечно такъ, ребятухи... мало ли штѣ! Да какъ бы, то-есть вы полагаали?

ТРЕТИЙ ЯЩИКЪ. Да вѣдомо какъ: оно вѣдъ дѣло, вишь, закрытое... такъ и мудрено, тово...

БОРИСЪ. Да вы, тово не отбавривайтесь, а говорите миѣ настоящее дѣло...

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ. Да говорить не устать, для-че не говорить...

ВТОРОЙ И ТРЕТІЙ ЯЩИКИ (вмѣстѣ). Конечно... говорить можно... языкъ-те не отвалится.... да што говорить?

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ (Борису). Ты вотъ води, говори! а намъ какова лѣшаго говорить?

БОРИСЪ (первому ящичку). А! такъ ты значить не смѣкаешь?

ПЕРВЫЙ ЯЩИКЪ (почесывая затылокъ). Да чево мнѣ смѣкать-то? Наше дѣло сторона. *(Отходитъ).*

БОРИСЪ (второму ящичку). А ты, какъ полагаешь?

ВТОРОЙ ЯЩИКЪ. А вѣстимо какъ: ты староста, а намъ тутъ чево разговаривать! *(Отходитъ).*

БОРИСЪ (третьему ящичку). Такъ и ты значить, ничего-тово?

ТРЕТІЙ ЯЩИКЪ. А мнѣ тутъ какова лѣшаго? ты самъ, тово, знай настоящее дѣло. *(Отходитъ къ другимъ).*

БОРИСЪ (вспыхнувъ). Этъ, вы! настоящее дѣло! Чево сробляли? Вѣстимо, коли я староста, такъ настоящее дѣло знаю! У васъ ничего не спрошу! вотъ что! А вахмистеръ хошь и служивый, да вѣдь мы и сами-съ усами! *(Кричитъ).* Эй! ты! служба! покажь-ко, што тамъ у тебя за грамотка? Эй! вы! *(Идетъ къ дому).*

XIII

МАВРУША И НАТАЛЯ, вбѣгаютъ веселыя

МАВРУША. Ахтѣ! какія радости!

НАТАЛЯ. Побѣжимъ искать Васютку!

МАВРУША. Побѣжимъ, сестрица голубушка! я теперича отъ радости, сама не своя!

НАТАЛЯ. И я тоже!

(Я вечеръ въ саду, молодешенька гуляла).

МАВРУША И НАТАЛЯ, *(вмѣстѣ).*

МАВРУША.

Миновало горе злое у дѣвицы!

НАТАЛЯ.

Какъ теперь я рада счастию сестрицы!

Гдѣ ты? гдѣ? скорѣй мой (нашъ) милый?

Покажися!

Золотымъ со мной (съ сестрой) колечкомъ

Обручися!

И со мной (съ сестрой) дружокъ сердечкомъ

Обжѣмайся!

Подъ вѣночекъ въ настанъ парадный
Наражайся!
И къ невѣстѣ ненаглядный
Приласкайся! (*Объ убѣждаете*).

БОРИСЪ (*имѣ ослѣды*). Эй! куда вы? чему обрадовались? да вот погоди у меня, вы откроете всю подноготную!...

XIV.

ТѢМЪ, ДЕНЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ съ письмомъ **СМОТРИТѢЛЪ** и **ЯКОВЛЕНА** идутъ за нихъ.

ДЕНЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ (*новолительнымъ голосомъ*). Ага! теперь мы поведемъ для военнымъ порядкомъ! (*Ямщиками*). Эй, вы! мужичье дурачье! смиррр-но! (*Ямщики невольны снимаютъ шапки*).

БОРИСЪ (*надвѣв набекрень шапку*). Штѣ? штѣ?

ДЕНЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ (*грозя ему*). Староста Борисъ! молчи, берегись! (*Сбиваетъ съ его головы шляпу*). Шляпу долой! руки по швамъ! смирно! (*Обращаясь къ ямщикамъ*). Эй ребяташки! ссывайте всѣхъ, кто есть на лицо, отъ барина ко мнѣ и къ вамъ есть писемцо; бѣглымъ шагомъ! или рысью! маршъ! (*Ямщики убѣгаютъ съ разныя стороны*).

БОРИСЪ (*опять надвѣв шляпу*). Савельчъ! да ты, това не команду!

ДЕНЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ. Сказано: шапки долой! и смирно! (*Опять сбиваетъ съ него шляпу*). А не то, такъ тебя пришпорю къ печали и къ горю, что своихъ не узнаешь, и чужихъ не узнаешь! Руки по швамъ! Вотъ какъ я тебя возьму въ шенкеля, такъ ты у меня зашлешь такъ, что и небо съ овчинку покажется! Что ты здѣсь болно ротъ-то дерешь? мундштукъ что-ли не по мордѣ пришелелъ? Смирно! ты теперь ужъ у насъ въ браковку пошелъ! Мы тебя, какъ говорится, назадъ посадили! такъ молчать борода! не то будетъ бѣда!

БОРИСЪ (*струсивъ*). Ой! ой! ой! вотъ оно штѣ выходитъ!

ЯКОВЛЕНА. Штѣ? попался съдой волкъ! хорошенько его, г. кавалеръ! поставь на путь истинный!

СМОТРИТѢЛЪ. Да, Борисъ, лучше кайся! Прошло твое золотое времячко...

ДЕНЬЯНЪ САВЕЛЬЧЪ. Прошла твоя пора глядѣть въ колгера, теперь будетъ глядѣть въ оба, моя штыковая особа! Теперь вы у меня съ прикащикомъ берегитесь! Безпорядки, недогадки, поборы да взятки, съ пыленка и съ матки, кончены! (*Обращаясь къ входящимъ крестьянамъ, между которыми лаяются Василій, Мазруша и*

Наталя. Милости просить миръ людской! просить стучать, приказа послушать!

ВОЗ ВЪЗДЪТЪ (клямясь). Штò такое, батюшка? прочитай, порадуй насъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ Г. смотритель! Вы мнѣ принесли приказъ отъ нѣ барина, вы нѣ и прочитайте во всеуслышанье. Смирно! Шанки колой!

СМОТРИТЕЛЬ (взломъ письмо). Слушайте-же хорошенько. «Очень я тебѣ благодаренъ, почтенный Демьянъ Савельевъ, что ты описалъ мнѣ подробно всѣ плутни и шашни моего прикащика и шальнаго старосты Бориса....»

ВОЗ (смѣются). Ага! ай-да квалеръ! ха! ха! ха!

БОРИСЪ. Какъ! ты писалъ къ барину? жаловался?

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (Борису). Смирно! А ты дуналъ, что я здѣсь себѣ живу да даромъ хлѣбъ жую? (Другимъ). Нѣтъ, братцы, видя, какъ васъ они забираютъ, я ужъ съ мѣсяцъ назадъ послалъ барину рапортчику!

ВОЗ (кромя Бориса). Ай-да служба! большое тебѣ спасибо!

СМОТРИТЕЛЬ. Слушайте-жъ! (Читаетъ). «Всгдѣствіе сего, приказываю тебѣ, Савельевъ: взять плута прикащика и немедленно переслать ко мнѣ въ Петербургъ на ревизію, за добрымъ конвоемъ, а старосту Бориса формально лишити должности навсегда; изволь разобрать и успокоити обиженныхъ, сдать по совѣсти, кого слѣдуетъ, въ рекруты и наконецъ, главное: приказываю тебѣ быть въ обѣихъ моихъ деревняхъ полнымъ старшиною, съ жалованьемъ по 20-ти рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Это я дѣлаю на томъ основаніи, что испытанные и заслуженные воины, каковы ты, знаютъ вести указанный порядокъ и уже во многихъ мѣстахъ умѣли оправдать свои назначеніе, какъ самые надежные люди! А какъ я получу послѣ маневровъ отпускъ, явлюсь самъ и помогу тебѣ ввести во всемъ новый, благодѣтельный порядокъ! Прочти этотъ приказъ всѣмъ и каждому и помѣщайся съ Богомъ въ домъ бывшего прикащика».

Штабъ-Ротмистръ Лачинскій.

ВОЗ (кромя Бориса). Ай-да добрый баринъ! вотъ порадовалъ! дай Бой ему здоровья!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЬИЧЪ (весело). Ну, братцы, просить любить да жаловать, работать не баловать! жить не тужить! всѣмъ будетъ хорошо, кто самъ хорошъ! такъ безъ обиды, безъ начальства оправдаешь-ка милость добраго начальства! такъ что ли?

ВОЗ. Вѣстимо, родной, ты для насъ втрое лучше шальнова старосты

Баринъ тебя знаетъ, мы тоже, такъ ужъ наши будемъ доволеть, голубчики...

ДЕМЬЯНЪ САВЬЛИЧЪ (*Борису*). Слышимъ, староста Борисъ? маршъ на печь, спать ложись! (*Разговариваетъ съ мужиками тихо*).

БОРИСЪ (*очнувшись*). Э-эка притча, подумаешь! Значитъ надо будетъ распушить лной хвостъ передъ Демьяномъ Савельичемъ... ахъ, попадетъ какъ куръ воши?..

ДЕМЬЯНЪ САВЬЛИЧЪ (*вслухъ*). Да ужъ надѣйтесь, братцы: въ плутни обнаружу, всё штуки выведу наружу! всѣхъ разберу, коняра, со всѣми полажу, всѣхъ братцы уважу! кто чистъ, да правъ, будетъ цѣлъ и здравъ, (*Увидя входящихъ*). А вотъ, кстати, учинишь верную расправу.

XV.

ТЪМЪ, АЛЕНКА, ГАВРЮШКА и СЫНКА, входить веселые и чѣмъ-то лакомясь.

АЛЕНКА. Эва! што это за компанія? вишь, Гаврюшка?

ГАВРЮШКА. На какова лѣшаго притащились ребята?

СЫНКА. И виражь! чаво вы тутъ не видали? Пошли не донать, мужичье!

ДЕМЬЯНЪ САВЬЛИЧЪ (*ставъ позади ихъ, вскрикиваетъ, топая ногой*). Смирно!!

ГАВРЮШКА (*вздвинувъ*). Ой! ой!

АЛЕНКА (*также*). Эвоя!

СЫНКА (*также*). Экъ равкнулъ! ижно орѣхи посыпались!

ДЕМЬЯНЪ САВЬЛИЧЪ (*мужикамъ*). Ребята! у Бориса три сына, старшаго и средняго, а завтра дамъ въ рекрута, а меньшаго оставлю при отцѣ! Справедливо ли это?

ВОЪ (*вмѣстѣ*). Очень справедливо! давно имъ пора! такіе озвирники, што не приведи Богъ!

ГАВРЮШКА. Чаво? насъ въ некрута?

АЛЕНКА (*громко*). Въ некрута? да я ни за какіе прищички!... Батька! слышь ты?

БОРИСЪ (*имъ тихо*). Молчите, я ужъ не староста больше! Баринъ, его назначилъ главнымъ старшиной, надо подмаслить, такъ эвоя, греза минуетъ?

ДЕМЬЯНЪ САВЬЛИЧЪ. Ребята? такъ смотреть за ними въ оба! Вы отвѣчаете! чтобъ они не укатили куда по столбовой дорожкѣ! (*Аленкѣ и Гаврюшкѣ*). Ну, голубчики, полно шрывать, пора службу начать на ученьѣ вставать!

АННКА (сильно оробевъ). Демьянъ Савельчъ! а Демьянъ Савельчъ! Да я тово.... ей-ей не гожусь на службу! Я и не привычелъ, и отъ одново слова душа обмерла! Право слово не гожусь!

ГАВРИЛКА (чуть не плача). И я совсѣмъ негодящій паренъ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. Смирно, ребята! Я вамъ говорилъ дажича, что теперь вы дрянъ насущная, но военная школа васъ выправить, выпрянить, на славу. Да и стыдно, братцы, отъ службы лынять! какъ быть! дружба дружбой, а служба службой!

БОРИСЪ (ласково). Демьянъ Савельчъ! пойдешъ ко мнѣ... (Тихо). Да на радости и покончимъ какъ быть слѣдуетъ...

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ (грозитъ). Молчокъ, старичекъ-мужичекъ-дурачекъ! мы на часахъ не беремъ, хмѣльнаго не пьемъ! береги бороду, а то у меня разомъ опростоволосишься! Чтобъ не быть въ потерѣ, на свой аршинъ другихъ не мѣряй! Мужикъ! (Повертывая его). Налѣво кругомъ! (Всѣ громко хохочуть).

БОРИСЪ (сыновьямъ). Ну, плохо, робятушки! видно кавалеръ тоже свое дѣло знаетъ... На кривой его не объѣдешъ.

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. Господинъ смотритель! благодаритъ васъ всепокорно, что кстатѣ принесли отрадную граматку! Дороеей Антипычъ! Яковлевна! благодарю васъ за пріютъ и хлѣбъ-соль вашу! А чтобъ въ къ вашему дому сдѣлать счастье кой-кому.... женимъ-ка добраго Васютку на Маврушъ! Пусть себѣ живутъ пригѣваючи! такъ ли?

ЯКОВЛЕВНА. Съ нашимъ удовольствіемъ, господинъ старшина! вѣдь онъ мой вскормленникъ!

ДРОСОКЪ. Съ нашимъ почтеньемъ-съ!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. А Наталья Дороеевнѣ, коли будетъ доля, по Божьей власти.... (Тихо ей). Отыщемъ женишка кавалерійской масти! Снекаемъ? Гм! молчокъ! до времени!

НАТАЛЬЯ (про себя). Неужто? Ухъ! ижно такъ въ краску и бросило!

ВАСИЛІЙ (обнимая Демьяна). Демьянъ Савельчъ! ты мнѣ теперь стага милѣе отца роднаго!

МАВРУША. Голубчикъ, Демьянъ Савельчъ! ты мнѣ душу отвелъ своею милостью! По гробъ благодарна!

ДЕМЬЯНЪ САВЕЛЫЧЪ. И то ладно! а вы вдвоемъ отведите намъ душу задушевной русской пѣсенкой! Яковлевна! Дороеей! придайте-ка отваги, подавайте домашней браги! подчуйте нежданныхъ гостей! Ну смѣлѣй, веселѣй! кто потягивай, кто подтягивай, катая не страшно! (Всѣ крестьяне усаживаются кто гдѣ можетъ. Дороеей изъ лавки выноситъ: сайки, пряники, орѣхи, и угощаетъ всѣхъ, низко кда-

нясь. Яковлева съ Натальей выносятъ изъ избы брану и угрожаетъ также).

АЛЕНКА (сквозь слезы). Батюшка! у нихъ будетъ перъ герой, а я съ Гаврюшкой хонь волкожь вой!

ГАВРЮШКА (также). Батяка! меня убьютъ на страженіи! Не пу- щай меня! будь отецъ родной!

БОРИСЪ (скрываая досаду). Эхъ, робитунки! бодливой коровъ Богъ рогъ не даетъ, а то бы я... (Съ отчаяніемъ). Да ужь видно отъ судьбы не уйдешь и не уйдешь!

(На голосъ: *Вспомни, вспомни моя любезная*).

Ахъ, вы, дѣтунки мои милые,
Васъ берутъ во солдатунки,
Въ службу Царскую....
Такъ служите-жъ вы, сынки мои
Ненаглядные, вѣрой—правдою
Царству русскому!

ДЕВЯНЪ САРЫКЪЧЪ. Э, полно, Борисъ.... Не плачь не крунись! Они ужь будутъ служить какъ слѣдуетъ, а вотъ лучше ты сослужи намъ службу, трахни-ко старинной на веселомъ сговорѣ! на-ка, вышей, да возьми балабайку и затяни такую, чтобъ всѣ жилки заговорили!

БОРИСЪ (сбрасывая кафтанъ). Эхъ! такъ и быть! дзвай! нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ!

(На голосъ: *Шли наши ребята*).

Сватался на дѣвушкѣ богатый старичекъ,
Сказывалъ-высказывалъ богатство свое:
«Будешь ты красавица со мной богато жить,
«Бархатны, глазетовы шугаечки носить!
Что-жъ сказала дѣвица, смотря на жернишка
Думую, подумая, идти ль за старичка?...
Съ старичкомъ богатенькимъ не весело женѣ,
Съ старичкомъ житье-бытье плохое будетъ нѣ!»

(Топчетъ ногою.)

Убирайся, старый мужъ, нѣ нуженъ молодой!
Молодой, хорошенькій, пригоженькій собой!
Ахъ, поля! поля! поля, люпенки мои!!

(Оркестръ ускоряетъ темпъ, Борисъ и всѣ пляшутъ, за- ка- вать падаетъ).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка. — Лекція Сентъ-Марка-Жагерова о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Актриса Марсъ. — Африканскій Росцідъ. — Римская гильдия. — Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Новая воздушная машина. — Доисторическій ландшафтъ. — **ШЕКИЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.** — Альбомъ гантскаго двора. — Поглощеніе змѣй въ Сіамѣ. — Роковыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская почта. — Пожары въ Константинополѣ. — Обманутый бриллиантъ. — Печальный случай. — Кристальный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судбы. — Старинная ошибка въ правописаніи. — Шиллеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышъ отъ торговомъ опіумомъ. — Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными. — Высочайшій городъ на землѣ. — Новая блестящая мода. — Разговоры миллионеровъ. — Семейства англійскихъ королей. — Воспитаніе дѣвушекъ въ Сѣверной-Америкѣ. — Константинопольскій базаръ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Предлѣя изброглю. — Художественная выставка въ Училищѣ живописи и ваанія, и нѣкотораго извѣстнаго, ея вызваніи. — Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосѣвича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ. — Еще выставки картинъ, зѣвринцевъ, панорама и проч. — Новая колокольня Страшнаго монастыря. — Библиографическія извѣстія: продолженіе прежнихъ изданій, новыя книги, новое изданіе. — Газеты и «Москвитянинъ» № 21. — Театры: оживленіе ихъ, новыя пьесы русской и французской сцены; новый балъ. — Два слова о двухъ концертахъ. — Обращеніе къ читателю.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА:

Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ-ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ? — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — Первая книга «Отечественныхъ Записокъ». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтнихъ дней*. В. Крестовскаго. — Переводъ Иллада. — Г. Ординскій и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Усвѣденныя прилагательныя, странныя выраженія, тривальности и провинциализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словаря для пониманія перевода Иллада. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Забѣлина. В. А. Жуковскій. — *Русская Литература въ 1852 году*. — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Небольсинъ и Меценатинъ. — Иностранная Литература и Сибирь. — Сюрпризъ къ Новому году: десятая книжка «Сына Отечества». — Повесть о молодомъ человѣкѣ, написанная молодой дѣвчонкой. — Некрологъ: В. А. Волжарскій.

II. НОВЫЕ КНИГИ:

Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія по Волгѣ, въ Америку и во все страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта.

III. МУЗЫКА:

Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Влардо-Гарсин въ особенности. — Дебютъ ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвица Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауреръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контскаго. — Еще фантазіи. — «Воспоминанія изъ Дома Паскале и новая мазурка» Контскаго. — Новый инструментъ, изобрѣтенія г. Кажинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ приютовъ и г. Баль-е. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штеръ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новыя музыкальныя изданія.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Оригинальность «Пантоона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Галлю. — Стихи г-жѣ Вольнисъ. — Общественныя увеселенія. — Горы и музыка. — Театральные слухи и вѣсти. — Дагеротипы г. Левцакаго. — Юбилей торговаго дома барона Штиглица и Ко.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 1.

ТОСКА И СМѢХЪ. Капризъ. *Василья Волжарскаго*.
СОЛДАТЪ БАЛАГУРЪ или **ДРУЖБА ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА СЛУЖБОЙ.** Національный водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. И. Григорьева 1-го.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ В. В. САМОЙЛОВА, копія съ портрета Штейбена.
2. **КАНТОНЪ-ПОБУРЖИ**, изъ русскихъ мотивовъ, соч. К. Лядова.

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕНЕРТУГАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ и *водевилей*, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНА на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакция вѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ ставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справленію* его требованію. За подписку же, принятую въ *другихъ мѣстахъ*, она ответственности на себя не принимаетъ.

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ *каждаго* года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ **перваго** со **ВСѢМИ ОБЪЯВЛЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои *сообщенія* въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ЕДОРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КОНИНУ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургъ, *въ домъ* **Лыткина**.

1853

МУЗЫКА
ТЕАТР
ЛИТЕРАТУРА
ИЗОБРАЖЕНИЯ

501680

ПАНТЕОНЪ

№ 2.

ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ✓ ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *Н. Д. Хвоцинской*.
✓ ЦЫГАНКА. Повѣсть *И. С. Юрьевой*.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ХУДОЖЕСТВА И ВЫСТАВКА 1852 года въ Англии. Статья *Д. Г. Дарле*.

III. МЕМУАРЫ.

- ✓ ПУТЕШЕСТВІЕ ЛОРДА БАЙРОНА въ Корсику и Сардинію. Изъ неизданныхъ Записокъ Бенсона, извлеченное *А. И. Бибиковой*.

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Бенвенуто Челлини*, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго, г. *Василько-Петрова*.
2. *Смерть скончалась, потомъ поѣмчалась*, водевиль въ 2 картинахъ, соч. г. *Максимова 3*. (*Бенефисъ г. Максимова 4*).
3. *Ни тетя, ни другой*, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. *графини Расстончиной*.
4. *Амашка*. Водевиль въ 1 дѣйствіи, перефранцузскій съ французскаго *П. Фодорова*.
5. *Серебряная свадьба*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.
6. *Первый русский хореводъ*, дивертиссементъ, соч. *Сухомина*. (*Бенефисъ Мартинова 4*).

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 26 января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году. — Число новыхъ пьесъ и суммъ, вырученныхъ, парижскими театрами — Исторія съ оперой Верди «Эрнани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — «Орфеа» новый балетъ гг. Мазилье и Адольфа Адана. — Нѣсколько словъ о комическихкихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — «Табаренъ», комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Альбуза и Бускэ. — «Сердце и приданое», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Фелисбена Мальвиля. — «Фарацидена», драма гг. Дюнета и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Гроота. — «Хижина дяди Тома», драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и д'Энери.

АНГЛІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА: отъ 20 января 1853 г.

V. СМѢСЬ.

1. Два мѣсяца въ пустынѣ. *Н. Андреева*.
2. Золотой ключъ. *Октава Фелье*.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Отель Рамбулье. — Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана. — Парижскія женщины. — Тетушка Мерв. — ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Десятый солнечный лучъ. — Годовое донесеніе германскаго общества переселеній и колонизаціи. — **МИЛКІИ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Кто переживитъ. — Опасный дуэлистъ. — Африканскіе праздники. — Мола выше красоты. — Письмо Софій Арну. — Скорбь отца. — Отчего у негровъ бѣлыя зубы? — Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ крылышки?

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАНІИ

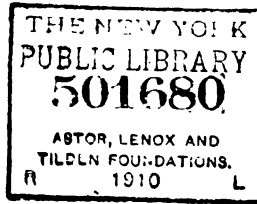
Одобрено Котомъ.

ТОМЪ VII.

ФЕВРАЛЬ — КНИЖКА ВТОРАЯ.

1858.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 24-го 1853.**

Ценсоръ *Н. Нейкеръ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.

НОВЕЛЛА ВЪ СТИХАХЪ .

Ж. Д. Звощинской.

IV.

Верстахъ въ пяти, тамъ, гдѣ осины,
Склонясь надъ рѣчкой, шумать,
Стоялъ домъ каменный, старинный,
Чернилъ огромный скучный садъ,
Печальный многого свидѣтель.
Полѣвка первый ихъ владѣтель
Ужъ спалъ, при церкви, мирнымъ сномъ,
И вѣрно не мечталъ о томъ,

Изящная словесность.

Что домъ, помѣстье, состоянье
Въ чужія руки перешли,
Что отъ богатствъ, лѣсовъ, земли,
Въ годъ нашего повѣствованья—
Едва-ль клочекъ былъ сбережень,
И что грозилъ аукціонъ.

Но за шесть лѣтъ назадъ, весной,
Угрюмый домъ жилимъ глядѣлъ:
Тамъ колоколъ звонилъ съ зарею,
Надъ мезониномъ флагъ пестрѣлъ,
Пескомъ усыпаны дороги,
Толпа мальчишекъ быстроногихъ
Возилась въ жалкихъ цвѣтникахъ,
Садовникъ бѣгалъ въ хлопотахъ,
Лакей костюмъ свой полинялый
Ливреей новой замѣнилъ,
А надъ терассой брошенъ былъ
Маркизъ съ каймою ярко—алой....
Владѣлецъ дому сдѣлалъ честь:
Пріѣхалъ лѣто въ немъ провести.

Къ нему, по долгомъ ожиданьи
Явилась съ дочерью жена,
О красотѣ ихъ, воспитаньи
Весьма заботилась она.
Онѣ въ урочный часъ вставали,
Урокъ твердили и гуляли
Въ аллеяхъ темныхъ. Имъ во слѣдъ
Мадамъ Duclos и Miss Briget,
Всегда съ веселымъ наставленьемъ;
Читали повѣсти Бульи,
Иль занимались въ тѣни
Работой, легкимъ развлеченьемъ,
Пріятнымъ сердцу и уму,
Ненужнымъ вовсе ни къ чему.

Но полдень. Въ узкихъ амазонахъ
Давно Lydie и Fanny ждуть;

Деревенскій случай.

Черезъ дворъ, въ пурпуровыхъ поножахъ,
Ихъ лошадей сѣдлатъ вѣдутъ.
Навздницы легко и смѣло
Садятся; кучеръ престарѣлый,
Ихъ есуует, скорѣй бы радъ
Опять, какъ новый Цицинатъ,
Къ своей родной сохѣ вернуться,
Въ столицу прохода господъ.
Вотъ выѣзжаютъ изъ воротъ
И по полямъ стрѣлой несутся,
Вселяя въ ближнихъ деревняхъ
Почтенье, робость, даже страхъ.

Остатокъ дня въ маячной скукѣ
Проходятъ. Въ классы иногда
Приходить мать и о наукѣ
Твердить, о важности труда,
О пользѣ и плодахъ ученья,
И при концѣ правоученья
Всегда бываетъ прочтена
Статья преважная одна:
О направленьи воспитанья,
О тонѣ, о манерѣ жить,
Статья, могущая служить
Исходной точкой. Въ основанье
Ее принять должна Бриджетъ,
Приятна ей она, или нѣтъ.

Подъ вечеръ — музыка и пѣнье,
Гулянье.

Вечеръ былъ одинъ
Прекрасный. Вдалекѣ селенье,
Среди кустовъ, воды, долины,
Синѣло въ розовомъ сѣннѣ
Заката; слышалось баянье
Бѣгущихъ стадъ; пастухъ бичомъ
Похлопывалъ; въ поляхъ кругомъ
Стихало; яблони скрывались
Въ гнѣздѣ, чуть видномъ отъ земли.

Лиди и Фанни тихо шли
Съ мадамъ Дюкло и занимались
Бесѣдой искренной до слезъ.
Даже плащи за ними несть.

Мадамъ Дюкло разговорила
О всемъ, о вѣрѣ людямъ злымъ,
О жизни... Изъ лѣсу явилась
Нежданно вдругъ навстрѣчу имъ
Толпа крестьянскихъ бабъ, дѣвчонокъ
И дѣвокъ. Былъ крикивъ и звонокъ
Ихъ хоръ, но онъ затихнулъ вмигъ,
И мимо барышень чужихъ
Онѣ прошли, въ повязкахъ красныхъ,
Въ широкихъ бѣлыхъ шушунахъ,
Неся на блюдахъ, въ кузовахъ
Грибы и ягоды, — дань ясныхъ
Юньскихъ дней, ночныхъ дождей,
Продукты родины своей.

Толпу красавицъ догоняла
Малютка — въ страхѣ пополамъ
Съ смущеньемъ, спрятаться желала
Она отъ взоровъ модныхъ дамъ, —
Въ какомъ то платьицѣ лиловомъ,
Холстинковомъ, уже не новомъ,
Въ широкихъ, сбитыхъ башмачкахъ,
Въ косынкѣ, смятой на плечахъ.
Большой чепецъ съ оберткой криво
Надѣтъ былъ, вѣрно для красы,
И двѣ волнистыя косы,
Какъ смоль блестящія, игриво
Скользя, висѣли вдоль спины,
Почти совсѣмъ расплетены.

Она несла въ рученкѣ сѣтлою
Свою добычу изъ лѣсовъ,
Кувшинчикъ земляники сѣтлою
И взявъ огромную цѣтловъ.

Из-за шиповника, дунцы
 И бьются астры, гавва, рясницы
 Черныи, почки наливныи
 Видныи пухъ, звать, прозвотъ ихъ
 И свѣжесть солнца полюбило,
 Что, заглядывшись, вольныи днесь,
 Своии сверкающиии лучемъ
 Ихъ, приласкавъ, озолотило.
 Смущенье шло къ ней и оно,
 Въ ней было мило, хотъ свѣжо.

Лиди и Фанни пожелаи
 Узнать: кто это? Имъ лаской
 Донесъ, что можетъ-быть слышали
 Онъ о близкой о своей
 Сосѣдкѣ, барынѣ Петровой, —
 Такъ это внучка ихъ. Такъ ново,
 Такъ странно показалось имъ
 Все это, случаемъ простымъ
 Онъ такъ долго занимался,
 Что въ жаркихъ толкахъ наконецъ
 Участье принялъ и отецъ,
 Спросилъ, чѣмъ дѣти забавлялись?
 Узнавъ же, былъ, казалось, онъ
 Идеей свѣтлой озаренъ.

Конечно, не безъ основанья
 Онъ убежденъ былъ, что всегда
 Всѣ эти жалкія созданья
 Сосѣди эти, мелкота —
 Безъ мысли, безъ изобрѣтеній,
 Безъ пониманья улучшеній,
 Все ждутъ одинъ тяжелый годъ,
 И свой копѣчный доходъ
 На черный день приберегаютъ,
 Зарывъ въ какой-нибудь подвалъ,
 И этотъ мертвый капиталъ
 Къ пустымъ же людямъ востувають,
 Не двинувъ на волосъ одинъ
 Ремесль, и фабрикъ и машинъ.

Предположивъ, что у Петровой
 Быть долженъ томо капиталъ,
 Что стоить ей сказать два слова, —
 Оты въ ней казавтра жь поспайалъ.
 Имѣлъ онъ надобность въ раскладѣ
 Долговъ какихъ-то, да въ Палатѣ
 Былъ счетъ еще не откупимъ,
 А какъ нечая же дочеринъ,
 Для окончанья воспитанья,
 Чужинъ нравъ не показать,
 И надо до-тѣхъ-поръ унять
 Всѣ эти жалобы, выискины,
 То у Петровой, думалъ онъ,
 Источникъ для того найдеть.

Помѣщикъ нашъ засталъ старушку
 Въ покойныхъ креслахъ, съ псалтыремъ,
 А Лиза что-то на поклоннахъ
 Шлепа передъ другимъ окномъ.
 Все было въ комнатѣ старинной
 Умно, радостно и чинно,
 Хотя молчанье и псалтырь
 Моглибъ напомнить монастырь.
 Съ достоинствомъ владѣлецъ важный
 Услыся, дѣло объяснилъ,
 Какъ-будто самъ онъ тѣмъ дарилъ —
 Что брать взаимы, сказавъ протяжно —
 «Ужъ лучше-жъ вамъ проценты брать,
 Чѣмъ будутъ деньги такъ лежать.»

Старушка, сколько вамъ известно,
 Была доверчива, тиха,
 Добра, и въ цѣлой поднебесной
 Боялась одного — грѣха.
 Ей люди были всѣ родные,
 Равно и добрые и злое,
 Да въ жизни что-то случъ людей
 Знать не случилось ей.
 Она, весь день ждала Богу
 За внушенье и за свой покой,

Дорожники и кулак.

Не видяи, какъ радъ людемъ
Другъ другу затъснать дорогу,
Тайкомъ или явно выидадь,
И или подъ враговъ козадь.

Старушка разомъ — съ дня рожденья
Не приучась соображать, —
Велѣла Лизанькѣ печенье
И кофе поскорѣй подать;
Она немного растерялась,
Ей какъ-то страшно показалось
Рѣшиться вдругъ — самой — одной.
— «Спросить бы надо, мой родной,
«Да Коля въ университетѣ,
«Отца Ивана въ свѣтъ нѣтъ....»
— Помилуйте, какой совѣтъ?
Со мною думать о совѣтѣ!
Я благородный человекъ!...
И какъ вамъ, доживая вѣкъ...»

Моя старушка испугалась,
Но въ глубинѣ души своей
Она смиренно сознавалась
Въ томъ, что не права. Передъ ней
Помѣщикъ тоже извинился,
И даже самъ вдругъ согласился
На сколько ей угодно ждать.
— «Жаль одного — вы потерять
«Черезъ это можете, съ другими
«Скорѣй я слажу, можетъ-быть,
«Мнѣ васъ хотѣлось одолжить,
«А вы...» Онъ всталъ, прощаясь съ ними...
Но сокращаю мой рассказъ:
Все было слажено тотчасъ.

Когда росшеку въ полученнѣ
Помѣщикъ подписью скрѣпилъ,
То лестный взоръ и одобренье
На садъ, на Лигу обратилъ.

— «Да-ны соседи, это славно!
 «Что-бъ вамъ, Адаотья Николаевна,
 «Хоть разъ взглянуть на Божій свѣтъ;
 «Да прѣвѣшайте къ намъ. Лицезъ
 «Побѣгала-бъ; у насъ алкен
 «Просторныя. Моя жена
 «Вамъ рада.» Внушка смущена
 Была, старушка не смѣла,
 Сказавъ, съ поклономъ пребольшииъ,
 Что въ воскресенье будетъ къ нимъ...

Пройдя полжизни и тревожно
 Уставъ отъ дружбы и вражды,
 Подъ-часъ намъ кажутся ничтожны,
 Забавны дѣтскія бѣды.
 Мы память первыхъ впечатлѣній
 Встрѣчаемъ смѣхомъ и сомнѣньемъ,
 И власть надъ сердцемъ и умомъ
 Мы не охотно признаемъ.
 Въ своей увѣренности праздной,
 Спокойной, не хранимъ дѣтей
 Отъ впечатлѣнья, отъ идей,
 Отъ столкновѣній злыхъ, опасныхъ....
 Нельзя обидѣй, наконецъ,
 Понять невинность ихъ сердцецъ.

Какъ часто рады мы душою,
 Когда, нахмурившись, дѣтя
 Уколото насмѣшкой злою,
 А отвѣчать должно шутя,
 Не смѣть заплакать, оскорбиться,
 И странно! какъ же отшутиться
 Ребенку, какъ же возражать,
 Когда онъ долженъ *не помнить?*
 Мила увѣренность мнѣ, право!
 — «Ихъ не тревожить всякій вздоръ;
 «Атласъ, батистъ и коленкоръ
 «Имъ все равно, была-бъ забава,
 «Нарядъ и блескъ для нихъ ничто...
 Нѣтъ, дѣти думаютъ не то!

Увы, къ несчастью, въ эти гѣта
 И въ этихъ крошечныхъ сердцахъ
 Ужъ есть понятие злобы свѣта
 И тайный стыдъ и ложный страхъ!
 На что вводить ихъ въ искушенья?...
 Но бабушка такого мнѣнья
 Не раздѣляла, и она
 Была-бъ весьма удивлена,
 Когда бы Лизу увидала,
 Какъ воротившись изъ гостей,
 Подъ старой яблонью своей,
 Она свернулась и рыдала,
 Склоняся на травку головой,
 Припомнивъ день несносный свой...

Въ-теченье гѣта ей досталось
 Еще такихъ довольно дней.
 Дня съ восторгомъ дождалось
 Осеннихъ сумрачныхъ дождей,
 Зимы, ночей ея холодныхъ,
 Когда семью сосѣдей модныхъ
 Въ столицу выгнать морозъ.
 Но Боже! сколько было слезъ,
 Когда ей бабушка сказала,
 Что ей нельзя такъ вѣкъ прожить,
 По рощамъ бѣгать да шалить,
 Что въ пансіонъ она писала,
 Прекрасный, хоть не дорогой,
 И отвезетъ ее зимой.

Но сердцу вздумалось вступиться,
 Вступился также и расчесть,
 И Лизу отвезли учиться
 Зимой, но только черезъ годъ....
 Не ждите длинныхъ описаній,
 И пансіона и познаній,
 Какія можно получить
 Иль приобрести; вамъ, можетъ-быть,
 Ужъ надоѣли и подруги
 Съ ихъ рѣзвой, шумной болтовней,

Училишь старей и простей,
 Классъ случайный, случайные люди,
 Награды, мелочь, вашикъ блѣдъ,
 Забыты вами сколько лѣтъ!

Когда жь напоминать съ увлеченьемъ
 Подруга прежняя о томъ,
 Вы отвращаетесь съ смущеньемъ,
 Съ какимъ-то тяжестнымъ стыдомъ...
 Вы правы. Что въ напоминаемъ,
 Когда ни лаского познанья,
 Привычки дѣла и труда,
 Ни дружбы вѣрной навсегда
 Не принесли вамъ эти годы?
 И видите вы только въ нихъ
 Лишь болтовню, жаряды, моды,
 Рядъ ссоръ пустыхъ, и мировыхъ.

Да, вамъ, испытанной и строгой,
 Досадна память юныхъ дней,
 Когда потрачено такъ много
 Душевныхъ силъ для мелочей,
 Когда съ наукой вы шалили,
 Всему смѣясь, шутя любили,
 О долгой жизненной стезѣ
 Не мысля, пробовали всѣ,
 По каплѣ, радости, мученья,
 И испытали пресыщенье.

Вы дома. Жизнь васъ окружила,
 Явилась скорбь, забота, трудъ,
 А въ сердцѣ не трещать силъ,
 И дѣла руки не берутъ.
 Быть-можеть, любить васъ душою,
 Но вашей жаркой головою
 Какой то созданъ идеалъ
 И смертный обидень вамъ и жалъ....
 Когда вы съ горькими слезами
 За жизнь возьметесь, сколько разъ

Вы въ ней обманетесь иногда!
 Быть может щедрый судья
 Вамъ такъ обильно все дано,
 Но цвѣсть не долго жуждено.

О, наше, вялое бездѣлье,
 Непониманье, ложный взглядъ,
 И жажду блеска и веселья —
 Намъ справедливо не простить.
 Найдёмъ ли сами оправданье
 Въ упрямомъ нашемъ возниманьи
 Къ заботѣ, къ тягостной цѣнѣ,
 Какою куплены эти, —
 Минуты блеска?... Мужъ страдаетъ,
 Но блѣдность много лица
 Насъ не страшитъ; насъ кружонца,
 Романъ глубѣйшій занимаетъ...
 А дѣти... Но какъ чаще жать
 Не думать учить, а болтать.

За пустотой и охлажденье
 Пришло, и прочь любовь бѣжить;
 Подругъ участь, семейство
 Супруга бѣднаго казнить.
 Когда отъ тягостныхъ заботъ,
 Причудъ и притерныхъ объятий —
 За исполненье притерей,
 Отъ криковъ возблужившихъ дѣтей,
 Отъ пустодомства, сплетень, издара,
 Усталый кружончикъ съ другой
 Захочетъ отдохнуть душой,
 Онъ не избѣгнуть приговора,
 Онъ виновать... Ну, а жена,
 Скажите, права ли она?...

Но Лизанька изъ пансіона
 Ребенкомъ вышла, какъ вошла;
 Его манеръ, привычекъ, тона
 Ея душа не приняла.

Но тамъ ужъ Лиза испытала
 Гоненье чванства, суеты
 И шаловливой, злой вражды,
 Какую нехотя внушала,
 За тѣмъ, что, кроткая всегда,
 Была прекрасна и горда.

Внѣ класса, праздность пансіона
 Ей надѣла, и въ село
 Гдѣ косать, жнуть, гдѣ веретена
 Жужжать, гдѣ сердцу такъ тепло,
 Хотѣлось ей. Она прилежно
 Не кошелечекъ нехбѣжный,
 А толстый шерстяной чулокъ
 Вязала, свей твердя урокъ;
 Учась внимательно, мечтала—
 И въ томъ не вижу я грѣха—
 Что бабушка ей жениха
 Уже навѣрно приискала,
 Что будетъ тихо, скромно жить,
 И дѣтокъ всѣхъ сама учить,

Чтобъ въ пансіоны на мученье
 Не отдавать ихъ никогда;
 А потому, пріобрѣтенье
 Познаній, стоить-ли труда
 Иль нѣтъ, но ей необходимо.
 Всегда веселая, любима
 Была подругами она, ...
 Но изъ подружекъ ни одна
 Сердечныхъ тайнъ ей не вѣрала:
 — «Ихъ Лиза вѣчно осмѣять.
 «Въ ней не душа, какой то ледъ.
 «Ей шить, стегать бы одѣла,
 «Хозяйничать, восторгъ живой
 «Считать пустою болтовней!...

Въ года мечтаній, вздоховъ нѣжныхъ,
 Бессонницъ, затаенныхъ слезъ,

Ей помыслъ любви мятежный
 Волненья въ сердце не заносъ.
 Не ясность дѣтскаго незнанья,
 Не ранній холодъ, — ожиданье
 Въ ея поколосъ груди:
 Всѣ блага жизни впереди.
 Жизнь безконечной ей казалась;
 Не тратясь чувствомъ, не спѣша,
 Ея невинная душа
 Цвѣткомъ весеннимъ раскрывалась,
 Чтобъ въ пору, яснымъ лѣтнимъ днемъ,
 Блеснуть пурпуровымъ плодомъ.

Полна надежды и довѣрья,
 Она грядущее ждала,
 И свой покой, свое веселье
 Невозмутимо берегла.
 Ей сердце трепетно твердило,
 Что скоро вотъ найдется жмлыкъ,
 И жизнь для ней пойдетъ двоємъ,
 Но кто и какъ — она о томъ
 Не думала. Любовь прекрасно
 Подруги объясняли ей —
 И въ блескѣ праздничныхъ огней,
 И при лучахъ луны неясной, —
 Но все казалось ей снѣжино,
 Балы, идилли равно.

Она прекрасно понимала,
 Что тотъ, съ кѣмъ Богъ ее сведеть,
 Не при лунѣ, не въ шумѣ бала,
 А въ домѣ жизнь съ ней проведеть.
 (Домъ — это слово важно, строго)
 И что въ домашней жизни много
 Есть прозаическихъ сторонъ.
 Что, можетъ-быть, захочетъ онъ
 Недолжнаго — кому смираться?
 Не ей, она въ своихъ правахъ!
 Ему-ль съ улыбкой на губахъ

Жены капризны поклоняться?
Конечно нѣтъ! Покорный мужъ
Несомнѣнъ и смирень къ тому-жъ.

Но Богъ устроить, и согласно
Они вѣкъ долгій проживуть,
И въ день счастливый, въ день ненастный
Раздѣлять счастье, горе, трудъ.
Въ довольствѣ жизнь теплѣй и краше...
Ихъ будетъ полонъ домъ, какъ чаша.
Они найдутъ себѣ друзей,
И милыхъ ласковыхъ дѣтей
Себѣ взлелѣять въ утѣшенъе,
Безъ страха смерти и сѣдинъ,
Встрѣчая старость, въ гробъ одинъ
На вѣчное успокоенъе
Они сойдутъ, — послѣднимъ сномъ
Забьются радостно вдвоемъ!

Она душою сознавала,
Что эти смутныя мечты
Живила, грѣла, освѣщала
Власть недоступной красоты.
Что эта власть была всемогуща,
Что озаряя холмъ могильный
И дѣтскій первый робкій шагъ,
Алтарь и поле, дѣмъ, очагъ,
Она высокое значенъе
Давала имъ! Ея нечая
Не могъ ребенокъ и назвать;
Но жажда кровнаго моленья
Къ ней тихо нисходила въ грудь,
И ей былъ свѣтель жизни путь.

И счастье здѣшнее земное
Она готовилась принять
Отъ неба, — твердое, святое,
Какъ подвигъ, миръ и благодать.
Ей странно сердце возмущали

Подругъ мечтательныхъ печали,
И непонятны были ей
Тревоги неудачъ, затѣй,
Нелюбопытенъ садъ сосѣдній,
И грозный въ отпуску уланъ,
Феяля ирачный, злой романъ,
Записочекъ секретныхъ бредни, —
Хотя любовь ей, можетъ-быть,
Случалось и не разъ внушить.

Но все въ ней было безъ сознанья;
Она своихъ идей, ума,
Предубѣжденья, пониманья
Не объяснила бы сама;
Они, казалось, съ ней родились,
И еслибъ вы о нихъ рѣшились
Серьезно съ нею толковать,
Могли бъ заранѣ ожидать,
Что встрѣтить смѣхомъ непременно
Премудрость вашу. Для нея
Возрѣнье и мечты ея
Казались такъ обыкновенны,
Какъ встрѣтить въ зеркалѣ своей взглядъ,
Улыбку и зубочковъ радъ...

И потому въ уединенье
Къ себѣ въ деревню возвратясь,
Опять за пальцы и варенье
Спокойно Лиза принялась,
Богъ вѣсть о чемъ не тосковала,
Умно старушку замѣняла
Въ хозяйствѣ, въ разныхъ хлопотахъ;
О городѣ, о вечерахъ,
О танцахъ не было и слова.
За то веселое дитя
Вокругъ себя всему, шутя,
Смѣялась; не было такого
Сосѣда, не стоялъ тотъ домъ,
Чтобъ не провѣдала о немъ.

— «Мнѣ съ ними жить; почему я знаю,
 «Быть—можетъ будетъ въ нихъ нужда;
 «А если нѣтъ, — все убитая,
 «Не подружисья никогда.
 «Я сирота, пуская сердечно
 «Меня полюбить.» И конечно,
 Тамъ всякій Лизу полюбилъ.
 Когда-жъ Господь глаза закрылъ
 Старушкѣ, всё ей доказали
 Свою любовь: съ семьей, съ родней,
 Съѣзжались къ ней, чтобы одной
 Не оставлять ее въ печали,
 Покуда не придетъ братъ...
 Ему сосѣдъ не такъ былъ радъ.

Нашъ мало школьнаго познанья:
 Есть школа счастья и страданья,
 Классъ на одной скамьѣ съ толпой
 Блестящей, бѣдной, доброй, злой,
 Премудрой, вздорной, важной, праздною,
 Классъ столкновений и трудовъ,
 Гдѣ къ жизни будущихъ годовъ
 Стремится мы разнообразно,
 И какъ судьба насъ повела—
 Выходимъ для добра, или зла...

Для Лизы классъ былъ дождь старинный,
 Однообразный видъ полей,
 Сосѣди, вѣсти, садъ пустынный;
 И молодость слетѣла къ ней
 Безъ тѣхъ живыхъ впечатлѣній,
 Какія току всѣхъ движеній
 Души развитіе даютъ;
 Хозяйство, хлопотливый трудъ
 Вошли въ привычку; воспитанье
 Не прихотливое у ней,
 И толкъ, подчасъ кривой, гостей
 Не оскорблять ей познаній,
 И даже икъ крикливый тонъ
 Не сталъ казаться ей смѣшенъ.

Она привыкла. Божь сивилья,
 Вы это знаете давно,
 Привычка зло, она жь спасенье:
 Въ ней счастье нашъ сбережено.
 Не осудите жь слишкомъ строго,
 Когда и Лизу понемногу
 Злой впечатлѣнія недугъ
 Схватилъ, и на своихъ подругъ,
 На барышенъ помѣщиць стала
 Она похожа; тотъ же складъ,
 И тѣже рѣчи и нарядъ,
 Тольк о быломъ и небываломъ,
 И все, чѣмъ братъ былъ пораженъ,
 Въ тотъ день, когда привчалъ онъ.

Но былъ ли правъ онъ, осуждая
 Все, что не полюбилось въ ней?
 Душа, какъ травка молодая,
 И дождь и жаръ дневныхъ лучей
 Принять готовая привычно,
 Предъ всеми клонилась безотвѣтно;
 Никто въ нее не заронилъ
 Живящей мысли, юныхъ силъ,
 Никто не назвалъ назначенья,
 Никто дѣтя не поберегъ,
 Сказавъ, что странность есть пороки;
 Никто примѣромъ изученья
 Не сталъ предъ ней, чтобъ показать,
 Какъ говорить ей, какъ молчать....

И эти тысячи бездѣлокъ
 Поставилъ братъ вѣномъ ей.
 Увы! не больше ли былъ мелочей,
 Судья премудрый мелочей!
 Своєю скупой волнчавой
 Закутавшись, хотѣлъ въ забаву,
 Хотябъ изъ жалости взглянулъ
 На ту, что гордо оттолкнулъ!
 Она смирилась и въ печали

Тиха, безмолвна, подь окномъ
 Сидѣла цѣлый день съ шитьемъ...
 Но вы довольно лоскучали,
 Читатель мой; пора для васъ
 Разборъ оставить. — За рассказъ! —

V.

Ноябрь. Снѣгъ, вьюга, непогода;
 Заснула рѣчка въ берегахъ,
 И затворились на полгода
 Окошки въ низенькихъ домахъ.
 Затихло бѣдное селенье,
 Въ поляхъ ни звука, ни движенья;
 Надъ степью бѣлою виситъ
 Сѣдое небо; лѣсъ лежитъ
 Вдали туманной полосой;
 Все блѣдно, только надъ селомъ
 Чернѣетъ дымъ густымъ пятномъ,
 Да галки вьются, да порою
 Раздастся глухо въ тишинѣ
 Стукъ цѣпа гдѣ-то на гумнѣ.

Душа, какъ тѣло, просить крова;
 Она печальна и больна,
 Живую мысль, живое слово
 Въ томленьи ждетъ, зоветъ она.
 Не свѣтъ затѣйливый и шумный —
 Покой ей нуженъ, другъ разумный,
 Чтобъ въ ней сознание разбудилъ
 И снова къ жизни воскресилъ
 Ея минувшее; ей нужно
 Хоть руки праздныя занять,
 Чтобы не плакать, не роптать,
 Когда безплодно часъ досужный
 Пройдетъ.... Тоскующая грудь
 Заботы ищетъ въ чемъ-нибудь....

Но день отъ утра до объѣда
 Чредой безсмыслиною идетъ ;
 Окончивъ съ старостой бесѣду,
 Вчерашній просмотрѣвъ расходъ,
 И счеты спрятавъ, остается
 Смотрѣть изъ оконъ, какъ несется
 Клубами бѣлыми италь,
 И гдѣнить словно канитель
 На столбъ забора; какъ къ избушкамъ
 Пролетъ лаптей нескладный слѣдъ,
 А смотришь, и его ужъ нѣтъ....
 И прошивѣвъ, часы съ кукушкой
 Доложатъ, что на часъ одинъ
 Вамъ ближе стало до сѣдня.

Пожалуй, есть и сокращенье,
 Когда и такъ вамъ жизнь длинна:
 Трехъ-часовое наслажденье
 Послѣобъденнаго сна....
 О сонъ, съ нимъ счастья не надо!
 Но этой умственной отрады
 Мой Николай не понималъ;
 Скучая, онъ часы считалъ,
 Сигары жегъ, зѣвалъ.....
 Иль въ залъ вдругъ рояль отирывъ,
 Онъ сердца ропотный порывъ
 Аккордомъ выражалъ тревожнымъ;
 И страсть и злость его игры
 Сжимали сердце у сестры.

Не расплатясь, *при всемъ желаньи,*
 Сосѣдъ ихъ въ затрудненьи былъ,
 И бабушкѣ на подержанье
 Рояль покуда предложилъ,
 Такъ, въ счетъ процентовъ. И три года
 Отъ холодовъ и непогоды,
 Гостей нетопленныхъ хорошъ,
 Рояль хранилъ старушки домъ.
 Бывало Лизанька играла,

И шла ей легче вchera,
 Но эта дѣтская игра
 У брата норы волновала, —
 И такъ, не лучше ли отстать,
 Чѣмъ къ скукѣ скуку прибавлять?...

Но бѣдное дѣла скучало,
 Скучало больше можетъ-быть,
 Чѣмъ тотъ, кому она желала
 Часы унынья сократить.
 О мнѣхъ сосѣди позабыли,
 Не только люди, не входили
 Людскія вѣсти въ старый домъ,
 Какъ замокъ запертый кругомъ.
 Гдѣ для веселости обычной
 Предметъ, какъ прежде, отыскать?
 Притомъ, сѣяться и болтать
 Казалось Лизѣ неприлично,
 Когда нахмурился братъ сидѣль,
 Уставъ отъ скуки, какъ отъ дѣль.

Съ какою-то страхомъ и почтеньемъ
 Взглядъ брата Лиза стерегла,
 Къ его рѣчанъ, въ тоскѣ, въ смущеньи,
 Она привинуть не могла;
 Она какъ будто изъяснилась
 Всегда предъ нимъ, и ей казалось,
 Что выше оныхъ другихъ людей,
 Что рассуждать не должно ей
 Предъ нимъ, а покорясь, въ молчаньи
 Свои понятія скрывать,
 Чтобы его не возмущать
 Своими докучливыми незнаньемъ;
 Несносны для такой души
 Сужденья, взрослѣ въ глуши.

Кликая почти съ благоговѣньемъ
 Предъ непомятой ей тоской,

Она старалась развлеченье
 Найти душѣ его большой.
 Такъ въ вечерь, вымогъ богатый,
 Она вошла тихонько къ брату,
 Неся съ великимъ торжествомъ,
 Великимъ добытой трудомъ
 Изъ библіотеки сосѣда,
 Какой-то толстый нашъ журналъ.
 Отвѣтъ былъ: « Это я читалъ. »
 Къ оберткѣ, ужъ лишенной цѣта,
 Братъ прикоснуться не дерзнулъ
 И въ оглавленье не взглянулъ.

Ей стало совѣстно чего-то,
 И цѣлый вечеръ у стола,
 Прилежно сѣдя за работой,
 Она молчала и ждала,
 Почти съ тревогой, содроганьемъ,
 Что братъ хоть малое вниманье
 Окажетъ книгѣ, нль ее
 Хоть поцѣлуетъ за нее.
 Прощаясь, съ тайною досадою
 Журналъ взяла съ собою она.
 И долго плакала одна.
 Горѣла яркая лампада,
 Вдали протажно вѣтеръ вылъ
 И что-то совѣ не приходилъ.

Уставъ отъ слезъ, журналъ забытый
 Она разсѣянно взяла,
 Имелъ десятокъ знаменитыхъ
 Еще разсѣянный прочла,
 Раскрыла книгу въ половинѣ,
 И незнакомые донинѣ
 Ей повстрѣчались слова.
 У ней горѣла голова;
 Вліянье ночи и печали
 Понятливость развили въ ней,
 Строкамъ восторженныхъ рѣчей

Истинная словесность.

Жизнь, убежденье придавали,
И повизной увлечена,
Вся чтецью отдалась она.

Она ступила въ кругъ мечтаній,
Какъ въ новый миръ, какъ въ чудный путь;
Еще недавнее рыданье
Ей робко волновало грудь,
Еще увлажнены слезами
Глаза слѣдили за строками,
Но смыслъ, но жаръ тѣхъ строкъ простыхъ
Ей въ сердце сладостно проникъ
И овладѣлъ имъ тайной властью.
Ей стало страшно и легко;
Душа летела далеко,
Полна тревоги, нѣги, счастья,
Сознанья жизни, воли, силъ....
И вздохъ ей сердце облегчилъ...

Друзья, припомните мгновенья,
Когда читали вы тайкомъ
Романъ вашъ первый. Наслажденье,
Восторги, слезы! Какъ потомъ
Искали жизни вы, тоскуя,
И въ вашу душу молодую
Желанье первое вошло,
Какъ въ ней сознанье возросло,
Какъ ваши очи просвѣтлѣли,
Какъ стали вы въ толпѣ людей
Считать своихъ враговъ, друзей,
Какъ вы бѣжать отъ всѣхъ хотѣли,
Какъ вашъ обыкновенный кругъ
Вамъ сталъ несносенъ, скученъ вдругъ.

Припомните, какъ зло и благо
Раздѣльны показались вамъ,
Какъ вы готовились съ отвагой
На подвигъ жизни, по мечтамъ —
Такъ обольстительный, прелестный,

И как предѣлы книги тѣсны
 Вамъ стали, и вѣчной порой
 Романъ вы создавали свой,
 Томясь бессонницей тревожной;
 И онъ вамъ дорогъ былъ и милъ,
 И умъ досадный не твердилъ,
 Что бесполезно и не должно,
 Что жизнь придется вамъ опять
 Съ утра какъ прежде продолжать;

Припомните, какъ вамъ казалось
 Нежданно утро... Всталъ народъ...
 О какъ печально сердце сжалось
 При мысли: день—и тьма заботъ!
 Вы съ наслажденіемъ лѣнились;
 Но время шло. Вы примирились
 Съ житейской разной суетой,
 Не стали мучиться душой
 Отъ вѣшняго; пошли въ порядокъ
 Занятя ваши; въ тишинѣ
 Еще мечтали вы однѣ
 И даже плакали украдкой,
 Но больше милый идеалъ
 Шитью, хозяйству не мѣшалъ.

Потомъ... Но я въ воспоминаньи
 На полпути остановлюсь;
 Года покоя, доцвѣтанья,
 Напоминать я вамъ боюсь.
 Когда отъ пламенной страницы
 Вы, оторвавшись, о пшеницѣ
 Могли спокойно толковать,
 Когда могли вы засыпать
 Не освѣтивъ мечтой единой
 Вашъ день, когда мечты другихъ
 Вы осуждали, каждый мигъ
 Любуясь сытною картиной
 Стеней, гдѣ суждено вамъ жить,
 Тѣ годы... Лучше ихъ забыть!...

Свѣтло утро золотое
 Сквозь ставни. Лизы долгій сонъ,
 Сонъ наслаждался и неоя,
 Былъ крѣпокъ, свѣжъ, неоскуменъ.
 Дитя себя вознаграждало
 За ночь. Она тихонько встала;
 Но встала легче, веселѣй,
 Какъ-будто дѣнь смотрѣлъ свѣтлѣй;
 Она не брѣслась тревожно
 За чтенъе милое оиать,
 Но стала тихо ожидать
 Когда найдется часъ возможный
 Уйти къ себѣ. Весь дѣнь она
 Была не такъ грустна, смутна.

Къ ней дама будто возвратилась
 Веселье лѣтское; порой
 Въ ней сердце падало и билось,
 Въ жѣнахъ горѣлъ огонь живой;
 Она вдыхала, такъ, случайно,
 То улыбалась мысли тайной.
 Въ глазахъ мелькали предъ ней
 Толпы невѣдомыхъ гостей
 И докъ безмолвный наполняли,
 О жизни чудной рѣчь вели,
 И позабытыи ушли
 Досады, слезы и печали;
 Тревога, ропотъ вѣржнихъ думъ
 Слились какъ-будто дальній шумъ...

Предъ ней туманы, сны и тѣни,
 И счастье радугой легло
 Вдали... Но что ея видѣнья
 Внезапно возмутить могло?
 Взглядъ брата. Непонятный холодъ
 Повѣялъ вдругъ. Но братъ такъ молодъ,
 Такъ добръ, что не осудить онъ
 Ея безгрѣшный, сладкій сонъ...
 Затѣмъ-же грустно и упорно

Она улыбку прогнала
 И клятву въѣкъ молчать дала;
 Зачѣмъ ей сердце страхъ уперный
 Схватить, и злобно умъ сказыль:
 «Чтобъ этихъ вадоровъ брать не зналъ...»

А видѣлъ Богъ, она любила,
 Любила брата, но предъ нимъ
 Ей было страшно, стыдно было
 Съ умомъ ребяческимъ своимъ,
 Съ своимъ полуобразованьемъ....
 Такъ дни пошла. Ея молчанья
 И не замѣтилъ Николай;
 Нашелъ онъ, правда, невзначай,
 Однажды подъ ея работой
 Какой-то томъ, хотѣлъ спросить
 О мнѣньи, что-то обсудить,
 Сказать, да вдругъ прошла охота,
 И этотъ случай, хоть пустой,
 Лишь больше ихъ развелъ съ сестрой.

Зачѣмъ они срывались оба?
 Что души разлучало ихъ?
 Такъ молча разлучаетъ злоба
 Враговъ упрямыхъ или чужихъ.
 А тутъ, — два юныя созданья, —
 Ихъ силы, мысли и желанья,
 Мечты, надежды, все одно,
 Но все лежитъ затаено,
 И ждетъ, — чего?... Она за слово
 Охотно душу отдала-бъ;
 Предубѣжденья скучный рабъ,
 Сто разъ онъ уходилъ, готовый
 Сказать то слово, и молчалъ,
 И даже Лизу обвинялъ...

Прошла зима. Снѣга бѣжали
 Ручьями мутными; вдали

Какъ полосы блестящей стали
 Двѣ рѣчки весело легли,
 Лѣса, темнѣя, одѣвались,
 Поля подѣ озимью скрывались,
 Все оживало. Мой герой
 Вѣжалъ гулять вдвоемъ съ сестрой;
 Самъ права тряскою телегой
 Межъ зеленѣющихъ холмовъ;
 И холодъ вешнихъ вечеровъ
 Съ какой-то радостною нѣгой
 Его подѣ кровлю призывалъ,
 Въ тепло, гдѣ чай давно ужъ ждалъ.

Разъ вечеромъ, они сидѣли
 Въ молчаньи. Вспомнивъ про зиму,
 Припомнивъ дни, что улетѣли,
 Сгрустнулся Николай. Къ нему
 Съ докладомъ староста явился,
 Что, вотъ, вчера остановился
 Какой-то баринъ у него,
 Проѣзжій, — да рѣка, того,
 Что часъ, то больше прибываетъ,
 Проѣзда нѣтъ, а баринъ въ ночь
 Изволилъ очень занемочь;
 Такъ какъ тутъ быть? А онъ не знаетъ...
 Изба, какъ водится, тѣсна,
 Да и сыра, — на то весна.

— Одинъ онъ? — Да, одинъ. — Въ каретѣ?
 — Въ повозкѣ. — Лиза, ангелъ мой,
 Займись покуда, въ кабинетъ,
 Вели развести огонь. Больной, —
 Въ избѣ нельзя ему остаться;
 Я попрошу его добратъ
 Хоть какъ-нибудь сейчасъ къ намъ въ домъ,
 А завтра къ доктору пошлемъ...
 Проѣхать можетъ-ли нарочный
 Верхомъ? — Верхомъ-то ничего.
 — Пойдемъ-же... Какъ зовутъ его?

— Григорій Александрычъ... точно, —
 Ну, вотъ, а прозвище забылъ, —
 Дорогой староста твердилъ.

Давно неслышное движеніе
 Старинный оживило домъ.
 Съ волненіемъ тайнымъ и въ смущеніи
 Справлялась Лиза о больномъ.
 — Хорошъ и молодъ, ей сказали....
 Два эти слова ей придали
 Заботы много и тревогъ.
 — «Онъ молодъ, болѣнъ, одинокъ...
 Пусть въ домъ томъ, куда судьбою
 Нечаянно заброшенъ онъ,
 Отъ безпокойства огражденъ
 Онъ будетъ доброю сестрою,
 Хоть незнакомою... Такъ что-жь!
 Въдъ дружбу не вездѣ найдешь»

Порой, какъ день весенній долго
 Тянулася, съ книгою въ рукѣ
 Она бродила по дорогамъ
 Въ своемъ старинномъ цвѣтникѣ;
 Но чтенье милое забыто.
 Она глядитъ — окно закрыто.
 И солнце въ ставень вырѣзной
 Бросаетъ лучъ свой золотой...
 Онъ тамъ; — съ нимъ братъ. Вотъ двѣ недѣли,
 Какъ онъ подъ кровлей ихъ живетъ....
 Увидеть, — и опять пойдетъ
 Жизньъ безъ стремленій и безъ цѣли....
 Когда бы Богъ скорѣе далъ,
 Чтобъ онъ, оправясь, вышелъ въ залъ!...

Она спросила Николая:
 Получше-ль гостю? — Ничего,
 Прошло, лишь слабость небольшая.
 Пожалуста, прими его
 Ловчѣе, просто, безъ смущенія,

Жеманства, знаков удивленья,
 Идиллій вѣжныхъ, книжныхъ фразъ, —
 Все это странно въ первый разъ,
 А въ томъ, кто свѣтомъ избалованъ,
 Навѣрное возбудитъ смѣхъ;
 Айдаровъ свѣтскій человекъ,
 И очень много образованъ.
 Да, кстати, чтобъ не напугать
 Его, не воздушной угощать.»

Она молчала; поученье
 Не кстати показалось ей,
 И недовольство и сомнѣнье
 Лишь стали глубже и грустнѣй.
 Разъ, за шитьемъ, съ утра одѣта,
 Она ждала. Изъ кабинета
 Дверь отворилась, гость вошелъ;
 Онъ взглядомъ комнату обвелъ
 И поклонился. — Впечатлѣнья:
 Лобъ блѣдный въ черныхъ волосахъ,
 Усталость томная въ глазахъ
 И стройность каждаго движенья....
 Она хотѣла говорить...
 — «Я долженъ васъ благодарить,

Онъ началъ, — «такъ добры вы были,
 Роднымъ вы приняли меня,
 И попеченьемъ окружили;
 Я не здоровья ждалъ, но дня,
 Когда приду сказать, какъ много
 Я вамъ обязанъ....» Брата строгій
 Советъ советамъ напрасно былъ:
 Взглядъ гостя Лизу не смутилъ,
 Хоть сердце, вадрогнувъ, въ ней упало
 И щеки вспыхнули живѣй,
 Когда онъ руку подалъ ей.
 Она съ улыбкой отвѣчала:
 — «А вы за то въ веселый часъ
 Приятно вспомните объ насъ.»

И въ вечеръ тутъ молчанье дома
 Бесѣдой прервалось живою.
 Айдаровъ, съ братомъ ужь знакомый,
 Теперь знакомился съ сестрой;
 Свои забавивши вниманья
 Онъ понялъ, что очарованья
 Для ней не можетъ быть въ одиночѣ
 Разказахъ свѣтскихъ и пустыхъ,
 Что будутъ скучны, непонятны
 Для сельской дѣвочки они,
 Или мирные взволнуютъ дни
 Желаньемъ, — чувствомъ неприятнымъ,
 Когда несбыточно оно,
 Или неведомъ стѣснено.

Онъ сообщалъ ей наблюденья
 Свои о людяхъ, о вещахъ,
 Судилъ и вызывалъ сужденья,
 И Лизу не тревожилъ страхъ,
 Какой неспытывать случалось,
 Когда бесѣда намъ казалось
 Темъ классомъ, гдѣ предметъ тревогъ,
 Урокъ толкуетъ педагогъ.
 Айдаровъ говорилъ свободно;
 Мысль каждая излагалъ въ немъ
 Согрева внутреннии огнемъ,
 Прошита чувствомъ благороднымъ,
 Полна любви, ясна, чиста
 И отъ избытка влѣта;

И жизнь цѣнилъ онъ, вдохновляясь
 Стремленьемъ къ высшему добру;
 Порою, шуткой развлекаясь,
 Сравнивалъ онъ Лизу, какъ сестру.
 И это скорое сближенье
 Ея уму дало движенье;
 Въ ней вновь веселость ожила.
 Разза, доверчива, мила,
 Порою свѣтлымъ замѣчалась

Она давала видъ иной
 Сужденьямъ гостя.... И сестрой
 Братъ любовался; онъ познаній
 Не зналъ въ ней, не предполагалъ....
 Иль былъ онъ слѣпъ, что не видалъ?..

Онъ думалъ съ тайною досадою:
 — «Вотъ годъ, какъ бѣдное дитя
 Нашло себѣ одну отраду:
 Учиться, съ горя, не шутя;
 Кто виноватъ? Унынье, скука,
 Съ людьми насильная разлука....»
 Но Николай не обвинялъ
 Себя, въ себѣ онъ не видалъ
 Начальной, горестной причины
 Унынья; и не думалъ братъ,
 Что скукой утомленный взглядъ,
 И недовольство, и морщины
 На лбу, — печальнѣй, тяжелѣй
 Сестрѣ отсутствія людей.

Но эти грустные сознанья
 Въ немъ въ этотъ вечеръ не нашлись
 Къ несчастью. Крѣпко на прощанье
 Онъ и Айдаровъ обнялись.
 — «Онъ, Лиза, скоро не уйдетъ;
 Нельзя; еще во снѣ онъ бредитъ,
 Ему и воздухъ запрещенъ;
 Дороги скверныя, здѣсь онъ
 Скорѣй оправится.» — Конечно,
 Сказала Лиза. Къ ней самой
 Сонъ не слетѣлъ ночной порой,
 И въ синемъ небѣ безконечномъ
 Искала долго звѣздъ она,
 Богъ знаетъ чѣмъ утомлена....

На завтра гость опять явился;
 Казалось, съ ней онъ не скучалъ;
 Опять шутилъ, разговаривалъ,—

День непринужденно улетает,
 За нимъ другой. Она за чашку
 Сидитъ; Айдаровъ съ Николаемъ
 Споръ безконечный заведетъ,
 Ее на судъ къ себѣ зоветъ,
 Ей дѣло не шутя толкуетъ,
 И если, что скорѣй всего,
 Она поддержитъ, — торжествуетъ
 Такъ отъ души, кончая споръ,
 Что веселъ цѣлый день съ-такъ-поръ.

Узналъ онъ, что она любила,
 Чѣмъ занималась съ утра,
 Открылъ рояль, — и не смѣшила
 Ея несмѣлая игра,
 Напротивъ, тихо и съ вниманьемъ
 Свои онъ дѣлалъ замѣчанья,
 Урокъ улыбкою смягчалъ;
 Читать хотѣлось ей — читалъ
 Сто разъ знакомое съ охотой;
 Она придумывать начнетъ
 Работу, — онъ советъ даетъ,
 Хлопочетъ самъ съ ея работой,
 То вдругъ, принявъ серьезный видъ,
 Ей планъ для цвѣтника чертитъ,

То сядетъ къ пальцамъ, гдѣ послушной
 Иглою она надъ кисеей
 Узоръ выводитъ, здѣсь такъ скучно
 Бывало прежде ей одной.
 Теперь, — усталость или мечтанье
 Найдеть на нихъ, — идутъ въ молчаньи
 Минуты; эта тишина
 Его присутствія полна;
 Последний звукъ живаго слова
 Летаетъ въ комнату, лучей
 Весеннихъ дается сидѣть по ней,
 На окнахъ роза, въ вѣтвяхъ розы...

И Лизъ стоитъ взоръ поднять,
Чтобъ взоръ прекрасный повстрѣчать...

Разъ подь вечерь... случилось дѣло,
И Николай былъ принужденъ
Ухвать въ городъ... Лиза съѣла
Тихонько въ загѣ подь окномъ.
Пришелъ Айдаровъ. — «Вечеръ чудо!
Сказалъ онъ, — Знаете-ль, покуда
Вашъ братецъ не слѣдитъ за мной,—
Затѣмъ, что я блаженной больноу,
А онъ и доктора построже,
Пойдете въ садъ. Мой первый часъ
На воздухѣ мнѣ подлѣ васъ
И слаще будетъ и дороже;
А то и небо и весна
Мнѣ свѣтять только изъ окна.»

Они пошли. Букашки мило
Кружились тѣсною толпой,
За рощей солнце заходило,
И пахло въ воздухѣ смолой;
На старой яблонѣ вѣтвистой
Цвѣтокъ и бѣлый и душистый
Смотрѣлъ привѣтно съ высоты,
Забившись въ темные листья;
Въ кустѣ малиновка порхада,
Ужъ торопясь подь теплый кровъ,
И медунка изъ подь мховъ
Свой синий вѣничекъ поднимала;
Шумѣли нвы надъ ручьемъ....
Айдаровъ съ Лизой шли вдвоемъ.

Садъ былъ великъ; они бродили
Въ немъ долго, долго рѣчь вели
О томъ, какъ мысляли, какъ жили,
О снахъ, о счастья на земли,
О томъ, какъ проходили грозы;
И горе, радостныя слезы

И дѣтство вспоминая, — не разъ
 Привычка въ общиѣ удивляе;
 И Лиза съ сладкою печалью
 Будила память прежнихъ дней
 Въ груди встревоженной своей.
 Потомъ вдругъ оба замолчали,
 И на скамейку подъ сирень
 Присѣли. Ужъ смеркался день.

Айдаровъ голову въ молчаньи
 На грудь печально наклонилъ;
 Въ раздумьи долгомъ, иль въ мечтаньи,
 Казалось, Лизу онъ забылъ.
 Она въ восторгъ и волненьи
 Все счастье, все благословенья
 На эту голову звала,
 Она бы жизнь свою дала
 Всю за него, она съ слезами
 Молилась жаркою мольбой....
 — «Какъ я уѣду, Боже мой!
 Сказалъ онъ: „какъ разстанусь съ вами!
 О, вы забудете меня!
 Все ближе срокъ день ото дня....

— «Послушайте; еще не зная
 Васъ, съ вами былъ ужъ я знакомя;
 Судьба, иль добрая иль злая,
 Меня забросила къ вамъ въ домъ....
 То, что другіе называли
 Распоряженьемъ, я, едва ли
 Владѣвшій памятью, — святой
 Заботой звалъ и добротей....
 Я зналъ, что вы меня хранили,
 Созданье выше всѣхъ людей!...
 Средь шопота чужихъ рѣчей,
 Средь звуковъ, что меня будили,
 Умѣлъ я шорохъ отличить....
 Вы были близко можетъ-быть....

— «Вы скажете: воображенье!
 Пусть такъ; я даже буду радъ....
 Простите мнѣ мое волненье,
 Простите все, я виновать!...
 Такой тоски, такой печали
 Вы не узнаете, не знали...
 Однажды высказавъ ее,
 Пусть сердце бѣдное мое
 Замереть, затихнетъ недвижимо;
 То, что его теперь томить
 Не тронетъ васъ, не поразитъ:
 Вы такъ прекрасны, вы любимы
 Не первый, не послѣдній разъ...
 Пускай счастливцевъ любить васъ!...

— «Я завтра ѣду... На прощанье
 Какъ брату дайте руку мнѣ;
 На жизнь безъ счастья, упованья
 Благословите въ тишинѣ...
 Прощайте! не судите строго!
 Есть много счастья у Бога,
 Пусть Онъ вамъ лучшее пошлетъ...»
 Онъ взялъ холодную какъ ледъ
 Ея младенческую руку....
 — «Нѣтъ, нѣтъ, промолвила она,
 Оставайтесь здѣсь!...» И смущена,
 Въ волненьи радости и муки,
 Не смираясь другомъ
 Поспѣшно побѣжала въ домъ....

II.

ЦЫГАНКА.

ПОВѢСТЬ И. С. ЮРЬЕВОЙ.

I.

Быль полдень. Солнце высоко стояло на голубомъ небѣ, и любовься на пышно разубранную зеленью и цвѣтами землю, осыпало ее пламенными лучами. Деревья не колыхнулись, цвѣты, съ какой-то нѣжной истокою, преклонили свои душистыя головки; надъ лугами сверкали разноцвѣтныя мухи и бабочки, и только ручей, дробясь о мелкіе камни прибрежья и пробираясь между кустарниками, тихо журча, нарушалъ всеобщее безмолвіе, да изрѣдка лѣнивый лай собаки давалъ знать, что не далеко есть жильє.

Въ сторонѣ, у опушки большого лѣса, пріютились подъ тѣнью стараго калиника, бѣгались палатки и шатры, неправильно разбросанныя, на довольно значительномъ пространствѣ. То былъ привалъ недавно прикочевавшаго цыганскаго табора. Впрочемъ, кромѣ лѣниваго лая собаки, въ таборѣ неслышно было никакого движенія; въ немъ было такъ же тихо, какъ и во всей окрестности. Но вотъ, въ кустахъ, которые завистливо прикрывали берега ручья, раздался звойкій

дѣтскій смѣхъ, онъ вхомя прокатился по свѣтлымъ струйкамъ и весело отозвался вдали. Въ кустахъ показалась дѣвочка, лѣтъ семи. Неопрятность и бѣдность одежды не могли скрыть необыкновенной правильности и красоты ребенка; черные, блестящіе волосы въ беспорядкѣ припадали вокругъ лица, полного движенія и выразительности. Глаза, какъ два горящіе уголька, живо бѣгали во все стороны, и несмотря на младенческой возрастъ дѣвочки, выражали умъ и нѣгу. Движенія ея были рѣзки, но въ нихъ проглядывала какая-то особенная грація, подобная той, которая видна въ тигренкѣ. Дѣвочка держала въ рукахъ букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и хохотала отъ души. За нею слѣдовалъ мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, крѣпко сложенный и смуглый, типъ цыганскихъ дѣтей. Онъ былъ весь мокрый, какъ будто только что вышелъ изъ воды, и несъ въ рукахъ водяную лейку.

— Вишь ты, говорилъ онъ, смотря на дѣвочку, какая злая! еще смѣешься.

— Ахъ, Вася, отвѣчала она, помирая со смѣху, да вѣдь ты такъ уморительно свалился въ воду. Погляди-ка, рубашка на тебѣ словно примерзла, а волосы, какъ облизанные! Ха, ха, ха! и дѣтскій смѣхъ ея звонко заливался по лѣсу.

— А все ты, продолжалъ мальчикъ, нахмурился: полѣзла сама за этимъ сквернымъ цвѣткомъ; но, кабы ты свалилась въ воду?

— Чтожъ? была бы такая же мокрая ворона, какъ ты! отвѣчала маленькая шалуныя.

— Да, — а дома-то? Небось, не засмѣялась бы.

— Дома, отвѣчало дитя, переставъ смѣяться: дома меня прибли- бы, Вася, и взглянувъ печально на своего мокраго товарища, она прибавила: да вѣдь и тебѣ даромъ не пройдетъ, Вася.

— Пусть прибьютъ, сказалъ мальчикъ неустрашимо: я не ты, я побольше тебя, мнѣ не такъ больно; но вдругъ малютка поблѣдѣлъ, и съ ужасомъ оглянувшись вокругъ, почти вскрикнулъ: А лошадь, гдѣ же моя лошадь?

— Лошадь, перебила дѣвочка, ну гдѣ, вѣрно ушла въ табутъ. Побѣжимъ за нею!

И дѣти кинулись бѣжать къ блѣвшимся вдали шатрамъ.

Таборъ былъ почти пустъ. Молодые цыгане и цыганки еще съ утра отправились въ ближній городокъ: — мужчины — барышничать лошадьми, а женщины — промышлять ворожбою. Предсказывая другимъ счастье, богатство и ласку милыхъ, онѣ навѣрное угадывали для себя хорошую плату а между-тѣмъ зазывали гостей въ свое временное пристанище, послушать гѣсенъ, поглядѣть пляску.

Въ таборѣ оставались только однѣ старухи, которыхъ дряхлость дѣлала не совсемъ пригодными къ хитрымъ уловкамъ, а безобразіе, свойственное всемъ восточнымъ женщинамъ подѣ старость, вселяло какую-то неприязнь къ ихъ племени, да пьяный цыганъ, который, завидя дѣтей издали, шатаясь и ворча, шелъ къ нимъ навстрѣчу. При видѣ пьянаго цыгана, мальчикъ поблѣднѣлъ и какъ прикованный остановился на мѣстѣ: «Ахъ, Маша, взгляни-ка, дядя, дядя идетъ!»

— Гдѣ лошадь, кричалъ цыганъ, а? гдѣ лошадь?

— Она тамъ, дядя! отвѣчала, заикаясь и дрожа, мальчикъ.

— Тамъ, разбойникъ, тамъ, мошенникъ! а гдѣ тамъ? заревѣлъ цыганъ. Развѣ я тебѣ такъ велѣлъ ее беречь. А, да ты опять съ этой черномазой: вотъ я васъ разлучу. И замѣтя мокрую одежду мальчика, онъ грозно спросилъ: Гдѣ это ты, безалазная башка, выкупался?

— Это онъ мнѣ, дядя, цвѣтокъ доставалъ, смѣло отвѣчала дѣвочка, какъ бы желая взять вину на себя.

— Цвѣтокъ! закричалъ цыганъ, а вотъ погоди же, я тебѣ покажу и ягодка! И поднявъ коротенькую нагайку, бывшую у него въ рукахъ, онъ замахнулся на дѣвочку, но мальчикъ въ ту же минуту заслонилъ ее собою, и принявъ ударъ, назначенный бѣдняжкѣ. Ударъ всею тяжестію руки охмѣлѣвшаго и озлобленнаго цыгана упалъ на лицо ребенка. Облитый кровію, мальчикъ со стономъ повалился на землю. На крикъ дѣвочки, съ ужасомъ бѣжавшей отъ страшнаго своего гонителя, изъ-подъ телегъ выскочили старыя мегеры, которыя тамъ спали въ ожиданіи возврата своихъ, и съ бранью кинулись на пьяницу: Ахъ батюшки! ахъ, разбойникъ! суностать! убилъ, право, никакъ убилъ мальчишку!

— А туда ему и дорога! Вишь упустилъ лошадь, что вчера привели. Она стоить не копѣйку, да не дешево и досталась, а онъ, пострѣлъ его возьми, упустилъ! говорилъ цыганъ, едва ли понимая, что дѣлаетъ.

— Ну, а кабы ты убилъ его, пьяная утроба, честили его старухи: тогда бы что было? Вѣдь погубилъ бы насъ всехъ, безмозглый затылокъ!

Но тотъ, къ кому относились эти слова, не слышалъ уже ихъ, онъ по прежнему, шатаясь, ходилъ между телегъ, завѣшенныхъ цыновками, и ругалъ ребятнишекъ, черныя головенки которыхъ высывались по временамъ промежъ колесъ, и тотчасъ прятались при видѣ сердитаго дяди.

Бѣднаго мальчика старухи подняли и отнесли въ дыравый шалашъ, завѣшенный платками и кускомъ ветхой парусины. Затѣмъ въ таборѣ

попрежнему все утихло, кромѣ пьянаго старика, голосъ котораго еще долго раздавался и наводилъ страхъ ни молунагихъ цыганать.

Но вотъ солнце стало собираться на покой, лучи его уже не пали землю; въ воздухѣ дохнуло прохладою, все ожило и заблагоухало, и вѣтерокъ, какъ шалуноу мальчишка, запорхалъ по лѣсу, торжественнѣе на деревьяхъ и кустахъ. Таборъ оживъ. Огни запылали, ванили распахнулись, цыгане возвратились съ барышомъ и добычею; цыганки съ надеждою на добычу.

Въ таборъ обѣщали быть гости. Гитары строились, цыганки радлись въ разноцвѣтное тряпье и жадный взоръ старухъ нетерпѣливо устремлялся на дорогу, ведущую къ городу. Еще черноокія пѣвуньи глядѣлись въ чанъ съ водою, вмѣсто зеркала, еще вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ кокетливо примѣрялись на головахъ и тонули въ пышныхъ кудряхъ, какъ звонкіе крики: «ѣдутъ! ѣдутъ!» — возвѣстили прибытіе веселыхъ посѣтителей. Отрывистые привѣты полетѣли съ обѣихъ сторонъ, вино запѣнилось и пиръ закипѣлъ.

Зазвучили гитары и бубны, вторя плудикому хору, и пѣсни, одна другой живѣе, одна другой неистовѣе, далеко носились по волю и отпалкались по лѣсу, гдѣ соловей, приютясь на зеленой вѣткѣ клена, запѣлъ было свой прощальный гимнъ прекрасному дню.

Таборъ пировалъ. Много пѣсенъ уже прогремѣло, модныя цыганки по нѣскольку разъ уступили другъ другу мѣсто въ огненной пляскѣ, въ угоду щедрымъ гостямъ, которые вмѣсто кошальковъ съ мелочью принялись уже за бумажники. Солнышко давно закатилось за лѣсъ, на синемъ небѣ стояла полная луна, обливая матовымъ свѣтомъ окрестность, а гости все еще ликовали! Да и вельзя было не погулять подольше: цыгане на другой день собирались перекочевать.

И такъ, передъ шатромъ старосты шелъ пиръ горой: котлы кипѣли, вино пѣнилось, деньги сыпались, и цыгане пѣли и плясали. Въ это время маленькая дѣвочка, тихо пробиралась между телегъ, со страхомъ озираясь во все стороны. Подойдя къ самой крайней телегѣ, взъ-подъ которой слышались едва вытнныя стоны, она остановилась и шопотомъ сказала:

— Вася, а Вася! что-же ты неидешь къ гостямъ? тамъ говядину варятъ.

— Охъ, Маша, больно, больно! послышался голосъ.

— Что? дядя пришибъ?

— Да, больно! Пить хочется.

— Экой ты глупый, Вася! отвѣчала дѣвочка: да ты бы вниклся, до рѣчки далеко-ль!

— Не могу встать, простоналъ мальчикъ, не вижу, куда идти.

— Али ты ослѣпъ, что не видишь? спросила дѣвочка, и потомъ грустно прибавила: Нѣтъ, Вася, больше не поидемъ за цѣтми, види ты, дядя какой злой, знай все арапникомъ! Пстой-же, Вася, я тебѣ дитъ напѣться,

Съ этими словами она откинула грязную холстинку, которая служила лверью. Луна полнымъ ликомъ въ этомъ мигѣ заглянула въ шатеръ. Мальчикъ съ трудомъ приподнялъ голову съ сырой земли. Дѣвочка, которая подошла было къ нему, съ ужасомъ взвизгнула и отскочила.

— Ахъ, Вася, говорила она, закрывая глазки, какой ты страшный! Какъ больно! — о, этотъ злой дядя!

Обезображенный ребенокъ снова упалъ на землю. Страшный, несообразный ударъ переломилъ ему переносье, и запухнушіе отъ прилива крови глаза его не могли открыться. Онъ дышалъ жарко; жажда его томилъ, боль вырывала стоны, а между-тѣмъ таборъ пировалъ, говоръ и смѣхъ далеко раздавались по долинтѣ. Наконецъ на горизонтѣ блеснула свѣтлая полоска, лазурь неба превращалась въ яхонтъ, новый день пророспался... Бѣдная дѣвочка все еще сидѣла у шатра и плакала.

На утро таборъ перекочевалъ.

II.

Въ маленькомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ каждый житель знаетъ поголовно все населеніе, и гдѣ дѣла сосѣдей извѣстны ему лучше собственныхъ, гдѣ, наконецъ жизнь просыпается вмѣстѣ съ солнцемъ и вмѣстѣ съ нимъ же засыпаетъ, — на единственной парадной улицѣ, стоялъ небольшой сѣренькій домикъ, ничѣмъ неотличавшійся отъ многихъ другихъ сѣренькихъ домиковъ, потому-что въ городкѣ, нами описываемомъ, цвѣтъ этотъ былъ, повиданному, въ модѣ. Такъ-же, какъ и у другихъ домиковъ, три окна его смотрѣли на улицу, на крышѣ его, точно такъ-же, какъ и на нѣкоторыхъ сосѣднихъ, свободно росла ковыль, между которой колебалась тоненькая вѣтка березки, какимъ-то чудомъ завесенная въ щелчину. Сѣренькій домикъ, какъ-будто кокетничая своимъ головнымъ уборомъ, склонился немножко на сторону. Не смотря однакожъ на то, что домикъ не отличался ничѣмъ отъ другихъ домовъ, онъ въ-продолженіе двухъ или трехъ недѣль возбуждалъ всеобщее любопытство жителей уѣзднаго городка. Каждый день нѣсколько усердныхъ кумушекъ непрерывно спѣшили заглянуть въ его

ворота, подслушать слово, поддѣлать какое нибудь движеніе, хотя каждый день онѣ слышали и видѣли одно и тоже. Видѣли онѣ—больного человѣка, мужчину, лѣтъ тридцати пяти, худого, истомленного, котораго всегда заботливо подводилъ къ окну другой человѣкъ, лѣтъ подь пятьдесятъ, и усаживалъ въ кресла; слышали онѣ—беззаботную болтовню и дѣтскій смѣхъ бѣгающаго по двору мальчика, лѣтъ семи или восьми, на которомъ грустно и тоскливо останавливался взоръ больного. Всѣ въ городѣ, кому знать надлежало, знали, что больной человѣкъ былъ прѣзжій или проѣзжій, котораго недугъ заставилъ остановиться на пол-пути, а безпокойство на постояломъ дворѣ принудило на время взять комнатку у хозяйки сѣренькаго домика. Отъ ребенка узнали, что больной его папа, что онѣ ѣдетъ къ богатому дядѣ, что у мальчика недавно умерла мать, и что съ-тѣхъ-поръ отецъ его все боленъ; что старика зовутъ Фокой, и что онѣ ихъ слуга. Чего бы, кажется, еще больше для любопытныхъ? Такъ вѣтъ, кумушки каждый день посѣщали сѣренькій домикъ, хотя на дворѣ ужъ не бѣгалъ веселенькій мальчикъ, а окно, у котораго сидѣлъ больной, было постоянно закрыто ставнями. Матроны ломали себѣ головы, прибирали причины, слагали розсказы, какъ вдругъ, разъ подь вечеръ, окно неожиданно раскрылось и снова привлекло толпу любопытныхъ. Сквозь это окно увидѣли въ углу, подь образами, простой деревянный столъ, на немъ непробудно спалъ больной, а возлѣ него, грустно подперши головку, сидѣлъ за нѣсколько дней веселенькій мальчикъ, да въ головахъ усопшаго тихо читалъ псалтирь старикъ слуга. Часовъ въ десять вечера, когда жители маленькаго городка давно уже предавались покою, въ ворота сѣренькаго домика постучались двѣ старушки. Молча прошли онѣ небольшой дворъ, и войдя въ сѣни, осторожно отворили дверь въ комнату, которую освѣщала только одна тонкая восковая свѣчка, горѣвшая въ изголовьи умершаго, и блѣдно освѣщавшая строго-позбожное лицо Фоки, который читалъ молитвы объ успокоеніи души своего барина.

При неожиданномъ скрипѣ двери, Фока невольно вздрогнулъ, и быстро обратясь, сказала: кто здѣсь? чего надо?

— Да вотъ, голубчикъ, отвѣчала одна изъ женщинъ: мы пришли посидѣть ночку надъ покойникомъ; вишь, вы здѣсь заѣзжіе, такъ стало и посидѣть—то надъ нимъ некому; пусть его душенька отдохнетъ, ей легче будетъ.

— Онъ былъ добрый человѣкъ, такъ, стало, ему и безъ того легко будетъ. Ну, а коли охота есть сидѣть, то милости просимъ.

Полумракъ, царствовавшій въ комнатѣ, тихій и однообразный голосъ старика, читающаго псалтирь, невольно наводили сонъ и утомленіе на

пришедших старухъ, тѣмъ болѣе, что всѣ ихъ старанія завести заманчивый разговоръ со старикомъ были напрасны. Оока оставался нѣмъ и строгъ. По временамъ, онъ вставалъ съ мѣста и, какъ бы по привычкѣ ухаживать за больнымъ, подходилъ къ покойнику, то поправляя подушку подъ его головою, то одергивая простыню, грустно шепча: Эхъ, батюшка баринъ!—или отходилъ въ почти темный уголокъ комнаты, гдѣ на бѣдной кровати, скорчившись, спалъ малютка. Старикъ, прикрывая его и глядя жесткою рукою по бѣлокуренькой головкѣ, со вздохомъ приговаривалъ: Бѣдный ты мой сиротинка! Господь надъ тобою! Сидѣлки старались воспользоваться этимъ временемъ, чтобы закинуть словцо, но все какъ-то разговоръ не вязался.

— А что, косатикъ, сказала одна изъ жевщицъ, видно свѣтъ покойникъ—то былъ бѣденъ?

— Бѣденъ здѣсь, что хлѣба не ѣсть, а мы христіане! отвѣчала лаконически Оока.

— А у мальчишечки-то, видно, никого не осталось? подхватила другая.

— Богъ остался! такъ же отвѣчала Оока: а этого будетъ съ него! И снова принимался за чтеніе.

Наскуча бесполезными вопросами, старухи измѣнили своему доброму намѣренію провести ночь съ усопшимъ, и еще далеко до разсвѣта отправились домой.

Оставшись одинъ, Оока еще нѣсколько времени читалъ, но постепенно голосъ его началъ прерываться, языкъ путался, глаза тупо различали буквы; нѣсколько предшествовавшихъ бессонныхъ ночей истомили старика; онъ наконецъ невольно опустился на стулъ, руки повисли; еще нѣсколько минутъ дряхлая голова печально качалась, губы лепетали невнятные слова, и потомъ все затихло въ комнатѣ; изрѣдка только трещала свѣтильня догаравшей восковой свѣчи; но и та мерцала все слабѣе, слабѣе, вотъ еще разъ вспыхнула, и вслѣдъ затѣмъ водворилась совершенная темнота. Первый лучъ восходящаго солнца упалъ на бѣлокурую головку мальчика, спокойно спавшаго вѣуглу комнаты. Младенческія черты его хорошенькаго личика, котораго беззаботность, сладкая нѣга и полу-улыбка, вызванная сновидѣніемъ, составляли странный контрастъ съ лицомъ умершаго отца, на котораго малютка былъ очень похожъ, и котораго суровой покой, искаженные черты, посинѣлыя и крѣпко сомкнутыя губы показывали, что онъ не безъ душевнаго волненія сказалъ послѣднее прости всему былому, и многое изъ земнаго бытія своего унесъ съ собою въ могилу. Но вотъ малютка пошевелилась, тоненькіе члены распрямились,

и мальчикъ потягиваясь, открылъ глаза. Приподнявшись на ручку, въ первую минуту онъ съ какою-то удивленною гадалью вокругъ себя, но потомъ, быстро привставъ, какъ бы векомня что-то, онъ почти со страхомъ закричалъ: *Оока, Оока!*

— А! что! отвѣчалъ старикъ, свавшій на стулъ, и проворно взохча, подошелъ къ мальчику: что Серженька, что ты, голубчикъ?

— Что это, Оока, папаша все еще умеръ? Когда же онъ встанетъ?

— Встанетъ, встанетъ, батюшка, придетъ время и онъ встанетъ, отвѣчалъ Оока, грустно качая головою, и потомъ прибавилъ: Вишь ты, грѣхъ какой, кинули его, батюшку одного, и я-то, дуракъ, то же заснулъ, даже и свѣчка загасла. И онъ, перекрестись, снова затеплилъ свѣчу предъ маленькимъ образомъ, и потомъ началъ одѣвать мальчика.

— Знаешь-ли что, Оока; давай готовить чай, пока папаша встанетъ, говорилъ Сержа: пойдѣмъ вмѣстѣ за булкой.

Старикъ молча погладилъ по головкѣ ребенка и сказалъ: «Помолись Богу, Серженька;—и поставя его на полъ, продолжалъ: скажи, голубчикъ: «Упокой моля Господи моего папу и дай ему царство небесное». И когда ребенокъ повторялъ эти слова, Оока вытеръ рукавомъ своего сюртука двѣ крупныя слезы.

— Ну, теперь пойдѣмъ за хлѣбомъ, сказалъ Сержа, оконча медитву.

— Пойдемъ, пойдѣмъ, мой соколъ! говорилъ старикъ, отстегивая чемоданъ, въ которежъ, повидимому, были пожитки всего этого семейства. Онъ вынулъ изъ него небольшой замшевый мѣшечекъ и вытряхнулъ на ледонъ все бывшiя въ немъ деньги; но сколько старикъ ни трясъ его, болѣе четвертака и нѣсколькихъ копѣекъ итди не выпало. Старикъ выразительно свиснулъ, въ послѣднiй разъ трянулъ мѣшечекъ и проговорилъ:—Чисто дѣло! вотъ тебѣ и все богатство! вотъ тутъ и вѣдайся, какъ знаешь. Эхъ-ма! бѣда да и только! Эта болѣзнь поѣла все начисто, а на закуску и его унесла, нашего голубчика! Оока съ грустью взглянулъ на покойника, и взявъ мальчика на руки, вышелъ съ нимъ изъ комнаты. Къ вечеру этого дня, повозка, въ которой прiѣхалъ умершiй господинъ, была продана, чемоданъ и вещи покойника—также; разумеется, все пошло чуть не даромъ. Остался одинъ только небольшой узелокъ: въ немъ заключалось все достоянiе сиротки сына.

Черезъ три дня, на свѣжей выскокѣ насыпи стоялъ бѣлой деревян-

ный крестъ, одѣянный Офиою, и къ нему-то, рано утромъ, привѣлъ старикъ поведѣться маленькаго Серёжу.

— Не плачь, говоритъ онъ, глядя по головкѣ мальчика, и самъ утирая слезы. Пусть себѣ покойно почиваетъ, ему тамъ лучше! А мы съ тобою, другъ, пойдемъ съ Богомъ, искать счастья. Помолись, помолись, поцѣлуй поцѣлку: онъ благословитъ тебя!

Мальчикъ пошноровался машинально. Старикъ клалъ земные поклоны, наконецъ всталъ, поглядѣлъ на крестъ, покачалъ головою, вотомъ, молча взявъ Серёжу за руку и повелъ его изъ маленькаго города.

III.

Богатое помѣстье Сергѣя Петровича Ратмирскаго было известно далеко въ окрестности, какъ по необыкновенно прекрасному своему устройству, такъ и по щедрости и гостепрѣимству хозяина. «Отрадино», такъ называлось помѣстье, въ которомъ жилъ старикъ Ратмирскій, вполне соответствовало своему названію, и произносилось сосѣдами съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ: съ нимъ соединялись всегда или воспоминаніе о прошедшемъ, или мечта о предстоящемъ удовольствіи. Праздники отрадинскаго помѣщика отличались необыкновенною роскошью и великолѣпіемъ. Быть приглашеннымъ «откушать» или «попить» къ Ратмирскому почиталось особенною честию, а праздники въ Отрадинѣ бывали такіе нерѣдки.

Въ минуту нашего разсказа, богатый, домъ Ратмирскаго кипѣлъ жизнью и движеніемъ. Многочисленная прислуга суетливо бѣгала по всѣмъ направленіямъ. Одни убирали комнаты, переноса туда тропическіе цвѣты и дорогія деревья изъ оранжерей, другіе приготовляли комнаты, назначенныя для помѣщенія гостей, или развѣшивали безчисленное множество разноцвѣтныхъ фонарей вокругъ дома и по всѣмъ аллеямъ огромнаго сада, который окружалъ своею пышною майскою зеленью, красивый, каменный, двухэтажный домъ. Псаря готовили собакъ на случай охоты, а огромныя конюшни дрожали подъ копытами дорогой породы лошадей, которыхъ холмили и чистили, какъ на показъ. На завтра у Сергѣя Петровича былъ назначенъ балъ. Между-тѣмъ, какъ цвѣты всѣхъ странъ превращали домъ въ какой-то фантастическій садъ, а длинныя аллеи сада въ волшебные чертоги, одинъ только чело-вѣкъ изъ всей прислуги оставался спокойнымъ зрителемъ всей суматохи. Это былъ старичекъ, лѣтъ подлѣ семидесяти, но еще сильный и

бодрый. Съдые волосы его были подстрижены подъ гребенку и открывали совершенно его полное, простое, но разумное лицо; костюмъ его состоялъ изъ довольно длиннаго сюртука съ стоячимъ воротничкомъ, который, несмотря на очень жаркій день, былъ застегнутъ на всѣ пуговицы.

Онъ тихо прохаживался между бѣгающей прислугою, и если что и поправлялъ или устанавливалъ, то это дѣлалось, повидимому, — такъ, изъ собственнаго желанія, а не по должности.

— А что, Омиичъ, сказалъ одинъ изъ лакеевъ, устанавливая каштановое дерево на ступень лѣстницы; тамъ, гдѣ вы были съ молодымъ-то бариниомъ, я чаю. такихъ деревьевъ много.

Старикъ, къ которому относились эти слова, покачнулъ головою и почти съ грустью отвѣчалъ: Такихъ? Нѣтъ братъ, тамъ такихъ, почитай, что и нѣтъ; есть правда эта порода и тамъ, да это вотъ тоже, что ты передо мною: и мало, и жидко, да невзыщи, и безтолково. Что въ этомъ кустѣ проку? продолжалъ онъ: стоять себѣ, а отъ него, какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока. Тамъ бы на немъ было столько фруктовъ, что всѣмъ бы вамъ не съѣсть и въ недѣлю. Да и ростомъ то тѣ не этимъ чета.

— Да ужъ не съ каштанами ли вы, дядюшка Омиичъ, и зубы-то тамъ съѣли. Когда отсюда уѣзжали, то все еще они у васъ кое-гдѣ видѣлись, ну, а теперича вездѣ выходитъ пустопорожнее мѣсто.

Старикъ съ улыбкою тихо провелъ рукою по нижней челюсти, и погрозя насмѣшнику, отвѣчалъ: «Эй ты, братъ, зубастъ больно! Нѣтъ, дружокъ, не объ каштаны, а объ семдесятъ годовъ я поистеръ зубы; бывали у меня эти годики и жесткіе, и горькіе подчасъ.

— За то теперича, дядюшка Омиичъ, вамъ приволье. Не жизнь, а масляница! Баринъ васъ любитъ; жалуетъ.

— Зато, отвѣчалъ старикъ съ чувствомъ, что я его и самъ люблю и служу ему вѣрою и правдою.

— Ну, а что теперь, здоровье-то барина какъ? поправилось?

— Да онъ и болѣнь-то не былъ, а вѣстимо началъ кашлять да сохнуть отъ известной причины. Вѣдь онъ былъ не то, что другія дѣти; его, голубчика моего, почитай-что изъ пеленокъ посадили за книжку, только и слышишь отъ старика бывало: «Учись, я этого хочу!» — Придетъ, бывало, въ Питерь, и замѣсто того, чтобы обласкать да приголубить ребенка, давай его муштровать: говори молъ, что знаешь. Подай сюда учителей, да другихъ-иныхъ, а тѣмъ только и твердить: будьте съ нимъ построже, учите больше! Ну, а имъ, вѣстимо, то въ руки. Ну, вотъ какъ онъ пошелъ въ университетъ, что-жъ ты думаешь:

другіе шабашъ изъ классовъ и гуляютъ, а мы, бывало, какъ говорит-ся, отъ шей да за похлебку. Придетъ домой, а ужъ тамъ его и ждуть книгъ. Ужъ радъ-радъ я былъ, когда эта мука кончилась.

— Что жъ, Омичъ, зато баринъ-то и вышелъ умница; всё, гово-рять, науки произомелъ.

— Да, чуть на тотъ свѣтъ не ушелъ, отвѣчалъ старикъ. Ноша, братъ, какая ни на есть, будь она хоть золото, а коли больше мѣры навьючишь, то все-таки выбьешься изъ силъ и не радъ будешь и золоту. — Тожъ и съ наукою: всего, братъ, не переучишь; въ Божьемъ мѣрѣ мудрости много, одному не совладѣть со всѣмъ, и коли бы его, го-лубчика, не отправили на вольный воздухъ, такъ ужъ и не знаю, что бы и было съ нами.

— Да вѣдь, тогда, помнишь, говорили доктора, что эта болѣзнь къ нему перешла отъ отца, и что рано или поздно, а онъ ее не ми-нуетъ.

Старикъ, къ которому относилась эта рѣчь, неприятно вздро-гунулъ, и потомъ, сердито плюнувъ, сказалъ: Врутъ они, болваны, ти-нувъ имъ на языкъ!... Отъ отца пристала!... Что жъ онъ былъ, про-каженный что-ли какой? Отъ отца! продолжалъ старикъ, горячась: да что жъ она ко мнѣ-то не пристала, а я вѣдь не отходилъ отъ него во всю жизнь, и послѣдній духъ принималъ, да вотъ же здоровъ; а то вишь перешла къ сыну! Да что, по вашему, болѣзнь-то наследство ка-кое, что переходить къ дѣтямъ?

— Чухотка, вишь ли, говорятъ, прилипчива, дядюшка Омичъ.

— А глузость еще прилипчивѣе, а вотъ не глузью же я, говоря съ такимъ дурнемъ, какъ ты. Чухотка! да что вы смыслите въ ча-хоткѣ? Какая тамъ чухотка была у покойнаго барина? Не она, а трудъ великій да горе свели его, батюшку, въ могилку... Онъ не то, что мы съ тобою: не сидѣлъ, сложа руки, не ѣлъ даромъ чужаго хлѣба, а свой кровный, трудовой, вотъ что!

— Не знаю, какъ вы, Омичъ, отвѣчалъ лакей, обидясь, а я не сижу, сложа руки.

— Не сидишь!... сказалъ старикъ; цѣлый часъ возился съ однимъ деревомъ, а вотъ погоди, баринъ выйдетъ посмотреть такъ увидишь...

— Не тревожьтесь, будетъ все въ исправности, отвѣчалъ лакей: мы свое дѣло знаемъ; баринъ въ кабинетъ и не скоро выйдутъ.

Кабинетъ, въ которомъ, по словамъ лакея, былъ Сергѣй Петровичъ составляла большая, четырехугольная комната. Что только мода могла придумать, а богатство присвоить роскошнаго и удобнаго, все это мож-но было найти въ кабинетѣ старика Ратмирскаго. Богатая и покойная ме-

баль, разставленная въ изысканномъ безвреднѣ, такъ и манела къ нѣгѣ и отдыху. Нѣсколько картинъ фламандской школы и французскихъ жанровъ, богатая арматура изъ дорогихъ оружий, по большей части восточныхъ; этакерки съ историческими серебромъ и роскошные шкафы съ отборными книгами въ великолѣпныхъ переплетахъ, а на столахъ англійскіе книжки и всѣ русскіе журналы, ясно показывали, что владѣлецъ былъ, или, по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ казаться любителемъ всего изящнаго. Письменный столъ посрединѣ комнаты, уставленный дорогими бездѣлушками, доступными только причудливому вкусу, былъ заваленъ разными бумагами, отчетами, доносеніями, счетами, четко и красиво переписанными. Старикъ Ратмирскій сидѣлъ, или лучше сказать, лежалъ передъ этимъ столомъ, въ вольтеровскомъ креслѣ, обитомъ синимъ новецианскимъ бархатомъ, съ золотыми пуговицами. Полная и бѣлая, какъ слоновою костью, рука его, украшенная бриллиантовымъ перстнемъ чудной воды, небрежно переворачивала листы великолѣпнаго альбома съ видами береговъ Рейна, на которые онъ взглядывалъ только мелькомъ. Потому ли, что старика ничто уже не могло удивить и заинтересовать, или потому, что душа его неспособна была поддаться какому бы то ни было внѣшнему обаянію, но только ни одинъ изъ чудныхъ видовъ, мелькавшихъ передъ его глазами, ни живописный Биберихъ, ни величественный Рейнштейнъ, ни поэтический Бахарахъ, ни грозный Фальцъ, не вызвали на лице его даже именованнаго движенія. При первомъ взглядѣ на Сергѣя Петровича, почти трудно было его назвать старикомъ, какъ обыкновенно величали его окружающіе. Его полное, круглое лицо; не было прорѣзано морщинами, этой живой лѣтвицею жизни; взглядъ не отуманился еще долгими думами, бессонными ночами, но сохранялъ ясность и спокойствіе; даже голосъ Ратмирскаго былъ ровенъ и звученъ. Но нѣсколькихъ минутъ наблюденія было достаточно, чтобъ насчитать ему полныхъ шестьдесятъ годовъ; но годовъ безстрастныхъ, ничемъ не возмущенныхъ, тихо скользнувшихъ мимо этаго человѣка, какъ нѣкогда, въ преданіи, столѣтіе скользнуло мимо отшельника, заслушавшагося райской птички. Въ глазахъ Ратмирскаго проглядывали самодовольство и увѣренность; а навыкъ ставить законъ свое слово сохранялъ его голосу привычную звучность и твердость. Только одно въ наружности Ратмирскаго нѣсколько оправдывало названіе старика: это густые и почти совершенно сѣдые волосы, которые, какъ брововая опушка, коймили бѣлый воротничъ батистовой рубашки, небрежно падавшій на бархатный домашній сюртукъ, застегнутый на нижнія пуговицы. Передъ нимъ стоялъ молодой челевѣкъ. Чрезвычайно стройный и тонкій станъ его показывалъ еще самую первую молодость, подвижныя черты и прекрасные каріе глаза его

двигали чувством и жванію. Нѣсколько блѣдное лицо и необыкновенная мягкость взгляда обозначали натуру впечатлительную, но не отличающуюся крѣпостію силъ. Онъ стоялъ очень почтительно предъ старикомъ Ратмирскимъ.

— Такъ ты говоришь, сказалъ Сергій Петровичъ, не отрывая глазъ отъ альбома, что мнѣ будетъ гораздо полезнѣе пойти нѣсколько мѣсяцевъ въ южной Франціи?

— Почти увѣрежь, дядюшка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, что это принесетъ вамъ большую пользу.

— А почему ты такъ думаешь?

— Потому, что я такъ чувствовалъ себя очень хорошо; тогда, которая я провѣлъ Нимѣ, совершенно меня возстановили.

— Да, тебя, отвѣчалъ старикъ, потому—что тебѣ двадцать одинъ годъ, ну, а мнѣ за пятьдесятъ — такъ тутъ другая исторія.

— Но князь, дядюшка, не можетъ васъ, а ему воздухъ южной Франціи очень помочь.

— Ну, на этотъ счетъ я лучше посоветуюсь съ докторами, чѣмъ съ тобою, сказалъ Ратмирскій. Они, я полагаю, это дѣло знаютъ починѣ насъ съ тобою! Я это сдѣлаю тотчасъ же по прѣѣдѣ въ Петербургъ. — Да кстати, ты говоришь, что князь Борновъ прислалъ съ тобою письмо къ сыну?

— Да, дядюшка.

— Завтра онъ здѣсь будетъ, такъ ты ему и отдай письмо. Постарайся съ нимъ сойтись; онъ тебѣ можетъ быть всегда полезенъ.

— Мы съ нимъ давно знакомы, мы товарищи по университету.

— Да; но у Борнова такая голова, что, я думаю, онъ часто забываетъ, какъ его зовутъ; а къ тому же, если онъ и вспомнитъ тебя, какъ стараго товарища, то можетъ вспомнить и то, что ты былъ первымъ, и тѣмъ ученая степень, можетъ—быть, станеть колоть глазъ некончившему курсу студенту. Но отецъ его мой сосѣдъ, и какъ я слышалъ, назначается къ намъ губернаторомъ. Я надѣюсь, что ты будешь служить у князя, такъ надо, чтобы ты былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣмъ доможъ. Это тебѣ откроетъ дорогу; тебѣ же пера колумать о карьерѣ. При воспитаніи, которое ты получилъ, и при состояніи, которое, если будешь достоинъ, получишь отъ меня, я хочу, чтобы ты и самъ имѣлъ вѣсь въ обществѣ, а этого черезъ князя легко достигнуть.

— Я постараюсь, дядюшка, оправдать вамъ волю, и употреблю все силы и способности, чтобы быть....

— Силъ и способностей недостаточно, прервалъ Ратмирскій мо-

даго человека: мнѣ нужна твоя безусловная покорность всѣмъ моимъ желаніямъ. Завтра я отрекомендую тебя, кому надо; по отъѣздѣ моемъ, ты будешь имѣть всѣ средства жить прилично и свойственно тому кругу, куда я хочу ввести тебя; но помни, что твои поступки будутъ залогомъ твоей будущности.

И старикъ холодно протянулъ руку, которую молодой человекъ съ уваженіемъ и почти со страхомъ поцѣловалъ.

На другой день, то-есть, въ день, назначенный для праздника, почти съ раннего утра экипажи потянулись по густой тополевой аллеѣ, которая вела отъ большой дороги къ дому Ратмирскаго. Каждый зналъ обычай хозяина—до обѣда предоставлять себѣ и гостямъ полную свободу гулять и веселиться, кому и какъ угодно, и потому никто не боялся обезпокоить Сергѣя Петровича раннимъ пріѣздомъ. Часу въ первомъ—огромный садъ и паркъ пестрѣли уже группами гостей, и нѣсколько кавалькадъ неслись по парку шумно и весело. Разукрашенные игрушки-лодочки тихо баюкали на голубыхъ волнахъ большого озера диетантовъ-гребцовъ, съ прехорошенькимъ грузомъ дамъ и дѣвицъ, но въ стройные звуки музыки, гремѣвшей въ нѣсколькихъ мѣстахъ сада.

Но вотъ музыка смолкла, и разсѣянные по саду толпы гостей начали поспѣшно соединяться предъ великолѣпно устроенною эстрадою, на которой помѣщался хоръ цыганъ. Это была новость въ томъ краю. Цыганскій таборъ остановился въ ближнемъ городѣ, прѣздомъ на ярмарку, и нашъ Лукуллъ не упустилъ случая, сдѣлать сюрпризъ гостямъ своего праздника. Вскорѣ около цѣвцовъ образовался до того тѣсный кружокъ, что запоздалые слушатели не могли уже подойти къ эстрадѣ, и должны были издали слушать пѣніе, не вида самихъ цѣвцовъ. По мѣрѣ того, какъ цыгане пѣли, шопотъ одобренія между слушателями увеличивался, и наконецъ дошелъ до восторга. Только и слышалось всюду: «браво, прекрасно, превосходно!» Впрочемъ, восторгъ этотъ былъ возбужденъ не столько пѣніемъ этого полу-дняго, полу-стройнаго хора, въ звукахъ котораго было такъ много разгула и кипящаго чувства, какъ молоденькою дѣвушкою, лѣтъ семнадцати, которая одна приковала къ себѣ вниманіе и на которой сосредоточивался общій интересъ окружающихъ. И дѣйствительно, все остальное исчезало передъ этимъ чуднымъ явленіемъ. Трудно было вообразить красоту, болѣе поразительную, болѣе обаятельную.

Едва вышедшая изъ дѣтства, молодая цыганка сохранила еще всю мягкость и нѣжность очертаній. Какая-то милая наивность и скромная женственность проглядывали въ каждомъ ея движеніи, и при малѣйшемъ волненіи души, яркій румянецъ выступалъ сквозь тонкую, полу-смуглую

кожу лица, тогда, какъ большіе, влажные глаза ея, между длинными рѣсницами, блистали жзнію, горѣли всею страстью юга. Черные волосы, переплетенные съ ярко-оранжевою лентою, густою косою короновали ея маленькую головку.

Все въ этой дѣвушкѣ, начиная отъ маленькой ручки, тонкіе пальчики которой небрежно касались струнъ гитары, до крошечной ножки, кокетливо выглядывавшей изъ-подъ голубой атласной юбки, было такъ мило, такъ граціозно, привлекательно, что невольно приковывало взоръ каждаго. Чистый дѣвственный голосъ, полный задуманнаго чувства, довершилъ очарованіе, подъ властію котораго находились всѣ слушатели прекрасной цыганки. Невольные крики восторга и дождь цѣтовъ, сыпавшійся на красавицу, ясно говорили ей, что на нее смотреть не равнодушно, что ее слушаютъ не безучастно. Позади стула, на которомъ сидѣла пѣвица, стоялъ молодой цыганъ. Высокій ростъ, необыкновенная стройность и гибкость стана, черные, живые глаза, могли бы ему дать право на названіе красавца, еслибъ курносый носъ, съ впаденною переносицею, не портилъ общаго впечатлѣнія. Этотъ недостатокъ не только безобразилъ его, но даже возбуждалъ невольное отвращеніе. Цыганъ постоянно акомпанировалъ дѣвушкѣ, когда она пѣла, и похвалы, расточаемыя пѣвицѣ, принималъ съ какимъ-то самодовольнымъ видомъ. Подбирая цѣты, кинутыя молодой дѣвушкѣ, онъ съ гордостію клалъ ихъ подлѣ пѣвицы, необыкновенно ласково и пріятливо улыбаясь ей; а во-время ея пѣнія онъ превращался весь въ слухъ, слѣдилъ за всѣми ея движеніями, вслушивался въ малѣйшія измѣненія ея голоса, и послушный инструментъ часто судорожно дрожалъ въ рукѣ цыгана, когда онъ замѣчалъ неровность въ голосѣ пѣвицы, и огненно, энергически пробѣгали глаза его по хористамъ, когда тѣ бойко и дружно подхватывали послѣднія слова молодой цыганки. Нѣсколько часовъ незамѣтно пролетѣли для слушателей. Вдругъ прозвѣнѣлъ первый колокольчикъ, призывая гостей къ обѣду; но слушатели, прикованные къ эстрадѣ, и не думали идти на призывный сигналъ. Второй колокольчикъ произвелъ тоже дѣйствіе, и только по третьему звонку, когда явились слуги съ приглашеніемъ кушать, гости рѣшились оставить эстраду, на которой все еще пѣли цыгане. Кавалеры сѣвши предложили руки дамамъ, чтобы вести ихъ къ столу. И вотъ нестрыя гирлянды гостей потанулись по широкой аллеѣ къ великолѣпной террасѣ, гдѣ ждалъ ихъ радушный хозяинъ. Уже довольно далеко за деревьями едва мелькали послѣднія пары гостей, а двое молодыхъ людей все еще стояли у эстрады, на которой шумно и весело волновался таборъ, собираясь перейти въ другое, назначенное ему мѣсто.

Одинъ изъ молодыхъ людей, по-видимому, гораздо моложе своего товарища, какъ прикованный стоялъ у подмостокъ. Казалось, что предметъ, на который былъ устремленъ его взоръ, поглощалъ все его вниманіе до самозабвенія; между-тѣмъ, какъ другой, одѣтый чрезвычайно изысканно, весело и насмѣшливо слѣдилъ за товарищемъ, и стоя нѣсколько позади его, подмѣчалъ всѣ его движенія.

— Чтѣ, братецъ, врѣзался по уши, наконецъ сказалъ онъ громко, захохотавъ. Нѣтъ, тебя не исправятъ годы, каковъ былъ на школьной лавкѣ, таковъ и теперь....

— А, князь! произнесъ молодой человекъ, невольно вздрогнувъ. Онъ съ изумленіемъ оглянулся кругомъ, и не видя никого у эстрады, кромѣ себя и князя, прибавилъ съ невольнымъ замѣнательствомъ: но всѣ уши, кажется, ушли; чтѣ-же мы съ тобою дѣлаемъ здѣсь, поидемъ за прочими.

— Всѣ отправились обѣдать, а мы съ тобою, другъ Сергій, остаемся, кажется, пытаться созерцаніемъ дивныхъ красотъ природы. Такъ, кажется, выражаются восторженные поэты? говорилъ князь, продолжая смѣяться.

— Но, отвѣчалъ молодой человекъ, тихо проводя рукою по глазамъ, какъ-бы смахивая съ нихъ очарованіе, и стараясь вторить князю: такъ какъ мы съ тобою уже довольно насладились природою, то поидемъ за другими, къ болѣе положительной и питательной пищѣ.

— А чтѣ, говорилъ князь Ратирскому; признайся, душа моя, гдѣ заглядывае двѣчка-то? И ты засмотрѣлся на нее, даромъ что философъ.

— Вишь, я заглядѣлся, отвѣчалъ молодой Ратирскій: а ты самъ стоялъ, чай, замурившись?

— Нѣтъ, моя снѣг, и я смотрѣлъ, но только не такъ, какъ ты. Я всегда смотрю на хорошенькую женщину съ тѣмъ, чтобы и она на меня заглядѣлась; а ты такъ сразу и свѣта не взвидѣлъ.

Такъ болтая, два университетскіе товарища дошли до дома и присоединились къ веселой толпѣ гостей, которыхъ въ залѣ ждалъ великолѣпный обѣдъ. Старикъ Ратирскій съ этой минуты вступилъ, по своему обыкновенію, въ права хозяина, и едва-ли кто изъ присутствующихъ потягивалъ этотъ правомъ, такъ мастерски Сергій Петровичъ умѣлъ занять всѣхъ и каждого. Пышный обѣдъ, великолѣпный фейерверкъ и блестящій балъ, попеременно смѣнялись, какъ-бы по манію волшебства, и разсвѣтъ дня едва могъ напомнить веселымъ гостямъ, что время уже успокоить себя и хозяина. — Но не прежде какъ яркіе лучи солнца помрачили своимъ блескомъ тысячи огней въ домѣ Ратирскаго, всѣ разошлись по своимъ

комнатахъ. Двойныя сторы всюду опустились на окнахъ. Только на мужской половинѣ еще долго слышался живой говоръ. Цыганка красавица, которая цѣла въ антрактахъ бала, еще долго занимала молодые умы. Имя «Маша» и слова «*delicieuse*, очаровательна», съ восторгомъ повторались во всѣхъ углахъ, даже и тогда, какъ сонъ неволью закрывъ глаза молодыхъ людей.

На другой день почти всѣ гости разѣхались, а черезъ три дня домъ совершенно опустѣлъ. Запечатанный кабинетъ и опущенныя сторы на половинѣ Ратмирскаго ясно говорили, что старикъ уѣхалъ, и только изрѣдка, и то поздно вечеромъ, въ комнатахъ Сержи, племянника и единственнаго наследника огромнаго состоянія Сергѣя Петровича, показывался огонь, въ доказательство, что господскій домъ не совсѣмъ необитаемъ. Съ отъездомъ дяди, Сережа сдѣлался полнымъ властелиномъ своихъ поступковъ. Вслѣдъ за нимъ и онъ перебрался въ городъ. Отъѣзжая, старикъ отдалъ два приказанія: племяннику — жить прилично своему званію и состоянію; а приказнику — выдавать ему, по первому востребованію, известную сумму денегъ, бѣгле, нежели достаточную, на самыя широкіе расходы. Молодой человекъ какъ нельзя лучше воспользовался и тѣмъ и другимъ приказаніемъ. Къ тому-же у Сережи предъ глазами былъ отличный путеводитель во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, — молодой князь, съ которымъ, какъ съ человекомъ, ннѣющимъ вѣсь въ обществѣ, дядя совѣтовалъ ему сойтись. — Прѣжнее товарищество, почти равенство лѣтъ, помогли племяннику, какъ нельзя лучше, исполнить волю дяди. Князь жилъ открыто, широко, сорилъ деньгами, не справляясь о доходѣ. Молодые люди были почти неразлучны; или посѣщали другъ друга, или встрѣчались у общихъ знакомыхъ. Такъ прошло пять мѣсяцевъ. Увлеченный княземъ въ кругъ людей, живущихъ для одного удовольствія, молодой Ратмирскій въ короткое время очень измѣнился; его характеръ, всегда спокойный, ровный и нѣсколько мечтательный, сдѣлался раздражителенъ, безпокоенъ и даже угрюмъ, какъ будто какое-то скрытое внутреннее чувство не давало ему покоя. Возвращаясь домой, постоянно поздно вечеромъ, онъ то задумчиво ходилъ по кабинету, кура погасшую сигару, — или бывалъ веселъ, что впрочемъ случилось гораздо рѣже, веселъ какъ ребенокъ, и опять ласково шутилъ съ старымъ Оокою, который ни за что не хотѣлъ никому уступить мѣста камердинера при молодомъ баринѣ. Въ этихъ случаяхъ, раздѣвая Сережу, онъ попрежнему дѣлалъ ему замѣчанія, на что не отвѣчивался въ другіе дни, а только тихо, качая головою, шепталъ: «Испортили его, батюшку, право испортили». Однако эти дни были рѣдки, и чѣмъ дальше, тѣмъ становились

рѣже и рѣже. Въ одинъ изъ дней сплнна, когда молодой человекъ, часу въ одиннадцатомъ, передъ холоднымъ стаканомъ кофе, задумчиво перелистывалъ французскій журналъ, ему подали записку. Пробѣжавъ ее, Сережа кинулъ записку на полъ и сказалъ слугѣ:

— Сказать князю, что буду—да приготовить мнѣ одѣваться.

Оставшись одинъ, молодой Ратмирскій нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. То досада, то грусть смѣнялись попеременно на его подвижномъ, прекрасномъ лицѣ. Онъ поднялъ записку, пробѣжалъ ее снова, и съ словомъ «фать!» изорвалъ ее въ клочки. — Любопытствуй! прибавлялъ въ волненіи, почти въ отчаяніи, молодой человекъ: любуйся ею!—и я не могу, не имѣю права помѣшать имъ. Это ужасно! Нѣтъ, не могу болѣе такъ жить, не могу рѣшительно. Глядя на Сережу въ эту минуту, опытный глазъ прочелъ бы на его блѣдномъ лицѣ всю повѣсть его молодой души, подстерегъ бы мучительный стонъ больного сердца... Но вотъ глаза его блеснули, онъ встрепенулся и блѣдное лицо оживло и покрылось яркимъ румянцемъ, какъ-будто новая мысль осуществляла для него заветную мечту и возвратила всѣ радости жизни. Эта мысль, какъ электрическій ударъ, потрясла молодого Ратмирскаго; онъ быстро всталъ, въ волненіи сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, обдумывая что-то. По временамъ улыбка невыразимаго счастья мелькала на губахъ его, но ее постоянно смѣняло какое-то тревожное чувство, что-то въ родѣ страха. Тогда онъ невольно клалъ руку на сердце, какъ бы сдерживая его бѣшеніе; но это было мгновенно,—сладкая мечта, подъ обаяніемъ которой онъ находился, снова увлекала его.—Да! произнесъ онъ наконецъ твердо; хватаясь за колокольчикъ. Другаго средства нѣтъ! Если это такъ продолжится, я рѣшусь на все! такъ жить долѣе нельзя, лучше умереть! Тамъ, что будетъ, то будетъ, а честный человекъ не можетъ поступить иначе. Одѣваться, живо! закричалъ онъ вошедшему на звонокъ лакею.

— Кушаете, Сергій Сергѣичъ дома? спросилъ Ратмирскаго старикъ Оока, подавая ему фракъ.

— Нѣтъ, у князя.

— А къ ужину будете?

— Нѣтъ, я ужинаю съ княземъ! нетерпѣливо проговорилъ Сережа, поспѣшно надѣвая перчатки. Черезъ пять минутъ его уже не было дома. Легкій экипажъ быстро вылетѣлъ изъ воротъ, лошади повернула было направо, но легкое движеніе вожжи заставило ее сейчасъ же обратиться въ противоположную сторону, и разсѣкая воздухъ могучею грудью, чудный иноходецъ, какъ стрѣла, помчался впередъ. Пробѣжавъ въ нѣсколько минутъ пять шесть улицъ и переулковъ, конь, какъ вкопанный оста-

возник передъ одноэтажнымъ, довольно большимъ, деревяннымъ домомъ, не давъ даже времени кучеру осадить себя. По всей вероятности эта дорога была привычная и мѣсто хорошо знакомое умному животному.

Молодой человекъ соскочилъ съ дрожки, торжественно забѣжалъ на десятокъ ступеней, и звонкій ударъ колокольчика возвѣстала хозяевамъ о раннемъ гостѣ. Черезъ минуту замокъ щелкнулъ, черноглазый, курчавый мальчикъ, лѣтъ пятнадцать, смуглый, остриженный въ скобку, появился у отворенной двери.

— Что Ваня, ваши всѣ дома? спросилъ мальчишка Ратмирскій, ласково кивнувъ головою на его низкій и почтительный поклонъ.

— Всѣ, баринъ, дома.

— А что дѣлаютъ?

— Да сейчасъ только окончили спѣвку, а теперь у себя въ комнаткахъ.

— А Маша? тоже въ своей комнатѣ?

— Въ своей—и одна, отвѣчалъ, лукаво мальчикъ, и принявъ кивное ему на руку пальто, онъ посѣбно разпахнулъ дверь въ собственную комнату.

Это была обширная зала, съ множествомъ стульевъ. Нѣсколько столовъ, уставленныхъ вустыми бутылками, между которыми лежали двѣ или три гитары, ясно говорили, что, эта комната была назначена не для скуки. При входѣ молодаго человека, двое людей, которме, по видимому, занимались уборкою, ласково и весело приветствовали гостя, и одинъ изъ нихъ сказалъ: извините, Сергѣй Сергѣичъ, что застали васъ въ такомъ безпорядкѣ; мы не ждали такъ рано дорогаго гостя.

— Мнѣ нужно видѣть Машу, сказалъ Ратмирскій, не обращая вниманія на низкіе поклоны говорившаго съ нимъ, и быстро пройдя комнату, тихо постучался въ дверь направо.

— Кто тамъ? раздался пріятный женскій голосъ за дверью.

— Я, Маша; отвѣчалъ Ратмирскій. Можно войти къ тебѣ?

Въ ту же минуту дверь отворилась и хорошенькая женская головка посѣбно выглянула изъ нея. — Ахъ это вы! съ радостію проговорила дѣвушка, глядя на гостя: что это вы пришли по-утру? И hospitально, дружески взявъ молодаго человека за руку, прибавила: Войдите, войдите скорѣе.

— Развѣ ты мнѣ не рада, Маша? развѣ утрамъ я тебя беспокою?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, весело бѣгая по небольшой своей комнаткѣ и проворно убирая наряды, которые были разбросаны на стульяхъ. Нѣтъ, продолжала она потомъ, дѣтски смѣясь и прыгая передъ молодымъ человекомъ: рада, рада, утрамъ, днемъ, вечеромъ.

рада, всегда рада! Ну, да что же вы стойте? продолжала она, снова до вѣрчиво и навивно взявъ его за руку: Садитесь скорѣе, вотъ здѣсь, въ кресло. Здѣсь вотъ будетъ лучше и покойнѣе.

— Ахъ Машенька! говорилъ молодой человѣкъ, не выпуская руки своей собесѣдницы и съ восторгомъ глядя на нее: какъ ты сегодня хороша!

— Лучше, чѣмъ вчера? спросила дѣвушка, беззаботно улыбаясь.

— Лучше, съ каждымъ днемъ лучше, отвѣчалъ онъ: и я люблю тебя все больше и больше.

— А ты? говорила дѣвушка, положивъ ему другую руку на плечо, уставя на него большіе черные глаза свои, и наклоня къ нему свою чудесную головку. А ты,—продолжала она тихо, какъ-будто внутреннее чувство, подъ властью котораго она находилась, отнимало у нея силу говорить громче, а ты, Сережа, такъ хорошъ, что не можешь ужъ быть лучше, и больше тебя любить я не могу, не умѣю. И это очень досадно, продолжала она, снова весело засмѣявшись; мнѣ хотѣлось бы тебя еще больше любить, чтобъ имъ всѣмъ было еще досаднѣе.

Молодой человѣкъ невольно вздрогнулъ. Эти слова мгновенно согнали съ лица его все упоеніе, навѣянное словами любимой женщины, глаза его закрились болѣе, чѣмъ тревожнымъ чувствомъ, и онъ довольно серьезно спросилъ:

— А кто эти они? кого тебѣ пріятно дразнить?

Маша пристально взглянула на Ратмирскаго и ласково сказала: Ну вотъ, ты опять сердился. Вѣдь я не могу же не вспомнить объ нихъ, когда ихъ вижу каждый день, а особливо твоего противнаго князя. Но что же мнѣ дѣлать! ты знаешь, я не могу, не смѣю не выдти туда, гдѣ всѣ наши.

— А ты желала бы не быть тамъ и не видать больше князя? спросилъ молодой человѣкъ быстро и какъ бы съ боязнію.

— О, да, да! я лучше желала бы захворать, чѣмъ видѣть, какъ это тебя огорчаетъ.

— Такъ, выслушай же, мой другъ, что я тебѣ скажу... говорилъ Ратмирскій, усаживая дѣвушку подлѣ себя. и наклонясь къ ея уху, онъ что-то тихо и торжественно началъ ей говорить.

Уже нѣсколько минутъ длилась эта бесѣда. Сначала Маша слушала его съ любопытствомъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, черты ея принимали восторженный видъ, сложенные на груди руки трепетали, и въ тоже время крупныя слезы катились по рдѣющимъ щекамъ. Все показывало, что она слышитъ что-то необыкновенное, что это не простой нацѣвъ любви, потому что при послѣднихъ словахъ мо-

молодогo чeлoвѣка, Маша нeвoльнo сo стyла oпyстилась нa кoлѣна и, пpивавъ къ рукѣ свoегo лyбимца лицoмъ, oзapеннымъ сoвepшeннымъ блaжeнствoмъ, сьвoзъ рыданія гoвopилa: Сepeжa, спаситeль мoй — какъ! ты хочeшь мeня вырвать изъ этoй жизни.... я бyдy твoя.... навѣкъ.... твoя! — o, какoe счacтьe.

— Тишe, тишe, Машa, гoвopилъ Рaтмиpскій, стараясь yспoкoить дѣвyшкy: тишe, мoй дpyгъ, этo пoкa тайнa мeждy нaми. Тeпeрь yспoкoйся и нe бойся никoгo.

— Да, гoвopилa дѣвyшкa, съ нeвыpазимымъ вoстoргoмъ: да, я тeпeрь бyдy пoкoйнa, я тeпeрь никoгo нe боюсь.... Но кyдa жe ты? пpибавилa oнa, замѣтя, что Сepeжa вьздaсь за шлaпy: кyдa жe ты такъ скoрe?

— Я oбѣдaю y князя; тамъ нe дoлжны знaть, что я былъ здѣсь, чтoбы oни нe смѣли чeгo-нибyдъ скaзaть пpо тeбя; каждый разъ oни нaчинaютъ шyтить надъ мoeю лyбoвьy, пpодoлжалъ мoлoдoй чeлoвѣкъ съ вoлнeнiемъ: мнѣ кaжeтся, что я бoльшe нe вынесy и зaдyшy кoгo-нибyдъ изъ нихъ. Но скoрo, пpодoлжалъ oнъ, улыбаясь, мы сaми пoсмѣeмся надъ этими пyстeльгaми!—И мoлoдoй чeлoвѣкъ, гopячo пoцѣлoвавъ Машy, выбѣжалъ вонъ. Пpиeмная кoмнaтa былa yжe пpибpaнa, въ нeй никoгo нe былo; нo нa пoрoгѣ въ пeрeднюю съ Рaтмиpскимъ встpѣтился выcoкій, блѣдный цыгaнъ, съ пeрeшибeннoю пeрeнoсицeю.

— У нaшихъ извoлили пoбывaть? спpосилъ oнъ дoвoльнo сyрoвo Сepeжy.

— Да, y Мaши! oтвѣчалъ мoлoдoй чeлoвѣкъ, нe oстaнaвливаясь, и выбѣжалъ нa кpыльцo.

Цыгaнъ, встpѣтившійся съ нимъ пpи выхoдѣ изъ кoмнaтy, oстался нa тoмъ-жe мѣстѣ; кaкaя-тo гpyсть и злoбa видны были въ eгo глaзaxъ, oбpaщeнныхъ въ тy стoрoнy, кyдa yшeлъ Рaтмиpскій.—«Такъ y Мaши, пpoгoвopилъ oнъ, нaкoнeцъ,—a зa кoимъ дѣлoмъ, пoгaнный вoлoкитa?— O, Васькa; бeзтaлaннaя бaшкa! пpодoлжалъ oнъ, пoчти сo стoнoмъ: лyкaвый тeбя дepнулъ пpивeзти ee сyдa! И зaчѣмъ я пpисталъ къ этoмy тaбoрy!»

IV.

Мoлoдoй князь Бopиoвъ, какъ и мнoгiе свѣтскiе дeндa, влaдѣя бoльшими сpедствaми нe oтказывалъ себѣ ни въ oднoй пpихoти, ни въ oднoмъ наслажд-

денги, время и здоровье тратились имъ съ такой же быстротою и жадностью, съ какою подписывались заемныя письма. Отецъ его долженъ былъ скоро прѣхать изъ-за границы, и не подлежало сомнѣнію, что прѣздъ стараго князя положить предѣлъ и излишеству разсѣянна сына и чрезмѣрнѣ его тратамъ. Хотя молодой князь зналъ, что отецъ любитъ его до слабости, до баловства, но онъ понималъ очень хорошо, что именно въ этой—то безмѣрной любви старикъ и найдетъ силу остановить вѣтренника во-время и спасти его на краю бездны.

Молодой князь слылъ за добраго малаго, и дѣйствительно, былъ не только добрымиъ малымъ, но даже честнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не сдѣлалъ бы дурнаго поступка съ намѣреніемъ; но легкомысленный отъ молодости, расточительный отъ незнанія цѣны денегомъ, которыхъ не наживалъ, самолюбивый по привычкѣ къ лести, онъ часто впадалъ въ погрѣшности, довольно—рѣзкія. Не менѣе того товарищи его любили и охотно проводили у него по цѣлымъ днямъ. Богатство и счастье, впрочемъ, никогда не нуждаются въ товарищахъ. Въ расточительной признанн князя было слишкомъ много заманчиваго для молодыхъ воображеній и еще не отрезвившихся честолюбій. И число друзей его росло съ каждымъ днемъ.

На богатыхъ бронзовыхъ часахъ, изображающихъ плачущую Ариадну на морскомъ берегу, стрѣлка давно уже перешла за четыре часа, а князь съ гостями все еще не сѣли за столъ, потому—что ждали Ратмирскаго.

— Мы его напрасно ждемъ, князь, сказалъ молодой, высокой франтъ съ рыжими усами и таковою же вспаньолеткою; онъ вѣрно занесся въ превыспреннія паражи мечтаній и забылъ объ обѣдѣ.

— Ну, итъ, отвѣчалъ другой, румяный и круглый господинъ, котораго фигура вполне согласовалаеь съ его словами: мечты едва-ли могутъ у кого-нибудь отбить аппетитъ. Что до меня касается, то никакіе глаза въ мірѣ, будь это глаза самой Афродиты, и никакія мечтанія, хотя-бы о всѣхъ сокровищахъ Бразиліи, не заставятъ забыть о первѣйшей, важнѣйшей потребности жизни, объ ѣдѣ; есть русская пословица: голодъ не тетка, его не урезонишь.

— Это зависитъ отъ взгляда, душа моя. Вотъ я, напримѣръ... возразилъ тощій усачъ, я вполне раздѣляю твое мнѣніе, потому—что это мнѣніе положительнаго человѣка. По моему надо ѣсть, чтобы жить, и жить, чтобы ѣсть... ну, а другіе смотрятъ иначе на вещи! Ратмирскій сытъ вздохами и взглядами, и на основаніи пословицы, «что сытый голоднаго не разумѣетъ», заставляеь и насъ всѣхъ голодать.

— За это, господа, надо его наказать, сказалъ князь. Мы поста-

раемса уничтожить его туманную пищу, и заставимъ черноокую бросить ясный взоръ дивныхъ очей, какъ говорятъ поэты, на кого-нибудь другаго.

— Да, признаюсь, душа моя, отвѣчалъ щедушный усачъ, который въ каждомъ обрѣталъ свою душу: срамъ и стыдъ тебѣ, если ты въ этомъ дѣлѣ спасуешь. Ты во всѣхъ отношеніяхъ выше насъ всѣхъ... и чтобы я, на твоёмъ мѣстѣ, позволилъ Ратмирскому чѣмъ-нибудь похвалиться передъ собою!..

— Постой, перебилъ князь, съ улыбкою, а старше Сережи.

— Да ты, братецъ, красивѣе его.

— Ратмирскій тоже не уродъ.

— Ты знатень, богатъ.

— Ну, возразилъ князь, насчетъ этого вопросъ еще не рѣшенный; его дядя....

— Да что дядя, душа моя, перебилъ усачъ, дядя—не племянникъ.

— А что, господа, едва-ли кто-нибудь изъ насъ заспоритъ съ Сократомъ противъ того, что дядя не племянникъ; по-крайней-мѣрѣ, не племянникъ своего племянника! перебилъ усатаго Сократа одинъ изъ молодыхъ людей, любившихъ поострить.

— Эхъ, моя душа, ты все съ своими бонмо! Не дашь договорить, да и прицѣпишься. Конечно племянникъ не дядя; мало-ли что есть у старика; но Сержъ, какъ я знаю...

— Не далъ тебѣ двухъ тысячъ займы? перервалъ его новый гость, при послѣднихъ словахъ вошедшій въ кабинетъ: Это значить только, что ты ихъ не получилъ, а не то, чтобы ихъ у меня не было.

Веселый смѣхъ окружающихъ привѣтствовалъ Ратмирскаго.

— Ну, такъ что же: тѣмъ хуже для тебя! отвѣчалъ не сконфуженный усачъ, улыбаясь: тѣмъ хуже, моя душа; значить, ты скупъ, что не хочешь одолжить пріятелю такой бездѣлицы, на нѣсколько дней; вотъ я получилъ бы оброкъ....

— Ты самъ хотѣлъ сказать, когда я вошелъ сюда, что деньги лядины, а у меня ихъ нѣтъ, стало мнѣ и давать тебѣ нечего; сказалъ Ратмирскій.

— Это, моя душа, только отговорка. Что такое дядя? дядя...

— Не племянникъ, опять перебилъ его острякъ: это аксіома.

— Отстань съ своими глупостями, сказалъ Сократъ, начиная сердиться, совершенно не остро; да и не съ тобою говорить. Я говорю, что....—хотѣлъ было онъ продолжать, но голосъ «кушанье подано» прервалъ Сократа на самомъ убѣдительномъ аргументѣ.

— Silence, messieurs! раздался торжественный голосъ охотника до

первѣйшей потребности въ жизни: споры и денежные счеты восторону, «кушанье подано!»

И веселая молодежь шумно двинулись въ столовую.

— А что, господа, сказалъ князь, когда первыя блюда были уже поданы и нѣсколько бутылокъ вина развязали языки: мы сегодняшній вечеръ веселимся?

— Разумѣется, разумѣется! отозвалось со всѣхъ сторонъ.

— Ну, а ты, Сержъ, съ нами?

— Не знаю, отвѣчалъ холодно Ратмирскій.

— Не ѣди, моя душа, право не ѣди! возразилъ Сократъ: зачѣмъ быть свидѣтелемъ своего пораженія.

— Какого пораженія? шутя спросилъ Ратмирскій.

— Да, другъ Сержъ, извини, сказалъ, въ свою очередь, князь: дружба дружбою, а страстишка страстишкою, одно другому не мѣшаетъ. Хочу, братецъ, попробовать, какъ это черныя очи будутъ на меня смотрѣть, и аллыя губки мнѣ улыбаться.

— А ты увѣренъ, что будутъ? спросилъ Ратмирскій, стараясь быть хладнокровнымъ.

— Увѣреннымъ трудно быть, сказалъ князь: но ручаюсь, что употреблю всѣ средства, не пожалѣю ничего.

— То-есть, ты постараешься это сдѣлать?

— Нѣтъ, mon cher, не постараюсь, а сдѣлаю непременно; завтра-же Маша будетъ въ меня влюблена по уши, хочешь пари?

— Я не держу пари, которое унижаетъ женщину.

— Онъ скупъ, князь, и боится проиграть! сказалъ Сократъ: Я держу съ вами пари на дюжину шампанскаго, которую мы послѣ вѣстѣ и разопьемъ.

Общій хохотъ и ободренія были отвѣтомъ на предложеніе Сократа и помѣшали Ратмирскому отвѣчать тотчасъ-же на эту шутку такъ, какъ-бы онъ хотѣлъ; а чрезъ минуту онъ одумался, вполне понимая, что горячность его только оскорбитъ дѣвушку и не принесетъ ей никакой пользы и что всякая исторія накличетъ на нее неминуемую бѣду. Но чувствуя, что не въ состояніи долѣ выносить хладнокровно подобный разговоръ, онъ тотчасъ-же послѣ обѣда уѣхалъ, ссылаясь на головную боль, и оставя князя заранѣе восхищаться своимъ будущему побѣдою.

Вечеромъ, у подѣзда знакомаго намъ дома стояло довольно много экипажей, и въ ярко освѣщенной залѣ было такъ весело, какъ только можетъ быть весело въ цыганскомъ таборѣ. Сюда-то почти каждый вечеръ собиралась вся молодежь, разумѣется, молодежь денежная;

здѣсь звучали гитары подъ звонъ падающаго золота и пѣнящихся бокаловъ, и одушевленный хоръ цыганокъ громко величалъ дедрыхъ гостей. Впрочемъ, не однѣ только первическія пляски и дикія пѣсни, давно выученныя всѣми наизусть, влекли сюда молодежь. Главная причина успѣха и поживы табора была цыганка Маша. На ея то черные глаза никто не могъ наглядѣться, ея то чуднаго голоса не могли вдostaль наслушаться. Страсть, нѣга, чувство, все лилось изъ этой впечатлительной души, въ чудныхъ звукахъ, когда она пѣла, окруженная толпою цыганъ. Но чуть замиралъ послѣдній звукъ пѣсни, она обращалась въ холодый мраморъ, котораго строгой красоты не могли расшевелить ни лесть, ни поклоненіе. Веселый взглядъ, ласковую улыбку цыганки нельзя было купить никакимъ золотомъ, и это рѣшительно сводило всѣхъ съ ума. Но для всѣхъ ли она была такъ недоступна? Нѣтъ; но тотъ избранныкъ не покупалъ ея любви, чистаго и прекраснаго чувства ея души; онъ не кивнулъ бы ея имя на позоръ въ кругу пріятелей, за бокаломъ шампанскаго; онъ любилъ ее горячо и безпредѣльно. Маша это чувствовала, она это знала, и какъ бы на зло другимъ, не скрывала, а можетъ-быть, и не умѣла скрыть. Въ этотъ вечеръ красавица Маша, окруженная энергической толпою смуглыхъ пвѣй, много разъ уже пѣла по требованію слушателей; но пѣла какъ-то вяло, безжизненно, и изъ-подъ сдвинутыхъ бровей по временамъ пробѣгалъ по толпѣ гостей взоръ, полный нетерпенія и тревоги. За то товарищъ ея, молодой цыганъ съ перешивбенною переносицею, по обыкновенію, стоя за ея стуломъ и аккомпанируя ей, какъ будто для контраста, былъ необыкновенно веселъ. Глаза его горѣли, какъ два раскаленные угля, лицо сіяло радостію.

— Видишь, Маша, сказалъ князь, въ одинъ изъ промежутковъ между пѣніемъ, подходя къ цыганкѣ: каковъ твой Ратиірскій; увидается тамъ около какой-нибудь голубоокой, а сюда къ тебѣ, не бось, не ѣдетъ.

— А вамъ какое дѣло до Ратиірскаго? отвѣчала Маша: развѣ я васъ объ немъ спрашиваю?

— Нѣтъ, конечно не спрашиваешь; но мнѣ жаль, что онъ, увѣряя, что влюбленъ въ тебя, въ тоже время тебѣ измѣняетъ.

— Молодая дѣвушка, взглянувъ на князя съ презрѣніемъ, насмѣшливо сказала:

— Пусть измѣняетъ; зато я ему никогда не измѣню.

— Но есть человекъ, милая Маша, который дѣйствительно тебя любить, и любить гораздо больше, чѣмъ Сережа; а притомъ онъ и гораздо богаче его.

— Скажите этому богачу, отвѣчала, всыхнувъ, Маша: чтобъ онъ поберегъ свои деньги на болѣе пригодныя покупки; ны хоть и бѣдны и черны, но торгуемъ одними пѣснями, а честнаго имени не продаемъ. Величать васъ готова, но слушать пустыя рѣчи не люблю. И она отвернулась отъ князя.

— Но отчего же твоего Ратмирскаго здѣсь нѣтъ, капризное созданіе?

— Почему я знаю, можетъ-быть, онъ болѣтъ, грустно сказала Маша.

— Нѣтъ, я заблуждаюсь за нимъ, его нѣтъ дома; онъ отъ меня куда-то уѣхалъ.

— Такъ стало вы и должны знать, гдѣ онъ; а я знаю только, что его здѣсь нѣтъ, добавила она почти шопотомъ, и затаянный вздохъ замаскировала легкой косынкой на ее груди.

Разговоръ этотъ былъ прерванъ общими требованіями, чтобы Маша и Василій пропѣли — венгерскую.

И вотъ заиграла веселый хоръ, сливаясь съ звуками гитаръ и бубенъ, и цыганъ, стоявшій за стуломъ Маши, гордо и удачно вывелъ Машу на средину комнаты. Плотною стѣною окружили гости танцующую пару, которая быстро, огненно понеслась въ огненной пляскѣ. Съ какимъ-то изступленнымъ восторгомъ кружилась молодая цыганка около своей прекрасной подруги, жизнь, полная размахистой отваги, проглядывала въ каждомъ мускулѣ, въ каждой фибрѣ его лица, въ эту минуту истинно прекраснаго.

Сверкающимъ взоромъ слѣдилъ онъ за смуглою танцовщицею, и обвивая тонкій станъ ея рукою, какъ вихрь пѣсся по залѣ. Крики одобренія, звуки гитаръ и голосовъ, и танецъ, полный трепета и непринужденныхъ движеній, — все это составляло картину, чрезвычайно интересную. Но въ самой срединѣ пляски, Маша вдругъ остановилась. Пробѣгая глазами окружающую ее толпу, она нечаянно замѣтила блѣдное лицо молодого человѣка. Взглядъ его, выразившій крѣпкій упрекъ, какъ бы приковалъ ее къ мѣсту.

— Дальше, дальше! кричали вокругъ зрители. — Маша, Маша, шептали нѣкоторыя цыганки, переставъ пѣть, Маша, что съ тобой? Пляши, слышишь, господа требуютъ! — Но Маша стояла, опустивъ головку и руки, за минуту трепетавшій въ нервическихъ содроганіяхъ.

Цыганъ-плясунъ, изумленный не менѣе другихъ поступкомъ дѣвушки, какъ бы угадывая причину, быстро окинулъ толпу бѣглыми взглядами, и глаза его остановились на Ратмирскомъ; дрожь пробѣжала по всему тѣлу цыгана, мускулы лица задрожали, и его черные глаза, за минуту полные самодовольной удали, сверкнули молніей: Онъ

быстро подошелъ къ Машѣ и, повернувъ ее къ себѣ за руку, сказалъ повелительно и сурово: «Пляши!»

Маша вздрогнула отъ прикосновенія цыгана, лицо ея вспыхнуло, она подняла голову и устремивъ на него глаза, полные насмѣшки и презрѣнія, рѣшительно сказала: не хочу.

— Что говорить она? спросили нѣсколько голосовъ въ одно время.

— Что не могу, отвѣчала поспѣшно Маша.

— Отчего? отчего? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Оттого, отвѣчала дѣвушка, сдвинувъ бровки, что повихнула ногу и плясать больше не буду! И оца, прихрамывая, отправилась на свое мѣсто.

— Вадоръ, неправда! раздалось со всѣхъ сторонъ. Пляску, пляску! мы хотимъ, чтобы Маша плясала. Но ни требованія посѣтителей, ни просьбы цыганъ, ни даже угрозы старшины, ничто не могло заставить Машу встать съ мѣста; упрямая смуглянка твердила одно: не могу, не буду, нога болитъ.

— Ратмирскій, сказалъ наконецъ князь съ досадою: ты, братецъ, рѣшелъ совсѣмъ не во-время; видишь, при тебѣ она раскапризничалась. Вели ей плясать.

— Я не могу ей велѣть дѣлать то, чего она не можетъ, и насильно заставлять плясать дѣвушку съ вывихнутой ногою-безчеловѣчно и безчестно, отвѣчалъ Ратмирскій, едва владѣя собою.

— У нея, господа, дѣйствительно, должно-быть вывихнута нога, сказалъ Василій, заботливо наклоняясь къ поблѣднѣвшей Машѣ и прерывая разговоръ князя съ Ратмирскимъ, который, кто знаетъ, чѣмъ бы кончился. Посмотрите, она какъ смерть поблѣднѣла, прибавилъ онъ. Эти слова успокоили взволнованную и раздраженную толпу, участіе смѣнило досаду. Пользуясь этимъ мгновениемъ, Маша, опираясь на руку Василья, прихрамывая пошла черезъ комнату.

— Что съ тобою? тихо и тревожно спросилъ ее Ратмирскій, ставъ такъ, чтобы дѣвушка прошла мимо его.

— Ничего, отвѣчала она, я испугалась за тебя, думала, что вы повздорите. Ай! вдругъ вскрикнула она, и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Что съ нею? что съ тобою? спрашивали ее со всѣхъ сторонъ.

— Неловко ступила на большую ногу, отвѣчала Маша, и въ тоже время, сердито взглянувъ на поддерживавшаго ее цыгана, она быстро вырвала у него свою руку, и обратясь къ Ратмирскому, сказала: помогите мнѣ, Сергѣй Сергѣвич! вишь, онъ и поддержать-то не умѣетъ.

Въ дверяхъ ея комнаты, Ратмирскій что-то тихо шепнулъ Машѣ, и

едва слышное «хорошо» было ему отвѣтомъ. И еще долго послѣ того шировали гости и пѣлъ веселый хоръ; только угрюмый цыганъ Василій не пѣлъ болѣе. Проводя Машу до самыхъ дверей ея комнаты, несмотря на то, что она не хотѣла съ нимъ идти, онъ тоже незамѣтно выскользнулъ изъ комнаты. Далеко за полночь въ цыганскомъ домикѣ погасли огни; но не всѣ; въ маленькой комнаткѣ, которую занимала Маша, свѣча не потухала. При слабомъ свѣтѣ своего огарка молодая цыганка связывала въ небольшой узелокъ всѣ свои пожитки.

Наконецъ она крѣпко стянула узелъ, опустилась на стулъ, стоявшій возлѣ стола, и опершись головкою на руку, погрузилась въ тихую думу. Закинутые назадъ черные, густые волосы, открывали лицо, на которомъ каждая черта дышала счастьемъ. Полуоткрытыя губки ея, сладко улыбаясь, казались, шептали слова любви и привѣта. Весь міръ, повидному, исчезъ для нея, кромѣ того, объ комъ она думала. И въ этомъ упоеніи она не слышала шаговъ въ сосѣдей комнатѣ, не примѣтила жгучаго взгляда, который, сквозь неплотно притворенную дверь, слѣдилъ за малѣйшими ея движеніями. Долго сидѣла Маша въ этомъ положеніи, вся поглощенная внутренней жизнью; наконецъ руки ея тихо упали на грудь и небольшая золотая дощечка блеснула между тонкихъ пальчиковъ цыганки. Страстнымъ продолжительнымъ взглядомъ смотрѣла она на нее, и наконецъ горячія губки прильнули къ драгоценности. Въ тоже время вздохъ, или лучше сказать стонъ, заставилъ ее вздрогнуть; она подняла быстро голову—въ полуотворенной двери стоялъ Василій.

— Василій! сказала она, испуганная неожиданнымъ появленіемъ цыгана: что тебѣ надо? зачѣмъ пришелъ?

Цыганъ не отвѣчалъ на вопросъ Маши; но проведя рукой по блѣдному лицу, и сурово оглянувшись кругомъ, онъ спросилъ:

— А нельзя узнать: далеко-ли собралась?

— Да что ты мнѣ, отецъ, братъ, или мужъ, что отъ тебя нѣтъ покоя? сказала запальчиво цыганка.

— Я привелъ тебя въ таборъ, отвѣчалъ цыганъ, такъ мнѣ чай надо знать, куда ты собираешься бѣжать.

— Бѣжать! проговорила Маша, и глаза ея блеснули гнѣвомъ. Что ты, съ ума сошелъ? Да развѣ я у васъ въ кабалѣ здѣсь, я просто иду, куда хочу, продолжала она насмѣшливо. Уйду, не спрося твоего позволенія.

— А куда? спросилъ Василій, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Туда, гдѣ тебя нѣтъ.

— Такъ-то, Маша! простоналъ блѣдный цыганъ, закрывъ лицо руками.

— Такъ-то, Вася.

— Но куда же, несчастная ты головушка! къ кому, зачѣмъ?

— Туда, отвѣчала Маша: гдѣ нѣтъ такихъ злыхъ и гадкихъ людей, какъ ты; а зачѣмъ? ужъ это я смѣкаю про себя.

— Смѣкаю и я, горько сказалъ Василій: этотъ безбородый мальчишка....

— Не смѣй говорить объ-немъ, прервала Маша: не смѣй худого слова молвить! я ужъ тебѣ сказывала много разъ, что не могу этого слышать, или сейчасъ же уйду отсюда.

— Такъ стало ты его любишь?

— Люблю.

— А меня?

— Не нетерплю, равнодушно сказала дѣвушка.

— Маша, Маша, продолжалъ грустно Василій: послушай, опомнись! ты знаешь, вѣдь я тебѣ родной по душѣ...

— Спасибо за это родство! нѣтъ, ужъ на что-же, не нужно! прервала его холодно цыганка.

— Но скажи мнѣ, безумная, за что ты его любишь, чѣмъ онъ приколдовалъ тебя?

— Тѣмъ, что не похожъ на тебя, отвѣчала Маша: тѣмъ, что любить меня.

— А я? нешто я не люблю тебя?

— Ты только мучишь меня, словно злой демонъ всегда меня преслѣдуешь, какъ тѣнь всегда стоишь за мною. Я наказывала тебѣ, чтобъ не смѣлъ говорить худо про Сережу, а ты, на зло, его ругаешь каждую минуту: я этого не могу сносить, слышишь-ли, не могу. Лучше ножемъ полосни, чѣмъ слышать, какъ ты его позоришь. Но теперь я этого больше не услышу; буду думать о немъ всякъ часъ, любить его чистаго, не поруганнаго; завтра я уйду отъ васъ.

— Какъ-то еще пустякъ! язвительно сказалъ цыганъ.

— А кто это не пустякъ? вспыхнувъ, спросила Маша.

— Таборъ.

— Поди, выспись, Васька Орликъ! засмѣявшись, сказала Маша. Ты во смѣ бредишь. Да что я вамъ продава что-ли? Я вольная птаха, лечу, куда хочу; и она запѣла: «Я лечу, лечу, лечу, я лечу, куда хочу!» Возьму себѣ пачпортъ, да и поминай, какъ звали.

— Ладно! уйди! быть такъ, уйди! вскричалъ цыганъ бѣшено; но прежде раздѣлайся съ таборомъ. Вѣдь это все здѣсь тебѣ сдѣлали, чай

таборъ рядилъ тебя куколкой; я своего пая не бралъ, только-бъ ты была нарядна... а запомни: пришли-то мы сюда съ сумою.

— Я за все заплатила моими паями, и это все мое, спокойно отвѣчала Маша.

— Не за все, не за все, косатка! продолжалъ по прежнему цыганъ. За тряпки, можетъ-статься, и хватить твоихъ цаевъ; но у тебя, видишь, есть и золотыя штучки, говорилъ онъ, показывая на медальонъ, висѣвшій на груди у Маши, а этого ты не показала на раздѣлъ.

Глаза дѣвушки блеснули; она поспѣшно сняла съ себя медальонъ, и съ злою улыбкою, забавляясь бѣшенствомъ цыгана, сказала:

— Да еще какая штучка-то, Вася. Хочешь покажу, что обдѣлаю въ золотъ? На вотъ,—это мой Сережа, какъ живой, голубчикъ! говорила Маша, поднося медальонъ съ портретомъ къ самому лицу Василья. Смотри, какой красавчикъ... это моя жизнь, моя зазноба, душа моя! И она горячо цѣловала портретъ, прижимая его то къ губамъ, то къ сердцу. А хорошъ-то какъ! Не то, что ты — уродъ.

Послѣднія слова, какъ громомъ поразили молодого цыгана, онъ поблѣднѣлъ, всѣ члены его затряслись. Глаза его подернулись туманомъ; съ какою-то тупымъ отчаянiемъ и укоромъ смотрѣлъ онъ на восторженную шалунью, и дрожащія губы не въ состоянiи были произнести ни одного слова. Судорожно стиснувъ рукою казаккии своей у самой груди, а другою сжавъ лобъ, онъ только глухо простоналъ и прислонился къ оконницѣ. Этотъ стонъ образумилъ Машу, она взглянула на Василья, и бросилась къ нему.

— Вася, Вася! голубчикъ, прости меня! я тебя обидѣла, я злая дѣвчонка, я это знаю; жалею у меня—не языкъ!.. ну, Васюта, ну, помирись, говорила она кротко, стараясь отнять его руки отъ лица. Ну, брани меня, прибай! продолжала она съ мольбою, я буду молчать, только прости меня. Что же мнѣ дѣлать, Вася, когда я люблю его! аты меня все дразнишь; я люблю его такъ, что и сказать не умѣю, я не могу жить безъ него, онъ для меня жизнь, воздухъ, день, радость, все, все... Я умру, когда меня разлучать съ нимъ! Вася, кромѣ тебя, у меня никого нѣтъ роднаго! Голубчикъ Вася, ты кормилъ меня, берегъ, когда я еще не могла сама работать, ты никогда не покидалъ меня, пожалѣй-же и теперь! Ты мнѣ отецъ, и братъ, и другъ! Но такъ любить, какъ его, я не могу никого въ Божиѣмъ мiрѣ. Ужъ видно такъ мнѣ на роду написано, Вася! Хоть бы онъ меня ненавидѣлъ, я все бы, кажется, стала любить его; ну, а онъ и самъ меня любить... видишь, вотъ я отъ ечастiя и сошла съ ума. Да ну-же, не сердись, злой человекъ, прости меня!

Голосъ молодой цыганки былъ нѣженъ, звучалъ какою-то безиррадикальною гармоніей; слезы ея, кажется, смагчали бы самое желѣзо. Мрачный цыганъ невольно отнялъ руки отъ блѣднаго лица, по которому капались двѣ крупныя слезы, и покачавъ крѣпко головою, сказалъ тихо: Богъ съ тобою, Маша! ты меня обидѣла, заставила заплакать, въ первый разъ отъ роду; я и мальчишкой-то никогда не плакалъ, а ты теперь вотъ до чего довела... Но знаешь-ли ты, гадушечка, что точь, для кого ты обидѣла меня, погубить твою красоту и молодость...

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, не говори этого! твердо вскричала Маша: нѣтъ, онъ добрый человекъ, онъ меня любитъ и этого не сдѣлаетъ.

— Знаемъ мы ихъ любовь, уныло сказала Василия: какъ роса—до солнца.

— Не говори такъ, Вася! О, я съ нимъ буду очень счастлива.

— Вѣрь ты имъ, этимъ красюбаямъ.

— Но онъ любитъ меня, я это знаю! съ увѣренностію и достоинствомъ возразила Маша.

— Любить-голубить, да и обманываетъ; увидишь, чья правда.

— Любить! съ жаромъ отвѣчала дѣвушка. И я его люблю, и жить безъ него не хочу, не могу, не стану... уйду отъ васъ, или убью себя!

Цыганъ молчалъ. Видно было, что страшная мука рвала его душу на части; тяжелое дыханіе высоко поднимало его широкую грудь, на лоснящемся лбу выступилъ холодный потъ, и крѣпко сжатые губы какъ бы сдерживали невольный вопль. Такъ простоялъ онъ нѣсколько минутъ; наконецъ перемогъ себя, и быстро поднявъ голову, съ глазами, полными негодованія, отрывисто сказалъ:

— Хорошо, ступай, ужъ коли такова твоя судьба; но види скорѣе! Съ глазъ долой, тоски меньше, легче будетъ. Но помни, Маша, продолжалъ онъ: помни, что ты сгубила мою готову, не того я ждалъ отъ тебя. Будешь и ты горько плакаться, будешь каяться и метаться, не кому будетъ помочь твоему горю! Васька Орлика не увидишь больше.

И цыганъ быстро вышелъ изъ комнаты, захлопнувъ за собою дверь.

Рано утромъ, на другой день, Маша оставила таборъ, взявъ свой видъ и узелокъ съ пожитками. Никто не зналъ, куда она ѣхала и кѣмъ была прислана за нею наемная карета. Но таборъ получалъ богатый выкупъ и дружески провожалъ бѣглянку, разными желаніями и привѣтами.

Василій не прощался съ Машею, не провожалъ ее. Безмовно стоялъ онъ у окна, оборотясь спиною къ окружающимъ и скрестя руки на груди, когда цыганки шумно цѣловались съ своею товаркою. Вотъ всѣ

высыпали на улицу, застучали колеса отъезжающего экипажа, а Василий стоялъ все такъ же неподвижно, только руки бѣднаго цыгана крѣпче сдавливали грудь, какъ бы мѣшая сердцу выскочить изъ нея, и легкое судорожное движеніе лица, можетъ-быть, сдерживало непрошенную гостью слезу.

Черезъ полчаса въ беззаботной семьѣ цыганскаго домика закипѣла опять обычная жизнь. Молодые цыгане строили гитары, цыганки спѣшили на спѣвку. Проходя мимо Василья, кто-то, дернувъ его за полу, сказалъ: Ну, что нахмурился, бери гитару, ступай... наши всѣ въ залѣ. Василий обернулся, лицо его было покойно, онъ молча взялъ свою гитару, подъ которую пѣвала красавица Маша, съ минуту глядѣлъ на нее, тихо проводя пальцами по струнамъ, и потомъ со всего размаха ударилъ ее объ полъ. Гитара разлеталась въ дребезги.

— Что ты, Василий, съ ума сошелъ никакъ! для чего ты разбилъ гитару? спрашивали его цыгане.

— А на что она мнѣ, пустая балабайка! Я не хочу больше пѣть! отвѣчалъ Василий, и къ вечеру его также не стало въ таборѣ.

V.

Прошло пять дней съ-тѣхъ-поръ, какъ Маша и Васяна Орликъ перестали тѣшить обычныхъ посѣтителей цыганъ дружнымъ пѣніемъ и веселою пляскою, и отсутствіе этихъ двухъ лицъ имѣло большое вліяніе на таборъ. Многіе изъ ежедневныхъ гостей перестали совсѣмъ являться, и что всего было важнѣе, въ числѣ ихъ были князь и Ратмирскій, самые страстные слушатели, самые щедрые на платежъ. Князь такъ еще былъ раза два послѣ ухода Маши, все справляясь объ ней; но Ратмирскій рѣшительно канулъ въ воду. Никто не зналъ, куда запропалъ молодой человекъ. Правда, многіе справлялись объ Серержѣ, завѣщая къ нему и днемъ и вечеромъ, привлеченные свѣтомъ въ кабинетъ; но получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ отъ старика Фоки, который постоянно бывалъ въ передней: «Баринъ изволилъ выѣхать» или «Еще не пріѣзжали», или: «Они на весь день отъзваны».—Но куда же, братецъ, онъ поѣхалъ? спрашивали старика.

— А Господь его знаетъ! Ему, слава Богу, есть гдѣ бывать, да и старый баринъ много ему надавали комиссій по дѣламъ; писали изъ за границы къ Сергѣю Сергѣевичу, такъ, можетъ-статься, онъ по дѣламъ и хлопочеть.

— Врешь ты все, братецъ, говорила ему прѣдъан Ратмирскій: его ниче совсѣмъ и дома-то не было; ми знаешь, гдѣ онъ.

— Старъ, господа, я врать-то, отвѣчалъ обиженный старикъ: а коли знаете лучше меня, гдѣ баринъ, такъ вашей милости и книги въ руки.

На старика никто не сердился, потому-что всѣ знали, что обидѣть Ооку значило поссориться съ Сереею. Спусти недѣлю, часу въ одиннадцатомъ, въ домъ Ратмирскаго, по обыкновенію, видѣлся огонекъ въ кабинетъ и въ прихожей. Сгорбясь и подперши руками сѣдую голову, старикъ Оока сидѣлъ надъ довольно толстою книгою, въ кожаномъ черномъ перешитѣ; но неподвижное положеніе старика и одна и также страница, на которую былъ устремленъ печальный взоръ его, ясно говорили, что не чтеніе было у него на умѣ. Наконецъ, онъ глубоко вздохнулъ, тихо поднялъ голову и грустно взглянулъ на часы, висѣвшіе въ углу комнаты и одни только однообразнымъ стукомъ шатлика напоминавшіе о жизни.

— Одиннадцать часовъ, прошепталъ старикъ, одиннадцать, и сколько уже ихъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ куда-то пропалъ? И старикъ поникъ головою. Ужъ не умеръ-ли? снова проговорилъ Оока съ какимъ-то ужасомъ... Умеръ, продолжалъ онъ, разсуждая вслухъ: умеръ! Но отчего? Вѣдь онъ былъ совершенно здоровъ. Ахъ, ты Господи Боже мой! ума не приложу, просто въ боль самого кинуло! И дѣйствительно, лицо старика было необыкновенно блѣдно, а впалые глаза тусклы. Уморить захотѣлъ меня, старика! продолжалъ онъ, тихо поднимаясь съ мѣста: вотъ оно что!.. Эхъ, старикъ, старикъ! поспѣшно прибавилъ онъ, какъ-бы оправдывая предъ собою того, кого обвинялъ: Ему вѣдь только еще двадцать два, молодъ, кровь кипитъ, голова блажитъ: ну, вотъ и случай тутъ весь. Да легче-ли мнѣ оттого! Сердце выболѣло! снова вздыхая и усаживаясь попрежнему, шепталъ онъ. Но старикъ не успѣлъ еще спустится на стулъ, какъ быстро подѣхавшій экипажъ прервалъ его монолегу, заставя проворно всмочить на ноги.

— Неужели онъ! дай-то Богъ! и съ первымъ ударомъ звонка, набожно перекрестясь и схвата горѣвшую свѣчу, кинулся онъ къ двери, въ которую чрезъ минуту вошелъ Ратмирскій.

Руки старика дрожали, когда онъ снималъ шинель съ молодого челоука, и на впалыхъ глазахъ его навернулись слезы, когда тотъ ласково потрепалъ его по плечу, и сказалъ: Здравствуй, другъ Оока! да что это ты въ прихожей? Развѣ, кромя тебя, некому меня встрѣтить?

— Семь дней, батюшка, Сергѣй Сергѣичъ, постороннимъ людямъ ждаль

не приходится, на пролетъ каждую ночь. Люди хотять ѣсть и отдохнуть; это можно только тому, кому и сонъ и ѣда опостылили... печально отвѣчалъ старикъ.

— Но теперь и то, и другое снова придуть? не такъ-ли, душа Оока? улыбаясь сказалъ Ратмирскій, идя въ комнаты, куда, не отвѣчая на слова, послѣдовалъ за нимъ и старикъ. Горькая на стогъ лампа удивила Ратмирскаго.—За чѣмъ горитъ лампа? Развѣ здѣсь кто былъ безъ меня? быстро спросилъ онъ Ооку.

— Васъ ждали, отвѣчалъ Оока. Да и неужто таки, продолжалъ онъ угрюмо, (хотя, взглянувъ на него пристальнѣе, можно было замѣтить, что онъ только стараяся быть такимъ, но что въ самомъ-дѣлѣ внутренно ожилъ съ минуты пріѣзда Сережи):—неужто-таки, такъ вотъ и надобно было запереть домъ, погасить вездѣ свѣчи, закрыть ставни; пусть молъ, весь крещеный миръ знаетъ, что хозяинъ кинулъ домъ, что пропадаетъ безъ вѣсти по цѣлой недѣлѣ.

— Ну, всё ли Оока? наворчался, что-ли? кротко, выслушавъ старика, сказалъ Ратмирскій. Ну, виноватъ, мой старый другъ! продолжалъ онъ, подавая старику руку: помиримся. Увѣряю тебя, что этого больше не будетъ.

Глаза старика какъ-то странно заморгали, морщинистое лицо судорожно подернулось, и теплая слеза упала на протянутую руку молодого челоуѣка, къ которой старикъ припалъ губами.

— Ну, другъ Оока, говорилъ Ратмирскій, лаская старика: полно! какъ тебѣ нестыдно такъ меня огорчать; развѣ это Богъ знаетъ кака была бѣда?

— Не бѣда, батюшка, Сергѣй Сергѣичъ, а очень нехорошо, отвѣчалъ Оока, утирая рукою глаза. Ну дойдетъ до дядюшки?

— Такъ что-же?

— А то, сударь, что дядюшка-то не больно жалуется поблажку, тихо отвѣчалъ Оока. Помните, какъ мы пришли сюда съ вами... крошечку вѣдь принесъ я васъ на рукахъ, то-есть, малаго ребенка, да и то дядюшка спросилъ: «А что мальчишка-то не избалованъ? я молъ не люблю дурныхъ ребятъ!» Да вы сами вспомните, много-ли онъ спускалъ вамъ? что называется, всякое лыко въ строку... значить, коли хорошъ—ладно, ну, а свихнулся, такъ не прогнѣвись! — Вотъ оно что, сударь; а теперь и колья паче зыскъ будетъ.

— Но ты забывъ, что тогда я былъ ребенокъ, а теперь...

— Начали блажить, договорилъ Оока: и будетъ неладно, коли старшой то учнетъ спрашивать: какъ молъ, гдѣ и что такое?

— Онъ мнѣ не отецъ, холодно сказадь Серѣжа.

— Кабы онъ намъ былъ отецъ, батюшка Сергѣй Сергѣичъ, то я и толковать-бы не сталъ; поворчалъ бы только—для моціону, да и все тебѣ тутъ; а то... и старикъ значительно почесалъ въ затылкѣ.

— Миѣ скоро двадцать три года, серьезно сказалъ молодой человекъ, спокойно усаживаясь на диванѣ: пора имѣть и свою волю.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ, глубоко вздохнувъ, отвѣчалъ старикъ: но при своей волѣ не худо-бы имѣть и еще что-нибудь; а у насъ съ нами, батюшка, кромѣ вашихъ двадцати двухъ да моихъ семидесяти, ничего нѣтъ, а это такой капиталъ, за который и полпроцента не дадутъ; а съ своею-то волею, намъ, пожалуй, велать идти туда, отколы пришли... вотъ оно что! Такъ ужъ лучше «скачи враже, якъ панъ каже»; право такъ, батюшка.

— Былъ кто-нибудь? спросилъ Ратмирскій, перебивая разговоръ.

— Развѣ кто не былъ, сударь... отвѣчалъ Оока.

— Что-жь ты говорилъ?

— Что говорить? вралъ, что ни на есть... лгать на старости сталъ, вотъ оно что! Говорилъ, что по дѣламъ хлопчете.

— Ну, а она что?

— Что имъ? Иные молчали, другіе скалили зубы; говорили, что вру; они вѣшь-ли знаютъ гдѣ вы.

— Ну, а ты?

— Да что я? Такъ бывало и хочется спросить; а гдѣ молъ? да неловко... Вотъ и скажешь: знаете?—передъ вами, молъ, да и запрешь дверь.

— Если завтра кто пріѣдетъ, доложи миѣ. Прощай, старый ворчунъ! проговорилъ Сережа, зѣвая и потягиваясь: я усталъ, пора спать.

— А гдѣ это вы, сударь, были? спросилъ Оока, раздѣвая барина.

— Недалеко, и теперь меня тамъ нѣтъ! съ тихимъ вздохомъ проговорилъ Ратмирскій, ложась въ постель и закрывая глаза.

— Видно, что нѣтъ, ворчалъ старикъ, уходя къ себѣ въ комнату: но гдѣ это ты былъ, соколикъ,—вотъ оно что?

Съ этого времени Ратмирскій совершенно переѣхался. Большую часть времени онъ проводилъ дома; тѣмъ болѣе, что пріѣхавшій старикъ-князь немедленно вступалъ въ управленіе своею должностію, и Сережа, въ качествѣ чиновника при князѣ, (это старикъ Ратмирскій устроилъ въ Петербургѣ, при свиданіи съ княземъ), долженъ былъ серьезно заниматься дѣлами, которыя ему поручались. «Миѣ очень пріятно будетъ оправдать довѣренность вашего дядюшки и моего лучшаго друга, сказалъ князь, когда молодой Ратмирскій явился въ нему съ письмомъ отъ дяди, и еще болѣе буду радъ, если найду въ васъ»

усердного помощника. А между-тѣмъ, прошу васъ, молодой человекъ, считать мой домъ родственныиъ и въ службы быть со мною по просту, безъ чиновъ.

Такое обращеніе князя съ Сережею, его теплая дружба къ старику Ратмирскому, когда онъ говорилъ объ немъ, доброта и великодушіе съ подчиненными, и въ тоже время, неусыпная дѣятельность и рѣдая справедливость во всемъ, привязали къ нему молодаго Ратмирскаго всей душою. Онъ готовъ былъ трудиться день и ночь, чтобы только угождать князю.

— А гдѣ ты, ужасный человекъ, спряталъ Машу? спрашивалъ его молодой князь, когда они встрѣтились съ Сережею въ домъ его отца.

— А я только что хотѣлъ тебя спросить объ этомъ, сказалъ, улыбаясь, Сережа.

— Фиштышь, другъ, сказалъ князь: это тебѣ лучше извѣстно, чѣмъ кому-нибудь.

— Вотъ вздоръ, возразилъ Сережа, полу-шутя, полу-серьезно. Да съ чего ты взялъ, что если дѣвушка пропала, то ужъ непременно я увезъ ее.

— Да кому же больше; вѣдь ты за нею ухаживалъ.

— Ужъ не больше твоего, князь.

— Но она тебѣ оказывала предпочтеніе.

— А ты это какъ знаешь?

— Да это, *mon cher*, видно было.

— Ну, это *видно* еще подлежитъ сомнѣнію, когда я не знаю, куда она дѣлась.

— Вздоръ, лѣбезный, знаешь!

— Князь, сказалъ Сережа очень серьезно: если это шутка, то она теряетъ цѣну, потому-что очень продолжительна; если же не шутка, то я прошу тебя не говорить мнѣ болѣе объ этомъ; я не хочу пострадать во мнѣніи твоего отца и моего дяди, за глупую выдумку, которую угодно было кому-то сочинить на мой счетъ. Постарайся сказать, если ты знаешь этого человека, что я не всегда бываю смиренъ, что былъ первымъ ученикомъ фехтовальнаго класса и весьма недурно владѣю пистолетомъ.

— Ну, братъ, этимъ не всякаго испугаешь и заставишь молчать, съ легкой досадою отвѣчалъ князь.

— Тебя, конечно, незаставишь, дружески пожавъ руку князя и дѣлая видъ, что незамѣтилъ его досады, продолжалъ Ратмирскій: не сомнѣясь, что многіе изъ тѣхъ, съ которыми мы поневолю, отъ нечего дѣлать, сошлись, похожи на сточныя трубы: они ле-тѣтъ-портъ и тѣмъ-то

завтъ всякую нечисть, пока порядочной человекъ не заткнетъ ихъ чѣмъ-нибудь. Пожалуста, князь, изъ дружбы ко мнѣ, враауми этихъ господъ, чтобы мнѣ и въ-самомъ-дѣлѣ не пришлось разыграть съ ними фанфарона.

Дружескій, чистосердечный тонъ Ратмирскаго совершенно сблизъ съ толку князя; съ другими же Ратмирскій или вовсе говорить не хотѣлъ, а нѣкоторымъ, болѣе неотвязчивымъ, давалъ самые уморительные адреса, которые приводили ихъ совѣтъ не туда, куда имъ хотѣлось, и чрезъ это дѣлалъ ихъ самихъ сказкою товарищей, отвлекая общее вниманіе отъ себя. Вскорѣ толки объ Машѣ стали затихать; и когда хо-ну-то изъ охотниковъ до предположеній пришло разъ въ голову сказать, что Василій, этотъ страшный аргусъ Маши, который сторожилъ ее, какъ сокровище, соскучась ежеминутнымъ бдѣніемъ, вѣроятно, самъ увезъ ее куда-нибудь, потому что пропала съ нею въ одинъ и тотъ же день, то вся молодежь порѣшила, что это дѣйствительно должно быть такъ, да на томъ и покончили. Въ-слѣдствіе этого, молодой Ратмирскій успокоился. Впод-гѣ предапный своимъ новымъ занятіямъ, онъ однакоже раза два или три въ недѣлю находилъ возможность отлучатся изъ дому на нѣсколько часовъ, и каждый разъ, когда возвращался домой, иногда на разсвѣтѣ, старикъ Юва, глубоко вздыхая, тихо шепталъ: «Не хорошо, охъ, не хорошо!» но это онъ шепталъ про себя, потому-что началъ замѣчать, что возгласы его не нравились молодому человеку. Между-тѣмъ время не стояло: прошли дни, недѣли, мѣсяцы, прошла зима, и вотъ пахнуло тепломъ и ароматомъ, зазеленѣли березки, зажелтѣли поля цикоріей. Экипажи потянулись за заставу. Ближайшія къ городу дачи, одна за другою, поспѣшно занимались и приводились въ порядокъ, и скоро за-поздалый дачникъ долженъ былъ уже искать для себя временнаго убѣжища въ мѣстахъ, не посѣщаемыхъ людьми, что называется, *soit le fait*, гдѣ не отличный оркестръ, а какой-нибудь кочующій шарманщикъ или доморощенный орфей съ балагайкой утоляетъ музыкальныя потребности забѣжихъ. Но забираться въ такую глушь не было ни у кого охоты. Какъ захватъ въ деревню, гдѣ не увидишь ни одной шляпки, кромѣ своей; гдѣ новенькій бурнусъ не возбудитъ ни въ комъ зависти, а звѣваемый вѣтромъ локонъ не произведетъ эффекта?—думали дамы; гдѣ даже не составишь партіи въ преферансъ—разсуждали мужчины, и въ дальнія, привольныя затишья тянулся развѣ одинъ бѣднякъ, котораго нужда выживала изъ города, или больной, чающій въ животворной природѣ почерпнуть новыя силы. Для этихъ было все равно: голодать и умирать вездѣ можно. И такъ, за волшебный рубежъ, начертанный модою и общепринатымъ приличіемъ, никто почти не хотѣлъ

перешагнуть. А напрасно! Деревенки, раскинутыя тутъ и тамъ въ окрестностяхъ, были такъ живописны, воздухъ такъ чистъ, природа такъ прелекательна, люди — ну да объ нихъ нечего говорить: люди вездѣ одинаковы.

Но еслибы кто-нибудь задумалъ заглянуть въ одну изъ этихъ деревенокъ, верстахъ въ пяти отъ города, то былъ бы пріятно изумленъ ея живописнымъ мѣстоположеніемъ, чистенькими домиками, которые, пріютася у опушки лѣса, такъ заманчиво и кокетливо выглядывали изъ своей зеленой рамки. Особливо одинъ изъ этихъ домиковъ, почти спрятанный въ густой кушѣ деревъ и убранный совершенно не съ деревенскою простотою, такъ и манилъ прохожаго въ небольшой свой садикъ, который окружалъ сиренями и черемухами домикъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, маркизами. Въ окнахъ дома, такъ-же какъ и на бревенчатомъ балконѣ, красовалось множество цвѣтовъ и рѣдкихъ растений, разставленныхъ со вкусомъ и щегольствомъ. Два огромныя дерева, росшія по бокамъ домика, сплетаясь вѣтвями надъ его крышею, какъ два скупца, оберегали и прятали свое сокровище, защищая его и отъ солнца, и отъ грозы.

Но кто жилъ въ этомъ домикѣ? Въ немъ жила очень молоденькая женщина. Фамиліи ея никто не зналъ, да и въ голову не приходило добрымъ мужичкамъ справляться о томъ, кто она. «Красавица-барыня», звали ее всѣ въ деревенкѣ, и въ этомъ прозвищѣ заключался весь ея паспортъ. Она жила здѣсь уже болѣе полугода; еще въ позднюю осень былъ нанятъ домикъ; нѣсколько дней усердно работали надъ нимъ множество мастеровыхъ, и все, что только можно было придумать для украшенія, какъ по волшебству, явилось въ немъ въ три или четыре дня. Съ-тѣхъ-поръ «красавица-барыня» поселилась въ немъ и жила, не только безвыѣздно, но даже почти безвыходно. Чѣмъ занималась она, тоже не было извѣстно. Правда, когда съ послѣднимъ холоднымъ вѣтеркомъ исчезли двойныя рамы, то изъ открытаго окна иногда были слышны звуки какого-то инструмента, и звонкій, заманчивый голосъ, вторя имъ, собиралъ подъ окна толпу невыскательныхъ слушателей. Но чаще всего «красавицу-барыню» видали у окна, она сиживала, склоня хорошенькую головку на руку. По нѣсколькимъ часамъ сряду оставалась она въ въ этомъ положеніи, и съ грустію смотрѣла вдаль, на дорогу, по которой, по видимому долженъ былъ кто-то пріѣхать, и этотъ кто-то пріѣзжалъ часто, очень часто. Съ крикомъ радости она всегда на крыльцѣ встрѣчала желаннаго гостя и со слезами провожала его, слѣдя глазами за экипажемъ до-тѣхъ-поръ, пока отъ маленькою ласточкою не потонетъ вдаль.

Быль чудный, теплый день, въ концѣ мая. У открытаго окна, между цвѣтущихъ розъ, по обыкновенію, сидѣла обитательница сельскаго домика. Тоскливо смотрѣла она, какъ всегда, вдаль, на горизонтъ, гдѣ между синѣющими пашнями, змѣйкой вилась проселочная дорога. Въ глазахъ и движеніяхъ замѣтно было нетерпѣніе. Но вотъ вихремъ заглубилась далекая пыль, облако несется, становится больше, прозрачнѣе... еще минута—и можно уже было отличить пару прекрасныхъ рысаковъ, которые неслись во весь духъ по направленію къ деревенькѣ. По мѣрѣ того, какъ они приближались, молодая женщина начинала встать: то, какъ ребенокъ, прыгала на одномъ мѣстѣ, повторяя: «идеть, ѣдетъ!» то, подбѣгая къ огромному трюмо, которое почти касалось потолка, заботливо поправляла свой нарядъ, изысканно богатый; то опять бѣжала къ окну, что-бы взглянуть близко-ли тогъ, кого она ждала. Но вотъ онъ близко, онъ уже на крыльцѣ; но его нейдутъ встрѣчать; напротивъ, хорошенькія губки, за минуту такъ радостно улыбавшіяся, вдругъ надулись, черныя бровки сдвинулись, и молодая женщина съѣла на прежнее мѣсто, обернувшись спиною ко входу.

— Маша! другъ мой! здравствуй! говорилъ прѣзжавшій, поспѣшно входя къ комнатѣ.

— Здравствуйте! холодно отвѣчаетъ хозяйка, не двигаясь съ мѣста.

— Э! да что это съ тобою, мой другъ? улыбаясь, спросилъ ее прѣзжавшій.

— Такъ, ничего! пробормотала она сквозь зубы.

— Сердита?

— Сердита; отозвалась Маша.

— А вотъ, посмотримъ, какъ мы умѣемъ сердиться, сказалъ прѣзжавшій молодой человѣкъ, нецеремонно повертывая къ себѣ головку хозяйки и страстно поцѣловавъ ее въ надутыя губки.

— Сердита, сердита, говорила молодая женщина, какъ голубь, трепеща отъ восторга и счастья на груди молодого человѣка: да сердита, повторила она, злой, ужасный человѣкъ! четыре дня, слышишь-ли ты, негодный... четыре дня не былъ.

— Слышу, Маша, слышу; я это очень хорошо чувствовалъ; но что-же дѣлать, нельзя было.

— А это *нельзя* часто будетъ, Сережа? хмури брови, спросила Маша.

— Думаю, что нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ теперь, лѣтомъ. Когда князь переѣдетъ на дачу, я буду освободнѣе.

— Я не люблю твоего князя, онъ тебя совсѣмъ отнял у бѣдной Маши!—и помолчавъ, она прибавила: Ну, а зимою, тоже будетъ нельзя?

— И, мой другъ, смѣясь, отвѣчала молодой человѣкъ: зима еще далеко.

— Нѣтъ, не далеко, какитъ-нибудь пять мѣсяцевъ; они скоро пройдутъ.. и я хочу знать, буду-ли видѣть тебя часто, часто, каждый день, потому что—прибавила молодая женщина, съ многою наивностью лаская гостя: потому-что, видишь-ли, Серёжа, мнѣ необходимо видѣть тебя каждый день, если не чаще, иначе вѣдь я умру, непременно умру! Да и какъ они, эти люди, смѣютъ разлучить насъ, отнимать тебя, когда ты мой, когда я люблю тебя!

Такъ длился анакреонтическій разговоръ, подслащаемый ласками, подъ свѣжо пышныхъ розъ и ераній, а солнышко между-тѣмъ шло обычнымъ путемъ, и прежде, чѣмъ молодые любовники успѣли пересказать другъ-другу, въ сотый разъ, уже сказанное прежде, легкій туманъ подернулъ темнѣющую даль. Молодой человѣкъ всталъ.

— Какъ! ты уже ѣдешь, такъ скоро...

— Что дѣлать, мой другъ, завтра надо доложить князю одно дѣло; отгибнуть я этого не могу.

Молодая женщина слегка покраснѣла и съ досадою топнула ногой. Противный твой князь! Ты его любишь больше, чѣмъ меня. Ну, а когда прїѣдешь?

— Думаю скоро; можетъ-быть, послѣзавтра.

— Право? Честное слово? Прїѣзжай-же непременно! Посмотри, какъ мнѣ скучно, я все одна, чѣмъ дни одна! грустно проговорила Маша.

Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на нее молодой человѣкъ, и стараясь утѣшить ее, оказалъ: «Я знаю, что тебѣ скучно, Машечка, но что-же дѣлать! пока это необходимо; нужно, чтобы никто не зналъ нашей тайны, чтобы никто тебя не видалъ, иначе можетъ выдти очень дурно. Потерпи мой ангелъ, погоди, прибавилъ онъ съ какимъ-то наслажденіемъ: будетъ время, когда я самъ покажу всѣмъ мое сокровище, и пусть они замышляютъ отъ зависти. Но до-тѣхъ-поръ, Маша, пожалуйста не показывайся никому, и не говори ни съ кѣмъ ни слова.

— Не буду, не буду! отвѣчала она.

— Видишь ли, Маша, продолжалъ молодой человѣкъ серьезно и съ жаромъ. можетъ случится, что тебя кто-нибудь обидитъ, оскорбитъ—вѣдь я этого не прошу никому, я убью его; но и самъ погибну, и тогда — продолжалъ онъ, прижимая къ себѣ Машу; тогда уже никому будетъ стоять за тебя! Погоди же, мой другъ, придетъ наше время, и получимъ нашу славу тройнымъ счастіемъ... Не случай!

— Не буду скучать; я буду думать о тебѣ, буду летать за тобой

мыслью, какъ голубка... и тебѣ икнется на разъ — посмотри! отвѣчала Маша.

— Знаешь ли что, моя душа, говорилъ Сережа: самое лучшее отъ скуки—чтеніе.

Маша тихо вздохнула, опустила голову и не отвѣчала.

— Ты вѣрно ничего не читаешь, Маша? съ легкимъ упрекомъ сказалъ молодой человѣкъ.

— Ничего, отвѣчала шопотомъ Маша: да и что я тамъ буду читать? прибавила она простодушно: Тамъ говорятъ Богъ знаетъ объ комъ, а этихъ людей никогда не видала, совсѣмъ не знаю, такъ что жъ мнѣ объ нихъ читать?

— Это нужно, мой другъ, съ невольною улыбкою возразилъ Сережа: чтеніе тебя образуетъ, дастъ тебѣ понятіе о вещахъ, которыя необходимо знать въ свѣтѣ.

— Ну, хорошо, я буду читать.

Нѣсколько разъ Сережа собирался уѣхать, и каждый разъ все оставался еще нѣсколько минутъ, которыя превращались въ часы, и когда они расстались, востокъ уже багровѣлъ новымъ утромъ. Быстро перенеслись отдохнувшія лошади, и долго еще на балконѣ маленькаго домика, между цвѣтовъ, рисовался темный силуэтъ женщины, но наконецъ и онъ скрылся, и въ маленькомъ домикѣ все затихло.

VI.

Спустя нѣсколько дней, въ той же комнатѣ, гдѣ еще недавно была такъ счастлива Маша, при свиданіи съ Ратмирскимъ, происходила совершенно другая сцена. Закрывъ лицо руками, Маша сидѣла у окна и горько плакала. Передъ нею печально стоялъ Сережа и съ нѣмною грустью смотрѣлъ на плачущую, нетерпѣливо обрывая стоявшіе на окнѣ цвѣты: «Но послушай, мой другъ, сказалъ онъ наконецъ кротко и ласково: вѣдь это неблагоприятно! Какъ же ты не хочешь понять, что я не могу иначе поступить?»

— Не хочу ничего понимать, отвѣчала, рыдая Маша: не могу ничего понимать, кромѣ того, что ты меня покидаешь.

— Надолго ли, мой другъ! На одинъ только мѣсяцъ; ты и не увидишь, какъ онъ промелькнетъ; я приѣду, и мы вдвое будемъ счастливы, послѣ короткой разлуки.

— Мѣсяцъ! почти вскрикнула Маша, мѣсяцъ — шутка! Ахъ, ты злой человѣкъ! Мѣсяцъ — это цѣлая жизнь! прибавила она живо и

почти съ отчаяніемъ. Да знаешь ли ты, что въ этотъ мѣсяцъ я увижу, что я не могу жить, не зная навѣрное, что чрезъ день, много чрезъ два или три—увидю тебя! Теперь, по крайности, я жду, считаю часъ; а то мѣсяцъ! О, это ужасно!

— Но разсуди на милость, опять началъ Сережа: что же мнѣ дѣлать? Дядя, противъ всякаго ожиданія, вернулся въ Россію; онъ въ Петербургѣ, онъ мнѣ объ этомъ пишетъ. Къ моему несчастію, князь тоже ѣдетъ туда за дочерью: онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нимъ, для свиданія съ дядею. Какъ же мнѣ отказать? Мало того, что это было бы неблагоразумно, но даже и благодарно въ отношеніи къ дядѣ, который любитъ меня, какъ сына, и отъ котораго зависятъ все мое благосостояніе.

— А я? Я тебя не люблю развѣ?

— Люблю, душечъка; но теперь терзаешь мнѣ душу своими слезами.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобы я пѣла и плясала отъ радости, что ты ѣдешь? сказала Маша, вскочивъ съ мѣста: что этотъ человекъ, дядя твой, пріѣхалъ для того, чтобы отнять тебя у меня? О! я знаю, онъ вернулся на мое горе!

— На какое же горе? Что онъ можетъ тебѣ сдѣлать?

— Много, много! съ тоскою шептала Маша: Онъ прикустъ тебя къ себѣ, ты не будешь ѣздить сюда, я не увижу тебя болѣе!

— Ну, полно, полно, Маша! Ты изъ пустяковъ мучишь себя! Перестань, мой другъ, прибавилъ Ратмирскій, убаюкивая ее, какъ ребенка, и глядя припавшую къ нему на грудь головку. Ты увидишь, какъ все пойдетъ хорошо, продолжалъ онъ: къ зимѣ я устрою домикъ въ городѣ, перевезу тебя поближе къ себѣ и тамъ мы будемъ видѣться каждый день и будемъ по прежнему счастливы.

Молодая женщина тихо подняла голову, и улыбаясь сквозь слезы радостно повторила: «ты перевезешь меня къ себѣ, мы будемъ счастливы... но... неоконченное слово замерло у ней на языкѣ, и она, страшно поблѣднѣвъ, задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Что съ тобою, что съ тобою? спрашивалъ встревоженный Ратмирскій.

— Слышишь? Слышишь? едва могла проговорить испуганная Маша.

— Ничего не слышу, говорилъ Ратмирскій, внимательно прислушиваясь: ничего не слышу.

— Ахъ, опять, опять! съ ужасомъ говорила Маша, закрывая уши руками.

— Воронъ кричать, проговорилъ съ недоумѣніемъ Ратмирскій. Онъ

дѣйствительно ничего не слышалъ, кромѣ протяжнаго карканья ворона, который, усѣвшись на крышу дома, танулъ свою негармоническую гамму.

— Да, воронъ, воронъ! въ отчаяніи, ломая руки, твердила Маша: воронъ, Сережа, намъ сулитъ бѣду, и будетъ бѣда!

Ратмирскій отъ души засмѣялся надъ ея дѣтскимъ суевѣріемъ; но сколько онъ ни старался доказывать, что это вздоръ, Маша твердила свое:

— Нѣтъ не вздоръ, а я знаю, что быть худу!

— Не чтò можетъ знать воронъ объ нашемъ будущемъ? говорилъ Ратмирскій. Можетъ ли предвѣщать чтò-нибудь эта глупая птица?

— Можетъ, съ горькою увѣренностію отвѣчала Маша. Ужъ его должность такая, чтобы накликавать бѣду! Не вѣришь? сказала она, видя, что Сережа смѣялся и качалъ головою: ты не вѣришь, а знаешь ли, что одинъ разъ, я сама была свидѣтельницею, какъ воронъ накаркалъ бѣду.

— Какъ же это? расскажи, пожалуйста, нутя отвѣчалъ Ратмирскій.

— А вотъ какъ! Я еще была маленькая дѣвочка и бѣгала по кочевьямъ, собирая лоскутки. Вотъ одинъ разъ цыганы наши лошадей повели въ городъ — барышничать. Только-что они уѣхали, вдругъ изъ вслѣдъ воронъ, каръ, каръ! Женщины такъ и ахнули.

— Ну, чтò же?

— Чтò! сказала Маша уныло, одинъ упалъ съ лошади, да такъ и не всталъ.

— Это случайность, вѣрно онъ былъ пьянъ.

— Да развѣ онъ одинъ былъ пьянъ, всѣ были на веселѣ, а убила лошадь его одного, потому-что на его телегѣ сидѣлъ и каркалъ воронъ.

Ратмирскій со смѣхомъ покачалъ головою на этотъ простодушный отвѣтъ.

— Не смѣйся, отвѣчала Маша грустно, не смѣйся, Серѣжа! — Вотъ тебѣ и другой случай: одинъ былъ у насъ цыганъ Ильюшка Загибайка... удалой такой, что бѣда! Подставъ иголку — въ ушко пролѣзеть. Вотъ онъ и пустился разъ въ городъ — магарычи промыслать. Жена его проводила, да глядь, а на перекресткѣ сидитъ воронъ, и ну каркать.

— Ну? едва удерживая хохотъ, спросилъ молодой человекъ.

— Ну, таинственно сказала Маша: ну, и не вернулся изъ города.

— Тоже убила лошадь?

— Нѣтъ, хуже.

— Что-жь такое?

— Въ тюрьму посадили! торжественно отвѣчала цыганка, поглядѣвъ съ упрекомъ на Ратмирскаго, который хототалъ до слезъ.

— Опять не вѣришь? прибавила она.

— Вѣрю, вѣрю, мой другъ! едва могъ проговорить, утирая глаза, Ратмирскій: не скажи, пожалуйста, за что же его посадили въ тюрьму?

— Сказали, что лошадь стануль.

— А онъ точно укралъ?

— Не знаю; только онъ привелъ лошадь на конюю, а тамъ и отскочилъ хозяинъ.

— Въ чемъ же тутъ виноватъ бѣдный воронъ? Не украдъ цыганъ лошади, его не посадили бы въ тюрьму.

— Да, не посадили бы, конечно; но пока воронъ не кричалъ, онъ много разъ воровалъ лошадей, и все сходило съ рукъ, добродушно отвѣчала Маша.

— Ну, маа душа, сказалъ весело Ратмирскій: увѣряю тебя, что на этотъ разъ, твой воронъ солжетъ, и ты навсегда перестанешь вѣрить такимъ вздорамъ, прибавилъ онъ ласково, но гораздо серьезнѣе. Это, Маша, хорошо тамъ, въ таборѣ; но здѣсь, въ теперешнемъ твоемъ пологоніи, не годится: здѣсь надъ этимъ смѣются. Вотъ, напримѣръ, нашъ попугай, говорилъ Серѣжа, подводя Машу къ клеткѣ съ красивымъ пестрымъ какаду: чѣмъ онъ хуже какого-нибудь глупаго ворона? Спросимъ-ка его, что онъ скажетъ: «Попужка, сказалъ Ратмирскій: скажи-ка намъ что-нибудь хорошенькое. «Дуракъ, дуракъ!»—закричала птица.—Не ново, попужка, это мы давно знаемъ, продолжалъ шутить съ попугаемъ Ратмирскій, желая этимъ развлечь Машу; нѣтъ, ты вотъ скажи намъ, что ты, глупая птица, знаешь объ нашемъ будущемъ?— «Худо, худо училась Маша!» тупо проговорилъ опять попугай.

На этотъ разъ и молодой человѣкъ нѣсколько смутился. Такое сближеніе въ предсказаніяхъ, конечно случайное, было очень странно и невольное встревожило воображеніе Серѣжи; что же касается до Маши, то бѣдная и трепещущая, она только повторяла: худо, худо!

— Ну да, конечно худо! весело воскричалъ молодой человѣкъ, мгновенно подавляя въ себѣ невольное впечатленіе и стараясь разсѣять совершенно растерявшуюся Машу. Онъ говоритъ правду, ты худо училась: еслибы ты перечитала все то, что я тебѣ привозилъ, то не была-бы такъ суевѣрна, сама-бы видѣла, что это все вздоръ, одна случайность.

Но Маша не слышала, что говорилъ ей Ратмирскій; вполне преданная своему страху, она въ десятый разъ отчаянно шептала; худо, худо,

сжимая холодными руками нылающую голову, такъ, что наконецъ Сережа, истощивъ все убѣжденія и доводы о нѣлпости итнчлхъ пророчества; и видя, что это не дѣйствуетъ, нѣсколько разсердился.

— Вѣрю, вѣрю! сказала Маша, видя, что Сережа пересталъ шутить: вѣрю, повторила она, сжась улынуться: все это вздоръ, я не буду беспокоиться. Но когда пришло время проститься съ Ратмирскимъ, глухія рыданія и невольный трепеть ея холодныхъ рукъ ясно показывали, что она не совсѣмъ разуверилась въ грозившей бѣдѣ. Сережа, чтобъ успокоить ее, обѣщалъ завтра же прѣхать проститься съ нею.

Печальный прѣздъ дяди изъ за границы очень тревожилъ Серсжу, и въ первый разъ еще заставлялъ его основательно взглянуть на свое теперешнее положеніе. Убаюканный любовью и совершенной свободою, которою пользовался въ отсутствіи старика, онъ этого еще ни разу не дѣлалъ. Теперь эта свобода будетъ скована; онъ долженъ будетъ подчиниться порядкамъ, однажды навсегда введеннымъ въ домъ старика, ворядкашъ, которымъ все домашніе покорялись безпрелословно. Сергій Петровичъ жилъ открыто, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, радушно прнвмалъ у себя гостей, но самъ выѣзжалъ рѣдко, облдаль всегда дома, кромѣ неизбѣжныхъ двухъ, много трехъ разъ въ годъ, и требовалъ, чтобы принадлежашіе къ семейству дѣлали тоже самое. Постоянные гости по вечерамъ также должны были удерживать Серсжу въ великолѣпной гостинной дяди. ЧтѠ же будетъ съ Машею? думалъ молодой человекъ, неужели должно будетъ оставить ее одну, съ ея тоскою, въ долгомъ ожиданіи какихъ-нибудь двухъ часовъ, въ которые я увусъ утѣшить, успокоить ее—бѣдную, одинокую отшельницу? Пить, это невозможно! Молодой человекъ чувствовалъ, что онъ и самъ не въ состояніи будетъ на долго разлучаться съ Машею.

— Еслибы, думалъ онъ, можно было вѣрнуться кому-нибудь, чтобы она могла каждый день, по-крайней-мѣрѣ, слышать обо мнѣ... Но кому? Наканунѣ отъѣзда, Ратмирскій не успѣлъ побывать у Маши, какъ обѣщалъ; весь почти день онъ пробылъ у князя, и возвратясь, довольно поздно домой, онъ позвалъ въ кабинетъ Ооку. Больше часа старикъ оставался наединѣ съ Серсжею; но выхода изъ кабинета, блдный Оока былъ очень разстроены. «Господи, Боже мой, чтѠ теперь будетъ, чтѠ теперь будетъ съ князь! шепталъ онъ тревожно, сжимая свои исслаблнныя руки.— Вншь-ли, какихъ проказъ настроилъ... о-о-охъ-охъ-охъ».

Князь и Ратмирскій на другой день рано утромъ уѣхали. Выходя изъ дому, молодой человекъ подалъ на прощанье руку старому дяди, и тихо сказалъ ему: Не забудь, другъ Оока, что я тебѣ поручаю болго, чѣмъ жизнь мою.

— Не забуду, печально отвѣтилъ Оока:

Промель мѣсяцъ, наступилъ другой, вотъ уже и третій въ исходѣ, а князь и Ратмирскіе не возвращались изъ Петербурга. Да и то сказать, разсуждалъ иногда Оока: дѣло извѣстное; туда легко попасть, а ужъ вырваться оттолѣ — атавдѣ; туда съѣдишь, то посмотришь, тамъ небываешь, анъ глядъ—дня и нѣтъ! Въ три мѣсяца и сотни дней не будетъ, а тамъ чудесъ—то не съ одну сотню.

Но подобное разсужденіе не всѣхъ утѣшало одинаково, и много гора перечувствовалося иными въ эти три мѣсяца, пока, наконецъ, дорожный дорнезъ не остановился у дома Ратмирскаго. Съ возвращеніемъ Сергѣя Петровича все въ домѣ ожило, засуетилось; каждый изъ знакомыхъ спѣшилъ поздравить старика съ прїѣздомъ и экипажи почти не отъѣзжали отъ подъѣзда. Старикъ, повидимому, былъ очень доволенъ такимъ вниманіемъ; вопреки своему обыкновенію, онъ самъ нѣсколько дней сряду востоянно выѣзжалъ со двора, расплачиваясь визитами.

Первый вопросъ, который сдѣлалъ Сережа Оокъ, былъ: Чтѣ Мама здорова ли, чтѣ дѣлаешь?

— Какое тутъ здоровье, батюшка Сергѣй Сергѣичъ, отвѣчалъ старикъ: глазки не глядятъ отъ слезъ, то и дѣло тоскуеть, въ чумѣ сердцу больно.

— Но вѣдъ я писалъ, что мнѣ невозможно было ранѣе уѣхать; развѣ она не знаетъ, что я не могъ располагать своимъ отъѣздомъ?

— Скажите вы ей это сами, а я ужъ... и не доконча, старикъ только махнулъ рукою.

Въ первую удобную минуту Сережа полетѣлъ къ Мама, и чтѣ же? Слезами и упреками встрѣтили его тамъ, гдѣ онъ надѣялся найти радость и счастье. Мама знала, что онъ уже нѣсколько дней, какъ возвратился, и не могла простить, что онъ въ первый же день не прїѣхалъ къ ней. Ни просьбы, ни ласки не могли успокоить оскорбленное чувство молодой женщины.

— Тебѣ весело безъ меня, съ горькими слезами говорила она: я не хочу, чтобы ты, какъ милость, дарилъ мнѣ ласку, не хочу этой притворной любви: я не умѣю такъ любить! тотъ не любить, кто не жалѣеть, тебѣ и безъ меня было весело, тебѣ было все равно, что я здѣсь жива или нѣтъ; ты меня засадила, какъ звѣря, въ эту клетку: что-жъ, думаешь, корнъ есть, а тамъ, какъ захочу, отъ нечего дѣлать, нежду погляжу, чтѣ-то мой звѣрь подѣлываетъ! — Да еще, спасибо, и сторожа приставилъ! прибавила она съ горькою насмѣшкою.

Серѣжа было пытался вразумить ее своими домашними обязанностями, свѣтскими условіями—она ихъ не понимала. Мама не позволила ему и

докончить. Съ сверкающими глазами, она быстро вскочила со стула, на которомъ въ-продолженіе многихъ дней у окна ждала Ратмирскаго, и почти вскрикнула: ахъ, ты злой, жестокій человѣкъ! Гости, видишь-ли гости помѣшали тебѣ видѣть покинутую, когда я выплакала по тебѣ очиньки, когда извела все сердце въ тоскѣ! Гости! да знаешь-ли ты, что я для тебя покинула-бы отца, мать — весь свѣтъ, а ему видишь гости вожьшала! О я горькая, безталанная! И вотъ моя радость, вотъ моя любовь!

— Поди, поди, съ силою прибавила она: я теперь вижу, какое счастье ты мнѣ сулилъ! Обманулъ, предалъ — Богъ разсудитъ! Не въ томъ-ли, думаешь, мое счастье? сказала она, схвативъ со стола свертокъ съ матеріею, который Сережа привезъ ей, и кинувъ его на-полъ: Мнѣ не этого, мнѣ души твоей надо — для счастья!

Какъ ни былъ добръ и кротокъ Ратмирскій; но эти безумныя выходки начали выводить его изъ терпѣнія. Всѣ слова его были напрасны, да и что онъ могъ сказать Машѣ въ свое оправданіе? Объ отношеніяхъ и приличіяхъ свѣта она не имѣла ни малѣйшаго понятія; дитя природы, она мѣрила все въ природѣ своимъ сердцемъ; простой разумъ ея не признавалъ никакихъ условій тамъ, гдѣ говорило человѣческое чувство — и вотъ она рвалась и плакала, почитая себя обиженною. Сережа утѣхалъ, и это первое свиданіе, о которомъ онъ мечталъ такъ долго, началось и кончилось ссорой; а лиха бѣда начать, говорить русская пословица. Молодость неуступчива, свѣтскость не снисходительна: онъ сталъ сильно чувствовать неловкость своего положенія.

VII.

Едва прошло два мѣсяца съ пріѣзда Ратмирскихъ изъ Петербурга, и лѣта какъ-будто не бывало. Наступила осень, холодная, дождливая; вѣтеръ завывалъ свою надгробную пѣсню между обнаженныхъ деревь, которые печально покачивали нагими сучьями. Дачи опустѣли, сѣзды начались, садоны нарядились въ печальную зелень оранжерей, и швейцары, съ вычурными перевязями, важно появились у ярко-освѣщенныхъ подъѣздовъ. У дома князя Борнова каждый вечеръ стояло много экипажей, а въ домѣ кипѣли жизнь и удовольствіе. Важное значеніе въ обществѣ, сильныя связи, богѣе, чѣмъ хорошее состояніе и всегда радужный, беззаботный пріемъ, заставляли каждого искать знакомства съ княземъ, но онъ былъ разборчивъ, и доступъ въ его домъ былъ не совсѣмъ легкій.

Въ одинъ изъ самыхъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, въ гостиной

князя собралось дружеское, небольшое общество. Нѣсколько дамъ и молодыхъ людей, около рояля Лихтенгаля, окружили молодую дѣвушку, которая съ необыкновеннымъ одушевленіемъ играла арію изъ «Дючина». Почти дѣтскія ручки виртуозки быстро летали по клавишамъ и заставляли послушный инструментъ передавать самоглавнѣйшіе оттѣнки чувства, которымъ была одушевлена пьесистка. Въ звукахъ ея слышался тотъ плачь растерзанной души, которая оскорба безумнымъ сомнѣніемъ святую своего сердца, разрушила все, что любила въ жизни, и теперь со стономъ оплакивала невозвратное счастье. Притихнувшіе слушатели, казалось, боялись пошевелинуться чтобы не проронить ни одной ноты, и только тихій шелестъ перевернутаго нотнаго листа нарушалъ это вниманіе. Но вотъ послѣдній аккордъ, и молодая дѣвушка встала изъ-за рояля. Весело улыбаясь на похвалы и комплименты, которые сыпаясь со всѣхъ сторонъ, она очень дружески и мило кивнула хорошенькой головкой, стоявшему за ея стуломъ, молодому человѣку, сказавъ:

— Merçi, monsieur Serge.

— За что, княжна?

— Какъ за что? Вы одинъ изъ самыхъ терпѣливыхъ поклонниковъ моего музыкальнаго таланта; отвѣчала княжна наивно и безъ жеманства: когда я играю при васъ, то вы съ такимъ великодушіемъ слѣдите за моею игрою и переворачиваете мнѣ ноты, что я, право, начинаю думать, что играю недурно, и что вы еще не соскучились меня слушать.

— Не знаю, отвѣчала молодой человѣкъ, почтительно кланяясь: почему вамъ угодно предполагать, что меня приковываетъ къ вашему стулу только одно терпѣніе, а не общій восторгъ, должная дань вашему таланту.

— Еще разъ мерçi. — Впрочемъ, прибавила молодая дѣвушка, оставая рояль и переходя въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣли старшій князь Берновъ и Сергій Петровичъ Ратмирскій: я сама знаю, что именно эту пьесу я играю недурно, и знаете ли почему? Потому—что я ее играла предъ самимъ Рубини, и всякій разъ, когда я ее исполняю, мнѣ кажется, что я его вижу, его чудный симпатическій голосъ все еще звучитъ въ душѣ моей, когда онъ старался объяснить мнѣ, чего не доставало въ моей игрѣ. Мнѣ кажется, говорила молодая дѣвушка съ восторгомъ: что я еще чувствую, какъ онъ поцѣловалъ меня, когда я поняла и выразила то, чего онъ хотѣлъ.

И молодая дѣвушка была такъ хороша въ эту минуту, что и дѣтское лицо ея было одушевлено такимъ упоеніемъ, голубые глаза ея

такою чистотою души что наввидя слова ея о поцѣлѣхъ не заставили даже цыкого изъ обружающихъ улыбнуться.

— Какъ же это, Надина, сказала князь, прерывая дочь и смотря на нее съ любовію: ты мнѣ, снѣге аміе, никогда не говорила, что у васъ съ старикомъ Рубини были такіа серьезные дѣла, а теперь, при всѣхъ, объявляешь о поцѣлѣхъ.

— Такъ что же, папа, отвѣчала живо княжна: я всегда буду съ благодарностію вспоминать объ этомъ поцѣлѣхъ. — Повѣршишь-ли, папа, прибавила она, я не забуду въ жизни двухъ минутъ: первую, когда меня похвалилъ и поцѣловалъ Рубини, и вторую, когда я возвратилась изъ за границы, увидала тебя, и ты поцѣловалъ меня.

— И точно! эти два поцѣлуя стоить помнить, сказалъ князь, съ чувствомъ смотря на дочь.

— Ну, а скажите княжна, спросилъ, улыбаясь, Сергій Петровичъ Ратирискій: который изъ этихъ поцѣлуевъ былъ лучше?

— Оба хороши! отвѣчала весело княжна. Одинъ сдѣлалъ меня, въ некоторомъ отношеніи, гордою, другой — другой, прибавила она, кѣжно цѣлуя въ голову отца, другой — сдѣлалъ счастливою.

— Она еще совершенное дитя, сказала молоденькая дама своей сосѣдкѣ, которая уже лѣтъ восемь остановилась на двадцать пятомъ году.

— Да, отвѣчала та, съ какою-то неопредѣленною улыбкою: она чрезвычайно навина.

— А скажите, княжна, спросилъ одинъ изъ молодыхъ людей, не встрѣчали-ли вы гдѣ-нибудь за границею нашего улетѣвшаго соловья?

— Нѣтъ; и очень объ этомъ жалѣю. Въ послѣдній разъ я его видѣла въ Петербургѣ, когда онъ пріѣзжалъ къ тетюшкѣ — прощаться; но въ Италиі, гдѣ мы пробыли, впрочемъ, довольно долго, мы нигдѣ съ нимъ не столкнулись.

— Въ такомъ случаѣ, я былъ счастливѣе васъ! сказалъ молодой Ратирискій: я на дорогѣ встрѣтилъ Рубини.

— Гдѣ? гдѣ? спросила живо молодая дѣвушка.

— Въ одномъ маленькомъ городкѣ сѣверной Италиі. Мы остановились обѣдать — и трактирщикъ, приправляя довольно недурный нашъ обѣдъ разными доводками, сказалъ между прочимъ, что у него за часъ передъ тѣмъ остановился il grande artista, serjor Рубини, и скоро собирается опять уѣхать. Услышавъ это, я не кончилъ обѣда, и доспѣшилъ еще разъ взглянуть на него.

— А развѣ ты въ Петербургѣ былъ знакомъ съ нимъ? спросилъ Сергій Петровичъ племянника.

— Нѣтъ, дядюшка; но имя *русскаго* отворило мнѣ къ нему двери, и чрезъ полчаса мы простились, какъ старые друзья. «Вы ѣдете къ себѣ, сказалъ мнѣ на прощаньи Рубини, почти со слезами на глазахъ: поклонитесь отъ меня вашей доброй Россіи, которую я никогда не забуду!

— А были тамъ еще русскіе путешественники? спросила молодая дама Ратмирскаго.

— Насъ было всего человѣкъ пять, отвѣчалъ онъ.

— И вы всѣ были у Рубини?

— Нѣтъ, скромно отвѣчалъ молодой человѣкъ, я одинъ ходилъ къ нему. Другіе хлопотали по своимъ дѣламъ.

— Знаете-ли, *Monsieur Serge*, сказала княжна, я каждый разъ, слушая ваши рассказы, жалѣю, что мы не встрѣтились съ вами за границею; лучшаго товарища въ путешествіи я-бы не желала. Послушайте, прибавила она весело и чрезвычайно простосердечно, когда нибудь поѣдете путешествовать вмѣстѣ.

При этомъ словѣ князь и старикъ Ратмирскій взглянули другъ на друга, съ какимъ-то тайнымъ значеніемъ, и князь, обращаясь къ молодому Ратмирскому, который на приглашеніе княжны отвѣчалъ почтительнымъ поклономъ, смотря на нее съ чувствомъ болѣе, нежели тихаго удовольствія, сказалъ:—Я разрѣшаю васъ, Сергій Сергѣичъ, отъ согласія на предложеніе молодой вѣтрянницы, всякое обѣщаніе, данное несовершеннолѣтней, должно считать недѣйствительнымъ.

— Папа, папа! перебила съ серьезной миной дѣвушка, вы забыли, что мнѣ скоро восемнадцать лѣтъ.

Князь хотѣлъ отвѣчать дочери, но былъ прерванъ приходомъ сына.

— Вотъ погодка, говорилъ молодой человѣкъ, раскланиваясь гостямъ: Кажется, все небо превратилось въ безконечный душъ; престо не зналъ, какъ доѣхать.

— А ты откуда? спросилъ князь.

— Изъ театра, батюшка.

— Ну что?

— Да тамъ-то ничего; но ужъ ѣхать оттуда... Я думалъ, что вѣтеръ меня и съ экипажемъ увесетъ и я лишуся счастья поклониться вамъ, сказалъ молодой князь, нѣсколько понизивъ голосъ, одной изъ дамъ, за что ему кокетливо погрозили розовымъ пальчикомъ.

— Да, непріятная погода, произнесла тономъ двадцати-пяти лѣтней дама: она дѣйствуетъ ужасно на нервы и нагоняетъ страшную тоску.

И точно, какъ бы въ оправданіе этихъ словъ, дождь сильно зашумѣлъ.

часть въ зеркальныя стекла оконъ и съ помощію вѣтра, кажется, силнѣе выломать крѣпкія двойныя рамы.

— Что значить погода, отвѣчалъ князь, для насъ, здѣсь, въ городѣ, когда мы сидимъ съ добрыми друзьями, въ теплой, свѣтлой комнатѣ, передъ пылающимъ каминномъ! Вотъ посмотрѣли бы вы на несчастныхъ, которые въ это время года принуждены жить въ деревнѣ! Грязь непроходимая, объ развлеченіи и думать нечего; не только нельзя ждать къ себѣ кого-нибудь, чтобы отвести душу, даже самому нельзя шагу сдѣлать изъ комнаты, если не хочешь завязнуть въ лужѣ. Вотъ тамъ, такъ эта погода дѣйствительно что-нибудь да значить и способна нагнать тоску.

Слова стараго князя необыкновенно подѣйствовали на Серѣжу Ратмирскаго. Спокойное, даже счастливое выраженіе лица молодого человѣка смѣнилось вдругъ какою-то безотчетною грустью. При первомъ порывѣ непогоды, которая бушевала на дворѣ, онъ невольно вздрогнулъ и тихо прошепталъ: Боже мой, это дѣйствительно ужасно!

Перейдя комнату, онъ помѣстился въ амбазурѣ окна и съ безпокойствомъ началъ прислушиваться къ завыванію вѣтра.

Вечеръ длился еще нѣсколько часовъ, и въ-продолженіе этого времени молодой Ратмирскій, какъ ни старался преодолѣть себя, никакъ не могъ, по-прежнему, вышаться въ общій разговоръ. Тревожное состояніе души проглядывало, противъ воли, въ каждомъ его движеніи, въ каждой чертѣ лица, такъ, что на вопросъ молодой хозяйки: «Что съ вами сдѣлалось?» онъ принужденъ былъ сказать, что чувствуетъ себя несомнѣнно хорошо, и на этомъ основаніи прежде всѣхъ отправился домой.

Возвратясь къ себѣ, Ратмирскій послѣшно позвалъ Ооку, и затворивъ за нимъ тщательно дверь, быстро спросилъ:

— Ну, что? былъ тамъ?

— Часа съ два только, какъ вернулся.

— Что она дѣлаетъ?

Вмѣсто отвѣта, старикъ Оока только тяжело вздохнулъ, и уныло опустилъ голову. Послѣдовало минутное молчаніе, въ-продолженіе котораго молодой человѣкъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Что-же, не здорова? снова спросилъ онъ, останавливаясь.

— Плачетъ, лаконически отвѣчалъ Оока.

— А я! съ какимъ-то отчаяніемъ произнесъ Ратмирскій, закрывая лицо руками, а я и плакать не могу! Да хоть бы и могъ, такъ не смѣю. О! произнесъ онъ, судорожно скрестивъ пальцы, за что и я гибну и она!

— Объ этомъ, Сергѣй Сергѣичъ, надо было думать прежде, а теперь оно все-равно, что по воробьямъ изъ пушки палить. Что прошло, то значить было, а было не поймашь за хвостъ, какъ птицу, — такъ ужъ что тутъ горевать да рваться.

— Послушай, Тока, сказалъ Ратмирскій: непременно надо ее перевезти въ городъ; такую даль мнѣ нельзя ъздить къ ней часто, а одной ей жить тамъ ужасно въ эту пору.

— Да, отвѣчалъ старикъ, грѣхъ Сергѣй Сергѣичъ кинуть ее одну въ такой глуши, гдѣ, прости Господи, въ цѣлый день живой души не увидишь, развѣ что голодный волкъ пробѣжить. Чѣмъ же она, бѣдная, виноватѣе другихъ, за что же ее такъ карать.

— Вотъ, возьми, сказалъ торопливо Ратмирскій, доставая изъ кармана маленькій бумажникъ и подавая его старику: завтра же приници гдѣ-нибудь, въ дальней части города, домикъ, и немедленно займись перевозкою.

— Тамъ не нужно ничего отдавать за квартиру, Сергѣй Сергѣичъ?

— Разумѣется, надо разчитаться; слѣдуетъ пятьдесятъ рублей. Постой! сказалъ онъ, взявъ изъ рукъ старика бумажникъ и началъ пересчитывать деньги; оказалось, что ихъ слишкомъ мало для предстоящихъ расходовъ. Этихъ денегъ не хватить на все, горько прошепталъ Ратмирскій, а у меня теперь нѣтъ больше ни копейки.

— Это что — я достану, отвѣчалъ Тока, какъ бы успокоивая Серёжу: завтра все покончимъ.

Оставшись одинъ, Ратмирскій кинулся на диванъ; скрестя на груди руки и опустя голову, онъ долго оставался недвижымъ; видно было, что мысли, одна другой грустнѣй и тревожнѣй, волновали его душу, потому что на блѣдномъ и открытомъ лицѣ его выражалась скорбь и безотрадное оупленіе, которое проявляется въ человѣкѣ только въ тѣ минуты, когда онъ сознаетъ полную невозможность желаннаго счастья. Болѣе часу Серёжа сидѣлъ такъ, не нарушая окружающей его тишины ни малѣйшимъ движеніемъ. Казалось, онъ весь былъ погруженъ въ самого себя. Наконецъ затаенная скорбь вырвалась наружу; руки его судорожно сжали грудь, легкая конвульсія скользнула по лицу, и задрожавшія рѣсницы напрасно силились остановить слезы, которыя повисли на нихъ крупными каплями. Какъ-бы стыдись невольной слабости, молодой человѣкъ поспѣшно закрылъ глаза руками. — Вотъ до чего я наконецъ дошелъ, горько прошепталъ Ратмирскій, и вставъ съ дивана, началъ тихо ходить по комнатѣ. Боже! какая разница! И зачѣмъ я ее встрѣтилъ!... Часы пробили четыре, свѣча на столѣ совершенно почти догорѣла. Задувая ее, Ратмирскій грустно сказалъ: «Какъ жаль, что жизнь не гаснетъ такъ-же скоро».

VII.

Съ наступленіемъ зимы, закинули горедскія удовольствія. Молодой Ратмирскій долженъ былъ являться въ свѣтъ, посѣщать общества; но онъ дѣлалъ это какъ-то вяло, неохотно; повидимому, свѣтскій блескъ и ежедневныя увеселенія не доставляли ему того наслажденія, которое было такъ свойственно его лѣтамъ. Какая-то постоянная мысль, казалось, совершенно завладѣла всѣмъ его существованіемъ, и преждевременно остепенела его. Постоянно серьезный, даже молчаливый, онъ какъ-бы по обязанности являлся въ общества, и при первомъ удобномъ случай, исчезалъ, такъ, что охотники подмѣчать—отъ нечего дѣлать—чужіе поступки и доходить во всемъ до источника, скоро рѣшили, что Ратмирскій влюбленъ, и влюбленъ безнадежно. Но въ кого? вотъ въ чемъ вопросъ. Искали, искали, и нашли, что въ княжну Борнову; потому-что всѣ прочія дѣвицы того круга, къ которому принадлежалъ молодой Ратмирскій, очень-бы охотно и благосклонно приняли любовь единственного наследника известнаго богача. Одна только княжна Борнова, по рожденію и значенію въ свѣтъ, была выше его, стала быть, одну ее и могъ любить Ратмирскій безнадежно. — Рѣшили и утвердили, что причина задумчивости Рамирскаго — княжна Борнова. На сколько тутъ было правды, могъ разрѣшить только самъ Ратмирскій, но онъ молчалъ, вѣроятно и не подозревая догадокъ на его счетъ. Впрочемъ, если-бы кто-нибудь попристальнѣе послѣдилъ за Серѣжей, то увидѣлъ-бы, что домъ князя Борнова былъ именно тотъ домъ, куда молодой человекъ ѣздилъ еще съ мѣньшею охотою, чѣмъ во всѣ остальные. А между-тѣмъ, у Борновыхъ ему были всегда рады; самый дружескій приемъ старика и милая пріятельность дочери встречали его тамъ постоянно, но это-то именно, казалось, и было причиною, что Ратмирскій какъ будто боялся сближенія съ семействомъ князя. Бывая очень часто съ дядею у Борновыхъ, Серѣжа съ какою то трегогомъ слѣдилъ за собою, онъ какъ-будто взвѣшивалъ каждый своей поступокъ, каждое слово; большую часть времени онъ проводилъ въ кабинетѣ стараго князя, потому-что молодой князь, вполне преданный свѣтскимъ удовольствіямъ, проводилъ почти все время внѣ дома, да и на Ратмирскаго глядѣлъ какъ-то не со всѣмъ дружески, прикрывая впрочемъ свои чувства всѣмъ доскомъ свѣтской учтивости. Что-же кажется до княжны, то обхожденіе съ нею Ратмирскаго было загадочно: молодой человекъ какъ-будто старался держать себя отъ ней въ почтительномъ отдаленіи. Присутствіе молодой хозяйки производило на него странное дѣйствіе: звукъ ея голоса, мимолетный взглядъ возбуждали въ немъ вл-

днное волненіе; взглядъ княжны онъ чувствовалъ на себѣ, не глядя даже на нее, онъ чувствовалъ его по какому-то электрическому потрясенію, отъ котораго кровь его жгучею лавою прилиwała къ сердцу.— Что это было такое? — Ратмирскій не могъ, а можетъ-быть, и не смѣлъ объяснить себѣ—но онъ зналъ, что это было чувство страдальческое, тяжкое, превышающее всѣ силы еѳ воли—и старался избѣгать, гдѣ только могъ, присутствія молодой дѣвушки.

Въ одинъ вечеръ, у князя Борнова, по обыкновенію, собралось нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, въ числѣ ихъ былъ и Сергій Петровичъ съ племянникомъ. Княжна, милая и внимательная, какъ всегда, была душою небольшого кружка гостей; живой разговоръ и веселыя смѣхъ доказывали, что всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа; одинъ только молодой Ратмирскій не принималъ участія въ разговорѣ. Сидя поодаль отъ прочихъ, онъ усердно перелистывалъ богатый альбомъ съ англійскими гравюрами, и только изрѣдка ронялъ слова два, въ отвѣтъ на обращенные къ нему вопросы. Въ сосѣдней комнатѣ старый князь и Сергій Петровичъ утѣвшись на маленькомъ диванѣ, противъ зеркала, въ которомъ отражалась вся группа, находившаяся въ гостиной, и разговаривая, часто обращали глаза къ зеркалу, какъ-будто ища въ немъ предметъ своего разговора.

— Нѣтъ, какъ хотите, любезный Сергій Петровичъ, а я никакъ не вижу того, въ чемъ вы меня увѣряете. Вотъ, посмотрите сами,—говорилъ князь, показывая глазами на зеркало,—похоже-ли это на то, что вы говорили?

— Больше, чѣмъ похоже, князь; отвѣчалъ Сергій Петровичъ: нужно только взять въ соображеніе его характеръ: онъ вовсе не самонадѣянъ и еще молодъ.

— Молодость—то его и опровергаетъ ваши слова; въ подобныя случаи молодость бываетъ неблагоразумна и тотчасъ выдаетъ наружу свое чувство.

— Да, возразилъ старикъ Ратмирскій,—но я уже говорилъ вамъ, что Сергій скромнѣе и застѣнчивѣе. У него, вѣроятно, достанетъ на столько ума и благородства, чтобы не выдать на показъ чувства, которое, я увѣренъ, по его мнѣнію, не можетъ привести къ желанному результату. Если то, объ чемъ мы говоримъ, свершится, то оно превзойдетъ всѣ его надежды и ожиданія.

— Увидимъ! Мы еще успѣемъ поговорить объ этомъ, отвѣчалъ, улыбаясь, князь: къ тому же, они оба слишкомъ молоды и вренши у нихъ довольно впереди.

— Правда, что они еще молоды, возразилъ Сергій Петровичъ:

не мы-то съ вами ужъ никакъ не можетъ этимъ похвалиться, и потому, я бы очень хотѣлъ при жизни увѣриться, что всѣмъ, что я имѣю, будетъ владѣть ваша дочь, а не кто-нибудь другой.

Князь съ улыбкою пожалъ руку Сергѣя Петровича и дружески повторилъ: увидимъ!

Съ самаго прїѣзда изъ Петербурга, Ратмирскій очень рѣдко навѣщалъ Машу, и то на самое короткое время. Присутствіе старика дяди почти отняло у него всякую возможность располагать временемъ, и только съ наступленіемъ зимы, онъ почувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе. Сергѣй Петровичъ, какъ мы сказали, рѣдко выѣзжалъ на званые вечера (исключая домъ Борновыхъ) и Сережа долженъ былъ за него ѣздить на всѣ балы, гдѣ его всегда ожидали съ нетерпѣніемъ матушки взрослыхъ дочекъ, и самыя дочки-невѣсты. Оно и просто: Сережа былъ молодъ, хорошъ собою и богатый наследникъ. Но среди общаго вниманія, въ самомъ разгарѣ веселаго бала, молодой человекъ иногда незаметно исчезалъ, и чрезъ минуту лошади стрѣлою уже мчали его за городъ, къ небольшому домику, который одинъ между опустѣлыми дачными домами свѣтился огоньками. Тамъ постоянно ждали Сережу, ждали съ тоскою и нетерпѣніемъ; но вотъ желанный, рѣдкій гость прїѣзжалъ—и жалобы, упреки, слезы встрѣчали его на порогѣ, и такъ проходили немногіе часы, украденные у общества, часы самовольнаго страданія. Маша постоянно плакала и жаловалась.

Оскорбленная любовь ея вызывала наружу всю необузданную натуру полудикой женщины, несмягченную не только образованіемъ, но даже обыденною свѣтскостію.

— Ты общалъ мнѣ, говорила она, счастье и радость, — гдѣ же это счастье? Гдѣ эта радость? Коли ты такой большой баринъ, то зачѣмъ бралъ меня изъ табора? Тамъ у меня были подруги, тамъ я жила съ людьми, а теперь я одна, брошена, въ четырехъ стѣнахъ, какъ бѣлка въ клеткѣ, тогда какъ ты кружишься по баламъ, и развѣ отъ скуки завернешь взглянуть на своего звѣря, какъ онъ тугъ бьется и мечется. Развѣ твой лакей, котораго ты присылаешь, можетъ-быть на смѣхъ, каждый день, мнѣ компанія? Развѣ онъ можетъ утѣшить меня? Онъ только лакей — а я барыня! Слышишь ли, говорила она, дико смѣясь, — я барыня, а живу въ лачугѣ, съ волками! Слышишь ли, большой баринъ, я тоже хочу туда, къ этимъ барынямъ, съ которыми ты плянешь, съ которыми забылъ меня; я не хуже ихъ сплю и пропляшу!

И ревность доводила Машу до неистовства. Но едва цыганка заглядывала на лицѣ Ратмирскаго отчаяніе и горе, вызванныя ею, всѣ

страсти ея гасли въ минуту; полная любви и раскаянiя, она кидалась къ Сережѣ на грудь, и рыдая говорила: Прости, я безумная! Я изныла, изстрадалась, сердце просится наружу: я люблю тебя! Не кидай меня, не кланяй! Не хочю туда, къ этимъ людямъ, важнымъ и богатымъ, къ этимъ красавицамъ въ пышныхъ нарядахъ, я останусь здѣсь, только ты живи со мною, только ты не уѣзжай отъ меня.

И много стоило труда бѣдному мелодому человѣку успокоить Машу. Въру въ невольную любовь, въ которой онъ ей клялся, она, по какому-то инстинкту отвергала, не разсудкомъ, но сердцемъ; и отрадные обѣщанiя видаться въ немъ чаще, даже скоро перевезти ее въ городъ, не прѣмѣ успокоивали бѣдную женщину, какъ уже природа брала свою ашь и слезы на время облегчали боль уязвленной души. Но надолго-ли? Наставило желасное завтра, послѣ-завтра, а Ратмирскiй опять не являлся, и вотъ новая сцена готова была къ его прѣзду.

Трудно было объяснить отношенiя Ратмирскаго къ Машѣ, а особенно въ послѣднее время. Грустный ѣхалъ онъ на свиданiе съ нею, и казалось, что болѣе долгъ, а не чувство влечетъ его къ ней. Съ какою-то холодною покорностию выслушивалъ онъ упреки, которыми осмыала его Маша, и порывы ея отчаянiя—больше пугали, чѣмъ трогали его; даже слова любви утратили у него ту обаятельную теплоту, которая каждому звуку придаетъ животворную силу; они какъ будто были подѣланы однимъ сожалѣнiемъ. Разстроенный, убитый, оставлялъ онъ успокоенную Машу, и ѣхалъ домой, гдѣ часто ожидало его свиданiе, еще болѣе тягостное. Съ нѣкоторыхъ поръ на половинѣ Сережи начали показываться незнакомыя лица, не только по обращенiю, но даже по одеждѣ, не принадлежащiя къ обществу, въ которомъ жилъ молодой Ратмирскiй. А между-тѣмъ онъ принималъ ихъ чрезвычайно вѣжливо и нецеремонное ихъ обращенiе выносилъ очень терпѣливо. Эти были заимодавцы, они требовали уплаты, и часто грозили обратиться къ старику дядѣ. Что было дѣлать? Просьбы и новые документы, со всеми невыгодами для Сережи, успокоивали на время алчныхъ требователей; но успокоивали ли они Сережу? Пользуясь всеми готовыми въ домѣ Сергѣя Петровича, Сережа получилъ отъ дяди ежемѣсячно сумму, болѣе чѣмъ достаточную для его непредвидимыхъ расходовъ; но мѣтѣе, чѣмъ необходимую для содержанiя отдаленнаго дома. Сережа откладывалъ себѣ во все, но эти лишениа не могли покрыть его нужды, и займы сдѣлались неизбежны. На что рассчитывалъ Сережа, когда, увлеченный любовью къ Машѣ, онъ ввѣлъ на себя право обезпечить ея положенiе въ свѣтѣ? Ему тогда было двадцать два года, и кроме любви,

едва-ли какой-нибудь расчетъ могъ войти ему въ голову,—а когда онъ опомнился, то уже не расчеты—а счеты были въ ходу.

Тянь прошла зима. Свѣтлый и теплый май потянулъ опять колонію дачныхъ переселенцевъ за городъ. Сергѣй Петровичъ съ племянникомъ тоже переѣхалъ на дачу, гдѣ для послѣдняго должна была рѣшиться вся его будущность, и для этого было избрано пятое іюля, день именинъ обоихъ Ратимирскихъ.

Съ невыразимомъ тоскою проснулся Сережа въ этотъ день. Въ до-мѣ все готовилось къ необыкновенному торжеству. Еще за недѣлю пригласительные билеты были разосланы, и въ сотни семействъ только и говорили, что о предстоящемъ балѣ и праздникѣ Ратимирскихъ. Но именно эта бѣготня, эти сборы къ веселому пиру и нагоняли на Се-режу какую-то неотразимую тоску.

Въ десять часовъ, Сережа отправился въ кабинетъ дяди, чтобы поздравить старика, и принужденъ былъ на нѣсколько минутъ остано-виться у дверей кабинета, какъ-бы чувствуя, что за этою дверью его ожидаетъ рѣшеніе судьбы.

Веселый, радужный, чѣмъ когда-нибудь, встрѣтилъ его Сергѣй Пет-ровичъ, и когда Сережа наклонился, чтобы подѣловать его руку, ста-рикъ въ первый разъ не далъ ему руки, но дружески обнялъ его и весело сказалъ:

— Поздравляю, братъ, съ ангеломъ; желаю, чтобы этотъ годъ при-несъ тебѣ полное счастье.

Сережа не зная, чему приписать такое обращеніе постоянно хо-лоднаго и важнаго Сергѣя Петровича; ласка дяди была для него такъ нова, такъ неожиданна, что онъ принялъ ее болѣе съ смущеніемъ, чѣмъ съ радостью.

Не обращая на это вниманія, старикъ Ратимирскій продолжалъ: Те-бѣ сегодня исполнилось двадцать четыре года; стало быть, ты уже въ состояніи понять и оцѣнить то, что я тебѣ навѣренъ сказать; это бу-детъ твоимъ имениннымъ подаркомъ. Онъ сѣлъ и показалъ Сережѣ рукою на стулъ, стоявшій напротивъ него.

Молодой человекъ исполнилъ приказаніе дяди, съ непонятнымъ за-нравленіемъ сердца, и готовился принять неизвестный даръ.

— Тебѣ двадцать четыре года, снова мотворилъ старикъ: это такіа лѣта, въ которыхъ каждый порядочный человекъ долженъ думать о томъ, какъ устроить свое будущее. Тебя судьба избавила отъ этой заботы: безъ домогательства, даже безъ особыхъ заслугъ съ твоей стороны, она готовитъ тебѣ самое завидное счастье, за которое ты, разумеется, долженъ благодарить меня.

Старикъ замолчалъ, и откинувъ золотую табакерку, осмычанную бриллиантами, спокойно и съ разстановкою понюхалъ табакъ.

Не видя, къ чему клонится это предисловіе, Сережа не зналъ, въ какой степени онъ долженъ благодарить дядю, и ограничился только тѣмъ, что покорно и тихо сказалъ:

— Все, что вы для меня уже сдѣлали, дядюшка, заставляетъ меня быть вамъ вѣчно благодарнымъ.

— Ты мой единственный наследникъ, продолжалъ Сергій Петровичъ, не отвѣчая на слова племянника, и я хочу, чтобы ты былъ вполне моимъ наследникомъ, какъ по состоянію, такъ и по уваженію, которымъ я до-сихъ-поръ пользовался въ обществѣ. Состояніе я тебѣ дамъ, но значеніе брать данъ собственныхъ достоинствъ, которыхъ у тебя пока еще очень немного, а потому только покровительство какинбудь изъ людей сильныхъ и уважаемыхъ въ свѣтѣ можетъ дать тебѣ прочную пору въ обществѣ. Князь Борновъ одинъ можетъ поставить тебя на ту точку, на которой я желаю тебя видѣть. Ты понимаешь меня?

— Нѣтъ, дядюшка! съ усиленіемъ проговорилъ Сережа, у котораго какое-то темное предчувствіе захватывало духъ.

— До глупости недогадливъ! холодно возразилъ Сергій Петровичъ. Ну, такъ я тебѣ скажу прямо. Князь, по дружбѣ своей ко мнѣ, соглашается принять тебя въ свое семейство, и теперь только отъ тебя зависитъ воспользоваться этою честію. Постарайся заслужить расположеніе княжны, а безъ этого, разумѣется, ничто не состоится.

Слова Сергія Петровича подняли всю кровь къ головѣ молодого человѣка. Какъ бы пораженный электрическимъ ударомъ, Сережа вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, и почти безсознательно проговорилъ:

— Я еще слишкомъ молодъ, дядюшка, чтобы думать о женитьбѣ.

— Не такъ молодъ, однакожъ, чтобы не понять, что два раза въ жизни человѣку такое счастье не дается! Надѣюсь, что ты въ состояніи будешь тоже понять, что это моя непремѣнная воля.

Приходъ слуги, который доложилъ, что въ загѣ нѣсколько гостей желаютъ поздравить именинника, прервалъ дальнѣйшій разговоръ. Сергій Петровичъ оставилъ Сережу, слыша на встрѣчу гостямъ, и оставилъ совершенно во-время. Блѣдный, какъ саванъ, стоялъ Сережа нѣсколько минутъ, не имѣя силъ двинуться съ мѣста; кровь, быстро сбѣжавъ съ лица, тяжелою свинцовой массой упала на сердце, и казалось, на время заглохла въ немъ всякое живое чувство. Вбѣжавшій слуга, выведя его изъ оцѣнѣнія.

— Сергей Петрович просит вас в гостиную: его сиятельство изволят приехать.

Сергея вздрогнул, на лбу его выступил холодный пот, и он только мог ответить слуге, который с изумлением смотрел на него: «Хорошо; скажи — сейчас буду».

Еще минуту пять оставался Сережа в кабинете дяди, стараясь притти в себя и хотя несколько успокоиться; наконец, привычна власть собою помогла ему сформировать из себя праздничную фигуру, хотя невольный трепет рук говорил, что это усилие ему не дешево стоить, и он вышел в гостиную.

В девять часов, великолѣпная дача Сергея Петровича блистала уже тысячами огней, и угасающий день по неволѣ долженъ былъ уступить первенство этой огненной лавѣ свѣта, которая широко раскинула свое сіяніе на окружающіе предметы. Приемныя комнаты кипѣли уже движеніемъ и жизнью, хотя у подъѣзда все еще одинъ экипажъ сѣнилъ другой. Толпы любопытныхъ, сѣвши со всѣхъ сторонъ, чтобы хотя издали взглянуть на чужое веселье и записать рассказы на нѣсколько дней. Почти у каждаго открытаго окна танцевальной залы, можно было насчитать до двухъ десятковъ головъ, которыя силились заглянуть въ комнату, хотя это было и несовсѣмъ удобно, потому что множество цвѣтовъ и рѣдкихъ растений заслоняли собою окна. По мѣрѣ того, какъ балъ оживлялся, и общее вниманіе было устремлено на танцующихъ, которые сводили по всѣмъ направленіямъ огромной залы, горшки съ цвѣтами, какъ-то теряли свой первообытный порядокъ и, сдвигаемые невидимою рукою, образовывали отверстія, достаточныя для любопытнаго взгляда.

Подъ однимъ изъ оконъ залы, нѣсколько женщинъ тоже старались сквозь густую зелень цвѣтовъ уловить хотя тѣнь того, что происходило внутри дома.

— Нѣтъ, кумушка, ничего не видно, говорила одна изъ нихъ, съ досадою отвертываясь отъ окна: просто хоть дождь лить, такъ въ ту же пору.

— Вѣстимо, отвѣчала другая, тутъ самъ домовой ничего не увидитъ, коли одна захватитъ все окно, и рыломъ выскочитъ почтай, что въ горницу, а другія, словно оплаванныя, стой, да зѣвай на цвѣты.

— Да что же, кума, перебила первая, вѣдь можно другихъ-то и поотодвинуть, коли у самихъ чести не хватаетъ; вѣдь не на откупъ же у нея окно; тоже, какъ и мы, грѣшныя, на шарашыгу потѣшается..

— Да, попробуй-ка, сунься, коли ты бойка! отвѣчала другая, а было хотѣла ее посторонить, такъ она, словно кошка, такъ и вилась въ оконницу, а глазницы-то, глазницы-то, точно уголья, такъ и горятъ.

этого не изъ изменить; еще чего добраго, шумъ заткнуть, тогда и всѣхъ турнуть. Подождан, вотъ я попытаюсь горничку—то одишь станцить съ оеиа, такъ иишесть ваднѣ будеть.

Такъ разговаривали двѣ женщины, съ досадою поглядывая на третью, которая, не обращая вниманія на неудовольствіе сосѣдокъ, какъ прикованная, продолжала смотрѣть въ окно.

— Глядь—касы, глядь, кума, сказала вновь одна изъ женщинъ, никакъ она помѣшанная! Смотри—ка, какъ трасется, вишь, лицо—то такъ и дергается, словно она тамъ нечистотаго увидала.

И дѣйствительно, съ женщиной, про которую говорили кумушки, происходило что-то необыкновенное. Еще въ началѣ бала она перѣстала у этого окна, изъ котораго можно было видѣть всю залу, и все, что въ ней происходило. Закутанная въ большой красный платокъ, который почти закрывалъ ее лицо, она съ жадностію слѣдила за подвижною картиною, которая была у ней передъ глазами, и то, что она видѣла, казалось, производило на нее необыкновенное впечатлѣніе. Умалавша платокъ, которымъ она была закутана, старилась съ ея головы неугомонная и любовныиыа сосѣдка, желая взглянуть, черезъ ея голову, во внутренность комнаты, а она этого и не чувствовала, и устремивъ глаза между раздвинутыхъ шпатель, съ какими-то напряженными выищаденъ слѣдила за чѣмъ-то, что, казалось, поглощало все ея существованіе. Это была еще очень молодая женщина. Полное энергіи лицо ея въ это время выражало столько внутренней жизни, что стоило только взглянуть на нее, чтобы убѣдиться, что это не простая зрительница великолѣпнаго праздника, и что не одно красное любовиство приковало ее къ этому окну. Черные, блестящіе глаза ея, какъ—будто выпали въ предметъ, который занималъ ее; былъ мгновеніе, когда горящее лицо ея вдругъ покрывалось смертною блѣдностію, и изъ носогубныхъ, полуоткрытыхъ губъ, готовъ былъ вырваться беззвучный крикъ. Иногда она закрывала глаза рукою, какъ будто ослѣпленная блескомъ большого освѣщенія, или отуманенная взрѣмъ танцующихъ и звуками музыки. Въ подобномъ—то состояніи находилась она, когда двѣ женщины, выведенныя изъ терпѣнія ея настоятельнымъ пребываніемъ на лучшемъ и удобномъ мѣстѣ, вслухъ изъясляли свое неудовольствіе и видяиое замечіе страшной женщины приписывали сумасшествію. Когда за окномъ происходила описанная сцена, въ танцевальной залѣ музыка замолкала, танецъ кончился, и каждый кавалеръ снѣженнымъ отвелъ свою даму на мѣсто. Въ ту минуту, когда кумушка слѣдила замѣчаніе, что молодая женщина задрожала, молодой человекъ, веда подъ руку хоромоненнѣ дѣвушку, съ которою танцевала, оставался съ нею у перага входа

того окна, из которого вѣло ароматической прохладою вечера. «Ахъ, сказала молодая дѣвушка, вдыхая всюю грудью свѣжій воздухъ, какъ здѣсь хорошо! Знаете-ли, monsieur Serge, прибавила она дѣтски важно, устремивъ на молодого человѣка большіе, голубые глаза, мнѣ здѣсь у васъ такъ хорошо, такъ весело, что хотѣлось бы остановить время на нѣсколько часовъ, чтобы этотъ чудный вечеръ длился подольше.

— Это было бы истинное благодѣіе для тѣхъ, кто ищетъ счастье проводить его вѣстѣ съ вами.

Какой-то тихій, глухой, но не менѣе того ужасный стонъ прервалъ слова молодого человѣка, и заставилъ его обернуть голову въ ту сторону, откуда послышался этотъ во все не правдивый звукъ.

Между цвѣтовъ онъ увидѣлъ два черные глаза, которые взиравъ на него, и казалось, хотѣли впрожечь ему сердце своими огненными молніями. Молодой человѣкъ нелегко поблѣднѣлъ и задрожалъ.

— Что это за стонъ? вы слышали? спросила молодая дѣвушка.

— Я думаю, тамъ за окномъ, кого-нибудь неосторожно придавили, отвѣчалъ молодой человѣкъ, стараясь сохранить возможное спокойствіе, и поспѣшно отвелъ даму отъ окна. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, молодой человѣкъ, разговаривавшій съ дамою у окна, съ окномъ пробивался сквозь толпу, стоявшую подъ тѣмъ же окномъ, и схватилъ молодую женщину съ черными глазами за руку, быстро увлекая ее въ одну изъ алей сада, мимо другихъ освѣщеніемъ.

— Зачѣмъ ты здѣсь? сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь и задыхаясь отъ волненія.

— Зачѣмъ? отвѣчала молодая женщина, захохотавъ: херинъ впередъ! Мнѣ кажется, никто не отнялъ у меня права несмотрѣть на дразниль, который ты даешь; полюбоваться, какъ ты плашешь съ этою шашною баранною.

— Мама, Мама! съ тоскою сказалъ молодой человѣкъ ты губишь меня.

— А ты? отвѣчала рѣзко Мама, ты, себось, иллуешь, ты иллуешь меня?

— А! отвѣчалъ молодой человѣкъ, переходя вдругъ къ совершенному отчаянію такъ: ты этого хочешь, ужасная женщина! Для тебя разрушилъ и всю свою будущность, но тебѣ этого мало ты хочешь совершенной моей погибели,.... Хорошо, продолжалъ онъ, хватая ее за руку, хорошо! пусть будетъ по твоему, найдемъ со мною, я самъ тебя представляю — и потомъ убью себя. —

Голосъ, который произнесены были эти слова, былъ такъ грозенъ, звучалъ такою истинною, что Мама совершенно растерялась и ужъ не угрозу, не угрозу, а мольбу о пощаду, мыслала блѣдными ее губы. Она смѣхалась.

— Останься пока здѣсь; я пришло сюда Фоку, и ты отправившись съ нимъ—домой, сейчасъ же, если не хочешь видѣть меня мертвымъ, или сумасшедшимъ.

— Уйду, уйду, говорила Мама, съ такою покорностію, какой трудно было отъ нея ожидать: уйду, только ты, Сережа, не сердись, не сердись на меня!

Черезъ нѣсколько минутъ зашыхавшійся Фока бѣгалъ по всѣмъ аллеямъ, обѣжалъ вокругъ дома и не нашелъ никого. Мама скрылась въ тотъ же мигъ, какъ ее оставилъ Ратмирскій. Не слыхала ли она, какъ Ратмирскій велѣлъ ей ждать Фоку, или опять непокорная и неутомная натура, на мигъ присмирѣвшая предъ отчаяніемъ любимаго человѣка, вступила въ свои права,—только, не дожидаясь никого, она почти бѣгомъ пробѣжала нѣсколько аллей сада, миновала дворъ, заставленный экипажами, и выбѣжавъ за ворота, кинулась на перваго извозника и только задыхаясь проговорила: пошелъ, пошелъ, только скорѣе!

— Куда же, прикажете?

— Куда—нибудь, только подальше отсюда и скорѣе!

Извозникъ значительно улыбнулся, и подобравъ возжи, пустился стрѣлою.

И вотъ она дома.

— Мнѣ ничего не нужно, сказала она встрѣтившей ее служанкѣ, спускай спать, Дуняша.

— Что это съ нею, говорила горничная, подавая свѣчу въ Мамину комнату и запирая за собою дверь, на ней лица нѣтъ, испугалась что ли чего? Да и то сказать: ночная пора, долго ли до бѣды.

Мама упала на диванъ. Не горе, не отчаяніе, не гнѣвъ, а какое-то чувство, которому нѣтъ названія, уничтожило бывшую женщину и проглядывало въ каждомъ мускулѣ ея блѣднаго, искаженнаго лица. Нѣсколько времени она безъ малѣйшаго стога, какъ то неистово кидалась по дивану и рвала съ себя платье, какъ будто это платье давило ее, мѣшало дышать. Чувство, терзавшее бѣдную цыганку, было полное сознаніе, что счастье ея разрушилось навсегда, — это было внутреннее убѣжденіе въ собственномъ ничтожествѣ. Мама не думала, не разсуждала въ эти минуты, а чувствовала, что она была не пара Сережѣ, что не ее судьба назначала ему въ подруги жизни, что она, бѣдная, ничтожная цыганка, необразованная, полудикая, была ниже его; что одной любви, которая проявлялась въ ней въ формахъ грубыхъ, не отвечающихъ понятіямъ и требованіямъ чужеземца образованнаго, недостаточно для его счастья. Все это она беззвучно

чувствовала; она видѣла, тамъ, на этонъ багѣ, куда злая судьба привела ее, пышныхъ, важныхъ барынь, передъ которыми онъ, любимецъ ея души, жизнь ея сердца, стоялъ такъ почтительно, съ такою свѣтлой улыбкой, и слушалъ такъ внимательно, боясь проронить малѣйшій звукъ ихъ голоса. А онъ! съ какими достоинствомъ принимали онъ знаки этого уваженія! за стараніе угодить имъ, за постоянное вниманіе, онъ платилъ ему только легкимъ наклоненіемъ головы, или едва замѣтною улыбкою, и онъ былъ доволенъ, онъ былъ веселъ. А она? Она на колѣнахъ приняла его любовь, цѣлуя поданную ей руку, и этой руки не отнимали у нея, сознавая, что это такъ быть должно, что эта любовь былъ даръ человѣка, подающаго неожиданное, высокое счастье, какъ милостыню. Эта любовь не давала ей никакихъ правъ на то общество, къ которому онъ принадлежалъ; она нищая, которой подана краденая золотая монета, и она должна прятать ее, чтобы не погубить щедраго дателя. Но Маша всего этого не думала, — на горькую думу есть другая думка, болѣе отрадная, которая опровергнетъ первую, — она все это чувствовала, постигала тоскующей душою, и болѣзненно рвалась, ныло въ ней разбитое сердце, и не было ему истоку слезами, не было успокоенія въ упрекѣ. Но вотъ припадокъ бѣшеннаго отчаянія началъ стихать. Мысли закружились въ ея горячей головѣ и вылились въ нестройномъ ропотѣ.

— Я хочу погубить его! — а я жизнь свою готова за него отдать — я ужасная женщина! — а что я ему сдѣлала? Я виновата только въ томъ, что люблю его, что не могу не любить, и умереть-бы хотѣла, да любовь не допускаетъ.

Онъ несчастливъ! а я счастлива? я радуюсь? Когда онъ тамъ танцуетъ съ этими раздушенными барынями, а здѣсь одна только слезой и утѣшаюсь — и все люблю его. Онъ убьетъ себя, показавъ меня ни — ему стыдно показать меня — зачѣмъ же онъ оторвалъ меня отъ нашихъ цыганъ? они не стыдятся меня, а тамъ была первая, почетная — но онъ говорилъ, что любить меня, будетъ всегда любить, я это помню, я не забыла — да развѣ такъ любить? Развѣ въ этомъ состоитъ обшанное счастье?

Развѣ она, эта барышня въ газѣ и кружевахъ, съ которою онъ такъ радостно вертѣлся, лучше меня — развѣ она лучше меня?

Нарядъ лучше, а не она; — я лучше ея, гораздо лучше! и окрыленная какою-то надеждою, она быстро вскочила съ дивана, схвативъ свѣчку и подбѣжала къ большому трюмо, которое стояло посрединѣ комнаты. Невольный крикъ ужаса вырвался изъ груди ея, когда она взглянула на себя. Блѣдное, искаженное душевной тревогой лицо, на кото-

ромъ въ безпорядкѣ висѣли длинные пряди черныхъ волосъ, прекраснѣйшіе глаза, какъ-то дико выглядывавшіе изъ подъ распухнувшій вѣкъ, и растерзанное платье; отрывавшее полуобнаженную грудь, всѣмъ говорили ей, что, по-крайней-мѣрѣ въ эту минуту, она была гораздо хуже той, съ которою сравнивала себя. Бѣлокурая, дѣтская головка соперницы, со всею чистотою тихаго, безмятежнаго счастья, какъ-будто отразилась въ зеркалѣ, рядомъ съ ея лицомъ, чтобы сдѣлать сравненіе еще рѣзче для Маши. Нѣсколько минутъ Маша неподвижно, трепеща всѣмъ тѣломъ, смотрѣла на свой искаженный обликъ, не имѣя силы отвести глазъ отъ зеркала, и наконецъ застыла, горько застыла, кинула свѣчку на полъ и схватила себя за голову, съ отчаяніемъ вскрикнула: — Хуже! хуже! во сто разъ хуже! Я просто безобразна! А кто меня сдѣлалъ такою? онъ же, все онъ, онъ сгубилъ мое счастье — сгубилъ мою красоту! О-о-о! красота моя, алмазь мой! нѣтъ тебя, нѣтъ любви!...

Свѣчка погасла, и въ темной комнатѣ до самаго разсвѣта слышались глухія, отрывистыя рыданія и полувнятные слова.

А между-тѣмъ балъ у Сергія Петровича Ратмирскаго кипѣлъ; музыка тремѣла, гости танцовали; танцовалъ и Сережа. Чтò было у него на душѣ, звалъ только Богъ, да омы. Любуемые гости веселились, приличіе требовало, чтобы и хозяева были веселы, и молодой Ратмирскій танцовалъ... Изрѣдка только тревожный взглядъ его обращался къ раскрытому окну, онъ блѣднѣлъ и невольное содроганіе говорило, что веселое лицо его въ эти мгновенія парадная парча на безжизненномъ трупѣ. Начало свѣтать — гости разъѣхались. Прощаясь съ Ратмирскими, нянь Боршова сказалъ ему тихо: «Пожалуйста, любезный Сергія Петровичъ, не забудьте объ моей просьбѣ; заемныя письма я перешлю къ вамъ, и вы скажете ему, что по дружбѣ ко мнѣ, ихъ купил, и что я объ нихъ ничего не знаю.» — Дружеское пожатіе руки было отвѣтомъ.

IX.

Первые лучи солнца едва-едва еще сквозили между вѣтвями, а старикъ Сока былъ уже у Маши. Встревоженной Сережа, сейчасъ же послалъ его къ ней, какъ только узналъ, что Маши не было въ саду. Грустно качая головою, смотрѣлъ добрый старикъ на исхудавшее въ одну ночь лицо Маши, а на слова ея, что «если все такъ будетъ, то она болѣе терпѣть не станетъ», печально сказалъ:

— Эхъ, матушка, Марья Ильинишна, за чѣмъ прибавлять къ горю бѣду, для чего вязать камень на шею тому, кто и такъ тонетъ.

— Потонула я, отвѣчала угрюмо Маша, потонула въ слезахъ, несчастная; а ему что! радуется себѣ да пляшетъ на просторѣ.

— По неволѣ, матушка, Марья Ильинишна, а счастье людское загадка. Вотъ вы, сказалъ Оока, съ участіемъ взглянувъ на Машу, вы плачете, жалуется на него; а ужъ въ горѣ и то радость, а онъ страдаетъ-то не меньше васъ, да молчить, ни словечкомъ не потѣшить себя, не плачетъ, не жалуется; такъ тутъ—кто счастливейе разбирать трудно.

— А на что ему жаловаться? Чѣмъ онъ не доволенъ? живо вскопчивъ, запальчиво возразила цыганка.—Онъ дѣлаетъ, что хочетъ, живетъ, какъ хочетъ, вольная птица... Онъ знаетъ, что я его люблю, что у меня не хватитъ силъ мучить его такъ, какъ онъ меня мучаетъ.

— Мѹка мѹкѣ розь, сударыня моя, Марья Ильинишна, какъ вѣдь кто ее разумѣетъ. У инаго волдырь на пальцѣ—и онъ кричитъ благимъ матомъ, а у другаго, глядишь, и сердце все въ болячкахъ, а онъ молча бродитъ, пока не сляжетъ въ могилу.

— Коли онъ тоже терпитъ что-нибудь, то самъ же виноватъ, говорила Маша. Кто ему велитъ терпѣть, онъ не малый ребенокъ, чтобы бояться дяди; онъ богатъ, можетъ жить, какъ душѣ приглянется.

— Богатъ Богъ милостію, матушка, отвѣчалъ Оока, съ глубокимъ вздохомъ, а наше богатство съ баринномъ еще не сосчитано. А вотъ, коли дядюшка узнаетъ про все, что онъ надѣлалъ, то богатому-то человѣку, пожалуй, что негдѣ будетъ и голову приклонить, и ступай на всѣ четыре—гдѣ просторъ, тамъ и селись, коли еще не отведутъ другой какой-нибудь квартиры.

— А гдѣ это ему дадутъ квартиру? спросила Маша, не понимая словъ старика.

— Не такъ, чтобы далеко, матушка, отвѣчалъ старикъ сурово,—въ тюрьмѣ.

— Что ты, старикъ, съ ума сошелъ?

— Хорошо-бы, Марья Ильинишна, кабы я съ ума сошелъ, не большая бѣда, а то боюсь, не сошелъ-бы Сергѣй Сергѣичъ!

— Но отчего? сказала тревожно Маша.

— Въ вѣкъ-бы не сказалъ я вамъ того, что теперь хочу сказать, съ рѣшимостью произнесъ Оока, да что-жъ дѣлать, нужда заставляетъ. Пусть прогнѣвается баринъ, лучше вынесу гнѣвъ его, а душа не терпитъ,—скажу! кто жъ его, горемыку, опрѣчь меня пожалѣетъ! проговорилъ онъ, какъ-бы самъ съ собою.

Маша смотрѣла на старика съ удивленіемъ. Поинкшая сѣдая го-

лова, и горе, которое выразилось на его лицѣ, возбудили въ ней участіе, хотя она почти не понимала загадочной его рѣчи.

— Вы, матушка, Марья Ильинишна, не знаете, что вчера было уморили Сергѣя Сергѣича. А за что? что онъ вамъ худо сдѣлалъ? епричь того, что исполнялъ, какъ слѣдуетъ, законъ, не жалѣлъ для васъ ни себя, ничего прочаго. А вы, матушка, что было вѣчоръ сдѣлали? Ну, набы кто увидалъ васъ? Ну, кабы дошло до старика-то, знаете-ли, — продолжала Она со страхомъ озираясь кругомъ, — знаете-ли, матушка, онъ-бы его съѣлъ; проглотилъ, онъ-бы его нищимъ пустилъ во міру; вѣдь онъ не отецъ, онъ не пожалѣлъ-бы его... Вотъ вы что могли сдѣлать.

— Не развѣ у Сережи ничего нѣтъ? съ волненіемъ спросила Маша.

— Есть — безпримѣрная душа, Марья Ильинишна, да за душой-то пусто, все дядино; угодить дядѣ — все его, нѣтъ — такъ и пиши въ грубѣ, а тогда что? Только долги одни.... Ахъ, долги, долги! они сведутъ его съ ума.

— Какіе долги, кто долженъ? съ бѣльшимъ и бѣльшимъ волненіемъ спрашивала Маша.

— Кто? Сергѣй Сергѣичъ долженъ, и не нынче, такъ завтра это дойдетъ до дяда. — Зачѣмъ бралъ? Куда дѣвалъ? спросить старика, а что ему отвѣчать? — Нельзя-же ему сказать, у меня де моль есть домъ-особнякъ я моль себѣ отказываю во всемъ, да все не хватаетъ тѣхъ денегъ, что вы мнѣ даете, мало на содержаніе семьи. Вѣдь этого, Марья Ильинишна, ему не скажешь, да хоть и не говори, онъ и самъ доберется до правды, а тода завяжи глаза, да и въ воду! Такъ ужъ тутъ его винить нечего, бѣтаго не бьютъ, ему и такъ жутко, право, Марья Ильинишна, жутко! А вы сударыня этого не знаете: вамъ ни въ чемъ отказа не было.

Живая, пламенная натура Машы, натура полная добрыхъ началъ, покорная всегда чувству, а не разуму, и тутъ осталась вѣрна себѣ. Всплеснувъ руками, со всѣми признаками глубокаго душевнаго волненія, она нѣсколько времени стояла, какъ окаменѣлая, и наконецъ съ упрекомъ сказала:

— Ахъ, вы злые, злые люди! такъ вотъ что вы дѣлаете! Если твой баринъ несчастливъ, такъ это его Богъ за меня караетъ, зато, что онъ обижалъ меня; что онъ лгалъ, обманывалъ меня. Кто, сказавъ твоему барину, что я люблю его богатство? А! кто это ему сказалъ? продолжала Маша, постепенно воспламеняясь: кто сказалъ, ему, что мнѣ нужно что-нибудь, кромѣ его самага, что я его бѣднаго буду меньше любить, чѣмъ любила богатаго? Скажи ему, что это ложь, не-

правда! Это онъ думаетъ, глядя на своихъ разряженныхъ барынь, въ шелкахъ и яхонтахъ, съ которыми ему веселѣй, чѣмъ со мною; онъ думаетъ, что и мнѣ нужны дорогіе уборы. Это неправда, слышннѣ-ли, старикъ, неправда! Скажи ему, что я люблю его одного, что мнѣ ничего не нужно. Если онъ, давая мнѣ деньги, отнял у меня свою душу, не хотѣлъ подѣлиться со мною горемъ — такъ мнѣ ничего не надо! — Вотъ, говорила она, поспѣшно отирая коммоды и шкафы, и выбрасывая отсюда все, что было сколько-нибудь цѣнно: вотъ, возьми, продай, — возьми все, что у меня есть, платя, мебель, даже это, прибавила она срывая съ руки гладкое золотое колечко, и подавая его Фокъ; возьми, продай, и отдай деньги, кому онъ долженъ. Не пусть онъ не гибнетъ чрезъ меня — не винить меня въ своемъ несчастіи!

И дряхлавъ пылающей головою къ спинкѣ стула, на которомъ она села, бѣдная Маша заплакала. Порывъ негодованія, за то, что ее не поняли, не одвинули ее любви, въ этой простей, необразованной женщинѣ былъ такъ величественъ, такъ благороденъ, выражалъ такую безпредѣльную глубину чувства, что старикъ Фока, слѣдовавшій за движеніями ее и словами, съ какинъ-то благоговѣющимъ изумленіемъ шепталъ:

— Матушка, матушка! вотъ она какая, вотъ это прямой дряхъ — и когда Маша заплакала, то Фока тоже помядобился платокъ, которымъ дрожація руки старика не споре могли досгать изъ жармака.

— Есть Богъ, матушка, Марья Ильинична, и Онъ наградишь васъ за все, говорилъ расстроенный старикъ. Простите насъ, матушка, что мы васъ, по невѣднію, огорчили. Теперь я за васъ душу отдаю. И когда нужно будетъ, то прямо уже приду къ вамъ, и скажу: матушка, Марья Ильинична, теперь спасите барина — и продамъ матушка все, кромѣ вотъ этого — сказалъ Фока, кладя предъ нимъ золотое вѣнчалное колечко: съ этимъ грѣхъ разставаться.

— Но смотри, барину ни слова! сказа Маша, когда Фока отпривился домой: я не хочу силою выманивать его ласку; слышишь?

— Слышю, отвѣчалъ Фока, не скажу! и уходя, тихо прибавилъ: Скажи-ка я ему, что здѣсь у насъ было, такъ онъ, какъ ни сморкнетъ, а раскочнется, зачѣмъ, моль, расстроиваетъ, зачѣмъ сказалъ, — а вотъ какъ сказалъ, такъ дѣло-то и вышло на чистоту, — она-то выводитъ просто ангель сущій, хоть и задорна маленько, ну, да теперь вдовь и задориться перестанетъ, и на счетъ его-то я не такъ ужъ боюсь.

X.

На другой день послѣ бала Сережа Ратмирскій чувствовал себя очень нездоровымъ; совершенный упадокъ силъ, сѣдствіе душевнаго потрясенія, заставилъ его почти весь день не выходить изъ комнаты, тѣмъ болѣе, что Оока, возвратясь домой, донесъ, что все обстоитъ благополучно. Сережа былъ радъ этому извѣстію, потому что оно его избавило отъ необходимости самому ѣхать къ Манѣ, и въ слѣдствіе этого вынести непремѣнно тяжелую сцену упрековъ, жалобъ и слезъ. «Нынче и завтра я не поѣду къ ней; въ это время впечатлѣніе ослабнетъ, да и я нѣсколько успокоюсь», думалъ молодой Ратмирскій, въ какомъ-то болѣзненномъ истощеніи лежа на диванѣ. Часу въ девятомъ вечера, въ комнату вошелъ камердинеръ Сергѣя Петровича и пригласилъ его въ кабинетъ къ дядѣ.

— Скажи, что сейчасъ буду, отвѣчалъ Сережа, привыкнувъ безпрекословно исполнять волю старика.

— Вотъ, сказалъ Сергѣй Петровичъ, когда Сережа явился въ кабинетъ, письмо Нисарскихъ, и онъ подалъ племяннику распечатанное письмо, чего прежде не дѣлалъ; но со дня именинъ Сережи, когда старикъ объявилъ ему свои планы, обращеніе его съ Сережей нѣсколько измѣнилось, онъ какъ будто хотѣлъ придать ему какое то значеніе, обращаясь съ нимъ уже не какъ съ мальчикомъ.— Нисарскіе послѣ завтра утромъ отправляютъ сына въ Петербургъ на службу и дѣлаютъ прощальный вечеръ; насъ зовутъ обоихъ — но я не поѣду, такъ не возмешь ли ты этотъ трудъ на себя, кстати, извинишь меня какъ нибудь.

Сережа съ обычною кротостію отвѣчалъ, что поѣдетъ.

— Да, кстати, не увидишь ли ты тамъ молодого Борнова, попроси его заѣхать ко мнѣ, только поскорѣе; скажи, что дѣло есть.

— Едва ли, дядюшка, я его тамъ увижу, онъ, кажется, не бываесть у Нисарскихъ.

— Давно-ли?

— Не знаю; но молодой Нисарскій мнѣ говорилъ, что онъ съ нимъ какъ-то не поладилъ.

— Глупо! замѣтилъ Сергѣй Петровичъ: ну, все равно, а къ нему напущу.

Слѣдующій день начался такъ обыкновенно: и разсвѣло въ урочный часъ, и солнышко вошло такъ же свѣтло, какъ и всегда, а между-тѣмъ день этотъ несъ съ собою много необыкновенныхъ происшествій; по-крайней-мѣрѣ, для дома Ратмирскихъ.

Началось съ того, что Сережа получалъ поутру записку, гдѣ мо-

дой Нисарскій просилъ его прѣхать какъ можно ранѣе, говоря, что онъ хочетъ, раставаясь съ друзьями, можетъ быть надолго, нѣсколько часовъ исключительно провести съ ними, пока другіе гости не вызовутъ ихъ въ гостиную. Въ шесть часовъ Сережа отправился. Черезъ часъ, изломанный экипажъ и въ поводу приведенныя лошади переполомили весь дождь. Оказалось, что на дорогѣ лошади встрѣтили мужика съ медвѣдемъ, испугались, понесли, и Сережа могъ бы заплатить жванью, еслибъ счастливый толчекъ не выкинулъ его на землю, и такъ благополучно, что молодой человѣкъ отбѣлся только испугомъ. Онъ нѣтъ-къ отправился на прощаніе съ товарищемъ, а кучеру приказалъ часомъ въ двѣнадцать прѣхать за собою.

Еще, камердинеръ Сергѣя Петровича докладывалъ ему о случившемся, какъ въ комнату вошелъ молодой князь Борновъ.

— Видите, Сергѣй Петровичъ, говорилъ князь, раскланиваясь съ Ратмирскимъ, съ какою готовностію я исполняю малѣйшее ваше желаніе. Едва получилъ вашу записку, съ приказаніемъ какъ-нибудь на днѣхъ вобывать у васъ, какъ въ ту же минуту успѣшилъ воспользоваться этою честію.

— Это очень любезно съ вашей стороны, и я благодарю васъ за это, отвѣчалъ Ратмирскій, улыбаясь.

— Вьсаможъ-дѣлѣ, говорилъ князь, придвигая себѣ стулъ, кромѣ желанія исполнить вашу волю, меня мучило еще страшнее любопытство: какое важное дѣло вы желаете мнѣ сообщить.

— Если бы я не употреблялъ слово *важное*, и этикъ не расшевелилъ вашего любопытства, то такой вѣтренникъ, какъ вы, любезный князь, долго бы заставлялъ меня ожидать свиданія, отвѣчалъ Сергѣй Петровичъ.

— Ручаюсь вамъ, что это не такъ — и называя меня вѣтренникомъ, вы доказываете, что вовсе меня не знаете. Да болѣе положительнаго человѣка, въ мои годы, трудно найти! безопасно и самоуверенно говорилъ молодой князь.

— Это зависитъ отъ взгляда, почти иронически замѣтилъ Ратмирскій.

— Но въ чемъ-же важное дѣло, по которому я явился сюда? спросилъ молодой человѣкъ, послѣ короткаго молчанія, нѣсколько уколотый слова ми Ратмирскаго. Неужели оно и вь-саможъ-дѣлѣ такъ важно?

— Опять я вамъ отвѣчу, что это зависитъ отъ взгляда; на этотъ разъ уже серьезно отвѣчалъ Ратмирскій.

— А могу я взглянуть на него, шутя проговорилъ Борновъ.

Не отвѣчая на вопросъ своего гостя, Сергѣй Петровичъ всталъ.

отперъ бюро, и доставъ изъ него тщательно свернутые, небольшіе листки бумаги, такъ-же молча положилъ ихъ вѣдь молодой Борновъ и сѣлъ на прежнее мѣсто. Лишь только князь развернулъ ихъ, онъ невольно вскрикнулъ, взглянулъ съ изумленіемъ на старика, и спокойное до того лицо его покрывалось яркимъ румянцемъ.

— Видите-ли, дорогой мой князь, проговорилъ Сергій Петровичъ, что все зависитъ отъ взгляда.

— Но какъ они попали къ вамъ? Ради Бога, Сергій Петровичъ, объясните мнѣ, говорилъ сконфуженный и растерявшійся Борновъ.

— А вѣдь, не правда-ли, молодой человѣкъ все-таки лучше, чѣмъ эти бумаги попали ко мнѣ, а не къ вашему отцу?

— Извините, Сергій Петровичъ, отвѣзая нѣсколько оспаривающій Борновъ, лучше было бы, еслибъ они никому не попадались.

— А еще лучше, князь, еслибъ они совсѣмъ не существовали, возражалъ Ратмирскій холодно.

Борновъ молчалъ и тихо шаялъ перчатку. Сергій же Петровичъ взялъ со стола бумаги, которые такъ встревожили князя и равнодушно изорвалъ ихъ въ клочки.

— Чѣмъ вы дѣлаете? спросилъ изумленный князь.

— Рву ненужные документы, отвѣчалъ Ратмирскій.

— Не помилуйте, я долженъ во всемъ вѣстать.

— Я купилъ ихъ, и могу поступать съ моею совѣстью, какъ мнѣ заблагорассудится, отвѣчалъ Ратмирскій.

— Сергій Петровичъ! почти запальчиво сказалъ князь.

— Я эти записки купилъ не для того, князь, чтобы поучить по нимъ уплату, а для того, чтобы сбросить лишнее горе моему старому другу, вашему отцу, у котораго подобныя бумажки, можетъ-быть, отняли бы душевное спокойствіе.

— Поверьте, Сергій Петровичъ, сказалъ легкомысленный Борновъ, что батюшка смотрѣлъ бы на эти документы гораздо оисходительнѣе васъ, и не придавалъ бы имъ такой важности.

— Можетъ-быть, князь; отозвался Ратмирскій, потому-что вамъ отецъ любить васъ до непростительной слабости. А вы зато готовите ему горькую старость... Не возражайте, князь, продолжалъ Сергій Петровичъ, видя, что Борновъ хотѣлъ говорить: если теперь, въ ваши годы, вы дѣлаете такія долги, то чѣмъ будетъ послѣ—конечное разореніе.

— Когда я буду имѣть большіе средства, то и долги не буду дѣлать.

— А чѣмъ вамъ теперь не достаетъ? почти съ досадою спросилъ Ратмирскій. Вы получаете отъ вашего отца отъелко, что могли бы жить

отдѣльно—и жить очень хорошо, но для этого надо быть благоразумнымъ.

— Позвольте вамъ сказать, Сергій Петровичъ, прервалъ Ратмирскаго Борновъ, который начиналъ уже терять терпѣніе, и по вѣтренности характера, почиталъ себя даже оскорбленнымъ: если вы, изрѣвая мои записныя письма, полагаете себя въ правѣ оскорблять меня и вещь очень обыкновенную облекать въ какое-то преступленіе, то я нахожусь въ необходимости вамъ сказать, что отъ души благодарю васъ за заботу о спокойствіи моего отца, но прибавлю—что подарка отъ васъ въ сорокъ тысячъ я не приму, и безъ всякаго обязательства заплачу вамъ деньги.

— То-есть, возразилъ съ легкою насмѣшкою Ратмирскій, сдѣлавъ новый заемъ, отдавъ снова свое имя въ руки любой продажныхъ, которые каждому готовы сбыть ваши обязательства, не разбирая, съ какою цѣлью они приобретаются? Признаюсь, князь, такое легкомысліе непростительно и переходитъ за предѣлы всякаго благоразумія.

— Понялуйте, отвѣчалъ Борновъ, да развѣ я одинъ занимаю? Покажите мнѣ хоть одного изъ молодыхъ людей, который бы не занималъ? Дороховы—занимаютъ, Нисарскій—долженъ, Сократъ—долженъ, Нестомновъ долженъ, Сережа Ратмирскій тоже долженъ, имъ всѣ должны, болѣе или менѣе.

Одно-ли легкомысліе вызвало послѣднія слова разраженнаго Борнова, или тутъ примѣшивалось и желаніе уколоть старика, въ лицѣ племянника, но какъ-бы то ни было, а эти слова не произвели на Ратмирскаго ни малѣйшаго дѣйствія. Только едва замѣтное, почти неувловимое движеніе бровей показало, что онъ хорошо разслушалъ всѣ имена.

— Да хорошо! очень спокойно, даже съ улыбкою, возразилъ Сергій Петровичъ, — но это не резонъ, чтобъ я вы занимали. Къ тому же, у всѣхъ, кого вы назвали, средствъ къ жизни гораздо меньше, чѣмъ у васъ.

— Э! Боже мой! нетерпѣливо отозвался Борновъ, если я занимаю, такъ значить средства мои недостаточны.

— Для зеленого поля, любезный князь, продолжалъ Ратмирскій, играя табатеркою: часто и миліоны недостаточны.

— Я не играю.

— Играете, князь.

— А я говорю, что не играю, отвѣчалъ князь со всѣми признаками досады, готовый перейти за границы приличія.

— Однако, всѣ говорятъ, а общій говоръ не можетъ составиться безъ всякаго повода. Про тѣхъ, кто не играетъ, не говорятъ же это; вотъ про Сережу никто не скажетъ ничего дурнаго.

Для чего Сергій Петровичъ указалъ на племянника, а не на кого

другого; не известно; была-ли у старика мысль отдать справедливость Сережѣ въ глазахъ Борнова, или онъ хотѣлъ выведать что-нибудь отъ взыблочнаго человѣка, котораго явное предпочтеніе другаго должно было непременно вѣдѣть за живое, — это его тайна. Но такъ и случилось.

— Ха! ха! ха, прекрасный прихѣръ, сказалъ Борновъ, почти выходя изъ себя: не говорить дурнаго! И про прихѣрнаго Сережу говорили, что онъ увезъ изъ табора цыганку, и даже утверждали, что женился на ней — и... Но взглянувъ на Сергѣя Петровича, вѣтренникъ опомнился, и чувствуя, что досада увлекла его за предѣлы чести, онъ съ вознеишемъ, гораздо мягче и тише прибавилъ: такъ что же, вздоръ остался вздоромъ! Надъ пустыня разсказчиками сѣбялись, Сережа остался по-прежнему чистъ, пустая молва разсѣялась сама собою, какъ со временемъ разсѣется и обо мнѣ, если только она существуетъ.

Такъ говорилъ князь, желая поправить свою непростительную обмолвку, всей важности которой онъ самъ не понималъ, но дѣло было сдѣлано — искра кинута.

Съ минуту длилось молчаніе, Борновъ чувствовалъ, что ему какъ-то неловко, а Сергѣй Петровичъ, съ насмѣшливымъ спокойствіемъ любовался смущеніемъ своего гостя; но только его холодный, даже ироничный взглядъ въ эту минуту, что-то странно противорѣчилъ его наружному спокойствію.

— Я-бы очень желалъ, Сергѣй Петровичъ, сказалъ князь, чтобы вы думали обо мнѣ лучше, чѣмъ теперь, и не вѣрили ложнымъ слухамъ.

— Поступайте лучше, и я буду лучше объ васъ думать, а слушать я вѣрю тогда только, когда они подтверждаются дѣйствіями.

Князь увѣдалъ. Прошло болѣе десяти минутъ, а Сергѣй Петровичъ все еще сидѣлъ, погруженный въ глубокую думу. Лицо его было сурово, брови сдвинуты, тонкія, нѣсколько поблѣднѣвшія, губы сжаты, вся его обыкновенно спокойная физиономія приняла нѣсколько грозное выраженіе. Разговоръ князя очень непріятно на него подѣйствовалъ; онъ даже пробудилъ въ немъ сомнѣніе.

«Неужели Сергѣй осмѣлился... и недодуманная мысль заставила старика неволью вздрогнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ, онъ меня знаетъ! — Во всякомъ случаѣ, въ словахъ этого сумасшедшаго вѣтренника должно же быть какое-нибудь основаніе. Эти тайные займы, его постоянная задумчивость, эта глупая ссылка на молодость, когда я, третьяго дня, объявилъ ему мои намѣренія въ отношеніи Борновой, — все это неправомерно имѣетъ причину... и всего вѣроятнѣе, что тутъ замѣшалась кака-нибудь глупая страсть, которую я уничтожу. Но если онъ разрушилъ

всѣ мои планы — бѣда ему! — Нѣтъ, нѣтъ, думалъ Ратмирскій, это вздоръ, подобная глупость невѣроятна. Надо узнать все обстоятельство... но какъ? Серёжу спрашивать бесполезно, надо дѣйствовать мимо его».

Въ первый разъ еще желаніе Сергѣя Петровича не подчинялось могущественному слову хочю, и это страшно сердило старика. Но вдругъ лицо его прояснилось, быстрая мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ протянулъ руку къ сонеткѣ и позвонилъ.

— Узнать, поѣхали-ли за Сергѣемъ Сергѣичемъ, сказалъ онъ вождему слугѣ.

— Кучеръ говоритъ, что приказано приѣхать въ двѣнадцать часовъ, а теперь еще только девятаго половинна; доложилъ возвратившійся слуга.

— Позвать ко мнѣ кучера. Да! это надежнѣе, говорилъ Ратмирскій, оставшись одинъ: это ближе всего приведетъ къ цѣли.

— Ты ѣдешь съ молодымъ баринномъ? спросилъ Сергѣй Петровичъ молодого красиваго кучера, когда тотъ вошелъ, и низко поклонясь, остановился у дверей.

— Я, сударь.

— Ты одинъ?

— Сергѣй Сергѣичъ ни съ кѣмъ не выѣзжаютъ, oprичъ меня.

— А гдѣ живетъ Цыганка, къ которой вы ѣдите?—неожиданно, и грозно спросилъ Сергѣй Петровичъ.—Говори сію минуту, прибавилъ онъ, вида, что поблѣднѣвшій и испуганный бѣднякъ не отвѣчаетъ.

— Я, сударь, Сергѣй Петровичъ, ничего не знаю... я не смѣю, прибавилъ онъ, вида грозное движеніе барина.

— Ты все знаешь; а бояться ты можешь только меня одного, произнесъ рѣшительно Ратмирскій. Сейчасъ же заложить мою карету, ты ѣдешь со мною, а за баринномъ пусть отправляется кто-нибудь другой. Ступай. Но никому ни слова, если хочешь быть цѣль! Слышишь! прибавилъ Сергѣй Петровичъ.

Да; это нужно покончить, продолжалъ онъ самъ съ собою, и покончить немедленно; такія женщины за деньги все сдѣлаютъ. Нужно ихъ разлучить, раскинуть подалеже другъ отъ друга. Онъ забудетъ этотъ вздоръ и не посмѣетъ противиться моей волѣ.

Сергѣй Петровичъ досталъ изъ бюро большую пачку денегъ, и ждалъ экипажа.

Перепуганный, блѣдный кучеръ молодого Ратмирскаго кинулся исполнять приказанія грознаго Сергѣя Петровича, и сходя съ крыльца, чуть было не задавилъ сидѣвшаго на нижней ступенькѣ человѣка,

- Кто это тамъ угорьг? произнесъ гласъ.
 — Дядюшка Оеничъ, это вы?
 — Я; а ты, Кости, что это скуру скачешь по головамъ.
 — Пропали, дядюшка Оеничъ! задыхаясь, сказалъ кучеръ.
 — Кто пропалъ? спросилъ Оока, который, по обыкновенію, вышелъ на крыльцо покурить трубочку.

— Всѣ пропали, всѣ! шепталъ перепуганный мужикъ: старикъ про все провѣдалъ, и сейчасъ велѣлъ везти себя къ ней.

Еслибы домъ уналь из голову Ооки, то онъ не былъ бы такъ оглушенъ, какъ этими словами. Схвативъ уходившаго кучера за руку, какъ бы не ногъ самъ держаться на ногахъ, онъ съ ужасомъ повторялъ: ѣдтъ, ѣдтъ, самъ.... къ Марьѣ Ильинишнѣ?

— Самъ, сейчасъ! отвѣчалъ кучеръ. Пропали наши головы! стубль меня молодой баринъ, Богъ ему судья!

— Кости, голубчикъ! шепталъ старикъ, не выпуская руку кучера и почти становясь передъ нимъ на колѣна, не погуби его, не вози къ ней старика....

— Да что это вы, Оеничъ, какъ же я не новезу, коли велѣтъ?

— Такъ ты забылъ милости барина, забылъ, какъ онъ твою старуху мать спасъ отъ смерти, тебя выручилъ отъ некруткины....

— Кабы забылъ, Оеничъ, такъ не рисковалъ бы головою, не сказалъ бы вамъ ничего, говорилъ кучеръ, таща за собою обезумѣвшаго старика. Дѣлайте, что знаете сами, а мое дѣло невольное.

— По крайности, не сѣмъ закладывать, промедли хоть четверть часика, говорилъ Оока вслѣдъ уходившему кучеру, и съ быстротою, почти невѣроятною для его дѣтъ, кинулся въ конюшню, гдѣ конюхи чистили лошадей.

— Василий, Василий! гдѣ Василий? кричалъ старикъ, вбѣгая въ конюшню.

— Здѣсь, отозвался голосъ высокаго, плотнаго мужчины. Въ два прыжка Оока былъ уже около того, кого искалъ; нѣсколько словъ было перекинуто шомотомъ, и чрезъ минуту взнузданная только лошадь, за которую, какъ говорится, Оока держался руками и ногами, стрѣломъ помчала его изъ воротъ.

— Чтѣ это? никакъ отъ смерти улепетываетъ нашъ старикашка, да и безъ шанки. Василий, куда это нелегкая понесла Оенича, говорили конюхи. Но тотъ, у кого спрашивали, и самъ вслѣдъ за Оокомъ кетезъ изъ конюшни.

Вскоръ экипажъ Сергѣя Петровича былъ поданъ къ крыльцу. Тогда онъ выѣзжалъ со двора, какая-то черная, высокая фигура, выскочивъ

жавъ изъ за половинки веретъ, проворно и ловко прыгнула къ запяткамъ кареты, и притаялась на нихъ, какъ тѣнь.

—
XI.

Скорый бѣгъ лошади, который во всякое время привѣлъ бы Ооку въ ужасъ, теперь казался нетерпѣливому старику болѣе, чѣмъ медленнымъ. Крѣпко ухватясь за шею лошади и колотя ее ногами въ бека, онъ въ то же время приговаривалъ:

— Ну! ну! матушка, ну, голубушка, прибавь ходу, выручи его, голубчика, да ну-же, одѣрь проклятый, что ты, спутана, что-ли?...

И сломя голову конь и всадникъ неслись черезъ доли, пашни, лѣвны. — Оока скакалъ не по дорогѣ, а полевъ, зная, что переплывъ въ бродъ рѣчку, онъ на полнуги опередитъ Сергѣя Петровича. Онъ не слышалъ, какъ вода заплескала въ ушнымъ животнымъ, отыскавшимъ бродъ, не чувствовалъ, какъ холодная влага схватила его почти до пояса; еслибы онъ въ это время утонулъ, то, можетъ-быть, не замѣтилъ бы и своей смерти. Проскакавъ еще съ полверсты, Оока не сошелъ, а свалился у Машиннаго домика.

— Что ты, что съ тобою? вскрикнула Маша, взглянувъ на блѣдное лицо и мокрую одежду старика, который, вбѣжавъ въ комнату, упалъ ей въ ноги, и задыхаясь, кричалъ: Спаси, матушка! Спаси, не погуби его!

— Что такое, что сдѣлалось? спрашивала Маша, стараясь поднять Ооку; да говори же, повторяла она нетерпѣливо, что съ нимъ сдѣлалось?

— Его, Сергѣя Сергѣевича, спаси, матушка Марья Ильинична. Вамъ Богъ, законъ велитъ спасти его. Откажитесь, родная, отъ него, скажите, что не знаете его, не видали его. Ахъ, говорилъ съ отчаяніемъ Оока, ломая руки, вѣдь онъ самъ сюда ѣдитъ.

— Кто самъ? Ктѣ ѣдитъ? съ непонятнымъ страхомъ говорила Маша.

— Онъ самъ... самъ старикъ!

— Дядя?

— Охъ... да.

— А гдѣ-же Сережа, чтѣ съ нимъ? съ ужасомъ спросила цыганка.

— Онъ еще ничего не знаетъ, отвѣчалъ Оока, его нѣтъ дома, онъ въ гостяхъ.

— Въ гостяхъ, вспыхнувъ, сказала Маша, въ гостяхъ, прибавила она потомъ горько. Онъ въ гостяхъ, а я здѣсь глаза проглядѣла, поджидаю его, перегорѣло сердце... а онъ тѣшится, смѣется надъ моею болью!

— Марья Ильинична!—пронесъ Оока серьезно, теперь рѣчь не объ этомъ... Онъ отъ любви къ вамъ гибнетъ... Кому-жъ его спасти, какъ не вамъ?

— Онъ меня любилъ! сказала Маша, которая не върила, не достигала тихой любви. Онъ и не понимаетъ, что такое любовь, и если... Но стукъ подъѣхавшаго экипажа и крикъ ужаса, который вырвался у Оюки, прервалъ ея слова. Маша встала.

Непонятнымъ для старика, но чуднымъ огнемъ зажглись ея черные глаза. Почти вталкивая Оюку въ другую комнату, она сказала: ступай и молчи, я знаю, что дѣлать.

Въ каждой чертѣ лица, во всей фигурѣ этой женщины проглянули гордость и величіе, и то сознаніе душевныхъ силъ, которое въ критическія минуты придаетъ женщинѣ неотразимое вліяніе и первенство надъ людьми. Готовая вступить въ борьбу, она, какъ полководецъ, внимательно, но мгновенно взглянула на поле битвы, и увѣренная въ своей силѣ, холодно, безобоязненно ждала врага, рѣшившись умереть за свое чувство, но не отступить.

Она ждала недолго, дверь въ ту же минуту отворилась и Сергій Петровичъ Ратмирскій вошелъ. Окнинувъ пытливымъ взглядомъ комнату, онъ остановилъ глаза на молодой женщинѣ, и съ изумленіемъ нѣсколько минутъ всматривался въ ея дивную красоту.

— Кто вы? и какъ васъ зовутъ? наконецъ сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ стоявшей посреди комнаты Машѣ.

— Тотъ, кто пріѣзжаетъ въ гости, долженъ знать, къ кому онъ идетъ, не запинаясь, отвѣчала Маша.

— Кто вы, я знаю; отвѣчалъ Ратмирскій, неволью озадаченный рѣзкимъ ея отвѣтомъ; до имени же мнѣ, пожалуй, и дѣла нѣтъ. Я и такъ могу говорить съ вами.

— Не спрося меня, хочу ли я этого? сказала Маша, быстро взглянувъ на старика. Въ этомъ взглядѣ было столько благородства и ѣдкаго сарказма, что Сергій Петровичъ неволью смутился. Передъ нимъ была Цыганка, женщина, которую онъ пріѣхалъ поразить своимъ величіемъ, испугать, по-крайней-мѣрѣ, если не уничтожить, и вдругъ эта цыганка поставила его въ такое положеніе, что онъ не зналъ, какъ начать съ нею объясненіе. Съ минуту длилось молчаніе, но на этотъ разъ, случай переѣхалъ роли дѣйствующихъ и придвинулъ Ратмирскаго прямо къ цѣли. Затрудняясь, какъ начать разговоръ, Сергій Петровичъ снова обвелъ комнату глазами, и остановилъ ихъ на повсюду портретѣ, который висѣлъ надъ маленькимъ диваномъ, гдѣ Маша востановленно сидѣла.

— А! вотъ что! проанесъ Ратмирскій, такъ значить это правда.

Гѣвѣнный взглядъ старика, брошенный на портретъ, заставилъ Машу затрепетать. Она поняла, что заширяться бесполезно, старикъ не имѣ-

рить, если она скажетъ, что не знаетъ молодого Ратмирскаго; его портретъ, который она не догадалась спрятать, обличилъ бы ее во лжи, и она рѣшилась, если не совершенно отстранить, по-крайней-мѣрѣ, уменьшить грозу, готовую разразиться надъ головою Сережи.

— А можно узнать, моя красавица, спросилъ Ратмирскій, какъ попалъ сюда этотъ портретъ?

Съ непонятнымъ хладнокровіемъ взглянула Маша на портретъ, и обратилась къ Ратмирскому, сказала:

— А можно узнать, что вамъ до этого за дѣло? И кто вамъ далъ право меня допрашивать.

— Слушай, красавица, я не затѣмъ пріѣхалъ сюда, чтобы болтать съ тобою о пустякахъ, сказалъ нетерпѣливо и съ досадою Ратмирскій, а потому говори сейчасъ, какъ попалъ къ тебѣ этотъ портретъ?

— Мнѣ приказывать никто не можетъ, сказала твердо Маша; портретъ мой, мнѣ его подарилъ.

— А кто подарилъ?

— Тотъ, кто моложе, лучше и вѣжливѣ васъ, кто не сталъ бы командовать въ чужомъ домѣ.

— И кто, наконецъ, увезъ тебя изъ табора?

— Увезъ! повторила Маша, у которой сердце перевернулось при мысли, что старикъ знаетъ все; увезъ! Вотъ забавно, прибавила она, стараясь сохранить спокойный видъ и даже улыбнуться. Какой надор! я сама ушла изъ табора.

— И ушла къ нему, или съ нимъ, продолжалъ Сергій Петровичъ, стараясь вывѣдать всю правду отъ довольно откровенной съ виду цыганки.

— Я ушла отъ злыхъ людей, которые меня беспокоили, мучили, надоѣдали также вотъ, какъ вы теперь, и вы хорошо сдѣлаете, если уйдете отъ меня, какъ я ушла отъ нихъ. Кто вы? я васъ не знаю; зачѣмъ пришли сюда? тоже не знаю, и говорить съ вами больше не буду! сказала Маша, чувствуя, что не въ силахъ долѣе выдерживать этотъ допросъ.

— Ну, такъ я тебѣ, моя душа, буду говорить, а кто я, узнаешь послѣ. И подойдя къ Машѣ, Ратмирскій началъ говорить, пристально глядя ей въ лицо, и жедая подмѣтить малѣйшее впечатлѣніе, какое произведутъ на нее его слова.

— Этотъ молодой человекъ взялъ тебя изъ табора, сказалъ Ратмирскій медленно; онъ насыпалъ тебѣ золотыя горы, любилъ тебя, ридилъ, бросалъ деньги, и наконецъ—онъ остановился, выжидая, что останется доскажетъ Мама. Но Мама молчала. — И наконецъ...

— Что же наконец? спросила Маша, у которой замерло сердце.

— Наконец... Но ты лучше меня знаешь, что онъ сдѣлалъ, прибавилъ Сергій Петровичъ, не спуская глазъ съ Маши, какъ бы хотѣлъ заглянуть къ ней въ сердце и открыть истину.

— Что же наконец? снова спросила Маша, вздохнувъ свободно; она поняла, что Ратмирскому нужно было узнать, что было наконецъ, но что онъ самъ основательно ничего не знаетъ.

— Онъ говорить, что женился на тебѣ, грозно произнесъ Ратмирскій.

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на его слова. Ай, да сказки! исторья же вы придумывать, баринъ! Онъ этого не говорилъ, и не могъ сказать, прибавила она, переставъ смѣяться. Такъ я замужемъ, продолжала она, снова смѣясь, скажите, пожалуйста. Какъ же это? продолжала она печально, садясь на стулъ, я замужемъ, онъ мой мужъ, и разлюбилъ меня, позабылъ и бросилъ!

Въ голосъ молодой женщины было столько истины, на лицѣ столько грусти, что Сергій Петровичъ весело улыбнулся. Но чрезъ минуту сомнѣнiе опять сдвинуло его брови; онъ значительно посмотрѣлъ на Машу, и утвердительно проговорилъ: Ты лжешь: онъ не забылъ тебя и не разлюбилъ.

Взглядъ Сергія Петровича на этотъ разъ заставилъ Машу покраснѣть. Грустно наклоня голову, она снова сказала: Хорошо, кабы такъ! И слова эти, полныя тоски и душевной жалобы, на этотъ разъ были сказаны отъ полного сердца.

Послушай—сказалъ Ратмирскій, я тебѣ сдѣлаю предложенiе: ты немедленно оставишь этотъ домъ, переѣдешь куда-нибудь подальше, чтобы онъ не могъ отыскать тебя, а чтобы ты не нуждалась и не жаловалась, такъ я тебѣ дамъ средства жить безбѣдно. Вотъ! продолжалъ онъ, вкладъ пачку денегъ передъ Машею, которая, поникнувъ головою, безмолвно сидѣла на своемъ мѣстѣ. Но помни, что ты должна, немедленно и безпренословно исполнить мою волю, въ противномъ же случаѣ, я заставлю тебя повиноваться другимъ образомъ, слышишь—ли, душенька, немедленно—иначе берегись, прибавилъ старикъ, такимъ голосомъ, что Маша вздрогнула.

— Но кто же вы? спросила Маша, разгораясь, хотя хорошо знала, съ кѣмъ говорить, вы, который приказываетъ мнѣ въ моемъ домѣ, который то деньгами, то страхомъ хочетъ принудить меня исполнить свою волю? — А если я не хочу этого! прибавила молодая женщина, у которой негодованiе начинало брать верхъ надъ рассудкомъ.

— Я тотъ, кто можетъ уничтожить и тебя и безумца, котораго ты

любви, если ты тихо и добровольно не отступишь от глухой твоей страсти, и оттого, кто тебя вскружил голову. Бьда вам обещать, если завтра я найду тебя здѣсь, и если онъ увидитъ тебя или узнаетъ, что теперь между нами было! Я образумлю его, а тебя усмирю лишь образомъ. И такъ возьми свои деньги и сбрайся; если этого тебѣ мало, я еще прибавлю... Тутъ пятнадцать тысячъ!

Мама встала, лицо ея всмыкнуло, взглядъ ея, полный негодованія и презрѣннн, какъ молнн сверкнулъ на Ратмирскаго, и заставилъ его невольно замолчать.

— А кто сказалъ вамъ, важный баринъ, что меня можно купить пятнадцатью тысячами и заставить сдѣлать то, что вы хотите? Я не продаю ни моей воли, ни моей любви, прибавила она, святики со стола деньги и кинувъ ихъ къ ногамъ старика.

— А! такъ вотъ что! сказалъ Сергѣй Петровичъ. Ну, объ этомъ мы съ тобою поговоримъ завтра, и ты увидишь, кто изъ насъ сильнѣе и настойчивѣе. Сегодня-же я поговорю вотъ съ этимъ господиноу, прибавилъ Ратмирскнй, показывая на портретъ, онъ мнѣ дастъ отчетъ во всемъ и заплатитъ за все.

Мама видѣла, что поступила опрометчиво, и противъ воли высказала Ратмирскому то, чего не должна была говорить. Она уже мысленно видѣла Серезу предъ этимъ грознымъ, черствымъ старикомъ, Серезу, всегда проткаго, добраго, слабаго... душа замерла у бѣдной женщины, и какъ только было возможно спокойно и тихо, она сказала:

— Зачѣмъ откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня — я не противлюсь вамъ; но зачѣмъ же меня обижать, хоть я и простая женщина, но тоже чувствую, не хуже иныхъ... я могу многое сдѣлать по доброй волѣ, но...

— Такъ употреби-же эту добрую волю въ дѣло, моя маман, ты не будешь раскаяваться, проговорилъ Ратмирскнй съ едва замѣтною улыбкою, полагая, что Мама испугалась завтрашняго дня. Откинь, душа моя, гордость въ сторону и подбери деньги; ими я не хотѣлъ покушать твое повновенн, а только заплатить тебѣ долгъ за племянника. Прощай! Теперь ты знаешь, кто я, прибавилъ онъ, видя, что Мама молчитъ. Не забудь-же, завтра я навѣдаюсь о тебѣ.

Ратмирскнй уѣхалъ, давно замолкъ стукъ его кареты, а Мама не трогалась съ мѣста. Всякое чувство, даже самая мысль, какъ-будто уснули въ ней вмѣстѣ съ усталою душою. Она не слышала, какъ отворилась въ переднюю дверь и въ комнату вошелъ высокий, черноволосый мужчина, въ пливсовой водѣвкѣ, и молча, съ какою-то грустн, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на дыгавку, которая стояла неподвижно,

как ираморный памятникъ надъ прахомъ своихъ промедившихъ радостей и разбитого счастья.

Тяжелый вздохъ высокаго мужчины заставилъ ее задрогнуть; она оглянулась къ двери, и вскрикнула:

— Василій!

— Здорово, Маша! крѣтко сказалъ пришедшій.

— Василій, ты-ли! говорила Маша, какъ-бы невѣря глазамъ своимъ.

— Я, отвѣчалъ Василій, а ты думала, что я вовсе тебя покинулъ?

— Ахъ, Вася, Вася! проговорила бѣдная женщина, закрывъ лицо руками, и замолчала, не смѣя продолжать.

— Что плакать — поздно! я говорилъ тебѣ: не за счастьемъ бѣжишь, ты не послушалась. Зналъ я, какъ что будетъ, такъ и вышло. Ну, да что горевать, продолжалъ цыганъ, смотря на Машу, которая въ нѣмой тоскѣ ломала руки: пока я живъ, не пропадемъ, небось, хватить на двоихъ и тамъ еще на кого случится — ужъ видно такая планета, чтобъ намъ не разставаться съ тобою.

— Да, Вася, тебя Богъ послалъ сюда, для моего спасенія! Уведи меня отсюда, нынче же, сейчасъ, сію минуту, уведи, куда хочешь, хоть въ кабалу.... Пойду! слова не пререню! а нето, ему будетъ худо, старая погубить его, слышишь ли, онъ погубить моего Сережу, а ужъ безъ него и я погибла, пусть же лучше я одна пропаду. Чтѣ я? и ничто для него, я все стерплю. Пойдемъ же, пойдемъ отсюда — только скорѣе, скорѣе.... И бѣдная Маша, какъ-будто потерявъ рассудокъ, тащила Василья вонъ изъ комнаты.

Она не спрашивала его, откуда онъ пришелъ, какъ онъ узналъ объ ней, гдѣ былъ эти два года? какое ей было дѣло до всего этого! Она видѣла Василья передъ собою, чувствовала, что онъ не откажется ей въ помощи, а болѣе она ни объ чемъ не думала.

— Что ты, Маша! опомнись; вѣдь ночь на дворѣ: куда ты пойдешь? говорилъ цыганъ, удерживая ее, ты не птичка Божія, что кинула гвиздо и упорхнула на первое дерево. Той вездѣ пріютъ, а ты чело-вѣкъ; у тебя есть домъ, есть и рухлядъ, и добро всякое.

— Мнѣ ничего не надо! ничего! его отнимають — такъ пропадай же все остальное, пропадай жизнь.

— Жизнь въ рукахъ Господнихъ, а добро въ нашихъ рукахъ, отвѣчалъ Василій. — Вишь, эти баричи счастье-то давали тебѣ въ займы, пришелъ срокъ — и плати долгъ, да съ процентами, съ слезами и ремъ.... Покрайности, добра-то не отдадимъ.

— Долгъ! сказала Маша, встрепенувшись отъ словъ цыгана, что-то. Ахъ, Боже мой, я объ этомъ и забыла... Ахъ, я несчастная, про-

частная! ну, какъ и это узнаеть старикъ, тогда Сережи и подавно спасевія не будетъ.... А все я виновата, все изъ-за меня онъ бѣдъ-то накутилъ. Деньги! вдругъ вскрикнула она: гдѣ моя деньги?

Не понимая, объ чемъ говорить Мама, Василій вообразилъ, что бѣдняжка помѣшалась, и всплеснувъ руками, онъ горько проговорилъ: Ахъ ты бѣдная, бѣдная-горемыка!

— Нѣтъ, Вася, я богата, очень богата! твердила Мама, быстро наклонившись къ полу и съ жадностію схвативъ пачку, которую она кинула къ ногамъ Ратмирскаго. Видишь, сколько у меня денегъ! и знаешь ли ты, что я на нихъ куплю? Я куплю на нихъ все, куплю радость, покой, куплю счастье — тихую смерть.... И какъ наступленная, она кинулась въ другую комнату, и отворивъ дверь, кликнула Ооку.

Бѣдный старикъ, въ испугѣ забившись въ уголь, усердно молился въ продолженіе всего времени; страхъ лишилъ его возможности различать не только слова, но и голоса. Слыша разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, онъ полагалъ, что Сергій Петровичъ все еще не уѣхалъ. Мама вытащила его почти насильно.

— Видишь, Оока, говорила она, нервически смѣясь, на небѣ есть правда. Человѣкъ думаетъ егубить человѣка, а глядишь — и промахнулся! — Старикъ хотѣлъ меня обидѣть, а вмѣсто того, помогъ мнѣ, помогъ моему Сережѣ, моему голубчику. Вотъ, возьми! тутъ пятнадцать тысячъ, тутъ будетъ чѣмъ заплатить долги его, пока не узнаетъ дядя. Смотри же, Оока голубчикъ, заплати поскорѣе, нынче, коли можно, и не говори объ этомъ барину, а то еще, пожалуй, гордецъ не захочетъ. Ни слова обо мнѣ, слышишь? ни полсловечка... зачѣмъ ему знать? хоть онъ и разлюбилъ меня — а все же будетъ жалко... нехочу я его горя! — Онъ меня вѣрно теперь не скоро увидитъ; дядя будетъ сторожить за нимъ; скажи, чтобъ я не ѣздилъ, что я не грущу, что буду терпѣливо ждать, пока ему, некого будетъ бояться... Ну, ступай же, ступай успокой его поскорѣе, люби, береги его, моего голубчика, Оока. Старикъ ни чего не знаетъ, прибавила она, кромѣ того, что 'Сережа любилъ меня!... Ну такъ чтожь что любилъ! Бѣда не важная....

И Мама не плакала, а смѣялась, только смѣхъ этотъ разное дѣйствовало на Ооку и на Василья. Первый тихо, набожно шепталъ: «Господи помилуй! Господи помилуй!» а послѣдній мрачно глядѣлъ на старика, какъ-бы говоря: вотъ вы что надѣлали. Наконецъ, Мама перестала смѣяться, и стараясь успокоиться, сказала: Оока, чтоже ты войдешь?

— Иду, матушка, иду; проговорилъ Оока, и проходя мимо цыгана,

онъ тихо шепнулъ ему: Побереги ее, Вася, побудь здѣсь, а завтра я забѣгу и дамъ вѣсть объ баринѣ.

— Не ваша теперь объ ней забота, мрачно отвѣчалъ цыганъ, срубилъ дерево, да и говорятъ, расти его! погубили женщину, и говорятъ—сбереги ее. Эхъ, вы, люди хорошіе — цыгана не стоите.

На другой день дачный домикъ опустѣлъ. Маша исчезла.

XII.

Было около одиннадцати часовъ, когда Сергій Петровичъ ушелъ отъ Маши. Старикъ былъ очень недоволенъ своимъ свиданіемъ съ нею. Онъ ясно видѣлъ, что цыганка гораздо опаснѣе для его плановъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Онъ очень хорошо понималъ, что женщина такой необыкновенной красоты, полная чувства и энергіи, могла вдохнуть сильную страсть, которую не истребишь, пожалуй, словами «не хочу, не позволяю!», и что явное сопротивленіе, въ подобномъ случаѣ, могло привести къ очень опасному результату и разрушить заветную мечту старика, оставить послѣ себя достойнаго наследника громкаго имени Ратмирскихъ, который съ честью поддерживалъ бы старинный родъ свой. Въ Сержѣ онъ любилъ не племянника, заботился о воспитаніи и блестящей карьерѣ не родственника, а просто сооружалъ себѣ наследника. До появленія малютки Сережи, въ умѣ Сергія Петровича была только одна забота, одно горе, что родъ его, которымъ онъ гордился, прекратится съ его смертію. Эта мысль преслѣдовала его такъ, что наконецъ онъ уже рѣшился было жениться. Вдругъ появленіе маленькаго родственника-однофамильца, противъ всякаго ожиданія, избавило его отъ грозившей необходимости на старости разыгрывать смѣшную и довольно опасную роль *молодого*, и отказаться отъ многихъ привычекъ и удобствъ жизни. Сергій Петровичъ зналъ, что у него были родственники, незамѣтные отириски его фамиліаго древа, но ему и въ мыслѣ не приходило, что между ними былъ Ратмирскій—да еще и Сергій Ратмирскій, и что это былъ вдобавокъ одинъ изъ ближайшихъ его родственниковъ. Но отчего Сергій Петровичъ Ратмирскій, и отецъ Сережи не были знакомы?—Это объяснить нетрудно. Одинъ былъ слишкомъ богатъ и важенъ, чтобъ отыскивать маленькихъ родныхъ, другой слишкомъ бѣденъ и гордъ, чтобъ заискивать у богатаго роднаго, и только увѣренность въ неизбежной и скорой смерти, и страхъ оставить сына безцѣлутнымъ сиротой, понудили было больного отца прибѣгнуть къ его кровнотельству.

Но смерть избавила его и отъ этой тяжелой обязанности, и сиротка Сережа одинъ явился къ богатцу дядѣ. Бумаги его были въ порядкѣ, права на родство доказаны, и Сережа признанъ наследникомъ имени и богатствъ Ратмирскаго. Сережа росъ, а съ нимъ вместе росли и планы Сергія Петровича на его счетъ. Самый важный изъ этихъ плановъ былъ: снискать фамилію Ратмирскихъ съ какою-нибудь древнею княжескою фамиліею, планъ созрѣлъ, исполненіе его было такъ возможно, и вдругъ, такая-то дрянь, цыганка, плесавица, вскруживъ голову его племяннику, можетъ, если не разрушить, то замедлить его задушевное желаніе. Э! нѣтъ! думалъ Ратмирскій, тутъ надо дѣйствовать, но такъ, чтобы Сергій ничего не зналъ; надо удалить его, и немедленно, чтобы онъ не свидѣлся. Но какъ это сдѣлать? — Гмъ! — и вдругъ онъ дернулъ за шнурокъ, и высунувшись въ дверцы кареты, приказалъ кучеру ѣхать къ Борновымъ.

Оска возвратился домой очень поздно. Всѣ уже спали, когда усталый старикъ подходилъ къ дому.

— Дядюшка, Оемиць, сказалъ вдругъ кто-то, загорода дорогу старикку, хотѣвшему войти въ отворенную калитку.

— Что надо? кто тутъ? спросилъ оробѣвшій Оска.

— Это я, Константинъ.

— Голубчикъ, Костя, бѣда со мною случилась, говорилъ Оска, тяжело вздыхая: вѣдь лошадь-то у меня пропала.

— Эко хитились! она еще прежде насъ была дома.

— Что? домой прибѣжала?

— Да! прибѣжала.

— Ахъ ты одеръ проклятый! сказалъ обрадованный Оска, узнавше они меня, не зналъ, что и дѣлать: ее ли искать, домой ли бѣжать? Ну что, у васъ ничего не было? шопотомъ спросилъ Оска.

— Ни гу-гу, и баринъ накрѣпко запретилъ, чтобы Сергій Сергѣевичъ ничего не зналъ объ этомъ дѣлѣ, а то, говорить, смотри у меня. — Такъ ужь вы Оемиць, пожалуйста, не проговоритесь. Оска хотѣлъ отвѣчать; но приспавшій къ воротамъ верхней прервалъ его.

— Эй, кто тутъ? сказалъ прѣхавшій; отворите-ка ворота.

— Отъ кого такъ поздно? спросилъ Оска; пока кучеръ отворалъ ворота прѣзжему.

— Казенный пакетъ къ Ратмирскому, Сергію Сергѣичу.

— Развѣ нужное, что ночью носылають? спросилъ Оска.

— Немедленно приказано вручать.

Въ семь часовъ, въ домъ Ратмирскихъ уже всѣ поднялись, противъ всякаго ожиданія. Даже самъ Сергій Петровичъ всталъ. Причиной такого необыкновеннаго явленія была бумага, полученная ночью Сергѣемъ:

жю, въ которой предписывалось ему, какъ чиновнику особыхъ порученій, состоящему при князѣ Борновѣ, немедленно отправиться въ Петербургъ, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ письменныхъ приказаній. — Сергій Петровичъ былъ, повидимому, очень изумленъ такимъ распоряженіемъ князя, но рѣшилъ, что тутъ разсуждать нечего, а надо повиноваться, тѣмъ болѣе, что даже подорожная была прислана вмѣстѣ съ бумагою.

— Я сегодня поѣду къ князю и узнаю, что это значитъ? говорил Ратмирскій племяннику; жаль, что я вчера не засталъ его дома, онъ вѣрно сказалъ бы мнѣ объ этомъ.

— А вы развѣ вчера были у князя, дядюшка?

— Да; я рассердился на твоего дурака кучера, и мнѣ захотѣлось проѣхать, чтобы освѣжить себя; по дорогѣ я было завернулъ къ Борнову, но не засталъ его. Да кстати, что это вчера было съ тобою?

— Повесли лошади и совершенно сломали экипажъ.

— А все оттого, что твой Константинъ не умѣетъ ѣздить, это я испыталъ вчера, ѣздивши съ нимъ. Потому-то я и приказалъ за тобою ѣхать моему кучеру, боясь, что твой не справится съ моими лошадьми.

Такимъ-образомъ вчерашнія дѣйствія были пояснены молодому человеку, на всякой случай, и подозрѣнія устранены.

Сборы къ отъѣзду длились недолго, въ девять часовъ все было готово. Положено было, что Сережа отправится вмѣстѣ съ Нисарскимъ, и, подъ предлогомъ дѣла, Сергій Петровичъ самъ повезъ племянника въ городъ.

Прощаясь съ Фокою, Сережа едва успѣлъ сказать ему: Увѣдомь обо всемъ Марью Ильинишну; скажи, что я скоро буду, да постарайся, чтобы дядюшка не встрѣтилъ здѣсь кого нибудь изъ....

— Никого не увидитъ, я все обдѣлаю; прощенталъ Фока, съ грустію, провожая своего питомца.

— Ну что, уѣхалъ? спрашивалъ князь Борновъ Сергія Петровича, въ тотъ же день вечеромъ, захавъ къ Ратмирскому.

— Сегодня—въ десять часовъ; отвѣчалъ Ратмирскій.

— Но, скажите, любезный Сергій Петровичъ, съ кѣмъ же я за что онъ поссорился?

— Съ такимъ же молодымъ сумазбродомъ, какъ и самъ; а причина, кажется, та, что тотъ назвалъ меня эгоистомъ, бездушнымъ старикомъ.

— И вы думаете, что вышла бы дуэль?

— Мнѣ попалась записка моего головорѣза, гдѣ онъ прямо говоритъ, что съ пистолетомъ въ рукахъ заставитъ его просить у меня прощенія.

— Что же вы сдѣлали съ запискою?

— Записку разорвалъ, а Серёжу, благодаря васъ, удалилъ отсюда.

— Что дѣлать, любезный другъ! сказала князь: Къ нимъ надо имѣть снисхожденіе: молоды, горячи, неблагоразумны.

— Тоже, что и мы были съ вами въ ихъ годы. Но если что можетъ привести молодаго человѣка, гораздо ранѣе, къ болѣе положительнымъ началамъ, такъ это, по моему мнѣнію, семейный бытъ, обязанности женатаго человѣка.

— Это вашъ конекъ, любезный другъ, отвѣчалъ, улыбаясь, князь.

— Который вы мнѣ скоро поможете осѣдлать, проговорилъ Ратмирскій, дружески подавая руку Борнову.

— Я вамъ опять скажу тоже, что и прежде говорилъ: вашъ Serge славный молодой человѣкъ, уменъ, добръ, прекрасно воспитанъ и главное—племянникъ моего лучшаго друга. Изъ всѣхъ, кто имѣетъ виды на мою дочь, я всегда отдавалъ бы предпочтеніе ему; но это рѣшить должны не мы съ вами, а тѣ, кого такое рѣшеніе свяжетъ на всю жизнь.

— Повѣрьте, князь, это дѣло рѣшится само собою и очень скоро.

— А что, прибавилъ князь, переимѣняя разговоръ, вы долго думаете продержатъ Серёжу въ изгнаніи?

— Черезъ мѣсяцъ я самъ поѣду за нимъ въ Петербургъ и привезу сюда болѣе благоразумнымъ, чѣмъ отправилъ.

Послѣ отъѣзда молодаго Ратмирскаго, Оока, не медля ни минуты, кипуче тушить пожаръ, какъ онъ выражался, то—есть, платитъ долги, которые такъ заботили Серёжу, и которые оказались вовсе не такъ велики, какъ можно было предполагать. Изъ пятнадцати тысячъ, которыми старикъ получилъ отъ Маши, семь были въ чистомъ остаткѣ.

— Ну, вотъ, Васильюшка, и дѣло обдѣлалось, и буря миновала! говорилъ Оока Василью, когда тотъ на другой день пришелъ получить расчетъ отъ управляющаго за свою службу и сказать Оокѣ, куда переехала Маша, а главное за тѣмъ, чтобы узнать, что дѣлается у Ратмирскихъ, потому—что бѣдная Маша была въ страшной тревогѣ отъ невѣстности о судьбѣ Серёжи.

Василій около двухъ лѣтъ служилъ въ домѣ Ратмирскаго коноваломъ при его огромныхъ конюшняхъ. Мрачный, нелюдимый, онъ цѣлые дни проводилъ въ конюшнѣ, чистя и холя ввѣренныхъ ему лошадей, и лошади, за которыми ходилъ курносый цыганъ, какъ его называли, вполне оправдывали изрѣченіе, что «дѣло мастера боится». Василій не являлся съ товарищами, всѣ ихъ пирушки и сходбища проходили безъ него. Что же привело Василья въ домъ Ратмирскаго: случай—ли или желаніе найти мѣсто по своимъ средствамъ и по страсти?

Нѣтъ! Какая-то неодолимая сила, какая-то судьба, мощь власти которой даводилса Цыганъ, притянула его въ домъ Ратмирскаго. Дышать, пить, ѣсть, заботиться объ Машѣ, хранить ее, — все это были равносильныя, совершенно натуральныя потребности для Василя, безъ которыхъ онъ не могъ жить. Эти потребности, казалось, родились съ нимъ вмѣстѣ, а онъ рѣшительно не понималъ бы, еслибъ кто-нибудь вздумалъ ему доказывать, что двѣ послѣднія потребности вовсе не нужны для его существованія. Маша была для цыгана часть его самого и потому, понятно, что оставить Машу на произволъ случая, не зная ничего о судьбѣ ея, было для него вещью недоумоюмою. После ухода Маши изъ табора, онъ началъ наводить догадки и, подозревая, что она увезена Сергѣемъ Сергѣевичемъ, онъ опредѣлился на конюшни въ Ратмирскому, потому—что хорошо зналъ это дѣло, и былъ увѣренъ, что Сережа, который въ это время былъ въ Петербургѣ, никогда не увидать его, хотя бы ему пришлось прожить тутъ всю жизнь, потому—что молодой Ратмирскій не любилъ лошадей, никогда объ нихъ не заботился и не постигалъ конюшенъ. Вмѣшавшись въ толпу безчисленной дворни, Василій сталъ зорко всматриваться во все окружающее, вслушиваться въ говоръ праздной прислуги, и сейчасъ понималъ, что Маша была спрятана хорошо, ибо въ домѣ никто объ ней не зналъ. — Потомъ, хитрому цыгану также не трудно было отгадать, что Оока, объ которой часто говорили въ людскихъ, былъ самое близкое лицо къ молодому Ратмирскому, а его частыя и таинственныя отлучки, во время отсутствія Сережи, показывали, что онъ владѣетъ тайною своего господина и тщательно ее скрываетъ. Съ нимъ—то Василій нестараясь сойтись и сошелся. Онъ просто открылъ старому дядкѣ, что знаетъ ихъ тайну, потому—что Маша его сестра, что глупая дѣвчонка не послушала его, и убѣжала съ молодымъ баринномъ, какъ онъ ее ни удерживалъ.

— Сергѣй Сергѣичъ, сказалъ Василій Оокѣ, не люблю меня, не велѣлъ казаться на глаза, зато, что я не пускалъ сестру въ петлю, а кто себя врагъ! Вотъ теперь, какъ дѣло ужъ непоправимъ, нечего бранить сестру; я только хочу быть, на всякой случай, поближе къ ней, чтобы еѣ, глупой, коли случится бѣда, было покрайности куда дѣваться. Вѣдь она у меня одна только и есть. Такъ ужъ ты, Оока Оемичъ, не выболтай молодому барину или сестрѣ объ томъ, что я недалеко отъ нихъ: пусть живутъ себѣ покойно. А то, чего добраго, сестра, испугавшись, пожалуй, скажетъ обо мнѣ Сергѣю Сергѣичу, а тотъ съ сердцовъ согонитъ со двора. А вѣдь я имъ не помѣха, готовъ за сестру душу отдать; насъ только на свѣтѣ двое и есть.

Встрепоживший Оока непременно донесъ бы объ этомъ барину, еслибъ Сережа въ это время не былъ въ Петербургѣ. Но потомъ Оока разсудилъ, что даже нехудо имѣть въ домѣ человѣка близкаго, который, въ случаѣ какого-нибудь дѣла, готовъ былъ идти за нихъ въ огонь и воду;—и онъ смолчалъ.

Бѣдная Мама, не зная ничего, въ ужасномъ страхѣ провела весь день, и когда Оока пришелъ къ ней, привнесъ оставшіяся деньги и разсказалъ все, что случилось, и какъ Сережа неожиданно уѣхалъ въ Петербургъ, бѣдная женщина, задумчиво и горько сказала:

— Уѣхалъ! надолго, можетъ навсегда уѣхалъ и я не простилась съ нимъ, не выпросила у него прощенія въ томъ, что огорчила его.

— Онъ скоро будетъ назадъ, матушка, Марья Ильинишна, отвѣчалъ Оока, успокоивая Машу.

— Не будетъ назадъ, не пріѣдетъ! уныло шептала Маша.—Тотъ разъ воронъ вѣщалъ горе, и было горе, много имѣ было горя, а теперь, продолжала Маша, какъ-то вдохновенно положила руку на грудь, теперь сердце говорить, что быть худу, быть бѣдѣ и будетъ бѣда. Сердца вѣщунъ, говорить, надо ему вѣрить!

XIII.

Двѣ недѣли прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ Сережа Ратирскій пріѣхалъ въ Петербургъ, а приказаній отъ князя Борнова еще никакихъ не было. Молодой человѣкъ былъ этимъ очень изумленъ, и съ досадою повторялъ: «Заставить меня въ нѣсколько часовъ уѣхать изъ дому, скакать сюда, сломя голову, для того, чтобы двѣ недѣли сидѣть безъ дѣла!» Но каково же было его изумленіе, когда онъ получилъ письмо отъ Сергѣя Петровича, въ которомъ тотъ писалъ, что князь извиняется предъ нимъ, потому-что дѣло, по которому онъ былъ посланъ въ Петербургъ, устроилось само-собой, и чтобы вознаграждать его за безплезную поѣздку, позволяетъ ему прожить въ Петербургѣ нѣсколько недѣль. Въ этомъ же письмѣ старикъ сообщалъ, что онъ самъ въ концѣ мѣсяца будетъ въ Петербургъ, и приказывалъ племяннику дожидаться его. Негодованіе молодого человѣка дошло до послѣдней степени. «Это ужасно! говорилъ онъ, дожидаться цѣлый мѣсяць, когда всякій день для меня цѣлая вѣчность! Быть здѣсь, когда тамъ Богъ знаетъ что дѣлается.

А Маша, думалъ Ратмирскій, что теперь съ нею? Что она думаетъ? что она дѣлаетъ?—и въ какомъ положеніи! Да, она несчастлива! думалъ Сережа, какъ-бы отвѣчая внутреннему голосу, который говорилъ ему, что дѣлаетъ Маша. Виновата ли она, что не понимаетъ ни меня, ни моего положенія? Я одинъ виноватъ, во всемъ, я и себя и ее погубилъ! И зачѣмъ я встрѣтилъ ее? и зачѣмъ узналъ я ту... И Сережа остановился, сжавъ голову крѣпко руками, какъ-будто хотѣлъ остановить мысль, которая, какъ непрощенный беспокойный гость, явилась къ нему, чтобы нарушить остальной міръ его души. Подобныя мысли каждый день беспокоили Сережу, и видимо разрушали его здоровье, которое всегда было не надежно. Грудныя боли, отъ которыхъ онъ избавился на время, за границею, снова возвратились, и хотя легкій, но постоянный камель намекалъ объ опасности. Сережа рѣшился только дожидаться дяди, и потомъ, во что бы то ни стало, ѣхать немедленно домой.

Въ такомъ положеніи былъ молодой Ратмирскій, когда чрезъ нять недѣль Сергѣй Петровичъ наконецъ явился въ Петербургъ. Нѣсколько дней Сережа молчалъ, потому-что всѣ первые дни, по пріѣздѣ Сергѣя Петровича, какъ выражаются модные люди—*не принадлежали себѣ*: визиты и обратныя визиты занимали почти все его время. Такъ прошла еще недѣля и Сережа не могъ найти удобнаго случая переговорить съ дядею о своемъ намѣреніи возвратиться домой. Вдругъ, однажды утромъ, Сергѣй Петровичъ объявилъ племяннику, что они всю слѣдующую зиму, вплоть до весны, проведутъ въ Петербургѣ, что онъ уже велѣлъ нанять для себя домъ, и въ то же время приказалъ Сережѣ написать къ князю письмо и просить отпуска на все это время.

— Но, помилуйте, дядюшка, что же я здѣсь буду дѣлать? сказалъ Сережа, котораго поразили слова дяди.

— Ничего не будешь дѣлать, отвѣчалъ Ратмирскій, какъ-бы не замѣчая смущенія молодаго человѣка.

— Но у меня тамъ есть служба.

— Ну, а здѣсь не будетъ службы; это, кажется, понятно? съ легкой ироніей возразилъ Сергѣй Петровичъ.

— Дядюшка, я такъ еще недавно служу, что подобная просьба можетъ повредить мнѣ во мнѣніи князя; говорилъ молодой человѣкъ, съ большимъ и большимъ безпокойствомъ.

— Князь къ зимѣ самъ сюда будетъ, съ семействомъ, и если ты ужъ такъ желаешь служить, то можешь съ княземъ, который пробудетъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, возвратиться домой; а до того времени, тамъ тебѣ дѣлать нечего.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше возвращусь сюда опять съ княземъ; возразилъ Сережа, у котораго привычка исполнять приказанія властолюбиваго и своенравнаго старика была такъ велика, что онъ еще не рѣшался прямо объявить ему свое непремѣнное намѣреніе, а хотѣлъ прежде попробовать выманить его согласіе на свой отъездъ.

— Я не зналъ, что ты такъ любишь службу,—сказалъ Сергѣй Петровичъ, бросивъ мгновенный взглядъ на племянника: что даже предпочиталъ ее веселой петербургской жизни.

— Молодой человѣкъ монхъ дѣтъ долженъ....

— Прежде всего подчиняться волѣ старшихъ, сказалъ старикъ, на этотъ разъ довольно строго, впадая въ обычный повелительный тонъ: А потому, безъ разсужденій, ступай, пиши къ князю.

Болѣзненное чувство оскорбленнаго самолюбія, вызванное повелительнымъ голосомъ старика, который не допускалъ малѣйшаго возраженія въ племянникъ, вызвало живую краску негодованія на лицо молодого человѣка, и пробудило въ его душѣ чувство собственнаго достоинства. Хотя почтительно, но довольно твердо, онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ очень прискорбно, дядюшка, что я не могу исполнить вашей воли: я рѣшительно не желаю здѣсь остаться.

Молніей блеснули потемнѣвшіе глаза Сергѣя Петровича. Это былъ обыкновенный признакъ его гнѣва.

Въ первый разъ еще онъ слышалъ, что тотъ, кому онъ вѣднѣлъ въ непремѣнный долгъ безусловное повиновеніе своей волѣ, осмѣлился изъявить свое собственное желаніе, и долгій гнѣвный взглядъ былъ единственнымъ отвѣтомъ дерзкому. Кротко и твердо выдержалъ его Сережа.

— А нельзя ли узнать настоящую причину, которая заставляетъ васъ не исполнять моего приказанія? спросилъ наконецъ Ратмирскій.

— Я всегда готовъ, дядюшка, исполнять вашу волю, на сколько достанетъ моихъ силъ и возможности...

— А можно узнать, какъ велика мѣра этого повиновенія моей волѣ? иронически прервалъ фразу Сергѣй Петровичъ.

— Если только она не переходитъ за предѣлы моего душевнаго убѣжденія, проговорилъ Сережа, съ какимъ-то нервическимъ движеніемъ.

— Ну, а нельзя ли узнать, въ чемъ состоитъ это душевное убѣжденіе?

— Въ томъ, что человекъ никакъ лѣтъ, долженъ жить съ пользою для кого-нибудь, долженъ трудиться, слушать, а не прозябать и витать безъ дѣла.

Сергій Петровичъ захотѣлъ, но такъ, что Сережа несколько опуститъ голову и ждалъ грозы.

— Ну, человекъ съ душевнымъ убѣжденіемъ! а что говоритъ твое убѣжденіе вотъ противъ этого... сказалъ старикъ, увлекаясь только гнѣвомъ безо всякой уже аггіере pensée; — когда молодой человекъ, котораго воспитали, которому дали значеніе и всѣ средства къ жизни, не только обезпеченной, но даже роскошной, которому судьба, въ лицѣ какого-нибудь дальняго родственника, готовитъ самую блестящую будущность, выше его достоинствъ и заслугъ, вдругъ, самопроизвольно, по душевному убѣжденію разрушаетъ все, что для него сдѣлало слѣпое счастье? Не уважая себя, тратитъ чужія деньги, дѣлаетъ тайные займы, съ которыми, замѣтъ, самъ расквитаться не въ силахъ, а хочетъ уплатить деньгами родныхъ, имя которыхъ въ то же время позоритъ, дѣлая скандалъ, уводя изъ табора Цыганокъ, когда онъ, наконецъ, поддаваясь безумной страсти, хочетъ уничтожить все, что другіе устроивали для его счастья съ большимъ трудомъ и заботами? Ну-ка, мудрый человекъ, что противъ этого скажетъ твое — какъ бинш его — внутреннее убѣжденіе?

И Сергій Петровичъ опять засмѣялся, но уже гораздо тише и мягче, смотря на блѣднаго, совершенно уничтоженнаго племянника, который такъ былъ пораженъ тѣмъ, что слышалъ, что не могъ произнести ни одного слова.

— Ну, теперь видишь, любезный другъ, что твое убѣжденіе ни къ чему не ведетъ, снова заговорилъ Сергій Петровичъ, послѣ минутнаго молчанія, принимая опять свой холодно-строгий тонъ: а потому ступай и пиши къ князю, что я тебѣ приказалъ.

— Теперь вы, дядюшка, сами знаете, что я долженъ ѣхать отсюда, чтобы привести въ порядокъ мои дѣла; отвѣчалъ Сережа, взявшись за грудь, которая ныла и болѣла.

— О, на счетъ этого будь покоенъ! твоими дѣлами я ужъ распорядился, безъ твоего позволенія.

— Какими дѣлами? проговорилъ Сережа, съ трудомъ перевода дуть.

— Дѣлами душевнаго убѣжденія и прочими; иронически замѣтилъ Ратмирскій: на счетъ же финансовыхъ — мы съ тобою поговоримъ послѣ.

— Что же вы тамъ сдѣлали, дядюшка? спросилъ Сережа съ неопределеннымъ страхомъ и тоскою, кидаясь къ Ратмирскому и совершенно уже забывая о себѣ: что вы тамъ сдѣлали?

— Что сдѣлать? отвѣчалъ Сѣргѣй Петровичъ сухо и безучастно, какъ-бы не замѣчая положенія племянника: очень обыкновенную вещь— прогнавъ твою Цыганку.

Сожалѣніе, ужасъ, ненависть, презрѣніе къ себѣ—все эти чувства мгновенно проснулись въ душѣ молодого человѣка. При послѣднихъ словахъ Сѣргѣя Петровича, какой-то болѣзненный стонъ вырвался изъ его груди, такъ, что даже старикъ Ратмирскій вздрогнулъ.

— Прогнали! сказалъ Сережа, и губы его дрожали, голосъ прерывался, глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ орбитъ: прогнали—ее, женщину, которая меня любила, которую я любилъ! Но кто-же вамъ далъ на это право? продолжалъ онъ, совершенно забываясь. Знаете-ли вы, что женщина, которую вы прогнали и оскорбили— моя жена!

Теперь была очередь Сѣргѣя Петровича. Какъ громомъ пораженный, стоялъ онъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, посинѣвшія губы не шевелились, и покрытое багровыми пятнами лицо выражало болѣе, чѣмъ гнѣвъ. Ратмирскій былъ въ эту минуту страшенъ. Ударъ былъ такъ нѣтокъ и силенъ, что, казалось, отнял у старика всякую возможность выразить словами свое негодованіе племяннику, который, рыдая, какъ ребенокъ, повторялъ: «Ахъ, что вы сдѣлали, что вы сдѣлали, дядюшка»!

— Вонъ, сказалъ наконецъ Ратмирскій, когда получилъ возможность произнести хоть нѣсколько словъ; вонъ отсюда! повторилъ онъ, задыхаясь и показывая дрожащею рукою на дверь. Чтобъ я тебя никогда не видалъ, не смѣй называться моимъ племянникомъ, а тебѣ теперь чужой человѣкъ! Прочь съ глазъ моихъ, прочь, прочь! — повторялъ Сѣргѣй Петровичъ и тогда, какъ Сережа давно уже не былъ въ комнатѣ.

Ратмирскій захворалъ. Нѣсколько докторовъ смѣняли одинъ другаго у постели старика, въ продолженіе цѣлой недѣли, но сильная натура спасла его. Онъ опять началъ выѣзжать, а чрезъ мѣсяцъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга. О Сережѣ онъ, казалось, забылъ совершенно: какъ-будто тотъ и не существовалъ никогда на свѣтѣ. Даже имени его никто изъ людей не смѣлъ произнести передъ гнѣвнымъ старикомъ. И могъ ли Сѣргѣй Петровичъ простить племянника, когда онъ отнял у него любимую мечту, игрушку старчества, которую замѣнить ему было уже нечѣмъ! А князь Борновъ, которому онъ сдѣлалъ предложеніе! — И послѣ этого простить Сережу:—Никогда, никогда! думалъ Ратмирскій, хотя невольный, безотчетный вздохъ, можетъ-быть, и противорѣчилъ его намѣренію. Какъ бы то ни было, Сѣргѣй Петровичъ уѣхалъ, не видавъ, даже не спросивъ о Сережѣ.

А что дѣлалъ Сережа? Какъ перенесъ онъ послѣднее свиданіе съ дядею? Не имѣло-ли оно вліянія на его, и безъ того уже разстроенное, здоровье? И если онъ былъ болѣнъ, то имѣлъ ли средства пригласить доктора, купить лекарства?— Этого никто не зналъ. Въ Петербургѣ у молодаго человѣка не было никого изъ близкихъ, не было даже старика Фоки. А потому, что было съ нимъ съ того времени, какъ онъ оставилъ домъ Сергѣя Петровича, зналъ только одинъ Богъ.

XIV.

Домъ Ратмирскаго во-время отсутствія господъ представлялъ самую оживленную картину; безчисленная и праздная прислуга вполне этии пользовалась. Говоръ и смѣхъ съ утра до ночи, раздавался во всѣхъ концахъ огромнаго дома, какъ-бы говоря: «Кота нѣтъ дома, мышаиъ воля». Но среди этихъ ликующихъ тунеядцевъ, одинъ только Фокъ бродилъ какъ-то не весело.

— Что это они тамъ дѣлаютъ по-сю-пору? сколько времени отъ него, голубчика, и писемъ-то нѣтъ! въ раздумьи шепталъ часто старикъ, сидя въ передней, на половникъ молодаго Ратмирскаго. Не знаетъ онъ, сердечный, что и дочушку ему Богъ далъ, а написать ему объ этомъ случать опасно — веровенъ часъ, пожалуй, самому попадетъ письмо въ руки, такъ вотъ-те и ботаііа готова. Чай старикъ-то пламяиника стережетъ по пятамъ. — Такъ думалъ Фокъ и ждалъ пріѣзда Сережи.

А время все идетъ, да идетъ, вотъ ужъ и сентябрь въ половникъ, вотъ и октябрь на дворѣ, а Ратмирскихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Каждый день старикъ Фокъ уходилъ со двора, на нѣсколько часовъ, и возвращался домой гораздо печальнѣе, чѣмъ выходилъ. Онъ навѣщалъ Машу.

— Не пойду завтра, право не пойду! думалъ старикъ каждый разъ, возвратясь къ себѣ. Ну что я тутъ сдѣлаю, oprичъ, что надрываю себя, глядя на нее, сердечную. Не пойду завтра.— Но завтра наставаю, и Фокъ опять отправлялся въ обычный путь. Однажды, поутру, въ домъ Сергѣя Петровича поднялась страшная бѣготня: «Пріѣхали, пріѣхали!» кричали на дворѣ, «пріѣхали», повторили въ передней, и это слово чрезъ минуту пролетѣло по кухнямъ, людскимъ, даже отозвалось въ погребкахъ, гдѣ буфетчикъ каждый день усердно пересчитывалъ господское вино, увѣряя, что каждый разъ недосчитывался одной, red by Google двухъ, а иногда

и трех бутылок, которые разбивали проклятыя крысы, пользуясь отсутствиемъ господъ. И огорченіе преданнаго слуги всякой деи равнялось числу барскаго ущерба, такъ-что иной разъ горе подкашивало ему совершенно ноги.

— А Сергій Сергѣичъ, а молодой биринь? спрашивали лакеи одинъ у другаго, когда старикъ Ратмирскій одинъ вышелъ изъ кареты. Тока также выбѣжалъ на крыльцо; онъ видѣлъ, какъ двое людей почтительно высаживали изъ экипажа Сергѣя Петровича, видѣлъ, какъ тотъ прошелъ мимо его, какъ лакеи кинулись вынимать изъ кареты дорожную поклажу; и все еще стоялъ, и кого-то ждалъ, онъ даже подошелъ къ каретѣ и заглянулъ въ нее, все не рѣшаясь спросить о своемъ баринѣ.

— Чтѣ, Оомичъ, смотрите? сказалъ одинъ изъ прїѣхавшихъ лакеевъ.—Вашъ-то въ Питерѣ остался.

— А не слышать зачѣмъ? спросилъ почти съ досадою Тока.

— Дѣло барское,—гдѣ намъ знать! Но, проходя мимо старика, человекъ прибавилъ тихо и таинственно: Какъ поуберемся, такъ я прибѣгу къ вамъ на половину и расскажу все.

— Чтѣ такое, Степушка? чтѣ такое, батюшка? скажи хоть словечко, говорилъ Тока, почти въ припрыжку догоняя лакея.

— Да что вы гонитесь за мною, Оомичъ, еще въ вами бѣды наживешь. Вѣдь сказалъ, что приду.

Черезъ часъ Тока узналъ, что Сергѣй Петровичъ за чтѣ-то разсердился на племянника, и видно, не на шутку, потому-что лакей, убирая смѣжную комнату, слышалъ, какъ онъ кричалъ не своимъ голосомъ: «вонъ, молъ, вонъ изъ моего дома!» и что вслѣдъ за тѣмъ Сережа выбѣжалъ изъ комнаты, бѣлѣ покойника, такъ-что на него было страшно и посмотреть, и тотчасъ — же ушелъ изъ дома — да ужъ и не приходилъ болѣе.

— Да куда же онъ ушелъ, Степушка? спрашивалъ Тока съ страшнымъ безпокойствомъ?

— А Господь его знаетъ, Оомичъ! Дня съ три не было объ немъ, что говоритса, ни слуху, ни духу, а опосля, пришелъ какой-то вѣмецъ, говорить, отъ Сергѣя Сергѣича за чемоданомъ молъ, да за бумагами. Ну, вѣстимо, какъ было отдать чужому, да еще и безъ спросу. Ну, вотъ пошелъ камендиръ къ барину за приказаніемъ, да какъ-только назвалъ вашего-то поимени, батюшки, встанъ бѣда не лежи! Самъ-то чуть, было, не съѣлъ его: не смѣи, говорятъ, называть его при нѣхъ.

— Ну, а потомъ чтѣ?

— Вѣстимо что, потому ужъ никто ни гу-гу.

— Да нѣтъ, насчетъ чемодана-то? спросилъ Оока.

— Ну, вѣстимо, что отдали, да только Петрушку поваренка послали съ нѣмцемъ, знаете, чтобы не стаялъ чего.

— Ну?

— Ну, вотъ Петрушка-то я видѣлъ молодого барина, понижа голосъ, продолжалъ рассказчикъ.

— Что же онъ? спросилъ старикъ нетерпѣливо.

— Лежить, сказывалъ Петрушка, что называется, совсѣмъ безъ ногъ.

— Болѣнъ, почти вскрикнулъ Оока, всплеснувъ руками.

— Болѣнъ, говорилъ Петъка, да еще какъ болѣнъ, то-есть, не подвижно лежить.

— Что же послѣ, выздоровѣлъ? говорилъ Оока, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— А Богъ его знаетъ, отвѣчалъ лакей, опосля объ немъ не было слуху.

— Да развѣ вы не провѣдывали его?

— Нѣтъ.

— Ахъ, вы бездушные люди — въ отчаяніи вопилъ Оока, жоня руки; кинули больного, Бога позабыли!

— Никто не смѣлъ спровѣдать, боялся самого.

— Да вы-бы самому-то и сказали, болваны, что молъ Сергѣй Сергѣевичъ болѣнъ, очень болѣнъ.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же! отвѣчалъ лакей; наше дѣло не такое! Вотъ суньтесь-ка вы, такъ мы и поглядимъ, какъ оно будетъ? Въдъ вы знаете нравъ старшаго: коли онъ сердить, такъ тутъ ни-ни... ужъ таковъ обычай.

— Что-жь, ты думаешь, я испугаюсь? сказала Оока. Нѣтъ, братъ, Степанъ! Сей же часъ пойду и спрошу его объ моемъ баринѣ, и коли онъ его кинулъ, то я-то не покину, а скажу просто: я молъ завтра ѣду въ Питеръ — вотъ какъ! — И Оока дѣйствительно пошелъ къ Сергѣю Петровичу; но какъ онъ ни хлопоталъ, не могъ увидать его, потому-что Сергѣй Петровичъ весь день не выходилъ изъ кабинета, приказавъ никого не допускать къ себѣ и всѣмъ отказывать, если кто прїѣдетъ, говоря, что онъ нездоровъ.

Бѣдный Оока не зналъ, что и дѣлать, какъ вдругъ, передъ вечеромъ, онъ получилъ приказаніе отъ Сергѣя Петровича собрать всѣ ве-

ца, принадлежавшія Сергѣю, и завтра же отправиться съ ними въ Петербургъ.

— Ну, и на томъ спасибо! оказалъ Фока человѣку, передававшему барскій приказъ; двухъ разъ себя о томъ говорить не заставилъ.

И всю ночь усердно хлопоталъ онъ, укладывая господское добро, и какъ слуга въ «Ревизорѣ» Гоголя, зная, что и веревочка можетъ пригодиться, не забылъ ни малѣйшей бездѣлицы.

— Теперь ему, батюшкѣ, все будетъ не лишнее, съ дядюшки-то, какись, взятки гладки, да и Богъ съ нимъ. И безъ его добра проживемъ вѣкъ. Лишь бы онъ-то, голубчикъ, былъ здоровъ, а то Богъ не безъ милости! Но онъ боленъ, еще живъ ли? вдругъ подумалъ Фока, и дрожащія руки старика съ лихорадочною поспѣшностію принялись завязывать чемоданы.

Рано утромъ Фока съ имѣніемъ своего барина оставилъ домъ Ратирскаго.

Грустно, задумчиво шелъ старикъ за навозчикомъ, на которомъ лежали чемоданы и узлы, и послѣ довольно продолжительнаго пути, остановился въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города улицъ, передъ небольшимъ, но довольно чистенькимъ домикомъ.

— Неси сюда, пріятель, сказалъ онъ навозчику, помогая ему снимать съ роспусковъ чемоданы.

На крыльцѣ небольшого домака его встрѣтилъ курносый цыганъ.

— Чтѣ такое, Фока, чтѣ это ты привезъ сюда?

— Тише, Вася, тише, отвѣчалъ старикъ, неравно она услышитъ, не надо, чтобы она знала объ этомъ, растревожится, пожалуй, а это ей теперь не годится.

— О чемъ не знала? Что у васъ случилось? съ изумленіемъ спрашивалъ цыганъ. И Фока принужденъ былъ рассказать Василью всю исторію.

— Кинула больного, сказалъ цыганъ, выслушавъ бѣглый рассказъ старика. Не больно хорошее дѣло.

— Суди тамъ его совѣсть, отвѣчалъ Фока, только ты, братъ Василь, побойся Бога: сбереги барское добро, а мнѣ, вотъ видишь, нужно сегодня же вѣхать, вѣдь онъ тамъ одинъ.

— Чтѣ же ты скажешь Марѣ Ильиничнѣ?

— Чтѣ скажу? отвѣчалъ Фока, подумавъ: Скажу, что старый баринъ уѣхалъ за границу, что не на кого молъ оставить тамъ вещи, растамутъ, и что по той причинѣ Сергѣй Сергѣичъ зоветъ меня въ Питеръ, чтобы самому скорѣе пріѣхать сюда.

— А какъ она узнаеть, что старикъ здѣсь? сказалъ съ безпокойствомъ цыганъ.

— Отъ кого же узнаеть, отвѣчалъ Тока: ты не скажешь, а сама не пойдешь справляться. А какъ она оправится, мы и сами ужъ будемъ здѣсь.

Условаясь такимъ-образомъ, Тока сдалъ все вещи на руки Василью, простился съ Машею, которая какъ-то повеселѣла, узнавъ, что Сережа скоро будетъ, и черезъ часъ отправился въ Петербургъ.

XV.

Для счастливаго, время летитъ соколомъ, а для несчастнаго ползеть черепахой, говоритъ поговорка. Долго, неисходно долго тянулись для Маши часы напраснаго ожиданія. Уже не свиданія ждала она, а хотя вѣсти объ Сережѣ; и не было желанной вѣсти. Уныло склоняясь надъ колыбелью своей малютки, просиживала она по нѣскольку часовъ сряду, и думала, думала все объ одномъ, все объ томъ, кто насунулъ ей такъ много радостей, и не смогъ исполнить обѣщанія. Это была уже не прежняя Мама, еще такъ недавно красавица-цыганка, полная силы и могучей любви, а женщина, убитая горемъ, со впалыми глазами, у которой все ощущенія и страсти сосредоточились въ тихой, безотрадной тоскѣ. Правда, были минуты, въ которыя бѣдная женщина какъ-будто оживала. Это бывало, когда Василій уходилъ, по ея требованію, въ домъ Ратмирскаго, чтобы узнать: нѣтъ-ли какого извѣстія изъ Петербурга? Полная страха и надежды, она въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи прислушивалась къ малѣйшему стуку на дворѣ, садилась къ окну, вставала и подходила къ колыбели ребенка, и опять кидалась къ окну. Но возвращался Василій, угрюмо и молча качалъ головою на вопросительный взглядъ Маши. И снова, печально склоня голову, она садилась къ колыбели ребенка, и тихо, сквозь слезы, пѣла колыбельныя пѣсни.

Весь разговоръ Маши съ Васильемъ состоялъ только изъ немногихъ словъ: «Сходи, пожалуйста, узнай, нѣтъ-ли чего?»—и цыганъ уходилъ,—или: «Неужели ничего не слышно? О Божешой, Боже мой, когда же этому будетъ конецъ!»—И жалоба замирала на языкѣ бѣдной Маши. Угрюмый цыганъ отвѣчалъ на слова ея или глубокимъ вздохомъ, или единымъ афоризмомъ: Стоять думать! о тебѣ не думать; такъ сама забудь! Плюнь — да и все тутъ.

Тамъ шли дни за днями, недѣли за недѣлями, и прошель слишкомъ гвсацъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ Оока увхалъ въ Петербургъ.

Разъ Маша, сидя на диванѣ, тихо качивала на рукахъ ребенка, и съ какинъ-то горькимъ наслажденіемъ всматривалась въ черты спящей малютки.

— Дитя ты мое бѣдное! Какъ ты похожа на него! тихо шептала она, какъ ты похожа на него! Словно списана съ отца... А онъ еще и не видагъ тебя, не перекрестилъ... онъ забылъ насъ съ тобою, не любитъ насъ, покинулъ... И вдругъ она обернула голову къ Василью, который въ другомъ углу комнаты выкладывалъ на счетахъ.

— Вася! Сходи, пожалуйста, узнай.

— Былъ ужъ, Маша! отвѣчалъ дыганъ, оставляя свое занятіе.

— Сходи еще! Будь другъ! Можетъ, и узнаешь что-нибудь.

Едва она проговорила эти слова, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышались тяжелые шаги, въ ту же минуту дверь отверглась и въ комнату вошелъ Оока.

— Оока! радостно вскрикнула Маша: Оока! прибавила она съ невольнымъ ужасомъ, глядя на печальное и похудѣлое лицо старика, который, помолясь на образа, и поклонясь Машѣ, безмолвно остановился у порога.

— Что скажешь, гдѣ Сережа, говори скорѣе, гдѣ онъ?

— Кланяться приказалъ, тихо проговорилъ старикъ. Приказалъ вамъ, Марья Ильинишна, быть счастливой, не забывать его, не токовать... а тебѣ, мая крошка, продолжалъ онъ, подходя къ Машѣ и набожно крестя спящаго ребенка, прислалъ родительское благословеніе, на вѣки нерушимое.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ онъ? говорила Маша, у которой невольный страхъ отнялъ силу подняться съ дивана.

Оока помолчалъ, губы старика дрожали, наконецъ, поднявъ руку вверху, онъ отрывисто сказалъ: «Тайъ!», и закрывъ лицо зарыдалъ.

Долго хлопотали около безчувственной Маши. Когда она пришла въ себя, родъ безумія овладѣлъ ея головою. Она ломала пальцы, безпрестанно повторяя: Ушелъ! тамъ! А меня забылъ. Какъ же это? Онъ умеръ, а я еще жива!

— Вамъ, матушка, онъ жить приказалъ, говорилъ Оока. Скажи, говорилъ онъ, женѣ моей, чтобы простила меня и не плакала; скажи ей, говорилъ батюшка, отдавая душеньку Богу, чтобы она берегла себя для

дочери, росла ея, любила и заставляла молиться за отца. Вотъ что, матушка, завѣщаль вамъ покойный баринъ, вамъ мужъ; страшный грѣхъ не исполнить воли того, кто теперь за насъ молится.

— Такъ ты еще засталъ барина? спросилъ цыганъ Фоку, когда Маша нѣсколько поуспокоилась

— Съ недѣлку еще онъ былъ живъ при мнѣ; словно ждалъ, чтобы умереть у меня на рукахъ. Носилъ я его на этихъ рукахъ еще малолѣтнимъ, да ими же пришлось закопать и въ сыру землю, прибавилъ Фока, вздохнувъ.

Маша просила Фоку разказать ей, отчего Сережа умеръ, зачѣмъ онъ такъ долго жилъ въ Петербургѣ? зачѣмъ не писалъ къ нимъ?

И старикъ на этотъ разъ разказалъ ей всю правду; все, что самъ узналъ отъ умирающаго барина.

— А не писалъ оттого, что сначала думалъ самъ скоро вернуться, а послѣ болѣзнь отняла руки.

— И все чрезъ меня, и все это я надѣлала, я свела его въ могилу! Одна я говорила Маша въ отчаяніи.

— Не вы, матушка Марья Ильинишна, отвѣчалъ Фока, стараюсь успокоить ея, а видно ему такъ на роду было написано.

— Куда ты теперь? спрашивалъ цыганъ Фоку, провожая его въ сѣни.

— Пойду къ дядѣ—сказать, что умеръ племянникъ, да поблагодарить за хлѣбъ за соль. Да вотъ еще, прибавилъ старикъ, вынимая изъ кармана перевязанный ниточкою свертокъ бумаги: совсѣмъ было изъ ума вонъ: вотъ это осталось послѣ барина; возьми Василій, отдай Марья Ильинишнѣ, ей съ ребенкомъ все пригодится.

— Что это? спросилъ Василій.

— Деньги, Вася. Правда, не много тутъ; ну, да на нужду и то уйдетъ.

— Бери себѣ, старикъ, отвѣчалъ цыганъ; пока я живъ, Маша съ ребенкомъ голода не спознаетъ; а ты старъ человекъ, тебѣ негдѣ взять.

— А на что мнѣ деньги теперь? отвѣчалъ Фока: нешто вѣкъ буду маяться; что я за несчастный, что всѣхъ хороню, а самъ спокоенъ!

— Такъ переходи къ намъ жить, радушно сказалъ Василій, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

— Спасибо на добромъ словѣ, Вася! отвѣчалъ Фока: но ужъ теперь нигдѣ жить не буду.

— Как же так?

— Пойду мыкаться по свѣту: на-первые въ Кіевъ, тамъ въ Воронежъ, послѣ въ Соловки, а тамъ авось либо и подальше... туда, туда... гдѣ всѣ мои сердечные!.. Безъ нихъ на что ужъ я пригоденъ. Богъ васъ милуй! сказалъ старикъ, снявъ шапку, и перекрестясь вышелъ изъ воротъ маленькаго домика.

Возвратясь изъ Петербурга, Сергѣй Петровичъ долго не принималъ никого, даже князя Борнова; но наконецъ долженъ же былъ, по необходимости, прекратить свое уединеніе. Приличіе того требовало, и Ратмирскій рѣшился выѣхать. Первый визитъ его былъ, натурально, къ князю. Это свиданіе было для него очень тягостно. Что сказать князю о племянникѣ? какую глупую роль онъ приготовилъ себѣ, почти совсѣтъ женатаго племянника! По-крайней-мѣрѣ, такъ думалъ Сергѣй Петровичъ, собираясь къ князю; но посидѣвъ около часу съ княземъ въ кабинетѣ, онъ какъ-то повеселѣлъ и попрежнему дружески съ нимъ разстался. Прощаясь съ Ратмирскимъ, добрякъ князь даже сказалъ ему. — Полноте, любезный другъ, положите гнѣвъ на милость, простите вѣтренника. Повѣрьте, кто бы ни носилъ вашу фамилію, она по прежнему будетъ всѣми уважаема, и жена вашего племянника займетъ свое мѣсто въ обществѣ.

— Никогда, князь! отвѣчалъ упрямый старикъ, никогда! Но на этотъ разъ въ голосѣ Ратмирскаго не было уже той грозной твердости, какъ прежде.

— Оока Оомичъ! Вотъ нежданннй гость! говорили лакеи въ передней, увидя входящаго старика: давно-ли здѣсь! съ кѣмъ пріѣхали?

— Доложите барину, сказалъ старикъ, не отвѣчая на вопросы, что Оока пришелъ и желаетъ ихъ видѣть.

Лакеи переглянулись, не двигаясь съ мѣста.

— Я пришелъ, продолжалъ Оока, по важному дѣлу, и не уйду, не увидавши барина.

— Ну, а какъ да онъ разсердится?

— Коли разсердится, такъ на меня, сказалъ Оока: доложу, что могъ я здѣсь, вотъ и все.

Черезъ минуту Ооку позвали къ Сергѣю Петровичу.

— Что скажешь? спросилъ Ратмирскій старика, когда тотъ, низко поклонясь, остановился передъ нимъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ приказалъ кланяться. При этихъ словахъ

что-то въ родѣ улыбки скользнуло на тонкихъ губахъ Ратмирскаго.—
И приказалъ долго жить, добавилъ Оока.

Старикъ Ратмирскій вздрогнулъ; но и улыбка и испугъ Сергѣя Петровича были такъ мгновенны, что Оока этого и не замѣтилъ.

— Умеръ? протворилъ Ратмирскій спокойно, и очень хорошо сдѣлалъ, продолжалъ онъ, протягивая руку къ хрустальному изарафину и залпомъ выпилъ стаканъ воды. Оока ясно видѣлъ, что рука Ратмирскаго дрожала, наливая воду.

— Онъ помнилъ до послѣдняго часу ваши благодѣянiя, приказалъ мнѣ поблагодарить васъ за вашу—лѣтъ соль, и попросить о великой милости.

— Кажется, ему теперь мои милости не нужны? отвѣчалъ отрывисто Сергѣй Петровичъ.

— Ему, безспорно, теперь ни въ чемъ нужды нѣтъ, батюшка Сергѣй Петровичъ; но у него остались вдова и ребенокъ.

Какъ-то странно взглянулъ Сергѣй Петровичъ на Ооку, лицо его прояснилось, и съ необыкновенною живостью онъ спросилъ:

— Ребенокъ—мальчикъ?

— Нѣтъ, батюшка, дѣвочка, отвѣчалъ Оока. При этомъ словъ Сергѣй Петровичъ отвернулся, махнулъ рукою и приказалъ Ооку выйти.

XVI.

Прошло много лѣтъ послѣ свиданiя Сергѣя Петровича съ старикомъ Оокою. Тѣ, которые дѣйствовали за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, лежали уже въ могилѣ, а тѣ, которые тогда были въ колыбели, являлись, въ свою очередь, дѣйствующими лицами въ житейской драмѣ.

Имя Ратмирскихъ тоже сошло со сцены жизни, уступя свои права и богатство, можетъ-быть, десяти разнороднымъ фамилиямъ, которыя объявили свои притязанiя на наслѣдство, едва старикъ Ратмирскій закрылъ глаза.

Величаво высился холодный мраморъ надъ тѣломъ того, кому онъ могъ служить прямою эмблемою, и никогда ничья рука не повила этого камня ни однимъ цвѣткомъ воспоминанiя и любви.

Прошло лѣтъ семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ Оока, простясь съ Машею, вышелъ въ послѣднiй разъ изъ воротъ небольшого домика. Семнадцать лѣтъ—великое дѣло! Даже домикъ, съ пятью крошечными окошками, въ которомъ жила Мама, не напоминалъ уже собою горькаго проше-

него. На его мѣстѣ стоялъ теперь обширный и красивый деревянный домъ, на каменномъ фундаментѣ, весело глядя на улицу десяткомъ свѣтлыхъ оконъ. А чистота и опрятность, съ какою содержался этотъ домъ, ясно говорили, что хозяинъ былъ человекъ порядочный и зажиточный.

Въ минуту нашего разсказа, въ этомъ домѣ происходили какія-то необыкновенные хлопоты. Съ самого утра вездѣ мели и мыли, и цвѣты, стоящіе на окнахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ занавѣсками, придавали дому какой-то праздничный видъ. Часовъ въ шесть у растворенныхъ воротъ зажгли плошки, а немного погода на широкій дворъ въѣхало нѣсколько извозничьихъ каретъ. Необходимая толпа праздныхъ эвакъ коймила уже тротуаръ у дома.

Между-тѣмъ въ домѣ не было слышно ни музыки, ни пѣнія, и тишина, царствовавшая въ ярко освещенныхъ комнатахъ, дѣлала праздничный видъ дома какъ-то непонятнымъ. Въ небольшой, но очень опрятной и прилично меблированной комнатѣ, за круглымъ столомъ, украшеннымъ вазами съ цвѣтами, и заставленнымъ всевозможными вареньями и другими лакомствами не изысканнаго десерта, сидѣли нѣсколько дамъ, въ цвѣтахъ и перьяхъ, и въ полголоса разговаривали, поглядывая на плотно затворенную дверь сосѣдней комнаты.

— Кому какое счастье, матушка! говорила пожилая дама сосѣдѣ: и лучше есть — да сидѣть въ дѣвкахъ.

— Что-жъ и она недурна, отвѣчала другая: говорить, что у самой то есть больше, чѣмъ она сказывается.

— Кромѣ дома этого, ничего нѣтъ, утвердительно проговорила третья. Еслибы было что больше, то не такое приданое дали бы за нею.

— А что-жъ? сказала одна изъ гостей: приданое прекрасное, не княжеское, конечно, но болѣе, чѣмъ достаточное; я сама все видѣла.

— Да партія-то, матушка, какая! сказала опять пожилая дама: другая со ста тысячами такой не найдетъ. Молодъ, хорошъ собою, дворянинъ природный, да и съ хорошимъ состояніемъ.

— Она сама дворянка, мила, хорошо образована, стало ихъ пара! отвѣчала дама.

— И гдѣ это она его подцѣпила? сказала старуха.

— Такой дѣвушка, какъ Наденька, не нужно подцѣплять жениховъ, отвѣчала серьезно дама-защитница, она встрѣтила его у меня въ домѣ, бывая у моей дочери, своей пансіонской подруги. Цюправилась молодому человеку, оны сталъ свататься—и теперь женится, это такъ натурально.

Послѣ этой фразы послѣдовало молчаніе, которое было прервано шумомъ отворившейся двери въ другую комнату, и женщина, дѣтъ со-

рока, вышла оттуда, ведя за руку очень молоденькую дѣвушку, одѣтую въ подвѣнчное платье. Гости встали, уступая невѣстѣ почетное мѣсто на диванѣ. Скромно, застенчиво заняла его дѣвушка. Съ одной стороны, около невѣсты, съ веселымъ ропотомъ, усиживались ея подруги, съ другой сѣла мать, не на минуту не выпуская руку дочери изъ своей руки.

Лицо матери было поразительно хорошо, ея черные блестящіе глаза, осыненные густыми рѣсницами, сохранили въ себѣ еще столько прелести и чувства, что на нихъ можно было заглядѣться, а какая-то грусть, отражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея лица, преждевременныя сѣдины и морщины на лбу невольно наводили на мысль, что глубокое горе часто туманило эти чудные глаза и писало крупными чертами свою лѣтопись на этомъ, еще до-сихъ-поръ прекрасномъ челѣ. Сидя возлѣ дочери, она не спускала глазъ съ молодой дѣвушки, и въ этихъ глазахъ было столько любви, тревоги и благословенія, что у молодой невѣсты нѣсколько разъ навертывались слезы, когда она взглядывала на мать.

Когда невѣсту посадили на диванъ, то въ комнату вошли нѣсколько мужчинъ, которые, отдѣльно отъ дамъ, въ ожиданіи выхода невѣсты, разговаривали въ другой комнатѣ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, котораго костюмъ составлялъ рѣзкое отличіе отъ прочихъ. — Черные, съ небольшою просѣдою, волосы его были подстрижены въ скобку, на немъ былъ казакинъ изъ тонкаго сукна, перехваченный блестящимъ ремнемъ, съ серебряною пряжкой.

Этотъ человекъ, котораго выразительное лицо нѣсколько безобразилъ курносый носъ, очень весело и свободно расхаживалъ между гостями, потирая по времена мъ руки, отъ внутренняго удовольствія. Онъ былъ какой-то родственникъ невѣстѣ и жилъ у нихъ въ домѣ. Впрочемъ, стоило только взглянуть на него, чтобы увѣриться, что это не чужой, не гость, не холодный свидѣтель, а живое дѣйствующее лицо радостнаго семейнаго событія.

Столовые часы пробили семь—и почти въ тоже время послышался стукъ въѣхавшаго на дворъ экипажа. Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой человекъ, шаферъ невѣсты, говоря, что женихъ въ церкви и ждетъ невѣсту. Гости зашевелились. Крѣпко обвивъ тонкій станъ дочери руками, мать, казалось, не могла разстаться съ нею, и цѣлуя ей голову, лицо, плеча и руки, крестила ее и кропила слезами. Наконецъ шаферъ взялъ невѣсту за руку и воѣ двинулся изъ комнаты. Прицавъ къ холодному стеклу пылающимъ лицомъ, бѣдная мать, не

рая не могла присутствовать при вѣнчаніи дочери, хотѣла еще разъ взглянуть на нее, увидѣть, какъ ее посадятъ въ карету.

— Ну, вотъ и дѣло сдѣлали! отправили дѣвочку! радостно говорилъ курносый мужчина, проводя невесту. Кабы не жаль было кинуть тебя одну дома, ужъ поѣхалъ бы я съ ними. — Ну, да и безъ меня обойдется!—Да ей Богъ, голубушкѣ, совѣтъ да любовь!

— А что, Маша, прождалъ онъ, вѣдъ намъ безъ нея грустно будетъ? словно все опустѣло. Да что-же ты смотришь на улицу, говорилъ онъ, подходя къ матери. Что съ тобою, Марья Ильинична.—Тихо отвела бѣдная мать отъ стекла свое заплаканное лицо, и обратясь къ курносому мужчине, вдругъ схватила его руку и прильнула къ ней губами.

Это было сдѣлано такъ неожиданно, такъ мгновенно, что ошеломленный мужчина нѣсколько минутъ не нашелся, что дѣлать, между тѣмъ, какъ мать со слезами цѣловала его руку; повторяя: «Спасибо Вася, спасибо!»

— Маша, Маша! наконецъ вскрикнулъ Василій: помилуй, что ты дѣлаешь?

— Благодарю тебя, Василій, за счастье моей дочери, за всю твою заботу объ ней!

— Ахъ, Марья Ильинична! отвѣчалъ съ легкимъ упрекомъ Василій, отнимая у Маши свою руку: Вотъ то-то и есть! ты вѣчно со мною дѣлишься... Обижаешь, право обижаешь... Твоя дочь! Да развѣ твоя дочь мнѣ чужая?—И что-же я такое ей сдѣлалъ, чтобы цѣловать мою руку.

— Ты для нея все сдѣлалъ, Вася, ея малыя крохи твоими трудомъ выросли; ты воспиталъ и благословилъ ее на новую жизнь, какъ отецъ родной. Спасибо, Вася, за все спасибо!

— Маша, сказалъ взволнованный Василій, если ты е перестанешь обижать меня, то вотъ тебѣ Богъ я уйду отсюда.

— Нѣтъ, Василій, отвѣчала Маша, утирая глаза, нѣтъ, мой родной, ты здѣсь останешься, ты замѣнишь моей дочери и отца и мать, ты за меня станешь любить ее—когда я уйду отсюда.

— Уйдешь? какъ-то странно спросилъ Василій: куда это уйдешь?

— Туда, къ нему уйду, Вася, на его могилку, въ которую я-же окоянная, положила его преждевременно.

— За чѣмъ же ты пойдешь туда? горько спросилъ ее Василій.

— Пойду на его могилку, понесу ему вѣсть объ дочери, скажу, что я исполнила его завѣтъ, любила и вырастила дочь его. Мое дѣло покончено, прибавила она въ раздумьи; дочь замужемъ, пристроена, ее теперь есть кому любить и беречь и безъ меня, и я могу жить

для себя. Поиду на его одинокую, кинутую всеми молчалику, и вышлечу на ней свое сердце и жизнь.

Еслибы кто въ эту минуту взглянулъ на Василья, то прочелъ бы на его лицѣ самую горькую страничку его жизни. На немъ было написано: «прощай надежда! всему конецъ!» Молча разошлись Маша и Васильй по своимъ комнатамъ.

И долго, стоя на колынахъ предъ образомъ, у опустѣлой кровати дочери, молилась мать объ ея счастьи.

И долго Васильй уныло ходилъ по своей маленькой комнатѣ, по-временамъ горько всдыхая.—Такъ вотъ оно что, такъ вотъ для чего я жилъ, трудился столько лѣтъ. Все ему! и мертвого-то любить, а ко мнѣ и жалости даже нѣтъ. Ахъ, цыганъ ты, горькій цыганъ! проговорилъ онъ наконецъ, задумчиво садясь на стулъ: лучше бы тогда тебѣ умереть вмѣсто его, по крайности, хоть она-то была-бы счастлива! —

Разсвѣло. Цыганъ съ перешибеной переносицей все еще сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ и объ чемъ-то дуалъ. Но только видно было, что голова его значительно побѣлѣла за эту ночь.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ХУДОЖЕСТВА

ВЫСТАВКА 1852 ГОДА ВЪ АНГЛІИ.

Статья Д. Г. Дарлэ.

Выставка Royal Academy въ Лондонѣ, которая бываетъ каждый годъ въ продолженіе мая, іюня и іюля, не можетъ похвалиться такимъ-же давнимъ происхожденіемъ, какъ выставка парижскаго Салона. Лишь въ 1780 году открылись залы Сомерсет-Гауза для первой англійской выставки, между-тѣмъ какъ уже съ 1651 года Королевская Академія Живописи и Скульптуры была перенесена изъ Лувра въ Палэ-Рояль, гдѣ, немногое времени спустя, она и открыла свою первую выставку. Изъ этой цифры видно, что Франція слишкомъ на полтора столѣтія опередила Англію въ дѣлѣ основанія Королевской Академіи, а ужъ двѣсти съ чѣмъ-то лѣтъ до этого, парижскіе живописцы составили общество подъ названіемъ Академіи Святаго Луки. Итакъ, пластическія искусства шли чинъ и ниня по сю сторону пролива нѣсколькими вѣками раньше, нежели получали подобную хартію въ Англіи.

При всемъ томъ,, ошибочно заключать, что въ это пространство времени, живопись и ваияіе еще не установились на англійской почвѣ. Если и не представляло ихъ тамъ никакое опредѣленное и утвержденное сословіе, все же онѣ воздѣлывались, и даже имѣли уже свою исторію. Начиная съ XI вѣка, видимъ мы, что архитектура, мало-по-малу покрываетъ страну тою превосходною смѣсью зданій, которая и по сіе время составляетъ одно изъ ея отличительныхъ украшеній. Въ XII вѣкѣ возникаютъ въ королевствѣ триста новыхъ монастырей, и ихъ величественные остатки и донынѣ свидѣтельствуютъ о быстрыхъ успѣхахъ, каковы сопровождалось развитіе архитектурной композиціи и архитектурнаго исполненія. Изъ числа аббатствъ можно указать на Уэстминстръ, гдѣ различные стили, смѣнявшіе другъ друга до XVI столѣтія, оставили свои отпечатки одинъ возлѣ другаго. Изъ соборовъ мы назовемъ Уэльскій, котораго западный фасадъ оконченъ въ 1242 года, только два года послѣ роженія Чинабуэ, и тридцать-шесть лѣтъ до построенія собора Орвіетскаго. Рядъ сюжетовъ, заимствованныхъ изъ священной исторіи, изваянъ въ Уэльскомъ соборѣ съ роскошью и разнообразіемъ въ исполненіи, которыя поражаютъ еще болѣе, когда припомнимъ, что эти работы несравненно старше возрожденія искусствъ и литературы въ Италіи.

Скульптура, опытъ пластическаго подражанія посредствомъ прочныхъ формъ, кажется, вездѣ предшествуетъ мысли или умѣнію подражать природѣ на поверхности гладкой, посредствомъ сочетанія линий и красокъ. Тѣмъ не менѣе первое искусство не могло цвѣсти долго, не привела естественно ко второму — живописи. Такъ, лишь столѣтіе спустя, живопись является въ Англій, для содѣйствія украшенію зданій, гдѣ готическая орнаментация уже достигла высокой степени совершенства. Хрупкое свойство и недолговѣчные матеріалы ея изображеній не дали болѣе ихъ части устоять противъ дѣйствія времени и вѣсннй фанатизма. Очень немногія дошли до насъ; однакоже, ихъ осталось достаточно для того, чтобъ мы имѣли возможность оцѣнить дарованіе художниковъ-исполнителей и мѣсто, которое принадлежитъ имъ относительно современныхъ живописцевъ. Въ Уэстминстрскомъ аббатствѣ, возлѣ хора, существуетъ до-сихъ-поръ живопись на деревѣ, XVI вѣка, представляющая нѣсколько сюжетовъ съ выпуклыми орнаментами, которые и раздѣляютъ ихъ какъ бы перегородки. Трудъ показываетъ совѣстливое изученіе, и имѣетъ на столько достоинства, что можетъ идти на ряду съ произведеніями хорошаго италіянскаго мастера той эпохи. Въ капеллѣ Святаго Эдуарда, въ томъ же аббатствѣ, багданиъ надгробія Ричарда II украшенъ религіозными изображеніями, составляющими двѣ композиціи и ведущими свое начало отъ 1394 года. Движе-

нѣ и выраженіе фигуръ принадлежатъ рукѣ замѣчательнаго художника. Имя его сохранили намъ архивы Уэстминстерскаго аббатства. Живописецъ этотъ былъ Джонъ Гэксъ (Нахеу), и, какъ гласитъ тотъ же источникъ, онъ получилъ за свою работу двадцать фунтовъ стерлинговъ, что въ то время должно было быть порядочною суммой. Капитулъ (запа) также содержитъ нѣсколько стѣнныхъ изображеній, между коими пять принадлежатъ XIV вѣку: это — композиція въ нѣсколько фигуръ, представляющая Христа, окруженнаго христіанскими добродѣтелями, — и различныя аллегоріи, взятая изъ Апокалипсиса. Эта живопись, очевидно, есть дѣло художника болѣе нежели обыкновеннаго, и можетъ содеринчать съ произведеніями италіанскаго искусства того же періода. Нѣсколько лѣтъ назадъ тому, можно было видѣть другія украшенія того же стила въ капеллѣ Святаго Стефана; но капелла и ея живопись были принесены въ жертву, чтобы дать мѣсто новому дворцу парламента.

Впрочемъ, за недостаткомъ памятниковъ, не одно письменное свидѣтельство возводитъ гораздо далѣе XIV вѣка практику искусства живописи. Въ числѣ архивныхъ бумагъ XIII вѣка извѣстна повелѣніе Генриха III, заключающее заказъ «Maesta», то-есть, изображенія Христа съ четырьмя евангелистами, подобнаго тѣмъ, что оставилъ Чинчуба. Повелѣніе это отиѣчено 24 января 1233 года, стало-быть семью годами предшествуетъ рожденію праотца италіанскаго искусства. Старые архивы свидѣтельствуютъ также о существованіи корпораціи художниковъ въ эпоху чрезвычайно отдаленную. Статуты «Корпораціи англійскихъ живописцевъ», относящіеся къ 1283 году, сохранились до нашихъ дней. Статуты сіенской корпораціи принадлежатъ лишь къ 1355 году, стало, болѣе полувѣка моложе. Замѣчательно также, что статуты англійской корпораціи упоминаютъ о краскахъ, приготовленныхъ на мѣсѣ, въ то время, какъ ни на что подобное сіенскій документъ и не намекаетъ.

I.

Въ-продолженіе вѣковъ XV и XVI церковное зодчество не сходило съ пути непрерывнаго успѣха; по-крайней-мѣрѣ, оно ничего не теряло въ достоинствѣ, и рядомъ съ нимъ, украшеніе замковъ, богатыхъ резиденцій, вскорѣ приняло участіе въ пышностяхъ искусства. Что до живописи, казалось, она, вмѣсто того, чтобы подвигаться тѣмъ же ша-

гомъ, въ-теченіе этого періода довольствовалась безжизненнымъ подражаніемъ, воспроизведеніемъ того, что уже было сдѣлано. Эта склонность неминуемо вела къ разрушенію, и въ-самомъ-дѣлѣ, при Генрихѣ VII, именно въ ту пору, когда итальянскія школы возвысились до своей апогеи, искусство въ Англіи упало ниже посредственности. Портреты того времени были не иное что, какъ отвратительныя каррикатуры, а изображенія религіозныхъ предметовъ, хотя и производились въ избыткѣ, страдали недостаткомъ во всемъ, что придаетъ прелесть работамъ этого рода.

Ни въ одной образованной странѣ, искусство не могло пасть до той степени, какъ въ Англіи, когда Генрихъ VIII наследовалъ своему отцу. Готовилась реформа, и ея дѣйствія неизбежно должны были сдѣлаться неблагопріятными для художниковъ. Генрихъ VIII, между-тѣмъ, по дѣйствительному-ли вкусу, по желанію-ли соперничать съ Карломъ V и Францискомъ I, обратилъ свое вниманіе на искусства, по-крайней-мѣрѣ, на ту отрасль искусства, которая особенно льститъ тщеславію: на портретъ. Онъ пригласилъ къ своему двору Ганса Голбейна, и удержалъ его при себѣ столько же любезностію и вниманіемъ, сколько огромнымъ содержаніемъ. Тяжелый характеръ жены и забвеніе соотечественниковъ, несмотря на замѣчательный талантъ, быть-можетъ, расположили художника принять предложенія графа Арундельскаго, за которымъ онъ послѣдовалъ въ Лондонъ въ 1526 году. Онъ первый изъ значительныхъ живописцевъ пріѣхалъ въ Англію. Послѣ него, рядъ иноземныхъ художниковъ состоялъ на жалованьи государей, предшествовавшихъ Георгу I. Вопреки предубѣжденіямъ противъ Англіи и живописцевъ континента, Моро, Зуккоро, Гёръ, Митенсъ, Рубенсъ, Вандейкъ, одинъ за другимъ, отваживались въ эту страну.

Антонио Моро, уроженецъ Утрехтскій, былъ первымъ придворнымъ живописцемъ въ царствованіе Маріи. Итальянецъ Зуккоро и гентецъ Лука Гёръ (Heege) написали при Елисаветѣ нѣсколько портретовъ, между-прочимъ портретъ королевы, которая, сама по себѣ, не понимала въ искусствѣ ничего ровно и жаловала его мало. Иавотъ, ея преемникъ, напротивъ, цѣнилъ его и ободрялъ. Онъ-то содержалъ при себѣ Митенса изъ Гаги. Около того времени достигъ престола Карлъ I. Первобытная строгость протестантскаго чувства уже очень ослабла, и король, нѣвшій и вкусъ и склонность къ великолѣпію, занялся собираніемъ художественныхъ произведеній въ свои резиденціи. Однакоже, во ему принадлежитъ заслуга перваго начала королевской коллекціи. Первую мысль о томъ возымѣлъ Генрихъ VIII, который и собралъ до полустота картинъ — число уже значительное, если припомнимъ начало

состояніе общественнаго вкуса и безпокойную жизнь этого государя. Съ своей стороны, Карлъ I развилъ начатое Генрихомъ. Онъ приобрѣлъ картонъ Рафаэля; онъ купилъ коллекцію герцога Мантуйскаго, — и большая галерея его Уайтгалльскаго дворца, гдѣ расположилъ онъ свой музей, наполнилась четырьмя-стами шестидесятью картинами тридцати-семи мастеровъ. Въ числѣ этихъ произведеній были Пармезаны, Рафаэли, Таціаны, Леонарды-да-Винчи. Когда Рубенсъ пріѣхалъ въ Лондонъ посломъ отъ инфанты испанской, король пригласилъ его расписать одинъ изъ плафоновъ дворца, и художникъ, прожившій здѣсь годъ, оставилъ за собою блистательную аллегорію, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ.

За учителемъ слѣдовалъ ученикъ — Вандейкъ. Въ особенной милости при Карлѣ I, онъ жилъ въ Лондонѣ семь лѣтъ, умеръ здѣсь же въ 1641 году, и разсыпалъ по Англии значительное количество портретовъ членовъ королевской фамиліи и важнѣйшихъ лицъ эпохи. Почти около того же времени, питомецъ голландской школы, Дели, писалъ въ Англии пейзажи; но вскорѣ онъ оставилъ эту часть и посвятилъ себя болѣе выгодной — портрету. Дели былъ человекъ очень искусный; онъ былъ слѣланъ придворнымъ живописцемъ Карла II, и умеръ въ 1680 году. Наконецъ, чтобы замкнуть этотъ рядъ иностранныхъ живописцевъ, намъ остается назвать только одно имя — Квеллера, изъ Любека, который дебютировалъ въ Лондонѣ въ концѣ XVII вѣка, и былъ придворнымъ живописцемъ съ царствованія Іакова II, до своей кончины въ 1725 году.

Однако нужно замѣтить, что въ-теченіе этого періода, искусство не обошлось безъ національныхъ представителей. Такъ, около послѣднихъ годовъ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го, два англичанина, Гиллардъ и Оливеръ, отличались въ портретахъ малаго размѣра, второй спеціальнѣе въ миниатюрѣ. Куперъ, послѣ нихъ, также писалъ прекрасныя миниатюры къ концу царствованія Карла I, и въ то же время явился замѣчательный архитекторъ, Джонсъ, а за нимъ скоро и серъ Кристофъ Репъ (Wren), которому англичане обязаны соборомъ св. Павла. Наконецъ, шотландецъ Джемонъ составилъ себѣ заслуженную извѣстность въ началѣ XVII вѣка; онъ учился у Рубенса, и долженъ быть упомянуть, какъ первый національный живописецъ, обнаружившій талантъ въ портретѣ натуральной величины.

Эпоха, къ которой мы пришли, уже важная: въ ней заключается возрожденіе для англійскаго искусства. Отсюда начинается непрерывная ливня оригинальныхъ живописцевъ, которые не только позволили Англии обходиться безъ чужеземной помощи, но и опредѣлили ей въ рѣ

ду инокъ и что, ея до-тѣхъ-поръ не занимаемо. Одинъ изъ первыхъ по порядку, такихъ какъ и одинъ изъ самобытнѣйшихъ мастеровъ, былъ Гогартъ, родившійся въ 1697 году. Сначала гравёръ на посулъ, потомъ гравёръ эстамповъ на ябл, потомъ, наконецъ, живописецъ, Гогартъ развился такимъ путемъ, какъ будто его неодолимае склонность къ комическому и врожденная сатирическая сила заставили всыпать въ пластическія искусства, чтобы отыскать со всѣхъ сторонъ средства называть свое неземное оруженіе. Подобно Мольеру, онъ списываетъ безобразія или смѣшныя омерзения перожовъ и современныхъ глупостей, и воспроизводитъ ихъ кистью югучею и всегда рѣшительною, но нѣкоторая неутолимае грубость, иногда доходящая до дикости, отличаетъ его живопись отъ ея французскаго писателя, гдѣ ничто не выступаетъ за границу приличія. Это иногда придаетъ его произведеніямъ характеръ преувеличенности и карриатуры, между-тѣмъ, какъ Мольеру скорѣе недостаетъ естественности, въ-слѣдствіе названной утробности и осторожности въ отбавки.

Гогартъ въ высшей степени владѣлъ болѣею чистіи пластическими свойствами. Подъ пластическими свойствами я разумю тѣ способности, которыя состоятъ спеціально въ умѣніи схватывать соотношенія линий, формъ, свѣта, тѣни и цвѣтовъ, а также воспроизводить впечатлѣнія, сообщаемыя этими данными человеку съ естественной организаціей. Такія воспроизведенія, чтобы выполнить условія искусства, должны состоятъ изъ опредѣленной основы подражанія, на которой строится знаніе, въ которомъ художникъ пытается дать видный обликъ ощущеніямъ или верооятнымъ, своимъ чувствамъ и мысли. Подражаніе играетъ здѣсь просто роль скелета: оно доставляетъ точку опоры. Что было развѣдано, несвязно и смѣшано, то, съ его помощью, облекается въ форму и становится цѣлымъ: это какъ бы мостъ между художникомъ и другими людьми; по этому мосту они входятъ въ его міръ. Произведенія Гогарта отличаются рисункомъ, полнотой правды и характерности, композиціею, богато расположенною и хорошо распределенною, акцентомъ рѣзкимъ и сильнымъ, и колоритомъ естественнымъ и металлическимъ. Остальные достоинства Гогарта независимы отъ его значенія, какъ живописца. Его проницательная наблюдательность въ дѣлѣ характеровъ и живая восприимчивость смѣшнаго, его сатирическая сила и критическія способности нашли бы въ слѣвѣ или въ перѣ средство выразенія болѣе прямое и столь же полное; но нежная природа на этотъ разъ хотѣла нанести свои дары. Къ этимъ способностямъ, въ нѣкоторомъ рѣдѣ литературнымъ, она къ подлиннѣ рукъ приложила еще чисто-художественныя способности, и вмѣсто того, чтобы писать, —

изображалъ на полотнѣ то, что находилъ и чувствовалъ въ своемъ внутреннемъ существѣ.

Межь-тѣмъ, какъ Гогартъ еще вполне владелъ собою и пользовался широкимъ довольствомъ, плодомъ его генія и трудовъ, Уильсонъ, Рейнольдсъ и Генсбѣри (Gainsborough) явились на свѣтъ, почти въ одно и тоже время. Первый изъ нихъ сначала занимался портретомъ, и даже былъ въ ходу. Позднѣе, онъ увлекся къ пейзажу. У него широкій стиль, блестящая и богатая масса краски, хотя иногда видѣтъ недостатокъ содержанія, а характеръ теряется подъ ловкостію кисти. Жезефъ Верне весьма уважалъ его. Онъ обмѣнилъ одно изъ своихъ произведеній на картину англійскаго живописца, которой красота его поразила, и выставивъ ее у себя, говорилъ англійскимъ путешественникамъ, спрашивавшимъ его работъ: «Не говорите мнѣ о моихъ пейзажахъ, когда имѣете у себя дома пейзажиста, подобнаго Уильсону». Несмотря на ихъ дѣйствительныя достоинства, работы Уильсона, если исключить портреты, никогда не нравились публикѣ, и не получи онъ во-время наслѣдства, онъ умеръ бы съ голода.

Генсбѣри оставилъ пейзажи и портреты, онъ отличался въ обоихъ родахъ. Онъ не брался никогда за исторію, или за сложныя композиціи; обыкновенно онъ выводилъ на сцену одну фигуру, много дѣтъ, нерѣдко натурального роста, и почти всегда подъ условіями пасторальными. Маниера его легкая и отзывается очеркомъ. Напрасно искать въ его произведеніяхъ вѣрность рисунка или отдѣлку; но характеръ, эффектъ и краска щедро вознаграждаютъ за недостающее, особенно въ сюжетахъ, которые онъ особенно любилъ и которые допускаютъ нѣкоторыя вольности.

Остается намъ только сказать о Рейнольдсѣ, чтобы довести нашу бѣглый обзоръ до современнаго англійскаго искусства, къ которому этотъ художникъ принадлежитъ и по эпохѣ его жизни, и по творчеству, до-сихъ-порѣ славному. Рейнольдсъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ необычайный: у него особенныя способности живописца находились въ связи съ возвышенностію сердца, съ умомъ прѣчнымъ и принципиальнымъ. Его наблюдательная сила была велика, и она приносила плоды, потому-что онъ взвѣшивалъ то, что видѣлъ, между-тѣмъ, какъ у большинства людей глазъ пробуждается, а умъ дремлетъ. Обстоятельства захотѣлось, чтобы это счастливое сочетание способностей встрѣтило на своемъ пути благосклонность публики, и оттого поднялся на живописца fortuna и знаменитость. Такъ какъ всѣ его симпатіи принадлежали искусству, то онъ обратилъ на пользу искусства же свое почетное положеніе. Примѣръ добродѣтельной жизни и неутомимаго труда землѣ провозъ къ подражанію между художниками, его твореніями, а

взгляды, которые внесъ онъ въ теорію, вмѣстѣ съ оригинальностью и силою его практики, возвысили самое искусство; они придали ему сущность и манеру, какихъ не имѣло оно никогда въ Англіи; они, кромѣ того, сдѣлали его до того послѣдовательнымъ самому себѣ и такъ твердо установили, что школа англійская отнынѣ была обезпечена навсегда.

Рейнольдсъ былъ прежде всего портретистъ. Онъ временами прикасался и къ исторіи, но въ ней онъ остался гораздо ниже того, чѣмъ былъ на своей настоящей дорогѣ. Въ историческомъ сюжетѣ онъ не имѣетъ того величія и той разительной новости взгляда, которая умѣетъ совѣщать въ своихъ портретахъ; при всемъ томъ, когда размотришь его карьеру, вспомнишь, какъ онъ родился въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ не получилъ ни одного урока въ искусствѣ до восемнадцати лѣтъ, какъ былъ потомъ отданъ «въ ученье» къ живописцу Гедсону, воплощенному невѣжеству, неумѣвшему придѣлать туловища къ головамъ своихъ портретовъ, и для упражненія питомца въ рисованіи, заставлявшему его снимать копіи съ акватинты Гверчина, — какъ наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ такой школы, молодой человекъ началъ списывать себѣ пропитаніе портретами, — тогда перестаешь дивиться, почему много ему недоставало, и чувствуешь, что одно только гениальное дарованіе могло открыть ему возможность приобрести ту сумму качествъ, которой не оспорить никто у его произведеній.

Достоинства живописи у Рейнольдса — сила и широкій эффектъ, тонъ степенный, гармонія красокъ и нѣкоторый видъ величія: цѣлое всегда написано рукою смѣлою и непринужденною, но немножко распушенною. Къ этому надо прибавить другія свойства, которыя, не принадлежа къ искусству, тѣмъ не менѣе вытекаютъ изъ личности художника. Его фигуры нерѣдко полны возвышенности, шегольства, граціи, и не взирая на извѣтную небрежность кисти, поражаютъ живостию и искренностию выраженія, которыя нынѣ каждый день все болѣе ускользаютъ отъ кистей болѣе сжатыхъ и покорныхъ.

При основаніи Королевской Академіи (Royal Academy) въ 1768 г. Рейнольдсъ былъ безотлагательно назначенъ ея президентомъ, и въ слѣдующемъ же году освятилъ ее своею первою рѣчью о живописи. Всего онъ произнесъ пятнадцать такихъ рѣчей, которыя и были общеродованы послѣ его смерти и переведены на многіе европейскіе языки. Разбирать ихъ здѣсь было бы неумѣстно: мы только скажемъ, что онъ содержитъ взгляды столько же основательные, сколько обширные; благоразумные совѣты, полезные и для ученика и для художника, и кромѣ всего этого, особенную заманку мысли философической и великой, которая дѣлаетъ ихъ интересными для всякаго читателя. Былъ

неметъ, тутъ—то всего лучше можно поймать на дѣлѣ основателя новой школы въ Англии. Если вліяніе собственно манеры живописца теперь болѣею частію и погасло, правила его не потеряли своей жизненности. Онѣ и до-сихъ—поръ обуславливаютъ у его соотечественниковъ основанія изученія искусства, также какъ и основанія его организаціи. И въ-самомъ-дѣлѣ, то были заключенія, сдѣланныя умомъ свѣтлымъ и практическимъ, по собственному опыту. Ни въ чемъ непохожія на систематическіе сны кабинета, онѣ вылились изъ самыхъ фактовъ, и въ-слѣдствіе того, остались дѣйствительными и удобо-приложимыми.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Королевской Академіи было учредить ежегодныя выставки, при постановленіи, что шестдесятъ шесть ея членовъ имѣютъ полное право на допущеніе ихъ произведеній, а другіе художники должны подвергать свои — разсмотрѣнію комитета изъ трехъ академиковъ. Эти положенія и теперь еще въ силѣ, и до сегодня выставки слѣдовали одна за другою, не прерываясь. Выставка 1852 года, стало-быть, восьмьдесятъ четвертая; нужно ли говорить, что она должна имѣть видъ совершенно иной, нежели ея предшественницы? Среди быстрого движенія, которое унесло Англію на всѣхъ путяхъ промышленности, необычайно было бы, если бы искусства оставались въ бездѣйствіи,—и они подвинулись также. Впрочемъ, кромѣ того толчка, который англійская школа получила отъ своихъ самобытныхъ художниковъ, она была сильно подвинута другими причинами, сообщеніями народа съ народомъ, всегда столько существенными для островитанъ, и нужно прибавить, болѣе полувѣка расширившимися. Возвышенность и строгость германскихъ художниковъ, правда и энергія французской кисти нѣкоторымъ образомъ являлись въ средѣ англичанъ, чтобы пробудить англійское искусство къ дѣятельности и успѣху. Дѣйствіе школы континента, однакоже, давало себя чувствовать медленно, и едва видимы слѣды его во все президентство Лоренса. Самъ Лоренсъ, которому было двадцать-два года при смерти Рейнольдса и который обнаружилъ уже на столько таланта, что былъ избранъ въ академики ранѣе положенныхъ лѣтъ и сдѣланъ первымъ живописцемъ короля, не покинулъ старыхъ преданій, и успѣхъ, который онѣ снискали ему, сдѣлалъ ихъ популярными, какъ средства къ звѣстности. Лишь по его смерти (въ 1830 г.) обнаружился новыя стремленія въ направленіи идей и занятій. Выставка 1835 года и представляетъ намъ не болѣе тридцати картинъ, въ числѣ которыхъ не было и десяти, гдѣ бы можно было признать прочныя основанія рисунка въ формѣ различныхъ частей человѣческой фигуры. Короче, чтобы придти къ вернымъ рѣзкимъ примѣтамъ пре-

образованіи, которыя усматриваются на выгатахъ 1852 года, чтобы ясно увидѣть эту переѣну понятій,—мы выражаемся точно,—эту переѣну селвы, потому—что искусство одно, хотя можетъ принять тысячу формъ, для этого нужно спуститься до конкурса, открытаго въ 1842 году въ видахъ украшенія зала парламента. На этотъ разъ английскіе художники были вынуждены програшно поѣбраться съ великими композиціями, вытутыми или изъ исторіи Англіи, или изъ твореній Шекспира, Спенсера и Милтона, и сто горюхъ картонювъ, отвѣтвннхъ на призы коммиссарювъ, произвели нѣкотораго рода переворотъ. Когда на слѣдующій годъ произошла выставка этихъ картонювъ, Лондонъ увидѣлъ то, чего никогда прежде не видѣлъ: важную коллекцію рисунювъ челоуѣческой фигуры въ натуральной ростѣ.

Что произведенное дѣйствіе не перестаетъ дѣлать чувствовать себя и до нынѣ, это не можетъ подлежать сомнѣнію, но—крайней-мѣрѣ для того, кто слѣдилъ вблизи выставки Royal Academy. Размѣры английскіхъ картинъ вообще огромны. Оставляя въ сторонѣ портреты, мы видимъ, что залы Академіи выщали въ 1852 году лишь одну композицію, превышавшую шесть футовъ, въ ея наибольшемъ протажнн. Слѣдовательно, фигуры, даже и въ серьезнхъ сюжетахъ, имѣютъ только половину натуральной величины. Хотя въ такихъ размѣрахъ высшннхъ достоинствъ искусства высказаться возможно не на ментѣ того, широкія пропорціи много содѣйствуютъ величавости и проявленію нѣкоторыхъ свойствъ высшаго порядка. Онѣ уже поражаютъ сами по себѣ, и мы безъ затрудненія могли бы указать на нѣкоторыя новѣйшія произведенія, чрезвычайно дѣлныя, которыя обаяли всей своею важностію своему размѣру и которыхъ безусловная непосредственность въ каждомъ другомъ отношеніи, при меньшемъ размѣрѣ, непреѣнно убла бы всякаго живописца, еслибъ не имѣлъ онъ смисла въ грѣхномъ имени.

II.

Хотя довольно много композицій, выставленныхъ въ Лондонѣ въ 1852 году, имѣтъ на то, что мы называемъ «высшнмъ искусствомъ», не было одной изъ нихъ находимъ мы, гдѣ бы результатъ сколько-нибудь соответствовалъ размѣренію, гдѣ бы художникъ, повиднмому, смалъ, какъ приступить въ эмическому произведенію, и авторъ этой

картины — питомецъ французской школы, г. Фригольдъ. Его *Агарь въ пустынь* напоминаетъ многихъ изъ хорошихъ чертъ его учителей; она нарисована съ силой и отдѣлана съ знаніемъ; она дышетъ днкостью и ирочною мощью, которыя прекрасно согласуются съ печальнымъ эпизодомъ. Но сюжеты священные требуютъ отъ художника или чрезвычайнаго религіознаго чувства, или организаціи особенно одаренной къ величію и возвышенности. Если духъ благочестиваго жара не проливаетъ по нимъ то чистое и дѣйственное выраженіе, которое освящаетъ и смиренныя персонажи какого-нибудь Гемеллини; если, за недостаткомъ его, картина не преносится торжественнымъ величіемъ, какъ напримеръ въ итальянскихъ произведеніяхъ, тогда полученный результатъ есть просто великодушный памятникъ полной неудачи, неудачи, тѣмъ болѣе очевидной, чѣмъ болѣе живописецъ показываетъ пластическихъ достоинствъ. Произведеніе пошло далеко, но ему не достаетъ именно того, что изъ ряда трудовъ искусныхъ возвало бы его до высокаго произведенія.

Съ другой стороны, привычки, до-сихъ-поръ одерживавшія вертъ въ искусствѣ, какъ мы видѣли, бросали дарованіе далеко отъ строгаго изученія, которое одно можетъ приготовить художника къ высшему делу. Какъ слѣдствіе этого, является на выставкѣ 1852 года еще двадцать картинъ, которыми послужила текстомъ библія, и включая *Агарь*, всѣ показываютъ что религіозный сюжетъ былъ избранъ случайно. Живописецъ остановился на немъ потому, что онъ оказывался выгоднымъ для краски, или для расположенія; главною его дѣлю было не то, чтобы ударить по торжественнымъ и таинственнымъ струнамъ, которыя отвѣчаютъ подобнымъ темамъ.

Историческая живопись, точно также, имѣетъ относительно лишь немногихъ вѣрныхъ. Общественный вкусъ отвергаетъ ее. Онъ оставляетъ историческаго живописца безъ вознагражденія, такъ-что развѣ одинъ неодолимый позывъ къ прекрасному и высокому, развѣ одно возвышенное безуміе можетъ бороться съ общественнымъ равнодушіемъ и предубѣжденіемъ, унижающимъ искусство.

Въ числѣ рѣдкихъ бойцовъ этой почти бесплодной борьбы противъ общаго небреженія есть нѣкоторые, уже выходившіе на арену, открытую еще конкурсомъ 1842 года и тогда уже смѣло стаявшіе вѣнны. Изъ этихъ, гг. Дайсъ, Конъ, Фростъ и Маклайъ одни прислали нѣкоторые работы историческія. Дайсъ является съ рисункомъ широкаго стиля и возвышеннаго характера. Конъ, написавшій *Элизодъ изъ Гризельды Чесора*, обнаруживаетъ въ немъ драматическую силу, много вкуса и чувства въ выраженіи и повѣ фигуръ. *Очевидно, отъ*

не изъ тѣхъ, кто работаетъ на скорую руку. Онъ хорошо взвѣшиваетъ свой сюжетъ, и совѣстливо ищетъ всякаго средства выразить свою мысль. Это, пожалуй, можетъ объяснить нѣкоторую тяжесть кисти и недостатокъ въ искренности, какъ-будто подходящій къ нерѣшительности. *Нимфа и Амуръ* — Фроста, также, какъ и другое его произведеніе, *Майское утро*, суть набѣги въ область той мнѳологии всѣхъ временъ, которая такъ мила художникамъ — и очень недаромъ, потому что классическій плащъ древности укрываетъ ихъ отъ многихъ упрековъ и многихъ щекотливостей. Два эти продукта воображенія отличаются щегольствомъ и тонкимъ чувствомъ рисунка. Одна изъ картинъ, наиболѣе замѣтныхъ и, въ то-же время, изъ наибольшихъ всей выставки, хотя все еще очень-умѣренного размѣра, это произведеніе г. Маклайза, *Саксонскій король Алфредъ, подъ одеждой менестреля, въ палаткѣ датчанина Гутруна*. Со стороны механическаго исполненія, трудъ совершенъ съ ловкостію, которая могла бы соперничать съ тѣмъ-же свойствомъ Ораса Верне, котораго Маклайзъ, впрочемъ, напоминаетъ и въ общемъ стилѣ композиціи. Аксессуары и подробности, расточенныя до ослѣпленія, совершенное отсутствіе прелести краски, недостатокъ въ живописной оригинальности — вотъ черты, общія обоимъ художникамъ. Кончимъ *Прощаніемъ лорда Расселя и его жены, въ минуту его казни*, которая принадлежитъ и къ категоріи исторіи, если размѣръ рамы и серьезное свойство сюжета даютъ право на это отлічіе. Г. Люси, рассказчикъ этой прискорбной сцены, передалъ ее съ правдою, какъ драму, кистью, умѣяющею подражать натурѣ, хотя и тяжеловатую. Его страницы одной школы съ Кронуэллемъ и другими историческими отрывками Дѣлакроа. Не зирая на толковое правдоподобіе выраженій, васъ охлаждаетъ видная подготовка аксессуаровъ и бѣдность краски, а и то и другое было бы не такъ чувствительно, еслибъ картина была въ мѣньшихъ размѣрахъ.

Преобразованія, исполняющіяся въ искусствѣ, не принадлежать къ числу тѣхъ внезапныхъ потрясеній, которыя, такъ-сказать, крупными буквами сказываютъ и число свое и характеръ. Видовзмѣненіе можетъ быть произведено только тамъ, гдѣ уже есть нѣчто определенное; чтобы проявить что нибудь новое въ живописи, нужно пойти отъ основанія твердаго, хорошо извѣстнаго, а потому перемѣны медленны и запутаны. Иной живописецъ начинаетъ тѣмъ, что вводитъ черту болѣе мученную; другой потомъ обращаетъ свое вниманіе на подробности; третій связываетъ эти улучшенія, прибавая къ нимъ свою особенность, и такимъ-образомъ преобразованіе становится виднымъ только по накопленіи многихъ частныхъ измѣненій.

Доведенной до всѣхъ своихъ естественныхъ границъ, новой программѣ неминуемо придти вотъ къ чему: палитра должна подчиниться карандашу,—природу должно искать во всей ея простотѣ,—рисунокъ долженъ слѣдовать за нею во всѣхъ ея прихотяхъ формы. Изъ чего необходимо вытекаетъ, что дѣйствительный свѣтъ и тѣнь должны замѣнить эффекты идеальной свѣто-тѣни, и что краска должна смиренно принять законъ, который такъ долго сама предписывала. Понимается, эта реформа нашла самыхъ горячихъ приверженцевъ среди молодыхъ живописцевъ, и, какъ всегда бываетъ, крайность, которую нужно было исправить, вызвала другую крайность. Въ главѣ преобразователей стоитъ секта молодыхъ живописцевъ, которые сдѣлались извѣстными подъ названіемъ прерафаэлитовъ. Это: Ж. М. Браунъ, У. Г. Гѣнтъ и Колликсъ; но до-сихъ-поръ, нужно сказать, ихъ терпѣніе было болѣе мелочно, нежели точно, ихъ простота болѣе исполнена претензій, нежели наивна. Случайное какой-нибудь формы, будь оно только поразительно, выдѣлялось какъ-бы на показъ, а ея болѣе существенныя черты, но менѣе выпуклыя, оставлены въ сторонѣ. Наконецъ, у нихъ замѣтно не оригинальное пониманіе сложностей природы, а скорѣе желаніе перенимать XV вѣкъ.

Между молодыми нововводителями, однако же, есть одинъ, котораго мы поставимъ особо: это г. Д. Е. Миллезъ. Если онъ близко сродни прерафаэлитамъ по своему микроскопическому штриху и по своимъ контурамъ, такъ мы считаемъ себя обязанными отличить его отъ нихъ потому, что эти особенности, вмѣсто того, чтобъ быть для него цѣлью, кажутся просто средствомъ, которое пытается онъ для того, чтобы выговорить на своемъ холстѣ намѣренія болѣе глубокія и чувство болѣе сильное. Въ его двухъ картинахъ, *Влюбленный* и *Офелия*, излишество подробностей, безъ сомнѣнія, вредитъ общему эффекту, и тѣло, такъ-сказать, черезчуръ выдѣлано, но по обѣимъ картинамъ пролить меланхолическій интересъ и головы натуральны, выразительны и просты.

Аналогическая по роду сюжета и свойству интереса, *Шарлотта Корде, идущая на казнь*, Уарда, есть также трудъ серьезный, но не болѣе предыдущаго въ смыслѣ прерафаэлитическомъ. Она представляетъ такое большое сходство съ стилемъ и приемами французскими, что могла-бы быть приписана г. Верне или г. Гессу, по-крайней-мѣрѣ, глазами, мало освоившимися съ личною печатью этихъ двухъ художниковъ. Какъ они, г. Уардъ обладаетъ ловкостію и опрятностію кисти, вѣроподобіемъ драмы и тою совершенно подражательною манерою живописи, которая проситъ только у красокъ словъ, чтобы сказать то, что можно видѣть. Въ настоящее время, впрочемъ, это путь большинства. Многими сторонами также, гг. Лендсиръ, Ф. Стопъ, Т. Юдльсъ,

С. А. Гартъ, Ф. Р. Пинкперогильдъ, не говоря о нѣкоторыхъ другихъ, заставляютъ вспомнить о хорошихъ картинахъ парижскихъ выставокъ. Всѣ они омыты въ распределеніи композицій; всѣ съ талантомъ, умѣющимъ осуществить ихъ мысли; задаются по преимуществу тѣмъ, чтобы хорошо рассказать свою исторію, охотно жертвуя тѣмъ, что нѣтъ бы цѣлу какъ движеніе и какъ краска, тому, что общааетъ выразительнѣе развить ихъ драму. Они до основанія понимаютъ полезныя услуги, которыя способна оказать живопись; но не допускаютъ ея прихотей. Они подрѣзали крылья Пегасу, и сдѣлали изъ него добраго возоваго коня.

Быть-можетъ, вѣтъ ни одного вундта, которымъ бы новыя школы столько отличались отъ древнихъ школъ, какъ своиѣ миничекинѣ талантомъ. Хотя часть искусства, говорящая уму, и была воздѣлываема до известной точки нѣкоторыми изъ италіанскихъ мастеровъ, но въ наши дни она приняла такой объемъ, что стала, можно сказать, чертомъ вполне новымъ. Это замѣчаніе какъ-бы навязываетъ намъ на лондонской выставкѣ число картинъ, въ которыхъ преобладаетъ этотъ родъ живописи. Нѣкоторыя въ особенностѣ: *Поме и леди Монтею*, г. Фритса, и *Эпизодъ изъ мемуаровъ Пеннса*, г. Елмора, поразили насъ въ этомъ смыслѣ. Живая реальность фязіономій и драматическая игра дѣйствующихъ удивительны въ этихъ картинахъ. Для того, чтобы изобрѣтать такіе сюжеты, нужно быть наблюдателемъ проникательнымъ и опытнымъ. Фигуры говорятъ съ ногъ до головы, и цѣлое одѣто колоритомъ живымъ и естественнымъ, наложеннымъ кистью твердою и ученою.

Къ этой повѣщней чертѣ живописи мы прибавимъ другую: любовь мѣстнаго колорита, вкусъ древнихъ костюмовъ и, въ-слѣдствіе того, цѣлый рядъ сюжетовъ, приспособленныхъ къ этимъ новымъ цѣлямъ. Эти стремленія до того общи въ настоящее мгновеніе, что новыя произведенія различныхъ народовъ часто сливаются въ одно семейное выраженіе. Француженка, одѣтая Клариссою Гарло, или англичанка въ костюмѣ госпожи де-Севинье много-бы потеряли своей національной фязіономіи, и даже то, что въ дѣйствительности сохраняли-бы онѣ для опытнаго глаза, то въ живописи исчезло-бы совершенно.

Отъ этого, такъ-сказать, чисто умственного искусства, мы переходимъ въ искусство воображенія; тутъ встрѣтимъ всего двѣ композиціи г. Д. Мартина, грандіознаго живописца *Дира Балтасара* и *Помею*. Три-четыре другія картины не важныя. Это кажется намъ страннымъ фактомъ въ Лондонѣ, въ отчизнѣ Шекспира, пераго гевія фантазіи.

Изъ всѣхъ источниковъ, откуда можетъ черпать живописецъ, больше всего разрабатывается частная жизнь. Крамъ-того, что домашнія сцены

иметь особенную прелесть для массы публики, они всегда не кончатъ кисть художника, и не требуютъ отъ него никакого усилія ума, кромѣ труда копированія. Весь талантъ подражанія, которымъ они обладаютъ, накопить здѣсь просторное поле для того, чтобы развиться шпальнъ и съ пользою, ирѣ жойной выгодѣ списывать кѣрными ушпѣхъ самими дешавыми образомъ. Особенною прелестью въ этомъ родѣ владѣеть г. Уэбстеръ, авторъ трехъ девятиныхъ сценъ; съ одинаково животворящимъ дѣланіемъ умѣлъ онъ вытѣвать въ *Рекреационномъ дворѣ школы шумную и беззаботную веселость дѣтства*, въ *Азбуку*, первыя испытанія человѣческой жизни, въ *Писемъ, приаеземномъ изъ колоній*—ея крайнія страданія и глубочайшія водрасонія призванности сердца.

Портреты доставили свою обычную долю. Известно, что они—драгесы живописцевъ и основа каждой выставкы. Только въ этомъ году они, въ дѣлѣ исполненія, отыкаются необычною порывомъ къ стѣнамъ болѣе строгому и къ болѣе тщательной работѣ. Г. Ф. Грентъ, сохранившій еще много воспоминаній о Рейнольдсѣ и Лоренсѣ, твердъ и точенъ, особенно въ мужскихъ фигурахъ. Жемелія немноге ему благоприятны. Въ гелевахъ Найта (Knight) есть характеръ и ослѣлая кисть; въ *Виконтессѣ Гудѣ*, г. Бѣссолѣ—много нескромства и краиня, выраженныхъ ослѣянымъ колоритомъ. Однако перваство принадлежитъ портрету, сѣру Д. У. Гарлому, его шесть портретовъ свидѣтельствуютъ о рукѣ твердой, водимой совершеннымъ знаніемъ искусства: фзиономія натуральная и выразительная, цѣлое производитъ впечатлѣніе полное и достойное.

Такъ-какъ изображеніе всего, что имѣетъ жизнь, есть главная трудность искусства, те мы можемъ, прѣжде, нежели дойдѣмъ до пейзажей и до мертвой природы, комѣтить здѣсь животнымъ водѣмъ за человекомъ, и безъ обиды для него. Сѣръ Эдуинъ Лендсиръ, котораго шмерія и поэтическое воображеніе хороша извѣстны въ Паризѣ, въ 1852 г. не выставилъ ничего; но его любимыя мѣстополюженія, гористыя пейзажи Шотландіи, являлись подѣ кистью г. Эделлама, который, впроче, оживляетъ свои виды изображеніемъ жлѣцовъ отидѣ пустынь: дикой козы, собаки, горнаго барана и пастуха, почти столько же грубаго и дикаго. Такъ же менѣе английскіе художники, кажется, не одержимы тою страстію къ животнымъ и къ охотѣ, изъ которой дѣлають общій атрибутъ изъ соотечественникамъ.

Въ пейзажѣ видны слѣды того-же движенія, на которое мы указали. Тѣрлеръ, какъ извѣстно, щедро показавъ какія прѣстрасствѣ онъ можетъ предлагать воображенію и поэтическимъ аффектамъ. Въ самомъ Паризѣ гравюра дава возможность сумѣть о есо

созданіяхъ, немножко фантастическихъ, по великолѣпныхъ. Однако въ настоящую минуту, не Тёрнеръ глава школы въ лондонской академіи. Теперешнія задачи англійскаго искусства выражаются у его преемниковъ болѣе терпѣливымъ изображеніемъ дѣйствительности, общемъ умѣренностію тона и манерою, до-сихъ-поръ весьма рѣдкими въ англійскомъ пейзажѣ. Кажется, какъ будто по одногласному чувству художники сговорились черпать снова изъ великой сокровищницы природы, чтобы смѣнить матеріалы, которые воображеніе однажды навсегда преобразовало и выработало. Что мы уже имѣли случай замѣтить, то могли-бы еще повторить здѣсь: пейзажи также свидѣтельствуютъ, что многіе изъ самыхъ ретивыхъ бойцовъ имѣли силу направить увлеченіе, которое ихъ уносило, что у нихъ разсудительность владѣла энтузіазмомъ. Въ числѣ произведеній этаго рода картины гг. Кресуина и Редгрева должны быть преимущественно отмѣчены, не только за ихъ правду, но и за ихъ поэтический интересъ и свѣжую прозрачность краски. Что касается до г. Д. Робертса, онъ съ честію поддерживаетъ свое имя академика двумя большими и прекрасными видами *Венеціи* и *Антверпена*; сверхъ-того, онъ обезпечиваетъ себѣ пальму перспективы великолѣпною картиною: *внутренностію главной церкви собора Св. Стефана въ Вѣннѣ*.

Обозрѣвъ масляную живопись, намъ остается нѣсколько словъ сказать о скульптурѣ; но прежде мы желали бы заплатить дань нашего удивленія необычайному направленію таланта въ отрасли искусства, которая представляетъ художнику самое тѣсное поле, — въ миниатюрѣ. Предметъ нашихъ похвалъ шотландецъ, г. Сорбѣрнъ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстный по портретамъ, которымъ онъ умѣетъ придавать роскошь, силу и твердость рисунка, которыя были бы замѣчательны и во всякой другой живописи, а при такой мелкой кисти становятся поразительны. Сильный и оригинальный стиль его работъ, сколько намъ извѣстно, не былъ достигаемъ никѣмъ и никогда. Приходится жалѣть, что онъ тратитъ эти рѣдкія качества на такія недолговѣчныя произведенія.

Врядъ-ли удивятся, что скульптура слаба и въ пренебреженіи въ странѣ, гдѣ только начинаютъ заниматься рисункомъ и эпическимъ искусствомъ. Камень и мраморъ не терпятъ ухищреній краски и свѣтотѣни, они не охотно подчиняются однимъ игривостямъ формы, или прихотливымъ вычурамъ. Когда строгое образованіе и серьезная мысль, не поддерживаютъ художника, ему тяжелъ молотъ и несговорчивъ рѣзецъ. Однакоже, самая непокорность матеріаловъ, повидимому, привела взятелей къ необходимости учиться, по-крайней-мѣрѣ до извѣстной степени, произвела таланты болѣе или менѣе замѣчательные, по части бюста и женскихъ фигуръ. Хотя и не подыалась до композицій героическихъ или монументаль-

ныхъ. На сто семьдесятъ-пять работъ разнаго рода, составляющихъ выставку скульптуры, сто девять бюсты и медальоны, что сокращаетъ до шестидесяти семи число тѣхъ, гдѣ воображеніе требовало опоры пластическаго дарованія или серьезной науки. Въ послѣдней категоріи, мы замѣтили *Лежащую фигуру*, для могильнаго памятника, г. Уэстмента, и двѣ статуи г. Бели. Не безъ достоинства также *Молодая индіанка* г. Мармелля и *Молодая пастушка* г. Стефенса.

Наше дѣло было-бы приблизительно кончено, еслибы мы задумали только познакомить читателя съ главнѣйшими современными талантами въ Англіи; но цѣлю нашею было также указать на общее движеніе англійскаго художества въ настоящую минуту, и кромѣ Академіи, мы обязаны упомянуть, по-крайней-мѣрѣ, о пяти публичныхъ выставкахъ: двухъ масляныхъ картинъ и трехъ акварельныхъ, изъ которыхъ одна была составлена изъ трудовъ любителей. Итогъ въ двѣ тысячи произведеній, нерѣдко вкусъ и умѣнье изображать сюжеты, которые, какъ мы замѣтили, не переходятъ за черту среднихъ способностей, наконецъ, многое, дошедшее куда только могла довести ловкость, но ни одной исторической композиціи возвышеннаго стиля или особеннаго достоинства: вотъ все, что мы встрѣтили въ этихъ галлерейхъ.

Соображая все вышестъ, ясно, что здравый смыслъ въ дѣлѣ искусства весьма распространенъ въ Англіи; мы хотимъ сказать, что въ ней находится въ избыткѣ тотъ родъ вкуса, который есть плодъ воспитанія и природнаго пониманія.

Что въ англичанахъ много элементовъ могучаго генія, въ томъ не можетъ-быть и сомнѣнія: Беккъ, Ньютонъ, Шекспиръ, Мильтонъ не болѣзненные же наросты національнаго развитія; они гигантскіе члены живаго туловища, члены здоровые и сложенные изъ тѣхъ же тканей, только громаднѣе. Народъ этотъ, впрочемъ, далъ знать себя величіемъ и отвагою своихъ промышленныхъ предпріятій, а вѣдь это тоже превосходство, которое по большей части проистекаетъ изъ творческой энергіи. Однако, съ другой стороны, живопись, какъ и музыка имѣютъ требованія особенныя, и до предстоящей знаменательной побѣды, еще не одержанной, нѣтъ покуда доказательствъ, чтобы эти двѣ области были наравнѣ съ другими доступны завоеваніемъ англійскаго духа.

Англія и теперь далеко не нагнала Франціи въ музыкѣ и живописи, но остается несомнѣннымъ одинъ фактъ, что дѣло преобразованія уже совершается въ Англіи. Долго отдаваясь прелестямъ краски и увлеченіямъ воображенія, пройдя дорогами, гдѣ оно подчасъ находило поэзію, рѣдко серьезный характеръ, затѣмъ что недостаточно было занято формами, англійское искусство теперь обращается къ рисунку и къ изученію

правды. Что выйдет из этого, покажетъ нашъ будущее. Быть-можетъ, болѣе положительное знаніе линій и дѣйствительныхъ формъ разовьетъ чувство формъ пластическихъ. Быть-можетъ также, что болѣе изученіе удалитъ искусство, отъ настоящей цѣли, доведя его до той буквальной точности, которая отнимаетъ у живописца ея языкъ и поэзію. Подождемъ.

(Rev. d. Paris.)

МЕМОАРЫ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЛОРДА БАЙРОНА

ВЪ КОРСИКУ И САРДИНІЮ.

ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ БЕНСОНА,

ИЗВЛЕЧЕННОЕ А. И. БИБИКОВОЙ.

Есть существа, отмѣченныя судьбою, о которыхъ образованные народы говорятъ и пишутъ десятки, сотни лѣтъ, и слушать объ нихъ не устаетъ даже самое нетерпѣливое поколѣніе — поколѣніе нашего XIX вѣка. Какъ бы мы ни спѣшили жить и чувствовать, а есть струны къ которымъ стоить только прикоснуться, и мы останавливаемся на бѣгу, прислушиваемся къ давно извѣстнымъ звукамъ, возвращаемся даже всматъ, мы, вѣчно бѣгущіе впередъ, — возвращаемся къ ощущеніямъ, давно нами перечувствованнымъ, но вѣчно въ насъ живущимъ.

Кто изъ насъ не остановится съ любопытствомъ на разсказѣ о подобныхъ существахъ, въ особенности, если намъ скажутъ, что подобный разсказъ не былъ въ печати?

Къ плеядѣ мировыхъ извѣстностей, вѣчно и живо интересующихъ мысль и сердце человѣка — безспорно принадлежать и Байронъ, — представитель поэзии нашего вѣка въ высшемъ ея проявленіи.

Геній и творенія его извѣстны всему образованному міру; послѣднія составляютъ предметъ живыхъ восторговъ и удивленія столько же иностранцевъ, какъ и соотечественниковъ его.

Въ представляемомъ нынѣ разсказѣ о знаменитомъ лордѣ, нигдѣ еще не напечатанномъ, говорится о немъ, не какъ о геніѣ, но какъ о человѣкѣ. Мало было людей замѣчательныхъ, на которыхъ бы столько клеветали, какъ на геніальнаго англичанина, а между-тѣмъ всѣ знавшіе лорда Байрона лично, а не по однимъ только слухамъ, уважали высокую душу поэта, несмотря на нѣкоторые недостатки и странности его нрава. Многие описывали уже Байрона въ колоссальныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ является въ области человѣческаго разума. Я же представляю читателямъ только нѣсколько легкихъ, но вѣрныхъ очерковъ этой удивительной, психической личности. Извѣстно, что послѣднія восемь лѣтъ своей жизни, а именно съ 1816 года, лордъ Байронъ провелъ почти безвыѣздно въ Италіи. Въ-продолженіе этой эпохи, поэтъ подарилъ міру множество безсмертныхъ твореній, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ неимоверною, поразительною быстротою. Нѣсколько чертъ его частной жизни ускользнули отъ наблюденій въ ту пору, когда образованный міръ и друзья поэта ослаблены были эуиизъ потокомъ непрерывно возобновляющихся метеоровъ ума и воображенія — метеоровъ, поражающихъ своимъ блескомъ!

Окруженный нѣсколькими друзьями, Байронъ предпринималъ маленькія путешествія, иногда моремъ, иногда сухимъ путемъ, и одно изъ нихъ послужило матеріаломъ для слѣдующаго разсказа. Это путешествіе предпринято было лордомъ Байрономъ съ священною цѣлію: выполнить обѣщаніе, данное имъ умирающей матери, относительно оставленнаго ею секрету сына. Извлеченія изъ записокъ друзей, которые сопровождали лорда въ этой поѣздкѣ, на ахтѣ, водѣ командой капитана Бенсона, собраны самимъ капитаномъ и составляютъ его дневникъ.

Капитанъ Бенсонъ велъ свой дневникъ регулярно день-въ-день, внося въ него все слышанное о знаменитомъ лордѣ и все замѣчанное и подмѣченное имъ самимъ. Бенсонъ часто сопровождалъ Байрона въ путешествіяхъ его по сушѣ. Я имѣю возможность сообщить о

быть эти записки въ рукописи, и слѣду подѣляться ими съ русской публикой.

I.

Отплытіе изъ Венеціи. — Яхта лорда Байрона. — Замокъ Отрантскій. — Пріѣздъ въ Мессину. — Силла и Харіода. — Новыя и древнія сирены. — Вакханки.

То было въ прекрасный майскій вечеръ. Открытая гондола плыла по Адриатическому-мору, возвращаясь въ Венецію. Миновавши Бранкельскія горы, музыка замолкла. Всплескиваніе весель, тихо погружающихся въ море, едва веивало его зеркальную поверхность. Последніе лучи заходящаго солнца, освѣщая колокольни Венеціи, скользили уже съ бѣлыхъ дворцовъ, а окружающее насъ море, отвѣчивало блестящій свѣтъ неба.

Вдали, вѣдро отъ гондолы, Рагузскія горы, казались темными облаками на горизонтѣ, мѣняющими безпрестанно свои очертанія, но жрѣ усладенія или усталка вѣтра.

Байронъ долго созерцалъ задумчиво эту величественную картину, наконецъ сказалъ: „Мнѣ надучило все плавать по водамъ Венеціанскаго залива, я расплагаю пуститься въ болѣе широкое море. Я такъ давно обираюсь побывать въ Корсикѣ и Сардиніи, что не вспомню даже, когда впервые это желаніе пришло мнѣ въ голову. Священный долгъ заставляетъ меня ѣхать туда нынѣшнемъ же лѣтомъ: я далъ обѣтъ одной жонки, обѣтъ тѣмъ священнѣйшій, что онъ дагъ былъ мною на смерткони одръ ея, и я скорѣ предпочту умереть, чѣмъ не исполнить его. Другая моя! кто хочетъ сопровождать меня — скажите, моя яхта довольно комфортабельна, она держитъ всѣхъ васъ на свою гостеприимную падабу. Всѣ спутники единодушно приняли предложеніе лорда, благодаря его за приглашеніе. Положено было ровно черезъ недѣлю перебраться на яхту, и каждому дообозначиться о самомъ себѣ, чтобы быть готовымъ къ отплытію.

Гондола подплыла къ яхтѣ, все общество вошло на ея падабу; яхта снялась съ явора и двинулась по заливу до полуночи. За ужинами Байронъ сдѣлавъ задумчивъ и сталъ стучать пальцами по столу долъ приливъ какой-то зрѣи. Мы почли это сигналомъ, и тихо, одинъ за другимъ, удалились, оставя его совершено одного. На другой день за завтракомъ, онъ прочиталъ намъ нѣ-

сколько своихъ твореній. Нѣкоторые изъ нихъ были имъ исправлены и даже измѣнены въ короткія минуты его вчерашняго одиночества. Затѣмъ каждый изъ спутниковъ занялся устройствомъ своей каюты по своему усмотрѣнію и по собственной фантазіи. Яхта была въ сорокъ-пять тоновъ, съ двумя большими парусами какъ на фелюкахъ; раздѣлена на каюты, кладовыя для провизіи и трюмы прислуги. Команда скрывалась ночью подъ большую палатку изъ крашеннаго полотна, которую днемъ скатывали жгутомъ и укладывали очень удобно и красиво на палубѣ. Средина яхты была искусно убрана шелковыми занавѣсами и колонками изъ краснаго дерева. Диваны, зеркала, буфетъ и вся прочая мебель отличались изящною простотою и особеннымъ вкусомъ въ подробностяхъ. Шканцы обращены были въ общую гостинную и обставлены кожаными диванами. На палубѣ, устланной клеенкою, съ пестрымъ азіатскимъ узоромъ, разставлены были столы для книгъ, бутылки съ разными напитками, и стаканы; фрукты расположены были на столѣ, посрединѣ этой фантастической гостинной. Руль устроенъ былъ такъ, что сидя на краю кормы, можно было управлять имъ безъ шума и суетности.

Снаружи, яхта была выкрашена блѣдно-желтымъ цвѣтомъ съ двумя золотыми полосами, опоясывающими ее кругомъ. На кормѣ красовалась фигура, искусно вырѣзанная венеціанскимъ художникомъ. Яхта эта была такъ быстра на ходу, что была признана самымъ красивымъ изъ всѣхъ судовъ и лучшимъ ходокомъ, какъ выражаются моряки, изъ всѣхъ сновавшихъ въ то время на водахъ Венеціанскаго залива. На ней же развѣвался венеціанскій флагъ, шелковый, вышитой графиней Гуичіоли и ея пріятельницами. Сорокъ другихъ флаговъ, которыми обладала яхта, служили только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Яхту нагрузили провизіею на два мѣсяца, для двадцати человекъ; и кормомъ для коровы, четырехъ козъ, трехъ лошадей, мула и множества домашнихъ птицъ. Корова и козы назначены были для снабженія путниковъ молокомъ. Бакъ (передовая часть палубы), легко могъ служить мѣстомъ для размѣщенія оркестра. Изъ числа команды шесть человекъ были хорошіе музыканты и почти всѣ члены нашего маленькаго общества владѣли какимъ-нибудь инструментомъ.

Двѣ небольшія мѣдныя пушки стояли на кормѣ, точно такія же двѣ на шканцахъ, по одной съ каждой стороны яхты.

Въ назначенный день, въ двѣнадцать часовъ, всѣ путники были на яхтѣ, и простившись съ знакомыми, стоявшими на берегу, мы снялись съ якоря и пустились внизъ по заливу. Какъ только мы обогнули Греческій мысъ, погода приняла довольно мрачный видъ, и облака начали сгущаться въ густую массу, предвѣщая бурю. Капитанъ Бенсенъ хотѣлъ бросить

якорь у мыса Отрантскаго, но лордъ Байронъ этому воспротивился, и въ досадѣ даже топнулъ ногою.

Однако Бенсонъ стоялъ на своемъ и лордъ покорился доводамъ капитана. Яхта укрылась между двумя скалами, въ узкомъ проходѣ, который привелъ ее въ небольшую бухту, гдѣ, по увѣренію настойчиваго капитана, всѣ находились внѣ всякой опасности. Яхта бросила якорь и стала на немъ покачиваться беззаботно и граціозно. Спутники почли себя счастливыми, найдя такое спокойное убѣжище, потому-что буря все увеличивалась и до путешественниковъ долетали издали ея бѣшеные порывы. Командѣ была дана двойная порція вина, и всѣ съѣли ужинать съ тѣми же удобствами, какъ бы ужинали въ столовой палатцѣ лорда Байрона, на площади Сан-Марко, въ Венеціи. Каюта, назначенная для столовой, была расположена посрединѣ яхты, имѣла 20 футовъ въ ширину и 36 въ длину. Буфетъ поставленъ былъ въ углу, мѣста для слугъ оставалось довольно; нѣсколько великолѣпныхъ картинъ, въ золоченыхъ рамахъ, висѣли на стѣнахъ, по обѣимъ сторонамъ судна. Вышина этой каюты была въ 7 футовъ, слѣдственно мы не могли быть помѣщены съ большими удобствами на англійскомъ фрегатѣ.

Послѣ ужина лордъ Байронъ позвалъ капитана, который ужиналъ отдѣльно въ своей каютѣ. Бенсонъ присоединился къ обществу и лордъ Байронъ, между разговоромъ, далъ ему обѣщаніе не вмѣшиваться ни во что и не прекословить впередъ, во всемъ, что будетъ относиться къ мореплаванію.

Къ восходу солнца всѣ вышли на верхъ, чтобы поклониться дневному свѣтлу послѣ бурной прошедшей ночи. Тихое и ясное утро манило и приглашало путешественниковъ позавтракать на скамьяхъ. Морскіе берега представляли замѣчательное зрѣлище по ихъ дикости. Высокіе, безплодные скалы, потоки, пробивающіеся сквозь безчисленные разщелины, песчаный, неприступный берегъ представляли почти неодолимыя затрудненія къ тому, чтобы путешественникамъ можно было съѣхать на берегъ; но препятствія заставляли всѣхъ только пламеннѣе желать этого. Капитанъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, свезъ ихъ на довольно гладкую скалу, съ которой можно было подняться на значительную высоту.

Адриатическое море представляло съ этой точки мало утѣшительнаго для взора. За скалой возвышался надъ обрывомъ знаменитый замокъ Отрантъ, который, на такомъ близкомъ разстояніи, представлялъ только одніе развалины. Замокъ этотъ, избранный мѣстомъ происшествія замѣчательнаго англійскаго романа, не былъ никогда обшрѣнъ.

Двѣ башни еще сохранились довольно хорошо, прочія разрушены совер-

шенно. Стены развалились, но въ утробѣ ихъ нѣтъ вышка или простирается до 30-ти футовъ. Всѣ окна очень мрачны: въ нихъ только по одному окну. Внизу нѣсколько безобразныхъ башенъ, не стоящихъ того, чтобы заняться ихъ описаніемъ.

Одна изъ нихъ наполнена человѣческими останками.

Пассажиры яхты поспѣшили оставить эту унылую обитель.

Поселенцы продали имъ молока и апельсинавъ а рыбаки коренну свѣжей, превосходной, только что пойманой рыбы. Яхта снялась съ якоря и скользнула попутнымъ вѣтромъ къ мысу Редію, гдѣ и престо- ла для обѣда. Байронъ, говоря о томъ же что имъ видѣнномъ замкѣ, ска- залъ: Романъ, «Отрантскій замокъ», лучший романъ, написанный на англійскомъ языкѣ, но послѣ него автору слѣдовало умереть.

Сильный вѣтеръ, сопровождаемый невыносимымъ холодомъ, нѣмалъ намъ войти нѣсколько дней въ Мессинской проливъ. Придя въ него и спустивъ якорь, лордъ Байронъ съ нѣсколькими лицами изъ своего общества, съѣхали на берегъ. Губернаторъ города встрѣтилъ ихъ на набережной и пригласилъ къ себѣ. Послѣ обѣда Байронъ привезъ съ собою на яхту леймана, которому были знакомы берега Корсики.

Губернаторъ указалъ путешественникамъ нѣсколько пунктовъ, на которыхъ войско короля Іоакима дралось съ войсками англійскимъ и сицилійскомъ.

Байронъ высказалъ нѣсколько замѣчаній касательно преданія о Слэгъ и Харибдѣ, которое, по его мнѣнію, основано на истинныхъ фактахъ. Недалекъ отъ Мессины стоитъ небольшой городокъ Силла, построенный на возвышеніи. Изъ этого городка произошелъ княжескій домъ, на- ходящійся въ родствѣ съ неаполитанской королевской фамиліей. Харибдой называется цѣпь скалъ на противоположномъ берегу, которыя должны были быть гораздо страшнѣе во времена младенчества морска- ванія. Впрочемъ и частыя землетрясенія много нивѣняли видъ этого пролива, представляющаго нынѣ гораздо меньше опасности, чѣмъ въ бы- лыя времена.

Въ 1783 году, во-время ужаснаго землетрясенія, владѣтельный принцъ Силлы, вмѣстѣ со всеми своими подданными, погибъ въ волнахъ.

Серъ Вилліамъ Гамилтонъ, бывшій нѣсколько разъ въ Мессинѣ до этой гибельной катастрофы, утверждалъ, что мѣста эти такъ неизмѣ- нились, что онъ узнавалъ ихъ съ большимъ трудомъ.

Здѣсь вы встрѣтите Сиренъ, которыя впрочемъ не имѣютъ ничего общаго съ подводными очаровательницами. Я говорю о медузахъ въ- видцахъ, въ шелковыхъ платьяхъ, съ нѣвами въ волосахъ; онѣ катя- ются на катерахъ съ молодыми людьми въ фантастической одеждѣ,

пристаютъ къ судамъ, проходящимъ Проливъ, желаютъ имъ счастливаго плаванія и распѣваютъ національныя пѣсни. Вотъ житіе лорда Байрона по поводу этого обыкновенія, высказанное имъ друзьямъ: «Матросы этому вообще очень рады, но онѣ никогда не входятъ на суда, что довольно странно, потому что скромность не есть одно изъ непримѣнныхъ ихъ качествъ. Происхожденіе этихъ странствующихъ пѣвицъ опредѣлить не трудно. Нарядъ ихъ тотъ же, что носили молодыя римлянки во-время ихъ плясокъ передъ храмами, въ дни празднествъ, называемыхъ Луперкаліями. Гребцы этихъ сиренъ, украшенные всегда лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, съ корзиной и кубкомъ висѣвшими у пояса, напоминаютъ вакханакъ, которыя во-время празднествъ Цереры плавали ночью по Тибру, въ особенно устроенныхъ лодкахъ.

II.

Отплытіе изъ Мессины. — Изверженіе Везувія. — Буря. — Липарскіе острова. — Страшныя герцога Регалио и его супруги. — Пещера изгнанника. — Посѣщеніе турецкаго эфенда. — Любопытная черта благодарности.

Въ пять часовъ послѣ обѣда, все общество возвратилось на яхту, съ большимъ запасомъ фруктовъ для команды; не смотря на то, что погода была не совсемъ благоприятная, яхта снялась съ якоря. Теченіе было очень сильно. При поворотѣ, у мыса Санди, порывъ вѣтра разорвалъ въ клочья парусъ бизань-мачты и яхта стала на мель, къ ужасу дамъ.

Все пассажиры и команда принялись за дѣло и едва успѣли къ полуночи стащить яхту съ мели.

Въ это время Везувій извергалъ пламя, освѣщая море яркимъ свѣтомъ. Припомощи такого маяка, поставленнаго въ облакахъ, яхта направила путь свой въ открытое море. Гора Стромболи также была вся въ огнѣ; яркій свѣтъ, озарявшій ее, составлялъ издали рѣзкую противоположность съ мракомъ, окружавшимъ нашия пловцовъ. Яхта вынуждена была убрать паруса и стать на якорь, не доходя Липарскихъ острововъ. Громъ гремѣлъ, дождь лилъ ливнемъ, молнія пробѣгала по небосклону по всѣмъ направленіямъ. Море было довольно спокойно. Все ушло спать, кромѣ стоявшихъ на вахтѣ и лорда Байрона, который завернувшись въ плащъ, ходилъ по палубѣ до самаго разсвѣта. Такъ какъ бурная погода все еще продолжалась, яхта вошла въ большую

бухту одного изъ Липарскихъ острововъ, въ которой она совершенно скрылась отъ урагана и его ужасовъ.

Островъ этотъ былъ когда-то выбранъ Фердинандомъ и его министромъ Актономъ мѣстомъ ссылки для Неаполитанцевъ, переданныхъ надъ французскія знамена. Почти вся поверхность острова покрыта лавою, выброшеною изверженіями Стромболи. Только на покатосяхъ горы дожди смыли ее, и потому они тщательно обрабатываются. Вода здѣсь имѣетъ сѣрный, затхлый вкусъ, воздухъ нездоровъ. Деревни населены рыбаками, которые продаютъ рыбу въ Мессинѣ и Палермо; но вообще они находятся въ глубокой бѣдности и нищетѣ.

Въ одной пещерѣ, у которой яхта стояла на якорѣ, герцогъ Регалио, супруга и дочь его прожили три мѣсяца, снали на морской травѣ и питались рыбою, которую они успѣвали изловить сами.

Герцогиня умерла на этомъ островѣ, и похоронена у входа въ пещеру, подъ ясеню, растущею посреди скалъ. На обломкѣ скалы, написано, вѣроятно, дружною рукою:

«Маргарита, герцогиня Регалио, умерла здѣсь 10-го ноября 1799 года. Прохожіи, не полагайся на блага земныя; молись за упокой души той, которая раздѣляла свои богатства съ несчастными и немощными».

Г-нъ Дензель перевелъ эту эпитафію, и записалъ подъ нею имена лорда Байрона и многихъ другихъ лицъ, съ нимъ тутъ бывшихъ. Прелестная графиня Гунчіоли пролила не мало слезъ надъ печальною участію герцогини, съ которой она была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Герцогъ Регалио, спустя нѣсколько времени послѣ кончины герцогини, бѣжалъ на сардинскомъ кораблѣ, вмѣстѣ съ дочерью, но послѣ того онъ былъ помилованъ и вызванъ въ Неаполь; помѣстья и титулы были ему возвращены.

Настало воскресенье. Погода была прелестная; свезли на берегъ на латку и раскинули ее у входа въ пещеру, гдѣ и занялись приготовленіемъ обѣда; вся команда обѣдала также на берегу; графиня Гунчіоли сама занялась раздачею ей вина; музыка гремѣла, все общество оживилось, всѣ были въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Дензель занялся снятіемъ вида горы Стромболи съ западной стороны Липарскихъ острововъ. Общество возвратилось на яхту съ захожденіемъ солнца; матросы гребли подъ звуки музыки, продолжавшей играть долго еще по захожденіи солнца.

Рано утромъ на слѣдующій день назначена была ловля рыбы, для чего и привязали за кормой большое бревно, къ которому прикрѣпили

нѣсколько морскихъ растений, что и привлекло множество лещей. Каждый изъ пассажировъ вооружился чѣмъ попало, чтобы принять участіе въ этой забавѣ.

Графиня на свою долю наловила одна съ дюжину лещей, а лордъ Байронъ прозѣвалъ и упустилъ столько же. Смѣху, бѣготѣ и крикамъ не было конца; каждая изъ рыбъ вѣсила неменѣе 3 фунтовъ.

Длинный переходъ въ Корсику становился уже для всѣхъ скучнымъ. Какъ вдругъ въ одно прекрасное утро мы очутились вблизи турецкаго фрегата. Байронъ окликнулъ его по-арабски. На это отвѣтили ему приглашеніемъ взойти на фрегатъ. Когда лордъ поднялся по трапу, его привѣтствовали девятью пушечными выстрѣлами. Изъ уваженія къ турецкому флагу, Байронъ одѣлся въ восточный нарядъ. На немъ была турецкая синяя атласная шуба, узкая, шитая золотомъ куртка, бѣлый, шелковый поясъ, за который онъ заткнулъ нару пистолетовъ и кинжалъ, обдѣланный въ золото. На головѣ красовалась чалма, убранная страусовыми перьями. Въ такомъ нарядѣ, благородному лорду, не доставало только густой бороды, чтобы быть истиннымъ красавцемъ Востока. Графиня Гуичіоли помогла этому горю вполнѣ; она наклеила ему пару усовъ изъ собственныхъ волосъ своихъ.

Фрегатъ былъ сорокапушечный и назывался: «Омаръ». Командиръ его оказался старымъ знакомымъ поэта; Это былъ Мулей Абдала, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ перевезъ лорда Байрона на военномъ бригѣ изъ Тенедоса въ Абидосъ.

Всѣ знававшіе когда-либо Байрона были въ восторгѣ съ нимъ снова встрѣтиться. Сопровождавшіе его друзья были приглашены всѣ безъ исключенія на фрегатъ, гдѣ графиня и ея пріятельница, госпожа В***, скоро были утомлены турецкою вѣжливостью. Обѣдъ былъ приготовленъ на самой задней части кормы, устланной коврами. Всѣ гости должны были сѣсть на подушки, лежащія на полу. Имъ поданы были серебряныя вилки, что избавило ихъ отъ турецкаго обыкновенія ѣсть пальцами. Шербетъ обносили въ прекрасныхъ хрустальныхъ бокалахъ.

Затѣмъ наступила очередь трубокъ, и какъ многіе изъ турецкихъ офицеровъ знали французскій языкъ, бесѣда стала почти общою.

Фрегатъ былъ уже въ морѣ три мѣсяца. Лордъ Байронъ сообразилъ, что нѣсколько фруктовъ будутъ истиннымъ подаркомъ для всего штаба офицеровъ фрегата, а потому и послалъ за ними на яхту. Онъ не забылъ и турецкой команды; ей было роздано апельсиновъ и лимонновъ въ изобиліи.

Турецкій фрегатъ представлялъ странную противоположность съ подобными англійскими судами, какъ въ отношеніи постройки, такъ и въ

вооруженн, въ порядкѣ и во всемъ остальномъ. Напримеръ, нельзя было не замѣтить, что пушки не стояли на лафетахъ, а прикрѣплялись просто веревками. Но зато, какъ бы въ замѣнъ, каютъ-компанія была убрана со всею роскошью востока.

Мулей Абдала первый сообщилъ европейскимъ гостямъ свои вѣсти объ успѣхахъ грековъ. Его фрегатъ даже много пострадалъ въ Хиосскомъ проливѣ, и онъ признавался чистосердечно, что обязанъ спасеніемъ отъ вѣрной гибели только быстротѣ хода своего фрегата. Онъ былъ посланъ крейсировать, съ цѣлію завладѣть фрегатомъ пашы Египетскаго, который долженъ былъ возвратиться изъ Англій въ Александрію. Мулей Абдала получилъ вѣсть съ тѣмъ приказаніемъ вести египетскій фрегатъ въ Дарданеллы, предложить англійскимъ матросамъ, находящимся на немъ, вступить въ турецкую службу, съ обѣщаніемъ, выполнить все условія, какія они потребуютъ.

При прощаніи съ капитаномъ турецкаго фрегата лордъ Байронъ предложилъ ему телескопъ Доланда, а тотъ, самымъ вѣжливымъ образомъ накиннулъ на плеча графини дорогую шаль, въ ту минуту когда она начала спускаться съ трапа фрегата, возвращаясь на яхту. Два дни «Омаръ» и наша яхта плавали въ виду другъ-друга, наконецъ фрегатъ сдѣлалъ поворотъ, съ той и съ другой стороны раздались по три прощальныхъ выстрѣла.

Когда фрегатъ скрылся изъ виду, лордъ Байронъ сказалъ друзьямъ своимъ: «Я не хотѣлъ возмущать спокойствіе и удовольствіе, которое какъ мнѣ казалось, вы ощущали въ обществѣ Мулея Абдалы; но знайте, что это первый злодѣй и мерзавецъ во всемъ турецкомъ флотѣ. Я познакомился съ нимъ въ первый разъ въ Тенедосѣ. Островъ этотъ, нѣкогда вѣтущій и красивый, былъ только что разоренъ капитанъ-пашею, истребившимъ все огнемъ и мечемъ. Онъ уничтожилъ даже все произведенія земли, съ цѣлію подвергнуть ненабѣжному голоду тѣхъ изъ жителей, которые спаслись отъ оружія, или избѣгнули пламени. Мулей Абдала прибылъ въ Тенедосъ послѣ его разоренія, однако онъ не захотѣлъ отстать отъ своихъ предшественниковъ въ жестокости и ищениіи. Онъ велѣлъ разстрѣлять тридцать духовныхъ лицъ, чтобы только завладѣть ихъ одежаніемъ. Онъ потребовалъ съ каждаго грека, уже ограбленнаго на чистое, новые, значительная контрибуціи, и когда тѣ не могли выполнить этихъ жестокихъ требованій, Мулей Абдала приказалъ запереть въ храмѣ сорокъ человѣкъ жителей, мужчинъ и женщинъ, подозрѣваемыхъ имъ въ томъ, что они скрыли свои сокровища; выманить отъ этихъ несчастныхъ все суммы, какія они были въ состояніи дать, и обвѣдать имъ: ~~пока~~

тнхъ свободу въ скоромъ времени. Проморивъ ихъ голодомъ на столько, чтобы они не умерли, и когда обѣщанный день освобожденія для нихъ насталъ, онъ поджогъ храмъ, и всѣ въ немъ заключенные погибли въ пламени, а тѣ, которые было вѣдушами искать спасенія, погибли отъ турецкой сабли».

«Корабль, на которомъ я прибылъ въ Тенедось, продолжалъ лордъ Байронъ, былъ сожженъ по приказанію капитана-пашы. Что касается до меня, то я скрывался въ гѣсахъ во время всѣхъ этихъ ужасовъ и тамъ находилъ себѣ убѣжище и пищу въ хижинахъ до того бѣдныхъ и удаленныхъ, что онѣ не обращали на себя кроваваго и корыстнаго вниманія турокъ. Но увѣренный, что рано или поздно, вѣрная смерть ожидаетъ меня, если нападуть на слѣдъ мой, я рѣшился наконецъ, явиться къ Мулею Абдалѣ, показать ему фирманъ Великаго Визиря и просить его принять меня на фрегатъ, которымъ онъ командовалъ. Этотъ фирманъ, а еще болѣе подаренные мною часы, осыпанные брилліантами, расположили въ мою пользу злодѣя, и онъ перевезъ меня въ Абидосскій замокъ.»

«Если, несмотря на мое отвращеніе къ этому извергу, я оказалъ ему въ настоящемъ случаѣ столько вниманія, то признаюсь, я дѣлалъ это въ видахъ моего и вашего интереса. Малѣйшая прихоть, надежда на прибыль, безотчетная жажда дѣлать зло, могли внушить ему мысль ограбить наше судно и пустить его ко дну со всѣми пассажирами, еслибы мы дали къ тому какой-нибудь самомагѣйшій поводъ. Знайте же, друзья мои, что я далъ ему значительную сумму денегъ, потому-что мнѣ извѣстно его жадное корыстолюбіе! Если не дать ему денегъ, онъ захочетъ вашей крови.»

Спутники лорда Байрона были поражены ужасомъ, выслушавъ рассказъ его объ этихъ злодѣянїяхъ, и благодарили Провидѣніе за спасеніе отъ такихъ варваровъ.

Госпожа В***, которая постоянно страдала, болѣе или менѣе, морскою болѣзнью, сдѣлалась наконецъ такъ больна, что слегла съ постелью. Докторъ Пето ухаживалъ за нею со всѣмъ стараніемъ, но несмотря на то болѣзнь ея усиливалась день ото дня, такъ, что начали опасаться за ея жизнь.

Лордъ Байронъ понуждалъ капитана направить судно къ ближайшей гавани, чтобы свезти больную на берегъ и доставить ей всѣ удобства и потребности, которыхъ требовало ея положеніе, но другаго порта, ближе того, куда мы плыли, не было. Графиня не отходила отъ постели своей прїятельницы и предавалась совершенному отчаянію. Маленькое

общество, до-сихъ-поръ веселое и счастливое, погружено было теперь въ уныніе и непритворную скорбь.

Вскорѣ больная впала въ бредъ, и докторъ Пето объявилъ, что единственное было бы воспользоваться первыми минутами, когда больная придетъ въ память, чтобы исподволь приготовить ее къ смерти, и узнать, желаетъ ли она сдѣлать какихъ-нибудь распоряженій. Тогда лордъ Байронъ сказалъ ему: «Вы все сдѣлали, что могли, докторъ; и хотѣлъ бы съ своей стороны испытать, не могу ли я въ свою очередь сдѣлать чего-нибудь. Вы намекаете, что для нашей больной все кончено, а потому если она умретъ, то нельзя будетъ приписать ея смерть тѣмъ средствамъ, которыя я думаю употребить, съ цѣлію спасти ее.»

Лордъ Байронъ занялся приготовленіемъ большого развѣра пластыря изъ шанскихъ мухъ; велѣлъ обрить голову несчастной больной и обгнѣилъ ей всю голову до самыхъ щекъ. Доктора же просилъ выпустить ей, посредствомъ банокъ, до тридцати унцій крови. Больная уснула. Лордъ Байронъ девять часовъ сряду не покидалъ ее ни на мгновеніе, наблюдая съ безпокойствомъ за дѣйствіемъ тѣхъ средствъ, которыя онъ употребилъ въ дѣло.

Больная проснулась въ совершенной памяти и съ помощью неуспѣшныхъ попеченій обоихъ своихъ врачей, черезъ три дня была въ всякой опасности.

Докторъ Пето долженъ былъ сознаться, что больная одолжена была лорду Байрону своимъ исцѣленіемъ.

Простое и ласковое обхожденіе г-жи В*** сдѣлало ее любимцею маленькаго общества и когда она въ первый разъ послѣ своего выздоровленія вышла на палубу, то въ честь ея была выпита не одна бутылка вина. Къ довершенію всеобщей радости, вдали показался давно желанный Корсиканскій мысъ.

При этомъ извѣстїи лордъ Байронъ велѣлъ роздать командѣ нѣсколько бутылокъ рому, а послѣ ужина угостилъ свою компанію старымъ, шестнадцатилѣтнимъ кипрскимъ виномъ. Въ заключеніе такого радостнаго дня графиня сдѣлала истинный сюрпризъ обществу съѣвъ давно оставленный рояль, а графъ П*** и Денцель съѣли нѣсколько прелестныхъ арій.

Не даромъ говорятъ матросы, что передъ бурей бываетъ тишина. Наши пассажиры испытали это на дѣлѣ. Едва замѣтный и постепенный шедшій съ юго-востока вѣтръ, на утро вдругъ переимѣнился и началъ дуть съ необычайною силою. Команда убрала паруса и стояла въ готовности на всякій случай. Капитанъ Бенсонъ и капитанъ

аварии общество, что яхтѣ придется выдержать жестокой восточной вѣтеръ, который обратится въ штормъ, если яхта не успѣетъ обогнуть мысъ и войти въ заливъ Санто-Флоренцо. Всѣ попытки къ тому и старанія остались тщетными.

Цѣлыя сутки яхта лавировала по всѣмъ направленіямъ, но бесполезно, — она не могла попасть въ гавань.

III.

Буря. — Крушеніе. — Хладнокровіе и покорность судьбѣ лорда Байрона. — Гибель одного изъ пассажировъ. — Спасеніе яхты чудеснымъ образомъ. — Прибытіе въ Корсику.

Морская болѣзнь начинала мучить не только дамъ, но и мужчинъ. Графъ П***, Денцель и Сентъ-Ф***, самые крѣпчайшіе изъ пассажировъ, начали разнемогаться. Все веселое общество лежало по своимъ каютамъ. Солнце, при своемъ закатѣ, бросало какіе-то мрачныя, неутѣшительныя проблески, а вѣтеръ, болѣе и болѣе поворачивая къ востоку, постоянно прибывалъ яхту къ берегамъ. Положеніе ея становилось опасно. Спустили реи, укрѣпили паруса. Вспыхивающая по временамъ молнія открывала глазамъ небо въ видѣ необъятнаго пламени, которое тотчасъ же исчезало въ глубокомъ мракѣ. Громъ непрерывно гремѣлъ надъ головами пловцовъ; казалось, буря должна была съ минуты на минуту разбить въ дребезги утлое судно и погрузить его въ разъяренныя волны, которыя жадно прыгали и бушевали вокругъ.

Сначала лордъ Байронъ, капитанъ К*... докторъ Пето и Шеллей оставались на палубѣ; остальное общество предпочло не покидать своихъ каютъ; но вдругъ необыкновенно сильный ударъ въ яхту, отворилъ пазы судна и вода хлынула въ него съ яростною быстротою со всѣхъ сторонъ. Бросились къ помпамъ, и лордъ Байронъ вмѣстѣ съ другими участвовалъ въ этой тяжелой работѣ. Чтобы облегчить яхту, артиллерія ея была выброшена въ море, обрѣзаны веревки, прикрѣплявшія мачту, и она была мгновенно поглощена волнами. Коровы, козы и свиньи ту же участь, равно и одна изъ лошадей. За животными послѣдовали и два большіе якоря. Такимъ образомъ облегченная яхта стала подниматься на волнахъ, что и разбудило во всѣхъ сердцахъ надежду на спасеніе. Для подкрѣпленія силъ тѣла и духа команды, ей подали малую порцію водки. Вдругъ изъ-за туч мелькнулъ огонекъ.

То, вѣроятно, былъ огонекъ, свѣтящійся въ какой-нибудь прибрежной джунгль рѣдѣ. Буря давала ему какой-то кровавый отливъ. Матросы—итальянцы, со всею живостью ихъ южнаго, суевѣрнаго воображенія, стали увѣрять, что это свѣтится маякъ Св. Петра, который всегда является передъ гибелью, чтобы приготовить моряковъ къ смерти. Трудно было, въ-самомъ-дѣлѣ, почестъ этотъ огонь за путеводный, тѣмъ болѣе, что капитанъ Бенсонъ увѣрялъ, что ему не было известно ни одного маяка по этой сторонѣ берега, и что, вѣроятно, яхта находится въ гибельной близости къ землѣ, если можно простыми глазами видѣть огонь. Такъ оно къ несчастію и было. Вскорѣ можно было рассмотреть абрисъ высокихъ горъ. Дорого дали-бы наши пловцы, чтобы быть на вершинѣ ихъ и оттуда полюбоваться разъяренною стихіею—и-того, чтобы быть жертвою ея неистоваго бѣшенства. Капитанъ Бенсонъ, наблюдавшій съ безпокойствомъ за усиленіемъ бури, объявилъ пассажирамъ, но такъ, чтобы ни одинъ изъ матросовъ его не слышалъ, что онъ удостовѣрился, что утесы въ очень близкомъ разстояніи отъ яхты, и что гибель ея неизбежна. Капитанъ Ф*... былъ того-же мнѣнія. — «Ну что-жъ? сказалъ лордъ Байронъ, мы всѣ рождены съ тѣмъ, чтобы умереть. Я прошусь съ жизнію не безъ сожалѣнія, но безъ страха».

Яхта болѣе и болѣе приближалась къ прибрежнымъ скаламъ, которыя видѣлись уже очень ясно. Лордъ Байронъ совѣтовалъ всѣмъ матросамъ привязать себя къ мачтамъ, что и было ими исполнено. Капитанъ Бенсонъ и капитанъ Ф*... стали у руля. Лордъ Байронъ сѣлъ въ каютъ-кампанію. Тамъ не знали степени опасности, угрожающей всѣмъ, но не менѣе того всеобщій испугъ былъ невыразимъ. Байронъ старался всѣхъ успокоить, и взявши банку духовъ, онъ снова вышелъ на верхъ, сѣлъ, и поставилъ ее вонзъ себя. Помолчавши нѣсколько, онъ спросилъ капитана Бенсона—есть-ли хоть какая-нибудь надежда не быть выброшенными на берегъ, и получилъ отвѣтъ, что спасенія нѣтъ. «Если такъ, сказалъ онъ, то долгъ каждаго изъ насъ сохранять веѣни способами жизнь, которую далъ ему Создатель. Советую взять господамъ всѣмъ снять съ себя одежду. Я знаю, что трудно намъ будетъ бороться съ такими разъяренными волнами. Черезъ нѣсколько часовъ, Божію волею, мы всѣ успокоимся на вѣки. Я даже не желаю спастись, если суждено погибнуть всѣмъ пловцамъ яхты. Сказавъ это, лордъ Байронъ снялъ свою одежду, кромѣ нижняго платья, которое завязалъ у пояса шейнымъ платкомъ своимъ, какъ можно туго, и скрестивъ руки, сѣлъ снова, спокойно ожидая своей участи. Шали лежали у ногъ его, безчувственъ, недвижимъ. Лордъ Байронъ, зля-

нужь на него съ прискорбіемъ, сказалъ: — «Бѣдный человекъ!» Докторъ Цето, завернувшись въ свой плащъ, легъ на матру, предаваясь самому сильному отчаянію. Капитанъ Ф*... вынималъ деньги изъ снутаго имъ платья и перекладывалъ ихъ въ карманъ своихъ панталонъ. Лордъ Байронъ, увидѣвши это, неиритворно расхохотался, несмотря на всеобщее отчаянное положеніе. «Другъ мой, не берете-ли вы съ собою деньги въ видѣ груза, чтобъ скорѣе утонуть», сказалъ ему Байронъ.

Напоонецъ солнце гнѣвно, какъ-бы нехотя, всплыло и бросало нѣкіе-то пыльные, кровавые лучи. Море сильно вздымалось, и волны съ шумомъ и пѣной разбивались о прибрежныя скалы; гулъ и ревъ не прерывался ни на мгновеніе.

Во все время, пока длилась опасность, лордъ Байронъ дѣйствовалъ и говорилъ съ хладнокровнымъ мужествомъ, свойственнымъ лишь возвышеннымъ и энергическимъ натурамъ. Утесы уже были неболѣе, какъ въ четверти мили отъ яхты: «Если мы не успѣемъ удержаться до уаадку мѣтра, насъ неминуемо выброситъ на скалы и тогда гибель наша неотразима и несомнѣнна», сказалъ Бенсонъ. «Да будетъ воля Божья», сказалъ лордъ Байронъ, поднявъ голову, чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ воздухѣ, и снова принявъ свое положеніе, устремивъ взоры на чернѣющіяся скалы. Въ это мгновеніе ужасной величины волна вылетѣла на корму яхты и пронеслась вдоль всего судна съ необычайною силой и ревомъ, унеся съ собою доктора Цето, который и исчезъ въ волнахъ!...

— «Боже Милосердый!» вскрикнулъ Байронъ, утраченный въ первый разъ этимъ несчастнымъ случаемъ.... И вдругъ вторая волна, давое громаднѣе первой возноситъ яхту, къ небесамъ и снова опускаетъ ее въ бездну.... Этимъ страшнымъ движеніемъ яхта отбрасывается на значительное разстояніе отъ берега.

— Мы спасены! кричатъ капитанъ Ф*...

— Парусъ отдать! командовалъ громовымъ головомъ капитанъ Бенсонъ, — и матросы бросались исполнять приказаніе командира съ неистовыми криками радости. Лордъ Байронъ, желая смягчить ихъ избыточными изъявленіями восторга, кричалъ имъ:

— Молитесь лучше Богу, чѣмъ неистовствовать, благодарите, что Онъ спасъ васъ такимъ чуднымъ образомъ отъ вѣрнѣйшей гибели. Самъ-же лордъ бросился внизъ успокоить дамъ, объявивъ имъ, что опасность миновала, и возвратился оттуда съ бутылкой рома, равнивая его для всякаго встрѣчающаго, и не забывая себя. Шеллей все еще лежалъ въ безпамятствѣ, такъ, что принуждены были перенести его въ каюту и уложить въ постель. Яхта могла напоонецъ спуститься въ проливъ Санто-Фіоренцо.

известный капитану Бенсону, но своей жестокости и стойкости для судов, и къ восьми часамъ утра все общество собралось пить кофе. Тутъ только вспомнили, что доктора Пето судьба вырвала изъ круга, такимъ несчастнымъ образомъ. О немъ жалѣли, хотя онъ и не оставилъ по себѣ достойной памяти. Родомъ венеціанецъ, Пето былъ эгоистъ и користень въ высшей степени. Онъ извѣстенъ былъ, какъ музыкантъ, но эта извѣстность была преувеличена. Шеллей тоже явился къ кофе, едва оправившись отъ страха. Онъ походилъ на мертвеца. Лордъ Байронъ, пожмая ему руку, сказалъ ему, вмѣсто привѣтствія, стихъ известнаго драматическаго англійскаго писателя:

Towards die many times before their death
The valiant never taste of death but once.

— Трусъ умираетъ тысяча разъ; храбрый только разъ.

Выпитый стаканъ пуншу возвратилъ ему его обычную веселость, и въ-теченіе сутокъ онъ снова сталъ скептикомъ, какимъ былъ всю свою жизнь.

Туманъ еще не разсѣялся вполне, а потому капитанъ продолжалъ самъ управлять яхтою, а пассажиры стали хлопотать объ обѣдѣ. Ночь, проведенная въ такихъ тревоженіяхъ, морской, живительный воздухъ, движеніе и работа придали всемъ звѣрскій аппетитъ. Только дамы, запертыя во все время опасности въ своихъ каютахъ, не изъявляли ни малѣйшаго желанія покушать. Къ сожалѣнію, всѣ свѣжіе запасы, говядина, гуси, индѣйки, куры и даже водоочистительные камни, которыми лордъ Байронъ придавалъ особенное значеніе, все сдѣлалось жертвою волнъ. Уцѣлѣли впрочемъ солонина, сухіе фрукты и разныя соленья— и этимъ пренебрегать было-бы грѣшно, а потому и сдѣлано было на нихъ нападеніе, сообразное съ аппетитомъ каждаго. Между этою обширною закускою и обѣдомъ, которымъ занялись съ особенною тщательностью, общество поочередно купалось въ двухъ мраморныхъ ваннахъ яхты, прелестно устроенныхъ, а потомъ занялось приведеніемъ въ порядокъ своего туалета.

Здѣсь кѣсати сказать объ одной особенноти, которая могла быть замѣчена всякимъ наблюдательнымъ глазомъ. Когда лордъ Байронъ, во время опасности, возвратился въ послѣдній разъ изъ каюты наверхъ, онъ принесъ съ собою маленькій ящичекъ, который заботливо поставилъ около себя. Говорили, что онъ не разлучался съ нимъ и запералъ его тщательно, когда ложился спать. Ящичекъ былъ зашитъ въ холстъ и прикрѣпленъ дномъ къ большому куску лубка, вѣроятно съ цѣлю, чтобы онъ могъ держаться на водѣ. — Никто не зналъ, что за

ключалось въ этомъ таинственномъ ящикѣ, который былъ постояннымъ предметомъ его заботливости.

Вѣрно только то, что въ немъ не было ни денегъ, ни драгоценностей, потому—что лордъ Байронъ былъ на этотъ счетъ характера беспечнаго и никогда не занимался денежными расчетами. Много было дѣлано предположеній и догадокъ на счетъ этого ящика, и всѣ онѣ были забавны или негѣшны до крайности. Можно сказать съ достовѣрностью одно, что лордъ Байронъ имѣлъ его при себѣ на яхтѣ во все продолженіе его плаванія. Мы увидимъ скоро, что случилось съ этою вещью въ—последствіи.

Обѣдъ былъ веселый и шумный, пили много. Лордъ Байронъ, казалось, никогда еще не былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ трюнилъ надъ Шелеемъ, грозилъ написать элегію на смерть его, а графиня прибавила, что она напишетъ музыку на его последнее «Прости міру», и посвятить ее генію бурь. Часы летѣли незамѣтно и пріятно. Общество воображало, что яхта еще въ морѣ, какъ вдругъ явился капитанъ Бенсонъ поздравить съ прибытіемъ. Яхта бросила якорь въ заливѣ Мартелло, за пять миль отъ города Санто-Фіоренцо.

IV.

Мартельскія башни. — Санто-Фіоренцо. — Приемъ, сдѣланный лорду Байрону. — Паскаль Паоло, епископъ Корсики.

Корсика! Корсика! островъ, прославленный двумя именами! двумя противоположными мировыми событіями: Овидій и Наполеонъ! Страна изгнанія одного, рожденія другаго! — Недовольно-ли уже тебѣ этихъ двухъ именъ; чтобы ты была извѣстна всѣмъ, хотя по слуху.

Яхта бросила якорь въ Корсикѣ, въ солнечный великолѣпный, освѣтительный день; путешественники могли наслаждаться вполне прелестнымъ видомъ, представившимся глазамъ ихъ. Горы, окружающія заливъ высоки и дикі. Городъ издали очень красивъ. Его холмы покрыты деревьями и кустарниками различныхъ видовъ; между-ними стояли миртовые и фиговые деревья.

Въ 1773 году, во-время войны французовъ съ англичанами, французскій флотъ, крайспроваившій близъ Тулона, прибылъ въ заливъ Мар-
 тельскія башни, для исправленія нѣкоторыхъ поврежденій своихъ судовъ. Славная
 Мартельская башня, давшая свое названіе многимъ другимъ выстроен-

ныиъ по берегамъ Великобританіи, была тогда уже полуразрушена, но даже и въ такомъ видѣ она считалась неприступнѣе всѣхъ сомонскихъ ей башенъ въ Англіи. Имѣя только двѣ пушки и двадцать человекъ гарнизона, она защищалась и даже разбила семидесяти-четырехъ-пушечный корабль «The Fortitude» и тридцатидухъ-пушечный фрегатъ «Юнона».

Наконецъ, послѣ продолжительной осады, адмиралъ Нельсонъ заступилъ башню, но не иначе, какъ предварительно и внезапно занявъ одну возвышенность, считаемою до того недосягаемою, а потому и неприступною.

Не успѣла яхта бросить якоря, какъ на нее явились нѣсколько порцескихъ и генуэзскихъ купцовъ, стоящихъ въ Мартелло на якорѣ, въ ожиданіи попутнаго вѣтра.

Отъ нихъ узнали наши путешественники, что капитанъ Санта-Фіоренцо былъ французъ, обходительный и любезный человекъ и что островъ наслаждался совершеннымъ спокойствіемъ, каковаго не замечать во все время владычества англичанъ. Доръ Байронъ сознался при этомъ, что французы, своимъ учтивымъ и вѣжливымъ обращеніемъ, приобретутъ довѣренность народовъ гораздо скорѣе и прочнѣе, чѣмъ англичане сыпая деньгами, и что когда французы овладѣютъ какимъ-либо мѣстомъ, они уже могутъ быть увѣрены, что сохранить его безъ особенныхъ трудовъ и наблюденій,

Яхта приобрѣла отъ гостей-купцовъ шлюбку, два якоря и четыре пушки, въ замѣнъ тѣхъ, которыя она принуждена была выбросить въ море во-время бури. Пассажиры запаслись и прочими нужными вещами, и такимъ образомъ все снова было приведено въ порядокъ, какъ будто съ яхтой и съ пассажирами ничего особеннаго и не случилось.

Послѣ завтрака, составленнаго изъ молока, сѣнжикъ фингъ и другихъ фруктовъ, яхта снялась съ якоря и направила путь востокъ по заливу, чтобы войти въ маленькую гавань. У входа яхта поддала два ялага, венеціанскій на кормѣ и англійскій на средней мачтѣ. Музыка ея заиграла народную пѣсню «Rule Britannia» «Владычества Британія», яхта сдѣлала салютъ крѣпости семью выстрѣлами, и ей отвѣдили тѣмъ же числомъ выстрѣловъ. Такъ какъ принято, что крѣпости и порты отвѣчаютъ только военнымъ судамъ, то лордъ Байронъ при этомъ сдѣлалъ замѣчаніе, что похвалы купцовъ на счетъ вѣжливости и услужливости не были преувеличены. Капитанъ Ф... или, какъ называли его пассажиры, «молодой капитанъ», въ отличіе отъ старшаго капитана, Иосифа, въ полной военной формѣ, съѣзжалъ на берегъ съ своимъ паспортомъ, чтобы просить пропуска для дальнѣйшаго путешествія. По-

комендантъ, полковникъ Мишо, встрѣтилъ его на пристани, самъ вскочилъ къ нему въ шлюпку и вернулся съ нимъ на яхту. Полковникъ былъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста и привлекательной наружности. Онъ изъявлялъ большое удовольствіе, увидавъ знаменитаго лорда, который представилъ ему всѣхъ своихъ спутниковъ. Комендантъ засыпалъ дамъ любезностями, и пріветствіями мужчинъ, выражая свою надежду, что они погостятъ нѣсколько времени въ Санто-Фіоренцо, чтобы помочь женѣ его въ дѣлѣ образованія жителей. Съ этой фразой онъ обратился предпочтительно къ нашей красавицѣ-графинѣ. Дамы изъявили готовность съѣхать на берегъ тотчасъ же, и лордъ Байронъ принялъ предложеніе коменданта остановиться у него въ домѣ со всеми своими спутниками. Сейчасъ же были сдѣланы распоряженія для перевозки на берегъ всего нужнаго, и положено было, что всѣ съѣдутъ съ яхты послѣ обѣда. Полковникъ остался, безъ лишнихъ церемоній, обѣдать на яхтѣ, и даже послалъ на берегъ за своею супругою и дочерью, и тѣмъ доставлялъ истинное удовольствіе всему обществу, потому что какъ та, такъ и другія были замѣчательны своими милымъ, утонченнымъ обхожденіемъ, которое возвышало ихъ миловидность. Обѣдали на палубѣ. Во все продолженіе обѣда музыка гремѣла, и лордъ Байронъ распорядился, чтобы преимущественно были играны французскія аріи. За десертомъ полковникъ Мишо подчивалъ всѣхъ фруктами изъ своего сада, а графиня Гунчиоли, какъ всегда, была душою всего маленькаго общества.

Лордъ Байронъ постигъ науку быть всегда и всюду хорошо принятымъ; по прибытіи своемъ на островъ Коренку, онъ послалъ епископу золотую вазу и денежное пожертвованіе въ пользу церкви въ Санто-Фіоренцо. Епископъ, по имени Паскаль Паоло, изъ рода генерала того же имени, прибылъ на яхту благороднаго лорда и предложилъ отслужить благодарственный «Te Deum» за спасеніе отъ вѣрной смерти. Окончивъ молебень, почтенный епископъ, бесѣдовалъ въ общей каютѣ, принимая въ разговоръ общества дѣятельное участіе.

Послѣ кофе, комендантъ съ своими семействомъ распрощался съ путешественниками, до скорого свиданія.

Чтобы избѣжать стеченія толпы любопытныхъ, жадной ко всему новому, рѣшено было съѣхать съ яхты, когда совершенно стемнѣетъ. Лордъ Байронъ и друзья его ночевали на берегу въ первый разъ съ самаго отплытія своего изъ Венеціи.

V.

Лордъ Байронъ въ Санто-Фіоренцо. — Охота на кабана. — Деревушка Казосъ. — Гостеприимство приходскаго священника. — Корсиканская красавица. — Древняя и новая Димы. — Характеръ Лорда Байрона. — Пустыня.

На другой день путешественники были разбужены музыкою. Она играла подъ ихъ окнами народный англійскій гимнъ «Боже, храни короля». После завтрака общество раздѣлилось. Дамы, не привыкшія переносить усталость, рады были случаю отдохнуть и полѣгнаться въ своихъ комнатахъ; капитанъ Бенсонъ занялся устройствомъ яхты; Шеллей и Децель пошли снимать виды города, каждый съ своей избранной точки. Лордъ Байронъ съ прочими отправился на охоту, съ двумя прекрасными охотничьими собаками. Онъ надѣлъ для охоты маленькую, узкую курточку зеленого цвѣта, подпоясавшую шелковымъ кушакомъ, толстые башмаки и стиблеты.

Въ странѣ гористой и лѣсной, какъ Корсика, удовольствія охоты всегда бываютъ утомительны. Должно безпрестанно переходить черезъ ручьи и рѣчки, продирается сквозь чащу лѣсовъ, очень густыхъ, вскарабкиваться на крутыя горы и утесы. Охотники наши такъ углубились въ страну, что когда заходящее солнце напомнило о возвратѣ, они очутились за шесть добрыхъ миль отъ города Санто-Фіоренцо. Они рѣшились направить путь свой къ деревушкѣ Казосъ, престарѣлый священникъ которой принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ; подчивалъ довольно хорошия виномъ, и Лордъ Байронъ изъявилъ согласіе переночевать у него, если только это не будетъ для него стѣснительно. Желаніе это принято съ готовностію. Молоденькая и хорошенькая племянница священника обмыла ноги гостей, по восточному обыкновению, не смотря на всѣ ихъ сопротивленія. Затѣмъ накрыла ужинъ, состоявшій, какъ всегда бываетъ въ этой странѣ, изъ рыбы, яицъ и грушъ. Бутылка воды, о которой вспомнили уже послѣ ужина, послужила для пунша, который всѣмъ показался восхитительнымъ.

Лордъ Байронъ и священникъ не ложились до поздней ночи, и, по обыкновению своему, поэтъ такъ увлекъ хозяина своею бесѣдою, что тотъ, съ своей стороны, рассказалъ ему всѣ подробности своей жизни. Деревенскій пастырь зналъ только Корсику и ни о чемъ болѣе говорить не могъ, но онъ былъ прекрасный человекъ, всегда ровнаго и веселаго нрава. Принадлежитъ

приносилъ ему до 500 франковъ въ годъ, и онъ этимъ былъ совершенно доволенъ, тѣмъ болѣе, что огородъ его былъ всегда обработанъ, а также и маленькій виноградникъ, который вознаграждалъ съ избыткомъ за всѣ его попеченія. Кроме-того, честный пасторъ самъ ловилъ рыбу и былъ дичь для своего продовольствія.

Приходская церковь стояла въ срединѣ лѣса, окруженная тридцатью хижинами, населенными фермерами. Посреди этой деревушки протекла хорошенькая рѣчка, берега которой засажены были миртами. Тамъ и сямъ виднѣлись сваленныя въ рѣку деревья, служащія способомъ сообщенія между двумя берегами, — но жители, мужчины и женщины предпочитала переходить рѣку въ бродъ.

Лордъ Байронъ всталъ съ зарею, съ намѣреніемъ продолжать начатую олоту. Хозяинъ велѣлъ приготовить пирожковъ къ завтраку и сбить свѣжаго масла, а густыя сливки замѣнили неизвѣстный здѣсь чай. Хорошенькая племянница священника вызвалась сопровождать охотниковъ и указать луговище двухъ кабановъ, которое она знала. Кстати здѣсь описать нашу красавицу. Волосы ея свободно ниспадали до пояса, рубашка застегнутая у шеи, плотно къ ней прилегала; на плеча надѣта была голубая кофточка; короткая юбка, изъ сѣрой шерстяной матеріи, едва достигала до колѣнъ; красные бумажные чулки, безъ носковъ, доходящія только до лодыжекъ, а на ногахъ ременная плетеная обувь, напоминающая древнія сандалии. Дѣвушка была очень смугла, имѣла черные глаза и черты римлянки. Высокая и гибкая, она перепрыгивала съ легкостью серны черезъ рвы, съ утеса на утесъ. Ей было около 16 лѣтъ, а она этого еще не замѣчала, и рѣзвилась и лепетала, какъ дитя. Она сдержала обѣщаніе и вынудила кабановъ выйти изъ ихъ логовища. Пасторъ убилъ одного сразу, а за другимъ собаки рванулись и понеслись вдаль. Приблизившись къ утесамъ, кабанъ повернулся и сталъ передомъ, въ оборонительное положеніе, поджидая враговъ своихъ. Сначала онъ боролся съ ними съ замѣтнымъ успѣхомъ, но пронзенный пулею, онъ бросился въ рѣку, куда собаки не послѣдовали за нимъ, потому-что кабанъ поранилъ ихъ не внашутку. Лордъ Байронъ очень досадовалъ, что онъ ускользнулъ отъ нихъ живой. Коренканка развязала ремень, обхватывавшій ея талію, бросилась за кабаномъ въ рѣку и съ неизмѣрною ловкостью набросила на голову и переднія ноги звѣря петлю, которую уже она успѣла сдѣлать на срединѣ ремня, снявъ конецъ котораго она бросила Байрону, а другой не выпускала изъ рукъ своихъ. Такимъ способомъ вытащили жертву на берегъ, безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны, или опасности для кого бы то ни бы-

ло. Молодая дѣвушка смѣялась отъ души надъ страхомъ лорда за нее, особенно, когда онъ замѣтилъ ей, что она можетъ простудиться, оставаясь въ мокромъ платьѣ. Хохотунья утверждала, что это случается съ нею по десяти разъ на день, но что она не помнитъ, чтобы была насморкомъ хотя разъ во всю свою жизнь.

Эта сцена напомнила повту охоту Дианы и пнифъ ея, и никогда эта богиня лѣсовъ не могла быть лучше изображена, какъ чертами молодой корсиканки, которая соединила въ себѣ гибкость стана съ отвагою и силою аркадскихъ пастушекъ. Настала минута разлуки. Дѣвушка съ видимымъ сожалѣніемъ должна была проститься съ охотниками. Лордъ Байронъ подарилъ ей шелковый платокъ, она накинула его кокетливо на свою классическую головку, кивнула, и исчезла съ быстротою серны.

Возвращеніе въ Санто-Фіорендо совершилось безъ поворотовъ въ сторону, а потому довольно скоро. Друзья Байрона, оставшіеся въ родѣ, нисколько не беспокоились на его счетъ, потому-что имъ была извѣстна отличительная черта характера поэта. Онъ никогда не назначалъ часа своего возвращенія, прибытія или отъѣзда. Во всемъ онъ любилъ неизвѣстность и непреодѣленность. Никогда не знали, гдѣ его отыскать, никогда нельзя было угадать, чѣмъ онъ займется. Но если онъ что однажды рѣшалъ, то ничт не могло отвѣчь его отъ дѣла. Онъ стремился къ ней быстрѣе молніи, неукротимѣе бури. Зато никто не умѣлъ такъ, какъ онъ, наслаждаться жизнію; онъ умѣлъ извлекать для себя пользу даже изъ самыхъ неудачъ. Когда случалось ему впадать въ мрачное расположеніе духа, онъ не походилъ на самого себя. Ему казалось, что все шло ему наперекоръ. Солнце теряло свой блескъ и теплоту, природа свою красоту; море, это божество поэта, казалось ему безобразною массою грязной жидкости; веселье друзей ему было тягостно, а скорбь чужая — казалась смѣшною. Только совершенное уединеніе исцѣляло его отъ такого болѣзненнаго состоянія. Онъ и искалъ уединенія, пока эти припадки сплина исчезали совершенно. Къ счастью, они не были продолжительны и лордъ Байронъ старался заставить другихъ забыть ихъ, старался всеми зависящими отъ него средствами.

Путешественники пробыли около мѣсяца въ Санто-Фіорендо, въ ожиданіи писемъ, которыя лордъ Байронъ надѣялся тутъ получить. Между-тѣмъ, какъ графъ П*... г-жа В*... и прочія особы членовъ маленькаго общества, составляли разные празднества и шутки, съ дѣятельною помощью коменданта, лордъ Байронъ отправился въ Монтъ, городъ, лежащій въ срединѣ острова. Дорожный журналъ...

былъ устроенъ такимъ-образомъ, что могъ переноситься черезъ рѣки. Для этого нужно было только отпрячь лошадей и снять колеса, для которыхъ устроены были мѣста, на подобіе зимнихъ возовъ, которые капитанъ Ф... выдалъ въ Сибири, и по плану начертанному капитаномъ, эта карета и была заказана. Кромѣ-того, внутри ея была устроена покойная, висячая постель, которая на день складывалась подъ подушки. Въ этомъ-то подвижномъ домѣ, Байронъ путешествовалъ, не дѣлая болѣе двадцати миль въ день (около восьми мѣ) по каменистымъ дорогамъ, мѣстами совершенно не проѣзжимымъ для такого громоздкаго экипажа. Случалось нерѣдко, что надо было прибѣгать къ помощи силы и искусства корсиканцевъ, которые съ босыми ногами, по обтритымъ камнямъ несли карету на рукахъ, съ такою же легкостью, какъ индійскіе невольники носятъ паланкины; съ тою только разницею, что индѣйцы ходятъ по сыпучему песку, а не по каменьямъ. На вторую ночь этого романтическаго путешествія, дормезъ остановился на ночлегъ въ маленькой разоренной деревушкѣ, жители которой, числомъ не болѣе пятидесяти, назвали, терпѣли крайнюю бѣдность. Лордъ Байронъ роздалъ имъ сорокъ штукъ разной дичи, которую онъ успѣлъ настрѣлять во-время своего двухдневнаго путешествія. Жители отблагодарили его козьимъ молокомъ и дикими фигами. Деревушка эта лежитъ у подошвы высокой горы, съ которой падаетъ каскадомъ ручей; пройдя шаговъ двѣсти, онъ теряется въ долину. На самой же оконечности этой горы видѣются развалины некогда укрѣпленнаго замка, построеннаго генуэзцами. Тремя сторонами своихъ стѣнъ онъ касается почти перпендикулярнымъ обрывамъ горы и только съ четвертаго его фаса, можно взобраться къ замку, узкою, крутою тропкою. Путешественники съ большимъ трудомъ и часто съ помощью рукъ своихъ, взобрались на вершину, гдѣ стоялъ замокъ. Онъ построенъ на трехъ стаяхъ саженьяхъ и изъ него можно обнять взоромъ почти все пространство острова.

Изъ середины двора замка вытекаетъ ручей, о которомъ говорено выше, бросается внизъ и разбивается въ дребезги у подошвы горы. Въ былыя времена, замокъ этотъ былъ могучъ и неприступенъ. Во-время своего владычества, Генуэзцы избрали его складочнымъ мѣстомъ своихъ военныхъ снарядовъ и продовольствія и центромъ своихъ дѣйствій; въ позднѣйшее время, Паоли пожертвовалъ жизнью двухъ тысячъ людей, чтобы овладѣть имъ. Въ этихъ дикихъ и необитаемыхъ мѣстахъ, несчастіе отыскало однако себѣ жертву. Какой-то, корсиканецъ, пятидесяти лѣтъ, поселился въ одной изъ полуразрушенныхъ башенъ, почти незамѣченной его отъ стужи и непогодъ. Ружье и собака

были для него единственные средства къ разсыпанію и къ существованію, не считая крошечнаго уголка земли, на которомъ красовались десятокъ яблонь и фиговыхъ деревъ, взрошенныхъ его руками; онъ продавалъ иногда, въ Кортѣ и Санто-Фіоренцо, снятые съ нихъ плоды, вмѣстѣ съ козьимъ молокомъ. Отецъ его умеръ въ этихъ же развалинахъ, и онъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ самъ зарылъ его въ могилу. При этомъ корсиканецъ прослезился. Длинная борода, до которой никогда еще не касалась сталь, падала ему до пояса и придавала ему видъ пустынника. Одинъ изъ проводниковъ лорда Байрона шепнулъ ему на ухо, чтобы онъ его остерегался, потому-что онъ знается съ нечистой силою. Лордъ Байронъ усмѣхнулся и сказалъ, что видитъ въ немъ только челоѣка, привыкшаго къ своему образу жизни на столько, что еслибы вздумалъ измѣнить его, то сталь-бы несчастливъ. Только-что корсиканецъ замѣтилъ путешественниковъ, онъ вынесъ имъ сканью, изюму, чашку молока и маленькій хлѣбъ. Вступивъ съ ними въ разговоръ, онъ выразилъ сожалѣніе, что англичане не владѣютъ больше Корсикой; не потому, чтобы онъ былъ имъ больше преданъ, въ его единочествѣ для него всѣ люди были равны, но потому, что у нихъ дешевле можно было покупать свинець и порохъ. Услышавъ это, лордъ Байронъ подарилъ ему жестянку съ двумя фунтами пороху и мѣшокъ съ дробью. Байронъ, замѣтивъ, что его ружье находится въ неисправности, далъ ему записку къ капитану яхты, съ тѣмъ, чтобы Бенсонъ снабдилъ подателя хорошимъ ружьемъ, порохомъ, пулями и дробью; словомъ, всѣмъ охотничьимъ снарядомъ. Столько милостей тронули старика; онъ сказалъ намъ, что къ ночи же уйдетъ въ Санто-Фіоренцо. Байронъ, между-прочимъ, спрашивалъ о причинѣ удаленія его отъ людей. И вотъ что сказалъ на это корсиканецъ: «У меня нѣтъ другаго пристанища, кромѣ этихъ развалинъ, другаго друга, кромѣ этой собаки; многіе принимаютъ меня за демона, потому-что я избѣгаю людей; я прожилъ здѣсь болѣе пятидесяти лѣтъ; я не оставлялъ отца моего живаго, не оставляю его и мертваго; когда я умру, то вѣрно соединюсь съ нимъ. Нужды мои не велики. Я не имѣю надобности ни въ комъ. Вы меня осчастливили, и я буду за васъ молиться Богу».

Старикъ провелъ своего покровителя до подошвы горы, гдѣ лордъ Байронъ основалъ свое минутное кочевье. Всѣмъ жителямъ деревушки роздано было по пяти франковой монетѣ, что привело ихъ въ такой восторгъ, что они стали воспѣвать хоромъ хвалу великодушнаго лорда Байрона, и чуть не оглушили его, въ знакъ своей благодарности.

Дорога въ городъ Кортѣ лежитъ между двухъ горъ, самый же въ-

вѣздъ сѣзживается такъ, что едва есть проѣздъ для трехъ каретъ въ рядъ. Это дефиле тянется на восьми стахъ саженьяхъ. Горсть людей можетъ защищать этотъ вѣздъ отъ многотысячной арміи; зато Кортé всегда принадлежалъ корсиканцамъ, несмотря на всѣ покушенія генуэзцовъ и французовъ. Во многихъ мѣстахъ этого ущелья деревья съ обѣихъ сторонъ сплетаются вѣтвями и составляютъ зеленый сводъ самаго привлекательнаго вида. Тамъ-и-сямъ роскошныя грозды винограда спускаются къ самому рту путешественниковъ, и манятъ ихъ своимъ прелестнымъ видомъ и вкусомъ. При самомъ входѣ въ этотъ дефиле есть ручей. Надъ ручьемъ выстроены деревянные мостики самой изящной архитектуры. Въ концѣ ущелья виднѣется одинъ изъ главныхъ городовъ острова Корсики; какъ орлиное гнѣздо лѣпится онъ на самой вершинѣ утеса. Утесъ же стоитъ въ долинѣ, окруженной высокими горами.

Лордъ Байронъ, говоря о Кортé, вспомнилъ, что когда Наполеона просили учредить въ его родномъ островѣ, въ нѣкоторыхъ портахъ, портофранко, чтобы привлечь, къ нимъ торговлю, Наполеонъ спросилъ: пользовались-ли они когда-нибудь этимъ преимуществомъ? — И на отрицательный отвѣтъ, сказалъ, что не видитъ въ томъ необходимости, потому что корсиканцы счастливы и покойны и безъ того, а если дать имъ новое преимущество, то они на немъ не останутся и станутъ требовать наконецъ, какъ права, такихъ привилегій, которыя не сдѣлаютъ ихъ счастливѣе, а только требовательнѣе и взыскательнѣе.

Съ перваго взгляда Кортé кажется столько же красивымъ, какъ онъ живописенъ. Дома изъ бѣлаго камня, болѣею частію, не высоки и почти всѣ окружены зеленѣющими палисадниками. Нѣсколько колоколенъ величаво возносятся къ облакамъ.

День вѣзда Лорда Байрона въ городъ былъ праздничный: французскія и корсиканскія знамена развѣвались на нѣкоторыхъ зданіяхъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣются огромныя деревья, равняющіяся вышиною съ окружающими городъ горами. Фермы, монастыри, разбросанныя тамъ-и-сямъ, разнообразятъ видъ и составляютъ привлекательный контрастъ съ темными окружающими ихъ лѣсами. Карета-дормезъ нашихъ путешественниковъ остановилась около хорошенькаго домика, близъ одной изъ заставъ города. Корсиканецъ, господинъ Сегаро, владѣлецъ дома, принялъ гостей съ особенною привѣтливостью и радушіемъ. Онъ былъ въ неподдѣльномъ восторгѣ, увидя лорда Байрона, котораго не видалъ около семи лѣтъ. Онъ пыталъ къ поэту живѣйшую дружбу, и не могъ придти въ себя отъ радости, видя его своимъ гостемъ.

VI.

Кортэ — Фалерское вино. — Привычки лорда Байрона. — Препятствія къ браку. — Мысли лорда Байрона о бракѣ. — Черта благотворительности. — Байронъ соединяетъ дворянство. — Коринѣиская благодарность.

Издали Кортэ можетъ напомнить воображенію счастливую долину Абиссинскихъ князей, такъ пріятно описанную Джонсономъ, въ его «Расселасѣ.» Подъѣзжая къ дому г. Сегаро, лордъ Байронъ, указавъ спутникамъ рукою на великолѣпный видъ города, сказалъ стихъ Валтеръ Скотта:

«Giant mountains take their stand,
«Like sentinels round fairy land.»

Къ счастью, очарованіе разрушается, какъ только въѣзжаемъ въ маленькій городишко, замѣчательный внутри только по чрезвычайной нечистотѣ и безнорядку. Невымощенные улицы наполнены стадами свиней, тощихъ собакъ и рогатымъ скотомъ. Часто взоръ встрѣчаетъ на улицѣ и падалъ, издающую невыносимый смиррадъ, особенно въ жаркое время, въ которое довелось нашимъ путешественникамъ посѣтить Кортэ. Дома здѣсь имѣютъ дверь на улицу, а окна во дворъ или въ садъ, какъ въ Каирѣ. Епископъ города предложилъ Байрону помѣщеніе въ своемъ дворцѣ, но тотъ учтиво уклонился отъ его предложенія, предпочитая маленькій, почти загородный домикъ своего стараго друга г. Сегаро. Домикъ этотъ стоялъ у городскихъ воротъ, на берегу маленькой прозрачной рѣчки, окруженный миртами и алоэ и защищенный съ восточной стороны длинною, густою каштановою аллеєю. Сегаро владелъ обширными виноградниками и велъ большую торговлю винами. Кромѣ оптовой продажи, онъ имѣлъ много маленькихъ погребовъ въ городѣ, гдѣ вино продавалось разною мѣрою, и сверхъ-того онъ отпущалъ на вывозъ болѣе 300 бочекъ вина. Древніе римляне получали изъ Коринѣи свое славное фалерское вино. *) Сегаро называлъ этотъ виноградъ свое новое, неперевѣренное еще вино, правильнѣе сказать, только что

*) Еслибы лордъ Байронъ зналъ, что говорится здѣсь о фалерскомъ винѣ, то онъ исправилъ бы ошибку капитана Бенсона. Римляне получали фалерское вино не изъ Коринѣи, а изъ маленькой области, лежавшей въ древней Кампаніи.

выпуклый виноградный сокъ. Виноградъ здѣсь не крупенъ, желтаго цвѣта, а молодое вино, которое изъ него выдѣлывается, бываетъ пѣннато, прекраснаго вкуса.

Лордъ Байронъ познакомился съ Сегаро въ Венеціи. Женившись на римлянкѣ, г. Сегаро имѣлъ несчастіе потерять жену свою во-время первыхъ родовъ ея. Онъ поручилъ своего первенца лорду Байрону, и возложилъ на него все попеченіе, какъ о жизни такъ и о воспитаніи малютки. Лордъ Байронъ оправдалъ довѣріе отца, въ полномъ смыслѣ слова. Онъ нарочно завѣхалъ въ маленькій, пыточныйъ городишко Кортѣ, чтобы явственно сообщить отцу подробности о воспитаніи его сына, и только этою потребностью благородной, возвышенной души его, оправдывается путешествіе, сопряженное съ такими лишениями и трудностями.

Во все время своего пребыванія въ Кортѣ, лорду Байрону ни разу не пришла даже мысль о его любимомъ развлеченіи; онъ не выжмалъ на охоту. Привыкнувъ къ частымъ купаньямъ, онъ только всего три раза въ цѣлую недѣлю выкупался здѣсь, тогда какъ всюду, въ другихъ мѣстахъ, онъ это дѣлалъ по два и по три раза на день. Иногда друзья замѣчали ему, что такіа неумѣренные купанья могутъ вредить здоровью, особенно въ слишкомъ жаркіе дни, но онъ ничего не слушалъ, воображая себя Геркулесомъ.

Случалось, что поэтъ засыпалъ послѣ обѣда въ обществѣ и сердился если выходили изъ комнаты, но ставляли его одного, или даже замѣчали собою его. Видно было, что онъ утомлялъ себя сверхъ силъ своихъ, но онъ никогда не хотѣлъ въ томъ сознаться. Зато нельзя было удачливо похвалить ему, какъ удивляясь его физической силѣ. Гостя у своего друга, Байронъ сдѣлался усидчивѣе, чѣмъ когда-либо, почти не выходилъ изъ дому, и цѣлые вечера проводилъ въ бесѣдѣ.

Лордъ Байронъ поручилъ капитану Ф... раздачу милостыни и вспоможенія бѣднымъ жителямъ города, за что «молодой капитанъ» сдѣлался всеобщимъ любимцемъ.

Кортѣ бѣденъ обществомъ и увеселеніями; но путешественники наши успѣли устроить маленькія вечернія собранія и обѣды, куда мужчины лучшаго мѣстнаго общества являлись одѣтыми въ самыя простыя платья англійскихъ фермеровъ. Дамы, черноглазныя и живыя, къ сожалѣнію, не отличались изяществомъ въ движеніяхъ и обращеніи, плодомъ воспитанія болѣе утонченнаго, чѣмъ то, которое онѣ здѣсь получаютъ.

Между служанками, въ домѣ Сегаро была молоденькая дѣвушка, которая любила одного молодого работника и обѣщала выйти за него замужъ

уже пять лѣтъ тому назадъ; но обоюдная бѣдность препятствовала принятому ими намѣренію и, вѣроятно препятствовала бы еще долго, если не цѣлую жизнь. Не смотря на это, Ануццата не желала разлучаться съ любезнымъ Бенно, и рѣшилась умереть дѣвушкой, если нельзя ей быть его женою.

Этотъ маленькій любовный эпизодъ очень понравился лорду Байрону, и онъ пожелалъ разъяснить его. Въ Кортѣ существуетъ обычай, который запрещаетъ работнику жениться, пока онъ не приобрететъ дома и нѣсколько земель, способныхъ прокормить его съ семьей. Цѣнность такого приобретения бываеъ отъ пяти сотъ франковъ до тысячи, сумма значительная въ странѣ, гдѣ работникъ не можетъ выработать болѣе шести су въ день, а женщина служить только изъ того, чтобы ее кормили и одѣвали. Несмотря на такой стѣснительный обычай, нравы здѣсь чисты.

Лордъ Байронъ со свойственною ему энергіею возставалъ противъ этого обычая. «Лучшій способъ, говорилъ онъ, по этому поводу, приучать человека къ трудолюбію состоитъ въ томъ, чтобы дать ему свободу любить и жениться; сердце научить его, поддерживать существованіе своей семьи.»

Увѣрившись въ чистомъ, безукоризненномъ поведеніи Ануццаты и Бенно, лордъ Байронъ купилъ имъ хижинку съ землей и сыгралъ въ свадьбу у г-на Сегаро, который взялъ на себя обязанности по случаю этого событія, чтобы участвовать хоть чѣмъ-нибудь въ такомъ благотворительномъ дѣлѣ.

Никогда чета влюбленныхъ не была такъ счастлива.

Лордъ Байронъ находилъ наслажденіе въ томъ, чтобы расточать свои благотѣянія при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ не покидалъ ихъ одного мѣста, не оставивъ въ немъ слѣдовъ своего великодушія и знаковъ своей щедрости. Многіе изъ окружавшихъ его удивлялись его расточительности на тѣхъ, кого онъ никогда болѣе не увидитъ. Лордъ Байронъ отвѣтилъ на эти замѣчанія, что онъ жалеть о тщетности истинныхъ, черствыхъ душахъ, которыя не понимаютъ въ какомъ наслажденіи счастливить ближнихъ.

Во время пребыванія нашихъ путешественниковъ въ Кортѣ гарнизонъ его состоялъ только изъ ста человекъ французскихъ солдатъ и нѣсколькихъ ротъ корсиканской милиціи, одѣтой въ холстинныя темнаго цвѣта и кожаные стволеты. Каждый солдатъ эта снабженъ карабиномъ и книжаломъ заткнутымъ за поясъ.

Все часовые, полицейскіе и будочники не выпускают трубокъ изо рта, какого бы роду службу они не отправляли. Привычка курить до того укоренилась въ этой странѣ, что мужчины и женщины всѣхъ возрастовъ, и даже дѣти восьми и десяти лѣтъ, не выходятъ на улицу безъ трубокъ. Въ тихіе, лѣтніе вечера, дымъ стоитъ на улицахъ, такъ, что встрѣчные съ трудомъ могутъ различать другъ друга. Лордъ Байронъ увѣрялъ, что этимъ постояннымъ окуриваніемъ жители обязаны своимъ здоровьемъ, чему можетъ служить доказательствомъ, что во всемъ городѣ существовали только одинъ врачъ, три фельдшера и два аптекаря. Комендантомъ города былъ старый, заслуженный воинъ, котораго лордъ Байронъ посѣщалъ каждую недѣлю два раза. При разставаніи они обмѣнялись подарками въ знакъ памяти. Дворецъ, нѣкогда обитаемый потомками Паоли и королемъ Теодоромъ, представлялъ одиѣ развалины.

Только нѣсколько старыхъ пушекъ напоминали о минувшемъ его величій. *Sic transit gloria mundi!*

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Кортѣ, лордъ Байронъ распрощался съ городомъ и съ другомъ своимъ Сегаро и направилъ путь снова въ Санто-Фиоренцо. Молодые, соединенные бракомъ съ помощью щедротъ благороднаго лорда, провожали насъ верхомъ болѣе трехъ миль за городъ. Когда настала минута разставанья, молодые супруги плакали на взрыдъ, изъявляя, какъ умѣли, всю мѣру своей благодарности. Лордъ Байронъ далъ молодому нѣсколько серебряныхъ монетъ, но тотъ рѣшительно отъ нихъ отказался.

«Какъ несправедливы были историки» сказалъ при этомъ лордъ Байронъ, «говоря о корсиканцахъ, будто чувство благодарности имъ совершенно неизвѣстно. Вотъ эти, напримѣръ, вѣроятно, ни отъ кого никогда не получали благодарній, но доказываютъ, что умѣютъ быть благодарными. Я думаю, что нѣтъ такого дикаго, варварскаго племени, которое бы оставалось нечувствительнымъ къ благодаренію, ему оказанному. Наше пребываніе въ Кортѣ уже тѣмъ будетъ памятно и не бесполезно, что мы устроили счастье двухъ любящихся существъ. Такіе случаи представляются не часто».

Лордъ Байронъ снова раскинулъ свой походный лагерь въ разрушенной деревушкѣ и снова увидѣлъ горнаго отшельника. Онъ съ виднымъ удовольствіемъ несъ на плечъ свое новое ружье и рассказывалъ съ восторгомъ о приѣмѣ, сдѣланномъ ему на яхтѣ. Ужинъ путешественниковъ состоялъ изъ рыбы и дичины, малосоленной и настрѣленной

пустынякомъ. Лордъ Байронъ и съ нимъ простился не безъ комлы знаковъ своей обычной щедрости.

VII.

Новая опасность, которой подвергается лордъ Байронъ — Возвращеніе въ Санто-Фиренцо. — Гибель и спасеніе господъ Денцеля и Шеллея.

Утромъ того дня, въ которой путешественники выѣхали изъ Корте, они услышали ружейный выстрѣлъ, и пуля, пущенная изъ-за лѣсу, пробивши задъ кареты, остановилась въ подушкѣ, подъ колѣнами лорда Байрона. Поѣздъ остановился; всѣ взяли за оружіе и стали въ оборонительное положеніе, ожидая нападенія. Въ Корсикѣ: такіа нападенія на дорепахъ были тогда нерѣдкою. Никто однако не показывался; изъ лѣсу, только слышенъ былъ въ отдаленіи лай собакъ. Байронъ заключилъ изъ этого, что происшествіе, котораго онъ могъ быть жертвою, должно отнести къ случайности, и тѣмъ достовернѣе, что корсиканцы охотятся на набавовъ съ пулями.

Путешественникамъ нашимъ предлагали въ Корте и въ Санто-Фиренцо конвой, но лордъ Байронъ отъ него отказался, потому какъ, что говорили, что на дорогахъ вездѣ тихо и безопасно и что по всѣмъ направленіямъ острова можно путешествовать, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Поѣздъ останавливался предпочтительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно было кормить лошадей травой. Жители деревень, лежащихъ по дорогѣ, по которой проѣзжалъ лордъ Байронъ съ своими спутниками, собирались поглазѣть на проѣзжихъ. Случалось, что въ иныхъ мѣстахъ каретъ нельзя было проѣхать; путешественники стрѣляли изъ ружья и жители ближайшей деревни сбѣгали во множествѣ на призывъ, отпрягали лошадей и поднимали на плеча карету и несли ее, пробираясь по каменнымъ тропинкамъ съ большою легкостью, чѣмъ остальные путешественники, которые вели лошадей подъ уздцы; многіе изъ несмѣльчиковъ были уже знакомы лорду Байрону по первому его проѣзду въ эти мѣстахъ; всѣ они были рады снова увидѣть его и услужить ему; но нельзя было принудить ихъ взять какое-либо денежное вознагражденіе за трудъ. Лордъ Байронъ успѣлъ

только подѣлиться съ ними табакомъ и порохомъ — отчего, какъ кажется, горные жители уже не въ силахъ отказаться.

Путешественники прибыли въ Санто-Фіоренцо здоровы и невредимы послѣ пятнадцатого путешествія по странѣ самой романтической. Оставшіеся друзья Байрона ожидали его съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Денцель успѣлъ снять нѣсколько лучшихъ видовъ страны, а Шеллей воспѣлъ городъ въ стихахъ, которые хотя были посредственны и не отличались чистотою французскаго языка, но очень польстили начальнику города.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отплытія путешественниковъ, Денцель и Шеллей рѣшились покататься по заливу; перывъ вѣтра опрокинулъ ихъ плывбу; плаванцы держались за нее въ продолженіе четырехъ часовъ, пока вода замѣтила на одномъ плавничѣ подъ наружными суднѣ. Имъ удалось была помощь въ ту самую минуту, когда Шеллей, выбившись изъ силъ, уже сталъ таять. Этотъ случай прожгвалъ на него такое впечатлѣніе, что онъ разбродилъ, что если онъ останется на яхтѣ, то ему придется поминимо утонуть. Эта идея до того овладѣла его воображеніемъ, что онъ рѣшился остаться въ Санто-Фіоренцо, и ожидать тамъ судна, которое перевозило-бы его прямо въ Венецію.

Лордъ Байронъ много трунилъ надъ суевѣрными опасеніями бѣднаго Шеллея, который доселѣ хвасталъ своимъ легкомысліемъ, но не принудилъ его переимѣнить намѣренія. Шеллей былъ уменъ — но страшный оригиналь. Преданный лорду Байрону, онъ былъ съ нимъ друженъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, что не заставило его однако уступать своимъ предчувствіямъ; и странно, они не обманули его; предчувствіе Шеллея, что онъ долженъ рано или поздно утонуть, сбылось на самомъ дѣлѣ. Два дни спустя послѣ описываемыхъ нами событій, онъ погибъ вмѣстѣ съ судномъ, на которомъ онъ плылъ, у тосканскихъ береговъ.

Яхта подняла якорь въ Санто-Фіоренцо, при шумныхъ изъявленіяхъ пріазанъ и сожалѣній новыхъ друзей и знакомыхъ лорда Байрона. Блудный Шеллей стоялъ на пристани въ нерѣшимости, съ глазами, полными слезъ, и долго, долго провожалъ отплывающихъ, развѣвая платокъ свой въ воздухъ, пока яхта не скрылась изъ виду. Скоро послѣ того яхта бросила якорь на рейдѣ Бастіи.

VIII.

Пріемъ, сдѣланный лорду Байрону въ Бастію. — Онъ называетъ себя лордомъ Ньюшадскимъ. — Занимательный анекдотъ объ Нельсонѣ. — Встрѣча съ утопленникомъ. — Алчіо. — Встрѣча лорда Байрона съ старымъ школьнымъ товарищемъ. — Байронъ устраиваетъ дуэль. — Бракосочетаніе. — Прибытіе въ Каліара. — Покушеніе на убійство. — Графу Ф... возвращаютъ его права и земли.

Начальственные лица Бастіи встрѣтили лорда Байрона съ особеннымъ отличіемъ. Онъ принялъ здѣсь имя лорда Ньюшадскаго и просилъ друзей своихъ, не называть его иначе. Ньюшадтъ принадлежалъ съ давнихъ временъ предкамъ лорда Байрона. Разстроенныя дѣла заставили поэта продать старинное родовое помѣстье, и онъ всю жизнь скорбѣлъ о томъ, что вынужденъ былъ силою обстоятельствъ на такую мѣру. Бастія — древняя столица Корсики. Городъ хорошо укрѣпленъ, имѣетъ хорошую пристань, театръ; въ немъ можно найти не только все необходимое для жизни, но много предметовъ, относящихся къ роскоши. Во время бытности своей въ этомъ городѣ лордъ Байронъ былъ очень удивленъ, когда въ одно прекрасное утро явился къ нему на яхту молодой мулатъ, по прозванію Камбель, индѣецъ по рожденію, котораго лордъ Байронъ считалъ погибшимъ на суднѣ, принадлежавшемъ отцу Байрона. Оказалось, что изъ цѣлаго экипажа, онъ одинъ спасся чудеснымъ образомъ. Проставшись съ Бастією, яхта, послѣ двухдневнаго плаванія, должна была зайти въ Кальви, нѣкогда бомбардированный и взятый лордомъ Нельсономъ. Капитанъ Ф... указалъ спутникамъ утесы, на которыхъ Нельсонъ долженъ былъ поставить свою батарею для осады. Въ этомъ-то мѣстѣ знаменитый адмиралъ лишился глаза. Лордъ Байронъ не изъявилъ желанія съѣхать на берегъ, потому что онъ занятъ былъ перепискою. Молодой Камбель говорилъ по итальянски, а потому былъ полезенъ Байрону и взять имъ на яхту. Мулатъ занимался переводомъ разныхъ нужныхъ бумагъ, но когда яхта поравнялась съ утесами, на которыхъ разбилось судно, принадлежавшее отцу Байрона, мулатъ выбѣжалъ на верхъ, указать поэту даже мѣсто, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими претерпѣлъ крушеніе и спасся чуднымъ образомъ. Послѣ кратковременнаго плаванія яхта вошла въ Алчіо. Едва она успѣла бросить якорь, какъ друзья лорда Байрона, давно ожидавшіе его прибытія, наполнили всѣ каюты. Между ними явился и одинъ изъ его школьныхъ товарищей, г. Форстеръ, изъ Ливерпуля. Лордъ Байронъ перебрался къ нему въ донж

Сестра Форстера была замужемъ за начальникомъ города. Лордъ Байронъ поручилъ капитану Ф*** отправиться въ Сардинію съ нѣкоторыми важными бумагами. Какъ только поэтъ отправилъ бумаги, къ нему возвратилась его обычная веселость, его всегдашняя привѣтливость и любезность. Казалось, онъ переродился съ новыми друзьями своими и сбѣдлся душою всѣхъ пирушекъ и празднествъ. Аячю давно не былъ свидѣтелемъ такихъ разнообразныхъ увеселеній; маскарады, балы, обѣды, катанья смѣяли другъ друга. Все пѣло, все ликовало.

Съ самаго прибытія путешественниковъ въ Аячіо, французскій офицеръ, капитанъ Сентъ П... всюду слѣдовалъ за госпожею В.... Дѣла шли обыкновеннымъ порядкомъ, какъ вдругъ въ одно утро капитанъ Сентъ П.... получаетъ вызовъ на дуэль отъ графа Ф.... Всѣ были поражены этимъ происшествіемъ. Лордъ Байронъ успѣлъ однако устроить дуэль и поспѣшилъ соединить бракомъ графа Ф. и госпожу В.... тѣмъ болѣе, что они были пара другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ подарилъ невѣстѣ, вмѣсто свадебнаго подарка, 1,000 цѣхиновъ, съ тѣмъ, чтобы она ихъ употребила на приданое своему первенцу. Затѣвались новые празднества по случаю этого бракосочетанія, какъ вдругъ капитанъ Ф.... совсѣмъ неожиданно возвратился изъ Сардиніи съ письмами, по которымъ лордъ Байронъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Калиари. Это непредвидѣнное препятствіе затѣваемымъ праздникамъ подошло очень кстати; надо было быть желѣзнымъ, чтобы выдержать еще нѣсколько дней такой образъ жизни.

Молодые супруги остались въ Аячіо, совершивъ обрядъ бракосочетанія, свидѣтелями котораго было все маленькое общество яхты. Лордъ Байронъ обѣщалъ имъ возвратиться. Яхта снова подняла якорь, распустила всѣ паруса, и легкимъ попутнымъ вѣтромъ проскользнула по проливу Вонифачіо, а на десятый день бросила якорь въ Калиари, не испытавъ во-время своего плаванія ни одного неприятнаго случая, почти невѣроятныхъ при длинныхъ морскихъ переходахъ. Калиари, бывшая столица Сардиніи, нынѣ только резиденція вице-короля.

Музыка на яхтѣ грянула, а съ батарей отвѣчали ей выстрѣлами, въ ту минуту, какъ лордъ Байронъ спускался въ шлюбку. На берегу ожидала его почетная стража, которую онъ тотчасъ отослалъ и съѣлъ въ приготовленный для него экипажъ, который и помчалъ его въ назначенный для него отель.

Мы уже говорили, что цѣль поѣздки лорда Байрона въ Сардинію состояла въ томъ, чтобы выполнить данное матери молодаго графа Сентъ Ф... обѣщаніе возстановить его права и возвратить ему оспариваемыя у него земли.

Все, что могли придумать сутяжничество самое ловкое и ябеда самая низкая, все было употреблено въ дѣлѣ молодого графа Сентъ Ф... противъ ходатайства лорда Байрона, но не могло сломить желѣзной воли его. Онъ восторжествовалъ надъ затрудненіями настойчивостію, терпѣніемъ и умомъ.

Болѣе шести недѣль употреблено было на то, чтобы доказать неположность молодого графа. Кормилица его и старый слуга, находившіеся при немъ безотлучно, пропали безъ вѣсти. Послѣ большихъ розысковъ и неимоверныхъ усилій, Байронъ отыскалъ ихъ, и осыпалъ милостіями въ благодарность за ихъ попеченія о молодомъ графѣ.

Случившееся въ то время происшествіе доказало лорду Байрону, какъ долженъ былъ онъ охранять свою собственную жизнь, выходя вечеромъ изъ дому. Его противники были люди сильные и богатые, а известно, что въ Сардиніи часто прибѣгаютъ къ убійству, какъ къ лучшему средству покончить длинные судебные процессы. Въ одинъ вечеръ капитанъ Ф... съѣхалъ съ яхты на берегъ, съ нѣкоторыми нужными бумагами, которыя онъ и положилъ въ боковой карманъ, застегнувъ платье на груди, изъ предосторожности, чтобъ не обронить ихъ. Проходя одну узкую улицу, онъ получилъ ударъ стилета въ плечо, который прокололъ нѣсколько листовъ бумаги и пергаментъ въ который онъ были завернуты.

Вечеръ показался капитану Ф... прохладнымъ и онъ накинулъ выходя первую попавшуюся ему шинель. Оказалась, что шинель эта была лорда Байрона. Очевидно, что ударъ былъ приготовленъ для него; онъ могъ быть гибеленъ для капитана, еслибы бумаги не отразили опасности.

Наконецъ молодой графъ совершенно выигралъ процессъ и водворенъ былъ въ правахъ и званіи своихъ предковъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ введенъ во владѣніе своихъ земель и помѣстьевъ, онъ поручилъ ихъ управленіе двумъ преданнымъ ему родственникамъ и предложилъ лорду Байрону возвратиться съ нимъ вмѣстѣ въ Италію, имѣя въ виду поѣхать въ Туринъ, чтобы представиться королю.

IX.

Таинственный ящикъ. — Предположеніе о томъ, что въ немъ заключается. — Графиня Сентъ Ф... — Прибытіе въ Неаполь.

Просимъ читателя вспомнить, что во-время бури, которую

испытала, плывя къ берегамъ Корсики, лордъ Байронъ предполагая, по словамъ капитана Бенсона, что крушеніе яхты неизбежно, — вынесъ на палубу маленькій ящичекъ, намѣреваясь взять его съ собою, еслибы даже пришлось спастись вплать. Онъ повидимому придавалъ большую цѣну этому сокровищу и охранялъ его неуспѣшно. По прибытіи въ Каліари, лордъ Байронъ перевезъ его на берегъ, въ сопровожденіи графа Сентъ Ф*... и мулата Камбеля. Всѣ трое не возвращались на яхту цѣлые четыре дни. Говорили, что таинственный ящикъ заключалъ бранные постанки меньшаго брата графа Сентъ Ф*... умершаго въ Греціи, вскорѣ послѣ своего рожденіи. Графиня, мать младенца, умирая поручила тѣмже лорду Байрону перевести прахъ своего младенца въ гробницу его предковъ, какъ поручила ему своего живаго сына. Поступки знаменитаго лорда доказываютъ, какъ свято было для него обѣщаніе, данное умирающей.

Вотъ нѣсколько словъ о жизни графини Сентъ Ф*... Она была дочь достаточныхъ и достойныхъ родителей, но неблагороднаго происхожденія. Графъ Сентъ Ф*... обвѣнчался съ нею тайно и имѣлъ сына, нынѣшняго молодого графа. Этотъ тайный бракъ объяснялъ, почему супруги воспитывали своего первенца въ уединеніи до 9-ти-лѣтняго возраста. Въ это время графъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ переѣхали въ Венецію. Когда же умеръ отецъ графа, то онъ долженъ былъ поѣхать въ Сардинію и оставить жену и ребенка. Онъ поручилъ ихъ лорду Байрону, обѣщая въ скоромъ времени пріѣхать за ними. Но онъ не сдержалъ слова; забылъ обязанности мужа и отца, вошелъ въ новыя сердечныя связи и тѣмъ убилъ жену свою. Несчастная не вынесла его невѣрности, и вскорѣ заболѣла стъ сердечной тоски и печали. Самъ же графъ былъ убитъ на дуэли однимъ французскимъ офицеромъ. Покинутая жена, желая облегчить свои душевныя страданія, предположила сама поѣхать въ Сардинію къ невѣрному. Она путешествовала въ сопровожденіи лорда Байрона, но не вынесла дороги и умерла на островѣ Кипрѣ. Тамъ-то, умирая, она сдѣлала поэта своимъ душеприкащикомъ. Обѣщанія лорда Байрона касательно ея сына облегчили несчастной послѣднія минуты разставанья съ жизнью. Три года хлопоталъ великодушный поэтъ, чтобы возвратить молодому графу права его, и успѣхъ его былъ сомнителенъ. Тогда-то онъ предпринялъ описываемое нами путешествіе, которое имѣло такую благородную цѣль и такой блистательный результатъ.

Все было готово къ отплытію. Двѣнадцать прощальныхъ выстрѣловъ посланы были яхтою крѣпости, и та отозвалась тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Яхта распустила свои белые паруса и вошла по направлению къ Каліари. Миновавъ проливъ Санто Бонифачіо, сильный порывъ вѣтра принудилъ яхту повернуть къ Неаполю, гдѣ она бросила якорь и гдѣ кончилось это занимательное путешествіе знаменитаго поэта *.

* Редакція приноситъ живѣйшую благодарность талантливой писательницѣ, А. И. Бибиковой, за доставленіе этихъ любопытныхъ записокъ, открывающихъ много замѣчательныхъ чертъ знаменитаго британскаго поэта, чертъ доселѣ неизвѣстныхъ европейскимъ его биографамъ. Записки эти, являясь впервые въ печати въ «Пантеонѣ», вѣроятно обратятъ на себя вниманіе самыхъ англичанъ, которые неспѣшатъ поддѣяться ими съ соотечественниками Лорда Байрона.

Редик.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго г. *Василько-Петрова*.

СПЕРВА СКОНЧАЛИСЬ, ПОТОМЪ ПОВѢНЧАЛИСЬ, водевилъ въ 2 картинахъ, соч. г. *Максимова 3*.

(*Бенефисъ г. Максимова 1*).

НИ ТОТЪ НИ ДРУГОЙ, комедія въ 1 дѣйствіи соч. *графини Ра-стопчиной*.

АМНИКА, водевилъ въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго П. С. *Федоровымъ*.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, водевилъ въ 1 дѣйствіи.

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ХОРОВОДЪ, вмѣсто дивертисмана, соч. г. *Сухомина*.

(*Бенефисъ г. Мартынова 1*).

Не даगे, какъ въ прошедшей книжкѣ «Пантеона» говорили мы о томъ, что трудно передѣлать драму изъ романа и что драмы, передѣлан-

ныя изъ романовъ рѣдко бываютъ удачны; мы и теперь, какъ и всегда, готовы повторить и доказать наше мнѣніе; но это еще не значитъ, что мы безусловно возстаемъ противъ драматическихъ заимствованій изъ романовъ. Дѣло мастера боится, говоритъ пословица, и весь вопросъ заключается въ томъ, чтобъ литераторъ, принимающійся за передѣлку романа въ драму, былъ мастеромъ своего дѣла. Не всякій романъ способенъ превратиться въ драму; для того, чтобъ быть драматическимъ писателемъ необходимо имѣть дарованіе: это очень простыя и неоспоримыя истины, но о нихъ наши драматурги не всегда думаютъ. Отъ того—то такъ много у насъ плохихъ пьесъ; отъ того изъ ста драматическихъ произведеній, появляющихся въ теченіе года на нашей сценѣ, не болѣе десяти, да и тѣ не на долго, остаются на репертуарѣ; отъ того, наконецъ, появляются передѣлки въ родѣ «Тараса Бульбы», о которомъ мы имѣли случай говорить въ прошедшей статьѣ нашей.

Во всякомъ человѣкѣ есть болѣшій или мѣншій запасъ честолюбія и славолюбія, то—есть, самолюбія; всякому въ—слѣдствіе этого хочется лавровъ, извѣстности, славы, хочется видѣть свое маленькое «Я» превознесеннымъ, прославленнымъ, возвеличеннымъ,—а этого нигдѣ вельзя достигнуть такъ легко, какъ въ театрѣ. Это Я становится на афишу, да не одинъ разъ, а нѣскольکو; это Я читается тысячами читающихъ афиши; это Я является на репетиціяхъ, съ правомъ голоса; а если пьеса имѣетъ успѣхъ, оно звучитъ и гремитъ среди восторженныхъ вѣсковъ, какъ имя героя, оно выходитъ передъ зовущую его толпу, облеченное въ черный фракъ и бѣлый жилетъ, и раскланивается, приложивъ руку къ сердцу, скромно и снисходительно улыбаясь... Сколько во всемъ этомъ упоенія для славолюбія—виноватъ—для самолюбія, присущаго, прирожденнаго каждому изъ смертныхъ. И для этого стоить только написать водевиль, или передѣлать драму! Какъ—же, посудите сами, не соблазниться, не попытаться смастерить водевильчикъ или драму; бенефицианты—же нуждаются въ пьесахъ и охотно берутъ ихъ, если въ нихъ есть хотя тѣнь смысла, громкое заглавіе для афиши и оригинальность, а главное—если за нихъ не требуютъ вознагражденія.

Оригинальною пьесою называютъ у насъ не только ту, въ которой есть что—нибудь своеобразное, то—есть оригинальное, но всякую, которая не переведена, не заимствована и не передѣлана, а сочинена. Не отказываются и отъ передѣлокъ на русскіе нравы, а передѣлать французскую пьесу на русскіе нравы легче, нежели выпить стаканъ воды: стоить только переименовать Этьена въ Степана, Жоржа въ Осипа, Клотильду въ Перепетую, Матильду въ Матрену.—и дѣло съ кон-

цомъ. Всѣ эти господа и госпожи мгновенно превращаются въ чистѣйшихъ русскихъ, даже безъ всякой примѣси норманскаго или варяжскаго элемента, русскіе-же нравы приходятъ сами-собою. Галлицизмы въ языкѣ и жизни дѣйствующихъ лицъ — сущій вздоръ, о которомъ наши передѣлыватели не заботятся. Они заботятся только о славѣ, забывая, что такая слава дымъ, а галлицизмъ ошибка противъ грамматики. Но ужъ тутъ не до грамматики: лишь бы добыть славы, этого сладко-одуряющаго дыму.

Вотъ откуда богатство и бѣдность нашей драматической литературы — богатство по количеству, бѣдность по качеству. Вотъ главный источникъ всѣхъ неудачныхъ передѣлокъ и заимствованій изъ иностраннаго пьеса и романовъ. Легче передѣлать, нежели сдѣлать — вотъ въ чемъ вопросъ — that is the question. Но если за дѣло возьмется мастеръ, тогда и дѣло выходитъ совсѣмъ другое. Не смотря на все наше неразумное къ передѣлкамъ французскихъ водевилей, мы съ удовольствіемъ смотримъ пьесы П. С. Федорова, потому-что онъ знаетъ сцену, владѣетъ языкомъ и умѣетъ выбирать такіа французскія пьесы, которыя идутъ къ нашимъ нравамъ. Тоже скажемъ мы и о драмѣ, передѣланной изъ романа, если она будетъ такъ-же хороша, какъ «Бенвенуто Челлини», драма, заимствованная изъ романа Александра Дюма, «Асканіо». Ее далъ въ свой бенефисъ г. Максимовъ. Переводъ сдѣланъ однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, г. Василько-Петровымъ, и потому о переводѣ ни слова, тѣмъ болѣе, что наши читатели знаютъ, какъ переводитъ г. Василько-Петровъ, по его переводу комедія Жерме Занда «Свадьба Викторины», напечатанному въ «Пантеонѣ»; но мы поговоримъ о содержаніи драмы и о ея исполненіи артистами Александринскаго театра. Бенвенуто Челлини былъ, какъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, знаменитый художникъ, родомъ изъ Флоренціи, и жилъ въ XVI вѣкѣ. Преимущественно прославился онъ какъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ (извините, у насъ нѣтъ для этого искусства особеннаго слова) и какъ чеканщикъ (ciseleur), но былъ человекъ всеобъемлющій, универсальный, — зналъ всего по меншогу; онъ былъ и ваятель, и инженеръ, и стратегикъ, и литейщикъ. Не менѣе знаменитъ Челлини своею жизнію, полною самыхъ удивительныхъ похощеній и приключеній, которыя онъ самъ описалъ въ своихъ запискахъ, книгѣ, до того занимательной, что великій Гёте не постыдился перевести ее на нѣмецкій языкъ. Эти записки переведены и на русскій, и были приложены къ одному изъ номеровъ «Современника». Челлини былъ человекъ отважный и необузданный, гуляка, забіяка, дуэлянтъ и страстный обожатель прекраснаго пола; однимъ-словомъ, самое полное олицетво-

реніе Донъ-Жуана. Авторъ драмы взялъ изъ всѣхъ этихъ качествъ страстную любовь къ художеству, непреклонный характеръ, желѣзную волю, гордость, и облекъ все это — нѣсколько идеализированнымъ, нѣсколько романтическимъ благородствомъ, которое впрочемъ не испортило дѣла, хотя не совсѣмъ согласно съ историческимъ характеромъ Челлини. Онъ представилъ его, сверхъ-того, какимъ-то Геркулесомъ, что также врядъ-ли вѣрно, если принять въ соображеніе, что Челлини былъ въ молодости до того женоподобенъ, что переодѣвался въ женское платье, а прїѣхавъ во Францію, страдалъ жестокимъ недугомъ, который долженъ былъ значительно истощать его тѣлесныя силы. Впрочемъ, мы охотно прощаемъ автору эти *драматическія вольности*, несогласныя съ исторіей, изъ благодарности за многія существенныя достоинства его драмы.

Драма основана на любви Челлини къ Коломбѣ д'Эстурвилъ, дочери парижскаго прево, которую любитъ также Асканіо, ученикъ и воспитанникъ Челлини; Асканіо-же любимъ герцогинею д'Этампъ, а Челлини сестрою герцогини, Скодзоне. Узнавъ о взаимной любви Асканіо и Коломбы, Челлини приноситъ себя въ жертву и хочетъ во что-бы то ни стало устроить счастье влюбленныхъ; но рука Коломбы обѣщана уже ея отцемъ, съ согласія короля, графу д'Орберу. Челлини надѣется однакожь устранить это препятствіе. Онъ выльпилъ статую Юпитера, которая такъ понравилась Франциску I, что король пожелалъ, чтобъ Челлини отлилъ ее изъ бронзы; художникъ сначала отказался, подъ предлогомъ, что французскіе литейщики умѣютъ отливать только пушки, а не художественныя произведенія; но чтобы составить счастье своего любимаго Асканіо, Челлини рѣшается на это предпріятіе, съ опасностью погубить, въ случаѣ неудачи, не только счастье Асканіо, но и собственную славу. Францискъ I, обрадованный рѣшимостью Бенвенуто, обѣщаетъ сдѣлать для него все, что онъ ни попроситъ, но враги Бенвенуто полагають новыя препятствія къ осуществленію его надеждъ. Ему дано только три дня на отлиту статуи, а свадьба Коломбы съ графомъ д'Орберъ назначена въ тотъ-же день. Бенвенуто покидаетъ Коломбу, съ тѣмъ, чтобы отправить ее, на время, къ ея теткѣ, настоятельницѣ Урсулннокъ, для монастыря которой онъ сдѣлалъ гробницу; онъ думаетъ положить Коломбу въ эту гробницу и отправить, такимъ образомъ, въ монастырь, но одинъ изъ его учениковъ извѣстилъ объ этомъ предпріятіи его враговъ. Бенвенуто не знаетъ объ этой измѣнѣ, но знаетъ ее Скодзоне, которая; ревнуя его къ Коломбѣ, сама противъ него дѣйствовала, и въстѣ съ сестрою своею, герцогинею д'Этампъ. Скодзоне слышала разговоръ Бенвенуто съ Асканіо и Коломбой, была свидѣтельницею его

благороднаго самоотверженія, и тронутая до глубины души, раскаяваясь въ своей ревности, рѣшилась спасти Коломбу. Скодзоне легла вмѣсто нея въ гробницу, а Коломба вышла изъ дому Бенвенуто, стерегомаго стражей и преданными герцогинѣ людьми, подъ покрываломъ Скодзоне. Гробницу отнесли не въ монастырь, а въ отель герцогини, и когда, два дня спустя, Бенвенуто отлилъ статую Юпитера и пришелъ просить согласія короля на бракъ Асканіо съ Коломбой, герцогиня, увѣренная, что Коломба въ гробницѣ, и что бракъ этотъ невозможенъ, нашла, вмѣсто Коломбы, трупъ своей сестры Скодзоне, задохнувшейся въ гробницѣ....

Мы рассказали здѣсь только основу драмы, и пропустили много чрезвычайно драматическихъ и эффектныхъ подробностей, не желая растягивать нашего отчета; впрочемъ, приведемъ здѣсь одну сцену, которая объяснитъ читателямъ успѣхъ драмы въ Парижѣ и на двухъ нашихъ сценахъ, Михайловской и Александринской:

Мастерская Бенвенуто. Вдали пылающій горнъ. Бенвенуто входитъ, истомленный трехсуточнымъ трудомъ, въ-продолженіе котораго онъ не спалъ, не ѣлъ и постоянно былъ при пылающемъ горнѣ.

II.

БЕНВЕНУТО. **ПАГОЛО,** измѣнившій ему ученикъ, потомъ **ГЕРМАНИЪ,** также ученикъ.

БЕНВЕНУТО (*не замѣчая Паголо*). О! Боже мой! кружится голова, колѣна подгибаются, въ глазахъ туманъ. Неужели совершится то, чего я такъ боялся? Неужели сила моихъ не хватить до конца? Нѣтъ, нѣтъ! Я приказываю тебѣ не слабѣть, желѣзное тѣло! слушайся меня! (*Падаетъ на одно колено*) Не слушается, не слушается! Мнѣ кажется, что я умираю. Кто-жъ освободитъ Коломбу и Асканію, если я умру? Господи, Боже мой! помоги мнѣ!.. Полно, Бенвенуто, мужайся! (*Встаетъ*) Разсудокъ мой и воля еще не совсѣмъ истощились, надо этимъ пользоваться. (*Зоветь*) Германнъ! Паголо!

ПАГОЛО (*наблюдавшій за нимъ издали*). Я здѣсь.

ГЕРМАНЪ (*вбывая*). Что нужно? А! я мы также выжились из огня!

БЕНВЕНУТО. Послушай, Германъ. Я тебя поручалъ взвѣсить и беречь слитки, пошедшіе въ дѣло; увѣренъ-ли ты, что не ошибся въ счетъ?

ГЕРМАНЪ. Увѣренъ.

БЕНВЕНУТО. О! мнѣ кажется, что костеръ этотъ у меня въ головѣ! — Ты ручаешься-ли, что металлу хватитъ.

ГЕРМАНЪ. Даже слишкомъ; ручаюсь.

БЕНВЕНУТО. Хорошо. Слушай же ты, Паголо. Я истощилась, другъ мой, но ты можешь теперь замѣнить меня. Остается самая легкая, чистейше-механическая часть труда. Слѣдуетъ только поддерживать металлъ въ растопленномъ видѣ, пока не наполнится форма. Исполнишь-ли ты это, Паголо?

ПАГОЛО. Исполню.

БЕНВЕНУТО. Благодарю. Ступайте же, друзья мои. О! въ головѣ моей кипитъ, я отрадею!

ПАГОЛО. Вамъ-бы нужна помощь.

БЕНВЕНУТО (*ударяя по пьедесталу*). Когда будетъ стоять здѣсь мой Юпитеръ! Подождите. Еще слово: мужайтесь. Вы работаете не для одного искусства, но и для добраго дѣла; вы спасаете Асканію и Колумбу! Ступайте. (*Падаетъ обезсиленный*).

ГЕРМАНЪ. Боже мой, Боже! Чѣмъ все это кончится?

ПАГОЛО. Пойдемъ, Германъ.

III.

БЕНВЕНУТО одинъ.

Ты палъ наконецъ, горделивый Титанъ! Да, не что-жъ изъ этого? мой Юпитеръ будетъ жить! Мой Юпитеръ доживетъ!

королю, что онъ обѣщалъ мнѣ милость, въ награду за меня, о милость эта... О! Боже мой! не могу припомнить. Ах! да! Асканіо будетъ владѣльцемъ Неля, Коломба его женою, а Скюдзоне поѣдетъ со мною во Францію и будетъ счастлива! О! дорогія тѣни, вы всё здѣсь, кругомъ меня... Но я брежу, у меня лихорадка! Нѣтъ, слава Богу, нѣтъ! разумокъ возвращается, голова моя совсѣмъ прояснилась. *(Становится передъ пьедесталомъ)* Никогда еще не видалъ я съ такою ясностію моихъ замысловъ и созданий. Вотъ мой Юпитеръ! Какъ хорошъ ты, Олимпіецъ! Но нѣтъ, онъ не удался! движеніе ложно, онъ покачнулся, падаетъ! Кто-жь сказалъ мнѣ, что онъ прекрасенъ? Откуда пришла мнѣ такая мысль? гдѣ у меня былъ умъ? онъ не удался!.. Мои работники обманывали меня! они все знали, но не говорили, и подсмѣивались надо мной изъ-подъ тышка. О! сомнѣніе, сомнѣніе!.. Несчастный! вмѣсто Юпитера, царя боговъ, ты создалъ какого-то уродливаго и глухого Вулкана. Слышишь-ли ты, какъ тамъ, въ литейной, смѣются твои товарищи; а тамъ на дворѣ, стережетъ тебя стража, дальше твои придворные враги, герцогиня д'Этампъ, графъ д'Орбекъ, д'Эстурвиль; а тамъ Бандинелли, Гиберти, всё твои италіянскіе соперники, и наконецъ, какъ необозримый циркъ, художники всей Европы окружили тебя съ насмѣшками и ругательствами. Погибъ, осмѣянъ, обезчещенъ... *(Падая)* Нѣтъ! Слава Богу! Мертвъ!

IV.

НАГОЛО въ обморокѣ, **НАГОЛО**, потомъ **ГЕРМАНЪ**, **СИМСОНЪ** и всѣ прочіе **РАБОТНИКИ**.

НАГОЛО *(возвращается блѣдный и дрожащій)*. Что я сдѣлалъ!.. Но я вѣдь только подшутилъ надъ Германомъ... Отчего-же мнѣ какъ-то неловко и странно... какъ-будто я совершилъ преступленіе...

РАБОТНИКИ *(за сценой)*. Германъ! Германъ! Не хватаетъ мѣди.

НАГОЛО. Ага! Они замѣтили мою шутку...

РАБОТНИКИ *(объявъ въ безпорядкѣ)*. Мѣди! мѣди! Форма холодѣетъ.

ГЕРМАНЪ. О! Боже мой! гдѣ же мѣдь? Ее украли!

ИЩЕ ПРОСОНОВЕЖЕ РАБОТНИКОВЪ. Мѣди, ради Бога мѣди! или все погнбло!

ГЕРМАНЪ. Проснитесь, Бенвенуто, проснитесь! Мѣди! меня обокрали!

ПАГОЛО. Да развѣ ты не видишь, что онъ въ обморокѣ? не мучь его...

СИМОНЪ. Но вѣдь все погибнетъ!

ПАГОЛО. Чтѣ же дѣлать? Это несчастіе. Мѣди нѣтъ, такъ ужъ разумѣется, что все погнбло.

БЕНВЕНУТО (*приподнимаясь*). Кто смѣлъ сказать, что все погнбло, когда Бенвенуто живъ еще?

ВСЪ. Очнулся!

БЕНВЕНУТО (*встаетъ*). Чтѣ случилось?

ВСЪ. Форма холодѣетъ. Надо дровъ. Тухнетъ огонь. Внновать Германъ. Все погнбло.

БЕНВЕНУТО. Молчать. (*Симону*) Говори ты.

СИМОНЪ. Нѣтъ дровъ, форма холодѣетъ.

БЕНВЕНУТО. Возьмите эти скамьи, ломайте столы. (*Беретъ топоръ, рубитъ все, что къ нему попадаетъ подъ руку, и въ одно мгновеніе наваливаетъ цѣлую кучу обломковъ*) Берите, несите. (*Симону*) Чтѣ еще.

СИМОНЪ. Недостаетъ мѣди.

БЕНВЕНУТО. А! (*Хватаетъ Германа за горло*) Ты изтѣнилъ мнѣ.

ГЕРМАНЪ. Убейте меня! (*Уходитъ*).

БЕНВЕНУТО. Мѣди! Но гдѣ же мнѣ взять ее? Дровъ я могъ наколѣть, но мѣди, гдѣ я возьму мѣди?

СИМОНЪ (*объгналъ*). Огонь горитъ, но нѣтъ металлу; скорѣе, ради Бога, скорѣе!

БЕНВЕНУТО. О! еслибъ кровь могла превратиться въ бронзу!

РАБОТНИКИ (*за сценой*). Металлу! металлу!

БЕНВЕНУТО. Они сведутъ меня съ ума этими криками. Жизнь моя за сто фунтовъ мѣди! Все отъ этого зависить, Коломба, Асканію, Скодзоне! (*Озираясь*) И ничего, ничего нѣтъ. (*Шаритъ въ кармазахъ*) Даже ни одной мѣдной монеты! Они погнбли!

РАБОТНИКИ (за сценой). Скорѣе, металлу!

БЕНВЕНУТО (глаза котораго остановились на поставцѣ съ серебряными вещами) Нѣтъ, они спасены! — Паголо, Симонъ, берите, несите, золото, серебро, — все въ огонь!

ПАГОЛО. Какъ! но вѣдь это лучшія ваши произведенія!

БЕНВЕНУТО. Вздоръ! — это металлъ! (Отдаетъ работникамъ вазы, блюда, кубки и проч.).

СИМОНЪ. Какъ! и этотъ дивный кубокъ?

БЕНВЕНУТО. Въ огонь! И еслибъ мое тѣло могло пригодиться, я бы самъ бросился туда же. (Останавливая одного работника, который уноситъ прекрасную чашу, и вырывая ее у него изъ рукъ). Вотъ эту чашу жаль мнѣ. «Потомство, сказалъ король, назоветъ ее чашей Челлини.» Она мала, она ничего не прибавитъ! — Какъ! дѣло идетъ о жизни всѣхъ, кого я люблю, а я вздумалъ скупиться! Торгань! (Хочетъ отдать чашу).

ГОЛОСЪ (за сценой). Довольно! Форма полна!

СИМОНЪ (и работники). Побѣда! побѣда!.. Все кончено! Побѣда!

БЕНВЕНУТО. Благодарю тебя, мой Боже! — Ты всегда помогаешь человѣку въ его добрыхъ дѣяніяхъ! — Я побѣдилъ! Да будетъ благословенно имя Твое во вѣки!

ГЕРМАНЪ (бросается на Паголо и влечетъ его къ Бенвенуто). Бенвенуто, я нашелъ украденный металлъ въ комнатѣ Паголо.

ПАГОЛО. Онъ задушитъ меня.

ГЕРМАНЪ. Непремѣнно задушю.

БЕНВЕНУТО (сквозь зубы). Воръ! — Дѣлай съ нимъ, что хочешь, Германъ; я свое дѣло сдѣлалъ: Коломба и Аскавіо спасены.

ГЕРМАНЪ (Паголо). Молись!

ПАГОЛО. Бенвенуто! — Ой! защитите меня — или я ничего не скажу, и Коломба погибнетъ.

БЕНВЕНУТО. Что говорить онъ? Погоди, Германъ.

ПАГОЛО (котораго Германъ еще не выпустилъ). Бенвенуто — вы заперли Коломбу — въ гробницу, двое сутокъ тому назадъ?

БЕНВЕНУТО. Да, такъ что-жь?

ПАГОЛО. Она и до-сихъ-поръ въ ней. (Бенвенуто убѣгаетъ съ ужаснѣйшимъ крикомъ).

Такихъ сценъ въ этой драмѣ много. Г. Каратыгинъ прекрасно играетъ роль Бенвенуто. Г-жа Самойлова 2-я очень хороша въ роли Скодзоне. Г-жа Орлова играетъ роль герцогини д'Этампъ нѣсколько холодно, но не безъ достоинства. Вообще вся пьеса идетъ согласно и постоянно привлекаетъ въ театрѣ публику. Четыре представленія сряду не было въ театрѣ ни одного пустаго мѣста.

Кромѣ этой драмы давали въ бенефисъ г. Максимова очень забавный водевиль г. Максимова 3 «Сперва скончались, потомъ повѣщались»; въ немъ очень хороши бенефициантъ и г. Мартыновъ.

Въ бенефисъ г. Мартынова былъ еще данъ «Первый Русскій хороводъ» г. Сухомина, автора «Русской свадьбы въ востокѣ XVI столѣтій». Какъ дарованіе, такъ и мѣсто г. Сухомина въ литературѣ были объяснены критикой при появленіи его «Русской свадьбы», усилъ которой былъ основанъ единственно на великоблжнной постановкѣ пьесы и вставленныхъ въ нее образахъ, пѣсняхъ.

Содержаніе «Перваго русскаго хоровода» очень коротко, но нельзя сказать, что ясно. Вотъ что говорить, по этому поводу фельетонъ одной изъ нашихъ газетъ, съ которыми мы вполне согласны.

Молодежькая актриса, Александра Дмитриевна, празнуетъ день своего рожденія и готовится къ бенефису; она очень грустна и не въ духѣ, потому-что не имѣетъ для бенефиса хорошей пьесы, а отъ бенефиса зависитъ свадьба ея съ молодымъ человѣкомъ, котораго она любитъ. Является Алексѣй Сергѣичъ, известный писателъ. «Что съ тобой, дѣмъ?» спрашиваетъ онъ дѣвушку. Дѣвушка объясняетъ ему свое горе и проситъ написать ей пьесу. Но до бенефиса осталось только двѣ недѣли, а въ такой короткій срокъ трудно написать и поставить пьесу. Впрочемъ, Алексѣй Сергѣичъ вспоминаетъ, что у него была мысль поставить на сцену русскій хороводъ. «Да что это такое?» спрашиваетъ дѣвушка. И Алексѣй Сергѣичъ, устѣвшій на стулѣ, начинаетъ диссертацию о русскомъ хороводѣ, продолжающуюся добрыхъ десять минутъ. Французы (говоритъ онъ) сдѣлали изъ простой пѣсенки водевилъ, который имѣетъ, въ настоящее время, большое значеніе въ нѣхъ литературѣ; отчегоже-бы намъ, русскимъ, не попытаться сдѣлать что-нибудь изъ хоровода? Въдъ хороводъ и безъ того уже состоитъ изъ пѣсенъ, плясокъ и рѣчей, слѣдовательно, стоить видоизмѣнять его, придавая ему то комическій, то драматическій смыслъ, и получите безконечный рядъ народныхъ русскихъ представленій. Притомъ-же хороводъ не всегда былъ игрой, забавой; есть основаніе думать, что въ древности онъ истекалъ изъ самой сущности жизни, имѣлъ въ ней важное значеніе; слѣдовательно, теперь онъ долженъ имѣть значеніе историческое, можетъ имѣть мѣсто въ искусствѣ.

Это объясненіе приводитъ въ восторгъ артистку (но не публику);

она (то есть артистка) проситъ Алексѣя Сергѣича дать ей хороводъ въ бенефисъ. Алексѣй Сергѣичъ соглашается, и тотчасъ-же приступаетъ къ репетиціи хоровода, съ помощью подругъ артистки, которыя собрались поздравить ее съ днемъ рожденья.

Начинается хороводъ, состоящій изъ цѣлой вереницы дѣвушекъ въ русскихъ костюмахъ; они составляютъ кругъ, въ который входятъ двѣ изъ нихъ: одна въ мужской шляпѣ и фатѣ, накинутой на плеча, играетъ роль *молодца*, другая играетъ роль его *зизнобушки*; хороводъ поетъ пѣсню, вытягивается въ нитку и снова сходится кругомъ, а дѣйствующія лица выражаютъ мимикою слова пѣсни. Вдругъ раздается крикъ: «Къ намъ забрался кто-то чужой, какой-то нѣмецъ подсматриваетъ!» За деревомъ спрятался молодой человекъ во фракѣ, котораго выводятъ впередъ и наказываютъ за его любопытство: его ставятъ подъ шапку, осыпаютъ хлѣбемъ, обливаютъ водой (все это дѣлается въ сопровожденіи соответствующихъ пѣсень), заставляютъ пѣть и плясать. Этотъ нѣмецъ тотъ самый молодой человекъ, котораго любитъ Александра Дмитриевна; вы догадываетесь, что дѣло кончается общаіемъ Александра Дмитриевны выйти за него замужъ.

Привыкшемъ, мы несомнѣнъ поняли основаніе, заставившее г. Сухонина написать и поставить этотъ хороводъ; а основаніе, должно полагать, было, хотя Алексѣй Сергѣичъ, говорящій въ пьесѣ отъ имени автора, не сумѣлъ объяснить его. Положимъ, что французы сдѣлали изъ простой пѣсни водевилъ, но это вовсе не ведетъ къ тому, что русскіе должны или могутъ создать изъ хоровода новый родъ драматическихъ представленій. Самый хороводъ есть, пожалуй, ничто иное, какъ русскій водевилъ, но онъ есть, въ то-же время, крайняя грань русскаго водевиля, далѣе которой нашъ водевилъ двигаться не можетъ. Г. Сухонинъ говоритъ, что хороводъ былъ выраженіемъ жизни; положимъ, что это правда, но что-жъ изъ этого? Что было, то прошло и не воротится, какъ замѣчаетъ очень справедливо самъ г. Сухонинъ. Можетъ-быть, онъ думалъ воротиться къ хороводу для того, чтобы постепенно развить изъ него народную русскую драму; но это было-бы нелѣпо, потому-что, какова ни есть, а русская драма существуетъ, и пересоздавать ее на основаніи давно отжившихъ данныхъ, почти все-равно, что пересоздавать на основаніи тѣхъ-же данныхъ всю нашу жизнь и образованіе. Эта утопія многихъ сбивала съ толку, но люди здравомыслящіе давно уже порѣшили съ ней. Чего-же хотѣлъ г. Сухонинъ? Намъ кажется, что онъ самъ не вполне объяснилъ себѣ этотъ вопросъ. Мы готовы допустить, что хороводъ можетъ имѣть мѣсто на сценѣ въ такъ называемыхъ *дивертиссементахъ*, или какъ часть другаго представленія, драмы или комедіи; но мы не можемъ себѣ представить, чтобъ хороводъ могъ послужить основаніемъ новому роду драматическихъ произведеній...

Пьеска г. Сухонина и не имѣла никакого успѣха была повторена только два раза. Мы слышали, что г. Сухонинъ хотѣлъ вы-

бросить изъ нея всю драматическую часть, оставить только-то, что касается прямо самаго хора, расширить эту часть, и назвать все—«Соколы и Пашушка». Такимъ образомъ пьеска г. Сухонина обратится въ настоящій дивертиссементъ и будетъ уже принадлежать балет-мейстеру. Слышали мы также, что г. Сухонинъ готовится къ будущему сезону драму изъ современной жизни...

Кромѣ пьески г. Сухонина, давали въ бенефисъ г. Мартынова еще три новыя пьесы: комедію графини Ростопчиной «Ни тотъ, ни другой», водевиль г. Федорова «Амишка» и водевиль г. Квитковскаго «Серебряная свадьба». Съ первыми двумя пьесами читатели «Пантеона» не замедлятъ познакомиться, и потому мы о нихъ говорить не будемъ. Скажемъ только, что водевиль «Амишка» былъ разыгранъ прекрасно, а комедія графини Ростопчиной неудовлетворительно. Что касается до пьесы г. Квитковскаго, то она не безъ достоинствъ, но очень растянута; видно, что это первый опытъ автора или, по-крайней-мѣрѣ, одинъ изъ первыхъ его опытовъ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА: отъ 20/я января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году. — Число новыхъ пьесъ и суммъ, вырученныхъ, въ 1852 году, парижскими театрами. — Исторія съ оперой Верди «Эрнани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — Опера, новый балетъ гг. Миззиль и Адольфа Адана. — Нѣсколько словъ о комическихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — Табаренъ, комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Амбуаза и Бускѣ. — Сердце и приданое, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Фелисьена Мальвилля. — Фариндондена, драма гг. Дюпети и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Адана Гроота. — Хижина дяди Тома, драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Домануара и д'Эллери.

Прошедшій 1852 годъ былъ богатъ большими серьезными пьесами, изъ которыхъ многія имѣли огромный успѣхъ; это избавляетъ насъ отъ обязанности напоминать здѣсь о многомъ множествѣ водевилей — преобладающей во Франціи формѣ драматическихъ произведеній. Богъ съ ними, со всеми этими водевилями; приведемъ лучше названія большихъ пьесъ, данныхъ съ успѣхомъ, въ теченіе прошедшаго года, на парижскихъ театрахъ.

Театръ «Большой Оперы» поставилъ «Странствующаго Жидка», образцовое произведеніе г. Галеви и «Моисея», оперу Россини, во французскомъ переводѣ.

«Первый Французскій Театръ» поставилъ «Діану», драму г. Эмиля Ожье, и «Улисса» соч. г. Понсара.

На театрѣ «Комической Оперы» играли «Брюггенскаго звоняра» г. Гривара, «Галатею» г. Виктора Массе, «Маделону» г. Базена, «Ста-

рика Гальяра» г. Ребера; всѣ эти оперы имѣли успѣхъ, но «Марко Спада», данная въ послѣднихъ дняхъ истекшаго года, перещеголяла, въ этомъ отношеніи, всѣхъ своихъ предшественницъ.

«Одеонъ» можетъ также похвалиться многочисленными успѣхами, въ-особенности же успѣхомъ «Г. Прюдома», комедіи Генриха Монье, о которой мы рассказывали вамъ въ послѣднемъ письмѣ.

Изъ пьесъ, данныхъ на «Лирическомъ Театрѣ», должно упомянуть о «Жоанитѣ», и объ оперѣ г. Адольфа Адана «Еслибъ я былъ королемъ»!

«Театръ Водевиля» цѣлый годъ дѣлалъ полные сборы, всякій разъ какъ давали «Даму съ камеліями» (*La dame aux camélias*). Вотъ цифры, которыя дадутъ вамъ понятіе объ этомъ неслыханномъ въ лѣтнихъ водевильныхъ театровъ успѣхѣ: первая сто представленій «Дамы съ камеліями» принесли 300,000 франковъ; шестьдесятъ представленій, данныхъ по возобновленіи, принесли до 140,000 франковъ.

Г. Карнье, дѣятельный и предприимчивый директоръ театра «Разнообразія», умѣлъ сдѣлать свой театръ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ публикою, поставивъ много новыхъ пьесъ, въ которыхъ участвовалъ Фредерикъ Леметръ, самый популярный изъ парижскихъ актеровъ. Недавно г. Карнье ангажировалъ двухъ новыхъ отличныхъ артистовъ, г. и г-жу Дезэ (*Deshayes*).

Театръ «Драматической Гимназіи» сдѣлался, благодаря искусному управленію г. Монтиньи, сценой первостепенной; на немъ играютъ произведенія Жоржъ-Занда, Эмиля Ожье, Бальзака, Мюссе, однимъ словомъ, почти всѣхъ драматическихъ писателей, которые пользуются болѣею и болѣе заслуженною извѣстностію; притомъ же группа этого театра составлена прекрасно, такъ, что онъ могъ бы даже давать на сценѣ своей классическія произведенія.

Въ Пале-рояльскомъ театрѣ смѣнялись круглый годъ, по обыкновенію.

Изъ пьесъ данныхъ на театрѣ «у Сет-Мартенскихъ воротъ» особенно замѣчательны: «Бенвенуто Челлини», «Севскія ночи» и «Ричардъ III».

На Театрѣ «Амбигю-Комикъ» имѣли успѣхъ: «Альпійская па-стуха» и «Кучеръ Жанъ». Театръ «Драматическихъ Шалостей» и «Национальный» также очень хорошо вели свои дѣла. Вообще, въ-теченіе 1852 года, на парижскихъ театрахъ дано 321 новаго пьеса, а именно: въ Большой Оперѣ (теперь Императорская Академія музыки) 1 опера, 1 балетъ; на Первомъ Французскомъ Театрѣ: 7 комедій, 1 трагедія, 1 драма, 1 драматическая пословица; въ Комической Оперѣ: 9 оперъ; въ Итальянской Оперѣ: 2 оперы; въ Одеонѣ: 12 комедій, 3 драмы, 1 драматическая пословица, 3 драматическія обо-

зрѣніа; въ Лирическомъ Театрѣ: 1 лирическая драма, 10 комическихъ оперъ; въ Театрѣ Воведляа: 27 водевилей; на Театрѣ Разнообразія: 31 водевилъ; на Театрѣ Драматической Гимназіи: 1 комедія и 22 водевила; въ Пале-рояльскомъ: 36 водевилей; у Сет-Мартенскихъ Верте: 5 драмъ, 1 водевилъ, 1 балетъ; на Театрѣ Веселости: 6 драмъ, 2 водевила; на Театрѣ Амбигю-Комикъ: 8 драмъ, 4 водевила; въ Национальномъ Театрѣ (бывшемъ Циркѣ): 4 драмы, 4 водевила; въ Театрѣ Драматическихъ Шалостей: 26 пьесъ; на Театрѣ Комическихка Отдохновеній: 29 пьесъ; на Театрѣ Бомарше: 14; на Люксамбургскомъ: 1 комедія, 24 водевила, 3 драмы, 1 волшебная пьеса, 1 драматическое обозрѣніе; въ Театрѣ-Шуазейль: 10 пьесъ; въ Фюанбийоль: 3 водевила, 5 пантомимъ, 1 обозрѣніе.

Театры, получающіе вспоможеніе отъ правительства, собрали, въ теченіе первыхъ одиннадцати мѣсяцевъ прошедшаго года, 2,663,874 франкъ, 40 сантимовъ; второстепенные театры собрали 5,884,748 франковъ 26 сантимовъ; концерты и другія зрѣлища — 1,223,849 франковъ 89 сантимовъ; кабинеты разныхъ рѣдкостей и диковинъ: 398,868 франковъ, 30 сантимовъ. Всѣ эти суммы вмѣстѣ составляютъ 10,166,337 франковъ, 85 сантимовъ. Эта цифра можетъ вамъ дать понятіе о страсти шаржанъ къ зрѣлищамъ; не забывайте при этомъ, что въ Парижѣ это удовольствіе стоить очень дешево.

Новый театралный годъ начался, какъ и всегда, такъ называемыми *Обозрѣніями* (Revue), то есть, такими пьесами, въ которыхъ выступаютъ на сцену всѣ замѣчательнѣйшія лица и событія истекшаго года. Такъ какъ эти пьесы пишутся, болѣею частью, на одинъ только день, то понятно, что они рѣдко бываютъ хороши. Мы о нихъ говорить не будемъ, тѣмъ болѣе, что у насъ порядочный запасъ большихъ пьесъ, о которыхъ мы не считаемъ себя въ-правѣ умолчать. Но позвольте прежде всего рассказать вамъ довольно забавное происшествіе съ одной итальянской оперой, которая извѣстна и нашимъ петербургскимъ читателямъ.

Афиша нашего итальянскаго театра возвѣстила первое представленіе «Эрнани»; потомъ отложили это представленіе, и нѣсколько времени спустя, появился на афишѣ, вмѣсто «Эрнани», — *Il Proscritto* (Изгнанникъ). Но «Изгнанникъ» и «Эрнани» — одно и тоже. Новый импрессарио нашей Итальянской Оперы, г. Корти, иностранецъ и не знаетъ нашихъ законовъ, а у насъ есть законъ о литературной собственности, изданный въ 1791 году, въ которомъ сказано, что всякое драматическое произведеніе есть собственность написавшаго его автора и что никто, пока авторъ живъ, не имѣетъ на это произведеніе никакого права.

Итальянскіе либреттисты (не называемъ ихъ поэтами) давно уже считали удобнымъ заимствовать свои либретты у французскихъ писателей; оно и дѣйствительно удобно, потому-что избавляетъ отъ труда придумывать содержаніе драмы. Притомъ-же итальянцы могутъ дѣлать эти заимствованія безнаказанно, потому-что французскіе законы не имѣютъ силы по ту сторону Альпъ. Но на французскихъ сценахъ рѣшительно запрещено давать оперы, содержаніе которыхъ взято изъ французскихъ драмъ, безъ предварительнаго согласія на то ихъ авторовъ. У насъ даютъ *Elisir d'amore*, хотя эта опера заимствована изъ оперы Скриба *Le Philtre*, даютъ *il Fantasma*, заимствованную изъ пьесы г. Мелезвилля *Un songe ou la Chapelle de Glethorn*, потому-что гг. Скрибъ и Мелезвилль дали на то свое согласіе, но не даютъ уже «Лукрецію Борджію», потому-что Викторъ Гюго, изъ драмы котораго эта опера заимствована, заводилъ процессъ съ театромъ и выигралъ его, то есть получилъ право остановить представленія. Впрочемъ, во-время управленія Итальянской Оперой г. Ронкони, Викторъ Гюго позволилъ дать три раза «Лукрецію Борджію», но съ условіемъ, что ему заплатятъ по 150 франковъ за каждое представленіе. «Эрнани»-же онъ также запретилъ играть, и г-жа Крувелли, прекрасно играющая въ этой оперѣ, не могла, въ прошедшемъ году, явиться въ ней, несмотря на всѣ старанія и хлопоты г. Ломлея.

Подобная-же исторія случилась съ «Дочерью полка» въ итальянскомъ переводѣ. Г-жа Зонтагъ восхитительна въ этой оперѣ, и потому Ломлею очень хотѣлось поставить ее, но слова ея написаны двумя французскими авторами, гг. Сень-Жоржемъ и Баяромъ, а музыка, хотя и написана итальянцемъ, Доницетти, но для парижской «Комической Оперы». Г. Сень-Жоржъ, съ своей стороны, позволилъ играть пьесу, и г. Ломлей поставилъ ее, но наследники Доницетти и Баяръ завели процессъ, который кончился тѣмъ, что Ломлей былъ приговоренъ заплатить имъ такую сумму, какую заплатилъ-бы имъ театръ «Комической Оперы».

Г. Корти поступилъ иначе. Не получивъ отъ Виктора Гюго согласія, или не желая, можетъ-быть, платить ему узаконенную проспектабельную плату, онъ переименовалъ «Эрнани» въ «Изгнанника» и заставилъ одного изъ своихъ соотечественниковъ, г. Пави, переписать либретто. Но въ сущности пьеса осталась та-же. Даже костюмы остались тѣ-же, хотя дѣйствіе перенесено изъ Испаніи и Ахена въ Венецію. Карлъ V обратился въ сенатора, котораго возводить въ санъ дожа, но костюмъ на него тотъ самый, который былъ сдѣланъ для Эрнани. Гомецъ также превратился въ сенатора и называется—Зено; онъ уже не опекуетъ Эльвирію, а отецъ ея. Въ-слѣдствіе всѣхъ этихъ передѣлокъ, въ оперѣ много

безсмыслицъ; между-прочимъ, сцена, въ которой Зено заставляетъ своего зятя отравиться, сдѣлалась совершенно непонятною, потому-что Зено не имѣетъ никакого повода ревновать Ольдрадо къ своей дочери, какъ Гомецъ ревновалъ Эрнани къ своей бывшей невѣстѣ. Вѣроятно, г. Корти недешево раздѣляется за эту мелобросовѣстную продѣлку съ Викторомъ Гюго, но тѣмъ не менѣе продѣлка его имѣла на сценѣ большой успѣхъ. Синьора Крувелли была восхитительна въ роли Эльвиры.

Къ намъ возвратилась Фанни Черито. Она дебютировала въ новомъ балетѣ «Орфа», сочиненномъ однимъ молодымъ литераторомъ, который скрылъ отъ публики свое имя; музыка балета написана Адольфомъ Аданомъ, а поставленъ онъ г. Мазилъе, который былъ у насъ въ Петербургѣ. Содержаніе заимствовано изъ одной скандинавской легенды. Дѣйствіе происходитъ въ Исландіи.

Вотъ площадь въ Рейкявикѣ, на которой возвышаются алтарь и статуя Локи, бога огня; кругомъ—жилища жрецовъ. Толпа исландцевъ веселится и пьетъ искрометный медъ, за здоровье и счастье молодого господина своего, неустрашимого охотника Лодброга, который празднуетъ свою свадьбу съ Орфой, самой красивой дѣвушкой во всемъ Рейкявикѣ. Женихъ и невѣста пріѣзжаютъ въ богатыхъ саняхъ, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и друзей.

Въ толпѣ, которая тѣснится вокругъ обрученныхъ, находится, между-прочимъ, старикъ почтеннаго вида, который также желалъ бы поздравить молодую чету и выпить за ея здоровье, но его не допускаютъ и грубо отталкиваютъ, что, замѣтимъ мимоходомъ, не совсѣмъ согласно съ характеромъ исландцевъ, славящихся гостепримствомъ и челоуѣколюбіемъ. Лодбrogъ вступается за старика, сажаетъ его къ огню, подаетъ ему свой собственный кубокъ.

Такъ-какъ доброе дѣло никогда не остается безъ награды, то старикъ встаетъ, протягиваетъ руку надъ головою Лодброга, призываетъ на него благословеніе неба и затѣмъ внезапно исчезаетъ, ко всеобщему удивленію.

Лодбrogъ идетъ съ своей невѣстой къ жилищу жрецовъ и проситъ ихъ, чтобъ они совершили брачный обрядъ; жрецы изъявляютъ согласіе, но едва начался обрядъ, какъ статуя Локи приходитъ въ движеніе, а молотъ, который она держитъ въ рукѣ, начинаетъ метать молнію. Главный жрецъ, вида, что Локи противится браку, отказывается отъ продолженія обряда. Лодбrogъ обнажаетъ кинжалъ, хочетъ силою заставить жрецовъ повиноваться, но Орфа, привлеченная къ подножію статуи, внезапно исчезаетъ вмѣстѣ съ ней, среди пламени.

Потеря невѣсты приводитъ Лодброга въ такое отчаяніе, что онъ

хочетъ умертвить себя, но является старикъ, котораго онъ недавно защитилъ, и вручаетъ ему золотую стрѣлу. Съ этимъ талисманомъ Лодброгъ можетъ проникнуть въ самое жерло Геклы и побѣдить Локи.

Второе дѣйствіе происходитъ во внутренности Геклы; сцена представляетъ самое великолѣпное зрѣлище: вездѣ золото и драгоценныя камни. Появляется Локи, несущій въ своихъ объятіяхъ безчувственную Орфу. Когда Орфа приходитъ въ себя, Локи, чтобы восторжествовать надъ ней, призываетъ къ себѣ на помощь всѣ страсти и пороки, представляемые прекрасными дѣвушками. Орфа не въ силахъ устоять противу окружающихъ ее соблазновъ, она уже готова пасть, но у нея хотѣть взять обручальное кольцо, чтобы замѣнить его болѣе драгоценнымъ, — и это приводитъ ее въ себя. Она старается противиться, но все же бы ей не устоять противу всѣхъ искушеній, еслибы не явился Лодброгъ съ золотой стрѣлою, всесильнымъ талисманомъ, побуждающимъ всѣ препятствія. Онъ заставляетъ Локи отступить, но Локи, удаляясь, превращаетъ Орфу въ кустъ тростника.

Лодброгъ остается одинъ; въ отчаяніи, онъ обнимаетъ тростникъ скрывающій отъ него Орфу, а вѣтки тростника склоняются къ нему сами собою, какъ бы сочувствуя его горести, какъ бы желая утѣшить его.

Является старикъ. Лодброгъ хочетъ возвратитъ ему золотую стрѣлу, говоря, что она ненужна ему, потому-что не могла спасти Орфы; но старикъ уговариваетъ его сохранить стрѣлу. Лодброгъ допрогивается ею до тростника, изъ котораго снова является Орфа.

— Но кто же ты, имѣющій такую власть? спрашиваетъ старика Лодброгъ.

Сѣдая борода и рубище старика исчезаютъ, и передъ удивленнымъ Лодброгомъ является Одинъ, въ блестящемъ вооруженіи, со всѣми атрибутами своей власти; къ нему геніи приводятъ скованнаго Локи. Одинъ благословляетъ бракъ Лодброга съ Орфой.

Балетъ этотъ поставленъ великолѣпно; декораций, представляющихъ внутренность Геклы, выше всякаго описанія, равно какъ и видъ Валгаллы. Танцы поставленные г. Мазилье очень хороши. Фанни Черто была восхитительна въ роли Орфы.

Вы скажете, можетъ-быть, что мысль балета не нова, что борьба добра со зломъ, олицетворяемая въ видѣ языческихъ божествъ, послужила темою тысячѣ театральныхъ пьесъ; согласны, но что же изъ этого? Ничто не ново подъ луною, и нѣтъ сферы, которая бы не была затронута драматургами. Языческій міръ, съ его фантастическою обстановкою, не перестанетъ служить источникомъ для балетовъ, пока

будут балеты, точно такъ же, какъ романтическій міръ разбойниковъ будетъ служить темою для комическихъ оперъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ составить комическую оперу съ разбойниками; вотъ вамъ рецептъ: возьмите смѣлаго и предприимчиваго чело-вѣка, который былъ бы похожъ съ виду на свѣтскаго льва, но былъ бы, въ то же время, атаманомъ бандитовъ; назовите его какимъ-ни-будь звучнымъ именемъ, напримѣръ: Темпеста (бура), Спада (шпага) окружите его неискусными сыщиками, которыхъ онъ могъ бы мистифи-ровать, прибавьте ко всему этому двойную любовную интригу, между начальникомъ сыщиковъ и дочерью или племянницей разбойника съ од-ной стороны, и между разбойникомъ и какой-нибудь знатной, но романи-ческой дѣвушкой съ другой; тщательно перемѣшайте все это, и вы по-лучите комическую оперу, которую можете назвать по усмотрѣнію, ad libitum, Сиреной, Фра-Дьяволо и т. д. Оттого-то всѣ комическія оперы съ разбойниками очень похожи одна на другую; оттого-то и «Марко Спада», новая опера г. Скриба и Обера, очень напоминаетъ Сирену и Фра-Дьяволо. Считаю лишнимъ говорить, что успѣхъ такой оперы зависитъ, главнымъ образомъ, отъ либреттиста, отъ бо-лѣе или менѣе искуснаго употребленія приведеннаго нами рецепта и присоединенія къ нему новыхъ драматическихъ спецій. Г. Скрибъ ве-ликій мастеръ этого дѣла; онъ умѣетъ придавать новый лоскъ и блескъ истертой канвѣ комическихъ оперъ съ разбойниками, и потому всѣ его произведенія въ этомъ родѣ, считая въ томъ числѣ и оперу «Марко Спада», поставленную недавно на театрѣ «Коми-ческой Оперы», имѣютъ всегда характеръ новости. Тѣмъ не менѣе, однакожь, мы не будемъ вамъ рассказывать содержаніе «Марко Спада».

Что касается до музыки г. Обера, то она очень хороша; впро-чемъ, въ первомъ дѣйствіи мало пѣній, но во второмъ актѣ есть пре-миленькій и преоригинальный дуэтъ: это объясненіе въ любви, которое начинается по русски (!) потому-что дѣвушку принимаютъ за моско-витку; дѣвушка отвѣчаетъ по-англійски, но подъ конецъ, оба влк-бленные поютъ по-французски. Этотъ дуэтъ имѣлъ величайшій успѣхъ. Есть еще во второмъ актѣ двѣ прекрасныя аріи, а въ третьемъ пре-восходный ходъ разбойниковъ. Главную женскую роль въ этой оперѣ играла Каролина Дюпре, дочь знаменитаго тенора.

Другая новая комическая опера «Табаренъ», слова г. Альбуаза, музыка г. Бускэ, поставлена на сценѣ Лирическаго Театра. Содержа-ніе ея заимствовано изъ жизни извѣстнаго площаднаго (т. е. играв-шаго на площади) актера Табарена.

Молодой маркизъ побился объ закладъ съ своими друзьями, что *огорчить* перваго женатаго человека, который ему встрѣтится. Попадаетъ Табаренъ. Маркизъ начинаетъ ухаживать за его женой Францискиной, но Францискина отказывается отъ всѣхъ предложеній маркиза. Тогда волокита рѣшается, чтобы выиграть закладъ, обмануть друзей своихъ: онъ похищаетъ Францискину и возить ее цѣлый день, въ своей каретѣ, по городу, чтобы заставить подумать, что Францискина бросила для него своего мужа. Табаренъ узнаетъ о мнимомъ бѣгствѣ жены въ ту самую минуту, когда готовится явиться передъ публикой. Онъ въ отчаяніи и проситъ своего хозяина освободить его на этотъ разъ отъ обязанности смѣшить публику, но хозяинъ не соглашается, и Табаренъ идетъ смѣшивать, между-тѣмъ какъ сердце его обливается слезами и кровію. Онъ начинаетъ рассказывать свои обычныя побасенки, но рыданія безпрестанно прерываютъ рассказъ, и публика рукоплещетъ ему, зато, что онъ такъ искусно плачетъ. Подъ конецъ представленія Табаренъ падаетъ безъ чувствъ; но вридя въ себя, онъ узнаетъ, что Францискина невинна и искусно подмѣняетъ ее одною отцвѣтшей актрисой; маркизъ, не разглядевъ въ темнотѣ ея лица, вводитъ ее въ кругъ своихъ товарищей, которые, разужьется, смѣются надъ нимъ.

Авторъ музыки, г. Буске, извѣстенъ какъ отличный музыкальный критикъ (онъ печатаетъ свои статьи въ журналѣ L'Illustration) и какъ знатокъ музыки; послѣ этого неудвительно, что его партитура отличается многими достоинствами. Первое изъ нихъ отсутствіе—шука въ оркестрѣ, т. е. неумѣреннаго употребленія мѣдныхъ инструментовъ. Вся опера слушается легко, потому-что г. Бускѣ, хотя и ученый музыкантъ, умѣлъ избѣгать педантизма, не увлекся желаніемъ высказать свою контрапунктическую ученость, и написалъ свою музыку просто, безъ всякихъ претензій. Это также немаловажное достоинство.

Позвольте сдѣлать вамъ одинъ нескромный вопросъ. Случалось-ли вамъ видѣть, что пьеса, написанная литераторомъ даровитымъ, напечатанная нѣсколько романовъ признанныхъ всѣми превосходными, пьеса, которую вы восхищались въ чтеніи, имѣла-бы на сценѣ успѣхъ весьма незначительный?—Вѣроятно случилось.—А знаете-ли, отчего это происходитъ? — Оттого, что чтеніе и сцена два дѣла совершенно разныхъ: отъ того что недовольно заставить лицъ драмы хорошо говорить, надо еще умѣть заставить ихъ хорошо дѣйствовать. Это дѣло трудное, которое дается не всякому, дѣло, для котораго надо особенное дарованіе. У насъ падали на сценѣ драмы Бальзака и Жоржъ—Занда, величайшихъ изъ нашихъ современныхъ писателей. Недавно мы видѣли новое доказательство того, что литературнаго дарованія недостаточно для того,

чтобы написать драму. Г. Фелисьенъ Мальфиля, писатель талантливый, энергическій, поставилъ на сцену Перваго Французскаго Театра пяти-актную комедію «Сердце и приданое», очень понравившуюся въ чтеніи и чуть не упавшую при представленіи, оттого, что лица его комедіи говорятъ прекрасно, но не умѣютъ дѣйствовать. Пьеса его заключается не въ пьесѣ, а въ нѣсколькихъ діалогахъ, и особенно въ большой тирадѣ, помѣщенной въ пятомъ дѣйствіи. Эта тирада, отлично, впрочемъ, написанная, выражаетъ всю мысль автора и вмѣстѣ съ тѣмъ, всю драму, которую онъ предполагалъ написать. Это важная ошибка.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, содержаніе пьесы г. Мальфиля.

Шаваро, сорокапятилѣтній холостякъ, ищетъ богатую невѣсту. Узнавъ, что дѣвица Адель Деспьеръ должна получить наслѣдство въ 600,000 франковъ, онъ проситъ ея руки, прежде нежели слухъ объ этомъ наслѣдствѣ дошелъ до самой дѣвицы и людей, отъ которыхъ она зависитъ. Такъ какъ Шаваро богатъ, то бабушка Адели очень благосклонно принимаетъ его исканія, и по всей вѣроятности, Шаваро женится на Адели, хотя она и предпочитаетъ ему молодаго человѣка своихъ лѣтъ, Генриха Дюмежа, который надѣется, впрочемъ, съ помощію ловкой и бойкой субретки, отбить Адель у своего богатаго соперника.

Но Генриху будетъ не легко исполнить это, потому что отецъ его нашелъ уже ему невѣсту, дѣвицу Бодрилль, которая три года сряду ищетъ себѣ жениха. У дѣвицы Бодрилль есть дядя, опекунъ ея; большой чудакъ, крикунъ и забіяка, которому страхъ какъ надоѣла племянница; онъ поклялся выдать ее за-мужъ во что-бы то ни стало и убить на дуэли всякаго, кто, осмѣлившись ухаживать за ней, не женится. Въ-слѣдствіе этого Шаваро грозила смерть, потому что онъ былъ въ числѣ поклонниковъ дѣвицы Бодрилль; но Шаваро имѣлъ предосторожность распускать слухъ о своемъ раззореніи, и дѣвица Бодрилль сама ему отказала. Упустивъ изъ рукъ Шаваро, Бодрилль вызываетъ на дуэль Генриха, но такъ какъ Бодрилль храбръ только на словахъ, а Генрихъ не робкаго десятка, то дѣло кончается отступленіемъ ложнаго храбреца. Между-тѣмъ Адель куда-то скрылась. Ее ищутъ, и узнаютъ, что она убѣжала съ Генрихомъ, который успѣлъ уже жениться на ней. Г-жа Деспьеръ прощаетъ свою внучку, а Бодрилль и Шаваро остаются ни при чемъ.

На театрѣ у Сентъ-Мартенскихъ воротъ даютъ новую, чрезвычайно эффектную драму «Фаридондена», которая особенно замѣчательна тѣмъ, что главная роль въ ней написана для оперной пѣвицы. Эту роль прекрасно исполняетъ госпожа Геберъ-Массе. Драма написана гг. Дюпети

и Бурже, музыка—гг. Адольфомъ Адамомъ и Гроотомъ. *Фаридондею* называется драма по имени главного дѣйствующаго лица.

Еще большій успѣхъ имѣла *восьмиактная* (!) драма гг. Дюмануара и Д'Энвери «Хижина дяди Тома»; содержаніе ея заимствовано изъ романа «Дядя Томъ», появившагося нѣсколько времени тому назадъ въ Америкѣ и уже переведеннаго почти на все европейскіе языки.

Промышленникъ Шельби, живущій въ Кентуки, владѣетъ довольно обширной плантаціей, которую разрабатываютъ нѣсколько негровъ, въ числѣ которыхъ находятся Томъ и Жоржъ. Первый изъ нихъ принадлежитъ Шельби, второй сэру Гаррису, одному изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ околѣдкѣ, человѣку жестокому, непреклонному, мстительному. Жоржъ женился на прекрасной кватеронкѣ Элизѣ, которая родила ему сына, маленькаго Генриха. Сэръ Гаррисъ является къ Шельби и требуетъ отъ него 4,000 долларовъ, которые Шельби давно ему долженъ; Шельби не можетъ заплатить и потому помѣстье его будетъ продано, чтобы удовлетворить сэра Гарриса. Шельби прибѣгаетъ къ ростовщику Голлею, предлагая ему, за 4,000 долларовъ, двухъ невольниковъ на выборъ. Голлей выбираетъ Тома и маленькаго Генриха. Но Элиза, подслушавшая ихъ сдѣлку, рѣшается похитить сына своего и бѣжать съ нимъ, извѣстивъ предварительно старика Тома о намѣреніяхъ Шельби и Гарриса.

Гаррисъ является за полученіемъ долга, а Голлей приходитъ требовать выбранныхъ имъ, по условію съ Шельби, невольниковъ; оба они съ удивленіемъ узнаютъ о бѣгствѣ Элизы и немедленно пускаются за нею въ погоню.

Между-тѣмъ Элиза достигла, съ своимъ сыномъ, до береговъ Огіо, но не можетъ переправиться на другую сторону, по причинѣ половодья и сильнаго льда. Погоня приближается, медлить нельзя; схвативъ на руки ребенка, Элиза устремляется на одну изъ плывущихъ льдинъ, въ ту самую минуту, когда Гаррисъ и Голлей почти уже настигли ее.

Спасенная чудомъ и истомленная усталостью и холодомъ, Элиза приходитъ къ сенатору Берду, жена котораго подаетъ ей нужную помощь. Самъ Бердъ отличнѣйшій человѣкъ, но, къ сожалѣнію, онъ, въ качествѣ сенатора, принадлежитъ къ числу ревностнѣйшихъ защитниковъ закона, строго воспреещающаго укрывательство бѣглыхъ невольниковъ. Тронутый, впрочемъ, просьбами своей жены и несчастіями Элизы, онъ позволяетъ бѣглянкѣ переночевать въ его домѣ.

Гаррисъ и Голлей напади, между-тѣмъ, на слѣдъ Элизы, при-

были къ Берду и требуютъ, чтобъ онъ выдалъ имъ скрывающуюся у него квартиру; но Бердъ, чтобы спасти Элизу, рѣшается на отчаянное средство: онъ забираетъ Голлея и Гарриса, и увозитъ Элизу въ своей каретѣ.

Жоржъ, между-тѣмъ, напрасно ищетъ жену, о бѣгствѣ которой знаетъ; не найдя ее, онъ скитается, съ отчаяніемъ въ душѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ жилища сенатора, среди пустынной и гористой мѣстности. Лай собакъ извѣщаетъ его о приближеніи погони, ищущей Тома, который также убѣжалъ; но Гаррисъ и Голлей прокодаютъ мимо Жоржа, не замѣчая его.

Вслѣдъ за тѣмъ являются Бердъ и Элиза; Жоржъ узнаетъ жену свою и спѣшитъ въ ея объятія. Въ это время раздается выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ вбѣгаетъ Томъ. Онъ извѣщаетъ о близости Голлея и Гарриса. Бѣглецы, въ томъ числѣ и Бердъ, вбѣгаютъ на скалу, рѣшившись защищаться до послѣдней крайности. Когда приходятъ Гаррисъ и Голлей, Бердъ старается склонить ихъ на мировую, но видя, что старанія его бесполезны, и вынужденный защищаться, стрѣляетъ въ Голлея и попадаетъ ему въ самую грудь. Это заставляетъ Гарриса обратиться въ бѣгство. Тогда Элиза спѣшитъ на помощь къ Голлею и перевязываетъ его рану, въ-слѣдствіе чего Голлей изъ врага ея дѣлается ея ревностнѣйшимъ союзникомъ. За тѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько болѣе или менѣе драматическихъ катастрофъ.

Пьеса эта немного длинна, но очень занимательна и поставлена великолепно; особенно хороша декорация, представляющая разлитіе рѣки Огіо и даущій по ней ледъ.

АН. ВОНАВЕНТУРА.

II.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. отъ 20-го января 1853 года.

Передъ отъѣздомъ моимъ въ Лондонъ, я обещалъ писать къ вамъ обо всемъ по немногу: о музыкѣ, о театрахъ, обо всѣхъ новостяхъ, которыя случайно долетятъ до моего слуха. И вотъ я въ шумной всемирной столицѣ, едва отдохнувшей послѣ намѣстия всѣхъ народовъ на

ея выставку и еще не успокоившейся послѣ торжественныхъ похоронъ ея кумира, герцога Веллингтона. Для меня все здѣсь такъ ново, что не удивляйтесь, если въ письмахъ моихъ вы найдете много несвязнаго. Нѣтъ возможности передать подробнаго дневника лондонской жизни, на это недостаетъ ни средствъ, ни времени.

Праздники прошли шумно и весело. Мнѣ нравится семейная жизнь англичанъ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, у камина, гдѣ исчезаетъ принужденность англійскаго характера и дружеское радушіе замѣняетъ холодность перваго приѣма. Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ англичанами, тѣмъ болѣе начинаю любить ихъ. Рекомендательныя письма, которыми я запасся въ Петербургѣ, были для меня весьма полезны и открыли мнѣ входъ въ пріятное и разнообразное общество. Я нанимаю небольшую, но прекрасную квартиру на Лейстерской-площади, у мистера Повелля, негоціанта, занимающагося биржевыми оборотами. Въ семействѣ его я привякъ, какъ родной. Мистриссъ Повелль, женщина лѣтъ пятидесяти, въ пукдахъ, въ чепцѣ какой-то необыкновенной архитектуры, заставляетъ меня по вечерамъ читать вслухъ газеты, а рѣзвая дочь ея, мисъ Бетси, сѣдется надъ моимъ иностраннымъ выговоромъ. Мы вмѣстѣ посѣщаемъ театры, ходимъ въ концерты Жюльена, который на дняхъ отправляется въ Америку, и ужасаемся, читая описанія крушеній, которыхъ было такъ много въ Англійскомъ каналѣ передъ новымъ годомъ.

Праздничные спектакли были болѣе блестящи, чѣмъ занимательны. На Геймаркетскомъ-театрѣ давали скучную и запутанную пьесу *Левъ и его свита*; на театрѣ Лусеумъ — *Добрую старушку*, а театрѣ Принцессы и Олимпійскій Циркъ угощали своихъ посѣтителей арлекинадами.

Дрюриленской театрѣ снова открытъ для публики, но можно предсказать заранѣе, что онъ не будетъ имѣть успѣха. Англійская драма упала, и уступила мѣсто передѣлкамъ изъ французскихъ фарсовъ; обыкновеніе ставить на сцену цѣлые романы, давно прочитанные публикою, или дѣлать героями пьесъ обитателей Ньюгета, много способствовало ея упадку. Драмы Шекспира въ настоящее время очень рѣдкое явленіе на англійской сценѣ. Дрюриленскій театрѣ сдѣлался второстепеннымъ театромъ: цѣны понижены, а музыка и актеры не выше посредственности. Въ день открытія давали драму *Каюта дяди Тома*, дурно поставленную и немѣвшую успѣха, и какую-то пантомиму. Много хорошаго говорятъ о новой драмѣ Родо: *Золото*, которую давали здѣсь недавно, но въ ней много невѣроятностей и самая завязка довольно слаба. Дѣйствіе происходитъ на золотыхъ россыпяхъ. Молодой англійскій земледелецъ, не имѣя ни въ чемъ успѣха—на родинѣ, отправляется въ Ав-

стралию, и скоро, разбогатѣвъ, опять—прѣзжаетъ въ Англiю, гдѣ находятъ, что невѣста ему измѣнилъ. Къ счастью, это извѣстiе оказывается ложнымъ и этия оканчивается драма. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ хороши характеры: брата героя, лондонскаго бродяги, который возвращается изъ колонiй совсѣмъ другимъ человекомъ, «скупаго жида» и страпачаго, который заставляетъ смѣяться во все продолженiе пьесы. Нельзя также не упомянуть о собакѣ, которая слѣдуетъ за героемъ во всѣхъ его странствованiяхъ и подъ шерстью второй скрыты сокровища, составляющiя сюжетъ пьесы. Дѣйствiе происходитъ сначала въ Англии, потомъ въ Австрали, и подъ конецъ снова въ Англии. Неудачная сторона драмы особенно видна въ пятомъ актѣ, гдѣ конецъ слишкомъ вялъ; а лучшiя мѣста въ третьемъ и четвертомъ актѣ, гдѣ вы видите на сценѣ золотыя россыпи, во всей ихъ живописной разнообразности, со всѣми характеристическими группами и сценами, достойными мраморной кисти Сальватора Розы. Пьеса вообще имѣла большой успѣхъ.

Дворецъ покойнаго герцога Веллингтона, Эпсли Гоузъ, открытъ три раза въ недѣлю для любопытныхъ посѣтителей. Я постараюсь описать его съ нѣкоторыми подробностями.

Эпсли-Гоузъ называется по имени индлера Генриха Баторста, лорда Эпсли, которымъ онъ былъ выстроенъ лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, а въ 1820 году купленъ покойнымъ герцогомъ Веллингтономъ.

Небольшая приемная украшена мраморныя бюстами самаго герцога, лордовъ Кестель, Персивала, Понсонби и другихъ. Въ сѣняхъ, на площадкѣ, внизу лѣстницы, стоитъ колоссальная статуя Наполеона, работы Кановы, подаренная союзными монархами. Въ гостиной, выходящей окнами на Пикадалли, есть много превосходныхъ картинъ; надъ каменномъ портретъ герцога Мальборо; по сторонамъ «ривничскiе Инвалиды» Бурнета, «Ванъ-Амбургъ въ клеткѣ съ дикими зверями» и нѣсколько картинъ голландской школы. Въ соседней комнатѣ висятъ надъ дверьми портретъ маршала Сульта и папы Пiя VII и нѣмалой копiй съ Рафаэля; тутъ же стоятъ двѣ вазы изъ севрскаго порфiра, подаренныя Людовикомъ XVIII. Далѣе идетъ картинная галлѣя, въ которой старшiй герцогъ каждый годъ торжественно празднуетъ день ватерлоскаго сраженiя. Канделабры изъ великолѣпнаго порфiра подарокъ Государя Императора, и двѣ порфiровыя вазы, подаренныя оинымъ шведскимъ королемъ, украшаютъ галерею. Возлѣ нея, въ гостиной, возвышается драгоцѣнная малахитовая ваза, даръ Импера Александра, а надъ нею виситъ портретъ короля Вильгельма IV, портреты Нельсона, Блюхера и лорда Коулея висятъ напротивъ, рядомъ картиною, представляющею ватерлоское сраженiе. Внизу, въ

тайской комнатѣ, стоятъ богатые подарки императора австрійскаго, короля прусскаго, Людовика XVIII и португальскаго регента, состоящія изъ фарфоровыхъ издѣлій и серебряныхъ приборовъ. Противъ главнаго входа виситъ гербъ Веллингтона, поднесенный ему лондонскимъ купечествомъ въ 1822 году.

Все это описаніе, я увѣренъ, покажется вамъ очень длиннымъ и не совсѣмъ интереснымъ; но въ настоящее время объ этомъ болѣе всего говорятъ въ Лондонѣ.

Въ день новаго-года, въ Виндорскомъ дворцѣ, въ присутствіи королевы и двора, данъ былъ концертъ, составленный изъ произведеній Мендельсона; первая часть состояла изъ Lobgesang, гимна, сочиненнаго въ честь Гутенберга; соло пѣлъ Локе и Лоуеръ, миссъ Пайнъ и миссъ Вилльямъ. Оркестръ состоялъ лишкомъ изъ ста человекъ, а хоръ изъ шестидесяти лучшихъ пѣвцовъ.

М-ше Плейель находится теперь въ Лондонѣ и недавно дала концертъ.

СМЪСЪ.

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПУСТЫНЯХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

(Разсказъ зѣролова).

Зимовка на Умнакъ. — Старый американецъ. — Разсказъ его. — Бригантина «Барсъ». — Крушеніе. — Якъ Смитъ. — Матросъ Снопсъ. — Лагерь бѣдствующихъ. — Смерть подшхпера. — Дикарь Антонио. — Каварный проводникъ. — Необитаемые острова. — Кремень. — Старая парогѣ. — Постройка плота. — Ночь въ пустынѣ. — Степной медвѣдь — Дикари и куртка Снопса.

Во-время службы моей въ званіи штурмана на судахъ Сѣверо-Американской Компаніи, я долженъ былъ, въ 183 году, зимовать на Умнакъ *. Еще первый разъ мнѣ доводилось испытывать удовольствіе зимовки почти на пустынномъ островѣ, среди дикарей, среди вѣчныхъ тумановъ и ожидаемыхъ лишеній, которыя и не замедлили скоро явиться. Первое время нашей стоянки прошло въ работахъ трудныхъ и спѣшныхъ. Встрѣтивъ шесть избъ — когда-то занимаемыхъ зѣроловами, мы должны были дней десять употребить на возобновленіе ихъ. Онѣ

* Одна изъ группъ Алеутскихъ острововъ.

были ветхи до крайности. Когда хозяйство наше пришло въ порядок, мы, разумѣется, отправились за краснымъ звѣремъ... Я уже считалъ себя совершенно погребеннымъ здѣсь въ сѣтѣхъ, далеко отъ всѣхъ развлеченій и пріятныхъ бесѣдъ, какъ случай, однажды на промыслѣ, свелъ меня съ молодцоватымъ старикомъ, одѣтымъ такъ же, какъ и туземцы, но бодрымъ молодцомъ на языкъ и на выстрѣлъ. Изъ его откровеннаго разсказа я узналъ, что онъ родомъ изъ Канады, долго служилъ въ англійскомъ гарнизонѣ, и, наконецъ, уже болѣе дватцати лѣтъ, какъ поселился на Умнакѣ, и занимается звѣринымъ промысломъ... Этотъ-то человекъ былъ для меня совершенною находкою, и безъ скуки проведенными зимними вечерами я единственно былъ обязанъ его умѣнью разсказывать много интереснаго, оставшагося въ его памяти и въ воспоминаніяхъ о минувшемъ, — а минувшее стараго звѣролова было полно похожденій...

Одинъ замѣчательный разсказъ его о несчастныхъ страдальцахъ, скитавшихся въ пустыняхъ Сѣверной Америки, — живо остался въ моей памяти. Передаю его не какъ обстоятельство, замѣчательное своею интересностью, а какъ происшествіе, похожее нѣсколько на приключенія капитана Вюда, въ которыхъ такъ много невѣроятнаго.

«Однажды, въ началѣ весны, не впрямую годъ, говорилъ мой старикъ, къ намъ, въ укрѣпленіе Святаго Марка, два дикаря съ морскаго берега, чрезъ Апполачскія ущелья привели несчастнаго матроса съ погнѣшаго судна, которому они указали до насъ дорогу, взявъ за это его куртку. Бѣднякъ былъ такъ изнуренъ, измученъ и боленъ, что едва, и то послѣ трехъ стакановъ виски, могъ сказать только: «Спасите... капитанъ погибаетъ... женщина съ нимъ, мальчикъ... спасите!.. Они на вашихъ — несчастныхъ островахъ».

Добрый нашъ комендантъ Севетенгамъ сейчасъ же отправилъ, на шлюпкѣ, съ шестью гребцами, поручика Вригта — съ тѣмъ, чтобы онъ осматривалъ острова вплоть до Собачьяго, пройдя сначала въ виду всего берега, примыкающаго къ островамъ, приказавъ въ то же время, дикарямъ пройти до этого берега ущельями, и поискать, не встрѣтятся ли они здѣсь скитальцевъ...

Мы отправились вечеромъ, и на другое утро дѣйствительно нашли на морскомъ берегу — трехъ несчастныхъ, которые готовились умереть отъ лишеній и невыносимыхъ страданій.

Вотъ что объ ихъ долгихъ испытаніяхъ и страданіяхъ разсказывалъ намъ одинъ изъ этихъ спасенныхъ отъ гибели:

«Въ началѣ января бригантина «Барсъ», подъ командою ~~далеко извѣстнаго~~ опытнаго капитана Ла-Катюра, вышла изъ гавани Святаго ~~Мандиана~~

направляясь къ Луизианѣ. На суднѣ находилось девять матросовъ, капитанъ съ женою и сыномъ, подкиперъ, другъ мой Десклау, и нѣгръ, купленный мною за день передъ выходомъ бригантинъ въ море. Въ первые дни плаванія мы терѣли большіе штормы, во-время которыхъ я не могъ не замѣтить слабыхъ познаній капитана въ мореходствѣ, и рѣшился съ того времени тщательно слѣдить за всеми его распоряженіями. 26 января мы завидѣли островъ Сосны, который былъ принятъ капитаномъ за мысъ Святаго Антонія. Я посѣдѣлъ взглянуть высоту и нашелъ ошибку, но убѣжденія мои были напрасны: упрямый Ла-Каторъ не признавалъ своего невѣжества и держался взятаго имъ курса безъ всякой осторожности. Въ полночь, къ общей тревогѣ и ужасу, голосъ сторожеваго матроса крикнуть съ марса: «Бурунь и берегъ надъ носомъ!» Въ-самомъ-дѣлѣ мы были въ виду скалъ. Въ такую критическую минуту нечего было терять время въ безполезныхъ спорахъ. Испуганный капитанъ призналъ свою ошибку и сдалъ мнѣ начальство. Привычный къ частымъ бѣдамъ, я, сохраняя все мое хладнокровіе — удачными распоряженіями, пользуясь въ тоже время переменною вѣтра, который отвелъ насъ отъ опасности, успѣлъ спасти бригантину отъ гибели, или лучше сказать, отстречить не надолго эту гибель. Мы шли навстрѣчу новыхъ бѣдъ и новыхъ испытаній!

На другой день, счастливо миновавъ мысъ Святаго Антонія, бригантина наша снова начала терѣть штормы, встрѣченная порывистыми и противными вѣтрами. Скорѣ въ суднѣ оказалась течь. Насосы, ведра и бочки, все было употреблено въ дѣло, но люди только изнурялись работою безъ всякаго успѣха. Спасая экипажъ, я рѣшился бросить всѣ наши товары за бортъ, взявъ направленіе къ порту Ла-Мобиль, единственному мѣсту, куда вѣтеръ еще позволялъ намъ сместиться. Но и это намѣреніе встрѣтило препятствіе. Ночью мы потеряли сцепленіе... Теперь и самое спасеніе нашей жизни казалось невозможнымъ. Вечеромъ, въ 6 часовъ, 16 февраля — судно, лишенное руля и снастей, было брошено на мель, въ виду Аннолачскихъ горъ. Отчаяніе и ужасъ сдѣлались общи. Удары волнъ были такъ сильны, что, какъ гнилую щенку, раскололи и раскрыли палубу.

Волны, стоны и отчаянный плачъ встрѣчали каждый ударъ волны, съ шумомъ и свистомъ вливавшейся въ полуразрушенное судно. Правда, внутренно ужасъ мой равнялся ужасу товарищей, но я еще умѣлъ сохранять наружное хладнокровіе, и въ то время, какъ всѣ готовились къ смерти, успѣлъ нѣкоторыхъ воодушевить словомъ и дѣломъ. Между вѣтра и волны съ каждымъ мгновеніемъ гнали бригантину на

мель: Выломанныя изъ бортовъ доски зажали намъ весла, при по-

нощи которыхъ мы успѣли сдвинуться съ опасной мели, но въ тотъ же моментъ, подхваченные сильнымъ порывомъ вѣтра — быстро пронеслись нѣсколько миль впередъ, и вечеромъ въ 9 часовъ, были брошены на сѣверную оконечность Собачьяго-острова. Бригантина вѣззалась въ отшель такъ, какъ-будто бы сна семь лѣтъ назадъ пустила здѣсь от-ростки! Мы начали рубить мачты, надеясь соорудить изъ нихъ плотъ, единственную нашу надежду на спасеніе. Во-время этого труда — сильный шквалъ положилъ судно на бокъ... Причемъ нѣсколько матросовъ были сброшены въ море, но съ величайшими усиліями они снѣва успѣли достичь судна, и при нашей помощи взлезть на него.

Еще до настоящей, рѣшительной минуты — луна освѣщала страшную картину бури и нашей гибели, но теперь исчезла за тучами и она. Среди рева волнъ, завывавья вѣтра и страшной непроницаемой мглы, мы должны были провести нескончаемую ночь на борту избитаго судна. Ухватясь кто за что могъ, обливаемые водою, избитые и окоченѣвшіе отъ стужи, — мы въ такомъ положеніи дождались утра. Разсвѣтъ дня не принесъ намъ утѣшенія; напротивъ, онъ только увеличилъ наше отчаяніе... Въ глазахъ нашихъ мелькалъ берегъ, мы видѣли его возвышенности, его желтоватую зелень, далекій лѣсъ, и не имѣли никакихъ средствъ достичь земли: лодки наши были унесены волнами, зыбь и сильное колебаніе погибающей бригантины не давали намъ возможности взяться за теоръ. Нѣсколько часовъ прошло безъ всякой перемѣны въ нашемъ положеніи. Общее оцѣпененіе представляло картину грустную и поразительную. Подлѣ меня, уцѣпившись за бортъ, цѣлую ночь и наступившее утро, въ нѣмомъ молчаніи, изрѣдко нарушаемомъ рыданіемъ и стономъ, провелъ молодой матросъ — родомъ голландецъ. Казалось, этотъ человекъ рѣшился, если не утонуть въ волнахъ, такъ захлебнуться своими собственными слезами, какъ вдругъ съ видомъ необыкновенной твердости, онъ рѣшительно махнулъ рукою и схватилъ меня за плечо.

— Капитанъ! сказалъ онъ.... Чего еще намъ ждать? Посмотрите — пара каждаго брызгъ отъ этаго вспѣннаго моря сулить намъ смерть, растравляетъ горемъ и отчаяніемъ душу, ледянитъ насъ холодомъ — и мы, какъ будто-бы въ просоньи видимъ все это, какъ будто зная, что находимся и въ теплой комнатѣ и далеко отъ страшной мечты!...

— Что-же ты хочешь, Смитъ? спросилъ я.

— Да, скажите, по совѣсти.... Спасенья нѣтъ!

— Нѣтъ, Смитъ.... Но можетъ-быть—судно, или....

— А! судно! Еще день пытки.... Даже больше.... Отрадная надежда, что черезъ часъ, а можетъ-быть и ранѣе — каждому изъ

насъ придется умереть отъ стужи, или разбить черепъ объ этотъ бортъ.... Ну, дѣлайте, какъ знаете!... Не надѣйтесь, что насъ приберетъ къ берегу.... бригантна увязла въ песокъ по самыя ванты! Я рѣшился.... Земля — близко.... въ воду!

Съ этими словами Смѣль былъ уже въ волнахъ. Многіе, ободренные его словами и примѣромъ, готовы были на тотъ-же смѣлый подвигъ, но я успѣлъ удержать ихъ отъ этого намѣренія, прося выждать ту минуту, когда мы увидимъ спасеніе Смита.

Между-тѣмъ послѣдній, подбрасываемый волнами, то исчезалъ въ нихъ, то снова показывался на бѣлой вершинѣ моря.... Вотъ ужъ берегъ.... Еще одно услаіе, и мы позавидуемъ участи Смита. Но вдругъ на суднѣ раздался вопль ужаса....

— Погибъ! Погибъ! со стономъ прошептало нѣсколько голосовъ. Голландецъ, въ нашихъ глазахъ, былъ разбитъ о скалы.

Эта сцена удвоила ужасъ несчастныхъ и оледенила кровь въ ихъ жилахъ.

Вечерело.—И опять та-же невыносимая ночь пытки, ужаса и изтязаній близилась къ намъ. Мачты и доски, изготовленные для плота, были унесены въ море. Надежда спастись при помощи какихъ-нибудь полдюжины досокъ—исчезла. У насъ оставался еще одинъ ботъ, избитый и ветхій дотого, что всѣ—и не одинъ разъ—подходили мы къ нему, внимательно считая его пробовны, и снова обращались къ той-же неизходной безнадежности. Нашлось однако трое молодцовъ—матросовъ, на которыхъ, повидному, участь Смита, не произвела поразительнаго впечатлѣнія. Отважные, или отчаянные, они рѣшились ввѣрить свою жизнь этой утлой ладѣ. Намѣреніе ихъ оставалось для всѣхъ тайною; никто не замѣтилъ, какъ они бросились въ лодку, и общій крикъ изумленія раздался тогда только, какъ смѣлые мореходы были уже далеко отъ бригантны. Глаза и вниманіе всѣхъ были прикованы къ тремъ пловцамъ, которые, истощая послѣднія свои усилія, быстро и удачно подвигались впередъ! Англичанинъ Снопсъ—сидѣлъ на рулѣ и мастерски увертывался отъ набѣгавшихъ волнъ.... Несмотря, однакоже, на его искусство—мы считали погибшими нашихъ товарищей, какъ—вдругъ, къ общей зависти и изумленію, ветхій ботъ, поданный съ кормы волною, взлѣтелъ на берегъ....

Наступившая ночь скрыла отъ нашихъ глазъ счастливыхъ. Теперь наше положеніе превосходило всѣ мученія, какія когда-либо доставалось выносить человѣку. Буря не смолкала; вѣтеръ ревѣлъ, какъ и вчера, вода съ визгомъ перебѣгала черезъ бригантну.... Мы оставались въ страхѣ, быть оторванными съ мѣста и унесенными въ въ море. Истом-

леніе наше было велико. Голодные, изнуренные страхомъ и холодомъ многіе изъ насъ закидывали теперь участи Смита.

На третій день, 18 февраля, мы съ несказаннымъ восторгомъ встрѣтили восходъ солнца, котораго немногіе изъ насъ надѣялись дождаться. Вътеръ утихъ немного, волненіе моря уменьшилось. — Легкое и уже безопасное вздрагиваніе судна дало намъ возможность сойтись для совѣта. Мы рѣшили, что одинъ изъ насъ, взявъ съ собою запасъ пеньки, долота, нѣсколько кусковъ сала и деревянный молотокъ, — долженъ вплавь достигнуть берега, и отыскавъ товарищей, исправить ботъ. На это дѣло вызвался мой негръ, и япутствуемъ нашими молитвами — онъ, спустя десять минутъ, былъ уже на берегу.

Въ сердцахъ нашихъ ожил надежда и радость. Было семь часовъ утра, когда — на берегу — арабъ и три матроса принялись за работу. Мы не опускали внимательнаго взгляда съ работающихъ, слѣдя ихъ каждое движеніе и трепетно прислушиваясь къ каждому удару молота. Наконецъ, въ полдень, мы увидѣли брошенную, на берегу, вверхъ шляпу. Сигналь, который говорилъ намъ: работа кончена! Восторгъ нашъ былъ неизяснимъ. Какъ родные братья, послѣ долгой разлуки, мы бросились въ объятія другъ-друга.... Но ласки продолжались недолго.... Они смѣнились враждою, бранью и угрозами, когда ботъ всталъ у борта бригантны.... Всякій изъ насъ желалъ первый броситься въ спасательную лодку, что было невозможно и обѣщало общую гибель. Однакожъ никто не рѣшался остаться на суднѣ до другой поѣздки, тѣмъ болѣе, что прибывшіе имѣли неосторожность объявить намъ, что ботъ не выдержитъ другаго перевала по крутой зыби, которая сгѣнила теперь волненіе.... Я видѣлъ, что убѣжденія, неподкрѣпленные смѣлою и рѣшительной угрозою, не могутъ дѣйствовать на толпу почти обезумѣвшихъ несчастливцевъ, и потому, не теряя минуты — бросился къ первому попавшемуся мнѣ въ руки топорю, и всталъ на борть, готовый изрубить перваго ослушника.

— Остановитесь! вскричалъ я.... Мы все погибнемъ, если все рѣшимся броситься въ ботъ.... Послушайте вашего здраваго разсудка и моего совѣта.... Выбора между нами быть не можетъ.... Мы должны раздѣлиться на три партіи.... Кинемъ жребій! И я первый остаюсь на бригантнѣ.

— Ну такъ жребій.... Лотерею! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Одинъ изъ матросовъ, случайно имѣлъ въ карманѣ цѣлую игру картъ. Мы написали на нихъ наши одинадцать именъ, то есть число всѣхъ находившихся на суднѣ — и приступили къ дѣлу. Надо было видѣть судорожное движеніе лицъ и страшное нетерпѣніе, выражающееся въ

глазѣхъ присутствующихъ, при каждой вѣзѣ вынутой картѣ. Наконецъ — четверо изъ насъ отправились на берегъ, а слуга два часа и всѣ.

Невозможно рассказать той радости, съ которою мы встрѣтили землю. Найденныя нами въ берегахъ рѣки и у ея устья устрицы доставили намъ прекрасный ужинъ, послѣ котораго всѣ расположились на голой землѣ, и уснули такими крѣпкими и отрадными сномъ, какъ будто-бы впервые разъ накурившись опиуму, — расположившись на мягкихъ диванахъ....

Между-тѣмъ подкиперъ нашъ Дранше — захворавшій еще при выхождѣ изъ гавани Св. Людовика, былъ въ опасномъ положеніи: безпокойный путь, изнурительный холодъ, нѣсколько сутокъ, проведенныхъ безъ пищи, страхъ — все это въ сильной степени развило его болѣзнь. Я знаю, что онъ съ большими усиліями, едва держась на ногахъ, могъ оставить свою койку и выйти на верхъ, въ тотъ несчастный день, когда бригантна наша встала на мель. Надо было удивляться его усиліямъ, съ которыми онъ держался въ долгія ночи на опрокинутомъ суднѣ. Съ каждымъ разсвѣтомъ дня — мы уже не считали его между нами.... Последнія несчастія его сильно истощили. Правда, когда жребій входитъ въ боть выпалъ на него перваго, — онъ, казалось, ожилъ.... бодро всталъ и безъ посторонней помощи — бросился въ лодку. Но это оживленіе было дѣйствіемъ минутнаго восторга. Страданія его снова начались на берегу, и одинъ онъ только, въ то время какъ всѣ пользовались отраднымъ усыпленіемъ, провелъ тяжелую и безпокойную ночь.... однако терпѣливо выносилъ свои мученія, не желая тревожить товарищей своимъ стономъ. Утромъ, я первый отправился къ нему, и нашелъ бѣднаго Дранше въ крайней слабости. Скоро собрался около умирающаго и всѣ. Несчастный дрожалъ въ предсмертной лихорадкѣ, холодный потъ струился по его лицу. Безмолвно стояли мы надъ умирающимъ, не имѣя ни средствъ ни возможности помочь ему, или облегчить его страданія.... Но вотъ онъ тяжело вздохнулъ, открылъ глаза, и какъ будто-бы мгновенная радость разлилась по лицу его, при взглядѣ на окружавшихъ его товарищей.

— Братя! Спасибо вамъ за участіе, слабымъ голосомъ сказалъ онъ.... Знаю, послѣдній часъ мой насталъ, и съ упованіемъ встрѣчаю я его.... Благодарю Бога, что вижу васъ всѣхъ спасенными отъ гибели.... Да, добрые друзья мои.... помогите мнѣ Творецъ терпѣливо вынести новыя бѣды и снова увидѣть свою родину.... Мнѣ уже не видать ее.... Помогите за меня.... Я умираю.... Одна просьба, послѣ минутнаго молчанія добавилъ онъ.... зарейте меня здѣсь на бе-

регу, а кто въ васъ увидитъ жеву мою, мою бѣдную Лунзу.... скажите ей: — въ послѣднюю мою минуту, я молился о ея счастіи!... Дранше набожно перекрестился и смолкъ....

Снопсъ наклонился къ умирающему, пощупалъ пульсъ его, потомъ взглянулъ въ лицо, и крупная слеза упала съ рѣсицы матроса...

— Онъ... умеръ! тихо и медленно сказалъ Снопсъ.

Потеря Дранше была для всѣхъ насъ важною и чувствительною потерею. Въ немъ мы лишились храбраго, смѣливаго и умнаго товарища, какіе много могутъ принести пользы цѣлому обществу въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашему.

Кончина его навѣяла на всѣхъ насъ сильную грусть... Она заставила всякаго обратиться къ своему печальному будущему.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы находились на пустынной косѣ острова, гдѣ вся растительность ограничивалась тощею травою, да густымъ, казалось, непроходимымъ лѣсомъ. Вдали на горизонтѣ чернѣлся лѣсъ; но онъ казался намъ раскинутымъ за рѣкою.

Зарывъ нашего бѣднаго Дранше на берегу моря. Мы, послѣ совершенія этой печальной обязанности, пустились вдоль косы, желая обозрѣть мѣстность. Здѣсь намъ удалось найти нѣсколько приплывшихъ съ разрушенной бригантины сундуковъ, нѣсколько кипъ съ товаромъ и шесть боченковъ съ ромомъ и виномъ. Но всѣ эти сокровища, кромѣ крѣпкихъ напитковъ, не составляли для насъ цѣнныхъ и полезныхъ предметовъ. Всѣ наши сундуки и товары мы охотно бы отдали тогда за мѣшокъ сухарей, за пару пистолетовъ, или за два ружья, при помощи которыхъ могли бы мы, на случай встрѣчи съ дикими, имѣть защиту, или добывать дичь. Но главный нашъ недостатокъ, главное наше лишеніе заключалось въ неимѣніи огня. Мы не могли безъ него ни обсушить нашихъ платьевъ, ни обогрѣть окостенѣшіе отъ стужи члены. Теперь все наше вниманіе, всѣ наши совѣты обратились къ этому предмету. Снопсъ придумалъ употребить средство дикихъ... Мы тотчасъ же принялись тереть дерево объ дерево, но хворость не давалъ намъ ни искры.

Въ это время, т. е. когда всѣ упражнялись въ добываніи огня, я замѣтилъ, что волненіе моря совершенно успокоилось, и выдавшаяся въ него коса далеко обмелѣла.

Я отозвалъ Снопса всторону, надѣясь найти въ немъ товарища, готоваго раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было всякую удачу и неудачу.

— Чтѣ скажете, капитанъ? спросилъ онъ.

— Послушай, другъ мой, отвѣчалъ я...

— Благодарю за честь, перебилъ англичанинъ, комически взявшись за широкія полы своей шляпы.

— Я не шучу... Не шути и ты...

— Куда тутъ... до шутокъ ли, когда нечего положить на зубы, которые я обколочу къ вечеру отъ стужи.

— Время дорого, добрый мой Снопсъ... Не будемъ пустословить.

— Извините... У меня такая скверная привычка: французы ее привили. Извольте приказывать: буду слушать...

— Я прошу тебя быть мнѣ товарищемъ въ одномъ дѣлѣ, которое принесетъ общую пользу и быть-можетъ спасетъ насъ отъ гибели...

— О, въ такомъ случаѣ, велите умереть Снопсу: онъ тотчасъ же вытянется, какъ воловья жила, и закапывайте его... Говорите, говорите, капитанъ...

— Я былъ увѣренъ въ тебѣ, Снопсъ... Ты добрый и славный малый, а что всего лучше. — хорошій морякъ.

Снопсъ сдѣлалъ гримасу, выразившую что-то въ родѣ сладенькой улыбки. Я зналъ его слабую струну, его матросское самолюбіе, и потому, не совѣтуя пустословить, пожертвовалъ самъ двумя, тремя лишними словами...

— Вотъ видишь ли... У насъ нѣтъ ни огня, ни сухарей, ни одѣялъ, ни ружей, ни пороху.

— Да просто бы сказали: ничего нѣтъ...

— Ну-да! Теперь, понимаешь ли, надо добыть ихъ...

— А! то-есть вы приглашаете меня прогуляться до нашего славнаго «Барса», изувѣченнаго волнами... Извольте... Но какъ?

— На ботѣ.

— Капитанъ! Вы шутите?

— Нѣтъ... На ботѣ, говорю тебѣ...

— Да, помыслите онъ свозить, какъ рѣшето...

— Законопатить... Замажемъ.

— А чѣмъ?

Въ опасностяхъ человѣкъ или бываетъ слишкомъ глупъ, или ужь очень разуменъ.

Точно такъ и я, предлагая законопатить судно, еще не подумалъ о средствахъ и матеріалѣ, которыхъ не было подъ рукой.

— Что же вы молчите, капитанъ? спросилъ Снопсъ, сопровождая слова свои откровеннымъ смѣхомъ, который такъ хорошо характеризовалъ его рыбью натуру.

— Да, виноватъ... отвѣчалъ я... этого я не обдумалъ...

— Но, позволь, продолжалъ я... Есть, есть, другъ мой Снопсъ!

— Ага! Догадалсь... Ну и я тоже! Оберните у приятелей носовые платки, галстуки, а я пожертвую своей курткой, вот и новоплатка... Къ дѣлу, капитанъ.

Въ полчаса, при общей жертвѣ платковъ и галстуковъ, ботъ былъ исправленъ. Сноусъ и я спустили его на воду и благополучно добрались до бригантинны.

Убыль воды намъ много помогла въ нашемъ предпріятіи. Судно обмелѣло совершенно, и напруившись на бокъ, безъ всякой человѣческой помощи облегло отъ груза вытекшей изъ него воды. Но однако вещи наши были почти все затоплены, и потому намъ стоило не малаго труда отыскать тѣ предметы, которые составляли цѣль нашей экспедиціи... Все было изломано, перебито и разбросано. Однажды намъ попался подъ руку боченокъ пороху, фунтовъ въ двадцать пять. Онъ былъ, на наше счастье, поставленъ въ такомъ мѣстѣ, куда вода не вливалась. Къ этому еще мы нашли шесть ружей, изъ которыхъ за однимъ отчаянный Сноусъ разъ пять нырнулъ въ валубу; потомъ намъ удалось набрать паръ до десяти тонкихъ платковъ, дюжину байковыхъ одеялъ, три колпака, да мѣшокъ съ полупудомъ сахара и саженой сто веревокъ... Вотъ все, что составляло теперь наше богатство, если прибавить къ этому пару топоровъ.

Совершенно довольные своимъ походомъ, мы оставили бригантину, и нагрузивъ ботъ, отправились съ добычею на берегъ. Сначала шло все хорошо. Мы плыли спокойно, безъ неприятныхъ встрѣчъ, разговаривая о томъ, какое утѣшеніе привеземъ нашимъ товарищамъ... Вотъ, уже мы вступили на глубину; еще двадцать ударовъ досками, замѣтивши намъ весла, и мы на отмели, какъ вдругъ—справа у борта выскочило нѣсколько платковъ... вода съ визгомъ полилась въ нашу лодку...

— Сноусъ! мы погибли! вскричалъ я...

— Ничего! ничего, капитанъ! Больше хладнокровія! отвѣчалъ онъ, сбросивъ съ себя куртку и заткнувъ ею наскоро пробойну, добавляя: придерживайте ногой мою куртку... Вотъ такъ! Теперь берите боченокъ съ порохомъ... Берегите его отъ воды... Хорошо! Ну... веревку!..

Говоря это, находчивый Сноусъ привязалъ веревку къ кормовой части бота, который несмотря на смолистую куртку матроса, наливался водою, потомъ мой товарищъ схватилъ въ зубы другой конецъ веревки и бросился влечь къ берегу... Здѣсь его встрѣтила толпа друзей и ботъ мой былъ вытащенъ на отмель. Я и моя поклажа были, разумеется, приняты съ восторгомъ. Не теряя ни минуты, я велѣлъ набрать остатки сухаго извороста, которымъ въ—особенности изобилуютъ наши

островъ... Скоро яркимъ и веселымъ пламенемъ вспыхнули три костра... Мы раздѣлились на группы, и теперь, совершенно забывъ свое горе, принялись сушить одѣяла и платье, между-тѣмъ какъ трое матросовъ, исправя ружья, отправились за дичью. Самъ я занялся промывкою въ рѣчной водѣ сухарей, которые много попортились, плавая трое сутокъ въ палубѣ. Черезъ часъ у насъ былъ самый гастрономическій ужинъ, заключавшійся въ трехъ парахъ застрѣленной дичи и сухаряхъ, при чемъ каждый изъ насъ разрѣшилъ въ этотъ вечеръ выпить кружку рому. Наступившую ночь мы провели у огня, закутавшись въ наши одѣяла, и совершенно довольные своимъ положеніемъ... Разумѣется, это довольство продолжалось только до утра, съ наступленіемъ котораго мы невольна обмѣнялись другъ съ другомъ вопросами о томъ, что намъ предпринять... Уныніе снова овладѣло нами, когда мы выжили въ свое незавидное положеніе... Еще тысяча лишеній, быть-можетъ, шла намъ на встрѣчу; къ тому же мы находились въ мѣстахъ совершенно намъ незнакомыхъ, въ пустынѣ, на которой не было замѣтно и слѣда человѣческаго, безъ признаковъ жилья, отыскивая которое, мы легко могли заблудиться въ лѣсахъ и тосяхъ, погибнуть по одному отъ усталости, истомленія, или подъ ножомъ дикаря. Надо прибавить еще и то, что по первой рекогносцировкѣ мѣстности, мы нашли, что отдѣлены отъ твердой земли глубокими и широкими рѣками. Но всего болѣе насъ ужасала встрѣча съ дикими. Снопсу извѣстно было, что туземцы, обитающіе въ ущельяхъ и полянахъ Аппоаческихъ горъ, на зиму оставляютъ свои хижины и перебираются на острова, для звѣриныхъ промысловъ. Здѣсь обыкновенно промышленники остаются до апрѣля мѣсяца, и потомъ съ добычею возвращаются на твердую землю. Такая новость еще болѣе испугала насъ. Теперь мы находились въ грустной неизвѣстности: не зная, имѣемъ ли мы пріятныхъ сосѣдей, или нѣтъ. Малѣйшая оплошность съ нашей стороны вела насъ къ гибели. Легко могло случиться, что при нечаянномъ нападеніи толпы дикихъ, мы подверглись бы неизбежной опасности, особенно, въ томъ случаѣ еслибы бы жадные недруги замѣтили наше невзрачное богатство...

На этомъ совѣтѣ болѣе всѣхъ и, разумѣется, разумнѣе всѣхъ разсуждалъ опытный Снопсъ.

— Все это, друзья мои, еще не бѣда, сказалъ онъ: если мы лишимся нашихъ одѣялъ и колпаковъ; а есть обстоятельства поважнѣе...

— Что же такое? спросило нѣсколько голосовъ.

— Нашъ ромъ и водка, товарищи... Сохрани Богъ, если дикари доберутся до нихъ .. ужъ скажутъ намъ за это угощеніе спасибо... пересытятся, и мы пропадемъ...

— Правда, правда! отозвался мы, съ печальнымъ предчувствіемъ, взглянуть на наши боченки.

— Да, продолжалъ Снопсъ: хотя, признаться, положи руку на сердце, ромъ и водку я люблю и уважаю неменьше дикихъ американцевъ, а, право, пожертвовалъ бы ими за цѣлость моего черепа, который часто побаливалъ отъ крѣпкой виски...

— Что же ты думаешь сдѣлать.

— Боченка два поглубже зарыть въ землю, а изъ остальныхъ вылить утѣху въ море; пусть ужъ на нашъ счетъ гуляютъ акулы...

Умный совѣтъ матроса былъ принятъ цѣлымъ обществомъ, и тотчасъ же исполненъ...

Слѣдующія два дни, ожидая встрѣтить въ виду береговъ какое-нибудь судно, мы провели въ страшномъ безпокойствѣ... Мысль о приходѣ дикарей не разлучалась съ нами, при чемъ всего болѣе, на случай неприязненной встрѣчи съ ними, мы особенно боялись разлучиться другъ съ другомъ. Избѣгая нечаяннаго нападенія, мы день и ночь содержали караулъ, стараясь каждую минуту быть на готовѣ.

22 февраля вся наша несчастная семья, изнуренная бессонницею, утромъ рѣшилась отдохнуть... Но едва только мы расположились у лашего скарба, какъ громкій крикъ...

— Вставайте, вставайте!... Дикари! заставилъ насъ вздрогнуть.

Еслибы полсотни гранатъ, упавши, лопнули въ срединѣ нашего кружка, то и этотъ взрывъ далеко не произвелъ бы того эффекта, какъ слово: дикари!...

Почти всѣ мои храбрые друзья, въ панническомъ страхѣ, готовы были броситься въ разсыпную...

— Куда вы! вскричалъ я: остановитесь!...

— Куда, вы, чортъ возьми!... повторилъ раздосадованный Снопсъ... къ ружью, трусы!... къ ружью, говорю!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отозвался Десклай: по одиночкѣ они насъ всѣхъ перебьютъ...

— Мало того, перевѣшаютъ, распялятъ и съѣдятъ, если угодно! замѣтилъ Снопсъ.

Последнее убѣжденіе, кажется, подѣйствовало на нашихъ товарищей: одни изъ изъ нихъ взяли за топоры, другіе за ружья, и, какъ испуганныя овцы, столпились около насъ... Замѣтно было, что въ толпѣ этихъ неустрашимыхъ мореходовъ каждый старался остаться позади.

А тѣхъ, кто надѣлалъ намъ столько тревоги, не было видно ни направо, ни налево.

— Ну, началъ я, скажите друзья мои: кто-же это произвелъ тревогу?

— Я, отозвался Ла-Катюръ.

— Гдѣ-же дикари?

— Я видѣлъ ихъ за холмомъ...

— А сколько ихъ?...

— Разглядѣть не могъ...

— Да, вотъ-вотъ они... вскричалъ Снопсъ... разъ, два!.. четыре... А! и пятый! Фу-ты пропасть, чего-жъ мы перетрусались: ихъ только пятеро....

— Да и къ тому же, замѣтилъ Десклау, въ числѣ ихъ три женщины...

— Однако они всѣ съ ружьями! сказала я...

— Я вижу даже у нихъ за плечами топорики, подхватилъ Снопсъ... Воинство вооружено хорошо, но скверно обмундировано... они безъ сапогъ... Кланусь честью, продолжалъ матросъ, мы купимъ ихъ дружбу за старьяго легиона... Господа, позвольте мнѣ быть вашимъ парламентаромъ.

— Ступай, Снопсъ, иди, иди! — Снопсъ съ важною миною навязалъ на дуло своего ружья пестрый платокъ и выступилъ впередъ, приказавъ намъ держать ружья на прицѣлѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы съ удивленіемъ увидѣли, что представитель нашего общества довольно бѣгло объясняется съ дикими...

— Что за чудо! что за странность!... Да это чортъ... Да это просто золотой человѣкъ!

Но это чудо скоро разрѣшилось тѣмъ, что одинъ изъ дикарей довольно удачно объяснялся на испанскомъ языкѣ, а этотъ языкъ былъ хорошо знакомъ мистеру Снопсу, который съ этой минуты уже рѣшительно завладѣлъ общимъ нашимъ уваженіемъ.

Когда новые наши знакомцы подошли къ намъ, мы узнали, что просвѣщеннаго дикаря зовутъ Антоніемъ, и что онъ изъ Апполачскихъ горъ, — и кочуетъ въ виду крѣпости св. Марка, а теперь зимуетъ на островѣ, находящемся въ трехъ миляхъ отъ нашего. Встрѣтивъ на берегу своего жилища отломки отъ нашей бригантны, онъ, по его рассказу, рѣшился осмотрѣть окрестность, надѣясь найти бѣдствующихъ и помочь имъ.

Въ свитѣ его находилась вся его семья: мать, жена, сестра и племянникъ. Переговорить съ нимъ мы поручили Снопсу, который и приступилъ къ дѣлу, поподчивавъ прежде всѣхъ дикарей ромомъ и предло-

живъ мнѣ въ подарокъ пары три куртокъ и кофакъ, особенно понравившійся Антонію.

Послѣ долгаго и, повидимому, дружескаго разговора между дикаремъ и Снопсомъ, послѣдній объяснилъ намъ, что онъ просилъ Антонію провести насъ до крѣпости св. Марка, за что обѣщалъ ему хорошую награду.

— Ну, и что же, согласился онъ? спросилъ я...

— Кажется, отвѣчалъ Снопсъ... Вотъ еще увидимъ. Между тѣмъ, Антонію, отдавая восторгову свою семью, началъ совѣтоваться съ каждымъ изъ ея членовъ.

Мы не спускали внимательнаго взгляда съ нашихъ гостей, которыхъ разговоръ длился съ добрый часъ, при чемъ нельзя было не замѣтить быстрыхъ и энергическихъ тѣлодвиженій Антонію, безпрестанно указывавшаго на наши ружья и богатство...

Послѣднее обстоятельство заронило въ душу нашу страшное подозрѣніе... не скоро открытъ видъ дикара, возвратившагося къ намъ, и его простодушная фізіономія успокоила насъ... Несчастные, какъ дѣти, доврѣчивы!

Антонію простился съ нами и обѣщалъ на другой день явиться къ намъ съ запасною пироگوю. Онъ увѣрялъ, что мы находимся отъ крѣпости св. Марка только въ десяти миляхъ; но это былъ обманъ, какъ обнаружилось послѣ: съ крѣпостью насъ раздѣляло разстояніе 26 миль. Къ нашему несчастію, между нами не нашлось ни одного свѣдущаго челоуѣка, знакомаго съ мѣстностію Апполачскихъ горъ, и потому хитрость удалась дикарю.

И такъ Антонію отправился обратно съ нашими подарками, взявъ съ собою трехъ нашихъ мотросовъ.

Дикарь сдержалъ свое слово, и явился на другой день, но не съ двумя, а съ одною пироگوю, что породило для насъ еще новое горе. Всѣ мы не могли отправиться въ его хижину, гдѣ предполагалось отдохнуть и потомъ слѣдовать до крѣпости; разлука же для насъ была и опасна и тяжела... Но дѣлать было нечего; взявъ съ собою половину своего имущества, шестеро изъ насъ рѣшились отправиться съ дикаремъ.

Снопсъ предложилъ мнѣ ѣхать въ первой партіи.

— Капитанъ, сказалъ онъ, будетъ очень умно, если вы поѣдете теперь съ этимъ недовѣркомъ: тогда оставшаяся здѣсь половина друзей будетъ спокойна, въ томъ, что ихъ не забудутъ... къ тому же, если дикарь и раздумаетъ донести начатое дѣло, такъ вы съумѣете его къ тому принудить... поѣжайте съ Богомъ... я остаюсь здѣсь.

Мы отправились... Плаваніе на вертливой лодчонкѣ продолжалось

какого... Передъ закатомъ солнца Антонию насъ высадилъ на обитаемый нѣтъ островъ, гдѣ мы встрѣтили и отбывшихъ вчера товарищей.

Теперь, первымъ деломъ былъ приступить къ дикарю съ просьбою, чтобы онъ отправился снова за оставшимися на Собачьемъ островѣ питью матросами, но дикарь не соглашался помогать этого сноръ, и предлагалъ отвезти насъ прежде на твердую землю. Разумѣется, все мы единогласно отвергли это предложеніе. Между-тѣмъ упрямство Антонию начало въ глазахъ моихъ становиться подозрительнымъ. Я ясно видѣлъ, что онъ ищетъ случая раздѣлать наши силы... однакожь успѣлъ настоять на своемъ, и послѣ двухъ дней усиленной просьбы, Антонию пустился въ путь, а 28 февраля, мы обняли нашихъ товарищей... Эта встрѣча была для насъ всѣхъ насъ большимъ утѣшеніемъ.

Число наше ограничивалось 14 человѣками, но несчастія такъ связали насъ, что мы составляли одну дружную семью. Новизна стращала, какъ и явная опасность, а потому все мы послѣ трехъ дней, проведенныхъ въ хижинѣ дикаря, которую онъ уступилъ намъ, приступили къ нему, прося его сдержать данное намъ слово и доставить насъ на твердую землю... Но теперь уже ясно было, что дикарь старался насъ обмануть, и прельщенный нашимъ багажомъ рѣшился завладѣть имъ... Теперь онъ набѣгалъ встрѣчи съ нами. Каждый день уходилъ съ семьею своею на рыбный или звѣринный промыселъ... оставляя, какъ мы догадывались, надзирать за нами своего племянника; иногда пропадалъ по цѣлымъ днямъ. Недоумѣнія и опасенія наши росли съ каждымъ часомъ...

Однажды вечеромъ, послѣ долгаго отсутствія Антонию, которое чрезвычайно встревожило все наше общество, Снопсъ — приготовилъ лампу изъ рыбьяго жира: завелъ разговоръ о дикарѣ....

— А что, товарищи, сказалъ онъ; долго вы думаете еще гостить у нашего почтеннаго друга.... Вѣдь сказать по совѣсти, которая у Снопса чиста.... нашъ другъ большой мошенникъ....

— Правда, Снопсъ, отозвался Ла-Катюръ: я раздѣляю твое мнѣніе....

— Ну, а вы, капитанъ? спросилъ матросъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я?... Я, мистеръ Снопсъ, давно объ этомъ думалъ; но не рѣшался высказывать моихъ подозрѣній....

— Однако, капитанъ, чего вы ждете отъ этого молодца?

— Думаю, что онъ непрочъ обокрасть насъ....

— Гм.... Только! Ну, на этотъ счетъ будьте спокойны.... Я лично по этому предмету распорядился, и мною, Бульи и Натаномъ учраж-

день постоянный караулъ.... Нѣтъ, капитанъ, нѣтъ! Его затѣи, какъ мнѣ кажется, общають намъ больше бѣдъ....

— Что ты говоришь, Снопсъ?

— А то — друзья мои, что разбойникъ Антоніо поджидаетъ товарищей, чтобы перерѣзать насъ, повѣрьте мнѣ.... Снопсъ не умѣетъ ошибаться....

— Неутѣшительно, проворчалъ Бульи.... Мое бы мнѣніе, сказалъ онъ.... Рѣшить, да и кончено....

— Рѣшить! отозвался Снопсъ.... Да что рѣшить-то, умная голова?

— А просто...

— Ну-ко, ну ко... отличись, Бульи! раздалось со всѣхъ сторонъ...

— Что-жь и отличусь.... Дѣло неважное.... Просто, говорю, въ одинъ прекрасный день выпить по лишней чаркѣ виски....

— Только-то.... Ну это, въ-самомъ-дѣлѣ очень просто!

— Постой, мистеръ Снопсъ, не перебивай.... Выпить, говорю, для храбрости.... броситься на дикарей....

— Ну?...

— Ну и капутъ, а тамъ завладѣемъ ихъ лодкой....

— Нѣтъ это не дѣло... За что же мы ихъ убьемъ, сказалъ я: когда мы только подозрѣваемъ ихъ въ змѣнѣ... но подозрѣніе еще бездоказательно....

— Правда, капитанъ, сказалъ Снопсъ.... Вы справедливы, но осмѣлюсь доложить, что не дурна и мысль Бульи....

— Какъ, убійство!

— Зачѣмъ.... Не возьмемъ грѣха на душу, а переведемъ ихъ такъ, чтобъ ужъ они не дрогнули.... и на лодку....

— Нѣтъ, Снопсъ, сказалъ я.... я не согласенъ съ тобою....

— Почему же бы это?

— Во-первыхъ, потому, что намъ совершенно неизвѣстенъ путь на твердую землю, а во-вторыхъ, что уже мы тогда не ждемъ спасенія... Встрѣчные дикари узнають о нашемъ насилии.... и....

Снопсъ задумался.

— Ну, какъ знаете, сказалъ онъ, махнувъ рукою.... Я же буду дѣлать свое дѣло. Завтра, какъ смола прилину къ дикарю, какъ пивка повисну у него въ ухѣ, и до-тѣхъ-поръ не отстану отъ него, пока онъ не дастъ мнѣ слова, сейчасъ доставить насъ на твердую землю...

Тѣмъ нашъ совѣтъ и кончился. Послѣ мы много сожалѣли, зачѣмъ не послушались предложенія Снопса.

Прошло еще пять дней, Антоніо не являлся. Въ это время мы питались рыбою и стрѣляли дичь, а между-тѣмъ старались собирать

запасъ нашихъ сухарей, изъ которыхъ на долю каждаго выдавалось по два золотника въ сутки.

Снопсъ не дремалъ и, вооруженный винтовкою, дни и ночи бродилъ въ окружныхъ лѣсахъ, стараясь встрѣтить Антонио; наконецъ ему удалось поймать дикаря и привести его къ намъ.

Подарки и наши усильныя просьбы, наконецъ, заставили Антонио исполнить то, чего мы такъ долго ждали.

Пятаго марта мы уложили въ лодку лучшую часть нашего богатства, и въ числѣ восьми человекъ отправились въ путь. Въ первой партіи плыли: я, Десклау, Ла-Катюръ, жена его съ сыномъ, мой арапъ, нашъ добрый товарищъ Снопсъ и дикарь. Трое дикихъ и семь нашихъ матросовъ, съ которыми мы не могли разстаться безъ слезъ, остались на островѣ. Минута этого разставанья была для насъ самую грустною минутою: мы, какъ-будто бы знали, что расстаемся навѣки.

Давно ожидаемый нами отъѣздъ — былъ началомъ тѣхъ страшныхъ бѣдъ, которыя превзошли ужасомъ всѣ наши первыя несчастія.

Утро было теплое и ясное, когда мы пустились въ дорогу. Антонио увѣрялъ насъ, что время переѣзда нашего ограничится небольшою, какъ двумя сутками. Безумно довѣряя словамъ его, мы только на это короткое время взяли припасовъ. Догадливый и осторожный Десклау, опасаясь непредвидимыхъ случаевъ, тайно запасся еще на два дня. Весь нашъ провіантъ состоялъ въ семи фунтахъ сухарей, въ шести кускахъ медвѣжьего мяса и въ передней части соленого дикаго козла. Проплывъ не болѣе трехъ миль, Антонио остановился, и заставилъ насъ сдѣлать привалъ на цѣлыя сутки, которыя провели мы на пустынномъ островѣ. Наше безпокойство и опасеніе за будущее — усилились, когда, вмѣсто обѣщанныхъ двухъ сутокъ, дикарь шесть дней перевозилъ насъ съ одного острова на другой. Припасы наши истощились, и теперь пища наша состояла только въ устрицахъ, которыя мы находили по берегамъ рѣкъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и мы все оставались все въ той-же печальной невѣстности. Дикарь имѣлъ обыкновеніе пускаться въ дорогу при восходѣ солнца, и проплывъ часа два или три — остальное время дня и ночь проводилъ въ отдыхѣ. Нерѣдко случалось, что мы приставали къ мѣстамъ, лишеннымъ всякой растительности, и на которыхъ нельзя было достать прѣсной воды.

Однажды, поздно вечеромъ, мы расположились отдохнуть на голомъ островѣ. Истощенные дурною пищею, тоскою и трудами переѣзда, товарищи мои скоро заснули. Наступила ночь, мрачная и холодная. Возлѣ меня, завернувшись въ одѣяло, помѣтилася Снопсъ. Мы оба не спали, такъ разговаривая о нашей печальной участи.

— Знаете, что я вамъ скажу, капитанъ, понизивъ голосъ, сказалъ Снопсъ.... Я рѣшилъ, по долгой наблюдательности, что мы иначе будемъ спасены, какъ отблввшись отъ дикаря....

— Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ я: теперь уже нѣтъ болѣе сомнѣнія, что Антонио злодѣй хитрый, коварный....

— Именно.... Онъ пользуется нашимъ несчастнымъ положеніемъ, и доведя насъ до крайняго истощенія, уморитъ насъ непремѣнно.

— Что же ты думаешь предпринять, Снопсъ?

— Завладѣть лодкою, дикаря оставить на островѣ, и въ путь; по возможности примѣтамъ материкъ недалеко.

— Я готовъ согласиться, другъ мой, сказалъ я, но посоветуемся съ товарищами: что скажутъ на это Ла-Катюръ и Десклау.

Съ этихъ словами мы осторожно разбудили ихъ и сообщили имъ нашъ планъ.

Десклау и Ла-Катюръ въ половину соглашались на наши предположеніе.

— Обождемте еще одинъ день, сказалъ первый изъ нихъ. Завтра, когда будемъ на водѣ — мы постараемся припугнуть дикаря, и изъ его зашатательности легко увидимъ, точно ли онъ заблудился, или съ предательскимъ намѣреніемъ возитъ насъ съ одного острова на другой....

— Въ послѣдней догадкѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія! отозвался Снопсъ.

— Однако жъ это бездоказательно! возразилъ Ла-Катюръ.

— Бездоказательно, говорите вы? А что, по вашему мнѣнію, значить это упрямство, съ которымъ Антонио, какъ черепаха подвигается впередъ, дѣлая съ нами неболѣе двухъ миль въ сутки! Нѣтъ, господа, послѣдній разъ напомню вамъ, что мы для своего спасенія должны рѣшиться немедленно на это дѣло.... Еще день, два, и съ нами останется одно отчаянное расканіе....

— Но до утра недалеко, сказалъ Десклау.... Теперь врагъ нашъ, замѣтя наше неприязненное намѣреніе, пожалуй еще успѣетъ скрыться въ темнотѣ ночи, и мы безвозвратно погибнемъ подъ ножами его друзей.... А что они насъ сыщутъ, въ томъ нельзя сомнѣваться....

Снопсъ и я, по какому то предчувствію, сильно наставляли присутствующихъ къ дѣлу сейчасъ, но все наши убѣжденія остались недействительными, и мы принуждены были исполненіе нашего плана отложить до утра.

Скоро мы заснули. Сонъ мой былъ неспокоенъ и коротокъ... Я часто вздрагивалъ, тревожимый какими-то видѣніями, съ испугомъ пробуждался и оглядывалъ мрачную окрестность. Передъ утромъ, мнѣ предета-

влясь, что будто бы я нахожусь на берегу моря и ясно вижу, как дикій оттолкнулся отъ этого берега и поплылъ отъ насъ въ своей лодкѣ, работая изо всѣхъ силъ веслами и стараясь скорѣе достигнуть глубины и середины перевала. Это видѣніе такъ испугало меня, что я съ крикомъ проснулся и разбудилъ моихъ товарищей... Но успокоенный Снопсомъ, который указалъ мнѣ на спавшаго отъ насъ въ недалекомъ разстояніи Антоюю, я снова заснулъ. Однако, спустя полчаса, тотъ же страшный сонъ—нарушилъ мое забытіе. Съ замирающимъ отъ страха сердцемъ я поднялся на ноги, и не видя на мѣстѣ дикаго, бросился къ берегу.... Вотъ я уже достигъ того мѣста, гдѣ наканунѣ была привязана наша лодка — и отчаяніе мое разрѣшилось неистовымъ вондеиъ ужаса.

— Онъ уѣхалъ! рыдая вскричалъ я. Лодки нѣтъ!.. слышите вы... Слышите... Снопсъ! ла-Катюръ... Всѣ, всѣ сюда! Дикій насъ оставилъ. Мы погибли...

О! не возможно выказать того отчаянія, которое овладѣло тогда нами. Безъ слезъ рыдая, мы проклинали нашего злодѣя, страшаясь сдѣлать другъ-другу обійій вопросъ: что намъ теперь дѣлать? Нѣтъ, никакого сомнѣнія, что въ эту минуту мы горько сожалѣли о томъ мѣуѣстномъ снисхожденіи, которымъ подарилъ дикаго.

Теперь наше положеніе превосходило своимъ ужасомъ всѣ тѣ бѣды и несчастія, которые мы испытали.

Мы были брошены на пустомъ островѣ, безъ надежды на чью-либо помощь, безъ пищи и безъ средствъ добывать ее. Изъ платья у насъ оставалось только, что было надѣто на плечахъ нашихъ, да по одному отѣялау. Все прочее нѣвніе, ружья, бѣлье, запасную обувь, все укралъ Антоюю. До настоящаго дня мы нѣблн обыкновеніе, располагаясь на ночлегъ, брать съ собою шпаги, а въ эту несчастную ночь никто изъ насъ не сдѣлалъ даже и этого запаса.

Все наше оружіе заключалось теперь въ дурномъ ножѣ, который, по счастью, нашелся у меня въ карманѣ, и только я одинъ былъ вооруженъ такъ страшно! На островѣ не произрастало ни одного адроваго корня, на деревьяхъ никакого плода; даже, въ этомъ мѣстѣ, и море не выбрасывало ни одной раковины. Искавши послѣднихъ мы исходили нѣсколько верстъ берегомъ, и совершенно напрасно,—ничто не утѣшало насъ, и только страшный голодъ увеличивался съ каждою минутою.

Истомленные и обезсиленные, мы расположились на противоположной оконечности нашего пустыннаго островка. Горе и страданіе выражались на каждомъ лицѣ... Грустное молчаніе царствовало въ семьѣ нашей; никто не возвышалъ своего голоса; каждый изъ насъ страдалъ без-

словно, не имѣя силъ высказывать своего горя, или роптать на несчастіе. Солнце высоко стояло на горизонтѣ, когда, утомясь, мы бросились на голую землю. Передъ нашими глазами разстилось море, отдѣлявшее отъ насъ, въ разстояніи версты, другой островъ, на которомъ мы имѣли наканунѣ привалъ съ дикими. Я вспомнилъ, что на этомъ островѣ намъ въ изобиліи попадались раковины съ устрицами и рыбками, также раки и чистая вода. Объ этомъ я, разумѣется, сообщилъ своимъ товарищамъ.

— Проклятый предатель! глухо отозвался Снопсъ: хоть бы онъ бросилъ насъ на томъ берегу...

— Да, да!—сказалъ Ла-Катюръ, смотря жадными глазами, то на отдаленный островъ, то съ трепетомъ, въ которомъ высказывалась его душевная тоска, на свою жену и сына... Да, сказалъ онъ, я бы простилъ его зло, еслибы онъ не совсѣмъ отнял у насъ надежду существовать еще нѣсколько дней.

— Однакожъ и въ-самомъ-дѣлѣ, началъ Снопсъ, нельзя-же оставаться намъ на этомъ камнѣ, надо быть изобрѣтательнѣе... Ну, господа, рѣшимъ, на общемъ совѣтѣ, какъ бы намъ перебраться въ гости къ устрицамъ и ракамъ.

Десклау горько улыбнулся на слова матроса.

— Какія же могутъ быть средства, какъ не одно, и самое опасное—переплыть.

— Почему вы называете его опаснымъ?...

— Оттого, что не хватитъ силъ переплыть, при нашемъ истощеніи, разстояніе слишкомъ въ версту...

— Ну, не много менѣе... Что же касается до меня, замѣтилъ я, то мысль о ракахъ и устрицахъ воскрешаетъ мои силы, и я бы рѣшился.

— Къ тому же, подхватилъ, Снопсъ, вы видите, какъ много тутъ островковъ, а потому нельзя предполагать въ этихъ маленькихъ проливахъ большой глубины, и я увѣренъ, что здѣсь пловецъ встрѣтитъ во одну отмель, на которой успѣетъ отдохнуть... Для лучшаго же и вѣрнаго успѣха, я пожалуй рискну изслѣдовать эту мѣстность...

Всѣ мы, благодарные великодушію Снопса, уже готовы были согласиться на его предложеніе, какъ вспомнили о женѣ Ла-Катюра и его сынѣ, которые рѣшительно не умѣли плавать.

Постойте-ка, сказалъ изобрѣтательный матросъ, задумавшись на минуту... Приставая вчера къ берегу, я замѣтилъ на немъ нѣсколько выброшенныхъ моремъ досокъ... Что если бы изъ нихъ снестерить плоть?...

— Не дурно, Снопсъ, очень недурно... Но чемъ мы его скрѣпимъ?

— А нашими одѣялами, которыя до ночи еще успѣютъ высохнуть на солнцѣ.

— Ну и прекрасно! отозвался всѣ.

Надежда на скорое удовлетвореніе голода воодушевляла насъ, и не теряя ни минуты, мы приступили къ дѣлу. Доски были найдены, связаны и спущены на воду. Положеніе, въ которомъ находились мы, не могло стѣснять насъ приличіемъ, а потому, желая выйти изъ воды сухими, мы должны были раздѣться, и уложивъ свое платье на плотъ, на которомъ помѣстилась г-жа Ла-Катюръ съ сыномъ, пустились въ нашъ опасный путь. Я, Снопсъ и арабъ были впереди, по сторонамъ плота, подталкивая его впередъ, плыли Ла-Катюръ и Десклау. Я и арабъ итѣли въ зубахъ одѣяло, которымъ тащили утлый и вертлявый плотъ.—Снопсъ указывалъ намъ дорогу, нрѣдка опускался въ воду и итѣряя глубину. Прозорливый матросъ угадалъ, что мы встрѣтимъ нѣсколько мелей, которыя облегчатъ намъ путь. Такъ и случилось... При этомъ переходѣ мы сдѣлали нѣсколько отдыховъ, и чрезъ часъ или полтора достигли острова.

Нельзя было не замѣтить, что г-жа Ла-Катюръ во все время трудной и опасной переправы не выказала нисколько страха. Надо признаться, что во всѣхъ горестныхъ случаяхъ, постигавшихъ насъ, она сохраняла удивительную твердость, и товарищество ея нисколько не было намъ въ тягость; напротивъ, ея присутствіе и ея примѣръ часто ободряли, успокаивали насъ и научали терпѣнію...

Когда былъ утоленъ голодъ, у насъ родился другой недостатокъ: отсутствіе огня. На всемъ островѣ невозможно было добыть кремешка или камня, а между-тѣмъ близилась холодная ночь. Но надо было покоряться обстоятельствамъ, и потому, съ твердостью вынося это лишеніе, мы съ восторгомъ привѣтствовали восходъ солнца...

Такъ прошло десять, а быть-можетъ, что и болѣе, дней, о печальномъ однообразіи которыхъ бесполезно рассказывать...

Однажды, во-время нашихъ разговоровъ, цѣлью которыхъ было, разужѣтся, постоянное желаніе добраться до твердой земли, мы вспомнили, что у сосѣдняго острова, гдѣ также итѣли ночлегъ, видѣли мы старую лодку, брошенную на берегу. Это открытіе навело насъ на мысль достигъ ветхой ладьи, исправить ее и перебраться черезъ проливъ, который отдѣлялъ насъ отъ твердой земли. За эту мысль мы ухватились, какъ за вѣрное избавленіе... Утопающіе хватаются за соломенку; кто же итѣшалъ намъ, въ нашемъ положеніи, не мечтать о

возможности въ рѣшетѣ переправиться на твердую землю. Снопсъ, Десклау и Ла-Катюръ долго думали, какъ бы лучше осуществить нашу надежду. По нашимъ расчетамъ, отъ драгоцѣнной лодки насъ отдѣляло пространство воды миль въ четыре или пять. Препятствія были соображены... Мы знали, что намъ придется перецѣлывать устья рѣкъ и море; но это не остановило насъ, и мы рѣшились, въ тотъ же день отправиться въ путь. Жена Ла-Катюра сынъ его и мой арабъ остались на островѣ. Мы общались имъ, если успѣемъ починить широгу, тотчасъ явиться за ними, если нѣтъ, то тѣмъ же путемъ и при тѣхъ же условіяхъ возвратиться, назадъ.

Предпріятіе это заключало въ себѣ нашу послѣднюю надежду—успѣхъ его былъ предметомъ нашего разговора во всю дорогу, что не мало сократило ее и даже ободрило наши силы.

Послѣ трехъ-часоваго пути, въ-продолженіе котораго, къ нашему благополучію мы не встрѣтили нигдѣ ни широкихъ, ни глубокихъ рѣкъ и проливовъ, партія наша должна была остановиться, встрѣтивъ рѣку широкую, по-крайней-мѣрѣ, въ четверть мили.

Рѣшась переплыть ее, мы должны были отдохнуть и собрать наши силы.

Но нетерпѣніе Снопса, желавшаго скорѣе увидѣться съ нашимъ сокровищемъ, принудило насъ отправиться послѣ отдыха весьма короткаго.

Несмотря однакоже на наше истомленіе, мы счастливо перебрались на противоположный берегъ и почти безъ чувствъ упали подлѣ найденной лодки, которая оказалась такъ ветха, что разрушила всѣ наши надежды. Но Ла-Катюръ и Десклау рѣшились чинить ее. Мы помогли имъ, и на коншатку употребили наши одѣяла, куртки и траву. Холодный вечеръ заставилъ насъ подумать объ огнѣ, причѣмъ я вспомнилъ, что на этомъ самомъ островѣ дикарь перемѣнялъ кремь на своемъ ружьѣ и бросилъ его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы разводили огонь. Не говоря никому ни слова о моемъ открытіи, я бросился отыскивать мое сокровище. Дойдя до замѣченнаго мѣста, я не оставилъ безъ вниманія ни одного оврага, ни одного куста и, право, верещуналъ каждую травку. Уже наступили полныя сумерки, грустный и разочарованный въ моихъ надеждахъ, я готовъ былъ отправиться къ своимъ друзьямъ, какъ вдругъ что-то твердое попало мнѣ въ ногу... Не могу я теперь вспомнить безъ смѣха этого мгновенія. Мнѣ казалось, что я нашелъ несчѣтныя сокровища, и боясь раздѣлить ихъ съ кѣмъ бы то ни было, со страхомъ осмотрѣлся кругомъ и осторожно взглянулъ къ моей находкѣ: это былъ кремь.

Нельзя описать и высказать нашей общей радости, когда, при ве-

нощи моего ножа и находки, мы развели огонь, у котораго и провели ночь, рѣшивъ, что въ наскорѣ исправленной лодкѣ намъ невозможно отправиться всѣмъ четверымъ. На ней вызвался вѣхать Ла-Катюръ, который сѣвшилъ къ женѣ своей, а мы на другой день отправились старымъ путемъ.

Мы явились на свой островъ прежде нашего товарища. Онъ едва не утонулъ... И по новомъ осмотрѣ лодки, мы почти отказались отъ надежды переплыть на ней до твердой земли; такъ было ветхо наше судно, за обладаніе которымъ мы почти жертвовали жизнью.

Госпожа Ла-Катюръ чрезвычайно была рада моей находкѣ. Бѣдная женщина такъ давно лишена была огня. До того времени устрицы и ракушки были единственною нашею пищей, иногда и ихъ мы не добывали вдоволь. Въ день же нашего возвращенія на островъ, Провидѣніе послало намъ пищу другаго рода, подкрѣпившую и наше здоровье, и наши разстроенныя силы. Въ то время какъ товарищи моихъ бѣдствій снова приступили къ починкѣ лодки — я, измученный безуспѣшною, по моему мнѣнію, работою, отправился бродить по острову. Углубись въ думу, невольно и незамѣтно я далеко оставилъ за собою нашъ лагерь, какъ вдругъ какой-то бѣлый предметъ, мелькнувшій за кустомъ, привлекъ мое вниманіе. Я бросился навстрѣчу ему, и едва не зарыдалъ отъ радости, встрѣтивъ дикаго козленка... Замятно было, что онъ, пораненный стрѣлою дикаря — охотника, только что переплылъ проливъ и упалъ здѣсь, истощенный потерей крови. Животное еще билось.. Я прикололъ его моимъ ножомъ, и взваливъ на плечи дорогую находку, бѣгомъ пустился къ моимъ товарищамъ.

Всѣ съ восторгомъ встрѣтили мою добычу... Этотъ день былъ для насъ большимъ праздникомъ, и мы, сытно поужинавъ, уснули спокойно, зная что у насъ еще осталась въ запасѣ часть вкусной и питательной добычи.

Рано разбудилъ насъ Снопсъ, вызывая на работу. Общее желаніе быть скорѣе на твердой землѣ заставило насъ тотчасъ же, по его призыву, броситься къ лодкѣ... Но всѣ наши старанія были напрасны. Недостатокъ матеріала совершенно разрушалъ всѣ наши надежды... Трава, одѣяла и куртки, ни чѣмъ несмазанныя, ни салою, ни смолою, едва могли держаться въ расщелинахъ четверть часа, и вода тотъ же выбивала ихъ. Это обстоятельство приводило насъ въ совершенное отчаяніе, а другихъ средствъ не было. Но мы уже смотрѣли на опасность въ полглаза: жажда спасенія заглушала въ насъ голосъ разсудка, и, бѣдняки, мы утѣшали себя жалкою фразой: вѣдь только переѣхать *дѣль миль!* забывая въ тоже время, что можно утонуть въ двухъ ар-

шинной лужѣ. Во всякомъ случаѣ шесть человѣкъ никакъ не могли помѣститься въ лодкѣ... и рѣшась на опасный рискъ, мы условились такъ, что г-жа Ла-Катюръ съ сыномъ и моимъ негромъ опять останутся на островѣ, а мы четверо отправимся на твердую землю, и при первой удачѣ поспѣшимъ къ нимъ на помощь. Снопсъ распорядился, двоимъ сѣсть на греблю, а двоимъ, въ—продолженіе перевала, отливать безпрестанно воду шляпами. Тяжелую и поразительную сцену представляло разставанье бѣдной женщины съ своимъ мужемъ. Желая ее нѣсколько утѣшить, я отдалъ ей свое сокровище, кремень, и отломилъ кусокъ ножа..

Едва мы только вступили въ лодку, какъ вода хлынула изъ всѣхъ пазовъ... Эта неудача отняла у меня всю смѣлость. Я сталъ упрямивать товарищей отложить опасное намѣреніе и неидти на вѣрную гибель, но Снопсъ и Ла-Катюръ крѣпко настаивали въ своемъ желаніи, и видя, что я не рѣшаюсь за ними слѣдовать, оттолкнули лодку...

— Молись за насъ! крикнулъ Ла-Катюръ... Береги мою жену...

— Богъ дастъ... успѣемъ! подхватилъ Снопсъ...

— Прощай! прощай! раздалось на водѣ.

Долго, въ нѣмой тоскѣ и съ душевнымъ волненіемъ, я слѣдилъ за удалявшеюся лодкою. Нельзя было не замѣтить, какихъ теперь трудовъ и усилій стоила друзьямъ моимъ каждая минута жизни, безразсудно поставленной на карту. Вотъ Снопсъ приподнялся, махнулъ своею шляпою и лодка скрылась за утесомъ...

Госпожа Ла-Катюръ, не желая удвоить своей тоски, не рѣшилась даже посмотреть на отъѣздъ мужа, а потому, увѣренная, что и я утѣхалъ вмѣстѣ съ моими друзьями, чрезвычайно была удивлена моимъ возвращеніемъ и, разумѣется, обрадована.

Когда я подошелъ къ ней, она, сжавъ въ рукахъ своихъ голову сына, сидѣла у огня и горько плакала.

— Утѣшьтеся, мадамъ Ла-Катюръ, сказала я: — быть можетъ Богъ и поможетъ нашимъ друзьямъ успѣть въ ихъ предричатіи...

— Дай Богъ, отвѣчала она; — у меня уже не хватаетъ ни силъ, ни мужества выносить столько испытаній, бѣдъ и горя...

— Будемъ молиться! Много вытерѣли, а теперь быть можетъ и близокъ конецъ нашимъ испытаніямъ.

— Будемъ молиться, съ тяжелымъ вздохомъ повторила она.

— Скажите, что васъ заставило остаться на островѣ? послѣ минутнаго молчанія спросила она.

— Мы разсудили, одному изъ насъ остаться, отвѣчалъ я, —

чтобы избавить ветхую лодку отъ лишняго груза... Къ тому же, намъ страшно было оставить васъ безъ друга и подпоры...

— О, правда!.. Вы не повѣрите, какую тоскою разболѣлось мое сердце, когда всѣ вы готовы были разстаться со мною... Теперь у меня все-таки есть еще другой другъ, кромѣ сына, и мы вмѣстѣ будемъ ждать возвращенія нашихъ избавителей... Помогн имъ Богъ!

Шесть дней прошло со времени отъѣзда Ла-Катюра, Десклау и Свонса. Объ нихъ не было никакихъ вѣстей. Для меня не оставалось никакого сомнѣнiя въ ихъ гибели, но я всячески старался успокоивать несчастную женщину. Скоро убѣжденiя мои сдѣлались напрасны, постоянное горе и лишенiе были причиною того равнодушiя къ участи мужа, въ которое впала моя спутница. Были минуты, въ которыя она радовалась, что любимый ею супругъ кончилъ свои страданiя...

Надо было рѣшиться и намъ на что-нибудь... И мы согласились приступить къ сооруженiю плота. Ревностно принялись мы за исполненiе этого предпрiятiя, сожалѣя, что намъ не пришло этой мысли въ то время, когда еще мы не разлучались съ нашими друзьями. Несмотря на нашу слабость и каждодневно убывавшее здоровье, мы работали усердно и скоро, питаясь попрежнему раковинами, которыя я уже теперь сталъ жарить, и засыпая у нашего огня. Молодой Ла-Катюръ снималъ кору съ молодыхъ деревьевъ и плелъ изъ нея веревки, а мать его; я и негръ отыскивали бревныя и перекатывали ихъ къ берегу. Такимъ-образомъ въ два дни, при помощи этихъ веревекъ и одного одѣяла, разрѣзаннаго на тонкiя тесемки, были связаны десять бревень; другое одѣяло замѣнило намъ парусъ, и плотъ, къ общей радости, былъ сооруженъ.

Наступившая ночь не позволила намъ пуститься въ нашъ опасный путь. Мы положили дожидаться утра, а между-тѣмъ, чтобы не терять времени и пользуясь еще вечернимъ полусвѣтомъ, принялись набирать запасъ устрицъ, кореньевъ и ламбаковъ. Усталость отъ заботъ и тяжелой работы совершенно обезсилила насъ, но однако всю ночь мы не смыкали глазъ — опасаясь бури, которая легко могла-бы уничтожить нашъ плотъ, стоявшiй намъ такихъ усилiй и жертвъ... Въ послѣднемъ случаѣ ихъ было принесено много. Мы даже распустили свои чулки, изъ которыхъ свили нѣсколько запасныхъ веревекъ, для паруснаго шкота.

Ночь миновала благополучно. Наступившiй приливъ помогъ намъ спустить плотъ совершенно на воду, и помолясь съ истиннымъ усердiемъ, мы пустились въ дорогу. Противу всякаго ожиданiя переходъ нами совершенъ былъ благополучно. Послѣ одиннадцати часовъ, въ которые были употреблены, съ нашей стороны, усилiя почти нечеловѣческiя, мы

вступили на твердую землю. Забравъ съ собою нашу запасъ, веревки и оубыла, мы пустились во внутрь страны.

И вотъ снова омшшая въ душѣ нашей надежда на—спасеніе — начала мало-по-малу превращаться въ прежнюю тоску и отчаяніе. Куда идти? — кругомъ пустыня необозримая, ни одного отраднаго предмета, ни одного признака жизни. Кое—гдѣ раскидываются голые курганы, на иныхъ чернѣется нѣсколько деревьевъ, единственная растительность этой безмолвной степи; поросшей тощею травою.... Мысль, что если мы не встрѣтимъ тутъ никакого жилья, то смерть голодная, смерть позная мука и пытокъ, будетъ нашимъ концомъ, — ужаснула меня.

— Тамъ еще, думалъ я, на островахъ. только что нами оставлен-ныхъ, мы находили пищу, а здѣсь, удалаясь отъ береговъ моря въ глубь пустынь — что встрѣтимъ мы!..

Не сообщая моихъ печальныхъ мыслей усталымъ спутникамъ, я рѣшился взять дорогу по направленію къ скаламъ, далеко зубчатыми возвышенностями обрисовавшимся на горизонтѣ. Но приближеніе ночи и страхъ заплутаться въ окружныхъ лѣсахъ — заставили насъ, при всемъ желаніи идти впередъ—расположиться на ночлегъ. Для этого мы избрали небольшой холмикъ, гдѣ, растаянувъ на сучьяхъ трехъ деревьевъ одно изъ нашихъ оубыла, мы устроили что-то въ родѣ сквознаго шалаша и развели огонь, единственную нашу отраду.

Никогда не забуду той торжественности, какою полна ночь въ пустынь! Въ эти минуты и краснорѣчивое молчаніе навѣваетъ на душу какой—то неестественный страхъ... Темное небо, округляясь надъ головою рисуетъ тысячу исполненныхъ и фантастическихъ предметовъ въ облакахъ, быстро и дѣльными вереницами пробѣгающихъ по немъ... Даже шмолетный вѣтеръ кажется здѣсь олушевленнымъ, его таинственный шорохъ какъ—будто—бы находитываетъ легенды окружныхъ горъ: гдѣ—нибудь далеко скатившійся съ холма камень пробуждаетъ молчаливое эхо степи, которое звонко повторяетъ его урчаніе и дробное паденіе.

Едва только закрыли мы глаза, какъ неожиданный, но еще отдаленный ревъ звѣря заставилъ забытья отъ ужаса наши сердца...

— Боже мой! Это рычаніе звѣря, прошептала моя спутница.

— Да—и кажется, если я не ошибаюсь, такъ даже не одного, а двухъ... отозвался я... слышите!

Въ—самомъ—дѣлѣ, въ эту минуту другой ревъ и громче перваго раздался съ другой отъ насъ стороны...

— Это страшные степные медвѣди! дѣпята отъ ужаса прошептала негръ...

— Ободритесь, сказала я... Подбавляйте въ огонь болѣе хворосту.

и вы удивите, что ни одинъ изъ этихъ незваныхъ гостей не рѣшится приблизиться къ намъ...

Между-тѣмъ какъ мы воспламеняли нашъ костеръ, раскидая по сторонамъ головни и желая такимъ-образомъ войти въ кругъ огня — ревъ продолжался, потворяемый эхомъ... Наконецъ рычаніе звѣря и удушливое, сердитое его храпѣніе послышались намъ такъ близко, какъ-будто-бы опасный гость уже протануль лапу къ нашимъ устрицамъ...

— Вотъ онъ! Вотъ! Спасайтесь! съ невыразимымъ ужасомъ крикнулъ негръ, бросившись бѣжать къ дереву, которое находилось отъ насъ шагахъ во ста.

Страхъ заразителенъ. Мадамъ Ла-Катюръ, испуганная какимъ то видѣніемъ, въ ту же минуту готова была слѣдовать за негромъ, но я успѣлъ удержать ее, умоляя остаться у огня, какъ у единственной нашей защиты.

Въ ту же минуту — черная фигура громаднаго медвѣдя повернулась отъ огня, и съ глухимъ рычаніемъ звѣрь бросился по слѣдамъ несчастнаго негра.

— Онъ погибъ! сказалъ я.

Страхъ нашъ былъ невыразимъ, когда, въ-самомъ-дѣлѣ, преслѣдуемый медвѣдемъ — несчастный арабъ съ судорожнымъ стономъ упалъ на землю...

Мы слышали его раздражающій сердце крикъ... потомъ прерывистое ворчаніе звѣря... Но вотъ все смолкло.

Цѣпенія отъ ужаса, мы не могли закрыть глаза наши...

При свѣтѣ наступившаго дня — мы увидѣли только истерзанный и обезображенный трупъ нашего бѣднаго слуги...

Происшествіе минувшей ночи имѣло на насъ такое страшное вліяніе, что силы и твердость совершенно насъ оставили. Черезъ силу, едва передвигая ноги, я добрелъ до морскаго берега, чтобы набрать устрицъ и ракушекъ. Мадамъ Ла-Катюръ и сынъ ея захворали въ это утро... Въ то время, какъ я занимался приготовленіемъ нашей скудной трапезы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышался чей-то говоръ...

Первымъ движеніемъ моимъ было броситься въ ту сторону, откуда слышался этотъ говоръ... Не помня себя отъ радости я спустился за оврагъ и встрѣтилъ двухъ дикарей... На одномъ изъ нихъ была надѣта куртка Сноуса, которую я тотчасъ и узналъ.

Появленіе мое казалось обрадовало дикарей.... Съ крикомъ непритворной радости они бросились ко мнѣ навстрѣчу и схватили меня за руки. Не понимая — дружеское или непріязненное было ихъ движеніе,

я уже горю въ быдъ защищаться, какъ одинъ изъ нихъ, заговоривъ довольно чѣсто по-англійски, вывелъ меня изъ недоумѣннн....

— Ты одинъ; спросидь онъ, а гдѣ-же женщина и мальчикъ, которые оставались съ тобою?

— Здѣсь онъ; но почему ты это знаешь?...

— Товарищъ твой сказалъ.... Мы тебя ищемъ.... Тотъ товарищъ, котораго на мнѣ надѣта куртка...

— Какъ, Снопсъ! вскричалъ я.... Гдѣ-же онъ самъ?

— Лежить больной — въ крѣпости ея. Марка ... Мы его за эту вотъ куртку проводили туда. Онъ въ глазахъ нашихъ тонуть у этого берега, да выплылъ.... а другіе двое — и дикарь, не докончивъ фразы, махнулъ рукою.... Насъ послалъ, продолжалъ онъ — искать вась берегомъ комендантъ крѣпости Севетенгамъ, а на острова за вами отправилась шлюбка.... Она скоро будетъ.... Вотъ вамъ покажѣтъ кусокъ соленой козы.

Можно себѣ представить, какою восторгомъ овладѣлъ всею сумествомъ моимъ, при мысли о нашемъ неожиданномъ избавленн, въ ту минуту, кога уже погибла и послѣдняя надежда.

Не помна себя отъ радости, съ словами:

— Мы спасены! Мы спасены! я бросился къ моимъ страдальцамъ.

Въ эту минуту громкій крикъ дикихъ заставилъ меня оглянуться назадъ—и я увидѣлъ подходившую къ берегу лодку....

Н. Андряновъ.

Ново-Архангельскъ.
1852 года
февраля 4 дня.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИКЪ.

Октава Фелье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

РАУЛЬ Д'АТОЛЬ.

СЮЗАННА, его жена.

БАРОНЪ де-ГРАВЕНЪ, дядь Сюанны.

КОРЖЪ де-ВЕРНОНЪ.

ЖАНЕТА, старая служанка.

КРИНТЬ, слуга Рауля.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ.

НОВАРИНОКЪ.

Дѣйствіе въ Прованціи.

I.

Пріемная великолѣпнаго дома, ярко освѣщенная и уставленная цѣттами. Двойная лѣстница вѣдетъ въ садъ, также иллюминированный. Часъ по полуночи.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ и **НОВАРИНОКЪ**, стоятъ, облокотясь на перила лѣстницы.

НОВАРИНОКЪ. Такъ вы думаете, мосье Роберъ, что молодой любитъ хорошій столъ ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Да, онъ изъ тѣхъ людей, которые знаютъ, что ѣдятъ. Я увѣренъ, что мадамозель Сюанна будетъ съ нимъ счастлива. Но вотъ и Жанета; я думаю, пора готовить чай.

ЖАНЕТА. Да, да, Роберъ. Весь свадебный позѣздъ сейчасъ будетъ здѣсь. (*Метръ-д'отель дѣлаетъ знакъ поваренку, который убѣгаетъ*).

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. И такъ, все кончено, Жанета?

ЖАНЕТА. Не знаю, кончено-ли все, или не кончено; но молоды уже обвѣнчаны.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Кажется, все идетъ, какъ ~~полѣзъ~~ лучше.

ЖАНЕТА. Превосходно. Что сдѣлано, того уже не воротить.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Вы, кажется, не совсѣмъ довольны, Жанета?

ЖАНЕТА. Мнѣ какое дѣло? Баронъ доволенъ, молодая довольна, молодой также — хоть этого и не видно, а я что тутъ?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Развѣ онъ вамъ не нравится?

ЖАНЕТА. Что вы! Развѣ можно видѣть этого господина безъ того, чтобы мнѣ не восхищаться? Развѣ онъ не изъ Парижа? Неужели вы осмѣливаетесь думать, что изъ Парижа что-нибудь выходитъ дурное?

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Нужно отдать ему справедливость: онъ красивый мужчина.

ЖАНЕТА. Да, красивая кукла.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. А что вы скажете о мадамъ Сюзаннѣ?

ЖАНЕТА. Бѣдняжка! *(Плачетъ)* Право, замужство дѣло хорошее.

МЕТРЪ-Д'ОТЕЛЬ. Почему же?

ЖАНЕТА. Почему? *(Поваренокъ оббѣгаетъ запыхавшимся).*

ПОВАРЕНОКЪ. Мадамъ Жанета, васъ спрашиваетъ какой-то господинъ.

ЖАНЕТА. Меня спрашиваетъ... въ часъ ночи! Онъ съзна сошелъ!
(Входитъ слуга Рауля, держитъ, съ узломъ въ рукахъ).

ЛЕРМИТЬ. Мамзель Жанета?

ЖАНЕТА. Что вамъ угодно?

ЛЕРМИТЬ. Точно-ли я говорю съ мамзель Жанетою?

ЖАНЕТА. Съ кѣмъ же? *(Метръ-д'отель и поваренокъ уходятъ).*

ЛЕРМИТЬ *(въ полголоса, съ таинственнымъ видомъ).* Меня зовутъ Лермиць.

ЖАНЕТА. Что-жъ изъ этого?

ЛЕРМИТЬ. Я камердинеръ г. Рауля.

ЖАНЕТА. А! Очень рада.

ЛЕРМИТЬ *(понижая еще голосъ).* Мнѣ приказано обратиться къ вамъ, чтобы узнать, куда положить всѣ эти вещи. *(Показываетъ на узелъ).*

ЖАНЕТА. Какія вещи?

ЛЕРМИТЬ. Туалетный ящикъ, кисти и щетки.

ЖАНЕТА. А! Такъ вотъ о чемъ заботится вашъ господинъ въ эту минуту?

ЛЕРИИТЬ. Вы понимаете, какъ неприятно для него будетъ завтра поутру не видѣть того, къ чему онъ привыкъ.

ЖАНЕТА. Да это ни на что не похоже!

ЛЕРИИТЬ. Какъ?

ЖАНЕТА. Я вамъ говорю, что это ни на что не похоже, и что вы можете убраться съ этиаи вощани, куда хотите.

ЛЕРИИТЬ. Неужели вамъ удивительно, что баринъ хочетъ бриться завтра поутру?

ЖАНЕТА. Не принесли-ли вы за одно и его ночной колпакъ? *(Слышеть стукъ кареты).* Нечего дѣлать, давайте... Одиияъ только мужчинамъ могутъ приходить въ голову подобныя мысли. Это неблагородно! *(Уходитъ).*

(Въ саду слышеть шумъ. Слуги съ любовытствомъ тѣсняются въ передней. Кареты, одна за другой, подвѣзываютъ къ крыльцу. Сюзанна, въ туалетъ ковообрачной, сводитъ, опираясь на руку своего дѣда, бодрого и живаго старичка).

СЮЗАННА. Какъ это мило! Что вы не женитесь, дѣдушка?

ВАРОНЪ. Пятдесять лѣтъ назадъ, я также праздновалъ свою свадьбу, мой другъ. *(Они прозедать въ комнаты, смѣясь съ гостями).*

II.

САДЪ.

Ночныи амен слабо освѣщены отблескомъ отдаленныхъ огней. Теплая, ароматическая, лѣтняя ночь.

СЮЗАННА *(съ туалета, заброшеннымъ на голову, увлекаетъ за собою Жанету).* Пойдемъ! дальше... дальше...

ЖАНЕТА. Что съ вами, сударыня?

СЮЗАННА. Я хочу сказать тебѣ секретъ, Жанета: слушай! *(Схватываетъ ее за обѣ руки)* Я счастлива! *(Обнимаетъ ее и яичетъ).*

ЖАНЕТА. Дай Богъ, чтобы вы всегда были счастливы!

СЮЗАННА. Мнѣ хотѣлось подѣлиться съ тобою моею счастливостью. Я радыхалась: мое сердце было такъ полно.

ЖАНЕТА. О, сударыня!

СЮЗАННА. И кому же открыться мнѣ, какъ не тебѣ, моя добрая Жанета?.. Ты знаешь, какъ я люблю тебя! Цѣлыи двадцать лѣтъ ты была челоко для своей Сюзанны. Ты носила мои на рукахъ, отъ ко-

лыбели до свадьбы, замѣняя мнѣ мать: И я люблю тебя; и никто, кромѣ тебя, не услышитъ моего признанія въ счастіи.

ЖАНЕТА. Дочь моя, милая Сюзанна... благодарю... благодарю тебя.

СЮЗАННА. Мнѣ непременно хотѣлось высказать тебѣ это именно здѣсь, въ тѣни этихъ жасминовъ... Знаешь-ли почему? — Сядь, припомни... О, ты ничего не помнишь; а мнѣ кажется, какъ—будто это было вчера.

ЖАНЕТА. Постоите... постоите....

СЮЗАННА. Это было вечеромъ; я сидѣла задумавшись и не слышала, какъ ты подошла ко мнѣ. При звукѣ твоего голоса я вздрогнула. Ты сказала: все кончено; дитя мое не принадлежитъ мнѣ болѣе! Я встала; но ты посадила меня возлѣ себя и продолжала: Сюзанна, сердце вѣщунъ; пора выходить замужъ.

ЖАНЕТА. (смѣясь). Это показалось вамъ обиднымъ.

СЮЗАННА. Признаюсь, я сначала обидѣлась; но я до-сихъ-поръ не понимаю, какимъ-образомъ ты могла угадать мой мысли.

ЖАНЕТА. Трудное дѣло!

СЮЗАННА. Это меня такъ сконфузило, что ты взяла меня за обѣ руки, стараясь успокоить, и сказала: Тутъ еще нѣтъ бѣды, душечка; но нельзя ли узнать имя этого господина? Брюнетъ онъ, или блондинъ? Не князь ли онъ какой?... Онъ не былъ княземъ, Жанета, и даже вовсе не имѣлъ имени; я не любила никого именно; я любила... вотъ и все. Я сама себя не узнавала. Меня не занимало ничто, кромѣ уединенія и задумчивости. Я стыдилась сходства съ тѣми скучными героинями, о которыхъ мы такъ много читали зимою. При всемъ томъ, мнѣ нравилось такое положеніе. Я часто приходила сюда мечтать, и бывало, пробуждаясь отъ грезъ, прижимала набранный мною букетъ къ пылающему лицу и обливаѣа его слезами.

ЖАНЕТА. Помню, помню.

СЮЗАННА. Я не скрывалось передъ тобою, моя бѣдная Жанета; я призналась, что между всѣми мечтами и призраками, которые меня окружали, есть одинъ, котораго я боялась больше другихъ, и котораго при всемъ томъ, чаще всѣхъ призывала. Черты его лица... сама не знаю, какимъ-образомъ онъ родились въ моемъ воображеніи... дышали гордостью, которая измѣнялась для меня въ нѣжную улыбку. Взглядъ его обѣщалъ все, чего можетъ надѣяться женщина отъ друга, повелителя и мужа... честь, доброту и умъ. Въ тоже время, казалось, что его мучило какое-то безпокойство, которое одна я могла разсѣять. Онъ подходилъ ко мнѣ... рука его касалась моей руки, и я чувствовала, что сердце мое сильнѣе билось. Когда я рассказала тебѣ все это, ты

отвѣчала мнѣ: Успокойся, дитя мое; теперь мы будемъ молиться, чтобы Богъ послалъ тебѣ того, о комъ ты мечтаешь. И въ-самомъ-дѣлѣ, Богъ послалъ его мнѣ. Этотъ милый призракъ здѣсь; онъ меня любитъ, онъ мой мужъ!... Вотъ, что я хотѣла сказать тебѣ и всемъ свидѣтелямъ моихъ мечтаній: деревьямъ, цвѣтамъ, звѣздамъ и ночи... О, какъ прекрасна эта ночь! посмотри, какъ ясно небо... Какой аромат въ воздухѣ! Какъ милостивъ къ намъ Богъ, и какъ я люблю тебя, Жанета.

ЖАНЕТА. О, люби меня всегда, дитя мое, какъ ты меня прежде любила.

СЮЗАННА. Я только одного боюсь, что никогда не буду его достойна.

ЖАНЕТА. Какъ это можно!

СЮЗАННА. У него львиное сердце, Жанета. Офицеръ, который сѣдѣлъ за столомъ возлѣ тетушки, рассказалъ мнѣ всѣ его похождения въ Африкѣ. Онъ спасъ его брата.

ЖАНЕТА. Развѣ г. Рауль служилъ въ военной службѣ?

СЮЗАННА. Никогда! Онъ просто ѣздилъ въ Африку повидаться съ де-Вернономъ, своимъ старымъ другомъ, и неожиданно засталъ его на пути въ экспедицію. Онъ отправляется вмѣстѣ съ нимъ, такъ просто для удовольствія. Въ горахъ они встрѣчаютъ непріятеля. Де-Вернонъ, раненный и выбитый изъ сѣдла, видитъ, какъ его любимый братъ защищается противъ толпы арабовъ. Онъ зоветъ Рауля, который съ лошадей бросается со скалы и спасаетъ обоихъ. И когда я, подумаю, Жанета, что этого самаго человѣка я вижу у своихъ ногъ, о, я еще болѣе начинаю любить его.

ЖАНЕТА. Все это прекрасно; но послушайте своей старой Жанеты: любите его сколько хотите, но не говорите ему этого.

СЮЗАННА. Я никогда не осмѣлюсь этого сдѣлать: я едва его знаю. А между-тѣмъ, мы обвѣнчаны... Не странно ли все это, Жанета?

ЖАНЕТА. Въ церкви мнѣ показалось, что онъ былъ слишкомъ холоденъ.

СЮЗАННА. Какъ ты смѣшна, Жанета? Нельзя же ему плакать, какъ женщинѣ! Скажи правду, ты ревнуешь его ко мнѣ?

ЖАНЕТА. Да, да! Но тише... тише... (*Слышны голоса и шумъ шаговъ*).

СЮЗАННА. Уйдемъ отсюда!

ГОЛОСЪ (*съ отдаленій*). Который ей годъ?

ДРУГОЙ ГОЛОСЪ. Девятнадцать.

СЮЗАННА (*тихо съ живостью*). Это онъ..

ЖАНЕТА. Пойдемъ же прочь..

СЮЗАННА. Нять, нять, послушаемъ.

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ. Она воспитательна.

ВТОРОЙ. Да.

ЖАНЕТА. Уйдемъ скорѣе. Они идутъ сюда.

СЮЗАННА. Они, можетъ-быть, говорятъ обо мнѣ. О, какъ бы нѣтъ хотѣлось... Что же тутъ дурного?... Это мужъ мой. Сюда... за этотъ кустъ... пойдемъ скорѣе.. (Прячутся).

III.

РАУЛЬ Д'АГОЛЬ, ЖОРЖЪ ДЭ-ВЕРНОНЪ, медленно идутъ подъ руку.

ЖОРЖЪ. Но гдѣ же она?

РАУЛЬ. Не знаю... впрочемъ, я велѣлъ извѣстить, когда она явится... Но для чего ты убѣждаешь отъ насъ такъ скоро?

ЖОРЖЪ. Мнѣ необходимо. Сегодня кончается мой отпускъ. Въ которомъ часу идетъ первый поѣздъ по желѣзной дорогѣ?

РАУЛЬ. Въ пять часовъ. Дай мнѣ слово пріѣхать сюда осенью, черезъ два или три мѣсяца: мы будемъ охотиться вмѣстѣ.

ЖОРЖЪ. Черезъ два мѣсяца? Ни за что на свѣтѣ... Ты возненавидѣшь меня; нѣтъ ничего глупѣе, какъ быть третьимъ лицомъ при влюбленныхъ.

РАУЛЬ. Сейчасъ видно, любезный Жоржъ, что ты изъ Африки. По нашему, пробыть наединѣ два или три мѣсяца становится довольно скучнымъ, и другъ даже обязанъ пріѣхать, чтобы разсѣять эту скуку.

ЖОРЖЪ. Еслибъ у меня была такая жена, я бы готовъ запереться съ нею въ башню.

РАУЛЬ. Въ темную?

ЖОРЖЪ. Не въ темную, но въ неприступную.

РАУЛЬ. Это своего рода самоубійство... Сидимъ здѣсь. И такъ, любезный Жоржъ, жена моя тебѣ нравится?

ЖОРЖЪ. Выслушай, и не смѣйся надо мною. Въ тотъ день, когда ты спасъ жизнь моего брата, я обратился къ Богу съ молитвою наградить тебя счастьемъ.

РАУЛЬ. Продолжай, Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Не зная, въ чемъ состоитъ истинное счастье, я устанавливалъ на волю Провидѣнія набрать для тебя награду... И вправдѣсь, когда я увидѣлъ, что васъ соединили передъ алтаремъ, я испыталъ всю радость, и внутренній голосъ шепталъ мнѣ, что долгъ мой исполнился.

РАУЛЬ (*холодно*). Гмъ! При такихъ понятіяхъ тебѣ необходимо жениться.

ЖОРЖЪ. Напротивъ, при такихъ понятіяхъ мнѣ невозможно жениться, потому—что я нигдѣ не найду двойника твоей жены.

РАУЛЬ. Но что же ты находишь особеннаго въ моей женѣ?.. Конечно, она недурна, и даже очень мила; но не отъ чего приходится въ такой восторгъ.

ЖОРЖЪ. Полно притворяться, Жоржъ; признайся, ты обожаешь ее?

РАУЛЬ. Жоржъ, развѣ ты замѣтилъ во мнѣ признаки сумасшествия?

ЖОРЖЪ. Ужъ вѣрно же любишь, когда женился на ней.

РАУЛЬ. Послушай, Жоржъ, откуда у тебя такія понятія? Откуда эта мораль и этотъ высокій слогъ, которыми ты терзаешь мнѣ слухъ? Аркадія давно не существуетъ, мой любезный! Дафнисы и Хлои вымерли!.. Не сердись за это, Жоржъ!.. Не я убилъ ихъ; они умерли сами собою.

ЖОРЖЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Для чего же ты женился, если ты не влюбленъ?

РАУЛЬ. Женился именно потому, что не былъ влюбленъ, любезный другъ мой; потому—что не долженъ болѣе влюбляться; потому—что любовь, или то, что ложно называется этимъ словомъ, испытано мною до пресыщенія; потому—что мнѣ тридцать лѣтъ, и старому холостяку смѣшно играть въ свѣтѣ роль школьника... Не спорь... побереги свои возраженія и досаду для того, что тебѣ остается выслушать. Три мѣсяца тому назадъ, я въ первый разъ въ жизни вздумалъ взглянуть на свое имѣніе, около Орлеана. Бродя съ моимъ фермеромъ по полямъ я спросилъ у него, кому принадлежитъ красивый замокъ, возвышающійся по соседству? — Это замокъ Шени, отвѣчалъ онъ. — А чей это лѣсъ, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ мое помѣстье? — Это паркъ, принадлежащій замку. — А замокъ принадлежитъ какому—нибудь маркизу Карабасу? — Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ онъ серьезно: замокъ принадлежитъ графинѣ Сюзаннѣ де-Шени. Славное мѣсто для охоты и двадцать тысячъ ливровъ чистаго дохода, прибавилъ онъ, прищуриваясь... Барышни не засядутъ въ дѣвкахъ, я увѣренъ. Вотъ, мой другъ, прологъ той пастушеской драмы, которой ты сейчасъ видѣлъ развязку.

ЖОРЖЪ. Ты не увѣришь меня, чтобы, сватаемъ за надмоазель де-Шени, ты имѣлъ въ виду одни безсовѣстные расчеты!

РАУЛЬ. Во—первыхъ, я давно уже думалъ жениться, и мой фермеръ только указалъ мнѣ цѣль. Разумѣется, еслибъ я нашелъ въ надмоазель де-Шени урода или дуру, это конечно ничѣмъ бы не кон-

чилось; но въ ней все было прилично: и манеры, и воспитаніе, и мнѣ показалось, что я въ состояніи буду чувствовать къ ней ту спокойную привязанность, которая связываетъ всякаго благороднаго человѣка съ матерью его дѣтей.

ЖОРЖЪ. Значитъ, ты ее обманывалъ?... Это не хорошо!

РАУЛЬ. Въ чемъ же я могъ ее обманывать?

ЖОРЖЪ. Неужели ты думаешь, что этотъ ребенокъ, котораго портретъ ты обрисовалъ такимъ обиднымъ образомъ, что этотъ образецъ доброты и прелести, ничего болѣе не ожидаетъ отъ тебя, какъ одной спокойной привязанности?

РАУЛЬ. Чего же ей ожидать, любезный другъ? Сюзанна воспитывалась, чтобы быть хорошею помѣщицею; она смотритъ на замужство, какъ на замужство, на кота, какъ на кота, на мужа, какъ на мужа, не болѣе.

ЖОРЖЪ. Но этой помѣщицѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ! но глаза ея блестятъ огнемъ молодости! Какая же молодая дѣвушка не строила воздушныхъ замковъ? Но что ты ищешь?

РАУЛЬ. Ничего... а! вотъ онъ. Посмотри, это микроскопическая рѣдкость, золотой ключикъ; мнѣ дала его жена съ большою церемоніею и таинственностію... Должно-быть это какое-нибудь сокровище. Я бы охотно отказался отъ такого подарка. Всѣ эти наивности мнѣ несносны.

ЖОРЖЪ. Прощай, Рауль...

РАУЛЬ. Какимъ тономъ ты говоришь это, Жоржъ! Ты сердишься?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, но мнѣ больно. Пятнадцать лѣтъ ты былъ моимъ лучшимъ другомъ... ты скрѣпилъ навсегда наше братство невознаградиמוю услугою... и при всемъ томъ мнѣ кажется, что я позабуду все, если ты не перестанешь говорить о своей женѣ съ этимъ притворнымъ равнодушіемъ, съ такою самодовольною увѣренностію глупца.

РАУЛЬ. Ого!.. у тебя кажется порохъ въ крови, и каждое слово пахнетъ желѣзомъ.

ЖОРЖЪ. Прощай.

РАУЛЬ (*удержавъ его и понижая голосъ*). Передъ уходомъ, Жоржъ, положи на минуту руку ко мнѣ на сердце; можетъ-быть, подъ этой благородной рукою, оно опять оживетъ и согрѣется.

ЖОРЖЪ. Что ты говоришь?

РАУЛЬ. Люби меня по прежнему; я такъ несчастливъ. Слова мои, которыя такъ справедливо тебя оскорбляютъ, давно обратились для меня въ привычку; давно онѣ служатъ маскою отчаянію, которое меня глѣ-

жеть. Сегодня болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я долженъ былъ притворяться: въ груди моей смерть!

ЖОРЖЪ. Боже мой! Какую же тайну ты отъ меня скрываешь?

РАУЛЬ (*прерывистымъ голосомъ*). Никакой... ничего! Я жилъ, вотъ и все. Я желалъ бы, чтобъ меня постигло какое-нибудь ужасное несчастіе; я сталъ бы бороться... Я нашелъ бы въ себѣ твердость! Но нѣтъ, меня мучить болѣзнь, которой нѣтъ ни исцѣленія, ни имени: прошедшаго измѣнить невозможно, а меня убиваетъ прошедшее! Я велъ бурную молодость въ томъ свѣтѣ, который ничему не вѣрить, и вотъ до чего я дошелъ!

ЖОРЖЪ. Я съ трудомъ понимаю тебя.

РАУЛЬ. Не мудрено: выйдя вмѣстѣ изъ училища, мы избрали двѣ разныя дороги: ты подчинилъ свою жизнь строгой дисциплинѣ, а я... Но прежде скажи мнѣ, помнишь ли ты, чѣмъ я былъ двѣнадцать лѣтъ назадъ?

ЖОРЖЪ. Чѣмъ ты былъ, Рауль? Ты былъ тѣмъ, чѣмъ я нахожу тебя теперь — пылкимъ, благороднымъ человѣкомъ, съ гордою, возвышенною душою, способною на всякое самоотверженіе...

РАУЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ... я говорю не объ этомъ... но при всемъ томъ такое воспоминаніе доказываетъ, что во мнѣ существовалъ когда-то зародышъ добра, который могъ обѣщать кое-что въ будущемъ. Праздность все уничтожила, все развѣяла по вѣтру. Я не намѣренъ рассказывать тебѣ пошлукъ мою исторію, или описывать слѣдствія праздной и необузданной молодости; я хочу только очертить тотъ особенный характеръ, который придаетъ подобной жизни нашъ вѣкъ. Мнѣ кажется, только въ хаосѣ среднихъ вѣковъ, можно найти времена, въ которыя, какъ въ наше время, во Франціи такъ мало вѣрили всему прекрасному и истинно-благородному. Предаваясь слѣпо дурнымъ наклонностямъ, мы блуждаемъ, какъ корабль безъ руля. Это независимость, говоримъ мы; да, это свобода слѣпца.

ЖОРЖЪ. Да, это болѣзнь нашего времени.

РАУЛЬ. Конечно, и я вижу, что мы еще понимаемъ другъ-друга, Жоржъ. Повѣрь, у меня нѣтъ той глупой гордости, слишкомъ обыкновенной въ наше время, которая отвергаетъ всякія правила, начиная отъ истинныхъ вѣрованій до уваженія матери и отечества!... Безумцы! Эти чувства, эти обязанности составляютъ нашу силу, наше величіе! Таковъ свѣтъ, въ которомъ я жилъ, и какъ я ни осуждаю его теперь, но я жилъ его жизнью и напитался его ядомъ. Въ этомъ свѣтѣ, Жоржъ, есть только одно средство сохранить свое нравственное достоинство: это — трудъ; но никакія обязанности, ника-

кой трудъ не охраняли моеѣ молодости, а праздность, всегда вредная, смертельна въ наше время. Вотъ, что я хотѣлъ объяснить тебѣ, Жоржъ, чтобы ты пожалѣлъ обо мнѣ отъ души. (*Она закрываетъ лицо руками*).

ЖОРЖЪ. Успокойся... сюда идуть...

РАУЛЬ (*вставая*). Я думаю, меня ищуть... (*Прислушивается*). Нѣтъ... ты ошибся... Однакожъ мое отсутствіе можетъ показаться слишкомъ долгимъ... Неужели обо мнѣ уже забыли?... Еще два слова, Жоржъ: я рассказалъ тебѣ свою исторію и исторію многихъ; но она еще не полна... Ты спрашивалъ меня, для чего я женился?... О, я хотѣлъ испытать послѣднее средство, и женитба показала мнѣ единственнѣмъ спасеніемъ. Мнѣ казалась, что сблизясь съ неспорченнѣмъ сердцемъ, я снова оживу душою; что истинныя, святыя чувства еще могутъ во мнѣ воскреснуть...

ЖОРЖЪ. И что-же?

РАУЛЬ. Что-жъ дѣлать! Сюзанна милая, достойная любви дѣвушка, но у нея неостанетъ силъ, чтобы залечить раны, оставленныя на мнѣ прошедшимъ... Напротивъ, она возбуждаетъ во мнѣ самыя горькія воспоминанія. Бѣдная дѣвушка! каждое ея слово, каждая ласка, напоминаетъ мнѣ... не смѣю сказать; но какой-то злой духъ шепчетъ мнѣ на ухо унизительныя сравненія, которыя дѣлають изъ нея холодную копию со многихъ женщинъ... Ты сердился на меня?

ЖОРЖЪ. Окончимъ этотъ разговоръ. Не знаю, кого изъ васъ я долженъ болѣе жалѣть.

РАУЛЬ. Я думаю, меня. Эти ужасы непонятны бѣдной Сюзаннѣ, и нельзя безпокоиться о томъ, чего не знаешь.

ЖОРЖЪ. Напиши мнѣ, чѣмъ все это кончится; несмотря ни на что, я люблю тебя по прежнему.

РАУЛЬ. Благодарю, Жоржъ; я буду писать тебѣ, но чѣмъ это кончится, извѣстно одному Богу.

(*Расходятся въ разныя стороны*).

IV.

СНАБЪИИ.

СЮЗАННА стоитъ у каминѣ, въ полномъ свадебномъ костюмѣ, исключая цѣлотовъ и вуали. Легкій стукъ въ дверь заставляетъ ее вздрогнуть. Входитъ **РАУЛЬ**, отъ котораго **СЮЗАННА** отступаетъ, потупивъ глаза.

РАУЛЬ (*останавливается и говоритъ умоляющимъ голосомъ*). Сюзанна... вы бѣжите отъ меня?... Вы меня боитесь?

СЮЗАННА (*поднимая голову*). Нѣтъ.

РАУЛЬ. Вѣрю... Боятся могу только я одна! Столько молодости и красоты приводятъ меня въ смущеніе! — Я буду ревнива, Сюзанна! — Какъ она на меня смотритъ!.. (*Беретъ ее за руку*)... Вы блѣдны, вы дрожите, Сюзанна!

СЮЗАННА. Это такъ. (*Онъ тихо ведетъ ее къ дивану, на который они оба садятся*).

РАУЛЬ. Вы жена моя передъ Богомъ и передъ людьми, Сюзанна; но скажите, то ли говорить вамъ сердце?

СЮЗАННА. А вы любите меня?

РАУЛЬ. Какъ! Неужели вы еще такъ недовѣрчивы. Кажется, довольно одной минуты, чтобы очутиться въ вашихъ очарованныхъ цѣляхъ, но мало цѣлой жизни, чтобы разорвать ихъ.

СЮЗАННА. Скажите, изъ этой фразы должна ли я понять, что вы меня любите?

РАУЛЬ (*смотря на нее съ удивленіемъ*). Станный вопросъ!.. Да, я васъ люблю; и болѣе, чѣмъ считалъ себя способнымъ любить.

СЮЗАННА. Но къ чему эта усмѣшка?.. Развѣ вы не можете сказать мнѣ этого серьезно.

РАУЛЬ (*серьезно и нѣжно*). Я люблю васъ, прелестная кокетка!

СЮЗАННА. Прекрасно. Вы, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливы. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ мужчина умѣетъ лгать. — Прошу васъ, оставьте мою руку. (*Рауль медленно встаетъ, смотря на нее съ гнѣвомъ; она продолжаетъ*). А! теперь ваша маска спала, и я не узнаю болѣе вашего лица.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Вы съума сошли?

СЮЗАННА (*печально*). Нѣтъ, успокойтесь; никогда еще я такъ не владѣла своимъ разсудкомъ. Постарайтесь быть также спокойнымъ, какъ я. Рауль, я слышала въ саду весь вашъ разговоръ съ вашимъ другомъ. Богъ свидѣтель; я не понимала безразсудства своей нескромности; но узнавъ печальную истину, раскаяніе уже поздно.

РАУЛЬ (*въ волненіи ходитъ по комнатѣ и по временамъ останавливается передъ Сюзанной*). Что-же вы намѣрены дѣлать?

СЮЗАННА. Я не знаю нашихъ законовъ, и потому прошу васъ отвѣчать мнѣ откровенно. Нѣтъ-ли какого-нибудь средства разорвать наше обязательство?

РАУЛЬ. Я также очень несвѣдушъ въ этомъ дѣлѣ; знаю только, что всякая огласка покроетъ насъ стыдомъ.

СЮЗАННА. А между-тѣмъ союзъ нашъ не имѣетъ смысла.

РАУЛЬ (*вдругъ останаелмваясь*). Откуда взялись у васъ эти идеи, эти необъяснимыя слова?

СЮЗАННА. Мнѣ кажется, Рауль, вы дурно судили обо мнѣ. Правда, сердце мое молодо; но во всемъ остальномъ, вы ставите меня слишкомъ низко. Въ васъ много гордости; разговоръ вашъ съ другомъ казался вамъ недоступнымъ и непонятнымъ для женщины моихъ лѣтъ. Увѣрю васъ, что я все поняла, какъ нельзя лучше; я не такъ чужда свѣта, какъ вы думаете!

РАУЛЬ. Какая-же это фея могла вамъ все открыть?

СЮЗАННА. Эту фею вы часто со мною видѣли, но вѣроятно не замѣтили.

РАУЛЬ (*презрительно*). Служанка?

СЮЗАННА. Не болѣе того. Это служанка, которую я люблю и уважаю болѣе многихъ господъ; она замѣнила мнѣ мѣсто матери. Ея грубой нѣжности и здравому сужденію я обязана той опытностью, которую вы не думали во мнѣ найти. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я одна управляю домомъ, и сквозь дѣтскія грѣзы, мнѣ часто приходится составлять себѣ истинное понятіе о людяхъ. Васъ удивляютъ мои слова?... Какое же странное понятіе вы объ насъ имѣете!... Нѣтъ ни одной молодой дѣвушки, изъ числа тѣхъ, которыхъ вы такъ гордо осуждаете на занятіе одними нарядами, которая не въ состояніи была бы сказать вамъ то, что я говорю, еслибъ она смѣла,—и перенести то, что я переносу, еслибы Богъ послалъ ей эти страданія.

РАУЛЬ (*съ кротостью*). Сюзанна, выслушайте меня. Въ ваши лѣта все преувеличиваютъ. Положимъ, что въ этомъ несчастномъ разговорѣ, который вы случайно услышали, я говорилъ совершенную истину; неужели вы думаете, что чрезъ это вы дѣлаетесь какою-то исключительною жертвою? Молодая, мечтательная дѣвушка и пожилой мужчина, составляютъ большую часть нынѣшнихъ супружествъ. Многіе считаютъ даже хорошимъ признакомъ эту разницу въ лѣтахъ и чувствахъ, и я думаю, что человѣкъ пожилой и опытный можетъ быть не только другомъ, но и руководителемъ жены.

СЮЗАННА. Но зачѣмъ же вы жаловались на этотъ упадокъ духа, когда онъ такъ высоко цѣнится въ свѣтѣ?

РАУЛЬ (*съ неудовольствіемъ*). Повторяю вамъ, вы приписывали моимъ словамъ значеніе, котораго они вовсе не имѣли... Но впечатленіе сдѣлано, и теперь трудно его изгладить. Мнѣ хотѣлось бы только убѣдить васъ, что съ вами не случилось ничего особеннаго, что на вашу долю не выпалъ несчастный жребій, и что многія молодые дѣвушки,

вамъ подруги, подвержены той-же участи! (*Сюзанна смѣется*).
Вамъ это смѣшно?

СЮЗАННА. Мнѣ смѣшно, что вы сердитесь... кромѣ этого, я не вижу тутъ ничего смѣшнаго.

РАУЛЬ (*пожимая плечами*). Однимъ-словомъ, такъ уже созданъ свѣтъ; вы его не измѣните.

СЮЗАННА. Вы ошибаетесь; въ томъ, что касается до меня, я измѣню многое.

РАУЛЬ. И вы дурно сдѣлаете, увѣряю васъ. Всѣ молодыя женщины, подобно вамъ, создавали воздушные замки въ молодости; дѣйствительность сначала поражала ихъ, также, какъ и васъ; но кончалось тѣмъ, что онѣ спускались на землю, и дѣлались добрыми матерями семейства, и сколько извѣстно, никто не осуждалъ ихъ за это.

СЮЗАННА (*съ негодованіемъ*). Но другимъ доступно ли то знаніе, которымъ я вамъ обязана? Слышали-ли онѣ то, что вы заставили меня выслушать? Подозрѣваютъ ли онѣ хотя одну изъ тѣхъ жестокихъ истинъ, которыя однимъ разомъ растерзали мнѣ сердце?... Нѣтъ, онѣ, подобно мнѣ, обмануты... Увы! каждая изъ нихъ, подобно мнѣ, наполняетъ душу человѣка, котораго она любила, сокровищами своего собственнаго сердца, каждая объясняетъ по своему все, что она находитъ, все, что она предполагаетъ въ избранномъ ею человѣкѣ. Каждая подобная мнѣ думаетъ видѣть нѣмую привязанность въ задумчивой улыбкѣ, вызванной позорнымъ прошедшимъ, — нѣжную заботу въ пошломъ привѣтствіи волюкты... Я готова вѣрить, — если вы мнѣ это говорите, — что всѣ мужчины приносятъ въ приданое своимъ женамъ то, что вы мнѣ приносите: но бѣдныя дѣвушки этого не подозрѣваютъ, это составляетъ ихъ счастье, это извиняетъ ихъ... Боже мой! какъ низко должна упасть та женщина, которая, зная, какъ я знаю, къ какой развалинѣ она приковала свою пылкую молодость, — захочетъ принять отъ такого союза священное имя жены и матери? (*Въ изнеможеніи падаетъ на диванъ*).

РАУЛЬ (*подходя къ ней, съ замѣшательствомъ*). Вы удивляете меня, Сюзанна.. Чего вы хотите? чего вы требуете? объясните мнѣ.... Выведите меня изъ этого затруднительнаго положенія.

СЮЗАННА (*печально*). Извините меня.. я не привыкла къ такимъ сценамъ... этого болѣе не случится.

РАУЛЬ. Но скажите, чего-же вы отъ меня требуете?.. Успокойтесь Сюзанна, умоляю васъ... Все можно еще исправить... (*Всторону*). Какъ я глупъ!

СЮЗАННА. Теперь мнѣ лучше... гораздо лучше... И такъ, если намъ нельзя разстаться, не навлекая на себя стыда, останемся супру-

гани—для свѣта; но теперь, когда вы лучше узнали меня, Рауль, я надѣюсь, что вы повѣрите моей твердой рѣшимости быть для васъ навсегда чужою. Вотъ ваша комната. (*Показываетъ ему на дверь*).

РАУЛЬ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ двери и потомъ остается олмаемъ*). Я помнюсь вамъ, Сюзанна; но неужели вы будете требовать, чтобы мы разстались не только какъ чужіе, но и какъ враги? Если намъ суждено уже идти по одной дорогѣ, то не лучше ли оказывать другъ-другу то вниманіе, которое дѣлаетъ путешествіе пріятнымъ.

СЮЗАННА. О, на это я отъ души согласна.

РАУЛЬ (*садясь возлѣ нея*). Не можемъ-ли мы даже быть друзьями, Сюзанна, добрыми друзьями?... Вы улыбаетесь; слава Богу! Дайте мнѣ руку въ знакъ довѣрія. Вотъ такъ! И если когда-нибудь вы переѣдете ваши мысли, то найдете, что я не злопамятенъ.

СЮЗАННА. Увидимъ.

РАУЛЬ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы шутите. Жизнь не романъ; Сюзанна.

СЮЗАННА (*мечально*). А вѣрили-ли вы этому въ то время, когда вамъ говорили это старикъ? Полагаясь на опытность другаго, отказывались-ли вы отъ всѣхъ грѣзъ юности? Могли-ли вы подумать, чтобы природа ничего не вложила въ наше сердце, кромѣ обманчивыхъ надеждъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Вы искали... у васъ былъ свой романъ... романъ несчастный? Какъ быть! можетъ—быть вы искали его слишкомъ низко... Я не спрашиваю у васъ отвѣта... Что касается до меня, то я создала мой романъ въ васъ... съ вами, рука въ руку, я надѣялась окончить свой радостный или грустный путь... все-равно! Привязанность, которой я отъ васъ ожидала, могла заставить меня полюбить даже слезы. Я думала быть для васъ... о, не тѣмъ, чѣмъ вы для меня сдѣлались, Рауль... (*Вдругъ остается олмаемъ*). Отдайте мнѣ ключикъ, который я вамъ дала...

РАУЛЬ. Вотъ онъ.

СЮЗАННА (*съ смущеніем*). Вотъ онъ!... Вы даже не спрашиваете меня, къ чему можетъ служить этотъ ключикъ?

РАУЛЬ. Я ничего не смѣю спрашивать, Сюзанна.

СЮЗАННА. И хорошо дѣлаете; вы не стоите, чтобы я вамъ сказала. Къ тому-же, васъ только разсмѣшитъ моя наивность. (*Она показываетъ ему браслетъ на руку*). У меня явилась фантазія, что я люблю того, кто сниметъ этотъ браслетъ... отъ котораго у васъ ключикъ, и онъ долженъ полюбить меня... Отдайте мнѣ ключикъ.

РАУЛЬ (*отдавая ключикъ и подойдя къ ней съ кѣжкостью*). Такъ вы мнѣ никогда, никогда его не отдадите, Сюзанна?

СЮЗАННА (*быстро встала*). Когда у меня будетъ свой романъ. Но уже поздно; я устала.

РАУЛЬ (*съ досадою*). Я также усталъ; кончимъ это, сударыня... Не понимаю, гдѣ у меня былъ умъ? Я понимаю васъ, хотя нѣсколько поздно. Вы хотите, чтобы нашъ бракъ напоминалъ времена Людовика XV. Пусть будетъ по вашему! Вспомните однако, что дамы того времени, не имѣя вашей наивности, умѣли, по-крайней-мѣрѣ, согласить свою независимость съ уваженіемъ къ тому имени, которое онѣ носили. При этомъ условіи, которое надѣюсь, вы не находите слишкомъ строгимъ, будьте увѣрены въ моему совершенномъ равнодушіи. Ищите теперь себѣ романъ, найдите его даже; мое мнѣніе будетъ заключаться въ вашемъ успѣхѣ.

СЮЗАННА (*едва слышнымъ голосомъ*). Это-ли дружба, которую вы мнѣ обѣщали?

РАУЛЬ. Должно простить, сударыня, человѣку, котораго звѣзда вдругъ превратилась въ потѣшную ракету... Съ этой минуты, клянусь вамъ, я не подамъ болѣе повода на меня жаловаться. Цѣлую ваши ручки, но помните, что я всегда исполняю то, что сказалъ. (*Уходитъ*).

(*Сюзанна, блѣдная какъ смерть, вздрагиваетъ и протираетъ руки; она хочетъ вскрикнуть, но принуждаетъ себя удержатъ этотъ крикъ. Жанета показываетъ въ дверяхъ и бросается къ своей безчувственной госпожѣ*).

ПЕРЕПИСКА.

Письма Рауля къ Жоржу.

ПИСЬМО 2.

Дю-Шени, 15 іюня.

Вотъ я и въ деревнѣ, Жоржъ.

Ты благодарись меня за довѣренность; въ-самомъ-дѣлѣ, она очень велика. Еслибы, кромѣ тебя, нашелся человѣкъ, знавшій тайну моего брачнаго дня, то я бы заставилъ его навсегда потерять память. Тебѣ же я самъ позволялъ подслушать такія вещи, которыя въ состояніи заставить смѣяться надо мною мертвыхъ!... Но не обманись: я люблю. Такого невѣрующаго, какъ я, трудно разуверить. Она любитъ меня, говорю я тебѣ. Въ-слѣдствіе такой истины, нашему приключенію, довольно

забавному сначала, угрожаетъ весьма обыкновенная развязка. Я въ этомъ увѣренъ.

Мы согласились заранѣе переѣхать въ замокъ Шени, на другой-же день послѣ свадьбы. Въ девять часовъ, мадамъ д'Атоль прислала ко мнѣ свою старую фею, которую я охотнѣе назову вѣдьмою, чтобы попросить меня къ себѣ. Я нашелъ Сюзанну нѣсколько блѣдною и нервительною, но улыбающеюся: у нея есть характеръ, увѣряю тебя. Я былъ любезенъ до глупости; мнѣ должно было загладить свою вчерашнюю грубость. Замѣтивъ это, она вспыхнула отъ радости и съ дѣтскою рѣзвостью оперлась на мою руку. Мы, какъ два голубка, стали спускаться съ гѣстницы. Дѣдъ ея, всегда любившій этикетъ, встрѣтилъ насъ внизу. Мы оба упали въ его объятія. Послѣ этого мы должны были войти въ залу, гдѣ ожидали насъ всѣ остатки свадьбы, двѣ тетки и кузены: глупая церемонія, отъ которой англичане всегда избавляютъ своихъ молодыхъ женъ. Насъ встрѣтили съ праздничными физиономіями: Сюзанна была тѣмъ, чѣмъ ей слѣдовало быть: спокойною и натуральною.

Послѣ завтрака мы сѣли въ хорошенькую коляску, которую я включилъ въ число своихъ свадебныхъ подарковъ, вмѣсто торжественной колесницы. При всемъ томъ, я сѣлъ въ нее не триумфаторомъ: Сюзанна везла съ собою свою няньку, мою злѣйшую непріятельницу, а я тащилъ за собою Лермита.

Мы поѣхали. Кучеръ, въ пылу усердія, которое онъ считалъ, какъ нельзя болѣе приличнымъ, глупѣйшимъ образомъ разукрасился разноцвѣтными лентами. Вниманіе поселянъ, возбуждаемое этими эмблемами, несомно выказывалось на каждомъ шагѣ. Крестьяне и крестьянки, выѣгая изъ воротъ, или выглядывая черезъ заборы, обмѣнивались съ нашимъ кучеромъ значительными взглядами, и потому угощали насъ сладкими улыбками. Я сидѣлъ въ своемъ углу съ нахмуреннымъ и неподвижнымъ лицомъ. Сюзанна на каждую улыбку отвѣчала улыбкою и бросала деньги мальчишкамъ. Погода и деревенскіе виды составляли предметы нашего разговора. Разъ или два она спросила у меня названія разныхъ всходовъ на земляхъ, которыя мелькали мимо, и когда я скромно сознавался въ своемъ невѣдѣніи, она прерывала меня восклицаніями: Какъ вы этого не знаете? Но это рожь, это овесъ, это пшеница! И она смѣялась, какъ ребенокъ.—Что за странная женщина!

Когда мы подъѣхали къ замку, мнѣ вздумалось спросить, чтобы сказать что-нибудь, не встрѣтитъ-ли насъ у воротъ ея староста рѣчью?

— Какой староста? спросила она: Жанъ-Бальи?

Я даже не улыбнулся.—Кстати, прибавилъ я, смѣясь, я представлю его вамъ, если позволите?

— О, непременно, отвѣчала она съ живостью.... я буду ему очень благодарна! Другъ мой, въ женскомъ умѣ есть гибкость, разстроивающая всю нашу, ученую тактику!

Мнѣ никогда не случалось видѣть вблизи замокъ Шени. Представь себѣ аллею, какъ всѣ аллеи, замокъ, какъ всѣ замки, и кругомъ паркъ.

Вотъ Шени. Случалось-ли тебѣ проѣздомъ, видѣть сквозь рѣшетки, ограждавшія обѣ стороны дороги, бѣленькую виллу, обвитую зеленью, лужокъ передъ террасою, и на лужкѣ, при лучахъ заходящаго солнца, группу милостивыхъ дѣтей и хорошенькихъ женщинъ?—Это минутное видѣніе не оставляло-ли послѣ себя отраднѣйшій слѣдъ покоя и счастья? Не казалось ли тебѣ, что передъ тобою, какъ будто во снѣ, пронеслась идеальная будущность, въ которой чистыя семейныя радости смѣняются одна другою? — Мнѣ пришло это, на мысль. Чтобы поставить такую картину на сцену, здѣсь готовы всѣ декораціи. — Но я забылъ свою роль.—Другіе, проѣзжая мимо нашего замка, можетъ-быть также будутъ мечтать.

Цѣлая толпа ожидала насъ на дворѣ. Какъ только мы ступили на землю, Сюзанна исчезла, оставя меня посреди своихъ крестьянъ; я нѣсколько смѣшался, но потомъ сталъ обращаться въ разныя стороны съ общими вопросами. Сюзанна вскорѣ возвратилась, въ маленькомъ старинномъ чепцѣ, который впрочемъ очень идетъ къ ней. Она взяла меня подъ руку, и мы пошли осматривать замокъ, отъ погреба до чердака. Я старался дѣлать разныя любезныя замѣчанія, она болтала обо всемъ безъ умолку, открывала шкафы, показывала мнѣ всѣ лѣстницы, печи и окна, объясняя всѣ послѣднія исправленія. Только въ то время, когда дѣло дошло до нашихъ комнатъ, она безмолвно указала мнѣ на флагель, избранный ею для себя, и на другую половину, которую предоставляется занимать мнѣ.—По-крайней-мѣрѣ, мы сосѣди.

Послѣ этого, она повела меня въ конюшню, гдѣ оставила одного, чтобы побѣжать въ кухню, откуда возвратилась съ большимъ кускомъ хлѣба и стала кормить свою лошадь. Она называетъ ее Джаффаръ; славная лошадь, но капризная и горячая, какъ увѣряетъ ее хозяйка. Джаффара заставили признаться въ этихъ недостаткахъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Жоржъ, что это за женщина! — Другъ мой, мнѣ жалъ, что я забылъ то тайное предостереженіе, которое прежде наполняло меня какимъ-то ужасомъ при видѣ каждой дѣвицы.—Лицо женщины никогда не приводило меня въ смущеніе, но признаюсь, я не могъ безъ круженія головы видѣть эту пропасть, прикрытую цвѣтами, которую называютъ дѣвицею! Всѣ они похожи другъ на друга!—Тѣ, у ко-

торыхъ есть умъ, и у которыхъ его нѣтъ, которыя думаютъ, и которыя прозябаютъ, у которыхъ есть сердце, и у которыхъ, вмѣсто сердца, мыльный пузырь, всё онѣ похожи другъ на друга! Что онѣ знаютъ и чего не знаютъ, что онѣ говорятъ другъ-другу, при своемъ перешептываньи, въ чемъ онѣ признаются и что скрываютъ, этого не знаетъ никто изъ насъ! Еслибы насъ не увлекала судьба, кто-бы изъ насъ отдалъ-бы такъ слѣпо свою жизнь на жертву невѣдственности! Подумай, что эта кукла, едва поселившись подъ одною съ тобою кровлею, вдругъ, въ твоихъ изумленныхъ глазахъ, начинаетъ жить своею жизнью, принимать свой характеръ, свою волю; это растеніе, такъ долго содержавшееся подъ гнетомъ, вдругъ начинаетъ распускаться съ ужасающе быторотою. Эта закрытая урна, которую ты внесъ къ себѣ въ домъ, вдругъ открывается, и что-же изъ нея выходитъ? Война или миръ—можетъ-быть, счастье, можетъ-быть, одинъ позоръ. Женился ты на ангелѣ или на чудовищѣ,—ты узнаешь, но уже поздно.

Я не могу сказать, чтобы Сюзанна подходила подъ эту категорію; но легкіе оттѣнки, которые отличали ее отъ подругъ, могли-ли дать мнѣ понятіе объ этомъ разнообразномъ характерѣ. Не знаю, должны-ли я видѣть въ женѣ раздраженную львицу, или печальную голубку, равную ли искорченность, или высокую добродѣтель, кокетку, или ребенка, помѣщицу, или синій чулокъ?—Отвѣчай, я тебя спрашиваю.

Перебирая въ головѣ своей всё эти загадки, я пообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ, потому-что—слушай меня, Жоржъ, какъ ты слушалъ-бы оратора—нѣтъ въ жизни неприятели, которая могла-бы заставить человека пренебречь обѣдомъ. Напротивъ, чѣмъ затруднительнѣе обстоятельства, тѣмъ болѣе необходимо подкрѣплять себя пищею. Кромѣ-того, что за обѣдомъ думаешь, еще лучше разсуждать послѣ обѣда.

— Вы курите когда ѣдите верхомъ, Рауль? спросила мадамъ д'Атоль, когда мы выходили изъ-за стола.

— Верхомъ, пѣшкомъ и на водѣ, сударыня, но никогда при дамахъ.

— Я прошу васъ сдѣлать для меня исключеніе. Я приказала приосѣдлать Джаффара.

Она явилась черезъ десять минутъ въ амазонкѣ темнаго цвѣта, въ студентской шляпѣ и въ кавалерійскихъ перчаткахъ. Мы пустились въ галопъ по старымъ лѣсамъ, окружающимъ паркъ. Я былъ объ ней, какъ о наѣздницѣ, очень невысокаго мнѣнія, потому-что прежде она всегда отказывалась ѣздить верхомъ; но это было кокетство своего рода, потому-что она ѣздитъ превосходно, и должно признаться, что во всемъ, что она дѣлаетъ, есть какая-то дѣтская прелесть.

Я остался недоволен доволен Джаффаром. Нужно сказать тебе, что лѣсъ раздѣляется на двое, не широкою, но довольно глубокою рѣкою. Изъ любви къ живописному мѣстополюженію, избрали самые крутые берега для того, чтобы перебросить черезъ нихъ мостъ, выкрашенный бѣлою краскою и огражденный простыми деревянными перилами. Мнѣ кажется, что подъ мостомъ нарочно прорыли оврагъ, чтобы устроить тутъ родъ водопада и придать болѣе дикости картинѣ; знаю только, что подъ ногами реветъ адскій водоворотъ. Мы вѣхали шагомъ, и я былъ нѣсколько позади; но видя, что Джаффаръ начинаетъ прыгать и поднимаетъ уши, подбѣгая къ мосту, я догналъ Сюзанну: Джаффаръ наконецъ рѣшился взойти на мостъ; но вдругъ, на среднѣхъ, проклятое животное дѣлаетъ полъ-оборота и поднимается на дыбы, перекинувъ двѣ переднія ноги за перилы. Я послѣдствилъ на помощь въ самомъ несчастномъ расположеніи духа. Не подходите! закричала Сюзанна: видите, онъ боится! и начинаетъ вполголоса успокаивать свою негодную клячу, лаская ее, какъ теленка. Это продолжалось съ минуту, послѣ чего интересный Джаффаръ докончилъ свой полъ-оборота, и упалъ на переднія ноги передо мною. Надѣюсь, что вы велите продать это чудовище, сказалъ я, съ нѣкоторою живостью. — О, нѣтъ... онъ боится, бѣдный Джаффаръ... Онъ не былъ въ Африкѣ... но увѣряю васъ, что онъ очень послушенъ... Посмотрите... И она снова повернула на мостъ. Сюзанна! вскричалъ я. Но Сюзанна уже перелетѣла мостъ. Мнѣ оставалось только скакать вслѣдъ за нею. Я и поскакалъ.

Мы возвратились, когда наступала уже ночь, маленькій старомодный чепчикъ снова явился на горизонтѣ. Я просилъ ее сыграть мнѣ вальсъ. Она сыграла мнѣ два. Прислонясь къ окну, которое было открыто въ этотъ теплый и тихій вечеръ, я билъ тактъ съ самодовольнымъ видомъ знатока. Известно, что вечеръ смягчаетъ души, и какъ известно также, что я фатъ, то я и предположилъ, что эта минута будетъ развязкою нашего смѣшнаго положенія. Я имѣлъ нѣкоторыя причины на это рассчитывать, потому-что въ то время, какъ одна рука Сюзанны небрежно искала позабытыя ноты третьяго вальса, маленькій чепчикъ слегка наклонился, и рука неподвижно остановилась на клавишахъ. Тяжелый вздохъ или заглушаемое рыданіе долетѣло до моего слуха. Я подошелъ и сказалъ, принимая нѣжный и покровительственный топь: вы плачете, Сюзанна? — Отвѣта не было. Я подхожу еще ближе.... Представь себѣ, Жоржъ, она спала!

Я никогда не прошу себѣ той досады, съ которою я оттолкнулъ отъ себя ноты, лежавшія на роялѣ. Сюзанна тотчасъ вскочила на ноги, посмотрѣла меня такимъ взглядомъ, который обезоружилъ бы тигра; но

у тигровъ нѣтъ самолюбія. Вы едва не сожгли себя, сказалъ я сухо. Боже мой, какъ я неосторожна! прошептала она. Давно ли?... Увѣрю васъ, мнѣ такъ хотѣлось спать...

— Очень вѣрю. Я видѣлъ по лицу ея, что она не знала, смѣяться ей, или плакать, и не ожидая, чѣмъ это кончится, я сказалъ нѣсколько словъ объ усталости, зажегъ свѣчу и подалъ ей (женѣ моей) руку. Она спустилась вмѣстѣ со мною нѣсколько ступенекъ, и потомъ, сдѣлавъ мнѣ низкій поклонъ, исчезла въ лѣвомъ флигелѣ; я тоже расположился въ своей комнатѣ, но прежде выгналъ оттуда Лермита.

Послушай: что она ни дѣлай, ей никогда не выбить изъ моей головы той мысли, что она меня любитъ.

R. S. Не знаю, найдешь ли ты смѣшною или обидною мою просьбу — не пріѣзжать сюда, пока вся эта исторія чѣмъ-нибудь не кончится?

III.

Дю-Шени, 25 іюня.

Представь себѣ: я скучаю. Мой страдальческій вѣнокъ начинаетъ превращаться въ ночной колпакъ. Для того, чтобы шутка цѣлые десять дней не теряла своей остроты, нужно, чтобы она была превосходна, а эта шутка далека отъ этого. Я предполагалъ весьма основательно, что Сюзанна будетъ стараться возбудить мою ревность: это самая обыкновенная уловка женщинъ; ничего не бывало. Можно подумать, что мадамъ д'Атоль нашла въ своемъ замужствѣ верхъ семейнаго счастья и цѣль всей жизни. Пусть будетъ такъ.

Привсемъ томъ мнѣ досадно, что надѣлали такъ много шума, чтобы тѣмъ и кончить. Я вполнѣ оцѣнилъ то, что нашегъ законнаго въ ея гнѣвѣ и справедливаго въ ея упрекахъ. Еслибы слова оправдались на дѣлѣ, еслибы эта молодая женщина смѣло — въ моихъ глазахъ — вздумала бы привести въ исполненіе свои мечты, я, по-крайней-мѣрѣ, отдалъ бы справедливость твердости ея характера; но послѣ сцены, послѣ слезъ, фразъ — ничего! Это просто капризъ избалованнаго ребенка.

Когда я вижу ее въ креслѣ, прилежно-занятую вышиваньемъ, съ спокойствіемъ на лицѣ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, я чувствую, что возненавидѣлъ бы ее, еслибы еще былъ въ состояніи ненавидѣть. Что сказать тебѣ о нашей жизни? Это золотая и шелковая ткань со всеми прелестями сельской жизни. Что мнѣ разсказывать, Жоржъ? Сновъ невинности не разсказываютъ. Я собираюсь купить себѣ свирѣль, и расхаживать по окрестностямъ. Мнѣ не достаетъ только

песѣа, чтобы сдѣлаться настоящимъ пастушкомъ. Надо сказать тебѣ, что это имѣніе раздѣлено на безчисленное множество фермъ. Сюзанна не оставила ни одного поля, ни одного стойла безъ того, чтобы не показать ихъ мнѣ. Рогатый скотъ дефилировалъ передо мною цѣлые десять дней, и могу даже прибавить — десять ночей, потому что я видѣлъ его и во снѣ. Ихъ различныя породы, ихъ нравы, обычаи, теперь мнѣ все извѣстны. Не хочешь ли мадамъ д'Атоль испытать до конца мою любезность? Не начинается ли этимъ мщеніе? Когда она стала испытывать мои познанія въ коровахъ и барянахъ, я имѣлъ глупость отвѣчать ей этою неумѣстною фразою. У стараго каннибала, привезеннаго въ Европу, спросили однажды, не зналъ ли онъ француза Лере? — Какъ нельзя лучше, отвѣчалъ онъ, я его съѣлъ.

Вмѣсто развлеченій, мы дѣлаемъ по соедниимъ голубятнямъ визиты, которые отдають намъ, къ довершенію благополучія. Знакомясь съ соседями, я начинаю понимать спокойствіе Сюзанны. Это картина, успокоивающая чувства. До-сихъ-поръ я еще лучше всѣхъ одѣтъ и наружность моя болѣе другихъ подходитъ къ идеѣ, которую составляютъ себѣ о героѣ романа. Нечего дѣлать, ей придется на что-нибудь рѣшиться.

Я заночаталъ письмо и бросился на широкій диванъ, который, по моему мнѣнію, составляетъ лучшее украшеніе моей бібліотеки, когда два удара въ дверь заставили меня вскочить на ноги. Велѣдъ за тѣмъ изъ дверей показалась блѣлая голова, потомъ безпокойный и почти робкій взглядъ, и дрожащій голосокъ спросилъ меня: Вы заняты?

Еще въ первый разъ она перешла нашу границу. Удивленіе, не описанное, на моемъ лицѣ, вызвало яркой румянецъ на лицѣ молодой нескромницы.

— Занятъ, мѣть.... Ослабленъ, сознаюсь.

— Могу ли я просить у васъ аудіенціи?

— Когда угодно!

— Вы подождете меня съ четверть часа?

— Сударыня! — Но она исчезла. — Чортъ возьми эту четверть часа; она все портитъ; но я пользуюсь ею, чтобы сообщить тебѣ такой необыкновенный случай. Жизнь моя до такой степени сдѣлалась мелочною, что песчанка занимаетъ въ ней мѣсто горы. До свиданья, Жоржъ, вотъ она.

Она вошла, съ трудомъ неся подъ рукою цѣлую кнгу сѣрыхъ бумагъ. Она положила ихъ на столъ, съ котораго поднялось облако пыли, издававшее могильный запахъ. — Боже мой! что это такое? спросилъ я. — Здѣсь отвѣчала она, пресерьозно садясь передо мной, грамоты, записныя письма, квитанціи и вообще всѣ статьи, касающіяся до пяти

фермъ, составляющихъ наше помѣстье Шени, считая въ томъ числѣ и объ мельницы. Дѣдушка, увѣрившій, что надъ этими бумагами онъ потерялъ зрѣніе, даже не отряхнулъ съ нихъ пыли, фи! какъ это грязно, и она хлопала своими маленькими ручками съ какимъ-то смѣлымъ ужасомъ. — Нужно привести все это въ порядокъ, прибавила она. — Но Сюзанна, если фермеры платятъ и мельницы вертятся, то мнѣ кажется, что все находится въ порядкѣ.

Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, въ которомъ видно было даже презрѣніе. — Какъ! вскричала она, вы думаете, что все это идетъ само собою?... Вы все еще считаете себя въ Парижѣ?... Скажите, кто занимается вашими дѣлами?

— Во-первыхъ, мой нотаріусъ, а послѣ него мой управляющій, къ которому я отправлю весь этотъ хламъ.

— Этого я ни за что не позволю. Если вамъ неприятно будетъ разбирать эти дѣла и слѣдить за ними, то я попрошу у васъ позволенія взять это на себя, хотя мнѣ многому нужно будетъ учиться.

— Но нельзя ли узнать, къ чему поведетъ этотъ скучный и бесполезный трудъ? спросилъ я.

На это она начала рассказывать мнѣ длинную исторію, изъ которой я узналъ, сквозь дочернюю скромность, что мой покойный тестъ, генералъ дю-Шени, былъ порядочный мотъ. Онъ вполне вѣрилъа мошеннику управляющему, который отдавалъ ему за большіе проценты въ долгъ доходы съ его собственныхъ земель. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное утро, полицейскіе явились въ домъ генерала. Онъ имѣлъ въ то время, кромѣ дома въ Парижѣ и замка Шени, еще помѣстье въ Нормандіи; но при ловкости управляющаго, казалось, что всего этого недостаточно будетъ для уплаты долговъ. Генералъ ни о чемъ больше не говорилъ, какъ о своемъ намѣреніи застрѣлиться, и болѣе всего говорилъ объ этомъ женѣ, которую раззорилъ. Мадамъ дю-Шени умѣла однако успокоить мужа; она увезла его въ тотъ замокъ, гдѣ мы теперь живемъ, продавъ домъ въ Парижѣ и помѣстье въ Нормандіи. Тестъ мой кричалъ и жаловался, что его увезли въ деревню, чтобы уморить со скуки. Черезъ двѣнадцать лѣтъ теща совершенно очистила отъ долговъ замокъ дю-Шени и накопила до двадцати тысячъ франковъ годового дохода. Сдѣлавъ все это, она умерла черезъ двѣ недѣли, послѣ рожденія Сюзанны. Бѣдная женщина, Жоржъ!

Что касается до генерала, то онъ и до-сихъ-поръ пользовался бы совершеннымъ здоровьемъ, еслибъ не сломалъ головы, упавъ съ лошади.

Какъ бы то ни было, но мадамъ дю-Шени, умирая, передала своей дочери ненависть къ управляющимъ, черезъ старую служанку. До сво-

его замужства, Сюзанна предоставляла заботиться о своихъ доходахъ гду, бывшему ея опекуномъ. Ты видѣлъ этого милаго старика; онъ добрыйшій изъ людей, но ничего не смысляетъ въ дѣлахъ.

Вотъ почему всю эту работу взвалили на меня. Это не очень меня радуетъ, но скажи, есть ли возможность оставить всю эту тяжесть одной Сюзаннѣ?

Вотъ до чего я дошелъ, Жоржъ. И ты думаешь, что она этимъ удовольствуется: ничего не бывало! Оставляя меня наединѣ съ этою кучею бумагъ, она не могла скрыть какого-то адскаго самодовольствія. Напротивъ, въ душѣ ея пламя тайнаго мщенія, или она просто забавляется, усаживая Геркулеса за прятку. Ея мельницы — смѣшно подумывать! Хорошо, что она еще не заставляетъ меня носить оттуда муку. Прощай, Жоржъ.

IV.

Шени 10 іюля.

Я едва нахожу время, чтобы писать къ тебѣ, Жоржъ. Въ простотѣ своей, я вообразилъ, что нѣсколькихъ часовъ достаточно будетъ для исполненія возложенныхъ на меня порученій; но все это было для меня до такой степени ново, что я долженъ былъ приняться за изученіе хозяйства. Я прочелъ, не переводя духа, всѣ пять частей. «*Новѣйшаго домохозяйина*», съ картинками; просмотрѣлъ судопроизводство и нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ нашимъ деревенскимъ нотаріусомъ? Чего я не дѣлалъ! ходилъ даже за совѣтами къ Жану Баальи, самому опытному изъ нашихъ фермеровъ. Всего важнѣе было узнать, сколько можетъ дать дохода каждая ферма. Я наконецъ достигъ до этого. Оказывается, что одинъ изъ пяти нашихъ фермеровъ мошенникъ, такъ, что я выгналъ его вонъ.. Такимъ образомъ за его фермою придется смотреть мнѣ самому. Прибавь еще къ этому перестройки, пересаживаніе деревьевъ, поправку дорогъ и мельницъ, однимъ-словомъ, цѣлый міръ презабавныхъ удовольствій.

Признаться ли тебѣ, Жоржъ, что принявшись за это дѣло съ неохотою, я кончилъ тѣмъ, что полюбилъ его. Поэтому, если мадамъ д'Атоль приковала стараго льва къ деревенской сохѣ съ цѣлью отпугнуть мнѣ, то ея цѣль недостигнута. Напротивъ, я ощущаю какое-то самодовольствіе. Впрочемъ, мадамъ д'Атоль чрезвычайно со мною любезна. Мы видимся рѣдко, но встрѣчаемся всегда съ церемоніями, которыя дѣлаютъ изъ нашего замка маленькій Версаль, и что за комплименты!—Какъ вы прелестны

сегодня утромъ, или, если это вечеромъ: какъ вы прелестны сегодня вечеромъ; — однимъ-словомъ, всѣ сокровища разговора.

Я ошибся. Есть по соедѣству трое молодыхъ людей, не дурно одѣтыхъ, хорошо вѣдящихъ верхомъ, върядныхъ вальсеровъ, которые носятъ рѣзы въ петличкѣхъ. Ихъ называютъ: ces messieurs. Должно быть, сестрицы ихъ очень полюбили Сюзанну, потому-что по восьми разъ въ недѣлю присылаютъ своихъ братьевъ съ разными посылками, ютани, вышивками и другимъ вздоромъ.

Вчера Сюзанна, въ костюмѣ пастушки, вышивала у своего окна. Я возвращался съ поля.... Я просунулъ голову въ окно ея будуара и желалъ ей добраго утра. Она вздрогнула и потомъ сдѣлала мнѣ пренизкій поклонъ. — Посмотрите, какой вы смѣшной, сказала она, садясь; вѣрно очень пыльно? — Это не пыль, сударыня, имѣю честь донести, но мука. — Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала она, съ удивленіемъ устремивъ на меня свои большіе глаза: у васъ даже волосы покрыты мукою. И съ дѣтскою живостью она встала, протанувъ ко мнѣ руку, какъ будто желая оказать мнѣ маленькую услугу, которой требовало мое положеніе; но вѣроятно ей показалось, что эта короткость переходитъ назначенныя границы, потому-что она вдругъ покраснѣла и въ смущеніи опустилась на диванъ. Право, она очень мила, и эта непринужденность придаетъ ей какую-то особенную прелесть.

— А вашъ романъ, дитя мое? спросилъ я тихо. Я видѣлъ, какъ иголка задрожала надъ вышиваньемъ, какъ магнитная стрѣлка. — Боже мой, сказала Сюзанна, какъ вы торопитесь! — Я не тороплюсь, я ожидаю. — Когда она говорила это, позади меня послышался топотъ кавалькады: это были трое молодыхъ людей, нашихъ сосѣдей. Я взглянулъ на Сюзанну съ улыбкою. Она покраснѣла и нѣсколько разъ покачала головою. Это вѣроятно значило: ихъ число составляетъ вашу силу.

Какой странный характеръ у этой женщины! Еслибы въ моей памяти не была свѣжа сцена въ день моей свадьбы, еслибы этотъ потокъ горькихъ, язвительныхъ словъ не раздавался еще въ моихъ ушахъ, то я никогда не въ состояніи былъ-бы вообразить, чтобы гроза могла таиться въ этой дѣтской груди, что на этой гладкой поверхности бываетъ буря! Жоржъ, вотъ ея жизнь: утромъ я вижу изъ окна, какъ она ходитъ по росѣ отъ дерева къ дереву, обрѣзывая, подстригая, срывая цвѣты, чтобы потомъ принести ихъ въ свой будуаръ. Тутъ является новое занятіе: всѣ эти цвѣты разставляютъ въ вазы, съ помощью невабѣжной Жанеты, и потомъ она садится въ свою искусственную рошу, какъ царица цвѣтовъ, и оттуда отдаетъ приказанія. Послѣ завтрака выводятъ Джаффара, и она ѣдетъ со мною или безъ меня. Черезъ

часъ она возвращается, и все въ домѣ оживаетъ.—Гдѣ моя игла? мое вышиванье? мое платье? (она иногда сама шьетъ себѣ платья). Вчера я видѣлъ, какъ она кроила рубашечку для ребенка; не знаю, для кого это. Прибавь къ этому визиты, которымъ нѣтъ конца, особенно по вечерамъ, музыку и бесѣды съ человѣкомъ, который до-сихъ-поръ одинъ только можетъ считаться моимъ соперникомъ.

Это деревенскій пасторъ, который крестилъ Сюзанну. Онъ обѣдаетъ у насъ по воскресеньямъ, и потомъ запирается съ нею и выходитъ всегда съ торжествующимъ видомъ со связкою бумагъ. Мнѣ кажется, у нихъ есть сироты, которымъ они дѣлаютъ добро.

Я не могу любить этого ребенка, я не могу любить, но если все это не комедія, если она въ-самомъ-дѣлѣ хочетъ заглушить огонь сердца набожностью, и разсѣять въ добрыхъ дѣлахъ всю страсть юности, то я еще не такъ низко упалъ, чтобы не уважать ее, не удивляться ей глубоко. Не знаю, достигнетъ ли она этого. Все-равно! я буду помнить, что она имѣла это намѣреніе. Прощай.

Р. S. Я позабылъ сказать тебѣ объ открытіи, которое нѣсколько до тебя касается. Я ходилъ, какъ тебѣ извѣстно, за совѣтами къ Жану Бальи, мудрейшему изъ мудрыхъ. Просидѣвъ съ нимъ часа три, я собрался уже уходить, когда онъ объявилъ, что хочетъ кое-что мнѣ показать... Спустился къ намъ, закричалъ онъ громко, и я не могъ скрыть своего удивленія, увидя молодого человѣка, который какъ двѣ капли воды походитъ на тебя, Жоржъ. На немъ былъ мундиръ твоего полка, что еще болѣе меня сбilo; твой ростъ, твои глаза, твои манеры, но какая-то болѣзненная блѣдность на лицѣ. Онъ уже цѣлый мѣсяцъ живетъ у своего дяди, Жана Бальи. Онъ раненъ въ грудь, и по совѣту докторовъ спитъ въ конюшкѣ. Онъ не въ твоемъ батальонѣ, и знаетъ тебя только по имени. Я просилъ его приходить безъ церемоніи въ мой паркъ и распоряжаться моими лошадьми. Я показалъ ему мѣсто, гдѣ можно перешагнуть черезъ плетень, чтобы не обходить кругомъ. Мы довольно часто его видимъ. Разговоръ его очень мнѣ нравится, но въ немъ много восторженности. Даже и въ этомъ въ васъ есть сходство. Сюзанна истощаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы доказать ему, что онъ невозвратно толстѣетъ, потомъ смѣется надъ его конюшнею, и всегда развеселяетъ и разсѣетъ его. Бѣдняжка! — Сюзанна замѣтила его въ церкви, и также поражена была сходствомъ съ тобою. Но Жоржъ де Верневъ лучше, прибавила она, потому-что у него рубецъ на лицѣ. Прощай, до свиданія.

27 іюля. Шели.

Радуйся, Жоржъ, мой овесъ взомель. — Какъ, весь? — Да, весь — я говорю собственно про ту ферму, которую управляю; другія до меня не касаются. И какой овесъ, другъ мой! Мы прежде всего скосили дальнее поле, которое ближе къ рѣкѣ. Обѣ мои мельницы дѣйствуютъ такъ хорошо, что я строю третью.

Это на полѣ. Дома я часто пишу до глубокой ночи; привожу въ порядокъ и записываю содержаніе всѣхъ бумагъ, которыя дала мнѣ Сюзанна. При этихъ занятіяхъ, мнѣ часто приходятъ на умъ нѣкоторыя размышленія, которыя меня самого удивляютъ. Жоржъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что праздность есть не только дурной расчетъ глѣни, но даже низость. Жизнь, посвященная только самому-себѣ, недостойна челоуѣка. О, какъ-бы я желалъ новою половиною жизни выкупить свое прошедшее?

— А Сюзанна? — Не знаю, что тебѣ сказать о ней. Ея образъ жизни не измѣнился, несмотря на усиленные атаки трехъ мушкетеровъ: они слишкомъ часто пріѣзжаютъ втроемъ, для того, чтобы это могло меня беспокоить. Я замѣчаю, утромъ и вечеромъ, неизвѣстныя мнѣ прогулки съ доброю Жанетою; но бѣлье и новое дѣтское платье, которое уносятъ съ собою въ уздахъ, разрѣшаютъ всѣ предположенія.

Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ, страшная гроза разразилась надъ деревнею. Это случилось въ то самое время, когда у насъ обыкновенно бываютъ сосѣди, потому-что печальное *tête à tête* нашего перваго вечера болѣе не возобновлялось. Случайно, или нарочно, но всякой вечеръ или мы въ гостяхъ, или у насъ гости. На этотъ разъ, ужасная погода сдѣлала то, что мы оставались одни. Казалось, эта мысль очень занимала Сюзанну, которая, прильнувъ лицомъ къ окну, наигрывала пальцами на стеклахъ какой-то неизданный маршъ, мѣлкими, какъ я перелистывалъ альбомъ съ бѣлыми страницами. Привнесли лампы. Сюзанна вдругъ обернулась, и откинувъ кресло къ пальцамъ, принялась за работу. Я всталъ и началъ подвигаться къ дверямъ медленно, останавливаясь у вазъ съ цвѣтами, чтобы прикрыть свое бѣгство. — Если вы хотите заниматься въ моемъ будуарѣ, сказала приподнимаясь Сюзанна, то я могу работать наверху.

— Если непременно необходимо, чтобы одинъ изъ насъ ушелъ отсюда наверхъ, то позвольте мнѣ это сдѣлать, сударыня.

— Боже мой! вѣдь есть люди, которые не могутъ работать... писать вмѣстѣ.

Не помню, что я отвѣчалъ, но послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ фразъ, стащилъ сверху свою огромную книгу и разложилъ ее на столѣ, протявъ палецъ. Каково, Жоржъ!

Между-тѣмъ удары грома заставляли дрожать замокъ; дождь и вѣтеръ били въ окна. При каждомъ новомъ ударѣ, мы вмѣстѣ поднимали голову, съ улыбкою смотря другъ на друга, и какъ-будто говоря: какая страшная гроза!

Ей понадобилась не помню какая вещь, позабытая на кушеткѣ, на другомъ концѣ залы. Возвращаясь назадъ, она остановилась на минуту позади моего стула, и я почувствовалъ, что она наклонилась надо мною, какъ вѣтка склоняется подъ тяжестью своихъ цвѣтовъ. Къ счастью, моя счетная книга была открыта на самой блестящей страницѣ, и я былъ въ восторгѣ.

Время шло. То я разспрашивалъ ее о назначеніи лоскутка матеріи, которой ея маленькій наперстокъ разглаживалъ складки, то она освѣдомлялась о моихъ хозяйственныхъ занятіяхъ; потомъ мы спорили о Мейербертѣ, о Россіи, и наконецъ углубились въ теорію громоотводовъ.

Какъ обыкновенно случается, мы говорили только для того, чтобы имѣть право молчать. Какъ только молчаніе перестало быть намъ въ тягость, мы не прерывали его. Утомясь дневными заботами, я съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ, тѣмъ болѣе, что ароматы цвѣтовъ и зелени, бросаясь въ голову, приводилъ меня въ какое-то забытѣе. Все мнѣ казалось какъ-будто во снѣ. Я поднималъ свои утомленные глаза и взглянулъ на Сюзанну: видно было, что она старалась возратить потерянное время. Я едва различалъ въ тѣни граціозный изгибъ ея шеи, склоненной, какъ шея лебедя, который погружается въ воду, но свѣтъ лампы освѣщалъ ея лицо, и играя въ волосахъ, казалось, разсыпалъ по ея бѣлокурой головкѣ блестящія искры; глаза ея внимательно слѣдили за быстрымъ движеніемъ иглоки. Эта милая женщина, своею покорностью судьбѣ и своею ангельскою кротостью выражаетъ всѣ семейныя радости и обязанности; все вокругъ нея дышитъ отрадою и спокойствіемъ. Можно-ли жаловаться тому, кто послѣ дневныхъ работъ находитъ ея милый образъ у своего домашнего камня?.. Эта мирная семейная картина, въ которой какъ-будто тѣнѣе сближала насъ буря, ревѣвшая на дворѣ, странно дополнялась въ моемъ воображеніи. Мнѣ казалось, что между нами мелькали воздушныя и вѣжныя формы, безпрестанно переходившія другъ къ другу, и составлявшія звѣнья цѣпи, которою соединены были два наши сердца. Да, если что-нибудь можетъ напоминать намъ счастье на землѣ, то конечно подобное видѣніе. Если Богъ посылаетъ намъ награду послѣ

труда, и утѣшеніе вслѣдъ за испытаніемъ, то и то и другое было у меня передъ глазами.

Нѣсколько разъ Сюзанна, удивленная моимъ упорнымъ молчаніемъ, бросала на меня бѣглые взгляды. Постоянно встрѣчаясь съ моими взглядами, она опускала свои глаза. Этотъ болѣзненный сонъ, эти мысли утомляли меня. Было довольно поздно; я всталъ. Сюзанна встала въ ту же минуту. Я подошелъ къ ней, и поцѣловалъ ее въ лобъ; рука ея дрожала въ моей рукѣ. Я вышелъ потомъ, не сказавъ ни слова, какъ-будто подъ вліяніемъ какого-то волшебства.

Эти цвѣты для меня вредны, вотъ и все. Прощай, другъ мой.

VI.

Шени. 10 августа.

Я возвращаюсь съ бала; теперь три часа утра. Довольно неприятное происшествіе заставляетъ меня къ пяти часамъ быть на ногахъ. Чѣмъ ложиться спать, я раздѣлю это время съ тобою.

И такъ я возвращаюсь съ бала. Знаю, что при этомъ словѣ ты смѣешься, Жоржъ. Въ твоемъ воображеніи являются всѣ подробности сельскаго балета, танцы на лужкѣ, пьяные музыканты на бочкахъ, запахъ кухни на чистомъ воздухѣ, меръ, прогуливающейся съ приличною важностью... Разувѣрся, Жоржъ, мы не провинціалы... Я говорю о балѣ, а не о деревенскомъ праздникѣ. Мы были званы къ графинѣ А***, которой замокъ отъ насъ въ трехъ миляхъ. Графиня А***, мать графа Фредерика, самаго скромнаго и самаго опаснаго изъ трехъ мушкетеровъ, поклявшихся погубить меня. Второй изъ этихъ господъ, Леопольдъ де-Лобрианъ, славный охотникъ и предприимчивый малый. Третьяго я даже не назову, потому-что онъ глупъ, какъ пень. Нужно сказать тебѣ, что онъ путешествовалъ къ полюсу, и вечеромъ, когда онъ рассказывалъ Сюзаннѣ о пляскѣ эскимосовъ, я просилъ его показать намъ эту пляску. Онъ былъ такъ добръ, что согласился. Эта просто пляска медвѣдей. Сюзанна не можетъ видѣть его безъ смѣха.

Мы пріѣхали около десяти часовъ. Балъ съ перваго взгляда ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ баловъ. Графиня А*** свѣтская женщина, и все, что зависѣло отъ нея, было превосходно; къ несчастію, вкусы и туалеты дамъ были внѣ ея власти. Не стану описывать тебѣ ни платьевъ изъ утрехтскаго бархату, ни всѣхъ пестрыхъ цвѣтовъ, ни перьевъ, ни тюрбановъ, которые красовались по стѣнамъ залы, какъ трактирныя фрески, или новыя обои. Сколько тюрбановъ, другъ мой! Я подумалъ, право, что я въ Багдадѣ.

Въ этой пестрой сцѣси, Сюзанна отличалась, признаюсь тебѣ, остротой и простотою своего туалета. Она очень любитъ балъ, и вальсъ въ-особенности. Она вальсируетъ съ увлеченіемъ, можно сказать, со страстью. Остановливаясь, чтобы перевести духъ, ножка ея дрожитъ на паркетѣ и нетерпѣливая дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу. Право, тотъ, кто выдумалъ танецъ, не былъ женатъ. Я сама предпочитаю ему пляску эскимосовъ.

На женщинѣ, недавно вышедшихъ замужъ, какъ-то мало обращать вниманія въ свѣтъ. Однако Сюзанна всегда окружена толпою. Правда, что между нами никто не можетъ замѣтить ни страстныхъ взглядовъ, ни вздоховъ, ни отдаленія отъ общества, которыми замѣняютъ себя молодые влюбленные супруги. Мы показывали другъ-другу вниманіе, но болѣе ничего, а это ободряло молодыхъ людей. Они догадываются, что тутъ кроется горе, которое, можетъ-быть, нуждается въ утѣшителѣ. Каждый показывалъ это по своему: графъ Фредерикъ принимаетъ видъ задумчиваго пажы, а Леопольдъ по своему старается быть любезнымъ, перенося, напримѣръ, кресла черезъ головы гостей. Не правда ли, какъ это мило?

Пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, я буду сохранять нейтралитетъ, который обѣщала Сюзаннѣ, до границъ возможности; по крайней-мѣрѣ, если попадусь, то попадусь не въ распlochъ. Правда, это довольно жалкая выгода.

Жюль Балли, тотъ офицеръ, который такъ на тебя похожъ, очень милый молодой человекъ. Я очень удивился, увидя его на балѣ. Я зналъ, что черезъ Сюзанну онъ также получилъ приглашеніе, но досихъ-поръ онъ всегда отказывался, подъ предлогомъ разстроенаго здоровья. Думая, что ему лучше, я очень радъ былъ его видѣть; но потомъ сожалѣлъ, что онъ явился на балъ.

Прежде всего я услышалъ, какъ тюрбины вполголоса перебирали родословную этаго молодаго человекъ; ты помнишь, что онъ племянникъ моего фермера. Не скажу, чтобы я сталъ защищать его, — да отъ чего было защищать его? Но я рассказалъ нѣсколько случаевъ изъ его военной жизни, думая всѣхъ успокоить. Ничего не бывало. Тутъ собралась вся наша знать. Деревенская аристократія недоумчива... Но перейдемъ къ дѣлу. Жюль Балли танцевалъ съ Сюзанною. Довольно хорошенькая дѣвица, Елена де-Лобрианъ, сестра центавра Леопольда, обѣщала твоему Созію танцевать съ нимъ слѣдующій вальсъ; но когда онъ подошелъ къ ней, она отвѣчала, краснѣя, что, вѣроятно, онъ ошибается, и что она уже на все ангажирована. Балли старается доказать свои права, но въ это время является Леопольдъ и изъясняетъ

удивленіе, что не вѣрять слову Лобріановъ. Молодой офицеръ наконецъ угадываетъ истину. Онъ вздрагиваетъ, измѣняетъ свой почтительный видъ, и прямо смотря въ лицо Лобріану, говоритъ ему глухимъ голосомъ, раздавшимся въ концахъ залы: Вы, милостивый государь, считаете меня слишкомъ недогадливымъ; я понимаю, хотя и поздно, что я недостойнъ прикоснуться къ перчаткѣ вашей сестрицы, но надѣюсь, что вы не откажете мнѣ имѣть честь дотронуться до вашей. — Милостивый государь, холодно отвѣчалъ де-Лобріанъ, я не имѣю удовольствія знать васъ... неприлично продолжать здѣсь этотъ разговоръ... Но вѣроятно вы имѣете здѣсь кого-нибудь изъ знакомыхъ... и я къ его услугамъ. Одобрительный ропотъ послѣдовалъ за этимъ отвѣтомъ, давая еще болѣе почувствовать обиду. Видно было, что большая часть держала сторону обидчика. Глаза молодого офицера блуждали по залѣ въ какомъ-то отчаяніи; на блѣдномъ лицѣ его написано было страданіе. Никогда болѣе краснорѣчиваго, болѣе трогательнаго призыва не обращалъ человѣкъ къ своимъ подобнымъ. Никто не двигался. Какіе бываютъ подлые люди! Я пришелъ бы ранѣе, но былъ въ это время далеко, и съ усиліемъ освободилъ свою руку отъ руки Сюзанны, которая невольно прижалась ко мнѣ при этой сценѣ. — Здѣсь, отвѣчалъ я Лобріану, тотъ другъ, котораго вы требуете. Г. Бальи, прибавилъ я, прошу васъ позволить мнѣ принять это имя, которымъ я исполнѣ горжусь. — Молодой человѣкъ пожалъ мнѣ руку, и въ его влажныхъ глазахъ я прочелъ выраженіе, которое напомнило мнѣ твой взглядъ, Жоржъ, когда я былъ такъ счастливъ, что спасъ твоего брата.

Мы вышли всѣ трое, и графъ Фредерикъ почти тотчасъ же послѣдовалъ за нами. Сегодня поутру назначена дуэль на шпагахъ. Потомъ всѣ мы возвратились въ залу, и объявили, что все кончилось примиреніемъ. Вскорѣ однако мы уѣхали домой.

Ночь была такъ хороша, что мы ѣхали въ открытой коляскѣ. Чистый воздухъ и движеніе подѣйствовали на меня благотворно. Мы ѣхали по аллеямъ, обѣиленнымъ густыми деревьями, которыя дорогою принимали какія-то фантастическія формы. Иногда сквозь ряды деревьевъ проглядывало поле, покрытое серебрянымъ туманомъ. Легкій вѣтерокъ навѣвалъ намъ прохладу, и доносилъ свѣжій запахъ лѣса, смѣшанный съ ароматомъ цвѣтовъ. Отрадное спокойствіе, царствовавшее повсюду, мало-по-малу изгладило изъ моей памяти сцену на балѣ.

Я взглянулъ на Сюзанну. Она держала руки на груди, еще волновавшейся послѣ бальной усталости. Капшонъ ея пальто былъ нахвнутъ на голову, и въ этой шелковистой рамѣ ея лицо представляло какое-

то небесное выраженіе. Тѣ, которые говорятъ, что Сюзанна хороша собою, говорятъ не все.

Недалеко отъ нашего помѣстья, на пригоркѣ возвышается маленькая деревенская церковь. Мы медленно поднимались на гору, и издали увидали кресты и скромные памятники, окружающіе церковь. Сюзанна никогда не проѣзжаетъ мимо этого кладбища, гдѣ покоится ея мать, безъ живѣйшаго волненія. Она вдругъ вышла изъ задумчивости, и казалось, собиралась что-то сказать мнѣ. — Не правда ли, сказала она наконецъ, что подобная ночь заставляетъ насъ живѣе чувствовать отсутствіе тѣхъ, которыхъ мы потеряли? — Я согласился съ нею и прибавилъ нѣсколько фразъ о способности сердца испытывать самыя разнообразныя впечатлѣнія. Изъ самаго контраста нашихъ понятій родилась какая-то искренность, и оставя пустыя балныя воспоминанія, мы обращаемся къ болѣе серьезнымъ мыслямъ. Я хочу просить васъ... продолжала Сюзанна. — Говорите, Сюзанна. — Но мое желаніе можетъ показаться вамъ романическою фантазіею... И она показывала мнѣ глазами на маленькое кладбище. Я велѣлъ остановить лошадей и подалъ ей руку. Мы поднялись по ступенямъ полуразрушенной лѣстницы, и отклоняя рукою кусты, покрытые росой, я довелъ ее до могилы, которую она искала. Она стала возлѣ нея на колѣни, а я остановился, въ нѣсколькихъ шагахъ у одинокой ввы.

Между-тѣмъ, какъ она молилась, я вспоминалъ все, что мнѣ рассказывали о бѣдной страдалицѣ, скрытой подъ этимъ камнемъ. Я рассказывалъ тебѣ о покойной матери Сюзанны. Не правда ли, Жоржъ, что она дорого купила этотъ послѣдній сонъ, котораго не можетъ прервать даже голосъ ея дочери? Суди самъ, она десять лѣтъ переносила съ улыбкою на лицѣ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, присутствіе человѣка, который своими поступками готовилъ ей нищету; другія десять лѣтъ изглаживала слѣды безпутной жизни, изъ которой на долю ей досталась одна горькая сторона... И когда наконецъ, лучъ радости хотѣлъ озарить ея несчастную жизнь, едва ея первый радостный взглядъ остановился на лицѣ дочери, какъ вдругъ — она умираетъ.

Сюзанна встала и взявъ меня подъ руку, прошептала: Благодарю васъ... вы добры... потому-что я знаю, что это не въ вашемъ характерѣ. — Не въ моемъ характерѣ, Жоржъ! Она принимаетъ меня за дерево. — Вы добры?.. Кто для нея не сдѣлается добрымъ?

Жюль Балль ожидаетъ меня въ половинѣ пятаго у рѣшетки сада. Я долженъ отсюда уѣхать. Дай Богъ счастья этому молодому чело-
вѣку.

Съёмъ часовъ.

Лобрианъ слегка раненъ въ плечо. Онъ велъ себя очень хорошо: получивъ рану, онъ извинился передъ Жюлемъ, съ благодарствомъ, которое возвысило его въ моихъ глазахъ. Можетъ-быть, онъ дорожить мнѣніемъ мужа моей жены. Во всякомъ случаѣ, я нѣтъ очень доволенъ. Я привезъ Балли въ нашъ замокъ. Мы встрѣтили Сюзанну за ея утреннюю прогулкою. Она вскрикнула, испугалась, и кончила тѣмъ, что пригласила побѣдителя завтракать.

VII.

Шени, 1-го сентября.

Я получилъ твои два письма. Ты жалуешься на мое молчаніе. Жоржъ, если нашей старой дружбы мало для того, чтобы придать интересъ моей экагогѣ, то скажи мнѣ это откровенно. Такой отвѣтъ будетъ для меня менѣе обидѣнъ, чѣмъ сухость твоихъ отвѣтовъ, которая, повидимому, увеличивается по мѣрѣ того, какъ тонъ моихъ писемъ дѣлается болѣе и болѣе одушевленными.

Я люблю ее. . . и самъ не понимаю, какъ это случилось! Прежде, чѣмъ я рѣшился написать это слово, прежде, чѣмъ я осмѣлился сказать его самъ-себѣ, сколько разъ я испытывалъ свое сердце? Прежде, чѣмъ я признаюсь ей въ этомъ, я хочу проникнуть въ глубину своей совѣсти. Не должно обманывать ее, другъ мой, и если въ душѣ моей, подъ видомъ любви и жизни, кроется только обманъ и смерть, то я оставлю весь адъ для одного себя. Довольно одной жертвы.

Но повѣрь мнѣ, что я люблю ее. Въ своемъ прошедшемъ я не нахожу ничего подобнаго тому, что теперь испытываю. Винавать ли я, что люди научили меня проклинать имя друга, а женщины уничтожили въ моемъ сердцѣ уваженіе къ ихъ полу? Друзья, подобные тебѣ, и женщины, подобныя Сюзаннѣ, рѣдки. Мнѣ кажется, Жоржъ, что на свѣтѣ нѣтъ другой, ей подобной... другой, которая бы совершала свой путь съ такою увѣренностью, скромностью и простотою. Она умѣетъ придать особенную прелесть всѣмъ мелочамъ обыкновенной жизни, и часто приводитъ меня въ смущеніе... Прилично ли мнѣ, какъ школьнику, вздыхать подъ балкономъ, или бѣжать за каждымъ доскутомъ, унесеннымъ отъ нея вѣтромъ? Жоржъ, ты, вѣрно, не въ состояніи обо мнѣ этого думать! Что касается до этой маленькой перчатки, которая лежитъ у меня на столѣ, то исторія ея очень проста. Разъ войдя въ лѣтній день на деревенское кладбище, мы бродили разсѣянно между прочими крестами, разбирая покрытыя мохомъ надписи, но рѣдко слу-

чается найти на могильномъ дерѣѣ надушенную бальную перчатку, и если найденъ, то можно ли не сберегать ее, какъ рѣдкость?

Что жь, признаюсь тебѣ; я собираю рѣдкости, забавляюсь ребячествами и даже потерялъ аппетитъ. Я мечтаю... стерегу, нищу и убѣгаю ее... Удивляюсь, какъ до-сихъ-поръ я еще не сочиняю стиховъ...

Впрочемъ, какое же мнѣ дѣло до другихъ, если я счастливъ, и чувствую себя лучшимъ человѣкомъ, если сердце мое возвышается до того, что можетъ дать вамъ мѣсто обнимъ? Когда меня смущаетъ шестель ея платья, когда уста мои прикасаются ко всему, до чего дотронулась ея рука, мнѣ кажется, что я не достоинъ того, что чувствую. Какъ быть? я такъ люблю ее!

Ты также, Жоржъ, навсегда останешься моимъ лучшимъ другомъ.

VIII.

Шени, 8-го сентября.

Мнѣ бы очень хотѣлось посоветоваться съ тобою прежде, чѣмъ привести въ исполненіе отчаянный планъ, который я составилъ; но при несправностяхъ деревенской почты, мнѣ придется, по-крайней-мѣрѣ, три дня ждать отъ тебя отвѣта, а у меня на это не достанетъ терпѣнія.

Мнѣ хочется сказать Сюзаннѣ, что я ее люблю, прямо сказать и откровенно. Кстатѣ ли это будетъ? не знаю; но я долѣе не въ силахъ переносить какой-то ужасъ, вкраившійся въ мое сердце. Жоржъ, съ чего я взялъ, что она меня любитъ? Иногда ея спокойствіе пугаетъ меня; иногда мнѣ кажется, что она уже не та, что ея взглядъ останавливается на моемъ лицѣ, что онъ дѣлается вѣжливымъ, что она меня любитъ... Эти минуты сомнѣнія ужасны... Я хочу все ей высказать, и все узнать, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

У нея есть любимое мѣсто прогулки, длинная и темная аллея, по срединѣ которой полукруглая скамья. Тутъ, въ жаркіе дни, она занимается своею благотворительною работою. Я видѣлъ, когда она прошла туда. При блескѣ солнца, среди своихъ цвѣтовъ, зелени, и всего, что она любитъ, она будетъ въ хорошемъ расположеніи духа... Но какъ я скажу ей все это?.. Жоржъ, никогда еще я не былъ въ такомъ волненіи. Я знаю, что моя жизнь зависитъ отъ ея отвѣта. Иду. Любовь научитъ всему. Иду.

Четыре часа.

.... Гдѣ ты, Жоржъ?... гдѣ твоя рука?... все погибло.... Мнѣ ничего болѣе не остается на землѣ. Нужно быть твердымъ, другъ

мой; я постараюсь. У меня нѣтъ недостатка въ твердости, но всѣ мысли въ какомъ то хаосѣ... я ничего не вижу... ничего не знаю!... Можетъ-быть, рассказавъ тебѣ послѣдній эпизодъ жизни, для меня уже конченной, я успокою себя.

Я избралъ боковыя аллеи, чтобы къ ней приблизиться и могъ издали видѣть скамью, о которой говорилъ тебѣ, не бывъ замѣченнымъ. Сюзанна держала въ рукахъ письмо, и плача, цѣловала его нѣсколько разъ. Я вдругъ остановился какъ-будто пораженный громовымъ ударомъ. Все было кончено. Да, эта минута разрѣшала всѣ сомнѣнія. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотря на Сюзанну, но не видя ея, какъ будто я на вѣкъ потерялъ зрѣніе. Когда она сложила и спрятала письмо, я подошелъ къ ней съ безчувственностью животного, раненнаго на смерть. Сюзанна не владѣетъ еще всеми достоинствами кокетки: ея смущеніе, свѣжіе слѣды слезъ, дрожащій голосъ, подавали прекрасный случай для рѣшительнаго объясненія. Но какъ то невольно человекъ останавливается передъ достовѣрностью неизбѣжнаго несчастія. Я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и заговорилъ о погодѣ, о нарядахъ. Сюзанна оправилась: о письмѣ ни слова. Мнѣ хотѣлось еще, передъ уходомъ, истощить всѣ предположенія, въ которыхъ могла скрываться хотя искра надежды... — Мнѣ кажется, сказалъ я, что мы давно уже не получали извѣстій отъ дѣдушки... здоровъ ли онъ?—Слава Богу! Г. де-Лобріанъ видѣлъ его третьяго-дня!—Браво! Я что-то еще хотѣлъ сказать вамъ.. Мнѣ давно хотѣлось спросить, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь подруги въ Парижѣ или въ Орлеанѣ, которую бы вамъ пріятно было здѣсь видѣть? Нужно пользоваться лѣтомъ и пригласить ее къ намъ погостить!—Очень вамъ благодарна, отвѣчала она, смотря на меня съ удивленіемъ, но у меня нѣтъ подругъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ вы знаете. Я отошелъ.

Подходя къ замку, я обернулся, услышавъ шумъ шаговъ на концѣ аллеи. Это было Жюль Балли, который также остановился съ удивленіемъ. Сюзанна встала между нами, блѣдная и неподвижная, какъ статуя ужаса. Балли пробрался въ садъ тѣмъ уединеннымъ ходомъ, который я самъ ему показалъ. При всемъ томъ, я долженъ считать себя обязаннымъ человекъ, который такъ далеко простираетъ свою учтивость, письменно извѣщаетъ о своихъ визитахъ, чтобы много не беспокоить. Въ это время я почти никогда не бываю въ замкѣ. Жоржъ, я задыхаюсь при мысли о томъ, что подумалъ обо мнѣ этотъ человекъ когда я уступалъ ему мѣсто и продолжалъ свой путь къ замку. Но что мнѣ до этого? Странныя обстоятельства моей женитьбы не избавляютъ меня отъ жалкой и глупой обязанности всѣхъ обманутыхъ мужей,

Мнѣ бы хотѣлось только знать, нѣтъ ли для моей чести защиты, болѣе облагодѣтельной?...

Подходя къ замку, я услышалъ въ сѣняхъ голосъ Лермита, спорившаго съ Жанетою, Иня Бальи долетѣло до моего слуха. Увидя меня, оба замолчали. Скоро послѣ этого, я зачѣмъ то позвалъ къ себѣ Лермита, и побранилъ его за ссоры съ Жанетою. Онъ хотѣлъ оправдаться и въ досадѣ высказалъ мнѣ все, начиная съ ихъ первой встрѣчи въ церкви, назадъ тому два мѣсяца, до ежедневныхъ свиданій въ аллеѣ, гдѣ я ихъ сегодня засталъ. Жанета принимаетъ и передаетъ письма черезъ какое-то третье лицо. Три недѣли назадъ, одно изъ этихъ писемъ неосторожно пришло по почтѣ. Лермитъ принесъ его, чтобы отдать мнѣ, но Жанета общала ему десять лундировъ, чтобы онъ его ей отдалъ. Графъ Фредерикъ А... нарисовалъ недавно въ альбомѣ портретъ Сюзанны. Лермитъ нашелъ этотъ портретъ у забора, черезъ который Бальи всегда перескакиваетъ къ намъ въ садъ. На немъ написанъ былъ адресъ этого молодого человѣка.

Я не привожу другихъ доказательствъ, болѣе ясныхъ. Какъ только повязка спала съ моихъ глазъ, я все увидѣлъ, все понялъ однимъ взглядомъ, Лермитъ не могъ болѣе оставаться въ домѣ; я отослалъ его, позолотивъ свою неблагодарность, чтобы быть увѣреннымъ въ его молчаніи.

Теперь, Жоржъ, что мнѣ дѣлать?... Если любовь ихъ до-сихъ-поръ заключалась только въ границахъ идилліи, то тѣмъ лучше для взаимнаго спокойствія. Что касается о меня, то я не имѣю права измѣрять свой стыдъ и обиду степенью ихъ проступка. Этого исправить невозможно. Мнѣ остается только послѣднее утѣшенія гладиатора: пасть съ достоинствомъ; но объ этомъ я долженъ еще подумать.

Меня зовутъ: это радостный голосъ Лобріана. Богъ съ нимъ! Онъ обѣдаетъ здѣсь со всѣми своими, и вечеромъ у насъ гости. Я пойду къ нимъ, нужно имѣть твердость. До свиданія.

Полночь.

Наконецъ! — какой вечеръ! — я никогда еще не былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа. Одно меня безпокоило: я боялся, чтобы смѣхъ мой не остался на лицѣ, какъ смѣхъ сумасшедшаго. Сама Сюзанна обманулась, и я видѣлъ, какъ безпокойство ея мало-по-малу разсѣялось. Около десяти часовъ Жюль Бальи вошелъ въ залу. Мнѣ кажется, еслибы она взглянула на меня въ эту минуту, то сейчасъ бы вышла изъ заблужденія; но она смотрѣла только на него. Къ счастью, онъ по обыкновенію, не протянулъ мнѣ руки, потому-что тутъ терпѣніе мое непремѣнно бы лопнуло.

Я, по обыкновенію мужей, утѣлся за карточный столъ; прямо противъ меня висѣло зеркало, въ которомъ я могъ слѣдить за ихъ движеніями. Онъ стоялъ у рояля. Сюзанна, послѣ разныхъ переходовъ, показывавшихъ ея лихорадочное состояніе, вдругъ передъ нимъ остановилась: она бросила на меня бѣглый взглядъ, и потомъ сказала ему нѣсколько словъ въ полголоса, дотронувшись до его руки перчаткою. Онъ вздрогнулъ и взглянулъ въ мою сторону. Въ то же время я прочелъ на его лицѣ чувство нерѣшимости и даже печали. Послѣ этого, они разошлись. Бальи походилъ нѣсколько времени около стола, гдѣ я сидѣлъ, и казалось, искалъ случая со мною заговорить. Вѣроятно, она велѣла ему быть со мною осторожнѣе; но у него не достало рѣшимости, и онъ вдругъ вышелъ изъ залы. Теперь, когда я пишу къ тебѣ, всѣ гости уже разъѣхались.

Жоржъ, ты удивляешься моему долгому заблужденію? Я жилъ, я видѣлъ свѣтъ, въ моей памяти еще живы были уроки, которые я давалъ или получалъ отъ другихъ. Такіе примѣры не должны-ли были возбудить во мнѣ предубѣжденіе противъ этого молодаго человѣка. Я не могу здѣсь долѣе оставаться... я задыхаюсь. Въ моемъ состояніи, преступленіе совершается прежде, чѣмъ обдумывается.

Свѣжесть ночи и усталость успокоили меня. Я сталъ по нежному приходить въ себя. Жоржъ, я одинъ во всемъ виноватъ... Кто знаетъ, сколько они боролись и страдали, прежде, чѣмъ увлеклись голосомъ сердца. Онъ похожъ на тебя, а я часто думалъ, что ты былъ бы ее достоинъ... Тебя она никогда не стала бы обманывать.

Первое дуновеніе страсти должно было снести дерево безъ корня и разорвать непрочную связь. За что наказывать ихъ? за что имъ мстить? на какомъ правилѣ чести или нравственности могу я основать свою месть?

Я рѣшился уѣхать и оставить ихъ однихъ. Что для меня сулъ свѣта, послѣ суда моей совѣсти? Жоржъ, ты знаешь, что я любилъ ее, что, можетъ-быть, она возвысила меня до себя, сама того не замѣчая. Я уѣзжаю отсюда навсегда, и не желаю пережить этого удара.

Еслибы я былъ тамъ, возлѣ ея матери, въ такой же тихой могилѣ, быть-можетъ, она пришла бы ко мнѣ въ одну изъ ясныхъ ночей, чтобы уронить нѣсколько слезъ состраданія надъ разтерзаннымъ ею сердцемъ. Для чего одно только преступленіе можетъ открыть для меня этотъ пріютъ, — купить мнѣ это спокойствіе!

Не думай объ этихъ вздорахъ, объ этихъ слабостяхъ; извини ихъ. Если правда, что утро вечера мудренѣе, то завтра ты узнаешь. — Прощай, Жоржъ, прощай другъ мой. — Прощай, Жоржъ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ВЪ КОМНАТѢ РАУЛЬ. Ближе позночи, Рауль блѣдный, съ непокрытою головою, быстро входитъ къ себѣ въ комнату. Онъ садится у стола и пишетъ.

«Я долженъ былъ уѣхать вчера; теперь уже поздно. Вотъ что случилось: благодаря безпрестаннымъ визитамъ, день прошелъ скоро. Входя въ свою комнату, назадъ тому десять минутъ, я услышала, черезъ открытое окно своей прихожей, шумъ шаговъ въ саду. Я вынулъ изъ окна, и увидѣлъ Балли, переходившаго аллею, вслѣдъ за Жанетою. Ночь была такъ свѣтла, что я безъ труда узналъ его, узналъ каждую черту лица его, каждую часть одежды; старуха показала ему на дверь, которая ведетъ къ комнатѣ Сюзанны, и удалилась. Какъ только онъ вошелъ, я спустился въ садъ и заперъ эту дверь. Ему нельзя уйти отсюда безъ того, чтобы я его не увидѣлъ. Я сейчасъ иду къ нему. Мы должны встрѣтиться лицомъ къ лицу. . Они довели меня до этого, Жоржъ... Это выше силъ моихъ...

Тебѣ передать это письмо, что-бы ни случилось. Прошу тебя исполнить то, что ты найдешь въ пакетѣ, адресованномъ на твое имя. Вспомни обо мнѣ, другъ мой.

(Рауль, запечатавъ письмо, беретъ со стола пару пистолетовъ и идетъ къ лестницѣ).

ВЪ КОМНАТѢ СЮЗАННЫ. Рауль быстро входитъ, глаза его падаютъ на занавѣски окна, которыя вдругъ опускаются и волнуются. Сюзанна смотритъ на него съ безпокойствомъ и слегка наклоняетъ голову.

РАУЛЬ. Вы не ожидали меня?

СЮЗАННА *(съ принужденіемъ.)* Нѣтъ... отчего же?... что это значить?... Вы, кажется, не имѣете обыкновенія беспокоить свою жену.

РАУЛЬ. О, за себя вамъ бояться нечего.

СЮЗАННА Я и не могу бояться.

РАУЛЬ. Вы такъ думаете?

СЮЗАННА. Вы такъ сказали. Впрочемъ, данное вами слово вполне успокоиваетъ меня.

РАУЛЬ. Я обѣщалъ вамъ полную свободу... и мое равнодушіе.... Вы говорите объ этомъ обѣщаніи? Но не забыли ли вы при этомъ наши условія?

СЮЗАННА. Не думаю.

РАУЛЬ. Сюзанна, вы все забыли, даже свою откровенность...

СЮЗАННА. Что вы хотите сказать?... Какой откровенности мне это меня требует?... Если бы вы о чем-нибудь спросили меня, Рауль, то увидели бы, что я откровеннее, чем когда либо.

РАУЛЬ. Если бы я спросил вас?... И теперь... в эту минуту... вы осмелитесь отвечать мне?..

СЮЗАННА. Да, Рауль.

РАУЛЬ. Вы осмелитесь?... Хорошо! Скажите: эти мечты, эти заблуждения, которых я не разделяю с вами, имеют ли до сих пор в глазах ваших ту же цену?

СЮЗАННА (*тихо, дрожащим голосом*). Да, Рауль. Выслушайте меня... вы сами вызвали меня на откровенность. Да... я шаг за шагом проходила тот мечтательный путь, тот путь молодости, по которому вы отказались вести меня... Я встретила на нем все олицетворение тех призраков, против которых вы возставали... Если я обманулась, то обманулась чрез свое недоверие к благости Всевышняго. Я никогда не предчувствовала, сколько отрады заключается часто в одной слезе! Да, я знала смертные муки, светлые надежды, и краткия минуты, оставлявшія послѣ себя долги воспоминанія... Одним словомъ, я любила... я была любима, и благословляла Бога.

РАУЛЬ. Я выслушал вас... Ваше извинение заключается в самой несвязности вашей рѣчи... Довольно. Вы нашли наконец романъ, котораго искали. Прекрасно, но скажите, предвидѣли ли вы его развязку?

СЮЗАННА. Развязку?... Я... не знаю. (*Вынимаетъ маленькій золотой ключикъ и подаетъ его Раулю, который смотритъ на нее съ удивленіемъ*). Вы сомнѣваетесь?... Этотъ романъ... написать... Хотите прочесть его снова? (*Показываетъ ему на столъ связку писемъ*).

РАУЛЬ. Что это?... мои письма?... (*Схватываетъ ихъ*) Мои письма къ Жоржу?... Но что же это значить?... Ради Бога, говорите.

СЮЗАННА. Тотъ, кому вы писали, тотчасъ же прислалъ ваши письма ко мнѣ. Дурно-ли онъ дѣлалъ, Рауль? Онъ измѣнилъ вамъ, правда... но я была такъ счастлива!.. Я писала отвѣты на каждое изъ его писемъ, надѣясь, что когда-нибудь... Вотъ они!

РАУЛЬ (*слушаетъ ее съ смущеніемъ и вдругъ быстро подходитъ къ окну*). Но я вижу своими глазами, что этотъ измѣнникъ здѣсь! (*Жоржъ выходитъ изъ-за занавѣсы*). Ты!.. это ты!.. О, Боже мой, это Жоржъ? (*Обнимаетъ его*).

ЖОРЖЪ (*улыбаясь*). Да, это я, успокойся... Твое послѣднее письмо испугало меня... Я самъ привезъ его, опасаясь замедленія вѣсты...

Ты принялъ меня за Бальи, не правда-ли? Кстати о немъ... или лучше— (Обращаясь къ Сюзаннѣ) повторите сами Раулю тѣ таинственные слова, которыя вы сказали Бальи вчера вечеромъ. — Этого будетъ довольно.

СЮЗАННА. Я сказала ему: пока ваше безразсудство беспокоило меня одну, я сносила его равнодушно; но теперь, когда оно нарушаетъ покой человека, который мнѣ дорогъ, я серьезно прошу васъ удалиться... Рауль, прошу васъ, отвѣчайте мнѣ... скажите, что вы мнѣ вѣрите. (Рауль стоитъ, облокотясь на каминъ и закрывъ лицо руками. Онъ не отвѣчаетъ. Сюзанна продолжаетъ въ подголоса, обращаясь къ Жоржу). Онъ никогда не проститъ меня... я слишкомъ обидѣла его гордость... онъ будетъ меня ненавидѣть!

ЖОРЖЪ (подходитъ къ Раулю, и обращаетъ къ Сюзаннѣ его лицо, омоченное слезами). Обернись!.. я хочу, чтобы она тебя хоть видѣла!

СЮЗАННА. Онъ любитъ меня!

РАУЛЬ (прижимая ее къ сердцу). Ангелъ?

(Revue Etrangère).

СОВРЕМЕННОЙ *

ЛИТЕРАТУРА. — ОТЕЛЬ РАМБУЛЬЕ. — Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гомаана. — Парижскія женщины. — Тетушка Мери. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Десятый солнечный лучъ. — Годовое доносеніе германскаго общества переселеній и колонизаціи. — **ИТАЛІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Кто перехитритъ. — Опасный дуэлянтъ. — Африканскіе праздники. — Мода выше красоты. — Письмо Софіи Арну. — Скорбь отца. — Отчего у негровъ бѣлы зубы? — Отчего бабочки летятъ на огонь и сжигаютъ крылья?

I. ЛИТЕРАТУРА.

Отель Рамбулье. — Многие историки ошибаются, говоря, что отель Рамбулье былъ первымъ салономъ, гдѣ начало собираться хорошее парижское общество, и что онъ даже долго былъ единственнымъ салономъ XVII вѣка. Маркиза Рамбулье не производила переворота, послѣ котораго варварство междуособныхъ войнъ и ослабленіе нравовъ, во-время Генриха IV, замѣнились въ Парижѣ изящнымъ вкусомъ, утонченностію обращенія и умственными удовольствіями: маркиза только соединила ихъ въ своемъ отелѣ. Людовикъ XIV, въ 1661 году, нашелъ это общество уже созданнымъ. Франція уже славилась военными подвигами и образцовыми произведеніями искусствъ. Мольеръ и Бальзакъ, бывшіе основателями новой поэзіи и прозы, Декартъ — создателемъ новой философіи, давно уже не существовали въ это время; Паскаль умиралъ въ страданіяхъ; Корнель

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Bibliotheque de Genève, Litterary gazette, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin für die Literatur des Auslandes, Voleur, Moden-Zeitung.

бросалъ послѣднія искры потухающаго гевія; г-жѣ Савиньѣ, Лафонтену и Мольеру было уже за сорокъ лѣтъ, Боссюэту тридцать шесть. Всѣ эти великіе умы, какъ по слогу, такъ и по мысли, отличались отъ своихъ послѣдователей чѣмъ-то наивныиъ и мужественныиъ, обнаружившимъ другое время и другую литературу. Въ семнадцатомъ вѣкѣ прославился Ришелье. Знаменитый кардиналъ лучше всѣхъ понималъ возраждающійся вкусъ къ литературѣ и наукамъ. Ришелье былъ честолюбивъ, и гевій его былъ совершенно политическій; но страстно любя славу во всѣхъ родахъ, онъ хотѣлъ быть, или, по-крайней-мѣрѣ, казаться умнѣйшимъ, образованнѣйшимъ человекомъ своего времени. Какъ всѣ великіе люди, отъ Цесаря до Наполеона, Ришелье умѣлъ быть любовнымъ, когда хотѣлъ. Нѣсколько времени онъ даже скрывалъ свое неудовлетворенное честолюбіе подъ маскою свѣтскаго человека, ищущаго успѣховъ въ обществѣ. Когда онъ сдѣлался кумиромъ общества, то ввелъ въ моду свои требованія и наклонности, и уже съ 1630 года было въ Парижѣ много отелей, въ которыхъ собирались люди всѣхъ сословій, чтобъ пріятно провести время. Разумѣется, женщины владычествовали въ этихъ обществахъ. Всѣхъ значительнѣе и знаменитѣе былъ конечно отель Рамбулье.

Это было отборное общество людей съ утонченною учтивостію, превратившееся мало-по-малу въ изысканность. Сперва это просто было желаніе чѣмъ-нибудь отличиться, и всякій, кто имѣлъ право на это отличіе, былъ принимаемъ въ отелѣ Рамбулье. Определить, въ чемъ именно состояло это отличіе, довольно трудно. У каждаго вѣка были свои понятія объ отличіи. Однакоже въ тѣ времена требовались для этого два качества, повидному совершенно противоположныя: возвышенныя идеи и простота въ словахъ и обращеніи. Въ Афинахъ, у Аспазин, Периклъ, Анаксагоръ, Фидій говорили о искусствахъ, философіи и политикѣ съ такою же простотою, какъ обыкновенные работники и купцы говорятъ о своихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Сократъ былъ образцомъ въ этомъ родѣ. Пирь Платона, на которыхъ послѣ ужина разсуждаютъ о самыхъ высокихъ предметахъ самымъ легкимъ слогомъ, могутъ дать вѣрное понятіе о тогдашнемъ афинскомъ обществѣ.

Тоже самое было въ Римѣ, у Циціоновъ, гдѣ шутки прерывали часто самыя важныя разговоры. За ужиномъ Цицерона, и въ-особенности когда у него не было Цесаря, простоты уже было меньше, потому что хозяинъ былъ не слишкомъ важный вельможа, чтобъ сохранять простоту. Ораторъ и литераторъ выдѣвъ часто въ его рѣчахъ, хотя онъ хотѣлъ подражать Платону. Эта-то римская свѣтскость, происшедшая отъ нѣсколько испорченнаго атицизма, составляла отличительный характеръ отеля Рамбулье.

Всѣ тогда, казалось, понимали величіе начинающейся эпохи. И въ политикѣ Франціи, и на поляхъ битвъ, и въ администраціи создавались великіе люди. Литература, науки, философія гордились своими корифеями. Декартъ и Корнель, направляемые гевіемъ Ришелье, быстро и сильно подвигались къ своему апогею. Все было однакоже немного

грубо, какъ умы, такъ и сердца. Элементъ силы былъ слишкомъ необходимъ; не доставало еще утонченности, эскрипн не руководили более изящнымъ вкусомъ. Для усовершенствованія и была недоставало учтивости. Отецъ Рамбулье сдѣлался школою этого качества французскаго ума.

Слѣза этого отела простирается отъ 1630 по 1648 г., когда нушеры этого общества, дѣшнѣ Рамбулье, вышла замужъ за г. Монтекио и послѣдовала за нимъ въ Сентанжъ и Ангулуа, гдѣ онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ началѣ еронды. Тутъ двадцать этотъ отелъ означала несомнѣнными заслуги. Но съ 1648 года въ отелѣ Рамбулье дурныя качества начали уже брать верхъ.

Общества второстепенныхъ парижскихъ сословій, образовавшихся по примѣру отела Рамбулье, были сперва полезны, потому что распространяли учтивость; но потомъ, когда въсто возвышенныхъ идей и благородныхъ чувствъ, соединенныхъ съ простотою, оказалась напыщенность нравъ, высканность поступковъ, — Мольеръ принужденъ былъ выставить эти свойства въ своихъ комедіяхъ: «*Les précieuses ridicules*» (въ 1660) и «*Les femmes savantes*» (1673).

Въ 1630 году было уже во Франціи много образцовыхъ произведеній, но нѣкоторые изъ нихъ все еще воображали, что имъ должно подражать иностранцамъ. Мольеръ, Лажонтенъ, Буало, Расинъ — искали образцовъ въ древности; но подражая имъ, не переставали однакоже быть оригинальными, убожая себя все замѣшательное. Предѣстники ихъ подражали италяйцамъ и испанцамъ, единственными народамъ, опередившимъ тогда французамъ на пути просвѣщенія. Медици ввели во Францію вкусъ къ италяйской литературѣ. Королева Анна Австрійская поддерживала испанскую. Отецъ Рамбулье заботѣлся соединить эту литературу.

Отличительный характеръ испанской литературы въ началѣ XVII вѣка состоялъ въ высокой, платонической, тожной любви, въ романтическомъ героизмѣ, въ рыцарской храбрости, въ сильномъ восторгѣ къ красотамъ природы, къ вѣлогамъ, извѣстнѣ, къ страсти къ музыкѣ и серенадамъ, къ каруселямъ, въ живыхъ разговорахъ и великолѣпныхъ праздникахъ. Италяйская же литература была совершенною противоположностью испанской напыщенности и преувѣличенія. Это было остроуміе, доведенное до утонченности и до насмѣшекъ извѣстнѣ. Изъ смѣси этихъ двухъ родовъ литературы родилась третій, истинный, рѣдко гдѣ-либо достигаемый, — смѣсь величія съ простотою, важнаго и забавнаго, веселата и извѣстнаго.

Въ отелѣ Рамбулье герой не могъ бы повравиться: онъ долженъ былъ имѣть быть и свѣтскимъ человекомъ, имѣть высокія чувства, быть храбрымъ и любезнымъ, щедрымъ, остроумнымъ и утонченнымъ въ обращеніи, безъ педантизма, съ простотою и свободою. Таковъ былъ въ отелѣ Рамбулье идеалъ, къ достиженію котораго стремились все писатели и свѣтскіе люди.

Рабушетен, женщины играли въ немъ главные роли. Марселла Рамбулье казалась созданною для подобнаго предпріятія. Она была по-

что, впрочем, Отецъ ея была Вирония-Пизани, — мать Савелли, мужа — вятчій вѣдможа. Онъ былъ послѣдникомъ въ Испаніи, Удаливъ отъ общественныхъ дѣлъ съ большимъ состояніемъ, онъ не вѣщадясь въ поддѣлку. Г-жа Рамбулье была прелестнѣйшею женщиною своего времени, но во всю жизнь не имѣла интриги, страстно любя всѣхъ умныхъ людей безъ различія и безъ всякой претензіи на личную извѣстность. Послѣ маркизы едва осталось нѣсколько писемъ и два четверостишія.

Потому-то всѣ знавшіе ее и удивлялись ей. Единственнымъ ея недостаткомъ, по словамъ Талльмана, — была чрезвычайная деликатность въ выраженіяхъ. Она боялась нѣкоторыхъ словъ и гнала ихъ безъ пощады, была вѣрна въ дружбѣ и любила помогать всѣмъ. Кардиналъ Ришелье очень уважалъ ее. Г-жа Лафайетъ многому у ней выучилась. Одна изъ дочерей ея, знаменитая Юлія, была рѣдкаго ума и хотя некрашевица, но прекрасно сложена. Она была истиннымъ украшеніемъ дома своей матери. Маркизь Пизани, братъ ея, столько же храбрый, какъ и умный человекъ, былъ также украшеніемъ бесѣдъ въ отелѣ Рамбулье.

Отель вѣтъ описанъ у всѣхъ писателей того времени, особливо знаменитая *Сидда зала*, съ мебелью изъ синяго бархата съ золотомъ и серебромъ, съ широкими окнами, отворяющимися во всю вышину залы отъ пола до потолка, и выходящими въ прекрасный садъ, за которымъ видѣлось множество другихъ садовъ. Отель былъ построенъ по плану самой г-жи Рамбулье. Онъ былъ необширенъ, но очень красивъ и удобенъ.

Изъ литераторовъ, посѣщавшихъ отель Рамбулье, знаменитѣе всѣхъ были Корнель и Вуатюръ. Корнель съ Декартомъ главные представители литературы первой половины XVII вѣка. Качества ихъ и даже недостатки принадлежали тогдашнему времени, по этому и успѣхъ ихъ былъ необычайный. При Людовикѣ XIV ни одна пьеса не пронесла такого вѣзекта, какъ Сидъ, въ 1686 году. Только читая тогдашнихъ писателей, можно понять восторгъ Парижа и всей Франціи, — потому что каждый дворянинъ воображалъ себя тогда Родригошъ, каждая женщина — Хименою. Только успѣхъ *Полиекта* превзошелъ Сиду, въ которомъ видно самое вѣрное изображеніе этой эпохи, безвозвратной для Франціи, этого героизма и нѣжной любви, этой чести и воинскаго духа, этой борьбы благородныхъ страстей, любви и долга, доведенныхъ до патетизма; этого языка нѣсколько грубаго, но истиннаго, сильнаго и простаго; этихъ отгѣнковъ утонченности, недоходящей до преувеличенія. Всѣ эти свойства процвѣтали въ отелѣ Рамбулье. Тамъ оцѣненъ былъ Сидъ, — и тамъ защищали его противъ всеядстваго министра Ришелье, какъ авторъ *Мирамы*, будъ довольно мелоченъ въ своемъ гнѣденіи на Сиду; но, какъ государственный человекъ, онъ имѣлъ причины негодовать на эту пьесу. Издавъ строгіе законы противъ лудей, онъ немогъ равнодушно слышать, какъ противорѣчилъ ему Сидъ, Сверхъ-того были тамъ нѣкоторые стихи, не благоприятные для личности перваго министра. Впрочемъ кардиналъ любилъ Корнеля. Онъ

ему далъ хорошій пансіонъ, и даже женилъ его. Корнель встрѣчался съ Бальзакомъ въ отелѣ Рамбулье и могъ говорить съ нимъ тамъ о Римѣ и Римлянахъ. Надобно прочесть письма Бальзана къ маркизѣ Рамбулье о Римлянахъ, чтобъ судить о пользѣ бесѣдъ въ Рамбулье. Тогда всѣ занимались политикою и литературою.

Вуатюръ былъ тоже предметомъ удивленія своихъ современниковъ. Лафонтенъ почитаетъ его своимъ учителемъ. Г-жа Севинье называетъ его веселымъ, остроумнымъ, любезнымъ. Въ наше время не находимъ мы ничего хорошаго въ Вуатюрѣ. На это много причинъ, и оба вѣка правы. Острота, быстрый отвѣтъ принадлежатъ только минутѣ, въ которую были сказаны. Великія мысли и изрѣченія — другое дѣло. Они проистекаютъ изъ общей человѣческой природы, и принадлежатъ всѣмъ вѣкамъ, покуда у людей будутъ сердце и разумокъ. Остроуміе же блеснетъ и угаснетъ. Это импровизаторъ, которымъ восхищаются, покуда онъ говоритъ, но который не оставляетъ ничего полаго въ нашей памяти.

Г-жа Севинье, въ восторгѣ отъ Вуатюра, ея наставника, говорить: «тѣмъ хуже для тѣхъ, которые его не понимаютъ». Но маркиза знала свое время, нравы людей, происшествія, къ которымъ относились стихи и проза Вуатюра. Племянникъ его, Мартень-Пеншенъ, два года спустя по смерти дяди своего, издалъ его сочиненія, и имѣлъ глупость уничтожить числа и года, когда они были написаны, и имена лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, — такъ что даже въ XVII уже вѣкѣ, люди, незнакомые съ Вуатюромъ и его обществомъ, нуждались въ комментаріяхъ. А чтобъ понять и цѣнить Вуатюра, необходимо быть вмѣстѣ съ нимъ на сценѣ его подвиговъ, съ 1630 до 1648 года, съ тѣми женщинами, которыя требовали отъ него стиховъ, съ тѣми молодыми людьми, которые въ антрактахъ военной жизни искали удовольствій въ утонченной бесѣдѣ. Вуатюръ господствовалъ въ отелѣ Рамбулье, — тогда какъ робкій и гордый Корнель былъ не ловекъ въ этомъ кругу, слушающій только другихъ и разговаривающій изрѣдка съ Бальзакомъ. Вуатюръ составлялъ веселую сторону отела Рамбулье, Корнель — строгую.

Вуатюръ писалъ только на случаи, на-скоро, по заказу, и даже не собиралъ своихъ сочиненій. Онъ создалъ особенный родъ домашней, интимной литературы, забавной, легкой поэзіи, въ которомъ такъ много было потомъ послѣдователей; однимъ-словомъ, Вуатюръ былъ маленькій Вольтеръ отела Рамбулье; это былъ первый примѣръ писателя, жившаго посреди вельможъ и сохранившаго свою литературную независимость въ этомъ кругу. Рѣзкій тонъ его походить на тонъ писателей XVIII вѣка. Онъ былъ золъ и остеръ; эпиграммы его боялись, потому-что онѣ, какъ стрѣла, облетали весь Парижъ — и мѣтко поражали жертву. — Притомъ же онъ занималъ и общественныя должности. Онъ былъ вводителемъ (Introducteur) посланниковъ къ Герцогу Орлеанскому Гастону, — и имѣлъ также должность по управленію финансовъ, но не исправляя ее, получалъ только жалованье. Вуатюръ былъ очень недуренъ собою и одѣвался со вкусомъ; онъ былъ рыцаремъ всѣхъ дамъ, и въ особенноти г-жи

Поле, которую за смѣлое обращеніе и ярко-бѣлокुरые волосы прозвали *девицею отеля-Рамбулье*.

Однимъ изъ блистательнѣйшихъ украшеній отеля была еще дѣвица Бурбонъ, подружившаяся тамъ съ маркизою Сабле, извѣстною по красотѣ своей, по склонности къ испанскимъ нравамъ и по любви къ Монморанси. — Здѣсь же дѣвица Бурбонъ познакомилась съ Шапеленомъ, ученымъ и скромнымъ любителемъ литературы, который могъ-бы сдѣлаться порядочнымъ писателемъ, еслибъ довольствовался сочиненіями въ прозѣ. Знакомство ея съ аббатомъ Годо, котораго прозвали карликомъ Юліи, было не такъ занимательно, хотя онъ потомъ и часто писалъ къ ней письма, сдѣлавшись грасскимъ и ванскимъ епископомъ.

Нельза не упомянуть также о другомъ постоянномъ членѣ отеля Рамбулье—г-жѣ Скюдери. Она была нехороша собою, но умна и дарованія замѣчательнаго. Писала она слишкомъ скоро, но зато всегда легко, правильно и пріятно. Она пользовалась большою извѣстностью, и заслуживала ее. Лейбницъ переписывался съ нею. Она писала стихи, которые въ свое время очень нравились, и теперь еще довольно хороши. Романы ея такъ длинны и эпизоды въ нихъ такъ запутаны, что теперь ихъ нельза читать. Но тѣ, которые рѣшатся на это, найдутъ въ нихъ много вѣрныхъ портретовъ тогдашнихъ современниковъ, прикрытыхъ именами грековъ и римлянъ, — а также прелестное описаніе парижскихъ дворцовъ, перенесенныхъ въ Римъ и Арменію; главное же основаніе этихъ романовъ — высокія чувства, бывшія тогда въ модѣ, вѣжності платонической любви и разговоры, нѣсколько приторныя, но дающіе понятіе о тогдашнихъ бесѣдахъ. Жоржъ Скюдери, писатель, нестерпимый по своему самолюбію и напыщенному слогу, принадлежалъ тоже къ отелю Рамбулье за свои качества честнаго человѣка и вѣрнаго друга.

Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гётемана. — Границы фантастической литературы обширны; въ ней талантъ по своему произволу располагаетъ богатствомъ міра видимаго и, очень часто, воображаемаго. Воображеніе господствуетъ по превосходству въ этомъ родѣ произведеній; для чудеснаго открывается въ нихъ обширное поле; провсшествія, самыя странныя, и самыя разнообразныя, здѣсь на своемъ мѣстѣ. Арабскія сказки, «Тысяча одна ночь», и творенія Данта, Аріоста и Рабеле принадлежать къ одному и тому же роду фантастической литературы, но какая огромная разниа между этими произведеніями! Съ фантазіей могутъ соединяться и философскія мысли; даже въ своихъ эксцентричностяхъ подобное сочиненіе можетъ имѣть серьезный интересъ.

Въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія пальма первенства въ этомъ родѣ литературы принадлежала двумъ нѣмецкимъ писателямъ, процвѣтавшимъ между 1810 и 1820 годами.

Баронъ Фридрихъ де-Ламоть-Фуке прекрасно обрисовалъ въ своихъ произведеніяхъ народныя суевѣрія среднихъ вѣковъ. Въ его романахъ

и рассказы вы найдете колдунью, магическая колдунья, гномовъ, духовъ, болѣе или менѣе коварныхъ, и самого алого духа, оболочающаго души смертныхъ.

Никто лучше Ламота-Фукке не обладаетъ искусствомъ интересовать читателя посредствомъ таинственности и страха. Въ его сочиненіи *Неизлечимый больной*, доктора, благороднаго и благочестиваго старика, зовутъ посреди ночи къ одному больному, въ гостиницу *Тресе Вилковска*. Жена его чувствуетъ боязненное предчувствіе. Онъ вооружается пичагою и фонаремъ, отпираетъ двери дома и видитъ предъ собою во тьмѣ негра въ турбанѣ и въ желтой одеждѣ. Негръ, оглашая мрачныя и безмолвныя улицы своимъ свѣтомъ, ведетъ доктора въ гостиницу къ своему господину. Вся гостиница осязается страшнымъ образомъ сверху до низу; семейство камина предаво молчавъ; на всѣхъ лицахъ царствуетъ блѣдность и ужасъ; нѣмыми жестами показываютъ доктору комнату больного; онъ слышитъ, что тамъ раздаются крики, слышатныя съ проклятіями. Доктора вводятъ, и видитъ на диванѣ катамбегаса, съ криками и конвульсіями, человека, страшно одѣтаго, съ лицомъ, покрытымъ маскою. Докторъ велитъ снять маску, «Раздѣ ты хочешь потерять разума?» кричитъ больной. «Кто смотритъ на мое лицо дѣлается сумасшедшимъ. Ты алого хочешь, прероль!» И онъ готовится раздѣвать маску. Негръ умоляетъ его со словами не дѣлать алого. Когда докторъ щупаетъ пульсъ и смотритъ на больного, то прищелкаетъ подъ маскою огненные глаза. Ужасившая на больнымъ, онъ обращается къ нему съ благочестивыми словами, несмотря на сарказмы страждущаго и его чернаго служителя, котораго пугаетъ, однажды-же, кроткая физиономія доктора. Последнему также удается уличить таинственный свистъ и шумъ невидимыхъ крыльевъ, которые слышатся въ комнатѣ пациента. Твердо уповая на Бога и дѣйствуя Его именемъ, старикъ лечитъ эту необыкновенную болѣзнь. Мало-по-малу онъ укрощаетъ свирѣпый характеръ незнакомца, вылечиваетъ его и вынуждаетъ ему раскаяніе. Незнакомецъ поступаетъ въ монастырь и дѣлается монахомъ.

Раскаяніе его уменьшаетъ мало-по-малу ужасъ, который онъ внушаетъ сперва; голосъ его смягчается, огонь глазъ незамѣтнымъ образомъ исчезаетъ. Настоятель узнаетъ наконецъ, что грѣхи каждаго прощены; онъ повелѣваетъ ему снять маску, которую тотъ носилъ и въ монастырѣ, чтобы не пугать вѣрующихъ выраженіемъ своего лица. Удивленные монахи видятъ предъ собою, вмѣсто страшнаго лица—старика съ покойною улыбкою. Борьба добра со зломъ кончена.

Въ такомъ родѣ почти всѣ рассказы и романы Ламота-Фукке, написаніе большую вѣстность въ свое время.

Гошманъ, авторъ столькожъ знаменитыхъ фантастическихъ рассказовъ, талантъ, стоящій выше предыдущаго, былъ въ то же время, фантазеръ и насмѣшникъ. У него живость рассказа увлекаетъ, мерещитъ такъ живо, что заставляетъ вѣрить вещамъ, самымъ неправдоподобнымъ. Измѣненіе формъ, переходъ отъ натурального къ сверхъестественному, смѣсь характеровъ оккультныхъ съ лицами и

сильно, все это представлено съ такою отчетливостію и живостію, что читателю кажется, будто онъ дѣлается дѣйствующимъ лицомъ этихъ разсказовъ; онъ не понимаетъ самъ, какимъ-образомъ увлеченъ въ это обязательное царство фантастическихъ идей, предметовъ и формъ, и однакожь сохраняетъ отчетливое воспоминаніе о томъ, что съ нимъ случилось, т. е. что онъ прочелъ. Авторъ этотъ такъ обманялся съ царствомъ фантази, съ его танкетвенными агентами и ихъ амфибателъствомъ къ судьбу людей; его воображеніе приписываетъ таинственнымъ силамъ дѣйствія, до того ощутительныя, что авторъ самъ начинаетъ вѣрить написанному. Вотъ причина правдоподобности и живости разсказовъ Гоэмана.

Въ наше время, однимъ изъ датскихъ писателей издавъ, въ болѣе легкомъ родѣ, произведеніе чистаго воображенія; это Андерсенъ, авторъ собранія *Разсказовъ*, усвоившихъ скоро народность и въ Германіи. Большая часть этихъ сочиненій принадлежитъ къ фантастическому роду. Въ нихъ читатель дѣлается похожимъ на большого малютку, который вечеромъ, въ постель своей, пьетъ бузинный чай, смотритъ на дво чайника, и видитъ, что тамъ растутъ вѣточки, шевелются, наконецъ выростеть деревцо, на верху котораго появляется маленькая старая женщина; (*Flieder Mutterchen*, — заглавіе разсказа); онъ слушаетъ исторіи этой старухи и другіе разсказы, сдѣланные одинъ съ другимъ. Сонъ-ли это? разсказъ-ли это? читатель, какъ больной ребенокъ, не знаетъ этого! Нерѣдко онъ находится въ срединѣ этого фантастическаго міра, самъ не зная, какъ попалъ туда, и когда, наконецъ, дѣйствующія лица выходятъ изъ магическаго круга, онъ остается оглушеннымъ, какъ-будто-бы съ нимъ самимъ случились эти странныя происшествія, — такъ увлекательно искусство разсказчика. Нерѣдко разсказъ принимаетъ форму эпического аполлога, на манеръ французскихъ аполлоговъ. Таковъ напримѣръ прекрасный разсказъ *Елка*, который начинается книга Андерсона.

Молодая елка, въ прекрасномъ лѣсу, ласкаемая тихимъ вѣтромъ и солнечными лучами, окруженная подругами однихъ съ нею лѣтъ, любимая дѣтьми, приходящими восходить подъ ней и поиграть, не наслаждается ни одною изъ этихъ выгодъ: ее мучитъ честолюбіе, она хочетъ поскорѣе вырости. Она слышитъ, какъ говорятъ о большахъ соснахъ, что онѣ пробѣгаютъ моря, гордо красуются на корабляхъ, обь елкахъ, богато украшенныхъ на праздникъ Рождества и блестящихъ тысячу свѣчей. Ея честолюбіе удваивается, мучить ее; наконецъ оно удовлетворено.

Наканунѣ Новаго-Года она видитъ себя во всемъ блескѣ своей славы, увѣренная, что приготовленія къ празднику дѣлаются собственно для нея, и что веселые крики дѣтей прославляютъ только ее.

На другой день на нее уже мало обращаютъ вниманія. Черезъ нѣсколько дней она уже надобла; ее относятъ въ самый темный уголъ сѣра, и только одні мыши посѣщаютъ ее, пока на ней есть еще кой-какіе остатки ея величія. Наконецъ, совершенно оставленная всеми, она вспоминаетъ объ лѣсахъ, чистомъ воздухѣ, солнцѣ, гнѣнн птицъ,

играхъ дѣтей. Въ одинъ день ее переносятъ на дворъ; безъ сомнѣнiя она увидитъ снова свой лѣсъ, потому-что все еще считаетъ себя незабытою. Она вдыхаетъ въ себя снова воздухъ, снова чувствуетъ влiянiе солнца; она повѣснѣетъ, когда придетъ весна. Но теперь еще зима: дѣти, которыя когда-то прыгали около вышней елки, сѣются надъ ея безобразiемъ; она жалѣетъ теперь уже о темномъ углѣ сараи и посѣщенiи мышей. На ней осталась одна пожелтѣлая бумажка отъ всего прежняго богатства; бойкий мальчикъ обрываетъ и этотъ единственный остатокъ ея украшенiй. Вскорѣ ее берутъ, раскалываютъ на небольшiя полѣнья и зажигаютъ ихъ; трескъ бѣдной елки въ огнѣ — ея предсмертный плачь.

Вотъ канва разсказа, превосходно написаннаго. Подробности самыя граціозныя, наивность, сочувствiе природѣ, философія, безъ приготовительныхъ умствованiй, живописность сценъ, безпреставно смѣляющiяся, составляютъ въ маленькой рамкѣ превосходную картину.

Въ 1850 году появилась красивая небольшая книга, съ таинственнымъ заглавiемъ *Разсказы лѣса*. Шесть изданiй въ-продолженiе восемнадцати мѣсяцевъ, безъ сомнѣнiя, показываютъ успѣхъ книги. Успѣхъ этотъ подтвердился и критикою.

Пюглицъ, авторъ этой книги, смотритъ на мiръ съ поэтической точки зрѣнiя; такова напримѣръ картина лѣса, спокойствiе котораго прерывается только шумомъ бѣгущаго потока, разбивающагося о камни и древесныя корни съ тихимъ журчанiемъ; потокъ этотъ то блеснитъ отъ лучей солнца, то затемняется облаками и тѣнiю деревьевъ: онъ отражаетъ дрожащiя изображенiя предметовъ, смотрящихся въ него. Ни малѣйшiй звукъ не прерываетъ этого молчанiя. Кто хоть разъ въ жизни не наслаждался такими картинами? Кто не былъ тронутъ въ это время какинъ-то священнымъ чувствомъ? Все такъ спокойно кругомъ, все такъ торжественно! Даже дикiе звѣри дѣлаются спокойнѣе и кротче; охотникъ испытываетъ здѣсь таинственный трепетъ, невѣдомую прелесть; ложась на траву, онъ забываетъ свою страсть и приходитъ въ гармонiю съ общимъ спокойствiемъ. Не менѣе прелезательными красками описанъ таинственный источникъ лѣснаго ручейка и его бѣгъ, полускрытый отъ взоровъ. У автора растенiя имѣютъ свою жизнь, свои удовольствiя, свои страданiя; цвѣты свою привязанность и свою любовь; поэтъ понимаетъ ихъ нѣмой языкъ; онъ ихъ истолкователь.

Пюглицъ подарилъ публикѣ еще другимъ сочиненiемъ *Ein Märchenstrauss* (букетъ разсказовъ), въ которомъ говорить о цвѣтахъ, деревьяхъ и яшюцахъ.

Разсказовъ этихъ четыре.

Отъ этого рода разсказовъ авторъ переходитъ къ мифологiи сильфовъ. Въ *Лѣсномъ ручейкѣ* отъ поэзiи природы и ея таинствъ онъ переходитъ къ вымышленному разсказу.

Нѣжная сильфидка, любимица Титаниа, царицы сильфовъ, перебирала, сидя на легкомъ облачкѣ, драгоцѣнные камни своей госпожи. Она вынула изъ одного ящика жемчужное ожерелье и начала его рассматри-

вать. — Это слезы моря, говорила Титанія, украшенія, которыя я предпочитаю. Море не проливаетъ слезъ наружу; оно заключаетъ ихъ въ своей груди, и за этими слезами отправляются водолазы, рискуя жизнью. Жемчужины эти тверды, но въ нихъ матовой красотѣ они похожи на глаза, покрытые слезами; жемчужина не блеститъ на солнцѣ, какъ драгоценный камень, который заимствуетъ свой блескъ извнѣ: слезы моря заключаетъ въ самой себѣ то, что составляетъ ея цѣну. Между тѣмъ какъ молодая сильфида держала это ожерелье, Путь, насмѣшливый сифъ, перерѣзалъ нитку, и жемчужины рассыпались по облаку, а потомъ скатились на землю. Сильфида бросилась собирать жемчужины, разсыпанныя въ травѣ и на цвѣтахъ. Вскорѣ она замѣтила, что это не были слезы моря, но слезы цвѣтовъ — роса. Она увидѣла также другія перлы, повисшія на рѣсницахъ одной матери, наклоненной надъ умирающей дочерью; потомъ слезы любви, потомъ цѣлую коллекцію разнообразныхъ слезъ; потому-что людскія слезы не рѣдко текутъ ручьемъ, источникъ котораго находится въ сердцѣ; печаль, тоска, не рѣдко радость рождаютъ ихъ. Собравъ всѣ эти слезы, сильфида увесла въ воздухъ своей отяжелѣвшей ящичекъ: слезы людскія тяжелы! Но по повелѣнію своей госпожи, она высыпала свой ящичекъ въ глубину лѣса между благоухающими растеніями. Эти слезы образовали источникъ; они остались тѣмъ же, что были, но только потекли внизъ.

Одно преданіе рассказываетъ Ель, мрачная по природѣ и щетинистая. Картина зимы, въ ея сѣверной жилищѣ, составляетъ предметъ ея легенды, на который она обращаетъ вниманіе окружающихъ ея деревьевъ и цвѣтовъ. Она передаетъ исторію времени года. Соединенныя сначала, они скорѣ поссорились и раздѣлили землю между собою. Зима поселилась на двухъ полюсахъ, лѣто въ центрѣ земли, весна и осѣнь заняли остальныя страны. Потомъ, по новому условію, они согласились владѣть землю въ порядкѣ послѣдовательности, кромѣ полюсовъ, оставшихся постоянною резиденціею зимы.

— Откуда можетъ это знать ель? спрашиваютъ тихо кофѣрующіе слушатели. Ель знаетъ это отъ своей родственницы, большой мачты на одномъ кораблѣ сибѣльхъ путешественниковъ. Мачта эта хорошо изучила страны гиперборейскія, потому-что корабль въ продолженіе долгаго времени былъ затертъ льдами; экипажъ, доведенный до крайности, хотѣлъ срубить мачту, сдѣлавшуюся бесполезною, чтобы съечь ее и хоть нѣсколько защититься отъ холоду. Но по просьбѣ ели, зима дала свободу кораблю, и спасла жизнь странствующему дереву. Зима любитъ ель и плющъ, которые, сохраняя свою зелень въ то время, когда другія растенія ея линаются, одни украшаютъ зиму.

Страницы серозныя и страницы, гдѣ видна истинная грусть превосходятъ въ этихъ разсказахъ нѣста, написанныя шутливыми тономъ.

Точно такъ какъ Пютлицъ изобразилъ разговоры лѣса, графиня Агнеса Шверинъ передаетъ тайны птицъ, прислушавшись къ ихъ разговорамъ.

Въ одно прекрасное утро она удаляется изъ города, отъ жилищъ, отъ шума людскаго, и переноситъ въ лѣсъ свое чувствительное и непо-

ятое сердце. Весна уже давно прошла, лето кончилось къ осени, множество пожелтѣвшихъ листьевъ разносилось вѣтромъ. Это время года избрала писательница, чтобы представить намъ различные рассказы итннѣ, собравшихся послѣдній разъ передъ разлукою до сѣдующей весны. Все улетаетъ съ приближеніемъ зимы; остается одинъ дроздъ, для наблюденія надъ своими маленькими осиротѣвшими братьями. Чтобы усладить нѣсколько горестъ разлуки, птицы условливаются разсказывать, возмая по очереди, приключенія, которыхъ онѣ были свидѣтельницами въ теченіе лѣта. Онѣ собираются въ кружокъ, на вершинѣ дуба.

Самыя разсказы графини Шверинъ очень занимательны. Господствующій характеръ въ нихъ печаль, гармонирующая съ близостью разлуки; въ нихъ нѣтъ авторъ даже дѣлается мрачнымъ и трагическимъ; ласточка одиночаетъ жванъ одного деревенскаго пастора, у жидица пастора она сама себя гнѣздо. Въ одну ночь, послѣ дѣтлаго вечера, весело проведеннаго семействомъ въ саду, пожаръ истребляетъ алтарь, отъ пламени спасаются только библія и гнѣздо ласточки; во вскорѣ любовь и привязанность прихожанъ вознаграждаютъ потерю добраго пастора.

Кукудиша разсказываетъ исторію одного человѣка, окруженнаго всѣми удовольствіями жизни и потомъ лишившагося всѣхъ своихъ богатствъ и вскорѣ умершаго. Кукудиша имѣетъ нѣкоторое вліаніе на эту бѣснурю кончину. Она, къ которой обращаются влюбленные счастливыя и несчастныя, желающіе узнать: сколько лѣтъ имъ остается жить, не промолвитъ ни одного слова, когда этотъ человѣкъ спрашиваетъ ее. Пораженный этимъ предсказаніемъ, несчастный умираетъ въ самомъ скоромъ времени.

Итннѣ-рассказчицы иногда не принимаютъ участія въ происшествіяхъ, о которыхъ разсказываютъ, но въ другихъ играютъ важную роль. Вотъ лучшій изъ разсказовъ госпожи Шверинъ:

Молодой любовный дроздъ, въ истеріи, желая испытать свои силы, просилъ бесполезно мать, чтобы она взяла его съ собою въ свою экскурсію. Она нашла, что онъ слабъ для путешествія, и поручила ему правленіе лнца, изъ которыхъ вскорѣ должны были вылупиться его братья и сестры. Любовничество увлекаетъ молодость. Однажды, въ отсутствіи матери, дроздъ оставляетъ гнѣздо; онъ летитъ и достигаетъ безъ затрудненія монастыря, мрачными стѣнами котораго онъ нѣрѣдко любовался издали. Чтобы лучше оглядѣться, онъ садится на колоколь, когорый вскорѣ начинаетъ звонить. Звукъ оглушаетъ дрозда, онъ летаетъ вокругъ колокола, замѣчаетъ расщелину въ старой колокольнѣ и прятется въ нее. Только тогда видитъ онъ, что въ колоколь звонитъ блѣдая монахиня, съ большими голубыми глазами, съ незадолголическою улыбкою. Она окончила свою обязанность, приближается къ галлерей колокольни и остается долго неподвижною, съ руками, скрещенными на груди, со взорами, обращенными въ даль, между тѣмъ какъ двѣ крупныя слезы катятся по ея впалымъ щекамъ. Когда она приближается къ итннѣ, та начинаетъ пѣть сладкимъ голосомъ

мелодическіе напѣвы. Монахиня, пробужденная отъ мечтаній, говоритъ жалобнымъ голосомъ дрову: «Видная птичка, что побудило тебя постѣтѣ эти стѣны? что могъ сдѣлать тебѣ свѣтъ? Посмотри, какъ чисто небо, какъ хороша жизнь!... Раздается звукъ маленькаго колокола и заставляетъ вздрогнуть монахиню, и она, поручивъ дрову отвезти поклонъ ея роднымъ и милымъ сердцу, убѣгаетъ во внутренность монастыря.

Съ этого времени птичка думаетъ только о томъ, что видѣла и слышала. Несмотря на выговоръ за первую шалость, дроздъ осмѣливается сдѣлать вторую прогулку; онъ летитъ снова на колокольню. Но вмѣсто знакомой его, онъ видитъ другую монахиню. Онъ улетаетъ въ рощу, за стѣны монастырскія, наслаждается новымъ зрѣлищемъ, разнообразными цвѣтами, примѣчаетъ на берегу ручейка голубой цвѣточикъ, посвященный воспоминанію, срываетъ его и хочетъ летѣть въ материнское гнѣздо; въ это время хоръ меланхолическихъ женскихъ голосовъ привлекаетъ его къ окну одной кельи. Онъ садится на перекладину рамы, и видитъ, что монахиня, стоя на колѣняхъ, поютъ около скромнаго ложа, на которомъ лежитъ въ изнеможеніи та, которая избрала его посланникомъ. Ея вѣки закрыты, руки судорожно прижаты къ груди, блѣдныя губы какъ-будто творятъ молитву. Пѣніе прекратилось. Умиравшая открыла тусклые глаза, она тщетно старается приподняться; послѣднимъ усиліемъ она повернула лицо къ окну и увидѣла птичку; быстрая краска покрыва на время щеки больной. «Ты ли это, мой милый посланникъ? шептала она, голосомъ едва внятнымъ. О, приди ко мнѣ». Ободренный посланникъ подлетѣлъ къ кровати умирающей и положилъ цвѣтокъ на ея грудь. Она схватила его, поцѣловала и провизжала дрожащимъ голосомъ: «Благодарю за это утѣшеніе!» Слезы радости наполнили ея глаза. Въ послѣдній разъ она прижала цвѣтокъ къ сердцу, потому что ея сердце перестало биться. Самое усладительное пѣніе тронутой птички не могло разбудить ту, которой горестъ уснула навсегда. Дроздъ улетѣлъ, увидѣвъ, что кружекъ монахинь окончилъ долгую и теплую молитву.

Роль птицы, въ этой маленькой драмѣ, натуральна и полна граціи. Къ несчастію, рассказы г-жи Шверинъ не всегда остаются въ границахъ простоты и истины.

Обращаемся теперь къ сочиненію, имѣвшему два изданія: это Waldmeisters Brautfahrt. Ein Rhein-Wein und Wandermärchen, von Otto Roquette.

На этотъ разъ передъ нами истинная поэма, какъ до основанія такъ и по формѣ, писанная стихами.

Въ одной части Германіи, преимущественно въ той, которую называютъ Рейнъ, весною наслаждаются шнитткомъ, составленнымъ изъ бѣлаго или краснаго вина, куда кладутъ сахаръ, кусочки апельшиновъ, и некоторые травы, которыя составляютъ определенное время. Выборъ и пропорція составныхъ частей весела важны; главный элементъ этого состава, послѣ вина, это *аспергула* (*aspergula odorata*) со своимъ

ароматическимъ сокомъ. Время года, въ которое этотъ цвѣтокъ бываетъ во всей силѣ, дало названіе напитку Maitrank, майское питье.

Ясменникъ въ Германіи называется Waldmeister, и заглавіе поэмы означаетъ брачное путешествіе, которое Вальдмейстеръ предпринимаетъ на берега Рейна, чтобы взять въ супружество *Цельтъ виноградной лозы*.

На берегахъ Рейна прогуливаются съ важностію два человѣка, одинъ высокій, другой толстый; одинъ профессоръ ботаники, вооруженный своею коробкою; другой, пасторъ Рюдесгейма. Профессоръ понимаетъ молодость и оправдываетъ ее. Недавній поступокъ молодыхъ людей наполнилъ негодованіемъ сердце пастора. Вчера, во время его отсутствія, племянница его Урсула, которой поручено хозяйство, услышала пѣніе странствующихъ студентовъ. Она открыла окно, чтобы ихъ послушать; въ это время канарейка ея вылетѣла изъ окна на ближайшій орѣшникъ; на крикъ дѣвушки студенты входятъ въ садъ и ловятъ птицу. Призательная Урсула приготовляетъ имъ, на скорую руку, въ саду, закуску. Превосходное вино одушевляетъ пѣніе и возбуждаетъ веселость: Урсула уже давно не слыхала ничего подобнаго; но вдругъ она слышитъ голосъ дяди; ей дѣлается дурно. Молодые люди разбѣгаются, смѣясь хоромъ: Во-время этого разсказа профессоръ и пасторъ приближаются къ дому послѣдняго. Профессоръ дорогою собираетъ растенія, которыя укладываетъ въ коробку; между прочими онъ срываетъ пучекъ ясменниковъ. Въ то же время онъ чувствуетъ боль въ рукѣ. Что причиною этого? Крапива-ли, или настѣкомое? онъ не знаетъ.

Въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, поэтъ переноситъ насъ на холмъ, къ развалинамъ монастыря, покрытаго нынѣ тысячами цвѣтѣвъ и растеній. Въ зеленѣющей ихъ тѣни прогуливаются два существа, это служители Вальдмейстера, прибывшаго сюда съ многочисленною свитою, чтобы отдохнуть посреди этихъ развалинъ. Двое прогуливающихся — Базиликъ Можжевельникъ. День клонится къ концу, но Вальдмейстеръ не возвращается, онъ заблудился; безпокойство овладѣваетъ всѣми. Дочка Яшерлицы обѣщаетъ сообщить извѣстіе объ ихъ господинѣ; она слышала голосъ одного молодого человѣка, заблудившагося на берегу Рейна. Она исчезаетъ чрезъ подземный проходъ, и появляется вскорѣ, ведя съ собою за руку Крапиву, — придворнаго шута, который рассказываетъ, что Вальдмейстеръ поконился въ густой зелени, когда какой-то высокій человѣкъ, проходя мимо, наклонился, взялъ его съ другими растеніями и заперъ въ зеленую коробку, повѣшенную у него на шеѣ. Напрасно бросился за похитителемъ Крапива, чтобы освободить своего господина; она могла только отомстить за него, уколовъ сильно руку похитителю. Ужасъ распространился въ свитѣ молодого; бьютъ тревогу; слуги сбѣгаются поспѣшно; блестящія червячки зажигаютъ свѣтильники; почныя бабочки пролетаютъ въ воздухѣ. Поѣздъ двинулся въ путь.

Что-же сдѣлалось съ заключеннымъ въ темницѣ? Стѣсненный, толкаемый грибами, дикимъ цвкоріемъ, тинномъ, *созданными без-*

чувственными и грубыми, надѣдающими ему свою болтовню и любопытствомъ, онъ груститъ и страдаетъ. Между-тѣмъ профессоръ, выпившій напавунъ большое количество вина, пробуждается посреди ночи отъ лихорадки и сновидѣній. Онъ приписываетъ нездоровье содѣйству растений и переноситъ ихъ на окно, которое оставляетъ открытымъ. Въ то же время насѣкомыя толпою стремятся въ комнату и оглушаютъ его своимъ шумомъ. Ботаникъ не можетъ спать и будить Урсулу и пастора; происходитъ всеобщее волненіе, война съ нарушителями спокойствія; насѣкомыя и растенія отомщуютъ за себя; профессоръ погибаетъ, но бойцы также удаются не безъ потери. Освобожденный повелѣваетъ отступать; ему хочется скорѣе прибыть къ мѣсту назначенія.

Видѣть съ нимъ мы летимъ къ невѣстѣ, къ цѣтку виноградной лозы, въ Рюдесгеймъ, гдѣ ея отца окружаетъ блестящій дворъ. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца, отецъ благословляетъ союзъ молодой и прекрасной четы. Вся окрестность торжествуетъ видѣть съ ними. Хоръ человѣческихъ голосовъ присоединяется къ всеобщему концерту и воспѣваетъ радость и удовольствіе; это студенты, пѣсней которыхъ заслушалась хорошенькая Урсула.

Недалеко отъ Рюдесгейма, хозяинъ виноградныхъ холмовъ имѣетъ другую резиденцію, — погребъ Юганисберга. Карлы и гномы, обитающіе въ странахъ подземныхъ, употребляютъ всю дѣятельность для приготовления новаго праздника, который отецъ невѣсты хочетъ дать своимъ гостямъ. Но здѣсь въ то же время готовится ищеніе. Вино Некара представляется собранію и жалуется на людей. Крапива требуетъ также отмщенія за жертвъ, павшихъ во-время ночнаго боя. Съ дѣснаго холма, убѣжища истинной любви, мы переходимъ въ гостиницу на берегъ Рейна.

Небо чисто; луна освѣщаетъ тихими лучами картину счастья; Рейнъ, гордый своими винами, смѣшиваетъ голосъ волнъ съ веселымъ пѣніемъ; соловьи поютъ хоромъ. Блещетъ красотою и остро уміемъ, ему не уступаетъ. Вездѣ царствуетъ радость.

Мы показали читателямъ блѣдный снимокъ съ этой фантастической картины. Поэтъ вставилъ въ рамку фантастическихъ арабесокъ картины природы съ удивительною живостію и прелестію.

Приведемъ теперь, въ заключеніе, послѣдній отрывокъ изъ одной фантастической поэмы, имѣющей уже другое — юмористическое направленіе. Поэтъ охотится въ Париняхъ и рассказываетъ свои фантастическія видѣнія. Переводимъ этотъ отрывокъ почти буквально.

•Какъ уснувшія баядерки, горы трепещутъ въ своихъ утреннихъ бѣло-облачныхъ покровахъ, когда вѣтерокъ на зарѣ приподнимаетъ эти покровы. Но онѣ скоро встаютъ подъ поцѣлуями солнца. Оно свиваетъ съ нихъ послѣдніе покровы и любитъся ими во всей ихъ красотѣ.

На развѣтъ дня отправился я съ Ласкаро на охоту за медвѣдями. Къ полудню-достигли мы «Испанскаго моста». Такъ называютъ мостъ,

ведущій изъ Франціи въ Испанію, за которыми живутъ люди, отстаившіе отъ остальной Европы на тысячу лѣтъ.

На тысячу лѣтъ! Этого много при нынѣшнихъ успѣхахъ образованности.

Мнѣ страшно было переходить въ эту землю изъ любовной жоси Франціи.

Посредя моста сидѣлъ бѣдный испанецъ. Ницета видна была сквозь дыры его плаща; она изображалась въ его взорахъ. Тонкими своими пальцами царапалъ онъ по старой своей гитарѣ. Красная мелодія отражаема была эхомъ пропастей, какъ-будто въ насмѣшку.

Иногда нагибался онъ надъ пропастью и громко хохоталъ. Потомъ принимался опять брянчать съ вступленіемъ и пѣть любовные романы. Я прошелъ мимо и сказалъ самъ-себѣ. Это странно! сумасшедшій сидитъ и поетъ на мосту, ведущемъ изъ Франціи въ Испанію.

Къ вечеру достигли мы до жалкой *посады*, гдѣ на грязномъ бивадѣ дымилась олла-подрида.

Я ѣлъ также *гарбангосы*, толстые и тяжелые, какъ картечи, неудобосваримые даже для нѣмецкаго желудка, вскормленнаго колбасами.

Постель была также хороша, какъ кухня, и была устлана разными животными, какъ перцемъ..

О! насѣкомые! жесточайшіе враги человѣка! Вражда одного изъ нихъ, ползущаго на вашей постелѣ, ужаснѣе гнѣва ста слоновъ.

Надобно позволить кусать себя въ молчаніи—это очень грустно. Еще грустнѣе, если вы раздавите вашего врага. Онъ и по смерти цѣлую ночь будетъ напоминать вамъ о себѣ.

Да! всего ужаснѣе для путешественника — это борьба съ насѣкомымъ, которое вооружено однимъ зловоніемъ...

Самые лучшіе поэты (если между ними есть еще хорошіе) говорятъ: природа прекрасный чертогъ. Солнце, луна и звѣзды—ничто иное, какъ золотыя лампы, повѣшенныя на сводѣ этого чертога. Признаюсь, что ступеньки этого чертога иногда очень неудобны, глѣстницы прересносныя. Эти подъемы, спуски, холмы, овраги, скалы, горы, все это утомляетъ душу и ноги. Подлѣ меня идетъ Ласкаро, бѣдный и длинный, какъ восковая свѣча. Никогда онъ не говоритъ, не смѣется: Ласкаро—умершій сынъ колдуньи. Да! говорятъ, что онъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но что волшебная наука его матери сохранила ему до-сихъ-поръ признакъ жизни.

Эти ужасныя ступеньки чертога! Не понимаю, какъ я сегодня двадцать разъ не споткнулся, не свалился въ бездну, и не сломилъ себѣ шею.

Какъ шумятъ эти водопады! Какъ воетъ вѣтеръ между вѣтлами сосенъ. Облака прорвались вдругъ проливнымъ дождемъ. Какая ужасная погода!... Вблизи озера Гаубе, въ хижинѣ рыбака, нашли мы убьжище и форелей; послѣднія были прекрасны. Старый рыбакъ былъ болѣзнь и расслабленъ. Онъ сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ. Двѣ хорошенькія племянницы ухаживали за нимъ. Онѣ были нѣсколько дранны, какъ фламандки, вырвавшіяся изъ рамъ Рубенса: волосы бѣлыя, глаза голубые и блестящіе; на розовыхъ щекахъ ямки, въ

горькихъ было немного лукавства, формы тѣла твердыя и круглыя, возбуждающія въ то же время страхъ и желанія. Эти добрыя и милыя созданія спорили между-собою: чѣмъ лучше напитокъ своего стараго, большаго даяю. Одна подноситъ ему чашку анисоваго мѣта, другая бузины.

— Я не буду пить ни того, ни другаго, сказалъ старикъ съ нетерпѣнiемъ: принесите мнѣ кружку вина: я хочу попотчевать моихъ гостей.

То ли вино пилъ я на берегахъ озера Гаубе — не знаю. Въ Брауншвейгѣ я подумалъ бы, что это брауншвейгское пиво. Оно было не въ кружкѣ, но въ шкурѣ чернаго козла. Запахъ отъ него былъ самый неблагоговный. Но старикъ пилъ вино съ такимъ удовольствiемъ, что сдѣлался веселъ и почти здоровъ.

Онъ началъ намъ рассказывать о подвигахъ бандитовъ и контрабандистовъ, живущихъ въ Пиринейскихъ лѣсахъ. Онъ зналъ и другія преданія древнихъ новогвнiй, между-прочимъ о битвахъ исполиновъ въ баснословнаго времени Испанiи.

При появленiи людей потомки Геркулеса разбѣжались, пораженные чуждымъ страхомъ, потому-что въ ихъ широкихъ головахъ было мало мозгу. Говорятъ, что эти глупцы, прибѣжавъ на берегъ моря и увидя отражающiйся въ водѣ сводъ небесъ, вообразили себѣ, что море тоже небо, и въ полной довѣренности брооылись въ море и утонули.

Такимъ-то образомъ, продолжалъ старiй рыбакъ, все на землѣ мѣняется; прежде были на ней великаны, потомъ теперiшнiе люди, наконецъ владычество перейдетъ къ карликамъ, къ этимъ маленькимъ и китрымъ микроскопическимъ гномамъ, которыя живутъ подъ горами и накопляютъ себѣ огромныя богатства, груды золота и серебра.

— Я часто видѣлъ ихъ при свѣтѣ луны, когда они всматриваются въ движенiя людей, высовывая изъ развалинъ земли свои маленькiя головки.

Воды глубокаго озера покоятся въ темной чашѣ скалъ. Блѣдныя лица неодолимо смотрятъ съ высотъ небесъ. Ночь и молчанiе!

Молчанiе и ночь! Весла лодки то поднимаются, то опускаются. Вода таинственно журчитъ подъ лодкой. Племянницы рыбака везутъ насъ вѣсто его. Онѣ гребутъ легко и прiятно. Иногда, въ темнотѣ, при свѣтѣ звѣздъ, блестятъ ихъ обнаженныя сильныя руки, ихъ большiе голубые глаза.

Послѣ меня сядетъ Ласкаро, блѣдный и безмолвный, какъ всегда. Какой-то холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ. Чтѣ если онъ въ-самомъ-дѣлѣ мертвецъ? Да и самъ я ужъ не умеръ-ли, и вотъ плыву въ обществѣ привидѣнiй, въ печальное царство тѣней.

Это озеро, не Стиксъ-ли, катящiя черныя волны? Вѣсто Харона не послала-ли Прозерпина своихъ субретокъ, чтобъ проводить меня?

Нѣтъ! я еще не умеръ, не похороненъ. Въ глубинахъ моей души чувствую я, что пламя жизни горитъ и трепещетъ.

Нѣтъ! эти молодыя дѣвушки, которыя такъ весело управляютъ веслами, и нарѣдка брызжутъ на меня водою, эти рѣзвыя и веселыя созданія—эти свѣженькiя личики, вѣрно не адскiя привидѣнiя, не служанки Прозерпины.

Когда мы доѣхали до противоположнаго берега, я обнялъ еще разъ обѣихъ дѣвушекъ. Другой платы онѣ никакъ не хотѣли принять отъ меня.

Фиолетовыя вершины горы рисуются на золотистомъ полѣ солнечнаго сіянія. Какъ птичье гнѣздо прижалась деревня къ склону горы. Когда я вскарабкался въ эту деревню, всѣ старые жители были на работѣ, только дѣти сидѣли дома; безкрылыя птенцы не могли еще летать.

Маленькіе мальчики и красивыя дѣвочки собрались на деревенскую площадь, и закутавшись въ свои бѣлыя или красныя шерстяныя кашшоны, играли какую-то комедію.

Я цѣлый день пробылъ съ этими дѣтьми. Мы разговаривали чрезвычайно откровенно. Они хотѣли знать, кто я и что дѣлаю на свѣтѣ.

Милыя дѣти, отвѣчалъ я имъ. Я родился въ Германіи, и пристрастился къ охотѣ. Миѣ наскучило дома и я пришелъ сюда искать медвѣдей. Когда я сталъ приготовляться къ отправленію въ дальнѣйшій путь, — все молодое поколѣніе собралось вокругъ меня, и начало пѣвать хоромомъ, припѣвая: *жирофле, жирофла*.

Потомъ самая маленькая изъ дѣвочекъ подошла ко мнѣ сдѣлала три, четыре граціозныхъ реверанса, и запѣла прекраснымъ тоненькимъ голоскомъ.

— Если мнѣ встрѣтится чужой человекъ— я ему присяду два раза, если жена его,—то три.

— Но если мнѣ попадается звѣрь съ рогами, я ему присяду два, три, четыре раза.... *жирофле, жирофла*.

Послѣднія слова были повторены всѣмъ дѣтскимъ хоромъ, который, вертѣсь около меня, едва не сбилъ меня съ ногъ.

И откуда я спускался съ горы въ долину, дѣтскій припѣвъ все еще слышался мнѣ, какъ легкое щебетаніе птицъ. *Жирофле! жирофла!...*

Гигантскія скалы, уродливыя и безобразныя окружаютъ меня. Миѣ кажется, что вокругъ меня стоятъ окаменѣлыя чудовища.

Странно! Сѣрыя облака колышутся у ногъ моихъ, и отражаютъ фантастическія изображенія скалъ. Вдали реветъ водопадъ, и вѣтеръ воетъ между елей. Этотъ шумъ ужасенъ и неумолимъ какъ отчаяніе. Печальное удивленіе! Стая черныхъ вороновъ спускается на сожженныя и гнѣющія сосны, и машетъ своими безсильными крыльями.

Ласкаро слѣдуетъ за мною, также блѣденъ и молчаливъ. Мы съ нимъ похожи на старую гравюру Алберта Дюрера, которая представляетъ смерть, сопровождающую сумасшедшаго рыцаря.

Ужасная и печальная страна! Миѣ кажется, я вижу кровь у корней этихъ увядающихъ деревьевъ.

Она прикрываетъ хижину, которая сама какъ-бы отъ стыда, до головы зарывается въ землѣ. Эта бѣдная лачужка, кажется, умоляетъ васъ о чемъ-то и смотритъ на васъ со страхомъ.

Обитатели этой хижины—идіоты. Это остатки поколѣнія, которое доживаетъ во мракѣ послѣдніе дни своего печальнаго существованія.

Ласкаро остановился у двери хижины, когда я вошелъ въ нее. Я

дружески протянулъ руку бѣдному идиоту, брату моему по человечеству.

Я обнялъ даже дитя его, которое жадно сосало грудь матери.

Посмотри на вершины горъ, какъ онѣ блестятъ при зарѣ, на закатѣ солнца, пурпуромъ и золотомъ, какъ вѣщицы.

Но подойди ближе, и все это очарованіе исчезнетъ. Здѣсь, какъ и при нѣкоторыхъ величественныхъ картинахъ природы, человѣкъ находится подъ вліяніемъ оптического обмана.

То, что тебѣ казалось пурпуромъ и золотомъ, былъ свѣтъ, освѣщенный солнцемъ, холодный, замерзлый свѣтъ, которому скучно въ пустынѣ.

Бѣдный свѣтъ вздыхалъ и стоналъ на вершинѣ; онъ рассказывалъ непостоянному и безчувственному вѣтру свою тоску и печаль.

• О! говорилъ онъ, какъ длинно тянутся часы въ этомъ удивленіи, въ этихъ замерзлыхъ горахъ ».

• Бѣдный свѣтъ! еслибъ вмѣсто того, чтобы лежать на высокихъ горахъ, я лежалъ въ долинѣ, гдѣ распускаются цвѣты ».

• Я-бы растаялъ тамъ и образовалъ-бы маленькій ручей, и самая хорошенкая изъ дѣвушекъ въ деревнѣ пришла-бы мыться въ моей водѣ ».

• Можетъ-быть волны мои достигли-бы наконецъ до моря, гдѣ-бы я превратился въ жемчугъ, чтобы наконецъ украсить собою богатое ожерелье ».

Когда я услышалъ эти жалобы, то отвѣчалъ ему: « Бѣдный свѣтъ, сомнѣваюсь, чтобы и въ долинѣ ожидала тебя лучшая участь ».

• Утѣшься! немногія воды дѣлаются на этомъ свѣтѣ жемчужинами; ты-бы могъ пасть на кучу навоза, и смѣшался-бы съ нимъ ».

Покуда я разговаривалъ со свѣгомъ, раздался выстрѣлъ, и черныи ястребъ упалъ изъ облаковъ къ ногамъ моимъ. Это была шутка Ласкаро, шутка охотника, но лицо его все также было серьезно и холодно, только около ружья его разстилася пороховой дымокъ.

Молча вырвалъ онъ перо изъ ястребиаго крыла, воткнулъ въ свою шляпу и продолжалъ свой путь. Ласкаро сдѣлался еще печальнѣе, когда тѣнь его, длинная и черная, съ этимъ развѣвающимся перомъ, двигалась по бѣлому свѣту ледниковъ.

Долина эта была похожа на улицу. Ее называли Оврагомъ Привидѣній. Со всѣхъ сторонъ возвышались крутыя скалы до неизмѣримой высоты.

Тамъ, на крутомъ склонѣ горы, стоитъ хижина Ураки, и насильно смотритъ на долину. Я послѣдовалъ туда за Ласкаро.

На таинственномъ языкѣ знаковъ совѣтовался онъ со своею матерью, какъ-бы намъ заманить и убить хорошаго медвѣдя.

Дѣйствительно-ли эта старая Урака отличнѣйшая колдунья, изъ всѣхъ вѣдьмъ, живущихъ на Пиринейхъ,—я не могу за это ручаться. Знаю только то, что видъ ея ни мало не внушаетъ довѣренности.

Красныя глаза ея плачутъ самымъ подозрительнымъ образомъ. Видѣть ея косою и злою. Говорятъ, что этотъ взглядъ, брошенный на вѣдьму, лишаетъ ихъ послѣдняго молока.

Увѣряютъ даже, что она не разъ умерщвляла жирныхъ свиней и даже самыхъ здоровыхъ быковъ, поглотивъ ихъ только костлявою рукою.

Не разъ была она обвиняема въ колдовствѣ. Обвинители колдуны были осыпаны насмѣшками.

Официальное ремесло Ураки самое честное. Она продаетъ горные травы и чучелы птицъ. Въ хижинѣ ея цѣлая коллекція натуральной исторіи. Запахъ бѣлены, одуванчиковъ и папоротниковъ составлялъ довольно тяжелую атмосферу.

Коллекція птицъ съ распростертыми крыльями и огромными клювами была весьма занимательна. Наркотическій запахъ растений дѣйствовалъ на мое воображеніе, и видъ этихъ птицъ производилъ на меня самое странное впечатлѣніе.

Всѣ эти чучелы смотрѣли на меня пристально, печально, съ какими-то нетерпѣніемъ. Иногда казалось мнѣ, что они взглядывали на Ураку изъ подлобья и съ ужасомъ. Но Урака сидитъ съ сыномъ у камина. Они топятъ свинецъ и льютъ пули. Иногда она шепчетъ и дѣлаетъ знаки сыну, но тотъ продолжаетъ работу, вѣной и холодный, какъ мраморъ. Эти пули должны убить медвѣдя. Пламя камина озаряетъ лицо колдуньи. Она шевелитъ иссохшими губами, но не произноситъ никакого звука. Она нашептываетъ магическія слова надъ пулями, для того, чтобы онѣ вѣрно попадали въ цѣль.

Странный холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ; я подошелъ къ окну, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и взглянулъ внѣзъ на долину.

Было около часа за полночь, и то, что я увидѣлъ тогда, вы узнаете изъ слѣдующей строфы.

На небѣ сіяла полная луна. Это было наканунѣ Иванова-дня: волшебная охота спускается въ эту ночь въ Оврагъ Привидѣній. Изъ окна колдуньи Ураки могъ я хорошо рассмотреть кавалькаду привидѣній, несущихся по этому оврагу. Мѣсто зрѣлища было очень выгодно, и я прекрасно могъ видѣть этотъ шумный праздникъ.

Галло! Гусса! Криви охотниковъ, щелканье бичей, ржаніе коней, лай собакъ, звуки роговъ, громкій хохотъ, все это вмѣстѣ гремѣло такъ весело.

Впереди, авангардомъ бѣжали дикіе странные звѣри, олени и вопры, за ними летѣла стая псовъ.

Охотники собрались изъ разныхъ странъ, и отдаленныхъ временъ. Ассиріянинъ Невродъ вѣхалъ на бѣломъ конѣ; за нимъ бѣжали египтяне, держа въ рукахъ своры, и слуги къ факелами. Многихъ узналъ я въ этой ужасной толпѣ. Этотъ рыцарь въ золотой бронѣ долженъ былъ Аргусъ.

Вотъ и Ожье—Датчанинъ, носившій блистательную зеленую кольчугу, въ которой онъ похожъ былъ на лягушку.

Я увидѣлъ между охотниками многихъ героевъ мысли, побитыхъ охоты. Вотъ Вольфгангъ Гёте, съ его свѣтлымъ и спокойнымъ взглядомъ.

Было много и женщинъ въ этой безудной кавалькадѣ, это были прелестныя нѣмы съ стройнымъ станомъ и пламенемъ во взорахъ.

Онѣ сидѣли верхомъ на коняхъ, какъ древнія амазонки, длинныя ихъ волосы, распущенныя по вѣтру, развивались позади ихъ какъ широкіе плащи. На головахъ у нихъ были вѣнки изъ цвѣтовъ; почти опрокинувшись назадъ, летѣли онѣ на коняхъ своихъ.

Подлѣ нихъ скакали дѣвцы, сидѣвшія по дамски, скромно, одѣтыя, съ соколами на рукахъ. Позади, какъ-будто въ видѣ пародіи, скакали на тощихъ влячахъ, толпы женщинъ, одѣтыхъ въ театральные костюмы. Лица ихъ были удивительно хороши. Какимъ весельемъ гремѣла эта охота! Звукъ роговъ, хохотъ, ржаніе коней, лай собакъ, шелканье бичей.... Галло! Гусса!

Изъ всей охоты отдѣлялись три фигуры удивительной красоты. Иногда не забуду я этихъ трехъ амазонокъ. Первую легко можно было узнать, по ноумѣсяцу, блестящему на головѣ ея. Гордая, какъ прекрасная статуя, богиня охоты быстро неслась впередъ, приподнятая тушка въ половину только закрывала грудь ея и верхнюю часть ноги до колѣнъ; отблескъ факеловъ и луны роскошно отражался на прелестныхъ чертахъ богини.

Лицо ея было бѣло, какъ снѣгъ или мраморъ, но также холодно, какъ мраморъ. Неподвижность и блѣдность благородной и суровой ея наружности заставляли невольно содрогаться.

И однакоже, въ глубинѣ черныхъ глазъ ея блисталъ ужасный огонь, сладостный и коварный, который ослѣпляетъ и сожигаетъ.

Она вовсе не похожа теперь на ту Діану, которая превратила Актеона въ оленя и велѣла его разорвать своимъ собакамъ. Не за это ли преступленіе осуждена она скакать въ шумной охотѣ, какъ простое земное привидѣніе?

Подлѣ нея видѣлъ я красавицу, черты которой не имѣли греческаго тѣла, но отличались граціозной наивностью кельтической породы. Это была фея Габонда, которую я тотчасъ узналъ по прелестной улыбкѣ и сладковзвучному голосу. Лицо у ней было круглое и розовое, какъ грѣзова картинка, носикъ вадернутъ, ротикъ маленькій и полуоткрытый, зубы удивительной бѣлизны.

На ней развивался голубой шелковой пеньюаръ, по временамъ поднимаемый вѣтромъ. Въ самыхъ роскошныхъ снахъ моихъ я никогда не видѣлъ такой красавицы.

Я чуть не выскочилъ въ окно, чтобы поцѣловать ее; это мнѣ дорого обошлось бы, потому что я сломилъ бы себѣ шею, падая со скалы. Она бы только засмѣялась, когда бы окровавленный я упалъ къ ногамъ ея. Да! я знаю, что значитъ смѣхъ женщины. Кто же была третья женщина, такъ глубоко тронувшая душу мою? Неужели такой же духъ, какъ и двѣ первыя. Я не знаю, была ли она добрымъ или злымъ духомъ. У женщинъ никогда не узнаешь, гдѣ оканчивается добрый духъ и начинается демонъ.

Бѣдное и пламенное лицо ея дышало всею нѣгою востока. Богатая одежда ея напоминала султаншу Шехеразату. Мягкія губы были

похожи на гранаты, носъ нѣсколько сторблѣтъ, члены гибки и роскошны, какъ пальма оависа.

Она сидѣла на конѣ, золотые поводья котораго держали два негра, бѣжавшіе подлѣ нея.

Она была дѣйствительно султанша, жена одного восточнаго владѣтеля. Арабское преданіе говоритъ, что она погубила однажды великаго дервиша явившагося проповѣдовать ученіе Магомета при дворѣ ея мужа. Преданіе сохранило страшные рассказы о злодѣйствахъ этой женщины.

Когда она скакала мимо меня, то кивнула мнѣ головою съ такою кокетливостію, что я задрожалъ. Три раза кавалькада пронеслась мимо меня въ бѣшеномъ галопѣ, и трижды кланялось мнѣ прекрасное привидѣніе.

Охота уже исчезла вдали, шумъ умолкъ, а поклонъ этотъ все еще бродилъ въ моей головѣ. И цѣлую ночь я ворочался на соломѣ, потому-что у колдуньи Ураки не было другой постели. И я все говорилъ самъ себѣ: «Что значить этотъ таинственный знакъ головою? Отчего ты такъ вѣжно посматрѣла на меня прекрасная женщина?»

Солнце встаетъ и бросаетъ въ облака золотыя стрѣлы; облака принимаютъ отъ этого красный цвѣтъ какъ-будто они были равены, и потомъ испаряются въ солнечномъ блескѣ. Наконецъ борьба прекращается, и день торжествуетъ, ставъ блистательною стоною на темъ горѣ.

Птицы громко защебетали въ своихъ гнѣздахъ, запахъ растений понесся къ небу атмосферой благоуханій.

При первыхъ лучахъ солнца, мы спустились въ долину, и покуда Ласпаро отыскивалъ слѣдъ медвѣдя, я остался одинъ, скучный и усталый.

Скучный и усталый сѣлъ я на мягкую скамью изъ мха. Это было подъ большимъ дубомъ, на берегу маленькаго ручейка, журчаніе котораго навело на меня сладкую задумчивость.

Я страстно полюбилъ въ эту минуту мнръ фантазій, смерть и бредъ и тѣхъ предельныхъ амазонокъ, которыхъ ночью видѣлъ на охотѣ.

О вы! тихія ночныя видѣнія, пугающіяся денницы, скажите, куда вы скрылись? гдѣ бываете вы въ-продолженіе дня?

Говорятъ, что Діана удалилась въ развалины какого-то древняго храма въ Романіи.

Только во мракѣ полуночи осмѣливается она предаваться удовольствію охоты, съ тѣми, которые вмѣстѣ съ нею осуждены на это.

Прекрасная фея Габонда скрывается также днемъ и прячется на счастливомъ островѣ Авалуи, такъ хорошо описанномъ въ сказкахъ.

Этотъ островъ далеко отсюда. Онъ лежитъ въ тихомъ океанѣ фантастической географіи. Къ нему иначе нельзя пристать, какъ прилетѣвши на крылатомъ конѣ. Тамъ не знаютъ никакихъ заботъ, ни одинъ парохоль не привозитъ туда цѣлаго груза зѣвакъ, съ трубками и сигарами во рту.

Нѣтъ тамъ ни шума, ни выстрѣловъ, ни боя; все терпѣть не могутъ всей этой трескотни.

Тамъ царствуетъ одно веселье; всѣ жители молоды и между ними живеть всегда бѣлокурая фея Габонда.

Тамъ, водъ тѣнью тропическихъ цвѣтовъ прогуливается она съ толпой паладиновъ, которыхъ похитила изъ здѣшняго міра.

А гордая султанша? гдѣ она? О! я знаю! ты умерла! ты похоронена гдѣ то далеко на востокѣ. Днемъ ты спишь въ своей мраморной гробницѣ, крѣпкимъ сномъ мертвецовъ, но въ полночь ты просыпаешься при звукахъ роговъ.

Аргонавты безъ корабля, пускающіеся въ горы пѣшкомъ и ищущіе не золотого руна, а медвѣжьей шкуры, — мы вовсе не древніе герои, и никто изъ классическихъ поэтовъ не воспоетъ насъ въ эпической поэмѣ.

И однако-жъ, сколько мы перенесли. Какой дождь засталъ насъ на вершинѣ горы, гдѣ не было ни одного дерева, ни одного извощника.

Это былъ настоящій водопадъ, лившійся на землю волнами. Вѣрно Язонъ въ Колхидѣ не испыталъ подобной души. «Я-бы отдалъ всю генеалогію тридцати-шести германскихъ героевъ за одинъ зонтикъ!» вскричалъ я, когда вода текла съ меня ручьями. Изнемогая отъ усталости, въ самомъ дурномъ расположеніи духа и промокшіе до костей, мы воротились довольно поздно ночью къ колдунѣ.

Урака, сидя у огня, собиралась чесать своего пуделя; увидя насъ, она его отпустила, и занялась нами. Она постлала мнѣ солому, развязала мои эскадрильи, эту романтическую и бессмысленную обувь.

Даже панталоны мои прилипли къ моему тѣлу, какъ притязательная дружба.

Я опять вскричалъ, что готовъ отдать генеалогію тридцати-шести героевъ за теплый халатъ, потому-что мокрая рубашка дышится на груди моей.

Дрожа и щелкая зубами, я присѣлъ на корточки у огня, потомъ растянулся на солому, почти поджариваемый огнемъ. Но я не могъ заснуть. Полузакрытые мои глаза смотрѣли на колдунью, которая держала на колѣняхъ своихъ голову сына. Подлѣ нея стоялъ пудель и подавалъ ей съ большою ловкостію передними лапами маленькой горшокъ.

Урака взяла изъ этого горшка какого-то краснаго жира, намазала имъ грудь и бока своего сына, и потомъ начала быстро тереть ихъ съ конвульсивными движеніями.

И въ это время она напѣвала и нашептывала какую-то колыбельную пѣсню; огонь въ каминѣ горѣлъ и трещалъ самымъ страннымъ образомъ. Блѣдный и костлявый какъ трупъ, сынъ лежалъ на колѣняхъ матери. Глаза его были неподвижны и страшны, какъ глаза усопшаго.

Какъ страненъ лихорадочный полусонъ! Утомленные члены тяжелы какъ свинецъ, и прикованы къ ложу, но умственная дѣятельность возбуждена какою-то сверхъ-естественною прозорливостію.

Запахъ травъ беспокоилъ меня и днемъ, теперь же ночью, я старался припомнить себѣ, гдѣ я слышалъ этотъ духъ. Вѣтеръ, воюющій въ трубѣ каминна, казался мнѣ стономъ умершихъ душъ. Мнѣ даже казалось, что я узнаю голоса многихъ.

Но величайшимъ мученіемъ моимъ были чучелы птицъ, стоявшіе надъ моею головою. Они тихо махали крыльями, и наклонились ко мнѣ длинными клювами, которые теперь были похожи на человѣческіе носы.

Я гдѣ-то видѣлъ подобные носы... Въ Гамбургѣ или во Франкфуртѣ въ еврейскомъ кварталѣ. Воспоминаніе это ужасало меня. Наконецъ сонъ совсѣмъ овладѣлъ мною. Сонъ безъ лихорадочныхъ видѣній, сонъ настоящій, точный, живой и пластическій, какъ всѣ мои сны.

Вмѣсто тѣсной хижины волшебницы, я былъ въ бальной залѣ, подпертой колоннами и освѣщенной тысячею жирандолей.

Невидимые музыканты играли восхитительной танецъ изъ «Роберта»; я гулялъ одинъ по залѣ. Вдругъ дверь настежъ открылась, и торжественнымъ маршемъ начали входить самыя странныя гости. Все медвѣди и привидѣнія. Стоя на заднихъ лапахъ, каждый медвѣдь велъ замаскированное привидѣніе, окутанное въ бѣлое покрывало. Потомъ они начали попарно вальсировать; это было прелюбопытное зрѣлище, отъ котораго надобно было хохотать, или трепетать. Медвѣди, со всею медвѣжьєю ловкостью, едва могли успѣвать за своими бѣлыми танцовками, которыя кружились съ быстротою вѣтра. Бѣдныя животныя почти задыхались, и прерывистое ихъ дыханіе почти заглушало басы оркестра.

Иногда пары сталкивались, и медвѣдь давалъ тогда нѣмъ-то тому привидѣнію, которое его толкнуло.

Иногда также, въ жару танца, медвѣдь нечаянно срывалъ покрывало съ головы своей танцовки, и обнажалъ ея голову.

Наконецъ, при оглушительныхъ аккордахъ чудовищнаго оркестра, начался галопъ.

Но я не видѣлъ конца бала. Какой-то неучъ медвѣдь наступилъ мнѣ на носъ, я вскрикнулъ и проснулся.

Фея въ воздушномъ свѣтѣ тильбурнъ ногомъ ступила на лодыжки. Онъ совершилъ уже половину своего пути.

А я все еще спалъ и видѣлъ по снѣ медвѣдей и скелетовъ, снѣтавшихся въ самыя фантастическія арабески.

Былъ полдень, когда я проснулся. Я былъ одинъ, хозяинка моя и Ласкаро рано поутру пошли на охоту. Въ хижинѣ оставался одинъ пудель колдуни. Онъ стоялъ передъ каминомъ, у каковаго-то котла и въ одной лапѣ держалъ ложку. Онъ былъ прекрасно дрессированъ. Какъ скоро супъ вскипалъ, пудель тотчасъ же снималъ пѣну и мѣшалъ. Но, не смодловалъ-ли я? или лихорадка все еще волнуетъ мое воображеніе? Я не вѣрю ушамъ своимъ! Собака начинаетъ говорить.

Да! она говоритъ по нѣмецки. Въ выговорѣ ея замѣтно даже швабское нарѣчіе. Погруженный въ размышленіе, пудель говоритъ слѣдующее.

«Не несчастливѣйшій-ли я мѣжь всѣхъ швабскихъ поэтовъ! Я долженъ извѣщать на чужбинѣ и караулить котель колдуни.»

«Какая это ужасная наука — колдовство! Какъ печальна моя участь! Чувствовать какъ человѣкъ и быть въ собачьей шкурѣ!»

«Ахъ! еслибы я остался на родинѣ, между поэтами нашей школы! Они не колдуны и никого не могутъ очаровать.

«Еслибы я остался на родинѣ, подлѣ Карла Мейера, близъ голубыхъ нашихъ незабудочекъ, близъ родныхъ нашихъ суповъ съ клѣтками.

«Теперь я умираю отъ тоски по родинѣ. Еслибы я могъ видѣть хотя дымя, поднимающійся изъ трубъ Штутгарда, когда въ немъ готовятъ родную намъ кислую капусту.» Когда я услышалъ эти слова, я былъ растроганъ до глубины сердца, вскочилъ съ своей постели, сбѣгъ у камина и съ состраданіемъ сказалъ ему.

— Бѣдный бардъ Швабин! Какая судьба привела тебя въ хижину этой колдуньи? За что она превратила тебя въ собаку.

— Такъ вы не французъ! вскричалъ пудель съ радостью. Вы немецъ и повяли мой монологъ.

«Ахъ! добрый и любезный мой соотечественникъ. Какое несчастіе, что пивоваръ Келле, когда мы бывало спорили съ нимъ въ трактирѣ за кружку пива и трубкою табачу, никогда не хотѣлъ отступиться отъ своего мнѣнія.

«По его словамъ только путешествіе могло довершить образованіе молодого человѣка, въ чемъ онъ и выставлялъ себя прищѣромъ.

«Я повѣрилъ ему, и чтобы сбросить съ себя родную кору и надѣть, какъ Келле, одежду свѣтскости, я оставилъ отечество, и во-время моего путешествія, пріѣхалъ на Пириней, въ хижину Ураки.

«У меня было къ ней рекомендательное письмо отъ Кернера. Я совсѣмъ забылъ, что другъ мой знакомъ со всѣми старыми колдуньями. Меня приняли здѣсь очень хорошо; но къ величайшему моему ужасу, дружба Ураки превратилась вскорѣ въ нѣжную страсть ко мнѣ.

«Напрасно я твердилъ ей, что я не изъ легкомысленной школы Гёте, а принадлежу къ школѣ поэтовъ Швабин.

«Что ваша муза самой чистой нравственности, что у другихъ поэтовъ есть умъ, дарованіе, жаръ поэзии, но у насъ, швабскихъ поэтовъ, одна добродѣтель.

«Напрасно повторялъ я ей все это! Старуха иронически улыбалась, взяла въ руки волшебную палочку и дотронулась до моей головы. Вдругъ со мною сдѣлалась дрожь, я сталъ ежиться, сгибаться, и превратился, какъ видите, въ этого пуделя.»

Бѣдный, какъ онъ рыдалъ! Я думалъ, что онъ въ буквальный смыслъ разольется слезами,

— Послушайте, сказалъ я ему съ участіемъ, не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для вашего освобожденія изъ собачьей шкуры и для возвращенія васъ поэзии и человечеству?

Но онъ въ отчаяніи протянулъ ко мнѣ свои лапы и посреди вздоховъ и рыданій отвѣчалъ мнѣ:

«Волшебный приговоръ осудилъ меня на вѣкъ пробовать въ этой шкурѣ, если великодушная дѣва не избавитъ меня отъ заклинаній колдуньи. Да! избавительница моя должна быть добродѣтельнымъ дѣвомъ; кромѣ того, въ продолженіе цѣлой ночи Смѣеострова-дня она должна читать стихи Густава Пенцера, и не заснуть. Если она не заснетъ»

и не закроеть своихъ цѣломудренныхъ рѣсницъ, то очарованіе разрушено и я опять сдѣлаюсь человѣкомъ.

— Въ такомъ случаѣ отвѣчалъ я, я не могу спасти васъ, во-первыхъ потому, что я не дѣла съ цѣломудренными рѣсницами. И вторыхъ потому, что я былъ бы не въ состояніи читать стихи Пенцера и не заснуть въ ту же минуту.

Парижанка женщины. — Голубая фея слетѣла однажды на землю съ самымъ прекраснымъ намѣреніемъ. Она хотѣла раздать земнымъ женщинамъ всѣ дары красоты и любезности. На зовъ ея сошлись женщины всѣхъ странъ. Она сказала имъ:

— Я хочу васъ одарить, мои милыя, но не равными и одинаковыми качествами, которыя бы произвели между вами скучное однообразіе. Я взяла съ собою множество разныхъ даровъ — и намѣрена надѣлать васъ ими...

Фея вообще не словоохотна; время для нихъ дорого. Голубая фея тотчасъ-же раздала свои дары—и всѣ были довольны ими.

Испанкѣ дала она волосы черные и длинныя, такъ, что она могла сдѣлать изъ нихъ себѣ мантилью.

Итальянкѣ подарила глаза живые и пламенные, похожіе на ночное изверженіе Везувія.

Турчанкѣ полноту, мягкость и круглоту формъ.

Англичанкѣ отблескъ сѣвернаго сіянія на щекахъ и на плечахъ.

Нѣмкѣ сердце чувствительное и полное любви.

Раздавъ такимъ образомъ всѣ дары, фея хотѣла уже улетѣть, вдругъ одна женщина остановила ее и сказала: — А мнѣ развѣ вы ничего не дадите?

Это была *парижанка*.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, моя милая, сказала фея. Дары всѣ розданы; у меня ничего въ запасѣ не осталось. Но постой! Есть средство помочь тебѣ... Вы всѣ, которымъ я роздала дары, вы должны изъ благодарности уступить Парижанкѣ часть ихъ. У васъ ничего не убудетъ отъ этого, а ей вы сдѣлаете большое одолженіе.

Всѣ охотно повиновались приказанію феи. Одна дала часть волосъ, другая цвѣтъ лица, третья веселость и чувствительность, — и вотъ какими дарами обладаетъ парижанка...

Посмотримъ теперь, что каждый отдѣльно думаетъ о парижанкахъ.

Парижская мать думаетъ о своей дочери: «Она гений доброты, демонъ по уму, сокровище для ховяства, совершенство во всемъ. Мужъ ея не достоинъ счастья обладать такою женою.

Обитатель латинскаго квартала думаетъ о парижанкѣ: «Это прелестнѣйшая полькистка въ Прадо и въ Шомьеръ. Это самое любящее существо, которое васъ любитъ, не боится табачнаго дыма, и готово такъ же легко переменить перчатки и покрой платья, какъ забывать обогателей.

Пріѣзжіе иностранцы (кромя Англичанъ) думаютъ, что парижская женщина вполнѣ оправдываетъ владычество парижскихъ модъ надъ Европою,—и что парижанка именно такое существо, о которомъ мечтаютъ въ шестнадцать и вспоминаютъ въ шестьдесятъ лѣтъ.

Англичане думаютъ о парижанкахъ только: goddam!

Мужья парижанокъ думаютъ о своихъ женахъ: «Это подруги жизни, но не подруги сердца; онѣ больше любятъ удовольствія, нежели мужей, бросаются на блескъ и мишуру, не заботясь о нравственности; въ любви онѣ вѣроломны; въ материнской нѣжности неблагограульны».

Официально навѣство о парижанкахъ, что когда дѣло шло о возстановленіи закона объ разводѣ, парижанки очень мало подавали просьбы для поддержанія этого проекта.

Общая исторія воспитанія парижанокъ состоитъ въ томъ, что ее тотчасъ-же послѣ рожденія отдаютъ на руки кормилицъ въ деревню,—и больше уже не думаютъ о ней. Наконецъ, года черезъ два, мужъ припоминаетъ женѣ:

— А что, душенька! Вѣдь у насъ есть дочь, у кормилицы...

— Ахъ, да! Милашка! Пора ее взять. Я на-дняхъ напишу къ кормилицѣ.

Дѣйствиительно, черезъ недѣлю привозятъ какую-то дикарку, которая плачетъ и кричитъ при видѣ отца, и отталкиваетъ ласки матери. Вотъ вступленіе парижанки въ свѣтъ. Но Парижъ скоро образуетъ ее. Мало-по-малу изъ розово-деревенскихъ щекъ дѣлаются блѣдно-матовыя городскія. Дикарка превращается въ любопытную дѣвушку съ тонкими ощущеніями приличія, любезности и кокетливости.

До событія 1789 года, среднее сословіе парижанокъ образовалось только по навыку и приѣму съ другихъ. Но немногіе умѣли читать и писать. Во времена имперіи всѣ выучились этому, потому-что надобно было читать бюллетени, чтобъ узнавать что-нибудь объ особахъ, близкихъ сердцу. Во-время реставраціи стали уже онѣ писать довольно правильно, только сбивались въ причастіяхъ, дѣепричастіяхъ и нѣкоторыхъ прилагательныхъ.

Наконецъ, при іюльскомъ переворотѣ, всѣ бросились въ просвѣщеніе—и въ высокія чувства. Вотъ, для образца, два письма новѣйшей парижской эпохи женской образованности.

«Милая Анета!

Мой мужъ уѣхалъ, мы свободны и можемъ погулять. Къ довершенію счастья, обѣ мои дочери отправились опять сегодня въ пансіонъ послѣ каникулъ. Говорятъ пріятно быть матерью, да! лѣтъ въ девятнадцать,—но видѣть всегда подлѣ себя живыя свидѣтельства о рожденіи и крещеніи, изъ которыхъ всякой узнаетъ, что вамъ около тридцати пяти!... злые же языки всегда прибавятъ и шепчутъ: «ей тридцать семь: я знаю, что она вышла замужъ двадцати-четырехъ». Впрочемъ, я приняла нѣкоторыя мѣры осторожности. Мои дочери обязаны носить дѣтскимъ короткія платья. Это все-таки уменьшаетъ мнѣ года два.

Первое употребленіе моей теперешней свободы будетъ состоять въ

томъ, что я прочту новый романъ, о которомъ такъ много говорятъ. Мужъ мой нигдѣ неосторожность сказать мнѣ: «Не читай его, душенька». Этого довольно, чтобъ я непремѣнно прочла его; вѣдь я же ребенокъ. Говорятъ, что въ романѣ много огня и картинъ. Это я очень люблю.

Потомъ поѣдемъ мы на бульварные театры. Возьмемъ ложу на завтра. Я читала рецензію на завтрашнюю пьесу. Въ ней много разбойничьихъ, и запутанныхъ происшествій... непремѣнно поѣдемъ.

Ты меня спрашивала, въ послѣдній разъ, въ чемъ состоитъ истинное счастье? Иногда въ обладаніи,—иногда въ потерѣ, но больше всего въ независимости.

Но къ чему эти пустыя мечты! Будемъ пользоваться тѣмъ, что отъѣздъ моего мужа и болѣзнь твоего позволяютъ намъ. Поцѣлуй моего мужа за меня,—и пошли за дожею на завтра.

Твоя свѣрная Юлія.

А вотъ отрывокъ изъ записокъ дочери привратника:

«Какъ у меня всегда бьется сердце, когда почтальонъ приноситъ письмо къ кому-нибудь изъ живущихъ у насъ въ домѣ. Вѣдь это пустяки, но всякое письмо заключаетъ въ себѣ секретъ,—а что можетъ быть заманчивѣе секрета!

Разнося эти письма къ жильцамъ, я замѣтила, что усталость находитъ не въ ногахъ, а въ расположеніи духа. Поднявшись въ первый этажъ, чтобъ отдать письмо дамѣ, которая тамъ живетъ, я уже чувствую, что очень устала. Дойдя до второго и до третьего этажа, съ газетою, или съ визитною карточкою, у меня ноги подкашиваются,—но въ седьмой этажъ мнѣ ничего не значитъ взойти, чтобъ отвезти что-нибудь молодому живописцу. Я вовсе не люблю его, но онъ ходитъ, что я хорошенькая...

Съ какою удовольствіемъ слушаю я по вечерамъ, когда передъ окномъ играетъ шарманка. Я слышала, что богатые и воспитанные люди почитаютъ унизительнымъ слушать эту музыку. Отчего это? Вѣрно оттого, что она дешева и безыскусственна. У насъ въ домѣ живетъ дама, играющая на арфѣ,—и всѣ восхищаются ея игрою. Мнѣ кажется, что этотъ восторгъ происходитъ оттого, что инструментъ стоить 3000 франковъ, и что дама эта училась играть на немъ десять лѣтъ. И однакожъ, что путнаго въ этой арфѣ? Это тоже шарманка, спавшая съ голоса. Еслибъ арфа стоила 10,000 фр. и на ней надобно было учиться двадцать лѣтъ,—то о ней еще больше бы кричали. Шарманку же презираютъ потому, что за два су можно вдоволь ее послушаться.

Жилца второго этажа получаетъ всегда съ вечера завтрашнія газеты. Слѣдственно, она должна была бы знать всѣ новости двѣнадцатую часами прежде другихъ. Портной на верху получаетъ *Siecle* уже на другой день,—а прачка, живущая на чердакѣ, только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, читаетъ газету въ кафе. И однакоже никто изъ нихъ не знаетъ раньше другихъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ. Часто даже перчаточная магазинщица раньше всѣхъ все знаетъ,

а она ничего не читаетъ; стало-быть въ газетахъ печатаютъ только то, что уже всѣ знаютъ.

Въ прежнія времена, говорятъ, приратникъ помещался немного лучше дворовой собачки. Теперь въ нашей комнатѣ есть трюмо, две часовыя по 400 франковъ, три картины первѣйшихъ мастеровъ, кресла краснаго дерева. Маменька никогда не выходитъ со двора пѣшкомъ, говоря, что это неприлично. Еще ильсьно лѣтъ, и я увѣрена, что всѣ будутъ съ завистью говорить: онъ женится на дочери приратника.

Въ Парикѣ всего замѣчательнѣе то, что я никогда на улицѣ не встрѣчала старика съ сѣдыми волосами, или лысого. Вѣрно такіе никогда со двора не выходятъ.

Объ устарѣвшихъ женщинахъ всегда говорятъ: эта женщина очень хорошо сохранилась! Боже мой? Каковы-же тѣ, которыя дурно сохранились!

Я сдѣлала еще замѣчаніе. Въ Парикѣ не редится селѣтъ мужчины бѣлокурые, — всѣ брюшаты, отчего это?

Я въ одной книгѣ читала, что жизнь — сонъ. Авторъ забылъ приписать, что сонъ этотъ прерывается часто звонками гонимыхъ, возвращающихся поздне домой.

текущая жерн. Въ послѣдней книгѣ журнала *Revue des deux mondes* помещена любезнѣйшая статья о путешествіи Ашпера въ Соединенные Штаты; онъ приводитъ въ ней, между прочимъ, отрывки изъ произведеній, занимавшихъ въ послѣднее время Сѣверную Америку. Прислалъ небольшой очеркъ, принадлежащій перу писательницы Гарриетъ Бичеръ Стовъ, пользующейся огромною извѣстностью не только между Англичанами, но и въ самой Англіи.

Я теперь коряволю состарѣлся — и притомъ холостякъ. Скажу еще болѣе: я человекъ безъ претензій и отрезвѣвшійся отъ угара жизни. Но чтобы женщинами неслишкомъ осуждали меня, я хочу мимолодно выгнать, что холостякомъ можно остаться не потому, чтобы недостатку чувства, а иногда отъ махившей чувствительности.

Много лѣтъ тому назадъ, — когда ни одинъ изъ читателей моихъ еще не родился, — былъ я маленькимъ негоднымъ мальчишкой, изъ такихъ, которые всѣмъ мѣшаютъ и все портятъ. За воспитаніемъ моимъ надирала отецъ, мать и цѣлая армія старшихъ братьевъ и сестеръ. Всѣ родные мои были люди ни дурные, ни хорошие.

Я уже скавалъ, что принадлежалъ къ числу семейныхъ негодяевъ, и все, что ни случалось дурнаго въ домѣ, падало на мою голову, — или потому, что я дѣйствительно въ немъ участвовалъ, или по одному номеру, почти всегда оправдывавшемуся. Родился-ли я годъ несчастнымъ созвѣдіемъ, или волшебница какая околдовала меня въ нольбели, только я съ самаго рожденія былъ чѣтъ-то въ родѣ *Мурада-мечемлика*, то есть, ребенкомъ, который все дѣлалъ не во время, не-

дѣ былъ не на своемъ мѣстѣ, не умѣлъ сообразоваться съ обстоятельствами, и въ рукахъ котораго ничто не удавалось.

Стояла-ли въ морозы дверь настежь.— Кто не заперъ ее? Ужъ конечно Гарри! Кто за завтракомъ опрокидывалъ свою чашку кофе, а за обѣдомъ стаканъ, солонку, перечницу, или горчицицу — при малѣйшемъ движеніи? разумѣтся Гарри. Кто разбивалъ всѣ тарелки въ домѣ? Тотъ-же Гарри. Кто путалъ у матери мотки шелку и нитокъ, кто рвалъ у отца только-что принесенныя газеты? Кто опрокидывалъ у старой прачки корзину съ выглаженными бѣльемъ? — разумѣтся Гарри. И все это дѣлалъ я безъ всякаго вѣлаго намѣренія, потому-что былъ добродушнымъ ребенкомъ; но вѣрно между мною и окружающими меня предметами была какая-нибудь притягательная сила, отъ которой, при малѣйшемъ моемъ движеніи, они падали, ломались, разбивались. Казалось даже, что чѣмъ больше я старался избѣгать этихъ несчастій, тѣмъ чаще они случались. Если въ той комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, былъ кто-нибудь болѣе головою, или нервами, и если нужна была совершенная тишина, я ходилъ на цыпочкахъ, но непремѣнно натѣкался на стулъ, у котораго стояла желѣзная угольная лопатка отъ камина; та падала на щипцы каминыя и увлекала за собою кочергу на желѣзный листъ передъ каминомъ: все это составляло такой шумъ и грохотъ, какого некто-бы не успѣлъ произвести нарочно. Такимъ образомъ все, что мнѣ въ руки попадало, подвергалось неминуемой порчѣ. Если на меня надѣвали въ школу бѣлый передникъ, я непремѣнно падалъ въ грязь и возвращался домой въ самомъ ужасномъ видѣ. Если меня посылали за чѣмъ-нибудь въ лавочку, то я—или терялъ деньги, когда туда шелъ, или терялъ купленное, возвращаясь оттуда. При этихъ случаяхъ маменька всегда утѣшала меня тѣмъ, что уши мои приросли къ головѣ, а иначе я-бы и ихъ потерялъ. Разумѣтся, я былъ всегдашнюю цѣлю домашнихъ наставленій со стороны родителей, тетокъ, дядей и двоюродныхъ братьевъ до третьяго и четвертаго колѣна, которыхъ брань и совѣты всегда выслушивалъ съ величайшимъ терпѣніемъ.

Все это было-бы хорошо, еслибъ судьба не одарила меня при этомъ бесполезною и излишнею утонченностью чувствъ, которая составляетъ такое-же непріятное качество, какъ и нѣжно-музыкальное ухо, потому-что въ жизни всегда случится девяносто девять разъ слышать разноголосицу за одинъ разъ чистой гармоніи. Какъ часто ни бранили меня, но я никогда не могъ привыкнуть къ этому — и сорокъ-первый разъ столько-же огорчалъ меня, какъ и первый. Я не имѣлъ понятія о социальной философіи,—и неопытное мое сердце никогда не умѣло сообразоваться съ обстоятельствами; я былъ робокъ и гордъ. Всѣ меня называли неловкимъ и неворотливымъ. Домашніе-же мои считали меня только такимъ существомъ, которому всякой день надобно вымыть лицо, а въ субботу ввечеру заштопать чулки. Когда я хворалъ, являлся докторъ и прописывалъ мнѣ лекарство; если-же у меня болѣло сердце,—никто объ этомъ не заботился.

Впрочемъ, все сначала шло хорошо. Ребенку нужно только ѣсть,

пить, играть, ходить въ школу, выучиться читать и писать, и нѣтъ лени, когда онъ боленъ. Но ощущенія дѣтей часто бываютъ глубже, сильнѣе, нежели полагаютъ. Ребенкомъ я уже ощущалъ все, что непріятнымъ образомъ поражаало мое сердце, и такъ-же живо стремился ко всему, что доставляло душѣ сладостное чувство, такъ-же былъ недоволенъ всѣдневными, пошлыми ласками, и желалъ искренняго, сердечнаго участія, какъ взрослые, у которыхъ это желаніе также рѣзко осуществляется. Никто такъ не понималъ моего несчастнаго положенія, какъ я, оставленный всѣми, неловкій и неинтересный ребенокъ. Всѣ мы можемъ понимать чужія ощущенія, но кто заботится о чувствахъ ребенка? Могутъ-ли взрослые понимать дѣтское чувство печальной незначительности при видѣ преимуществъ взрослыхъ людей? Вечеру вѣсылаютъ васъ спать, когда гости соберутся; поутру — въ школу, когда еще спать хочется... А сколько есть еще другихъ непріятностей, которыя понятны воображенію ребенка, но которыя не можетъ онъ передать взрослому.

Мнѣ было семь лѣтъ, какъ однажды поутру всѣ домашніе обрадовались извѣстію, что *тетушка Мери* пріѣдетъ къ намъ. Когда карета ея подъѣхала, я сбросилъ съ себя грязный передникъ и побѣжалъ съ прочими братьями и сестрами встрѣчать ее.

Не буду описывать ея перваго появленія. Когда я объ ней вспоминаю, то несмотря на мои теперешнія сѣдины, чувствую, что дѣлаюсь сантиментальнымъ и готовъ говорить чепуху.

Вѣроятно, всякой женатый, или холостякъ, достигшій до пятидесятилѣтняго возраста, видѣлъ на своемъ вѣку женщину, которая въ глазахъ его была выше всѣхъ существъ своего пола. Родня ли она ему была, или жена, лишь бы блеснула она ему хоть издали, онъ долго, по прошествіи многихъ лѣтъ, вспоминаетъ объ ней, какъ о закатившемся свѣтлѣ, какъ о замолишей музыкѣ, какъ о поблещемъ цвѣтѣ, о завядшей красотѣ. Воспоминаніе это всегда пріятно, интересно, трогательно; сердце всегда полно этимъ чувствомъ, хотя слова и не въ состояніи выразить этого ощущенія. Я во всю жизнь зналъ одну только подобную женщину, и именно: *тетушку Мери*. Хороша ли она была собою? спросите вы. Я самъ вамъ сдѣлаю другой вопросъ: если благотворный духъ слетитъ на землю въ человѣческомъ образѣ, не будете ли вы обожать это существо, не рассуждая вовсе о красотѣ его? Только въ этомъ отношеніи она и была хороша.

Принимая ея, я всегда воображаю себѣ въ любимомъ ея положеніи, опершись головою на руку, съ спокойнымъ, свѣтлымъ лицомъ, съ проткнимъ сіяніемъ октябрьскаго солнца въ глазахъ и со всегдашнею улыбною добродушія. Я помню, что всякій, кто говорилъ съ нею, непременно выражалъ въ лицѣ своемъ удовольствіе. Она все видѣла, все замѣчала, все тотчасъ же понимала, прежде нежели кто рассказывалъ о чемъ-нибудь, и готова была услужить всякому, прежде нежели просили ее.

Людымъ, смѣшивающимъ задумчивость съ меланхоліею, странно покажется, если я скажу, что *тетушка Мери* всегда была счастлива,

и это, однакоже, была тащда правда. Расположеніе ея духа никогда не доходило конечно до веселости, но и не падало до унынія. Знаю, что сентиментальныя люди прочитають подобный характеръ конктереснымъ. Вспогданнее спокойствіе даже для постороннихъ людей не занимательно, и однакоже спокойствіе возвышеннаго и образованнаго характера имѣеть въ себѣ что-то высокое. Часто измѣчивость ощущеній доказываетъ одно неросоднство и малодушіе. Великій же человекъ всегда одинаковъ. И если подобный человекъ посвящаетъ всю свои силы для помощи другимъ, то величіе его безпрестанно отражается на тѣхъ существахъ, которыхъ онъ счастливить и успокоиваетъ.

Такова именно была моя тетушка. Спокойствіе ея было болѣе спокойствіемъ самовоспитанія, нежели темперамента. Она обладала самыми живыми и тонкими чувствами, но приучила ихъ къ тому, чтобы, вмѣсто агоніа, понимать другихъ и сочувствовать имъ. Это сочувствіе составляло главное основаніе ея характера, какъ земля ландшафта, правящаяся не собственно по красотѣ цвѣта, а по гармоніи со всѣми окружающими ея предметами.

Много я зналъ женщинъ съ дарованіями, а другихъ съ душевною добротою, но въ одной тетушкѣ Мери соединились эти качества въ такой высокой степени. Въ жизни самое непріятное ощущеніе испытываешь, когда, рассказывая подробности дѣлъ и чувствъ своихъ кому-нибудь, видишь, что этотъ человекъ и половина не помнитъ изъ сказаннаго. Но зато какъ пріятно видѣть особу, которая вѣсь забываетъ отъ труда рассказывать, потому-что напередъ угадываетъ все, что вы хотите ей сказать.

Этотъ даръ болѣе всего утѣшалъ меня въ тетушкѣ Мери. Когда она пріѣхала въ нашу домъ, я помню, въ первый вечеръ, какъ мы всѣ сидѣли около камина, она посмотрѣла на меня съ такимъ выраженіемъ, которое мнѣ доказывало, что она меня видитъ какъ козла. А когда было восемь, и маленька сказала мнѣ, что пора идти спать, я нечаянно склонилъ голову и пошелъ, думалъ о томъ: сколько тетушка Мери будетъ еще рассказывать прекрасныхъ исторій безъ меня; она тогда посмотрѣла на меня съ такимъ чувствомъ, которое доказывало, что она меня цовала. Это облегчило грусть мою, и я спокойно пошелъ спать. Какъ различна пенитанность сердца отъ важныхъ волеитій разсудка! Не помнитъ ли каждый изъ насъ, что одно слово, взглядъ, даже недосказанная фраза часто приваываютъ болѣе, нежели вселованіи ласки. Мы благодарны тѣмъ, которые некутся о нашихъ иже-невныхъ потребностяхъ, но даже ребенку дороже тѣ лица, которыя заботятся объ ощущеніяхъ его сердца.

Не прошло и мѣсяца со дня пребыванія у насъ тетушки Мери, и я уже любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ. Всякій взглядъ ея, слово, улыбка дѣлали меня счастливымъ. Я любилъ ее зато, что мой бумажный ящикъ ей понравился, зато, что наши дѣтскія игры не мѣшали ей, зато, что она никогда не обращала вниманія, если я опрокину ея рабочій ящикъ, зато, что она мою неловкую любовь принимала съ улыбкою и удовольствіемъ. Когда она бывала больна, то требовала, чтобы

а за него ходилъ, хотя при этомъ случаѣ я обыкновенно съ усердіемъ помогать больше вѣшалъ, нежели помогалъ.

Она была единственною особою, съ которою я разговаривалъ, и я не понималъ, какъ могла такая женщина, уму которой всё удивлялись, говорить со мною о конькахъ, обручакъ, воланахъ. Впрочемъ и старѣе мои люди всегда удивлялись этому. Онѣ не понимали, что многозначная женщина должна быть не педагогомъ, а сочувствующимъ существомъ, какимъ она была для всякаго. Она умѣла вовлечь въ разговоръ съ собою каждаго, такъ что я часто самъ себя удивлялся, вступая въ самый серьезный разговоръ, и спрашивалъ: полно дитя ли я еще?

Нѣсколько мѣсяцевъ были мы счастливы ея присутствіемъ; наконецъ наступила минута отъѣзда, и она просила у маменьки позволенія взять меня съ собою. Вся семья дивилась и не понимала, что она во мнѣ нашла хорошаго. Впрочемъ дѣло тотчасъ же уладилось. Съ гѣхъ-поръ жилъ я у нея, и она какъ благодѣтельный гений дѣйствовала на мой характеръ и образованіе. Наставленія ея всегда доходили до моего сердца; она давала чувствамъ моимъ полезное направленіе, развивала мой умъ, и воспитывала меня не суровостью, а тихимъ вліяніемъ, похожимъ на то, какимъ солнце дѣйствуетъ на цвѣты. Когда же она скончалась, когда тѣло ея зарыли въ могилу, духъ ея, слова, дѣйствія остались въ воспоминаніи всѣхъ окружавшихъ ее, какъ отблескъ вечерней зари по закатѣ солнца.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Десятиый солнечный лучъ. — Г. Стоксъ, въ Кембриджѣ, занимавшійся разными опытами надъ разложеніемъ солнечныхъ лучей, сдѣлалъ замѣчательное открытіе въ оптикѣ. Извѣстно, что обыкновенное призматическое изображеніе солнца (спектръ) состоитъ изъ трехъ первоначальныхъ цвѣтовъ, красного, синяго и желтаго. Эти три цвѣта разлагаются потомъ на девять цвѣтныхъ полосъ: темнокрасную, красную, оранжевую, зеленую, синюю, темносинюю, фиолетовую и голубую. Далѣе голубаго цвѣта не обнаруживалось до-сихъ-поръ никакого цвѣта.

Но есть нѣкоторые растительные соки и масла, которые, пропуская желтый цвѣтъ, отбрасываютъ синий. Нѣкоторыя желтыя стекла имѣютъ тоже свойство. Теперь Стоксъ доказалъ, что послѣдній голубой цвѣтъ можно еще простирается, превращаясь въ сребристо-голубой. Если сдѣлать изъ внутренней шелухи дикяго каштана, получается темножелтая жидкость, которая отражаетъ упомянутый голубой цвѣтъ.

На основаніи этого явленія можно произвести любопытный опытъ. Маленькаго откианъ холодную и очищенную водою, ставятъ ее на столъ передъ окномъ. Когда сіяетъ солнце дѣйствіе еще замѣчательнѣе. Смотря въ скляннъ, наливаютъ въ него шесть или семь к. ель озна-

ченнаго взвара изъ каштановой шелухи. Какъ скоро каша въ водѣ разойдутся, являются облака самаго красиваго сребристоголубаго цвѣта, которыя, плавая въ водѣ, обнаруживаютъ поляризованный свѣтъ.

Если въ эту жидкость бросить призматическое изображение солнца, ясно видны всѣ цвѣтные лучи, за которыми есть еще *десятый*, сребристоголубый, тоже весьма ясно обозначенный. Вѣроятно, что подраздѣленіе лучей простирается еще и далѣе, но этого еще не открыто.

Годовое донесеніе Германскаго Общества переселеній и колонизаціи, учрежденнаго въ Берлинѣ. — 19-го января нынѣшняго года было годовое собраніе этого общества подъ предсѣдательствомъ Геблера — и представленъ обзоръ о дѣйствіяхъ общества въ истекшемъ 1852 году.

Цѣль общества, по статуту, состоитъ въ отсоѣтованіи излишней горащности въ переселеніи; въ переводѣ переселенцевъ въ области менѣе заселенныя, для составленія въ нихъ колоній; въ отправленіи лицъ, уже твердо рѣшившихся къ переселенію, въ такія за-атлантическія страны, гдѣ-бы политическія и хозяйственныя выгоды отечества болѣе могли быть соблюдены; наконецъ, въ снабженіи переселенцевъ всѣми пособіями и полезными совѣтами.

Совѣтъ общества указываетъ на свои многочисленныя дѣйствія, имѣвшія полезныя результаты.

Хотя въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи страсть къ переселеніямъ и ослабѣла, — однако же въ 1851 году было переселенцевъ пятью тысячами болѣе предъидущаго года, а въ 1852—6000 болѣе 1851 года. Изъ послѣднихъ переселенцевъ — 4444 человека имѣли при себѣ имущество на 977,635 талеровъ, — что составляетъ кругомъ по 218 талеровъ на человека, — а въ 1851 году, эта цифра простиралась только до 185 талеровъ на каждого переселенца. Это доказываетъ, что страсть къ переселеніямъ переходитъ и на зажиточное сословіе народа.

Вообще отправились:

изъ Бремена въ 1852 году . . .	58,551 . . .	въ 1851 году	37,943
— Гамбурга	29,322		18,127
— Антверпена	14,428		9,243
Итого 102,301			65,313

Считая же нѣмцевъ, отправившихся изъ Ливерпуля, Гавра и Роттердама, отъ 60 до 70,000 человекъ, получится въ 1852 году до 172,000.

Большая часть переселяется въ Соединенные Штаты — и выгоднѣйшая часть Штатовъ для нѣмцевъ теперь Техасъ, самая же невыгодная Калифорнія.

Канада старается болѣе всего привлечь къ себѣ переселенцевъ, — и даетъ имъ большія выгоды. Многіе рѣшаются нынѣ отправляться туда.

Политическое положеніе Мексики таково, что, вѣроятно, долго

еще не будетъ охотниковъ переселяться туда. Ту же невыгоду представляетъ и Перу.

Въ Средней Америкѣ, гдѣ соединеніе двухъ океановъ готовить всѣмъ областямъ блистательную будущность, нѣтъ еще достаточныхъ средствъ для первоначальнаго обзаведенія переселенцамъ.

Въ Венесуэлѣ и Южномъ Чили чрезвычайно усиливаются переселенія, потому что правительства этихъ областей принимаютъ полезныя мѣры къ поощренію эмиграціи.

Въ Бразилію отправилось много переселенцевъ въ прошломъ году. Въ провинціи Рио-Гранде живутъ 11,000 нѣмцевъ, пользующихся хорошимъ состояніемъ.

Въ Австраліи общественное состояніе дѣлаетъ такъ еще непрочнымъ, что общество никому не совѣтуетъ туда переселяться.

Въ Алжирію нѣмцы совсѣмъ прекратили переселенія.

III. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Все перехитрить. — Въ одно утро выѣхали изъ Бостона по желѣзной дорогѣ четыре кредитора, чтобъ наложить запрещеніе на имѣніе одного несостоятельнаго фермера въ Фирмингтонѣ. По американскимъ законамъ нѣтъ конкурса, а кто прежде предъявилъ свое требованіе въ судъ, тотъ получаетъ полное удовлетвореніе. Всѣ четверо воѣхали съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ, но всякій придумывалъ средство, какъ бы поспѣть раньше другихъ. Всѣ четверо знакомы были между собою, но въ разговорахъ на желѣзной дорогѣ ни слова не упоминали о цѣли поѣздки.

Приѣхавъ въ Фирмингтонъ, надобно было ѣхать даже въ телѣжкѣ въ одну лошадь. Всѣ четверо бросились на нее. Каждый хотѣлъ нанять ее отдѣльно, но трое успѣли сѣсть вѣстѣ и приказали кучеру тотчасъ же ѣхать, оставя четвертаго, который однако же успѣлъ догнать ихъ бѣгомъ и сѣлъ съ кучеромъ.

Сидя съ нимъ, онъ сказалъ ему тихо:

— Продай мнѣ свою лошадь...

— Какъ можно! это мое единственное средство къ пропитанію.

— Продай на одинъ день...

— Какимъ же образомъ...

— А вотъ видишь ли, я тебѣ даю сто долларовъ за лошадь и телегу, а ввечеру опять продамъ ихъ обратно за пятьдесятъ долларовъ, Согласенъ?

— Согласенъ...

— Вотъ деньги!

Быстро сунулъ онъ ему деньги въ руку, схватилъ возжи и погналъ лошадь нарочно у самаго края дороги, опрокинулъ телегу задними

колесамя въ глубокой ровъ, и повуда сидѣвшие въ ней съ трудомъ старались выбраться, онъ перерѣзалъ всѣ построики, съѣлъ верхомъ на лошадей и ускакалъ.

Приѣхавъ въ мѣстечко, куда они всѣ ѣхали, четвертый путешественникъ явился къ нотариусу и предъявилъ свою претензію на фермера банкрота. Обезпечивъ такимъ образомъ свой искъ, отправился онъ на лошади въ трантиръ, куда прибыли и трое остальныхъ, бѣжавшіе все время бѣгомъ.

Явился и извозчикъ Купецъ отдалъ ему обратно лошадей, взявъ однако же по условію пятьдесятъ долларовъ. Остальные трое заплатили хитрому кредитору и тѣ пятьдесятъ долларовъ, которые онъ истратилъ, чтобъ перехитрить ихъ, съ тѣмъ чтобъ онъ, по возвращеніи къ Бостонъ, не рассказывалъ происшествія.

Опасный дуэлистъ.—Недавно въ одномъ парижскомъ кофейномъ домѣ произошла ссора между пожилымъ человекомъ и молодымъ левомъ съ густою бородою, окончившаяся вызовомъ на дуэль.

На другое утро съѣхались противники въ условленномъ мѣстѣ. Секунданты зарядили пистолеты и отириали разстояніе. Во все это время левъ важно прогуливался и покручивалъ усы.

Когда всѣ приготовления кончились, старшій противникъ спросилъ у лева, не хочетъ ли онъ войти къ переговоровъ и принять какія-нибудь условія?

При этихъ словахъ левъ выросъ еще выше и отвѣчалъ, что ни шачто не согласенъ.

— Очень жаль! отвѣчалъ старикъ, посмотрите....

Въ эту минуту указалъ онъ ему на летѣвшую мимо птицу, и въ то же мгновеніе выстрѣлилъ по ней и убилъ ее

Левъ поблѣднѣлъ.

— Я обиженный, продолжалъ старикъ, и первый выстрѣлъ мой. Вы видите, что я стрѣляю мѣтко, и чѣмъ больше та птица, которая передо мною, тѣмъ вѣрнѣе я попадаю въ нос. И потому я предлагаю вамъ, или отнести сегодня же тысячу франковъ въ кассу бѣдныхъ, или быть убитымъ.

Рѣшайтесь и выбирайте.

Левъ недолго думалъ и согласился заплатить деньги.

Африканскіе праздники — Въ Эльминской области, на западномъ берегу Африки, господствуетъ весьма странный обычай. По приказанію фетиша Эвзая гуляютъ по селенію мужчины, поютъ во все горло; бьютъ въ барабаны и осыпаютъ бранью всѣхъ женщинъ

и дѣвушекъ, которыя съ ними встрѣтятся. Въ первый день этихъ праздниковъ ходятъ они съ зажженными лучинами изъ пальмоваго дерева и кричатъ во все горло. Вслѣдъ затѣмъ начинается праздникъ женщинъ, называемый праздникомъ побоевъ. По приказанію кумира Ядодо, женщины и дѣвушки, вооружась палками и ремнями, бѣгаютъ по селенію, и самымъ жестокимъ образомъ бьютъ всякаго мужчину, который имъ попадется. Послѣдніе обвертываются въ эти дни въ нѣсколько одѣявъ и обращаются въ бѣгство предъ самою малорослою дѣвочкою. Эти праздники продолжаются три вторника одинъ за другимъ. Праздникъ же мужчинъ справляется цѣлыя три недѣли сряду.

Мода выше пресеты. — У всякаго свой идеалъ красоты, смотря по вкусу и понятіямъ. Во всякомъ искусствѣ слѣдуютъ модѣ. Во Франціи, во времена директоріи, всѣ женщины хотѣли быть гречанками. Живописцы рисовали только пластическія формы; музыка сдѣлалась торжественною. Послѣ имперіи, когда Бруссе издалъ свою *Теорію болѣзней*, въ которой доказалъ, что каждый изъ насъ непремѣнно страдаетъ желудкомъ, вошло въ моду быть блѣдыми и худощавыми. Чѣмъ менѣе было полноты въ женщинахъ, тѣмъ болѣе называли ихъ воздушными, эфирными, прелестными. При Луи-Филиппѣ среднее сословіе старалось втереться въ аристократію, и всѣ захотѣли имѣть важный видъ; безъ важности не было красоты. Руки и ноги должны были самыя маленькія, обувь самая узкая; походка воздушная; поклоны знакомымъ на улицѣ едва должны были замѣтны. Всѣ романы описывали только *важныя* женщинъ. Обратясь къ предъидущимъ столѣтіямъ, видимъ вездѣ разныя моды и вкусы. При Людовикѣ XIII и XIV всякая красивая женщина должна была быть бѣлокурою. Бѣдыя брикеты должны были скрывать свои волосы, или красить ихъ. При Людовикѣ XV мода на красоту совершенно измѣнилась. У красавицы должно было быть тупой носъ, маленькіе глазки, маленький ротъ и остро выдавшіяся губы. Болѣе же всего требовались ноги узенькія, но длинныя, для ношенія обуви съ высокими каблуками. Сверхъ-того красавица должна была много говорить и смѣяться.

Письмо Софьи Арну. — Знаменитая актриса Софья Арну, обогатившая своимъ талантомъ театръ и умершая въ нищетѣ, писала, въ послѣднее время своей жизни, къ французскому министру внутреннихъ дѣлъ Люсьену Бонапарте, слѣдующее письмо: «я вынуждена опять обратиться къ вамъ съ просьбою. Мнѣ не платятъ жалованья, хотя вы и приказали это. Требуютъ, чтобъ я опять играла тѣ роли, въ которыхъ я всегда приобрѣла свою славу, а именно: Изабеллу, Полину,

Аглаю и другія. И такъ, я на шестидесятомъ году должна опять быть нимфою, пастушкою, дочерью Агамемнона. Признаюсь, подобная жертва стоила бы слезъ. Надобно голодать, или жертвовать своею славою. Такъ и быть! Я лучше умру съ голода, а не со стыда.

Скорбь отца. — Извѣстный композиторъ Перъ хоронилъ свою дочь, и рыдая провожалъ гробъ ея; другъ его, Кастиль-Блазъ, велъ его полъ руку. Но скорбь отца о потерѣ любимой дочери не такъ была сильна, какъ печаль артиста и композитора, теряющаго надежду видѣть въ своей дочери одну изъ первыхъ европейскихъ пѣвицъ.

— Какой удивительный былъ талантъ! говорилъ онъ, рыдая, въ ту минуту, какъ погребальное шествіе вступало на владбище. Какая потеря для искусства! Помнишь ли ты, какъ она пѣла въ послѣдній разъ каватину *Севильскаго цирюльника*.

— Какъ не помнить! отвѣчалъ Кастиль-Блазъ. Неподражаемо.

— А помнишь арію: *di tanti palpiti...*

— А ты помнишь ли дуэтъ изъ *Pré aux Clercs: il faut agir avec prudence...* Тутъ, рыдая, началъ онъ пѣть извѣстное мѣсто...

— Да! но то мѣсто было еще лучше выражено, помнишь... Тутъ запѣлъ и Перъ, и оба продолжали идти, плакать и пѣть, къ всеобщему удивленію публики.

Отчего у негровъ бѣды зубы. — Германскій путешественникъ Кистеръ находитъ, что бѣлизна зубовъ у негровъ весьма естественна. После всякой пищи полощутъ они ротъ и безпрестанно чистятъ зубы палочкою одного растенія, имѣющаго весьма горькій вкусъ и растущаго въ области Ашантиевъ. Оно называется *кюэна*. Надобно бы вывезти это дерево изъ Африки, чтобъ улучшить зубы европейцевъ.

Отчего бабочки летать на огонь и сжигаютъ себя крыльями. Былъ прекрасный тропическій вечеръ, вечеръ безъ сумерекъ, когда тотчасъ послѣ солнечнаго заката наступаетъ темная, таинственная ночь. Легкій вѣтерокъ, вѣя съ моря, прогналъ даже воспоминаніе о дневномъ жарѣ. Все затихло, кромѣ тихаго шептанья влюбленныхъ и монотоннаго напѣва негровъ, которые шли съ работъ къ своимъ хижинамъ. Но и это пѣніе затихало въ отдаленіи, и наконецъ совсѣмъ замолкло. Тишина ночи прерывалась только разговоромъ молодыхъ людей, вторыхъ мы постараемся описать.

Оливье Родригезъ, красивый и смѣлый молодой человекъ, съ черными волосами, открытымъ и благороднымъ характеромъ. Онъ уже

давно любить свою прекрасную двоюродную сестру Диану Берли, дочь одного изъ богатѣйшихъ жителей Рио-Жанейро. У насъ Диана считалась бы еще ребенкомъ, потому-что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ, но подъ жаркимъ небомъ Бразиліи она уже нѣсколько лѣтъ считалась невѣстою, такъ что многіе удивлялись, отчего отецъ не торопится отдалить ее замужъ. Бѣлокурая Диана была въ полномъ смыслѣ женщина, потому-что была умна, хитра и кокетка. Еслибы кто посмотрѣлъ на нихъ въ эту минуту, то навѣрно бы сказалъ, что сила и воля находятся на сторонѣ Оливье, а кротость и послушаніе на сторонѣ молодой дѣвушки. Это была бы жестокая ошибка, потому-что прекрасная Диана однимъ словомъ заставляла склоняться передъ собою твердый характеръ жениха, и тотъ терялъ силу и волю передъ своею капризною повелительницею.

Берли видѣлъ, что Оливье любитъ истинно его дочь, и согласился соединить ихъ, но онъ тоже привыкъ исполнять малѣйшія прихоти Дианы, а та не торопилась замужествомъ, хотя была равнодушна къ пылкому Оливье. Она даже требовала, чтобъ ихъ не объявляли женихомъ и невѣстою, и на это у ней были свои причины.

Диана считалась первою красавицею въ Рио-Жанейро, богатѣйшею невѣстою, и была, разумѣется, окружена безчисленными обожателями ея красоты и придаваго. Это безпрерывное обожаніе, услужливость и похвалы нравились молодой кокеткѣ, и она не торопилась отказаться отъ этой блестящей жизни, зная, что Оливье не перестанетъ ее любить, несмотря на ея капризы. Между-тѣмъ, каждый день являлись новые женихи, и толпа обожателей увеличивалась, а она внутренно смѣялась надъ ними и не говорила, что уже выбрала Оливье.

Берли былъ счастливъ тѣмъ, что всѣ восхищаются его дочерью, и не находилъ предосудительнымъ ея поведеніе. Онъ считалъ ее избалованнымъ ребенкомъ, который исправится послѣ замужства, а между-тѣмъ, вѣтренная красавица выдумывала предлоги, чтобъ какъ-нибудь отдалить день свадьбы. Наконецъ воображеніе ея истощилось и она была почти побѣждена любовью Оливье, тѣмъ болѣе, что въ этотъ самый день онъ подарилъ ей богатый брильянтовый уборъ.

Диана примѣрала его цѣлое утро и сожалѣла, что не можетъ носить прежде свадьбы. Вотъ отчего она была въ прекрасномъ расположеніи духа, не противорѣчила отцу, когда онъ говорилъ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, и облокотилась на балконъ, вольг жениха, который рассказывалъ о ихъ будущей жизни. Пользуясь темнотою ночи, Оливье осмѣлился взять руку своей прекрасной невѣсты, и чувствуя, что она не отнимаетъ ее по обыкновенію, началъ въ сотый разъ описывать ей свою страстную любовь; но молодая дѣвушка слушала безъ вниманія пламенные рѣчи влюбленнаго и думала только: нельзя-ли еще какъ-нибудь отдалить свадьбу. Вдругъ она вспомнила, что подружка ея Нина, выходя замужъ за банкира, получила въ день свадьбы весь нарядъ невѣсты, выписанный изъ Парижа, а Оливье и не подумалъ о такомъ же сюрпризѣ. Диана тотчасъ выдернула свою руку, которую Оливье прижималъ къ губамъ, и отошла отъ него.

— Что съ вами, Діана, спросил испуганный женихъ. Вы сердитесь? Развѣ я оскорбилъ васъ тѣмъ, что осмѣлился поцѣловать ручку, которую вы сами мнѣ дали. Простите меня, но я не могу болѣе скрывать моихъ чувствъ.

И молодой человекъ хотѣлъ опять взять обѣщанную ручку, которая лежала на золоченныхъ перилахъ балкона, но Діана отодвинулась дальше, и сказала съ маленького досадою:

— Оставьте меня, Оливье, я не сержусь на васъ; я вспоминала только о моей подругѣ Нинѣ.

— И это воспоминаніе завлекло васъ до того, что вы забыли даже, что я съ вами?

— Нѣтъ. Я думала о подвѣчномъ платьѣ Нины...

— Благодарю васъ за эту мысль. Это даетъ мнѣ надежду, что вы скоро назначите нашу свадьбу.

— Не такъ скоро, отвѣчала Діана съ кокетствомъ, потому что у меня нѣтъ платья изъ Парижа, а я хочу быть прекрасна въ этотъ торжественный день.

— Изъ Парижа! повторилъ Оливье съ горестью, но это займетъ столько времени!...

— Что жъ, если я этого хочу, отвѣчала молодая дѣвушка, съ досадою избалованнаго ребенка. Развѣ я хуже Нины, или мой женихъ любить меня меньше...

— О нѣтъ, сказала Оливье съ жаромъ: я готовъ чѣмъ хотите доказать мою любовь... но такая долгая отсрочка... притомъ же скорѣе изъ Франціи придетъ корабль и я прежде всѣхъ выберу самыя модныя и богатые наряды, такъ что ни одна изъ нашихъ дамъ не успеетъ купить ни одной ленточки. Увѣрю тебя, Діана, что твоя свадебная корзинка будетъ гораздо богаче, чѣмъ у Нины.

Капризная невѣста не поблагодарила даже за это вниманіе жениха. Она топнула ножкою и отвѣчала, со слезами на глазахъ, удивляясь, что въ первый разъ въ жизни смѣютъ не согласиться съ ея желаніемъ.

— Все, что вы мнѣ купите, едѣлане не собственно для меня, а нарядъ Нины заказывалъ въ Парижѣ ея женихъ, г. Моклеръ, стало-быть онъ ее любилъ и не отказывалъ ей ни въ чемъ, тогда какъ вы спорите изъ-за бездѣлицы.

— Бездѣлица, съѣздить въ Парижъ въ Рио—Жанейро! вскрывалъ Оливье съ отчаяніемъ. Теперь я вижу, что вы не любите и не можете любить меня.

Отчаяніе молодого человека и его слова только болѣе раздражали кокетку, потому что она видѣла сама всю странность своего требованія, но не хотѣла сознаться въ этомъ, а объявила, горячася еще болѣе, что скорѣе останется въ дѣвушкахъ, но не будетъ вѣнчаться безъ парижскаго платья. После этого она убѣжала въ садъ, слыша, что идетъ отецъ, и оставалась подъ балкономъ.

Берли улыбнулся, услышавъ отъ Оливье о новомъ капризѣ Діаны, и сказалъ ему:

— Упокойся, племянникъ, моя шалунья любить тебя и скоро забудетъ о своей прихоти.

— Нѣтъ, дядюшка, отвѣчалъ Оливье грустно: я увѣренъ, что Діана не любитъ меня. Она не замѣчаетъ моего страданія, моего нетерпѣнія. Я умираю отъ любви, а она покойна и хладнокровна...

Молодая дѣвушка притавля дыханіе и слухала съ удовольствіемъ слова Оливье.

— Она хладнокровна, повторилъ онъ, но такъ прекрасна, что я не могу разлюбить ее. Я, какъ бабочка, приблизился къ свѣчку и опалилъ свои крыла. Прощайте, дядюшка. Завтра я сажусь на корабль и отправляюсь во Францію. Это желаніе Діаны, и я повинуюсь ей безъ ропота...

Діана въ волненіи убѣжала въ свою комнату. Она поняла, что поступила легкомысленно и глупо. Она поняла также, что любила истинно Оливье и послала его въ дальнее путешествіе, изъ котораго онъ можетъ не вернуться. Но что же ей дѣлать? Неужели сознаться въ своей винѣ и просить прощенія? О, нѣтъ! для этого она слишкомъ горда.

Грустная и недовольная, молодая дѣвушка отслезла своихъ горничныхъ и сѣла въ углу террасы, которая выходила въ великолѣпный цвѣтникъ. Дверь ея комнаты, ярко освѣщенной, была открыта, и длинная полоса свѣта легла посреди сада. Діана задумалась... вдругъ легкій шедель врыльщень заставилъ ее поднять голову. Это были красивыя разноцвѣтная бабочки, влетающія въ свѣтлую комнату; онѣ кружились вокругъ огня и потомъ падали и умирали, свернувъ свои обожженныя врыльщень.

Діана вспомнила слова жениха, и ей стало жалъ бѣдныхъ созданий, жизнь которыхъ и безъ того коротка. Вдругъ въ комнату влетѣла чудная бабочка самой рѣдкой породы, на врыльщяхъ которой переливались самыя яркіе цвѣта. Діана слѣдила глазами за этимъ прекраснымъ живымъ цвѣткомъ. Мотылекъ завертѣлся надъ огнемъ, и началъ къ нему приближаться.

— Не лети къ огню, закричала неволью молодая дѣвушка. Ты такъ хорошъ, я не хочу, чтобы ты умеръ... Но мотылекъ уже опалилъ свои радужныя крылья и упалъ на мраморъ стола, продолжая биться.

Діана тихонько подошла къ столу, взяла въ руки бѣдное насккомое и сказала со слезами:

— Отчего же это всѣ бабочки летать на огонь и сожигаютъ себя врыльщеньки?

— Я тебѣ скажу отчего, отвѣчалъ умирающій мотылекъ врыльщень голосомъ, если ты только снесешь меня въ цвѣтникъ, чтобы я могъ умереть въ зелени и бросить послѣдній взглядъ на обожаемую луку.

Удивленная Діана неволью исполнила желаніе мотылька. Она сѣхла съ террасы и осторожно положила раненнаго на мягкую траву. Цвѣты узнали тотчасъ своего любимаго и съ жалостію сложили свои головки надъ умирающимъ мотылькомъ, но тотъ не обратилъ вниманія на нихъ

красоту и свѣжесть, а посмотрѣлъ съ восторгомъ на луну, которая явилась на небѣ, въ полномъ блескѣ.

— Посмотри на меня, безжалостная красавица, сказалъ мотылькъ. Я умираю изъ любви къ тебѣ, въ полномъ цвѣтѣ молодости. Неужели ты не сжалишься надъ другими безумцами, которые приносятъ себя въ жертву твоей красотѣ?

Діана слушала мотылька съ возрастающимъ любопытствомъ; онъ продолжалъ:

— Я общалъ тебѣ, молодая дѣвушка, рассказать: отчего бабочки летятъ на огонь и погибаютъ преждевременно. Слушай же меня и помни мою печальную повѣсть.... Давно, очень давно былъ у насъ въ царствѣ бабочекъ, красавецъ котораго звали, *Павоній*. Онъ былъ удивительно красивъ и на его широкихъ крыльяхъ блестяи всѣ яркіе цвѣта, осыпанные золотистою пылью. Всѣ подданные удивлялись и радовались красотѣ своего повелителя, съ которою онъ соединялъ необыкновенный умъ и познанія, потому-что выслушивалъ совѣты опытныхъ ночныхъ бабочекъ, которыя живутъ долѣе дневныхъ. Одаренный всѣми дарами природы, Павоній могъ быть счастливѣйшимъ изъ насѣкомыхъ, но въ сердцѣ его была страшная рана, которая отравила его жизнь и была причиною его смерти и несчастной судьбы всѣхъ бабочекъ. Хотя Павоній и принадлежалъ къ благородной породѣ дневныхъ бабочекъ, но увидѣвъ однажды блѣдную луну, онъ пристрастился къ ея холодному свѣту и продолжалъ летать ночью. Однажды прекрасная царица луны, Бюндина, дала праздникъ и пригласила на него всѣ звѣзды и всѣхъ волшебницъ. Павоній былъ тоже приглашенъ въ кристалльный чертогъ, и съ этого дня начались его страданія. Онъ влюбился страстно въ прекрасную Бюндину, но вокругъ ея было столько обожателей и поклонниковъ, что онъ не смѣлъ и надѣяться. Притомъ же безчувственная красавица была ко всѣмъ холодна и равнодушна, и несмотря на это никто не могъ ее разлюбить и всѣ готовы были жертвовать жизнью за одинъ ея взглядъ, за одно слово.

— Я самъ умираю отъ ея прихоти; я бы долженъ былъ проклинать ее но не въ силахъ этого сдѣлать; напротивъ, я благословлю судьбу, если Бюндина пришлетъ мнѣ хоть одинъ холодный лучъ, чтобъ услать мои послѣднія минуты.

Мотылькъ началъ ослабѣвать, и Діана думала, что онъ уже умеръ; но отдохнувъ немного, онъ продолжалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Павоній влюбился въ царицу луны, и красавица, слыша, что никто еще не могъ тронуть сердца нашего повелителя, захотѣла видѣть его всегда у своихъ ногъ и начала съ нимъ кокетничать, не отдаляя однако прочихъ поклонниковъ. Всѣ приближенные Павонія видѣли его страданія и просили брать ихъ съ собою въ кристалльные чертоги Бюндины, чтобъ защитить своего товарища отъ обольщеній, но увыл неосторожные вернулись всѣ влюбленными въ прекрасную царицу. Наконецъ наши мудрецы, видя всеобщее отчаяніе, рѣшили, чтобъ Павоній попросилъ руки Бюндины и отправили къ ней депутацію. Гордая царица приняла ихъ ласково, и хотя Павоній нравился ей, но она не хотѣла отъ-

заться отъ своей блистательной жизни и объявила, что отдастъ свою руку тому, кто въ день свадьбы подаритъ ей солнечный лучъ.

Это требованіе передали Павонію, и тотъ былъ въ восторгѣ, потому что думалъ достать солнечный лучъ очень легко. Полный счастья и надежды, онъ полетѣлъ къ своей возлюбленной, и страсть его была такъ чиста и благородна, что тронула даже безчувственную Біондину.

— Я хочу сдѣлать себѣ вѣнецъ изъ солнечнаго луча, сказала она своему жениху, чтобъ показаться тебѣ еще прекраснѣе.

— Тебѣ не нужны украшенія, говорилъ влюбленный: ты и то воспитательна.

— Одна изъ спутницъ Сатурна попросила у своего жениха золотое кольцо и гордится имъ теперь...

— Я достану тебѣ твой вѣнецъ и ты увѣришься, что я люблю тебя больше всѣхъ.

И счастливый Павоній, разспросивъ о дорогѣ, отправился къ солнцу, думая, что оно уступитъ ему одинъ жаркій лучъ. Никто изъ товарищей не смѣлъ за нимъ слѣдовать, и всѣ остались на землѣ, ожидая окончанія этого безумнаго дѣла. Даже ночныя бабочки вылетѣли изъ своихъ норокъ, потому что и онѣ любили нашего Павонія. Вдругъ въ полдень мы услышали жалобные стоны, и Павоній, обезображенный и равеный, упалъ на крылья своихъ друзей. Всѣ окружили его съ участіемъ, но онъ могъ только сказать, чтобъ никто изъ насъ не приближался къ огню, и умеръ, произнося имя безжалостной кокетки. Плачъ и рыданія бабочекъ наполнили воздухъ; потомъ всѣ начали готовить похороны, достойныя сана покойника, и послали гонцовъ во всѣ сады, чтобы всѣ породы бабочекъ проводили Павонія до его послѣдняго жилища. Сгеченіе насѣкомыхъ было такъ велико, что казалось тучею, скрывающею солнце. Тѣло Павонія положили въ чашечку ароматическаго цвѣтка, которая тотчасъ же закрылась, и одинъ ученый мотылекъ прочиталъ очень трогательную надгробную рѣчь, въ которой предлагалъ даже отмстить за смерть Павонія; но всѣ были далеки отъ этой мысли. Всѣ знали, что тотъ, кто принесетъ Біондинѣ горящій лучъ, будетъ ея супругомъ, и всѣ готовились въ свою очередь къ опасному путешествію.

Съ-тѣхъ-поръ много жертвъ пало изъ любви къ холодной Біондинѣ, которая всѣмъ поклонникамъ говоритъ одно и тоже: принесите мнѣ огненный лучъ! И безразсудныя бабочки отказались отъ путешествія къ солнцу, и думаютъ, что гораздо легче взять лучъ отъ огня. Вотъ отчего всѣ мы летимъ на огонь, не слушая совѣтовъ старшихъ, и думая только, какъ достать вѣнецъ Біондинѣ. Пусть моя смерть послужитъ примѣромъ для моихъ братьевъ, потому что я тоже былъ въ чертогахъ луны и влюбился въ Біондину, которой хотѣлъ быть супругомъ. Что ни дѣлайте, вы не отучите бабочекъ летать на огонь, также какъ нельзя отучить женщинъ отъ кокетства.

Проговоривъ послѣднія слова едва слышно, мотылекъ со вздохомъ свернулъ свои крылышки и замолкъ навсегда. Діана нагнулась надъ

нимъ и спрятала его въ кустъ бѣлыхъ розъ. Вдругъ послышались въ аллеѣ чьи-то шаги, и тѣнь мужчины остановилась передъ ономъ Діаной.

— Прощай, моя прекрасная Діана, сказала тихо Оливье. Не забывай бѣднаго путешественника, который для твоей прихоти готовъ жертвовать жизнью. Если же я не вернусь... если погибну... вспомни обо мнѣ хоть разъ, и душа моя утѣшится.

Молодой человѣкъ отеръ слезы и хотѣлъ отойти, но его удержала бѣленькая ручка и знакомый голосъ голосъ сказалъ ему:

— Не уѣзжай, Оливье.

Удивленіе и радость оживили Оливье; онъ не вѣрилъ себѣ, но Діана ощутила чудную головку на его плечо и продолжала тихо и нѣжно:

— Прости меня, мой другъ. Я вѣтренный, балованный ребенокъ, и мнѣ необходимъ строгій наставникъ. Вотъ почему завтра же мы попросимъ батюшку подписать нашъ свадебный контрактъ.

— Діана! возможно ли! такое счастье! говорилъ Оливье въ восторгѣ. Ты согласишься быть моею женою!

— Да, отвѣчала она, улыбаясь. Я не хочу быть огнемъ, на которомъ бабочки сжигаютъ свои крылья.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Обстоятельная новость о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день новаго года прежде, почему не проводить его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній. — Къ *Тройкѣ*, г. Сверчкова. — Разныя новости: воспоминаніе о Бакалѣ, возбужденное однимъ ученымъ фельетонистомъ. — Нынѣшнія тріичныя катанья. — Маскерады: по образчику маскеральныхъ сценъ и маскеральныхъ разговоровъ. — Ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Музыкальнныя утра г. Сакса. — Прочія музыкальнныя вѣсти. — Панорамы, и проч. — Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозляна; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дьяковъ въ *Жизни игрока*; остальныя новости, новыя пьесы русскія, новыя балеты и значительнѣйшая новость французской сцены. — Литература: 15 книга *Временника*. — *Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина»; о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Два слова о *магазинѣ моды и рукодѣлья* г-жи Кошелевской.

.... Не такъ еще давно, вѣрный сынъ Москвы, къ которой, по волѣ судьбы, принадлежу по рожденью, и *volens-volens* исполнительъ обычая, теряющагося своимъ началомъ въ совершенно-темномъ для меня туманѣ прошедшаго, не такъ еще давно я считалъ одною изъ моихъ первыхъ обязанностей къ обществу: въ извѣстные дни, въ извѣстныхъ торжественныхъ случаяхъ напоминать о себѣ, мою физиономію, или мою визитную карточкою, или, наконецъ, мою подписью, всѣмъ тѣмъ почтеннымъ людямъ, которые безъ того неминуемо бы меня забыли... Короче, въ первый день Свѣтлаго-праздника, въ первый день

Рождества и въ первый день Нового-года, вооружившись длиннымъ реэстромъ именъ, тщательно составленнымъ накануне, я отправлялся — загнать двѣ пары извоищчыхъ клячь, какъ говорится, изъ Нѣмецкой-слободы подь Донской и отъ Преображенской-заставы къ Дорогомилоской.... Случалось нерѣдко, что путешествіе мое продолжалось и на второй день праздника и Нового-года; иногда я прихватывалъ и часть третьяго. Но по одному особенно-несчастному свойству моей натуры оказывать самое-упорное сопротивленіе нѣкоторымъ моимъ рѣшеніямъ и предпріятіямъ, или въ-слѣдствіе злополучной звѣзды, мои наиболагонамѣреннѣйшія праздничныя peregrinacii ни разу не обходились безъ самыхъ печальныхъ катастрофъ. То я засиживался слишкомъ долго тамъ, гдѣ мнѣ было нескучно, и не попадалъ въ другія мѣста, то оставлялъ три карточки тамъ, гдѣ надлежало-бы оставить всего одну, съ загнутымъ уголкомъ; разъ я, окончательно заматавшись, попалъ въ незнакомый домъ, не дожидаясь доклада вошелъ въ гостинную, гдѣ засталъ самую пріятную домашнюю сцену, былъ, поэтому, принятъ за преднамѣреннаго нарушителя спокойствія; гдѣ-то, вмѣсто того, чтобъ изобразить, болѣе или менѣе четкимъ шрифтомъ, мое имя и фамилію, я написалъ окоченѣвшею рукою: »Вотъ морозъ-то!!«... и такъ далѣе... Не смотря на это, покоряясь моей судьбѣ, безропотно снося насѣшки и неприятели, которыя навлекали на меня всѣ эти невольныя недоразумѣнія, я, въ смиренномъ убѣжденіи, что каждому человѣку непременно данъ тотъ или другой удѣлъ, ревностно продолжалъ приносить себя въ жертву въ опредѣленные дни, и въ эти дни, ежегодно, съ геройскою настойчивостію приступалъ къ обряду выгрузки изъ кармановъ маленькихъ кусочковъ гласированной бумаги... и всего къ этой статьѣ относящагося... Нѣтъ сомнѣнія, это могло бы продолжиться почти до конца моихъ дней, и я у несъ-бы съ собою въ могилу успокоительную мысль, что исполнилъ мой житейскій долгъ какъ нельзя точнѣе: Нѣтъ сомнѣнія, меня похоронили бы съ почетомъ, сказали бы на мой счетъ самое трогательное слово, а въ газетахъ напечатали бы, что потеря такого достойнаго гражданина, какъ я, не замѣнима; что я оставляю пустое мѣсто въ кругу родныхъ, друзей, общества, преблѣвъ въ Европѣ, на земномъ-шарѣ, и проч. и проч.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ-слѣдствіе всего этого мнѣ было бы особенно пріятно и мягко лежать подь мраморной плитою...

Но судьба не хотѣла, вѣроятно, подарить меня такою завидною развязкою моего страпствія «through the stage of life».

У меня былъ троюродный дядя, добродѣтельный человекъ, владѣвшій тысячею душъ, тремя домами и сотнею другою тысячею душъ.

комыль. Сверхъ многихъ своихъ достоинствъ, имъ имѣлъ еще одно, которое я въ немъ особенно цѣнилъ: привычку кормить отличными обѣдами, давать гостямъ гаванскія сигары высшего сорта, и пить самыя тонкия винами. Слабый смертный, я тоже усердно отдавалъ честь обѣдамъ моего дяди и безсовѣстно жегъ его сигары, поступая въ отношеніи къ нимъ какъ самый отъявленный кофсаръ Индѣйскаго Ариннелага. Все это никогда бы не нарушило моихъ непрекраснѣйшихъ отношеній къ дядѣ, да и не въ томъ дѣло. Но почтенный мой родственникъ, какъ говорятъ, и въ великіе дни, имѣлъ чрезвычайную странность: дразнить меня моими странностями, на которыя, я, по его мнѣнію, какъ человекъ маленькій, ни малѣйшихъ правъ не имѣлъ. Особенно допекалъ онъ меня тѣмъ, что онъ называлъ моего необстоятельностью, и когда рѣчь доходила до моихъ промаховъ, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ я уюманулъ выше, дядя иногда забывалъ мѣру выраженій, становился жестоко и.... хоть хоть бытъ.

— Вообразите, замѣтилъ онъ однажды, обращаясь къ одному изъ гостей и указывая на меня:—вѣдь, мальчишка, просто еще мальчишка, и чинъ—то совсѣмъ пустой, а хоть-бы разъ—прѣхалъ, какъ свидѣеть, въ-время поздравить старика дядю: ямшны, рожденье вѣчно забываетъ; въ Новый Годъ, въ Рождество, о Святой, либо прямо прикатить къ обѣду, либо пожалуетъ на третій, или четвертый день... А все нынѣшнее умничанье!

— Помилуйте, дядюшка! началъ было я: вѣдь..

— Молчи ужъ, прервалъ дядя, и слушай; говорю тебѣ въ послѣдній разъ: хочешь ты исправиться и утѣшить меня? покажи себя хоть одинъ годъ, и даю слово, вотъ здѣсь, при свидѣтеляхъ, оставить тебѣ послѣ себя пятьсотъ душъ, домъ и пятьдесятъ тысячъ. Вы думаете, мои прямые наследники что-нибудь рискуютъ, заключилъ онъ, обращаясь опять къ гостямъ: угодно, сверхъ того, парнъ, что онъ не выдержитъ и хоть разъ да позабудетъ меня поздравить въ пору?

Никто не отвѣчалъ на вызовъ, а я, затронутый за живое такимъ сомнѣніемъ въ моемъ характерѣ, или такую увѣренность въ моей безхарактерности, заинтересованный оболъщеніемъ сдѣлаться владѣльцомъ недвижимаго и движимаго имущества, далъ себѣ внутренно обѣщаніе, въ-продолженіе цѣлаго года не пропускать ни дня его именинъ, ни дня рожденія, ни праздниковъ; мало-того: узнать даже о днѣ его крестинъ, днѣ производства въ штабъ-офицерскій чинъ и днѣ правленія ему оспы, и являться къ нему въ каждый изъ этихъ дней, ни-свѣтъ-ни-заря, съ поздравленіемъ. Такъ я и сдѣлалъ. Въ-продолже-

нѣ одиннадцати мѣсяцевъ я не пропустилъ ни одного раза, ни одного раза не опоздалъ. Дядя былъ въ восторгѣ; прямыя наследники приходили въ бѣшенство отъ досады. Еще нѣсколько дней—и я долженъ былъ выиграть призъ, позать, какъ говорятъ ораторы, плоды поствѣннаго. Приходитъ Рождество, я передъ тѣмъ какъ-то недѣли двѣ не выдалъ дяди, тѣмъ: повѣрите-ли, не совсѣмъ еще разсвѣло. Вхожу, съ гордостію отворяю дверь въ залу, и вижу... дядю на столѣ... Когда распечатали бумаги покойнаго, оказалось, что онъ не сдѣлалъ никакого завѣщанія. Я на это никакъ не претендую, потому что кто-же обязывалъ его помыслить о несмертныхъ распоряженіяхъ прежде, нежели кончился срокъ нашего пари. Тѣмъ менѣе, разумеется, могъ я претендовать на наследство, не получивъ, поэтому, послѣ добраго дяди ничего, кое-какъ выпросилъ, однакожь, у наследниковъ ящикъ сигаръ, семь лѣтъ уже лежавшихъ, выкурилъ ихъ въ память о нѣжно-любившемъ меня покойникѣ, и, въ его же память, движимый уваженіемъ къ его тѣни, далъ обѣтъ сидѣть въ первые дни праздниковъ и новаго года дома, не ѣздя и не посылая поздравлять никого, тѣмъ еще болѣе, что одна очень интересовавшая меня дѣвица, общавшая мнѣ соединить свою судьбу съ моею, въ вечеръ открытія бумагъ моего дяди, на отрѣзъ отказала мнѣ въ предстоявшемъ мнѣ на всю жизнь благополучіи.

Съ-тѣхъ-поръ я не знаю покойныхъ ночей,

Съ-тѣхъ-поръ не цѣлую прекрасныхъ очей!

Виновать, совсѣмъ не то хотѣлъ сказать: покойныя ночи я очень хорошо знаю, а прекрасныхъ очей не цѣловалъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: съ-тѣхъ-поръ, т. е. со дня неожиданной кончины моего почтеннаго дяди, я устоялъ въ моемъ обѣтѣ. Правда, не мало испылъ я горя въ-слѣдствіе того; одна уважаемая всѣми старушка объявляетъ, что я ряхнулся; въ четырехъ прекрасныхъ домахъ утверждаютъ, что я спился съ-круга; многіе, перестали мнѣ кланяться; кто-то увѣрялъ меня въ глаза, что я уморъ. Что-же бы сказали, что бы сдѣлали всѣ эти добрые люди, если бы узнали, въ довершеніе, что я пишу фельетоны...

И нынче, въ Новый-Годъ, въ то время, какъ вы, читатели и читательницы «Пантеона» порхали... скользили... пѣтъ, метафора все еще слишкомъ сильна... боронили московскую или петербургскую кашу, то есть снѣгъ, обратившійся въ кашу, гонимые желаніемъ или необходимою поздравить съ Новымъ-Годомъ добрыхъ знакомыхъ, — въ то время, какъ вы, другіе читатели и читательницы, торжественно воссѣдая въ гостиной, на диванѣ, съ соразмѣривъ

вашему чувству собственного достоинства важною ожидаю почтеннаго явленія предъ ваши очи клиентовъ разнаго рода и званія, — въ то время, какъ вы, еще цные читатели и читательницы, улыбались или хурились новому году, средь какого-нибудь деревенскаго затишья, и сидѣли, напримѣръ, за завтракомъ, окруженные полудюжиною чудныхъ дѣтокъ и дюжиною тарелокъ слобнаго печенья, — я сидѣлъ дома и не трогался съ мѣста. Передо мною, подобно тѣнямъ волшебнаго дѣтскаго фонарика, неслись экипажи и фигуры, экипажи, — частью блестящія и роскошныя, фигуры — болѣею частью сіяющія, а я между-тѣмъ въ десятый разъ люблюсь на «тройку» г. Сверчкова — вѣрнѣе на литографію съ этой картины г. Сверчкова, приложенную къ № 35 «Русскаго Художественнаго Листка».

Видѣли-ли вы эту картину въ оригиналѣ, читатель? Я ее не видалъ; но смѣло говорю: чудная должна быть картина! Прибавляю: не было у насъ ни одной картины подобной — въ этомъ родѣ. Тройка, да какая тройка, несется на васъ — коренная на полныхъ рысахъ, пристяжныя только-что не въ растяжку, — и въ ту минуту, когда ей нужно сдѣлать поворотъ по дорогѣ, она осаживается ямщикомъ почти на мѣстѣ, чтобы не наѣхать на лошадь ѣдущаго съ бочкой, которой ямщику не было видно изъ-за чащи ельника. Самая тройка безукоризненна: стиль запряжки лошадей щегольскихъ, ямскихъ, или еще вѣрнѣе охотничьихъ, понятъ въ совершенствѣ и переданъ мастерски; даже обыденное, извѣстное любителямъ отношеніе ладовъ правой пристяжной къ лѣвой, и то не упущено изъ вида; коренная совсѣмъ сѣла на одну заднюю ногу, другая задняя нога еще отстала; правая пристяжная, ставшая уже на рысь, естественно валится на коренную, потому-что тройка правилась налѣво; лѣвая — пуше осаживаемая, падается на самыя сани. Въ этихъ подробностяхъ все превосходно. Декорация въ цѣломъ прекрасна: деревья передняго плана, возы сѣна, даль, тамъ и здѣсь напудренные снѣгомъ, — серебряная матовая пыль, поднимающаяся изъ-подъ тройки: все это вы чувствуете, и если на минуту отведете глаза отъ фигуры крестьянина или кучера, (я не вижу, кого тутъ хотѣлъ изобразить г. Сверчковъ) ѣдущаго съ бочкой, — фигуры, относительно чрезвычайно слабой, — вамъ становится и жутко и хорошо передъ «тройкой», какъ, напримѣръ, отъ ухарской ямщицкой пѣсни, пропѣтой чистымъ природнымъ голосомъ, но просто и безъ подслащенія фіоритурой салоннаго маэстро. А вотъ эта неопредѣлимая фигура — кучера или крестьянина — именно и есть одна изъ такихъ фіоритуръ, которыя вортятъ цѣлое.

Глажу я еще на «Тройку» г. Сверчкова — и вспоминаю, что прошедшій декабрь въ Москвѣ особенно покровительствовалъ тройкамъ.

Одинъ петербургскій фельетонистъ, — условная пакъ-то о распростра-
вившейся въ Петербургѣ модѣ катанія на тройкахъ, называетъ величавое
негодование на эту моду, и восклицаетъ, въ заключеніе; «Что это! Неужели
мы возвратимся къ временамъ московскаго *Баклази*?» — У всякаго барона
своя фантазія, гласитъ одна старинная поговорка; поэтому, смѣшно бы-
ло-бы требовать отъ ученаго фельетониста, чтобы онъ любилъ катанье
на тройкѣ, если онъ къ нему не склоненъ; если-же фельетонистъ
не русскій, такъ и искать въ немъ подобной склонности не послѣдова-
тельно: иностранецъ, напримеръ, не любитъ ни отливной остринны,
ни зернистой якры, ни щей, ни хорошаго кваса, и предпочитаетъ
больничныи габерсунъ mit Pfauen, Kartoffelgrütze, Kuchen mit
trocknen Eßsen, бутылочное пиво и копѣечную сигарку.... Почему-же
и ученому фельетонисту не быть немножко *тройкофобомъ*? Можетъ-
быть, это даже и необходимо; можетъ-быть, это даже и доказываетъ
ученость, или хотя великосвѣтскость, на которой начинаютъ мало-по-
малу мѣняться всѣ наши домароченные Гино, съ легкой руки г. Ин-
городнаго Подписчика. Но вотъ что очень забавно: «неужели мы воз-
вратимся къ временамъ московскаго *Баклази*? — краснорѣчиво и глу-
бокомысленно заключаетъ фельетонистъ». «Вотъ ученость-то!» поду-
маетъ, пожалуй, иной добродушный читатель — «вѣдь, я чай, слово
прямо изъ Герберштейна, или тамъ изъ Нестера! Такъ вотъ я пышеть
этипписью!» — Дѣло гораздо проще, господа. Въ Москвѣ не такъ
давно еще славилась ладикъ Балага, умершій всего тому лѣтъ пять,
шесть. Балагу знала не только вся Москва, — это не ипербола, спросите
у молодежи, у спортсменовъ, у стариковъ, у многихъ свѣтскихъ дамъ, —
Балагу знало полу-Петербурга, Балагу знали въ Харьковѣ, знали въ
Курскѣ, въ Воронежѣ и во многихъ еще мѣстахъ: Балага (Петръ Ми-
хайловъ) былъ рѣдкій красавецъ собою, а на тройкѣ, лишь только
взялъ онъ вожжи — неподражаемъ. Это-то и дало Балагѣ сначала из-
вѣстность, потомъ славу и богатство. Сынъ очень неважнаго ямщика
станціи Городня, известной во всемъ, кто ѣздилъ по петербурго-москов-
скому тракту, Балага пріѣхалъ въ Москву на одной тройкѣ, а черезъ
три года у него ихъ было болѣе ста; его лошади возили всѣ дилжан-
сы отъ Москвы до Твери и отъ Новгорода до Петербурга; сверхъ-того,
кому-бы ни случалась нужда посѣтить куда-либо изъ Москвы на часъ,
тотъ посылалъ за Балагой, и будь пунктъ назначенія Петербургъ или
Одесса, Варшава или Казань, Балага садился на козлы въ качествѣ
курьера, и сѣдокъ въ условленную минуту выходилъ изъ экипажа у своей

длин. Тотъ-же Балага ввелъ въ Москвѣ моду кататься на явскихъ тройкахъ: всякій хотѣлъ прокатиться съ Балагаой, и что это были за тройки! Составлялся-ли пикникъ, посылали за Балагаой; нужно-ли было повѣсть сдѣлать жениху подарокъ, который-бы послѣлъ за полтораста верстъ въ данную секунду, никто-бы и не взялся за дѣло, кромѣ Балаги; нужно-ли было къ импровизованному на скорую руку балу или обѣду, достать издалека человѣка, вещь, фрукты—одно было средство: Балага. И изъ этого-то бѣднаго Балаги, котораго, какъ я сказалъ, нѣтъ уже на свѣтѣ лѣтъ пять или шесть, изъ этого великолѣпнѣйшаго экранна-ра широкой, забубенной русской удали, ученый петербургскій фельетонистъ сдѣлалъ «московскую баклагу!» Не имѣетъ-ли этотъ ученый штрихъ нѣчто общее съ штрихами извѣстныхъ французскихъ писателей о Россіи, которые говорили: «en Russie tout les enfans sont manchots!» — «il y a en Russie une espèce de chiens qu'on appelle sobacq», — «il était assis à l'ombre d'un majestueux kliucva?»

Читатель убѣждается изъ сказаннаго, что въ противоположность ученому петербургскому фельетонисту, московскій корреспондентъ «Пантеона» одержимъ слабостью къ тройкѣ и всему, что до нея относится. Дѣйствительно, сознаюсь и въ томъ даже, что благодаренъ случаю, устроившему сближеніе на одной страничкѣ слова о художественномъ произведеніи г. Сверчкова и воспоминанія о Балагѣ, этомъ крайне-замѣчательномъ, крайне-интересномъ, и съ физической и съ нравственной стороны, типѣ, которымъ, ужъ конечно, не пренебрегъ-бы и самъ почтенный художникъ, отворившій себѣ двери Академіи прекраснымъ лезуномъ: «свое, родное!» На этомъ основаніи, смѣю надѣяться, оя не вышлетъ съ меня и за сказанное сближеніе.

Ужъ встаетъ о фельетонистахъ. Г. Д., петербургскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ одномъ изъ своихъ писемъ, рассказывая о катаньяхъ Петербурга на тройкахъ, съ пафосомъ, совершенно противнымъ чувству автора «временъ московскаго баклаги», расписался до того, что покрылъ лошадей которой-то изъ своихъ троекъ «наметами!» «Переметами»—конечно, хотѣлъ сказать г. Д. «Наметъ» и «переметь» такъ-же похожи между-собою, какъ «колесо» и «укусъ», или, ежели хотѣть, какъ два водевильныя заглавія, соединенныя частичкою «или»....

Въ Москвѣ теперь есть уже, маленький покуда, преемникъ Балаги. Это — Кузьма Ечкинъ. У Ечкина есть славныя тройки и сани, прекрасно-устроенныя для загородныхъ прогулокъ: обитыя ковромъ, въ которыхъ помѣщается легко шесть-семь человѣкъ и которыя повалить невозможно.... Все это москвичи достаточно знаютъ. И нѣрѣдко встрѣтите въ во Москвѣ три-четыре тройки, весело несущіяся къ которой-

нибудь из заставъ. Отличный кейфъ для русскаго человѣка послѣ широкаго обѣда: завалиться въ покойныя сани и пролетѣть верстъ десятую-другую, зайти куда-нибудь съ легкаго мороза, выпить чаю и опять нестись домой, съ тѣмъ, чтобы поспѣть ко второму дѣйствию балета, или успѣть на свободѣ готовиться на вечеръ. Какъ славно обрызжетъ тебѣ снѣжная пыль, какъ здорово протрясетъ лихая тройка, для которой нѣтъ ни пня, ни кочки, ни ухаба, ни сугроба, — какъ живоительно провѣтрить полевой воздухъ, сколько игривой мечты, и быть-можетъ, не одно воспоминаніе способны пробудить знакомые каждому переизливы и замиранія колокольчика и бубенчиковъ!

Минушіе два мѣсяца немало благопріятствовали у насъ трюмчанымъ катаньямъ. Любимая цѣль прогулокъ и обыкновенное мѣсто зимнихъ пикниковъ, кромѣ Яра, въ Петровскомъ паркѣ, деревня Билулево, первая станція по тульскому тракту, лежащая верстахъ въ четырнадцать отъ заставы, и гдѣ есть очень хорошій ресторанъ. Впрочемъ, мало-ли куда ѣздить: только въ другихъ мѣстахъ вамъ, пожалуй, придется пить чай въ кабѣ и дышать самой тяжелой атмосферой. Въ Сокольникахъ есть еще маленькое спасеніе: Французъ Яковъ Савельевъ, представленный мною читателямъ въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ писемъ, предлагаетъ вамъ какіе-то особенные блины на ягодномъ сиропѣ, на которыхъ можетъ даже изобразить, буде пожелаете, вензель вашъ или любезной вашего сердца, или сердце прозенное стрѣлой, или всякую иную аллегорію, болѣе или менѣе подходящую къ случаю. Разумѣется, это придаетъ чрезвычайный вкусъ блинамъ и-г Якова Савельева.... Но вотъ и омега того, на что можно разсчитывать любителя комфорта, отправившемуся проѣхать за городъ.

Полно, однакожъ, блуждать по лабиринтамъ гипноманіи, куда мы забрели такъ нечаянно; перенесемтесь въ нынѣшныя сферы.

... Маскарады? Маскарады продолжаются въ Купеческомъ и Нѣмецкомъ Собраніяхъ, въ театрѣ—и начались въ благородномъ собраніи.

Благородное Собраніе дѣлаетъ гораздо больше прежняго, чтобы наполнить свои залы, какъ наполнялись онѣ прежде. Помѣщенъ въ самомъ домѣ костюмеръ, отъ котораго пріѣхавшій можетъ прямо пройти въ залы и теплымъ ходомъ; играетъ оркестръ Сакса; слышалъ я даже что гдѣ-то журчитъ фонтанъ, хотя, впрочемъ, журчаніи фонтана не слышалъ; право входа предоставлено и лицамъ, прежде не переступавшимъ заветнаго порога; однажды собраніе магически или электрически освѣтилось въ три четверти минуты или секунды... во все это мало привлекаетъ гостей.... Нѣтъ, въ Москвѣ рѣшительно не хотятъ понять прелесть общественнаго удовольствія. Опровергаютъ это развѣ маскара-

ды Купеческаго Собранія, которые, какъ говорилъ я не разъ, постоянно полны; но что значить число посѣтителей, вмѣщаемыхъ однимъ купеческимъ собраніемъ, въ сравненіи съ населеніемъ цѣлаго города? Маскарады же у нѣмцевъ и театральные, можетъ-быть, и способны возстать противъ моего перваго заключенія тысячью-другою голосовъ, а все-таки не разрѣшаютъ задачи, насъ занимающей: гдѣ въ Москвѣ то общественное собраніе, въ которое бы любилъ ѣздить всякій, и куда бы дѣйствительно съѣзжалось большое, хотя и разнообразное, но не отборное общество?

Я до-сихъ-поръ постоянно отзывался обо всѣхъ этихъ собраніяхъ, маскарадахъ и балахъ въ самыхъ короткихъ выраженіяхъ: не подумавъ бы, иной читатель что я вовсе незнакомъ съ ними, и говорю только по наслышкѣ? И въ-самомъ-дѣлѣ. Такъ не позволите-ли, въ доказательство моей состоятельности по этой части, представить здѣсь нѣсколько сценочекъ, и главное, по образчику маскарадныхъ разговоровъ: въ Благородномъ Собраніи, въ Купеческомъ, въ Нѣмецкомъ и въ театрѣ; это дастъ вамъ и тонъ четырехъ различныхъ маскарадовъ.

Мы въ Благородномъ Собраніи. Играетъ Саксъ. Никто не танцуетъ. Тишина, можно сказать, мертвая. Домино частію черныя и чрезвычайно скромныя, частію бѣлыя, частію же совершенный *genre-gasas* съ нахально-широкимъ кружевомъ; послѣдняго рода домино никого не интригуютъ, ходятъ почти исключительно по двое, къ чернымъ и бѣлымъ домино не подходятъ, и въ былое время въ благородномъ собраніи они и вовсе не встрѣчались.

Нѣкто, положимъ, молодой человекъ пріятной наружности, стоитъ въ патетической позѣ, въ родѣ героевъ Марлинскаго, или сидитъ утомленный, какъ одинъ изъ слаонервныхъ красавчиковъ повѣстей г. Дружинина. Не лишнее замѣтить, что такого рода романтизмъ время еще не вовсе вытрасло изъ нашихъ маскарадныхъ кавалеровъ.

Проходить черное домино, вы бы сказали нѣчто подъ колоколомъ изъ чернаго муаре; только два отверстія для глазъ и кончикъ носоваго платка не — чорище.

— Ты скучаешь! говоритъ домино пискливымъ голосомъ.

— Какъ видишь! отвѣчаетъ кавалеръ, гробовымъ голосомъ, ежели онъ герой à la-Марлинскій; разбитымъ груднымъ контраalto, если онъ красавчикъ въ стилѣ г. Дружинина.

Изъ десяти разъ девять разговоръ тѣмъ и кончается. Возобновится онъ другимъ домино, такъ безусловно въ той же формѣ.

Исключеніе:

— Ты думаешь о своей Ольгѣ?

— О какой Ольгѣ?

— Полно, весь свѣтъ это знаетъ.

— Я не знаю никакой Ольги.

Пойдутъ ходить. Помолчать. Поговорять немножко.

Она спроситъ стаканъ воды.

Онъ скажетъ нѣсколько очень неловкихъ французскихъ фразъ, и приведетъ подслушавшаго—фельетониста, напиритѣрь— къ заключенію, что если нѣкоторыя русскія дамы иногда безжалостно коверкаютъ родное слово, такъ есть у насъ и русскіе кавалеры, которые куда—плохо объясняются по—французски.

Чета расколется, и каждый, т. е. онъ и она, возвращается домой, а долагаю, чрезвычайно—утомленные впечатлѣніями вечера.

Въ Купеческомъ Собраніи больше жизни и больше разнообразія.

Музыка играетъ въ двухъ залахъ, гдѣ и танцуютъ съ такимъ усердіемъ, что нная кадрия выдѣлываетъ фигуры на шпѣтѣ. Тамъ немнѣе веселье непритворное. Домино и маски самыя разнообразныя: ипочемъ атласъ, бархатъ, турецкія шали, брилліантовые булавки; есть и — сиренные черныя капуцины; есть маски въ болѣе нежелезавезатѣливомъ, почти домашнемъ, платьѣ, иногда въ пелеринѣ съ любящимъ пухомъ, чаще съ кашкиломъ. Изобиліе цвѣтныхъ фраковъ съ золотымъ пуговицамъ. Столовыя залы не пусты, когда еще и не помышляютъ объ ужинѣ. Въ билліардъ можетъ играть только самый отчаянный поклонникъ билліарда или неизлечимый мизантропъ, потому—что, снующая мимо взадъ и впередъ толпа способна сбить съ толку какого угодно игрока. Далѣе биткомъ набито. Повсемѣстно духота и замѣтное преобладаніе румянца на лицахъ. Баснословное поглощеніе оржада, лимонада, мороженога, винограда, и проч. Мужской буфетъ совершенно въ сторонѣ. Пастушекъ, Тиролекъ, арлекиновъ и тому подобныхъ костюмовъ — не увидите.

Мужское общество состоитъ изъ представителей всевозможныхъ слоевъ и кружковъ. Здѣсь и военный, и статскій, и левъ Кузнецкого—моста, и семнадцатилѣтній юноша, и пятидесятилѣтній Вася въ парикѣ и очкахъ, все еще выдающій себя за жениха, и фигурантъ, играющій иногда драматическія роли, и художникъ, и безбородый кунаецъ, и армянинъ съ крашеной бородой, въ зриванкѣ и съ длиннѣйшими рукавами, и литературный гений, и бѣдный фельетонистъ, здѣсь бываетъ

и герой á-la-Martinaku, и красавчикъ á-la-г. Дружининъ; но только оба они теряютъ свою самобытность въ этой пестрой маскаральной смѣси... Здѣсь были бы, какъ видите, почти все и даже, можетъ-быть, и больше, ежелибы только помѣщеніе было обширнѣе.

Относительно дамъ... но не будемъ нарушать никого изъ тѣхъ, которыя не хотятъ снимать маску, а съ тѣми, которыя ее позвѣтъ снять, въ подробности зачѣмъ васъ знакомить?

Общая правила: къ герою á-la-Martinakskій и къ слабонервному красавчику маска Купеческаго Собранія не подходитъ—она знаетъ, что эти господа не забавны; за этимъ изъятіемъ, маска купеческаго собранія подходитъ почти ко всѣмъ, не тронетъ развѣ только армянина.

Вотъ вамъ сцена.

Идетъ молодой человекъ, самой открытой наружности и съ неприторнымъ признаніемъ на лицѣ, что онъ здѣсь не безъ цѣли; глазами онъ очевидно ищетъ.

Ему навстрѣчу маска.

— Митя, какой ты сегодня хорошенькій!

— Спасибо!

Другая:

— Какъ неучтиво не кланяться знакомымъ!

— Здравствуй, beau masque!

Третья:

— Я вчера имѣла счастье встрѣтиться съ вами въ Голицынской галереѣ: хоть бы улыбнулись.

— Ты знаешь: я близорукъ.

— Не для всѣхъ.

— Напримѣръ?

Четвертая:

— Митя, я просто въ тебя влюблена; я безъ тебя жить не могу.

— Пойдемъ помоги мнѣ отыскать одну маску.

— Любезень, нечего сказать. Пойдемъ:

Они идутъ. Но вотъ кто-то бьетъ Митю по рукѣ цвѣткомъ; онъ смотритъ: бѣлая гвоздичка. Митя бросаетъ свою спутницу, беретъ подъ руку стренькую капудинку; и они уходятъ въ послѣднюю комнату. Митя и его маска садятся. Оба такъ довольны, что вообразить это не всякому легко. И начинается болтовня, болтовня... болтовня, иногда

прерываемая молчаніемъ, краснорѣчивымъ болѣе иныхъ словъ; болтовня о чемъ? Э, да о чемъ же, въ былые дни болтали мы съ вами, читатель, когда бывали на мѣстѣ Мити!

— Счастливецъ этотъ Митя! говорить, между собою его пріятелю Митю приходять звать ужинать.

— Иду, говорить Митя, и не трогается съ мѣста.

Митѣ одинъ за другимъ присылають шампанскаго.

— Поставь! говорить Митя, и не пьеть.

До ужина ли ему, до шампанскаго ли? Ему, который не взялъ бы за свое мѣсто шестидесяти гектаровъ въ Калифорніи?

Но оставимъ Митю.

Къ нѣмцамъ.

«Die Vorsteher der deutschen Bürger-Gesellschaft zeigen hiermit an, и проч. Gäste, durch Mitglieder eingeführt, zahlen 1 R. S. Entrée.»

Какъ видите, не дороже театральнаго маскарада.

Открыто помѣщеніе Благороднаго Собранія. Музыка гремить. Въ одною концѣ Саксъ, въ другомъ военный хоръ, иногда еще гдѣ-нибудь оркестрикъ. Пировать такъ пировать, танцовать такъ танцовать, дѣло настоящее.

Die Herren Mitglieder все здѣсь съ своими семействами, а фамиліи у нихъ премногочисленныя: Mitglied, являющийся самъ семь, считается чуть ли не бобылемъ; зато есть семейства въ пятнадцать головъ, изъ коихъ, по уставу собранія, ни одна за входъ не платитъ. Возможно ли, спрашиваю, не радоваться?

Нѣмочки, сильно издающія благовопія Ралле и Мусатова, отъ флёр-д'оранжа до амбрэ включительно, и здѣсь, однакоже, носятъ на себѣ печать нѣкоторой сантиментальности. Она выражается преимущественно въ склонности къ Mandelmilch, отвращеніи къ маскѣ и почти безусловной предилекціи къ бѣлой кисеѣ. На шеѣ тоненькая ленточка, извивающаяся змѣйкой, приколотая крестикомъ и рѣдко соображенная съ цвѣтомъ волосъ; на лъвицѣ можетъ случиться увидѣть гранаты; нную уличите въ носеніи волосянаго свурочка, убѣгающаго, виѣсть съ стекляннымъ или золотымъ сердечкомъ, осыпанномъ бирюзой, за корсажъ. Сами Mitglieder негражданинъ если не въ бѣлыхъ, такъ въ лѣтнихъ жилетахъ и галстухахъ.

До извѣстнаго времени семьи съ важностію ходятъ издѣльными группами. Вы понимаете, что здѣсь и все дѣти, не только четиридѣлѣтъ. Составляются танцы, чинные и скромные; танцуютъ все дѣти,

ше старше семидесяти. Около танцующаго члена семейства останавливается весь его род; иная иѣжная мать или бабушка, тацця держитъ въ каждой рукѣ по три руки малолѣтнихъ дочерей, или внучекъ, которыя не мѣшаютъ ей выдѣлывать всѣ фигуры какъ нельзя точно.

Но навѣзжаютъ больше и больше посторонніе посѣтители: маски, молодежь разнаго рода, иноплеменики однимъ словомъ. За полночь шумъ все растетъ. Танцы принимаютъ характеръ живой, Онагры Кузнецкаго-моста становятся львами. Milglieder'ы проваживаютъ свои семейства, которымъ, по принятымъ обычаямъ, спать пора. На верху наизмылено такъ, что, буквально, «хоть топоръ повѣсь.»

Внизу продолжаютъ танцы и ужинъ. Маски всѣ сняты. Лица горятъ; кушанье поглощается съ гомерическимъ аппетитомъ; пива къ концу никогда недостаетъ. Кое-гдѣ хлопаютъ пробка...

И опять танцы... Костюмы масокъ вообще безъ всякихъ претензій. Въ обращеніи очень много простоты.

Несмотря на это, вернуться изъ маскарада Нѣмецкаго Клуба съ головою болью и съ испорченнымъ желудкомъ не мудрость.

Наконецъ, театральныи маскарадъ.

Два оркестра музыки: внизу большой военный, наверху бальный, внизу же хоръ цыганъ. Ложи пусты. Только двѣ или три ложи заняты въ первомъ ярусѣ: это дамы принадлежащія къ театру; двѣ въ бель-этажѣ: въ каждой изъ этихъ ложъ сидятъ не москвичи, а заѣзжіе провинціалы. Между разными дѣковинами Москвы, надо же имъ посмотреть и на маскарадъ.

Позвольте: что это за tête-à-tête противъ нихъ, немножко наискось, въ литерной ложѣ перваго яруса? Это, имѣю честь доложить, маскарадныи дебютантъ, который съ восторгомъ заплатилъ десять рублей серебромъ, в сѣлъ съ своей маской у самой рампы, чтобъ показать себя міру. Забавно то, что онъ, вѣдь, и въ-самомъ-дѣлѣ, говоритъ, съ своей маской не безъ учащеннаго біенія сердца—что ужасно смѣшно и самой маскѣ.

По нижней залѣ, занимающей все пространство сцены и партера, снуютъ разныя одежды домино всѣхъ цвѣтовъ и цѣвъ, пастушки, тирольки, италіанки, русскія кормилицы, кучера, арлекины, шеррô, кассандры, поллашвилли, дебардѣры, рыцари, маркизы, розовыя коленкоровыя платья, украшенныя фольгой, двуличневыя пелеринки съ бахромой или лебяжьимъ руло. Все это, пропитанное вмѣстѣ особенною смѣсью аромата, въ составъ котораго входятъ пачули, корица, гвоздика, розовое масло и прочіе подобные пахучіе одѣры, все это поднимается въ верхнія залы, но вре-

менно-устроенной гѣсеннѣ, то льется оттуда, по соответствующему ей спуску. Толпа, впрочемъ, не всегда большая. Наверху, въ одной залѣ накрыты для ужина столы; въ одинъ конецъ комната со столами занаврытыми и буфетъ, дагѣ уборныя; въ другую сторону опять буфетъ и трио, въ которомъ всякому предоставляется возможность любоваться на себя во весь ростъ,—двѣ проходныя залы и третья, гдѣ оркестръ и постоянныя танцы, тутъ уже толкотня, давка и духота, ни съ чѣмъ, несравнимыя. Бани, относится къ этой залѣ какъ Гренландія къ великой пустынѣ. Пробыли вы здѣсь секунду, съ вами дѣлается тоже, что бы сдѣлалось, еслибъ васъ окунули въ кипятокъ. Отношеніе количества танцующихъ паръ къ мѣсту, ими издерживаемому, можно приблизительно опредѣлить такъ: гдѣ болѣе квадратной сажени мѣста, тамъ движется болѣе шестнадцати и до тридцати—двухъ паръ. Увлеченіе и усардіе соразмѣрныя. Но сначала маскарада, во всякомъ случаѣ, выгоднѣе присутствовать при танцахъ нижней залы: эти, во-первыхъ не соединены для зрителя съ неудобствами, потому-что внизу и просторнѣе и не такъ жарко, кромѣ-того, дѣйствительно подчасъ чрезвычайно характеристичны и вызываютъ основательныя рукоплесканія дѣнителей. Въ три часа за полночь, если вы дожили въ театральномъ маскарадѣ до трехъ часовъ, поднимайтесь непременно на верхъ, въ танцевальную залу. Тогда вы сдѣлаетесь свидѣтелемъ такой картины, какой самое разгоряченное воображеніе не сумѣетъ состроить себѣ во всей ея истиннѣ.

... Благородное Собраніе, кромѣ маскарадовъ, отворяло свои залы для ярмарки въ пользу бѣдныхъ и для музыкальныхъ утръ г. Максимилиана Сакса.

Ярмарка длилась три дня. Самопожертвованіе московскихъ красавицъ на пользу страдающихъ, довольно затѣйливая обстановка рынка, концертъ, тутъ-же устроенный и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно г. Воскресенскому и г-жамъ Тюриной и Фриде: вотъ въ нѣсколькихъ словахъ воспоминавія, которыя ярмарка, вѣроятно, оставила въ многочисленныхъ ея посѣтителяхъ.

Что касается до утръ г. Сакса, повѣрите-ли, что они были очень недурны? Во-первыхъ, оркестръ Сакса и самъ-по-себѣ гораздо выше другихъ ему подобныхъ; во-вторыхъ, г. Саксъ пополнялъ его музыкантами изъ театрального оркестра, и, поэтому, если не всегда одинаково удовлетворительно осваивалъ серьезную музыку, такъ, по-крайней-мѣрѣ, виному не терзалъ слухъ за тотъ рубль серебромъ, который положилъ за входъ на свои утра. Для публики, продовольствуемой безъ передышки пѣльями, галопами и редовами, и нерасположенной жертвовать тремя

рублемъ серебромъ, наимѣншею цѣною пречистъ концертъ, утра г. Слеса, по воюму, вещь даже полезная: нехотн навязываются слуху мелодіи, которыя мало-по-малу очищаютъ вкусъ, стало-быть, оставляютъ шестоголвіа.

Г жа Ниссенъ-Саломонъ дала еще одинъ концертъ; слышали мы еще хорошаго віолончлиста, г. Монтини (о которомъ говорилъ я въ началѣ 1852 г.), а съ нимъ опять г. Соколовскаго; продолжались въ залѣ Университета музыкальные вечера любителей въ соединеніи съ театральнымъ оркестромъ; пріѣхали въ Москву: г. д'Аржантонъ, ученикъ Шопепа, о которомъ «Московскія Вѣдомости» отзываются съ большою похвалою,—и одиннадцатилѣтняя Марін Серато, которую намъ также предстоитъ слышать въ скоромъ времени. Все это заставляетъ думать, что мы какъ-будто становимся помузыкальнѣе. Давай Богъ! Придетъ пость, и когда зимѣ предстанетъ необходимость донѣвать свою лебединую пѣсню, мы, привыкшіе къ зимѣ и любящіе ее, сказать по совѣсти, едва-ли не болѣе другихъ временъ года, съ меньшимъ сожалѣніемъ станемъ провожать ее при помощи интереснѣхъ музыкальныхъ развлеченій и пріятныхъ ощущеній, которыми надѣлаютъ каждаго истинные виртуозы.

... Вы знаете, что въ населяннѣ стекаются въ Москву, какъ и въ Петербургъ, разнаго рода паворомы, жонглеры и фокусники. Все это, по обыкновенію, старается рекомендовать себя публикѣ заблаговременно, чтобы закупить ее въ свою пользу на весь сезонъ. На ныѣшній разъ о своемъ прибытіи «въ сію столицу» уже возвѣстили: г. Адольфъ, египетскій магъ, двѣ-три панорамы, ушь разу-мѣтся, писанныя великими художниками, и два-три восковыхъ кабинета, которые увѣряютъ, что они такъ хороши, что «Museo Borbonico» имъ въ подметки не годится. Но если можетъ журналъ, учено-литературный, увѣрять, что для него извѣстный художникъ самъ раскрашиваетъ каждую модную картинку, почему-же содержателямъ панорамъ не вести начало своихъ коллекцій хотя бы отъ Чинабуэ, содержателямъ восковыхъ кабинетовъ отъ Фидіаса?

... Мнѣ слѣдуетъ теперь сказать о новостяхъ театральнѣхъ и литературнѣхъ.

Начнемъ съ первыхъ.

«Что такое Муффляръ? Муффляръ актеръ, конечно, но какой актеръ? Собственно говоря, онъ не принадлежитъ ни къ которому изъ театровъ, потому-что никакой театръ не согласится держать столь несправнаго пансіонера. Ленивымъ, пьяница, неагуретный, забійка, не-

рессивникъ; врагъ дисциплины, Муффляръ, однако же, артистъ съ увлеченіемъ, съ огнемъ, полный жизни и ловкости. У него теперь не дастаютъ зубы, онъ почти слѣпъ, онъ усталъ, онъ погасъ; онъ разноситъ свою праздность по всѣмъ лавочкамъ кофейныхъ, столько-же угнетенныхъ, какъ и самъ онъ; но только прикоснется онъ къ доскамъ театральнымъ, дымъ этого треножника оживляетъ его, онъ воскресаетъ; видъ публики даетъ ему голосъ, взглядъ, молодость; его воодушевленіе магнитически проливается во всѣ поры зрителей; въ продолженіе цѣлаго вечера Муффляръ властелинъ безусловный умовъ и душъ. Онъ ищетъ бы богатства Гаррика, захоти только. Никто не знаетъ, есть ли уголь у него. Сколько разъ его находили спящимъ на краю канала!

Сравните Муффлара съ Тинторелемъ. Тинторель разсуждаетъ глубоко, серьезно объ искусствѣ сценическаго художника онъ знаетъ по-гречески и по-латыни; никто какъ онъ не изучалъ науку костюма. Онъ могъ бы поучить Россію, какъ должно драпироваться, Флери, какъ носить съ граціей придворный нарядъ. Нѣтъ того преданія въ искусствѣ, которое было бы неизвѣстно ему; онъ способенъ иногда привести вамъ цитаты изъ Пандектъ, по поводу парика или бороды. Онъ рисуетъ хорошо, онъ хорошій скульпторъ, ловкій живописецъ; чего онъ не знаетъ? Тинторель все знаетъ, все умѣетъ, только не умѣетъ быть драматическимъ артистомъ. Его можно сравнить съ одною изъ тѣхъ этрусскихъ вазъ, которую украшаетъ безконечное количество эмблемъ и рельефы большого художественнаго достоинства; прекрасно: только вещь, столь-изукрашенная и великолѣбно-обогащенная, не болѣе, какъ кувшинъ. Тинторель — тоже самое.

«А Валери? Валери—плѣшивый jeune-premier, тоже съ любовными чертами. Какъ Муффляръ и Тинторель, онъ типъ слишкомъ многочисленнаго класса артистовъ, весьма распространенныхъ по театрамъ. Зимой и лѣтомъ, Валери выходитъ не иначе, какъ окутанный шарфомъ, который закрываетъ ему лицо до самаго носа. Онъ утверждаетъ, что дѣлаетъ это для сбереженія голоса; колоссальное фатство, потому-что давно уже у несчастнаго нѣтъ голоса. Но при помощи этой живописной драпировки онъ заставляетъ слишкомъ доверчивыхъ директоровъ и злополучныхъ авторовъ предполагать, что у него иногда бываетъ голосъ. Онъ учить роли, благочестиво шепчетъ ихъ на репетиціяхъ; но врѣхотъ день перваго представленія, и Валери начиняетъ возиться въ кулисахъ съ какимъ-то зеленымъ сиропомъ. Молчаніе! Онъ выходитъ на сцену! Вотъ разразится знаменитый голосъ: дождитесь! Бережного голоса и не слышно; его нѣтъ. Авторъ, въ отчаяніи, ду-

заетъ себя: «завтра, конечно, Валери будетъ въ голосъ, это случайность, несчастная случайность; отдыхъ и зеленый сиропъ произведутъ благотворное дѣйствіе». На другой день, авторъ возвращается въ театръ, въ тотъ-же часъ, къ той-же сценѣ. Валери, закинувъ голову назадъ, возведя глаза къ потолку и открывъ ротъ, глотаетъ голубой сиропъ: о горе! голосъ-то, видно, не возвратился. Валери опять выходитъ на сцену, говорить, и его слышать, если можно, еще менѣе, нежели наканунѣ. Бѣдный авторъ все-таки утѣшаетъ себя: «голубой сиропъ въ соединеніи съ зеленымъ очиститъ на этотъ разъ голосъ Валери». Но завтра тоже разочарованіе. Одинъ за другимъ, въ горло Валери льются сиропы всѣхъ цвѣтовъ, а Валери отъ этого слышно не болѣе, не лучше. Послѣ десяти дней подобныхъ продѣлокъ, публика, утомившись, дѣлаетъ тоже, что голосъ Валери: она не возвращается. Авторъ разоренъ. Валери получаетъ тысячу франковъ въ мѣсяцъ за свое ремесло нѣмого. И,—вещь не слыханая, скажете вы, не вѣроятная кажется, если только предположить ее,—господа Валери есть во Французскомъ Театрѣ, и въ Одеонѣ, въ Оперѣ, и они все-таки ангажируются! И не поднимется ни одного голоса противъ этихъ голосовъ, которыхъ никто не слышитъ. *

Эти остроумные апологи мы приводимъ здѣсь не даромъ. Не имѣя ни малѣйшей претензіи на поученіе, я отъ души желалъ бы, чтобы въ нихъ повнимательнѣе вчитался и вникли наши русскіе артисты: начинающаго драматическое поприще они, быть-можетъ, навели бы на нѣсколько плодотворныхъ размышленій о томъ, какими трудностями усѣяно предстоящее ему поприще, въ-слѣдствіе тѣхъ строгихъ требованій отъ артиста, которыя все громче и громче възявляетъ время; дѣйствующаго на этомъ поприщѣ давно, можетъ-быть, спасли-бы отъ всегда неприятныхъ ударовъ самолюбію, которые такъ легко готовить себѣ всякая незнающая себя сила, всякая излишняя самоувѣренность; публику, наконецъ, можетъ-быть, иногда обезпечили бы отъ впечатлѣній, вовсе не въящныхъ и еще менѣе интересныхъ.

* Изъ «Le lilas de Pers», романа картины французскихъ театральнхъ нравовъ, г. Леона Гозлана, «cet élégant ciseleur de phrases», какъ называлъ его покойный Шарль Нодье. Рекомендую читателямъ эту книжку, очень еще недавно вышедшую. Замѣчательное соединеніе прекраснаго матеріала съ самою блестящею обработкою и остроумными изложеніемъ, какихъ только можно желать въ подобнаго рода произведеніи. Я утѣренъ, что «Пантеонъ» посѣпшилъ бы перевести «Le lilas de Perse» для своихъ читателей, если бы не боялся, что сочиненіе г. Гозлана слишкомъ много потеряетъ на русскомъ языкѣ, какъ и теперь и приводима имъ тирада.

Простите еще одно маленькое отступление, как увидите, то-же не совсѣмъ не умѣстное.

Покойный П. С. Мочаловъ, пользовавшійся въ Москвѣ, какъ извѣстно, и большою славою и очень большою популярностію, сдѣлалъ въ свое время не мало прозелитовъ и не оставилъ на сценѣ ни одного *жизлаго* воспоминанія: я хочу сказать, ни одного артиста, о которомъ можно было бы выразиться: «вотъ преемникъ Мочалова», или хоть-бы только: «вотъ ученикъ его». Ежели вы остановите меня на этомъ словѣ, и возразите, что Мочаловъ, по самому свойству своего таланта и дѣлому своей сценической дѣятельности, не могъ составить школы, я и противъ этого спорить не стану; но вотъ я къ чему веду рѣчь.

Какъ, обыкновенно, всѣ эти звѣзды первой величины, какого бы ни было міра, Мочаловъ былъ окруженъ роемъ спутниковъ, изъ коихъ нѣмне, довольно-безсознательно увлеченные силою его таланта, готовы были всегда, не будучи даже по ремеслу актерами, повторять безъ разбора каждое слово, каждый жестъ трагика: одни, чтобы похвалиться потомъ короткимъ знакомствомъ съ замѣчательною личностію, другіе изъ видовъ угожденія ей, третьи, въ простодушной вѣрѣ, что развиваютъ въ себѣ этимъ путемъ врожденную способность къ сценическому дѣлу, способность, которую развѣ можно назвать горькою охотою къ дѣлу, основанною, нужно прибавить, не на какомъ бы то ни было, хотя бы самомъ отдаленномъ понятіи о немъ, а единственно на смѣшной страсти къ ультра-романтической декламации, въ составъ которой входятъ: надрываніе легкихъ, удары со всей мочи кулаками въ грудь, страшныя потязанія собственныхъ глазъ, гробовое чтеніе монологовъ, и паденія, въ случаѣ надобности, отъ всей души и соп амоге, даже съ рискомъ разможжить себѣ голову. Вы смѣетесь? Но будто диво для васъ, когда я прибавлю, что вѣкоторые изъ почитателей Мочалова только и восхищались въ немъ именно его тяжелыми, иррациональными сторонами, а вѣкоторые праздные адепты только этимъ сторонамъ и подражали, доводя ихъ до тѣхъ крайностей, гдѣ онѣ переходятъ въ вышеприведенныя проявленія, возбуждшія вашу улыбку?

Ни одинъ изъ поклонниковъ Мочалова, — а ихъ было много, — не всплылъ: тоже старая исторія. Но вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ являлся въ бенефисъ г. Леонидова, въ злополучной драмѣ «Жизнь Игрока» г. Дьяковъ, всѣ говорили, страстный поклонникъ и подъ рукою нѣкогда бывшій питомецъ Мочалова. Добро пожаловать! Кому изъ москвичей было-бы неприятно вспомнить Мочалова, хотя бы въ «Жизни Игрока»

на» — гдѣ, замѣчу мимоходомъ, Мочаловъ бывалъ иногда превосходенъ. И пошла всѣ смотрѣть г. Дьякова. Пошелъ и я. Но что-же скажу я вамъ о г. Дьяковѣ? Г. Дьяковъ не жалѣетъ своего голоса, такъ-что подъ конецъ представленія становится жалко его безрасчетливой жертвы; г. Дьяковъ не жалѣетъ ни груди, ни легкихъ, ни глазъ своихъ; словомъ, азардное усердіе его не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію и только. Рискъ стонетъ; ложная публика приходитъ въ неописанный ужасъ; партеръ пустѣетъ постепенно, начиная явленія... Такъ-то г. Дьяковъ напомнилъ намъ Мочалова, въ тѣ нѣсколько разъ, въ которые давалась «Жизнь игрока»...!

Въ бенефисъ г. Самарина дебютировала, игравшая впрочемъ какъ-то разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г-жа Мочалова, дочь Павла Степановича. Безцвѣтная и тѣмъ болѣе трудная роль княгини въ ближенной и странной комедіи г. Жемчужникова «Странная ночь», была исполнена ею недурно; при болѣе привычкѣ къ сценѣ, я увѣренъ, и голосъ г-жи Мочаловой будетъ слышенъ. Въ тотъ же бенефисъ шла «Комедія ошибокъ», въ давно извѣстномъ, не подстрочномъ и не изящномъ переводѣ г. Кетчера. Дѣло шло такъ-себѣ, гладенько; поняли свои роли г.г. Живокина и Садовскій (два брата Дроміо).

Г-жа Ленская продолжала являться въ «Материнскомъ благословеніи». Въ ея игрѣ все виднѣе дѣлается благородство.

Въ бенефисъ г-жи Семеновой возобновлена «Весталка».

Новыхъ пьесъ немного: *Сюрпризы*, комич. оп.-вод. въ 2 д. Н. В. Сушкова; — *Taileur Valaïkine*, вод. въ 1 д. г. Чернышова; — *Цыганскій таборъ и о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ Бобковъ ухалъ на бобахъ*, шутка въ 1 дѣйс.... что-то больше ничего и не помнится. *Сюрпризы*, въ первый разъ не вполне удовлетворявшіе публику, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ длиннотъ въ текстѣ и того еще, что пьесу г. Сушкова пришлось смотрѣть послѣ четырехъ большихъ актовъ другихъ пьесъ, — во второй разъ, урѣзанные авторомъ, пошли прекрасно и возбудили во всемъ театрѣ дружную веселость и смѣхъ — чего, безъ сомнѣнія, и долженъ былъ хотѣть г. Сушковъ. Г-нъ Никифоровъ въ роли пьянаго садовника былъ великодушно забавенъ.

Изъ новостей французской сцены я упомяну о поставленномъ въ первый разъ *Chatterton*, исполненномъ, впрочемъ, не то чтобы удовлетворительно.

Г-жа Ирка-Макиасъ поставила въ свой бенефисъ «Любовь и сар-

ность» (Paquetette), балетъ въ 4-хъ дѣйс. и 5 карт., соч. г. Теофиля Готье и Сень-Леона, музыка г. Бенуа. Какъ ни сердясь г. Апполонъ Григорьевъ, а г. Теофиль Готье продолжаетъ граціозно фантазировать и въ пользу хореографин и въ пользу балетристки: можетъ, быть г. Готье дѣлаетъ это даже нарочно, въ пивку г. Григорьеву. Ужъ не знаю; не только «Любовь и вѣрность» — вещь чрезвычайно граціозная.

Возобновленъ «Благородный театръ» Загоскина и нѣкоторые другіе пьесы прежняго репертуара.

... Намъ остается литература.

Вышла 15-я книга «Временника Общества исторіи и древностей русскихъ». Обращаю въ ней вниманіе читателей на чрезвычайно-интересную — не говорю уже важную, статью г. Бяляева: *Русь въ первыя сто лѣтъ*.

Вышелъ «Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи», составленный по официальнымъ свѣдѣніямъ и документамъ, г-нъ Нистремомъ. Справочная книжка, которой польза не требуетъ доказательства; интересный статистическій памятникъ, который всегда будетъ цѣнно пробѣгать и безъ прямой необходимости.

Кто-то, досужій истребитель бумаги, времени и денегъ, выпустилъ на дняхъ переводецъ одного изъ послѣднихъ романовъ Поль-де-Кока; пора бы хватиться, кажется, что если инымъ весело читать Поль-де-Кока въ оригиналѣ, такъ въ переводѣ его читать тоже, что перевертывать листы бѣлой бумаги. Право жаль всегда пропавшаго «труда».

... О трехъ книжкахъ «Москвитинна» №№ 22, 23 и 24 придется сказать нешное.

Очеркъ г. Писемскаго, *Питерщикъ*, былъ бы очень хорошъ; еслибъ г. Писемскій не позволилъ себѣ мѣстами нѣкоторой вольности въ манерѣ разсказа простолюдина. Г. Писемскому твердо-знакома простонародная русская рѣчь, и воспроизведеніе ея во всей ея безыскусственной истинѣ, во всей ея вѣрности самой себѣ, не должно-бы никогда быть упускаемо имъ изъ вида, тѣмъ болѣе, что въ томъ-то и заключается замѣчательная сторона его таланта. И еще зачѣмъ въ заглавіи слово «Питерщикъ», а не «литерець», которое основательно употребляетъ авторъ въ самомъ разсказѣ; «питерщикъ» не говорится, а говорится «литерець». Утверждаю это такъ положительно потому, что имъ не

только знающа хорошо Астраханская губернія и Чухломскій уездъ, но в село Наволоки, гдѣ г. Писемскій помѣстивъ сцену разсказа! Но ес-
вѣтъ понятно для меня также, почему онъ полагаетъ столько самобыт-
наго въ бытѣ чухломскаго питевца: въ уездахъ Варшавскомъ, Вел-
дужскомъ Юрьевецъ-Новоземскомъ и Кинешемскомъ онъ найдетъ и
того-же питевца, и ту-же обстановку.

Глава изъ романа, г. Потѣхина, о которомъ было говорено въ «Памтеитъ» при разборѣ «Современника», — есть маленькій картонъ, на скорую руку набросанный, въ композиціи, которая при окончательномъ меноменовіи можетъ выйти дѣльной. Тамъ только и извиняется крайняя небрежность отдѣлки Главы изъ романа.

Вѣрите-ли вы въ возможность того, чтобы писателя давно умершій вдругъ предсталъ передъ вами? Слушайте:

Разъяренная осеннею бурей мутныя волны бѣшенаго Терека шумно хлещутъ о гранитные берега, какъ-бы стараясь върваться на волю... одиобразный приборъ сердца прѣвращается въ то, въ дѣлѣ шкель горамъ, то разсѣивающіеся влѣваго павлаи будущицихъ вѣнцѣхъ, слышала въ вѣтвѣхъ жестокіаго вѣтра, какъ мелочный шумъ Каспійскаго смарка, къ которому онъ прѣвращается на прѣвращеніи раз-
доль! О, грозенъ быстрый Терекъ въ своей могучей силѣ, съ какою онъ дробитъ и перебрасываетъ оторванныя имъ на пути каменныя глыбы, страшенъ и кипучъ этотъ свѣтлый буланъ въ своей дикой ширѣ съ скалистыми берегами!

Мрачная ночь и сырой туманъ давно опустились на горныя вѣсы. Вдали раскатывался громъ, пробуждал чуткое это дремлющее уединеніе, безчисленныя звѣзды молніи пронизывали мѣстами толпу облаковъ, и ярко освѣщали на нѣсколько мгновеній изуродованную природу.... Промоносныя тучи дружно надвигались съ востока, тѣснили одна другую, стремились на западъ, вдали, то бурный Каспій сдвигал ихъ съ своего влажнаго лона, на крылахъ ретиваго вѣтра, въ приютъ своему сосѣду, западному собрату—Черному морю, которое разыграется въ свою очередь, разбухнетъ когда-нибудь, зимою, страшною бурей, — и пошлетъ ему свой отелтый подарокъ, своей порывистой поцелуй въ щеку урагана—и будетъ внезапная гибель отдаленнымъ кораблямъ!...

Но кто, между-тѣмъ, скользнуть такъ дерзко по отвѣснымъ скаламъ, кто лѣзаетъ такъ столь-отважно по террасамъ прибрежнаго обрыва; —

и не тремещеть за цѣлостъ нерочно приимченной къ плечамъ своей головы? Прочь же, прочь, если ты не твѣнь, а смертный несчастливца, остановись — или ты, сдунутый бурюномъ, поимбъ въ волнахъ бурливой бѣдны! Оглянись назадъ: гдѣ нога твоя за-минуто топтала подошвой чарыка каменную глыбу, по тропинѣ, проложенной вѣками, — тамъ нѣтъ ужъ и слѣда: треснувшій утѣсъ, подмытый и оторванный кипящею водою, укатился въ клокочущую глыбу, — и ужъ на томъ мѣстѣ клубится прибой, да бѣсятся волны... Но ты не слышишь, безумный упрямецъ, ты подвигаешься впередъ ветвердою ногою, продолжая свою дерзкую прогулку, ты вступаешь въ опасную борьбу съ разсвѣрѣпѣвшею стихіей? Пожалуй, иди, но помни, что ты шагаешь по окраинамъ влажнаго гроба!»

Великолѣпно!

— Марлинскій! — восклицаете вы.

Нѣтъ, господа, г. Агавангель Архиповъ — и представленная вамъ тетрада есть отрывокъ изъ его *Золотой пули*. Прошу, между прочимъ, вмѣнить мнѣ въ особенную заслугу, что я умалчиваю объ эпиграфѣхъ, безъ которыхъ не обошлась ни одна глава *Золотой пули*, и о безпрестанныхъ переходахъ въ разсказѣ отъ прозы къ стихамъ, тоже во вкусъ Марлинскаго.

Разборъ философіи Бэка Веруланскаго, для тѣхъ, кто никогда не читалъ ничего о Бэкѣ, будетъ небезполезенъ. Я благодаренъ этой статьѣ за то, что она оживила во мнѣ воспоминаніе о превосходныхъ «Письмахъ объ изученіи природы», помѣщавшихся нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ переводѣ съ нѣмецкаго г. Григорьевъ сдѣлалъ успѣхи: *Вильгельмъ Мейстеръ*, не знаю по чему вдругъ прекратившійся, передается теперь гораздо сносите прежнему; только ужъ изъ рукъ вонъ плохи стихотворные переводы стихотвореній Гёте, какъ извѣстно, попадающихся въ *Мейстеръ*.

Статья: *Очеркъ древняго русскаго законодательства о ремесленной и заводской промышленности*, г. Лешкова, и *Брюшное раздраженіе (холера)*, г. Иноземцева, столько важныя по заглавіямъ, оказываются на дѣлѣ какъ-бы самыми коротенькими конспектами, на скорую руку набросанными для прочтенія лекцій по нимъ.

Въ критикѣ и журналистикѣ, разумѣется, есть забавное. Нового не перечтешь. Довольно двухъ-трехъ образчиковъ.

Гг Григорьевъ принялся за разборъ «Revue de Paris»; начинаеть его ни съ того ни съ сего съ мартовскаго № журнала — и съ первой же строки пошелъ себѣ рубить сплеча направо и налево. И мы вдругъ узнаемъ отъ г. Григорьева, что «Арсенъ Гуссе — авторъ вздорныхъ книгъ, въ родѣ Portraits littéraires du XVIII siècle, имѣющихъ, впрочемъ, успѣхъ во Франціи, — неутомимѣйшій изъ болтуновъ, которыхъ такъ много развелось въ этой странѣ въ XIX вѣкѣ». Видите-ли, какъ опасно горячиться, г. Григорьевъ: Portraits littéraires имѣютъ не только большой успѣхъ во Франціи, но еще недавно переведены на англійскій языкъ въ Англии и въ Сѣверныхъ Штатахъ. Издатель-американецъ въ благодарность за вырученные имъ барыши, очень значительные, прислалъ даже г. Гуссе изрядную сумму, при благодарственномъ письмѣ. Я не подивился-бы, что это не дошло до г. Григорьева, еслибъ все упомянутое мною не было напечатано и въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Москвитянина», вѣроятно читаемаго г. Григорьевымъ.... Далѣе узнаемъ мы изъ той-же статьи г. Григорьева, что «у французовъ все на свѣтѣ зовется *философіей*»....

Но веркъ совершенства и идеалъ наявности составляетъ чувствительная благодарность, съ которою одинъ изъ критиковъ «Москвитянина», обращается къ г. Пногородному Подписчику, *восхваляемому*, въ послѣдней книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», любовь и усердіе къ отечественной литературѣ — юныхъ сотрудниковъ московскаго журнала, и въ особенности г. Э. Благонарова.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статья г. Константина Аксакова оправдываетъ мой подозрѣніи касательно несостоятельности г. барона Шепинга въ вопросахъ русской старины, — которая позволялъ я себѣ высказать въ прошловъ «Вѣстникѣ». Его «Иванъ Царевичъ» разобранъ г. Аксаковымъ — что называется по косточкамъ, и оказывается на повѣрку, что отъ «Ивана-Царевича», сочиненаго г. Шепингомъ, наука русской старины не можетъ принять ничего.

Въ той-же газетѣ *вступительная лекція Либиха по предмету опытной химіи*, вѣроятно, прочтана, или прочтается всею Россією. Такія статьи — благотворный лучъ — для науки.

...Я только что вспомнилъ. Ни раза въ моихъ письмахъ не упоминалъ я о «Магазинѣ модъ и рукодѣлій», издаваемомъ г-жою Коше-

действию. Это случилось, однакоже, не безъ причины, «Магазинъ» приходится искать даже фельетонисту, чтобъ только увидѣть его: онъ совершенно и здѣсь затеръ петербургскою «Модю»....

Корреспондентъ «Пантеона».

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА

Январская и февральская книги «Библиотеки для чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библиотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г-нъ Сенковский и его Литературная Лѣтопись. — Иногородный подписчикъ, его самовосхваленіе самонадѣянность и неумѣренность выражений. — Вліяніе либретта итальянскихъ оперъ. — Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ». — Ты сердисься, значить ты не правъ. — Недостатокъ логической послѣдовательности. — Новый поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика. — «Кошмаръ» Новаго Поэта — Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ. — Страсть къ пародіямъ. — «Замѣтки пустаго челоѣка.» — *Рыженькая* г. Соколова. — *Раздѣлъ* г. Писемскаго. — Стихотворенія. — Переводы изъ Гейне. — Гг. Некрасовъ и Майковъ — Серьезныя статьи. — Г. Гаевскій. — Два путешествія: поэтическое въ Италію и прозаическое въ Крымъ. — Врѣмя Ивановичъ Костровъ — Сердце съ перегородками — Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ. — Романъ *Сосѣди*, разобранный самою «Библиотекою для чтенія». —

Мы должны говорить теперь о первыхъ книгахъ «Современника» и «Библиотеки для Чтенія». Разборы наши мы начинаемъ обыкновенно съ произведеній русской словесности, какъ главнаго отдѣла всѣхъ журналовъ, и оканчиваемъ послѣдними страницами смѣси, упоминая, по порядку, обо всѣхъ замѣчательныхъ статьяхъ каждой книги журнала, не слѣдуя фельетонному безпорядку при разсматриваніи статей, не бросааясь отъ одного предмета къ другому, часто даже вовсе неотносимому къ литературѣ, не толкая безъ всякой надобности о Маколей и Джеффри, чтобы

показать свою начитанность, или безо всякой церемоніи о своихъ ягдгенахъ, чтобы блеснуть своею свѣтскостію.

На этотъ разъ мы должны однакоже нарушить принятый порядокъ нашихъ рецензій, и начать ежемѣсячную бесѣду о двухъ названныхъ нами выше журналахъ съ конца ихъ, съ «Замѣтокъ Новаго Поэта» и съ «Писемъ Иногороднаго Подписчика.» Судя по важности, которую редакціи этихъ журналовъ придаютъ двумъ этимъ отдѣламъ, они занимаютъ чуть ли не первое мѣсто въ «Современникѣ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія». Мы увѣрены даже, что господа фельетонисты этихъ журналовъ найдутъ очень естественнымъ, что мы прежде всего обращаемся къ ихъ фельетонамъ. Чтò же можетъ быть важнѣе, любопытнѣе, оригинальнѣе этихъ фельетоновъ? Не поражаютъ-ли они читателя до того, что онъ не знаетъ наконецъ, чтò подумать о фельетонистахъ, смотрящихъ на искусство и литературу съ такой шуточной, фельетонной стороны? Не посвятали ли «Отечественныя Записки» разбору этихъ фельетоновъ нѣсколько десятковъ страницъ, при годичномъ обзорѣ русской литературы за прошлый годъ. Мы нашли даже, что «Отечественныя Записки» даже слишкомъ долго занимались Иногороднымъ Подписчикомъ и Новымъ Поэтомъ. Судя, впрочемъ потому, какъ эти господа приняли критику этого журнала, мы видимъ, что дѣйствительно слѣдовало бы еще строже и рѣшительнѣе высказать имъ мнѣніе критики. «Петербургскій Вѣстникъ» высказалъ еще прежде это мнѣніе, но говоря объ отдѣльныхъ фельетонахъ; онъ долгое время надѣялся, что они перенять со-временемъ свой тонъ и направленіе, что шутки ихъ, наконецъ смолкнутъ, или сдѣлаются гораздо скромнѣе. Межу-тѣмъ прошелъ годъ, а фельетонисты эти продолжаютъ по-прежнему высказывать всякій мѣсяцъ свои легонькія сужденія, бросать поверхностные взгляды, высказывать *фривольныя* мнѣнія (эпитетъ сочиненія Иногороднаго Подписчика), — и каждый мѣсяцъ эти мнѣнія, взгляды, сужденія дѣлаются страннѣе, нецеремоннѣе, рѣзче. Разборъ послѣднихъ фельетоновъ докажетъ это всего яснѣе и осязательнѣе.

Прежде всего, однакоже, пожалѣемъ отъ души о томъ, что подобный фельетонный взглядъ на литературу въ послѣднее время водворился у насъ въ такой сильной степени. Онъ, конечно, не новость у насъ, — г. Иногородному Подписчику не принадлежитъ даже честь быть нововведениемъ этого рода критики. Еще въ старые годы, когда г. Сомовъ принималъ на себя редакцію «Библіотеки для Чтенія», Баронъ Бюбуусъ старался ввести въ моду шутливый взглядъ на искусство; своей *Литературной Лѣтописи* смѣялся — впрочемъ остро — надъ произведеніями литературы. Въ толь

впрямую для того, чтобы показать совершенное равнодушіе къ общепринятому мнѣнію, онъ вдругъ ставилъ какого-нибудь темнаго сотрудника своего журнала на высокую степень литературной извѣстности и создавалъ ему такую славу, что неизвѣстный писатель, издавъ нѣсколько томовъ своихъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и факсимиле автора, вдругъ начиналъ писать такія произведенія, что литературный патронъ затѣмъ и не упоминалъ объ немъ. О такихъ же писателяхъ и сочиненіяхъ, которыхъ невозможно было порицать, но возбудивъ противъ себя уже слишкомъ сильнаго неудовольствія публики, Б. Б. умѣлъ отыгаться такъ, что сужденія его можно было принять и за похвалу и за порицаніе — *ad libitum*. При огромномъ дарованіи, многостороннемъ образованіи и начитанности г. Сенковскаго, критическія статьи его читались съ удовольствіемъ и любопытствомъ, какъ нѣчто новое, остроумное, удачно написанное; но вѣстѣ съ тѣмъ никто не видѣлъ и не могъ видѣть въ этихъ статьяхъ ниаго, кромѣ веселыхъ и умныхъ пародоксовъ, надъ которыми можно было иногда отъ души посмѣяться, но которые все-таки были очень далеки отъ настоящей литературы и критики въ истинномъ ихъ значеніи. Поэтому-то они и не имѣли никакаго вліянія на литературу, и въ послѣдствіи перестали даже забавлять читателей, да и самъ редакторъ журнала сталъ уже гораздо рѣже и мягче высказывать подобныя парадоксы. Съ появленіемъ Иногороднаго Подписчика возобновился этотъ родъ критики, но въ ней уже не было ни того остроумія, ни того знанія, и, наконецъ, всегда довольно скромнаго и хорошаго тона г. Сенковскаго. Новый фельетонистъ захотѣлъ прославиться совершенно противоположными качествами. Г. Сенковскій, при энциклопедическихъ познаніяхъ, былъ знакомъ почти со всѣми литературами; Иногородный Подписчикъ знаетъ англійскій языкъ и потому говоритъ только объ Англіи и Англичанахъ, забывая, что судить русскихъ писателей и что самъ пишетъ по русски. Г. Сенковскій самъ смѣялся иногда надъ своею фельетонною критикою, нынѣшній фельетонистъ «Библиотеки для Чтенія» придаетъ необыкновенную важность своимъ статьямъ и своему лицу, разсуждая съ пренебреженіемъ только о русской литературѣ, и употребляя такія выраженія, которыя мы даже не позволяемъ себѣ привести при разборѣ его декабрьскаго фельетона. Когда же и на чѣмъ желаетъ остановиться г. Подписчикъ? Вопросъ любопытный, о которомъ, кажется, намъ пришло время подумать, потому-что ложныя толки и сужденія о лучшихъ нашихъ произведеніяхъ и писателяхъ не перестаютъ украшать фельетонныя страницы «Современника» и «Библиотеки для Чтенія».

Не угодно-ли, наприѣръ, прислушать, какъ Пногородный Подписчикъ начинаетъ свою бесѣду съ читателями въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія».

«О мысль, мысль! въ особенности мысль безпристрастная, невысокопарная и не задорная, *не лъзущая* за облака и не претендующая рѣшать утонченныхъ вопросовъ — мысль бойкая и ясная, свѣтлая и немного насмѣшливая, зародившаяся не отъ столкновѣнія съ чужими головами, а изъ нашей собственной природы, въ минуты спокойствія и наблюденія, мысль скромная и пригодная къ дѣлу, чуждая пустозвонства и выкраденныхъ тонкостей, — какъ отраднo *водиться* съ тобою, какъ умѣешь ты награждать челоуѣка, тебя вскормившаго и приголубившаго, сколько отрадныхъ чувствъ и счастья *кидаешь* ты на его жизнь, на *панораму* его обычныхъ занятій!» и такъ далѣе, на нѣсколькихъ страницахъ. Спрашиваю, что узнаеть читатель изъ этого набора словъ? къ чему вся эта мишура выражений, погремущи фразы, вся эта водянистая, ничего невыражающая и ни къ чему не ведущая рѣчь, полная только одного самовосхваленія и самоудивленія, даже самоудовлетворенія? Къ чему всѣ эти напоминанія о лицахъ, вовсе никому неизвѣстныхъ, хотя, можетъ-быть, и созданныхъ въ какомъ-нибудь произведеніи фельетониста, объ этой Аннѣ Крутильниковой и какомъ-то Петрѣ Петровичѣ Буйновидовѣ, поставленномъ на ряду съ Филаретомъ Шалемъ, какъ-будто оба эти имена имѣють равную европейскую извѣстность? Зачѣмъ эти иностранныя фразы, испещряющія чуть не каждую страницу эта «дѣятельность ohne Hast ohne Kost»? Къ чему намъ знать, что фельетонистъ говоритъ по нѣмецки.

Не понявъ ровно ничего изъ четырехъ страницъ такого предисловія, читатель тотчасъ же вслѣдъ за этимъ *спичемъ*, какъ называется свои разглагольствованія подписчикъ, — находитъ объявленіе, что фельетонистъ не скажетъ ни слова о ноябрьскихъ книжкахъ журналовъ прошлаго года — «по случаю новаго-года». Что за странная причина, и почему новый годъ могъ помѣшать критику исполнить взятую имъ на себя обязанность? Измайловъ, издавая журналъ *Благонамѣренный*, извинился, однакожъ, передъ публикою въ томъ, что книга не вышла въ срокъ, и объяснялъ это тѣмъ, что гулялъ на масляницѣ. Это, по-крайней-мѣрѣ, была причина уважительная....

За извиненіемъ слѣдуетъ длинный рассказъ о томъ, какъ одинъ *джентльменъ* надулъ своихъ пріятелей, напоивъ ихъ дурнымъ виномъ, вмѣсто хорошаго, и хорошимъ, вмѣсто дурнаго; въ видѣ эплога къ этому рассказу — слѣдующее обращеніе къ читателю: «чтобъ понравиться тебѣ, нужно *дементься* на тебя смѣло и нѣсколько *нахально*, по-

кавать тобѣ и т. д.». Все это очень усердно исполняетъ Иногородный Подписчикъ.

Далѣе слѣдуютъ продолжительные и утомительные толки о *снобсахъ*, слово равнозначущее съ нашимъ *хвастунъ*, и которое неизвѣстно почему «Современникъ» и «Библиотека для Чтенія» стараются ввести въ русскій языкъ, съ его производными, *снобичность*, *снобичный* и т. д. За десяткомъ этихъ снобичныхъ страницъ, на которыхъ попадаются даже фразы высокаго слога, какъ наиримѣрь: «тотъ самый поэтъ, что велѣлъ гнать туристовъ», — говорится наконецъ нѣсколько словъ и объ русской литературѣ, по поводу послѣднихъ книгъ «Москвитянина» и перевода Вильгельма Мейстера, хотя и тутъ не обходится безъ странныхъ фразъ и мнѣній, въ родѣ того, что Миньона и Филена *прелестныя кариаиды* въ странномъ зданіи этого романа, что вторая часть Фауста очень слаба, что Шатобрианъ *Атлантъ, носящій щепку* (?), что письма госпожи Севинье вовсе не такъ занимательны, какъ письма Горациа Валпола, а нѣжность ея была *назойлива*, что отъ бельгійской литературы «слышно зловоніе уже мертвой словесности». Какое изящное выраженіе. Правда, черезъ нѣсколько строкъ, по поводу разбора повѣсти Франциска-фан-Рузмаль, фельетонистъ говоритъ очень деликатно: «отъ всей души желалъ бы сказать ей авторъ что-нибудь лестное и пріятное, но.... *mi manca la voce!*» давая знать этимъ, что онъ говоритъ и по итальянски. Припомнилось намъ, правда, это самое выраженіе, нѣсколько разъ повторяющееся во многихъ итальянскихъ операхъ; слышали мы его даже въ Лучи, — но не мѣшаетъ знать итальянскій языкъ даже по либретто играющихся у насъ оперъ.

Гдѣ-же, однако, во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ объ иностранныхъ писателяхъ—русская литература? Она занимаетъ весьма немного страницъ въ этомъ океанѣ толковъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Такъ, давши совѣтъ родителямъ Франциски фан-Рузмаль «взять палку и отдѣлать свою дочь такъ, какъ отдѣляли бы ее фламандцы стараго времени», фельетонистъ довольно благосклонно отзывается о произведеніи г. Михайлова «Кумушки», по поводу котораго рѣшается «взять назадъ большую часть неблагоклонныхъ замѣтокъ, которыми встрѣтилъ первое произведеніе этого автора.» Думаемъ, что Подписчикъ поступилъ бы очень благоразумно, взявъ назадъ большую часть неблагоклонныхъ замѣтокъ и о другихъ нашихъ современныхъ писателяхъ. Послѣ двухъ, трѣхъ фразъ, довольно нецеремонныхъ въ родѣ: «юноши геморридаальнаго вида» и «отребіе рода человѣческаго», Иногородный Подписчикъ оканчиваетъ свое письмо анекдотомъ о томъ, что въ провинціи не хотѣли

признать одного литератора, потому—что онъ не нажаловъ. «Вотъ вамъ, бѣдные петербургскіе жители—*avalez-moi ça!*» говоритъ фельетонистъ, въ заключеніи письма, относя эти слова, вѣроятно, къ своему фельетону. Въ такомъ случаѣ отвѣтимъ за читателей, *que cela est très dure à avaler et surtout très indigeste* »

Второе письмо Подписчика, въ февральской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», гораздо короче, но не меньше недеремонно. Оно начинается опять анекдотомъ о поимкѣ мухи и по этому случаю говорится, что критика «Отечественныхъ Записокъ», рѣшившаяся сказать, что письма Иногороднаго Подписчика весьма плохи—нанесла этимъ журналу «такой толчекъ, отъ котораго редакціи будетъ не совсѣмъ легко оправиться». Бѣдная «Отечественныя Записки»! И за чѣмъ онъ послѣ этого вооружался на такого страшнаго противника! Теперь имъ нѣтъ спасенія! И посмотрите, какими грозными фразами сыплетъ задѣтый за живое фельетонистъ: «Вывозить осадную артиллерію противъ легкихъ фланкеровъ (т. е. фельетонистовъ) значитъ *срамить себя* безъ всякой надобности. Но дѣло не въ томъ, а скорѣе въ нарушеніи *первыхъ началъ литературнаго приличія*, нарушеніи неоспоримомъ, и въ которомъ редакція Отечественныхъ Записокъ, вѣроятно, уже *раскаивается въ настоящую минуту*... Она (редакція) ничего не сдѣлала для русской критики, да при всемъ томъ, постоянно отличалась пристрастіемъ къ сухимъ статьямъ и высокопарнымъ разглагольствованіямъ во вкусъ героевъ Нарѣжнаго... Такой вопросъ *чреватъ* послѣдствіями самыми печальными,» Подписчикъ даже твердо увѣренъ, что «каждый изъ журналистовъ Петербурга и Москвы *отшатнулся бы*, еслибъ ему предложили напечатать статью подобнаго рода (т. е. статью, въ которой оуждаются фельетоны Иногороднаго Подписчика) и не только отшатнулся, но прочелъ бы маленькую нотацию сотруднику—сочинителю самой статейки. Но редакція «Отечественныхъ Записокъ» предпочла отпечатать эту филиппику, пустить ее въ свѣтъ и по чьему—то ловкому выраженію *пискнутъ* на всю читающую публику.» Этимъ не оканчивается еще негодованіе фельетониста; онъ говоритъ далѣе, что недостатки «Отечественныхъ Записокъ» *бьютъ въ глазъ* самому холодному изъ читателей; что критики ея казнятъ сами-себя своимъ гнѣвомъ и мучительнымъ *азардомъ* что онъ не умѣютъ сказать слова безъ *амплификацій*, что не слѣдуетъ «тратить своего критическаго арсенала попустому, лезть изъ *своей* кожи изъ всякой бездѣлицы (N B. развѣ можно лезть изъ *чужой* кожи?), что снисходительность и угодливость редакцій ни въ какомъ случаѣ не можетъ *сходиться* до позволенія какому—нибудь другу высказывать отъ имени журнала свои собственныя убѣжденія и вводить цѣлое изданіе въ сообщенія своей

лице ской ярости», что наковецъ «разъ потерявъ соразмѣрность, критика начинаетъ *городить ложь.*»

Не говоримъ уже о томъ, въ какой степени приличны подобныя выраженія, но не доказываютъ ли они, во-первыхъ, непомерное самолюбіе фельетониста, а во-вторыхъ, то, что самолюбіе это сильно затронуто критикой «Отечественныхъ Записокъ». Ты сердился—значить ты не правъ!—говорили еще древніе. Напрасно черезъ чуръ уже расшевелившійся Подписчикъ упрекаетъ «Отечественныя Записки» въ томъ, что онѣ возстаютъ на фельетоны; онѣ не виноваты въ томъ, что нынче фельетонисты ввели въ свои фельетоны, то-есть въ легкую болтовню—критику литературныхъ произведеній—то-есть, дѣло серьезное, о которомъ однакожь пишутъ и судятъ съ такою же необдуманностью, съ такою же поспѣшностью, съ тѣмъ же самымъ взглядомъ и тономъ, съ какимъ описываются вечера у Излера и театръ обезьянъ. Еслибы фельетонъ оставилъ за собою картину общественной жизни Петербурга, область баловъ, вечеровъ, праздниковъ и спектаклей, мы бы первые стали восхищаться фельетонами Иногороднаго Подписчика, потому—что въ умѣнны описывать и рассказывать анекдоты, мы ему никогда не отказывали. Но вносить фельетонныя убѣжденія и манеру въ искусство, судить съ плеча о томъ, чего не только не изучимъ, но не имѣемъ времени даже пробѣжать со вниманіемъ, отзываться съ пренебреженіемъ о томъ, что заслуживаетъ уваженія, отдѣлываться шуточками отъ оцѣнки серьезной статьи, пропускать цѣлыя книги журналовъ, оттого, что гулялъ, и потомъ наполнять положенные два листа первымъ, что попало въ голову, смутно прииомнилось, или только что вычиталось; смотрѣть на литературу, какъ на игрушку, которой можно заняться отъ нечего дѣлать; считать критику занятіемъ пустымъ, легкимъ, не стоящимъ вниманія, бросать словами тамъ, гдѣ нужна мысль, говорить шуточки тамъ, гдѣ требуется дѣло,—вотъ противъ чего возстаетъ и будетъ всегда возставать всякій, кому дороги успѣхи отечественной словесности, кто истинно любитъ ее и понимаетъ ея цѣну и значеніе въ средѣ другихъ необходимыхъ условій общественнаго быта такого народа, который всегда гордился своею литературою.

Нечего и говорить, что почти всѣ литературныя мнѣнія Подписчика въ этомъ письмѣ отличаются своею странностью: такъ, недовольный повѣстью Крестовскаго—«Нѣсколько лѣтнихъ дней», фельетонистъ серьезно увѣряетъ, что губернѣру Артемину, герою этой повѣсти, — «ежеминутно говорятъ такія вещи, за которыя самый кротчайшій изъ *человѣковъ* неминуемо *побилъ бы* своего собесѣдника.» Само-собою разу-

иѣтся, что въ этой статьѣ также много англійскихъ фразъ въ родѣ: «милое gossiping о лицахъ и теоріяхъ», и еще больше рѣзкихъ въ родѣ: «унизительный задоръ критики». Статья оканчивается выпискою трехъ стихотвореній г. Щербины изъ «Москвитянина», но и въ этомъ случаѣ, какъ въ критическихъ сужденіяхъ, такъ измѣняетъ фельетонисту, и онъ выписываетъ самыя слабыя стихотворенія г. Щербины, восхищаясь въ-особенности тѣмъ, которое всего слабѣе.

Замѣтимъ еще, — прощаясь съ Иногороднымъ Подписчикомъ, вѣроятно надоло: потому-что нельзя же всякій мѣсяць толо-вать такъ подробно о его направленіи, — что въ его статьяхъ много нѣтъ нити, которая связывала бы его анекдоты и отступленія съ рѣдкими мѣстами литературной критики. Напрасно добивались мы не разъ: по какой аналогіи или связи фельетонистъ переходитъ отъ одного предмета къ другому? Этотъ недостатокъ логической послѣдовательности въ мысляхъ очень страненъ, и мы не можемъ приписать его ничему, кромѣ самовосхваленія и самоудовлетворенія...

О подражателѣ Иногороднаго Подписчика — Новомъ Поэтѣ мы не будемъ распространяться, во-первыхъ потому, что онъ уже слишкомъ рабски подражаетъ своему оригиналу, и намъ пришлось бы повторить тоже самое, что мы уже сказали первому, — и во-вторыхъ, потому, что у Новаго Поэта нѣтъ даже относительной легкости языка и умѣнья разсказывать анекдоты, какъ у Иногороднаго Подписчика. Фразы его заставляютъ, пожалуй, улыбнуться своею наивностью, но въ нихъ нѣтъ той рѣзости, которая такъ неприятнопоражаетъ у Подписчика. У Поэта сейчасъ виденъ неправильный способъ сужденія, тогда-какъ у Подписчика парадоксальность мыслей прикрыта по-временамъ высокопарными фразами, въ которыхъ проглядываетъ какъ-будто что-то похожее на дѣло.

Въ январской книгѣ «Современника» Новый Поэтъ написалъ, на этотъ разъ въ подражаніе самому-себѣ, «Канунъ новаго, 1853 года» — второе изданіе его «Литературнаго маскарада», появившагося въ 1852 году, но изданіе значительно приумноженное, хотя и не улучшенное. *Канунъ* начинается описаніемъ богатѣйшаго кабинета Новаго Поэта и его «интересной наружности», его «мягкихъ темныхъ волосъ, живописно спускающихся на лобъ и разобрашихъ на затылкѣ по-англійски», его «усовъ, оканчивающихся однимъ тонкимъ незамѣтнымъ волоскомъ, поднятымъ вверхъ посредствомъ венгерской помады», его «низенькаго и небрежно завязаннаго галстука, севѣмъ открывающаго его сорокалѣтнюю шею». Последнее обстоятельство буквально выписанныхъ нами фразъ — заставило насъ, единственно, усомниться въ вѣрности портрета Новаго Поэта. Неужели

онъ такъ безжалостно самъ обнаруживаетъ свой не совѣсьмъ юношескій возрастъ? Мы знаемъ, что дамы и поэты всегда убавляютъ себѣ года, но тутъ—такое странное признаніе... Чтѣ-нибудь да не такъ,—и мы подозрѣваемъ, что Новый Поэтъ нарочно придалъ себѣ такую наружность, весьма обыкновенную и свойственную многимъ лицамъ, которыхъ можно встрѣтить въ каждомъ маскарадѣ, каждый вечеръ у Дюссо, каждое утро на Невскомъ, въ кондитерской и другихъ публичныхъ увеселительныхъ мѣстахъ.

Обратимся однакоже къ *Кошемару* Новаго Поэта. Противъ него сидитъ его Муза, довольно развязная дама съ камеліями, какъ и слѣдуетъ быть такой музѣ у такого поэта. Муза, между-прочимъ, замѣчаетъ, что ей надоѣла литература.

— А мнѣ-то какъ, еслибъ ты знала! отвѣчаетъ Новый Поэтъ. О томъ, надоѣлъ-ли въ свою очередь Новый Поэтъ литературу — не говорится. Приходитъ фельетонистъ, котораго Новый Поэтъ изъ учтивости называетъ только заглавными буквами: г-нъ М. М., конечно вымышленными, потому-что тутъ-же говоритъ, что фельетонистъ этотъ льститъ, «унижается передъ Новымъ Поэтомъ». (По-русски слѣдовало-бы, разумѣется, сказать: льститъ ему и унижается передъ нимъ, — но кто-же нынче обращаетъ вниманіе на грамматику; правила писаны не для поэтовъ), фельетонистъ читаетъ старые стихи, напечатанные въ «Литературной Газетѣ». 1848 года; Новый Поэтъ находитъ, что стихи нехороши, и сочиняетъ тутъ же на эту-же тему другіе, еще хуже, въ которыхъ есть и «пологъ *мствы* кудрявой», и «ласточка, вьющая пріютъ, *обреченный* ненастью», (кажется, на чтѣ-бы вить пріютъ въ такомъ мѣстѣ, которое обречено ненастью?) Далѣе, въ этихъ стихахъ Поэту дремлетъ подъ *шорохъ птичьихъ работъ*, и онъ невольно жаждетъ.

.....въ несбыточномъ снѣ

Какъ въ безднѣ душой окунуться.

Насъ поразили, впрочемъ, болѣе всего не стихи Новаго Поэта, но его изобрѣтеніе писать свои стихи на чужую мысль и даже на чужой размеръ. До-сихъ-поръ такого рода занятія существовали только въ музыкѣ, гдѣ изъ какаго-нибудь опернаго мотива выкраивалась фигура французскаго кадрилиа. Новому Поэту принадлежитъ честь введенія въ литературу этаго новаго способа заимствованія и передѣлыванія чужихъ мыслей.

Немного далѣе, Муза сочиняетъ, впрочемъ, стихи и своего собственнаго изобрѣтенія, только еще неправильнѣе и жестче; наприкладъ: Google

Какъ съ другими—я не знаю:
 Не читала въ ихъ сердцахъ,—
 Но въ своемъ печаль читаю,
 Сокрушеніе и страхъ.

Рядъ морщинъ глубоко дѣлаетъ,
 Гдѣ теперь румянца цвѣтъ,
 И мнѣ зеркало покажетъ
 Голый черепъ и скелетъ.

Стихи эти плохи оттого, что Муза Нового Поэта — не элегическая и даже не лирическая, а скорѣе каламбурчешская, и поэтому ей не слѣдуетъ выходить изъ разряда стихотвореній въ родѣ «Стонъ и Голосъ», тутъ же напечатанныхъ.

Высказавъ множество рѣзкихъ вещей р-ну М. М., Новый Поэтъ приглашаетъ, однако-же, его ужинать, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы выписать нѣсколько гастрономическихъ блюдъ изъ романа: *La gongolade*, и сказать, что они подавались у него на ужинѣ. «Послѣ шампанскаго, появлялись мараскины, анисеты, алкермесы, чайные и кофейные ликеры.... Голова моя кружилась», говоритъ Новый Поэтъ, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ рассказывать привидѣвшійся ему сонъ. На берегу Леты толпятся всѣ прошлогодніе романы и повѣсти—и по очереди падаютъ въ Лету, сопровождаемые разными островами, не совсѣмъ хорошаго тона, которыхъ мы не выписываемъ, сожалѣя объ авторѣ, — рѣшившемъ, что всѣ прошлогодняя литература не заслуживаетъ ничего, кромѣ осмѣянія. Слѣдуетъ онъ, правда, изъ Леты пять или шесть повѣстей, но въ числѣ ихъ находится и неудавшійся «Ипохондрикъ» и «Ульяна Терентьевна», напечатанная въ «Современникѣ» и принадлежащая къ самымъ плохимъ повѣстямъ прошлаго года.... Впрочемъ, что-же логичное можетъ присниться послѣ шампанскаго, мараскиновъ, анисетовъ, алкермесовъ, чайныхъ и кофейныхъ ликеровъ.... Новый Поэтъ могъ увидѣть, пожалуй, еще и не такую исторію; не понимаемъ только, къ чему было доводить этотъ кошмаръ до свѣдѣнія читателей. Сознаемъ, что нѣтъ очень неприятно поразила даже форма его. Рассказывая этотъ сонъ, Поэтъ пародируетъ — Данта. Любопытно узнать, начеиъ-же наконецъ останется пародія? Новый поэтъ писалъ пародіи — на Пушкина, на Лермонтова, на Гейне, на Бенедиктова; переложилъ въ пародіи почти всѣ лучшія стихотворенія этихъ и множества другихъ поэтовъ. Теперь пришла очередь до Данта. Отчего ужъ заодно не осмѣять Гомера, Шекспира, Державина; мало-ли ихъ тамъ осталось еще атакъ поэта, которыхъ называютъ великими.... Мы увѣрены, что придетъ и къ се-

редь и что Новому Поэту останется наконецъ только написать пародію на самого себя, что, по нашему мнѣнію, совершенно неудобно исполнимо.

Примѣръ такого фельетониста очевидно долженъ былъ возбудить подражателей, и одинъ изъ нихъ явился въ самомъ «Современникѣ» съ «Письмами пустаго человѣка о петербургской жизни». Пустой человѣкъ говоритъ также много, и не сказываетъ почти ничего, также любитъ блеснуть фразами, сравненіями, антитезами, которыя хороши, когда приходятъ сами, собою, не прискаанные, не вымученныя. Сказать наприимѣръ, что «мы тратимся на праздникахъ изъ всѣхъ силъ и изъ всѣхъ кармановъ» будетъ хорошо, но сказать, что «магазины убраны товарами и толпою покупателей», будетъ изысканность, а такихъ фразъ въ письмахъ пустаго человѣка болѣе, чѣмъ первыхъ. Впрочемъ, такъ-какъ онъ говоритъ только о петербургскихъ удовольствіяхъ, не касаясь литературы, то письмамаго читаются легко и безъ скуки. Впрочемъ, разборъ *Кострова*, написанный Пустымъ Человѣкомъ въ февральской книжкѣ «Современника», довольно близокъ къ истинѣ, хотя немного пристрастенъ. Въ этой-же книжкѣ Новый Поэтъ, вѣроятно, уставши отъ кошмара прошлаго мѣсяца ограничилъ всѣ свои замѣтки о русской журналистикѣ тѣмъ, что выписалъ двадцать-четыре страницы изъ статьи г. Плетнева о Жуковскомъ. Въ началѣ своей оригинальной статьи Новый Поэтъ объщаетъ впрочемъ, отвѣчать въ слѣдующемъ мѣсяцѣ «Отечественнымъ Запискамъ», которыя «заказывали на него статью». На понимаемъ этого враженія, и можемъ подумать, что скорѣе обѣщанный отвѣтъ «заказанъ», потому-что не успѣлъ къ сроку и отложенъ на будущій мѣсяцъ.

Отдѣлъ беллетристики не богатъ въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Современникъ». Окончаніе романа *Однорогъ* еще скучнѣе и неестественнѣе начала. Повѣсть г. Соколова — *Рыженькая* читается легко, но ея содержаніе до того избыто, что невольно рождается вопросъ: неужели современная русская литература взяла на себя обѣтъ писать повѣсти все на одну и ту-же тему? Это опять бѣдная и скромная провинціальная барышня, влюбляющаяся въ свѣтскаго льва, бывшаго за границей, и выходящая за скромнаго и бѣднаго провинціала, потому-что левъ не отвѣчаетъ ея любви и уѣзжаетъ въ Петербургъ. Чтобы чѣмъ-нибудь отличить свою героиню отъ тысячи другихъ, похожихъ на нее, г. Соколовъ сдѣлалъ ее — *Рыженькой*; — въ этомъ состоитъ все его изобрѣтеніе въ русской литературѣ. Во французской—рыжихъ героинь не оберешься съ легкой руки Адриенны де-Кардовиль. Остальное въ повѣсти обстоитъ все, какъ слѣдуетъ: тѣ-же картины бѣдной и скромной жизни уѣднаго города съ его однообразіемъ деревни, провинціаловъ,

оригиналовъ учителя, повѣтчика, уѣздныхъ сплетень и проч. и проч. Изъ всѣхъ лицъ повѣсти, давно уже знакомыхъ читателю, лучше очерченъ отецъ *Рыженькой* — Сборинъ.

Лучшею статью въ отдѣлѣ «Словесности» этихъ двухъ книгъ конечно комедія г. Писемскаго — *Раздѣль*. Это очень вѣрная и хорошо обрисованная картина нѣсколькихъ тяжелыхъ сценъ, происходящихъ по смерти одного помѣщика между его наследниками, при дѣлежѣ имѣнія. Лица комедіи всѣ вѣрны дѣйствительности, и интрига ведена прекрасно. Мы считаемъ эту пьесу лучшимъ произведеніемъ г. Писемскаго послѣ его *Тюфяка*, и увѣрены, что она могла-бы имѣть большой успѣхъ на сценѣ.

Въ обоихъ нумерахъ «Современника» помѣщено, кромѣ-того, десять стихотвореній. Изъ нихъ мы можемъ назвать хорошими только два: одно г. Майкова: «Порывы нѣжности обуздывать умѣя» и другое изъ Гейне, переводъ г. Михайлова, и то послѣдній переводъ хорошъ относительно, потому-что неполнѣ выражаетъ мысль Гейне. Вотъ это стихотвореніе.

Радость и Горе.

Радость—рѣзвая гризетка —
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко.
Разъ, другой поцѣловала
И, гляди, ужъ убѣжала.

А старуха—горе дружно
Приласкаетъ, приголубитъ:
Торопиться ей не нужно
Посидѣть съ работою любить

Послѣдній стихъ въ подлинникѣ полонъ германизмомъ:

Sie sitzt an deinem Bett und strickt.

къ тому-же у Гейне, въ его стихахъ, говорится о счастьи и несчастьи—Glück и Unglück, а не о радости и горѣ, что не одно и тоже. Другое стихотвореніе изъ того-же поэта переведено довольно близко къ подлиннику, но надо быть слишкомъ хорошо знакомымъ съ духомъ поэзіи Гейне, чтобы оцѣнить смѣсъ юмора и комизма съ лирическимъ направленіемъ стихотвореній германскаго поэта. Безъ этого непременно получится страннымъ стихотвореніе, начинающееся такими стихами:

Благоуханій кухни дольной,
Понюхалъ въ волю я, друзья,

Земная жизнь была привольной
Блаженной жизнью для меня

и оканчивающаеся слѣдующими:

Теперь усталъ я отъ тревоги,
Усталъ отъ бѣдъ и отъ скорбей,
И протянувь къ могилѣ ноги—
Желалъ-бы выспаться скорѣй!...
Прощайте! тамъ за гробомъ, братья,
Я васъ приму въ свои объятя.

Вообще, хотя у насъ и очень много переводили изъ Гейне, но въ стихотворныхъ переводахъ утрачиваются часто всѣ особенности подлинника.

Съ искреннимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что два стихотворенія г. Некрасова: *Старикъ* и «Ахъ были счастливые годы» очень слабы. Мы очень любимъ этого поэта, и тѣмъ болѣе непріятно намъ видѣть имя его подъ весьма посредственными стихами. Въ первомъ стихотвореніи поэтъ обращается къ какой-то Парашѣ, говорить, что они оба постарѣли, что ея черныя кудри *взяты* временемъ и горемъ, и оканчиваетъ слѣдующею строфою, въ которой мы ровно ничего не понимаемъ.

Чтожь осталось въ жизни нашей?
Ты молчишь, смутилась ты....
Не случилось ли съ Парашей —
Сохрани Господь — бѣды?

Другое стихотвореніе еще темнѣе и слабѣе. У постели больного сидитъ старуха-забота, и едва больному начинаетъ сниться прежнее счастье —

Вдругъ скрытъ, раздрающій ухо —
И мигомъ исчезла мечта.
Сморкается громко старуха —
Зѣваетъ.

Остальные три стихотворенія — переводныя. Г-нъ Л. перевелъ изъ Байрона: *To mistriss Augusta Leigh* слѣдующими стихами:

Хоть минули и счастье и слава,
И звѣзда закатилась моя,

Ты одна не *взяла себя права*
Поносить и тревожить меня.
 Ты одна не *шатнулась* душою
 Въ нѣжномъ сердцѣ твоей братъ не упалъ,
 И любовь, столь цѣнную мною,
 Я въ тебѣ лишь одной отыскалъ.

и такъ далѣе, еще пять строфъ все такими же звучными стихами, которыя какъ-то странно читать въ 1853 году... Но вѣдь Новый Поэтъ строгъ только къ стихамъ, помѣщаемымъ въ другихъ журналахъ...

Немного лучше перевелъ г. Гербень изъ Шиллера: *Пляску и Могущество пѣснопѣнія*, хотя стихъ переводчика вообще очень тяжелъ и онъ дѣлаетъ въ стихѣ перестановки словъ уже черезъ-чуръ вольныя, какъ напримѣръ

Предъ міра лучшаго посломъ, — или:
 Польются пѣсней съ высоты.

Въ наше время такія поэтическія вольности — не позволительны.

Изъ серьезныхъ статей чрезвычайно замѣчательны: «Русскій городъ въ XVII вѣкѣ» г. Соловьева, начало критической статьи г. Галахова: Карамзинъ. — Матеріалы для его литературной дѣятельности, и другой статьи — г. Гаевского «Дельвигъ». Г. Галаховъ давно уже извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ опытный знатокъ русскаго языка и его литературы, но имя г. Гаевского еще недавно стало появляться подъ журнальными статьями, предметами которыхъ — біографіи и оцѣнка трудовъ русскіхъ и иностранныхъ писателей. По всему видно, что г. Гаевскій не принадлежитъ къ числу записныхъ журнальныхъ тружениковъ, а работаетъ не торопясь, познакомившись ближе съ предметомъ своихъ занятій, изслѣдовавъ его со всѣхъ сторонъ. Къ такого рода трудамъ, заслуживающимъ полнаго уваженія, принадлежитъ и біографія Дельвига, заключающая въ себѣ исторію его лицейской жизни. Съ нетерпѣніемъ ждемъ продолженія статьи.

Интересна также статья «Высшее французское общество въ XVII вѣкѣ», извлеченная изъ исторіи г-жи Лонгвиль-Кузена. Критика «Записокъ ружейнаго охотника» немного запоздала и не такъ занимательна, какъ этого можно было бы ожидать отъ автора этой статьи, который гордится русскою литературою. «Воспоминаніе о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ» г. Дружинина также очень хорошая и интересная статья, хотя къ ней неизвѣстно для чего приставленъ эпитафійный изъ записокъ Ралеяга о смерти генерала Гренвилля. О англоманіи! Точь въ точь Иногородный Подписчикъ, который не можетъ

обойтись ни на одной страницѣ безъ *Anglin* и англичанъ. *Schoking, very schoking!*

Въ Смиѣси помѣщены два путешествія: одно «изъ Петербурга въ Крымъ и обратно, другое въ Италию. Первое написано известнымъ нашимъ ученымъ г. Перовицкимъ; второе — неизвѣстно кѣмъ. Неизвѣстный путешественникъ пишетъ чрезвычайно живописно. Вотъ начало его статьи:

«Высоко поднимались волны Адриатическаго моря. Грозная стихія была во всемъ ужасѣ своего величія; буйный вѣтеръ съ пронзительнымъ свистомъ, со стономъ и съ оглушительнымъ трескомъ, ломалъ и рвалъ мачты нашего парохода, бросая его какъ щепку со стороны въ сторону». Не правда ли, страшно? Путешественникъ, такъ краснорѣчиво описывающій это неприятное происшествіе, не погибъ однакоже, потому—что въ то самое, время когда онъ «уже стоялъ лицомъ къ лицу со смертію, вдругъ смягчилась разгнѣванная природа: какъ бы волшебнымъ мановеніемъ внезапно спалъ вѣтеръ, и величавое солнце осветило роскошное небо Италиі». Мы, съ своей стороны, очень рады этому обстоятельству, безъ котораго не имѣли бы удовольствія читать такого прекраснаго описанія бури в Италиі, въ которомъ все такъ согласно со строгими правилами хриі и риторикѣ и почти у каждаго существительнаго есть непрѣменно эпитетъ, очень хорошо къ нему подходящій...

Ученый путешественникъ путешествуетъ иначе; взглядъ его на мѣста и предметы вовсе не поэтический, а скорѣе приспособленный къ нашимъ житейскимъ потребностямъ.

Очень занимательны въ Смиѣси: два разсказа Диккенса: «Старое Платье», и «Квартиры со столомъ и прислугою», «Утро на Толкучемъ рынкѣ», «Домашній бытъ Англичанина Среднихъ Вѣковъ», и статья о Бомарше, которая, однакоже, значительно выиграла бы, еслибъ ее сократить еще больше, и выбросить изъ нея всѣ подробности, вовсе ненужныя и неинтересныя для русскихъ читателей. Новости общественной жизни Парижа и Лондона, и ученые — разнообразны и занимательны.

Переходимъ теперь къ первымъ книжкамъ «Библіотеки для Чтенія». Капитальная статья въ отдѣлѣ Русской Словесности въ этихъ книгахъ, безъ сомнѣнія драма г. Кукольника: *Ермилъ Ивановичъ Костровъ*. Въ разборѣ этой пьесы, въ отдѣлѣ Русскій Театръ въ Петербургѣ, было уже подробно сказано о достоинствахъ и значеніи этой пьесы. На нашу долю пала неприятная обязанность — сказать нѣсколько словъ о ея языкѣ. Прежде всего скажемъ, что г. Кукольникъ составляетъ всѣхъ лицъ своихъ драмъ говорить очень законически, что можетъ быть, по-

могаетъ быстротѣ дѣйствія, но мѣшаетъ ясности смысла, особенно когда пьеса читается, а не смотрится на сценѣ. Тамъ, напримѣръ, проскользнуть незамѣченными слѣдующіе стихи, которые никакъ уже нельзя назвать правильными :

- А онъ, лакей, валяетъ *пиковый*, *глушь*...
- Я *свѣмъ* свой *стыдъ*, не *поперхнусь*, не бойся...
- О *зablужденъ* *глазъ*! А мнѣ казалось...
- Я въ женщинѣ люблю, чтобъ *была* *булка*,...
Пыщъ, *дутыкъ* (что это за выраженія?)
- На сердцѣ море слезъ — дитей уснуло...

Это говоритъ героиня пьесы — Людмила, а ея обожатель Аркадій выражается такъ:

До гроба *донесу* мою богиню
 Души моей *чистѣйшую* невѣсту!...
 Душа души моей, *вѣнецъ* творенья!

Вообще всѣ разговоры любящихся лицъ у г. Кукольника очень напыщены, также, какъ мѣста лирическія и эпическія. За то комическія лица и сцены у него прекрасны, и мы увѣрены, что г. Кукольникъ писалъ бы гораздо лучше комедіи — это его настоящій родъ.

Лучшая сцена въ пьесѣ та, когда Костровъ читаетъ Илиаду служанкѣ Лизѣ. Разсказъ объ Измаильскомъ сраженіи очень эффектенъ на сценѣ, но въ немъ есть очень негладкіе стихи, напримѣръ:

Гдѣ тутъ *писатъ* *смерти* *наканунъ* ...
 Кто *въ свалкѣ* съ смертью съ ногъ *свалилъ* старуху
 И *подвигами* смерть *обезоружилъ*....
 А тамъ душа отъ ужаса *присыплетъ*
 Какъ *остриемъ* *холоднаго* *штыка*
 Глядитъ на Турку, не мигнетъ Суворовъ. (*Какая изысканная фраза*).

Что за выраженія: Суворовъ отчеканилъ въ исторіи — Измаилъ торжественно ужасными мгновеніями, и слѣдующія:

Рымникъ, Очаковъ на груди болтались...
 И какъ одинъ ослабились лукаво....
 Домъ, *лавъ*, пекарня, баня, лавка, погребъ,
 Истокъ для грязи — всюду супостатъ....
 Пошла рѣзня, *покосъ* ужасной смерти.

Подобныхъ странныхъ выраженій въ особенности много у самого Кострова. Онъ говоритъ:

На *пятакъ* *вертнись* какъ *фортуна*....
 Ну, *выгнувъ* же *азовскую* *штуку*,...

Я сердце человѣческое знаю.
 Черезъ него проѣхала карета....
 Въ куски, въ куски! Ей Богу, думать страшно!
 Что жизнь для ней? Безумная тщина!..

Впрочемъ, Костровъ объясняется такъ неясно и отрывисто — можетъ быть потому, что у него ужъ такая натура. Зачѣмъ же въ другихъ случаяхъ заставляя его выражаться съ такимъ риторическимъ лиризмомъ:

О! еслибъ могъ я этими руками
 Все человѣчество схватить въ объятя;
 Замерзшій родъ согрѣть моею душой;
 Горячей, чистою моею молитвой
 Какъ свѣчку въ ихъ душѣ зажечь молитву,
 И освѣтить ихъ внутреннюю гнусность!...

Генералъ Сельскій выражается впрочемъ не проще Кострова:

Да, тѣсно, не *умѣстишь*, другъ Лука
 Зѣби моей въ простомъ и честномъ сердцѣ....
 Москва!... Миѣ душно здѣсь! Всю ночь не спится!
 Воспомнанія *по стѣнамъ* ходить....

Людмила не уступаетъ отцу въ напыщенности выраженій, говоря:

Герой! я дочь твоя! И я съумѣю
 Вотъ это сердце вырвать изъ груди
 И бросить въ даръ Барсучкину, *какъ ольгому!*
 Нѣтъ не отдамъ твоей святой свободы!
 Она мое высокое наследство!
 Священныхъ лавровъ твоего чела
 Не дамъ *измѣть* ужасной жертвой

Остановимся на этомъ и помянемъ, что для печати г. Кукольникъ не просмотрѣлъ херошенько своей пьесы, и не выгладилъ хоть тѣ стихи, которые больше другихъ неприятно поражаютъ въ чтеніи. Помянемъ еще больше о томъ, что слишкомъ усердные друзья г. «Кукольника, какъ напримѣръ, баронъ Брамбеусъ, восхваляютъ автору Кострова» такіе панегирики въ своихъ критическихъ разборахъ, какихъ не удостоивались никогда самые великіе гении нашей литературы. Что же касается до другихъ мнѣній, изложенныхъ въ этой критикѣ, какъ, напримѣръ, о вліяніи на русскую литературу Последняго дня Помнѣи и «Библіотеки для Чтенія», то они не требуютъ никакого опроверженія.

Г-жа Т. Ч. и г-жа Евгенія Туръ помѣстили въ «Библіотекѣ для Чтенія» одна небольшой разсказъ «Сердце съ перегородками», другая отрывокъ изъ романа: «Три моря жизни». Последний очень милъ, во

сознаваясь, что мы не любимъ отрывковъ, мы предпочитаемъ рассказъ Т. Ч., хотя онъ также не оконченъ. Молодой человѣкъ видитъ у одной колдуньи, въ стаканѣ съ водою, свое собственное сердце, раздѣленное перегородками на нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ сидитъ какое-нибудь чувство. Съ теченіемъ времени перегородки одного отдѣленія расширяются и стѣсняють другое... Молодой человѣкъ жонглируетъ, и перегородка, за которой сидитъ его страсть, очевидно расширяется почти во все сердце, но потомъ мало-по-малу суживается и ея мѣсто занимаетъ—гастрономія. Какъ видите, въ рассказѣ нѣтъ ничего новаго, только форма его нѣсколько оригинальна, но онъ написанъ такъ мило и увлекательно, какъ только могутъ писать въ наше время женщины.

Въ февральской же книжкѣ оканчивается романъ Б-ы Б. *Наслѣдство*, который читается съ удовольствіемъ. По поводу этого романа мы считаемъ не лишнимъ предложить одинъ вопросъ гг. редакторамъ всѣхъ нашихъ періодическихъ изданій. Они такъ внимательны къ читателямъ, что начавши часто въ декабрьской книжкѣ какой-нибудь романъ, выдаютъ отдѣльно это начало тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые не получали его въ прошедшемъ году. Это, конечно, не только учтивый, но и справедливый поступокъ. Почему, однакоже, подписчики прошедшаго года, не желающіе продолжать подписываться въ наступившемъ году, не пользуются тѣмъ же правомъ, и не получаютъ отдѣльно конца статей, начатыхъ въ журналахъ за послѣдніе мѣсяцы? Справедливость, очевидно, требовала бы этого, съ какой стороны ни разсматривать этотъ вопросъ, на который мы очень желали бы получить отвѣтъ.

Начался также въ «Библіотекѣ для Чтенія» романъ г. Вонлярлярскаго, *Сосѣдь*, но насъ избавляютъ отъ труда разбирать его — Литературная Лѣтопись этого журнала сама разбираетъ этотъ только что начавшійся романъ. Это также принадлежитъ къ числу новыхъ изобрѣтеній «Библіотеки для Чтенія», и надо признаться весьма выгодныхъ. Журналы наши хвалятъ, правда, часто произведенія, печатающіяся у нихъ, но это бываетъ обыкновенно или въ концѣ года, при общемъ обзорѣ литературной дѣятельности истекшаго года, или, во всякомъ случаѣ, тогда уже, какъ повѣсть напечатана, и сужденіе объ ней не можетъ имѣть никакаго вліянія на подписчиковъ. Но сказать, что романъ, только что появившійся въ печати, — будетъ лучшимъ произведеніемъ автора «славный путь котораго *уперся въ край* мрачной бездны», и который умеръ «въ самую благотворную эпоху для ума и таланта — въ сорока-лѣтнемъ возрастѣ», когда «смерть внезапно *потушила* этотъ свѣтлый умъ», у котораго «умъ пожралъ тѣло и му-

читательная кончина сопровождала постоянную ссору духа съ веществомъ»: и котораго, наконецъ, Литературная Лѣтопись называетъ «сокращенно Лирскимъ», какъ обыкновенно называли его знакомцы и друзья», — говорить все это—не значить ли нѣкоторымъ образомъ приглашать читателей на этотъ романъ; дѣлать то, что французы называютъ *placé*?

Отдадимъ справедливость Литературной Лѣтописи въ томъ, что она очень остроумно разобрала нѣкоторыя плохія книги, о которыхъ по какой-то непонятной благосклонности, отозвались очень снисходительно «Отечественныя Записки» и «Современникъ».

Не можемъ сказать того же о скучной, несвоевременной и устарѣвшей статьѣ въ отдѣлѣ Критики: «Корреръ-Белль и его романъ Шарли» написанной г. Дружининнымъ. Вѣроятно подобному же любителю Англии принадлежать и двѣ другія статьи: въ отдѣлѣ Наукъ «Литературное Речесло» и въ Смѣси «Литературныя рѣдкости» — чрезвычайно неинтересныя, въ которыхъ до того говорится объ англичанахъ, что дѣлается даже приторно.

Другая статья въ отдѣлѣ Наукъ «Могилы древнихъ Ливовъ» весьма любопытна и читается съ большимъ удовольствіемъ. Смѣсь этихъ двухъ книжекъ слабѣ обыкновеннаго. Музыкальныя извѣстія г. Дамке интересны, но часто грѣшатъ противъ правды.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году, составленная по Высочайшему повелѣнію Государа Императора Николая I. Часть I — сочиненіе генерал-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Части II, III, IV и V-я — сочиненіе полковника Милютина. С. Петербургъ, 1852. Въ типографіи штаба военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. XIX, 616, 644 и 502 страницы, въ трехъ томахъ*.

Исходъ 1852-го года ознаменовался въ русской литературѣ по-

* «Пантеонъ» упрекаютъ, что журналъ этотъ, въ послѣднихъ своихъ книжкахъ прошедшаго года и въ первой нынѣшняго, говоря о разныхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ новыхъ книжкахъ, умолчалъ о важнѣйшей изъ нихъ, заглавіе которой здѣсь выписано. Равно принадлежала исторіи, наукъ, литературѣ, какъ искусству, она не могла быть нами забыта: но внимательное прочтеніе трехъ огромныхъ томовъ, около двухъ тысячъ страницъ, требовало времени; не изучивъ же, во всѣхъ отношеніяхъ, разсматриваемаго творенія, мы не отвѣживались на отзывъ поверхностный о трудѣ обширномъ и глубокомъ.

явленіемъ творенія важнаго, давно и нетерпѣливо ожидаемаго просвѣщенными любителями исторіи, читателями правоты и великодушія Императора Павла, блистательныхъ дарованій его геніальнаго полководца и завидной славы русскаго оружія, быстро водружавшаго побѣдоносныя знамена свои въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ дотогѣ не сверкала еще страшный штыкъ нашъ. Уже въ 1849 году, изъ біографіи знаменитаго военнаго исторіографа, Александра Ивановича Михайловскаго-Данилевскаго, помѣщенныхъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ и при полномъ собраніи сочиненій покойнаго, сдѣлалось извѣстие публикѣ, что по кончинѣ его, послѣдовавшей въ августѣ 1848, въ числѣ найденныхъ у него рукописей, находилось и начало сочиненія о походѣ русскаго въ Италію, Швейцарію и Голландію, въ 1799 году, продолжаемаго нынѣ г. полковникомъ Милютинымъ.

«Удостоенный столь лестнаго порученія», говоритъ г. Милютинъ въ предисловіи, «принялъ я всѣ оставшіяся въ кабинетѣ покойнаго бумаги, книги и карты, относящіяся къ описанію войны 1799 г. Въ огромной массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ было множество подлинныхъ документовъ, записокъ, печатныхъ книгъ, газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ; наконецъ обширныя выписки изъ хранящейся въ московскихъ архивахъ дипломатической и военной переписки, сдѣланныя командированнымъ для того, по распоряженію военнаго начальства, капитаномъ (нынѣ подполковникомъ) генеральнаго штаба Залѣскимъ. Однимъ-словомъ, я нашелъ *готовый* запасъ обильныхъ матеріаловъ, къ которому оставалось мнѣ дополнить *весьма немногое*, чтобы приступить къ работѣ. *Первая часть* сочиненія была уже вполнѣ обработана покойнымъ генераломъ Данилевскимъ: начавъ обзоръ политики Россіи съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императрицы Екатерины II, изобразилъ онъ (должно прибавить, превосходно, съ необыкновенною ясностію и отчетливостію) положеніе дѣлъ при востшествіи на престолѣ Императора Павла I, первоначальную наклонность его къ миру, причины, побудившія его вооружиться противъ Республики Французской и сдѣлаться душою новой коалиціи; затѣмъ описаны заключенные Императоромъ *слабые* договоры, тогдашнее состояніе вооруженныхъ силъ Россіи, приготовленія къ войнѣ, первыя дѣйствія русскаго флота при Іеническихъ островахъ, выступленіе сухопутныхъ войскъ за границу; наконецъ, въ послѣдней, XIII главѣ, рассказано, какъ Императоръ Павелъ, по просьбѣ вѣнскаго двора, призвалъ Суворова для принятія начальства надъ союзною арміею въ Италію. Такимъ-образомъ, обработанныя покойнымъ тринадцать главъ сочиненія составляютъ нѣчто *цѣлое и совершенно отдѣльное*» (стр. III—V). Это мастерски изображенныя

литическая (не собственно военная) исторія Россіи того времени, а частію и остальной Европы, въ общихъ, главнѣйшихъ чертахъ. Но со второй части открывается исключительный, самостоятельный и непосредственный трудъ г. полковника Милютина, на основаніи собранныхъ предшественникомъ его матеріаловъ. — «Немало сочиненій — объявляетъ онъ — издано было на разныхъ языкахъ о войнѣ 1799 года; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ достоинства неотъемлемыя: но до сихъ поръ ни въ одномъ еще не было выставлено въ надлежащей мѣрѣ то вліяніе, которое имѣлъ Россійскій Императоръ на весь ходъ войны; дѣйствія русскихъ войскъ не были изображены во всемъ ихъ блескѣ, а нѣкоторыя представлены даже въ ложномъ свѣтѣ; наконецъ ни въ одномъ сочиненіи не раскрыты во всей истинѣ причины, по которымъ результаты предпринятой войны не соответствовали счастливому ея началу» (II). При этомъ нельзя не согласиться съ дальнѣйшимъ изъясненіемъ предисловія, въ томъ смыслѣ, что русскому историку войны 1799 года предстояло много работы — для пополненія неизвѣстнаго досихъ-поръ писателямъ иностраннымъ, особенно въ отношеніи къ политикѣ Россіи: онъ долженъ былъ «поднять завѣсу съ тогдашнихъ сужденій дипломатическихъ», чтобы обнаружить, «какимъ образомъ сильный союзъ, образовавшійся противъ Республики Французской, рушился, не достигнувъ предположенной цѣли, потому только, что не всѣ союзники движимы были тѣми же безкорыстными видами, которыми одушевленъ былъ Императоръ Россійскій» (III).

Вотъ бѣглый, самый сжатый очеркъ содержанія четырехъ частей, принадлежащихъ перу г. полковника Милютина, если только возможно въ такомъ очеркѣ уловить хотя полуудовлетворительныя намеки на то, что заключается въ текстѣ тысячи страницъ. Авторъ приступаетъ къ повѣствованію своему объясненіемъ состоянія числительныхъ и нравственныхъ силъ и способовъ, которыми обладали союзники, и какими располагала Франція — въ моментъ начала войны. Несмотря на внутреннія бѣдствія, терзавшія чудовищную республику, и непрерывную, продолжительную борьбу ея извнѣ, французы сохраняли еще грозное вліяніе въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, поддерживаемое блестятельными успѣхами отличныхъ генераловъ и громкими побѣдами ютѣйшаго изъ нихъ, смѣлаго артиллериста, Бонапарте, имя котораго, предназначавшееся вѣнцу, лавровому и державному, незадолго передъ тѣмъ впервые огласилось въ Европѣ, взволнованной кровавыми смутами, страшными, небывалыми до того переворотами и распространеніемъ пагубныхъ демократическихъ идей. Ни Австрія, величавшаяся еще имевшая Римской Имперіи, ни Пруссія, славная свѣжими воспоминаніями

торжество Фридриха II, и Англія, сильная характеромъ, золотомъ и флотомъ, не могли совладать съ сокрушительнымъ разливомъ, несшимся отъ буйныхъ береговъ Сены. Съ начала революціи, уstraшенная Европа обращала уже умоляющіе взоры къ сѣверу, въ неосшибочномъ убѣжденіи, что одна лишь могущественная Россія надѣлена достаточными средствами, рано или поздно низложить всепоглощающую гидру. Мысль — идти прямо къ Парижу, гнѣзду и вертени безначалія, была еще мыслию Екатерины, спустя около двухъ десятковъ лѣтъ исполненною ея Благословеннымъ Внукомъ; но преклонныя лѣта монархини, неразлучная съ ними слабость, физическая и моральная, и многія другія причины, подробно изложенныя въ первой части (генерала Михайловскаго Данилевскаго), воздержали воинственную дотогѣ Государыню подать руку помощи угнетеннымъ жертвамъ французскаго владычества. Однакожь и она призывала Суворова къ великой брани, и «казалось вѣроятнымъ, что судьби вручала ему и Бонапарте рѣшеніе вопроса о жребіи Европы. Случилось иначе. Еще не кончились переговоры Россіи и Австріи съ Англіей и Пруссіей о новомъ союзѣ, еще не былъ утвержденъ присланный изъ Вѣны въ Петербургъ операціонный планъ, когда, среди приготовленій къ походу и при громѣ побѣдъ Бонапарте, ноября 6-го 1796 г., перешла въ вѣчность Екатерина, едва успѣвъ принять въ объятія новорожденнаго третьяго внука своего, Великаго Князя Николая Павловича» (слова М.—Данилевскаго). Императоръ Павелъ, видя необходимость успокоить Россію, утомленную долгими войнами, и занятый пощечинами о внутреннемъ благѣ ея, такъ какъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины замѣчалось нѣкоторое разстройство въ финансахъ, военной дисциплинѣ и иныхъ частяхъ государственнаго управленія, немедленно по воцареніи своемъ, заключилъ миръ со всѣми державами, и только, по прошествіи двухъ лѣтъ, съ водвореніемъ желаемого имъ въ отечествѣ порядка, рѣшился наконецъ уступить мольбамъ Австріи и приступить къ союзу съ ней, когда французы нарушили права его завоеваніемъ Мальты, которой онъ былъ протекторомъ. Въ четырехъ республиканскихъ арміяхъ, расположенныхъ по Рейну, въ Швейцаріи и въ Италіи, было всего 150 т. человекъ. Съ самоувѣренностію нравственнаго превосходства привычной побѣды, они дерзко шли на 250 т. Австрійцевъ, и, вѣроятно, одержали бы ее, еслибъ вдругъ не явились 22 т. русскихъ съ—Суворовымъ. Въ четырнадцать дней онъ произвелъ чудеса, при каждой встрѣчѣ уничтожалъ французовъ, и триумфаторомъ вошелъ въ Миланъ. Трехдневная битва на берегахъ Адды (15—17 апрѣля)— ниспровергаетъ Цизальпинскую Республику, вооружаетъ поселянъ, народъ Ломбардіи, Романіи,

легаций, Пиемонта, Тосканы, римлянъ, неаполитанцевъ, подрываетъ власть Франціи почти во всей Италіи. Къ упроченію своихъ неизвѣрныхъ удачъ, полководецъ русскій представляетъ Императору Францу общій планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій, гениально соображенный съ ослабленіемъ непріятели, числомъ союзныхъ войскъ и расчетомъ на повсемѣстное народное возстаніе. Предполагалось, не допустивъ разбитаго Моро до сближенія съ Макдональдомъ, спѣшившимъ изъ южной и средней Италіи, вступить съ трехъ сторонъ въ Швейцарію, нанести французамъ пораженіе на всѣхъ главныхъ пунктахъ или опорахъ ихъ операций, и проникнуть въ самыя предѣлы мятежной республики, управляемой неспособною и жалкою директоріей.

Сколько плачевныхъ событій, сколько потоковъ крови предотвратилось бы достиженіемъ этой цѣли, пятнадцатью годами прежде позднѣйшаго вшествія въ Парижъ.. Болѣе полувѣка исторіи Европы измѣнило бы свой видъ, и вмѣсто вандомской колонны, Бонапарте, статья можетъ, принужденъ былъ бы удовольствоваться египетскими пирамидами, да «взираніемъ съ высоты ихъ сорока вѣковъ» на его тамашніе подвиги. Но пресловутый, систематическій гофкригсратъ (придворный военный совѣтъ), пуще всего на будущую бѣду собственному же отечеству, судилъ и порѣшилъ, въ Вѣнѣ, иначе. Онъ не удостоилъ одобренія отважное предначертаніе побѣдителя турковъ и поляковъ. Предпримчивый, пылкій способъ дѣйствованія старца-героя не согласовался съ медленною, кабинетною тактикою ученыхъ героевъ гофкригсрата: они лучше желали быть разбитыми «по правиламъ», нежели выиграть по вдохновенію чужаго гениа. Императоръ Францъ утвердилъ рѣшеніе совѣта и — не утвердилъ болѣе части предположеній Суворова. Гордая душа его была уязвлена, и отсюда возникли тѣ недоразумѣнія, неудовольствія и печальные раздоры между русскимъ полководцемъ и вѣнскимъ совѣтомъ, которые потомъ превратили въ ничто блистательнѣйшее начало похода. Недовѣрчиво, съ какимъ-то себялюбивымъ опасеніемъ, удаляли Суворова отъ всякаго участія въ дѣлахъ политическихъ, тѣсно связанныхъ съ военными, затрудняли даже послѣднія, предоставивъ особому уполномоченному комиссару завѣдываніе завоеваннымъ краемъ и дипломатическія сношенія съ мѣстными правительствами, между-тѣмъ какъ непосредственные распоряженія о снабженіи продовольствіемъ предводимой Суворовымъ союзной арміи находилось также въ рукахъ австрійскихъ чиновниковъ...

Горько и справедливо сѣтовалъ Александръ Васильевичъ на такія стѣсненія и противодѣйствія со стороны вѣнскаго кабинета. Обращенія огорченнаго и раздражаемаго старца къ тамашнему послу русскому,

графу Разумовскому, были напрасны. Всемогущій въ то время министр австрійскій Тугутъ все переворачивалъ по-своему; упорно и надменно хотѣлъ учить Суворова даже ратному дѣлу, на разумѣніе котораго нѣтъ самыхъ забавныхъ и смѣшныхъ притязаній. Суворовъ принималъ одно — Вѣна предписывала другое. Она не только лѣтѣла или испраляла общій планъ кампаніи — но не допускала главнокомандующаго и до произвола въ *подробностяхъ*. Казалось, завидовали гению нашего полководца и блеску славы русской. Нужна была наша помощь, мы одержали непредвидѣнные успѣхи — Австрія оправилась, приободрилась, захотѣла присвоить себѣ всѣ ихъ плоды, не только результаты, но и *причины* побѣды, какъ бы дѣйствительною виновницею ея была медвѣдическій гофкригеръ, а Суворовъ только храбрымъ исполнителемъ приказаннаго ему изъ Вѣны.

Европа знала это, чужеземные историки не могли не проникнуть въ сущность такого зависимаго, затруднимаго положенія Суворова, и у нихъ, однакожъ, достало рѣшимости укорять его въ медлительности и колебаніи по овладѣніи Миланомъ... Суворовъ медлитъ, колеблется, впадаетъ въ робкія сомнѣнія налившей осторожности — развѣ это похоже на Суворова... окруженнаго агентами, шплетами Тугута, его угонщиками и посредственностями, стѣснявшими каждый шагъ, каждый геніальный порывъ русскаго фельдмаршала, заводившими безпрестанныя, мелкія, но значительныя въ послѣдствіяхъ интриги? Добрему, тщеславному старичку Меласу поручаютъ не только независимое начальство надъ войсками австрійскими, всю администрацію и дипломатику, но и ближайшую переписку съ военнымъ совѣтомъ, когда этотъ ограниченный, полубольной воинъ съ трудомъ умѣетъ написать нѣсколько не бойкихъ словъ. Правда, генералъ-квартирмейстеръ, благородный и преданный Суворову, которому оставили роль какого-то капрала, маркизъ Шателеръ, понимаетъ его, сочувствуетъ ему; но за это на него возмущаетъ Меласъ и косятся Тугутъ.

«При такихъ отношеніяхъ — заключаетъ г. полковникъ Милютинъ, — естественно не могло быть въ распоряженіяхъ по арміи ни единства, ни стройности, ни порядка. Въ механизмѣ управленія, въ перепискѣ штаба, въ продовольствованіи войскъ — были почти ежедневныя недоразумѣнія, упущенія, даже иногда умышленныя противорѣчія приказаній фельдмаршала», которому «предстояла не одна только борьба съ врагомъ виѣшнимъ; гораздо менѣе заботъ причиняли ему арміи французскія въ открытѣи войнѣ, чѣмъ тайныя проносы кабинетныя» (т. II, стр. 39, 42).

Несмотря на всѣ стѣсненія, препятствія и козни, россійскій генералъ

правъ все-таки шелъ, точнѣе, летѣлъ впередъ. Онъ не считалъ своею непреодолимую обязанностью буквально слѣдовать велемудрымъ инструкціямъ гоффригсрата. Спасая честь русскаго оружія, славу своего имени и пламенно стремясь къ высокой цѣли, указанной ему рыцарски-великодушными, безкорыстѣйшими намѣреніями Императора Павла, ничего не желавшаго для себя и всего лучшаго для своихъ погибавшихъ союзниковъ, Суворовъ, по-возможности, перескакивалъ черезъ баррикады интриги и зависти. Покоряя крѣпость за крѣпостью, съ непогрѣшимомъ расчетанностью двинулся онъ на Макдональда, встрѣтилъ его, въ превосходныхъ силахъ, при Требин, и нанесъ ему тамъ, въ трехсуточной битвѣ, совершенное пораженіе, быстро возвратился въ Александрію. Этотъ десятидневный маршъ — знатоки военнаго искусства поставляютъ въ число классическихкихъ, изящныхъ дѣйствій боеваго гениа. Даже одинъ изъ противниковъ нашего полководца, такъ неудачно съ нимъ состязавшійся, и, слѣдственно, не имѣвшій сердечныхъ причинъ *привѣтствовать* его, Моро — признавалъ эти изумительно соображенные и энергическія движенія семидесятилѣтняго вождя — образцовыми (*chef-d'oeuvre de l'art militaire*), а по словамъ г. Милютина, они «напоминають блестятельнѣйшія кампаніи Фридриха-Великаго» (стр. 297).

И австрійцамъ какъ было не радоваться? — *Славное счастье! Счастливымъ военачальникомъ!* восклицали они, критикуя его вдохновенную стратегію, которую находили противною ихъ «правиламъ», подобно тому, какъ школьные пѣнты и бездарные риторы возставали встарину противъ романтическыхъ возговъ, отбросившихъ тяжелыя вериги заученыхъ, тушыхъ преданій, неумѣстно и безтолково примѣняемыхъ ко всему безусловно. Въ самыхъ рескриптахъ кроткаго, благороднаго Императора Франца, сочиняемыхъ, вѣроятно, «стратегикомъ» Тугутомъ, или иными воинами-сибаритами, дѣйствительно безпримѣрные и непонятныя нѣтъ успѣхи Суворова не рѣдко относились къ «счастливой случайности».... Суворова издавна корили *счастьемъ*, и ему оставалось повторять свою любимую, давнюю поговорку: «Счастье, счастье? Помилуй Богъ!... Сегодня счастье, завтра счастье — когда-нибудь надобно немножко и ума?» И неудивительно, что великій старецъ былъ не въ духѣ, — въ свою очередь сердился, досадовалъ, и его жестокія насмѣшки надъ бездарностью и промахами австрійскихъ генераловъ, особенно надъ несноснымъ умничаньемъ упornaго гоффригсрата, конечно, не водворяли широлюбія и дружбы между союзниками — словомъ, русскій умъ и русскій штыкъ кололи и друга и врага!

«Прозекторы, бешитмитзагеры, мерсенеры!» такъ выражался Суворовъ объ этихъ систематическихкихъ, глубокомысленныхъ умни-

кахъ. — «Служба ихъ въ тѣлѣхъ, амбиціи или эгоизмъ, вредномъ обществу. Я скажу: они храбры, а ихъ испыталъ и оставлю армію побѣдителя Евгеніевой; *но безъ меня тѣхъ-же быть!»* — Недоволенъ онъ былъ австрійскими генералами и за то, что они бесполезно, въ результатъ, губили войско.... «Мудрый Белльгардъ, между-прочимъ, привыкъ терять людей: въ началѣ кампаніи онъ доставилъ неприятелю чрезъ Лаудона слишкомъ 10,000 человекъ; нынѣ, въ нуждѣ моей, онъ съ ранеными проигралъ слишкомъ 2,000.... *Бештимтзагеры* убавилъ у меня изъ-подъ ружья въ три раза почти больше, нежели мнѣ, на трехъ батальяхъ, стоили Тидона, Треббіа и Нура».... Бакія стѣванія Суворова встрѣчаются и въ письмахъ къ графу Толстому:

«Нѣмцы уклоняются отъ меня.... и вѣдомо, здѣшнія завоеванія *не по правиламъ!»* — И дѣйствія отличнаго впрочемъ полководца, также стѣсняемаго гофкригератомъ, эрцгерцога Карла, казались Суворову не вполне удовлетворительными — штыкъ не работалъ — «здѣсь *примля* и нѣмцы хорошо колютъ; индѣ и во всемъ иначе. Я цѣлю, чтобъ съ ними разстаться. Вездѣ гофкригератъ, нескоренная привычка битымъ быть... *умтеркуифтъ, бештимтзагеръ!»* (Т. II, стран. 333 — 335.)

Доходило даже и до жалобъ на мнимое неповиновеніе Суворова. Требовали, чтобъ онъ «ничего не предпринималъ важнаго, не испросивъ предварительно разрѣшенія изъ Вѣны. А Суворовъ очень остроумно и колко отзывался графу Разумовскому, дѣйствовавшему не совсемъ искренно: «хотятъ, чтобъ ежели мнѣ завтра баталію давать, я-бы отнесся прежде въ Вѣну. Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются; посему для нихъ никогда нѣтъ вѣрнаго плана. Фортуна имѣетъ голый затылокъ, а на лбу длинныя всякіе власы. Летъ ея молніи; не схвати за власы, уже она не возвратится... Я въ Миланѣ—получаю изъ Вѣны отвѣты о пріѣздѣ моемъ въ Верону; а только что въ Туринъ перешелъ—пишутъ мнѣ о Миланѣ»....

«Раздражаемый непрерывными интригами, Суворовъ не разъ замечалъ, что принужденъ будетъ отказаться отъ командованія арміей, если не перемѣнятся отношенія его съ гофкригератомъ» — и, въ свою очередь, жаловался на послѣдній: но «графъ Разумовскій старался только успокоивать фельдмаршала, и еще болѣе раздражалъ его, принимая почти во всемъ сторону барона Тугута», «слабымъ орудіемъ расчетовъ» котораго Суворовъ «не хотѣлъ быть». «Напротивъ того, посолъ нашъ въ Вѣнѣ, поддавшись совершенно въ сѣти перваго министра австрійскаго, спѣшилъ угождать каждому желанію его. Отсюда неизбежно должно было произойти охлажденіе между фельдмаршаломъ и посломъ. Хотя перенисканіе еще продолжалась, и графъ Разумовскій старался въ своихъ пись-

махъ льстить самолюбію Суворова, однако же со стороны послѣдняго уже не было прежней довѣренности къ послу. Въ концѣ іюня мѣсяца узнавъ, что корпусу генералъ-лейтенанта Ребиндера присылались прямо предписанія отъ графа Разумовскаго, Суворовъ писалъ ему: «Совѣтую и вамъ, почтенный другъ, ежели случится вашему сіятельству въ чемъ ни есть къ войскамъ отнестись, чтобъ мнѣ о томъ для соображенія, какъ къ ихъ начальнику, сообщать изволили. Вѣна въ воинскихъ операціяхъ не можетъ никогда, какъ я, свѣдуша быть. Не заводите другихъ гофкригсратовъ, и одинъ всю мою вѣру и вѣрность крушить. Простите мнѣ чистосердечіе...»

Такия «чистосердечныя» эпистолы, свойственныя достоинству и сану мажистаго фельдмаршала, облеченнаго полнымъ довѣріемъ своего монарха, не могли, безспорно, нравиться тонковѣжливой дипломатин, подавая наружный поводъ къ нареканію въ неуживчивости героя Адды и Требин.... «Всѣ жалобы Суворова оставались тщетными: привычка и система гофкригсрата были неискоренимы; съ каждымъ днемъ представлялись еще новые поводы къ неурядностямъ и жалобамъ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Суворовъ рѣшился написать къ самому Императору Павлу: «Робость вѣнскаго кабинета, зависть ко мнѣ, какъ къ чужестранцу, интриги частныхъ, двуличныхъ начальниковъ, относящихся прямо въ гофкригсратъ, который до сего операціями правилъ, и безвластіе мое въ производствѣ сихъ прежде доклада на тысячи верстахъ, — принуждаютъ меня Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить объ отзывѣ моемъ, ежели сіе не пережѣнится. Я хочу мои кости положить въ своемъ отечествѣ и молить Бога за моего государя. Повергаю себя къ священнѣйшимъ В. И. В. стопамъ...»

«Прежде еще, чѣмъ донесеніе это получено было въ Петербургъ, уже доходили до свѣдѣнія Императора Павла неудовольствія Суворова на распоряженія гофкригсрата. Государь, дѣйствуя всегда прямо и откровенно, обратился къ самому Императору Францу, и въ письмѣ отъ 12 іюля просилъ его принять мѣры, чтобы впредь гофкригсратъ не давалъ прямо отъ себя предписаній, *противныхъ его собственной воли* (курсивъ въ текстѣ). «Подобныя дѣйствія гофкригсрата — писалъ Россійскій Императоръ — могутъ повести къ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ для общаго дѣла союзныхъ монарховъ, отъ котораго зависить возстановленіе порядка и спокойствія въ цѣломъ свѣтѣ...»

«Опасенія Императора Павла, къ сожалѣнію, начинали уже сбываться. Получивъ донесеніе Суворова, государь, глубоко огорченный, далъ графу Разумовскому строгое предписаніе потребовать формально объясненій отъ самого Императора Франца. Неурядочныя дѣйствія про-

твѣ Суворова и русскіхъ войскъ были, можно сказать, личною обидою для Императора Павла, и давали ему полное право укорять вѣнскій дворъ въ неблагодарность. Но Государь имѣлъ въ то время и другіе важныя поводы къ неудовольствію на своего союзника. Объясненія по жалобамъ Суворова связались тѣсно съ общими вопросами политическими....» (того же тома стран. 338 — 341.)

Въ отрывочномъ извлеченіи невозможно, даже въ главныхъ чертахъ, послѣдовательно прослѣдить постепенный ходъ многосложныхъ и запутавшихъ, по обстоятельствамъ, военныхъ событій, театромъ которыхъ служило огромное пространство, не допускавшее, по физическимъ и нравственнымъ причинамъ, ни единства, ни сосредоточенности въ движеніяхъ боевыхъ массъ. И къ чему-бы поведи обширѣйшія извлеченія, когда мереть нами книга, гдѣ во всей полнотѣ и неистощимой подробности, не утомляющей однако любопытство, представляется обдуманное, стройное повѣствованіе. Самое копытливое, изыскательное сопращеніе вѣдомій и фактовъ никогда не можетъ дать удовлетворительнаго, по-крайней-мѣрѣ, окончательнаго понятія обо всемъ содержаніи столь объемистаго историческаго творенія: неизбежны пробѣлы и пропуски многого занимательнаго и важнаго. Дѣло критики показать лишь интересъ и характеръ книги, а отнюдь не вычерпать весь лучший сокъ ея, оставивъ ей только мертвый остовъ и обезохотивъ читателя къ непосредственному съ нею знакомству. Въ двухъ тысячахъ страницъ неудобны даже и выборки *интереснѣйшаго*, потому-что оно такъ щедро рассыпано на нихъ, и искусствомъ разсказа, и самою сущностью происшествій, принадлежащихъ одной изъ наиболѣе драматическихъ и обаятельныхъ эпохъ всемірной исторіи, — и вся выборка въ подобныхъ случаяхъ не должна-ли ограничиться мимоходными указаніями, такъ-сказать, невольна встрѣчающимся *на пути* этого труднаго, неблагодарнаго извлеченія. Считаемо достаточнымъ въ короткихъ словахъ заключить быстрое обозрѣніе....

Интрига не унялась. Своекорыстіе, двуличность и сокровеннаго вида или расчеты тогдашняго вѣнскаго кабинета, управляемаго барономъ Тугутомъ, — векоръ начали явственно обнаруживаться, готовя близкій разрывъ союза, на одной сторонѣ котораго были возвышенная прямота и великодушіе, на другой — полтичка боярская, выжидательная, напѣчивая, по призыву случайнаго теченія дѣла. Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ, и дальнѣйшія «улицы» Суворова не привели къ утѣшительнымъ послѣдствіямъ. Новый, смѣливый опытнаго Моро, главнокомандующій республиканскій, юный Жуберъ, смѣло вышелъ изъ Анненновъ; но столкнувшись лицомъ къ лицу съ

Суворовымъ, крѣпко задумался, всталъ въ сомнѣніе, робость и ужасъ, быть-можетъ предвѣстники смерти, ожидавшей его въ началѣ провозглаголанной битвы. Суворовъ при Нови разбиваетъ на голову французовъ, а французы, въ отищеніе, поражаютъ Австрійцевъ въ Швейцаріи. Вотъ приходится туда съѣзжій русскій корпусъ. Дѣла могли бы поправиться: но Эригерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобъ соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ, удаляется въ Германію... для одержанія незначительной поверхности надъ непріателемъ при Мангеймъ... Побѣдителя же при Нови, грустно сложа руки, бездѣйствуетъ, пока длятся учебныя свѣщанія о новомъ планѣ войны, довольствуется безмолвнымъ охраненіемъ завоеваннаго... Настаетъ послѣдній, печальнѣйшій періодъ вѣдственнаго похода, такъ основательно общавшаго, въ первые мѣсяцы, результаты громкіе: но выступленіемъ Суворова изъ Италіи къ сѣвернымъ горамъ и бездоннымъ пропастямъ Гельвеціи прерывается, въ концѣ пятой части, повѣствованіе, исполненное живѣйшей занимательности, поучительности исторической и военной...

Доселѣ, чтобъ не отвлекаться отъ главнаго, выпука выстунающаго, мы совершенно улачивали о чрезвычайно любопытныхъ, не менѣе драматическихкихъ, а иногда и трагическихкихъ, эпизодахъ и картинахъ описываемой войны, каковы, наиримѣръ, были: неистовства рати кардинала Руффе, при народномъ возстаніи въ южной Италіи, которое поддерживалъ Король Неаполитанскій... «Бывали случаи, что города, предавшіеся республиканцамъ, выдерживали отчаянные приступы роялистовъ; всѣ жители, даже женщины, бились до послѣдняго издыханія на городскихъ стѣнахъ, въ домахъ, за баррикадами. Монахи, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ вилтовкою въ другой, шли въ головѣ околоченій; восторженныя рѣчи ихъ разжигали страсти и воображеніе легковѣрной толпы. Не было границъ ожесточенію разъяреннаго народа... Въ числѣ предводителей инсургентовъ были и такіе люди, которые именемъ своимъ носили знамя королевское, люди достойные быть только атаманами разбойничьихъ шаекъ. Въ Абрунцахъ ратовалъ нѣкто *Проміо*, разстриженный аббатъ, осужденный на галеры за смертоубійство. *Газтано Маммоле*, приведшій въ трепетъ самыя окрестности Неаполя, прославился передъ всѣми прочими своимъ неслыханнымъ зѣвствомъ: онъ находилъ забаву въ мученіяхъ своихъ жертвъ, и съ наслажденіемъ пилъ изъ черева кровь человѣческую. Сводвижникомъ его былъ знаменитый разбойникъ, *Микеле Пеццо*, прозванный *Фра-Діаволо*...» Ужасны были послѣдніе дни существованія Парфенопейской Республики, ея надежде. Испытанія бѣдствовавшаго Неаполя неизобразимы; онъ выдерживалъ настоящую пытку, отъ чужахъ и отъ своихъ: терроризмъ республиканцевъ, оборо-

нашихъ эту столицу, — нападеніе на нее потомъ ясныхъ полчищъ кардинала, и наослѣдокъ жестокости англичанъ, дѣйствовавшихъ противъ Неаполя съ моря... «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ представлялъ страшную картину убійствъ, пожара и грабежа. Ополченіе кардинала, соединившись съ буйными лацарони, упивалось кровью; придумывали казни самыя мучительныя: душили, жгли, терзали, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ.... Самъ кардиналъ Руффо содрогнулся при видѣ столькихъ злодѣяній; во уже не въ силахъ былъ остановить необузданныя страсти....» Предѣлы статьи не позволяютъ также распространяться о замѣчательныхъ дѣйствіяхъ черноморскаго флота, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, ни объ эскадрѣ Сорокина у итальянскихъ береговъ, — ни о безпримѣрныхъ, съ горстью вонновъ, подвигахъ Белли, безпримѣрно и награжденнаго, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, орденомъ св. Анны 1-й степени.... должно покамѣсть пройти совершеннымъ молчаніемъ множество другихъ любопытныхъ и важныхъ сторонъ книги...

Съ жаднымъ вниманіемъ бросилась къ ней отечественная публика, и еслибъ превосходный трудъ гг. М.-Данилевскаго и Милютина явился въ переводахъ, такой же, конечно, почетъ оказали бы ему и просвѣщенные, безпристрастные читатели европейскіе. Удаляемся отъ всякихъ неумѣстныхъ и щекотливыхъ сравненій обонхъ авторовъ, хотя сравненія эти слышатся и въ устахъ публики и въ скромныхъ буквахъ печати... Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного умнаго военнаго писателя и критика, надѣяннаго сердечною теплою и художественною впечатлительностію.... П. С. Лебедевъ, извѣщая, въ «Русскомъ Инвалидѣ», о выходѣ въ свѣтъ разсматриваемаго творенія, справедливо замѣтилъ, что «пробѣгая первые листы его, чувствуешь удовольствіе, подобное ощущаемому при чтеніи Тацита. Необыкновенная простота слога, не чуждая потрясающаго величія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подвигахъ русской славы, какая-то особенная оконченность въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, и всегда ясный рассказъ, несмотря на разнообразіе и сложность описываемыхъ событій, — все дѣлаетъ эту книгу истинно-классическою». Другой военный критикъ, подвергнувъ ее подробному разсмотрѣнію, въ концѣ статьи своей, въ «Современникѣ» помѣщенной, приходитъ, между-прочимъ, къ слѣдующему заключенію: «Конечно, многія главы этого сочиненія людямъ, неспеціально знакомымъ съ военнымъ искусствомъ, покажутся нѣсколько трудными; онѣ покажутъ, можетъ-быть, что г. Милютинъ не послѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру предшественника своего, покойнаго А. П. Михайловскаго Данилевскаго, который такъ искусно умѣлъ выбирать и рассказывать тѣ изъ

военныхъ происшествій, которыя представляли интересъ для всѣхъ вообще читателей, и только бѣглымъ очеркомъ описывалъ, а иногда и совсѣмъ опускалъ дѣйствія, казавшіяся ему второстепенными, незанимательными. Черезъ это, дѣйствительно, сочиненія г. М.-Данилевскаго читались легко, были доступны для всѣхъ, нравились массѣ читающей публики и, можно сказать, сдѣлались народными». Заслуги и опытное, глубокоискушенное многочисленными и долголѣтними трудами дарованіе покойнаго исторіографа — неоспоримо; но полнота и подробности ни мало не вредятъ равно неоспоримому, высокому значенію строго-добросовѣстнаго и необыкновенно-тѣрпливаго труда г. Милютина, достойнаго преемника Александра Ивановича, въ самомъ даже искусствѣ, а мѣстами и краснорѣчіемъ разсказа. — И не одни специально-военные люди, безъ сомнѣнія, прочтутъ *всѣ* главы этой классической книги, которая не считывала на безсмѣнный интересъ романа, а имѣла, главнѣйше, въ виду — истину, пользу исторіи и науки.

Почти половину объема сочиненія составляютъ *приложенія*, драгоценныя приложенія, рачительная, непосредственная работа г. Милютина. Служа, такъ-сказать, безпрестаннымъ свидѣтельствомъ и ручательствомъ безукоризненной правды текста, представляя буквальные извлеченія изъ подлинныхъ бумагъ и документовъ, а нерѣдко и цѣлыя акты, рескрипты Императоровъ Павла и Франца къ Суворову, его донесенія, диспозиціи, приказы, военную и дипломатическую переписку, болѣею частью доселѣ еще необнародованную, — приложенія эти совершенно уясняютъ весь ходъ дѣла, всѣ тогдашнія политическія отношенія, всѣ событія, на театрѣ кровавой борьбы совершавшіяся. Этого дополнительнаго или матеріальнаго текста, въ трехъ вышедшихъ томахъ, болѣе 1800 нумеровъ, напечатанныхъ мелкимъ шрифтомъ.

Многочисленныя карты и планы (около 100), отлично выгравированныя на мѣди и раскрашенныя, помогаютъ уразумѣнію отчетливаго описанія, гдѣ оно, по условіямъ мѣстнымъ, безъ чертежей не можетъ быть вполне понятно. Первый томъ украшается литографированнымъ изображеніемъ Императора Павла; при второмъ — портретъ Суворова; къ третьему приложены снимки съ подписей обоихъ Императоровъ, Эрцгерцога Карла, графа Ростопчина; генераловъ: Розенберга, Германа, Римскаго-Корсакова, Милорадовича, князя Багратиона, Меласа, Края, Шателера, Цаха, и кардинала Руффо. Подъ строками: «Не теряя ни минуты, немедленно Сіе исполнить или подъ военной судъ», приведенными съ дипломатическою точностію и въ отношеніи къ ореографіи италійскаго героя, читаемъ подпись: «Г. Александръ Суворовъ-Рымникской».

Однимъ-словомъ, и внутреннее богатство книги, и роскошная ея

вѣщность не оставляютъ ничего желать просвѣщеннѣйшему, взыскательнѣйшему читателю. Только по волѣ и съ пособіемъ Правительства могутъ являться подобныя важныя творенія, которыя вдругъ трудно изучать. Остальные два тома, гдѣ увидимъ лавроноснаго, изнемогающаго старца Суворова въ неутомимой, достославной борьбѣ съ врагами въ полѣ, съ просеками и недобрежелательствомъ въ кабинетахъ, и наконецъ съ неодолимыми, но одолжаемыми имъ преградами величественной и грозной природы — обвѣщаютъ въ апрѣлѣ. Слѣдственно, критика нынѣ еще не въ правѣ и въ невозможности произнести послѣднее слово, вызываемое обширнымъ произведеніемъ генерала Данилевскаго и полковника Милутина.

III. МУЗЫКА.

Еще нѣсколько словъ о фельетонахъ. — Неосновательная критика. — Уловка для наполненія статьи. — Прогавурчія Заплатки Петербургскихъ Вѣдомостей. — Шутки г. Демке. — Концерты: г. Добро. — Г-жа Шоберлехнеръ. — Воспоминанія старинныя — Г. Балье. — Пристрастіе къ толкамъ. — Музыка Балье. — Нѣсколько словъ о Верди. — Статьи Скудо. — Риголето. — Концертъ г. Волажа. — Благотворительность. — Концертъ въ пользу Убѣжища Взрослыхъ Дѣвицъ. — Г. Дмитриевъ-Свѣчинъ. — Г-жа Паризи-Альваръ.

Давно уже строгая, отчетливая критика составляетъ у насъ рѣдкость. Она уступила мѣсто свое фельетону, который, болѣею частью, не основываетъ мнѣній своихъ ни на какихъ данныхъ, а высказываетъ свои фантазіи на удачу, шутить въ серьезномъ, серьезничаетъ въ забавномъ, и часто для остраго словца, для блестящей фразы, жертвуетъ истиною и справедливою. При обсужденіи предмета—фельетонистъ не входитъ въ строгіе разборы, не углубляется въ изученіе, не распространяется въ доводахъ, не возвышается до идеи, не вникаетъ въ нее не рассматриваетъ ея направленія и цѣли—все это до него не касается. Ему дѣло поразсказать новости, съ толкомъ или нѣтъ,—это все-равно. Ему надлежитъ къ звѣстному времени извѣстное число печатныхъ столбцовъ, и онъ исполняетъ свой урокъ. Но почему же провозглашаетъ онъ себя неограниченнымъ Далай-Ламою міра литературнаго и художественнаго?.. Объ этомъ знаетъ только онъ одинъ. Положимъ, что фельетонисты, занимающіеся какой-нибудь отдѣльной частью и имѣютъ на это владѣтельство еще нѣкоторое право, какъ специалисты, (мы не разбираемъ законность этого права), но тѣмъ не менѣе забавенъ видъ покровительства, принимаемый этими господами въ отношеніи артистовъ, вѣрующихъ въ ихъ безошибочность, въ непреложность ихъ мнѣній. Изъ сказаннаго

же основаніи дѣйствуютъ такимъ же образомъ лица, занимающіея лѣтописями? Вотъ вопросъ, котораго мы не беремся рѣшить. А право жаль, что гг. лѣтописцы изъ простыхъ вѣстовщиковъ становятся судьями въ дѣлѣ искусства. Судъ объ искусствѣ дѣло великое! Онъ требуетъ убѣжденій, образовавшихся въ-слѣдствіе глубокаго изученія, опыта, положительныхъ познаній, — и не можетъ быть произносимъ на обумъ и съ плеча. Но не такъ разсуждаютъ гг. фельетонисты. Попадется ли имъ въ руки какое-нибудь сочиненіе, они не анализируютъ, не критикуютъ его, а просто придираются къ чему попало, даже къ опечаткамъ, чтобы показать только свою многосторонность. Объ искусствахъ же они судятъ наглядно, не подчиняясь ихъ основнымъ правиламъ, и произносятъ приговоры свои по личнымъ впечатлѣніямъ минуты, или и по другимъ причинамъ. Зато, съ какою легкостью и пріятностью читаются нынѣшніе фельетоны! Въ двѣнадцати столбцахъ они заключаютъ все, отъ высоко-художественнаго до промышленнаго.

Петербургскіе лѣтописцы не разборчивы, не взыскательны въ выборѣ предметовъ для своей болтовни, — давай что хочешь, только было бы о чемъ написать... Но какъ все имѣетъ предѣлы, то и Лѣтопись иногда истощается.

— Что же вы думаете, читатели, она унываетъ въ подобныхъ случаяхъ? Нимало!

Ей надо наполнить свои столбцы, и cela à tout prix, и что же? она тотчасъ придумала средства...

— Какое?

— Очень простое. Она выписываетъ цѣлыя страницы изъ Петербургскаго Вѣстника «Пантеона».

— Не дурно!..

И мы того мнѣнія. Пусть Лѣтопись себѣ потѣшается, мы ей очень благодарны, — она знакомитъ своихъ читателей съ нашими скромными трудами, и это, въ настоящее время, великодушный поступокъ, за который говоримъ ей душевное спасибо. Не хорошъ только оборотъ медали. Лѣтопись дѣлаетъ это подъ видомъ критики (просимъ замѣтить, что Лѣтопись пускается въ критику).

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 12-го февраля, Лѣтописи вдругъ вздумалось увѣрять, что Вѣстникъ нашъ противорѣчитъ самому-себѣ; но какъ подобныя увѣренія должны быть подтверждены фактами, то она и пошла выписывать на удачу мѣста изъ Вѣстника январской книжки: стр. 48-ю, гдѣ, между-прочимъ, сказано, что при исполненіи фантазіи на романсѣ «Соловей», волшебный смычекъ г. Контекаго дѣйствительно заплѣлъ соловьемъ», а на

стр. 55-й, гдѣ помѣщенъ *критическій разборъ* этой фантазіи, сказано, что въ этой фантазіи нѣтъ ничего музыкальнаго, что это простое подражаніе чириканью птицъ, да и то, вовсе не соловья.

Съ перваго взгляда, конечно, здѣсь явное противорѣчіе, — но пустившись разъ въ критику, надо заниматься ею добросовѣстно. Лѣтопись же не досмотрѣла весьма простаго обстоятельства, уничтожающаго всякое недоумѣніе. Первый отзывъ принадлежитъ библиографу, описавшему мимолетное впечатлѣніе, произведенное фантазіей на слушателей, изъ которыхъ одни неустово хвалятъ, а другіе безжалостно порицаютъ игру Контскаго, и въ концѣ даже прибавлено: *«впрочемъ, это и не наше библиографическое дѣло»*. Второй же отзывъ принадлежитъ отдѣлу, исключительно посвященному музыкѣ, гдѣ все разбирается уже не по мимолетнымъ впечатлѣніямъ, а подвергается строгому критическому анализу. Да сверхъ-того, въ примѣчаніи къ стр. 55-й самъ г. Редакторъ объяснилъ, что Вѣстникъ не есть работа одного лица, но что составленіе его вѣрено, по отдѣламъ, нѣсколькимъ литераторамъ, а потому и нельзя приписывать мнѣнія одного другому, и что каждый отвѣчаетъ передъ публикой и истиной за *себя*.

Кажется, что ясно? Такъ нѣтъ! Петербургская Лѣтопись не удовольствовалась этой *profession de foi*, а можетъ - быть и не обратила на нее вниманія, даже, можетъ, и не поняла... Во всякомъ случаѣ, жаль, что Газета, которая хочетъ заслужить довѣріе публики, поступаетъ подобнымъ образомъ и такимъ образомъ попадаетъ на устарѣлый путь, отъ котораго, для полнаго успѣха, ей непремѣнно слѣдовало бы уклониться.

Если ужъ Лѣтописи непремѣнно хочется заняться отыскиваніемъ противорѣчій, то гораздо удобнѣе искать ихъ въ *Замѣткахъ* своихъ Вѣдомостей. Замѣтки эти такъ восхищаются сбавленіемъ цѣны на входъ въ концертъ г. Контскаго (по 2 р. сер.) и такъ краснорѣчиво убѣждаютъ артистовъ подражать этому примѣру; а вслѣдъ за тѣмъ, по случаю концерта Бальфе, находятъ входную цѣну по 3 и 4 руб. *самой удобною*, а при отчетѣ о томъ же концертѣ называютъ эту-же цѣну *возвышенной*...

Чего не дѣлается на свѣтѣ! Въ природѣ все подвержено измѣненію и только одни вѣчные законы ея остаются навсегда неизмѣнными. Такъ, напримѣръ, кто не помнитъ критическихъ статей (отчасти справедливыхъ) г. Дамке противъ Контскаго? Кто не слѣдилъ за войной, возгорѣвшейся чрезъ это между г. Дамке и «Сѣверной Пчелой»? За кѣмъ осталась побѣда? Конечно за «Пчелой». Увы! она больно, чувствительно ужалила г. Дамке, оспаривавшаго даже самый талантъ (и очень несправедливо) въ г. Контскомъ. Онъ побѣжденъ, склонилъ знамена и сдѣлалъ

appende honnorable въ февральской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», въ статьѣ «Музыкальныя извѣстія». Тамъ, между-прочимъ, онъ говоритъ: «Чудная игра этаго необыкновеннаго скрипача (г. Контскаго), полная превосходнаго чувства, нѣжности, граціи, огня, (!) бравуры (!!), тысячи разнородныхъ качествъ, которыя удачно соединяются только въ *гениальныхъ артистахъ* «и проч... въ томъ же родѣ. Каково? это говоритъ г. Дамке!.. Далѣе, онъ продолжаетъ: «Никогда еще игра этаго артиста не доставляла мнѣ (?) такого удовольствія, какъ тутъ!» (т. е. при исполненіи квартетовъ). Это справедливо.

Не шутка ли это со стороны г. Дамке? Право мы полагаемъ, что шутка, и тѣмъ болѣе, что во всей статьѣ господствуетъ какой-то уже чрезъ-чуръ артистическій безпорядокъ. Такъ, говоря, на стр. 186-й, о концертѣ Филармоническаго Общества и объ исполненіи въ немъ г-жею Медори аріи изъ Отелло, г. Дамке вдругъ ни съ того, ни съ другаго, переходитъ къ какимъ-то двумъ *сеансамъ*, о которыхъ прежде не сказано ни слова, и къ какому-то *неизвѣстному второму утру*, и распространяется о концертѣ Генделя и о гг. Бриконтѣ и Шмидтѣ. Право, чѣмъ болѣе думаемъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что все это только шутки, или ребусъ, котораго разгадка ждемъ съ нетерпѣніемъ.

Но приступимъ къ обзорѣню концертовъ нынѣшняго мѣсяца. Первый изъ нихъ принадлежалъ г-жѣ Добре.

Концертъ этотъ весь состоялъ изъ пѣнія, отчего получилъ нѣкоторую монотонность. Мы согласны, что человѣческій голосъ благороднѣйшій изъ инструментовъ, но все какъ-то утомительно слушать въ-теченіе двухъ съ половиною часовъ одно только пѣніе, подъ аккомпаньеманъ фортепяно. Конечно, въ концертѣ г-жи Добре принимали участіе всѣ лучшіе артисты Итальянской Оперы, но не менѣе того мы ужасно утомились и съ нетерпѣніемъ ожидали конца. Г. Бавери хорошій дирижеръ оркестра, но въ аккомпаньеманѣ на фортепяно манера его слишкомъ однообразна и лишена колорита и энергій. Сама г-жа Добре вполне оправдала ожиданія наши. Она была вполне прекрасна. Исполняя совершенно разнохарактерныя пьесы (Романсъ изъ оперы «Карлъ Смѣлый» Россини, арію изъ «Волшебнаго стрѣлка» Вебера и каватину изъ «Роберта» Мейербера), г-жа Добре показала все разнообразіе своего таланта, которому одинаково доступна итальянская, нѣмецкая и французская музыка. Всѣ нумера исполнены были ею съ чувствомъ и увлеченіемъ и обнаружили прекрасную методу и звучный, полный богатый средствами и пріятный голосъ. Но если отдать чему-нибудь преимущество, то мы отдали бы

его каватинѣ изъ Роберта. Здѣсь г-жа Добре совершенно въ своей сферѣ! Какъ хорошая и опытная актриса, она пропѣла эту каватину съ энергію и притомъ очень вѣрно сохранила всѣ тончайшіе оттѣнки, на которые рассчитывалъ композиторъ. Сердца слушателей тревожно билась, дыханіе замирало—такъ хорошо, такъ симпатично повторяла она: *grâce, grâce, grase pour moi!* Тутъ только впервые поняли мы поступокъ Роберта, рѣшившагося уничтожить волшебную пальмовую вѣтвь, которая дѣлала его всемогущимъ! Противъ подобной мольбы не устоялъ-бы и самъ Бертрамъ. Надо еще прибавить, что много содѣйствовалъ г-жѣ Добре и превосходный аккомпаньеманъ на арфѣ г. Томасомъ.

Излишне было-бы распространяться объ пѣніи итальянскихъ артистовъ. Исполненные ими нумера взяты изъ оперъ, всѣмъ давно известныхъ, и бывають часто довольно неумѣстны въ концертахъ. Къ этому несомнѣнно принадлежать всѣ комическія партіи. На сценѣ онѣ производять свой эффектъ, тамъ весь ходъ оперы объясняетъ ихъ содержаніе и взаимное положеніе пѣвцовъ. Взятая-же отдѣльно, подобная партія не оставляетъ по себѣ никакого впечатленія, развѣ только самое мимолетное, и проходятъ, по большей части, не замѣтно. Тоже случилось и съ дуетомъ «Урокъ пѣнія» изъ он. *La prova d'un orega segia*, исполненнымъ г-жею Віардо-Гарціей и г. Лаблашемъ. Всѣ восхищались исполненіемъ, но никто не сочувствовалъ и не понималъ ни гнѣвныхъ возгласовъ г. Лаблаша, ни искусныхъ дисгармоній и фальшивыхъ тоновъ г-жи Віардо. Г-жа Медори, г. Маріо пѣли превосходно, но мы уже слишкомъ привыкли къ этому. Самыя имена этихъ артистовъ ручаются за прекрасное исполненіе. Зато, большое, истинное наслажденіе доставила г-жа Віардо испанскимъ и французскимъ романсами, полными живости, граціи и легкости. Въ романсѣ: «Соловей» Алябьева, явилась она настоящимъ соловьемъ, со всѣми его дивными, неподражаемыми трелями. Г-жа Демерикъ въ этомъ концертѣ перазила всѣхъ: она отступила отъ своего обыкновенія, и вмѣсто вѣчнаго своего романса изъ Лукреціи, пропѣла прекрасно арію изъ *Stabat Mater* Россини, и придала своему исполненію вполне тотъ религіозный характеръ, которымъ пропитано все это произведеніе.

За этимъ концертомъ слѣдовало музыкальное утро г-жи Шюберлехнеръ. Артистка это давно известна Петербургу, была любимицей его, когда музыкальность не находилась у насъ еще на той степени развитія, на какой стоитъ теперь; когда красовались на сценѣ г-жа Меласъ и гг. Тоэн, Николлини и др. Много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Многихъ изъ тогдашнихъ меломановъ нѣтъ уже межъ нами; смренивъ почіють они подъ тяжелыми монументами съ трогательными эпитафіями;

другіе, которые славилась тогда своею молодостію, красотою, уже состарѣлись теперь и окружены многочисленнымъ семействомъ дѣтей и внуковъ. Теперешніе меломаны, по бѣльшей части, принадлежать къ новому поколѣнію, полному жизни и силѣ, требующему отъ музыки совсѣмъ не того, что тогда требовалось. Многое, многое измѣнилось съ тѣхъ-поръ! Измѣнился и голосъ г-жи Шоберлехнеръ, но осталась вся та-же старая, искусная метода, доставлявшая нѣкогда столько наслажденій. Радужно встрѣтили всѣ старую пріятельницу, съ истиннымъ удовольствіемъ прослушали ее, и благосклонно осыпали артистку рукоплесканіями—за пріятныя воспоминанія. Она оживила, помолодела свою публику двадцатью годами, она напомнила былое... а кому оно не сладко?

... Мы умолчимъ о прочихъ артистахъ, принимавшихъ участіе въ этомъ концертѣ. Г-жа Шоберлехнеръ слишкомъ живо возбудила воспоминанія наши, фантазія слишкомъ разыгралась, мысли гнались одна за другою, точно какъ бѣдоки на скачкѣ, мы не обратили должнаго вниманія на ихъ исполненіе, оно показалось намъ монотоннымъ и минорнымъ, все облеклось въ глазахъ нашихъ въ форму элегій.

... Лучше перейдемъ прямо къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ концертовъ настоящаго сезона, къ концерту г. Бальфе, въ залѣ Дворянскаго Собранія.

Въ Петербургѣ любятъ говорить о разныхъ новостяхъ и происшествіяхъ. Болтовня, вообще, составляетъ слабую сторону нашего народонаселенія.

Есть люди, которыхъ все занятіе состоитъ только въ развозѣ новостей во всѣ концы столицы: это своего рода городская почта, только не франкированная. Даже въ газетахъ и журналахъ отведены мѣста періодическимъ статьямъ, исключительно посвященнымъ городской хроникѣ. Да и въ самомъ-дѣлѣ, Петербургъ богатъ разнообразѣйшими происшествіями по части жизни общественной, художественной, артистической, и насъ удивляетъ только одно, что при подобномъ роскошномъ выборѣ находятая лѣтописцы, которые сочиняютъ панегирики давно извѣстнымъ нѣмецкимъ булочнымъ. Не наше дѣло разбирать, но этотъ родъ литературы полезень, а въ особенности почтеннымъ собратьямъ *Карлуши*, сдѣлавшимся популярнымъ своею пѣсенкою: «Ну Карлуша, не робѣй и т. д.»

И такъ, обиліе новостей и охотниковъ потолковать о нихъ, въ Петербургѣ неисчислимо. Не смотря на то, ни о чемъ не говорили такъ много, ни о чемъ не трубили такъ громко, какъ о концертѣ Бальфе. Всѣ горѣли желаніемъ покороче познакомиться съ музыкой одного изъ извѣстныхъ композиторовъ нашего времени, артиста, арія котораго П

риасеге, благодаря г-жѣ Виардо, сдѣлалась у насъ любимую и совершенно популярною. Правда, слышали мы когда-то и увертюру изъ его оперы «Цыганка», прекрасно исполняемую оркестромъ Кавалергардскаго Ея Величества полка, подъ управленіемъ Васильева. Но этимъ и ограничивалось знакомство наше съ Бальфе. Тысячами собрались слушатели, 1-го февраля, въ залѣ Дворянскаго Собранія. Все сѣвшию туда, какъ на музыкальный праздникъ. И точно, концертъ этотъ принадлежалъ къ замѣчательнѣйшимъ. Въ составъ его входили только произведенія Бальфе, который лично управлялъ оркестромъ и аккомпанировалъ на фортепьяно.

Концертъ начался увертюрою изъ оп. *La fille de St. Marc*, произведеніемъ, полнымъ живости, граціозности, легкости и прелестныхъ мотивовъ, смѣло напоминающихъ манеру Обера. Эффектовъ бездна, переходы оригинальны; это доказываетъ, что композиторъ обладаетъ глубокимъ знаніемъ современной музыкальной потребности и богатой фантазіей. Вторая увертюра изъ оп. *Le Diable à Quatre* граціозное собраніе ефемерныхъ, звучныхъ, мелодическихъ напѣвовъ; она представляетъ собою цѣпь животрепещущихъ полекъ. Вообще замѣтно, что Бальфе смотритъ на музыку, какъ на рѣчь, выражающую душевные чувства, а потому и придавалъ каждому входящему въ составъ оркестра инструменту дѣятельное участіе въ общей гармоніи, между-тѣмъ, какъ взятый отдѣльно, тотъ же инструментъ сохраняетъ свою цѣзость и полноту.

Мелодіи его ясны и удобопонятны и легко остаются въ памяти; мысли живы, но не всегда новы, и видимо принаровлены къ господствующему вкусу.

Но тѣмъ и ограничилось знакомство наше съ музыкою Бальфе. Слѣдующіе за тѣмъ нумера состояли изъ арій, романсовъ, дуэтовъ, тріо, взятыхъ изъ разныхъ оперъ, имъ сочиненныхъ. Какъ отрывки, они не составляли отдѣльнаго цѣлаго, и потому были болѣе ощущаемы публикою, чѣмъ понимаемы. Лишенные всякой послѣдовательности, они не могли произвести глубокаго впечатлѣнія и нравились только своею легкостью и граціозностію. Мы этимъ не хотимъ сказать, что они не заключаютъ въ себѣ музыкальныхъ красотъ, — нѣтъ; но отдѣльное появленіе не даетъ возможности обсудить ихъ вполнѣ и составить себѣ ясное понятіе о творчествѣ композитора. Изъ этихъ отрывковъ, *Scherzo* изъ оп. «Фальстафъ», исполненное г-жею Виардо, съ хоромъ, и тріо изъ оп. «*Le Siege de la Rochelle*» произвели наибольшее впечатлѣніе. Но несомнѣнно лучше и выше всего арія II *riacete* изъ оп. «*Manon L'Essaut*», пропѣтая превосходно г-жею Виардо, живо напомнившей намъ пер-

воначальныя времена нашей Италіанской Оперы, когда, вставленная въ заключеніе «Донъ Паскале», эта арія приводила въ восторгъ всѣхъ слушателей.

Въ этомъ концертѣ публика имѣла случай замѣтить, что г. Бальфе, кромѣ прекраснаго дарованія композиціи, обладаетъ еще и другими весьма замѣчательными талантами: онъ живой, энергической дирижеръ, и врядъ ли кто лучше его аккомпанируетъ пѣнію на фортепьяно. Онъ такъ тщательно и съ такимъ вниманіемъ слѣдитъ за пѣвцомъ, такъ хорошо, притомъ, знаетъ музыку, что ни одинъ звукъ не пролетитъ незамѣтно мимо его, ни одинъ отгѣнокъ не ускользнетъ отъ его вниманія. Прекрасно также исполнялъ свое дѣло оркестръ, составленный изъ разныхъ музыкантовъ, въ особенности же изъ числа артистовъ оркестра Юсифа Гунг'ля. Музыканты, одушевленные дирижеромъ, отчетливо, вѣрно и единодушно играли партіи свои, и много содѣйствовали успѣху этого концерта, сдѣлавшаго г. Бальфе совершенно извѣстнымъ въ Петербургѣ.

Мы высказали о музыкѣ г. Бальфе свое безпристрастное мнѣніе. Можетъ-быть, что найдутся лица, которыя не согласатся съ нами, въ такомъ случаѣ, мы уже напередъ объявляемъ, что не намѣрены спорить, потому-что сужденія въ дѣлѣ искусства основываются на взглядѣ и степени эстетическаго пониманія и чувства, и потому бываютъ у каждаго различны. Не выдавая приговоромъ своихъ за аксіомы, мы всегда стараемся, по возможности, доказать ихъ фактами. Такимъ-образомъ намѣрены мы доказать и слова наши объ различіи сужденій въ музыкѣ.

Кто изъ петербургскихъ меломановъ не знаетъ лучшихъ произведеній Верди, этаго *основателя музыкальной натуральной школы*? Кто не наслаждался, если не вполне, то по-крайней-мѣрѣ, мѣстами, при исполненіи его оперъ: Эрнани, Два Фоскари, Ломбарды, Набуко, и наконецъ Риголетто, въ которой есть образцовый квартетъ и романсъ, очаровавшій всѣхъ въ устахъ Маріо. Верди одинъ изъ любимцевъ нашей публики. Теперь позвольте представить маленькое извлеченіе изъ сочиненія Скудо: Critique et littérature musicales:

«Композиторъ Набуко, Эрнани, Двухъ Фоскари, Ломбардовъ, имѣвшихъ весьма *незначительный* успѣхъ, съ серьезнымъ умомъ соединяетъ воображеніе болѣе возвышенное, чѣмъ плодовитое. Мысли его не лишены блеска, даже силы, но вращаются въ довольно тѣсномъ кругу; онъ скоро доходитъ до формулъ, признака бѣдности, потому-что не умѣетъ разнообразить мысли свои искусствомъ развитія. Верди охотно прибѣгаетъ къ драматическимъ эффектамъ; замѣтно, что онъ постоянно занятъ этимъ, но приводитъ мысль свою въ исполненіе только посредствомъ внезапнаго взрыва и грубой звучности, а не посредствомъ систематической

последовательности оттѣнковъ, какъ дѣлали это великіе учителя. Онъ часто злоупотребляетъ унисонъ; унисонъ же, по природѣ своей, есть средство легкое и монотонное, и долженъ быть употребляемъ съ большою осторожностью и только тогда, когда слухъ, утомленный избыткомъ гармоніи, требуетъ отдохновенія. Оркестровка Верди въ одно время и шумна и пуста, слишкомъ звучна и слишкомъ бѣдна. Оперы его, худо написанныя для голосовъ, которые онъ подчиняетъ сильнѣйшимъ упражненіямъ, нанесли пагубный ударъ искусству хорошаго пѣвца. Талантъ его, лишенный гибкости и привлекательности, пропитанъ вредными преданіями нѣмецкой и французской школъ: это талантъ упадка.»

Вотъ приговоръ, произнесенный надъ Верди—человѣкомъ, занимающимъ почетное мѣсто между музыкальными критиками, и мнѣнія котораго принимаются за неоспоримый авторитетъ! Что-жь остается сказать послѣ всего этого? Что, несмотря на г. Скудо, оперы Верди имѣли вездѣ значительный успѣхъ, въ особенности же у насъ. Но ни одна изъ нихъ не произвела такого восторга, какъ Риголетто, въ которой мы не замѣтили ни той гремучести, ни той трескотни, которыя вообще составляютъ отличительный характеръ произведеній этого композитора. Риголетто, напротивъ, полна звучныхъ мелодій, въ особенности хороши въ ней финальные нумера, образцовый квартетъ и романсъ, исполняемый Маріо. Чтобы доставить читателямъ ясное понятіе объ музыкѣ Риголетто, мы приготовили для приложенія къ Пантеону прекрасное «Музыкальное воспоминаніе», составленное изъ лучшихъ нумеровъ оперы, г. Дютшемъ, который принималъ дѣятельное участіе при постановкѣ этой оперы на сцену, и болѣе другихъ композиторовъ имѣлъ возможность оцѣнить красоты мелодій, и сдѣлать изъ нихъ хорошій выборъ.

7-го февраля, въ субботу давалъ свой концертъ г. Волянжъ, молодой пѣвчій съ весьма замѣчательнымъ талантомъ. Уже весною прошлаго года имѣли мы случай убѣдиться въ изящномъ вкусѣ и прекрасномъ дарованіи этого концертиста, занимающаго почетное мѣсто между учителями музыки нашей столицы. Теперешній концертъ его, данный въ залѣ Петропавловскаго Училища, еще болѣе выказалъ талантъ г. Волянжа, превосходно исполнившаго нѣсколько сочиненій Гензельта и Тальберга. Но болѣе прочихъ понравились намъ собственныя композиціи концертиста: *Remeniscences de Lucrece Borgia* и *la Cracoviennne*, обнаружившія въ немъ много вкуса и основательное знаніе музыки. Замѣтимъ еще одно, — намъ рѣдко случалось видѣть артиста, который выступалъ бы съ такою скромностію, какъ г. Волянжъ, — а скромность въ настоящее время одно изъ самыхъ античныхъ качествъ въ музыкантѣ.

Теперь преобладаетъ словечко *я*; *самость* развивается все болѣе и болѣе; всѣ увѣрены въ непреложности своего генія.

Въ этомъ концертѣ участвовалъ и г. Всеволодъ Мауреръ, о которомъ мы уже высказали мнѣніе наше въ январской книжкѣ, и знаменитый артистъ нашъ Вурмъ, приведшій, какъ всегда, слушателей въ восторгъ. Здѣсь же впервые слышали мы въ концертѣ пѣніе съ аккомпаниманомъ *cornet à piston*. Г. Верди первый ввелъ въ употребленіе подобный аккомпаньманъ, и хотя многіе и укоряютъ его въ томъ, мы скажемъ, что партія эта произвела на слушателей прекрасное впечатленіе. Г-жа Далока, кромѣ этого, пѣла еще два русскіе романса и *Соловья* Алябьева. Последній исполнила она очень неудачно;—мы слышали его отъ г. Віардо, и признаемся, послѣ этой артистки, соединяющей въ себѣ всѣ высшія качества искусства, трудно кому-нибудь другому братья за этотъ романсъ.

Прослѣдивъ за всѣми музыкальными явленіями послѣдняго времени, дошли мы наконецъ до замѣчательнаго торжества, происходившаго въ Залѣ Дворянскаго Собранія 8-го февраля.

Мы уже говорили объ истинно-христіанскомъ направленіи филантропическихъ идей въ Россіи. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается доброе дѣло, тысячи единодушно соединяются тѣсными узами и стараются употребить блага, дарованныя имъ Господомъ, на пользу общую и на пособіе нуждающимся.

Трогательны дѣйствія русскіхъ дамъ высшаго общества. Съ удивительнымъ инстинктомъ разгадываютъ онѣ нужды ближнихъ, и съ рѣдкимъ, примѣрнымъ усердіемъ стараются утолить ихъ.

Вѣчно размышляя о страданіяхъ немущихъ, онѣ поняли всѣ несчастія, происходящія отъ бездомности и безпомощности, слишкомъ часто бывающихъ удѣломъ бѣдныхъ дѣвицъ. Отвратить это зло, — вотъ мысль, которою проникнулись дамы наши, и соединившись единодушно, онѣ положили: учредить пріютъ, убѣжище для взрослыхъ дѣвицъ недостаточнаго состоянія, и въ пользу этого учрежденія дать концертъ.

Высокая мысль, проникнувшая благотворительницъ, нашла сочувствіе во всѣхъ жителяхъ столицы. Толпами устремились они принесть лепту свою въ добромъ дѣлѣ, и никогда еще зала Дворянскаго Собранія не была такъ наполнена, какъ въ концертъ 8-го февраля.

Музыкальное устройство концерта было ввѣрено двумъ опытнымъ артистамъ: Г. Штерну (см. январскую книжку Пантеона) и г. Лейброку, содержателю магазина *Musée Musical*, въ-теченіе многихъ лѣтъ занимающемуся матеріальною частью многихъ концертовъ столицы. Господа эти вполне оправдали довѣріе дамъ благотворительницъ, и совѣстливо ис-

полнили возложенное на нихъ порученіе. Г. Штернъ показалъ похвальный примѣръ самоотверженія. Воплѣтъ проникнутый высокой цѣлю концерта, онъ съ трогательною готовностію уступилъ управленіе оркестромъ г. Бальфе, пожелавшему принять участіе въ добромъ дѣлѣ. Въ концертѣ принимали участіе лучшіе артисты Итальянской Оперы, исполнявшіе отборные нумера изъ Бальфовыхъ оперъ, г. Дмитрѣвъ-Свѣчинъ, г-жа Паришъ-Альварсъ и лучшіе и извѣстнѣйшіе дилетанты столицы. Вокальная часть состояла, какъ уже сказано, изъ извѣстныхъ сочиненій г. Вальфе, къ которымъ присоединилось еще прекрасное тріо изъ оп. Фальстафъ, исполненное г-жами Медори, Віардо и Марай. Тріо это, несомнѣнно, одно изъ лучшихъ произведеній даровитаго композитора, было принято съ восторгомъ и повторено по неотступному требованію публики.

Г-жа Паришъ-Альварсъ, вдова извѣстнаго преобразователя арфы, явилась здѣсь въ первый разъ предъ петербургскою публикой, и была принята весьма благосклонно. Чистая, легкая игра ея, полная чувства, произвела на слушателей пріятное впечатлѣніе. Въ ея рукахъ арфа пріобрѣтаетъ еще болѣе пѣвучести, чѣмъ въ рукахъ Томаса, о которомъ мы уже неоднократно говорили.

Но изъ всѣхъ артистовъ важнѣйшую побѣду одержалъ даровитый скрипачъ нашъ Дмитріевъ-Свѣчинъ, исполнившій превосходно и, съ рѣдкимъ чувствомъ, «Оду Любви» соч. Вильмерса. Празнаемся, давно не имѣли мы случая слышать такой пѣвучій смычекъ, и хотя г. Дмитріевъ-Свѣчинъ и не ученикъ Паганини, но прекрасно понялъ, что значить музыка и къ чему должны вести всѣ скрипичные фокусы и преодоленія трудностей. Мы радуемся за нашего соотечественника, что онъ не увлекся, подобно номаднымъ виртуозамъ, печальною стороною искусства — его шарлатанствомъ. Напротивъ, слушая его игру, душа наполняется музыкой, всѣ фибры настраиваются, мы плачемъ, смѣемся, мы сочувствуемъ звукамъ его скрипки. Въ его игрѣ соединены всѣ качества, которыя составляютъ *le cheval de bataille* всѣхъ нѣстныхъ скрипачей. Онъ умѣетъ придать игрѣ своей и колоритъ оригинальности, и тѣ особенныя характеристическія черты, которыя отличаютъ великихъ виртуозовъ. Внутреннее музыкальное сознаніе, сила чувства и постиженія развиты въ немъ въ высокой степени. Поразительны полнота и звучность его тона, и смѣлость и сила смычка. Сознаемся, что флажолетъ Дмитріева намъ правится гораздо больше, чѣмъ у другихъ знаменитостей. Мы увѣрены, что всѣ истинные артисты раздѣляютъ это мнѣніе, несмотря на всѣ громкозвучные и краснорѣчивые

панегерики, составляемые такъ усердно о расточительныхъ талантахъ другихъ артистовъ.

Теперь намъ остается еще поблагодарить г. Мартынова за прекрасно исполненный концертъ Вебера, и г-жъ В. П. Философову, К. Н. и Е. Н. Жадовскихъ, А. П. и Е. П. Наумовыхъ, С. Г. Романову, Баронессу А. М. Притвиць, С. М. Иванову, М. Г. Пейкеръ, С. В. Веревкинну, Е. А. Давыдову и А. Н. Сухонину и гг. А. С. Даргомыжскаго, П. С. Мартынова, Барона Б. А. Фитингова и А. В. Оплачеева, за прекрасно сыгранную на 8-ми фортепяно, подъ управленіемъ г. Штерна, увертюру изъ оп. «Семирамида» Россіи. Увертюра эта доставила большее удовольствіе. Замѣчательна рѣдкая готовность, съ которою взялись господа эти исполнить такую трудную вещь, какъ увертюру въ тридцать двѣ руки, въ такой короткій срокъ! — Наканунѣ концерта было еще опубликовано, что увертюра отлагается до другаго раза. Обстоятельство это не доказываетъ—ли то единодушіе, которымъ проникнуты всѣ благородныя сердца, соединившіяся здѣсь для благотворительной цѣли?

Концертъ заключился гимномъ «Боже Царя Храни», исполненнымъ оркестромъ и хорами дилетантовъ и пѣвчихъ. Всѣ поняли истинное значеніе этого гимна при заключеніи концерта, устроеннаго для пользы бѣдныхъ и сирыхъ.

Этотъ музыкальный праздникъ надолго останется въ памяти петербургскихъ меломановъ.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Новый поэтъ и нѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ.—Три стихотворенія.—Театральныя слухи и новости.—Учрежденіе въ Петербургѣ Шахматнаго-клуба.

Въ-теченіе февраля не произошло въ жизни Петербурга ничего особеннаго; онъ жилъ и велелся почти такъ же, какъ и въ январѣ: ѣздилъ за городъ на тройкахъ въ русской упряжи, съ бубенчиками и лентами, катался съ горъ у Излера, въ Екатерингофѣ и на островахъ, смотрѣлъ обезьянъ гг. Орбана и Казанова, смотрѣлъ панорамы и т. д. Было, правда, нѣсколько новыхъ концертовъ и нѣсколько новыхъ пьесъ на театрѣ, но мы рассказали уже объ этихъ новостяхъ въ другихъ отдѣлахъ «Пантеона». О чемъ же намъ теперь говорить? Давайте говорить о поэзіи, о бѣдной, всѣми забытой поэзіи, о которой давно уже никто не говоритъ и которая, въ-слѣдствіе этого, можетъ вполне замѣнить недостающія намъ новости. Притомъ же передъ нами

лежать новыя стихотворенія новаго поэта, съ которыми намъ очень хочется познакомить читателей «Пантеона». Не подумайте, впрочемъ, что мы хотимъ говорить о томъ Новомъ Поэтѣ, который замѣнилъ въ «Современникѣ» «Иногороднаго Подписчика, перекочевавшаго въ «Библиотеку для Чтенія»; нѣтъ, нашъ новый поэтъ совсѣмъ другой, не имѣетъ съ первымъ ничего общаго, хотя и не менѣе его извѣстенъ, замѣчательнѣе. Вѣдь знаменитость бываетъ всякаго рода: Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Новый Поэтъ «Современника» считаетъ себя знаменитымъ на томъ основаніи, что о немъ говорятъ всѣ журналы; мы вполне раздѣляемъ этотъ взглядъ, и потому считаемъ знаменитымъ другаго новаго поэта, г. Овчинникова, о которомъ также говорили всѣ журналы. Но журналы говорили о г. Овчинниковѣ по поводу его перевода Гётева «Фауста», слѣдовательно, какъ о поэтѣ-переводчикѣ, мы же хотимъ поговорить о немъ, какъ о поэтѣ самостоятельномъ. Слушайте-же, или нѣтъ, лучше читайте сами, потому-что, чувствуемъ, что у насъ неостанетъ словъ для достойной оцѣнки новыхъ произведеній знаменитаго переводчика Гётева «Фауста»: пусть произведенія сами говорятъ за себя. Вотъ нѣсколько стихотвореній, которыя мы выписываемъ, съ сохраненіемъ правописанія и пунктуации, изъ книжки, въ которой г. Овчинниковъ воспѣлъ ученыхъ звѣрей-гг. Орбана и Казановы. Книжка эта называется *Партитура Американско-животнаго театра въ Европѣ, Орбана и Казановы*. Неправда-ли, преоригинальное заглавіе? Но стихотворенія еще оригинальнѣе. Судите сами

ПОМПАДУРЪ—МЕДИОЛАНКА.

Тамъ пьесу играютъ въ С-дурѣ,
Играютъ волшебную пьесу!

Но, вдругъ поднимаютъ завѣсу,

И тотчасъ мадамъ Помпадуръ

Является гордо на сцену

Въ уборѣ тѣхъ важныхъ вѣковъ

И фижимъ, и сѣдыхъ париковъ,

Когда господа знали цѣну

Собакъ, обезьянъ и стиховъ,

И дамы въ любви за нѣмъ —

И нѣмъ догробной любви,

Въ полночь, своего селадона

Свергали кинжаломъ съ балкона,

И гдѣ погибалъ онъ въ крови!

Свое къ rendez-vous появленье

Идя обмышляетъ мадамъ;
 Ея селадонъ въ нетерпѣннѣ
 Невидимый ждетъ ее тамъ.
 Валеть, африканъ ея чорный,
 Свѣта фонаремъ всепокорно,
 Подолъ ея пышный несеть
 И, злясь на любовь, онъ упорно
 Идти ей впередъ не даетъ;
 Но барыня тьякнула слово —
 Быть-можетъ валету не ново,
 И онъ всепокорно идетъ.

ТАНЦОВЩИЦА.

.... Послѣ, третія картина
 Поразить пріятно взоры,
 Какъ сеньора-пуделина,
 Инкогнито Колумбина
 По внушенью Терпсихоры,
 По влеченію гармоній
 Entre-chat à la Тальони.
 Chassé tendre et très-рас
 И другія — solo-рас,
 Тамъ выдѣлываетъ ножкой,
 Что при публикѣ большой
 Ей случается très-chaud.
 Изъ всего хотя немножко,
 Да зато какъ хорошо!

КОЗА ЭСМЕРАЛЬДА.

Инстинкта и чувства полна,
 Какъ будто пастушка скромна
 Коза — Эсмеральда;
 Пѣвицей на сцену идетъ,
 Хоть нѣтъ ничего не поетъ
 На пѣсни про Скальда!
 За триста лѣтъ было
 Цыганка жила;
 Коза ей служила

И вѣрной была.

Но публика знаетъ романъ:

Цыганку любилъ капитанъ —
Любилъ платонично;

Коза та, не зря на бѣду,

Носила ея billets-doux

Къ нему самолично.

Ни болѣ, ни мелѣ

А было все такъ;

Извольте на сценѣ

Узнать что и какъ.

Неправда-ли, что мы были нравы, называя стихотворенія г. Овчинникова оригинальными? Чудо! Прелесть! И замѣтьте, что вся книжка, продаваемая во-время самаго представленія воспѣтыхъ г. Овчинниковымъ звѣрей, стоить только 20 копѣтъ серебромъ.

Но довольно объ этой поэзии, перейдемъ къ другому, хоть къ театральнымъ слухамъ и новостямъ, которыя не вошли въ составъ театральной лѣтописи.

На Большомъ-театрѣ поставили новый балетъ «Цыганка», о которомъ будетъ подробно разсказано въ будущей книжкѣ «Пантеона», и собираются возобновить «Венгерскую хижину», которая пойдетъ въ бенефисъ талантливой г-жи Андреяновой. К. Н. Лядовъ вновь оркеструеть для этого балета музыку.

На Александринскомъ-театрѣ былъ прощальный бенефисъ В. В. Самойловой 2, покидающей сцену. Было два дебюта: г-жа Ленская, дочь московскаго актера, дебютировала въ драмѣ «Материнское благословеніе», а г-жа Румянцова, воспитанница Театральнаго Училища, въ водевилѣ «Ножка». Г. Сухонинъ написалъ драму изъ современной жизни, подъ названіемъ «Деньги». Г. Рубинштейнъ написалъ, какъ мы слышали, двѣ одноактные оперы и уже принялся за третью. Скоро, но скоро ли?

Къ числу самыхъ интересныхъ нововведеній въ петербургской общественной жизни должно отнести «Шахматный-клубъ», который предполагается устроить въ скоромъ времени. Мы имѣли недавно въ рукахъ уставъ этого клуба.

Игра въ шахматы, древнѣйшая изъ всѣхъ существующихъ, имѣетъ много приверженцевъ; почти во всѣхъ большихъ городахъ Европы существуютъ шахматные клубы. У насъ до-сихъ-поръ не было шахматнаго клуба, хотя между русскими есть игроки, пользующіеся европейскою извѣстностью. Гг. Петровъ, Янинъ и Шумовъ могутъ поспорить съ

первыми игроками Англии, Франціи и Германіи; сочиненіе г. Янниа о шахматахъ считается однимъ изъ лучшихъ. Въ слѣдствіе этого мы увѣрены, что нашъ шахматный клубъ процвѣтетъ и займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду учрежденій этого рода.

Вотъ на этотъ разъ, весь нашъ запасъ новостей. Не взыщите: тѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Но мы видимъ ветераніе нашихъ дамъ.... Перейдемъ поскорѣе къ женскимъ модамъ, и скажемъ, что дѣлаютъ наши

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Страшнымъ извѣстіемъ должны мы поразить сердца и карманы! Вообразите! Существенное, жестокое несчастіе угрожаетъ женскимъ гардеробамъ и дамской красотѣ:—такіи начинаютъ носить короче! Увѣряютъ, что убавляясь каждый мѣсяцъ по верхку, овѣ къ осени дойдутъ рѣшительно до того, чѣмъ были въ царствованіе Наполеона, то есть, что ихъ вовсе не будетъ.

Странно вообразить нашихъ прелестныхъ, граціозныхъ дамъ, теперь столь гордыхъ своей таліей, перетянутой, какъ у осы,—вдругъ облеченныхъ въ дудочку, вмѣсто платья, съ перехватомъ на груди.

Вата, крахмаль—все изгоняется изъ гардероба;—преобразование должно совершиться полное, возвратъ совершенный къ безобразію модъ временъ прошедшихъ. Даже—о ужасъ! ноги будутъ видны до самыхъ лодыжекъ. Но пока это горе обрушится на изящный вкусъ, поспѣшимъ поддѣлаться тѣмъ, что всѣхъ интересуетъ въ настоящую минуту. Опишемъ четыре самые модные костюма.

Первый нарядъ.—Для визитовъ. Шляпка темная бархатная—отдѣлана лентами изъ свѣтлаго бархата. Тулья ея прикрыта фаншоною изъ кружевъ. Внутри поля украшены блондою, а по бокамъ бѣлыми цвѣтами. Платье капотъ свѣтло-бархатное. Разрѣзъ юбки перехваченъ петлицами изъ темнаго бархата нашитыми крестообразно. Талія короткая и круглая, корсажъ гладкій. Рукава полуудлинные.

Второй нарядъ.—Для прогулки.—Шляпка бархатная, съ страусовымъ перомъ того-же цвѣта. Коротенькій бурну изъ того-же бархата. Воротникъ, рукава и низъ его оторочены широкимъ соболемъ или норкою. Платье изъ узорчатаго дамъ.

Третій нарядъ.—Бальный.—Уборка волосъ à la Sarah moderne, съ золотымъ вѣнкомъ вокругъ всей головы. Бѣлая, кашемировая мантія, украшенная плюшевыми сборчатыми лентами. По бокамъ, съ каждой стороны четыре широкіе банта изъ тѣхъ же лентъ. Платье изъ тяжелаго бѣлаго моара. Талія круглая; на довольно открытомъ

корсажъ двойная берта. На юбокѣ три широкіе волана изъ кружевъ, затканыхъ золотомъ. Съ боковъ воланы приподняты и придерживаются золотыми листьями. Въмѣсто пояса золотой шнуръ, завязанный напередѣ и ниспадающій на платье тяжелыми кистями.

Четвертый нарядъ.—Для концертовъ и домашнихъ вечеровъ.

Уборка водось à la Floge. Платье легкое шелковое, съ гофренными воланами изъ той-же матеріи; около талии и посрединѣ платья—обшивка изъ широкаго чернаго кружева. Корсажъ весь отдѣланъ гофренными воланчиками и чернымъ кружевомъ. Рукавчики короткіе.

Всѣ шляпки работы М-ше Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, въ домѣ Дементьева, прѣтивъ Англійскаго магазина.

Головные уборы и прически знаменитаго петербургскаго коаффера Вотье, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Голицыной.

Господа мужчины, которыхъ занимаютъ моды, тоже теперь сильно занимаются ими. Но нельзя сказать, чтобы то, что они придумали, отличалось особенной геніальностію. Вотъ новѣйшій костюмъ денди, когда онъ является на солнечную сторону Невскаго проспекта. Шляпа—формы опрокинутаго цвѣточнаго горшка, съ самыми крошечными полями. Cache-peux — вольный переводъ: *носопрять* — кашемировый, съ персидскими пестрыми разводами и цвѣтами. Пальто съ шалью, обшитое кругомъ мехомъ, съ тремя застежками напередѣ. Панталоны à la Тришка—короткіе, узкіе и чрезвычайно пестрые.

А вотъ какъ франтъ является въ общество. Фракъ синій, съ чрезвычайно низкой таліей, такъ, чтобы могло родиться подозрѣніе, что онъ перекроенъ изъ дѣдушкина кафтана домашнимъ Шармеромъ. Воротникъ и лацканы такого объема, какъ будто они съ великана попали на карлика. Рукава греческіе: то есть, очень короткіе и невообразимо широкіе, словомъ—дамскіе. На всемъ фракѣ только пять пуговиць: три на груди и двѣ сзади. Въмѣсто галстука что-то въ родѣ ленточки или дамской шейной тесемочки, завязанной напередѣ узломъ. Рубашки вышитыя, жилетки вышитыя. Панталоны безъ штрифокъ, очень похожіе на рукава пожарной трубы. Голова не на мѣстѣ—темя на шеѣ, а лобный проборъ на затылкѣ. — Все это вмѣстѣ называется *шикомъ* и считается удивительно красивымъ.

Мы видѣли подлинныя экземпляры этихъ костюмовъ, какъ они жились изъ Франціи и Англій, въ гардеробной мастерской г. Альванга, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лопатина. Но проходя сквозь вошницы этаго искуснаго мастера, покррой новыхъ модъ пріобрѣтаетъ больше граціи и теряетъ свое шутовство, очень напоминающее эпоху франтовъ, которыхъ называли во Франціи *les incroyables*.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ШКОЛА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ,

или легчайшая метода для скорѣйшаго и правильнаго изученія игры на виолончели, приспособленная къ самоученію, съ приложеніемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пьесъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. Сочиненіе С. Ли. Принятое для руководства въ Парижской Музыкальной Консерваторіи. Цѣна 4 р. сер.

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- КЕНСІЛТ. А.** Petite valse favorite. (50 к.)
МАУР. СЖ. Romance italienne. (Nouvelle edition) (60 к.)
СЕНЬЕЛОВЪ. І. Menuet de Mozart. (50 к.) Feuille d'Album. (30 к.)
ВИВДІ. Canzonetta de l'opéra Rigoletto, chantée par Mario. (50 к.)

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- ДАРГОМИНСКІЙ. А.** Скажи, что такъ задумчивъ ты? Тріо, слова В. Жуковскаго (1. р. 50 к.)
ГУРИЛИНЪ. А. Долго ли же будешь, сердце, ты томиться. Пѣсня. (50 к.)
ДМИТРИЕВЪ. Прекрасный день. (50 к.)
КАШИНЪ. Лучина лучишка, на два голоса съ вариациями. Пѣтая г-жамъ Зонтагъ и Шоберлехнеръ. (Новое изданіе) (1. р. 15 к.)
РАХМАНИНОВЪ. Вечерній звонъ. (40 к.)
РОМАНУСЪ. Полуразгаданный вопросъ. (50 к.) Не узнаю тебя. (40 к.) Что въ душу мнѣ такъ дивно льется. (50 к.)
Цыганскія пѣсни, вновь аранжированныя подъ диктовку одного изъ любимыхъ хоровъ московскихъ цыганъ:
1. Сарафанчикъ. (40 к.)
2. Вотъ на пути село большое. (40 к.)
3. И нѣтъ въ мірѣ очей. (40 к.)
4. Слышишь, мой сердечный другъ. (40 к.)
5. По садочку хожу. (40 к.)
6. Коса. Я пойду косить. (30 к.)
7. Ъхали ребята. (30 к.)
8. Козликъ. (30 к.)

9. Ты не повѣришь. (30 к.)
 10. Лѣтъ пятнадцати не болѣ. (30 к.)
 11. Пошелъ козель въ огородъ. (30 к.)
 12. Ой бувь да не ма. (30 к.)
 13. Садамъ, садомъ кумасенька. (40 к.)
ТИТОВЪ И. Ты не узнаешь, кто она. (50 к.) Не пой красавица при мнѣ. (50 к.)
 Я о тебѣ молюсь. (40 к.) Узникъ. Я пересталъ жалѣть себя. (40 к.)
НИЛОВСКАЯ И. В. Зачѣмъ? Любимый романъ (60 к.)

ШКОЛА ДЛЯ ЧЕКАНА

сочиненіе Клингенбруннера, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ многими примѣрами и упражненіями для одного и двухъ чекановъ и съ присовокупленіемъ 20-ти русскихъ народныхъ пѣсень для двухъ чекановъ.
 Цѣна 2 р. 85.

ГЕНЕРАЛЬ-БАСЪ

или новая метода, содержащая главные правила музыкальной композиціи и руководство въ практическому приложенію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ основаній двойнаго контрапункта, канона и фуги, съ примѣрами и упражненіями, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Сочиненіе извѣстнаго генераль-басиста и теоретика И. Л. Фукса. Второе, исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе, заключающее въ себѣ болѣе 200 печатныхъ страницъ, въ большую долю листа. Цѣна 7 р. сер., съ пересылкою.

Всѣ эти новости можно получить

въ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, кнѣ Ф. СТЯЛОВСКАГО

въ Большой Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе ноть не менѣ, какъ на три руб. сереб. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣ, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворены со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкѣ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Контекини, Эрнестони и Вьетаномъ. Преисъ-курантъ онымъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 2.

I.

АМИЩКА.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

П. С. Федорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КЛИНОВЪ, отставной полковникъ.

КЛАВДІЯ ПЕТРОВНА, его жена.

АННА ДМИТРИВНА ЗУБКОВА, вдова, дочь Клинова отъ перваго брака.

АНДРЕЙ НИКИТИЧЪ ГОРОХОВЪ, отставной майоръ, одслуживецъ и пріятель Клинова.

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ДАНИОВСКІЙ.

ОСЕНЬ КОЗИНЦЪ, бывшій денщикъ Клинова, находящійся у него въ служебнѣи.

Дѣйствіе происходитъ въ Парголово, на дачѣ Клинова.

Частенькая дачная комната. Въ глубинѣ дверь, выходящая въ садъ. Дѣтъ двери по бокамъ, во которыхъ плакъ. На прѣво, къ первому плакъ, окно. Стулѣ, стулья и пр. — На столѣ, съ лѣвой стороны, впереди, графинъ съ водою и стаканы.

I.

ОСИПЪ, ГОРОХОВЪ. Осипъ подметаешь полъ. Гороховъ входитъ въ среднюю дверь. Гороховъ серьезный человекъ, всея ларимбационн.

ОСИПЪ. Экъ сору-то! Ну ужъ эта дачная жизнь... въ дѣтъ-то разъ десять подметаешь, а все пыль не выметешь... Отдуха она, проклятая, беретя!..

ГОРОХОВЪ (входя). Здорово, Кошникъ!

ОСИПЪ (вытягиваясь). Желаю здравствовать, ваше высокоблагородіе!

ГОРОХОВЪ. Дома полковникъ?

ОСИПЪ. Никакъ нѣтъ-съ... изволили уѣхать въ городъ...

ГОРОХОВЪ. А барыни?

ОСИПЪ. Клавдія Петровна изволятъ читать въ бесѣдѣ книжку, а Анна Дмитріевна поливаетъ въ саду цвѣты...

ГОРОХОВЪ. Ну, что у васъ новаго?

ОСИПЪ. Да что новаго, ваше высокоблагородіе?.. Клавдія Петровна все скучать изволятъ по Аминикъ... измучила насъ совсѣмъ... все посылаетъ искать свою собаченку!

ГОРОХОВЪ. Погоди, братецъ!.. нѣкоторыя образцы, пройдетъ день, другой — утѣшится! Ну, а моя невеста?..

ОСИПЪ. Анна Дмитріевна все попрежнему... Что за ебидь садить, то полковникъ съ барыней и начнутъ имъ говорить про васъ...

ГОРОХОВЪ. Ну, а она?..

ОСИПЪ. Да все одно и тоже, осмѣлюсь доложить... погодите, говорить...

ГОРОХОВЪ. Эта женщина, просто, выводитъ меня изъ терпѣнія... Четвертый годъ, какъ полковникъ порѣшилъ выдать ее за меня, а досихъ-поръ я все еще, нѣкоторымъ образомъ, холостякъ... Какъ говорится, ни тирру, ни ну!

ОСИПЪ. Да-съ, осмѣлюсь доложить... что онѣ съ вами дѣлаютъ, такъ ужъ это ни на что не похоже!...

ГОРОХОВЪ. Ну, мѣсяць-бы другой, куда ни шло! а то четвертый годъ водить меня за носъ, и дивя бы были, нѣкоторымъ образомъ, этиакія уважительныя причины откладывать сватьбу, а то, просто, никакихъ!..

ОСИПЪ. Да ужъ осмѣлюсь доложить, у Анны Дмитриевны такая-съ поведенція... Я вѣдь помню, какъ онѣ и за перваго-то выходили, такъ цѣлый годъ назывались невѣстой...

ГОРОХОВЪ. Годъ и четыре года большая, братецъ, разница!.. И что ей полюбилось быть, нѣкоторымъ образомъ, вдовою?..

ОСИПЪ. Да-съ... вотъ ужъ пятый годъ, осмѣлюсь доложить, изволятъ находиться вдовыми... Вотъ ужъ въ это время и его высокоблагородіе, ихъ батюшка, успѣли вступитъ вовторой брачный союзъ...

ГОРОХОВЪ. Посмотрю, что сегодня будетъ... Дмитрій Алексѣичъ общалъ непременно порѣшить...

ОСИПЪ (вздыхая). Дай-то Богъ, ваше высокоблагородіе!..

ГОРОХОВЪ. Да ты что вздыхаешь?.. Ужъ нѣтъ-ли, нѣкоторымъ образомъ, чего худаго?

ОСИПЪ (почесывая голову). Охъ, ваше высокоблагородіе... не хотѣлось-было говорить... пожалуй, еще пуще разстроишь!..

ГОРОХОВЪ. Говори, не бойся... я, братъ, не трусливаго десятиа... что-нибудь одно: вѣи панъ, или пропадъ!

ОСИПЪ (вполголоса). Осмѣлюсь доложить... (Осматривая комнату) Кажется, никого близко нѣтъ... Осмѣлюсь доложить, у васъ здѣсь, въ Парголовѣ, завелись этиакіе, ваше высокоблагородіе, шематоны...

ГОРОХОВЪ. Что такое? Какіе шематоны?

ОСИПЪ. Вотъ ужъ будетъ недѣля, какъ я сталъ замѣчать, что всякій день, подъ вечерокъ, началъ прохаживаться около вашей дачи этакой худенькой, черномазенькой франтикъ... Пройдетъ разъ, другой, третій... Я и притаюсь за угломъ... а онъ пойдетъ снѣтъ... то въ садъ заглянетъ изъ за-рѣшетки... то въ окна...

ГОРОХОВЪ. Ну, и только?...

ОСИПЪ. Нѣтъ-съ, не только, ваше высокоблагородіе... Я сталъ еще больше замѣчать... Смотрю, только-что Клавдія Петровна да Анна

Дмитріевна выйдутъ погулять.... а ужь онъ тутъ, идетъ навстрѣчу... да сейчасъ и стеклышко вставить въ глазъ!.. А тутъ еще, какъ-то барыни приказали покатать себя въ лодкѣ по озеру.... только-что я отвалилъ, глядь, и шематонъ нашъ ѣдетъ въ лодкѣ.... и все смотритъ, все смотритъ въ стеклышко.... такъ вотъ съ головы до ногъ и осматриваетъ!

ГОРОХОВЪ. На кого же смотритъ?

ОСИПЪ. Съ начала-то, осмѣлюсь доложить, показалось мнѣ, что на Клавдію Петрову смотреть....

ГОРОХОВЪ. А потомъ?...

ОСИПЪ. А потомъ показалось, что на Анну Дмитріевну....

ГОРОХОВЪ. Негодяй!... А ты, нѣкоторымъ образомъ.... не узналъ его фамиліи?...

ОСИПЪ. Нѣтъ-съ, не успѣлъ еще узнать.... а ужь узнаю, во что бы-то ни стало!... Только, кажется по всему, что онъ живетъ здѣсь въ Карголовѣ!

ГОРОХОВЪ. Узнай! узнай!... А ужь я съ нимъ раздѣляюсь нѣкоторымъ образомъ!... раздѣляюсь по своейски!...

ОСИПЪ. Да ужь стойтъ, ваше высокоблагородіе!.. (*Прислушиваясь*). Кажется, голосъ полковника!...

ГОРОХОВЪ. Тсъ!.. никому ни слова!... (*При появленіи Клинова и Клавдіи Осипъ уходитъ въ среднюю дверь*).

II.

ГОРОХОВЪ, КЛИНОВЪ И КЛАВДІЯ. Клиновъ съ Клавдіей входитъ въ среднюю дверь, держа въ рукахъ газету Клиновъ свѣжій еще старикъ, съ суровой наружностью.

КЛИНОВЪ (*Клавдія*). Успокойся же, Клавдюшинька, объ Амишкѣ твоей напечатали ужь въ Полицейской.... вотъ прочти сама!... А! Андрей Никитичъ! здорово дружокъ!..

КЛАВДІЯ. Здравствуйте, Андрей Никитичъ!...

ГОРОХОВЪ. Имѣю честь кланяться!... Какъ здоровье ваше, Клавдія Петровна?...

КЛАВДІЯ. Слава Богу!... (*Вздыхая*) Бѣдный Амишка!... Найдется ли онъ?

КЛИНОВЪ. Найдется, навѣрное найдется!.. Видь тутъ вотъ что напечатано.... (*Читаетъ*) «Кто представитъ такую собаку въ первое Паргелово, на дачу подъ № 7, полковнику Клинову, тотъ получитъ пять рублей серебромъ награжденія!...»

КЛАВДІА. Какъ вы мало назначили!

КЛИНОВЪ. Довольно!... довольно!... (*Обращаясь къ Горохову*) Извини, Андрей Никитичъ, мы, видишь, все хлопочеть о нашей Амшкѣ... (*Подмигиваетъ ему*).

КЛАВДІА. Не слышали-ли вы, Андрей Никитичъ, что-нибудь о ней?...

ГОРОХОВЪ. Нѣтъ-съ, ничего не слыхалъ.... но, нѣкоторымъ образомъ, поручилъ тоже Игнашкѣ своему искать ее по всѣмъ улицамъ....

КЛАВДІА. Какіе вы добрые!.. Это удивительно, какъ я несчастна... въ одинъ годъ пропало у меня пять собакъ!...

КЛИНОВЪ (*подмигивая Горохову*). Да, бываютъ такіа несчастія....

ГОРОХОВЪ. Дѣйствительно, бываютъ нѣкоторымъ образомъ!... Но позвольте, любезнѣйшій другъ.... я пріѣхалъ — было узнать....

КЛИНОВЪ. А! да! на счетъ Амш!...

ГОРОХОВЪ. Ты обѣщалъ съ ней, нѣкоторымъ образомъ, поговорить....

КЛИНОВЪ. Да, да.... Клавдюша говорила.... и кажется все обстоитъ благополучно....

КЛАВДІА. Дѣйствительно, она мнѣ сказала, что сегодня рѣшить чѣмъ-нибудь....

ГОРОХОВЪ. Чѣмъ-нибудь!.. Стало, можетъ еще кончиться худо!..

КЛИНОВЪ. Вздоръ!.. Какого еще ей жениха надо!.. Тридцать четыре года на плечахъ а за душой ни гроша!.. Кто же другой, крѣвъ тебя, на нее позарится!..

ГОРОХОВЪ. Помилуй, Дмитрій Андреечъ!

КЛИНОВЪ. Ну, что, помилуй!.. тебѣ обижаться нечего, дружокъ, за мою правду!.. Дура она будетъ, если тебѣ откажетъ... Да постой, я еще съ ней самъ поговорю!

КЛАВДІА (*Клинову*). Знаешь что, мой дружокъ... Мнѣ все думается, не укралъ ли у насъ Амшкѣ вотъ этотъ старый пѣвецъ, что живетъ черезъ три дома... Онъ, говорятъ, торгуетъ собаками...

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружочекъ... а впрочемъ я велю поразузнать...

III.

ГЭНИ. ЗУБКОВА. Зубкова очень молодится; безпреставно закатывает и опускает глаза. Она входит въ среднюю дверь, съ букетомъ въ рукахъ.

КЛИНОВЪ. А! вотъ и Аша!.. Смотри-ка, Аша, какой гость къ намъ прѣѣхалъ...

ЗУБКОВА. Ахъ, извините... Я совсѣмъ не знала... а я такъ одѣта... (*Хочетъ уйти*).

КЛИНОВЪ (*удерживая ее*). Куда это, куда?..

ГОРОХОВЪ. Извините ради Бога, Анна Дмитріевна!.. Я никакъ не думалъ васъ сконфузить... Но если я, нѣкоторымъ образомъ, лишній... (*Хочетъ уйти*).

КЛИНОВЪ (*удерживая его*). Ну, и этотъ!.. Стой! ни съ мѣста!.. Она говоритъ чистѣйшій вздоръ!..

ЗУБКОВА. Ахъ, напаша, что это вы?..

КЛИНОВЪ. Ну, разумеется, вздоръ! Одѣта, какъ должно быть одѣтой по лѣтнему!.. Немножко по дѣтски...

ЗУБКОВА (*держая его*). Папаша!..

КЛИНОВЪ. Ну! ну!.. молчу!.. (*Отводя Горохова*). Говорить что ли, про тебя, дружокъ?..

ГОРОХОВЪ. Сдѣлай одолженіе... но не лучше ли мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, уйти?..

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружокъ, прошу безъ ретирады!. (*Говоритъ съ нимъ тихо*).

ЗУБКОВА (*Клавдію особо*). Прочли вы, мамаша, письмо этого молодого человека?..

КЛАВДІЯ. Этого героя озера, какъ вы его называли?.. Да, прочла...

ЗУБКОВА. Что вы скажете?.. Могу ли я повѣрить его любви?..

КЛАВДІЯ. Признаться вамъ откровенно... я боюсь, чтобъ вы не ошиблись!..

КЛИНОВЪ (*продолжая разговоръ съ Гороховымъ*). Ну, смотри же, какъ я поверну дѣло!... (*Зубковой*). Слушай-ка, Аша... Я буду говорить съ тобой серьезно.. Ты хотѣла сегодня рѣшить судьбу моего друга и стараго сотоварища, который вотъ здѣсь на лицѣ... Ну, говори-же, какъ ты разсудила?..

ЗУБКОВА. Папаша... вы хотите непременно знать...

КЛИНОВЪ. Непременно, и всенепременно!..

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Вотъ рѣшительная минута!.. Меня, нѣкоторымъ образомъ, начинаетъ бить лихорадка.

ЗУБКОВА. Папаша... я долго размышляла.

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Нѣкоторымъ образомъ, почти четыре года..
КЛИНОВЪ. Ну?.. И что же ты размыслила?..

ЗУБКОВА. Признаюсь, папаша... Я все еще не смѣю рѣшиться...

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Погибъ, какъ шведъ подъ Полтавой!..

КЛИНОВЪ (*серьозно*). Что... что такое?

ЗУБКОВА. Я знаю по опыту, папаша, что узы Гименея не терпятъ поспѣшности... иначе онѣ принесутъ намъ несчастье!..

КЛИНОВЪ (*сердито*). Да какая тутъ, чортъ возьми, поспѣшность!.. Вѣдь ты четыре года кормишь его завтраками!.. Не всѣ же такіе чахоточные мужья, какъ былъ твой покойный Федоръ Григорычъ Зубковъ... Онъ могъ надуть тебя счастьемъ, потому-что надуть насъ всѣхъ своимъ здоровьемъ, и умеръ черезъ годъ послѣ вашей свадьбы...

ЗУБКОВА. Ну, видите...

КЛИНОВЪ. А отъ чего все это произошло?.. Отъ того, именно, что мы худо его знали!.. Но Андрей Никитичъ дѣло другое... Я его знаю, какъ свои пять пальцевъ!.. Я былъ свидѣтелемъ не одного происшествія, отъ котораго другой бы давно ужъ лежалъ въ землѣ... а ему ни почемъ! здоровъ и крѣпокъ, какъ камень!.. Просто, въ водѣ не тонетъ... въ огнѣ не горитъ!.. И такъ, слушай... я съ тобой разсуждать долго не буду... Конечно, ты вдова... и вольна располагать собою... но если ты не выйдешь замужъ за моего друга и стараго сотоварища, Андрея Никитича... то даю тебѣ честное, благородное слово... я больше не отецъ твой и не кормилецъ!... Иди на всѣ четыре стороны... и не смѣй носа показывать въ мой домъ!

КЛАВДІЯ (*Клинову*). Полноте... какъ вамъ не стыдно!..

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, ужъ извините.. Она вывела меня совсѣмъ изъ терпѣнія... Что я сказалъ, то свято исполню!..

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Молодецъ!

ЗУБКОВА (*мочти со слезами*). Папаша... вы сердитесь... вы терзаете только мое сердце, и безъ всякой причины... Я вовсе не думала отказывать Андрею Никитичу... я только прошу... дать мнѣ свободу на нынѣшній день!.. быть-можетъ, вы назовете это непризомъ, глупостью... но это моя послѣдняя просьба... согласитесь на нее, милый папаша... зато завтра... даю вамъ клятву... завтра непремѣнно вы узнаете мой рѣшительный отвѣтъ!..

КЛИНОВЪ. Опять завтра!.. (*Горохову*). Какъ ты думаешь, Андрей Никитичъ, согласиться или нѣтъ?..

ГОРОХОВЪ. Разумѣется... дѣлать нечего... надобно, нѣкоторымъ образомъ, согласиться!..

КЛИНОВЪ. Ладно, такъ и быть!.. Завтра, ровно въ этотъ же са-

мый часъ... (Смотря на часы). теперь двѣнадцать часовъ... ты должна рѣшить его судьбу... иначе... смотри, я не люблю шутить!..

КЛАВДІЯ. Перестаньте!..

ЗУБКОВА. Благодарю васъ, напаша, и васъ, добрый Андрей Никитичъ.

КЛИНОВЪ. Ну, хорошо... ступайте же теперь... гуляйте сколько душѣ угодно...

КЛАВДІЯ. Смотрите, если принесутъ безъ меня мою Амашку... примяте скорѣе за мной... да не забудьте отдать пять рублей серебромъ тому, кто принесетъ ее.

КЛИНОВЪ (удерживая досаду). Хорошо, отдамъ...

КЛАВДІЯ. Не мѣшало бы даже прибавить еще рублей пять... Амашка мой, право, стоить этого...

КЛИНОВЪ. Да, хорошо... прибавлю...

(Клавдія и Зубкова уходятъ въ среднюю дверь).

IV.

КЛИНОВЪ, ГОРОХОВЪ

КЛИНОВЪ (схвативъ стулъ и колотя имъ по полу). Чортъ по-бери всѣхъ этихъ собакъ!.. Явился только ко мнѣ кто-нибудь съ ея Амашкой, такъ, вмѣсто обѣщанныхъ пяти цѣлковыхъ, я... (Показываетъ кулакъ).

ГОРОХОВЪ (спокойно). Полно, не тревожься по пустому!

КЛИНОВЪ. Какъ по пустому!.. Да она испортила мнѣ всю кровь съ своими мерзѣйшими собаками!.. Она скоро уморитъ меня!.. Признаюсь, мнѣ было бы легчѣ, еслибъ она любила... еслибъ даже любила играть на фортепяно!

ГОРОХОВЪ. Я тебя, нѣкоторымъ образомъ, не понимаю... Да я съ своей стороны нисколько бы не былъ въ претензіи, еслибъ у моей жены была такая невинная страсть!.. По моему, собака вашъ другъ и, нѣкоторымъ образомъ, развлеченіе.

КЛИНОВЪ. По твоему такъ, а по моему нѣтъ!.. Прежде я и самъ любилъ собакъ... но съ того дня, какъ взбѣсился мой Гекторъ и издохъ въ страшныхъ судорогахъ у моихъ ногъ... я не могу видѣть подлѣ себя собаки!.. Повѣришь ли... если ко мнѣ начнетъ даскаться собаченка... я самъ не свой! какой-то холодъ пробѣгаетъ по моимъ жиламъ... еслиже, хотъ нечаянно лизнетъ мою руку, тогда ужъ просто беда

Со мной дѣлаются судороги... мнѣ такъ и кажется, что она хочетъ укушать меня!.. Это болѣе, мой другъ... стыдно сознаться, а дѣлать нечего!.. Я, въ этомъ случаѣ, суцая баба!.. Суди же, послѣ этого, что я долженъ былъ чувствовать, когда, недѣля тому назадъ, въ самые страшные жары, я сталъ замѣчать, что этотъ проклятый Амишка вдругъ сдѣлался какимъ-то вялымъ, скучнымъ... Глаза выпятились и помутились... языкъ покраснѣлъ... хвостъ опустился... ну, словомъ, съ нимъ начинались всё тѣ же припадки, какъ съ моимъ Гекторомъ... Бррр!.. Страшно подумать!.. Вѣдь она могла бы всёхъ насъ перекусать!.. Что-жь мнѣ оставалось дѣлать!.. Одно только... спровадить его куда-нибудь! И вотъ почему я рѣшился въ пятый разъ въ нынѣшнемъ году вѣрнуться тебѣ, какъ истинному другу, и прибѣгнуть снова къ твоей помощи!..

ГОРОХОВЪ. И ты, нѣкоторымъ образомъ, не ошибся во мнѣ!.. Амишка отправлася туда же, куда отправлены мною и четыре его предшественника!..

КЛИНОВЪ (*пониживъ голосъ, драматически*). Въ воду?

ГОРОХОВЪ. Въ воду!.. На дно здѣшняго озера!..

КЛИНОВЪ. Съ камнемъ на шеѣ?

ГОРОХОВЪ. Съ камнемъ на шеѣ!

КЛИНОВЪ. Ночью!

ГОРОХОВЪ. Ночью!

КЛИНОВЪ (*обнимая и цѣлуя его*). Благодарю тебя!.. Ты истинный мой другъ!

ГОРОХОВЪ. На всю мою жизнь!..

V.

ТѢМЪ, ОСИЦЪ. Онъ входитъ въ среднюю дверь.

КЛИНОВЪ (*увидя Осипа*). Что тебѣ нужно?

ОСИЦЪ. Ваше высокоблагородіе... васъ спрашиваетъ какой-то незнакомый человѣкъ...

КЛИНОВЪ. Ну, какой тамъ человѣкъ?.. Что ему нужно?..

ОСИЦЪ. Не могу знать, ваше высокоблагородіе... Я видѣлъ только, что онъ держитъ на рукахъ нашу собаку Амишку...

КЛИНОВЪ (*съ ужасомъ*). Собаку?.. Амишку?.. Ты врешь, мошенникъ!

ОСИЦЪ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе!

ГОРОХОВЪ. Невѣроятное дѣло!

КЛИНОВЪ. Просто, неслышанное!.. Откуда онъ ее взять, бездѣльникъ!.. (*Осмну*). И живая собака?

ОСМНЪ. Совершенно живая, ваше высокоблагородіе!.. Тотчасъ меня узнала!.. Замахала хвостомъ...

КЛИНОВЪ. Ты не видѣлъ, гдѣ моя жена?..

ОСМНЪ. Видѣлъ, ваше высокоблагородіе... они изволили пойти гулять...

КЛИНОВЪ. Хорошо!.. Позови этого негодяя...

ОСМНЪ. Слушаю!.. (*Тихо Горохову*). Ваше высокоблагородіе... вѣдь это тотъ самый шематонъ... о которомъ я докладывалъ вамъ дзвнча...

ГОРОХОВЪ. Тотъ самый?... Отлично, нѣкоторымъ образомъ! безопасно!.. Попался къ намъ въ руки!

(*Осмнъ уходитъ въ среднюю дверь*).

—

VI.

КЛИНОВЪ, ГОРОХОВЪ.

КЛИНОВЪ (*скрестя руки*). Ну, что ты объ этомъ скажешь?

ГОРОХОВЪ. Непонятная вещь!.. Какъ онъ могъ достать ее изъ воды, когда я собственными своими руками навязалъ ей, нѣкоторымъ образомъ, на шею камень, по-крайней-мѣрѣ, фунтовъ въ десять!

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, дружище, ты вѣрно плохо распорядился!.. Теперь вотъ, мало того, что мы опять съ собакою... нѣтъ, плати еще за это удовольствіе пять цѣлковыхъ награды!..

ОСМНЪ (*растворивъ среднія двери и впуская Данковскаго*). Пожалуйста!.. (*Скрывается*).

—

VII.

ТѢЖЕ, ДАНКОВСКІЙ. Данковскій входитъ въ среднюю дверь, держа на рукахъ собаку. Клиновъ и Гороховъ сходятъ по сторонамъ сцены, обратясь къ публикѣ. Они оба очень взбѣшены, но, повидному, стараются скрыть свой гнѣвъ.

ДАНКОВСКІЙ (*раскланиваясь съ обоими*). Г. полковникъ!.. Милостивый государь!.. нѣтъ чести...

КЛИНОВЪ (*сидя*). Здравствуйте!

ГОРОХОВЪ (*также*). Здравствуйте!

ДАНКОВСКІЙ. Г. полковникъ... я принесъ вамъ вашего фаворита!..

КЛИНОВЪ. Не стоить благодарности!

ДАНКОВСКІЙ (*взглянувъ на него съ удивленіемъ, продолжаетъ*).

Три дня тому назадъ, ночью, я прогуливался около здѣшняго озера... Надобно вамъ сказать, что ночныя прогулки, особенно при лунномъ свѣтѣ, — составляютъ мою первѣйшую страсть!.. И такъ... я прогуливался очень спокойно... какъ вдругъ услышалъ какой-то плескъ въ водѣ и потомъ стонъ... я сталъ пристально смотрѣть въ воду и увидѣлъ, что дѣйствительно въ ней барахталось какое-то неизвѣстное существо, саженихъ въ двухъ отъ берега!.. Въ одну минуту отвязалъ я лодку... бросился въ нее... подѣхалъ къ погибающему... и вытащилъ изъ воды вотъ эту миленькую собачку... Признаюсь, она ужъ была въ такомъ слабомъ состояніи, что, опоздай я минуту, не видать бы ей больше ни свѣта, ни земли!..

КЛИНОВЪ. Вотъ необыкновенная доброта, подумаешь!..

ДАНКОВСКІЙ. Веревка на ея шеѣ служила доказательствомъ заманнаго злодѣйства.. по большой цѣлѣ можно было легко догадаться, что тутъ былъ привязанъ камень, но какъ-нибудь случайно вывалился... изъ этого я заключаю, что какой-нибудь негодяй...

КЛИНОВЪ и ГОРОХОВЪ. Что-съ?

ДАНКОВСКІЙ. Я говорю, вѣроятно какой-нибудь негодяй изъ этихъ людей, которому надоѣло возиться съ этой прекрасной собачкой, вздумалъ избавиться отъ нея такимъ безчеловѣчнымъ образомъ!.. Къ счастью, мнѣ удалось ее спасти... но только что я взялъ ее въ руки, какъ она... навѣрное предполагая видѣть во мнѣ своего убійцу... (*Гороховъ, принужденно кашляетъ*) безъ милосердія всѣми зубами своими выплასъ мнѣ въ плечо!..

КЛИНОВЪ (*смотря на него пристально*). Укусилъ!.. И съ вами ничего?...

ДАНКОВСКІЙ. Было больно сначала, но послѣ ничего!... Это обстоятельство, впрочемъ, показало мнѣ, что въ случаяхъ благодарности, и собаки могутъ походить на людей, чего я прежде не думалъ... и на оборотъ, бываютъ люди...

КЛИНОВЪ. Позвольте, милостивый государь, позвольте васъ спросить: по какому праву держали вы у себя цѣлыхъ три дня чужую собаку и не возвратили ее хозяину?...

ДАНКОВСКІЙ. Я, г. полковникъ...

КЛИНОВЪ. Такъ не поступаютъ благородные люди!... Мы тутъ ищемъ, чуть не плачемъ съ горя... а вы держите у себя собаку!...

ГОРОХОВЪ. Да, это вѣкторымъ образомъ...

ДАНКОВСКІЙ. Г. полковникъ!

КЛИНОВЪ. Но я понимаю причину... вы ждали, когда напечатаютъ о ней въ газетахъ... вы хотѣли прежде узнать, какую дадутъ награду... и вотъ вы, наконецъ, прочли въ газетахъ и увидѣли, что объщаютъ пять цѣлковыхъ...

ДАНКОВСКІЙ. Извините, полковникъ... вы очень ошибаетесь... я, какъ близкій сосѣдъ вашъ по дачѣ, желалъ только услужить вамъ, и, безъ всякаго возмездія, вручить вашего фаварита...

КЛИНОВЪ (*вставъ со стула*). А! это дѣло другое!... (*Беретъ стулъ и ставитъ его по срединѣ театра*). Садитесь!... (*Данковскій садится. Клиновъ и Гороховъ стоятъ по сторонамъ стула, оборотаясь къ нему нѣсколько спиною*).

ДАНКОВСКІЙ (*послѣ минутнаго молчанія, увидя положеніе Клинова и Горохова, встаетъ, переворачиваетъ стулъ, и балансируя на его спинкѣ, говоритъ всторону*). Что жъ это такое значить? Туда ли я попалъ?... (*Вслухъ*). Позвольте васъ спросить: вѣдъ вы полковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Клиновъ?

КЛИНОВЪ. Я!... къ чему вы это спрашиваете?

ДАНКОВСКІЙ. Такъ!...

КЛИНОВЪ. А вы... вы живете здѣсь въ Парголовѣ?...

ДАНКОВСКІЙ. Да... ятѣмъ я всегда живу здѣсь...

КЛИНОВЪ. А для чего вы здѣсь живете?

ДАНКОВСКІЙ. Для чего?... для того же, для чего живутъ и другіе, какъ, напримѣръ, вы... мнѣ нравится здѣшнее мѣстоположеніе и воздухъ....

КЛИНОВЪ. Ну... а скажите, пожалуйста... вѣдъ у васъ, вѣроятно, есть еще другіе какія-нибудь занятія, кромѣ спасенія утопающихъ собакъ?...

ДАНКОВСКІЙ (*посмотря на него довольно серьезно, сначала говоритъ сухо, но къ концу явленія мало-по-малу разгорячается*). Да... есть!... Я чиновникъ!

КЛИНОВЪ. Чиновникъ!... слышишь, Андрей Никитичъ... онъ чиновникъ! (*Садится*).

ГОРОХОВЪ (*усмѣхаясь*). Гмъ! Чиновникъ... знаю я, вѣкторымъ образомъ! (*Садится*).

КЛИНОВЪ. А позвольте спросить: почему вы чиновникъ? Почему вы не въ военной службѣ?

ДАНКОВСКИЙ. Потому-что я въ юности былъ слишкомъ слабъ здоровьемъ....

КЛИНОВЪ. Слабъ здоровьемъ!... Слышите, Андрей Никитичъ, онъ слабъ здоровьемъ!...

ГОРОХОВЪ. Гмъ!... Да, я знаю, нѣкоторымъ образомъ, такихъ генераловъ... у насъ все трусы слабы здоровьемъ!

КЛИНОВЪ. Я терпѣть не могу трусовъ!

ДАНКОВСКИЙ, *(въ полъ-голоса).* А я невѣждъ и глупцовъ!

КЛИНОВЪ, *(Горохову).* Что онъ сказалъ?

ГОРОХОВЪ, *(Клинову).* Мнѣ послышалось, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, назвалъ кого-то невѣждой и глупцомъ!...

КЛИНОВЪ. А! вотъ что!... *(Данковскому).* Позвольте же мнѣ, наконецъ, г. чиновникъ, имѣть честь узнать вашу фамилію...

ДАНКОВСКИЙ. Извольте... моя фамилія Данковскій!

КЛИНОВЪ. Данковскій!... Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!... слышите, Андрей Никитичъ, онъ называетъ себя Данковскимъ!... *(Данковскому).* Да какъ вы смѣете, милостивый государь, называть себя Данковскимъ?

ДАНКОВСКИЙ. Почему-же бы мнѣ не смѣть?

КЛИНОВЪ. А потому, что въ нашей арміи служилъ нѣкто Данковскій, который двадцати-восьми лѣтъ былъ уже полковникомъ, а тридцати-пяти генераломъ!... котораго всякій изъ насъ уважалъ за его необыкновенную храбрость, и который, наконецъ, никогда бы не позволилъ такъ невѣжливо говорить съ собою, какъ мы вотъ уже минулъ десять говоримъ съ вами!

ДАНКОВСКИЙ. На это вотъ вамъ мой отвѣтъ... Еслибъ я не старался воздержаться отъ гнѣва, по особымъ, мнѣ известнымъ причинамъ, то давно бы ужъ я наговорилъ вамъ дерзостей, попросилъ бы васъ развѣдаться со мною какъ слѣдуетъ, и обрубилъ бы вамъ уши, или прострѣлялъ бы лобъ!... *(Движеніе Клинова и Горохова).* Ны теперь я очень доволенъ, что этого не случилось... Иначе, мнѣ не пришлось бы услышать вашихъ лестныхъ отзывовъ о моемъ отцѣ!

КЛИНОВЪ. О вашемъ отцѣ?... Неужели мой бывшій командиръ...

ДАНКОВСКИЙ. Генералъ Данковскій мой отецъ!.. Въ доказательство, вотъ собственноручное письмо его къ вамъ!...

КЛИНОВЪ *(взявъ отъ него письмо и поспѣшно распечатывая его).* Неужели?... а я... да, да!... это отъ него!... Его почеркъ!... Слышите Андрей Никитичъ... Это родной сынъ нашего храбраго командира Василья Федоровича Данковского!

ГОРОХОВЪ, *(мрачно)* Да... нѣкоторымъ образомъ, это очень приятно!

КЛИНОВЪ. Но какъ же случилось, что я принидалъ васъ за какую-то

мокрую курицу?.. И вы, молодой чадовѣкъ, готовы были обрубить мнѣ уши, или прострѣлать лобъ?..

ДАНКОВСКИЙ. Признаюсь, у меня отецъ чесались руки!

КЛИНОВЪ. Обрубить мнѣ уши!.. прострѣлать лобъ!... Но, знаете ли, что, мой любезнѣйшій... позвольте, какъ васъ зовутъ?

ДАНКОВСКИЙ. Фёдоръ Васильевичъ!...

КЛИНОВЪ. Знаете-ли что, любезнѣйшій Фёдоръ Васильевичъ... вѣдь я ужъ за одно это готовъ полюбить васъ всѣмъ сердцемъ!

ДАНКОВСКИЙ. Этого бы мнѣ только и хотѣлось!

ГОРЮХОВЪ (всторону). Недоставало еще, нѣкоторымъ образомъ, этого несчастья!...

КЛИНОВЪ. Но для чего вы мнѣ прямо не сказали, что вы сынъ моего храбраго командира?.. (*Смѣясь съ улыбкою*).. Позвольте, объясните, пожалуйста, какую вы имѣете просьбу ко мнѣ?... Тутъ вашъ почтеннѣйшій батюшка пишетъ, что онъ отъ души согласенъ на то, о чемъ вы намѣрены меня просить...

ДАНКОВСКИЙ. Я объясню вамъ это, когда мы останемся съ вами наединѣ.

КЛИНОВЪ. Позвольте... это мой старшій сослуживецъ и другъ, также бывшій подчиненный вашего батюшки... отставной майоръ Андрей Никитичъ Горюховъ.

ДАНКОВСКИЙ. Очень радъ!... Но все-таки я могу только объяснить вамъ однимъ... безъ свидѣтелей!..

КЛИНОВЪ. Андрей Никитичъ, слышите?... извини, дружокъ.. Сыну нашего бывшаго командира мы не должны ни въ чемъ оказывать...

ГОРЮХОВЪ, (съ неудовольствиемъ). Хорошо... я иду!... (*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ направо*).

КЛИНОВЪ (останавливая его). Постой!... встать, захвати, дружище, съ собою Аммику.... запри его до вечера нѣ-нибудь въ чуланъ....

ГОРЮХОВЪ (взявъ на руки собаку). Хорошо.... запру!... Вотъ... услуживай послѣ этого ... топи, нѣкоторымъ образомъ, собаку!... а тутъ явится кто-нибудь.... выгнать и...

КЛИНОВЪ. Тсъ!... Ты вспомни только, что это сынъ нашего командира!...

ГОРЮХОВЪ. Слышу, слышу!... (*Данковскому*) До свиданія, милостивый государь!

ДАНКОВСКИЙ. До свиданія, г. майоръ!

ГОРЮХОВЪ (твердо). До свиданія, нѣкоторымъ образомъ, свиданія!... (*Кладетъ въ сумку дѣрзь*).

VIII.

КЛИНОВЪ = ДАНКОВСКІЙ.

ДАНКОВСКІЙ. Кажется, и вы, Дмитрій Алексѣевичъ, и вашъ другъ майоръ не очень довольны спасеніемъ собаки?.. Не сдѣлалъ ли я, въ самомъ-дѣлѣ глупость?...

КЛИНОВЪ. Большой промахъ сдѣлала, любезнѣйшій!... но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.... Теперь объясните мнѣ ваше дѣло.... съ своей стороны я гаранте обещаю вамъ сдѣлать все, что отъ меня зависить! *(Предлагаетъ стулъ Данковскому и садится рядомъ съ нимъ.)*

ДАНКОВСКІЙ. Я долженъ рассказать вамъ, Дмитрій Алексѣевичъ, цѣлую исторію....

КЛИНОВЪ. Готовъ охотно слушать....

ДАНКОВСКІЙ. И такъ, я начинаю первую часть... но предварительно, позвольте сдѣлать вамъ вопросъ: любители-вы общественныя городскія кареты?

КЛИНОВЪ. Нѣтъ, терпѣть не могу!

ДАНКОВСКІЙ. Также, какъ я!

КЛИНОВЪ. Лѣтомъ въ нихъ очень душно.... зимою холодно!

ДАНКОВСКІЙ. Вполнѣ согласенъ съ вами!.. Второй вопросъ: любите-ли вы, Дмитрій Алексѣевичъ, весеннюю грязь на улицахъ?

КЛИНОВЪ. Еще меньше люблю, чѣмъ общественныя кареты!

ДАНКОВСКІЙ. И въ этомъ случаѣ мы сошлись съ вами въ мнѣніяхъ! Несмотря на все это, общественная городская карета и весенняя грязь имѣютъ для меня въ одномъ случаѣ необычайную прелесть...

КЛИНОВЪ. Это любопытно!.. Что-жь это такое, какую прелесть?..

ДАНКОВСКІЙ. Давеча я вамъ сказалъ, что моя первѣйшая страсть — ночныя прогулки, при лунномъ свѣтѣ.... виноваты, я солгалъ.... у меня есть страсть, во сто разъ сильнѣе.... Эта страсть — ~~наши~~накая, до извѣстнаго размѣра, женская ножка!... Повѣрите-ли, когда я вижу хорошенькія ножки, обутыя въ граціозныя сапожки или башмачки.... я готовъ съ ума сойти.... готовъ смотрѣть и восхищаться ими всю жизнь!... Вы понимаете теперь, отъ чего общественныя кареты и петербургская грязь имѣютъ отчасти свою прелесть....

КЛИНОВЪ. Позвольте, отъ чего же?...

ДАНКОВСКІЙ. Отъ того именно, что ни въ какомъ другомъ случаѣ, вамъ не удастся увидѣть такъ ясно и привлекательно хорошенькую ножку! Перехода черезъ грязь и входя въ карету ^{первое} неизбежно

вмѣстѣ возвращались домой.... обѣдали со мною.... играли въ ерлашъ.... ужинали.... Словомъ, всегда и вездѣ были со мною!

КЛИНОВЪ. Но, наконецъ, встрѣтила ли вы свою соблазнительницу?...

ДАНКОВСКІЙ. Встрѣтилъ! Въ этомъ именно и заключается вторая часть моей исторіи!... Я встрѣтилъ ея на балу у откупщика Зѣвакина!

КЛИНОВЪ. У Ивана Ивановича!... Да вѣдь и я тамъ былъ!

ДАНКОВСКІЙ. Знаю!... Мы оба тамъ были!... Я долженъ вамъ сказать, что мое поведеніе на балахъ очень скромно!... Я принадлежу къ числу тѣхъ мужчинъ, которые помѣщаются обыкновенно въ залѣ, у стѣны, около дверей гостиной.... мы никогда не танцуемъ, но терпѣливо ожидаемъ подносовъ съ десертомъ и питьемъ, смотримъ въ лорнетъ на танцующихъ, восхищаемся изобрѣтеніями дамскихъ модъ, на основаніи которыхъ, по бальныхъ правиламъ, такъ привлекательно выкраиваются ляфы на платьяхъ... и разсуждая про себя о бальныхъ удовольствіяхъ, доискиваемся причинъ, по которымъ, вопреки скромности женскаго пола, дозволяется, исключительно на балахъ, такъ фамиліарно обращаться, даже самой невинной дѣвушкѣ, съ нашей братьей мужчинами!...

КЛИНОВЪ. Да, ужъ именно фамиліарно!...

ДАНКОВСКІЙ. Такимъ образомъ на балу у Зѣвакина я былъ на своемъ постѣ... Начали вальсъ.... (*Напѣвая вальсъ*) Тра, ла, ла....

КЛИНОВЪ. Что это за пѣсня?

ДАНКОВСКІЙ. Это не пѣсня, а вальсъ... и такъ.... начали вальсъ.... Я смотрѣлъ разсѣянно въ лорнетъ на эту волнующуюся толпу.... и удивлялся, изъ чего такъ хлопчатъ, такъ бѣснуются всѣ эти люди!... Какъ вдругъ... о чудо! о, восторгъ!... гляжу... и вижу... онѣ, да, онѣ, мои чудныя, очаровательныя ножки!... Онѣ, какъ двѣ бѣленькія мышкы выглядывали изъ волнъ газа и кружевъ... Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ! Еслибъ вы знали, что было со мною въ эту минуту!... Я готовъ былъ умереть въ эту минуту.... Но, какъ я ужъ вамъ сказалъ, что отъ радости не умираютъ....

КЛИНОВЪ. Позвольте.... вы мнѣ этого не говорили...

ДАНКОВСКІЙ. Не говорилъ?

КЛИНОВЪ. Нѣтъ!

ДАНКОВСКІЙ. Ну, такъ я теперь говорю.... И такъ.... (*Вспоминая*). На чемъ я остановился?

КЛИНОВЪ. Вы сказали, отъ радости не умираютъ!

ДАНКОВСКІЙ. Ну, видите, я вамъ это говорилъ!... вы забыли!...

Нѣсколько минутъ оставался я въ какомъ-то оцѣпененіи, точно какъ будто принялъ хлороформу.... и только тогда получилъ снова даръ слова, когда увидѣлъ, что моя очаровательная незнакомка прохаживается по залу съ другой дамой, которая составляла совершенный контрастъ.... (Спохватясь). То есть ... словомъ, она прохаживалась съ другой дамой!... Въ страхѣ, чтобъ опять не остаться въ неизвѣстности объ имени ея, я спросилъ моего сосѣда: кто эти дамы.... или вѣрнѣе, кто эти двѣ чудныя сальфиды?...

КЛИНОВЪ. Что-жъ онъ вамъ отвѣчалъ?

ДАНКОВСКІЙ. Извините.... конецъ второй части моего романа!

КЛИНОВЪ. Такъ стало, есть еще и третья....

ДАНКОВСКІЙ. Третья начата, но еще не окончена.... вотъ ея начало.... Терзаясь по прежнему безотраднѣйшей страстью къ моимъ очаровательнымъ ножкамъ, я переѣхалъ на лѣто въ Парголово, чтобы, хотя въ ночныхъ прогулкахъ и мечтахъ, развлечь мою тоску!... И вдругъ, на другой-же день моего переезда, я встрѣчаю здѣсь.... нѣтъ, описать восторга моего невозможно....

КЛИНОВЪ. Понимаю! вы встрѣтили опять свои ножки...

ДАНКОВСКІЙ. Вы угадали!... судите о моемъ счастьи!... но ужъ если счастье, говорить, повезетъ кому, такъ нѣтъ ему удержа!... Въ разговорѣ съ моимъ отцемъ, я какъ-то сказала вашу фамилію....

КЛИНОВЪ. А вы какъ узнали мою фамилію?

ДАНКОВСКІЙ. Сейчасъ объясню!... Я сказалъ батюшкѣ вашу фамилію.... Изъ дальнѣйшихъ развѣдываній оказалось, что вы его сослуживецъ...

КЛИНОВЪ. Подчиненный!...

ДАНКОВСКІЙ. Кончилось тѣмъ, что онъ одобрилъ мои предположенія и далъ мнѣ къ вамъ письмо ... оставалось только, найти какой-нибудь предлогъ, чтобъ явиться къ вамъ. .. но и тутъ судьба мнѣ помогла.... Надобно-же мнѣ было вытащить изъ воды вашу собаку....

КЛИНОВЪ. Ну, этого-бы и не нужно было....

ДАНКОВСКІЙ. И вотъ я у васъ.... и хоть вы сначала приняли меня не очень любезно....

КЛИНОВЪ. Ну, объ этомъ забудьте!... Теперь я въ нѣсколько минутъ полюбилъ васъ такъ, какъ мало кого люблю!... но дѣло не въ томъ.... Скажите: въ чемъ-же я могу быть вамъ полезенъ и къ чему ведетъ весь вашъ рассказъ.... о ногахъ?

ДАНКОВСКІЙ. Вотъ къ чему: когда на балу у Зѣвакина спросилъ я моего сосѣда о двухъ демахъ.... онъ отвѣчалъ мнѣ: одна изъ нихъ дочь, другъ я жена полковника Клинова!

шнѣй фуроръ въ свѣтъ!.. Чтѣ ни говорите, а хорошенькая жена важная вещь во многихъ случаяхъ!.. Одного только страшусь я... ну, какъ она вдругъ отправитъ меня... Нѣтъ, не можетъ быть... все мнѣ говорить, что неудачи быть не можетъ.. Вотъ ужъ цѣлую недѣлю я ухаживаю за нею по всѣмъ правиламъ благороднаго волокитства... встрѣчаюсь по десяти разъ въ день... и до-сихъ-поръ не замѣтилъ еще ничего худаго... Досадно только, къ чему она таскаетъ вездѣ съ собою свою жеманную матушку!.. Конечно... я не могу на нее пожаловаться... повидимому матушкѣ тоже очень прїятны встрѣчи со мною... потому-что она такъ умильно смотритъ всегда на меня... даже умильнѣе, чѣмъ дочь!.. Это, впрочемъ, и не удивительно!.. Пожилая дама всегда имѣетъ болѣе правъ на кокетство, чѣмъ молодая!.. Испытайте сами... При первой встрѣчѣ съ двумя дамами, пожилой и молоденькой, вставьте вотъ такимъ образомъ лорнетъ въ глаза и взгляните на нихъ вотъ такъ... посмѣйтесь и похвѣйте... Вы увидите иногда, что пожилая закатитъ или прищуритъ глаза и улыбнется... а молоденькая опуститъ глазки и хотя очень васъ замѣтитъ, но покажетъ, что не замѣчаетъ!.. Но все-таки я долженъ сказать, что эта матушка мнѣ много мѣшала! Не будь ея съ моей Анеттой... я давно бы ужъ съ ней заговорилъ!.. Сегодня, однакожъ, я рискнулъ... передалъ Анеттѣ, черезъ горничную, маленькую страстную записочку!.. Она такъ удачно написана, что должна непременно произвести эффектъ... Идутъ!.. (Очарашивается).

X.

ДАНКОВСКІЙ, КЛИНОВЪ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

КЛИНОВЪ. Любезнѣйшій Федоръ Васильевичъ! Рекомендую... моя жена и дочь!..

ДАНКОВСКІЙ (раскланиваясь). Медамъ!.. (Всторону). Она! она! мои очаровательныя ножки!

ЗУБКОВА (всторону). Это онъ!.. (Клинову). Ахъ, папаша, зачѣмъ вы меня не предупредили?.. Я такъ дурно одѣта!..

КЛИНОВЪ (Зубковой). Опять! Молчи ради Бога, и ни съ мѣста!.. (Вслухъ). Клавдюша! Аша! Рекомендую!.. Сынъ моего бывшаго начальника и благодѣтеля...

ДАНКОВСКІЙ. Федоръ Васильевичъ... Къ чему же тутъ влетѣть батюшку?.. (Всторону). О, ножки! ножки!..

КЛИНОВЪ. Правда!.. Вы въ этомъ не нуждаетесь!.. Клавдюша! Аша!.. Хотя онъ и сынъ моего командира и благодѣтеля... слѣдовательно, по одному ужъ этому, мнѣ слѣдуетъ любить его какъ роднаго... но несмотря на то, я долженъ сознаться, что будь онъ хоть сынъ дворника и въ такомъ случаѣ я полюбилъ бы его не меньше... потому-что онъ вполнѣ того достоинъ... И такъ, оставляю васъ съ нимъ... (*Тихо Данковскому*). Я не хочу вамъ мѣшать... (*Волухъ*). Занимайте его... а что до него касается, такъ ужъ я увѣренъ, что онъ васъ займетъ... и... ну, да вотъ увидите сами... (*Тихо Данковскому*). Только я уйду, катайте прямо... Я увѣренъ напередъ, что отказа не будетъ... (*Вслухъ*). Извините, любезнѣйшій... я пойду немного прогуляюсь... спина что-то побаливаетъ... нуженъ моціонъ!.. (*Клавдію*). Помогай имъ Клавдюша!.. (*Зубковой*). Если ты не согласишься на то, о чемъ онъ будетъ говорить... берегись!..

ЗУБКОВА (*всторону*). Боже мой! неужели!.. Какой восторгъ!..

КЛИНОВЪ. До свиданія же!.. Я не загуляюсь!.. Федоръ Васильевичъ! будьте какъ дома!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

XI.

ДАНКОВСКІЙ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

ДАНКОВСКІЙ. Медамъ!.. Гмъ!.. Дмитрій Алексѣевичъ такъ много наказывалъ вамъ обо мнѣ хорошаго, что я начинаю уже бояться, съумѣю ли оправдать его рекомендацію...

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). Ахъ, помилуйте... конечно...

ДАНКОВСКІЙ. Не знаю, много ли во мнѣ достоинствъ... но, по крайней-мѣрѣ, въ одномъ я могу безъ самолюбія сознаться... это откровенность...

ЗУБКОВА. Ахъ, что можетъ быть милѣе откровенности!

ДАНКОВСКІЙ (*Всторону*). До-сихъ-поръ отвѣчаетъ одна матушка, а дочка только улыбается... (*Вслухъ*). Поэтому, позвольте мнѣ говорить съ вами, медамъ, безъ церемоній, какъ давнишнему знакомому... Я смѣю думать, что лицо мое вамъ несомнѣнъ незнакомо...

ЗУБКОВА. Да... дѣйствительно... лицо ваше мнѣ очень знакомо...

КЛАВДІЯ (*всторону*). Да... мы его видѣли, по-крайней-мѣрѣ, разъ сто въ эту недѣлю!..

ДАНКОВСКІЙ (*всторону, взглянувъ на Клавдію*). Боже мой! какъ она хороша! а ножки! ножки!..

КЛАВДІЯ (всторону). Это забавно!.. Онъ принимаетъ Анетту за мою мать а меня за дочь!.. И Анетта такъ самолюбива, что не догадывается?..

ДАНКОВСКІЙ (всторону). Кажется, матушка прескромная и предобрая женщина!.. Немного глаза закатываетъ... Ну, да это ничего!.. *(Вслухъ).* Немудрено, впрочемъ, медамъ, что вы такъ часто встрѣчали меня здѣсь... Я парголовскій житель...

КЛАВДІЯ. А! вы живете въ Парголовѣ?..

ДАНКОВСКІЙ (всторону). Первое слово! Что за голосокъ!.. *(Вслухъ).* Да-съ, я живу въ Парголовѣ.. Но это ничего не значить... живи я въ Китаѣ... и тогда-бы я всякій день былъ здѣсь, для того только, чтобъ имѣть счастье встрѣчаться съ вами!..

ЗУБКОВА (тихо Клавдію). Слышите, мамаша!.. Ахъ, какой онъ милашка!..

ДАНКОВСКІЙ. Васъ удивляютъ, быть-можетъ, мои слова, медамъ... но что дѣлать... я не въ силахъ болѣе скрывать моихъ чувствъ... Они извѣстны уже Дмитрію Алексѣевичу... пусть же будутъ извѣстны и супругъ его и дочери!.. Вы видите, медамъ, предъ собою страдальца, котораго счастье зависитъ отъ одного только слова...

ЗУБКОВА. Отъ одного моего слова?

ДАНКОВСКІЙ (всторону). Этотъ отвѣтъ мнѣ пріятнѣе было бы слышать отъ дочки, чѣмъ отъ матушки... *(Вслухъ).* Эти частыя встрѣчи должны уже были служить доказательствомъ, что я...

ЗУБКОВА. Да.. я вспомнила... Мы очень часто васъ встрѣчали!..

ДАНКОВСКІЙ (всторону). Матушка-то очень замѣчательна!.. Ничего не скроешь отъ нея!.. *(Вслухъ, обращаясь къ Клавдію).* Поэтому, я ослѣблелъ сегодня утромъ вручить вашей горничной!..

ЗУБКОВА. Письмо!.. Мы его получили!..

ДАНКОВСКІЙ (Зубковой). Вы получили его!..

ЗУБКОВА (Зубкова опуская глаза). Да!.. *(Клавдію тихо).* Ахъ, мамаша! слышите!..

КЛАВДІЯ (всторону). Если я не вступлю въ разговоръ... Она себя окопирометируетъ!.. *(Вслухъ).* Это письмо получила а!..

ДАНКОВСКІЙ. Вы!.. и вы его прочли?..

ЗУБКОВА. Прочли!..

ДАНКОВСКІЙ (всторону). Она показала мое письмо матушкѣ!.. Не хорошо!.. а должно еознаться, что это доказываетъ необыкновенную въ ней нравственность!..

КЛАВДІЯ (всторону). Надо ему все открыть... *(Вслухъ).* Я должна васъ предупредить!..

ДАНКОВСКИЙ (*вслухъ Зубковой*). Позвольте... я смѣю думать, что письмо мое не могло принести вамъ неприятности...

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). О, нѣтъ... нисколько...

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Къ чему же это матушка все закатываетъ глаза!.. Какая скверная привычка...

КЛАВДІЯ. Но я должна вамъ сказать, что я...

ДАНКОВСКИЙ. Неужели оно васъ оскорбило?.. О, если это такъ... не сердитесь на меня... Клянусь, чтобъ искупить мою вину, я готовъ выпустить изъ жель моихъ всю кровь... ту самую кровь, которая такъ еще недавно пролита уже была для вашего семейства!

ЗУБКОВА. Вы были ранены на дуэли?

ДАНКОВСКИЙ. Нѣтъ-съ, я былъ укушенъ!...

ЗУБКОВА и КЛАВДІЯ. Укушены?

ДАНКОВСКИЙ. Да... собакой... вашей собакой!...

КЛАВДІЯ. Амнишкой?...

ЗУБКОВА (*всторону*). О, скверная собака!

КЛАВДІЯ. Неужели онъ живъ? Ради Бога! скажите, гдѣ же онъ?

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Посмотрите, пожалуйста, какъ у ней разгорѣлись глазенки!... (*Вслухъ*). Вы спрашиваете гдѣ онъ?...

КЛАВДІЯ. Ахъ, говорите же!...

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Матушка любитъ собакъ... дѣла терпѣть не можетъ... надо въ этомъ тонѣ и отвѣчать... (*Вслухъ*). Я уже имѣлъ честь сказать вамъ, мадамъ, что откровенность составляетъ лучшую черту моего характера... и потому... прежде чѣмъ вы услышите отъ меня положительный отвѣтъ на вашъ вопросъ... я долженъ съ полною откровенностью предупредить васъ... что я... (*Тихо Зубковой*). Безъ ума люблю собакъ!... (*Тихо Клавдіи*). Терпѣть не могу собакъ!

КЛАВДІЯ. Неужели!

ДАНКОВСКИЙ. Теперь извольте выслушать... три дня тому назадъ, я нашелъ вашего Амнишку посреди здѣшняго озера... съ огромнымъ камнемъ на шеѣ... Послѣ непродолжительной борьбы, которая оставила кровавые слѣды на моемъ плечѣ, я имѣлъ счастье... (*Тихо Зубковой*). Вытащить его изъ воды невредимымъ... (*Тихо Клавдіи*). Утопить его окончательно!

КЛАВДІЯ (*всторону*). О, ужасъ! онъ утопилъ моего Амнишку!... Хорошо-же! я жестоко отплачу ему за это!... Пусть онъ женится на своей Аннетъ... пусть погибаетъ самъ!.. я не буду ему мѣшать!

ДАНКОВСКИЙ (*Зубковой*). Но Амнишку всторону!.. Выслушайте меня, ради Бога, и не откажите въ просьбѣ несчастнаго страдальца!.. Я сознался во всемъ Дмитрію Алексѣевичу... онъ принялъ съ удоволь-

ствіемъ мое предложеніе и видимо тронуть былъ чувствами моего сердца... (*Клавдія*). Тѣми самыми чувствами, которыя я осмѣлился такъ подробно и пламенно описать въ сегодняшнемъ моемъ письмѣ... Теперь одно только слово изъ вашихъ прелестныхъ устъ — и я буду счастливѣйшій изъ смертныхъ!...

ЗУБКОВА (*всторону*). Бѣдняжка!... какія любезности онъ ей говорить... и все это для меня!...

КЛАВДІЯ. Воля отца для меня законъ!... и мнѣ бы должно было безпрекословно повиноваться его желанію... но...

ДАНКОВСКІЙ. Неужели есть препятствіе?...

КЛАВДІЯ. Я боюсь... чтобъ вы сами въ-послѣдствіи не раскаялись!

ДАНКОВСКІЙ. Никогда!... клянусь!...

ЗУБКОВА. Ахъ, не клянитесь... клятвы опасны... сколько мужчинъ...

ДАНКОВСКІЙ. Я изъ нихъ выродокъ!.. я самый постоянный человекъ въ моихъ чувствахъ! (*Зубковой*). Не терзайте-же меня... согласитесь..

ЗУБКОВА. Ахъ, еслибъ вы знали, чего отъ меня требуется... это тоже, что взять мою жизнь... мою душу...

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Предобрѣйшая мать!... (*Вслухъ Зубковой*). Повѣрьте, я понимаю ваши чувства... и клянусь оправдать ихъ вполнѣ на дѣлѣ!... скажите, у васъ не было сыновей?...

ЗУБКОВА (*съ удивленіемъ и конфузно*). Нѣтъ... не было...

ДАНКОВСКІЙ (*съ чувствомъ*). Не было!.. о, согласитесь же на мою просьбу!... согласитесь, — и у васъ будетъ сынъ!... повѣрьте, судьба васъ наградитъ самымъ почетнымъ сыномъ...

ЗУБКОВА (*всторону*). Что это за глупость пришла ему въ голову!..

ДАНКОВСКІЙ. Ради Бога! не лишайте меня этой надежды... умоляю васъ на колѣняхъ! (*Становится предъ Зубковой на колѣна. Въ эту минуту выглядываетъ изъ среднихъ дверей Гороховъ, который, увидя положеніе Данковского, тотчасъ же снова скрывается*).

КЛАВДІЯ (*всторону*). Я едва удерживаюсь отъ смѣха!...

ЗУБКОВА. Ахъ, встаньте, пожалуйста!...

ДАНКОВСКІЙ. Если вамъ угодно... я повинуюсь... но не мучьте же меня болѣе... скажите, согласны ли вы составить мое счастье?...

ЗУБКОВА (*конфузно, опускаетъ глаза*). О, да!... согласна вполнѣ!..

ДАНКОВСКІЙ. Ахъ!... какъ васъ благодарить!.. (*Цѣлуетъ ея руку, всторону*). Для чего жъ она жмуритъ глаза?... (*Вслухъ Клавдіи*). Теперь я жду вашего отвѣта... въ рукахъ вашихъ моя участь!...

КЛАВДІЯ. Я сказала уже вамъ мой отвѣтъ... воля отца — для меня законъ... если онъ согласенъ на этотъ бракъ, — согласна и я!

ДАНКОВСКИЙ. Вы возвращаете мнѣ жизнь!... (*Цѣлуя ея руку, сторону*). О, ножки, ножки! вы мои!

ЗУБКОВА (*в сторону*). Какое блаженство! я буду его женою!

КЛАВДІЯ (*в сторону*). Пускай женится на Аннетѣ!... Этотъ бракъ будетъ мщеніемъ ему за смерть моего Амшкы!... (*Вслушь*). Извините насъ... мы должны заняться хозяйствомъ... (*Тихо Зубковой*). Пойдемте, Аннета ..

ЗУБКОВА (*тихо Клавдіи*). Вы ужъ насъ разлучаете!... какія вы жестокія...

КЛАВДІЯ (*тихо ей*). Пойдемте, не ловко-же вамъ оставаться съ нимъ вдвоемъ... (*Особо*). Она все дѣло испортитъ!...

ДАНКОВСКИЙ. Вы оставляете меня!...

ЗУБКОВА. Не надолго!... (*Со вздохомъ*). Ахъ!... до свиданія. Осдоръ Васильевичъ!...

ДАНКОВСКИЙ (*клянясь*). До скораго свиданія!...

(*Клавдія и Зубкова уходятъ въ дверь направо. Зубкова, уходя, оборачивается нѣсколько разъ и бросаетъ нѣжные взгляды на Данковскаго.*)

XII.

ДАНКОВСКИЙ ПОТОМЪ ГОРОХОВЪ.

ДАНКОВСКИЙ (*въ восторгѣ*). Я счастливъ, счастливъ совершенно!... Одно только не хорошо... батюшка дубоватъ, а матушка такая кокетка, что изъ рукъ вонъ!... Ну, да увидимъ... мы ихъ какъ разъ и по боку!..

ГОРОХОВЪ (*выглядывая въ среднюю дверь*). А! наконецъ, онъ одинъ!... (*Подходя къ Данковскому и удара его по плечу*). Милостивый государь!...

ДАНКОВСКИЙ. А! это вы!

ГОРОХОВЪ. Да-съ, нѣкоторымъ образомъ, я! то-есть, отставной маіоръ Гороховъ!...

ДАНКОВСКИЙ. Очень радъ!...

ГОРОХОВЪ. Радоваться нечему!... Дѣло не въ томъ... я думаю, вы, нѣкоторымъ образомъ, слышали не разъ отъ своего почтеннаго батюшки о моемъ характерѣ...

ДАНКОВСКИЙ. Нѣтъ... къ несчастію, или къ счастью, ничто не слышалъ...

ГОРОХОВЪ. Ну, такъ, вы теперь узнаете по нѣкоторымъ происшествіямъ мой характеръ.

ДАНКОВСКІЙ. Къ чему-жъ это?...

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидите...

ДАНКОВСКІЙ. Я, впрочемъ, не любоньтень!

ГОРОХОВЪ (*горячо*). Нѣтъ-съ! вы должны, нѣкоторымъ образомъ, это знать...

ДАНКОВСКІЙ. А! долженъ!... ну, такъ я васъ слушаю, нѣкоторымъ образомъ!

ГОРОХОВЪ. Прежде всего вы должны знать, что я закаленный человекъ въ бою... Я имѣлъ честь свершить турецкую и польскую компанію...

ДАНКОВСКІЙ. Это вамъ приносить честь.

ГОРОХОВЪ. Страху во мнѣ нѣтъ вотъ ни на столько! (*Показываетъ часть мизинца*). Будь смерть предъ самымъ носомъ,—я, нѣкоторымъ образомъ, и не вздрогну!... и не мигну!

ДАНКОВСКІЙ. Это, нѣкоторымъ образомъ, приносить вамъ еще больше чести!

ГОРОХОВЪ. Но я не хочу хвастаться предъ вами моею службою... Спросите батюшку вашего... онъ вамъ, нѣкоторымъ образомъ, лучше это объяснить... я намѣренъ только рассказать вамъ два случая изъ моей жизни...

ДАНКОВСКІЙ. Если ужъ вамъ пришла такая охота рассказывать,—такъ рассказывайте, только поскорѣе... мнѣ некогда!

ГОРОХОВЪ. Первый случай былъ въ 1827 году... я хотѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, жениться на дочери одного кушца!...

ДАНКОВСКІЙ. По любви, или по расчету?

ГОРОХОВЪ. Этого вамъ не нужно знать... Я ужъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, сосватанъ, какъ вдругъ въ одинъ день получилъ отъ родителя невѣсты письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что, по нѣкоторымъ причинамъ, никакъ не можетъ отдать за меня своей дочери.

ДАНКОВСКІЙ. Какое несчастіе!

ГОРОХОВЪ. Несчастія тутъ вовсе не было... я узналъ послѣ, что она была, нѣкоторымъ образомъ, прекапризная дѣвчонка...

ДАНКОВСКІЙ. Ну, такъ что же?

ГОРОХОВЪ. Это обстоятельство только ударило меня и взволновало мою кровь!.. Я бросился разыскивать о причинахъ отказа... и, наконецъ, узналъ, что меня очернилъ одинъ... какъ... какъ бы вамъ сказать... ну, словомъ... этакая, знаете, приказная строка...

ДАНКОВСКІЙ. А!... чѣмъ же кончилось?

ГОРОХОВЪ. Кончилось тѣмъ, что я отправился къ этому негодяю и оставилъ ему, нѣкоторымъ образомъ, на память....

ДАНКОВСКІЙ. И онъ ничего?...

ГОРОХОВЪ. Зная мой характеръ, не осмѣлился, нѣкоторымъ образомъ, и пожаловаться...

ДАНКОВСКІЙ. Этотъ человекъ, должно-быть, дорожилъ, нѣкоторымъ образомъ, своей честью!...

ГОРОХОВЪ. Другой подобный же случай былъ въ 1832 году...

ДАНКОВСКІЙ. Если подобный же.. такъ лучше не рассказывайте... довольно одного...

ГОРОХОВЪ. Но я, нѣкоторымъ образомъ, хочу!

ДАНКОВСКІЙ. А я, нѣкоторымъ образомъ, не хочу васъ слушать!... вѣдь кончилось, я думаю, тѣмъ же?...

ГОРОХОВЪ. Еще хуже!... Другой мошенникъ пролежалъ у меня три мѣсяца въ постели...

ДАНКОВСКІЙ. Отлично! Надобно правду сказать, вамъ попалась подъ руку все благородные люди!

ГОРОХОВЪ. А вы бы что сдѣлали на ихъ мѣстѣ?..

ДАНКОВСКІЙ. Не знаю... смотря по обстоятельствамъ... можетъ-быть, убилъ бы васъ за одно даже намѣреніе сдѣлать мнѣ оскорбленіе... а можетъ-быть, просто, захохоталъ бы надъ вашими угрозами...

ГОРОХОВЪ. И вы бы, нѣкоторымъ образомъ, осмѣлились?...

ДАНКОВСКІЙ. Не только нѣкоторымъ образомъ, но положительно бы осмѣлился!.. Дѣло, впрочемъ, не въ томъ .. По моему мнѣнію, всякій рассказъ долженъ вести къ какой-нибудь дѣли... объясните же мнѣ, къ чему ведутъ ваши рассказы?...

ГОРОХОВЪ. Вы это сію минуту узнаете... Скажите... правда ли, что вы хотите жениться на дочери нашего полковника?

ДАНКОВСКІЙ. То есть, на дочери Дмитрія Алексѣевича?... не скрываю отъ васъ, правда!

ГОРОХОВЪ. Но извѣстно ли вамъ, что я самъ, нѣкоторымъ образомъ, намѣренъ на ней жениться?...

ДАНКОВСКІЙ. Слышалъ отчасти...

ГОРОХОВЪ. Такъ какъ же вы смѣете отбивать ее у меня?

ДАНКОВСКІЙ. А развѣ это запрещено?

ГОРОХОВЪ. Вы и я — большая разница....

ДАНКОВСКІЙ. Кажется!

ГОРОХОВЪ. Вотъ уже четвертый годъ, какъ я называюсь, нѣкоторымъ образомъ, ея женихомъ...

ДАНКОВСКІЙ. А я минутъ десять...

ГОРОХОВЪ. Я не позволю ее отбивать у меня первому встрѣчному...

ДАНКОВСКІЙ. Позвольте.. первый встрѣчный въ этомъ случаѣ вы; по времени выходитъ, что вы первый, четырехлѣтній ея женихъ, а я ужъ второй, десятиминутный!

ГОРОХОВЪ. Милостивый государь! остерегитесь, нѣкоторымъ образомъ!.. Припомните только мои два происшествія.

ДАНКОВСКІЙ. А вы припомните басенку: «попрыгунья стрекоза глѣто цѣлое пропѣла»...

ГОРОХОВЪ. А для чего это?

ДАНКОВСКІЙ. Да для того, что не позднею ли вы задумали?.. Для васъ, кажется, наступила уже зимняя пора.

ГОРОХОВЪ. Не вамъ объ этомъ разсуждать... я знаю лучше васъ, способенъ ли я быть мужемъ Анны Дмитріевны, или нѣтъ!

ДАНКОВСКІЙ. Не спорю!.. но ужъ я вамъ никакъ не уступлю ее!

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидимъ!.. Я скажу вамъ только одно... если вы сегодня не оставите своего намѣренія... такъ завтра...

ДАНКОВСКІЙ. Что?

ГОРОХОВЪ. Вотъ увидите, что я завтра сдѣлаю съ вами!

ДАНКОВСКІЙ. Не на дуэль-ли вызовете?

ГОРОХОВЪ. Да хоть на дуэль, чортъ возьми! если на то пойдетъ!

ДАНКОВСКІЙ. Этимъ меня не испугаете! Вы слышали, что я давеча сказалъ Дмитрію Алексѣевичу?

ГОРОХОВЪ. Что?

ДАНКОВСКІЙ. Чтобъ еслибъ я не воздерживался, такъ давно бы, за его любезности, обрубилъ бы ему уши, или прострѣлялъ бы лобъ!... Но я увѣренъ, что у насъ до дуэли не дойдетъ!

ГОРОХОВЪ. А вотъ увидимъ!

ДАНКОВСКІЙ. Увидимъ!...

ГОРОХОВЪ. Только я совѣтую вамъ поразсудить, нѣкоторымъ образомъ, объ этомъ дѣлѣ...

ДАНКОВСКІЙ. И я вамъ совѣтую тоже, нѣкоторымъ образомъ!..

ГОРОХОВЪ. Я отъ своего намѣренія не отступлюсь!

ДАНКОВСКІЙ. И я отъ своего не отступлюсь!

ГОРОХОВЪ. Берегитесь! я становлюсь, нѣкоторымъ образомъ, тигромъ, когда меня раздражитъ!

ДАНКОВСКІЙ. А я, нѣкоторымъ образомъ, гіенной!

ГОРОХОВЪ. Милостивый государь!

ДАНКОВСКІЙ. Что, г. маіоръ?

ГОРОХОВЪ. Я жду только до завтрашняго утра!...

ДАНКОВСКІЙ. Ждите сколько хотите!...

ГОРОХОВЪ (*идя къ средней двери*). Завтра я покажу вамъ себя!

ДАНКОВСКІЙ. Пожалуй, и я покажу вамъ себя!...

ГОРОХОВЪ. Я, нѣкоторымъ образомъ, раздѣляюсь съ вами!

ДАНКОВСКІЙ. Хорошо! прощайте!

ГОРОХОВЪ. Берегите свои уши!

ДАНКОВСКІЙ. Берегите свой носъ!

(*Гороховъ уходитъ въ сильномъ гнѣвѣ въ среднюю дверь*).

XIII.

ДАНКОВСКІЙ *однѣ*

Этотъ господинъ, съ своимъ нѣкоторымъ образомъ, надѣлъ мнѣ до смерти!... Туда же, вздумалъ жениться на моей Аннеттѣ!... Да ему ли обладать такими чудесными ножками!... Онъ и цѣны то имъ вовсе не знаетъ! Нѣтъ, ужъ теперь ее у меня никто не отобьетъ; я готовъ биться за нее съ цѣлымъ свѣтомъ... Меня никто не испугаетъ!...

XIV.

ДАНКОВСКІЙ, КЛИНОВЪ.

КЛИНОВЪ. Ей! Козминъ! цозови мнѣ скорѣе Клавдюшиньку и Ашѣ!

ДАНКОВСКІЙ (*подбѣгая къ нему*). Дмитрій Алексѣевичъ! я счастливѣйшій изъ смертныхъ!...

КЛИНОВЪ. Ну, что?

ДАНКОВСКІЙ. И Анна Дмитріевна и супруга ваша согласны!

КЛИНОВЪ. Видите!... не правду-ли я говорилъ.

ДАНКОВСКІЙ. Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ!... Наконецъ, эти ножки-то-есть... Анна Дмитріевна будетъ моею!... Мечты мои осуществились... и вы... и вы будете моимъ отцомъ...

КЛИНОВЪ (*разчувствовавшись*). Дѣйствительно... счастливѣйшая минута въ жизни!... Могъ ли я думать, могъ ли ожидать, чтобъ сынъ моего командира и благодѣтеля сдѣлался моимъ сыномъ!... вотъ что значить судьба!... Какъ подумаю только, что вашъ батюшка Василій Федоровичъ будутъ моимъ своякомъ... повѣрите ли... (*Увидя входящихъ Клавдію и Зубкову*). Идите, идите сюда скорѣе!.. Клавдюша, Аша, сюда, ко мнѣ!...

ТѢМЪ, КЛАВДІЯ. ЗУБКОВА.

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Не могу налюбоваться на эти чудныя ножки! ..

КЛИНОВЪ (*тихо Клавдію*). Ну, что? каковъ молодецъ? Не правда-ли, чудо что такое! (*Клавдія улыбается. Тихо Зубковой*). А тебѣ я и не спрашиваю!... ужь вѣрно нравится?

ЗУБКОВА (*тихо Клинову*). Ахъ, папаша! Очень! до чрезвычайности!... Я, просто, безъ ума!.. вотъ вы все меня бранили, зачѣмъ я нейду за этого старого ..

КЛИНОВЪ. Ну, ну! молчи!...

ДАНКОВСКІЙ (*Зубковой*). Вотъ счастливѣйшій день въ моей жизни!

ЗУБКОВА (*закатывая глаза*). Ахъ! и для меня тоже!...

ДАНКОВСКІЙ (*всторону*). Опять закатила глаза... (*Вслухъ Клинову*). Дмитрій Алексѣевичъ! рѣшите же мою судьбу!... Не откладывайте дѣла въ долгій ящикъ!

КЛИНОВЪ. Именно! незачѣмъ откладывать! Я этого терпѣть не могу!... (*Торжественно*). Ѳедоръ Васильевичъ!... подведите ко мнѣ мою дочь!...

ДАНКОВСКІЙ (*пройдя мимо Зубковой, и не замѣчая, что она протянула ему руку, подходитъ къ Клавдію*).

ЗУБКОВА (*всторону*). Что жъ это онъ прошелъ мимо меня?

КЛИНОВЪ. Что вы дѣлаете?.. Я говорю, подведите ко мнѣ дочь...

ДАНКОВСКІЙ (*стоя подлѣ Клавдіи*). Да... я и хочу... (*Протягиваетъ ей руку*).

КЛИНОВЪ. Да вы отъ радости, кажется, ничего не видите!.. Я васъ прошу подвести ко мнѣ дочь, а не жену мою!..

ДАНКОВСКІЙ (*озадаченный*). Что!.. жену!..

КЛАВДІЯ (*Данковскому*). Того, кто утопилъ любимую мою собаку, — я могу только ненавидѣть!..

ДАНКОВСКІЙ (*про себя, съ отчаяньемъ*). Что я слышу! она...

КЛАВДІЯ (*также*). Вы, кажется, ошиблись немного... Аннета ва-ша тамъ... а я... я небольшое, какъ ея мачиха!..

ДАНКОВСКІЙ (*стоя истуканомъ и ударя себя въ лобъ*). Мачиха!..

ЗУБКОВА (*Клинову*). Папаша! Что-жъ онъ не подходитъ ко мнѣ?..

КЛИНОВЪ. Да что съ нимъ, въ-самомъ-дѣлѣ?.. Ѳедоръ Васильичъ! Что-жъ вы не подводите ко мнѣ дочь?.. (*Взявъ за руку Зубкову*). Аша! подойди хоть ты къ нему... (*Подводитъ къ нему Зубкову*).

ДАНКОВСКІЙ (*съ крикомъ*). Не подходите!..

КЛИНОВЪ. Что съ вами?

ДАНКОВСКІЙ (плачущимъ тономъ). Погибъ невозвратно! (Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками).

ЗУБКОВА. Папаша! ему дурно!..

КЛИНОВЪ. Ну что тамъ еще!.. Отъ чего тутъ быть дурноты?

ЗУБКОВА. Постойте, я ему дамъ понюхать спирту!.. (Вытучивъ изъ кармана небольшую стеклянку, подноситъ ее къ носу Данковскаго).

КЛАВДІЯ (всторону). Бѣдняжка! мнѣ ужъ его жаль!.. Кажется, я ужъ черезъ-чуръ долго его мистифировала!

ДАНКОВСКІЙ (вскакивая со стула). Прочь! (Вышибаетъ изъ рукъ Зубковой стеклянку).

ЗУБКОВА (отскакивая отъ него). Ай!..

ДАНКОВСКІЙ (разразившись хохотомъ). Ха, ха, ха, ха!.. Вотъ штуку-то удралъ! Вотъ тебѣ и ножки!

ЗУБКОВА (съ крикомъ). Ай! онъ съ ума сошелъ!

КЛИНОВЪ (съ испугомъ). Вздѣлся!.. Неужели!.. Неужели предчувствія мои сбылись!.. (Подходя осторожно къ Данковскому). Федоръ Васильичъ! взгляните на меня... (Данковскій глядитъ на него выпуча глаза). Батюшки! глаза такъ и лезутъ вонъ!.. Совершенно, какъ у моего Гектора!

ДАНКОВСКІЙ (мрачно). У какого Гектора?..

КЛИНОВЪ. Позвольте... не подходите ко мнѣ ближе... Ахъ! Клавдіюша!.. Подальше отъ него!..

ДАНКОВСКІЙ (про себя). Вотъ положеніе!.. Или женюсь на этой Ашѣ... или...

КЛИНОВЪ. Федоръ Васильичъ!.. Вы давеча говорили, что васъ укусаго Амшшка?..

ДАНКОВСКІЙ. Да, до крови, въ лѣвое плечо!

КЛИНОВЪ. А прижигалъ-ли докторъ вамъ укушенное мѣсто?

ДАНКОВСКІЙ. Нѣтъ! оно и теперь еще не зажило!..

КЛИНОВЪ (съ испугомъ). Бѣда!.. Клавдіюша!.. Какъ ты полагаешь... здоровъ былъ твой Амшшка, когда пропалъ?..

КЛАВДІЯ. Право не знаю...

КЛИНОВЪ. Она не знаетъ... не я знаю положительно... Конечно!

ДАНКОВСКІЙ (смотря на него пристально). Что кончено?

КЛИНОВЪ (крича). Не подходите ко мнѣ!

ДАНКОВСКІЙ. Отчего.

КЛИНОВЪ. Оттого, что вы.... Нѣтъ, постойте.... сейчасъ я

узнаю навѣрное.... (*Наливаетъ въ стаканъ воды и подноситъ его Данковскому*) Пейте!

ДАНКОВСКІЙ. Не хочу!

КЛИНОВЪ. Не хотите?...

ДАНКОВСКІЙ. Не хочу!

КЛИНОВЪ. Вамъ противна вода?

ДАНКОВСКІЙ. Противна!

КЛИНОВЪ. Конечно! онъ взбѣшенъ!... Амишка былъ взбѣшенъ.... укусилъ его, и теперь онъ самъ взбѣсился!.. (*Схвативъ за руку Клавдію и Зубкову*) Прочь отъ него! вонъ отсюда! Онъ насъ всѣхъ перекусаетъ!.. Надо позвать людей .. или, лучше всего откомандируемъ къ нему Андрея Никитича!...

ЗУБКОВА. Папаша! неужели онъ....

КЛИНОВЪ. Ня слова! онъ тебя укуситъ! Ты сама какъ разъ взбѣсись!...

ЗУБКОВА. Ай! какія страсти!... (*Бѣжитъ въ дверь направо. Клиновъ съ Клавдіей убѣгаетъ за ней и замыкаетъ изнутри дверь на замокъ*).

XVI.

ДАНКОВСКІЙ, одинъ.

Я взбѣшенъ!... Да, действительно, я взбѣшенъ, только не отъ того, что меня укусила эта собаченка, но отъ моей несчастной ошибки!... О, ножки!.. о, мои очаровательныя ножки!... Прощайте! прощайте навсегда! Счастье жестоко меня надуло!... Она замужемъ!.. А я воображалъ... но неужели же мнѣ должно жениться на этой разрумяненной чучелѣ?... Нѣтъ ни за что! Вѣдь она, по-крайней-мѣрѣ, десятью годами старше меня и ужъ одними этими закатываньями глазъ противна мнѣ до невѣроятности!... Но какъ же я вышутаюсь изъ этой исторіи?... Если объяснить все старику.... бѣда! выйдетъ такая катавасія что упаси Боже!... Я удивляюсь только, какъ подобные старики, какъ этотъ Дмитрій Алексѣичъ, у котораго дочь чуть-чуть не приходится мнѣ матерью по лѣтамъ!... Конечно! они считаютъ меня бѣшеннымъ... дамъ тягу, да и только!.. Пусть думаютъ что хотятъ!.. Прощай, моя очаровательница!... Долго я тебя не забуду.... по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не встрѣчу другихъ такихъ ножекъ!.. А быть-можетъ.... кто знаетъ? Онъ старъ.... (*Прислушивая*) Кто-то идетъ!... Улизнемъ же скорѣе!... (*Бѣжитъ къ средней двери и встрѣчается съ Горюховымъ*).

XVII.

ДАНКОВСКИЙ и ГОРОХОВЪ.

ГОРОХОВЪ. Куда?

ДАНКОВСКИЙ. Не мѣшайте, мнѣ некогда!

ГОРОХОВЪ. Раздумали-ли вы, нѣкоторыхъ образомъ, о томъ, что я давеча говорилъ?

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*) какая мысль! (*Вслушь*). Раздумалъ! струсилъ! и удаляюсь навсегда отъ вашей Анны Дмитриевны!

ГОРОХОВЪ. Неужели?

ДАНКОВСКИЙ. Дѣйствительно!... Я увидѣлъ, что мнѣ связываться съ вами не приходится!...

ГОРОХОВЪ. Ага! нѣтъ, батюшка, я, нѣкоторымъ образомъ, никому спуску не дамъ!..

ДАНКОВСКИЙ. Женитесь на своей прелестной Аннѣ Дмитриевнѣ, и будьте счастливы, сколько возможно.... Я какъ поразсудилъ, такъ удивлялъ, что она больше пара вамъ, чѣмъ мнѣ!

ГОРОХОВЪ. Разумѣется! и по лѣтамъ, нѣкоторымъ образомъ, такъ выходить!...

ДАНКОВСКИЙ. Полковника я больше не увижу, такъ ужъ вы трудитесь сказать ему, что я уступилъ вамъ поле сраженія.... и что переѣзжаю даже сегодня совсѣмъ изъ Парголова!

ГОРОХОВЪ. Скажу непременно!...

ДАНКОВСКИЙ. Прощайте же....

ГОРОХОВЪ. Позвольте.... такъ выходить, что вы давеча храбры были только на словахъ!

ДАНКОВСКИЙ (*принужденно*). Да!

ГОРОХОВЪ. Такъ выходить, нѣкоторымъ образомъ, что вы трусь?

ДАНКОВСКИЙ (*также*). Да!

ГОРОХОВЪ. Гмъ! (*Садится на стулъ и оборачивается къ нему спиною*).

ДАНКОВСКИЙ (*всторону*). Каково я унизилъ себя!... Послѣ этого можете судить, какъ противна мнѣ эта настоящая Анна Дмитриевна!... Ну, пускай они что хотятъ обо мнѣ думаютъ!... Даже она!.. По крайней-мѣрѣ, она пойметъ, что во мнѣ не совсѣмъ еще погасла искра нравственности, хоть эта добродѣтель отчасти очень шатка въ нашей братѣ....

ГОРОХОВЪ (*оборотясь*). Вы еще здѣсь!

ДАНКОВСКИЙ (*оборотясь къ двери направо, со вздохомъ*). Прощай!.. прощайте, мои чудныя ножки!... теперь давай Богъ ноги (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

XVIII.

ГОРОХОВЪ, потомъ КЛИНОВЪ, КЛАВДІЯ и ЗУБКОВА.

ГОРОХОВЪ (одинъ). Шематомъ, трусь! и, нѣкоторымъ образомъ, больше ничего!... Какой онъ бѣшеный! выдумали, что забѣсился... Да съ чего ему забѣситься? Амиска здоровехонекъ!... Наконецъ, я отбѣлся отъ этаго франтика, и Анна Дмитриевна....

КЛИНОВЪ (выглядывая изъ двери направо). Ну, что?

ГОРОХОВЪ. Ушелъ!

КЛИНОВЪ (выходя съ Клавдіей и Зубковой). Какъ ушелъ?

ЗУБКОВА. Куда?

ГОРОХОВЪ. А Богъ его вѣдаетъ!

КЛИНОВЪ. Да какъ же тыпустилъ такъ бѣшенаго? Надо было его связать....

ГОРОХОВЪ. Да какой онъ бѣшеный, Дмитрій Алексѣичъ!.. Онъ, нѣкоторымъ образомъ, такой же бѣшеный, какъ и мы съ тобой!

КЛИНОВЪ. Что ты тутъ толкуешь!... Я лучше знаю.... я видѣлъ самъ.... по всему замѣтно, что его укусила бѣшеная собака!

ГОРОХОВЪ. Да и Амиска—то вамъ не думалъ бѣситься!

КЛАВДІЯ. Амиска!

ГОРОХОВЪ. Я ему далъ сейчасъ для испытанія воды.... и онъ вылакалъ, кѣкоторымъ образомъ, цѣлую глубокую тарелку!

КЛАВДІЯ. Такъ онъ живъ?

ГОРОХОВЪ. Виновать, Дмитрій Алексѣичъ! проболтался, нѣкоторымъ образомъ!

КЛАВДІЯ (Клинову). А вы отъ меня срывали....

КЛИНОВЪ. Какъ срывалъ? (Тихо Клавдію) Да вѣдь тебѣ сказалъ Дагновскій, что онъ спасъ его изъ воды? Я ему велѣлъ сказать объ этомъ тебѣ.... только запретилъ говорить Амисѣ!

КЛАВДІЯ. Да.... да.... (Всторону) Онъ его спасъ.... а я!... Бѣдняжка! мнѣ его жаль!.. (Вслухъ) Но гдѣ же мой Амиска?

ГОРОХОВЪ. Запертъ въ чуланѣ....

КЛАВДІЯ. Въ чуланѣ!.. (Слышитъ за сценой собачій лай). Воиъ его голосъ!.. Амиска! Амиска!.. (Убѣгаетъ въ ереднюю дверь).

КЛИНОВЪ. Ну, пошла опять возиться съ собакою!..

ЗУБКОВА. Папаша! вѣдь Федоръ Васильичъ не бѣшеный... такъ стало теперь...

ГОРОХОВЪ. Позвольте, Анна Дмитриевна... онъ приказалъ вамъ всѣмъ, нѣкоторымъ образомъ, кланяться и доложить, что онъ трусь.

КЛИНОВЪ. Что?

ЗУБКОВА. Что такое?

ГОРОХОВЪ. Да то-сь, что я его давеча, нѣкоторымъ образомъ, пугнулъ, когда узналъ, что онъ вздумалъ за вами ухаживать... а онъ струсилъ, да и далъ тягу...

ЗУБКОВА. Да по какому вы праву?..

ГОРОХОВЪ. Какъ по какому праву, Анна Дмитриевна... вы рассудите... вѣдь я четвертый годъ...

КЛИНОВЪ. Постой! ты не врешь-ли, Андрей Никитичъ... не можетъ быть, чтобъ сынъ нашего бывшего командира былъ трусомъ...

ГОРОХОВЪ. Да развѣ ты слышалъ, чтобъ я, нѣкоторымъ образомъ, когда-нибудь вралъ?

КЛИНОВЪ. Правда... никогда не слышалъ...

ГОРОХОВЪ. Такъ какъ же ты мнѣ не вѣришь!.. Онъ поручилъ мнѣ тебѣ сказать... что онъ, нѣкоторымъ образомъ, раздумалъ, то-есть струсилъ, и уступаетъ мнѣ Анну Дмитриевну!

ЗУБКОВА. Неправда! не можетъ быть!..

КЛИНОВЪ. Молчи, Аша! Андрей Никитичъ никогда не вретъ!.. Вотъ послѣ этого вѣрь людямъ... а вѣдь давеча...

ГОРОХОВЪ. Самъ сознался, что храбръ былъ только на словахъ...

КЛИНОВЪ. Нѣтъ! хоть онъ и сынъ нашего командира, но, при всемъ уваженіи къ отцу, я не только не отдалъ бы ему моей дочери... но еслибъ онъ мнѣ попался...

ГОРОХОВЪ. Не безпокойся... онъ сказалъ, что ужъ ты его никогда больше не увидишь!..

КЛИНОВЪ. Жаль!.. А ужъ я бы отдѣлалъ его!.. Андрей Никитичъ! извини... на меня нашелъ какой-то туманъ... Этотъ трусишка околдовалъ меня совсѣмъ... но въ знакъ того, что мы опять друзья... вотъ тебѣ, бери Ашу... женись на ней!..

ЗУБКОВА (*почти со слезами*). Папаша! я вамъ сказала, что дамъ отвѣтъ завтра... и вы дали слово...

КЛИНОВЪ. Далъ слово?.. Давалъ я ей слово, Андрей Никитичъ?

ГОРОХОВЪ. Не могу скрыть... нѣкоторымъ образомъ, далъ!

КЛИНОВЪ. Ну, такъ и быть... Подождемъ до завтра... а если она у меня заартачится... такъ вѣдь уговоръ мой извѣстенъ!..

ЗУБКОВА (*съ отчаяньемъ, всторону*). Боже мой! неужели онъ мнѣ измѣнилъ! неужели я его никогда не увижу!

ГОРОХОВЪ (*всторону*). Кажется, завтра, наконецъ, судьба моя рѣшится, послѣ четырехъ-лѣтняго, нѣкоторымъ образомъ, терпѣнья!

КЛАВДИЯ (*объехала в среднюю дверь съ собакой*). Вотъ онъ!
вотъ мой милый Амишка! душка!..

КЛИНОВЪ. Покажи-ка сюда!.. (*Осматривая собаку, восторону*).
Тешерь бѣшенства незамѣтно... а чуть только замѣчу — камень на
меня и въ воду!..

Къ публикѣ:

Охъ, бѣда, бѣда прамая,
Если дочка на плечахъ,
Да при этомъ пожилая
И разборчивая страхъ!
Видно, злымъ какашъ-то духомъ
Привита страстишка къ намъ:
Молодца давай старухамъ,
Молодцу старикамъ!
Я и самъ неравнымъ бракомъ
Искусился, и жена
Страстью сильною къ собакамъ,
Мнѣ на зло, заражена.
Страсть невинная отчасти
Для иныхъ, но для меня
Въ родѣ истинной напасти...
Знать, судьбой наказанъ я!
Хоть бы взять въ примѣръ Амишку,
Вонъ онъ сколько сдѣлалъ золь:
Къ намъ завелъ сюда трусишку,
Трусъ исторію здѣсь смель...
Съ намъ все въ домѣ измѣнилось,
Такъ увлечь онъ всѣхъ умѣлъ,
Дочь, къ тому-жъ, въ него влюбилась,
Я же, просто, одурѣлъ!
Всѣ грѣшны мы въ этомъ дѣлѣ,
Такъ ужъ просимъ извинить,
Если мы васъ не умѣли
Подальнѣй тѣмъ угостить!

II.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА.

КОМЕДИЯ ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ ПЪНІЕМЪ

Ю. ПЕСКОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА, молодая вдова.

ТЯСМИНСКІЙ, музыкантъ—композиторъ.

КАТЯ, горничная.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ, въ Павловскѣ.

Театръ представляетъ богато-убранную комнату. На заднемъ планѣ дверь и окно, налѣво отъ двери; двѣ двери по обѣимъ сторонамъ сцены, на послѣднемъ планѣ; направо, на первомъ планѣ окно; у этого окна фортеціано; налѣво, у первой кулисы, диванъ, столъ и вокругъ него нѣсколько мягкихъ кресель; посерединѣ комнаты столъ; между задней дверью и правой боковой дверью этажерка съ различными вещами: статуетками, ящичками, небольшими и акварельнымъ портретомъ и пр. Налѣво, между боковой дверью и диваномъ, каминъ, на которомъ также стоятъ вещи, между прочимъ фарфоровая ваза и два бронзовые кандебра со свѣчами. Направо, на первой кулисѣ, большой мужской портретъ.

I.

КАТЯ и ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА (Катя зажигаетъ свѣчи на каминѣ).

КАТЯ. Не прикажете-ли, сударыня, застегнуть бразелетъ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА (*посрединѣ театра*). Несуужно. Я ужъ сама застегнула.

КАТЯ. Слушаю—съ!

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Катя!

КАТЯ. Чего изволите?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Который часъ?

КАТЯ (*смотря на часы*). На этихъ часахъ восемь, а въ сумамѣтъ пробило уже половину девятого.

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Катя!

КАТЯ. Чего изволите?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Какова погода?

КАТЯ. Идетъ дождь.

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Катя!

КАТЯ. Чего изволите?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Сколько времени, какъ я овдовѣла.

КАТЯ. (*подходя къ Ольгѣ Васильевнѣ*). Съ небольшимъ годъ, сударыня.

(*Молчаніе*).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Какъ тебѣ нравится мой опекунъ, Катя?

КАТЯ. Вашъ женихъ?..

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*съ живостію*). Мой опекунъ!.. Петръ Васильичъ Лебединскій?

КАТЯ (*смотря на портретъ*). По правдѣ-то сказать, сударыня, онъ мнѣ вовсе не нравится: усы у него такіе жидкіе, держится всегда такъ прямо, словно аршинъ проглотилъ.. Совсѣмъ не похожъ на художника.... Ахъ, сударыня, эти художники такіе веселые, забавные, такіе добрые....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. И дерзкіе.... (*Садится на диванъ*).

КАТЯ. Ужъ и дерзкіе!.. Помилуйте!.... Вотъ какъ я служила у Ивана Павловича, на Васильевскомъ острову, такъ ихъ много къ нему ходило изъ академіи... и бывало ни одинъ изъ нихъ не пройдетъ, чтобъ не сказать ласковаго слова; такіе, право, учтивые.... Потомъ жила я у другаго живописца, а потомъ у музыканта театральнаго.... Вотъ тоже добрый народъ, эти музыканты: *настоящіе художники*; иной разъ ѣсть нечего, а весело: все съ музыкой... Что-бы вамъ-то, сударыня, выйти за художника.... не скучали-бы такъ, какъ теперь!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Ты болтаешь вздоръ, Катя.

КАТЯ. Да вы хоть попробуйте...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Перестань.... или говори мнѣ о Петрѣ Васильичѣ.

КАТЯ. Слушаю-съ (*Подумавъ нѣсколько времени о томъ, что сказать*). Правда-ли, сударыня, что Петръ Васильичъ спятъ въ перчаткахъ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Что за глупый вопросъ?

КАТЯ. Мнѣ его *камердинъ* сказывалъ.... Пресмѣшно, право. Будь я его женой, ужъ никакъ-бы не позволила....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Перестань!... Въ которомъ часу Петръ Васильичъ общалъ захватъ за мной, чтобъ свезти меня въ вокзалъ, гдѣ сегодня послѣдній концертъ, и притомъ въ пользу бѣдныхъ?

КАТЯ. Въ девять часовъ.... А знаете-ли, Ольга Васильевна, мы что-то скучнѣе стали съ тѣхъ-поръ, какъ мы вернулись изъ Малороссіи...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Твоя правда, Катя, я часто грущу по Малороссіи...

КАТЯ. Вамъ жаль деревни-то? Помилуйте, да у насъ въ Петер-

бургъ во сто разъ веселѣе. Конечно, лѣтомъ лестно пожить на чистомъ воздухѣ, но прожить въ деревнѣ годъ, воля ваша, скучно....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Ты этого не понимаешь, Катя; а я часто вспоминаю о времени, которое мы прожили въ Каменкѣ, вспоминаю о моихъ прогулкахъ....

КАТЯ. Да вѣд гуляли вы все одни, даже меня съ собой не брали. Воля ваша, Ольга Васильевна, а я веселья тутъ не вижу никакого. Глушь такая, лица человѣческаго не встрѣтишь: все хохлы съ усами, да жиды съ пейсиками....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ, не все одни хохлы. Разъ я встрѣтила....

КАТЯ. Какъ! кого?....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Одного молодого человѣка.... И какъ онъ пѣлъ хорошо!

КАТЯ. Ахъ, батюшки мои! А я то, дура, ничего не знала!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Это было не въ эту поѣздку, а прежде, еще до замужства моего.... Разъ я возвращалась съ прогулки... Помнишь, въ тотъ день, какъ я поѣхала одна верхомъ, и меня застала гроза. Тетенька еще такъ безпокоилась и сердилась.

КАТЯ. Какъ не помнить. Тетушка ваша разослала во всѣ стороны ѣздовыхъ, а сама вплоть до утра не ложилась спать, ожидая васъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Я заѣхала тогда далеко, за баболовской лѣсью, и не замѣтила, какъ стало смеркаться. Я поѣхала въ галоцъ, но не успѣла еще выбраться изъ лѣсу, какъ поднялась буря, и сдѣлалась такая темень, что я думала, что умру отъ страха... Лошадью, разумеется, я ужъ не правила, и сама не знала, куда она везетъ меня.... Наконецъ выбралась изъ лѣсу.... Гляжу: огоньки... Я обрадовалась, думала, что приѣхала домой и ударила хлыстомъ мою Леди.... Но вообрази мой ужасъ, когда я узнала, что приѣхала въ незнакомую мнѣ деревню, въ десяти верстахъ отъ нашей Каменки. Домой ѣхать было поздно, да и дождь промочилъ мою амазонку и шляпку. Я принуждена была пристать у управляющаго, добраго старика, у котораго былъ сынъ...

КАТЯ А! а!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Домикъ у нихъ былъ маленькій, и сынъ управляющаго уступилъ мнѣ свою комнату, а самъ хотѣлъ идти на сѣноваль. Я, разумеется, не согласилась, и переодѣвшись въ какое-то уродливое платье покойной жены управляющаго, пригласила обоихъ моихъ хозяевъ пить со мною чай, говоря имъ, что дождусь свѣта сюда на диванѣ. Вообрази, я узнала что управляющій служилъ въ военной службѣ и былъ капитаномъ, и что сынъ его очень хорошій музыкантъ, хотя и

воспитанный на жидких деньгах, какъ говорилъ его отецъ. Я попросила его спѣть что-нибудь, и до сихъ поръ не могу забыть его пѣсан. Я даже запомнила ея наизусть... Послушай (*Идетъ къ фортепиано и поетъ*).

Ты для меня душа и сила
Ты для меня огонь святой,
Ты жизнь мнѣ новую открыла...
Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой!

Ты жизнь мнѣ новую открыла
И съ той поры — въ тебѣ одной
Слилось все, что сердцу мило....
Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой!

Слилось въ тебѣ, что сердцу мило,
Въ тебѣ и счастье и покой,
Я за тебя готовъ въ могилу...
Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой!

Да, еслибъ даже лечь въ могилу
Велѣлъ мнѣ чудный голосъ твой,
Охотно-бъ умеръ я, другъ милый...
Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой.

КАТЯ. Премиленькая пѣсенка.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*вздыхая*). И предлинная.... Онъ пѣлъ, а я слушала, слушала, и утомленная прогулкою, страхомъ и сильными впечатлѣніями, неволью задремала, убаюкиваемая этою грустною пѣсней. И мнѣ было такъ сладко и легко....

КАТЯ. Вы полюбили его?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Помилуй! Какъ это можно? Сынъ управляющаго! Притомъ же онъ былъ вовсе не хорошъ собой; вообрази: волосы острижены подъ гребенку, какъ у солдата, а пребольшая борода, какъ у мужика.... Притомъ же я еще разъ его встрѣтила, а онъ мнѣ даже и не поклонился.

КАТЯ. Да онъ вѣрно не узналъ васъ. Вѣдь онъ видѣлъ васъ сперва мокрою, въ амазонкѣ, а потомъ въ платьѣ своей матери, которое ужъ навѣрно не шло къ вамъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Можетъ-быть.... Только мнѣ очень долго было неприятно вспоминать о немъ.

КАТЯ. И вы вышли съ горя замужъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*сердито*). Съ какого это горя!... Я была очень счастлива съ своимъ мужемъ.

КАТЯ. А въ эту поѣздку вы не встрѣтили его?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Кого?

КАТЯ. Ужъ будто и не понимаете? Ну его... который пѣлъ-то.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ. Отецъ его умеръ, а онъ неизвестно куда скрылся.

КАТЯ (*лукаво*). Вы все успѣли разузнать.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Ты все вздоръ говоришь. (*Смотритъ на часы*). Странно однакоже, что не ѣдетъ Петръ Васильичъ.... Онъ поѣхалъ сегодня въ Царское, на скачку.... Онъ побился объ закладъ съ какинъ-то гусаромъ, что перегонитъ его на своей лошади.

КАТЯ. Такъ, можетъ-быть, онъ скачетъ еще до-сихъ-поръ.... а можетъ быть и шею себѣ сломилъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*строго*). Катя! Ступай вонъ.

КАТЯ. Простите меня, сударыня.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Ступай, и какъ-скоро увидишь карету Петра Васильича, скажи тетухкѣ; она поѣдетъ вмѣстѣ съ нами.

КАТЯ. Слушаю-сь. (*Всторону*) А все-таки, можетъ-быть, онъ сломалъ себѣ шею.... Терпѣть его не могу. (*Выходитъ въ среднія двери*).

II.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА, одна.

Эта дура напугала меня. (*Смотритъ въ ручное зеркало, которое лежитъ на столѣ передъ диваномъ*). Какъ нейдутъ же мнѣ эти цвѣты.... Что сдѣлалось однакожъ съ Петромъ Васильичемъ. (*Поправляя рукою волосы*). Впрочемъ чего мнѣ бояться, Петръ Васильичъ такъ ловко ѣздитъ верхомъ.... Онъ такъ красивъ на лошади.... Гораздо лучше, нежели пѣшкомъ.... Эта дурочка Катя совѣтуетъ мнѣ выйдти за художника.... Дерзкая!... Мнѣ выйдти за художника!... Да я перессорилась бы тогда со всѣми родными.... Какъ я блѣдна сегодня! Точно луна.... (*Напѣваетъ*).

Ты для меня душа и сила,
Ты для меня огонь святой.

О! да это несносно.... Глупая пѣсня не выходитъ у меня изъ ума.... и наводитъ такую грусть, что плакать хочется.... Стану думать о чемъ-нибудь повеселѣе.... о Петрѣ Васильичѣ, напримѣръ. (*Смотритъ на портретъ*). Ему бы надо было нарисовать себя верхомъ, онъ очень

красивъ на лошади. (*Злосаетъ*). Нѣтъ, скучно.... Чѣмъ бы заняться въ ожиданіи?... вышиваньемъ.... нѣтъ. (*Смотритъ на фортепіано*). Ахъ! у меня много новыхъ нотъ, которыхъ я еще не разбираю. (*Садится за фортепіано*). Что-то попадется мнѣ подъ руку, Листъ или Тальбергъ, Веберъ или Моцартъ? (*Перебирая ноты*). Это что такое? А! «Пѣсни сердца», сочиненія Евгенія Тасминскаго, того молодого композитора, о которомъ рассказываютъ столько интереснаго и трогательнаго. Мнѣ говорили, что ему только двадцать пять лѣтъ. Такъ молодъ и ужъ такъ талантливъ, и такъ много страдалъ!... Бѣдняжка!... Я бы очень желала съ нимъ познакомиться. (*Играетъ ритурнель*). Всѣ романы его отличаются какой-то неотразимой задумчивостью и простотой. (*Поетъ*) *.

III.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА И КАТЯ, вбѣгаетъ.

КАТЯ (*смѣясь*). Ахъ, сударыня, вотъ смѣшно-то!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Что такое!

КАТЯ. Вообразите, вышла я въ садикъ, да и смотрю, не ѣдетъ ли Петръ Васильичъ. Вы стали пѣть. Вдругъ идетъ какой-то мужчина, и какъ только вы запѣли, онъ остановился и сталъ заглядывать въ ваше окно.... Потомъ замахалъ рукой и говоритъ тише, тише! Боже мой, какъ поетъ! никакого выраженія, ни чувства, ни смысла!... И все махаетъ рукой, и все махаетъ рукой....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Какъ!... Что?...

КАТЯ. Преуморительный.... Я раскохоталась, а онъ и не смотритъ на меня, все махаетъ рукой, да приговариваетъ: тише, пьяно, пьяно, пьяно.... должно быть у самого-то хмѣль въ головѣ. Ни на грошъ, говоритъ, нѣтъ чувства, чортъ возьми.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*съ сердцемъ*). Такъ и сказалъ?

КАТЯ. Такъ и сказалъ: чортъ возьми, говоритъ, дереть уши, говорить.... да мало ли что еще....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Какъ! онъ еще что-нибудь сказалъ? Что же такое? Я хочу знать!

КАТЯ. Да я и повторить не смѣю.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Дерзкій!... Я пою безъ чувства, безъ выраженія, безъ смысла!... Какое ему-то дѣло? Я дома, у себя, я могу

* Предоставляется артисткѣ, которая будетъ играть эту роль, спѣть романсъ по своему усмотрѣнію.

ПѢТЬ какъ мнѣ вздумается. (*Садится за фортепiano*). Я докажу ему.

КАТЯ (*идетъ къ окну*). И прекрасно съѣлаете.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Ты увидишь. (*Играетъ и поетъ какъ ни попало*) (*Катя*). Посмотри, тамъ ли онъ еще? (*Катя, которая открываетъ окно кабинета*). Ну что онъ?

КАТЯ. Бѣгаетъ взадъ и впередъ какъ угорѣлый.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Онъ взбѣшевъ.... тѣмъ лучше! (*Играетъ изо всей силы*).

КАТЯ (*отходя отъ окна*). Онъ переломилъ со злости свою трость.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*смыется и продолжаетъ играть какъ ни попало*). Ха! ха! ха! Какъ это забавно! (*Въ эту минуту что-то падаетъ на полъ гостиной. Ольга Васильевна перестаетъ играть*). Что-это? онъ, кажется, бросаетъ въ насъ камнями? (*Встаетъ*).

КАТЯ (*поднимаетъ и развертываетъ бумажку*). Три копейки серебромъ!

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЮ. И этого много.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*въ гнѣвъ*). Какое безстыдство!... Но я не уступлю.... Катя, играй вмѣстѣ со мной.

КАТЯ. Да вѣдь я не умѣю.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Все-равно.... играй скорѣй. (*Стучать по фортепiano. У дверей раздается звонокъ*).

КАТЯ. Звонять.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*переставая*). Это, вѣрно, Петръ Васильичъ.... наконецъ-то.... Еслибъ онъ не опоздалъ, то всего этого не случилось бы.... Онъ во всемъ виноватъ (*Катя*). Ну, что-жь? Отперли дверь?

КАТЯ. Иванъ былъ въ передней; онъ отперъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Хорошо.... Ступай же, скажи тетевкѣ.... (*Катя выходитъ направо*).

IV.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА одна, потому **ПАКЪ**, а за нимъ **ТЯСМИНСКІЙ**.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вотъ что значить не имѣть защитника и жить на дачѣ.... Каждый прохожій можетъ безнаказанно оскорбить.... Нѣтъ.... кончено.... На дняхъ же переѣду въ городъ, или выйду замужъ. (*Глядя въ зеркало надъ каминомъ*). Какая я красная.... Сейчасъ я была похожа на луну, а теперь точно заходящее солнце.... (*Садится на диванъ, спиною къ двери*).

ЛАКЕЙ (*отворяя дверь*): Сударыня, пріѣхалъ....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*перевивая*). Хорошо, проси. (*Встѣрону*). Такъ, какъ вы меня заставили ждать, Петръ Васильичъ, те я имѣю полное право принять васъ сухо; притомъ же это дастъ мнѣ время оправиться. (*Беретъ книгу и раскрываетъ ее. Лакей вводитъ Тясминскаго*).

V.

ТЯСМИНСКІЙ быстро сбѣгаетъ, оглядывается, не замѣчаетъ **ОЛЬГУ ВАСИЛЬЕВНУ**, но видитъ фортепіано и направляется прямо къ нему.

ТЯСМИНСКІЙ. А! вотъ оно.... фортепіано-то!...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*обертывается и вскрикиваетъ*). Незнакомый!... Что вамъ угодно?...

ТЯСМИНСКІЙ. Ахъ! Мое почтеніе.... Это вы сейчасъ играли и пѣли?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А такъ это вы стояли подь моимъ окномъ?

ТЯСМИНСКІЙ. Я-съ.... Вы играли «Пѣсни сердца»?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вы говорили, что я пою безъ выраженія, чувства и смысла?

ТЯСМИНСКІЙ. Вы пѣли седьмую этуду?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вы говорили, что мое пѣніе деретъ уши?

ТЯСМИНСКІЙ. Мелодію въ ми-бемоль.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*отдавая ему три копейки серебромъ, которыя Катя положила на столъ*). Вы обронили деньги.

ТЯСМИНСКІЙ. Извините, сударыня, я забылся.... но и какъ было не забытья при такомъ пѣніи? Право, я говорю откровенно. Романсъ невозможно было узнать, до такой степени вы изказили мысль автора. (*Ольга Васильевна звонитъ. Тясминскій продолжаетъ*). Ну скажите, ради Бога, что нашли вы въ этомъ романсѣ весезаго! Какъ могли вы?.... Вотъ, послушайте. (*Поетъ*).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*Катя, которая только что вошла*). Катя, посвѣти мнѣ. (*Кланяется и уходитъ нальво*).

VI.

ТЯСМИНСКІЙ = КАТЯ.

КАТЯ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ разъ! Да это тотъ самый....

ТЯСМИНСКІЙ (*ошеломленный неожиданным уходом Ольги Васильевны*). Вотъ какъ! (*Надѣваетъ шляпу*). Должно-быть графиня!... Тѣмъ хуже, чортъ возьми! Эти барыни думаютъ, что имъ все позволено, даже пѣть фальшиво. И что за тонъ! (*Передразнивая*). Катя, посвѣти мнѣ.

КАТЯ (*которая стоитъ у дверей, держа зажженную свѣчу*). Я готова.

ТЯСМИНСКІЙ. Ты мнѣ надоѣла.... За что она такъ разсердилась? Неужели-же я долженъ былъ сказать ей, что она пѣла какъ Віардо?... Вѣтъ она просто выгнала меня, безъ всякой церемоніи.... Выгнать меня!... Впрочемъ я не сказалъ своего имени.... Все-равно, я забѣшевть! Потому-что еслибъ она осталась, я-бы могъ извиниться.... Ба! прекрасная мысль.... (*Садится за фортепіано и прелюдируетъ*). Господи! что за гусли! до, ге, пі, фа.... (*Катя*). Посвѣти мнѣ.

КАТЯ. Но, сударь....

ТЯСМИНСКІЙ. Тебѣ приказано свѣтить мнѣ, неправда-ли? Такъ свѣти-же и дай мнѣ ключъ.

КАТЯ (*подаетъ ему фортепіанный ключъ*). Что вы хотите дѣлать?

ТЯСМИНСКІЙ. Настроить фортепіано. Это разсердить, можетъ-быть, твою барыню; тѣмъ хуже, чортъ возми. (*Открываетъ фортепіано, вынимаетъ резонансъ и отдаетъ его Катю, которая держитъ уже свѣчу*).

КАТЯ (*смѣясь*). Какой смѣшной!

ТЯСМИНСКІЙ (*настраиваетъ фортепіано*). До, до, ми, ми. Я читалъ гдѣ-то анекдотъ, что какой-то знаменитый музыкантъ, до, до, ми, ми.... столкнулся однажды на улицѣ, фа, фа, съ шарманщикомъ, который слишкомъ скоро игралъ мотивъ изъ его оперы.... фа, фа, фа, ре.... тогда онъ вырвалъ у него органъ и сталъ самъ вертѣть его, чтобы показать, какъ слѣдуетъ играть. Вотъ и я.... си, си, соль, соль.... живу здѣсь рядомъ.... си, си, до.... и потому настраиваю фортепіано для собственнаго спокойствія.

КАТЯ (*всторону*). Должно-быть музыкантъ.... а можетъ-быть на-стройщикъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Инструментъ не такъ еще плохъ, какъ кажется съ перваго раза.... (*Беретъ два или три сильные акорда и прислушивается. Всторону*). Нейдетъ. (*Вставая*). Нечего дѣлать. (*Закрываетъ фортепіано*). Вотъ и готово. Прощай красавица! Скажи своей барынѣ, что она фальшиво поетъ.

КАТЯ. Вотъ еще!

ТЯСМИНСКИЙ. Или нѣтъ, не говори.... Это было-бы, можетъ-быть, неучтиво.... Лучше ничего ей не говори.... Но вѣдь у меня была шляпа.... Гдѣ-же моя шляпа?... Ты не видала?

КАТЯ (*смѣясь*). Какъ не видать!... она у васъ на головѣ.

ТЯСМИНСКИЙ (*хватаясь за голову*). Ахъ и въ-самомъ-дѣлѣ.

КАТЯ (*всторону*). Какой забавный.... настоящій художникъ, хоть и музыкантъ.

ТЯСМИНСКИЙ (*ходитъ по комнатѣ и все разглядываетъ*). Скажи, впрочемъ, своей барынѣ.... А! вотъ моя статуетка. Похожа, очень похожа.... Степановъ удивительно схватываетъ сходство.

КАТЯ. Какъ! это вы? то-то мнѣ все казалось, что я гдѣ-то васъ видѣла.

ТЯСМИНСКИЙ. Ты видѣла меня на этой этажеркѣ.... Такъ скажи-же своей барынѣ, что я ужъ не приду, даже въ именины и въ новый годъ не приду. (*Смотритъ на одну изъ вазъ*). Ваза-то северская, славный фарфоръ.... (*Замѣтивъ портретъ Ольги Васильевны*). А! акварель! Какая славная работа!

КАТЯ. Это барынинъ портретъ.

ТЯСМИНСКИЙ. Да, она прехорошенькая. А я и не замѣтилъ. Знакомое лицо.... Какъ зовутъ твою барыню?

КАТЯ. Ольгой Васильевной.

ТЯСМИНСКИЙ. Ольга! славное имя.... жаль только, что она выпроводила меня отсюда.... это оскорбительно, унижительно даже. (*Разсматривая бронзовую лошадку*). Это кладовская лошадь.

КАТЯ (*всторону*). Все-то онъ знаетъ!... презабавный.

ТЯСМИНСКИЙ (*разсматривая другую вазу*). Удивительная вещь этотъ северскій фарфоръ.... вѣжно, прозрачно.... и что за живопись! (*Роняетъ ее и разбиваетъ*).

КАТЯ. Ай!

ТЯСМИНСКИЙ (*смущенный*). Какъ хрупко.... чуть чуть уронишь, тотчасъ разобьется. (*Подбираетъ куски и подаетъ ей*). Спрячь поскорѣе эти развалины.... (*Встаетъ*). Да, да.... (*Идетъ и возвращается. Всторону*). Нѣтъ, я буду глушь, если уйду. Я униженъ, обезчещенъ въ глазахъ этой графини.... (*Смотритъ въ ту сторону, куда ушла Ольга Васильевна*). Какая упрямая: нейдетъ. Что ты будешь дѣлать? Закричу: пожаръ! (*Катя*) Кричи: пожаръ!

КАТЯ (*въ испугъ*). Что?

ТЯСМИНСКИЙ. Ничего... я хотѣлъ сказать....

КАТЯ. Что вы хотѣли сказать?

ТЯСМИНСКИЙ (*всторону*). Надо протянуть время. (*Катя*) Спой пѣсню.

КАТЯ. Что вы, помиуйте!

ТЯСМИНСКИЙ. Пожалуйста спой пѣсню.

КАТЯ. Подите вы! Да я и не знаю никакихъ пѣсень.

ТЯСМИНСКИЙ. А вотъ и лжешь! Я самъ слышалъ....

КАТЯ. Слышали? Такъ что-жь? Все-таки я пѣть не стану.

ТЯСМИНСКИЙ. А я вотъ тамъ тебѣ билетъ въ воксалъ; тамъ будетъ завтра лотерея. И лотерейныхъ билетовъ дамъ.

КАТЯ (*кобенясь и какъ-бы не хотя беретъ билеты*). Вы вѣрно слышали малороссійскую пѣсню, которую я выучила какъ была съ барыней въ Полтавѣ. Да она такая глупая.

ТЯСМИНСКИЙ. Тѣмъ лучше. Пой-же!

КАТЯ. Какой неотвязный. (*Поетъ*)*.

ТЯСМИНСКИЙ (*взявъ на столъ клочекъ бумаги и карандашъ, копируетъ пѣсню*). Да это премиленькая пѣсня, я ее аранжирую и пошлю къ Излеру; она будетъ производить фугоге наравнѣ съ «Ванькой и Танькой». Очень, очень мило (*Поетъ рветъ во все горло два послѣдніе стихи или припѣвъ, и потомъ оглядывается*). И это не дѣйствуетъ! Неидетъ! Ничѣмъ ее не вымашишь. Нечего дѣлать (*Отдаетъ Катю свою шляпу*). Держи и свѣти. Вѣдь я сегодня пою какую-то штуку въ пользу бѣдныхъ, въ воксалѣ. (*Поправляется передъ зеркаломъ*).

КАТЯ. Въ воксалѣ! Вѣдь и барыня туда ѣдетъ.

ТЯСМИНСКИЙ. Напрасно; ей будетъ тамъ скучно, потому-что фальшиво пѣть тамъ не будутъ.

КАТЯ. Вы очень сердиты на барыню?

ТЯСМИНСКИЙ. Я взбѣшенъ на нее.

КАТЯ. Но вѣдь вы сами виноваты, что она ушла отъ васъ. Вы ворвались сюда незваные, непрошенные, накричали, на шумѣли....

ТЯСМИНСКИЙ. Да вѣдь я хотѣлъ оказать ей услугу; за это нельзя сердиться. Вотъ ты мнѣ оказываешь услугу: свѣтишь, и я на тебя нисколько не сержусь. Нѣтъ, твоя барыня ужасно горда. Какъ бить ее зовутъ.

КАТЯ. Ольга Васильевна Мирно-Валевская.

ТЯСМИНСКИЙ. Фу, какъ важно! Двойная фамилія!... Я понимаю теперь ея неприступность. (*Замѣчая портретъ на стѣнѣ*). Еще пор-

* Выборъ пѣсни предоставляется артистѣ.

третъ! Это вѣрно господинъ Мирно-Валевскій? Какъ отлично повязанъ на немъ галстухъ.

КАТЯ. Нѣтъ. Барынинъ мужъ умеръ.

ТЯСМИНСКІЙ (*подходя ближе къ портрету*). Умеръ? А что-жь этотъ-то господинъ? Онъ тоже ужасно похожъ на мертваго: такое бездушное лицо.

КАТЯ. А между-тѣмъ онъ, слава Богу, здоровъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Оно, впрочемъ, такъ и быть должно.

КАТЯ. Отчегоже это?

ТЯСМИНСКІЙ. У него ужасно глупое лицо, мнѣ кажется, что я гдѣ-то видѣлъ его.

КАТЯ. Онъ женится на барынѣ.

ТЯСМИНСКІЙ (*невольнo вздрагивая*). Какъ!... Что-же мнѣ, впрочемъ, за дѣло?... Пусть его женится.... А все таки какъ-то досадно. (*Строго самому себѣ*). Ну полно братъ, Тясминскій, врагъ. Тебѣ-то какое дѣло; (*Катя*) И свадьба эта рѣшена окончательно.

КАТЯ. Какъ-же-съ.

ТЯСМИНСКІЙ. И прекрасно, по дѣламъ ей. (*Хочетъ закурить папироску на свѣчкѣ, которую держитъ Катя*).

КАТЯ (*отступая*). Что вы, помилуйте! Никакъ вы курить хотите?

ТЯСМИНСКІЙ. Да вѣдь она выходитъ за-мужъ.

КАТЯ. Такъ что-жь.

ТЯСМИНСКІЙ. Она любитъ другаго, неблагодарная!

КАТЯ. За что-жь ей благодарить-то васъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Я и самъ не знаю. Дай мнѣ огня.

КАТЯ. У насъ въ гостинной никогда не курятъ; даже Петръ Васильичъ Лебедянскій, женихъ барынинъ, и тотъ не курить.

ТЯСМИНСКІЙ. Ну такъ я уйду. (*Сердито*) Какое мнѣ, впрочемъ, дѣло, что Лебедянскій не курить... (*Припоминая*) Лебедянскій точно, я съ часъ тому назадъ слышалъ эту фамилію въ Царскомъ-селѣ.

КАТЯ. Барыня ждетъ его, чтобъ ѣхать съ нимъ въ вокзалъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Долго же она прождетъ его.

КАТЯ. Что?

ТЯСМИНСКІЙ (*закуривая папироску, несмотря на сопротивление Кати*). Вообрази себѣ...

КАТЯ. Ну право же здѣсь курить нельзя.

ТЯСМИНСКІЙ (*курить*). Я вѣдь сейчасъ уйду. Вообрази же себѣ, что этотъ Лебедянскій былъ съ нѣсколькими молодыми людьми; они только-что воротились со скачки.

КАТЯ. Ну такъ; это онъ и былъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Всѣ они были (*вертитъ рукой передъ лбомъ*), понимаешь... немножко навеселѣ. Лебединскій только что выигралъ закладъ во сто рублей и предлагалъ своему противнику реваншъ. Понимаешь: реваншъ?

КАТЯ. Нѣтъ, не понимаю.

ТЯСМИНСКІЙ. Все-равно. Онъ снова побился объ закладъ, что доѣдетъ до триумфальныхъ воротъ, сидя на лошади задомъ напередъ.

КАТЯ. Каково!.. А барыня-то ждетъ его.

ТЯСМИНСКІЙ. Прождетъ до завтра. (*Идетъ къ двери*) Прощай.

КАТЯ. Ступайте, ступайте, пора.

ТЯСМИНСКІЙ. Прощай, прощай!.. (*Возвращается*) Такъ нѣтъ-же, я не уйду. Я не могу уйти, не выпросивъ прощенія, чортъ возьми.

КАТЯ (*чихаетъ*). Фу, какъ здѣсь пахнетъ табакомъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Неужели... Зачѣмъ-же я курилъ?.. (*Топая ногой и обращаясь къ Катѣ*) Зачѣмъ я курилъ... я испортилъ все дѣло. (*Махаетъ шляпой*) Ну вотъ и прошло кажется!

КАТЯ. Совсѣмъ не прошло.

ТЯСМИНСКІЙ. Ты не говори, что это я... скажи, что печь дышитъ... или что ты курила отъ зубной боли... (*Замѣчая на этажеркѣ бутылку съ одеколономъ*) А... погоди... (*Кропнѣтъ одеколономъ комнату*).

КАТЯ (*которой попало въ глазъ*). Ай!

ТЯСМИНСКІЙ. Ничего... одеколонъ очень полезенъ для глазъ... О! я твердо рѣшился... Надо вызвать ее во что-бы то ни стало. (*Садится за фортепьяно и поетъ, во весь голосъ, известное воззваніе Бертрама изъ Роберта*). Все не выходитъ! Это ужъ упрямство... Ну да вѣдь и я не отстану. (*Повторяетъ во все горло воззваніе Бертрама*).

VII.

ТЯСМИНСКІЙ и **ОЛГА ВАСИЛЬЕВНА** входятъ, съ иронической улыбкой на лицѣ, съ кошелекомъ въ рукѣ. Становится между фортепьяно и столомъ.

ТЯСМИНСКІЙ (*вставая, всторону*). Моя взяла.

ОЛГА ВАСИЛЬЕВНА (*подавая ему кошелекъ*). Прошу васъ, милостивый государь, принять...

ТЯСМИНСКІЙ (*смыслъ*). Кошелекъ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Въ немъ сто рублей золотомъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Сто рублей! (*Всторону*) Это сдача съ трехъ копѣекъ серебромъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Это обыкновенное вознагражденіе, предлагаемое мною артистамъ, которые поютъ у меня.

ТЯСМИНСКІЙ. Вы не великодушны, сударыня.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вамъ этого мало? Такъ назначьте сами сумму, скажите, что вы хотите?

ТЯСМИНСКІЙ. Прощенія.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*холодно*). Слишкомъ дорого. (*Кладетъ кошелькъ на столъ и переходитъ направо*).

ТЯСМИНСКІЙ (*всторону*). Не прощаетъ!.. (*Вслухъ*) Я принимаю деньги. (*Беретъ на столъ клочекъ бумаги и пишетъ*) Для бѣдныхъ. Я сегодня пою въ ихъ пользу.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Какъ!

ТЯСМИНСКІЙ. И вотъ росписка въ полученіи.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*нѣсколько смущенная*). Но...

ТЯСМИНСКІЙ. Вы мнѣ отомстятъ, и хорошо сдѣлали. (*Ольга Васильевна кашляетъ*) Я заслужилъ вашъ гнѣвъ и этотъ кашель слѣдуетъ мнѣ новымъ упрекомъ, потому-что я закурилъ здѣсь... вечанно... папирску... (*Кланяясь*) Позвольте засвидѣтельствовать... (*Ольга Васильевна присѣдаетъ очень низко. Всторону*) Какой оледеняющій взглядъ; на портретъ она лучше. (*Вслухъ*) Позвольте засвидѣтельствовать... повѣрьте... клянусь вамъ... (*Всторону*) Ну!.. совсѣмъ запутался. (*Вслухъ*) Прощайте (*Быстро идетъ къ дверямъ направо*).

КАТЯ. Не туда, не туда...

ТЯСМИНСКІЙ (*Ольга Васильевна*). Ахъ! извините. (*Идетъ назадъ*).

КАТЯ. И не сюда, здѣсь барышня комната.

ТЯСМИНСКІЙ. О! извините. (*Всторону*) Куда-жъ дѣвали дверь? А! вотъ она. (*Кланяется и быстро выходитъ; Катя провожаетъ его*).

VIII.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА, потомъ КАТЯ.

КАТЯ. Наконецъ-то! Какой дерзкій. (*Смѣется*) Какъ онъ разтерялся... задѣвалъ за всѣ мебели, никакъ не могъ попасть въ дверь...

А впрочемъ онъ съ виду добрый, и очень милуется собой? (*Катя вса-
сражается*) Катя!

КАТЯ. Чего изволите?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Что онъ тутъ тебѣ рассказывалъ?

КАТЯ (*смѣясь*). Говорилъ, что, что... Ахъ! да, знаете-ли сударыня? Петръ-то Васильичъ отправился въ Петербургъ верхомъ...

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Что это значить?

КАТЯ. Какъ-же-ст! Онъ побился объ закладъ, что доѣдетъ до *трусмальныхъ* воротъ, держась за хвостъ своей лошади, то-есть, задомъ напередъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. А я его жду... Это ни на что не похоже... дерако. Петръ Васильичъ былъ-бы подъ пару этому прекрасному левиакомцу... Не правда-ли онъ хорошъ... Не Петръ Васильичъ, а левиакомецъ. Онъ не сказалъ своего имени. (*Идетъ къ столу и беретъ росписку Тясминскаго*) Впрочемъ онъ оставилъ росписку... Ахъ, Боже мой!

КАТЯ. Что съ вами, сударыня?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА.. Евгений Тясминскій! Авторъ мелодій, которыя я такъ люблю... Да, да, это онъ... Я читала въ сегодняшней фельетонъ его биографію... Какъ трогательна его жизнь: Десять лѣтъ онъ былъ уже сиротой, а въ двадцать лишился страстно-любимой жены, которая, вообрази Катя, утонула въ Дибирѣ, во-время прогулки.

КАТЯ. Бѣдняжка!

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. То-то мнѣ все казалось, что я гдѣ-то его видѣла, что я ужъ слыхала его голосъ. Но гдѣ?.. Ничего не могу припомнить... Бѣдный молодой человекъ, сколько силъ выстрдѣлъ!.. Вотъ, вотъ этотъ фельетонъ. (*Читаетъ*) «Намъ пишутъ, что известнѣйшій композиторъ нашъ, Евгений Тясминскій, авторъ столькихъ превосходныхъ романсовъ, которыхъ мы не промѣняемъ ни на одну изъ праславянскихъ арій Беллини или Доницетти, погибъ жертвою своего самоотверженія, спасая изъ объятаго пламенемъ дома престарѣлаго ремесленника и вусмертыхъ малолѣтнихъ дѣтей его... Обрушившійся на голову владѣль-его»....

КАТЯ (*смѣясь*). Какъ же это? Ужъ не мертвецъ-ли приходитъ въ намъ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. Что это за газета?

КАТЯ. Сегодняшняя.

ОЛЬГА ВАСИЛЬВНА. А я было разстрогалась. Върѣ носѣ этого журналамъ! Раздѣнь моя, Катя (*Смѣляется целыми съ глазами и пер-*

чатки). (Въ это время отворяется дверь на лѣвой сторонѣ и выходитъ Тясминскій; Ольга Васильевна и Катя вскрикиваютъ).

IX.

ТЯСМИНСКІЙ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА И КАТЯ. Ахъ!

ТЯСМИНСКІЙ. Извините меня, ради Бога, сударыня; но вамъ догнъ должно быть заколдовать; никакъ не могъ выбраться... Впрочемъ я очень радъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Да я то не рада.

ТЯСМИНСКІЙ. Право я не виноватъ. Я имѣлъ твердое намѣреніе бѣжать изъ дома, въ которомъ мнѣ такъ не посчастливилось, но отъ смущенія и поспѣшности попалъ не въ ту дверь. Я очутился сначала въ столовой, потомъ попалъ въ оранжерею, изъ которой перешелъ, кажется, въ будуаръ, изъ будуара въ кабинетъ... Дача большая; вы, должно быть, дорого за нее платите. (Катя хохочетъ. Ольга Васильевна долго старалась быть серьезною, наконецъ также разсмѣялась).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Я вамъ дамъ проводника.

ТЯСМИНСКІЙ (всторону). Со свѣчей... Преупрямая. (Ищетъ предлога остаться) Я настроилъ вамъ фортепьяно, но позабылъ ші ветол, и если вы позволите...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вы шутите, я надѣюсь.

ТЯСМИНСКІЙ. Нисколько. Вотъ посмотрите. (Трогаетъ ноту) А какъ я каждый вечеръ прохожу мимо...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Какой же у васъ вѣжннй, чувствительный слухъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Такой же, какъ сердце.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Аа!

ТЯСМИНСКІЙ. Сердце у меня пренѣжное, пречувствительное... Такъ ужъ отъ природы настроено, и какъ не играйте на немъ, не разстройте. (Ольга Васильевна улыбается). Вы улыбнулись, значить вы меня простили.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Да, я простила вѣтренику, изъ уваженія къ артисту, и не прощаюсь съ вами, а говорю: до свиданія.

ТЯСМИНСКІЙ (обрадованный), Какое счастье!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Разстанетесь же друзьями.... но только разстанетесь.

ТЯСМИНСКИЙ. Такъ скоро!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Но вѣдь уже десять часовъ.

ТЯСМИНСКИЙ (*показывая ей свои часы*). Ваши бѣгутъ. Посмотрите, на моихъ еще только половина четвертаго.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь*). Въ такомъ случаѣ ваши часы отстаютъ немножко.

ТЯСМИНСКИЙ (*съ важностью*). Это подарокъ одного пріятеля, который далъ мнѣ ихъ вмѣсто табакерки...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Послушайте, господинъ Тясминскій, вы артистъ, даровитый артистъ, я это знаю, и потому готова простить вамъ нѣкоторыя странности, но надѣюсь что вы не употребите во зло мою снисходительность.

ТЯСМИНСКИЙ (*смущенный*). Разумѣется... повѣрьте...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Катя!

ТЯСМИНСКИЙ (*всторону*). Посвѣти имъ!... Упряма, ужасно упряма!

КАТЯ (*беретъ свечу и идетъ къ дверямъ*). У! да какой дождь; какъ изъ ведра (*возвращается налевою сторону*).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Дождь?

ТЯСМИНСКИЙ (*всторону*). Прекрасно! (*Вслухъ*). Позвольте же мнѣ остаться еще нѣсколько минутъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Однако жъ...

ТЯСМИНСКИЙ. Я ужасно подверженъ простудѣ вообще и насморкамъ въ особенности.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. И бонтеся за вашу голосъ.

ТЯСМИНСКИЙ. Боюсь.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Въ такомъ случаѣ я велю отвезти васъ въ каретѣ.

ТЯСМИНСКИЙ. Помилуйте! Стоить ли беспокоиться!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*всторону*). Не моя вина, что онъ немного здѣсь останется. (*Вслухъ*) Катя, прикажи заложить карету.

КАТЯ. Слушаю-съ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Да скажи, чтобъ поскорѣе.

КАТЯ. Долго-ли заложить.

ТЯСМИНСКИЙ (*тихо Катѣ*). Пару-то заложить недолго, а ты вели запрячь шестерню.

КАТЯ (*смѣясь, тихо*). Хорошо, ужъ я постараюсь, чтобъ не топились. (*Второну уходя*). Петръ Васильичъ потѣшается верховой

злой, а дья-то его подли здѣсь на выворотъ. (Она уходитъ съ передней, а слуга входитъ, неся подносъ съ чайнымъ приборомъ).

Х.

ТЯСМИНСКІЙ И ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА.

ТЯСМИНСКІЙ (всторону). Надо изгладить впечатлѣніе и поддержать честь русскихъ артистовъ! Покажемъ ей, что и мы бывали въ хорошемъ обществѣ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (приготовляя чай). Садитесь, пожалуйста.

ТЯСМИНСКІЙ Mille graces, madame (Всторону). Ситълье! (облокачивается на стулъ).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (сидя). Вы поете сегодня въ пользу бѣдныхъ.

ТЯСМИНСКІЙ (стараясь быть любезнымъ). Я буду не въ состояніи пѣть.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Отчего-же.

ТЯСМИНСКІЙ Боюсь, что буду пѣть фальшиво, потому-что буду думать о васъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (улыбалась). Пожорно васъ благодарю.

ТЯСМИНСКІЙ. Опять совралъ. Право, не нарочно. (Всторону).

Хорошо же поддерживаю я честь русскихъ артистовъ, нечего сказать.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (всторону). Онъ ужъ слишкомъ откровененъ.

ТЯСМИНСКІЙ (такъ-же). Мнѣ вовсе не пристало прикидываться львомъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (такъ-же). Мнѣ бы хотѣлось однако же знать... (Вслухъ). Мнѣ хочется сдѣлать вамъ вопросъ; извините мою нескромность....

ТЯСМИНСКІЙ. Что прикажете?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Вы вдовецъ?

ТЯСМИНСКІЙ. Вдовецъ? я!.. При всемъ моемъ желаніи, я никакъ не могу быть вдовцомъ, потому-что никогда не былъ женатъ, хотя..

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Что такое?

ТЯСМИНСКІЙ. Виновать... ничего... воспоминаніе...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Но на глазахъ вашихъ слеза!

ТЯСМИНСКІЙ (весело). «И въ глазахъ блеститъ слеза!» У меня есть романсъ на эту слова, посвященный... уже не помню право кому, кажется тому барину, который подарилъ мнѣ часы.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А что значитъ вотъ это извѣстіе, напечатанное въ сегодняшнемъ фельетонѣ.

ТЯОМИНСКІЙ (*береть газету*). О! это очень простая штука. Авторъ фельетона, искренній другъ мой, старается всеми средствами сдѣлать меня знаменитымъ и говорить обо мнѣ каждую недѣлю: на прошлой недѣлѣ онъ сдѣлалъ меня вдовцомъ, на нынѣшней умерялъ, а на будущей пожалуй еще женить.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*вставая*). Стало-быть исторія о прогулкѣ по Днѣпру и смерть молодой жены...

ТЯОМИНСКІЙ. Чистѣйшая выдумка, пріятельская услуга, средство къ пріобрѣтенію извѣстности.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*нѣсколько смущенная*). Вамъ нелегко досталась извѣстность, вамъ трудно было дойти...

ТЯОМИНСКІЙ. До Петербурга, очень трудно, потому-что я пришелъ сюда пѣшкомъ; да и въ Петербургѣ мнѣ было сначала нелегко.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нелегко?

ТЯОМИНСКІЙ. Все это казалось бы мнѣ теперь смѣшнымъ, еслибы не пробуждало во мнѣ воспоминанія, которое всегда заставляетъ меня краснѣть... Но я надоѣдаю вамъ...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нисколько... Продолжайте, пожалуйста.

ТЯОМИНСКІЙ (*смѣясь*). Предупреждаю васъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ровно ничего поэтическаго.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Все-равно.

ТЯОМИНСКІЙ. Прежде всего я долженъ вамъ сказать, что наканунѣ я цѣлый день голодалъ... изъ экономіи, прошелъ верстѣ сорокъ пѣшкомъ и чувствовалъ волчій аппетитъ... Я всячески старался увѣрить себя, что мнѣ вовсе не хочется ѣсть, но это не помогло; тогда, вида, что ни прохожіе, ни торговцы въ милотивныхъ лавкахъ, около которыхъ я тогда гулялъ, не приглашаютъ меня откушать, я рѣшился отправиться къ одному господину, единственной моей надеждѣ въ цѣломъ Петербургѣ. Господиномъ этотъ былъ очень толстъ, имѣлъ двухъ дочерей, два дома и двойной подбородокъ. Когда я пришелъ къ нему, то столъ былъ уже накрытъ, и въ комнатѣ нахло ростбифомъ, да вѣдь какъ пахло!.. Запахъ этотъ преслѣдовалъ меня до кабинета толстаго господина. Онъ что-то сталъ говорить мнѣ, говорилъ очень много, но я, какъ вы можете себя представить, не совсѣмъ конниалъ его. Вдругъ онъ произнесъ знакомое мнѣ имя, имя моей матери, умершей въ бѣдности, забытой своими близкими, которые не хотѣли прѣстить ей бракъ съ моимъ отцемъ... Господиномъ съ двойнымъ подбородкомъ порицалъ его поведеніе говоря, что она оскорбляла своихъ замужествомъ всю свою фамилію,

Онъ оскорблялъ память моей матери, а я молчала!.. Такъ прошло пять минутъ, въ шестую я опомнился, но зато господинъ съ двойнымъ подбородкомъ обезпаятълъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Отчего-же это?

ТЯСМИНСКІЙ. Въ-слѣдствіе ужаснѣйшаго удара кулакомъ, который я поразилъ его въ самую макушку.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*забывшись*). Вы прекрасно сдѣлали (*Слушается и потупляетъ глаза*).

ТЯСМИНСКІЙ. Я послѣ часто упрекалъ себя, что не тотчасъ же заставилъ его замолчать. Простите меня, пожалуйста, за эту глупую исторію, которая не можетъ интересовать васъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Глуую! Въ ней ничего нѣтъ глуаго... Чтo можетъ быть интереснѣе разказовъ о жизни, полной страданій и лишеній? (*Возвращается къ столу, на которомъ чай*).

ТЯСМИНСКІЙ. Какъ вы добры! (*Смотритъ на Ольгу Васильевну, которая приготавливаетъ чай. — Всторону*). Очаровательная женщина!.. Сколько прелести въ каждомъ ея движеніи.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*протыкая ему тарелку*). Не хотите ли сандвичей?

ТЯСМИНСКІЙ. Вы меня балуете.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*садясь*). Такъ вотъ не хотите ли бріюши?

ТЯСМИНСКІЙ (*отказываясь*). Благодарю... (*Улыбаясь*). Въдъ я теперь каждый день обѣдаю.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь, — всторону*). Бѣднажка!

ТЯСМИНСКІЙ (*всторону*). Какая изящная свобода движеній... Какъ она кажется увѣренной въ уваженіи, ею внушаемомъ... Я никакъ не осмѣлюсь сказать ей, что нахожу ее прекрасной. Глупо, право.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А чашку чая?

ТЯСМИНСКІЙ (*садится. Онъ задумчивъ и отвѣчаетъ однимъ только поклономъ. — Всторону*). А если я не воспользуюсь этимъ случаемъ, то другаго, можетъ-быть, и не представится... О! не видать ее больше — значить осудить себя на безконечную печаль.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*которой начинаетъ становиться неловко*). Дождь пересталъ, кажется.

ТЯСМИНСКІЙ (*разсыянно*). Да, онъ сталъ сильнѣе.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь*). О чемъ вы такъ задумались, что не слышите даже моихъ вопросовъ. Сочиняете?

ТЯСМИНСКІЙ. Ищу мотива.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Въ тѣ-вѣсѣмъ вѣрно?

ТЯСМИНСКІЙ. Почти что такъ. (*Всторону*). Что-же отъ нея, въ са-

момъ-дѣлѣ, робью. Говорить, что счастье приходитъ къ человѣку только разъ въ жизни...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Полноте-же! Вы ужъ не имѣете больше права быть скучнымъ и задумчивымъ: черные дни прошли.

ТЯСМИНСКІЙ. Какъ знать. (*Всторону*). У меня въ рукахъ одно только средство; выбора нѣтъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Но вѣдь вы счастливы теперь?

ТЯСМИНСКІЙ. Счастливъ, но многіе счастливѣе меня... напримѣръ вотъ этотъ господинъ. (*Показываетъ на портретъ*).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. (*холодно*). Прикажите еще чашку?

ТЯСМИНСКІЙ. Позвольте... (*Всторону*). Опять прежній тонъ. Надо ее успокоить. (*Вслушь*). Да, онъ очень счастливъ, потому-что имѣетъ, вѣроятно, друзей...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А у васъ ихъ развѣ нѣтъ?

ТЯСМИНСКІЙ. Клянусь вамъ, что до-сихъ-поръ я еще не зналъ, что такое дружба.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Хотите мою дружбу?

ТЯСМИНСКІЙ (*съ удивленіемъ*). Только дружбу!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*строго*). Чего-же хотите вы?

ТЯСМИНСКІЙ (*спохватясь*). Немного сливокъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Но какимъ образомъ дошли вы до извѣстности, какъ могли вы развить дарованіе, прибрѣсть искусство, не имѣя ни родныхъ, ни друзей, ни покровителей.

ТЯСМИНСКІЙ. Какъ? Я и самъ не знаю. Я сдѣлался артистомъ точно такъ — какъ у насъ, на моей родинѣ, влюбляются.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А какъ у васъ влюбляются.

ТЯСМИНСКІЙ. Вдругъ, въ одно мгновеніе, какъ я теперь.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Что говорите вы? Опомнитесь.

ТЯСМИНСКІЙ. Боже! Какъ вы прекрасны, какъ кротокъ, какъ уютеленъ взглядъ вашъ!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*вставая*). Перестаньте... я позову Катю.

ТЯСМИНСКІЙ (*вставая*). За что-же?... За комплиментъ, за два слова любезности. Но вѣдь подобныя слова говорятся ежедневно тысячѣ прекрасныхъ женщинъ, а они не зовутъ Катю.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Будьте же благоразумны... прошу васъ... говорите какъ всѣ...

ТЯСМИНСКІЙ. Да вѣдь я такъ и говорю... Развѣ всѣ не говорятъ вамъ, что вы восхитительны? (*Ольга Васильевна протягиваетъ руку къ колокольчику*).

ТЯСМИНСКІЙ. О! радъ Бога!...

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Будьте-же осторожныѣ.

ТЯСМИНСКІЙ. Вы хотите, чтобъ я говорилъ какъ всѣ... да вѣдь это очень трудно.... Хотите говорить о политикѣ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. О, нѣтъ! я въ ней ничего не понимаю.

ТЯСМИНСКІЙ. О музыкѣ!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Это скучно.... надоѣло.

ТЯСМИНСКІЙ. Такъ о погодѣ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Еще скучнѣй!

ТЯСМИНСКІЙ. Давайте говорить о лошадяхъ, рысакгахъ, скакунгахъ, скачкахъ, борзыхъ и гончихъ собакахъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. О! нѣтъ, нѣтъ, Петръ Васильичъ.... (*Остается*).

ТЯСМИНСКІЙ. А! понимаю, и этотъ предметъ разговора надоѣлъ вамъ, потому-что Петръ Васильичъ Лебедянскій объ этомъ только и говорить. . Онъ долженъ быть очень забавенъ....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*нѣсколько оскорбленная*). Прощу васъ....

ТЯСМИНСКІЙ. Не правда-ли, что Лебедянскій часто наводитъ на васъ скуку? Мнѣ то вы можете признаться, потому-что я и нѣтъ онъ ужасно надоѣлъ, а я еще и не знаю его.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Еще разъ прощу васъ....

ТЯСМИНСКІЙ. О! простите, простите меня! но я не могу молчать! Вы такъ прекрасны, такъ добры.... и хотите быть его женою, женою этого наѣзника Это невозможно.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*съ гнѣвомъ*). Вы съ ума сошли!...

ТЯСМИНСКІЙ. Не развѣ вы сами не знаете, что Лебедянскій уморитъ васъ.... вы умрете съ нимъ отъ тоски и скуки, непременно умрете, потому-что онъ вѣдь не человекъ, не русскій, онъ англичанинъ.... Онъ цѣлый день будетъ говорить вамъ о скакунгахъ, жокеехъ, стипль-чесахъ, джентельменъ-рейдерсахъ, ростбифѣ, бифтексѣ, джинѣ, пуншѣ и тому подобномъ. Онъ будетъ проводить жизнь свою въ конюшнѣ, съ лошадьми и конюхами, а о васъ забудетъ.... промѣняетъ васъ на какую-нибудь Леди Анну, на Полкана или Бычка и кончитъ тѣмъ, что, какъ истинный англичанинъ, размозжитъ себѣ черенъ съ отчаянія, что какой-нибудь мосоловскій скакунъ обскочетъ на полъ-головы его Фицъ-Роя....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбаясь*). Вы очень забавны, право, и я готова бы смѣяться....

ТЯСМИНСКІЙ. Вамъ смѣшно, а мнѣ... Не знаю, что со мной дѣлается, но мнѣ какъ-то тяжело на сердцѣ, точно такое воспоминаше

сжимаетъ его. Смяните, смяните мнѣ хоть одно слово, подайте хоть взглядомъ надежду....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*жолодно*). Спойте мнѣ одинъ изъ вашихъ романсовъ, г. Тясминскій.

ТЯСМИНСКІЙ. Извольте, я буду пѣть. (*Въ сторону*). Это приведетъ къ тому-же. (*Поетъ*)

Ольга, мнѣ довольно полуслова!
Ольга, мнѣ довольно полувзгляда!
Вѣрять и любить душа готова;
И любви она и вѣрѣ рада....

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*растроганная*). Это нехорошо.... вы дурно поступаете.

ТЯСМИНСКІЙ. Вѣдь вы сами приказали мнѣ пѣть.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Теперь я вамъ запрещаю.... Романсъ преглупый, пресмѣшной.... что за слова, что за музыка!

ТЯСМИНСКІЙ. И слова и музыка моего сочиненія.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Уйдите! прошу васъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Я оскорбилъ васъ,.. простите... я раскаиваюсь... но все-таки люблю васъ, да я люблю васъ, и въ этомъ не раскаиваюсь.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Довольно!

ТЯСМИНСКІЙ. Хотите, я буду пѣть?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Второй куплетъ?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Нѣтъ.

ТЯСМИНСКІЙ. Если не понравится, третьяго куплета я пѣть не буду. (*Поетъ*).

Другъ мой, утренній мнѣ не надо
Это счастье такъ свежо и ново...
Ольга, мнѣ довольно полувзгляда,
Ольга, мнѣ довольно полуслова.

(*Ольга Васильевна, растроганная, нѣсколько отходитъ*).

ТЯСМИНСКІЙ. Ольга!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Не называйте меня никогда Ольгой, слышите-ли, никогда! Я не принадлежу себѣ... я дала слово...

ТЯСМИНСКІЙ. Не держите.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Забудьте сегодняшний вечеръ... забудьте меня...

ТЯСМИНСКІЙ. Забыть васъ! Да развѣ я могу? Чѣмъ больше я смотрю на васъ, чѣмъ больше я васъ слушаю, тѣмъ яснѣе, понятнѣе становится мнѣ то чувство, которое овладѣло мной при первомъ взглядѣ на васъ;

въ вась воскресло для меня видѣніе первыхъ дней моей юности... Да...
ея таія, ея голось... она!... А между тѣмъ вы!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*невольно растроганная*). Гдѣ-же явились
вамъ это видѣніе?

ТЯСМИНСКІЙ. На родинѣ, въ Малороссіи.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Въ Малороссіи!

ТЯСМИНСКІЙ. Да, вѣдь я и не рассказывалъ вамъ этого... Я началъ
мою исторію съ конца... Я малороссъ, сударыня, *изъ-подъ Полтавы*,
какъ говорятъ у насъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*всторону*). Боже мой!

ТЯСМИНСКІЙ. Однажды... въ одинъ бурный, ненастный вечеръ, въ
нашъ скромный домикъ заѣхала одна богатая сосѣдняя помѣщица, застиг-
нутая бурей во-время прогулки. Она заблудилась и попала въ деревню,
въ которой отецъ мой былъ управляющимъ. Отецъ мой предлагалъ ей
провести у насъ ночь; я уступилъ ей мою комнату, лучшую въ домѣ,
и цѣлую ночь пѣлъ ей, по ея просьбѣ, ни разу впрочемъ не взглянувъ
ей въ лицо.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Отъ чего-же?

ТЯСМИНСКІЙ. Я любилъ одну дѣвушку, она была моею невестой,
по предпочла мнѣ богатство, бросила меня и вышла за другаго...
Теперь она раскаивается, можетъ-быть, въ своемъ поступкѣ, потому-
что и ее обманули, но я не могъ простить ей... и хотѣлъ избѣгать
женщинъ, чтобъ еще разъ не сдѣлаться ихъ жертвою.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*растроганная*). А та женщина, которая про-
вела ночь въ домѣ вашего отца?

ТЯСМИНСКІЙ. Она также уѣхала... но у меня есть память о ней,
вещь, которую она забыла въ моей комнатѣ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Что жъ это за вещь?

ТЯСМИНСКІЙ. Бриліантовая серьга... вотъ она.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*всторону*). Это былъ онъ.

ТЯСМИНСКІЙ (*весело*). Я никогда съ ней не разставался, сохранилъ
ее, хотя пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ, почти какъ нищій...
Остальное вамъ извѣстно. Я сталъ трудиться съ упорствомъ и настой-
чивостію малоросса, и вотъ, въ короткое время, сталъ тѣмъ, что я те-
перь... Я почти богатъ, за сочиненія мои платятъ мнѣ дорого. (*Смѣясь*).
Хотя ни одинъ издатель не хотѣлъ до-сихъ-поръ купить колыбельной
пѣсенки, которой я убаюкивалъ когда-то мою незнакомку. (*Поетъ*).

Ты для меня душа и сила,

Ты для меня огонь святой,

Ты жваня мнѣ новую открыла...
Спи, ангелъ мой, спи, Богъ съ тобой!

Вы видите, что пѣсенка незамысловатая, а люблю я ее больше всего, что написалъ. (*Утираетъ слезу и старается разсмѣяться*). Извините меня, я плачу какъ ребенокъ; это глупо, не правда ли? (*Видя, что и Ольга Васильевна утираетъ слезы*). И вы, вы также плачете?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Я? нич... ничего... (*Съ усиленіемъ*). Прощайте, прощайте. (*Идетъ къ дверямъ и встрѣчается съ Катей*).

XI.

ТЯСНЯ = КАТЯ.

КАТЯ (*держитъ два письма*). Жюкей Петра Васильича привезъ письмо къ вамъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Подай (*распечатываетъ письмо несмотря на конвертъ*). «Другъ мой Лизочка, не могу быть сегодня у тебя, но завтра я весь твой... (*Говоритъ*). Что это такое? (*Смотритъ на конвертъ*). «Елизаветъ Николаевнѣ Рошннѣ». (*Говоритъ*). Это не мнѣ. (*Сухо*). Катя, вели отдать по адресу.

ТЯСНИНСКІЙ. Спасибо Катя. (*Катя уходитъ*).

XII.

ТЯСНИНСКІЙ (*съ радостію*). Все кончено съ Лебедянскимъ, не правда ли?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Кажется.

ТЯСНИНСКІЙ. Что же теперь?

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*съ чувствомъ*). Теперь мы можемъ спѣть второй куплетъ колыбельной пѣсенки (*напѣваетъ*).

Ты сердце мнѣ раскрыла
Ключемъ любви святой...

ТЯСНИНСКІЙ (*удивленный*). Какъ! Вы знаете... Объясните, ради Бога! Одно слово... одно только слово.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (*отдаетъ ему другую серьгу, которую беретъ въ ящичекъ на этажеркѣ*). Вотъ другая серьга, вмѣсто отвѣта.

ТЯСНИНСКІЙ (*радостно*). Вы! Вы сударыня!.. Ольга!

Ольга. (Осыпает поцелуями руку Ольги Васильевны. Слышен голос Кати).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Переставьте! Катя идетъ. (Блѣзжитъ къ фортепиано и играетъ шумную польку).

XIII.

ТЯСМИ И КАТЯ.

ТЯСМИНСКІЙ (бьетъ рукою тактъ). Тихе, тихе! piano! pianissimo! (Всторону). Талейранъ сказалъ, что слова даны человѣку, чтобъ скрывать мысли, а я могу сказать, что полька скрываетъ мысль еще лучше словъ.

Катя. Карета готова.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Хорошо. (Встаетъ и церемонно прислѣдуетъ). Прощайте....

ТЯСМИНСКІЙ (низко кланяясь). Такъ какъ вамъ угодно, чтобъ я училъ васъ пѣть, то я завтра же явлюсь дать первый урокъ.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (потупивъ глаза). Я буду ждать.

ТЯСМИНСКІЙ. Но предупреждаю васъ, учарыня, что если вы хотите учиться серьезно, то необходимо два урока въ день.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. А!

ТЯСМИНСКІЙ. По три часа каждый.

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Неужели?

ТЯСМИНСКІЙ. По-крайней-мѣрѣ... (Кланяется). Очевъ сожалею, что долженъ проститься съ вами, но меня ждутъ въ вокзалѣ. (Кланяется).

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА. Катя!

ТЯСМИНСКІЙ (улыбаясь, вполголоса). Посвѣти мнѣ!

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА (улыбается, Тясминскій уходитъ. Ольга Васильевна подходитъ къ окну и открываетъ его, подь окномъ раздается голосъ Тясминскаго, поющій:

Да, еслибъ даже лечь въ могилу,
Велѣль мнѣ чудный голосъ твой,
Охотно-бъ умеръ я, другъ милый,
Спи, ангель мой, спи, Богъ съ тобой!

ОГЛАВЛЕНИЕ VII ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ. Повесть въ стихахъ *Н. Д. Хвощинской*. Часть первая. (Кн. 1).

НИХАЙЛО ФЛЕЙТРАВЕРСОВЪ. Разказы *В. А. Каприцкого*. (Кн. 1).

ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ. Повесть въ стихахъ *Н. Д. Хвощинской*. Часть первая. (Кн. 2)

ЦЫГАНКА. Повесть *Н. С. Юрьевой*. (Кн. 2).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ. Статья *В. Толбина*. (Кн. 1).

ИЗУЩЕСТВА И ВЫСТАВКА 1852 года въ Англии. Статья *Д. Г. Дарле*. (Кн. 2).

ЖУРНАЛЫ.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗЪ ЖИЗНИ ДИОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Дикенсомъ*. (Кн. 1).

ПУТЕШЕСТВИЕ ЛОРДА БАЙРОМА въ Корсику и Сардинію. Изъ неизданныхъ записокъ Бенсона, измеченное *А. И. Бибиковой*. (Кн. 2).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ТАРАСЪ БУЛЬБА, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, заимствованная изъ известной повѣсти *Гоголя*. (Кн. 1).

СУМАСШЕДШАЯ АКТРИСА или **ЖЕННХЪ И ХЛОРОФОРМЪ**, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Крестовскаго*. (Кн. 1).

МУЖЪ НЕ МУЖЪ, ЖЕНА НЕ ЖЕНА. Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ г. *Тарновскаго и Руднева*. Бенефисъ г-жи *Сосницкой*. (Кн. 1).

ЛЕКАРЬ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *Г. Воллярярскаго*. (Кн. 1).

ТОСКА И СМѢХЪ, драматическій капризъ *его-же*. (Кн. 1).

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ГОСТИННИЦА, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. *И. Карелина*. Бенефисъ г. *Самойлова*. (Кн. 1).

ЕРМИЛЪ ИВАНОВИЧЪ КОСТРОВЪ, драма въ пяти дѣйствіяхъ и шести картинахъ, въ стихахъ, соч. *Н. В. Кукольника*. (Кн. 1).

ИНВАЛИДЪ, опера въ одномъ дѣйствіи, слова и музыка *Юрія Арнольда*. (Кн. 1).

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ, драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, переводъ съ французскаго, г. *Василько-Петрова*. (Кн. 2).

СПЕРВА СКОНЧАЛИСЬ, ПОТОМЪ ПОВѢНЧАЛИСЬ, водевиль въ 2 картинахъ, соч. *Максимова З.* Бенефисъ г. *Максимова А.* (Кн. 2).

НИ ТОТЪ, НИ ДРУГОЙ, комедія въ 1 дѣйствіи. Соч. *Графини Растопчиной*. (Кн. 2).

АМИШКА. Водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *П. С. Оедоровымъ*. (Кн. 2).

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Кн. 2).

ПЕРВЫЙ РУССКІЙ ХОРОВОДЪ, вмѣсто дивертиссемена, соч. г. *Сухонина*. Бенефисъ *Мартинова А.* (Кн. 2).

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Причины успѣха пьесъ въ бенефисъ и паденія въ послѣдствіи представленія и на оборотъ.—Нѣсколько словъ о бенефисѣ г-жи Сосницкой, вмѣсто предисловія къ французскимъ бенефисамъ.—«Замокъ Грантъ».—Возобновленные пьесы въ октябрѣ. — *Le démon du foyer*. — Бене-

фисъ г. Пейсара.—«Дананды». — «Избавитель». — «Бенвенуто Челлини».—Г. Руже и его бенефисъ.—Пьесы изъ парижской жизни.—Новыя пьесы въ декабрѣ.—«Королева, кардиналъ и папъ».—Новые водевили. — «Парижъ събѣожійся и плачущій». — «Альпійская пастушка».—(Кн. 1).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о Тифлисскомъ театрѣ.—Его балетная труппа.—Г-жа Чинова въ роли Сильфиды.—Опера.—Театръ въ Херсонѣ: Пріѣздъ труппы г. Бурмицкаго.—Первые спектакли.—Бенефисъ Бушено.—Еще о Херсонскомъ театрѣ.—Новые артисты въ труппѣ Бурмицкаго.—Театръ въ Костромѣ.—Г. Рыбаковъ.—Дочучаевы.—(Кн. 1).

ОБЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа;* отъ 19/31 декабря, 1852 года.

Новыя названія главныхъ парижскихъ театровъ.—Привиллегія, данная Драматической Гимназіи.—Несчастіе съ театромъ Водевилья.—Открытие Итальянской Оперы.—Отелло.—Крувелли, Белетти, Беттини и Кальцолари.—Сомнамбула.—Г-жа Бельтрамелли.—Театръ Комической Оперы: Первое представленіе «Удольфскихъ Тайнъ», оперы въ 3 дѣйствіяхъ, слова Скриба и Жермена Делавина, музыка Клаписсона.—Лирическій театръ: Первые представленія «Кильморской Фермы», ком. оперы въ 2 д., слова гг. Дели и Вѣстина, музыка г. Вернея, и «Трубача Гильери» ком. оперы въ 2 д., слова Бевена и де-Боплана, музыка г. Сарменто.—Письмо изъ Веймара о Берлиозѣ.—Первый французскій театръ: «Сулливанъ», комедія въ 3 д., въ прозѣ, г. Меллевиля.—Одеонъ: «Ришль», драма въ 5 д., въ стихахъ, г. Пелліона; «Величіе и паденіе Жозефа Прюдома», комедія въ 5 д., въ прозѣ, г. Генриха Монье и Гюстава Вацца.—«Четыре угла», комед. въ 1 д., Леона Батю.—Нѣсколько словъ о Генрихѣ Монье.—Театръ Драматической Гимназіи: «Мужъ, которому нечего дѣлать», комедія-водевиль гг. Фурнье и Лорансена.—«Матужкинъ сынокъ», комедія-водевиль Баяра и Бьевиля.—Театръ Разнообразія: «Таконнѣ», водевиль въ 5 д., соч. Бери и Клервиля.—Театръ Веселости: «Альпійская пастушка», драма въ 5 д. гг., Шарля Денойе и Деннери.—(Кн. 1).

ФРАНЦІЯ. *Письмо изъ Парижа;* отъ 30/9 января 1853 года.

Общій взглядъ на парижскіе театры въ прошедшемъ 1852 году.—Чи-

IV

сло новыя пьесы и суммы, выроченныя першменны театраны. — Исторія съ оперой Верди «Эрнани», и нѣсколько словъ, по случаю этой исторіи, о законѣ касательно драматической собственности. — «Орфа», новый балетъ гг. Мазилье и Адольфа Адэма. — Нѣсколько словъ о комическихъ операхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ разбойники, и о новой оперѣ гг. Скриба и Обера «Марко Спада». — «Табарень»; комическая опера въ 2 дѣйствіяхъ, гг. Альбуаза и Бускэ. — «Сердце и приданое», комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ. соч. г. Фелисьена Мальвиля. — «Фаридондена», драма гг. Дюнета и Бурже, съ музыкой гг. Адольфа и Гроота. — «Хижина ляди Тома», драма въ 8 дѣйствіяхъ, гг. Дюмануара и д'Эннери — (Кн. 2).

АНГЛІЯ. *Письмо изъ Лондона.* (Кн. 2).

СМЪСЬ.

СТРАНСТВОВАНІЕ ПО СУШѢ И МОРЕЯМЪ. Листки изъ записокъ бывалаго челоуѣка. Собранныя В. Савиновымъ. (Кн. 1).

САМЦТРО. Плясъ трагедіи, разказанной артиллерійскимъ капитаномъ, Наполеономъ Бонапарте. (Кн. 1).

НОВЪ ЗНАКОМСТВО СЪ ГОСМАНОМЪ. Разказъ изъ путевыхъ записокъ Э. Скорни. (Кн. 1).

ДВА МѢСЯЦА ВЪ ПУСТЫНѢ. Н. Андреллова. (Кн. 2).

ЗЕЛОТОНЪ КЛЮЧЪ. Октава Фелье. (Кн. 2).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Ибнъ-Цаферъ, арабскій писатель XII вѣка — Лекція Сень-Марка-Жирардена о сочиненіяхъ Жанъ-Жака Руссо. — **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Актриса Марсъ. — Африканскій Росцій. — Римская пѣвица. — Отношеніе между театрами и народонаселеніемъ въ Парижѣ и Лондонѣ. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Новыя воздушныя машины. — Дюпотонный ландшафтъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ И НОВОСТИ.** — Альбомъ гантскаго двора. — Поклоненіе змѣямъ въ Сіамѣ. — Роковыя сабли. — Письмо изъ пасти тигра. — Египетская повѣсть. — Пожары въ Константинополѣ. — Обманутый брилліантъчикъ. — Печальный случай. — Кристалльный дворецъ въ Нью-Йоркѣ. — Человѣческія судьбы. — Старинная ошибка въ прависаиш. — Шлалеръ, какъ противникъ баловъ. — Барышъ отъ торговли

оніумомъ.—Наказаніе за жестокое обращеніе съ животными.—Высочайшій городъ на землѣ.—Новыя блестящія моды.—Разговоры милліонеровъ.—Семейства англійскихъ поетовъ.—Воспитаніе дѣвушекъ въ Сѣверной-Америкѣ.—Константинопольскій базаръ.—(Кн. 4).

ЛИТЕРАТУРА.—Отель Рамбулье.—Фантастическая литература въ Германіи послѣ Гофмана.—Парижскія женщины.—Тетушка Меря.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**—Десятый солнечный лучъ.—Годовое донесеніе германскаго общества переселеніи и колонизація.—**КРАТКІЕ РАСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.**—Кто перехитритъ.—Опасный дуэлянтъ.—Африканскіе праздники.—Мода выше красоты.—Письмо Софіи Арну.—Скорбь отца.—Отчего у негровъ бѣлы зубы.—Отчего бабочки летать на огонь и сжигаютъ крылушки.—(Кн. 2).

МОСКОВСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

Прелюдія имброджіо.—Художественная выставка въ Училищѣ живописи и ваянія, и нѣкоторыя впечатлѣнія, ею вызванныя.—Отзывъ о выставкѣ Карпа Федосѣича, и разговоръ о нѣкоторыхъ московскихъ новостяхъ.—Еще выставки картинъ, зѣвиринецъ, панорама и проч.—Новая колокольня Страшнаго монастыря.—Биографическія извѣстія: продолженіе прежнихъ изданій, новыя книги, новое изданіе.—Газеты и «Москвитининъ» № 24.—Театры: оживленіе ихъ, новыя пьесы русской и французской сцены; новый балетъ.—Два слова о двухъ концертахъ.—Обращеніе къ читателю.—(Кн. 4).

Обстоятельная повѣсть о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день Нового-года прежде, почему не проводитъ его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній.—Къ *Тройкѣ* Сверчкова.—Разныя новости: воспоминаніе о Баклагѣ, возбужденное однимъ ученымъ фельетонистомъ.—Нынѣшнія трючныя катанья.—Маскерады: по образчику маскеральныхъ сценъ и маскеральныхъ разговоровъ.—Ярмарка въ пользу бѣдныхъ.—Музыкальныя утра г. Сакса.—Прочія музыкальныя вѣсти.—Панорамы, и проч.—Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозлана; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дьяковъ въ *Жизни игрока*; остальные новости, новыя пьесы русскія, новый балетъ и замѣчательнѣйшая новость французской сцены.—Литература: 15 книга *Временника*.—*Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина», о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей».—Два слова о *магазинѣ моды и рукодѣльи* г-жи Кошелоховской.—(Кн. 2).

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Нѣсколько словъ о Вѣстникѣ. — Похожъ-ли онъ на фельетоны другихъ газетъ и журналовъ. — Цѣль и назначеніе Вѣстника. — «Отечественныя Записки». — Богатство замѣчательныхъ статей. — *Нѣсколько лѣтнихъ дней* В. Крестовскаго. — Переводъ *Иліады*. — Г. Ордынский и его статьи. — Какимъ языкомъ должно переводить Гомера. — Простой и простонародный языкъ. — Усѣченныя прилагательныя, странныя выраженія, тривіальности и провинціализмы. — Необходимость изученія Областнаго Словаря для пониманія перевода *Иліады*. — Правописаніе собственныхъ именъ. — Статья г. Забѣлина. *В. А. Жуковский. — Русская Литература въ 1852 году.* — Война противъ фельетонистовъ. — Уклончивость «Отечественныхъ Записокъ». — Г. Небольсинъ и Мещенатинъ. — Иностранная Литература и Смѣсь. — Сюрпризъ къ Новому году: десятая книжка «Сына Отечества». — Повѣсть о молодомъ челоѣкѣ, написанная молодой дѣвицей. — Некрологъ: В. А. Волыарскій. — **II. НОВЫЯ КНИГИ:** Театралы разныхъ возрастовъ. — Путешествія по Волгѣ, въ Америку и во всѣ страны свѣта, до Новой-Деревни включительно. — Дѣтство, молодость и послѣдніе дни знаменитаго поэта. — **III. МУЗЫКА:** Нѣсколько словъ о пѣніи вообще и о пѣніи г-жи Віардо-Гарсинъ въ особенності. — Дебютъ ея въ Итальянской Оперѣ. — Пѣвца Клара Добре — права ея на извѣстность. — Концертъ г. Рубинштейна. — Его сонаты. — Г. Всеволодъ Мауреръ и о скрипачахъ вообще. — Злоупотребленія солистовъ. — Концертъ г. Контскаго. — Еще фантазій. — «Воспоминанія изъ Дона Паскале и новая мазурка» Контскаго. — Совый инструментъ, изобрѣнія г. Кажинскаго. — Предстоящіе концерты дѣтскихъ црїютовъ и г. Бальфе. — Наша филантропія. — Сигизмундъ Штеръ и его «Теорія музыки». — Появленіе новаго Варламова. — Новыя музыкальныя изданія. — **IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:** Оригинальность «Пантеона» и автора этихъ строкъ. — Праздники по поводу столѣтія Морскаго Кадетскаго Корпуса. — Литературное утро г. Гилью. — Стихи г-жѣ Волинскъ. — Общественныя увеселенія. Горы и музыка. — Театральныя слухи и вѣсти. — Дагерротипы г. Левицкаго. — Юбилей торговаго дома барона Штиглица и Ко. — Моды. — (Кн. 1).

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Январская и февральская книги «Библиотеки для Чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библиотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г. Сенковскій и его литературная лѣтопись. — Ингородный Подписчикъ, его самовосхваленіе и самонадѣянность, способч-

ность и рѣзкость, выраженія.—Вліяніе либретта итальянскихъ оперъ.— Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ». — Ты сердился, значить ты не правъ.—Недостатокъ логической послѣдовательности.— Новый Поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика.—Коме- маръ Новаго Поэта.—Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ.—Страсть къ пародіямъ.—Замѣтки пустаго чело- вѣка.—*Рыженская* г. Соколова.—*Раздѣль* г. Писемскаго.—Стихотворенія.— Переводы изъ Гейне.—Гг. Некрасовъ и Майковъ.—Серьозныя статьи.— Г. Гаевскій.— Два путешествія: поэтическое въ Италію и прозаическое въ Крымъ.—Ермилъ Ивановичъ Костровъ.—Слабая сторона драмы и слабые стихи.—Сердце съ перегородками.—Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ.—Романъ *Сосѣдъ*, разобранный самою «Библіотекою для Чтенія». — П. **НОВЫЯ КНИГИ**: *Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году*, составлен- ная по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Часть I, соч. генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. Части II, III, IV и V-я сочиненіе полковника Милютина.—Ш. **МУЗЫКА**: Еще нѣсколько словъ о фельетонахъ.—Неосновательная критика.— Уловка для наполненія статьи.—Противурѣчія Замѣтокъ Петербург- скихъ Вѣдомостей.—Шутка г. Дамке.—Концерты: г-жа Добре.— Г-жа Шоберлехнеръ.—Воспоминанія старины.—Г. Бальфе.— При- страстіе къ толкамъ.—Музыка Бальфе.—Нѣсколько словъ о Вер- ди.—Статья Скудо.—Риголетто.—Концертъ г. Волажа.—Благотво- рительность.—Концертъ въ пользу Убѣжища Варсѣлыхъ Дѣвицъ.— Г. Дмитріевъ-Свѣчинъ.—Г-жа Паризъ-Альварсъ.—IV. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Новый поэтъ и нѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ.— Три стихотворенія.—Театральныя слухи и новости.—Учрежденіе въ Петербургѣ шахматнаго клуба.—Моды.—(Кн. 2).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ТОСКА И СМѢХЪ. Капризъ *Василья Воллярлярскаго*.

СОЛДАТЪ БАЛАГУРЪ или ДРУЖБА ДРУЖБОЙ, А СЛУЖБА СЛУЖБОЙ. Націо- нальный водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. И. Григорьева 1-го* (Кн. 1).

АНИШКА. Комедія-водевилъ, въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Федорова*.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Комедія въ одномъ дѣйствіи съ пѣніемъ. *Ю. Пе- сковскаго*. (Кн. 2).

1879

...

...

...

...

...

...

...

...

...

...

Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Обстоятельная повѣсть о томъ, какъ корреспондентъ «Пантеона» проводилъ день новаго года прежде, почему не проводитъ его также теперь, и какъ встрѣтилъ нынѣшній. — Къ *Тройкѣ* г. Сверткова. — Разныя новости: воспоминаніе о Бакалѣ, возбужденное однимъ ученымъ фельетонистомъ. — Нынѣшнія тріичныя катанья. — Маскерады: по образчику маскерадныхъ сценъ и маскерадныхъ разговоровъ. — Ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Музыкальные утра г. Сакса. — Прочія музыкальныя вѣсти. — Панорамы, и проч. — Театральное: апологъ изъ г. Леона Гозлана; воспоминаніе о Мочаловѣ; г. Дьяковъ въ *Жизни игрока*; остальныя новости, новыя пьесы русскія, новый балетъ и замѣчательнѣйшая новость французской сцены. — Литература: 15 книга *Временника*. — *Указатель Московской губерніи*; кое-что еще: три послѣднія книжки «Москвитянина»; о двухъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Два слова о *магазинѣ модъ и рукодѣльи* г-жи Кошелевской.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Январская и февральская книги «Библиотеки для Чтенія» и «Современника». — Фельетонисты этихъ журналовъ. — Фельетонный взглядъ на литературу. — Направленіе «Библиотеки для Чтенія» прежнихъ годовъ. — Г. Сенковский и его Литературная летопись. — Иногородный Подписчикъ, его самовосхваленіе и самонадѣянность, снобичность и рѣзкость выраженія. — Вліяніе либретта итальянскихъ оперъ. — Возстаніе на критику «Отечественныхъ Записокъ». — Ты сердисься, значить ты не правъ — Недостатокъ логической послѣдовательности. — Новый Поэтъ и его различіе отъ Иногороднаго Подписчика. — Кошмаръ Новаго Поэта — Новый способъ писать стихи и благодарить своихъ сотрудниковъ. — Страсть къ пародіямъ. — Замѣтки пустаго человѣка. — *Рыженская* г. Соколова. — *Раздѣль* г. Писемскаго. — Стихотворенія. — Переводы изъ Гейне. — Гг. Некрасовъ и Майковъ. — Серьезныя статьи. — Г. Гаевскій. — два путешествія: поэтическое въ Италію и прозаическое въ Крымъ. — Ермилъ Ивановичъ Костровъ. — Слабая сторона драмы и слабыя стихи. — Сердце съ перегородками. — Вопросъ гг. редакторовъ журналовъ. — Романъ *Сосѣдь*, разобранный самою «Библиотекою для Чтенія».

II. НОВЫЕ КНИГИ:

Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе Императора Павла I въ 1799 году, составленная по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Часть I, соч. генераль-лейтенанта Михайловскаго-Давилевскаго. Части II, III, IV и V — сочиненіе полковника Милютина.

III. МУЗЫКА:

Еще нѣсколько словъ о фельетонахъ. — Неосновательная критика. — Уловка для наполненія статьи. — Противорѣчія Замѣтокъ Петербургскихъ Вѣдомостей. — Шутка г. Дамке. — Концерты: г-жа Добре. — Г-жа Шоберлехнеръ. — Воспоминанія старины. — Г. Балье. — Пристрастіе къ толкамъ. — Музыка Балье. — Нѣсколько словъ о Верди. — Статья Скудо. — Риголетта. — Концертъ г. Воланжа. — Благотворительность. — Концертъ въ пользу Убѣжца Взрослыхъ Дѣвицъ. — Г. Дмитриевъ-Свѣчинъ. — Г. Паринъ-Альваръ.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Новый поэтъ и нѣсколько словъ о поэзіи, по поводу обезьянъ. — Три стихотворенія — Театральныя слухи и новости. — Учрежденіе въ Петербургѣ шахматнаго клуба. Моды.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 2.

АМНИШКА. Комедія-водевиль, въ одномъ дѣйствіи. *П. Фодорова.*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ. Комедія въ одномъ дѣйствіи съ пѣніемъ. *Ю. Песковского.*

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Музыка: **КАДРИЛЬ** изъ новой Мейерберовой оперы. **ОСАДЫ ГЕНТА.** Составленный **О. Н. ДЮТЧЕМЪ.**

2. Портретъ танцовщицы **КАРЛОТТЫ ГРИЗИ.**

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. За подписку же, *принятую въ другихъ мѣстахъ*, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, со **ВСѢМИ ОБЪЯЗАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ**.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ *Лыткина*.

54 32

